ТЕОРІЯ И ПРАКТИКА БАНКОВАГО ДѢЛА

HG
153

I

# КРЕДИТЪ, БАНКИ

И

# ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНІЕ.

И. И. КАУФМАНА.

БИБЛІОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1873.

Раздѣлъ I. Кредитъ.

стр.
Глава 1. О сферѣ и цѣли Кредита — 1.
Глава 2. Кредитъ и деньги — " — 52.
Глава 3. Кредитъ, производство и спекуляція — 134.

Раздѣлъ II. Банки.

Глава 4. Организація Кредита — " — 231
Глава 5. Источники образованія средствъ кредита — " — " — " — 293
Глава 6. Способы и порядокъ пользованія ссудными средствами — 341.
Глава 7. Способы — непосредственнаго пользованія ссудными средствами — 76.

# РАЗДѢЛЪ I: КРЕДИТЪ.

## ГЛАВА I.

### Основы и цѣли кредита.

1. Что такое кредитъ болѣе или менѣе всякому извѣстно; крайней мѣрѣ такъ полагаетъ каждый, кому приходится имѣть о съ кредитомъ. Гораздо менѣе ясны господствующія понятія омъ, *откуда онъ беретъ свою силу, чѣмъ обусловливается*, чего онъ слагается и какъ образуется. Знаютъ, что кредитъ есть способъ получать цѣнности, безъ немедленной уплаты нихъ; но рѣдко отдаютъ себѣ отчетъ о томъ, какимъ образомъ это новится возможнымъ. Знаютъ, что для кредита необходимо довѣріе; но развѣ существуетъ какое либо торгово-промышленное дѣйствіе, при которомъ довѣріе не было бы необходимо? Вся торгово-промышленная жизнь основывается на непрерывномъ рядѣ соглашеній и уговоровъ между людьми. Но развѣ возможно какое бы то ни было соглашеніе безъ взаимнаго довѣрія? Довѣріе само по себѣ не составляетъ торгово-промышленнаго дѣйствія. Слѣдовательно, чтобъ стать кредитомъ, довѣріе должно получить какое то особое содержаніе, оно должно обставиться особыми условіями. И въ этомъ то содержаніи, да въ этихъ то условіяхъ и будетъ заключаться вся сила. Довѣріе должно само стать какимъ то особымъ и своеобразнымъ. Но отчего такое довѣріе должно необхо-

димо вмѣшаться въ имущественныя отношенія и вызвать рядъ сдѣлокъ, которыя безъ него не состоялись бы? О всѣ сдѣлки производятся на наличныя? Очевидно, что не въ состояніи объяснить именно тѣхъ случаевъ, ко дитъ проявляется въ наиболѣе обширныхъ размѣрахъ да деньги въ громадныхъ суммахъ передаются въ чуж безъ всякаго немедленнаго полученія какихъ бы то ни личныхъ цѣнностей, взамѣнъ отданныхъ. Бѣдность—поня ражающее преимущественно отсутствіе средствъ *для н нія*. Если у меня жить не чѣмъ, тогда я бѣденъ. Но жизнь, т. е. мое потребленіе обезпечено, и у меня не только средствъ на бо́льшіе заработки, на лучшую ж веденіе болѣе обширныхъ оборотовъ, то, очевидно, о говорить уже не приходится. Чѣмъ богаче человѣкъ, тѣ шимъ кредитомъ онъ обыкновенно пользуется; значитъ, зависитъ отъ того, что прямо противоположно бѣдности же обусловливается все-таки то, что даже богат не могутъ уплачивать въ данное время наличными чаемыя ими цѣнности?

2. Очевидно, что причина тутъ можетъ быть толь всѣ тѣ люди, которые вступаютъ другъ съ другомъ въ ственныя сношенія, не всегда въ одно и то же время гаютъ своими средствами въ томъ видѣ, въ которомъ составляютъ *наличное* имущество Въ прежнія времена совокупность имущества исчерпывалась *наличнымъ имущ* тѣмъ, которое у всѣхъ было предъ глазами, которое им *зательное* существованіе. Человѣку вѣрили, что у него имущество, когда онъ его имѣлъ *на лицо*. Но *теперь ственная область расширилась*. Всякое имущество, всегда имѣетъ своимъ источникомъ человѣческую дѣят собственную-ли или чужую, это все равно,—съ неба всякомъ случаѣ, не падаетъ и даромъ не достается. Пр ятельности довѣряли только *послѣ* того, какъ она уж

проявиться въ пріобрѣтенномъ имуществѣ; въ такомъ-то только случаѣ и признавали ея производительность. Имуществомъ и цѣнностью считались только *готовые результаты* дѣятельности, воплотившіе ее въ себя, представлявшіе ее въ осязательномъ вещественномъ видѣ, содержавшіе ее въ себѣ, какъ сбереженіе, и реданное прошлымъ временемъ. Но теперь опытъ научилъ цѣнить дѣятельность и вообще, хотя бы она еще *въ данномъ случаѣ* и не закончилась и не успѣла себя проявить въ готовой цѣнности. Достаточно, если предъидущіе примѣры убѣдительно доказываютъ, что она способна добывать полезные результаты. Такая *дѣятельность, которой полезность признана, цѣнность которой внѣ сомнѣнія, въ настоящее время тоже составляетъ имущество.* Вотъ почему экономическая наука различаетъ двоякаго рода богатства и цѣнности, вещественныя *и личныя.* Ошибочно думать, что толки экономической науки о личномъ богатствѣ народовъ, сословій и отдѣльныхъ людей имѣютъ одно только теоретическое значеніе. Достаточно только перевести нѣсколько отвлеченное выраженіе «личное богатство» на болѣе простой языкъ и замѣнить его выраженіемъ, соотвѣтствующимъ ему на практикѣ, чтобъ убѣдиться въ справедливости теоретическихъ завѣреній На практикѣ мало говорятъ о личномъ богатствѣ; за то много говорятъ о предпріимчивости, о *живой текущей предпріимчивости,* представляющей живыя дѣятельныя силы отдѣльныхъ лицъ, сословій, народовъ и всего образованнаго человѣчества. Прежде, когда успѣхи человѣчества были болѣе медленные, когда отдѣльныя лица, сословія и народы медленно подвигались съ одной ступени развитія на слѣдующую, болѣе высокую, мало было основаній обращать особое вниманіе на ту живую, *всегда* человѣку присущую силу, съ помощью которой онъ и подвигается впередъ Считались только успѣхи, *уже-сдѣланные* и менѣе обращалось вниманія на силу, которою обезпечиваются *дальнѣйшіе* успѣхи, такъ какъ въ послѣднихъ увѣренности не было. Теперь, однако, прогрессивное экономическое движеніе стало такимъ-же обычнымъ и естественнымъ явленіемъ, какимъ представ-

ляется физическій ростъ отдѣльнаго человѣка. Успокоиваться на разъ добытомъ теперь человѣкъ бываетъ готовъ только тогда, когда онъ чувствуетъ, что источникъ его личныхъ силъ изсякъ, что онъ ничего уже не въ состояніи *предпринимать*. Но до тѣхъ поръ, пока онъ еще чувствуетъ въ себѣ предпріимчивость, онъ въ ней усматриваетъ источникъ и основу богатства и благосостоянія. Таково отношеніе каждаго отдѣльнаго человѣка къ своей собственной предпріимчивости. Но если предпріимчивость успѣла доказать на дѣлѣ, что она дѣйствительно можетъ быть источникомъ и основою богатства, то она начинаетъ пріобрѣтать признаніе такового источника не только въ предѣлахъ внутренней жизни каждаго отдѣльнаго человѣка, но и за ними,—*не только въ отношеніяхъ человѣка къ самому себѣ, но и въ его отношеніяхъ къ постороннимъ лицамъ*. Предпріимчивость, устранившая сомнѣнія въ своей производительности, *представляющая основаніе, на которое можное разсчитывать*, какъ на дающее богатство, пріобрѣтаетъ цѣнность не только въ глазахъ лица, качества и силы котораго она представляетъ, *но и въ глазахъ постороннихъ лицъ*. Это значитъ, что она получаетъ цѣнность, не только *для собственнаго употребленія* ея лицомъ, которому она принадлежитъ, но еще сверхъ того и такую цѣнность которая даетъ возможность завязывать *дѣловыя сношенія* (вступать въ обмѣнъ) съ посторонними лицами на ея основаніи. То есть, на ея основаніи человѣкъ можетъ обращаться къ постороннимъ лицамъ за нужными ему цѣнностями, хотя бы у него и не имѣлось наличныхъ средствъ для расплаты: ему дадутъ нужныя цѣнности въ виду того, что его предпріимчивость, если она и не годится для *немедленной* расплаты, то служитъ *источникомъ* средствъ, для того необходимыхъ. Живая текущая предпріимчивость, которая еще совсѣмъ не дала готовыхъ результатовъ, или которая успѣла дать еще только полуготовые результаты, получаетъ для постороннихъ лицъ *торгово-промышленную* (мѣновую) цѣнность, т. е. признаніе полезности и производительности представляемыхъ ею качествъ. Наличное существованіе этой

*производительности* признается и отсюда обезпеченіе возможности являться на рынокъ, *чтобы добывать на немъ* съ ея помощью необходимое, все равно, какъ еслибъ предпріимчивость успѣла уже воплотиться въ готовыхъ полезностяхъ.

На экономическомъ языкѣ возможность пріобрѣтать или добывать необходимое на рынкѣ путемъ обмѣна называется *покупательною силою*. Такимъ образомъ цѣнность, пріобрѣтаемая предпріимчивостью еще до того, какъ окончательно она овеществилась въ совершенно или отчасти готовыхъ результатахъ, выражается въ томъ, что она *становится источникомъ покупательной силы*. Возникаетъ особый видъ покупательной силы, прибавляющійся къ тому, который имѣетъ своимъ основаніемъ богатство наличное, то есть уже овеществившееся и воплощенное въ осязательныхъ полезностяхъ. *Эффективность этого новаго вида покупательной силы и есть одинъ элементъ кредита*. Кредитъ представляетъ, такимъ образомъ, эффективность особаго вида покупательной силы, ставшаго возможнымъ въ настоящее время, благодаря цѣнности, пріобрѣтенной даже предпріимчивостью, которая отчасти или еще вовсе не дала (реализировала) своихъ результатовъ. Обладать кредитомъ значитъ или обладать непосредственно такою предпріимчивостью, которая, не смотря на то, что она еще не дала законныхъ результатовъ, тѣмъ не менѣе имѣетъ признанную производительность, — или-же обладать такою предпріимчивостью косвенно, т. е. имѣть надъ нею власть, имѣть возможность насчетъ ея дѣлать экономическія распоряженія. Давать кредитъ значитъ давать эффективность покупательной силѣ, имѣющей источникомъ подобную предпріимчивость, т. е. признавать ея производительность, быть готовымъ на ея основаніи вступать въ имущественныя отношенія и передавать въ чужія руки наличное богатство.

Всякая практическая дѣятельность, чтобы проявиться, требуетъ времени, по истеченіи котораго только она и можетъ явиться со своимъ послѣдствіемъ. Прежде на это время обращали мало вниманія, потому что люди вступали въ имуществен-

ныя сношенія другъ съ другомъ именно по его истеченіи, когда оно уже прошло. Но такъ какъ теперь дѣятельности болѣе довѣряютъ, то въ имущественныя сношенія люди вступаютъ другъ съ другомъ еще до истеченія того времени, которое всѣмъ контрагентамъ или одному изъ нихъ необходимо на проявленіе своей дѣятельности; волею-неволею приходится обращать вниманіе и на продолжительность этого времени. Довѣріе къ производительности предпріимчивой дѣятельности влечетъ за собою необходимость различать наличность, т. е. имущество, существующее *въ данное время*, отъ имущества, имѣющаго еще возникнуть, или находящагося въ періодѣ возникновенія. Въ оборотъ теперь, кромѣ прежняго единственнаго вида имущества, вошелъ еще одинъ, новый видъ, именно цѣнность текущей предпріимчивости и плодъ ея, имущество будущаго. Новыя сдѣлки, которыя отсюда возникли, и суть кредитныя. Если моя производительная дѣятельность уже успѣла проявиться, тогда какъ для проявленія производительной дѣятельности моего контрагента еще необходимо время, и мы все-таки желаемъ имѣть другъ съ другомъ дѣло, тогда очевидно, что о сдѣлкѣ на наличныя въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи. Конечно, я могъ бы подождать, пока у моего контрагента появится наличное имущество. Но готовность ждать далеко не одинакова въ различные періоды экономическаго развитія. Она зависитъ отъ массы потребностей, ощущаемыхъ въ данное время, отъ необходимости ускоренной дѣятельности, чтобъ можно было поспѣть удовлетворить всѣмъ потребностямъ, отъ стремленія добиться досуга, когда возможна была бы мысль о дальнѣйшихъ успѣхахъ. Въ періодъ, который мы теперь переживаемъ, всего менѣе готовы откладывать дѣла, готовы только ждать ихъ результатовъ, но къ самымъ дѣламъ приступаютъ возможно скорѣе. И кредитъ при этомъ служитъ однимъ изъ самыхъ главныхъ средствъ для ускоренія дѣловыхъ сношеній. Онъ даетъ возможность заключить договоръ и начать дѣло передачею наличнаго богатства еще до того, какъ уже готовы *всѣ* его основы и элементы. *Кредитъ ускоряетъ дѣловую жизнь,* даетъ ей болѣе быстрый ходъ

и *уменьшаетъ объемъ того, что подлежитъ отсрочкѣ на будущее время.* Прежде, при отсутствіи наличности у одного изъ контрагентовъ, приходилось отсрочивать не только послѣдствія отъ дѣла, но и самое дѣло, самый договоръ; теперь, наоборотъ, отсрочивается только то, что физически не можетъ быть не отсрочено. Но значительная часть дѣловыхъ сношеній—завязываніе ихъ, передача наличнаго богатства, заключеніе договоровъ—уже не откладывается на будущее время оттого только, что не всѣ контрагенты обладаютъ наличностью. Кредитъ текущей предпріимчивости оживляетъ эту часть, создаетъ ей необходимую почву и такимъ образомъ дѣлаетъ текущимъ или наличнымъ если не все будущее, то хоть одну его часть.

3. Сказанное объясняетъ намъ, однако, только одну сторону разбираемаго явленія. На вопросъ, отчего не всѣ сдѣлки совершаются на наличныя, мы можемъ теперь отвѣчать, что это выгоднѣе. Мы знаемъ теперь внутренніе побудительные мотивы, которые могутъ подвинуть человѣка на вступленіе въ кредитныя сношенія. Эти мотивы заключаются въ ускореніи хода пользованія источниками прибыли, не только прошлою предпріимчивостью, но и текущею! Я хочу скорѣе быть у источниковъ прибыли, хочу скорѣе обезпечить себѣ долю въ этихъ прибыляхъ. Я хочу воспользоваться, немедленно и не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, всѣми источниками благосостоянія, которыя имѣются въ моемъ распоряженіи, всѣми средствами и силами, съ помощью которыхъ можно добиться благосостоянія, и для этого я или даю кредитъ, или стремлюсь получить кредитъ. (Но этого мало для объясненія современнаго кредита.) Этого объясненія недостаточно, потому что оно слишкомъ уже ставитъ кредитъ въ зависимость отъ случайнаго личнаго (субъективнаго) разсчета отдѣльнаго предпринимателя. Изъ этого объясненія можно было бы ошибочно заключить, что возникновеніе кредита совершенно произвольно. Но наблюденіе живой дѣйствительности показываетъ, что возникновеніе кредита далеко не произвольное явленіе, а напротивъ, та-

кое же необходимое, и свои собственныя внутреннія основанія имѣющее, какъ и возникновеніе дѣловыхъ сношеній, основанныхъ на обоюдномъ обладаніи наличностью.

Чтобы понять эти основанія, дѣлающія кредитъ не только субъективно, но и объективно необходимымъ, нужно принять во вниманіе то вліяніе, которое *возрастаніе производительности экономической дѣятельности* оказываетъ на имущественныя отношенія людей другъ къ другу. Возрастаніе производительности (основа экономическаго прогресса) какъ бы совершенно пересоздаетъ человѣка, увеличиваетъ его потребности, измѣняетъ его взгляды и понятія и преобразовываетъ цѣли, къ которымъ онъ стремится. Въ экономическомъ мірѣ все зависитъ отъ человѣческой дѣятельности и все, что человѣкъ можетъ получить даромъ, въ экономическій разсчетъ не входитъ, какъ явленіе случайное, а слѣдовательно и неподдающееся разсчету. Но человѣческая дѣятельность, составляющая основу экономическаго благосостоянія, не есть изолированная, особнякомъ стоящая дѣятельность отдѣльнаго лица. Уже для полученія самой низкой степени благосостоянія люди должны соединяться, вступать во взаимныя сношенія, уговариваться другъ съ другомъ. Чѣмъ выше благосостояніе, котораго люди могутъ достигнуть, тѣмъ ближе сношенія, въ которыя они должны при этомъ входить другъ съ другомъ, тѣмъ многочисленнѣе поводы, по которымъ имъ приходится соглашаться и уговариться о согласномъ дѣйствіи. Завязываніе сношеній всегда имѣетъ основою такое соединеніе уговаривающихся, чтобъ каждый изъ нихъ могъ сосредоточить свою дѣятельность на стремленіи къ одной опредѣленной цѣли, достиженіе которой въ интересахъ всѣхъ уговаривающихся. Такое сосредоточеніе дѣятельности на одной опредѣленной полезной цѣли есть *спеціализація*. Послѣдняя основывается или на предварительно предшествовавшемъ ей договорѣ, или на увѣренности, доказанной опытомъ, что результатъ дѣятельности, сосредоточенной на стремленіи къ извѣстной цѣли, полезенъ для другихъ людей, въ данное время, или для даннаго человѣка въ послѣдующее время.

Спеціализація, возникающая отъ сознательнаго и безсознательнаго соединенія многихъ лицъ, поэтому необходимо влечетъ за собою *переходъ (въ пространствѣ или времени) результата*, полученнаго дѣятельностью, отъ лица, которое вело послѣднюю, къ другимъ лицамъ, нуждающимся въ результатѣ. Какой бы предметъ ни былъ результатомъ спеціализаціи, хлѣбъ, или платье, или мысли, или произведенія искуства, или машины, орудія и матеріалы, или наконецъ, личныя услуги, въ родѣ совѣта медика или адвоката, рѣшительно все равно: важно при этомъ только то, что *экономическая* спеціализація всегда влечетъ за собою произведеніе такихъ цѣнностей, которыя приготовлены для передачи ихъ другимъ *за вознагражденіе*. Это вознагражденіе существенно необходимо, чтобъ спеціализація имѣла экономическую производительность для лица, дѣятельность котораго она характеризовала. Безъ вознагражденія-же спеціализація можетъ быть почитаема производительною съ физіологической, художественной, моральной, политической или всякой другой, какой угодно, только не экономической точки зрѣнія, ибо съ послѣдней точки зрѣнія производительна только та дѣятельность, которая создаетъ *экономическое* основаніе для человѣческаго существованія, а экономическое основаніе—только какая либо цѣнность, то есть полезность, пользующаяся общепризнанностью, *и, вслѣдствіе того, могущая быть сбытою*. Современный человѣкъ обладаетъ массою потребностей, которыя удовлетворяются вещами, не могущими быть изготовленными имъ самимъ. Онъ долженъ ихъ добывать отъ другихъ. И именно поэтому только та его дѣятельность признается теперь экономически производительною, которая ему даетъ возможность добывать отъ другихъ необходимыя ему вещи. Если у него нѣтъ цѣнностей, которыя находятъ себѣ сбытъ, у него нѣтъ средствъ для пользованія всѣми тѣми благами, которыя отличаютъ нашу нынѣшнюю жизнь. Понятно, такимъ образомъ, отчего вознагражденіе или уплата составляютъ существенную принадлежность экономической спеціализаціи и призводительности.

Но отъ чего зависитъ обладаніе средствами для уплатъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ и даетъ намъ внутреннее основаніе кредита, объясняющее его необходимость, помимо разсчетовъ субъективной цѣлесообразности. Конечно, обладаніе средствами для уплатъ прежде всего зависитъ отъ производительной дѣятельности; но этого мало. Чтобы обладать средствами для вознагражденія, или платежными средствами, необходимо еще, сверхъ того, чтобы производительная дѣятельность, которая ихъ даетъ, *оканчивалась одновременно* съ тою дѣятельностью, отъ которой появились вещи, имѣющія быть пріобрѣтенными. Необходима, слѣдовательно, не только спеціализація вообще, но спеціализація *извѣстнаго качества*. Необходимо не только вообще соединеніе дѣятельности спеціализирующихся, но соединеніе *опредѣленнаго свойства*, такого именно, *которое такъ распредѣляетъ спеціальности между участниками, что послѣдніе одновременно оканчиваютъ свои дѣла*. Только при такомъ условіи каждый изъ участниковъ является на рынокъ не съ пустыми руками, а съ цѣнностью. При *одновременномъ* заканчиваніи спеціальностей, возможно, чтобъ всѣ, являющіеся на рынокъ, обладали *наличностью* для вознагражденія другъ друга. Такимъ образомъ *наличная* торговля далеко не случайность. Она имѣетъ свое внутреннее основаніе не въ распредѣленіи имуществъ между лицами, вступающими другъ съ другомъ въ имущественныя отношенія. У нея имѣется болѣе глубокое и несознаваемое основаніе, представляемое порядкомъ занятій тѣхъ же лицъ, порядкомъ, въ которомъ они затрачивали силы и который былъ причиною производительности этихъ силъ. Такой порядокъ соединенія дѣятельности, *когда спеціальности совершаются всѣ одновременно*, называется *раздѣленіемъ труда*. Въ старое время, *не богатое капиталами*, раздѣленіе труда было главнымъ способомъ, которымъ проявлялись, какъ спеціализація въ сферѣ, обнимающей многихъ лицъ, такъ и *обусловливаемое ею возрастаніе производительности* экономической дѣятельности. Порядокъ *сбыта* необходимо подчинялся *производственному* порядку и былъ преимущественно

сбытомъ *на наличныя*. Это было одною изъ причинъ, по которымъ сбытъ не былъ непрерывно производимъ, а періодически повторялся въ извѣстныя части года или мѣсяца, къ которымъ наличность сосредоточивалась въ рукахъ лицъ, являвшихся на рынокъ. Врядъ ли имѣются всѣ основанія утверждать, что ярмарочный, то есть не непрерывный сбытъ, а способъ періодическаго его возобновленія, обусловливается однимъ только несовершенствомъ территоріальныхъ путей сообщенія. Пути сообщенія нерѣдко совершенствуются, и это всетаки не убиваетъ ярмарокъ, потому что *экономическіе*, мѣновые пути сообщенія и приближенія людей другъ къ другу—ихъ производственнаго соединенія—имѣютъ при этомъ весьма важное значеніе. Тамъ, гдѣ сбытъ производится только или преимущественно на наличныя, онъ не можетъ быть непрерывнымъ, потому что какъ бы раздѣленіе труда ни возвышало производительность силъ тѣхъ лицъ, дѣятельность которыхъ, благодаря ей, одновременно выполняется, оно всетаки не можетъ достигнуть того, чтобы дѣятельность у всѣхъ разомъ заканчивалась Однимъ всетаки приходится ждать другихъ, и уже поэтому необходимо назначеніе такихъ періодовъ, къ которымъ предполагается общій конецъ производственной дѣятельности. Это одна только причина. Другая причина, по которой способъ сбыта на наличныя необходимо влечетъ за собою и періодичность сбыта, представляется самою одновременностью производственной дѣятельности; пока она еще длится, сбытъ пріостанавливается.

*Наше время умѣетъ, однако, возвышать производительность экономической дѣятельности не съ помощью одного только раздѣленія труда.* Капиталъ теперь содѣйствуетъ этому возвышенію въ гораздо большей мѣрѣ. И именно это обстоятельство съ силою физической необходимости влечетъ за собою переворотъ въ условіяхъ сбыта. Благодаря услугамъ капитала, производимая масса вещей, ищущая себѣ сбыта, возрастаетъ въ громадной прогрессіи Въ старое время при сравнительной незначительности количествъ, въ которыхъ сбывались товары

и услуги, могла и не быть замѣтною потеря, проистекающая отъ отсутствія *немедленнаго* сбыта. Да и потеря эта была сравнительно невелика. Но по мѣрѣ того какъ количество сбываемыхъ товаровъ и услугъ и потеря отъ выжиданія сбыта сильно возрастали, съ ними возросла и настоятельная и неотложная потребность въ *немедленномъ* сбытѣ, хотя бы у покупателя какъ разъ въ данное время и не было наличныхъ платежныхъ средствъ. Вся громадная масса производимыхъ товаровъ вовсе и не могла бы быть приведена въ движеніе, для перехода отъ однихъ лицъ къ другимъ, отъ производителей къ крупнымъ торговцамъ и отъ крупныхъ къ мелкимъ, еслибъ для этого пришлось пользоваться только тою покупательной силою, которою обладали лица, имѣвшія наличныя средства для расплатъ, имѣвшія наличное имущество. Волею неволею пришлось взять на помощь другую массу покупательной силы, которая была скрыта въ текущей предпріимчивости и дожидалась только своей очереди для признанія ея способною производить необходимое движеніе, также точно, какъ это дѣлали плоды прошлой предпріимчивости. Тогда-то кредитъ и разыскиваніе лицъ, его достойныхъ, явились экономическою необходимостью. Понятно поэтому, отчего «большія» ярмарки, на которыхъ впервые стали себя проявлять крупное производство и обширный сбытъ, были вмѣстѣ и тою сферою, въ которой впервые сталъ зарождаться и кредитъ. Здѣсь родились не одни только кредитные переводы денегъ, но и различные способы *взаимной очистки долговъ*, которые представители торгово-промышленнаго міра имѣли другъ на другѣ.

Съ другой стороны, *самая природа капитала вызывала переворотъ въ условіяхъ сбыта*. Всякій капиталъ представляетъ накопленный результатъ прошлой дѣятельности, овеществленной въ полезномъ результатѣ, который необходимъ не для потребительныхъ надобностей его владѣльца, а для промысловыхъ или производственныхъ надобностей или для полученія съ него дохода. Именно потому однако, что капиталъ необходимъ для производственныхъ или промысловыхъ надобностей, то есть, какъ источникъ доходовъ, онъ всегда

предполагаетъ *живую текущую* производственную или промысловую предпріимчивую дѣятельность. Безъ нея онъ остается, какъ обыкновенно говорятъ, мертвымъ капиталомъ, т. е. онъ перестаетъ быть капиталомъ. *Въ живомъ производительномъ капиталѣ прошлая дѣятельность соединяется съ текущею и на этой-то коопераціи, на этомъ-то сотрудничествѣ силъ различныхъ временъ и зиждется его производительность.* Но прошлая дѣятельность и текущая, которыя должны соединиться въ капиталѣ, именно въ настоящее время всего менѣе возможны для одного и того же лица. Дѣло въ томъ, что дѣятельность прошлая всегда бываетъ не той спеціальности, не того рода и свойства, какой бываетъ дѣятельность текущая, долженствующая соединиться съ первою, чтобы можно было говорить о капиталѣ. Разъяснимъ это на примѣрѣ. Пока инструментъ, орудіе или машина только изготовляются, изготовляется только тѣло капитала, происходитъ только затрата того труда, о которомъ, послѣ его затраты, только и можно будетъ говорить, какъ о накопленномъ прошломъ трудѣ. Но вотъ орудіе, инструментъ, машина готовы, мы имѣемъ уже накопленный прошлый трудъ. Для того, чтобъ они стали капиталами, необходимо, чтобы они пошли въ дѣло, чтобы какая либо текущая дѣятельность началась съ ихъ помощью. Но будетъ ли эта текущая дѣятельность принадлежать тѣмъ же лицамъ, прошлая дѣятельность которыхъ овеществлена въ орудіяхъ и машинахъ? Очевидно, нѣтъ. Другіе люди возьмутся за работу съ помощью этихъ машинъ и инструментовъ. Почему? Потому что спеціализація въ настоящее время широко развилась. Одинъ изготовляетъ орудія и инструменты, другой ими работаетъ. Одному принадлежитъ прошлая дѣятельность, другому текущая. Возьмемъ другой примѣръ. Фабрикантъ изготовилъ большое количество ножей, вилокъ или какого бы то ни было товара. Капиталъ ли это? Да, когда товаръ сбывается, и именно въ то время, когда длится сбытъ, когда подъискивается покупатель, совершается уговоръ съ нимъ о цѣнѣ и т. п. Но тѣ ли лица сбываютъ товаръ, которыя его произвели? Очевидно,

нѣтъ. Товаръ играетъ роль капитала главнымъ образомъ и наиболѣе продолжительную часть времени, благодаря дѣятельности лицъ, рѣзко отличной отъ дѣятельности по изготовленію товара. Въ товарѣ текущая дѣятельность сбыта его соединяется съ прошлою дѣятельностью его изготовленія и оттого товаръ—капиталъ. Если бы не было этого соединенія т. е. еслибъ товаръ не сбывался, онъ не былъ бы и капиталомъ. Вслѣдствіе сильнаго развитія въ настоящее время спеціализаціи, для того соединенія текущей дѣятельности съ прошлою, которая нужна живому производительному капиталу, необходимъ *переходъ* продукта прошлой дѣятельности, отъ одного спеціалиста къ другому Безъ этого перехода нѣтъ соединенія, нѣтъ и капитала.

*Но этотъ переходъ самъ по себѣ такого свойства, что при немъ въ большинствѣ случаевъ наличная уплата невозможна.* Въ капиталѣ встрѣчаются дѣятельность, уже проявившаяся въ готовомъ результатѣ, съ другою, которая только по истеченіи извѣстнаго времени оказывается такою же, и чтобы она того же добилась, ей необходимо нужно прежде получить продуктъ прошлой дѣятельности. Текущая дѣятельность, оживляющая капиталъ, необходимо должна дожидаться, пока прошлая закончится, ибо только съ результатомъ послѣдней она вѣдь работаетъ. Слѣдовательно, когда она получаетъ этотъ результатъ, она вовсе и не можетъ въ большинствѣ случаевъ, когда торгово-промышленная жизнь приняла большіе размѣры, имѣть наличной равноцѣнности для расплаты за полученное. *Расплата, по самой природѣ стекающихся обстоятельствъ, необходимо должна быть отсрочена.* Эту отсрочку уплаты и доставляетъ кредитъ. Кредитъ, слѣдовательно, выражаетъ тѣ своеобразныя условія, въ которыхъ долженъ сбываться элементъ капитала, представляемый прошлою дѣятельностью, въ немъ накопленною, съ одной стороны, и съ другой—тѣ условія, на которыхъ съ указаннымъ элементомъ можетъ соединиться другой элементъ капитала, представляемый текущею дѣятельностью.

4. Мы разсмотрѣли главныя причины, порождающія кредитъ. Начала, выражающія эти причины, суть внутреннія и внѣшнія *основанія* кредита. Мы переходимъ теперь къ разсмотрѣнію *послѣдствій* кредита, *того, что онъ производитъ*, чтобы знать его функціи.

Функціи кредита обусловливаются его природою, какъ намъ ее обрисовали основанія кредита. Мы видѣли, что прежде всего кредитъ возникаетъ отъ необходимости ускореннаго сбыта, т. е. немедленнаго извлеченія пользы изъ накопленныхъ результатовъ прошлой дѣятельности, отъ стремленія ускорить это утилизированіе, извлеченіе пользы. Далѣе, кредитъ является съ силою физической необходимости, какъ только спеціализація начинаетъ принимать прогрессивно расширяющіеся размѣры. Что же дѣлаетъ порождаемый этими причинами кредитъ?

*Онъ становится, прежде всего, силою, поддерживающею породившія его причины.* Онъ ускоряетъ извленіе пользы изъ человѣческой дѣятельности и поддерживаетъ спеціализацію. Этимъ онъ даетъ осязательное бытіе и осязательную убѣдительность своей выгодности и укрѣпляетъ причины, его породившія.

На первомъ планѣ должно поставить ту функцію кредита, которою онъ проявляетъ свое значеніе не только для производительности, но и для самаго бытія огромной части народнаго капитала. Въ настоящее время существуетъ громадная масса средствъ, которая отчасти по производственнымъ (техническимъ) основаніямъ, отчасти по основаніямъ соціальнымъ не находится въ тѣхъ рукахъ, которыя имъ могутъ дать доходное употребленіе. Производственныя основанія представляются крайнею спеціализированностью отдѣльныхъ занятій и громадными размѣрами, принимаемыми объемомъ этихъ занятій. Какъ спеціализированность, такъ и размѣры эти лишаютъ первопачальныхъ владѣльцевъ средствъ, о которыхъ идетъ рѣчь, всякой возможности заботиться о дальнѣйшемъ производительномъ ихъ употребленіи, долженствующемъ слѣдовать за первымъ ихъ изготовленіемъ или добываніемъ. Соціальныя основанія представляются наслѣдствомъ и

преимущественнымъ положеніемъ въ государствѣ, дающемъ возможность обладать средствами, производительное употребленіе коихъ предполагаетъ извѣстныя знанія и практическія способности. Отсюда то послѣдствіе, что значительная масса имуществъ, которою непосредственно выражается возрастаніе производимыхъ массъ различныхъ цѣнностей, нуждается въ особаго рода обмѣнѣ, съ помощью котораго онѣ и попадали бы въ надлежащія руки. Кромѣ этихъ имуществъ однако, существуетъ еще другой разрядъ ихъ, сбереженій *денежныхъ*. Эти денежныя сбереженія, образующіяся изъ прибылей и изъ хозяйственнаго завѣдыванія средствами, имѣющимися для расходованія вообще, также точно, отчасти по производственнымъ, отчасти по соціальнымъ основаніямъ находятся не въ тѣхъ рукахъ, которыя могли бы ихъ употребить на доходное дѣло. Всѣ эти виды имуществъ должны были бы быть уничтожены потребленіемъ или долго оставаться бездоходными въ ожиданіи производительной затраты ихъ, еслибъ кредитъ не дѣлалъ изъ нихъ капиталовъ.

Само собою разумѣется, что для существованія всякаго капитала весьма важна сберегательная дѣятельность человѣка. Тотъ, кто думаетъ объ однѣхъ только своихъ потребительныхъ надобностяхъ, о томъ, чтобы хорошо поѣсть, красивѣе пріодѣться и вообще, что называется, лучше пожить, капитала себѣ, такимъ образомъ живя, не составитъ. Но не дѣлать этого тоже еще недостаточно для образованія капитала. Чтобы сберегать, необходимо имѣть экономическій источникъ, и у кого этого источника нѣтъ, тотъ не составитъ себѣ капитала, хотя бы онъ былъ воздержанъ, какъ аскетъ. Источникомъ же такимъ, въ настоящее время, служатъ знаніе, трудъ *и предпріимчивость*. Мы, конечно, говоримъ о томъ знаніи, которое даетъ человѣку умѣніе дѣлать дѣло, слѣдовательно о знаніи источниковъ производительности и способовъ пользоваться этими источниками. При этомъ-то знаніи *кредитъ* въ настоящее время составляетъ, подобно воздержанію, способъ, съ помощью котораго производительная текущая предпріимчивость образуетъ свои капиталы.

Многимъ нападкамъ подверглись нѣкоторые люди, выходившіе, и изъ міра практики, и изъ міра теоріи, которые утверждали, что кредитъ дѣлаетъ капиталы почти изъ ничего. Но не меньшихъ нападковъ достойны тѣ, которые любятъ утверждать, что воздержность способна творить капиталы чуть не изъ ничего. Такими утвержденіями всего менѣе указывается и разъясняется настоящій путь образованія капиталовъ для тѣхъ отдѣльныхъ лицъ, сословій или народовъ, которые еще не успѣли далеко уйдти въ дѣлѣ образованія своего капитала. У насъ, въ Россіи, вѣрныя понятія объ этомъ предметѣ имѣютъ преимущественно важное практическое значеніе.

Та отрасль человѣческаго вѣдѣнія, которая играетъ преимущественную роль при образованіи капиталовъ, представляется естествовѣдѣніемъ. Оно дало главное основаніе для власти человѣка надъ природой, для той громадной силы, которою наиболѣе развитые европейскіе народы обладаютъ въ своемъ капиталѣ. Каждый живой и производительный капиталъ представляетъ собою прежде всего какую либо силу природы, которую человѣкъ подчинилъ своей власти и заставляетъ служить своимъ надобностямъ, или какое либо средство, съ помощью котораго сила природы подчиняется власти человѣка и принуждается служить его надобностямъ. Вотъ почему знанія о силахъ природы и средствахъ для ея подчиненія нужны человѣку и составляютъ первоначальнѣйшее основаніе, на почвѣ котораго единственно только и возможно въ настоящее время образованіе капиталовъ въ большихъ размѣрахъ. Технологія, агрономія, механика и науки, на которыхъ онѣ основаны, представляютъ современное ученіе о способахъ образованія капиталовъ. Вотъ почему ходъ образованія капиталовъ у отдѣльныхъ лицъ, сословій и народовъ прямо зависитъ отъ количества знаній, которыми они располагаютъ. Какъ бы мы высоко ни цѣнили моральныя и интеллектуальныя пріобрѣтенія, сдѣланныя человѣчествомъ на пути его историческаго развитія, и какъ бы высоко мы цѣнили знанія, на которыхъ основываются эти пріобрѣтенія, [illegible]

Центр. Библиотека

что не далеко отстоятъ отъ нихъ тѣ пріобрѣтенія, которыя человѣчество сдѣлало, благодаря естествознанію. Отъ того, что для массы людей моральныя пріобрѣтенія даже отстоятъ еще отъ вещественныхъ, люди болѣе дорожатъ вторыми, нежели первыми: цѣнность вещественныхъ пріобрѣтеній осязательнѣе, убѣдительнѣе и наглядиѣе вліяетъ на умы, и оттого за нихъ сильнѣе стоятъ. Они болѣе годятся въ источники капиталовъ, наглядиѣе доказываютъ это свое значеніе и оттого ихъ практическая важность выше.

Говоря о сбереженіи, какъ о способѣ образованія капиталовъ, необходимо имѣть въ виду, что оно несомнѣнно важно, но не въ одинаковой мѣрѣ для различныхъ степеней экономическаго развитія. На нисшихъ степеняхъ развитія, дѣйствительно, самая крупная опасность которая прежде всего угражаетъ богатству, заключается въ отсутствіи у человѣка предусмотрительности въ дѣлѣ потребленія богатствъ. Человѣкъ не предвидитъ своихъ будущихъ надобностей, не заботится о нихъ и вслѣдствіе того склоненъ дорожить одною только данною минутою. Его потребленіе, такимъ образомъ, не ограничивается вовсе соображеніями о будущихъ нуждахъ и является первымъ врагомъ богатства, немедленно имъ уничтожаемаго. Вотъ почему на нисшихъ степеняхъ развитія первое условіе для возможности образованія имущественныхъ запасовъ—развитіе предусмотрительности, борющейся съ инстинктами потребленія и вызывающей готовность *отсрочить* потребленіе, воздержаться отъ него во имя будущихъ нуждъ. Когда становится возможнымъ оберегать имущество отъ гибели, которою ему угрожаетъ потребленіе, тогда возникаетъ возможность и для образованія изъ него капитала.

Все значеніе сбереженія даже на нисшихъ степеняхъ развитія заключается, слѣдовательно, только въ томъ, что оно порождаетъ *возможность* образованія капитала изъ добытыхъ цѣнностей. Совершенно вѣрно, что безъ сбереженія цѣнностей отъ потребленія даже и этой возможности не было бы. Но не менѣе вѣрно, что *возможное* образованіе капитала не есть еще *дѣйствительное* его образованіе. На нисшихъ степеняхъ развитія, различіе

между дѣйствительностью и возможностью не усматривается потому, что *знанія*, необходимыя для *дѣйствительнаго* образованія капитала, еще чрезвычайно просты и легко доступны. Сверхъ того возможности образовать капиталъ, доставляемой отсрочкою потребленія или воздержаніемъ, придаютъ больше значенія потому, что для власти надъ потребленіемъ требуются извѣстныя нравственныя качества, которыя на нисшихъ степеняхъ развитія встрѣчаются болѣе рѣдко, чѣмъ умственныя силы, нужныя для полезнаго и производительнаго употребленія сбереженныхъ цѣнностей.

Иное мы наблюдаемъ на высшихъ степеняхъ экономическаго развитія по мѣрѣ того, какъ съ одной стороны нравственныя силы становятся все болѣе и болѣе обычнымъ явленіемъ, прогрессъ которыхъ во всякомъ случаѣ считается вѣками, а съ другой—умственныя силы быстро развиваются и сильно наростаютъ въ сравнительно гораздо болѣе короткіе промежутки времени. Производительность человѣческой дѣятельности дѣлаетъ успѣхи и уже вслѣдствіе этихъ успѣховъ человѣкъ становится способнымъ производить больше, чѣмъ сколько ему нужно на его текущія надобности. Чѣмъ далѣе идутъ успѣхи производительности, тѣмъ крупнѣе становятся излишки производства надъ текущими надобностями потребленія. Конечно, и потребленіе разростается. Всякое данное время тоже предъявляетъ увеличивающіяся требованія для своихъ собственныхъ нуждъ. Но также точно, какъ производство, и потребленіе имѣетъ свои границы, которыя для дикаря только невидимы, а для цивилизованныхъ людей весьма осязательны. Какъ только устанавливаются представленія о томъ, что̀ такое мотовство и расточительность, въ этихъ представленіяхъ уже выражается *мѣра потребленія*, граница его, за которою воздержаніе отъ потребленія не доказываетъ уже нравственной силы и даже перестаетъ быть воздержаніемъ. Никто не считаетъ за особую нравственную доблесть, когда человѣкъ не пьянствуетъ и не обжирается, не кутитъ и не проматываетъ направо и налѣво всего, что имѣетъ.

Въ настоящее время, когда богатства отдѣльныхъ лицъ до

того возрасли, что во многихъ случаяхъ необходимы чудовищное мотовство и безмѣрная расточительность для уничтоженія ихъ потребленіемъ, всего болѣе стало очевидно, что спасеніе имущества отъ гибели, которою ему могли бы угрожать мотовство и расточительность, далеко еще недостаточно для превращенія его въ капиталъ. Не имѣть пороковъ, вродѣ страсти къ мотовству, для цивилизованныхъ людей легче, чѣмъ имѣть положительныя нравственныя достоинства—для дикаря или людей, принадлежащихъ къ неразвитой и невѣжественной массѣ. Цивилизованнымъ же людямъ достаточно не имѣть пороковъ, чтобъ сберегать имущество отъ потребленія.

Но на высшихъ-то степеняхъ развитія и становится очевиднымъ, что потребленіе—не единственная опасность, которая можетъ угрожать гибелью имуществу. Конечно, когда имущество уничтожается потребленіемъ, оно уже не можетъ подвергаться другимъ опасностямъ. Но когда имущество спасается отъ уничтоженія его потребленіемъ, тогда для него собственно только и возникаетъ возможность подвергаться цѣлому ряду другихъ опасностей, отъ которыхъ его нужно оберегать.

Вотъ это новое сохраненіе имущества отъ опасностей, необходимость въ которомъ возникаетъ вмѣстѣ съ экономическимъ прогрессомъ, и показываетъ, что сбереженіе богатства или имущества отъ гибели его вслѣдствіе потребленія представляетъ только одно изъ многихъ проявленій той болѣе обширной заботы, которая вообще необходима для сохраненія имущества отъ гибели вслѣдствіе разныхъ другихъ возможныхъ причинъ.

Сбереженное отъ потребленія богатство само собою въ капиталъ не обращается. Чтобъ превратить имущество въ капиталъ, въ немъ должны быть вызваны производительныя качества. Но вызвать въ имуществѣ производительныя качества можетъ только живой знающій человѣкъ. Иначе имущество остается мертвою вещью. Только производительная рука человѣка дѣлаетъ капиталъ изъ мертвой вещи.

Слѣдуетъ-ли изъ этого, что сбереженіе не есть способъ, пу-

темъ котораго образуется капиталъ? Конечно, не слѣдуетъ. Но если мы признаемъ, что сбереженіе — способъ образованія капиталовъ, потому что оно спасаетъ отъ гибели имущество, то мы должны быть послѣдовательны и признать способомъ образованія капиталовъ все то, чѣмъ имущество спасается отъ гибели и чѣмъ облегчается возможность его непосредственнаго превращенія въ капиталъ.

Но все значеніе кредита въ томъ только и заключается, что онъ облегчаетъ превращеніе имущества въ производительные источники прибылей и доходовъ, что онъ приближаетъ къ этимъ прибылямъ, что онъ споспѣшествуетъ тому соединенію текущей производительности съ прошлою, которая служитъ основою производительности капиталовъ. Безъ него множество имуществъ оставались бы праздными и бездоходными не попадая въ руки тѣхъ знающихъ людей, которые изъ нихъ умѣютъ дѣлать капиталы, множество богатствъ иначе и не могли бы проявить своей пользы какъ черезъ уничтоженіе ихъ потребленіемъ. *Безъ кредита эти богатства совсѣмъ и не могли бы быть сберегаемы.*

Ясно въ такомъ случаѣ, что кредитъ имѣетъ столько же права на признаніе его способомъ образованія капиталовъ сколько такого права имѣется у акта сбереженія богатства или отсрочки его потребленія.

Конечно, кредитъ не производитъ капиталовъ изъ ничего. Но и сбереженіе тоже ихъ не образуетъ изъ ничего. Богатства должны существовать еще до того, какъ онѣ начинаютъ подвергаться вліянію сбереженія, но тѣмъ не менѣе справедливо, что путемъ сбереженія изъ нихъ образуются *капиталы*. Также точно богатства должны существовать до того, какъ онѣ подвергаются вліянію кредита. Но тѣмъ не менѣе *капиталы* изъ нихъ образуются въ громадной массѣ случаевъ именно благодаря кредиту.

Кредитъ долженъ быть признанъ способомъ образованія капиталовъ. Это очевидно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что сдѣлать это признаніе вовсе не значитъ признавать за кредитомъ какую-либо чудотворную силу. Никакого чуда кредиту не нужно

сотворить, чтобъ съ его помощью былъ образованъ капиталъ, такъ-же точно, какъ ничего чудеснаго не представляется въ процессѣ образованія капитала путемъ сбереженія.

5 На почвѣ знаній и воздержности процесъ образованія народнаго капитала идетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ шире размѣры кредита. Положеніе это одинаково вѣрно въ примѣненіи къ экономической сферѣ отдѣльныхъ лицъ, сословій или народовъ. Во избѣжаніе недоразумѣній, мы считаемъ необходимымъ немедленно же указать на то, что мы вовсе не хотѣли сказать, что вообще, чѣмъ шире размѣры кредита, тѣмъ быстрѣе идетъ развитіе капитала. Мы обращаемъ, напротивъ, вниманіе на то, что считаемъ существеннѣйшими условіями плодотворнаго вліянія кредита— знаніе и воздержаніе, т. е. умѣніе ихъ употреблять такъ, чтобы они принесли пользу. Знанія и воздержаніе отличаются отъ другихъ источниковъ пользы тѣмъ, что отъ пользованія онѣ не уменьшаются въ своемъ значеніи. Знанія нельзя ни съѣсть, ни износить, ни уничтожить: оно не потребляемо, оно вѣчно сохраняетъ свою цѣну. Чѣмъ оно совершеннѣе, т. е. точнѣе, чѣмъ болѣе въ немъ истины, тѣмъ менѣе его польза удобоисчерпаема въ самомъ крайнемъ случаѣ оно рождаетъ новое знаніе и въ него переходитъ, какъ въ еще болѣе совершенное, еще болѣе общее значеніе имѣющее, еще болѣе прочную пользу приносящее. Вотъ почему на почвѣ знаній и воздержности процесъ образованія капитала идетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ шире развитіе кредита. *Если развитіе послѣдняго не влечетъ за собою увеличенія капитала, то это то и составляетъ главное доказательство, что развитіе кредита происходитъ на почвѣ невѣжества, или полузнанія, или, наконецъ, невоздержности.* Если же кредитъ имѣетъ подъ собою почву знанія и экономической разсудительности, тогда, благодаря ему, какъ текущая, такъ и плоды прошлой предпріимчивости получаютъ возможность воспользоваться главнымъ условіемъ производительности, т. е. представлять элементы *организованной* экономической дѣятельно-

сти. Въ настоящее время весьма значительная масса экономическихъ силъ народныхъ хозяйствъ, т. е. весьма значительная доля ихъ текущей и прошлой предпріимчивости становится производительными силами, преимущественно благодаря кредиту. Безъ кредита же они представляли бы такое же мертвое богатство, какое представляется богатствами, сокрытыми въ нѣдрахъ земли. Вызывая ихъ къ жизни и привлекая къ доходнымъ дѣламъ, кредитъ даетъ имъ возможность производительно возстановляться и сохраняться, да сверхъ того еще содѣйствовать появленію новыхъ богатствъ, расъисканію новыхъ силъ.

Масса плодовъ прошлой пре пріимчивости совершенно должна была бы погибнуть или, въ крайнемъ случаѣ, быть непроизводительно потребленною, еслибъ кредитъ не давалъ ей производственнаго назначенія. Но еще большая масса текущей предпріимчивости оставалась бы безплодной, еслибъ кредитъ не создавалъ ей вещественной почвы. Кредитъ, такимъ образомъ, играетъ въ народномъ хозяйствѣ роль важнѣйшаго *средства, которымъ устраняется разорительная гибель цѣнностей.* Въ прежнее время, когда экономическія представленія не были еще достаточно ясны, любили придавать значеніе только тѣмъ силамъ, которыми видимо прибавляются къ имѣющейся массѣ богатствъ еще другія новыя массы. Въ настоящее время экономическая наука указываетъ на *скрытое производство*, идущее рядомъ съ явнымъ производствомъ богатства, имѣющее не меньше значенія и представляемое тѣми силами, которыхъ назначеніе—устранять условія, гибельно вліяющія на цѣлость и производительность имѣющихся богатствъ. Если *страховое дѣло* оказываетъ громадныя услуги народному хозяйству, спасая *цѣлость* его богатства, то кредитное дѣло имѣетъ еще больше значенія, спасая ихъ *производительность*.

Кредитъ весьма неполно опредѣляется и характеризуется, когда про него говорятъ только, что онъ означаетъ передачу въ постороннія руки какой либо цѣнности съ отсрочкою вознагражденія за нее или ея равноцѣнности на какой нибудь срокъ.

Кредитъ не только доставляетъ возможность передавать цѣнности даже людямъ, не могущимъ тотчасъ за нихъ возвращать равноцѣнность. Онъ, сверхъ того, еще *освобождаетъ* владѣльца цѣнности (кредитора, вѣрителя) *отъ риска*, съ которымъ сопряжено употребленіе ея въ какое либо доходное дѣло самимъ ея владѣльцемъ. Кредитъ представляетъ собою способъ давать капиталу производительное занятіе, помѣстить его въ выгодное дѣло, дѣлать его доходнымъ. Но этого мало. Онъ въ тоже время даетъ возможность владѣльцу капитала освободить себя отъ всякаго обязательства по риску, съ которымъ могутъ быть сопряжены данное занятіе, дѣло, или основаніе доходности. Кто отдалъ свой капиталъ въ кредитъ, долженъ его прежде всего получить обратно цѣлымъ и невредимымъ, все равно, какой бы ни былъ исходъ предпріятія, въ которое отданъ капиталъ. Участвовать въ предпріятіи капиталомъ, отданнымъ ему въ кредитъ, значитъ участвовать въ однихъ только его выгодахъ и устранять себя отъ могущихъ съ нимъ быть сопряженныхъ убытковъ. Въ современной экономической практикѣ это значеніе кредита, какъ способа участвовать въ предпріятіяхъ и въ тоже время освобождать себя отъ отвѣтственности по несенію страха, съ ними сопряженнаго, по меньшей мѣрѣ не уступаетъ тому значенію, по которому обыкновенно опредѣляютъ и характеризуютъ кредитъ. Лицъ, накопляющихъ себѣ капиталъ, и затѣмъ отстраняющихъ себя отъ прямой дѣятельности и косвенно въ ней только участвующихъ своими капиталами, которые они довѣряютъ предпріятіямъ сами или чрезъ посредство банковъ, оставляющихъ за собою право требовать обратно весь свой капиталъ и напередъ только выговаривающихъ себѣ опредѣленный доходъ на него, слагающихъ съ себя всякую обязательную отвѣтственность,—такихъ лицъ въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо было прежде. Но если сама жизнь на дѣлѣ относится къ кредиту, какъ къ способу парализовать опасности, которымъ можетъ подвергаться цѣлость капитала,—если на дѣлѣ жизнь относится къ кредиту, какъ къ

способу *сохранять цѣлость и свободность капитала*, то очевидно, что и наши понятія о кредитѣ должны быть соотвѣтственно расширены. Кредитъ долженъ быть характеризованъ не только какъ способъ, который дозволяетъ передавать капиталъ въ руки, способныя только черезъ извѣстный срокъ возвратить за него равноцѣнность. Онъ не только—покупательная сила, которой источникомъ служитъ предпріимчивость, еще не проявившая всѣхъ своихъ результатовъ и только еще работающая надъ ними. Онъ, сверхъ того, способъ сохранять цѣлость капитала, которой безъ него угрожала бы опасность.

Теперь обратимъ вниманіе на другую сторону, представляющуюся намъ во всякомъ кредитномъ отношеніи, на сторону должника, лица, получающаго капиталъ въ кредитъ. Здѣсь, повидимому, кредиту *нечего* сохранять. Но не имѣть *капитала* еще не значитъ не имѣть *ничего*. Должникъ представляетъ живую предпріимчивость, которая для экономической жизни имѣетъ столько-же значенія, сколько его имѣетъ плодъ прошлой предпріимчивости. Она тоже подвергается рискамъ и притомъ не только тѣмъ, которыя она беретъ на себя, становясь во главѣ дѣла, и отъ которыхъ себя устраняетъ владѣлецъ капитала. Для нея существуетъ еще болѣе важный рискъ, которымъ ей угрожаетъ уже простое ея существованіе. Это рискъ не найти того дѣла, во главѣ котораго она могла бы стать, рискъ потерять свою самостоятельность, а съ нею тѣ плоды, которыми самостоятельность сказывается на производительности, рискъ потерять возможность полезнаго примѣненія своихъ силъ и напрасно потерять время. Рискъ временемъ стоитъ риска капиталомъ. Потому что потеря времени есть безвозвратная потеря тѣхъ силъ, которыя могли бы себѣ найти полезное примѣненіе въ теченіи даннаго времени. Кредитъ и важенъ для текущей предпріимчивости тѣмъ, что онъ спасаетъ ея время отъ риска быть потерянным. Обыкновенно фраза «кредитъ даетъ возможность ускорять обороты» произносится такъ, какъ еслибъ фактъ увеличенія скорости такъ бы и кончался у выигрыша времени, а самый выиг-

рышъ времени не увеличивалъ богатства. Но время—силы для людей, сословій и народовъ, которые не лѣнивы и не бездарны. Скорѣе дѣлать значитъ больше сдѣлать. Больше и скорѣе дѣятельно жить значитъ больше проявлять силъ, изъ нихъ извлекать больше пользы Тѣмъ, что про кредитъ говорятъ, будто онъ *только* ускоряетъ, совсѣмъ поэтому не уничтожается его значеніе способа, увеличивающаго источники благосостоянія человѣка и спасающаго ихъ отъ страха быть потерянными.

Необходимо возможно строже отличать имущество вообще отъ того вида имущества, которое составляетъ капиталъ. Практически это различіе всегда проводится каждымъ, когда отдѣльнымъ словомъ обозначается «имущество», т. е цѣнности, разсматриваемыя *безъ отношенія до употребленія*, изъ нихъ дѣлаемаго, и только по отношенію къ ихъ принадлежности одному или другому лицу, и когда отдѣльнымъ словомъ обозначается «капиталъ», то есть тѣ цѣнности, которыя употребляются не на нужды потребленія, не на ихъ уничтоженіе, а на какое либо *производительное дѣло*. Чтобъ имущество стало капиталомъ, оно должно получить качество производительности. Само имущество представляетъ лишь тѣло капитала, его вещественный элементъ. Душу-же капитала, его невещественный элементъ, даетъ ему производительность.

Если кредитъ представляетъ средство, съ помощью котораго громадная масса имущества единственно только и можетъ быть превращена въ капиталъ, если кредитъ спасаетъ производительныя качества имущества отъ гибели и этимъ спасаетъ отъ гибели его способность превратиться въ капиталъ,—то этимъ еще не исчерпывается все, что кредитомъ спасается отъ гибели, сохраняется и оберегается въ своей цѣлости.

Нужно различать и встрѣчающіеся капиталы. Одни нужны ихъ владѣльцамъ на ихъ *собственныя* дѣловыя нужды. Эти капиталы называются *предпринимательскими*. Но что станется съ имуществомъ, которому у его владѣльца не будутъ соотвѣтствовать никакія нужды, которое ему не на что употребить? Очевидно, что такое имущество будетъ *свободно отъ употребленія*

на какія бы то ни было цѣли. Оно будетъ свободное имущество, которое нѣтъ надобности затрачивать на что либо. Для затраты можетъ отсутствовать только надобность потребленія. Тогда имущество будетъ свободно только отъ необходимости быть затраченнымъ на потребительныя нужды. Но такою свободою обладаютъ всѣ капиталы. Поэтому капиталъ свободенъ только тогда, когда для его употребленія не существуетъ *дѣловой* надобности. Когда дѣловая надобность эта отсутствуетъ у всѣхъ, которые могли бы дать занятіе, капиталъ остается безплоднымъ и бездоходнымъ. Онъ абсолютно свободенъ, но за то онъ мертвъ.

Спрашивается теперь: возможно-ли оживить капиталъ и въ тоже время сохранить за нимъ, если не всю, то хоть часть его свободности? Этотъ-то вопросъ кредитъ даетъ возможность разрѣшить въ положительномъ смыслѣ. Для владѣльца капитала несущественно—какою свободностью обладаетъ его капиталъ: такою-ли, которая существуетъ не только для него, но и для постороннихъ лицъ, или такою, которая существуетъ лишь для него одного. Владѣльцу капитала свободность капитала нужна для его личныхъ надобностей. Онъ удовлетворяется поэтому услугою кредита, который изъ свободности капитала спасаетъ отъ гибели какъ разъ такую ея часть, которая нужна владѣльцу. Спасеніе производится просто тѣмъ, что владѣлецъ капитала, уступленнаго въ кредитъ, получаетъ право обратно требовать по истеченіи срока *денежную сумму*. Эта-то денежная сумма, которая можетъ быть израсходована на что угодно и когда угодно, представляетъ имущество въ наисвободнѣйшемъ видѣ для владѣльца.

Такимъ образомъ сохраняющая функція кредита простирается не только на производительность капитала, но и на его свободность. Доставляя имуществу возможность стать производительнымъ, кредитъ ему доставляетъ возможность сверхъ того еще и сохранить свободность для своего владѣльца.

Пока капиталъ былъ орудіемъ, сберегающимъ трудъ въ сферѣ домашняго производства вещей для личнаго потребленія, образованіе капитала могло идти безъ помощи кредита. Безъ помощи

кредита можетъ себѣ также образовать свой капиталъ производитель или промышленникъ, размѣры оборотовъ котораго не выходятъ далеко за предѣлы необходимаго, какъ источникъ для домашняго потребленія. Несомнѣнно и то также, что всѣ тѣ условія, которыми поддерживается неравномѣрное распредѣленіе богатствъ, играли роль въ образованіи капитала. Но не этими путями образовались и образовываются крупные капиталы современной промышленности въ большинствѣ случаевъ и въ своей наибольшей массѣ. На почвѣ знанія и воздержности ихъ создавалъ и создаетъ въ значительной долѣ кредитъ.

Благодаря кредиту, отдѣльный производитель и промышленникъ можетъ заниматься своимъ дѣломъ, расширяя его до какихъ ему нужно размѣровъ и не безпокоясь о возможности сбыта имъ добываемаго. Благодаря кредиту же, отдѣльный производитель и промышленникъ можетъ расширять свое предпріятіе, не стѣсняемый размѣромъ своихъ собственныхъ наличныхъ средствъ, то есть размѣромъ того имущества, въ которыхъ воплотилась прошлая дѣятельность его собственная или тѣхъ лицъ, которыя для него трудились. Кредитъ расширяетъ имущественную сферу отдѣльнаго лица, оживляя ту цѣнность, которая скрыта въ его производительной текущей дѣятельности, ставя ее на ряду съ прошлою дѣятельностью, успѣвшею проявить свою производительность въ готовыхъ цѣнностяхъ, и соединяя эти два вида дѣятельности. Такимъ образомъ онъ создаетъ капиталъ. То, что находилось въ состояніи мертвой вещи или въ состояніи замкнутаго источника благосостоянія, кредитомъ оживляется и открывается. Содѣйствуя такимъ образомъ созданію капиталовъ, онъ въ нихъ творитъ орудія, возвышающія производительность экономическихъ силъ, содѣйствуетъ появленію новыхъ элементовъ капитала. Содѣйствуя образованію капиталовъ къ рукахъ производителей суровья и матеріаловъ, онъ даетъ имъ возможность производить большія количества этихъ вещей. Этимъ онъ порождаетъ потребность въ расширенномъ сбытѣ, т. е. опять въ кредитѣ. Получающій при этомъ въ кредитъ матеріалъ и суровье, производитель готоваго товара, бла-

годаря кредиту, можетъ шире вести производство, можетъ получить всѣ тѣ выгоды, которыя проистекаютъ отъ расширеннаго производства, производитъ большую сумму товара, которую онъ въ свою очередь долженъ сбыть въ кредитъ оптовому торговцу, а послѣдній торговцу въ раздробь. Отъ этого послѣдняго товаръ поступаетъ къ потребителю, который въ качествѣ производителя могъ пользоваться всѣми условіями, возвышающими производительность его источниковъ и ихъ доходность, слѣдовательно дающими ему возможность больше расходовать на свое домашнее потребленіе и на свои промысловыя нужды, да сверхъ того при этомъ акуратнѣе и точнѣе расплачиваться.

6. Обратимъ вниманія при этомъ на слѣдующее важное вліяніе кредита и значеніе, чрезъ то имъ получаемое для наличныхъ уплатъ. Кредитъ даетъ возможность немедленно сбывать товаръ, ускореннымъ путемъ извлекать пользу изъ экономическихъ источниковъ и ихъ возможной производительности. Онъ порождаетъ чрезъ это возможность *непрерыванаго* производства. Именно вслѣдствіе этого онъ увеличиваетъ возможность извлеченія пользы изъ той формы сотрудничества, которая представляется раздѣленіемъ труда, т. е. сочетаніемъ текущей дѣятельности одного спеціалиста съ текущею же дѣятельностью другаго спеціалиста, и которая порождаетъ наличныя средства для сбыта. Пока раздѣленіе труда не вспомогается сильно капиталомъ чрезъ посредство кредита, оно имѣетъ слабые размѣры, поддерживаемое собственными своими силами преимущественно. Производится сравнительно немного и это немногое сбывается главнымъ образомъ на ярмаркахъ на наличныя. Отдѣльный производитель и торговецъ долженъ дожидаться ярмарки, чтобъ на ней сдѣлать свои запасы. Нерѣдко, вслѣдствіе того, приходится прерывать работу. Если производственный процессъ заготовленія товара или сбыта состоитъ изъ разнородныхъ частей, разновременно выполняемыхъ, то одна часть работы должна ждать другую да еще ждать того, чтобъ благопріятныя условія привели ее въ такія руки, которымъ постороннія

обстоятельства обезпечили состоятельность и средства покупать; весь ходъ дѣла и предпріятія замедляется. Кредитъ производитъ во всемъ этомъ переворотъ. Однимъ только тѣмъ, что онъ даетъ возможность непрерывно вести дѣло, онъ даетъ возможность во всякое данное время находить для него матеріалъ; во всякое данное время находить готовому товару сбытъ и, наконецъ, во всякое данное время находить для закупокъ даже и наличныя средства. Благодаря кредиту, части производительнаго процесса, разновременно выполняющіяся и работающія другъ на друга вслѣдствіе непрерывности своего выполненія, пріобрѣтаютъ характеръ одновременно выполняемыхъ.

7. Но кредитъ не только дѣлаетъ производительными элементы капитала, которые безъ него не организовались бы въ живой капиталъ, онъ не только дѣлаетъ производительнымъ то, что безъ него осталось бы непроизводительнымъ, онъ возвышаетъ до наивысшей, возможной въ данное время полезности живые капиталы, переводя ихъ изъ менѣе производительныхъ въ болѣе производительныя руки. Строго говоря, не кредитъ должно почитать непосредственною причиною этого послѣдствія. Оно производится *соперничествомъ* болѣе и менѣе производительныхъ рукъ. Но это соперничество не было бы возможно безъ того настоятельно необходимаго условія, которымъ въ этомъ случаѣ является кредитъ. Когда кредитъ выполняетъ свою функцію въ оборотѣ, когда онъ начинаетъ оказывать свои вліянія на производительность, возникаетъ возможность для соперничества извлекать пользу изъ этого новаго вліянія, изъ этой новой силы, и, понятно, что въ наиболѣе производительныхъ рукахъ онъ получаетъ наибольшее вліяніе и сдѣлаетъ свое дѣло всего лучше.

8. Центръ тяжести ходячихъ представленій о кредитѣ обыкновенно помѣщается въ вызываемомъ имъ *передвиженіи* цѣнностей. Но это *передвиженіе* представляетъ только одну его функцію, которою не исчерпываются всѣ функціи кредита. Говорятъ,

что кредитъ только перераспредѣляетъ богатство, уже имѣющееся въ наличности и изъ этого заключаютъ, что онъ ничего не прибавляетъ къ имѣющейся массѣ богатствъ и ничего въ ней не измѣняетъ. А между тѣмъ тѣ-же самыя лица, которыя это утверждаютъ, не могутъ не признавать, что кредитъ служитъ источникомъ цѣлой новой массы покупательной силы, прибавляющейся къ той, которая безъ него дѣйствуетъ. Но эта покупательная сила, порождаемая кредитомъ, развѣ не представляетъ цѣнностей? Что такое покупательная сила, которую даетъ владѣніе капиталовъ? Это только превращеніе производственной силы, капиталомъ представляемой. Но и покупательная сила кредита или документовъ, въ которыхъ она свидѣтельствуется, только превращеніе той производственной силы, которая не сомнѣнно представляется текущею живою предпріимчивостью. Независимо отъ своего значенія, какъ самаго главнаго фактора скрытаго производства цѣнностей кредитъ сверхъ того *прибавляетъ* къ имѣющейся массѣ богатствъ и цѣнностей еще тѣ богатства и тѣ цѣнности, которыя каждому народному хозяйству дороги въ его живой текущей силѣ, въ ея законныхъ стремленіяхъ, въ главномъ проявленіи его собственной самостоятельной жизненности. Вѣдь всякое народное хозяйство живетъ не одними только плодами *прошлой* своей предпріимчивости. Главное основаніе и проявленіе его жизненности во всякое данное время представляются вѣдь силами *этого-же самаго* времени, а не прошлаго. Какъ же не считать прибавленіемъ къ имѣющейся суммѣ цѣнностей, если прибавленіе заключается въ новыхъ силахъ текущей предпріимчивости, оживляемыхъ кредитомъ? Эти громадныя милльярды цѣнностей, о которыхъ свидѣтельствуютъ долговые документы, не фиктивныя цыфры, а дѣйствительныя, представляющія реальное богатство, т. е. производительную экономическую жизненность народовъ. Только тогда, когда эта жизненность страдаетъ подъ какими либо неблагопріятными условіями, когда она сама становится фиктивною, и богатство становится фиктивнымъ.

Свое дѣло кредитъ совершаетъ *ускореніемъ перехода* резуль-

татовъ прошлой дѣятельности къ представителямъ той текущей предпріимчивости, въ рукахъ которой они должны стать производительными капиталами. Внутреннее значеніе кредита заключается въ обусловливаемыхъ имъ послѣдствіяхъ для производительности. Внѣшнее и видимое, формальное его значеніе заключается въ томъ вліяніи, которое онъ оказываетъ на передвиженіе цѣнностей изъ однѣхъ рукъ въ другія, на ихъ обращеніе. Этимъ мы затрагиваемъ новую его функцію.

Мы желали бы указать на двоякое значеніе этой функціи. Одно ея значеніе заключается въ ускореніи самаго процесса обращенія, въ болѣе быстромъ передвиженіи богатства, какъ цѣнностей Другое ея значеніе представляется производимымъ ею ускореніемъ передвиженія и перемѣщенія отъ лица къ лицу, отъ сословія къ сословію, отъ народа къ народу того же богатства, но разсматриваемаго уже, какъ состояніе, въ которомъ находятся отдѣльное лицо, сословіе, народъ. Кредитъ ускоряетъ не только движеніе богатства, но движеніе обогащенія. Послѣдняго онъ достигаетъ своимъ производительнымъ вліяніемъ на орудія движенія обогащенія вообще, то есть на орудія созданія цѣнностей, на текущую предпріимчивость и на плоды прошлой предпріимчивости. Перваго онъ достигаетъ своимъ не менѣе производительнымъ вліяніемъ на орудія передвиженія богатства, какъ цѣнностей, на такъ называемыя орудія обращенія.

9. Разсмотримъ сначала вліяніе кредита на ускореніе обогащенія и его движенія между отдѣльными лицами, сословіями и народами.

Выше мы видѣли, что одна изъ важнѣйшихъ функцій кредита заключается въ томъ, что съ его помощью сохраняется свободность имущества, а съ нею и возможность превращать его, когда угодно, въ какой угодно капиталъ или въ какіе угодно предметы для потребленія. Такъ какъ полезность тѣхъ или другихъ качествъ имущества основывается на ихъ отношеніи къ человѣческимъ надобностямъ и нуждамъ, то уже и свободность имущества

всегда выражаетъ только отсутствіе внѣшнихъ стѣсненій для свободности силъ самого человѣка, для свободы его личности.

Но независимо отъ этого косвеннаго своего вліянія на свободность личныхъ силъ хозяйственныхъ, кредитъ оказываетъ на нихъ и прямое вліяніе. Онъ функціонируетъ не только въ качествѣ силы, сохраняющей свободность *имущества.* Онъ, сверхъ того, функціонируетъ въ качествѣ силы, прямо и непосредственно сохраняющей свободность экономической личности, поддерживающей ея независимость и самостоятельность.

Можетъ-ли личность получить мѣновую цѣнность еще до того, какъ ея силы осязательно проявили свою производительность и овеществились въ продуктахъ дѣятельности? Наблюденія отвѣчаютъ на этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ и при этомъ указываютъ на два пути, съ помощью которыхъ личныя силы человѣка прямо и непосредственно могутъ получать значеніе средствъ для того, чтобы входить въ имущественныя отношенія къ постороннимъ лицамъ.

Одинъ путь есть путь *личнаго найма*, другой путь представляется *кредитомъ*. Какъ чрезъ посредство личнаго найма, такъ и черезъ посредство кредита человѣкъ или его личныя силы получаютъ возможность пріобрѣтать торгово-промышленную цѣнность. Но для личности далеко не безразлично, благодаря какому изъ этихъ двухъ путей ея силы получаютъ означенную цѣнность.

Что такое личный наемъ? Продажа лицемъ своихъ силъ еще до того, какъ онѣ произвели какой либо результатъ. Когда какое либо лице нанимается на службу, это возможно, только благодаря довѣрію, которое питается къ производительности его силъ. Никто не беретъ на службу къ себѣ такого лица, котораго силы не считаются достаточно производительными, чтобъ на службу годиться. Кто беретъ къ себѣ на службу посторонняго человѣка, дѣлаетъ это въ расчетѣ или въ надеждѣ на пользу, которую онъ въ будущемъ доставитъ. Его будущая польза предвосхищается (антиципируется) и только благодаря этому становятся возможными отношенія по личному найму. Только благодаря этой антиципа-

ціи личныя силы получаютъ мѣновую (торгово-промышленную) цѣнность.

Тоже самое мы находимъ и при кредитѣ. Всякій случай кредита имѣетъ главнымъ основаніемъ своимъ расчетъ на такія производительныя качества силъ вообще и въ частности личныхъ, которыя въ данный моментъ осязательно еще не проявились, но обѣщаютъ въ будущемъ дать полезные результаты. Эти будущіе результаты предвосхищаются путемъ кредита и такимъ образомъ антиципація сообщаетъ мѣновую цѣнность и личнымъ силамъ еще до проявленія ихъ производительности.

По своимъ послѣдствіямъ и наемъ, и кредитъ для личныхъ силъ совершенно однородны. Однородны они также и въ томъ отношеніи, что оба основаны на предвосхищеніи будущихъ результатовъ производительности. Но, составляя два пути, которые ведутъ къ одной и той-же цѣли, къ мѣновой цѣнности личныхъ силъ, наемъ и кредитъ представляютъ пути *различныхъ степеней экономическаго развитія*. Какъ явленія морфологіи имущественныхъ отношеній они существенно различны.

Наблюденія жизни показываютъ, что изъ описанныхъ двухъ путей, существующихъ для личныхъ дѣятельныхъ силъ, когда онѣ стремятся получить мѣновую цѣнность и стать источниками покупательной силы еще до начала своей дѣятельности, всякая такая сила готова предпочесть кредитъ найму. Почему? На какомъ основаніи между ними проводится различіе и одному пути отдается предпочтеніе предъ другимъ?

Это основаніе преставляется—свободою. Кредитъ даетъ свободу личнымъ силамъ, предоставляетъ самой себѣ ихъ дальнѣйшую будущую дѣятельность, результатъ которой съ его помощью предвосхищенъ, оставляетъ личности ея независимость. Кредитъ предполагаетъ личность самостоятельно-предпріимчивою, имѣющею свою особую сферу, въ которой она, подчиняясь только себѣ, заботится о своей производительности, ставитъ себѣ сама свои цѣли и изыскиваетъ наилучшія средства для ихъ достиженія. Кредитъ оказывается лицу, какъ предпринимателю, дѣйствующему на соб-

ственный страхъ и по собственной иниціативѣ, готовому замѣстить другихъ лицъ, у которыхъ не хватаетъ духа иниціативы и которыя боятся дѣятельности на собственный страхъ. Онъ сообщаетъ личнымъ силамъ такую мѣновую цѣнность, *которая служитъ экономическою основою ихъ экономической и всякой другой независимости.*

Совершенно иное намъ представляетъ личный наемъ. Наемъ не отнимаетъ у человѣка его свободы нравственной личности. Онъ не вторгается во внутреннюю сферу жизни человѣка. По крайней мѣрѣ опъ этого не дѣлаетъ необходимо и по самой своей природѣ. Внутренняя свобода личности можетъ быть изъята отъ его вліяній и поставлена внѣ ихъ. Но наемъ необходимо и по самой своей природѣ вторгается во внѣшнюю и прежде всего экономическую свободу личности и ее подрываетъ. Суть найма не въ одномъ только томъ, что будущіе результаты силъ личности съ его помощью антиципируются, а въ томъ, что личность *отрекается* отъ своихъ силъ еще до того, какъ опѣ дали какой либо результатъ. Личность не остается при своихъ силахъ, какъ въ случаѣ кредита, когда она ими распоряжается въ своей собственной сферѣ. Она напротивъ передаетъ ихъ въ чужую сферу. Человѣкъ, идущій въ наемъ, совсѣмъ отказывается отъ собственной независимой экономической области. Область, въ которой дѣйствуютъ его силы, характеризуется не по собственной его личности, а по чужой; самъ онъ какъ бы теряетъ свою экономическую личность. Онъ уже не предприниматель, дѣйствующій на собственный страхъ, по собственной иниціативѣ, какъ, когда сколько ему угодно; а подчиненный, дѣйствующій на чужой страхъ, по чужой иниціативѣ, подъ чужимъ руководствомъ, для чужихъ цѣлей и выгодъ, связанный въ направленіи и объемѣ своихъ дѣйствій. Наемъ дѣлаетъ изъ человѣка какъ бы придатокъ или продолженіе чужой экономической сферы. Онъ даетъ личнымъ силамъ мѣновую цѣнность и дѣлаетъ ихъ источникомъ покупательной силы. Но за то *онъ ихъ лишаетъ экономической независимости.*

Всякій источникъ экономической независимости и самостоя-

тельности проявляетъ свою природу въ томъ, что онъ даетъ человѣку возможность войти въ кругъ людей, остающихся при своей производительной силѣ и не разстающихся съ нею до тѣхъ поръ, пока она не воплотилась въ готовой цѣнности. Необходимость уступать свою производительную или предпріимчивую силу еще до этого, необходимость отчуждать ее и передавать въ чужое хозяйство, напротивъ, характеризуетъ главнымъ образомъ экономическую зависимость лица отъ того хозяйства, которому сила передается, чтобъ въ немъ проявились ея производительныя качества. И вотъ съ этой-то точки зрѣнія важно, что кредитъ ставитъ *капиталъ* въ то-же зависимое положеніе, въ какое *наемъ* ставитъ *текущій трудъ и живую предпріимчивость*. Всякій экономическій элементъ производителенъ только вслѣдствіе сочетанія или соединенія его съ другими элементами: изолированный-же онъ теряетъ свою производительность. Личный наемъ и заемъ оба устанавливаютъ соединенность экономическихъ элементовъ и поэтому представляютъ формальные пути, которыми организуется производительность. Но они рѣшаютъ свою задачу съ различными послѣдствіями для представителей тѣхъ элементовъ, которые ими приводятся въ сочетаніе. *Наемъ* даетъ производительность въ руки *прошлаго* труда, капитала, или предпріимчивости въ качествѣ его представителя. *Заемъ* даетъ производительность въ руки *текущему* труду или живой дѣятельности, еще не овеществленной. Какъ личный наемъ беретъ у текущаго труда его экономическую силу, оставляя ему одно только формальное право свободной личности, такъ заемъ беретъ у представителя прошлаго труда имѣющуюся у него производительную силу, оставляя ему въ утѣшеніе одну только форму взятаго, голое право собственности. Въ историческомъ развитіи экономической культуры личный наемъ преставляетъ первый шагъ производства, основаннаго на свободномъ соединеніи вольныхъ экономическихъ элементовъ, первый шагъ, въ которомъ еще слышится громкій отзывъ того періода, отъ котораго онъ удаляетъ. Заемъ представляетъ въ своей грубѣйшей формѣ даль-

нѣйшій шагъ, все еще носящій слѣды времени, отъ котораго онъ отодвигаетъ. Но по мѣрѣ своего развитія, по мѣрѣ того какъ ему удается парализовать враждебныя условія, препятствующія его природѣ обнаружить свою сущность, по мѣрѣ того, какъ онъ очищаетъ себѣ поле и получаетъ возможность проявить свою силу, т. е. кредитъ, становится все болѣе очевиднымъ эмансипирующее значеніе займа для экономической личности, индивидуальной и коллективной. Становится очевиднымъ, что кредитъ—экономическая основа свободы и независимости отдѣльнаго человѣка, сословій и народовъ, когда они не успѣли себѣ выработать другой почвы для самостоятельности.

Единственная гарантія равномѣрности распредѣленія богатства и благосостоянія представляется, когда личность обладаетъ орудіемъ производства, когда послѣднее находится у производителя. Историческая миссія и заслуга кредита и заключается въ томъ, что онъ путемъ свободы производитъ величайшій переворотъ въ основаніяхъ и порядкахъ распредѣленія богатства, приводя орудіе производства къ производителю. Онъ помогаетъ именно тѣмъ лицамъ, тѣмъ сословіямъ и тѣмъ народамъ, которые страдаютъ отъ необладанія накопленными результатами прошлой дѣятельности, которые—такъ сказать—лишены экономическаго прошлаго, для которыхъ прошлое ничего не сдѣлало и которые отъ прошлаго ничего не унаслѣдовали. Къ этимъ-то лицамъ, сословіямъ и народамъ помощникомъ и спасителемъ является кредитъ. Онъ имъ даетъ возможность получить отъ лицъ, сословій и народовъ, которые не могутъ пожаловаться на свое прошлое, все то, чего они лишены. Онъ даетъ имъ возможность наверстать потерянное, исправить ошибки прошлаго, залечить болѣзни, отъ него унаслѣдованныя.

Кредитъ препятствуетъ агломераціи богатства по самой внутренней своей природѣ. Прогрессивное одностороннее сосредоточеніе богатства въ рукахъ избранныхъ лицъ, сословій и народовъ уже потому противорѣчитъ природѣ кредита, что онъ представляетъ собою способъ соединенія между людьми, способъ со-

глашенія между ними, а соединять и соглашать можно то только, что имѣетъ между собою общее, и въ той мѣрѣ, въ какой существуетъ это общее. Чѣмъ шире развивается кредитъ, тѣмъ болѣе онъ самъ содѣйствуетъ тому, чтобъ богатство, сосредоточенное у одного лица, по собственному желанію послѣдняго и въ его собственномъ интересѣ, перешло и переходило къ другимъ лицамъ, чтобъ богатство однихъ сословій переходило къ другимъ сословіямъ, наконецъ, чтобъ богатство однихъ народовъ переходило къ другимъ народамъ. Изъ того, что чѣмъ богаче предприниматель, тѣмъ большимъ кредитомъ онъ пользуется, далеко еще нельзя заключать, что кредитъ поддерживаетъ и усиливаетъ неравномѣрность въ распредѣленіи богатствъ. Во первыхъ потому, что кредитъ пропорціоналенъ не вещественному богатству, а личной предпріимчивости. Не всегда болѣе богатый пользуется и большимъ кредитомъ. Это бываетъ только тогда, когда онъ по крайней мѣрѣ не менѣе предпріимчивъ, чѣмъ его конкуррепты. Во вторыхъ потому, что неравномѣрность парализуется всѣмъ, что поднимаетъ значеніе текущей дѣятельности и ее ставитъ на одну доску съ капиталомъ. А это-то и дѣлаетъ кредитъ. Тогда какъ безъ кредита соединеніе текущей дѣятельности съ прошлою накопленною возможно только чрезъ то, что первая подчиняется второй, отправляется къ ней на службу, получаетъ отъ нея *жалованье*, состоитъ у нея саларіированною, напротивъ при кредитѣ соединеніе происходитъ обратнымъ путемъ. Капиталъ подчиняется труду и личности, онъ подпадаетъ подъ власть труда. Текущая предпріимчивость сохраняетъ свою независимость, можетъ только самой себѣ служить и еще привлекать къ себѣ на службу капиталъ. Ея доходъ изъ жалованья превращается въ предпринимательскую прибыль, т. е. въ главный источникъ, изъ котораго черпаются сбереженія для образованія капитала.

Кредитъ имѣетъ только одну почву: личную производительность. Къ этой почвѣ онъ вѣчно тяготѣетъ. Надѣлена-ли личная предпріимчивость и производительность собственностью, или не надѣлена, принадлежитъ-ли она одному сословію или другому, тому на-

роду или иному, для кредита безразлично: гдѣ, когда и у кого бы она ни существовала, онъ къ ней приноситъ сѣмена капитала и ими оплодотворяетъ ее. Для него важно только, чтобъ не было не обсѣмененной почвы. Если существуетъ личная производительность, не дающая богатства, то только отсутствіе кредита можетъ быть тому причиною. Кредитъ не совмѣстенъ съ такою аномаліею. Функція кредита—соединять элементы производительности именно вопреки тѣмъ вліяніямъ, которыми бѣдность препятствуетъ такому соединенію. Бѣдность не есть отсутствіе всякихъ элементовъ производительности и доходности: когда бѣдность доходитъ до этого предѣла, она становится патологическимъ фактомъ *физическаго и психическаго* порядковъ, а не экономическаго. Съ экономической же точки зрѣнія, бѣдность представляетъ изолированный элементъ производительности, неприведенный въ связь съ другими элементами, и оттого стѣсненный въ своей производительности. Именно потому, что кредитъ ускоряетъ соединеніе элементовъ производительности и чрезъ это возвышаетъ ихъ доходность, онъ ускоряетъ обогащеніе тѣхъ лицъ, сословій и народовъ, которые являются представителями означенныхъ элементовъ.

Кредитъ служитъ, такимъ образомъ, мостомъ, перекинутымъ, благодаря историческому развитію экономической культуры, чрезъ ту пропасть, которая отдѣляетъ богатство отъ бѣдности. Единственная основная причина бѣдности—непроизводительность хозяйственныхъ силъ и средствъ или недостаточная ихъ производительность. Несправедливости, обманъ и эксплоатація составляютъ уже производныя явленія, которыя сами обусловливаются тѣмъ, что экономическіе источники не даютъ столько, сколько было бы необходимо для всеобщаго благосостоянія безъ борьбы и взаимной вражды изъ за него. Вслѣдствіе того, что не эти явленія представляютъ главную причину бѣдности, и устраненіе ея происходитъ не чрезъ устраненіе ихъ, а чрезъ устраненіе той основной и первоначальной причины, которая составляетъ главную основу бѣдности. *Кредитъ возвышаетъ производительность экономическихъ силъ и средствъ; онъ даетъ имъ возможность*

*подниматься до наивысшей производительности и этимъ противудѣйствуетъ бѣдности.* И разъ онъ оказалъ свое вліяніе на одну часть экономичесихъ силъ и средствъ, остальныя части раньше или позже необходимо также должны подвергнуться его вліянію. Это обусловливается цѣльностію народнохозяйственнаго организма, или органичностью экономической жизни, или, наконецъ солидарностью интересовъ, — все равно, какъ бы мы ни выражали мысль, что производительность одной части народно-хозяйственнаго поля не можетъ не отразиться и на всей остальной его части.

Независимо отъ своего непосредственно эмпирическаго значенія для отдѣльнаго лица развитіе кредита имѣетъ, такимъ образомъ, широкое общее, сословное, народное и всемірно-экономическое значеніе, вслѣдствіе той роли, которую онъ играетъ въ образованіи капитала. Чѣмъ выше производительность, тѣмъ больше можетъ быть сдѣлано и для потребленія, тѣмъ болѣе можетъ быть сдѣлано для устраненія борьбы изъ за того, кому на свѣтѣ хорошо прожить. Но производительности больше, когда капитала больше. Чѣмъ больше капитала, поэтому, тѣмъ больше основаній для его равномѣрнаго распредѣленія между членами отдѣльныхъ сословій, между сословіями и между народами. И великое культурно-историческое, соціальное и международное значеніе кредита въ томъ и заключается, что въ новое время онъ представляетъ новую форму распредѣленія капитала, т. е. производительнаго имущества или доходной собственности.

Капиталъ по настоящее время составлялъ преимущественно-прочную основу благосостоянія, и кредитъ, представляющій главный способъ его распредѣленія, выражаетъ, что современное распредѣленіе основанія благосостоянія зиждется на новомъ началѣ: не на началѣ привиллегіи и защиты внѣшнею властью, а на производительности, на возможной полезности, выгодности и доходности экономическаго элемента. Все равно, заключается ли этотъ элементъ въ унаслѣдованномъ отъ предковъ

состояніи, или въ личныхъ способностяхъ; для кредита и то, и другое одинаково служитъ обезпеченіемъ.

По сю пору развитіе кредита было далеко не равномѣрное, какъ между отдѣльными лицами, такъ и между сословіями и народами. Но даже одностороннее его развитіе только въ извѣстныхъ пунктахъ, развивая ихъ производительныя силы, должно раньше или позже прорвать границы, стѣсняющія его развитіе и его замыкающія, чтобъ расширить его вліяніе: потому что послѣдствія кредита по своей природѣ такого свойства, что они всего менѣе могутъ оставаться замкнутыми въ узкихъ границахъ. Кредитъ имѣетъ потребность въ постоянно и прогрессивно расширяющейся сферѣ лицъ, между которыми и среди которыхъ онъ установливаетъ условія соглашенія и соединенія. Онъ втягиваетъ поэтому въ сферу своихъ вліяній новыя лица, новыя сословія, новые народы. Мало того, что, благодаря ему, всѣ они являются собранными на почвѣ свободнаго довѣрія другъ къ другу: они сверхъ того связаны не менѣе, если не болѣе крѣпкими узами разсчета экономическаго интереса, соображеніями о сохраненіи и совершенствованіи экономическихъ основъ своего благосостоянія и своей независимости

Отсюда понятна функція кредита для того ряда вопросовъ, которые вызываются соціальною борьбою изъ за благосостоянія между отдѣльными лицами, сословіями и народами. Слѣдуя за прогрессомъ производительности силъ личныхъ, сословныхъ и народныхъ, вызываемый этимъ прогрессомъ, кредитъ самъ его потомъ поощряетъ и даетъ возможность лицамъ, сословіямъ и народамъ пользоваться своими возросшими въ производительности силами безъ подчиненія ихъ чужому хозяйству, а напротивъ съ поставленіемъ чужаго хозяйства во взаимную зависимость отъ себя. Болѣе производительныя силы, благодаря кредиту, не должны уже быть отчуждаемы: ихъ владѣлецъ сохраняетъ ихъ за собою, да еще вооруженными плодами прошлой предпріимчивости. Кредитъ представляетъ собою рѣшеніе соціальнаго вопроса, тихо и незамѣтно, какъ бы за спиною людей выростающее и въ той мѣрѣ пріі-

обрѣтающее силу, въ какой оно находитъ для себя благопріятныя *реальныя* условія и въ какой ему удается парализовать враждебныя условія.

Соціальное значеніе кредита бросается въ глаза тому, кто умѣетъ наблюдать борьбу общественныхъ интересовъ не только тогда, когда она выражается физическими насильствами или угрозою ими, не только тогда, когда ее ведетъ капиталъ съ грубымъ, неразвитымъ и наименѣе производительнымъ текущимъ трудомъ, но и тогда, когда борьбу ведутъ капиталъ съ текущимъ трудомъ квалифицированнымъ, когда оружіемъ въ борьбѣ служатъ силы ума и энергіи, силы знанія и смѣлости, изобрѣтательности и настойчивости. Конечно, чѣмъ ниже мы будемъ спускаться по лѣстницѣ общественныхъ слоевъ, тѣмъ менѣе еще видны и проявленія соціальной функціи кредита. Но вѣдь и въ верхнихъ слояхъ кредитъ воздѣйствовалъ не случайно, а явился историческимъ послѣдствіемъ прогресса производительности личныхъ силъ. И въ низшихъ слояхъ поэтому кредитъ только тогда получитъ основаніе для своей силы, когда текущій трудъ пріобрѣтетъ качества производительности не только подъ вліяніемъ посторонняго руководства предпринимателя, но и по личной иниціативѣ представителей низшихъ слоевъ. И въ экономической области жизни, какъ и во всѣхъ остальныхъ, чудесъ не бываетъ. Дѣлается только то, на что предварительно были выработаны соотвѣтственно необходимыя силы. Когда и у низшихъ классовъ въ рукахъ окажутся силы, производительныя качества которыхъ, и безъ стараній предпринимателя-посредника, будутъ стоять выше сомнѣній, тогда признаніе этихъ качествъ будетъ признаніемъ ихъ цѣнности вообще, ихъ мѣновой цѣнности въ частности, а слѣдовательно и кредита низшихъ классовъ.

Не разъ уже было замѣчено, что такъ называемые соціальные вопросы представляютъ не какіе либо новые вопросы, входящіе въ особую категорію, которой соотвѣтственныхъ силъ теорія и практика экономической жизни не знала бы. Совершенно напротивъ, такъ называемые, соціальные вопросы представ-

ляютъ тѣ-же задачи, которыя ежедневно разрѣшаются многое число разъ, относительно которыхъ достаточно извѣстно, какъ онѣ разрѣшаются. Но соціальные вопросы несомнѣнно отличаются объемомъ, принимаемымъ въ нихъ элементами означенныхъ задачъ, а слѣдовательно и объемомъ тѣхъ средствъ, которыя требуются для разрѣшенія задачъ, ими выражаемыхъ. Они, слѣдовательно, главнымъ образомъ отличаются громадностью требованій, ими предъявляемыхъ, но не направленіемъ этихъ требованій. Опытъ жизни знаетъ уже силы, для этихъ требованій вырабатывающіяся.

10. Путемъ кредита предпріимчивость, не смотря на то, что она еще не дала готовыхъ результатовъ и осязательно еще не успѣла показать свою производительность, получаетъ возможность играть въ экономической сферѣ такую же самостоятельную роль, какъ еслибъ она уже закончила свое дѣло и реализировала свои результаты. Но она во всякомъ случаѣ опирается на эти результаты. Въ данное время результаты могутъ еще не существовать, но кредитъ устраняетъ сомнѣнія въ ихъ существованіи въ будущемъ. А развитому времени будущее такъ же дорого, какъ и его настоящее. Дѣйствуя въ качествѣ силы, предвосхищающей будущее, антиципирующей его, кредитъ вызываетъ къ жизни новый рядъ цѣнностей и на ихъ сумму увеличиваетъ имѣющееся богатство. Дикари дорожатъ только текущею минутою и не безпокоятся о будущемъ. Развитые народы, напротивъ, о будущемъ заботятся, заготовляютъ для него запасы, собираютъ и совершенствуютъ для него силы. Но было бы ошибочно думать, что этими заботами о будущемъ, при которыхъ само оно остается страдательною цѣлью, исчерпываются всѣ отношенія къ будущему. Если прогрессивное развитіе даетъ возможность оживлять мертвую природу, то это же развитіе даетъ возможность оживлять и будущее, дѣлать изъ него не только страдательную сокровищницу, въ которую складываются плоды прошлой и текущей предпріимчивости, но сверхъ того еще и дѣятельнаго по-

мощника. Съ перваго раза можетъ казаться совершенною невозможностью извлекать помощь изъ того, что еще вовсе не существуетъ, а что еще должно возникнуть Но это не совсѣмъ и не для всѣхъ невозможно.

Громадная масса силъ и средствъ съ прогрессомъ экономическаго развитія оказывается безплодно остающеюся оттого только, что она слагается изъ частей, которыя каждая въ отдѣльности не годятся для окончательнаго достиженія съ ихъ помощью тѣхъ цѣлей, для стремленія къ которымъ нужны экономическія средства. Весьма часто многочисленныя причины препятствуютъ этимъ частямъ соединяться въ одно цѣлое, чтобъ путемъ соединенія *одновременнаго* могли быть увеличены ихъ производительныя качества. А между тѣмъ только соединеніе каждой изъ составныхъ частей означенной массы съ другими силами и средствами только и въ состояніи возвысить ихъ производительность и сдѣлать ихъ пригодными для практическихъ цѣлей. Непосредственно очевидно ихъ обладателямъ, что на текущія надобности ихъ средства не способны служить. Но и будущимъ надобностямъ, да и вообще всякимъ надобностямъ, средства какъ будто неспособны служить, потому что ихъ мало. Что же съ ними дѣлать? Оставлять ихъ безплодными? Предоставить ихъ росту? Но въ экономической сферѣ ростъ происходитъ только при дѣятельномъ состояніи силъ и средствъ. Если же силы и средства остаются бездѣятельными, онѣ не ростутъ. Какъ же быть?

Изобрѣтательное время нашло исходъ и для такихъ силъ и средствъ, съ помощью коихъ въ данное время нельзя окончательно достигнуть никакой цѣли, и для этого-то оно притянуло на помощь силы и средства будущаго. Какъ же это стало возможнымъ? Чрезъ то, что новыя предпріятія *только начинаются* имѣющимися силами и средствами. Правда, на доведеніе ихъ до конца не имѣется наличныхъ средствъ въ данное время. Но будущее время вѣдь будетъ обладать этими средствами. Ему придется только *кончать* предпріятія, т. е. и будущему вѣдь придется только одна часть. Такимъ образомъ къ существующимъ предпріятіямъ при-

бавляются новыя, которыя уже съ самаго начала разбиты на части. Одну изъ частей беретъ на себя настоящее, другія оно оставляетъ будущему. Силы текущаго времени соединяются съ силами будущими, отъ этого соединенія увеличивается производительность тѣхъ и другихъ и такимъ образомъ получается новая почва, на которой можетъ расшириться человѣческое благосостояніе. Конечно для этого необходимо умѣніе предусматривать будущія силы, умѣніе ихъ оцѣнивать, умѣніе предвидѣть условія, при которыхъ будутъ дѣйствовать силы, отъ которыхъ будетъ зависѣть ихъ производительность и которыя опредѣлятъ окончательную судьбу предпріятія. Конечно, когда дѣйствія приходится основывать на предусмотрѣніи, ихъ приходится подвергать и опасностямъ, которыя избѣгаются, когда дѣйствія совсѣмъ не предпринимаются. Но когда дѣйствія совсѣмъ не предпринимаются, тогда онѣ остаются совсѣмъ не производительными. Ихъ непроизводительность въ такомъ случаѣ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія и вѣроятія. Напротивъ, когда дѣйствія предпринимаются, то ихъ непроизводительность становится только вѣроятною, но столь же, по крайней мѣрѣ, вѣроятною становится и ихъ производительность. Прогрессъ производительности невозможенъ при бездѣятельности. Онъ всегда начинается съ попытокъ, которыя не разъ оказываются неудачными. Но эти неудачи даютъ опытность. А опытность укрѣпляетъ способность человѣка предусматривать будущее, получать надъ нимъ власть и дѣлать изъ него источникъ благосостоянія.

На высшихъ степеняхъ экономическаго развитія цѣнность пріобрѣтаетъ не только то, что осязательно и вещественно, но и вообще все то, на что человѣкъ можетъ распространить свою власть, что онъ можетъ притянуть на службу къ себѣ, что онъ можетъ приноровить къ какой-либо своей потребности для удовлетворенія этой потребности. Потребности будущаго люди развитые чувствуютъ также напряженно, какъ и потребности настоящаго, хотя онѣ еще не наступили. Почему и какъ? Потому что *мысль* о потребностяхъ будущаго, мысль,

ихъ предусматривающая, представляетъ какъ бы цѣпь, которою будущее втягивается въ настоящее. И вотъ этою же самою цѣпью въ область настоящаго втягиваются не только потребности, но и силы будущаго. Не нужно, чтобъ силы будущаго реально и осязательно были втянуты въ область настоящаго и чтобы ихъ можно было ощупывать руками. Нужно только, чтобъ надъ ними была пріобрѣтена власть и чтобъ эта власть была возможно менѣе сомнительна. А эту-то власть и дастъ точная мысль о будущемъ, т. е. предусмотрѣніе.

Изложенное выясняетъ намъ значеніе антиципаціи или предвосхищенія будущихъ силъ для народнаго хозяйства во всей его цѣлости. Но антиципація получаетъ еще особое значеніе по другимъ причинамъ.

Кредитъ оживляетъ источникъ покупательной силы, скрытой въ текущей предпріимчивости. Когда эта предпріимчивость воплощается внѣшнимъ образомъ въ оказанныхъ ею вещественныхъ или невещественныхъ результатахъ, эти результаты содержатъ въ себѣ силы, прежде нераздѣльныя отъ личности и составлявшія ея предпріимчивость. Эти-то силы дѣлаютъ результаты цѣнными и способными на то, чтобъ ихъ можно было обмѣнять на другіе цѣнные результаты, или, какъ выражается наука, *мѣноспособными*. Мѣноспособность результатовъ предпріимчивости, приведенная въ движеніе, дѣйствуетъ, какъ *покупательная сила* обладателей результатовъ Такимъ образомъ или предпріимчивость получаетъ торгово-промышленную цѣнность еще до того, какъ она воплотилась въ цѣнныхъ результатахъ и тогда *на ней* основывается покупательная сила соотвѣтственнаго лица. Или же предпріимчивость прежде воплощается въ результатахъ, обладающихъ мѣноспособностью и на этой послѣдней основывается покупательная сила. Въ томъ и другомъ случаѣ однако покупательная сила одна и таже. Въ первомъ случаѣ она только имѣетъ одно *внутреннее* (личное) основаніе, во второмъ же она имѣетъ и внѣшнее (вещное) основаніе. Все значеніе кредита, слѣдовательно, заключается въ томъ, что онъ даетъ возможность воспользоваться покупатель-

ною силою еще до того, какъ она пріобрѣла внѣшнее основаніе. И вотъ тѣ дѣйствія, съ помощью коихъ кредитъ получаетъ подобное значеніе, и называютъ *антиципаціею* въ томъ смыслѣ, въ какомъ она важна для отдѣльныхъ лицъ и для обособленныхъ экономическихъ сферъ.

Антиципаціею въ подобномъ случаѣ обозначаютъ предвосхищеніе будущихъ вещественныхъ поступленій или доходовъ, пользованіе ими, хотя они еще не существуютъ, только на основаніи существованія источника, *ихъ обѣщающаго въ будущемъ*. Все то, слѣдовательно, что можетъ быть источникомъ доходовъ, что обѣщаетъ въ будущемъ поступленія, можетъ быть въ соотвѣтственной мѣрѣ и основою антиципаціи. Все значеніе послѣдней въ томъ, что она напередъ распоряжается поступленіями будущаго, напередъ имъ опредѣляетъ назначеніе, напередъ указываетъ, на что они должны будутъ уйти и быть затрачены, *напередъ ихъ завязываетъ*.

Послѣднее въ особенности необходимо помнить въ виду ходячихъ представленій, что антаципація дѣлаетъ свободными и развязываетъ такіе источники средствъ, которые безъ нея оставались бы замкнутыми. Что кредитъ, поддерживая антиципацію, дѣйствительно развязываетъ и открываетъ замкнутые источники, это совершенно справедливо На основаніи кредита предпріимчивость можетъ предвосхитить и ту свою покупательную силу, которой источникъ ея живыя личныя силы, и ту, которой источникъ — мѣноспособность товаровъ съ отсроченнымъ до поры — до времени сбытомъ (оборотные капиталы), и ту, которой источникъ—доходы отъ такъ называемыхъ постоянныхъ капиталовъ, и ту, наконецъ, которой источникъ сбереженный доходъ, безъ отношенія до его основанія. Кредитъ даетъ возможность за всѣ эти будущія поступленія получить наличный капиталъ. Слѣдовательно, онъ ускоряетъ процессъ образованія цѣльныхъ капиталовъ изъ единовременно или періодически поступающихъ доходовъ и содѣйствуетъ превращенію личныхъ силъ въ капиталы и капиталовъ постоянныхъ въ оборотные. Но это дѣйствіе кредита не представляетъ его видовой особенности.

Дѣло въ томъ, что кредитъ есть видъ обмѣна. Онъ всегда заключается въ полученіи наличнаго капитала (готовой цѣнности) и отдачѣ, взамѣнъ полученнаго, цѣнности, заключающейся или въ нереализированномъ результатѣ текущей предпріимчивости, или въ неоконченномъ и нереализированномъ результатѣ предпріимчивости прошлой. Во всякомъ случаѣ при кредитѣ обмѣниваются другъ на друга реализированные результаты на нереализированные еще и подлежащіе реализаціи черезъ извѣстный срокъ. На этотъ-то срокъ обмѣнъ, представляемый кредитомъ, и долженъ растянуться.

Но общее родовое значеніе *всякаго* обмѣна заключается, между прочимъ, въ томъ, что онъ выводитъ изъ неподвижности экономическія силы и средства, приводитъ ихъ въ движеніе и заставляетъ ихъ переходить отъ одного лица къ другому. Обмѣнъ, и притомъ *всякій* обмѣнъ, мобилизуетъ богатства. Если слѣдовательно, кредитный обмѣнъ имѣетъ важное значеніе для мобилизаціи, то не въ силу своихъ видовыхъ признаковъ, а родовыхъ. Кредитъ только потому усиливаетъ мобилизацію, что онъ увеличиваетъ *количество* обмѣновъ, а не тѣмъ, что онъ обладаетъ извѣстными особенностями, дѣлающими отдѣльную категорію изъ обмѣновъ, имъ вызываемыхъ.

Теперь, превращеніе цѣнностей, *годящихся* лишь въ капиталы, въ *дѣйствительные* капиталы, или однихъ видовъ капитала въ другіе его виды, производится мобилизаціею цѣнностей вообще, увеличеніемъ ихъ подвижности, освобожденіемъ ихъ отъ прикрѣпленности къ извѣстному лицу или къ производительности его силъ. Слѣдовательно и кредитъ производитъ это послѣдствіе только потому, что онъ одно изъ проявленій мобилизаціи цѣнностей. Видовые признаки кредита здѣсь ни причемъ.

Напротивъ, видовыя вліянія кредита выступаютъ на первый планъ, когда мы обращаемъ вниманіе на направленіе, въ которомъ идетъ движеніе, сообщенное имъ цѣнностямъ. Въ этомъ направленіи и выражаются особенности кредитнаго обмѣна въ отличіе отъ обмѣна вообще. Дѣло въ томъ, что обмѣнъ вообще,

или точнѣе, наличный обмѣнъ, сообщая движеніе цѣнностямъ, не имѣетъ стремленія направлять это движеніе непремѣнно въ извѣстныя стороны. Онъ къ этому направленію относится безразлично, иными словами, предоставляетъ ему полную свободу. Напротивъ, кредитный обмѣнъ, простирающій свои вліянія на цѣнности, изъ которыхъ онъ стремится сдѣлать капиталъ, этимъ самымъ уже выражаетъ опредѣленное направленіе, въ которомъ онъ ведетъ движеніе. Освобождая цѣнности отъ ихъ прикрѣпленности къ данному лицу, мобилизація въ кредитѣ немедленно снова связываетъ цѣнности передачею ихъ извѣстнымъ предпріятіямъ. Потому что кредитъ представляетъ ту мобилизацію, которая служитъ не безразлично всѣмъ надобностямъ, а только надобностямъ экономической производительности.

Ньи доходы кредитъ превращаетъ въ капиталъ, это все равно, какъ все равно, изъ какого источника эти доходы получаются. Важно лишь, чтобъ обезпеченность поступленія этихъ доходовъ была внѣ сомнѣнія. Если поступленіе доходовъ обезпечено, то кредитъ дѣлаетъ ихъ равносильными капиталу, или уравниваетъ ихъ съ капиталомъ. И притомъ это уравненіе имѣетъ не только теоретическое значеніе, а и практическое: уравниваемыя вещи отдаются одна за другую въ обмѣнѣ, который кредитомъ вызывается.

Надобно однако помнить, что каждый разъ когда кредитъ превращаетъ будущіе доходы въ наличный капиталъ или постоянный капиталъ въ оборотный, происходитъ и обратное явленіе. чей либо капиталъ превращается въ доходъ, имѣющій невещественное основаніе текущей или будущей предпріимчивости, или-же чей либо оборотный капиталъ превращается въ постоянный. На основаніи этого факта обыкновенно и отрицаютъ всякую самостоятельную производительность у кредита, будто бы *только* перетасовывающаго экономическія качества и элементы, безъ него уже данные. Но при этомъ забываютъ, что въ экономической сферѣ никакая производительность не заключается въ сотвореніи чего либо изъ ничего, что, напротивъ, производительность всегда означаетъ только какую нибудь «перетасовку» данныхъ элементовъ. Забываютъ, что суть

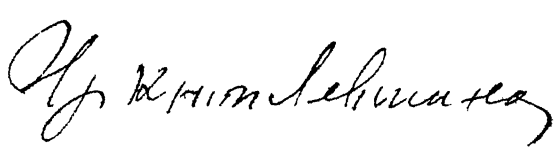
всякой произво ительности въ концѣ концовъ сводится къ *движенію*, что всякая творческая дѣятельность человѣка всегда въ концѣ концевъ разрѣшается въ движеніе, произведеніемъ котораго она и ограничивается. Человѣкъ или переставляетъ внутреннiе элементы вещества и этимъ его видоизмѣняетъ, или онъ переставляетъ вещество, какъ цѣлое, съ одного мѣста на другое, или онъ его переставляетъ изъ одного времени въ другое. Вотъ почему совершенно достаточно для признанія за кредитомъ самостоятельной производительности, разъ только внѣ сомнѣнія фактъ, что имъ пораждается такое движеніе, которое безъ него совсѣмъ не существовало бы: разъ только внѣ сомнѣнія, что еслибъ кредитъ не «перетасовывалъ» элементовъ, и безъ него данныхъ, то они не обладали бы всѣми необходимыми качествами и были бы менѣе полезны или даже совсѣмъ не полезны. Для того, чтобъ признать за кредитомъ такую же самостоятельную производительность, какою обладаютъ капиталъ и раздѣленіе труда, совсѣмъ не нужно преувеличивать его качествъ, не нужно ему приписывать никакой творческой и чудесной силы. Означенное признаніе является простымъ и естественнымъ выводомъ, который самъ собою вытекаетъ изъ самыхъ простыхъ посылокъ. Въ экономической сферѣ вообще не существуетъ чудотворныхъ силъ. *Поэтому* и кредитъ не представляетъ чутотворной силы. Но кредитъ является послѣдствіемъ экономическаго прогресса и притомъ такимъ, которое само обусловливаетъ дальнѣйшій прогрессъ. Онъ удовлетворяетъ коренной и настоятельной потребности. Безъ него цѣлый рядъ явленій, въ высшей степени важныхъ и глубоко затрогивающихъ интересы благосостоянія, были бы невозможны. Поэтому къ нему нельзя относиться съ пренебреженіемъ, какъ будто совершенно безразлично, существуетъ ли онъ, или не существуетъ. Мы не обладаемъ мѣрою, которою можно было бы точно опредѣлить, какъ велика важность капитала, или какъ велика важность раздѣленія труда, или какъ велика важность кредита. Мы знаемъ только, что всѣ они очень важны для производительности экономическихъ силъ и средствъ. Если справед-

ливо, что преувеличивать значеніе каждаго изъ этихъ условій производительности такъ-же опасно, какъ уменьшать ихъ значеніе, то остается только признать, что всѣ они равно важны.

11. Мы можемъ въ заключеніе этой главы собрать все сказанное о кредитѣ, чтобъ дать по возможности болѣе полное опредѣленіе его, которое содержало бы всѣ его существенные признаки.

Кредитъ означаетъ покупательную силу предпріимчивости, текущей или прошлой, совершенно или отчасти еще не реализовавшей своихъ результатовъ, но признанной производительною, и обладающею мѣновою цѣнностью, предвосхищающей и обмѣнивающей свои будущіе плоды на такіе готовые плоды прошлой предпріимчивости, которые въ рукахъ своихъ владѣльцевъ оставались бы непроизводительными, которыхъ производительность спасается отъ гибели и сохраняется переходомъ ихъ въ новыя руки, которыхъ цѣлость и свободность гарантируется ихъ владѣльцамъ тѣмъ, что всякій угрожающій имъ страхъ опасности, равно какъ и ихъ связанность, принимаетъ на себя предпріимчивость, свои результаты, еще не реализовавшая, получающая въ свои руки плоды прошлой предпріимчивости, вооружающаяся ими и этимъ обезпечивающая себѣ свою собственную производительность и экономическую независимость. Опредѣленіе это—длинно, но и кредитъ—сложное явленіе.

---



## ГЛАВА II.

### Кредитъ и деньги.

12. Всѣ тѣ послѣдствія, которыя кредитъ влечетъ за собою, онъ производитъ *ускореніемъ передвиженія* (мобилизацією) цѣнностей, ускореніемъ обращенія отдѣльныхъ составныхъ частей богатства. То, что долго еще осталось бы въ рукахъ собственника или производителя, дожидаясь удобнаго момента для перехода къ другому лицу, всему тому кредитъ сокращаетъ срокъ выжиданія, быстро переводя его въ другія руки. То, что долго должно было бы оставаться мертвымъ капиталомъ, дожидаясь удобнаго случая, когда окажется производительная рука, способная его оживить и сдѣлать доходнымъ, все то, благодаря кредиту, получаетъ возможность стать немедленно производительнымъ и доходнымъ. Кредитъ уничтожаетъ перерывы въ доходности экономическихъ средствъ и дѣлаетъ ихъ непрерывно производительными чрезъ то, что онъ ускоряетъ ихъ передвиженіе изъ одной производительной руки въ другую. Какъ только доходность потерпѣла перерывъ, во время нахожденія капитала въ одной рукѣ, хотя бы это время было самое короткое, кредитъ немедленно начинаетъ свое дѣло: онъ переводитъ капиталъ въ такія руки, которыя именно въ это время могутъ возвратить бездоходнымъ средствамъ ихъ прежнюю доходность. Онъ не даетъ залеживаться полезнымъ экономическимъ средствамъ *въ ненад-*

*лежащее время въ ненадлежащемъ мѣстѣ;* ускореніемъ ихъ обращенія онъ постоянно ихъ устанавливаетъ среди тѣхъ условій (спроса и предложенія), которыя для ихъ производительности и доходности наиболѣе выгодны.

Какимъ же образомъ кредитъ оказываетъ свое ускоряющее вліяніе на обращеніе богатства? Чѣмъ онъ увеличиваетъ быстроту или скорость передвиженія богатства изъ однѣхъ рукъ въ другія?

Чтобы это понять, необходимо вспомнить, отъ чего вообще зависитъ скорость обращенія? Каждому извѣстно изъ самаго непосредственнаго опыта, всякую минуту на его глазахъ происходящаго, что скорость обращенія богатства обусловливается и производится спеціальнымъ орудіемъ для произведенія этой скорости—*деньгами.* Деньги могутъ имѣть, и дѣйствительно имѣютъ, еще и разныя другія свойства и еще другое назначеніе, кромѣ ускоренія передвиженія богатства. Но для насъ *теперь* это не важно. Когда деньги разсматриваются только съ той ихъ стороны, которою онѣ служатъ ускоренію передвиженія цѣнностей, ихъ называютъ *орудіями обращенія*, или циркуляціоннымъ механизмомъ. Эти орудія обращенія стали настоятельною необходимостью съ первой минуты, когда у экономическаго міра возникла потребность въ ускореніи перехода богатства изъ однѣхъ рукъ въ другія. Долгіе и трудные пути должна была проходить экономическая практика человѣчества, пока, съ возрастаніемъ и усиленіемъ потребности въ ускоренномъ обращеніи, ей удалось отъискать такое средство, съ помощью котораго получалась желанная степень скорости. По мѣрѣ прогрессивнаго развитія экономической практики, для нея оказывалась необходимою все большая и большая скорость обращенія: оказывались необходимыми все болѣе и болѣе совершенныя орудія обращенія. Экономическій прогрессъ долженъ былъ являться на помощь и въ области орудій обращенія, создавая новые и лучшіе способы перевода имуществъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, *создавая новыя и лучшія орудія обращенія*, которыя могли производить *все болѣе*

*и болѣе скорости.* На *этомъ* пути развитія и совершенствованія орудій обращенія, кредитъ представляетъ послѣдній шагъ, сдѣланный человѣчествомъ въ прогрессивномъ улучшеніи этой области.

Кредитъ является послѣдствіемъ чисто естественнаго роста производительности экономическихъ силъ. Встрѣчаясь съ потребностью въ ускоренномъ обращеніи увеличенныхъ массъ богатства, онъ удовлетворяетъ этой потребности, *создавая рядъ разнообразныхъ новыхъ орудій обращенія*, спеціально служащихъ для полученія большей скорости при передвиженіи богатства изъ рукъ въ руки. Кредитъ дѣйствуетъ покупательною силою предпріимчивости, еще совсѣмъ или отчасти не реализовавшей своихъ результатовъ, но обѣщающей таковые. Знакомъ этихъ обѣщаемыхъ результатовъ и соотвѣтствующей имъ покупательной силы, выражающей кредитъ, служатъ *документы о долгахъ*, порождаемыхъ обѣщаніями доставленія будущихъ результатовъ. Эти-то документы, которыми обозначается покупательная сила, составляющая содержаніе кредита, служатъ и орудіями обращенія, съ помощью которыхъ кредитъ содѣйствуетъ увеличенію скорости передвиженія богатства. Вотъ почему всѣ новыя орудія, кредитомъ порождаемыя, вмѣстѣ взятыя, объединяются въ общемъ для всѣхъ ихъ названіи *кредитнаго знака.*

*Кредитъ не создаетъ денегъ.* Изъ *всей* той совокупности свойствъ и силъ, которыми деньги обладаютъ, и изъ *всѣхъ* тѣхъ функцій, которыя отличаютъ деньги, онъ выбираетъ *одни только тѣ*, которыя имѣютъ *непосредственное* значеніе для *скорости* обращенія и стремится найти *новый* источникъ для этихъ свойствъ и силъ, *новый* матеріалъ, годный для функцій, вліяющихъ *непосредственно и единственно* на скорость обращенія. Деньги (мы говоримъ о настоящихъ деньгахъ высшей экономической культуры, т. е. золотыхъ и серебряныхъ) служатъ *не для одного только* ускореннаго обращенія. Не менѣе важное значеніе онѣ имѣютъ, какъ самое совершенное орудіе, *для измѣренія экономической цѣнности богатства*, для опредѣленія

*размѣра* его мѣноспособности и покупательной силы, словомъ, для точнаго количественнаго уясненія экономическихъ свойствъ вещей. Драгоцѣнно-металическія деньги также точно служатъ *экономическою* мѣрою вещей, какъ аршинъ, пудъ, четверть, ведро, термометръ и т. п. служатъ ихъ *физическою* мѣрою. Но на сколько деньги служатъ орудіемъ для измѣренія, онѣ въ общемъ экономическомъ значеніи одинаково важны, какъ *для производства*, такъ и для обращенія. Какъ всякая мѣра, онѣ служатъ основаніемъ *счета*, а экономическій счетъ и безъ обращенія весьма важенъ. *Спеціальнаго* значенія для скорости передвиженія деньги въ качесткѣ мѣры, такимъ образомъ, не имѣютъ. Другое свойство металическихъ денегъ заключается въ томъ, что онѣ представляютъ наилучшее и наиболѣе удобное средство *сберегать* богатства, *собирать и сохранять ихъ на будущія времена*. Въ качествѣ такого орудія, онѣ, понятно, также не имѣютъ *спеціальнаго*, особеннаго значенія для обращенія. Это ихъ значеніе, напротивъ, общее, въ той же мѣрѣ важное и для производства. Функція обращенія въ металическихъ деньгахъ предполагаетъ уже въ нихъ функціи измѣренія и сбереженія и, безъ нихъ, сама была бы невозможна. Но она отъ нихъ *совершенно отлична*, какъ вообще всѣ три функціи денегъ другъ отъ друга существенно отличны. *Каждая изъ нихъ можетъ быть отдѣлена отъ остальныхъ*, и не только разсматриваема отдѣльно, но даже и осязательнымъ образомъ *выдѣлена*. Когда кто либо накопляетъ себѣ сокровище изъ золота и серебра, онъ пользуется деньгами только, какъ орудіемъ для сбереженія, игнорируетъ остальныя функціи ихъ, совершенно ихъ заглаживаетъ, затираетъ и имѣетъ въ деньгахъ—одного только представителя свободнаго, ни на что еще не затраченнаго имущества. Во всемірномъ оборотѣ, чистое орудіе сбереженія богатства дѣйствительно и фигурируетъ въ видѣ золотыхъ и серебряныхъ слитковъ, которыми торгуютъ, не какъ суровьемъ для производства, и не какъ орудіями обращенія и измѣренія, а какъ представителями свободнаго капитала. Въ этихъ слиткахъ

помѣщены народныя сбереженія и для сохраненія этихъ сбереженій они служатъ спеціальнымъ орудіемъ. Также точно, какъ оборотъ, выдѣливъ изъ денегъ функцію сберегательную, создалъ для нихъ спеціальное орудіе въ драгоцѣнно-металлическихъ слиткахъ, такъ точно *онъ выдѣляетъ изъ металлическихъ денегъ функцію обращенія и создаетъ для нея новаго представителя въ кредитномъ знакѣ*, все равно, какой бы формы ни былъ этотъ знакъ.

Прежде, чѣмъ мы подробно выяснимъ это выдѣленіе функціи обращенія изъ металлическихъ денегъ и созданіе для нея спеціальнаго орудія въ кредитномъ знакѣ, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній объ основныхъ качествахъ денегъ и ихъ функціяхъ въ качествѣ орудій мѣры, сбереженія и обращенія. Замѣчанія эти имѣютъ непосредственное значеніе для нашего предмета.

13. Никакая полезность въ мірѣ не пользуется такою общепризнанностью, какою пользуются золото и серебро. Бѣдный и богатый, развитый и неразвитый, образованный и дикарь, по предразсудку ли, или по другой причинѣ, все равно, для насъ важенъ фактъ: — всѣ дорожатъ золотомъ и серебромъ. Откуда берется такая универсальная признанность, мы здѣсь разбирать не возмемся. Она во всякомъ случаѣ одинъ изъ оригинальнѣйшихъ фактовъ такъ называемой психологіи народовъ. Всѣмъ народамъ, съ низшихъ степеней ихъ развитія, золото и серебро оказываются извѣстными, всѣ ихъ признаютъ за наилучшее украшеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ за наиболѣе пригодный матеріалъ, когда дѣло касается доказательства обладанія накопленною дѣятельностью, собственною-ли, унаслѣдованною, или насильно лишенною ея результатовъ. Одна изъ производныхъ причинъ, по которымъ драгоцѣнными металами дорожатъ, представляется ихъ высокою *удѣльною* цѣнностью: ихъ способностью представлять наибольшую цѣнность въ наименьшемъ физическомъ объемѣ. Эта высокая удѣльная цѣн-

ность дѣлаетъ ихъ особенно удобными для цѣлей сбереженія. Сверхъ того, они обладаютъ весьма важными для этихъ цѣлей свойствами прочности, однородности въ составныхъ частяхъ и дѣлимости. Богатство, принявшее форму золота и серебра, воплотившееся въ драгоцѣнно-металическомъ тѣлѣ, можетъ всего болѣе сохраняться, всего менѣе бояться разрушительнаго вліянія времени, всего менѣе ему подчиняться и, напротивъ, само всего болѣе надъ нимъ господствовать. Но золотое и серебряное тѣло сверхъ того имѣетъ то преимущество, что оно одинаково предлагаетъ свои услуги большому и малому богатству: золото и серебро почти до безконечности дѣлимы, и потому могутъ въ себѣ воплощать богатства самыхъ разнообразныхъ размѣровъ. Они какъ бы представляютъ цѣль, которая можетъ сокращаться и расширяться, смотря по силамъ тѣхъ, кто къ ней стремится. И большая и малая сила одинаково могутъ ея достигнуть. Вслѣдствіе того, что драгоцѣнные металы въ маломъ объемѣ могутъ содержать большую цѣнность, сравнительно съ другими цѣнностями, они преимущественно предъ другими годятся, когда имущество должно принять такую форму, въ которой его всего удобнѣе скрывать отъ чужихъ взоровъ, отъ чужого нападенія и похищенія. Золотое и серебряное тѣло представляетъ, такимъ образомъ, наилучшую крѣпость, за стѣнами которой имущество чувствуетъ себя всего безопаснѣе. Но золото и серебро не только всего лучше оберегаютъ имущество въ данномъ мѣстѣ. Съ ними всего легче совершенно избавить имущество отъ опасностей, которыми ему угрожаетъ данное мѣсто. Переодѣваясь въ золото и серебро, имуществу всего легче убѣжать изъ опасной страны: драгоцѣнные металы служатъ какъ бы шапкою-невидимкою имуществу. И куда бы съ ними ни явился ихъ обладатель, повсюду онъ встрѣчаетъ спросъ на нихъ, повсюду онъ ихъ можетъ обмѣнять на необходимое. Драгоцѣнные металы освобождаютъ его отъ прикрѣпленности къ данному мѣсту и повсюду ему даютъ свободу, пропорціональную ихъ собственному количеству.

Какой бы мы ни взяли видъ капитала, кромѣ драгоцѣнно—металлическаго, всякій представляется намъ съ совокупностью особенностей, свойствъ и качествъ, отличающихъ его отъ другихъ видовъ капитала, дѣлающихъ его годнымъ на удовлетвореніе извѣстной, опредѣленной потребности, приноровляющихъ его къ достиженію одной какой либо частной цѣли. Онъ представляетъ собою матеріалъ, или орудіе, нужные при заготовленіи того или иного вида пищи, простой—ли необходимости, или характеризующей роскошь; онъ представляетъ собою матеріалъ или орудіе, нужные при заготовленіи платья, жилища и т. д. Вообще всякій другой видъ капитала, кромѣ драгоцѣнно-металическаго представляетъ всегда какую либо специальную и специфическую полезность. Золото и серебро, вслѣдствіе универсальной общепризнанности ихъ полезности, составляютъ исключеніе. И они только одни составляютъ это исключеніе. Сами по себѣ взятые, они непосредственно весьма не на многое годятся, но ихъ можно обмѣнять *на что угодно, гдѣ угодно* и *когда угодно*. Кто ими обладаетъ, обладаетъ поэтому какимъ ему угодно капиталомъ, въ какое ему угодно время и въ какомъ ему угодно мѣстѣ. То есть, когда капиталъ принимаетъ форму золота и серебра, онъ освобождается отъ всѣхъ тѣхъ ограниченій, которыми его полезность стѣсняютъ качество, пространство и время. Отъ всего, что стѣсняетъ имущество, что съуживаетъ силу богатства, что прикрѣпляетъ его къ опредѣленному назначенію, времени или мѣсту, отъ всего этого драгоцѣнно-металическое тѣло его освобождаетъ. *Въ драгоцѣнно-металическомъ тѣлѣ капиталъ получаетъ полную и безграничную свободу.* Не удивительно, если многіе утверждали, что въ этомъ тѣлѣ капиталъ получаетъ душу: онъ вѣдь свободно можетъ подвигаться куда ему угодно, а прочность золота и серебра даетъ ему безсмертіе, какимъ не можетъ похвалиться человѣческое тѣло. Англичане это выражаютъ иначе. Они говорятъ, что всякій другой видъ капитала представляетъ только одинъ видъ богатства; золото и серебро, напротивъ, представляютъ отвлеченное богатство (abstract wealth). Драгоцѣнные металы представляютъ

собою то, что сосредоточиваетъ въ себѣ весь экономическій міръ, но не въ безтѣлесной, а въ осязательной формѣ. Это — оживленная отвлеченность. Несомнѣнно, что самая высокая (во всякомъ смыслѣ) абстракція, какую знаетъ исторія прогресса человѣчества, представляется тою, которая обобщаетъ всѣ проявленія полезной (культурной) человѣческой дѣятельности, что она ни создавала бы, хлѣбъ, платье, обувь, жилище, пѣсню, военную побѣду, политическій порядокъ и т д., какому бы времени, какой бы національности и мѣстности она ни принадлежала, всѣ, словомъ, проявленія дѣятельности обобщаетъ, какъ проявленіе общечеловѣческаго единства. Эта-то наивысшая абстракція имѣетъ практическое реальное значеніе въ той мѣрѣ, въ какой она воплощается въ золотѣ и серебрѣ, представляющихъ всѣ цѣнности, выработанныя культурою. За золото и серебро отдаются всѣ эти цѣнности; въ нихъ всѣ цѣнности находятъ себѣ ту третью величину, которой всѣ онѣ порознь равны и черезъ равенство которой онѣ сами всѣ уравниваются.

Орудіемъ сбереженія можетъ быть только цѣнность, свободная отъ вліяній, которыя могли бы на нее разрушительно вліять, т. е. свободное имущество, которое можно употреблять, гдѣ угодно, когда угодно и на что угодно. Драгоцѣнные металлы, благодаря распространенности потребности въ нихъ и благодаря ихъ прочности, всего менѣе боятся тѣхъ вліяній, которые разрушительно дѣйствуютъ на цѣнность вообще: они не боятся вліяній времени и не боятся вліяній перемѣнъ въ спросѣ на нихъ или по крайней мѣрѣ, боятся этихъ перемѣнъ меньше, чѣмъ всякій другой продуктъ человѣческой дѣятельности. По той причинѣ, что драгоцѣнные металлы—свободнѣйшее имущество, они всего болѣе годятся въ орудія сбереженія.

*По той-же самой причинѣ* драгоцѣнные металлы лучше всякой цѣнности годятся въ орудіе измѣренія. Для мѣры необходима такая цѣнность, данное количество которой въ своихъ колебаніяхъ было бы замкнуто въ наиболѣе тѣсныя границы или данное количество которой представляло бы самый постоян-

ный объемъ (размѣръ) мѣноспособности. А такою цѣнностью можетъ быть лишь та, которая наиболѣе независима отъ всякихъ внѣшнихъ на нее вліяній, которая наиболѣе свободна.

Такимъ образомъ, еслибъ драгоцѣнные металлы не представляли «абстрактнаго богатства», они не годились ни бы въ орудіе сбереженія, ни въ орудіе экономическаго измѣренія.

«Абстрактное богатство» обладаетъ покупательною силою, подобно всякому другому богатству. Но его покупательная сила отличается своею *чистотою* или, вѣрнѣе, своею очищенностью отъ всякихъ иныхъ примѣсей. Это значитъ, что насколько драгоцѣнные металы служатъ не для удовлетворенія одной какой либо надобности изъ той совокупности ихъ, которая входитъ въ кругъ экономической жизни и въ ней обособляется въ особую группу, насколько, напротивъ, драгоцѣнные металлы представляютъ общую возможность добывать какую угодно изъ отдѣльныхъ вещей и услугъ, нужныхъ для удовлетворенія вообще означенныхъ надобностей,—настолько они выдѣляются изъ общей массы имуществъ и всей массѣ *противупоставляются*, какъ сила противупоставляется разнообразнымъ результатамъ, которые она въ состояніи произвести, какъ центръ противупоставляется периферическимъ пунктамъ окружности, къ которымъ ведутъ радіусы отъ него. Пока кто-либо имѣетъ драгоцѣнные металлы, онъ обладаетъ силою, которая его можетъ повести къ какому угодно изъ этихъ пунктовъ и по самому кратчайшему направленію. Драгоцѣнные металлы ставятъ обладателя ими въ центральное положеніе, равно удаленное отъ всѣхъ тѣхъ пунктовъ, къ которымъ ведетъ экономическое движеніе, и, стало быть, дающее возможность достигнуть ихъ съ наибольшей скоростью. Вотъ почему покупательная сила драгоцѣнныхъ металловъ даетъ возможность производить обмѣны съ наибольшей скоростью. Всякій кто обмѣниваетъ свои товары или оказываемыя имъ услуги на драгоцѣнные металлы, становится черезъ то въ центръ самаго обширнаго круга, въ которомъ онъ всего скорѣе можетъ достигнуть каждаго изъ его периферическихъ пунктовъ.

Ясно теперь, что и роль орудія обращенія, ускоряющаго обмѣны, драгоцѣнные металлы не могли бы выполнять, еслибъ они не были—свободнѣйшее имущество. Деньги суть экономическое средство, которое выполняетъ и функцію орудія мѣры, и функцію орудія сбереженія, и функцію орудія обращенія Для всѣхъ этихъ функцій нужна свободная покупательная сила. Свободною же покупательною силою въ томъ видѣ, какъ она нужна для всѣхъ трехъ функцій, обладаютъ только драгоцѣнные металлы. Вотъ почему только изъ драгоцѣнныхъ металловъ могутъ быть сдѣланы деньги.

Устанавливая ясное понятіе о томъ, что можно считать деньгами, больше всего должно опасаться той скользкой почвы, на которой рѣшеніе вопроса превращается въ споръ о словахъ. Суть дѣла не только въ томъ, что обозначается *словомъ* деньги? Суть, напротивъ, въ томъ, что во всякомъ случаѣ, независимо отъ представленій объ орудіяхъ, выполняющихъ каждое *одну* изъ выше разобранныхъ трехъ функцій, у насъ должно существовать еще одно представленіе объ орудіи, выполняющемъ *всѣ* три функціи: какъ одну, такъ и другую, и третью. Что соединяетъ всѣ три разобранныя функціи? То, что свободнѣйшее имущество, драгоцѣнные металлы, только и въ состояніи ихъ выполнять во всей ихъ совокупности Если мы обозначаемъ *общее*, *ихъ соединяющее* эпитетомъ «денежнымъ», то, очевидно, что этотъ эпитетъ не можетъ уже относиться къ тому, что ихъ другъ отъ друга отличаетъ. Именно потому, что функціи обращенія, сбереженія и измѣренія суть денежныя, именно потому, что *всѣ три* эти функціи *одинаково* денежныя, именно поэтому деньгами не можетъ быть обозначаемо орудіе, выполняющее только одну изъ нихъ, такъ какъ при подобномъ обозначеніи мы вовсе не указываемъ на какой либо *отличительный* признакъ даннаго орудія. Отличаетъ одно орудіе отъ другого и третьяго не то что его функція денежная (денежныя—всѣ функіи одинаково), а то, что она—одна опредѣленная, именно та, а не иная функція. Если функція заключается въ обращеніи, то орудіе только по

этой функціи и можетъ быть обозначаемо, но никакъ не потому, что она денежная, ибо сказавъ, что орудіе—деньги, мы совсѣмъ не опредѣляемъ, какую оно способно выполнять функцію, а между тѣмъ мысль внушаемъ уже напередъ, что оно въ состояніи выполнить *каждую* изъ всѣхъ трехъ функцій въ то время, когда оно въ состояніи выполнить только одну изъ нихъ.

14. Одинъ изъ важнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ фактовъ исторіи экономической культуры, имѣющій и глубокое соціальное значеніе, заключается въ томъ, что экономическое измѣреніе далеко-далеко отстоитъ отъ чисто физическаго или естественно-научнаго, по степени своей точности. Какъ ни далеко ушла впередъ образованность человѣчества, какъ ни велики успѣхи, сдѣланные наукою, тѣмъ не менѣе до сихъ поръ человѣчество обладаетъ точными мѣрами только для количественнаго опредѣленія, физическихъ свойствъ. Тяжесть, протяженность, плотность, температура, скорость и т. п. физическія явленія могутъ быть количественно опредѣлены до полной безошибочности. Но какъ только дѣло измѣренія касается явленія моральнаго порядка, мѣра—или вовсе не существуетъ, или становится до такой степени шаткою, что многіе прямо подвергаютъ сомнѣнію самое ея существованіе. Нѣтъ мѣры, которою можно было бы количественно опредѣлить, сколько кто любитъ или ненавидитъ, на сколько кто честенъ или безчестенъ, справедливъ или несправедливъ, и т. п. Здѣсь, вмѣсто количественной точности, господствуютъ разнообразнѣйшія субъективныя и произвольныя представленія *о многомъ* или *немногомъ, безконечно-большомъ* или *безконечно-маломъ* и т. п. Словомъ, количественныя представленія находятся на той же степени развитія, на которой находятся количественныя представленія дикаря и о физическихъ свойствахъ вещей. Казалось бы, однако, что если количественная ясность невозможна въ области моральной, политической и т. п. дѣятельностяхъ, то гораздо больше условій, ей благопріятствующихъ, существуетъ въ области отношеній человѣка къ внѣшней природѣ и пораж-

даемыхъ ими взаимныхъ имущественныхъ отношеній людей другъ къ другу, т. е. въ области экономической. Дѣйствительно, весьма важное преимущество экономической жизни, какъ общественной сферы, предъ другими общественными сферами, заключается въ томъ, что въ ней существуетъ *хоть какая нибудь* мѣра, тогда какъ въ другихъ *никакой* нѣтъ. Но когда мы ближе приступаемъ и начинаемъ присматриваться къ имѣющейся экономической мѣрѣ, то она оказывается еще до такой степени несовершенною, что она всего менѣе могла способствовать установленію точныхъ относительно ея взглядовъ и полной удовлетворенности той потребности, которой она должна служить. А между тѣмъ, точная мѣра имѣетъ не только громадное экономическое значеніе, но и не меньшее значеніе моральное. Ею непосредственно обусловливается, насколько возможна и справедливость въ имущественныхъ отношеніяхъ. Если нельзя точно опредѣлить, сколько кто потратилъ своихъ силъ, употребляя свою дѣятельность на пользу другихъ, то понятно, что тогда—одно изъ двухъ: или часть его дѣятельности останется невознагражденною, и тогда относительно его будетъ сдѣлана несправедливость, или ему будетъ уплочено больше, чѣмъ сколько нужно на вознагражденіе его затратъ, и тогда относительно другихъ будетъ несправедливость. Въ обоихъ случаяхъ отсутствіе строго—точной экономической мѣры необходимо влечетъ за собою для кого нибудь несправедливость въ имущественномъ отношеніи. Если бы строго-точная мѣра существовала, она сама каждый разъ регулировала бы экономическія отношенія, и справедливость въ нихъ являлась бы послѣдствіемъ, естественно вытекающимъ изъ самой природы дѣла. Вслѣдствіе того, однако, что подобной точной мѣры не существуетъ, приходится втягивать справедливость насильно въ экономическія отношенія, и понятно, отъ склада моральнаго характера участвующихъ въ этихъ отношеніяхъ уже тогда зависитъ, въ какой мѣрѣ она привлечена и въ какой мѣрѣ экономическія отношенія справедливы. Волею-неволею приходится ос-

тавлять широкій просторъ *грубой ходячей справедливости*, какъ выразился еще въ прошломъ столѣтіи Ад Смитъ.

Отсутствіе строгой точности въ экономической мѣрѣ заставило другого знаменитаго экономиста, Жана Батиста Сея, думать, что для экономической жизни точная мѣра совершенно невозможна, и что задача—открыть эту мѣру совершенно однородна съ извѣстною математическою задачею—превратить кругъ въ квадратъ

Исходя изъ совершенно вѣрнаго основанія, что человѣческая дѣятельность единственная основа экономической жизни, и что въ имущественныхъ отношеніяхъ вознаграждать приходится эту дѣятельность, воплощенную въ вещественныхъ или невещественныхъ полезностяхъ, *соціалисты* приходили къ ошибочному, однако, выводу, что для измѣренія этой дѣятельности, которая составляетъ существенную цѣль экономическаго измѣренія, всего лучше взять за мѣру продолжительность того времени, въ теченіи котораго она ведется. Теоретически они были совершенно правы, когда утверждали, что разнокачественные виды дѣятельности, въ концѣ концовъ, сводятся въ одинъ простѣйшій и грубѣйшій видъ дѣятельности. Несомнѣнно, что многообразныя качества, отличающія одинъ видъ дѣятельности отъ другого, болѣе производительную отъ менѣе производительной, что всѣ эти качества съ неба не упали и даромъ человѣчеству не достались. Они, напротивъ, постепенно развивались, и развитіе ихъ стоило непрерывной затраты труда сначала грубаго, потомъ все болѣе развитаго, результаты котораго они въ себѣ и воплотили. Отвлеченно расуждая, можно поэтому признавать, что качественныя различія между разными видами дѣятельности должны *были бы* быть сведены на первоначальныя количественныя различія, отъ накопленія которыхъ они произошли. Но вся эта аргументація далеко не доводитъ расужденія до того пункта, у котораго уже можно сдѣлать *практическое* заключеніе. Потому что она вся основана на предположеніи, которое можетъ быть теоретически допущено, но котораго нельзя привести въ практическое ис-

полненіе. Можно теоретически допустить, что болѣе развитая дѣятельность произошла отъ менѣе развитой, и что поэтому послѣдняя должна была бы быть сведена на первую. Но какъ произвести такое сведеніе—вотъ въ чемъ задача, которую соціалисты забываютъ рѣшить. При первой попыткѣ даже только представить себѣ ея практическое разрѣшеніе, приходится наталкиваться на тѣ же препятствія, для борьбы съ которыми соціалисты не даютъ средствъ. Словомъ, они разрѣшаютъ задачу въ другомъ предположеніи, что она уже разрѣшена. вотъ вся цѣна ученія соціалистовъ Дѣло въ томъ, что все несовершенство господствующей въ настоящее время экономической мѣры главнымъ образомъ заключается въ ея шаткости и въ произволѣ, который она должна допустить въ измѣреніе. Соціалисты говорятъ: бросьте золотую и серебряную мѣру и примите за мѣру трудовой день; все равно, изъ него все произошло. Но вѣдь задача-то въ томъ именно и заключается, чтобы открыть, *какъ* изъ него все произошло, и въ какой мѣрѣ дѣятельность участвовала въ созданіи того или иного полезнаго результата? Этого вѣдь только и не знаютъ точно. Какъ свести качество на количество, какъ найти ту мѣру, которая точно выражала бы, сколько въ каждомъ данномъ случаѣ приходится оплачивать потраченной дѣятельности? Соціалисты, строго говоря, не предлагаютъ никакой мѣры. они даютъ только принципъ, который и по ихъ мнѣнію слѣдовало бы осуществить, *который однако уже осуществляется по мѣрѣ возможности и лежитъ въ основѣ денежной мѣры,* для котораго они не представляютъ лучшаго способа его примѣненія къ практикѣ. Если бы принятъ былъ предлагаемый соціалистами способъ, онъ также подавалъ бы поводъ къ неясности, неточности, произвольности, да еще и въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ деньги.

На чемъ основаны эти послѣднія? На томъ самомъ, на чемъ основаны всѣ другія мѣры. Что такое аршинъ, пудъ, часъ, градусъ теплоты, и т. д.? Произвольное количество тѣхъ качествъ, которыя встрѣчаются въ различныхъ массахъ, подлежащихъ количе-

ственному опредѣленію. Для этого опредѣленія одно какое либо количество даннаго качества произвольно принимается за единицу и съ нимъ уже сравниваются всѣ остальныя количества. Въ этомъ сравненіи заключается измѣреніе. Тоже самое мы имѣемъ и при экономическомъ измѣреніи. Золото и серебро, какъ и всѣ другія экономическія цѣнности, заключаютъ въ себѣ то качество, которое подлежитъ экономическому измѣренію. Извѣстныя количества золота и серебра принимаются за представителей того количества мѣноспособности или покупательной силы, которое принимается за мѣру, также точно, какъ извѣстное количество воды опредѣленной температуры принимается за представителя количества тяжести, служащаго единицею, какъ извѣстное пространственное передвиженіе стрѣлки на часахъ или ртути въ въ трубкѣ, происходящее въ извѣстное количество времени и отъ извѣстнаго количества теплоты, принимаются произвольно за мѣры времени и теплоты вообще. Вся бѣда въ томъ только, что количества тяжести, протяженности, теплоты, времени и т. д., принятыя за единицу, словомъ, всѣ физическія мѣры могутъ быть воплощены въ такихъ предметахъ, относительно которыхъ возможенъ строгій контроль, содержатъ ли они постоянно одно и то же количество даннаго свойства или качества, или нѣтъ, что возможно сохраненіе полнаго постоянства и неизмѣнности этого количества,— тогда какъ въ экономической мѣрѣ это до сихъ поръ не было возможно. Покупательная сила, которую представляетъ граммъ, золотникъ или марка золота и серебра принимаются за мѣру всѣхъ другихъ массъ покупательной силы. Если-бы граммъ или золотникъ серебра всегда представляли одно и то же количество покупательной силы, также точно, какъ кубическій футъ воды извѣстной температуры всегда сохраняетъ одну и ту же тяжесть, или какъ извѣстная часть земнаго меридіана всегда сохраняетъ одну и ту же протяженность, тогда и экономическая мѣра была бы безупречною; тогда взаимное соперничество производителей было бы въ состояніи низводить каждую цѣну на ея внутренню цѣнность Но количество покупательной силы,

которое заключается въ граммѣ или золотникѣ серебра, непостоянно: оно можетъ быть и больше, и меньше. Это дѣлаетъ экономическую мѣру шаткою. Производительность человѣческой дѣятельности не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а идетъ впередъ и притомъ еще колеблется. Вслѣдствіе того неровно подвигается и количество покупательной силы, представляемое массами драгоцѣннаго металла, принятыми за единицу экономической мѣры.

При всѣхъ этихъ недостаткахъ золото и серебро представляютъ наилучшій матеріалъ для экономической мѣры, который до сихъ поръ человѣчество оказалось способнымъ выработать. Лучшаго матерьяла пока еще экономическая культура не знаетъ. Вотъ почему единственное совершенствованіе, которое для этого орудія было возможно, заключалось только въ томъ, что драгоцѣнные металы, которые первоначально должны были служить тремъ функціямъ, при помощи кредита могли быть предназначаемы на служеніе спеціально одной функціи.

Если кредитъ еще что либо можетъ сдѣлать для трансформированія орудій обращенія и сбереженія, то онъ оказывается безсильнымъ противъ драгоцѣнныхъ металовъ, когда дѣло касается ихъ свойствъ, дѣлающихъ ихъ пригодными для орудія измѣренія. Здѣсь кредитъ ничего измѣнять не можетъ. Отъ этой функціи драгоцѣнные металы никакою силою освобождены быть не могутъ и никакою силою оттѣснены быть не могутъ. Здѣсь они одни всемогущи и всевластны. Причина тому очень простая. Нѣтъ другаго товара въ мірѣ, данное количество котораго представляло бы такую прочную и мало измѣняющуюся цѣнность, какую представляетъ данное количество золота и серебра.

Вотъ почему извѣстное количество драгоцѣнныхъ металловъ функціонируетъ въ настоящее время въ качествѣ орудія измѣренія во всѣхъ наиболѣе развитыхъ народныхъ хозяйствахъ. Даже тѣ, которыя всего болѣе успѣли въ искусствѣ обходиться безъ звонкой наличности, сохраняютъ ее, однако, въ значительномъ запасѣ, въ качествѣ орудія измѣренія.

*

15. Также точно, какъ человѣчесгву до сихъ поръ не удалось открыть матеріалъ, который лучше могъ бы служить для цѣлей измѣренія богатства, чѣмъ золото и серебто, такъ точно ему не удалось еще открыть матеріалъ, изъ котораго можно было бы изготовлять лучшія орудія экономическаго сбереженія, чѣмъ эти драгоцѣнные металлы. Сравнивая значеніе этихъ металловъ для функцій измѣренія и сбереженія, приходится, однако, признать, что до извѣстной, весьма слабой еще пока, степени, кредитъ можетъ еще добиться, чтобъ орудія сбереженія, имъ создаваемыя, замѣнили металлическія. Такъ, во Франціи облигаціи государственнаго долга (рента) до извѣстной степени успѣли привиться именно въ видѣ орудій сбереженія, хотя именно во Франціи наклонность къ сбереженію съ помощью драгоцѣннаго металла (по крайней мѣрѣ, до послѣдней войны) была сильнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Но характеръ государственныхъ облигацій и ихъ близкая связь съ биржевою спекуляціею (связь, въ настоящее время, далеко не случайная, а внутренне-необходимая) лишаетъ ихъ многихъ свойствъ, весьма важныхъ для орудія сбереженія. Непостоянство ихъ цѣны—при этомъ самое главное препятствіе.

Многіе изъ услугъ драгоцѣнныхъ металловъ, какъ орудія сбереженія, въ значительной мѣрѣ (хотя далеко не совершенно) потеряли свое значеніе. Но изъ этого ошибочно было бы заключать, что тѣ особенности, которыя дѣлали золото и серебро особенно пригодными для орудій сбереженія и вообще эти орудія сбереженія, потеряли свое значеніе. Въ настоящее время, дѣйствительно процессъ образованія капиталовъ совершается такъ быстро и продолжительность этого процесса такъ отѣняется эффектнымъ освѣщеніемъ, въ которомъ является непрерывная доходность капитала, начинающаяся съ самаго его рожденія, что кажется, будто драгоцѣнные металы потеряли или идутъ къ тому, чтобъ потерять всякое значеніе въ качествѣ орудій сбереженія. Но это только кажется и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ полное право говорить объ оптическомъ обманѣ. Какъ ни велико, въ настоящее время, стремленіе всякаго владѣльца капитала сдѣлать по-

слѣдній доходнымъ съ самаго же начала его образованія, и какъ ни велики благопріятныя условія, которыя современная жизнь представляетъ такому владѣльцу для достиженія его цѣли, про современныхъ владѣльцевъ капитала вовсе нельзя сказать, чтобъ какая либо внутренняя связь ихъ соединяла съ тѣми предпріятіями, въ которыя они стремятся помѣстить свои капиталы Совершенно напротивъ Одна изъ оригинальнѣйшихъ и характеристичнѣйшихъ чертъ нашего времени въ этомъ отношеніи представляется весьма важнымъ явленіемъ, что старой *привязанности* къ своему дѣлу, что той теплоты и симпатіи, съ которыми въ прежнее время предприниматель и капиталистъ относились къ помѣщенію, въ которомъ были заняты ихъ силы и средства, уже теперь нѣтъ. Мѣсто привязанности, теплоты и внутренней симпатіи занялъ сухой математическій разсчетъ выгодности или невыгодности чисто экономической. Всякая другая пріятность, такъ сказать, отъ того или иного помѣщенія капитала въ счетъ уже не идетъ для другихъ пріятностей имѣются другіе лучшіе источники. Но именно вслѣдствіе такого отношенія капитала къ своему помѣщенію, онъ въ послѣднемъ не видитъ цѣли, которой онъ разъ навсегда отдался на вѣчное служеніе. Онъ, напротивъ, готовъ бросить свое помѣщеніе при первомъ признакѣ, что производительности и доходности помѣщенія грозитъ серьезная опасность. И именно для этого капиталу опять нужна баснословная шапка-невидимка. Она ему теперь помогаетъ легко бросить невыгодное помѣщеніе, какъ она прежде ему помогала уходить изъ опасной мѣстности.

Болѣе, чѣмъ когда либо прежде, драгоцѣнные металы имѣютъ это значеніе въ настоящее время. Потому что болѣе, чѣмъ когда либо прежде, въ настоящее время свободное имущество получило значеніе практическое и реальное. Когда производительность стояла на низкомъ уровнѣ, число помѣщеній не было разнообразно и выборъ между ними не былъ великъ, свобода выбора также не имѣла большого значенія. Но теперь положеніе дѣла измѣнилось при томъ громадномъ прогрессѣ, который

успѣла сдѣлать человѣческая дѣятельность въ экономической сферѣ. Свобода уже не абстракція, по которой вздыхаетъ философъ, съумѣвшій ее понять, благодаря тому, что онъ, отдѣлившись отъ остальныхъ людей, взобрался на вершины человѣческой культуры Свобода уже не неопредѣленное облако, покрывающее эти вершины. Она опустилась ниже и стала всѣмъ ясною и осязательною, а потому и настоятельною для всѣхъ потребностью. болѣе, чѣмъ въ другой сферѣ, это произошло въ экономической Вотъ почему особенное значеніе получила и возможность ею воспользоваться. Вотъ почему всякій, кто обладаетъ экономическими средствами и кто ихъ желаетъ себѣ сберечь, т. е. сохранить постоянно доходными и производительными, не можетъ терять изъ виду и той ихъ формы, въ которой единственно только онъ и въ состояніи выбирать между различными помѣщеніями

Мы указали на нормальную функцію денегъ, какъ орудія сбереженія, въ настоящее время. При громадномъ вліяніи, которое на ходъ экономическихъ дѣлъ теперь пріобрѣли расчетъ и предусмотрительность, простирающіеся далеко на будущее время, большая часть капиталовъ образуется непосредственно въ той формѣ, въ которой, по предположенію, они окажутся нужными будущему. Но *всѣхъ* будущихъ надобностей никакое время предусмотрѣть не въ состояніи. Прогрессъ мысли и предпріимчивости уже одинъ это обусловливаетъ. Вотъ почему будущему должны быть заготовлены сбереженія въ свободной формѣ, направленію затраты которыхъ предоставляется опредѣлить самому будущему. Запасы этихъ сбереженій представляютъ резервы, которые настоящее заготовляетъ прогрессу будущаго, и понятно, что они будутъ тѣмъ больше, чѣмъ богаче данное время и чѣмъ оно развитѣе, чѣмъ больше оно можетъ расчитывать на будущій прогрессъ и чѣмъ больше оно въ состояніи, работая для него, предоставлять ему свободу распоряженія плодами работы. Эти резервы представляютъ, слѣдовательно, реальную основу экономической свободы будущаго.

Но независимо отъ этихъ нормальныхъ, здоровыхъ, причинъ дѣйствуютъ еще ненормальныя, болѣзненныя причины, рождающія потребность въ драгоцѣнно-металическихъ деньгахъ, какъ орудіи сбереженія. Чѣмъ меньше въ странѣ свободы, тѣмъ больше ей нужны эти орудія. Конечно и эти орудія не нужны, если населеніе страны нищее, бездѣятельное, лѣнивое, бездарное, глупое или безголовое. Но если населеніе или его отдѣльныя слои, или наконецъ отдѣльныя личности—трудолюбивы, даровиты, умны и предпріимчивы—тогда всякій вычетъ, который дѣлается изъ ихъ свободы, составляетъ прибавленіе къ тѣмъ стимуламъ, которые дѣлаютъ потребности въ золотыхъ и серебряныхъ орудіяхъ сбереженія болѣе настоятельными. И здѣсь рѣшительно все равно, изъ какой бы свободы ни производились вычеты: уменьшается-ли свобода экономическая, политическая, религіозная, культурная, интелектуальная и моральная, или обыденная—бытовая; всякое такое уменьшеніе свободы вызываетъ необходимость возлагать надежды на другое время или другое мѣсто. Мѣстопребываніе или время пребыванія хорошей жизни перемѣняется, а для перемѣны нужны золото и серебро, которыя дѣлаютъ свободу безопасною отъ насилія въ большей мѣрѣ, чѣмъ какое бы то ни было другое средство. И, далѣе, рѣшительно все равно, кѣмъ бы ни производились вычеты изъ свободы. правительство-ли уменьшаетъ свободу всѣхъ жителей страны, или одна часть населенія уменьшаетъ свободу другой части, или, наконецъ, одни личности производятъ насилія надъ другими. Во всякомъ случаѣ послѣдствія тѣ-же. Деспотизмъ правительствъ, деспотизмъ высшихъ и нисшихъ слоевъ населенія, нарушеніе общественнаго спокойствія отдѣльными преступными личностями всегда производили одни и тѣ-же послѣдствія въ разсматриваемомъ отношеніи. Административный произволъ, сословныя притѣсненія, революціи и отсутствіе обыденной безопасности—однородныя основанія большей потребности въ золотѣ и серебрѣ для тѣхъ, у которыхъ хватаетъ моральныхъ и интел-

лектуальныхъ силъ только для безгласнаго противупѣйствія означеннымъ основаніямъ.

16. Функція денегъ въ роли орудія сбереженія богатствъ получаетъ особенное значеніе по мѣрѣ того, какъ развиваются условія, споспѣшествующія возникновенію кредита.

Пока деньги выполняютъ роль орудія сбереженія, онѣ представляютъ самое свободное имущество, ни на что еще не затраченное, слѣдовательно, остающееся непроизводительнымъ и бездоходнымъ. Понятно, какое значеніе такія деньги получаютъ для кредита. Главная задача кредита вѣдь заключается въ томъ, чтобъ препятствовать экономическимъ средствамъ оставаться непроизводительными и бездоходными. Существованіе кредита, слѣдовательно, непримиримо съ существованіемъ денегъ въ роли орудія сбереженія. И наоборотъ существованіе денегъ въ роли орудія сбереженія (свободнаго капитала) непримиримо съ существованіемъ кредита. Кредитъ стремится свободный капиталъ превратить въ занятый производительнымъ и доходнымъ дѣломъ. Онъ стремится деньги въ роли орудія сбереженія освободить отъ этой роли. Наоборотъ, всякая причина, усиливающая интересъ, чтобъ существовалъ свободный капиталъ, препятствуетъ стремленіямъ кредита. Всякія условія, подъ вліяніями которыхъ возникаетъ потребность въ деньгахъ, исполняющихъ роль орудій сбереженія, враждебны кредиту.

17. Но слѣдуетъ-ли изъ того, что кредитъ враждебенъ деньгамъ въ качествѣ орудія сбереженія, и то, что онъ враждебенъ деньгамъ вообще въ качествѣ капитала, или что онъ враждебно относится къ деньгамъ?

Вопросъ этотъ—самый существенный для характеристики соотношенія между кредитомъ и деньгами. Внимательное и по возможности болѣе разностороннее его разсмотрѣніе имѣетъ поэтому самое существеное значеніе для пониманія многихъ важныхъ жизненныхъ вопросовъ и явленій, глубоко затрагивающихъ разнообразные интересы.

Выше мы указали, что деньги выполняютъ три функціи. Для интересующаго насъ вопроса особенно важны тѣ два отправленія денегъ, которыя онѣ выполняютъ, когда служатъ орудіями сбереженія и орудіями обращенія. На практикѣ каждый различаетъ тѣ свои деньги, которыя онъ употребляетъ на собственные расходы отъ другихъ своихъ денегъ, для расходованія которыхъ онъ собственныхъ потребностей не имѣетъ. Деньги втораго рода обыкновенно преимущественно называютъ *капиталомъ*, потому что ихъ приходится волею-неволею откладывать, сохранять и сберегать: или на случай, когда у владѣльца ихъ окажется собственная потребность, на которую онъ ихъ и израсходуетъ, или на случай, когда онъ ихъ рѣшится отдать въ постороннія руки для извлеченія изъ нихъ дохода.

Но не одни только тѣ деньги, на израсходованіе которыхъ ихъ владѣльцы не имѣютъ собственной надобности, составляютъ капиталъ. Эти деньги составляютъ *свободное* для ихъ владѣльцевъ богатство. Независимо отъ нихъ каждый и между расходуемыми имъ деньгами, для которыхъ онъ имѣлъ собственныя потребности, еще различаетъ два рода. Каждый расходующій деньги проводитъ обыкновенно, и совершенно справедливо, строгое различіе между направленіями, которыя принимаютъ расходы. Различаютъ прежде всего тѣ расходы, которые служатъ *потребительнымъ* нуждамъ, нуждамъ текущей жизни, требующимъ для своего удовлетворенія *уничтоженія* извѣстнаго количества цѣнностей и потому вызывающимъ *безвозвратныя* затраты. Каждый справедливо считаетъ, что тѣ деньги, которыя онъ истрачиваетъ на пищу, одежду, жилище, на сохраненіе своихъ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, отъ него уходятъ безвозвратно, какъ безвозвратно уходитъ періодъ жизни, поддерживаемый означенными затратами. Иначе, однако, каждый относится къ другимъ денежнымъ расходамъ, которые дѣлаются не для нуждъ потребительныхъ, а для нуждъ *дѣловыхъ* (сельско-хозяйственныхъ, промышленныхъ, торговыхъ). Эти расходы производятся, какъ затраты, подлежащія возврату съ окончаніемъ дѣла или предпріятія, на которое

они употреблены. Затрачивая деньги на дѣловыя надобности, человѣкъ ихъ расходуетъ не за собственный счетъ, а за счетъ тѣхъ постороннихъ лицъ, которые нуждаются въ результатахъ его дѣла или предпріятія, которые являются потребителями этого результата. Вотъ они-то и должны оплатить свое потребленіе и ихъ-то оплата и вознаграждаетъ расходъ на предпріятіе, возстановляетъ его въ прежней цѣлости. Вотъ эту-то вторую категорію денегъ, расходуемыхъ на собственныя надобности, но не потребительныя, а дѣловыя, предпринимательскія, практика тоже, и совершенно справедливо, считаетъ капиталомъ.

Такимъ образомъ, пока деньги расходуются на нужды потребленія, онѣ не составляютъ капитала, а такъ называемый *потребительный запасъ*. Роль капитала деньги играютъ въ двухъ случаяхъ, когда онѣ расходуются на дѣловыя или предпринимательскія нужды владѣльца и когда владѣлецъ ихъ совсѣмъ не имѣетъ никакихъ собственныхъ дѣловыхъ нуждъ, на которыя онъ могъ бы ихъ употребить, и въ тоже самое время не желаетъ уничтожить ихъ потребленіемъ.

На что деньги ни расходовались бы, на потребительныя или дѣловыя надобности, расходованіе денегъ доказываетъ ихъ *занятость*, ихъ приноровленность къ опредѣленной цѣли, которой онѣ служатъ. Составляютъ ли онѣ для расходовъ потребительный запасъ или дѣловой (капиталъ), онѣ въ каждомъ такомъ случаѣ *праздными* считаться не могутъ. Но чѣмъ же деньги при расходованіи ихъ заняты, что онѣ дѣлаютъ, какой онѣ производятъ результатъ, въ чемъ заключается содержаніе преслѣдуемой ими цѣли? Онѣ приводятъ въ обращеніе цѣнности, которыя удовлетворяютъ надобностямъ потребленія или предпріятій. Всякая надобность всегда индивидуальна и удовлетворяется какимъ либо однимъ опредѣленнымъ видомъ цѣнностей. Чѣмъ выше степень развитія, которая вызываетъ отдѣльную надобность, тѣмъ спеціальнѣе предметъ или цѣнность, данной надобности служащіе. Для удовлетворенія потребности необходимо обладать соотвѣтствующею ей цѣнностію. Разнообразіе современныхъ

надобностей человѣка и раздробленность занятій, производящихъ или добывающихъ и сохраняющихъ цѣнности, необходимыя для ихъ удовлетворенія, вызываютъ необходимость для каждаго человѣка особыхъ заботъ. добыть *отъ другихъ лицъ* необходимыя цѣнности. Для добыванія-то и нужны деньги, дающія возможность производить добываніе въ самое короткое время, съ наибольшею скоростью Съ помощью денегъ сообщается *отдѣльнымъ* цѣнностямъ быстрѣйшее движеніе отъ лица, ими обладающаго, къ лицу, въ нихъ нуждающемуся. Это-то движеніе отдѣльныхъ цѣнностей и составляетъ ихъ обращеніе.

Итакъ, когда деньги расходуются владѣльцемъ на *собственныя* его надобности, онѣ служатъ ему *орудіемъ обращенія*. Это одинъ выводъ, вытекающій изъ нашего изложенія. Другой выводъ, изъ него вытекающій: когда деньги играютъ роль орудія обращенія, онѣ или являются потребительнымъ запасомъ (когда приводятъ въ обращеніе цѣнности, подлежащія уничтоженію потребленіемъ), или онѣ являются капиталомъ (когда приводятъ въ обращеніе цѣнности, нужныя для дѣловыхъ, предпринимательскихъ надобностей).

Напротивъ, когда владѣлецъ денегъ не имѣетъ собственныхъ надобностей для ихъ израсходованія, ему не приходится нуждаться ни въ какихъ цѣнностяхъ. Обращеніе послѣднихъ для него не имѣетъ значенія, вслѣдствіе чего для него и теряетъ свое значеніе роль денегъ въ качествѣ орудій обращенія. Онъ принужденъ сберегать свои деньги и вслѣдствіе того сохраняетъ свое значеніе только роль денегъ въ качествѣ орудія сбереженія богатства.

Слѣдовательно:

I. деньги въ роли орудія обращенія могутъ быть капиталомъ, могутъ и не быть капиталомъ;

II. деньги въ роли орудія сбереженія могутъ быть только богатствомъ и притомъ праздным, *способнымъ* превратиться въ капиталъ подъ вліяніемъ живой предпріимчивости;

III. деньги въ роли капитала означаютъ орудія сбереженія

богатства и орудія обращенія, когда послѣднія служатъ дѣловымъ надобностямъ;

IV. деньги въ роли потребительнаго запаса означаютъ тѣ орудія обращенія, которыя употребляются на безвозвратные расходы потребителей возстановляющіе затраты предпріимчивости;

V. деньги въ роли потребительнаго запаса превращаются въ деньги, служащія капиталомъ, который, смотря по обстоятельствамъ, входитъ или въ категорію свободныхъ (и тогда деньги становятся орудіемъ сбереженія) или въ категорію, занятыхъ капиталовъ (тогда деньги играютъ роль орудій обращенія, приводящихъ въ движеніе цѣнности—капиталы).

Мы сочли нелишнимъ формулировать здѣсь возможно отчетливѣе эти пять положеній, такъ какъ отчетливое ихъ пониманіе—безусловная необходимость для всякаго, кто желаетъ ориентироваться въ запутанности отношеній современной торгово промышленной жизни.

18. Прежде, чѣмъ мы обратимся къ разбору явленій, представляемыхъ соотношеніемъ между кредитомъ съ одной стороны и различными функціями денегъ съ другой, мы еще должны остановиться на ходячихъ представленіяхъ *о силѣ, которою обладаютъ деньги для выполненія своихъ функцій.*

Было время, когда деньги представлялись единственнымъ видомъ богатства, имѣющимъ значеніе не только для отдѣльныхъ лицъ, но и для цѣлаго народа. Предполагалось, что всякій другой видъ богатства, служащій спеціально одной какой либо надобности, имѣетъ случайный индивидуальный интересъ лишь для отдѣльнаго лица въ то время, когда оно чувствуетъ данную потребность. Для всѣхъ-же членовъ народнаго хозяйства, для всѣхъ членовъ народа, вмѣстѣ взятыхъ, интересъ имѣютъ только деньги, представляющія «вообще» богатство или «всякое» богатство. Такое представленіе, конечно, ошибочно. Можно даже сказать, что вѣрно прямо противуположное представленіе о деньгахъ. Для цѣлаго народа деньги далеко не представляютъ всякое богатство,

потому что народъ, какъ цѣлое, самъ производитъ главную часть того, чѣмъ онъ живетъ и что споспѣшествуетъ его дальнѣйшему прогрессивному развитію. Для цѣлаго народа во всякомъ случаѣ деньги представляютъ также точно только отдѣльный видъ богатства, какъ и всякій другой видъ; потому что никакой народъ не можетъ держаться только покупками заграницею того, что ему нужно. Да этого ему и ненужно. Напротивъ, для отдѣльныхъ лицъ деньги дѣйствительно представляютъ всякое богатство, потому что отдѣльное лице главнымъ образомъ путемъ обмѣна съ другими лицами, путемъ покупокъ и продажъ только и въ состояніи добыть многообразные предметы, служащіе для удовлетворенія его потребностей.

Какъ извѣстно, періодъ, когда господствовали признанныя теперь ошибочными возрѣнія на деньги, называютъ меркантилизмомъ. Необходимо остерегаться, конечно, ошибокъ, за которыя меркантилистовъ справедливо упрекаютъ. Но не менѣе необходимо и важно остерегаться увлеченій тѣхъ, которыя иногда смѣшиваютъ деньги съ меркантилистическими возрѣніями на нихъ и, высказывая свое пренебреженіе къ этимъ воззрѣніямъ, заходятъ такъ далеко, что начинаютъ пренебрегать и народно-хозяйственнымъ значеніемъ самихъ денегъ. Меркантилисты увлекались и ставили деньги въ народно-хозяйственномъ отношеніи слишкомъ высоко. Изъ этого однако не слѣдуетъ, что мы въ свою очередь непремѣнно должны увлекаться въ противоположномъ направленіи и ставить деньги въ народно-хозяйственномъ отношеніи слишкомъ низко.

Совершенно ошибочно, конечно, совсѣмъ лишать деньги народно-хозяйственнаго значенія. Одинъ извѣстный видъ капитала и народнаго богатства онѣ во всякомъ случаѣ представляютъ, хотя бы этотъ видъ былъ и не самый важный. Деньги представляютъ или свободный капиталъ народнаго хозяйства (когда онѣ функціонируютъ въ качествѣ орудій сбереженія) или капиталъ, занятый опредѣленномъ дѣломъ, именно 1) дѣломъ приведенія въ наибыстрѣйшее возможное движеніе остальныхъ видовъ богатства

(когда онѣ орудія обращенія), 2) дѣломъ ихъ измѣренія (когда деньги—орудія мѣры).

На роли денегъ въ качествѣ *орудій обращенія* мы до сихъ поръ не останавливались и потому мы постараемся ее нѣсколько выяснить. Всякій знаетъ, что безъ денегъ обмѣны были бы значительно затруднены. Ходячія представленія однако такого свойства, что склоняютъ къ мысли, будто безъ денегъ обмѣны шли бы медленнѣе, это правда, но все таки шли бы Но при этомъ упускаютъ изъ виду, что выигрышъ во времени есть выигрышъ силъ, результаты которыхъ *совершенно были бы невозможны* безъ означеннаго выигрыша времени. Вспомнимъ послѣдствія скорости движенія на желѣзныхъ дорогахъ. Въ 1871 году на желѣзныхъ дорогахъ Соединеннаго королевства перевезено было грузовъ вѣсомъ въ 11,160 мильоновъ пудовъ Конечно, на самыхъ лучшихъ шоссейныхъ дорогахъ, безъ помощи пара, такой массы передвинуть нельзя было бы. И здѣсь недостаточно сказать, что если эта масса не могла бы быть перевезена въ одинъ годъ безъ желѣзныхъ дорогъ, то ее перевезли бы въ нѣсколько лѣтъ. Потому что такое замѣчаніе основано было бы на забывчивости, теряющей изъ виду, что тѣмъ временемъ производственнымъ и предпріимчивымъ силамъ, которыя оказываются способными доставлять колоссальные грузы, пришлось бы ждать, оставаться бездѣятельными и терять свою производительность. Тоже самое должно имѣть въ виду и разсуждая о деньгахъ. Скорость движенія, вызываемая деньгами, не одинъ только механическій фактъ. Она выражаетъ весьма важный фактъ экономическій, фактъ сохраненія производительности силъ, результаты которой иначе должны были бы теряться. Мало того, что обмѣны шли бы медленнѣе безъ орудій обращенія Многіе изъ этихъ обмѣновъ совсѣмъ не шли бы. Многаго движенія совсѣмъ бы не было, многіе производительные экономическіе элементы застаивались и залеживались бы и гибли бы со всѣми своими полезными качествами.

Если функція сбереженія получаетъ значеніе въ періоды, когда условія менѣе благопріятствуютъ производительной предпріимчивос-

ти и потому спросъ на деньги въ качествѣ свободнаго капитала, подлежащаго сохраненію, исходитъ менѣе всего отъ производительной предпріимчивости, то именно и главнымъ образомъ отъ нея исходитъ спросъ на деньги въ качествѣ орудія обращенія. За это ее нерѣдко упрекаютъ. Говорятъ, что предпріимчивость нерѣдко увлекается и забываетъ, чего ей собственно нужно. Для ея цѣлей, говорятъ, ей менѣе всего нужны денежные капиталы и напротивъ нужны капиталы иныхъ видовъ. Орудія обращенія, нужныя предпріимчивости, играютъ вѣдь только роль средства для передвиженія капиталовъ иныхъ видовъ изъ однихъ рукъ въ другія. Слѣдовательно, если передвигать нечего будетъ, то и орудія обращенія не помогутъ. Было бы однако поспѣшностью утверждать, что предпріимчивость изъ одной только близорукости и вслѣдствіе одного только того, что она не замѣчаетъ, чего ей собственно нужно, съ такою напряженностью чувствуетъ свою потребность въ орудіяхъ обращенія и предъявляетъ на нихъ свой спросъ. Она это дѣлаетъ не по глупости. Что сказали бы мы, еслибъ по поводу потребности въ желѣзныхъ дорогахъ кто-либо началъ припоминать, что эти дороги вѣдь не сами по себѣ нужны, а ради другихъ капиталовъ, которые должны по нимъ быть перемѣщаемы, и потому надобно заботиться не о дорогахъ, а о грузахъ? Будутъ-де грузы, появятся и дороги На это мы отвѣчали бы, что во первыхъ забота о грузахъ не мѣшаетъ заботѣ о дорогахъ. Во вторыхъ, бывали случаи, когда грузы существовали и такіе, которымъ слишкомъ долго приходилось дожидаться и дорогъ и средствъ ихъ доставленія къ мѣсту ихъ назначенія. Вслѣдствіе того капиталы, которые представлялись грузами, гибли. Въ третьихъ мы вспомнили-бы, что усовершенствованные пути и средства сообщенія, устраняя весьма сильное препятствіе, даютъ возможность стать производительными гораздо большей массѣ силъ, которыя иначе и не смѣютъ шевельнуться въ производительномъ направленіи, парализуемыя означеннымъ препятствіемъ. Но то-же самое имѣетъ въ виду и предпріимчивость, когда она выражаетъ

свой спросъ на орудія обращенія. Конечно, эти орудія нужны только для совершенія ими покупокъ. Конечно правда, что если покупать нечего, то орудія обращенія не помогутъ. Кто этого не знаетъ? Но знать это—еще мало для предпріимчивости, которой приходится не только резонировать, а и дѣйствовать. Предпріимчивость обыкновенно съ того и начинаетъ свои дѣйствія, что она освѣдомляется на рынкѣ, когда, гдѣ и чѣмъ она можетъ на немъ всего выгоднѣе запастись. Она съ того и начинаетъ, что прежде всего освѣдомляется о томъ, существуютъ-ли на рынкѣ товары или капиталы, которые ей нужно закупить. И только тогда, когда онъ уже знаетъ, что она будетъ покупать, она представляетъ свой спросъ на деньги. Только тогда, когда она уже знаетъ, на что ей нужны деньги, она ихъ начинаетъ спрашивать.

Ходячія фразы о заблужденіяхъ спроса на деньги гораздо болѣе основаны на недоразумѣніяхъ, чѣмъ сами эти такъ называемыя заблужденія. Спросъ на деньги выражаетъ въ худое время спросъ на *свободный* капиталъ, а въ хорошее—спросъ на орудія обращенія. Въ первомъ случаѣ всего менѣе умѣстно утверждать, что нужны не деньги, а другіе, какъ говорятъ, *настоящіе* капиталы. Нѣтъ, въ худое время эти-то настоящіе капитала и не нужны. Худое время вѣдь означаетъ такое, когда всякое иное имущество, кромѣ денежнаго, связано съ тѣми или иными опасностями, отъ которыхъ его нужно оберечь. А для обереженія-то имущества отъ опасностей и нужны спеціально для этого служащія орудія. И въ хорошее время опять нужны именно орудія обращенія. Потому что хорошее время означаетъ такое, къ которому имѣется и что покупать, и что дѣлать изъ купленнаго. Нужны, слѣдовательно, только средства для закупокъ. Хорошее время и означаетъ такое, когда глубже начинаетъ чувствоваться потребность выйти изъ бездѣятельности, потребность расширить дѣятельность, потребность движенія, и возможно болѣе безпрепятственнаго. Люди ближе сплачиваются, тѣснѣе другъ къ другу приближаются, чаще сговариваются и договариваются, откапываютъ

всякое средство и всякую силу, которыя находятся въ ихъ распоряженіи, чтобъ двигаться впередъ. А въ экономической сферѣ что-бы-то-ни-было ни одного шага впередъ сдѣлать не можетъ безъ содѣйствія орудій обращенія. Почему? Потому что экономическая сфера обнимаетъ *возмездныя* отношенія людей другъ къ другу, тѣ отношенія, въ которыхъ люди готовы много, сколько угодно, другъ для друга работать, стараться, выносить заботъ и лишеній, но—*не даромъ*, а за плату. И эту плату должно производить такъ, чтобъ каждому она давала возможно скорѣе именно то, что ему собственно нужно, для чего только онъ и готовъ работать, стараться, выносить заботы и лишенія. Вотъ почему плату приходится производить деньгами, въ качествѣ орудій обращенія, или, просто, орудіями обращенія.

Съ внѣшней (объективной, механической) стороны все, въ чемъ проявляется экономическая производительность, сводится къ *движенію*, къ движенію цѣльнаго человѣка, отдѣльныхъ его собственныхъ силъ и средствъ, отдѣльныхъ составныхъ частей вещественныхъ его способовъ и наконецъ этихъ способовъ въ ихъ цѣлости. Съ внутренней-же (субъективной, органической) точки зрѣнія экономическая производительность всегда проистекаетъ отъ *соединенія силъ*. Производительность орудій обращенія опирается какъ на механическое основаніе, такъ и на органическое основаніе производительности. Орудія обращенія производятъ полезное движеніе. Но этого мало. Безъ нихъ совершенно была бы невозможною главная доля происходящаго въ экономической сферѣ соединенія силъ. Потому что это соединеніе происходитъ на почвѣ возмездности. Даромъ сила одного человѣка не соединяется съ силою другаго человѣка. Всякое соединеніе происходитъ на почвѣ уговора или договора. А договоръ имѣетъ центръ тяжести въ выговариваемой денежной платѣ. Онъ рождаетъ обязательство, котораго имущественная цѣнность вся заключается въ денежной суммѣ, которою выражается обязательство.

Ясно, слѣдовательно, что означаетъ спросъ предпріимчивости на орудія обращенія. Если предпріимчивости нужны деньги, то

менѣе всего онѣ ей нужны, чтобъ быть сохраненными и ради самихъ себя. Только тогда предпріимчивость и выражаетъ свой спросъ на деньги, когда она знаетъ, что съ ними дѣлать. Какой-же смыслъ тутъ имѣетъ напоминаніе, что деньги только— средство, что сами по себѣ онѣ не нужны и т. д.? Спросъ на деньги вѣдь только означаетъ спросъ на средство, которое *считаютъ возможнымъ* употребить на то, на что оно только и годится по своей природѣ спросъ на средство соединенія и сочетанія силъ, на заключеніе договоровъ и завязыванія сношеній.

Но, говорятъ, предпріимчивость совершенно оставляетъ въ пренебреженіи сторону, весьма важную: она забываетъ, что не отъ *количества* денегъ, которымъ она располагаетъ, зависитъ, сколько она можетъ производить покупокъ. Предпріимчивость забываетъ, что количество товаровъ, которое можно пріобрѣсти покупкою, всегда есть данное. Она гоняется за деньгами, какъ еслибъ увеличеніе количества денегъ увеличивало количество товаровъ, которое на нихъ можно купить. Она забываетъ, что какъ бы ни увеличивалось количество орудій обращенія, обращать-то имъ придется все одну и туже, разъ и независимо отъ нихъ данную сумму капиталовъ «настоящихъ». Слѣдовательно, увеличеніе количества орудій обращенія только уменьшаетъ долю работы, которая приходится на каждое отдѣльное орудіе. И нельзя даже сказать, что уменьшеніе количества орудій обращенія, то есть то, что прямо противуположно требованіямъ предпріимчивости, вредно: ибо отъ уменьшенія ихъ только увеличивается доля работы, приходящаяся на каждое особое орудіе, а увеличенную работу каждое особое орудіе обращенія легко можетъ выполнить увеличеніемъ своей скорости.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ возрѣніями, касающимися *качественной* стороны функцій денегъ. Теперь мы сталкиваемся съ *количественною* стороною этихъ функцій. Мы разберемъ эту количественную сторону отдѣльно по отношенію къ каждой изъ трехъ функцій.

Начнемъ съ функціи денегъ въ качествѣ экономической мѣры.

Выше мы выяснили, что золото и серебро представляютъ наилучшій матеріалъ, единственно изъ котораго только можетъ быть изготовляема сколько нибудь удовлетворительная экономическая мѣра. Само собою очевидно, что разъ извѣстная масса золота или серебра принимается за представляющую то количество цѣнности или мѣноспособности, или покупательной силы, которое произвольно принято за единицу, *размѣръ* единицы слѣдуетъ за этимъ послѣднимъ количествомъ. Отъ какой бы причины оно ни измѣнялось, какъ и сколько бы оно ни измѣнялось, съ перемѣною волею-неволею приходится примиряться. Примиреніе весьма неудобно, потому что измѣненіе единицъ измѣренія не принадлежитъ къ условіямъ, благопріятствующимъ производительности Каждое особое измѣненіе влечетъ за собою новую необходимость приспособляться къ нему. Приспособленіе-же требуетъ времени, усилій, жертвъ, да сверхъ того еще сопряжено съ возможностью неудачъ и ошибокъ. Тѣмъ не менѣе всѣ эти неудобства—наименьшія между тѣми, отъ которыхъ страдаетъ производительность. Измѣреніе есть выясненіе количественной стороны явленій. Въ основѣ его всегда лежитъ произвольная единица, по отношенію къ которой измѣреніе и производится. Измѣреніе является вслѣдствіе того *наименованіемъ*, присоединеніемъ *количественнаго имени*, или обозначеніемъ, т. е. присоединеніемъ *количественнаго знака*. Оно всегда касается наружной, *номинальной* стороны явленій, потому что въ основѣ его лежитъ *произвольно* принятое за единицу именованіе. Съ измѣненіемъ единицы мѣры происходитъ поэтому только номинальная перемѣна, которая, если имѣетъ свои неудобства, то не сама и по внутренней необходимости, а вслѣдствіе болѣе или менѣе случайныхъ условій, затрудняющихъ *переименованіе*.

Государственная власть всегда одною изъ своихъ основныхъ задачъ имѣла—соблюденіе порядка въ единицахъ мѣры. Потому что этотъ порядокъ представляетъ какъ бы механическое основаніе правды и справедливости въ возмездныхъ отношеніяхъ людей другъ къ другу. Что-же означаетъ порядокъ въ единицахъ

мѣры? *Равенство ихъ для всѣхъ людей, ими пользующихся.* Какъ бы сама единица мѣры ни измѣнялась, неудобства, отсюда возникающія, значительно, если не совершенно, ослабляются, когда измѣненіе происходитъ въ одинаковой степени для всѣхъ. Вотъ почему государственная власть должна смотрѣть за тѣмъ, чтобъ возможно скорѣе *обобщалась для всѣхъ* всякая перемѣна въ единицахъ мѣры, если она обусловливается необходимыми причинами, противъ которыхъ идти нельзя. Если вслѣдствіе увеличенія производительности силъ, занятыхъ производствомъ драгоцѣнныхъ металловъ, данная ихъ масса (золотникъ, граммъ, марка) начинаетъ представлять меньшее количество цѣнности, то экономическая мѣра измѣнилась. Противъ прогресса производительности государственная власть ничего не въ состояніи сдѣлать. Да противудѣйствіе государственной власти въ этомъ случаѣ было бы безцѣльно и вредно. Ей остается поэтому произвести *переименованіе* единицы мѣры и перевести прежнюю единицу въ новую. Если она этаго не сдѣлаетъ, тогда, натурально, будутъ существовать двѣ экономическія мѣры, одна старая, признанная закономъ, и другая новая, которую законъ медлитъ признавать, (чѣмъ онъ не исполняетъ своего главнаго дѣла— соблюдать за равенствомъ мѣры для всѣхъ) и которую тѣмъ не менѣе раньше или позже государственная власть принуждена будетъ признать силою обстоятельствъ. Западная Европа дѣйствительно знаетъ такой періодъ, когда государственная власть надѣлала много зла однимъ только тѣмъ, что не приняла своевременно во вниманіе естественныхъ перемѣнъ, происшедшихъ послѣ открытія Америки въ единицахъ экономической мѣры.

Если, далѣе, перемѣна въ единицахъ экономической мѣры произошла отъ причинъ не столь неудобоустранимыхъ, какъ прогрессъ производительности, если эта перемѣна произошла отъ причинъ, устраненіе которыхъ, *вообще разсуждая*, возможно и не было бы безцѣльно, то одно изъ двухъ: или это устраненіе возможно и не безцѣльно и въ данномъ отдѣльномъ случаѣ, или же какъ разъ въ данномъ отдѣльномъ случаѣ стекаются

условія, дѣлающія устраненіе невозможнымъ, если и не безцѣльнымъ. Ясно, что въ такомъ случаѣ, если государственная власть не сдѣлаетъ никакихъ распоряженій, возникнутъ опять двѣ мѣры, а можетъ быть и больше, смотря по частости дѣйствія тѣхъ причинъ, отъ которыхъ зависятъ измѣненія въ единицѣ мѣры. Въ состояніи-ли государственная власть слѣдить за этими измѣненіями, или не въ состояніи, это особый вопросъ. Но какъ бы онъ ни разрѣшался, во всякомъ случаѣ очевидно, что только подъ тѣмъ условіемъ, что государственная власть будетъ приводить въ сообразіе законную единицу мѣры съ господствующею фактически, возможно будетъ существованіе единой, общей и равной для всѣхъ экономической единицы мѣры.

Ниже намъ придется еще ближе разбирать условія, отъ которыхъ происходятъ колебанія этой единицы и тогда мы ближе займемся и вопросами, представляющимися въ подобныхъ случаяхъ всякой государственной власти. Теперь же для насъ достаточно будетъ и слѣдующаго заключенія, основанія котораго даны въ предъидущемъ. Отъ какой бы причины ни происходило измѣненіе экономической мѣры, оно несущественно и имѣетъ одно лишь номинальное значеніе, если только оно—*одинаковое и равное* для всѣхъ пользующихся, пользовавшихся и имѣющихъ пользоваться мѣрою, т. е. если точно и строго установлена пропорція, въ которой измѣненіе произошло.

Переходимъ къ функціи сбереженія. Когда деньги, выполняя эту функцію, представляютъ праздное богатство, то, конечно, существенно важно знать, *сколько* онѣ представляютъ этого богатства и измѣняется-ли количество представляемаго ими *празднаго* богатства отъ измѣненій въ ихъ собственномъ количествѣ?

Самый главный доводъ, которымъ обыкновенно запугиваютъ предпріимчивость и доказываютъ неосновательность и поверхностность ея возрѣній, заключается въ томъ, что когда количество денегъ увеличивается, то увеличивается ихъ *предложеніе*, чего уже одного достаточно для ихъ обезцѣненія. Но когда деньги предста-

вляютъ праздное богатство и ихъ количество въ народѣ увеличивается для сбереженія и сохраненія богатства, а не для его израсходыванія, то само собою очевидно, что на предложеніе денегъ это не оказываетъ никакого вліянія. Потому что предложеніе всякихъ цѣнностей, а потому и денегъ, представляется всегда тою ихъ суммою, которая готова оставить руки своихъ владѣльцевъ, чтобъ перейти въ новыя руки. Но тѣ деньги, которыя представляютъ сберегаемое богатство, до тѣхъ поръ, пока онѣ орудія сбереженія а не орудія обращенія, совсѣмъ и не составляютъ такихъ суммъ, отъ которыхъ ихъ владѣльцы готовы отказаться. Онѣ, напротивъ, составляютъ такія суммы, которыя тѣмъ только или главнымъ образомъ и характеризуются, что глубоко и прочно засѣли въ руки, карманы, сундуки, кассы, или наконецъ разные иные скрывающіе углы, и совсѣмъ не показываются на свѣтъ божій. Онѣ прячутся отъ всякаго предложенія, боятся и избѣгаютъ его. Какъ же онѣ будутъ обезцѣниваться?

Свободный капиталъ представляетъ тотъ денежный запасъ, который страною или народнымъ хозяйствомъ можетъ поглощаться, никогда не достигая предѣла, у котораго поглощеніе необходимо должно было бы остановиться. То, что называютъ ненасытностью, для физіолога не существуетъ; физикъ часто тоже можетъ отказываться ясно ее понимать. Но для экономиста она весьма простое явленіе. Такъ называемая ненасытность представляетъ только потребность человѣка непрерывно развиваться и идти впередъ и впередъ, стремясь уничтожить всѣ стѣсняющія и мѣшающія препятствія. Эта потребность можетъ проявляться различно, условія могутъ ей болѣе или менѣе благопріятствовать, но она всегда и повсюду какъ нибудь да проявится, чѣмъ нибудь да дастъ о себѣ знать. Если человѣку мѣшаютъ удовлетворять этой потребности явно въ какое либо данное время, если ему совсѣмъ препятствуютъ двигаться впередъ въ это время, онъ по крайней мѣрѣ будетъ надѣяться на послѣдующее время и для него будетъ заготовлять запасы необходимыхъ для

развитія средствъ тайно, скрытно, но съ тѣмъ большею заботою объ обширности этихъ запасовъ.

Нужно имѣть въ виду для вѣрной оцѣнки идей меркантилистовъ о деньгахъ, что эти идеи слагались въ такое время, когда во первыхъ народныя хозяйства еще только приступили къ дѣлу образованія такихъ достаточно большихъ драгоцѣнно-металическихъ запасовъ, которые могли бы удовлетворить текущія нужды въ орудіяхъ обращенія. Промышленность народовъ еле-еле только поднималась на ноги. Она только начинала постепенно шагъ за шагомъ пріобрѣтать свою самостоятельность и пользоваться силами и средствами производительности въ болѣе обширныхъ размѣрахъ Уже поэтому потребность въ деньгахъ тогда была большей напряженности Но, сверхъ того, время меркантилистовъ было въ западной Европѣ такое, когда деньги обладали большою цѣною въ качествѣ орудій сбереженія. Соціальныя, религіозныя, политическія, бытовыя и всякія иныя условія, оберегающія свободу личности стояли еще слишкомъ низко, чтобъ дѣлать излишнимъ то обезпеченіе свободы, которое представляется сбереженнымъ капиталомъ.

И такъ, пока деньги—орудіе сбереженія, количество ихъ не ослабляетъ ихъ силы. Совершенно напротивъ, количество ихъ нарочно для того и увеличивается, чтобъ и сила, деньгами представляемая, увеличилась.

Обращаясь, наконецъ, къ циркуляціонной функціи, можетъ казаться, что въ этомъ-то случаѣ упреки, будто предпріимчивость слишкомъ увлекается деньгами, сохраняютъ неприкосновенною свою полную силу. Ибо въ этомъ случаѣ уже несомнѣнно, что увеличеніе денегъ есть увеличеніе ихъ предложенія, а слѣдовательно—и ихъ обзцѣненіе.

Если мы не будемъ строго различать съ одной стороны между всѣмъ объемомъ денежнаго обращенія, т. е. всѣмъ денежнымъ запасомъ народнаго хозяйства, а съ другой стороны—между тою его частью, которая играетъ роль орудія обращенія,—да если сверхъ того мы забудемъ, что отъ производственныхъ условій зависитъ, ка-

кая часть денежнаго запаса пускается въ ходъ и играетъ роль орудія обращенія,—то дѣйствительно мы можемъ придти къ заключенію, что высота цѣнъ въ странѣ зависитъ отъ того, сколько у нея денегъ. Но такія представленія предполагаютъ весьма невысокую экономическую опытность. Наблюденія живой дѣйствительности, какъ извѣстно, приводятъ къ необходимости имѣть въ виду, что во всякое данное время далеко не весь запасъ денежный пускается въ ходъ, что извѣстная его часть представляетъ праздный капиталъ, или сбереженія, и вовсе не играетъ роли орудія обращенія, что, наконецъ, размѣръ той части запаса, которая играетъ эту роль, зависитъ отъ настроенія предпріимчивости и производственныхъ условій. Никто не наклоненъ отдавать свои деньги съ убыткомъ и отдаетъ ихъ только въ расчетѣ выручить свои расходы. Высота цѣнъ зависитъ, такимъ образомъ, отъ тѣхъ-же производственныхъ условій, отъ которыхъ зависитъ и количество приводимыхъ въ движеніе орудій обращенія.

Всякое увеличеніе народно-хозяйственнаго запаса звонкихъ денегъ прежде всего означаетъ увеличеніе свободнаго капитала страны, ея сбереженій, которымъ еще не найдено помѣщенія, производительнаго и доходнаго. Увеличеніе, пока оно еще находится на этой стадіи, совсѣмъ не вліяетъ на товарныя цѣны, такъ какъ деньги въ обращеніи совсѣмъ еще и не находятся, а хранятся, какъ сбереженія, съ которыми еще не знаютъ, какъ распорядиться, на что ихъ употребить и израсходовать. Постепенно вопросъ о помѣщеніи начинаетъ выясняться. Идутъ толки о потребностяхъ, остающихся неудовлетворяемыми, объ естественныхъ богатствахъ, лежащихъ безъ употребленія и не имѣющихъ сбыта, о силахъ, не имѣющихъ занятій и не доставляющихъ той пользы, на которую онѣ были бы способны. Такимъ образомъ становятся болѣе опредѣленными цѣли, съ которыми начинается предпріимчивость. Расширенная предпріимчивость начинаетъ увеличивать свой спросъ на тѣ или иныя силы, на тѣ или иные товары. Смотря по тому, находятся-ли эти силы и товары и на внутреннемъ рынкѣ, или ихъ можно найти только

на заграничныхъ рынкахъ, деньги, превращающіяся при этомъ изъ представителей празднаго капитала въ орудія обращенія, или остаются въ странѣ или могутъ уходить заграницу. Во всякомъ случаѣ онѣ становятся источникомъ оживляемой покупательной силы, расширяющей спросъ. Вызываетъ-ли расширеніе спроса возвышеніе цѣнъ? Обыкновенно вызываетъ. Но не всегда это возвышеніе означаетъ одно и тоже Иногда оно означаетъ, что расширяющемуся спросу еще не соотвѣтствуетъ расширенное предложеніе, что новый спросъ не находитъ готовыми тѣ цѣнности, которыя необходимы для расширенія предпріимчивости. Возвышеніе цѣнъ тогда стимулируетъ дѣятелей, занятыхъ въ тѣхъ отрасляхъ, на цѣнности которыхъ спросъ расширился. Эти дѣятели получаютъ *увеличенныя прибыли*, тогда какъ напротивъ дѣятели, которые впервые находятъ занятіе праздному капиталу, должны довольствоваться *меньшею прибылью*. Это только обыкновенно и выражается въ низкомъ процентѣ, платимомъ за новыя сбереженія, еще не знающія себѣ занятія и ищущія себѣ таковыхъ. Владѣльцы праздныхъ сбереженій должны довольствоваться меньшею прибылью на первыхъ порахъ. Они должны удѣлять часть доходности своихъ капиталовъ въ пользу представителей текущей и осѣвшей предпріимчивости. Этими уступками они себѣ пріобрѣтаютъ мѣсто на торгово-промышленной сценѣ. Но происходящее въ подобномъ случаѣ возвышеніе цѣнъ и соотвѣтственное ему низкое состояніе дисконта всегда только временныя явленія. Потому что раньше или позже за расширившимся спросомъ слѣдуетъ увеличенное предложеніе. Расширяется производство въ тѣхъ отрасляхъ, которыя даютъ прибыль, возвышающуюся надъ среднимъ уровнемъ. Съ расширеніемъ-же производства происходитъ увеличенное предложеніе товаровъ, возвращеніе ихъ цѣны къ прежнему уровню и увеличенный спросъ на деньги, то есть опять возвышеніе и ихъ цѣны къ прежнему уровню.—Но иногда возвышеніе цѣнъ происходитъ отъ иной причины: расширившаяся предпріимчивость можетъ вести свои дѣла при осложнившихся условіяхъ, при уве-

личеніи расходовъ, для котораго и необходимы повысившіяся вознаграждающія цѣны. Понятно, что въ такомъ случаѣ цѣнамъ не придется понижаться.

Расширеніе производства всегда сопровождается перемѣнами въ цѣнахъ. Эти перемѣны происходятъ не отъ того, что количество денегъ, которыя обращаются, увеличилось. Напротивъ, само это количество обращающихся денегъ только потому и увеличилось, что готовность расширить предпріимчивость вызвала готовность расширить спросъ, а съ нимъ и готовность согласиться на перемѣну въ цѣнахъ. Высокія цѣны влекутъ за собою и увеличенные денежные расходы, т. е. увеличенное денежное обращеніе. И низкія цѣны, конечно, тоже могутъ вызвать готовность болѣе расходовать; но если отъ этихъ увеличенныхъ расходовъ цѣны повышаются, то низкія цѣны перестаютъ быть стимуломъ къ увеличенію денежнаго обращенія.

Чтобъ имѣть право упрекать предпріимчивость въ поверхностномъ отношеніи къ деньгамъ, необходимо сдѣлать предложеніе, основанное на данныхъ, которые весьма рѣдко соотвѣтствуютъ дѣйствительной жизни. Необходимо предположить, будто масса орудій обращенія, или денежное обращеніе по большей части расширяется или сокращается безъ всякаго соображенія съ какими бы то ни было надобностями, а совершенно случайно и произвольно. Но о произвольности расширенія денежнаго предложенія, когда орудія обращенія—золотыя или серебряныя, и говорить собственно не приходится, такъ какъ эти орудія изготовляются изъ *драгоцѣнныхъ* металловъ, т. е. стоющихъ очень много труда и капитала, которыми «произвольно» распоряжаться—нѣсколько затруднительно и неудобно. Затѣмъ должно еще не терять изъ виду, что въ самомъ крайнемъ случаѣ, когда новыя металлическія орудія обращенія, впервыя являясь на рынокъ, принуждены обезцѣниваться, то есть уменьшать прибыль ихъ первыхъ владѣльцевъ на извѣстную долю, то это всегда только временное явленіе. Ибо это уменьшеніе прибыли парализующимъ образомъ дѣйствуетъ на дальнѣйшее производство

драгоцѣнныхъ металловъ и стимулируетъ наклонность извлекать деньги изъ оборота и превращать ихъ въ запасы праздныхъ капиталовъ Тѣмъ временемъ размѣры оборотовъ наростаютъ и приспособляются къ увеличенному денежному обращенію

Даже самые ярые приверженцы мысли гибельнаго вліянія количества орудій обращенія на силу ихъ дѣйствія (на ихъ эффективность) въ спорахъ должны были сознаваться, что они исходили изъ предположенія неизмѣнности спроса на орудія обращенія, изъ предположенія неизмѣнной, всегда одинаковой и ровной потребности въ нихъ у торгово-промышленной жизни. Но они никогда не въ состояніи были привести какіе бы то ни было доводы за соотвѣтствіе этого предположенія ходу явленій въ дѣйствительной жизни. Послѣдняя, напротивъ, даже въ самые короткіе періоды успѣваетъ обнаруживать весьма замѣтную и осязательную неровность своей потребности въ орудіяхъ обращенія. То ей ихъ нужно больше, то меньше. Потому что предложеніе различныхъ товаровъ и отдѣльныхъ капиталовъ или личныхъ предпріимчивыхъ силъ идетъ въ дѣйствительной жизни далеко не ровно, а колеблется, то усиливаясь, то ослабляясь.

19. Отношенія кредита къ звонкимъ деньгамъ, когда онѣ играютъ роль орудія обращенія прямо противуположны его отношеніямъ къ тѣмъ-же звонкимъ деньгамъ, когда онѣ выполняютъ роль орудія сбереженія. Въ то время, когда онъ постоянно стремится, по самой своей природѣ, заставить деньги въ данномъ отдѣльномъ случаѣ выйти изъ роли орудій сбереженія, онъ, напротивъ, примиряется съ ними въ роли орудій обращенія. Онъ стремится уменьшить количество денегъ, играющихъ первую роль, и стремиться увеличить количество денегъ, играющихъ вторую роль.

Весьма часто вліяніе кредита на орудія сбереженія обобщается и о его вытѣсняющемъ дѣйствіи говорится и по поводу его вліяній на деньги, какъ орудія обращенія. Съ виду такое обобщеніе имѣетъ за себя много доводовъ. Металлическая циркуляція дорога и замѣна ея кредитною весьма желательна. Слѣдова-

тельно, вытѣсненіе—цѣль, къ которой стремленіе кредита было бы весьма законно. Этой цѣли кредитъ можетъ достигнуть, такъ какъ единственная функція, въ которой онъ можетъ создавать замѣну денегъ, представляется циркуляціонною. Наконецъ кредитъ не можетъ создавать орудій сбереженія и въ этой роли онъ долженъ уступить верховность звонкимъ деньгамъ; изъ этой роли онъ ихъ не можетъ вытѣснить. Зато, освобождая звонкія деньги отъ роли орудій обращенія и оставляя за ними роль орудій сбереженія, кредитъ тѣмъ самымъ освобождаетъ капиталъ отъ одного употребленія и дѣлаетъ его свободнымъ для всякаго другаго. Кредитъ содѣйствуетъ такимъ образомъ увеличенію количества праздныхъ капиталовъ.

Только по недоразумѣнію однако эти соображенія можно считать доводами за положеніе, обобщающее вліяніе кредита на звонкія деньги. Если признать силу этихъ доводовъ, то должно будетъ признать, что кредитъ непрерывно гонится за звонкими деньгами и не даетъ имъ успокоиваться *ни на какой роли*. Когда онѣ орудія обращенія, тогда онъ ихъ вытѣсняетъ изъ этой роли, самъ занимаетъ ихъ мѣсто, создавая собственныя орудія обращенія, и заставляетъ звонкія деньги превращаться въ орудіе сбереженія. Когда-же онѣ орудія сбереженія, то есть—праздный капиталъ, кредитъ отыскиваетъ имъ занятіе, вынуждаетъ перейти отъ неподвижности къ движенію, то есть снова стать орудіями обращенія. Вліяніе кредита должно было бы признать вращающимся въ какомъ-то заколдованномъ кругу, идущимъ по противуположнымъ направленіямъ *и вѣчно само себя парализующимъ*.

При какихъ бы условіяхъ кредитъ ни оказывалъ свои вліянія, онъ всегда оказываетъ *одно* изъ двухъ вліяній, о которыхъ можно говорить: онъ *или* заставляетъ деньги играть роль орудій сбереженія, *или* заставляетъ ихъ быть орудіями обращенія. Когда онъ дѣлаетъ и то и другое, онъ *ничего* не дѣлаетъ.

Когда кредитъ стѣсняется, то звонкія деньги, какъ вообще при вмѣшательствѣ принужденія въ имущественныя отношенія, начинаютъ разъигрывать роль орудій сбереженія и представи-

телей празднаго капитала, только сохраняемаго и сберегаемаго, легко могущаго превратиться, во что угодно гдѣ угодно, наименѣе поддающагося вліянію времени и мѣста. Принужденіе, дѣйствительно, вытѣсняетъ звонкія деньги изъ роли орудія обращенія.

*Но этого не дѣлаетъ кредитъ.* Кредитъ, возникающій при полномъ и невынужденномъ согласіи заинтересованныхъ сторонъ, всегда заключается въ сообщеніи движенія, или звонкимъ деньгамъ, или товарамъ и вообще цѣнностямъ. Въ первомъ случаѣ онъ поддерживаетъ и подкрѣпляетъ звонкія деньги въ ихъ роли орудія обращенія. Во второмъ онъ только устраняетъ необходимость употребленія звонкихъ денегъ въ такихъ условіяхъ, когда необходимо было бы или еще большее ускореніе дѣйствій ихъ въ роли орудія обращенія, или *увеличеніе* количества звонкихъ денегъ. *Кредитъ прежде всего проявляетъ свое вліяніе въ томъ, что онъ ускоряетъ обращеніе звонкихъ денегъ до предѣловъ наибольшей возможности.* Онъ, слѣдовательно, увеличиваетъ до крайнихъ предѣловъ возможности ихъ способность играть роль орудій обращенія. Это онъ производитъ своимъ вліяніемъ на выигрышъ потерей, сопряженныхъ съ ихъ вещественнымъ передвиженіемъ (треніемъ), сосчитываніемъ, замедленіемъ отъ отправокъ и т. д. *Затѣмъ*, когда онъ въ этой роли достигъ крайнихъ предѣловъ, возможныхъ для его вліяній, онъ приноситъ дальнѣйшую пользу народному хозяйству тѣмъ, что освобождаетъ его отъ необходимости *увеличивать* запасъ звонкихъ денегъ, когда потребность движенія требуетъ большаго количества орудій обращенія. Кредитъ устраняетъ необходимость *увеличенія* запаса звонкихъ орудій обращенія. *Но онъ не уменьшаетъ существующаго запаса* Потому что, разъ этотъ запасъ существуетъ, самое его существованіе уже доказываетъ, что имъ дорожатъ, и что поэтому услугами кредита готовы пользоваться, какъ средствомъ, увеличивающимъ выгоды получаемыя отъ металлическаго запаса, и только. Кредитъ представляетъ подчиненное средство—увеличивать возможность утилизированія металлическаго запаса, пока еще существуетъ такая возможность, и только тогда, когда она вполнѣ

исчерпана, начинается самостоятельная роль кредита въ обращеніи цѣнностей Но до тѣхъ поръ, пока потребности ускореннаго движенія еще удовлетворяются усовершенствованнымъ движеніемъ звонкихъ денегъ, кредитъ не можетъ съ ними конкурировать, и созданныя кредитомъ орудія обращенія, какъ самостоятельныя, непосредственно дѣйствующія на товарное движеніе, вытѣсняются тѣми орудіями обращенія, созданными кредитомъ-же, которыя дѣйствуютъ непосредственно на движеніе звонкихъ денегъ, ускоряя его и тѣмъ уже вліяя *косвенно* на товарное движеніе.

Необходимо имѣть въ виду, что объемъ дѣятельности кредита только постепенно расширяется и идетъ вслѣдъ за потребностью въ ускоренномъ обращеніи, подчиняясь ей, и въ быстротѣ, и въ напряженности собственнаго своего развитія. Первыя потребности ускореннаго движенія удовлетворяются поэтому вліяніемъ кредита не на товарное обращеніе непосредственно, а на обращеніе звонкихъ денегъ. Когда въ этой роли сила кредита исчерпана, но только тогда, и сфера его вліяній расширяется.

Кредитъ не проявляетъ своихъ дѣйствій на товарномъ рынкѣ до тѣхъ поръ, пока не истощились всѣ возможныя его вліянія на рынкѣ денежномъ. Почему? Потому что вліянія кредита ограничены предѣлами области *свободныхъ* имущественныхъ средствъ. Свободность-же этихъ средствъ прежде всего выражается въ ихъ денежной формѣ. Всего очевиднѣе свободность средствъ, выражающихся въ денежныхъ суммахъ, съ которыми ихъ владѣльцы не знаютъ, что предпринимать. Напротивъ, когда имущественныя средства выражаются не въ деньгахъ, а въ товарахъ и цѣнностяхъ, служащихъ спеціальнымъ надобностямъ, то именно это и доказываетъ, что владѣльцы ихъ первоначально знали, что̀ предпринимать со своими свободными средствами, что̀ изъ нихъ сдѣлать, на что ихъ употребить и по какому направленію имъ *сообщить движеніе*. И вотъ почему, еслибъ эти владѣльцы распродали свои товары и выручили отъ продажи деньги, деньги не играли бы въ ихъ рукахъ роли празднаго капитала, а получили

бы снова производительное употребленіе. Если товары имъ приходится сбывать въ кредитъ, то только по необходимости.

Всякій предприниматель имѣетъ прежде всего интересъ, чтобъ его предпріятіе не терпѣло отъ вынужденныхъ перерывовъ, ибо иначе онъ теряетъ свою полную власть надъ нимъ. Всякому предпринимателю нужно поэтому, чтобъ его предпріятіе длилось не больше времени, чѣмъ сколько требуется его техническими условіями, т. е. чтобъ онъ могъ воспользоваться наибольшею властью, доступною человѣку для его вліяній на условія производительности. Предпринимателю невыгодно, если его предпріятіе затягивается и конецъ его отодвигается отъ необходимости сбывать результаты въ кредитъ, то есть на срокъ, по истеченіи котораго только они и въ состояніи имѣть снова свои средства въ свободномъ состояніи и снова приступить къ началу своего дѣла. Сбытъ въ кредитъ только тогда перестаетъ быть невыгоднымъ, когда онъ иначе совершенно былъ бы невозможнымъ. Мы увидимъ ниже, что даже и при кредитномъ сбытѣ предприниматели стараются парализовать одинъ изъ существенныхъ элементовъ кредита, его срочность, для нихъ невыгодную. И мы увидимъ, что это стремленіе парализовать срочность кредита въ большинствѣ случаевъ можетъ почитаться главною причиною такъ называемыхъ *періодовъ кризиса* При всей выгодности кредита при извѣстныхъ условіяхъ, не слѣдуетъ однако думать, будто не существуетъ другихъ условій, при которыхъ возможнѣе и цѣлесообразнѣе выгодность сбыта не въ кредитъ, а за наличныя деньги.

Пока предпринимателю возможно сбывать свои товары за наличныя, сбытъ наличный имѣетъ для него основное преимущество предъ кредитнымъ, заключающееся въ полной свободѣ, которую немедленно доставляетъ наличный сбытъ. Конечно, отдѣльные представители предпріимчивости могутъ иногда отказываться отъ преимущества, представляемаго свободою, и предпочитать ему выгоду, съ которою въ отдѣльномъ случаѣ окажется сопряженною цѣна товара при кредитномъ его сбытѣ. Но такая

выгода во первыхъ всегда рискованна въ подобныхъ случаяхъ; во вторыхъ предприниматель, ею увлекающійся, своимъ увлеченіемъ доказываетъ и свою неопытность Ибо большая выгода, имъ получаемая, представляетъ цѣну, за которую онъ продалъ свою собственную свободу и за которую онъ согласился быть бездѣятельнымъ, то есть, чтобъ его предпріимчивость была парализована, чтобъ онъ самъ сталъ нулемъ

До тѣхъ поръ, пока не исчезла всякая возможность продавать товары и цѣнности за наличныя деньги, не можетъ еще начинаться выгодность ихъ сбыта въ кредитъ. И вотъ почему до тѣхъ поръ, пока деньги еще могутъ быть добыты, съ ихъ помощью будутъ производиться и закупки.

Металлическія деньги одни обладаютъ способностью служить представителями праздпаго капитала или самаго совершеннаго орудія сбереженія. Эта способность и всякія возможныя вліянія кредита при какихъ бы то ни было условіяхъ—существенно различныя вещи, которыя и должно всегда въ умѣ раздѣлять и держать особо одну отъ другой. Увеличивающіяся потребности оборота могутъ не повлечь за собою увеличенія металлическаго запаса страны. Подобный фактъ означаетъ въ такомъ случаѣ, что для цѣлей сбереженія оборотъ готовъ довольствоваться прежними орудіями, для цѣлей-же обращенія онъ желаетъ выиграть расходъ, съ которыми сопряжено расширеніе металлической циркуляціи. Во всякомъ случаѣ существующій запасъ звонкихъ денегъ доказываетъ на опытѣ, насколько оборотъ готовъ войти въ расходы на болѣе дорогой механизмъ. Кредитъ въ состояніи давать возможность сберегать дальнѣйшіе расходы на тотъ-же предметъ; но уменьшать разъ сдѣланные расходы до сихъ поръ не было въ его власти Онъ можетъ вытѣснять деньги изъ одной сферы въ другую звонкія деньги тѣмъ противуположны кредитнымъ орудіямъ обращенія, что наивысшее ихъ наименованіе, т. е. наивысшая двигательная сила, которою дѣйствуетъ самое крупное орудіе обращенія, можетъ (и должно) быть меньшаго наименованія и силы, чѣмъ та, которою дѣйствуетъ орудіе обращенія кредитное. То есть самое круп-

ное достоинство звонкихъ денегъ (у насъ полуимперіалъ и имперіалъ въ 5 и 10 рублей) долженъ быть меньше наименьшаго достоинства кредитныхъ орудій обращенія (что у насъ было бы достигнуто, еслибъ наименьшія бумажки были 25 рублевыя). Чѣмъ болѣе расширяется оборотъ и чѣмъ болѣе увеличивается потребность въ крупныхъ орудіяхъ обращенія, тѣмъ больше усиливается и надобность мелкихъ расходованій вслѣдствіе пониженія цѣнъ, въ особенности въ области потребленія, тѣмъ болѣе расширяется надобность въ мелкихъ орудіяхъ обращенія и тѣмъ шире роль, которую въ потребительномъ оборотѣ разыгрываютъ звонкія деньги. Изъ этой роли кредитъ ихъ не можетъ вытѣснять, потому что область потребительнаго оборота почти внѣ его вліяній, потому что кредитъ собираетъ и распредѣляетъ главнымъ образомъ деньги, употребляемыя или могущія быть употребляемыми на производственныя и промысловыя надобности, а не тѣ, которыя имѣютъ потребительное назначеніе.

Металлическая циркуляція не составляетъ имущественнаго достоянія отдѣльнаго лица, она—органъ народнаго хозяйства, какъ цѣлаго Вотъ почему соображенія отдѣльнаго лица о выгодности полной и совершенной ея замѣны кредитнымъ механизмомъ имѣютъ мало вліянія на ея цѣлость. Уменьшаемая образомъ дѣйствій одной личности,она увеличивается образомъ дѣйствій другой личности. Вотъ почему мысли и планы о полной замѣнѣ металлической циркуляціи кредитною и возможности такой полной замѣны до сихъ поръ лишены были всякаго практическаго значенія.

Самое лучшее доказательство представляетъ опытъ страны, которая всего далѣе ушла въ развитіи своей кредитной системы. Мы говоримъ объ опытѣ Англіи. Всѣ теоретики и практики единогласно сходятся на томъ, что сбереженія отъ уменьшеннаго употребленія драгоцѣнныхъ металловъ здѣсь больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Нигдѣ кредитъ не достигъ такой высокой степени развитія. Нигдѣ различныя его орудія не пользуются такою общею распространенностью. Ошибочно, однако, было бы изъ этого заключать, что въ Англіи уменьшается количество употребляе-

мыхъ звонкихъ денегъ. Оно не только не уменьшается, но напротивъ еще возрастаетъ. Въ трудахъ парламентской коммиссіи 1819 года о возстановленіи валюты, въ 16-мъ приложеніи къ докладу нижней палаты (стр. 317), завѣдывавшій монетнымъ дворомъ, В. Мориссонъ, сообщаетъ свѣденія о монетной циркуляціи Англіи за весьма важный періодъ, составляющій исходный пунктъ въ развитіи ея кредита въ широкихъ размѣрахъ, это именно за 1770-ые годы. Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Англіи произведена была перечеканка и это послужило основаніемъ расчета, по которому къ 1780 году нужно принять, что тогда обращалось монетъ на 26 милл. фунтовъ стерлинговъ. Къ концу прошлаго столѣтія, къ 1798 году сэръ Дж. Розе исчислялъ англійскую металлическую циркуляцію въ 40 милл. фунт. По расчетамъ Ньюмарча въ 1844 году монетная циркуляція Англіи составляла 46 милл. фунтовъ, а въ 1857 году 75 милл. фунтовъ. По даннымъ лондонскаго «Economist» металлическая циркуляція съ того времени еще возрасла. Судя по даннымъ за послѣдніе 14 лѣтъ, металлическая циркуляція съ 75 мил. въ 1857 году возросла въ 1871 году до 103.569.000 ф. или на 28.569.000 фунтовъ, т. е. на 38%. Это даетъ на каждый средній годъ увеличеніе въ 2.040.600 ф. или на $2^2/_3\%$. Среднее годичное увеличеніе само по себѣ незначительно, конечно. Такое-же увеличеніе мы получаемъ и для всего періода 1798—1871 года. Возрастаніе простирается до 159% въ 73 года или по $2^1/_5\%$ въ годъ. Но незначительное въ каждый отдѣльный годъ возрастаніе металлической циркуляціи увеличило ее въ три четверти столѣтія въ $2^1/_2$ раза, въ теченіи-же всего послѣдняго столѣтія въ $3^1/_2$ раза. Что доказываетъ этотъ фактъ? Онъ доказываетъ, что какъ ни сильно было развитіе кредита въ послѣднее столѣтіе въ Англіи, развитіе производства, торговли и вообще промышленной предпріимчивости далеко его оставляло за собою. Но это положеніе, такъ часто повторяемое, означаетъ только иными словами, что кредитъ не только слѣдовалъ за производствомъ, но сверхъ того за нимъ слѣдовалъ въ весьма почтительномъ отдаленіи, что

онъ не вытѣснялъ металла изъ роли орудія обращенія, а только или содѣйствовалъ ускоренію его движенія или же дѣйствовалъ въ новыхъ сферахъ, для которыхъ понадобилось бы среднее годичное увеличеніе металлической циркуляціи большее, чѣмъ въ 2 съ лишнимъ процента, но отъ расходовъ на которое онъ избавлялъ.

Даже въ томъ случаѣ, когда кредиту удается отвоевать для своихъ орудій обращенія сферу, въ которой безъ того дѣйствовали бы металлическія деньги, это не значитъ еще, что онъ дѣлаетъ излишнимъ *всякое* употребленіе денегъ. Потому что изъ роли орудій сбереженія и измѣренія онъ ихъ совсѣмъ вытѣснить неможетъ. Но именно вслѣдствіе этой неспособности кредита замѣнять металлическія деньги, онъ-же самъ долженъ примириться съ сокращеніемъ сферы дѣйствія собственныхъ своихъ чистыхъ продуктовъ. Разъ онъ не можетъ вытѣснить совершенно изъ употребленія звонкія деньги, онъ стремится по крайней мѣрѣ сдѣлать ихъ употребленіе возможно болѣе производительнымъ: это-то и выражается въ его стремленіи не давать металлу залеживаться въ видѣ мертвыхъ сбереженій и сообщать имъ движеніе въ роли орудій обращенія. Вотъ почему онъ долженъ отказываться отъ способности создавать орудія обращенія, исключительно только въ немъ одномъ черпающія свою силу и свои основанія, до тѣхъ поръ, пока имъ ни доведена до nec plus ultra скорость обращенія металлическихъ денегъ. Еслибъ онъ дѣйствовалъ не такъ, онъ вредилъ бы народному хозяйству, лишая его одного изъ необходимѣйшихъ орудій, служащаго для представительства свободныхъ сбереженій.

Всего менѣе, конечно, могутъ быть допущены такія объясненія вліяній кредита на металлическую циркуляцію, по которымъ роль кредита въ томъ именно и заключается, чтобъ увеличивать запасы металла, исключительно служащаго для сберегательныхъ цѣлей. Подобное вліяніе кредита прямо противурѣчитъ его природѣ и основному стремленію—не давать капиталу застаиваться, препятствовать ему оставаться бездоходнымъ, заставлять его быть непремѣнно производительнымъ. Всѣ тѣ условія, отъ которыхъ запасы металла въ роли орудій сбереженія возрастаютъ, не только

*

что не состоятъ въ родствѣ съ кредитомъ, но еще напротивъ всегда ему враждебны и возникаютъ тогда, когда его основанія становятся шаткими.

Весьма важно различать естественныя вліянія кредита отъ искусственнаго вліянія принужденія въ имущественныхъ отношеніяхъ. Вслѣдствіе того, что обстоятельства, сопровождающія и сопровождавшія господство такъ называемыхъ „*бумажныхъ* денегъ“, сильно вліяли на развитіе идеи о соотношеніи между кредитомъ и металлическими деньгами, доселѣ еще много понятій, справедливыхъ въ примѣненіи къ „*бумажнымъ* деньгамъ“ ошибочно перепосятся въ область кредитныхъ явленій и только подаютъ поводъ къ недоразумѣніямъ и боязни фиктивныхъ опасностей.

Съ металлическими орудіями обращенія кредитъ не только что не ведетъ никакой борьбы, но напротивъ живетъ въ полнѣйшемъ ладу. Но зато тѣмъ ожесточеннѣе его вражда къ драгоцѣнному металлу въ роли праздныхъ сбереженій. Этого противника онъ вѣчно сторожитъ, чтобъ его побѣдить и подчинить своему господству. Кредиту это подчиненіе необходимо для достиженія своего назначенія, чтобъ никакое сбереженіе не оставалось безплоднымъ и бездоходнымъ.

20. Денежное обращеніе въ предѣлахъ даннаго мѣста въ своемъ объемѣ опредѣляется потребностями оборота т. е., объемомъ (массою, количествомъ) и тою вѣскостью цѣнностей, подлежащихъ приведенію въ движеніе, которая выражается въ ихъ цѣнѣ. Слѣдовательно, денежное обращеніе расширяется, когда нужно приводить въ движеніе большій вѣсъ большаго объема (больше товаровъ съ высшими цѣнами), и сжимается, когда нужно приводить въ движеніе меньшій вѣсъ меньшаго объема (меньше товаровъ съ нисшими цѣнами). Уже изъ этого можно сдѣлать заключеніе, что измѣненіе объема циркуляціи предполагаетъ особый фондъ, въ который откладывается результатъ сокращенія и изъ котораго заимствуется необходимое для расширенія циркуляціи. Этотъ фондъ *одинаково* нуженъ какъ для потребностей *внутренняго* обращенія въ

предѣлахъ отдѣльнаго мѣста, такъ и для потребностей денежнаго обращенія *между различными мѣстами*. Онъ составляется изъ того запаса средствъ, который представляютъ сбереженія, находящіяся въ праздномъ состояніи. Но онъ пополняется не изъ одного только этого запаса. Какъ расширенія, и сокращенія циркуляціи могутъ быть двоякія. Одни изъ нихъ—экстенсивныя, другія — интенсивныя Экстенсивно циркуляція расширяется, когда *денежный* запасъ народнаго хозяйства увеличивается Интенсивно-же она расширяется, когда *денежный* запасъ остается безъ перемѣны, но количество *орудій обращеній, вызываемыхъ кредитомъ*, увеличивается. Наоборотъ, циркуляція сокращается экстенсивно, когда уменьшеніе касается денежной ея основы, и интенсивно, когда уменьшеніе касается только кредитныхъ орудій обращенія, оставляя безъ перемѣны денежную основу циркуляціи. Очевидно въ такомъ случаѣ, что интенсивное увеличеніе или сокращеніе циркуляціи означаетъ только увеличеніе или уменьшеніе средствъ, вліяющихъ на скорость движенія денегъ въ качествѣ орудій обращенія. Циркуляція можетъ интенсивно расширяться въ то самое время, когда экстенсивно она подверглась сокращенію. И наоборотъ, циркуляція можетъ экстенсивно расширяться и въ то-же время интенсивно сокращаться.

Расширеніе циркуляціи путемъ количественнаго *(экстенсивнаго)* увеличенія объема ея денежнаго основанія происходитъ обыкновенно только тогда, когда употреблены всѣ мѣры, чтобъ сообщить массѣ прежде дѣйствовавшихъ денегъ наибольшую эффективность, какая только возможна,—чтобъ утилизировать, какъ двигательную полезную силу, всю, которая въ нихъ заключается,—чтобъ расширеніемъ *интенсивности* пользованія силою ей сообщена была наибольшая возможная скорость. Всѣ эти результаты главнымъ образомъ получаются путемъ кредита. *Кредитъ представляетъ главное средство для интенсивнаго расширенія денежной циркуляціи, предшествующаго всегда ея экстенсивному разширенію.* Если *экстенсивное* расширеніе денежной циркуляціи выражается въ увеличеніи количества *ме-*

*таллическихъ* орудій обращенія, то *интенсивное* расширеніе циркуляціи выражается въ увеличеніи количества обращающихся *кредитныхъ* знаковъ *всякаго* рода и вида, т. е. въ увеличеніи количествъ *кредитныхъ орудій обращенія*. Также точно и наоборотъ, *интенсивное* сокращеніе циркуляціи, т. е замедленіе скорости движенія металлическихъ орудій обращенія, путемъ сжатія кредита и уменьшенія количества долговыхъ знаковъ, предшествуетъ *экстенсивному* сокращенію циркуляціи. Ибо понятно, что изъ денегъ будутъ стараться извлечь хотя бы и меньшую возможную пользу, прежде чѣмъ согласятся совсѣмъ ихъ оставить мертвымъ запасомъ. Это-то стараніе владѣльцевъ денегъ дѣлаетъ невозможною конкуренцію кредитныхъ орудій обращенія съ металлическими: первыя вытѣсняются послѣдними, ибо у послѣднихъ имѣется больше силы сохранять за собою поле, которое кредитная циркуляція должна для нихъ очистить. Пока еще есть что́ покупать, наличными деньгами покупать будетъ удобнѣе, легче и выгоднѣе, чѣмъ кредитными орудіями обращенія. Такимъ образомъ *при расширеніи и сокращеніи циркуляціи кредитъ играетъ первостепенную роль:* онъ *начинаетъ* и то и другое. Внѣ всякаго сомнѣнія, такимъ образомъ, положеніе, защищаемое многими, весьма извѣстными, англійскими практиками и играющее большую роль въ англійской денежной практикѣ, прошлой и современной: положеніе именно, что *движеніе кредитной циркуляціи подчиняется общему движенію металлической циркуляціи*, что она расширяется, когда послѣдняя *должна была бы* расшириться, и сокращается, когда эта послѣдняя *должна была бы* сокращаться. Но не должно, однако, понимать это положеніе въ томъ слыслѣ, что расширеніе и сокращеніе кредитной циркуляціи непремѣнно и всегда происходитъ *одновременно* съ расширеніемъ и сокращеніемъ металлической. Совершенно напротивъ, расширеніе одной изъ нихъ можетъ *замѣнять* расширеніе другой, а сокращеніе одной можетъ *замѣнять* уменьшеніе другой. Когда одна увеличивается, то это по большей части уже

*мѣшаетъ* другой увеличиваться; когда одна уменьшается, это *препятствуетъ* уменьшаться другой.

Нельзя также терять изъ виду и того, что сокращенія и расширенія металлической и кредитной циркуляціи совершаются *не съ одинаковою легкостію*. Не всегда, когда по потребностямъ оборота металлическая циркуляція *должна была бы* экстенсивно расшириться, она *дѣйствительно* расширяется: это можетъ обходиться такъ дорого, требовать такихъ затратъ, что скорѣе явится готовность отказаться отъ потребности расширенія Напротивъ интенсивное увеличеніе кредитной циркуляціи не требуетъ подобныхъ затратъ. Съ возможностью интенсивнаго расширенія и сокращенія *кредитъ даетъ*, такимъ образомъ, *возможность* скорѣе и легче приноровляться къ потребностямъ оборота, а слѣдовательно *интенсивно расширять циркуляцію и тогда, когда экстенсивно ее расширять было бы трудно* до невозможности, если не полной, то цѣлесообразной.

Такимъ образомъ *фондъ, насчетъ котораго происходятъ расширенія и сокращенія циркуляціи, состоитъ изъ свободныхъ сбереженій и изъ кредита*. И опять и это мы должны понимать, какъ въ примѣненіи къ циркуляціи въ предѣлахъ *отдѣльнаго* мѣста, такъ и въ примѣненіи къ циркуляціи, служащей экономическому движенію цѣнностей *между различными мѣстами*. Понятно однако, что кредитъ, какъ всегда, можетъ играть свою активную роль и въ означенномъ фондѣ, только пока его поддерживаетъ производительность предпріимчивости, только пока условія производства даютъ предпріимчивости возможность выполнять свои обязательства въ выговоренные сроки. Иными словами это значитъ, что активная роль кредита въ обращеніи предполагаетъ отсутствіе производственныхъ дефицитовъ и прямо это отсутствіе и выражаетъ.

Кредитъ, расширяя вообще циркуляцію интенсивно, дѣлаетъ излишнимъ до извѣстной поры ея экстенсивное расширеніе и своимъ движеніемъ замѣняетъ движеніе металлической циркуляціи. Въ сношеніяхъ между различными мѣстами это выра-

жается тѣмъ, что *кредитъ даетъ возможность каждому отдѣльному мѣсту сохранять свой металлическій запасъ и до извѣстной степени совершенно парализуетъ передвиженіе металла изъ одного мѣста въ другое.* Это не значитъ, что кредитъ вытѣсняетъ металлъ изъ роли орудія обращенія: какъ таковое, онъ долженъ все таки переходить отъ должниковъ заграничнаго мѣста къ его кредиторамъ. Движеніе металла вообще кредитомъ не парализуется; измѣняется только его направленіе. Увеличивая на свой объемъ циркуляцію, кредитъ наполняетъ собою ту среду и прежде всего совершенствуетъ ту область обращенія, совершенствованіе коей даетъ наиболѣе крупные результаты.

Вещественное движеніе денегъ всего убыточнѣе, когда оно распространяется на болѣе обширную территоріальную сферу. Понятно, что первая услуга кредита и естественно должна заключаться въ съуженіи этого территоріальнаго поля обращенія металлическихъ денегъ. Раздробляя металлическій запасъ мѣстъ, связанныхъ сношеніями, на такія части, изъ коихъ каждой остается только движеніе въ предѣлахъ даннаго мѣста, кредитъ дѣлаетъ каждую часть болѣе приноровленной къ нуждамъ мѣстнымъ. *Онъ локализируетъ металлическія деньги* по самой природѣ своихъ естественныхъ стремленій. Этимъ самымъ онъ увеличиваетъ звонкій фондъ каждаго отдѣльнаго мѣста, предоставляетъ больше для эффективной внутренней металлической циркуляціи и для возможнаго ея увеличенія.

Такимъ образомъ нормальное отношеніе кредитнаго циркуляціоннаго механизма къ металлическому выражается въ томъ, что первый не вытѣсняетъ послѣдняго изъ роли орудія обращенія, но, напротивъ, еще интенсивно усиливаетъ его дѣятельность въ этой роли, локализируя его дѣятельность въ извѣстныхъ предѣлахъ.

21. Выше мы характеризовали функцію обращенія, выполняемую деньгами, какъ приведеніе въ движеніе отдѣльныхъ цѣнно-

стей для перехода ихъ отъ лицъ, совсѣмъ или менѣе въ нихъ нуждающихся, къ лицамъ, имѣющимъ въ нихъ вообще потребность или сравнительно-большую потребность. Функцію сбереженія мы охарактеризировали, какъ сохраненіе *свободности* экономическихъ средствъ. Обѣ функціи мы рѣзко обособили одну отъ другой и показали, что ихъ взаимоотношеніе принадлежитъ не къ числу мирныхъ, а напротивъ, къ числу весьма явственно враждебныхъ.

Враждебность между функціею обращенія и функціею сбереженія имѣетъ преимущественное значеніе для кредита. Поэтому только съ развитіемъ послѣдняго и по мѣрѣ этого развитія враждебность обратила на себя вниманіе и продолжаетъ до сихъ поръ обращать на себя вниманіе, какъ еслибъ безъ кредита она вовсе не существовала. Въ значительной массѣ случаевъ, возникшихъ еще въ то время, когда явленія экономической жизни менѣе проникали въ сознаніе, съ нею до такой степени свыклись, что совершенно не обращаютъ на нее вниманія. Отсюда — недоумѣнія, споры и неясности по поводу явленій чрезвычайно простыхъ (потому что они принадлежатъ сравнительно-низшей степени развитія), даже иногда ложно объясняемыхъ, хотя всего, что необходимо для ихъ объясненія, далеко искать и не приходится.

Самый лучшій примѣръ представляетъ явленіе «платежа», къ объясненію котораго теперь насъ приводитъ ходъ нашего изложенія.

Что такое платежъ, какъ экономическое явленіе? Мы обращаемъ вниманіе на то, что для насъ здѣсь важна экономическая природа платежа, такъ какъ независимо отъ нея у платежа имѣется еще и юридическая природа. Какъ юридическое явленіе, платежъ — *одинъ изъ многихъ способовъ, которые прекращаютъ или погашаютъ обязательства*. Платежъ производится деньгами. Что такое деньги, какъ орудіе платежей, т. е. орудіе прекращенія обязательствъ, для юриста — вопросъ не сложный. Онъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, справившись у положительнаго закона, изъ котораго узнаетъ, *что* считать деньгами, служащими для платежей и прекращающими обязательства. Для юриста важенъ не вопросъ, что такое *деньги* въ качествѣ платежнаго

средства, не вопросъ, въ чемъ заключается природа денегъ въ этой роли, откуда эта роль проистекаетъ и какія она имѣетъ внѣшнія, объективныя, экономическія основанія, стоящія выше произвола. Для юриста важенъ болѣе формальный вопросъ, *какой предметъ* eo ipso *обладаетъ* по дѣйствующему положительному закону *качествомъ прекращать обязательства*, все равно по какой бы причинѣ тотъ или иной предметъ не обладалъ бы означеннымъ качествомъ.

Замѣтимъ однако, что если юридическое представленіе о платежѣ не можетъ удовлетворить того, кто стоитъ на экономической точкѣ зрѣнія, то оно соотвѣтствуетъ болѣе обширному представленію о долгѣ или обязательствѣ, чѣмъ какое господствуетъ въ экономической сферѣ. Вслѣдствіе узкости господствующихъ здѣсь представленій о долгѣ или обязательствѣ громадная масса ихъ ежедневно проходитъ мимо насъ, совершенно не замѣчаемая и вовсе не проникая въ сознаніе. Въ экономической сферѣ господствуетъ, именно, такое представленіе, что долгъ или обязательство возникаютъ только вмѣстѣ съ кредитомъ и что если кредита не существуетъ, то и долговъ нѣтъ. Для юриста-же долги и обязательства возникаютъ со всякимъ договоромъ, даже болѣе — со всякимъ дѣйствіемъ, которое, совершаемое хотя бы однимъ только лицомъ, затрогиваетъ однако и чужой интересъ. Вотъ почему для юриста наличные обмѣны, наличныя покупки и продажи, представляютъ также точно источникъ долговъ и обязательствъ, какъ и кредитъ. Несомнѣнно, конечно, что это юридическое представленіе о долгѣ стоитъ гораздо выше экономическаго и имѣетъ большое значеніе и въ экономической жизни, въ особенности въ настоящее время. Вслѣдствіе большей узкости экономическаго представленія о долгахъ, возникающихъ будто бы только съ кредитомъ (представленія, порожденнаго ошибочною мыслью, будто только при кредитѣ въ экономической жизни дѣйствуетъ довѣріе одного человѣка къ другому), мы не замѣчаемъ обыкновенно всей той массы долговъ, которыхъ прекращеніе или погашеніе производится съ наибольшею быстротою. Мы не замѣ-

чаемъ условій, отъ которыхъ зависитъ наибольшая быстрота погашенія обязательствъ, и теряемъ изъ виду тѣ основы, которыми кредитъ пользуется, когда онъ производитъ свои самыя могучія послѣдствія. Если при покупкѣ или продажѣ немедленно слѣдовалъ платежъ, то мы не замѣчаемъ, что здѣсь успѣли пройти мимо насъ два явленія: возникновенія и прекращенія долга.

Съ того времени, какъ возникли деньги, онѣ стали употребляться для платежей ими за пріобрѣтаемые товары. Спрашивается, составляютъ ли эти платежи явленіе, особенное и независимое отъ тѣхъ трехъ явленій (измѣренія, сбереженія и обращенія), на которыя мы выше указали, какъ на основныя дѣйствія, въ произведеніи которыхъ заключаются функціи денегъ? Составляетъ ли платежная функція особую отъ прежде указанныхъ трехъ функцій, или она только одна изъ формъ проявленія всѣхъ этихъ трехъ функцій или какой либо одной изъ нихъ?

Конечно самое удобное и легкое—сказать, что платежъ составляетъ четвертую функцію денегъ. Субъективная непонятость явленій не разъ прикрывалась созданіемъ особыхъ категорій изъ нихъ: «тамъ гдѣ не хватаетъ мысли, слово является на выручку.» Но дѣйствительно-ли существуетъ особая платежная функція денегъ, также отличная отъ остальныхъ трехъ функцій, какъ эти три отличны другъ отъ друга?

Что такое платежъ? Передача денегъ за добытую цѣнность. Когда орудіе обращенія приводитъ въ движеніе отдѣльную цѣнность, сообщая ему извѣстное направленіе, само орудіе не остается въ покоѣ. Оно, напротивъ, тоже приходитъ въ движеніе направленіе котораго—строго обусловленное: если цѣнность подвинулась отъ А къ В, то орудіе обращенія должно подвинуться отъ В къ А. Движеніе орудія обращенія должно сопровождать движеніе цѣнности и направленіе его движенія должно быть обратное тому, по которому идетъ цѣнность.

Слѣдовательно экономическое содержаніе платежа заключается въ движеніи самаго орудія обращенія, въ самообращеніи

этого орудія. Но орудіе обращенія вѣдь тоже составляетъ особую и отдѣльную цѣнность. Слѣдовательно, платежная функція представляетъ ту-же функцію обращенія, предметомъ которой однако служитъ цѣнность, представляемая самимъ орудіемъ обращенія.

Но вѣдь платежъ прекращаетъ обязательство. Это прекращеніе вѣдь чего нибудь да стоитъ. Оно должно вѣдь быть принято во вниманіе и составлять особый отличительный признакъ платежа? Нѣтъ, оно не составляетъ *отличительнаго* признака только платежа. Оно составляетъ явленіе, сопровождающее всякое обращеніе, при которомъ покупатель и продавецъ въ моментъ договора имѣютъ другъ для друга равноцѣнность.

Экономическая область обнимаетъ міръ возмездныхъ отношеній людей другъ къ другу, міръ услугъ, оказываемыхъ людьми другъ другу при стремленіи къ возможно болѣе полной взаимности, которою парализовалась бы всякая надобность въ односторонихъ жертвахъ. Всякій обмѣнъ и представляетъ намъ случай экономической взаимности. Но ее-же намъ показываютъ и составныя части, на которыя распадается обмѣнъ отъ употребленія орудій обращенія, покупка и продажа. Всякая покупка или продажа представляетъ такую услугу, оказанную однимъ человѣкомъ другому, въ которой односторонніе жертвы устраняются взаимностью, то есть которой соотвѣтствуетъ и съ которою уравнена другая услуга. Кто далъ цѣнность, получаетъ за то орудіе обращенія; то есть обязательство, которое родилось отъ полученія цѣнности, прекращено передачею орудія обращенія. Но и тотъ, кто далъ орудіе обращенія, получаетъ вѣдь цѣнность. То есть обязательство, родившееся отъ полученія орудія обращенія, прекращено передачею цѣнности.

Слѣдовательно, строго разсуждая прекращеніе или погашеніе обязательствъ совершается не только деньгами. Самое полученіе денегъ тоже оплачивается. И поэтому, если деньгами производятся платежи за цѣнности, то за самыя деньги платежи производятся цѣнностями. Передача всякихъ иныхъ цѣнностей, кромѣ

денегъ, также точно прекращаетъ обязательства, какъ передача денегъ. Различіе между деньгами и остальными цѣнностями единственно то, что только изъ первыхъ *положительный законъ* дѣлаетъ платежныя средства, напротивъ цѣнности иныхъ видовъ становятся средствами, прекращающими обязательства, лишь тогда, когда на это согласно лице, ихъ получающее.

Играютъ-ли деньги роль орудія обращенія, или орудія сбереженія, или орудія измѣренія, онѣ во всякомъ случаѣ, какъ мы видѣли, представляютъ свободное имущество Въ силу того, что деньги во *всякомъ* случаѣ представляютъ свободное имущество, единственно только онѣ и могутъ быть употребляемы *или* на одну, *или* на другую цѣль. (На третью онѣ всегда употребляются, какъ только изъ нихъ начинаютъ извлекать какую бы то ни было пользу, потому что онѣ всегда представляются *въ извѣстномъ количествѣ* и, слѣдовательно, измѣряютъ объемъ своей фукціи въ качествѣ орудія обращенія или измѣренія.) Еслибъ деньги не были всегда свободное имущество, ихъ невозможно было бы употреблять то на одну, то на другую цѣль.

Слѣдовательно, когда мы говоримъ, что деньги перестаютъ представлять праздное имущество, то это не значитъ, что онѣ перестаютъ быть свободнымъ имуществомъ. Деньги представляютъ свободное богатство, которое вмѣстѣ съ тѣмъ и праздное, только тогда, когда онѣ — орудіе сбереженія. Напротивъ деньги въ качествѣ орудій обращенія и орудій мѣры представляютъ дѣятельное имущество, и притомъ свободное. Слѣдовательно, *переходъ* денегъ изъ рукъ въ руки или вообще *денежное обращеніе представляетъ собою передвиженіе изъ рукъ въ руки свободнаго имущества.*

Когда деньги постоянно употребляются въ качествѣ орудій обращенія, свободное имущество находится въ непрерывномъ движеніи. Какое-же оно при этомъ движеніи оказываетъ дѣйствіе? Оно обращаетъ товары. Но почему или чѣмъ оно вызываетъ готовность владѣльцевъ всякаго другаго имущества отказываться отъ него? Тѣмъ, что переходя въ руки этихъ владѣль-

цевъ, оно даетъ имъ возможность стать въ болѣе благопріятное экономическое положеніе, чѣмъ они были до того. Имъ оказана услуга, болѣе чѣмъ равносильная той, которую они сами оказали: они получили эквивалентъ, который даетъ имъ возможность добывать, что имъ угодно. Владѣніе деньгами обезпечиваетъ ихъ надобности лучше, чѣмъ владѣніе всякою другою цѣнностью. Свободное имущество имъ съ собою принесло то, чего отдѣльный человѣкъ имъ не можетъ дать Понятно, что оно должно прекратить всякое обязательство, лежащее на отдѣльномъ человѣкѣ, именно вслѣдствіе своей преимущественности.

Признаніе денегъ способными всегда прекращать обязательства выражаетъ только признаніе преимуществъ, которыя свободное имущество имѣетъ надъ всякимъ другимъ. Эти преимущества такъ осязательны и убѣдительны, что логика должна перестать быть логикою, чтобъ ихъ не признавать. Только потому и законъ дѣлаетъ въ силу своей власти изъ свободнаго богатства преимущественное средство для прекращенія обязательствъ Но еслибъ законъ этого не дѣлалъ, то свободное богатство не потеряло бы своихъ преимуществъ. Законъ только освящаетъ фактъ ихъ существованія. Но это ихъ существованіе обезпечено совершенно независимо отъ всякаго вмѣшательства правительственной власти. Денежные платежи и безъ приказа закона прекращали бы обязательства по причинамъ, однороднымъ съ тѣми, по которымъ теплота расширяетъ тѣла, а холодъ ихъ сжимаетъ.

*Всякая* цѣнность, которая отдается не даромъ, прекращаетъ какое нибудь обязательство. Отдача цѣнности, сообщеніе ей движенія, приведеніе ея въ обращеніе и есть ничто иное какъ погашеніе обязательства. Процесса прекращенія обязательствъ, стоящаго независимо и отдѣльно отъ процесса обращенія цѣнностей, совсѣмъ не существуетъ. Такъ какъ золото и серебро— самыя лучшія цѣнности, то ихъ движеніе всего лучше прекращаетъ обязательства. Различіе между ними и остальными цѣнностями—количественное, а не качественное. Менѣе всего юристъ можетъ это оспаривать: онъ знаетъ что обязательство прекра-

щается и отдачею всякой вещи, лишь бы онъ была условленная, то есть лишь бы она имѣла для получающаго ее лица признанную имъ цѣнность для употребленія. Эту цѣнность *всегда* имѣютъ драгоцѣнные металлы и только сумашедшіе могутъ ее не признавать. Законъ потому только и дѣлаетъ изъ нихъ преимущественное платежное средство, что ихъ цѣнность внѣ всякаго сомнѣнія.

Но, можетъ подумать читатель, законъ дѣлаетъ платежныя средства и изъ такихъ вещей, которыя совсѣмъ цѣнности не имѣютъ. На это мы отвѣтимъ, что такія платежныя средства не имѣютъ ничего общаго съ *деньгами*. Ниже мы увидимъ, что такое *эти* платежныя средства.

Какую роль играютъ деньги, когда онѣ *прекращаютъ* обязательства? Такъ какъ для прекращенія обязательствъ деньгами послѣднія должны быть израсходованы, то значитъ деньги играютъ въ этомъ случаѣ роль орудій обращенія. Смотря потому рождаются-ли обязательства отъ покупокъ на потребленіе, или отъ покупокъ на дѣловыя надобности, орудія обращенія будутъ представлять или *капиталы* или *потребительныя средства*. Слѣдовательно спросъ на деньги, разсматриваемыя въ ихъ роли орудія обращенія для прекращенія обязательствъ, предполагаютъ всегда или соотвѣтственный капиталъ или соотвѣтственный потребительный запасъ. Если въ какое либо время обязательства не прекращаются, то это доказываетъ ограниченность и недостаточность орудій обращенія или въ качествѣ капиталовъ или въ качествѣ потребительныхъ средствъ. Различіе это весьма важно, такъ какъ власть для вліянія на массу орудій обращенія, служащихъ торгово-промышленнымъ нуждамъ (въ роли капитала), гораздо обширнѣе власти надъ орудіями обращенія, служащими потребительнымъ нуждамъ. То есть, при возникновеніи затрудненій для платежей по обязательствамъ, затрудненія легче устраняются, когда нужны орудія обращенія въ роли капитала, чѣмъ когда они нужны въ роли потребительнаго запаса.

Итакъ, обращеніе *всякой* цѣнности связано съ прекращеніемъ какого либа обязательства, сопровождающимъ это обра-

щеніе. Платежъ-же выражаетъ въ частности то прекращеніе обязательствъ, которое сопровождаетъ движеніе денегъ въ качествѣ орудій обращенія.

Въ этой-то роли орудій обращенія въ качествѣ средствъ для прекращенія обязательствъ большой интересъ получаетъ упомянутая выше враждебность между функціею обращенія и функціею сбереженія денегъ.

22 Выполняютъ-ли деньги одну или другую изъ этихъ функцій, зависитъ отъ рукъ, въ которыхъ онѣ находятся. Одни и тѣ-же деньги, которыя прежде дѣйствовали въ качествѣ орудія обращенія, попадая въ новыя руки, могутъ превратиться въ орудіе сбереженія. Послѣдствіемъ этого будетъ перерывъ ихъ дѣятельности въ качествѣ орудія обращенія и вмѣстѣ съ тѣмъ перерывъ въ собственномъ ихъ обращеніи. Напротивъ, если деньги не оставляютъ своей роли орудія обращенія, то ихъ движеніе начинаетъ принимать *круговое направленіе*. Переходя изъ рукъ въ руки, онѣ непрерывно возвращаются въ тѣ пункты, чрезъ которые онѣ уже проходили. Круговое направленіе денежнаго обращенія, когда оно непрерывное, обусловливается тѣмъ, что лица, между которыми обращаются деньги и которыя ихъ расходуютъ, составляютъ замкнутый кругъ для значительной доли своей дѣятельности. Такой кругъ они составляютъ по многимъ производственнымъ причинамъ. Экономическая жизнь народовъ на низшихъ степеняхъ развитія отличается раздѣленностью населенія на обособленныя однородныя хозяйственныя единицы, стоящія безъ экономической связи одна съ другою. На высшихъ степеняхъ развитія, напротивъ, эти единицы начинаютъ организоваться въ одно сложное цѣлое, состоящее изъ разнородныхъ единицъ, взаимно и другъ для друга дѣйствующихъ, постоянно находящихся въ безсознательной связи или въ сознательныхъ сношеніяхъ. Сношенія и связь возникаютъ по поводу результатовъ дѣятельности каждой особой единицы. Результаты, эти прямо на то и разчитаны, что каждому изъ нихъ при-

дется разсѣяться по всѣмъ отдѣльнымъ единицамъ, ища и находя въ нихъ сбытъ. Ему придется обойти всю народно-хозяйственную сферу, распредѣляясь между ея отдѣльными частями. Каждому народно-хозяйственному члену приходится, такимъ образомъ, отдавать свои результаты и получать чужіе. Это, другими словами, значитъ, что каждому народно-хозяйственному члену приходится ставить себя то въ положеніе вѣрителя по обязательствамъ, то въ положеніе должника по нимъ. Нужно помнить, что не процессъ обмѣна или обращенія, а уже самое производство, самый строй экономической дѣятельности создаетъ *взаимную зависимость* отдѣльныхъ членовъ народнаго хозяйства другъ отъ друга.

Эта-то взаимная зависимость внѣшнимъ образомъ проявляется въ цѣпи *взаимныхъ обязательствъ*, которою оказываются соединенными члены народнаго хозяйства. Оттого что каждому приходится быть и вѣрителемъ, и должникомъ, каждому приходится попасть въ цѣпь *взаимной задолженности*, которою всѣхъ связываетъ соединенная дѣятельность. Пропорціонально этой-то взаимной задолженности всякому приходится сообщать дальнѣйшее движеніе деньгамъ, когда съ ихъ помощью совершаются обмѣны. Деньги, которыя А получилъ, какъ продавецъ, онъ принужденъ израсходовать, какъ покупатель. Громадная масса обязательствъ погашается при этомъ съ такою быстротою, что мы не успѣваемъ даже замѣтить ихъ возникновеніе или существованіе.

Присмотримся, однако, ближе къ роли денегъ при этомъ погашеніи обязательствъ. Деньги, которыя я сегодня получилъ и которыми погасили долгъ мнѣ, я израсходовалъ, то есть я ими погасилъ свой долгъ *другому*. Въ одномъ случаѣ я отдалъ цѣнность, въ другомъ — ее получилъ. Обращеніе денегъ имѣло своимъ основаніемъ возникновеніе двухъ долговъ или обязательствъ, вслѣдствіе обмѣна двумя цѣнностями. Спрашивается однако: чѣмъ собственно были погашены обязательства, обращеніемъ-ли цѣнностей, или обращеніемъ денегъ? Строго разсуждая, должно признать, что отдача денегъ при этомъ покрыла полученіе *денегъ-же*, а отдача цѣнности совершенно достаточно была покрыта полученіемъ цѣн-

ности-же. Другими словами, должно признать, что деньгамъ въ этомъ случаѣ должно быть приписано не то послѣдствіе, которое представляется погашеніемъ обязательствъ, а *легкость и скорость* этого погашенія. Погашеніе же само произведено *взаимностью обязательствъ*, возникшею отъ того, что то-же лице, которое получало одну цѣнность, отдавало другую.

Иное совсѣмъ было бы дѣло, еслибъ взаимности обязательствъ не существовало: еслибъ одинъ какой-нибудь членъ цѣпи только отдавалъ бы цѣнность или только получалъ бы ее. Тогда дѣйствительно *деньги* погашали бы обязательство. Но тогда, попавъ въ руки кредитора, онѣ уже далѣе не расходовались бы. Онѣ перестали бы быть орудіемъ обращенія и стали бы орудіемъ сбереженія. Онѣ тогда представляли бы свободный капиталъ, погашающій обязательство, за несуществованіемъ иныхъ цѣнностей (иныхъ капиталовъ), которые согласился бы принять кредиторъ. Пока, однако, существуютъ цѣнности, нужныя для покупки ихъ тѣми лицами, которыя являются и продавцами цѣнностей, обязательства, переходомъ цѣнностей изъ рукъ въ руки, сами другъ друга погашаютъ. Деньги-же, обращеніе которыхъ сопровождаетъ обращеніе цѣнностей, только ускоряютъ и облегчаютъ это погашеніе.

Такимъ образомъ, пока деньги — орудіе сбереженія, дѣйствительно онѣ, представляя праздный капиталъ, окончательно погашаютъ обязательства, возникающія отъ обращенія цѣнностей. Но какъ только деньги перестаютъ представлять праздный капиталъ, онѣ уже только *сопровождаютъ* погашеніе, а не производятъ его. Враждебность между функціею обращенія и функціею сбереженія проявляется не только въ томъ, что когда одна выполняется, тогда другая уже не можетъ выполняться, но и въ томъ, что *или деньги окончательно погашаютъ обязательство или не онѣ.*

Вотъ этою-то послѣднею формою проявленія враждебности кредитъ также стремится воспользоваться. Воспользовавшись ею, онъ и производитъ тотъ расколъ, послѣдствіемъ котораго является полное выдѣленіе функціи обращенія изъ денегъ и созданіе для нея самостоятельнаго орудія. Все назначеніе этого орудія тогда уже

ограничивается однимъ только тѣмъ, чтобы въ одномъ рядѣ случаевъ сопровождать, облегчать и ускорять погашеніе обязательствъ, производимое *непосредственно съ помощью всякихъ цѣнностей вообще*, а въ другомъ рядѣ случаевъ еще болѣе облегчать и ускорять возможность погашенія обязательствъ съ помощью денегъ въ качествѣ празднаго капитала.

Всякій, кто играетъ въ экономической жизни дѣятельную роль, обладаетъ какою-либо производительною силою, съ помощью которой онъ и выполняетъ свою роль. Но производительная сила, какъ таковая, важна лишь въ моментъ, когда рѣчь идетъ о новыхъ цѣнностяхъ, источникомъ которыхъ она можетъ быть. Напротивъ, въ моментъ, когда рѣчь идетъ о распредѣленіи цѣнностей, о доляхъ, получаемыхъ или могущихъ быть полученными въ видѣ доходовъ отдѣльными личностями, важною становится то видоизмѣненіе производительной силы въ покупательную, благодаря которой каждый и добываетъ свою долю или получаетъ свои доходы.

Покупательная сила, кто бы ею ни обладалъ и въ какомъ бы она ни была видѣ (въ томъ-ли чистомъ видѣ, въ которомъ ее представляютъ деньги, или въ той смѣшанности ея съ какою-либо спеціальною пригодностью, въ которой она представляется, когда воплощена въ товарахъ и цѣнностяхъ, кромѣ денегъ), всегда, однако, важна не сама по себѣ, а какъ средство. Она всегда нужна для ея израсходованія. Обстоятельства могутъ дѣлать цѣлесообразнымъ ея сбереженіе. Но это сбереженіе покупательной силы всегда означаетъ *отсрочку* ея израсходованія въ данное время до другаго, болѣе благопріятнаго, времени. Только плохія экономическія, политическія и иныя общественныя условія, оказывающія неблагопріятное вліяніе на расходъ, могутъ принуждать къ такой отсрочкѣ, устраняющей неблагопріятное вліяніе. Отсрочка связана съ омертвѣніемъ покупательной силы, съ пріостановкою ея дѣятельнаго служенія человѣческимъ надобностямъ, съ перерывомъ въ этомъ служеніи. Данная масса покупательной силы гораздо лучше можетъ сохраняться непрерывнымъ ея расходованіемъ, чѣмъ прерывающимся ея расходованіемъ. Для *отдѣльнаго* лица, для А или

для В, можетъ существовать интересъ, чтобы онъ не израсходовалъ покупательной силы для *себя* сегодня или завтра. Но для *всего* народнаго хозяйства одинаково важенъ и сегодняшній, и завтрашній день, и вчерашній. Народное хозяйство стремится *всегда* быть здоровымъ, *всегда* пользоваться всѣми своими силами, а это и значитъ *непрерывно* ими пользоваться. И вотъ для этого то непрерывнаго пользованія покупательною силою кредитъ имѣетъ существенное значеніе и притомъ двоякое.

Если у А есть вещная цѣнность, которою *онъ* не хочетъ въ данное время воспользоваться, то кредитъ связываетъ А съ В, которому именно въ данное время цѣнность нужна и который именно въ данное время и только на данное время съумѣетъ ею воспользоваться. Подобнаго рода случаи важны въ особенности тогда, когда цѣнность представляется въ видѣ денегъ (какъ праздная капитала). Тогда *кредитъ вызываетъ односторонній процессъ обращенія для этихъ денегъ*. Обыкновенно деньги обращаются, когда онѣ расходуются для уплатъ по покупкамъ или для платежей по долгамъ. Но что будетъ съ деньгами, если ихъ владѣльцу не нужно въ данное время дѣлать ни расходовъ, ни покупокъ, ни уплатъ по долгамъ? Онѣ должны будутъ оставаться праздными только потому, что владѣлецъ не желаетъ въ данное время ихъ обмѣнять на эквиваленты, или что онъ не находитъ для нихъ въ данное время эквивалента. Кредитъ спасаетъ непрерывную производительность денегъ тѣмъ, что онъ даетъ имъ возможность обращаться даже и въ то время, когда владѣлецъ не обмѣниваетъ ихъ ни на какой другой эквивалентъ, когда онъ за свои деньги никакого эквивалента не получаетъ. Какимъ образомъ кредитъ производитъ это послѣдствіе? Онъ соединяетъ договоромъ владѣльца денегъ съ другимъ лицемъ, которое въ данное время не обладаетъ ничѣмъ, кромѣ производительной предпріимчивости, результаты которой еще не реализованы. Второе лице въ своей производительной предпріимчивости, однако, обладаетъ источникомъ покупательной силы. Когда предпріимчивость реализуется въ полезномъ результатѣ, послѣдній будетъ

представлять видоизмѣненный источникъ этой же покупательной силы. И вотъ этою-то покупательною силою, которой источникъ сначала предпріимчивость, а потомъ ея полезные плоды, и приводятся въ движеніе деньги. Плоды предпріимчивости тоже превратятся въ деньги. Первоначальный владѣлецъ денегъ, уступая ихъ представителю производительной предпріимчивости, даетъ ему возможность немедленно ими воспользоваться для ихъ выгоднаго израсходованія. Этимъ устраняется пріостановка въ движеніи денегъ. Затѣмъ, когда окончится срокъ кредитнаго отношенія, т. е., когда настанетъ срокъ, къ которому владѣлецъ самъ нуждается въ своихъ деньгахъ, для ихъ израсходованія, тогда онъ получитъ ихъ обратно и въ состояніи будетъ самъ содѣйствовать ихъ дальнѣйшему движенію.

Что сдѣлалъ здѣсь кредитъ? Онъ доставилъ возможность, при посредствѣ покупательной силы предпріимчивости, *привести въ обращеніе деньги*. Деньги играли здѣсь пассивную роль обращаемаго предмета, роль обращающей (двигающей) силы играла покупательная сила предпріимчивости. Но всякая сила, чтобы произвести дѣйствіе, должна быть собрана въ какомъ-либо орудіи или средствѣ, чрезъ которое она дѣйствуетъ или съ помощью котораго она утилизируется. Роль этого-то орудія или средства и играетъ долговой документъ, кредитный знакъ, вещественно представляющій двигательную силу кредита, т. е. покупательную силу предпріимчивости, не реализовавшей еще своихъ результатовъ.

Мы разсмотрѣли случай, когда обращаемый предметъ были деньги. Еще болѣе просты тѣ случаи, когда обращаемыми предметами являются всякія иныя цѣнности.

Независимо отъ своего значенія, какъ важнаго экономическаго условія, дающаго возможность порождать процессъ обращенія съ помощью покупательной силы, источникъ которой въ текущей предпріимчивости, кредитъ имѣетъ еще и другое, не менѣе важное, значеніе для процесса обращенія. Онъ даетъ возможность порождать этотъ процессъ съ помощью покупательной силы, которой источникъ, вообще, *въ капиталахъ*, плодахъ прошлой предпріимчивости,

какого бы они ни были рода и свойства, лишь бы до того изъ нея не сдѣлано было уже употребленія владѣльцами. Чтобы оцѣнить это значеніе кредита, необходимо принять во вниманіе, что процессы обращенія, изъ пары которыхъ каждый наличный обмѣнъ, всегда слагается, обладаютъ тою отличительною особенностью, которою обладаетъ самъ наличный обмѣнъ. То есть, и при каждомъ такомъ процессѣ обращенія, уговаривающіяся о немъ лица обладаютъ *готовыми* цѣнностями: одна сторона обладаетъ готовымъ товаромъ, другая деньгами. Передавъ другъ другу товаръ и деньги, уговаривающіяся стороны кончаютъ всѣ расчеты между собою. При наличномъ обмѣнѣ составныя части, изъ коихъ онъ слагается (акты продажи и покупки), невозможны, поэтому, безъ наличныхъ денегъ. Послѣднія, однако, вѣдь представляютъ ту же покупательную силу, которою обладаютъ и всѣ другіе товары, но только что очищенную отъ постороннихъ примѣсей, благодаря всеобщей распространенности, которою пользуется цѣнность денегъ. Возникаетъ поэтому вопросъ: не можетъ-ли и покупательная сила товаровъ, и вообще всякихъ капиталовъ, быть поставлена въ тоже благопріятное положеніе, чтобы съ ея помощью можно было непосредственно покупать? При исключительномъ господствѣ наличныхъ денегъ товары сначала должны быть проданы за деньги и только послѣ этого можно сказать, что они даютъ возможность покупать. Спрашивается: возможно-ли, чтобъ товары давали возможность покупать еще до того, какъ они проданы за деньги? На этотъ-то вопросъ *кредитъ* и даетъ положительный отвѣтъ. Тамъ, гдѣ существуетъ кредитъ, тамъ возможно, чтобы одно обладаніе капиталомъ, въ какомъ бы онъ ни былъ видѣ, давало возможность покупать. А для того, чтобы такой кредитъ существовалъ, необходимо лишь, чтобы предпріимчивость, представляемая капиталами, оказалась до конца производительною, выполнила всѣ возложенныя на нее надежды и оправдала всѣ расчеты на нее. Конечно, одними только планами и проэктами такого кредита создавать нельзя: его создаетъ только непрерывная и неусыпная дѣятельная забота о производительности и безопасности каждой сдѣланной затраты. Но тамъ, гдѣ для кре-

дита существуетъ прочная почва, онъ даетъ возможность возникнуть составнымъ элементамъ обмѣна (процессамъ обращенія, представляемымъ актами купли-продажи), на основаніи покупательной силы не только текущей, но и прошлой предпріимчивости, еще не реализовавшей всѣхъ своихъ результатовъ. Этимъ кредитъ мобилизируетъ, приводитъ въ движеніе, капиталы въ рукахъ самихъ ихъ владѣльцевъ, которые иначе обладали бы неподвижными тяжестями въ своихъ цѣнностяхъ. Онъ даетъ возможность антиципировать плоды не только текущей предпріимчивости, но и той прошлой, которая воплотилась въ капиталахъ, болѣе или менѣе медленно или скоро возвращающихъ сдѣланныя на нихъ затраты. Онъ даетъ возможность покупать будущими доходами не только труда, но и капитала. Капиталъ постоянный и неподвижный превращается имъ въ двигающійся и оборотный, медленно оборачивающійся въ болѣе скоро оборачивающійся. Покупательныя средства, завязанныя, кредитомъ освобождаются и ихъ владѣлецъ получаетъ возможность расширить свои покупки, для которыхъ покрытіемъ могутъ служить заготовленныя прошлою предпріимчивостью средства. И опять здѣсь эти послѣдствія производятся чрезъ посредство долговыхъ документовъ. Въ нихъ или обѣщается покупательная сила, представляемая капиталами, или предоставляется распоряженіе этою покупательною силою.

Обмѣнъ распадается на свои составныя части (на тѣ два процесса обращенія, которые представляются куплею и продажею) первоначально только подъ вліяніемъ денегъ, функціи которыхъ всѣ тѣсно связаны единымъ и общимъ ихъ представительствомъ въ драгоцѣнныхъ металлахъ, изъ коихъ деньги приготовляются. Когда кредитъ вторгается въ обмѣнъ и пріобрѣтаетъ на него вліяніе, это выражается двояко. Во-первыхъ, деньги разлагаются. Функція обращенія обособляется и получаетъ для себя отдѣльнаго представителя въ кредитномъ или долговомъ знакѣ. Этотъ знакъ не должно отождествлять съ деньгами, потому что онъ представляетъ только одну изъ трехъ ихъ функцій. Но онъ къ нимъ приближается въ той мѣрѣ, въ какой онъ выполняетъ эту одну изъ

ихъ трехъ функцій. Во-вторыхъ, обмѣнъ тоже начинаетъ распадаться на свои составныя части не только подъ вліяніемъ денегъ но и подъ вліяніемъ орудій обращенія, вызываемыхъ и поддерживаемыхъ кредитомъ. То есть кредитъ, подобно деньгамъ, можетъ вызывать процессы обращенія. Почему? Потому что эти процессы составляютъ только части обмѣна. Обмѣнъ предполагаетъ *двѣ* цѣнности, отдаваемыя одну за другую. Напротивъ каждый процессъ обращенія относится только къ *одной* цѣнности и можетъ возникнуть уже тогда, когда одна только цѣнность всего и существуетъ. Если для обмѣна нужны только двѣ цѣнности, а по даннымъ обстоятельствамъ существуетъ только одна изъ нихъ, то никакая сила въ мірѣ не въ состояніи вызвать обмѣна и сдѣлать его возможнымъ. Напротивъ, если для обращенія достаточно только одной цѣнности и таковая существуетъ, то очевидно, что *отъ воли* обладателя ея будетъ зависѣть, пожелаетъ ли онъ ее передать въ постороннія руки, или не пожелаетъ. Онъ во всякомъ случаѣ можетъ свое желаніе привести въ исполненіе, которое будетъ зависѣть исключительно отъ обязательности выгодъ, представляемыхъ исполненіемъ, и отъ силы соображеній, къ нему приводящихъ. Кредитъ, т.е. мѣновая цѣнность предпріимчивости, не реализовавшей еще своихъ результатовъ, и является въ этомъ случаѣ тѣмъ центромъ, къ которому тяготѣетъ и отъ котораго истекаютъ всѣ данныя, обусловливающія готовность передать въ чужія руки свой капиталъ.

Кредитъ, такимъ образомъ, въ одно и тоже время, однимъ и тѣмъ же своимъ вліяніемъ производитъ два послѣдствія: онъ *вызываетъ* процессъ обращенія капитала и *создаетъ* орудіе, съ помощію котораго процессъ осуществляется. Вызывая *процессы* обращенія, онъ обусловливаетъ *обязательство*, соотвѣтствующее переходу капитала (денежнаго или инаго) изъ однѣхъ рукъ въ другія. Создавая *орудіе* обращенія, онъ обусловливаетъ обязательственный *документъ*, или долговой знакъ, представляющій ту силу, признаніе производительности которой и доставило главное содержаніе кредиту въ данномъ отдѣльномъ случаѣ и результатомъ

которой обязательство должно будетъ быть прекращено или погашено, т. е. оплочено.

Обратимся теперь къ погашенію обязательствъ, вызываемыхъ кредитомъ. По господствующимъ въ экономической сферѣ представленіямъ, платежи наличными деньгами являются какъ бы единственнымъ способомъ погашенія или прекращенія обязательствъ. Какъ уже замѣчено, юридическія представленія объ этомъ предметѣ гораздо полнѣе и болѣе соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Юристы насчитываютъ цѣлый рядъ весьма различныхъ способовъ прекращенія обязательствъ. Для теоріи и практики кредита, существованіе различныхъ иныхъ способовъ погашенія обязательствъ, кромѣ платежей наличными деньгами, имѣетъ существенное значеніе.

Замѣтимъ прежде всего, что когда капиталъ переходитъ отъ одного лица къ другому въ кредитъ, приводимый въ движеніе покупательною силою, воплощенною не въ золотомъ или серебряномъ орудіи обращенія, а въ кредитномъ (бумажномъ) знакѣ, то существенная сторона, выдвигающаяся на первый планъ въ происходящемъ тогда явленіи, представляется *отсрочкою платежа*. Такъ, по крайней мѣрѣ, обыкновенно говорятъ. Въ сущности, однако, дѣло заключается не въ отсрочкѣ платежа. *Платежа* можетъ совсѣмъ и никогда не послѣдовать, потому что кромѣ него существуютъ другіе способы прекращенія или погашенія обязательствъ или долговъ. Сущность дѣла, поэтому, въ *отсрочкѣ этого погашенія или прекращенія долга*.

Говоря о способахъ погашенія долговъ, для насъ важнѣе всего тѣ внутреннія основы, на которыхъ способы держатся и которыя только наружнымъ образомъ и проявляются въ означенныхъ способахъ. Какія-же существуютъ основанія, которыя могутъ дѣлать излишнею необходимость денежныхъ платежей для погашенія долговъ?

Эти основанія двоякія. Самое главное изъ нихъ нами выше указано. Они оба представляются сцѣпленностью современныхъ экономическихъ интересовъ, тою взаимною связанностью членовъ всякаго народнаго хозяйства, ихъ взаимною зависимостію и взаимною

дѣятельностію другъ для друга, которыя обусловливаются самою природою строя современной экономической жизни народовъ. Изъ сцѣпленности современныхъ интересовъ и взаимной связанности, зависимости и дѣятельности—необходимо рождается *цѣпь взаимной задолженности*, соединяющей въ одинъ замкнутый кругъ по крайней мѣрѣ тѣ слои народа, которые успѣли совсѣмъ пережить и изжить отсталые, прежніе, низшіе періоды развитія и живутъ теперь полной жизнью новаго времени. Чѣмъ выше степень экономическаго развитія, тѣмъ менѣе обособленною является жизнь отдѣльной личности, тѣмъ больше она выражаетъ взаимность жизни отдѣльныхъ лицъ другъ для друга, общественность ихъ жизни,—тѣмъ больше, съ одной стороны, всѣ права отдѣльной личности являются *правами требовать* отъ другихъ лицъ, чтобы совершено было въ пользу первой то или иное производительное дѣйствіе, и тѣмъ больше, съ другой стороны, этому обширному кругу *правъ требовать* соотвѣтствуетъ прогрессивно разростающійся *кругъ обязательствъ* исполнять тѣ или иныя производительныя дѣйствія въ интересахъ третьихъ лицъ. Вся область имущественныхъ правъ, такимъ образомъ, въ свою очередь проникается взаимностью все больше и больше. Отсюда необходимость, возникающая для каждаго отдѣльнаго человѣка, являться то въ роли кредитора, то въ роли должника.

Понятно, что чѣмъ шире разростается масса обязательствъ, которыя одни лица имѣютъ на другихъ, тѣмъ обширнѣе должна былабы разростаться и сумма денежныхъ запасовъ каждаго народнаго хозяйства, если бы только денежными платежами и можно было прекращать обязательства. Но сама природа наиболѣе обширной доли современныхъ обязательствъ даетъ возможность кредиту устранить надобность въ деньгахъ для погашенія долговъ.

Очевидно, что если каждому въ той мѣрѣ, въ какой онъ подвергается вліяніямъ строя современной экономической жизни, приходится являться то въ роли кредитора, то въ роли должника,—то одно изъ двухъ: или ему приходится *одновременно* являться въ этихъ двухъ противоположныхъ роляхъ, или *разновременно*.

Само собою также понятно, что въ этихъ противуположныхъ роляхъ каждый можетъ являться или по отношенію къ одному и тому-же третьему лицу, или по отношенію къ двумъ, или болѣе, различнымъ постороннимъ лицамъ. Напримѣръ, А одинъ товаръ покупаетъ у В, а другой, на равную сумму, продаетъ ему въ одно и тоже время. Ему, слѣдовательно, приходится въ одно и тоже время являться кредиторомъ и должникомъ по отношенію къ одному и тому-же лицу. Покупка перваго товара рождаетъ одно обязательство, продажа втораго товара рождаетъ другое обязательство. Нужно-ли непремѣнно, чтобы эти обязательства непремѣнно были прекращены денежными платежами? Очевидно, что не нужно. Природа самыхъ отношеній здѣсь такова, что оба обязательства сами одно другое могутъ погасить. Взаимная задолженность въ этомъ случаѣ проявляется съ такою силою, что она даже какъ будто закрываетъ необходимость вмѣшательства кредита. А между тѣмъ, ближе присмотрѣвшись, это вмѣшательство кредита безъ труда открывается: коль скоро возникло обязательство и немедленно по его возникновеніи не послѣдовало денежнаго платежа, то очевидно, что кредитъ *отдалилъ* этотъ платежъ, все равно, для того ли, чтобы его только отсрочить, или для того, чтобы его сдѣлать совершенно излишнимъ.

Возьмемъ другой, болѣе сложный, случай. А купилъ одинъ товаръ у В, а другой товаръ на равную сумму, въ тоже самое время, онъ продалъ С. Опять мы имѣемъ прежніе два обязательства, въ которыхъ А является то кредиторомъ, то должникомъ, но къ нимъ прибавляется еще третье новое, въ возникающихъ здѣсь новыхъ отношеніяхъ: В является только кредиторомъ, С является только должникомъ. Долженъ-ли А погасить свое обязательство предъ В непремѣнно наличнымъ платежемъ денегъ? Очевидно, что это будетъ зависѣть отъ кредита, которымъ, какъ А, такъ и С пользуются у В. Предположимъ, что кредитъ этотъ существуетъ. Тогда А погаситъ свое обязательство, въ которомъ онъ является должникомъ предъ В, другимъ обязательствомъ, въ которомъ онъ является кредиторомъ предъ С. Два обязательства А *окончательно*

погасятъ одно другое и для А всякія обязательства будутъ прекращены, за исключеніемъ *добавочнаго* обязательства по поручительству за С, которое, можетъ быть, потребуетъ В. Во всякомъ случаѣ, это добавочное обязательство уже новое, сопровождающее обязательство С, какъ его принадлежность. Прежнія-же обязательства А совершенно прекращены Чѣмъ? Взаимностью. А былъ долженъ В, но когда В согласился стать на его мѣсто, какъ кредиторъ С, то В чрезъ то самъ сталъ должникомъ А. Благодаря кредиту, вмѣшавшемуся въ дѣло въ особомъ видѣ, *въ видѣ перехода долга С отъ А къ В*, эти послѣдніе, т. е. А и В, оказались во взаимномъ долгу другъ у друга, а взаимность погасила задолженность: А пересталъ быть въ долгу у В, В пересталъ быть въ долгу у А.

Здѣсь, однако, намъ нужно остановиться на двухъ вещахъ. Во-первыхъ, нашъ второй примѣръ показываетъ, что переходъ долга порождаетъ такія-же отношенія взаимной задолженности, какъ и переходъ готовой цѣнности. Во-вторыхъ, примѣръ намъ показываетъ, что переходъ долга играетъ роль *особаго* способа отсрочивать необходимость немедленнаго погашенія обязательствъ наличнымъ платежемъ.

А купилъ у В товаръ, но онъ ему ничего не продалъ. Слѣдовательно А только должникъ В и В только кредиторъ А. Между ними нѣтъ никакой *взаимной* задолженности. Но А продалъ товаръ С и сталъ его кредиторомъ. Теперь онъ обладаетъ долгомъ на С, т. е. онъ обладаетъ *предстоящимъ платежемъ*, который онъ долженъ получить отъ С. Если В согласится взять этотъ предстоящій платежъ, признавъ его мѣновую цѣнность, которая можетъ быть уравнена съ проданнымъ имъ товаромъ, т. е. если В согласится, чтобы долгъ на С перешелъ отъ А къ нему, то онъ самъ станетъ въ положеніе должника къ А. Тогда между А и В возникнетъ взаимная задолженность.

Слѣдовательно: взаимная задолженность рождается не только отъ взаимной передачи готовыхъ цѣнностей, реализированныхъ плодовъ предпріимчивости, но и отъ перехода долговъ изъ однихъ

рукъ въ другія, когда эта передача долговъ сопровождаетъ односторонній переходъ цѣнности. Обращеніе долговыхъ знаковъ восполняетъ недостающее для взаимной задолженности, когда обращеніе цѣнностей только односторонее, и дѣлаетъ взаимную задолженность полною.

Возьмемъ еще болѣе сложный случай. A купилъ товаръ у B, B купилъ другой товаръ у C, C купилъ третій товаръ у D D у E и т. д., X купилъ товаръ у Y. Предположимъ, что какъ бы ни были велики различія въ суммахъ, на которыя каждый купилъ товаръ, въ каждой суммѣ однако содержится полная тысяча рублей. Всѣхъ покупокъ сдѣлано, положимъ, 25. Слѣдовательно денежная сумма въ 25,000 рублей должна была бы, во всякомъ случаѣ, быть истраченною для погашенія обязательствъ, возникшихъ отъ этихъ покупокъ. Между A и B взаимная задолженность не можетъ установиться, такъ какъ A только купилъ товаръ у B, но никакого товара ему не продалъ. A, стало быть, никакою цѣнностью не обладалъ, которая могла бы служить основою для того взаимоотношенія, которое даетъ возможность прекратить обязательство помимо денежнаго платежа. Но между B и C, между C и D, между D и E и т. д., наконецъ между X и Y взаимная задолженность легко можетъ установиться при помощи кредита. Ибо каждый изъ нихъ былъ не только покупателемъ, но и продавцемъ какой либо цѣнности. Каждый изъ нихъ являлся то должникомъ, то вѣрителемъ. Правда, каждый изъ нихъ вѣритель по отношенію къ одному лицу и должникъ по отношенію къ другому. Но тутъ-то кредитъ ихъ и можетъ выручить, связавъ всѣ ихъ обязательства. Если каждый продавецъ вѣритъ своему покупателю, то онъ готовъ будетъ принять отъ него обязательственный документъ, по которому или покупатель обязуется самъ произвести платежъ, или по которому покупатель прикажетъ постороннему лицу произвести платежъ, или, наконецъ, по которому покупатель является поручителемъ, а главнымъ должникомъ является другой человѣкъ. Какой бы однако документъ ни былъ выданъ покупателемъ и принятъ продавцемъ, суть не въ немъ, а въ томъ, что по этому документу

совсѣмъ не будетъ для большинства покупателей надобности произвести денежный платежъ. Крайнія звенья нашей цѣпи, A и Y, останутся внѣ отношеній взаимной задолженности, но для всѣхъ остальныхъ она будетъ существовать или потому, что одинъ и тотъ же долговой знакъ будетъ переходить изъ рукъ въ руки, или потому, что подъ вліяніемъ кредита одинъ долговой знакъ будетъ замѣняться другимъ, что равносильно тому-же переходу долговаго знака изъ рукъ въ руки. Когда B купилъ товаръ у C, онъ могъ, если обладалъ кредитомъ, расплатиться обязательствомъ, которое онъ имѣлъ на A. Этимъ-же самымъ обязательствомъ C можетъ расплатиться съ D, D съ E и т. д., наконецъ X съ Y. Въ концѣ концовъ обязательство A попадаетъ къ Y и, если наличный платежъ и окажется нужнымъ, то только въ суммѣ 1,000 р., а не 25,000. Но если отношенія усложнятся до того, что Y окажется покупателемъ A, тогда и между ними установится взаимная задолженность и весь рядъ обязательствъ будетъ прекращенъ взаимностью безъ всякой необходимости платежей.

Останемся однако у нашего примѣра безъ этого послѣдняго усложненія, т. е. оставимъ нашу цѣпь не замкнутою. A остается только покупателемъ, т. е. должникомъ, B только продавцемъ, т. е. кредиторомъ. Пока обязательство A переходило изъ рукъ въ руки, оказывая B, C, D, E, F и т. д., вплоть до X, оказывая имъ всѣмъ ту услугу, что отъ обращенія обязательства восполнялась недостававшая взаимность въ долговыхъ отношеніяхъ отъ B до X, въ это самое время обязательство A оказывало и ему хорошую услугу, *отдаляя отъ него необходимость расчитаться по своему долгу*. Конечно, это выходило случайно для A и помимо его воли и намѣренныхъ стараній. Пока обязательство A не дошло до X, оно, *обращаясь*, оказывало B, C, D ...X не маленькую услугу, освобождая ихъ отъ необходимости возиться и манипулировать звонкими деньгами, которыя къ тому же B, C, D....X совсѣмъ и были не нужны совершенно: они могли и безъ нихъ отлично прекратить всѣ свои обязательства.

Отсюда какой выводъ? Очевидно, тотъ, что если чье-либо обя-

зательство попадаетъ въ кругъ лицъ, которыя по своимъ торгово-промышленнымъ отношеніямъ являются то кредиторами, то должниками по извѣстной массѣ долговъ, то, переходя въ этомъ кругу изъ рукъ въ руки, означенное обязательство, во первыхъ, возстановляетъ въ немъ взаимную задолженность и этимъ устраняетъ надобность въ денежныхъ платежахъ для массы долговъ, во-вторыхъ, оно этимъ самымъ какъ-бы себѣ обезпечиваетъ извѣстный срокъ, до истеченія котораго оно не возвратится къ тому, кто въ концѣ концовъ долженъ позаботиться объ его прекращеніи. Но и его собственное прекращеніе не должно непремѣнно быть произведено денежнымъ платежомъ: попавъ въ руки должника того, кто его на себя выдалъ, или должника этого должника, и оно можетъ быть прекращено взаимностью.

Пользованіе взаимною задолженностью проявляется въ разнообразныхъ формахъ. Простѣйшій видъ представляется тогда, когда *въ двухъ различныхъ мѣстахъ* находится одинаковое число кредиторовъ и должниковъ, изъ которыхъ должники одного мѣста состоятъ въ долгу у кредиторовъ другаго мѣста на такую же сумму, на какую должники этого послѣдняго мѣста состоятъ въ долгу у кредиторовъ перваго. Тогда во всякомъ отдѣльномъ мѣстѣ должникамъ остается только передать должную ими сумму кредиторамъ, рядомъ съ ними живущимъ. Этимъ не устраняется, правда, необходимость употребленія наличности вообще: въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго мѣста, локализированная, она остается необходимою, чтобы можно было совершить платежи. Но извлеченіемъ пользы изъ взаимной задолженности устраняется необходимость, чтобы одно мѣсто пересылало другому наличность, т. е. расплачивалось съ другимъ наличностью. Обязательства, которыя оба мѣста имѣли другъ на другѣ, погашаются ихъ взаимностью, и необходима только *пересылка* (передвиженіе) *документовъ*, свидѣтельствующихъ о существованіи этой взаимности обязательствъ и слѣдовавшихъ по нимъ платежей. Какъ ни просто и элементарно это проявленіе кредита, оно, однако, имѣетъ такое широкое примѣненіе, что мы разсмотримъ его нѣсколько подробнѣе.

Обратимъ прежде всего вниманіе на то, чѣмъ себя въ этомъ случаѣ кредитъ проявляетъ и при какихъ условіяхъ онъ въ этомъ случаѣ проявляется. *Переводный векселъ представляетъ собою элементарную форму торговаго кредита.* Элементарность кредита выражается тутъ тѣмъ, что онъ проявляется при такихъ условіяхъ, при которыхъ и безъ него можно было бы обойтись собственно для цѣли обращенія. Не отсутствіе наличности и потребность въ другихъ средствахъ расплаты его вызываетъ. Наличность для уплаты за купленные въ другомъ мѣстѣ товары можетъ существовать у покупателя, и тѣмъ не менѣе она не будетъ употреблена въ дѣло. По какой-же причинѣ? Главнѣйше потому, что самая уплата—такой актъ или такой процессъ, который сопряженъ съ расходомъ на пересылку наличности, съ необходимостію ее пересчитывать, съ потерею отъ передвиженія ея (отъ тренія) и съ рискомъ тѣхъ опасностей, которымъ можетъ подвергнуться пересылаемая или находящаяся въ обращеніи наличность. Пересылка наличности требуетъ также времени; въ теченіе этого-же времени можетъ быть переслано обязательство, которое сокращаетъ расходы и избавляетъ отъ опасностей, по которому немедленно можетъ быть полученъ платежъ, погашающій всѣ обязательства. Получить обязательство въ этомъ случаѣ и переслать его рѣшительно все равно, что получить деньги и переслать ихъ, но только что первое при этомъ дешевле и безопаснѣе. Кредитъ, въ этомъ случаѣ, значитъ, вмѣшивается ради доставляемой имъ дешевизны и безопасности. Англичане говорятъ, что время—деньги и что всякій увеличенный выигрышъ во времени равенъ денежному заработку. Но эту фразу можно перевернуть и утверждать, что всякій увеличенный выигрышъ въ деньгахъ, выигрышъ того времени, которое нужно было бы употребить на увеличеніе денежнаго заработка. Удешевленіе и большая безопасность, которыя доставляются кредитнымъ переводомъ, идутъ рука объ руку съ выигрышемъ времени и ускореннымъ обращеніемъ наличности. Безъ помощи кредитнаго перевода наличность должна была бы для погашенія обязательствъ въ наименьшемъ случаѣ четыре раза перемѣнять руки; при помощи перевода она достигаетъ

этой цѣли, перемѣнивъ только два раза руки. Переводъ вдвое ускоряетъ достиженіе цѣли.

Въ разсмотрѣнномъ случаѣ кредитъ давалъ возможность воспользоваться взаимною задолженностью для того, чтобы ускорить обращеніе наличности, которая принадлежала каждому изъ лицъ, согласившихся обойтись безъ нея и получить проистекающія изъ этого выгоды. Здѣсь мы имѣемъ предъ собою первый и элементарный случай замѣны циркуляціи чисто-металлической кредитною циркуляціею. Замѣна, какъ оно и понятно для простѣйшаго случая, происходитъ не полная. Но какая бы она ни была, полная или не полная, она важна для насъ, какъ примѣръ, показывающій, какъ уже и при не очень усложнившихся отношеніяхъ и условіяхъ возникаютъ выгоды, могущія побудить отказаться отъ непрерывнаго употребленія одной только звонкой наличности, хотя это непрерывное употребленіе было бы возможно. Примѣръ этотъ еще важенъ и потому, что онъ показываетъ, какъ пепользованіе выгодами, доставляемыми замѣною металлической циркуляціи циркуляціею кредитнаго знака повлекло бы за собою замедленіе процесса обращенія. Если звонкія орудія должны четыре раза мѣнять руки для приведенія въ движеніе того же количества цѣнностей, когда онѣ дѣйствуютъ одни, и если онѣ только два раза должна мѣнять руки, когда имъ помогаютъ кредитные зваки, то значитъ послѣдніе имъ даютъ возможность приводять въ движеніе вдвое большее количество цѣнностей. Слѣдовательно, при удвоившемся производствѣ и потребности удвоеннаго сбыта придется или удвоить количество металлическихъ орудій обращенія, или употребить средство, удвоивающее скорость ихъ обращенія, т. е. обратиться къ кредиту. Кредитъ въ этомъ случаѣ сбережетъ всѣ расходы, которые были бы нужны на добавленіе къ существенной металлической циркуляціи еще новой, такого-же размѣра, какъ и прежняя.

Необходимо имѣть въ виду, что эта услуга кредита принадлежитъ къ одной изъ самыхъ важныхъ между тѣми, которыя кредитъ оказываетъ. Мы такъ свыклись съ понятіемъ о кредитѣ, какъ о средствѣ совершенно избѣгать звонкой наличности, что менѣе всего

обращаемъ вниманіе наше на тѣ его услуги, которыя онъ оказываетъ, не устраняя совершенно изъ обращенія наличности. А между тѣмъ, даже въ наиболѣе развитыхъ странахъ эти послѣднія услуги важнѣе и оказываются въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ первыя. Извѣстна польза, проистекающая для народнаго хозяйства отъ ускореннаго обращенія денегъ. Оно избавляетъ народное хозяйство отъ необходимости увеличивать количество денегъ, когда количества обращаемыхъ товаровъ увеличивается и даетъ народному хозяйству возможность выиграть весь тотъ капиталъ, который нужно было-бы употребить на увеличеніе количества денегъ. Но эта услуга ускореннаго обращенія имъ оказывается, главнымъ образомъ, благодаря кредиту. Конечно, живость и неутомимость дѣятельности представителей предпріимчивости, сокращеніе технической продолжительности разныхъ отраслей дѣятельности и совершенствованіе путей сообщенія при этомъ также много значатъ. Но эти условія имѣютъ свои предѣлы, за которыми остается сравнительно еще большее пространство для того, чтобы на немъ могъ проявлять свое вліяніе кредитъ.

Взаимная задолженность предполагаетъ два обязательства, идущія по противуположнымъ направленіямъ и перекрещивающіяся въ одномъ общемъ пунктѣ. Вотъ почему, когда обязательства группируются около одного общаго пункта, изъ котораго они всѣ выходятъ, какъ-бы составляя каждое особый радіусъ, то всякая ихъ пара можетъ составлять прямую, выражающую два обязательства, идущія по противуположнымъ направленіямъ и выходящія изъ одного пункта, то есть могущія одно другое погасить. Понятно отсюда, какое громадное практическое значеніе въ состояніи получить цѣлесообразная дѣятельность для такой группировки возможно большей массы обязательствъ около одного общаго центра. Подобною группировкою данной массѣ обязательствъ сообщается качество взаимности, дающее имъ способность быть превращенными безъ денежныхъ платежей.

Превращеніе обязательствъ безъ денежныхъ платежей можетъ происходить или при обладаніи деньгами для ихъ погашенія,

или при отсутствіи этихъ денегъ. Если денегъ нѣтъ, то очевидно, что ихъ и *добывать не приходится*, такъ какъ цѣль достигается и безъ нихъ. Въ той мѣрѣ, въ какой кредитъ даетъ возможность прекращать обязательства безъ денежныхъ платежей, его главное значеніе для экономической жизни заключается въ услугѣ, которую онъ оказываетъ народному хозяйству, освобождая его отъ необходимости заботъ объ увеличеніи денежнаго запаса и отъ затратъ, сопряженныхъ съ такимъ увеличеніемъ. Содѣйствуя расширенію обращенія, ускоряя и оживляя его, кредитъ при этомъ не увеличиваетъ потребности въ деньгахъ, какъ способѣ прекращенія обязательствъ. Онъ самъ погашаетъ порожденныя имъ обязательства.

Но при прекращеніи обязательствъ иными способами, кромѣ денегъ, можетъ случиться, что эти послѣднія будутъ имѣться въ наличности у народнаго хозяйства. Такъ какъ, однако, обязательства погашаются и безъ нихъ, то деньги оттѣсняются отъ своего дѣла, лишаются послѣдняго и становятся свободными. Свободными - то деньгами кредитъ и стремится пользоваться для тѣхъ случаевъ, въ которыхъ онъ не можетъ установить взаимности между обязательствами. Тогда онъ доставляетъ возможность погасить эти послѣднія освобожденными деньгами.

Ближе присматриваясь къ этимъ случаямъ, мы открываемъ, что они представляютъ тотъ способъ прекращенія-обязательствъ, который и юристамъ извѣстенъ и заключается въ *замѣнѣ* одного обязательства, погашаемаго, другимъ, возникающимъ на его мѣстѣ. Обязательство при этомъ въ сущности *отсрочивается*.

Оживляя праздный капиталъ, представляемый деньгами, кредитъ даетъ возможность съ ихъ помощью прекращать и такія обязательства, порожденныя обращеніемъ цѣнностей, которымъ не соотвѣтствуютъ противуположныя и перекрещивающіяся съ ними другія обязательства, которыя также порождены были бы обращеніемъ цѣнностей. Когда переходы капиталовъ (не денежныхъ) изъ рукъ въ руки не уравновѣшиваются взаимно, то кредитъ привлекаетъ денежные капиталы для возстановленія нарушеннаго равновѣсія. Въ сношеніяхъ между различными народными хозяйствами весьма наглядно

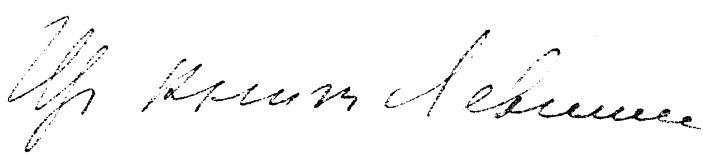
замѣтно, какъ задолженность, порождаемая покупками, которые народы производятъ другъ у друга, погашается товарами, которые они другъ другу продаютъ, и какъ только разности между долгами, въ которыхъ народы состоятъ другъ у друга, погашаются деньгами въ качествѣ свободнаго капитала. Относительно области международныхъ торговыхъ сношеній всякій отлично знаетъ, что деньги возстановляютъ нарушенное равновѣсіе, когда какой либо народъ больше покупаетъ у другаго, чѣмъ продаетъ ему. Но и въ области сношеній между отдѣльными лицами деньги играютъ ту-же самую роль. И здѣсь деньги только служатъ добавочнымъ средствомъ для возстановленія нарушеннаго равновѣсія между покупками и продажами. Каждое отдѣльное хозяйство имѣетъ свой балансъ платежей, который главнымъ своимъ основаніемъ имѣетъ обмѣнъ товарами. Только тогда, когда этого основанія не хватаетъ на всю массу возникающихъ экономическихъ отношеній, недостающую почву представляютъ деньги. И вотъ когда даже и эта почва не оказывается на какомъ либо пунктѣ народнаго или всемірнаго хозяйства, кредитъ стремится ее разъискать, чтобы равновѣсіе нашло себѣ основаніе и было возстановлено.

Но здѣсь очень важно имѣть въ виду, что кредитъ въ подобномъ случаѣ возстановляетъ нарушенное равновѣсіе *только временно*. Кредитъ, правда, прекращаетъ обязательства, возникшія отъ переходовъ изъ рукъ въ руки капиталовъ *не денежныхъ*. Но онъ это дѣлаетъ, порождая новыя обязательства, возникающія отъ новыхъ переходовъ изъ рукъ въ руки капиталовъ *денежныхъ*. Если прежде равновѣсія не было, то это происходило потому, что нѣкоторыя изъ рукъ для уравновѣшенія своихъ приходовъ сами не обладали необходимыми капиталами, ни въ денежномъ, ни въ иномъ видѣ. Возстановляя равновѣсіе, кредитъ это производитъ временно, и именно до того срока, когда въ означенныхъ нѣкоторыхъ рукахъ образуются нужные капиталы, все равно въ видѣ-ли денегъ, или иныхъ цѣнностей. Разъ однако эти капиталы образуются, очевидно, равновѣсіе будетъ уже возстановлено взаимностью.

Изъ сказаннаго явствуетъ: во первыхъ, что стремясь къ пре-

кращенію обязательствъ безъ денежныхъ платежей, кредитъ, однако, долженъ имѣть въ видѣ вспомогательной силы свое вліяніе на свободные (денежные) капиталы; во-вторыхъ, что этимъ вліяніемъ онъ только временно возстановляетъ равновѣсіе обязательствъ, коимъ истекаетъ срокъ, прибавляя къ нимъ обязательства съ позднѣйшими сроками; въ третьихъ, что въ концѣ концовъ все таки у должниковъ должны для исполненія ихъ обязательствъ образоваться ихъ *собственные* капиталы. Отъ этой послѣдней необходимости никакой кредитъ избавлять не можетъ. Кредитъ можетъ избавлять отъ необходимости, чтобы эти капиталы были непремѣнно денежные, но тѣмъ настоятельнѣе возникающая потребность, чтобы они существовали въ иномъ видѣ.

---



## ГЛАВА III.

### Кредитъ, производство и спекуляція.

23. Одна изъ наиболѣе характеристическихъ особенностей нашего времени представляется его стремленіемъ сообщить всякой человѣческой дѣятельности экономическое содержаніе или, по крайней мѣрѣ, въ ея окраскѣ сдѣлать возможно болѣе отчетливою и ея экономическій цвѣтъ. Прошелъ безвозвратно тотъ періодъ, когда политическими учрежденіями и унаслѣдованнымъ положеніемъ въ обществѣ человѣку гарантировалась экономическая почва для жизни. Политическія учрежденія постепенно лишаются послѣднихъ остатковъ того своего значенія, которое они прежде имѣли, какъ подобная гарантія. Положеніе человѣка въ обществѣ само стало въ зависимость отъ его экономическихъ средствъ или отъ его дѣятельности непосредственно для ихъ добыванія. Въ прежнее время было возможно гарантировать потомкамъ спокойную, беззаботную и бездѣятельную жизнь, надѣляя ихъ или монопольнымъ землевладѣніемъ, или крѣпостными душами, или монопольною промышленностью или, разсчитывая на благотвореніе и обязательную, по обычаю, жертву для поддержанія тѣхъ или иныхъ стремленій. Постепенно, однако, монополіи становятся невозможностью. Никакое унаслѣдованное имущество и никакая сантиментальность, вслѣдствіе того, не могутъ уже давать возможности жить безъ доходной дѣятельности. Какъ бы ни было велико имущество, если оно играетъ только роль

потребительнаго фонда, ему раньше или позже долженъ настать конецъ. Чтобы оно непрерывно сохранялось, для этого его прежде всего нужно не потреблять. Но этой отрицательной экономической доблести еще мало. Нужно еще съумѣть стать въ дѣятельное отношеніе къ имуществу; необходимо еще съумѣть что либо съ нимъ предпринять. Нужны предпріимчивость и знаніе, на что имущество годится всего лучше. Такая предпріимчивость нужна даже для лицъ, о которыхъ судьба, въ видѣ добраго предка, успѣла позаботиться. Но эта судьба благоволитъ далеко не ко всему человѣчеству, да и на той его части, къ которой она благосклоннѣе, она отражается далеко не одинаково. Для большинства, поэтому, непосредственная доходная дѣятельность стала теперь насущнымъ условіемъ жизни. Какъ бы кто ни безпокоился и заботился о моральной, эстетической, научной и всякихъ другихъ сторонахъ своей дѣятельности, онъ волею-неволею не долженъ терять изъ виду и той ея стороны, которою выражается ея доходность, ея экономическое значеніе.

Параллельно этому стремленію нашей эпохи — яснѣе выдвигать впередъ во всякой дѣятельности ея экономическое значеніе — идетъ другое, не менѣе характеристическое стремленіе. Всякій чувствуетъ и сознаетъ, что его экономическая почва зависитъ отъ его головы или его рукъ, отъ его умѣнья создать или сдѣлать себѣ положеніе въ обществѣ. Наиболѣе счастливые не менѣе ясно чувствуютъ и сознаютъ, что если имъ легче жить, то благодаря тому, что ихъ предки были съ хорошею головою и руками. Всякое благосостояніе, не временное только, а прочное и непрерывное, имѣетъ свое основаніе въ дѣятельности человѣка и въ ней только одной, собственной-ли и непосредственной, текущей и непрерывной, или какого либо предка, который не сидѣлъ сложа руки, который умѣлъ «обдѣлывать дѣла». Вотъ почему наша эпоха, оставляя въ сторонѣ объясненія доходности помощью чудесныхъ силъ и особой благосклонности природы, объясняетъ всякую доходность только дѣятельностью и ея производительностью. Всякій доходъ подводится подъ какое нибудь «дѣло» (Geschäft), изъ котораго онъ проистекаетъ. Кто имѣетъ дѣло,

имѣетъ доходъ. Кто имѣетъ доходъ, или самъ причастенъ къ какому либо дѣлу или пользуется его плодами, благодаря предку или другому благодѣтелю, который къ доходному дѣлу былъ причастенъ.

Что-же такое «дѣло», этотъ единственный источникъ доходовъ нашего времени, эта исключительная почва экономической независимости и обезпеченности?—Употребленіе или затрата силъ человѣческихъ на удовлетвореніе нуждъ человѣческихъ составляютъ основное содержаніе всякаго «дѣла». Въ чемъ заключаются эти нужды и въ чемъ заключаются силы, на нихъ затрачиваемыя, это вопросы, которые могутъ имѣть значеніе съ моральной, эстетической, правовой и какой бы то ни было другой точки зрѣнія, но только не экономической. Съ этой послѣдней точки зрѣнія важенъ только вопросъ объ напряженности нуждъ и количествѣ да качествѣ силъ, на нихъ затрачиваемыхъ. При этомъ и вопросъ о качествѣ затрачиваемыхъ силъ интересенъ только въ той мѣрѣ, въ какой имъ въ болѣе сжатой формѣ выражаются усложнившіеся вопросы о количествѣ этихъ силъ. Сила высшаго качества выработана силами низшаго качества, постепенно совершенствовавшимися, для своего совершенствованія долженствовавшія быть затраченными въ большихъ количествахъ, послѣдствіемъ которыхъ она и появилась. Совокупность «дѣлъ», отъ доходности которыхъ живетъ населеніе данной страны, представляетъ количество и качество силъ, имъ затрачиваемыхъ для удовлетворенія своихъ нуждъ. Доходность дѣлъ представляетъ производительность силъ, которыя для этой цѣли затрачиваются населеніемъ.

Для каждаго народа, также точно, какъ для каждаго сословія и отдѣльнаго лица, производительность его силъ является, такимъ образомъ, главнымъ экономическимъ основаніемъ его жизни. Ею опредѣляется, сколько народъ, сословіе или отдѣльное лице получаютъ отъ своихъ силъ, сколько ихъ потребностей можетъ быть удовлетворено и какъ эти потребности удовлетворяются. Ею опредѣляется, на сколько окружающія людей природныя условія приносятъ пользу или остаются безплодными, подчинены-ли онѣ чело-

вѣку и ему служатъ, или, напротивъ, ихъ вліянія отражаются разворительно и разрушительно на его состояніи.

Отъ чего же зависитъ производительность, чѣмъ опредѣляется то, что человѣкъ *можетъ*, что онъ *въ состояніи* сдѣлать? Общею основною причиною всякой культурной человѣческой жизни, общественностью, соединенностью людей, ихъ приближеніемъ другъ къ другу. Въ области экономической жизни общественность проявляется, какъ соединенность силъ, затрачиваемыхъ людьми на удовлетвореніе ихъ нуждъ, какъ соединеніе ихъ экономической дѣятельности. Подобно тому, какъ общественность принадлежитъ къ первоначальнымъ фактамъ человѣческой жизни, бытіе которыхъ не зависитъ отъ сознанности ихъ человѣкомъ, и экономическая соединенность во многихъ случаяхъ не замѣчается и проходитъ мимо сознанія. Но это не мѣшаетъ ей проникать насквозь всѣ тѣ явленія экономической жизни, въ которыхъ проявляется успѣшность человѣческихъ силъ, и обусловливать эту успѣшность.

За исключеніемъ развѣ грубѣйшей дѣятельности дикаря, всякая экономическая дѣятельность всегда отличается сложностью. Всегда она состоитъ изъ частей, которыя выполняются одновременно или разновременно. Это—общее правило, которое не знаетъ исключеній и которое одинаково примѣняется къ индивидуальной дѣятельности отдѣльнаго лица и къ коллективной дѣятельности сословій, обществъ или народовъ.

Какую бы мы ни взяли работу, всегда она предполагаетъ мысль, то есть одинъ видъ или одну часть дѣятельности, и исполненіе мысли, то есть другую часть дѣятельности. Всякая работа выражаетъ или *въ данное время* исполняемую дѣятельность, или разсчитанную на *послѣдующее* время дѣятельность. Она можетъ быть выполнена или въ наличности имѣющимися силами, или же предполагаетъ извѣстныя приготовленныя для нея условія. Въ такомъ случаѣ она или разсчитана на предшествовавшую ей дѣятельность, или на то, что предварительно приступленія къ данной главной цѣли, для нея еще будутъ выработаны условія, чтобы

въ моментъ приступленія къ главной цѣли имѣлись въ наличности условія, приготовленныя предшествовавшею дѣятельностью.

Экономическая усложненность всегда, вслѣдствіе того, происходитъ или отъ того, что для возникновенія даннаго явленія была необходима одновременная дѣятельность многихъ лицъ, выполнявшихъ каждый какую либо часть, изъ совокупности которыхъ, или результатовъ которыхъ, оно составилось. Или-же усложненность происходитъ отъ того, что для возникновенія явленія понадобилась разновременная дѣятельность *одного и того-же* лица, дѣятельность, изъ частей которой, или изъ результатовъ частей которой, оно и составилось. Или, наконецъ, для этого была необходима разновременная дѣятельность *многихъ* лицъ. Во всѣхъ трехъ случаяхъ экономическая усложненность обусловливается соединеніемъ одновременно или разновременно дѣйствующихъ силъ, все равно, индивидуальнаго-ли человѣка или многихъ людей.

Это-то усложненіе экономическихъ силъ служитъ и главнымъ основаніемъ ихъ производительности.

Того, чего не можетъ сдѣлать одинокая сила отдѣльнаго человѣка даннаго момента времени, она стремится достигнуть усложняясь. Работы или задачи, которыя не могутъ быть выполнены одинокою силою, разбираются на части, изъ которыхъ на долю силы даннаго времени выпадаетъ только одна часть, или болѣе. Остающіяся части выполняются тѣмъ-же человѣкомъ въ послѣдующіе моменты времени. Соединяя, такимъ образомъ, разрозненныя силы различныхъ моментовъ своей жизни, уже индивидуальный человѣкъ добивается высшей ихъ успѣшности. Его силы, въ такомъ соединенномъ видѣ, становятся способными на то, на что они до того не были способны: онѣ получаютъ желаемую производительность.

Также точно работы или задачи, которыя не могутъ быть выполнены силами каждаго отдѣльнаго человѣка въ данное время, становятся выполнимыми, если силы даннаго времени многихъ людей соединены вмѣстѣ.

Наконецъ цѣль, которая не можетъ быть достигнута даже и

собранными, коллективными силами даннаго времени, становится достижимою чрезъ раздробленіе ея на части, изъ которыхъ доля передается коллективнымъ силамъ послѣдующихъ моментовъ времени.

Вслѣдствіе того, что для производительности человѣческихъ силъ имѣетъ такое громадное значеніе ихъ соединенность, для нея получаетъ не меньшее значеніе весь объемъ или весь запасъ силъ, надъ которымъ люди могутъ распоряжаться и который они могутъ собирать и соединять. Получаютъ значеніе, какъ средство для удовлетворенія нуждъ, не только текущія силы, но и прошлыя, на сколько ихъ удалось сберечь, и будущія, насколько человѣкъ имѣетъ власть надъ ними, т. е. надъ собою.

То, что составляетъ главное основаніе производительности, даетъ содержаніе и предпріимчивости. Ея самая существенная часть, или самая главная функція, заключается въ соединеніи экономическихъ силъ. Предприниматель или собираетъ свои собственныя силы и средства для достиженія цѣли, къ которой онъ стремится. Или онъ для этого собираетъ силы и средства другихъ лицъ, которыя безъ того оставались бы разрозненными и разобщенными. Вотъ почему предприниматель стоитъ всего ближе къ источникамъ доходности: онъ держитъ въ своихъ рукахъ ея экономическое основаніе.

Отъ того, куда и какъ предпріимчивость направляетъ соединенныя силы и средства, зависитъ ихъ дальнѣйшая судьба и ихъ экономическій характеръ.

Прежде всего предпріимчивость дробитъ производительный процессъ на части, которыя она распредѣляетъ между собранными ею рабочими, и такимъ образомъ создаетъ производительность для дѣятельности этихъ рабочихъ съ помощію раздѣленія труда. Долгое время раздѣленіе труда представляло главное примѣненіе начала возростанія производительности отъ трудосоединенія. При господствѣ рабства и крѣпостнаго права иначе и не могло быть: насильственно могутъ быть соединены только *наличныя* силы текущей дѣятельности.

Мало-по-малу, съ установленіемъ сферъ, въ которыхъ дѣятельность могла считать себя внѣ опасности отъ закрѣпощенія,

она начала собираться еще и другимъ путемъ. Начинается образованіе *капитала* и прежде всего въ сферѣ *индивидуальнаго* хозяйства отдѣльнаго лица. Отдѣльный предприниматель начинаетъ затрачивать свою текущую дѣятельность уже не для того только, чтобы отъ нея получать необходимое для *текущихъ* потребностей. Онъ думаетъ и заботится *о будущемъ*. Въ свободныхъ западно-европейскихъ *городахъ*, гдѣ промышленное населеніе первое успѣваетъ себя обезпечить отъ насилья, оно начинаетъ часть своей текущей дѣятельности затрачивать для того, чтобы гарантировать себѣ прочную экономическую почву и въ будущемъ. Его потребности растутъ. Оно знаетъ, что однихъ только текущихъ силъ будущаго не хватитъ на ихъ удовлетвореніе. Въ данное время новыя потребности тоже пока не удовлетворяются. Но чтобы получить по крайней мѣрѣ въ будущемъ возможность ихъ удовлетворенія, начинаютъ объ этомъ *заранѣе* заботиться. Такимъ образомъ будущія цѣли получаютъ текущее значеніе и для нихъ происходитъ затрата силъ. Эти силы затрачиваются въ виду имѣющихъ за ними послѣдовать другихъ затратъ. Одни затраты соединяются съ другими, настоящее сочетается и сотрудничаетъ съ будущимъ и эта кооперація означаетъ процессъ образованія европейскаго капитала.

До тѣхъ поръ, пока производство вращается въ предѣлахъ ремесла, пока его размѣры еще не велики, пока единица его представляется мастерскою ремесленника-мастера, работающаго съ небольшимъ числомъ подмастерьевъ и учениковъ, пока количество обрабатываемыхъ сырыхъ матеріаловъ не велико, а употребляемыя при этомъ орудія просты и безхитростны, до тѣхъ поръ еще и капиталъ играетъ въ производствѣ подчиненную роль, и его значеніе продолжаетъ подавляться значеніемъ текущаго труда.

Иное, однако, происходитъ съ расширеніемъ размѣровъ производства, съ замѣною мастерской ремесленника—мануфактурою и фабрикою, съ усложненіемъ орудій и съ увеличеніемъ ихъ количества, съ увеличеніемъ количества обрабатываемаго суровья. Роль капитала прогрессивно возрастаетъ. Нагляднѣе и осязательнѣе становятся замѣтными его функціи, польза имъ приносимая производ

ству. Чѣмъ больше въ предпріятіи капитала, тѣмъ больше въ немъ утилизируется тотъ видъ сотрудничества, который представляется сочетаніемъ текущаго труда съ прошлымъ. Производительность получаетъ новое основаніе, добавляющееся къ раздѣленію труда и усиливающее своимъ вліяніемъ силу ея перваго основанія.

Но чѣмъ очевиднѣе становится значеніе новаго основанія производительности, чѣмъ нагляднѣе становится яснымъ, что люди тѣмъ больше могутъ производить, чѣмъ больше они могутъ соединять текущаго труда съ прошлымъ, тѣмъ настоятельнѣе становится потребность въ элементахъ для этого соединенія. Люди начинаютъ стремиться не только къ тому, чтобы возможно полнѣе воспользоваться тѣми элементами, которые имѣются готовыми, но еще и къ тому, чтобы возможно больше наготовлять этихъ элементовъ. Проявляется это двояко: во-первыхъ расширяется производство суровья, во-вторыхъ не менѣе распространяется производство орудій, инструментовъ, машинъ, всякихъ техническихъ вспомогательныхъ средствъ. Все то, словомъ, изготовленіемъ чего производство еще не оканчивается, приготовленіе чего, напротивъ, означаетъ только половину дѣла, что предполагаетъ еще дальнѣйшую работу, дальнѣйшія затраты, получаетъ расширенные размѣры. Отсюда два послѣдствія для производства. Во-первыхъ, стремленіе получить какъ можно больше элементовъ для возможности сочетанія текущаго труда съ прошлымъ, порождаетъ большую массу цѣнности, которая прямо на то и разсчитана, что ее будетъ утилизировать дѣятельность, во времени слѣдующая за означеннымъ стремленіемъ, извѣстнымъ пространствомъ времени отдѣленная отъ него и не могущая идти одновременно съ нимъ. Во вторыхъ, это-же стремленіе даетъ возможность становиться дѣятельными и производительными *всѣмъ* силамъ, которыя въ данное время могутъ быть приведены въ дѣйствіе. *Всѣ* силы, которыми народное хозяйство во всякое данное время располагаетъ, получаютъ возможность стать *непрерывно и безостановочно* производительными и доходными, т. е. возвыситься въ своей доходности и производительности. Всѣ силы во всякое данное время ока-

зываются развязанными и приведенными въ то свободное состояніе, которое дозволяетъ ими произвольно распоряжаться, направляя ихъ на одну или другую цѣль.

Пока еще только приготовляются элементы, съ помощью которыхъ было бы возможно въ будущемъ сочетать текущій трудъ съ прошлымъ, капитала еще нѣтъ. А между тѣмъ мы видимъ, что самый процессъ этого приготовленія возвышаетъ успѣшность и производительность экономическихъ силъ. Какимъ-же образомъ онъ это дѣлаетъ? Если еще до образованія капитала и безъ раздѣленія труда производительность, тѣмъ не менѣе, возрастаетъ, то, значитъ, она возрастаетъ не подъ вліяніемъ одного только капитала и одного только раздѣленія труда. Если она возрастаетъ уже при самомъ ходѣ возникновенія капитала, что, значитъ, уже самъ этотъ ходъ представляетъ собою какой-то особый самостоятельный видъ сочетанія силъ. Очевидно, что если сочетаніе труда основа всякой производительности, то кромѣ тѣхъ двухъ его видовъ, которые утилизируются съ помощью капитала и раздѣленія труда, существуетъ еще третій его видъ, который и утилизируется описаннымъ выше процессомъ образованія капитала. Какой-же это видъ? Пока еще только приготовляются элементы, которые въ будущемъ дадутъ возможность соединять текущую предпріимчивость съ плодами прошлой, очевидно, происходитъ соединеніе, противуположное этому послѣднему. Кто затрачиваетъ свою предпріимчивость такъ, что ею не достигается цѣль, непосредственно необходимая, а напротивъ достигается такая цѣль, которая составляетъ часть болѣе обширнаго цѣлаго, которая имѣетъ свое значеніе только по своей связи съ будущею предпріимчивостью, тотъ, очевидно, дѣйствуетъ, *соединяясь съ этою будущею предпріимчивостью.* Слѣдовательно, кромѣ сочетанія текущей дѣятельности съ текущею-же, текущей съ прошлою, практика намъ показываетъ еще *третій видъ* сочетанія дѣятельности: *кооперація текущей предпріимчивости съ будущею.* Только тогда, когда народное хозяйство доразвивается до того, что оно утилизируетъ всѣ эти *три* вида сотрудничества, оно получаетъ возможность дѣлать производительными всѣ свои

силы во всякое данное время, т. е. сдѣлать ихъ непрерывно производительными.

Тѣ страны, которыя добились того, что ихъ силы производятъ наибольшія количества богатствъ, и которыя непрерывно производятъ наибольшія количества богатствъ, добились этого, благодаря своему умѣнію пользоваться соединенною дѣятельностью во всѣхъ ея видахъ, или, иными словами говоря, благодаря своему умѣнію вести соединенную дѣятельность въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Это и выражается въ томъ, что у нихъ раздѣленіе труда проведено всего далѣе, что капиталовъ у нихъ всего болѣе и что, наконецъ, у нихъ всего болѣе власти надъ своими будущими силами, что они всего болѣе умѣютъ напередъ предопредѣлять полезное назначеніе своихъ будущихъ силъ. Такъ какъ соединеніе дѣятельности совершается сознательно, путемъ свободныхъ договоровъ, то, значитъ, въ этихъ странахъ совершается наибольшее количество договоровъ, касающихся плодовъ дѣятельности прошлой, дѣятельности текущей и дѣятельности будущей. Всякому извѣстенъ фактъ, что договоры касаются всѣхъ трехъ видовъ дѣятельности: и прошлой, и текущей, и будущей. Но гораздо рѣже обращаютъ вниманіе на то, что если эти три вида имѣютъ значеніе для договоровъ, для *юридическихъ* соглашеній, то это потому, что они еще до этого имѣютъ значеніе *для производства* и что о нихъ договариваются, *какъ о производственныхъ факторахъ и элементахъ*. Договоръ зависитъ отъ воли, отъ нея поэтому зависитъ количество заключаемыхъ договоровъ. Напротивъ, въ производствѣ существеннѣйшій элементъ представляется уже не волею. Не отъ нея непосредственно зависятъ и размѣры его. Эти размѣры зависятъ отъ того, на сколько дѣятельность человѣка занята экономическими цѣлями. А размѣры человѣческой дѣятельности, индивидуальной и коллективной, зависятъ отъ ея продолжительности и распространенности, отъ ея соединенности во времени и пространствѣ, т. е. отъ того, что лежитъ въ основѣ разъясненныхъ трехъ видовъ сотрудничества или распредѣленія спеціальностей между соединенными силами. Народное хозяйство обладаетъ основнымъ двигателемъ производства

въ тѣмъ большемъ размѣрѣ, чѣмъ больше спеціальностей взяло на себя для него прошлое, чѣмъ больше ихъ оно можетъ навязать текущимъ силамъ, и, наконецъ, чѣмъ больше ихъ оно можетъ навязать будущему, надъ которымъ оно имѣетъ власть.

О кредитѣ обыкновенно вспоминаютъ только по поводу перехода уже произведенныхъ богатствъ изъ однихъ рукъ въ другія. Полагаютъ, что кредитъ рождается *на рынкѣ* и имѣетъ отношеніе только къ *мѣновымъ* явленіямъ, что имъ увеличивается количество мѣновыхъ явленій, происходящихъ въ данное время, что онъ принадлежитъ только къ явленіямъ *обращенія* богатствъ и что, наконецъ, къ кругу *производственныхъ* явленій онъ непосредственно не относится. Извѣстно, однако, что мѣновыя явленія находятся въ тѣсной зависимости отъ производственныхъ. Обмѣнъ вообще вовсе и не былъ-бы возможенъ безъ извѣстныхъ порядковъ въ производствѣ. Если-бы каждый для себя производилъ все, что ему необходимо, для обмѣна не оказывалось-бы ни основаній, ни необходимости. Напротивъ, когда производство совершается въ такомъ порядкѣ, что каждый изъ участниковъ его является спеціалистомъ, изготовляющимъ извѣстныя цѣнности и для другихъ или только для другихъ, является возможность и необходимость тѣхъ свободныхъ передачъ цѣнностей отъ одного лица другому, которыя и составляютъ основное содержаніе мѣновыхъ явленій. Слѣдовательно, обмѣнъ зависитъ отъ того, состоитъ-ли народно-хозяйственное производство изъ частей, дѣйствующихъ одиноко, каждая для себя, или эти части связаны въ одно цѣлое и каждая работаетъ для остальныхъ. Обмѣнъ обусловливается *солидарнымъ* производствомъ и безъ него не существовалъ бы.

Но мало того, что обмѣнъ зависитъ отъ производства. Очевидно, что при такой зависимости *виды* послѣдствія должны обусловливаться тѣмъ, что основная ихъ причина проявляется въ различныхъ видахъ. То есть виды обмѣна должны проистекать отъ того, что солидарность, соединенность, кооперативность производства сами проявляются въ различныхъ видахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ближе анализируя основные два вида об-

мѣна, наличный и кредитный, мы открываемъ, что они далеко не случайнаго свойства, а напротивъ обусловливаются весьма глубоко дѣйствующими причинами, которыхъ корень въ производствѣ. Видовъ обмѣна основныхъ—два: наличный и кредитный, т. е. во первыхъ обмѣнъ бываетъ такой, когда у *обѣихъ* обмѣнивающихся сторонъ имѣется готовая цѣнность, и во вторыхъ такой когда *только у одной* изъ сторонъ имѣется *готовая* цѣнность, у другой-же *таковая* появится только по истеченіи извѣстнаго времени, на которое и растягивается кредитное отношеніе. Эти два вида обмѣна зависятъ: первый отъ производства, насколько основою его производительности служитъ *раздѣленіе труда*, т. е. распредѣленіе частей производства между *одновременно* дѣйствующими спеціалистами, могущими *одновременно* оканчивать свои части и такимъ образомъ получить готовыя цѣнности для обмѣна. Второй видъ обмѣна былъ бы необъяснимъ, еслибъ производство не представлялъ *другихъ* видовъ соединенной дѣятельности.

Но мы видѣли, что производство полезываетъ, дѣйствительно, другъ другу въ послѣдствіи. Посмотримъ: нѣтъ-ли между ними соотношенія. Дробленіе производства на спеціальности или по своей природѣ одновременно исполнимыя или выполняемыя разновременно (потому что на одновременное ихъ выполненіе не хватаетъ наличныхъ силъ) необходимо влечетъ за собою появленіе такихъ цѣнностей, которыя по однимъ производственнымъ основаніямъ необходимо должны поступать въ обмѣнъ, необходимо должны пойти на рынокъ и быть сбытыми (чтобъ попасть въ сферы, продолжающія дальнѣйшую обработку ихъ, или ведущія свою работу съ ихъ помощью), но по другимъ производственнымъ основаніямъ эти же цѣнности при сбытѣ не находятъ себѣ еще готоваго эквивалента. Чѣмъ шире размѣры, принимаемые тѣми отраслями производства, которыми изготовляются суровье, орудія и машины, которыя изготовляютъ цѣнности, необходимыя не для уничтоженія ихъ потребленіемъ, а для дальнѣйшаго производства; чѣмъ шире размѣры, принимаемые отраслями производства, из-

готовляющими хотя и цѣнности для потребленія, но не для непосредственнаго ихъ потребленія, работающими не на заказъ а на запасъ:—тѣмъ больше является такихъ цѣнностей, которыя должны будутъ разъигрывать роль элементовъ капитала и которыя не могутъ быть сбытыми за наличныя-же готовыя цѣнности. Ибо всѣ эти цѣнности только потому и явились, что произродившее ихъ время желало дать занятіе всѣмъ своимъ силамъ и что для этого оно расширяло свои работы въ пользу *будущаго*. Пока это время длилось, его силы были текущія; когда оно кончается силы его воплощены въ цѣнностяхъ и представляютъ прошлый трудъ или прошлую предпріимчивость. Но тогда то, что съ точки зрѣнія предъидущаго момента времени было будущимъ, превращается въ настоящее: силы, на которыя прежде расчитывалось, какъ на будущія. становятся текущими. Этимъ-то текущимъ силамъ, слѣдовательно, и должны будутъ быть переданы плоды прошлой предпріимчивости съ отсрочкою уплаты за эти плоды до того времени, пока и текущія силы воплотятся въ цѣнностяхъ. Непрерывность производства и безостановочная занятость всѣхъ силъ, которыми располагаетъ всякое данное время, возможная только благодаря сочетанію текущей дѣятельности съ прошлою и будущею, необходимо, слѣдовательно, влечетъ за собою задолженность одного времени у другаго. Каждое данное время въ значительной мѣрѣ работаетъ, благодаря довѣрію, которое на него возлагало время, ему предшествовавшее. Каждое данное время, въ не менѣе значительной мѣрѣ, находитъ занятія всѣмъ своимъ силамъ и дѣлаетъ ихъ во всемъ объемѣ ихъ производительными, только благодаря довѣрію, питаемому имъ къ времени, которое за нимъ послѣдуетъ. Мы употребили слово *довѣріе* и съ тѣмъ же правомъ могли бы употребить слово *расчетъ*. Ибо даже въ моральной области довѣріе означаетъ предположеніе, касающееся чего либо, что должно или можетъ состояться, что должно или можетъ быть сдѣлано. Въ экономической области довѣріе выражаетъ предположеніе, касающееся производительности силъ, отъ которыхъ ожидается (пред-

усматривается) извѣстный результатъ, составляющій предметъ расчета.

Если, такимъ образомъ, ближе всмотрѣться въ ходъ современнаго производства, то нельзя не признать, что *кредитъ*, по какимъ бы признакамъ мы о немъ ни судили, *начинается не на рынкѣ*, не при сбытѣ цѣнностей, *а задолго до того, еще при производствѣ* цѣнностей *и въ производственной сферѣ*. Именно потому что существуютъ производственные процессы, растянутые во времени, начатые въ одно время въ ожиданіи, что другое время ихъ закончитъ, въ расчетѣ на эти будущія силы, въ довѣріи, къ нимъ, — именно только поэтому кредитъ возникаетъ и на рынкѣ, именно только поэтому возникаютъ и мѣновые процессы, растянутые во времени, начатые въ одно время съ тѣмъ, чтобъ другое время ихъ закончило. Другими словами: подъ *мѣновымъ кредитомъ* основою лежитъ *кредитъ производственный*, опредѣляющій размѣры перваго и его крѣпость совершенно объективно, превращающій его изъ явленія субъективнаго и произвольнаго во внѣшнее и необходимое.

Занимаются-ли деньги, или покупаются товары, когда дѣлается при кредитѣ, мѣновой процессъ начинаетъ предполагать совершенно ему соотвѣтственный процессъ производственный, въ которомъ прошлое соединяется съ будущимъ, возлагаетъ на послѣднее надежды, питаетъ къ нему довѣріе, расчитываетъ на него. *Безъ такого соотвѣтственнаго процесса въ производствѣ и мѣновой кредитъ теряетъ свою почву и становится шаткимъ*, даже невозможнымъ въ своихъ самыхъ широкихъ проявленіяхъ. Начало мѣноваго кредита въ исторіи экономической жизни знаменуетъ выходъ денежнаго капитала изъ его замкнутаго состоянія, въ которомъ онъ находился, боясь грабежа и конфискаціи и въ которомъ деньги по необходимости функціонировали, только какъ орудія сбереженія, и оставались спрятанными. Когда эти деньги отъ ростовщиковъ начали переходить къ заемщикамъ, рожденіе кредита знаменовало одинъ изъ важнѣйшихъ переходовъ въ исторіи экономической культуры въ Европѣ. Въ роли орудій сбе-

реженія денегъ никогда не могло ни у кого быть довольно. Въ роли орудія обращенія, напротивъ, они могли оставаться у своихъ владѣльцевъ только въ томъ размѣрѣ, въ какомъ это требовалось ихъ собственною предпріимчивостью. Но разъ этой собственной ихъ предпріимчивости не хватало на то, чтобъ сдѣлать деньги способными приносить самый высокій, для нихъ возможный, доходъ, это означало, что въ рукахъ владѣльцевъ денегъ находятся лишнія деньги. Что означали однако эти лишнія деньги? Онѣ выражали продукты прошлой дѣятельности, которой грозитъ опасность оставаться безплодной. Но этого мало: прошлая дѣятельность въ данномъ случаѣ была воплощена въ специальномъ видѣ капиталовъ, въ такомъ именно видѣ, котораго назначеніе—*соединять производственные элементы* въ производительные составные «цѣлые». Безплодность этихъ денегъ значила, слѣдовательно, безплодность производственныхъ элементовъ, которые ими могли были бы быть приведены въ движеніе и приложены къ рукѣ и мысли, долженствовавшихъ ихъ оживлять. Передача денегъ ихъ владѣльцами заемщикамъ означала поэтому *расширеніе производства, привлеченіе къ нему такихъ силъ, которые прежде въ немъ не были заняты*. Припомнимъ, что это было въ такое время, когда другіе виды капитала имѣли не очень обширное значеніе, когда, значеніе текущаго труда въ производствѣ совершенно подавляло значеніе капитала, когда деньги были главнымъ видомъ капитала, участвовавшаго въ производствѣ. Нуженъ былъ *оборотный* капиталъ, *чтобъ снаряжать рабочія силы* къ производственнымъ пунктамъ и оживлять эти силы. Съ этими-то силами и соединялся прошлый трудъ, воплощенный въ денежномъ капиталѣ. Онѣ представляли то будущее, которому довѣряли. Кредитъ въ сферѣ производства былъ тогда сильно стѣсненъ, для будущаго или на запасъ производилось мало, на запасъ производились преимущественно цѣнности для потребленія. Понятно, что то ограниченное количество цѣнностей, которое изготовлялось для будущаго производства, если оно уже поступало на рынокъ (что случалось, далеко не съ самою большою частью) искало для себя

такого представителя будущаго производства, который всего менѣе нуждался въ довѣріи къ производительности своихъ силъ. Денежный кредитъ и пополнялъ ту пустоту, которая образовалась бы въ производствѣ для будущихъ надобностей, въ производствѣ, которое собственно составляетъ источникъ капиталовъ.

Эту-же функцію выполняетъ и до сихъ поръ денежный кредитъ. Онъ даетъ возможность *покупать на наличныя* такимъ предпринимателямъ, за которыми не стоитъ никакое предшествовавшее производство, которые не могутъ опираться ни на какой прежде пріобрѣтенный имъ капиталъ, которыхъ все производственное значеніе заключается въ томъ, что они обѣщаютъ изъ существующихъ плодовъ прошлаго труда извлечь больше пользы, чѣмъ сколько извлекалось-бы безъ нихъ. Они обѣщаютъ привлечь къ производству больше текущаго труда, больше рабочихъ, больше предпріимчивой мысли и энергіи, больше опытности, знаній, практическаго умѣнія и старанія сдѣлать полезными тѣ или другіе натуральные источники богатства страны. Денежный кредитъ и даетъ возможность сдѣлать первый шагъ этимъ обѣщаніямъ. По мѣрѣ того, какъ они упрочиваютъ за собою довѣріе обширными проявленіями своей производительности, они могутъ уже обходиться и безъ посредничества владѣльцевъ свободныхъ денежныхъ капиталовъ. Они получаютъ возможность обращаться непосредственно къ производителямъ за кредитомъ.

Внутренняя тѣсная связь, состоящая между кредитомъ и производительностью слишкомъ часто закрывается господствующими возрѣніями на особенное родство кредита съ деньгами. Вмѣсто того, чтобы понимать кредитъ, какъ средство, служащее производительности, его понимаютъ чаще, какъ средство, служащее вообще для добыванія, безъ наличной уплаты, экономическихъ силъ. Въ кредитѣ выдвигается на первый планъ то обстоятельство, что онъ облегчаетъ возможность вступать въ обмѣнъ, тогда какъ на задній планъ отодвигается гораздо болѣе существенная сторона кредита, что онъ облегчаетъ возможность расширять производство. Вслѣдствіе того, что эта существеннѣйшая сторона кредита ото-

двигается на задній планъ въ господствующихъ *возрѣніяхъ*, она отодвигается на задній планъ и въ руководимой этими возрѣніями *практической дѣятельности*. Отсюда употребленіе кредита на такія цѣли и въ такихъ случаяхъ, которыя всего менѣе съ кредитомъ совмѣстимы и примиримы.

Деньги съ кредитомъ находятся въ болѣе близкой родственной связи только въ той мѣрѣ, въ какой онѣ выполняютъ роль орудія сбереженія. Выше (стр. 68—72) указаны причины, по которымъ эта роль денегъ сохраняетъ значеніе и въ настоящее время. Но было бы ошибочно, думать, что только чрезъ посредство денегъ и образуются новые капиталы въ народномъ хозяйствѣ. Съ понятіемъ объ образованіи новаго капитала часто слишкомъ и умѣстно связываютъ понятіе о сбереженіи или ему придаютъ неумѣстно преобладающее значеніе, тогда какъ преобладающее значеніе принадлежитъ совсѣмъ не ему. Для того, кто въ своей экономической области еще не доразвился до самообладанія конечно всѣ-таки нужны моральныя качества, которыя удерживаютъ его отъ растраты пріобрѣтеннаго или—для потребительныхъ цѣлей. Но не такія лица образуютъ крупные новые капиталы. Послѣдніе образуются лицами, для которыхъ вопросъ о томъ, промотать-ли потребленіе пріобрѣтенное совсѣмъ и не возникаетъ, у которыхъ хозяйственность вошла въ плоть и кровь, которые *всегда* хозяйственны, образуютъ-ли они новый капиталъ, или не образуютъ. У этихъ то лицъ образованіе новаго капитала—утилизированіе *новыхъ* источниковъ, которые до того *еще не были* утилизированы или утилизированіе старыхъ источниковъ *въ увеличенномъ размѣрѣ*. Слѣдовательно оно происходитъ *чрезъ расширеніе дѣятельности*, увеличенную затрату силъ, увеличеніе знаній, опытности, энергіи. Эти лица увеличиваютъ свои капиталы *производительною дѣятельностью*. Но принимаютъ-ли результаты ихъ дѣятельности форму денежныхъ сбереженій или другую, это зависитъ отъ ихъ воли и ихъ расчета. Вотъ почему далеко не весь новообразуемый капиталъ имѣетъ видъ денежныхъ сбереженій.

Еще ошибочнѣе думать, что вся та часть новообразуемаго ка-

питала, которая имѣетъ видъ денежныхъ сбереженій, имѣетъ особенно близкое родство съ кредитомъ. Ибо значительная часть этихъ сбереженій оставляется лицами, ихъ сдѣлавшими, въ ихъ собственныхъ рукахъ, чтобъ быть употребленными на *собственныя* нужды. Только въ томъ случаѣ, когда такихъ собственныхъ нуждъ у лицъ, образовавшихъ денежныя сбереженія, не оказывается, и ихъ сбереженіямъ грозитъ бездоходность, если они ихъ не передадутъ въ постороннія руки, являются денежные капиталы, имѣющіе родство съ кредитомъ.

Эти то деньги и представляютъ ссудный капиталъ страны. Этотъ ссудный капиталъ однако имѣетъ лишь въ той мѣрѣ родство съ кредитомъ, въ какой чрезъ посредство послѣдняго онъ желалъ бы найти себѣ доходное употребленіе. Но дѣйствительно-ли онъ себѣ таковое найдетъ, зависитъ не отъ того, найдется-ли лице, которое готово будетъ взять въ ссуду капиталъ, а отъ другихъ обстоятельствъ. Въ рукахъ предпринимателя-должника, деньги должны превратиться въ орудія обращенія. Слѣдовательно, онѣ въ его рукахъ окажутся производительными, если окажутся тѣ производственные элементы и силы, которые ими могутъ быть приведены въ движеніе, которые ими могутъ быть собраны для производительной цѣли. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ все-таки рѣшаетъ вопросъ производственная сфера и условія производительности. Если *въ нихъ* имѣются основанія для кредита, тогда только онъ имѣетъ практическое плодотворное вліяніе.

24. Каждая эпоха имѣетъ свои предразсудки, сосредоточенные въ какой либо области народнаго хозяйства, которую признаютъ или источникомъ всѣхъ бѣдъ, или источникомъ всякаго блага. Въ настоящее время господствующія представленія имѣютъ своимъ «конькомъ» — спекуляцію, какъ то проявленіе экономической дѣятельности, при которой человѣкъ забываетъ всякую честь, всякую совѣсть и предается одному только голому и необузданному любостяжанію, не знающему никакого удержу.

На чемъ основаны эти представленія о спекуляціи? Менѣе всего на внимательной мысли о самой спекуляціи. Они основаны на грубомъ эмпирическомъ фактѣ, что въ настоящее время любостяжаніе всего сильнѣе свирѣпствуетъ въ области спекуляціи, что въ этой области въ настоящее время встрѣчается всего больше ненаказуемаго, даже снисходительно и благодушно извиняемаго, шарлатанства и мошенничества, что эту область бездѣльники нашего вѣка сдѣлали излюбленнымъ поприщемъ слѣпой игры и стремленій нажиться отъ случайнаго стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ.

Еслибы мошенничество и шарлатанство, игра и стремленіе нажиться безъ труда были явленіями, совершенно незнакомыми исторіи человѣчества, — еслибы эти явленія впервые возникли въ области спекуляціи, — тогда какъ натуральная, понятна была-бы, и ошибочная мысль, соединяющая причинною связью спекуляцію съ означенными явленіями.

Но нѣтъ такого періода исторіи, которому остались-бы неизвѣстными мошенничество, шарлатанство, игра и нажива безъ труда. И нѣтъ такой области человѣческой жизни, которая осталась бы избавленною отъ болѣе или менѣе сильнаго господства въ ней, въ одно или другое время, пороковъ любостяжанія и безтрудовой наживы. Теперь люди сильно играютъ спекуляціею. Но точно также сильно люди играли, и даже теперь продолжаютъ играть, религіею, политикою, семейною жизнью, правомъ, наукою, искусствомъ. Теперь люди сильно шарлатанствуютъ и злостно обманываютъ въ области спекуляціи. Но развѣ всѣ остальныя области жизни могутъ похвалиться тѣмъ, что они никогда не были жертвами злостнаго обмана? И развѣ онѣ теперь могутъ похвалиться, что онѣ обладаютъ какою либо, исключительно только имъ свойственною, преимущественною внутреннею гарантіею противъ того, чтобы не стать снова жертвою шарлатанства, игры и злостнаго обмана?

Чтоже, однако, слѣдуетъ изъ того, что нѣтъ такой области человѣческой жизни, въ которой не были бы возможны злостный обманъ, шарлатанство, игра и безтрудовая нажива? Слѣдуетъ, что пути, ведущіе къ болѣзненности, также разнообразны, какъ пути,

ведущіе къ благосостоянію. Тотъ, кто знакомъ съ исторіею и знаетъ, какъ часто и въ какихъ размѣрахъ дѣлали игру изъ всего, что дорого для благосостоянія людей, не станетъ даже утверждать, что изъ спекуляціи въ настоящее время чаще дѣлаютъ игру. Разница развѣ въ классахъ общества, которые производятъ игру спекуляціею и которые производили игру другими основами благосостоянія.

Шарлатаны, мошенники, игроки и бездѣльники остаются таковыми, все равно, въ какой области они ни проявляли-бы своей дѣятельности и на какой предметъ или на какую цѣль они дѣятельность свою ни направляли-бы. Пороки, какъ и добродѣтели человѣка, его недостатки и его силы суть факты морфологическаго порядка, факты, характеризующіе степени развитія человѣка, періоды его историческаго возраста. Причины, обусловливающія перерожденіе не только отдѣльныхъ людей, но и цѣлыхъ обществъ съ низшихъ степеней развитія на высшія, еще мало изслѣдованы. На сколько онѣ изслѣдованы, онѣ сосредоточиваются около умственныхъ условій жизни, около массы знаній, которыми люди располагаютъ, и притомъ знаній, имѣющихъ не одинъ только теоретическій, но и практическій интересъ, вліяющихъ не только на мысль и слово, но и на дѣло, двигающихъ не только языкъ, но и руки и *всего* человѣка. Отъ этой массы знаній, отъ ихъ количества и ихъ качества, зависитъ, какъ люди дѣйствуютъ въ той или иной сферѣ. И если мысли человѣка, которыя вошли въ его плоть и кровь, такого свойства, что для него мало значитъ мошенничество, игра, злостный обманъ и безтрудовая нажива, то все равно, въ какой-бы области подобный человѣкъ ни дѣйствовалъ. Послѣдствія будутъ повсюду и во всякомъ случаѣ одинаковыя.

Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ причинъ, по которымъ злоупотребленія спекуляціею встрѣчаются въ настоящее время особенно часто и обращаютъ на себя преимущественное вниманіе. Для насъ было только важно возможно опредѣленнѣе указать на ту чисто-внѣшнюю связь, менѣе всего причинную, вслѣдствіе которой господствующія теперь представленія о спекуляціи такъ глубоко превратны. Можно положительно утверждать, что нѣтъ теперь дру-

гаго угла экономической жизни, воззрѣнія на который могли - бы сравниться съ воззрѣніями на спекуляцію по ихъ наивно-нахальному и беззавѣтному невѣжеству.

Мы заговорили здѣсь о спекуляціи, потому что для нашего предмета она имѣетъ значеніе первостепенной важности. Ибо какъ кредитъ, такъ и спекуляція, оба порожденія новѣйшаго времени. Они родились вмѣстѣ и отъ одного и того же прогрессивнаго шага экономической жизни. До сихъ поръ кредитъ служитъ по преимуществу спекулятивной предпримчивости. Съ ея судьбою онъ тѣсно связанъ. Съ нею онъ переживаетъ одни и тѣ-же эпохи оживленія и омертвѣнія. Съ нею онъ рождается, растетъ и падаетъ. Когда предпримчивость оставляетъ рутинную колею, когда она отправляется на новые пути, когда она ставитъ себѣ новыя, болѣе широкія цѣли, короче, когда ея мысль опирается на спекуляцію, тогда ей нужны болѣе обширные средства. Тогда начинаетъ развиваться и кредитъ. Тогда онъ изъискиваетъ, собираетъ и сосредоточиваетъ средства, чтобы вооружить ими спекуляцію. Кредитъ почти только и дѣлаетъ спекуляцію тою громадною практическою силою, какою она является въ настоящее время. Спекуляція, преимущественно предъ всѣми другими видами и областями экономической дѣятельности, держится и питается капиталами, отдаваемыми и получаемыми въ кредитъ. Никогда, поэтому, кредитъ не достигаетъ такого колоссальнаго развитія, какого онъ достигаетъ въ періоды наибольшаго оживленія спекуляціи.

Все это — живые факты, которые каждый знаетъ изъ своего болѣе или менѣе обширнаго опыта и которые научно установила статистика. Подобные факты въ книгѣ, посвященной кредиту, обойдены быть не могутъ. Эти факты и служатъ намъ исходнымъ пунктомъ въ изложеніи того, что читатель узнаетъ изъ настоящей главы. Случайны-ли эти факты, или необходимые? Противупоставляются ли кредитъ и спекуляція какъ два совершенно независимыхъ и существенно отличныхъ другъ отъ друга явленія? Или между ними существуетъ какая нибудь внутренняя связь, которая нами не замѣчается только потому, что кредиту мы сочувствуемъ,

тогда какъ спекуляція намъ (по крайней мѣрѣ на словахъ) противна?

Руководствующійся ходячими воззрѣніями, склоненъ думать, будто спекуляція существуетъ только для торговли и торговыхъ оборотовъ, а для производства будто бы она не существуетъ. Но это ошибочно. Съ тѣхъ поръ, какъ производство расширилось и приняло крупные размѣры, однимъ изъ его наиболѣе характеристичныхъ признаковъ явилось то, что оно работаетъ не на *заказъ*, а на *запасъ*. Различіе заключается въ томъ, что прежде производитель работалъ *непосредственно на потребителя*, приходилъ въ непосредственное соприкосновеніе съ нимъ, приноравливался къ его личнымъ надобностямъ и создавалъ продуктъ который съ двухъ сторонъ индивидуализировался. Во первыхъ тѣмъ, что онъ былъ сработанъ *рукою* преимущественно, съ сравнительно малымъ содѣйствіемъ орудій, машинъ и, напротивъ, съ полнымъ тщаніемъ, сопровождающимъ заботливость руки мастера. Ремесленникъ сознаетъ, что большой массы продуктовъ своими личными силами онъ не произведетъ и какъ бы вкладываетъ всѣ свои силы въ свой продуктъ нераздробленныя. Отсюда извѣстная художественность продукта ремесленнаго производства. Во вторыхъ, тотъ же продуктъ индивидуализировался, какъ приспособленный къ индивидуальнымъ надобностямъ даннаго его потребителя. Отсюда послѣдствіе,—что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мелкій производитель работалъ и на запасъ, не онъ, а потребитель дѣлалъ этотъ запасъ.

Работа на заказъ, а не на запасъ, имѣетъ то значеніе, что ею вполнѣ *обезпечивается сбытъ*, что этотъ сбытъ не вызываетъ никакихъ опасеній, никакихъ заботъ, не вызываетъ, слѣдовательно, надобности въ особенной спеціальной дѣятельности, чтобъ устранить эти опасенія и заботы. *Крупное производство* не можетъ работать на заказъ потребителя уже потому, что ея достоинство и сила, главнымъ образомъ, заключаются въ ея способности приготовлять очень большія массы однообразнаго продукта. Ремесленникъ могъ удовлетворяться потребителями, которые жили въ его

сосѣдствѣ и приправливаетъ свою работу къ ихъ болѣе или менѣе ограниченному числу.

Фабрикантъ, напротивъ, долженъ *отыскивать сбытъ* своему товару. Онъ долженъ производить на спекуляцію. Для него сбытъ менѣе обезпеченъ. Тѣ мотивы, которые существовали для потребителя, чтобъ образовать запасы, когда на него работалъ ремесленникъ, съ появленіемъ фабричной работы, исчезли. Для потребителя запасъ представлялъ нѣкоторый интересъ только тогда, когда онъ встрѣчалъ ремесленника, продуктъ котораго былъ особенно приправленъ къ его личнымъ надобностямъ, и когда онъ зналъ, что такіе случаи, какъ находящіеся въ зависимости отъ индивидуальности ремесленника, встрѣчаются не часто. Напротивъ, ничего составлять запасъ для потребителя исчезъ, когда онъ сталъ пользоваться и удовлетворяться фабричными продуктами, потому что онъ зналъ изъ опыта, какъ фабрика и теперь, и послѣ изготовитъ одно и тоже, какъ, слѣдовательно, ему нечего напередъ спѣшить съ закупками. Если ужъ непосредственный сосѣдъ крупнаго производителя не имѣлъ интереса дѣлать заказы, то еще болѣе заставляло производителя работать на запасъ то обстоятельство, что для него сталъ нуженъ кругъ покупателей болѣе обширный, чѣмъ кругъ его непосредственныхъ сосѣдей. Отсюда на первыхъ порахъ для крупнаго производителя является нормальною необходимостью то, что только ненормальная необходимость могла порождать для ремесленника: именно, необходимость отправляться со своимъ запасомъ товаровъ розыскивать покупателя, отыскивать товару сбытъ. На западѣ Европы фабрикантъ уже и этого не дѣлаетъ. Онъ сталъ работать опять, повидимому, на заказъ. У насъ, напротивъ, только теперь, съ улучшеніемъ путей сообщенія, начинается поворотъ къ тому-же; по большей-же части фабриканты первоначально на собственный страхъ изготовляютъ товарные запасы. Но если западно-европейскіе фабриканты опять получили возможность спокойнѣе работать на заказъ, то не потому, что потребитель дѣлаетъ непосредственно заказы. *Между производителемъ* и *потребителемъ*, какъ уже во многихъ случаяхъ и у насъ, *сталъ торговецъ*,

достаточно сильный, чтобъ взять на себя весь рискъ по приготовленію запаса, расчитаннаго на будущій сбытъ, напередъ не опредѣленный. Характеристичною-же чертою крупнаго производства все еще осталось изготовленіе товаровъ, сбытъ коихъ при началѣ ихъ выработки еще только вѣроятенъ, а не твердо и точно опредѣленъ и извѣстенъ. И вотъ это-то производство на сбытъ проблематическій, вѣроятный, предусмотрѣнный на основаніи расчета вѣроятности, построенный на идеальномъ основаніи болѣе или менѣе удачной и вѣрной мысли о существующихъ потребностяхъ,— вотъ оно-то и составляетъ первоначальную почву спекуляціи.

При всей перемѣнчивости человѣческихъ потребностей и при всемъ разнообразіи индивидуальныхъ вкусовъ отдѣльныхъ лицъ, какъ измѣнчивость, такъ и разнообразіе индивидуальныхъ проявленій потребностей, замкнуты въ довольно тѣсные предѣлы. Вслѣдствіе того врядъ ли какія-либо области человѣческой жизни допускаетъ предвидѣніе будущаго въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ оно допускается потребностями, удовлетворяемыми предметами, находящимися въ торговлѣ. Большое значеніе и вліяніе на возможность такого обширнаго предвидѣнія должны быть приписаны тому, что торговля располагаетъ весьма обширными средствами, готовыми встрѣтить самыя прихотливыя требованія. Обширность производства достигла столь громадныхъ размѣровъ въ наиболѣе развившихся народныхъ хозяйствахъ; разнообразіе силъ и средствъ, находящихся въ его распоряженіи, до того велико; мысль и фантазія, руководящія производствомъ, столь сами разрослись:— все идетъ въ немъ почти совершенно параллельно обширности круга потребностей, а равно и круга тѣхъ идей и тѣй фантазій, подъ вліяніемъ коихъ потребности разнообразятся и индивидуализируются. Но въ западной Европѣ въ настоящее время предусматривающая мысль, руководящая производствомъ, вся находится въ рукахъ спекулирующей предпріимчивости. Предпріимчивость, предусматривающая будущія потребности на основаніи опыта, ею изучаемаго для этого, стала спеціальнымъ, самостоятельнымъ занятіемъ спекулянта. Такимъ же спеціальнымъ, особымъ, строго-техническимъ

занятіемъ стала предпріимчивость исполнителя-производителя, изготовляющаго товары по указанію (заказу) представителей спекулирующей предпріимчивости. Спеціальная задача, на которой ограничивается послѣдняя, заключается въ томъ, что она изучаетъ потребности на опытѣ и о нихъ собираетъ свѣдѣнія, расчитываетъ и предусматриваетъ, гдѣ, когда и въ какомъ количествѣ окажется потребность въ томъ или иномъ товарѣ, въ той или иной цѣнности того или инаго сорта, тѣхъ или иныхъ качествъ, съ тѣми или иными особенностями или свойствами. Спекуляція представляетъ ту руководящую мысль, которая лежитъ въ основаніи всего производственнаго механизма современныхъ народныхъ хозяйствъ, которою ему предписывается направленіе и которою онъ приводится въ движеніе и одушевляется.

Конечно, хотя отъ спекуляціи и исходитъ мысль, приводящая въ движеніе современное производство, это не измѣняетъ ея подчиненнаго отношенія къ производству, котораго органомъ она и служитъ. Изъ ея предвидѣнія ничего практически не выходило бы, еслибъ производство не располагало средствами выполнять планы, построенные на этомъ предвидѣніи, и еслибъ оно не могло идти на встрѣчу будущему, такъ сказать, съ полными руками, предлагая ему готовымъ то, въ чемъ будущее оказывается нуждающимся.

Сущность спекуляціи заключается прежде всего въ *предвидѣніи* будущаго. Въ противоположность ходячей «предусмотрительности», какъ она является у моралиста или въ домашнемъ хозяйственномъ быту, т. е. когда она является *догаданьемъ* будущихъ послѣдствій преимущественно *отрицательнаго* свойства, предвидѣніе спекуляціи, подобно естественно научному, имѣетъ своимъ содержаніемъ указаніе будущихъ явленій, имѣющихъ *положительное* значеніе для благосостоянія. Спекуляція представляетъ практическую экономическую мысль, окрѣпшую на столько сама и утвердившуюся на столь крѣпкой почвѣ, что она можетъ безбоязненно оставить предѣлы своего собственнаго времени, чтобъ перешагнуть въ послѣдующее, не опасаясь въ немъ затеряться или заблудиться.

Сколько бы ни существовало неудачныхъ шаговъ въ попыткѣ

экономической мысли проникнуть въ будущее и на основаніи предвидѣнія направлять предпріимчивую дѣятельность, сколько бы неудачъ ни приходилось претерпѣвать спекуляціи въ отдѣльныхъ случаяхъ,—какъ бы ни были слабы отдѣльныя основанія, по коимъ она иногда заключаетъ о будущемъ — наконецъ, какъ бы дорого спекуляціи не приходилось поплачиваться за свои ошибки, дѣлающія фиктивными предусмотрѣніе и превращающіе его въ игру случайностей, — менѣе всего на основаніи ошибокъ спекуляціи можно заключать о томъ, что предвидѣніе совершенно невозможно въ настоящее время въ экономической области. Самое лучшее доказательство невѣрности подобнаго умозаключенія представляется практикою: осуществленіе предвидѣній спекуляціи составляетъ правило, а неосуществленіе ихъ—исключеніе. Непрерывный прогрессъ экономической предпріимчивости и легкость, съ которою заживаютъ раны народно-хозяйственныхъ организмовъ, наносимыя имъ самыми тяжелыми ошибками спекуляціи, когда онѣ достигаютъ наибольшихъ размѣровъ и вызываютъ даже самые тяжкіе кризисы доказываютъ очевидно, что неудачные шаги экономическаго предвидѣнія далеко перевѣшиваются удачными Но сверхъ того еще необходимо принять во вниманіе, что и самые кризисы представляютъ не правило. Еслибъ спекуляція была лишена прочной почвы въ возможности предвидѣнія, то мы должны были бы видѣть обратное.

Спекуляція означаетъ ту высшую форму, которую принимаетъ интеллектуальный элементъ, всегда присущій предпріимчивости, когда она далеко ушла въ своемъ развитіи, оставила дѣтскіе размѣры и достигла крупныхъ размѣровъ возмужалаго возраста Спекуляція есть необходимая форма высшей степени развитія предпріимчивости, не боящейся преградъ, имѣющей чѣмъ ихъ преодолѣвать и готовой на жертвы и потери, лишь бы онѣ были преодолѣны. И какъ бы ни было глубоко впечатлѣніе производимое потерями, въ моментъ, когда ихъ приходится выносить, какъ бы тягостно эти потери ни вліяли тогда на духъ, опытъ однако показываетъ, что онѣ до сихъ поръ бывали только относительныя. Онѣ бывали потерями для данной эпохи, для даннаго мѣсяца или

года. Данному времени казалось, что оно ставило себѣ слишкомъ широкія цѣли, что спекуляція завлекала слишкомъ далеко, что за ея увлеченія приходится дорого поплачиваться. Но проходило это время. Сглаживалось минутное впечатлѣніе. Духъ предпріимчивости выходилъ изъ своего апатичнаго состоянія. И тогда онъ начиналъ именно съ тѣхъ цѣлей, за стремленіе къ коимъ еще недавно приходилось поплачиваться. Тѣ самые крупные размѣры, на которые еще такъ недавно, казалось, не хватало средствъ, становились исходнымъ пунктомъ, съ котораго начиналась новая побѣдоносная кампанія и въ короткое время оказывалось, что предпріимчивость можетъ шагнуть далеко далѣе самыхъ смѣлыхъ предположеній предъидущаго періода. Такимъ образомъ, на дѣлѣ выходило, что потери были только расходомъ, въ который обошлась первая попытка проложить новые пути для предпріимчивости и толкнуть ее впередъ къ дальнѣйшему развитію.

Спекуляція выражаетъ предпріимчивость, руководимую смѣлою, широкою мыслью богатой производительной силы. Крупная торгово-промышленная предпріимчивость должна имѣть и соотвѣтствующую ей широкую мысль и росту предпріимчивости долженъ соотвѣтствовать ростъ мысли, шагающей чрезъ преграды, и, побѣгающей рутиною, готовой отправляться въ неизвѣданныя области, наклонной къ подвижности, способной на смѣлость, на неудержимое вліяніе, на безпрекословное подчиненіе своимъ инстинктовъ косности, медленности, вялости, страха. Подобную мысль трудно успокоить даже моментальнымъ достиженіемъ цѣли. Разъ находясь у послѣдней, она готова видѣть или усматривать въ добытомъ только часть болѣе обширнаго цѣлаго, также точно возможнаго, какъ возможною оказалась достигнутая часть.

Чѣмъ шире мысль, прогрессивно подвигающая предпріимчивость на новые успѣхи, пробуждающая ее къ новой жизни и указывающая ей новые пути, чѣмъ шире цѣли, которыя, подъ ея вліяніемъ, ставитъ себѣ предпріимчивость, тѣмъ большія средства нужны послѣдней. Вопросъ о способахъ снабженія предпріимчивости нужными ей средствами становится, такимъ образомъ, насущ-

нымъ вопросомъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ прогрессъ или застой въ экономической жизни. Для того, чтобы силы и средства производителей не застаивались-бы, необходимо торговой предпріимчивости—возможно скорѣе купить у производителей ихъ товары и возможно скорѣе возвратить имъ сдѣланныя ими затраты. Но для этого самой предпріимчивости необходимо возможно скорѣе сбывать потребителямъ означенные товары и по возможно болѣе выгоднымъ цѣнамъ. Предпріимчивость должна, слѣдовательно,—возможно скорѣе покупать, чтобъ возможно скорѣе продавать. А это, иными словами, значитъ, что она, во всякое данное время, должна найти того именно продавца, который какъ разъ въ это время долженъ высвободить свои производственныя средства, и того именно покупателя, который какъ разъ въ это время долженъ израсходовать свои потребительныя средства. Ко всякой суммѣ истраченныхъ производственныхъ средствъ, воплощенныхъ въ спеціальныхъ цѣнностяхъ, предпріимчивость должна немедленно приноровить и соотвѣтствующую сумму потребительныхъ средствъ, изъ которыхъ первая возстановлялась-бы во всей своей цѣлости. Иначе производительныя средства превратятся въ праздно лежащія и непроизводительныя, а потребительныя надобности останутся безъ удовлетворенія.

Тѣ изъ представителей экономической науки, которымъ впервые приходилось разсѣевать господствующіе предразсудки о спекуляціи, должны были преимущественно ее отстаивать отъ обвиненія, будто она идетъ противъ интересовъ потребителей. Наука доказала ошибочность этого предразсудка и выяснила, что спекуляція представляетъ наилучшую гарантію интересовъ потребителей. Но этимъ сдѣлана была только одна половина дѣла. Оставалась еще одна половина, касавшаяся отношенія спекуляціи къ интересамъ производителей. Если мало по малу выяснена мысль, что перепродажи предметовъ потребленія, производимыя спекулянтами другъ другу, въ концѣ концовъ только приближаютъ эти предметы къ потребителямъ, наиболѣе въ нихъ нуждающимся, то до сихъ поръ еще продолжаетъ господствовать другой, однород-

ный старому, предразсудокъ, касающійся капиталовъ. Полагаютъ, что обороты, вызываемые частыми переходами капиталовъ изъ рукъ въ руки и выражающіеся въ колоссальныхъ цифрахъ, чисто фиктивны съ точки зрѣнія интересовъ народнаго хозяйства. На самомъ дѣлѣ, однако, какое значеніе имѣютъ эти обороты? Они извлекаютъ капиталы изъ рукъ, въ которыхъ они менѣе производительны, которымъ они, поэтому, менѣе выгодны, и переводятъ ихъ въ руки, которыя считаютъ себя способными сдѣлать капиталы болѣе производительными, а слѣдовательно и доставляющими болѣе выгодъ. Такимъ образомъ, спекуляція служитъ не только интересамъ потребленія, но и интересамъ производительности.

Встрѣчаясь съ явленіями экономической жизни, мы слишкомъ часто готовы удовлетворяться одною ихъ наружною стороною. Мы считаемъ, что составили себѣ достаточно ясное и полное предсгавленіе, если хорошо знаемъ наружную сторону, по которой явленіе всегда можно распознавать. Но знанія нужны не для одного только внѣшняго распознаванія явленій, когда явленія уже возникли. Знанія нужны еще и для нашей власти надъ самымъ ходомъ возникновенія явленій: для того, чтобъ мы могли надъ ними господствовать, а не сами подвергаться ихъ господству, страдательно примиряясь со всѣмъ, что они будутъ представлять. Знаніе, дающее власть, должно идти далѣе наружной стороны явленій. Оно должно проникать въ ихъ внутреннія движущія силы, чтобъ выяснять, когда, почему и что происходитъ съ явленіями при тѣхъ или иныхъ условіяхъ.

Присматриваясь къ дѣйствіямъ спекулирующей предпріимчивости, мы совершенно удовлетворяемся, когда узнаемъ, что всѣ эти дѣйствія сводятся къ покупкамъ для продажъ и къ продажамъ для покупокъ. Это совершенно вѣрно. Но подобное представленіе ничего намъ не говоритъ ни о причинѣ, ни о послѣдствіяхъ сведѣнія всѣхъ дѣйствій спекуляціи къ покупкамъ и продажамъ, совершаемымъ другъ для друга, ни о внутреннемъ смыслѣ этихъ покупокъ и продажъ.

Постараемся разобрать этотъ смыслъ. Какой смыслъ вообще

имѣютъ покупка и продажа? Покупка есть добываніе той именно цѣнности, которая служитъ всего лучше при данныхъ условіяхъ надобностямъ предпріимчивости или потребленія. Продажа, напротивъ, означаетъ высвобожденіе средствъ, затраченныхъ на отчуждаемую цѣнность, превращеніе средствъ, находящихся въ *связанномъ* состояніи, пока они затрачены на данную цѣнность, въ *свободныя*. Когда мы покупаемъ, мы предпочитаемъ связанныя средства (спеціальныя цѣнности) свободнымъ; когда мы продаемъ, мы, напротивъ, предпочитаемъ свободныя средства—связаннымъ.

Почему мы въ однихъ случаяхъ предпочитаемъ связанныя средства, а въ другихъ свободныя? Потому что наши надобности очень разнообразны. Надобности потребленія удовлетворяются одними только готовыми (спеціальными) цѣнностями. Свободныя средства для нихъ лишены всякой пользы. Ясно, что съ точки зрѣнія своихъ потребительныхъ надобностей человѣкъ всегда будетъ предпочитать свободнымъ средствамъ тѣ средства, которыя приведены въ связанное состояніе, спеціально ихъ приноравляющее къ потребительнымъ надобностямъ. Но и предпріимчивость тоже имѣетъ свои надобности. И эти надобности тоже разнообразятся. Основная надобность предпріимчивости заключается въ томъ, чтобы она во всякое данное время вооружена была тѣмъ именно спеціальнымъ капиталомъ, который въ ея рукахъ самъ достигаетъ наивысшей производительности и съ помощью котораго ея руки достигаютъ наивысшей производительности. Но именно для этого предпріимчивости нужно, чтобы, какъ только она не окажется вооруженною этимъ спеціальнымъ капиталомъ, въ ея рукахъ немедленно очутились свободныя средства, съ помощью которыхъ она его скорѣе всего можетъ привлечь къ себѣ. Слѣдовательно, когда у предпріимчивости въ рукахъ будетъ находиться наиболѣе производительный спеціальный капиталъ, она его будетъ предпочитать свободнымъ средствамъ. Если у нея въ рукахъ будутъ въ данное время эти свободныя средства, она постарается какъ можно скорѣе купить спеціальный капиталъ, предполагаемый наиболѣе производительнымъ. Если-же въ рукахъ предпріимчивости окажется въ данное время

спеціальный капиталъ, обставленный плохими условіями производительности, она его постарается поскорѣе продать, предпочтетъ ему свободныя средства, на которыя она можетъ добыть лучшій капиталъ.

Итакъ, предпріимчивость покупаетъ всегда болѣе производительный капиталъ, а продаетъ менѣе производительный. Она всегда стремится быть при наилучшихъ условіяхъ производительности. Чѣмъ-же выражаются эти лучшія условія производительности? Тѣмъ, что они *съ наибольшею скоростью* даютъ наибольшее возможное количество пользы. Чѣмъ лучше условія производительности, тѣмъ *скорѣе* капиталъ проявляетъ свою наибольшую производительность и тѣмъ скорѣе онъ *уступаетъ свое мѣсто* другому капиталу наибольшей производительности. То есть, чѣмъ удачнѣе была покупка, сдѣланная предпріимчивостью, тѣмъ скорѣе она должна повлечь за собою продажу.

Слѣдовательно, если спекулирующая предпріимчивость стремится покупать, чтобы возможно скорѣе продавать, то это значитъ, что она стремится возможно скорѣе овладѣвать наиболѣе производительными условіями и возможно скорѣе освобождаться отъ наименѣе производительныхъ условій. Для этого-то она прежде всего должна перераспредѣлять капиталы во времени и пространствѣ такъ, чтобы они всегда находились въ надлежащее время въ надлежащемъ мѣстѣ.

25. Свобода и экономическая самостоятельность текущей живой предпріимчивости, опирающейся на свою собственную производительность, представляетъ собою тотъ прогрессивный шагъ впередъ, которымъ наше столѣтіе возвышается надъ своими предшественниками. Опираясь въ своемъ благосостояніи на производительность текущей предпріимчивости, современная личность находитъ опору для своей экономической независимости *въ самой себѣ*, а не внѣ себя, какъ было въ прошлые вѣка, когда только обладаніе капиталомъ или вещною собственностью обезпечивало независимость и благосостояніе. Экономическая производительность личныхъ качествъ человѣка, возвысившаяся надъ всякими сомнѣніями и мо-

тущая проявляться по непосредственной инициативѣ той личности, которая ею характеризуется, рѣзко обособилась отъ капитала, съ которымъ она прежде бывала слитою. Если капиталъ еще представляетъ основу благосостоянія, то онъ не представляетъ уже болѣе единственной основы. Рядомъ съ капиталомъ стоитъ внутренняя экономическая производительность личности, опытомъ которой поддерживается девизъ нашего вѣка: «*все для личности и какъ можно больше по ея собственной непосредственной инициативѣ!*»

*Вслѣдствіе* того, что капиталъ въ настоящее время рѣзко обособился отъ живой текущей предпріимчивости, стала осязательною и наглядною его праздная косность, его мертвая вещная природа, бездѣятельная до тѣхъ поръ, пока она не оживляется подвижными силами человѣка. И, съ другой стороны, стало очевидно, что единственный источникъ экономическаго движенія представляется человѣкомъ. Чтобы капиталъ сталъ живымъ и производительнымъ, онъ долженъ придти въ соприкосновеніе съ личностью. Отъ нея онъ долженъ получить первоначальный толчокъ. Отъ нея онъ долженъ *получить* занятіе. Иначе онъ остается праздными, непроизводительнымъ и бездоходнымъ.

Вотъ почему въ наше время должны были выдвинуться на первый планъ и, такъ сказать, напрашиваться на сознаніе—всѣ тѣ явленія, въ которыхъ выражается съ одной стороны стремленіе предпріимчивости вооружиться капиталомъ и для этого *разыскать* его, а съ другой—стремленіе владѣльцевъ капитала разъискать то производительное предпріятіе, въ которомъ капиталъ могъ бы себѣ *найти* занятіе. Капиталъ и силы предпріимчивости, представляя собою самостоятельные экономическіе факторы и нуждаясь взаимно другъ въ другѣ для своей производительности, должны необходимо другъ друга разъискивать, чтобы соединиться и отъ соединенія стать производительными.

Но капиталъ самъ неподвиженъ. Онъ и занятія себѣ самъ разъискивать не въ состояніи. Разъискиваніе для него долженъ производить человѣкъ. Если у владѣльца капитала не имѣется предпрі-

имчивыхъ силъ даже и настолько, чтобъ позаботиться о капиталѣ, то послѣдній остается мертвымъ. Такимъ образомъ является особая группа проявленій предпріимчивости, имѣющихъ своимъ содержаніемъ разъискиваніе капиталовъ для предпріятій и предпріятій для капиталовъ. Эта-то группа проявленій предпріимчивости составляетъ существенное содержаніе всей современной спекуляціи. Отъ нея начинается и къ ней сводится, въ концѣ концовъ, все то, что происходитъ въ области спекуляціи.

Функція спекуляціи, при всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ, заключается въ томъ, чтобы сообщеніемъ капиталу и предпріимчивости наибольшей, возможной для нихъ во всякое данное время, подвижности доставить имъ средство быть въ непрерывномъ сочетаніи и именно въ томъ сочетаніи, которое обезпечиваетъ имъ наибольшую народно-хозяйственную производительность, возможно менѣе прерывающуюся. Спекуляція, такимъ образомъ, одновременно простираетъ свои вліянія, какъ на капиталы, которымъ она непрерывно стремится доставить наилучшія условія спроса и предложенія, такъ и на личную предпріимчивость, которой постоянная вооруженность наиболѣе производительными средствами ею безостановочно обезпечивается.

При такомъ опредѣленіи спекуляціи, мы въ ней находимъ всѣ тѣ черты и отличительные признаки, которые намъ выяснены были анализами кредита. Но существенное отличіе спекуляціи отъ кредита то, что она, стремясь къ той-же цѣли, къ которой стремится кредитъ, обладаетъ болѣе обширными, чѣмъ онъ, средствами. Для точности выраженія мы, конечно, должны сказать, что какъ спекуляція, такъ и кредитъ, представляютъ средства, ведущія человѣка къ одной и той-же вышеописанной цѣли. Но въ то время, какъ кредитъ выражаетъ одно опредѣленное средство для достиженія означенной цѣли, спекуляція выражаетъ представленіе о цѣломъ кругѣ таковыхъ средствъ. Ясно, что въ такомъ случаѣ спекуляція относится къ кредиту, какъ родъ относится къ своему виду.

По самой своей природѣ *развившаяся* спекуляція состоитъ изъ

*срочныхъ* сдѣлокъ, договоровъ и соглашеній, продолжительность которыхъ можетъ быть и не замѣчаема, хотя она отъ этого не теряетъ значенія. Потому что спекуляція имѣетъ дѣло съ запасами товаровъ или денегъ (т. е. съ товарными или денежными капиталами), которые она ставитъ своею цѣлью—распредѣлять во времени и пространствѣ такъ, чтобы всегда и повсюду приноровлять ихъ предложеніе къ существующему на нихъ спросу и, наоборотъ, приноровлять спросъ къ предложенію. Слѣдовательно ея задача—съ одной стороны, тамъ и тогда, гдѣ и когда предложеніе больше спроса, прибавлять къ существующему спросу потребителей свой собственный (спекуляціонный) спросъ и не давать цѣнѣ излишне падать, чтобы, съ другой стороны, тамъ и тогда, гдѣ и когда предложеніе меньше спроса, увеличивать своимъ собственнымъ (спекуляціоннымъ) предложеніемъ существующее предложеніе и не давать цѣнѣ излишне падать. Съ одной стороны она устраняетъ убытки, съ другой—ненормальныя прибыли. Всякая кредитная операція заключаетъ въ себѣ элементъ срочной сдѣлки, представляемый ея растянутостью во времени. Кромѣ того, въ кредитной операціи мы находимъ, что владѣлецъ наличнаго капитала (товарнаго или денежнаго) отказывается обладать имъ въ данное время, уступаетъ его въ посторонніе руки, обезпечивая себѣ за то возможность обладать денежнымъ капиталомъ въ послѣдующее время, Капиталъ, отдаваемый въ кредитъ на извѣстное время, спасается въ это время отъ омертвѣнія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ *спасается отъ сокращенія* и увеличивается, въ моментъ заключенія кредитной сдѣлки, *предложеніе* того вида капиталовъ, къ коему принадлежитъ отданный въ кредитъ, чѣмъ предложеніе болѣе приноравливается къ спросу. Кредитъ расширяетъ предложеніе капиталовъ въ моментъ, когда онъ начинается: это очевидно. Но остается-ли безъ перемѣны предложеніе капиталовъ въ тотъ моментъ, къ которому уговоренъ конецъ кредитной операціи? Къ этому моменту предстоятъ платежи по долгамъ. Всякое же усиленіе платежей вызываетъ усиленіе спроса на платежныя средства и соотвѣтственное сокращеніе ихъ предложенія. Слѣдовательно, кредитъ не только вызываетъ расширеніе

предложенія капиталовъ, но и соотвѣтственное сокращеніе въ предложеніи ихъ. Одно съ другимъ необходимо связано. Всякій, кто пользуется расширеніемъ предложенія капиталовъ и кто имѣетъ возможность производить это расширеніе, всякій, у кого есть кредитъ, расчитываетъ всегда на то, что у него будетъ власть сократить предложеніе капиталовъ на ту сумму, которая ему будетъ нужна для погашенія его долговъ. Итакъ, въ кредитной операціи вѣритель расчитываетъ, что для него расширится предложеніе капиталовъ въ будущемъ и онъ соглашается, чтобы въ настоящемъ для него предложеніе сократилось; напротивъ, должникъ пользуется расширеніемъ для него предложенія въ настоящемъ времени, въ виду предстоящаго и возможнаго для него сокращенія ихъ предложеній въ будущемъ. У кредитора въ данное время излишекъ, а у дебетора въ это время—дефицитъ. Напротивъ, кредитору въ будущемъ капиталъ будетъ нуженъ, дебеторъ же готовъ не имѣть въ немъ нужды. И вотъ, кредитъ и представляетъ ту операцію, которою спросъ и предложеніе капитала для каждаго изъ нихъ такъ приноравливаются другъ къ другу, что во всякое данное время удовлетворяются ихъ надобности.

Приведенный анализъ показываетъ, что кредитная операція заключаетъ въ себѣ всѣ элементы срочной спекуляціи. Одна изъ функцій кредита заключается въ томъ, что главнымъ образомъ съ его помощью въ настоящее время производятся тѣ перемѣны въ объемѣ отдѣльныхъ отраслей и областей экономической дѣятельности, которыя нужны для приспособленія ихъ къ потребностямъ, какъ всякаго даннаго времени, такъ и послѣдующаго времени. Когда какое либо предпріятіе должно быть расширено или сокращено, то прежде всего и главнымъ образомъ это дѣлается съ помощью средствъ, доставляемыхъ кредитомъ. Если предпріятіе должно быть расширено или съужено, то расширеніе или сокращеніе прежде всего постигаетъ ту его часть, которая держалась занятыми средствами. Долги погашаются и болѣе уже не возобновляются или-же увеличиваются.

Кредитъ служитъ для увеличенія или уменьшенія спроса и предложенія свободныхъ капиталовъ, а слѣдовательно и для перераспре-

дѣленія ихъ, тамъ, тогда и такъ, гдѣ, когда и какъ того требуютъ условія наибольшей ихъ производительности. Гдѣ предложеніе свободныхъ капиталовъ больше спроса на нихъ, кредитъ расширяетъ спросъ, создавая покупательную силу, эффективность которой даетъ спросу возможность увеличиться. Напротивъ, гдѣ предложеніе свободныхъ капиталовъ меньше спроса на нихъ, тамъ кредитъ самъ стягивается, а съ нимъ сокращается часть предложенія, которое тогда лучше приноравливается къ спросу. Когда свободныхъ капиталовъ слишкомъ много, онъ не даетъ ихъ цѣнѣ слишкомъ падать. Напротивъ, когда свободныхъ капиталовъ слишкомъ мало, большая гибкость кредита и его способность живо сокращаться препятствуетъ ихъ цѣнѣ слишкомъ возвышаться. Слѣдовательно, кредитъ для свободныхъ капиталовъ дѣлаетъ только то-же самое, что спекуляція дѣлаетъ для всѣхъ иныхъ капиталовъ и цѣнностей. На этомъ основаніи мы и думаемъ, что *кредитъ представляетъ собою только одну изъ формъ, или одинъ изъ видовъ спекуляцій и что кредитныя операціи представляютъ только одну изъ основныхъ категорій спекуляціонныхъ операцій.*

Мы говоримъ, что кредитъ—*одна изъ формъ или одинъ изъ видовъ* спекуляціи, потому что онъ заключаетъ въ себѣ важнѣйшіе элементы послѣдней. Но существуютъ еще и другія формы и виды спекуляцій, которые, сверхъ общихъ *родовыхъ* признаковъ, имѣютъ еще и видовые признаки. Также точно, сверхъ общихъ родовыхъ признаковъ спекуляціи вообще, кредитъ обладаетъ и видовыми особенностями, которыя онъ не раздѣляетъ съ другими видами. Слѣдовательно, менѣе всего мы отожествляемъ кредитъ со *всѣми* проявленіями спекуляціи.

Основное отличіе кредита отъ другихъ видовъ спекуляціи представляетъ *обезпеченная цѣлость капитала* въ его *денежной* оцѣнкѣ и изъемлемость его изъ круга опасныхъ вліяній, заставляющихъ страшиться за его цѣлость и предоставляемыхъ условіями предпріятія, поглощающаго его *in natura*. Всѣ остальные виды спекуляціи требуютъ отъ владѣльца капитала, въ нихъ занятаго, чтобы онъ принялъ на себя страхъ потери капитала. Напротивъ,

кредитъ представляетъ такую спекуляцію, при которой владѣлецъ капитала слагаетъ съ себя отвѣтственность и можетъ не опасаться за его цѣлость.

*Всякая* спекуляція достигаетъ своей основной цѣли мобилизаціею капиталовъ, усиленіемъ ихъ подвижности, учащеніемъ ихъ перехода и притомъ перехода, имѣющаго не одно только механическое значеніе, но и органическое, потому что онъ—переходъ изъ рукъ, въ которыхъ капиталъ былъ празденъ или менѣе доходенъ, въ руки, въ которыхъ капиталъ занятъ или болѣе доходенъ. Мобилизація капиталовъ составляетъ и основную функцію кредита. Но кредитъ представляетъ особый и самостоятельный *видъ* мобилизаціи капиталовъ. Мобилизируя капиталы, кредитъ приспособляется лишь къ тѣмъ случаямъ, когда капиталу нужно и можно принять движеніе по извѣстному направленію *только на время*, по истеченіи котораго капиталу нужно и можно двинуться въ *обратномъ* направленіи. Напротивъ, остальные виды спекуляціи, на сколько они не сочетаются съ кредитомъ, совершенно безучастны къ этой *временности движенія по извѣстному направленію* и вообще къ срочности и къ продолжительности движенія по *данному* направленію. Они приспособляются къ остальнымъ условіямъ, опредѣляющимъ вообще направленія *наиболѣе производительнаго движенія* капиталовъ.

Не должно смѣшивать услугъ, оказываемыхъ кредитомъ, *подобно всякой спекуляціи*, съ услугами, оказываемыми кредитомъ въ качествѣ *извѣстнаго вида* спекуляціи. Мобилизація капиталовъ—услуга, оказываемая спекуляціею вообще. Мобилизація *свободныхъ* капиталовъ — услуга, которую можетъ оказывать только кредитъ. Потому что одинъ только кредитъ представляетъ собою средство, съ помощью котораго можетъ быть спасена отъ гибели не только производительность капитала, но сверхъ того, еще свободность его.

Услуга *всякой* мобилизаціи—спасеніе отъ гибели производительности капиталовъ вообще. Кредитъ оказываетъ эту услугу не въ силу своихъ видовыхъ особенностей, а родовыхъ. Онъ присоединяетъ къ путямъ и способамъ мобилизаціи еще одинъ, расширяетъ

и увеличиваетъ мобилизацію. Каждый разъ, когда капиталъ оставляетъ руки своего владѣльца - собственника, какимъ бы путемъ или способомъ онъ ихъ не оставлялъ, онъ переходитъ изъ менѣе производительныхъ рукъ въ болѣе производительныя руки. Въ производствѣ онъ переходитъ для дальнѣйшей его обработки или для работы съ его помощью въ руки надлежащаго спеціалиста, единственно и представляющаго наиболѣе производительныя руки. Или онъ переходитъ отъ спеціалиста, по волѣ или по необходимости дѣлающаго перерывъ въ своей производительности, къ другому спеціалисту, котораго производительность не терпитъ перерыва. Въ транспортномъ дѣлѣ капиталъ перемѣщается изъ менѣе производительнаго мѣста въ болѣе производительное мѣсто. Наконецъ, въ торговлѣ, капиталъ мѣняетъ руки, потому что нахожденіе капиталу сбыта весьма нерѣдко должно проходить чрезъ различныя стадіи, изъ которыхъ не только каждая, какъ цѣлое, имѣетъ присобляющіяся къ ней руки, но и составныя части которой имѣютъ приспособляющіяся къ ней руки. Найдти сбытъ товару, по большей части, значитъ *разыскать* этотъ сбытъ. А розыскиваніе — дѣятельность продолжительная: приходится обращаться то къ одному, то къ другому покупателю. Весьма нерѣдко капиталъ долженъ въ торговлѣ мѣнять руки только потому, что однѣ руки, которыя приспособились къ извѣстной сферѣ покупателей и къ извѣстнымъ условіямъ цѣла, въ своей сферѣ или въ своихъ условіяхъ не оказались въ состояніи найдти капиталу сбытъ. Онѣ должны поэтому передать капиталъ въ новыя руки, приспособившіяся къ другой сферѣ покупателей и къ другимъ условіямъ. Является цѣпь посредниковъ, чрезъ руки которыхъ капиталъ проходитъ. Эта цѣпь ужъ во всякомъ случаѣ находитъ капиталу сбытъ. Но для этого она должна быть въ непрерывномъ движеніи. Ея звенья не мертвыя вещи, а живыя силы, находящіяся въ постоянномъ дѣятельномъ взаимоотношеніи. Это-то ихъ взаимоотношеніе и выражается въ рядѣ спекуляціонныхъ сдѣлокъ, которыя они между собою заключаютъ. Значеніе этихъ сдѣлокъ единственно въ томъ и заключается, что ихъ результатомъ и является производительность капитала вообще

Спасеніе производительности не составляетъ, такимъ образомъ, специфической заслуги кредита. Кредитъ оказываетъ эту услугу, потому что онъ—спекуляція.

Но когда кредитъ спасаетъ производительность *свободнаго* капитала, не подрывая и не уничтожая самой свободности, тогда это услуга, которую ни какая иная спекуляція, кромѣ кредита, оказать не въ состояніи.

Далѣе. Центръ тяжести спекуляціи, когда она представляется кредитомъ, суть деньги или «абстрактное» богатство (abstract wealth), чистая покупательная сила. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ кредитной операціи—товары, для кредитора важна ихъ денежная цѣнность, для должника суть въ томъ, что ему уступается въ кредитъ денежная цѣнность товаровъ, а не самые товары. Получающій въ кредитъ товары считаетъ, что онъ какъ бы получилъ отъ продавца въ кредитъ деньги и потомъ на эти деньги у него купилъ товары. Во всякомъ случаѣ онъ считаетъ, что заключаетъ съ продавцомъ двѣ операціи: одну кредитную и другую товарную, или что онъ сдѣлалъ двѣ спекуляціи: одну полученіемъ кредита, другую полученіемъ товаровъ. Иногда обѣ могутъ быть выгодны, иногда одна можетъ вредить другой: это однако сущности дѣла не измѣняетъ. Напротивъ, всякая иная спекуляція, на сколько она не сочетается съ элементомъ кредита и по выдѣленіи этого элемента, имѣетъ своимъ предметомъ товары, опредѣленныя цѣнности, извѣстные виды богатства. На нихъ она всегда направлена, ихъ она приводитъ въ движеніе, къ нимъ она относится, какъ къ своему центру тяжести.

Но что срочная спекуляція ни имѣла бы своимъ предметомъ, представляетъ ли она кредитъ, или иной какой либо видъ, она всегда вертится около обязательства одного контрагента *доставить капиталъ въ извѣстный срокъ*, которому соотвѣтствуетъ обязательство другаго контрагента *взять* капиталъ въ этотъ срокъ. Необходимо ли долженъ одинъ контрагентъ доставить, а другой взять капиталъ, оттого, что этотъ капиталъ былъ занятъ, или оттого, что онъ былъ купленъ и проданъ, это все равно и несущественно.

Обязательство въ одномъ случаѣ и въ другомъ одинаково равносильно. Спекуляція, представляемая кредитомъ, какъ спекуляція, представляемая иными срочными операціями, одинаково *переводятъ собственность* отъ одного лица къ другому. И это ихъ совершенно уравниваетъ. Если я долженъ Ивану доставить къ извѣстному сроку капиталъ, взятый у него въ кредитъ, то мое обязательство въ этомъ случаѣ совсѣмъ не сильнѣе, чѣмъ когда я долженъ доставить Степану къ тому же сроку капиталъ, который я ему продалъ.

Но между видомъ спекуляціи, представляемымъ кредитомъ, и остальными видами спекуляціи существуетъ, во-первыхъ, такое же *глубокое различіе*, какое существуетъ между денежнымъ капиталомъ и остальными видами капитала,—во-вторыхъ, такое же *сильное взаимоотношеніе*, какое существуетъ между денежнымъ капиталомъ и остальными видами капитала.

Какъ только капиталъ принимаетъ форму денежную, это означаетъ, что онъ хочетъ быть свободнымъ, сбереженнымъ, сохраненнымъ, ни на что не затраченнымъ, стоящимъ внѣ круга предпріятій, поглощающихъ капиталы *въ натурѣ*. Само собою очевидно, что всего лучше этихъ цѣлей капиталъ достигаетъ тогда, когда онъ совсѣмъ извлекается изъ оборота и намѣренно умерщвляется, превращаемый въ бездѣятельный запасъ (hoard). Тогда капиталъ совершенно гарантированъ въ своей свободѣ и онъ свободенъ для всего народнаго хозяйства, для всѣхъ членовъ послѣдняго. По большей части одни только безобразныя политическія, соціальныя и культурныя условія, а въ рѣдкихъ случаяхъ и безобразные неуспѣхи предпріимчивости влекутъ за собою такой паническій страхъ за цѣлость капитала, что его рѣшаются сдѣлать свободнымъ абсолютно. При болѣе же благопріятныхъ условіяхъ владѣльцы капиталовъ, желающіе ихъ сохранить свободными, удовлетворяются и относительною свободою, т. е. такою, которая существовала бы только для нихъ, владѣльцевъ. Для всѣхъ же остальныхъ членовъ они готовы предоставить свой капиталъ, чтобы онъ былъ затраченъ за чей-либо счетъ на производительное дѣло. Понятно, что для

этого владѣлецъ капитала долженъ оставить свое чисто-пассивное отношеніе къ собственной предпріимчивости. Онъ не можетъ уже отворачиваться отъ всякаго предпріятія, отъ всякой спекуляціи. Одну онъ долженъ выбрать. Если онъ желаетъ въ цѣлости сохранить свой капиталъ, обезпечивъ себѣ его свободное состояніе къ нужному сроку, то онъ долженъ примириться съ тѣмъ видомъ спекуляціи, которую представляетъ кредитъ. Кредитъ выводитъ его изъ пассивности вообще, но только какъ-бы на одинъ моментъ, именно когда нужно найдти вѣрныя руки, которымъ капиталъ можетъ быть довѣренъ. Разъ эти руки найдены, пассивность можетъ снова вступить въ свои права.

Отдаетъ ли владѣлецъ путемъ кредита капиталъ предпріятію, на которое капиталъ затрачивается? Нѣтъ, онъ отдается предпринимателю, именно его рукамъ, а не творенію его рукъ. Капиталъ путемъ кредита помѣщается не въ предпріятіе, а въ долговой документъ. Деньги, какъ капиталъ, а не какъ орудіе обращенія, иначе не могутъ быть помѣщены. Иначе онѣ перестаютъ быть капиталомъ; по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ отношенія представляются съ точки зрѣнія владѣльца свободнаго капитала. Если-бы онъ помѣстилъ свой капиталъ въ предпріятіе, то оно ему принадлежало-бы. Владѣлецъ капитала являлся-бы собственникомъ предпріятія, участникомъ или пайщикомъ въ немъ, несущимъ сопряженный съ дѣломъ рискъ. Но владѣлецъ свободнаго капитала, отданнаго въ кредитъ, является не собственникомъ, а кредиторомъ предпріятія.

Ограниченная отвѣтственность паевыхъ предпріятій какъ-бы уничтожаетъ всякое различіе между предпріятіемъ и предпринимателемъ. Кто довѣрилъ свой свободный капиталъ паевому предпріятію, можетъ казаться, не имѣетъ дѣло ни съ какимъ предпринимателемъ. Но это невѣрно. Различіе между акціонеромъ и облигаціонеромъ паеваго предпріятія весьма существенное. Акціонеръ, рискуя капиталомъ, ставитъ въ зависимость цѣлость своего капитала отъ условій производительности предпріятія. Облигаціонеръ же имѣетъ между собою и опасностями, угрожающими предпріятію неуспѣхомъ, акціонерный капиталъ. Онъ довѣряетъ не предпріятію,

а его личному составу и его основному капиталу, въ которомъ какъ-бы и олицетворяется отсутствующій предприниматель.

Конечно, довѣрять капиталъ предпринимателю или основному капиталу складочнаго предпріятія сопряжено тоже съ нѣкоторымъ рискомъ. Но ни какая спекуляція безъ всякаго риска и немыслима, а кредитъ—спекуляція. За то кредитъ—гарантированная и при томъ усиленно гарантированная спекуляція, въ которой рискъ доведенъ до возможнѣйшаго minimum'а. Въ этомъ единственное отличіе кредита отъ другихъ видовъ спекуляціи.

26. Человѣку, знакомому съ языкомъ, которымъ выражаются спекулянты (все равно, бумагами-ли, или товарами), должно быть извѣстно и выраженіе: «слабыя руки», «бумаги или товары попали въ слабыя руки, которыя ихъ не выдержатъ». Казалось бы, что если цѣнности уже разъ попали въ руки, если онѣ уже разъ имъ принадлежатъ, то какая трудность ихъ удержать за собою? Достаточно только не продавать ихъ. А воздержаться отъ продажи вѣдь значитъ только воздержаться отъ того, чтобы получить еще большую выгоду, чѣмъ та, которая была получена при покупкѣ цѣнности? Такое воздержаніе вѣдь большою трудностью не представляется?

Подобное разсужденіе, однако, обнаруживало бы незнакомство съ тѣми своеобразными условіями, которыми подъ вліяніями спекуляціи въ настоящее время обставлено *биржевое* помѣщеніе капитала, *биржевой* спросъ нанего и *биржевое* его предложеніе.

Всѣ операціи, которыя производятся на биржѣ, сводятся или къ тому, чтобы найти для того или инаго помѣщенія капиталъ, или къ тому, чтобы найти для того или инаго капитала помѣщеніе. Количество и качество помѣщеній, ищущихъ себѣ на биржѣ капиталовъ, весьма разнообразно и далеко не постоянно. Капиталъ, ищущій себѣ на биржѣ помѣщенія, менѣе всего любитъ долгосрочность послѣдняго, а, напротивъ, стремится имъ воспользоваться, пока оно находится въ апогеѣ своей доходности, чтобы оставить его, какъ только оно опустится нѣсколько ниже. Отсюда является необходимость въ обильномъ снабженіи

биржеваго рынка свободными капиталами. Чтобы на рынкѣ находилось много капиталовъ, это одинаково необходимо и для представителей новыхъ помѣщеній и для представителей помѣщеній старыхъ. Отсюда два послѣдствія. Первое—то, что биржа любитъ дешевыя деньги, чтобы цѣны товаровъ или курсы бумагъ стояли возможно выше. Второе—то, что биржа готова всегда содѣйствовать всему, дѣлающему болѣе обильнымъ предложеніе денегъ и ихъ удешевляющему

Извѣстно, однако, что надъ всѣми средствами, которыя дѣлаютъ наиболѣе обильнымъ предложеніе капиталовъ, возвышается выше всѣхъ кредитъ. Въ ряду сферъ, которыми развитіе кредита особенно споспѣшествуется, биржа стремится занять одно изъ первыхъ мѣстъ. Она создаетъ свой собственный видъ примѣненія кредита и развиваетъ его до колоссальныхъ размѣровъ. Она беретъ къ себѣ на службу банки, въ крайнемъ случаѣ создаетъ себѣ таковые и дѣлаетъ ихъ своими орудіями, *принаровляя* ихъ операціи къ своимъ нуждамъ. Своеобразная форма примѣненія кредита къ потребностямъ биржевой спекуляціи носитъ различныя названія. Ее называютъ во Франціи, Англіи и отчасти въ Германіи репортомъ, въ Австріи она называется Kostgeschäft (отдавать и принимать бумаги на прокормленіе), у насъ она называется ссудою on call (по востребованію), спеціальнымъ текущимъ счетомъ, или просто ссудою подъ залогъ цѣнностей. Какъ бы, однако, она ни называлась, ея цѣль всегда одна и та же. Эта цѣль—дѣлать снова подвижнымъ и свободнымъ, т. е. мобилизировать капиталъ, который былъ связанъ помѣщеніемъ его въ данной цѣнности, развязать этотъ капиталъ, а съ этимъ и руки его владѣльца, дать послѣднему возможность снова выступить на биржѣ покупателемъ, т. е. со *спросомъ* на цѣнности, слѣдовательно съ силою, съ одной стороны, гонящей цѣну вверхъ, и съ *предложеніемъ* денегъ, т. е. съ элементомъ, съ другой стороны, подгоняющимъ цѣну туда же вверхъ.

По той причинѣ, что биржѣ нужно много денегъ, возможно больше денегъ, ей нужно и много кредита, возможно больше кредита. Гдѣ же послѣдній возьмется? Это биржѣ все равно. Она мало без-

покоится: принадлежали ли деньги въ собственность тому лицу или учрежденію, которое открыло ей кредитъ, или, напротивъ, это лицо или учрежденіе сами получили отданныя ими деньги отъ третьихъ лицъ въ кредитъ. Биржа интересуется этою цѣпью кредитныхъ отношеній, соединяющею одного должника съ другимъ, какъ звенья, только въ той мѣрѣ, въ какой ею перетягивается больше или меньше капиталовъ. Количество ихъ для нея важно, качество же ихъ, кому они принадлежатъ, это для нея не важно.

Размѣры оборотовъ на всякой мало-мальски замѣтной европейской биржѣ достигаютъ такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какихъ они не достигаютъ ни въ какой другой области. Они считаются сотнями и тысячами милліоновъ руб. Весьма значительная, можетъ быть самая значительная, часть этихъ оборотовъ имѣетъ своею основою кредитъ и доставленныя имъ средства. Масса капиталовъ, которые стали въ настоящее время требовать европейскія биржи для однихъ только новыхъ помѣщеній, считается уже милліардами рублей. Безъ кредита у биржеваго люда вовсе и не оказалось бы тѣхъ средствъ, которыя необходимы, чтобы получить въ свои руки новыя цѣнности, ежемѣсячно теперь бросаемыя на рынокъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ получаетъ совершенно особенное и высокое важное значеніе вопросъ, кто то лицо, которое пріобрѣло цѣнность, какія у него руки, крѣпкія или слабыя. Крѣпкія руки означаютъ такое лицо, которое въ состояніи удержать за собою цѣнность, которое можетъ противустоять, когда обстоятельства дѣлаютъ необходимыми продажи, которое имѣетъ достаточный запасъ или въ собственныхъ своихъ средствахъ, или въ средствахъ, полученныхъ благодаря непоколебимому кредиту. Слабыя руки, напротивъ, означаютъ такого обладателя цѣнностей, который случайно нашелъ кредитъ, которому довѣрили товаръ, потому что послѣднему во всякомъ случаѣ хотѣли найти сбытъ, который по истеченіи срока перваго кредита, когда періоду горячности будетъ конецъ, уже больше кредита себѣ не найдетъ, который не можетъ въ долгъ добыть себѣ достаточно средствъ, чтобы имѣть возможность выждать съ продажею, и который принужденъ

продавать товаръ, какъ только обстоятельства его нѣсколько потѣснятъ.

Цифры, касающіяся фондовой спекуляціи, дадутъ намъ возможность сдѣлать это вполнѣ наглядным для каждаго изъ нашихъ читателей. По свѣдѣніямъ французскаго журнала «Moniteur des intérêts matériels», отъ января до конца декабря 1872 года на всѣхъ европейскихъ биржахъ появилось новыхъ бумагъ, а съ ними оказался спросъ на новые свободные капиталы, въ размѣрѣ на сумму 3.160½ мил. мет. рублей. Изъ нихъ промышленность потребовала для себя 1.791¼ мил. рублей, а различные государственные и общинные займы 1.369¼ мил. рублей. Одна Америка взяла съ денежныхъ рынковъ Англіи, Германіи и Голландіи 506⅛ мил. рублей, Англіи понадобилось новыхъ капиталовъ на 359¼ мил. рублей, Франціи 993⅔ мил. руб., Германіи 343 мил. руб., Австро-Венгріи 247 мил. руб., Россіи 193¾ мил. рублей и т. д. Въ 12 мѣсяцевъ 1871 года новаго наеваго имущества предложено было биржамъ въ новыхъ бумагахъ на 3.900 мил. руб. Слѣдовательно въ два года биржевой спросъ на свободный капиталъ равнялся 7.000 мил. руб., т. е. по 294 мил. рублей, среднимъ числомъ, въ каждый отдѣльный мѣсяцъ, или около 10 мил. руб. ежедневно.

По приблизительному расчету, въ десятилѣтіе 1860—69 г. одна постройка желѣзныхъ дорогъ потребовала 4.734 мил. руб. сер. Цѣнность всей европейской желѣзнодорожной сѣти въ 1869 году (13.238,73 геогр. миль) оцѣнивалась въ 9.000 мил. руб., а всего міра (тогда-же 26.330⅓ геогр. м.) въ 13.000 мил. руб.

Европейское богатство несомнѣнно колоссально. Капиталы, которыми располагаютъ европейскіе народы, достигаютъ громадныхъ размѣровъ. Но эти размѣры нужно было бы сильно преувеличить, чтобы вообразить, что для одной только отрасли современной промышленности европейскіе народы могутъ каждый мѣсяцъ представлять по 300 мил. руб. новообразованныхъ капиталовъ. Какъ ни велико значеніе акціонерной предпріимчивости, она далеко, однако, не исчерпываетъ *всей* предпріимчивости. *Личная* предпріимчивость

борется съ акціонерною, и далеко не всегда съ такою охотою дѣлится съ нею своими свободными капиталами. *Далеко не всѣ сбереженія отправляются въ акціонерныя предпріятія, поэтому далеко не всѣ сбереженія помѣщаются въ паевомъ имуществѣ.* Чтобы встрѣтить являющіяся ежемѣсячно новыя паевыя цѣнности, среднимъ числомъ въ размѣрѣ 300 милліоновъ рублей, биржамъ необходимо, чтобы онѣ въ теченіе мѣсяца освободили свои собственные 300 мил. руб., служащіе имъ оборотнымъ капиталомъ спеціально для новыхъ помѣщеній. Но для этого необходимо, чтобы биржи встрѣчали каждый мѣсяцъ новыхъ покупателей съ новыми 300 м. руб., которые были бы готовы взять у нихъ новый товаръ. Уже для одного только того, чтобы въ теченіе мѣсяца обернуть 300 м. р., какая сильная нужна подмога со стороны кредита. Но значеніе послѣдняго еще болѣе становится наглядным и осязательнымъ, когда мы примемъ во вниманіе, что, ежемѣсячное предложеніе биржамъ по 300 м. р. новаго товара врядъ ли можетъ разсчитывать на то, чтобы у покупателей, какъ разъ къ этому времени имѣлось столько наличныхъ платежныхъ средствъ, сколько необходимо для оплаты этого имущества. Подобно тому, какъ на всѣхъ товарныхъ рынкахъ расширенные размѣры производства и сбыта съ силою физической необходимости вызываютъ продажи съ отсрочкою и на биржахъ появленіе массъ всѣхъ новыхъ цѣнностей въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ дѣлаетъ физически невозможнымъ ихъ сбытъ съ немедленнымъ полученіемъ при этомъ наличности. Цѣнности должны быть переданы въ ближайшія руки въ кредитъ. И подобно тому, какъ на всѣхъ товарныхъ рынкахъ необходимость довести сбываемый продуктъ до послѣдняго и настоящаго источника покупательной силы, которою онъ оплачивается, до потребителя, предполагаетъ длинный рядъ посредниковъ, цѣпью тянущійся отъ производителя до потребителя, такъ точно, и по той же причинѣ, и фондовыя биржи нуждаются въ большомъ персоналѣ лицъ, далеко и глубоко развѣтвляющемъ свои сношенія и отыскивающемъ такимъ образомъ пути къ сбереженіямъ, которыя должны, въ концѣ концовъ, помѣститься въ но-

выхъ цѣнностяхъ. Биржевой выпускъ новыхъ пасвыхъ цѣнностей и сопровождающая его подписка представляютъ собою только первый шагъ въ томъ процессѣ, которымъ спросъ на новые свободные капиталы находитъ себѣ соотвѣтственное предложеніе. Это, такъ сказать, вступленіе ко всему дѣлу, прологъ его. Оно выражаетъ распредѣленіе ролей между дѣйствующими лицами. Каждому изъ участвующихъ въ биржевыхъ операціяхъ, конечно, хочется получить и на свою долю какую либо роль: она вѣдь принадлежитъ къ наиболѣе доходнымъ экономическимъ источникамъ. Съ другой стороны и тѣмъ, которые выпускаютъ новыя цѣнности, небезвыгодно, чтобы возможно большее число лицъ играло роль посредниковъ при розысканіи для нихъ свободныхъ капиталовъ. Отсюда является взаимная поддержка биржъ и эммитирующихъ (выпускающихъ) учрежденій. Съ одной стороны биржи дѣлаютъ такъ называемые «хорошіе пріемы» новой бумагѣ. Съ другой— эммитенты стараются поддержать биржу двояко: такъ какъ они по большей части держатъ въ своихъ рукахъ банковое дѣло, то есть, источникъ свободныхъ капиталозъ, то они послѣдними снабжаютъ биржу, или непосредственно ссудами on call (по востребованію), или ссудами срочными, оказываемыми такимъ лицамъ, которыя уже отъ себя ведутъ репортную операцію (или, говоря по вѣнски, прокарливаютъ бумаги). Или же эммитенты поддерживаютъ биржи еще и другимъ путемъ: они, по истеченіи извѣстнаго времени, когда биржа чувствуетъ себя отягощенною данною бумагою, берутъ послѣднюю у биржи обратно. Они удѣляютъ и себѣ долю тяжести, принимая участіе въ спекуляціи на новыя бумаги, предъявляя на нихъ спросъ, покупая ихъ, продерживая ихъ у себя извѣстное время, чтобы потомъ снова передать ихъ биржевому персоналу. Все это время, пока новая бумага еще не попала въ послѣднія руки того лица, сбереженія котораго въ ней окончательно осѣдаютъ, она находится въ положеніи «витающей» (неутвержденной) бумаги (schwebendes Papier, titres flottants). Это самое трудное время для новой бумаги, когда она еще не вполнѣ оплачена и когда ея судьба опредѣляетъ судьбу предпріятія, представляемаго

ею. Но въ такомъ же положеніи находятся и всякія иныя цѣнности на товарныхъ биржахъ. «Витающій» товаръ, означаетъ всякій товаръ, произведенный на запасъ, находящійся на рукахъ у спекуляціи и не нашедшій себѣ окончательнаго выхода въ руки потребителя. Не только спекулянты фондами, но и спекулянты хлѣбомъ, саломъ шерстью, кофеемъ, сахаромъ, хлопчатобумажнымъ товаромъ и т. д. могутъ быть въ положеніи обремененныхъ товаромъ и они всегда находятся въ такомъ положеніи въ извѣстный періодъ каждой ихъ спекуляторской кампаніи. И чѣмъ шире становится производство товара, чѣмъ больше увеличивается его привозъ или отпускъ, чѣмъ болѣе расширяется торговля имъ, чѣмъ важнѣе становится роль спекуляціи въ этой торговлѣ, роль непрерывно предпріимчивой, непрерывно-изобрѣтательной и дѣятельной работы по разъисканію сбыта,—тѣмъ болѣе находится въ извѣстное время и «витающаго» неотвержденнаго товара. Вотъ въ это-то время приходится съ особеннымъ вниманіемъ останавливаться на вопросѣ, какія руки держатъ цѣнность: такія ли, которыя въ состояніи будутъ ее привести къ пристани, или у которыхъ не хватитъ силъ на это. Принять участіе въ подпискѣ или закупкахъ сравнительно не трудно. Подпискою или закупкою дѣлается только заявленіе, что подписывающійся или закупающій берется за исполненіе такой-то задачи. Но браться за исполненіе задачи и умѣть доводить до конца разъ предпринятое—различныя вещи. И именно потому, что это различныя вещи, что подписка и закупка только начинаютъ дѣло, современныя биржи и современный биржевой языкъ и придаютъ такое громадное значеніе легкости или вѣскости рукъ, которыя дѣлали подписку или закупку. Суть не въ томъ, подписывался-ли и закупалъ-ли данный человѣкъ для того, чтобы сохранить за собою цѣнность, или на спекуляцію. Количество сбываемыхъ цѣнностей теперь такъ громадно, что иначе, какъ на спекуляцію, самая значительная часть сбыта на первыхъ порахъ вовсе и невозможна. Пока будутъ собраны у потребителей капиталы, требуемые новыми цѣнностями, должно пройти какое либо время, и это-то время спекуляціею антиципируется, чѣмъ ея роль гарантируется вполнѣ. Но суть въ томъ,

что произойдетъ по истеченіи этого времени: окажутся ли *тогда* свободные капиталы? Окажется ли *тогда* довѣріе къ новому помѣщенію и готовность отправляться въ это помѣщеніе?

Весьма осязательный примѣръ для обсужденія отношенія кредита къ другимъ видамъ спекуляціи представляетъ французскій заемъ іюля 1872 года. При всемъ разнообразіи разговоровъ, споровъ и размышленій, возбужденныхъ французскою подпискою на 3-хъ милльярдный заемъ; однако, сходились на одномъ пунктѣ, что она представляетъ явленіе неслыханное и невиданное, одиноко стоящее въ экономической исторіи человѣчества. А между тѣмъ въ этомъ мнѣніи справедлива только та его часть, которая касается *размѣровъ* операціи. Напротивъ, начала, лежащія въ основѣ операціи, составныя ея элементы, ея обстановка и сопровождавшія ея условія—менѣе всего отличаются новизною. Французская операція іюля 1872 года имѣетъ не то значеніе, что въ ней въ первый разъ проявилось какое либо начало экономической жизни, до того неизвѣстное, или что въ ней сказалась какая либо новая сила. Ея значеніе—иное, именно такое, какое имѣетъ луна или микроскопъ, увеличивающіе размѣры явленія до такой степени, что оно становится замѣтнымъ глазу, которому оно прежде и не снилось. Сколько чудесъ въ водяной каплѣ открылъ микроскопъ! Но эти чудеса существовали и до микроскопа, и не онъ ихъ произвелъ. Французская операція увеличила въ тысячи и милліоны разъ извѣстный рядъ экономическихъ явленій и этимъ сдѣлала ихъ замѣтными для массы людей, которые не были вооружены ни эмпирическими, ни научными знаніями. Она популяризировала ихъ, сдѣлала ихъ пониманіе общедоступнымъ. Оригинальность тутъ развѣ то, что именно на долю французовъ выпала роль популяризаторовъ въ области крупныхъ финансовыхъ предпріятій, послѣ того, какъ они уже не разъ выполняли, въ другихъ областяхъ исторіи культуры, роль не творцовъ, а именно популяризаторовъ.

Что же, въ данномъ случаѣ, французская операція сдѣлала общедоступнымъ, знакомство съ какими явленіями становится теперь общимъ достояніемъ, какія явленія экономической жизни выходятъ

изъ области безсознательно переживаемыхъ, чтобы перейти къ области сознательной жизни? Какой основной фактъ послѣднимъ французскимъ займомъ сдѣланъ осязательно-убѣдительнымъ и внѣ сомнѣнія стоящимъ?

Этотъ фактъ заключается въ кредитной почвѣ, на которой въ настоящее время только и могутъ быть пристроены новыя помѣщенія. Предпріимчивость вообще и коллективная въ частности проявляются теперь въ столь колоссальныхъ размѣрахъ, что на нихъ *не хватаетъ* однихъ только въ наличности имѣющихся элементовъ капитала, представляемыхъ накопленными результатами прошлой дѣятельности. Во всякое данное время предпріимчивости нужно *болѣе, чѣмъ сколько для нея сдѣлало прошлое* и чѣмъ сколько она отъ него унаслѣдовала. *Волею-неволею* текущая предпріимчивость *должна* поэтому даже проявленія своего начала растягивать во времени, опредѣлять сроки, дробить капиталы и назначать взносы. Она должна отсрочивать эти взносы, потому что *ихъ нѣтъ еще въ наличности* въ то время, когда они требуются, потому что капиталы, для нихъ нужные, *еще должны быть образованы*. Современная текущая предпріимчивость сама должна себѣ образовать нужные ей капиталы, чтобы добиться своихъ цѣлей. *Она поглощаетъ еще необразовавшіеся капиталы* и именно поэтому должна еще *напередъ указать пути и размѣры новообразованія капиталовъ*. Понятно, что *все это немыслимо безъ кредита*. И понятно не менѣе, что именно кредитъ и представляетъ тѣ пути и способы, которыми современный предпринимательскій персоналъ распредѣляетъ между своими, постоянно чи сломъ увеличивающимися, членами роли въ непрерывно возобновляемой имъ культурно-экономической кампаніи. Кредитныя отношенія, порожденныя современными условіями, выражаютъ отношенія, *необходимыя для наибольшей производительности*, для наискорѣйшаго достиженія цѣли, *для наискорѣйшаго возникновенія капитала* и наискорѣйшаго доставленія предпріятію нужной ему прочной почвы.

Вотъ еще примѣръ, наглядно рисующій намъ, какъ неотложна

и неизбѣжна при современныхъ условіяхъ роль кредита. Въ настоящее время для очень многихъ лицъ составить новый капиталъ—значитъ образовать денежный запасъ, который не долженъ быть употребленъ ни на какія текущія надобности, ни на потребительныя, ни на торговыя, ни на производственныя, ни на промысловыя, который отъ необходимости быть затраченнымъ на эти текущія надобности совершенно свободенъ, который можетъ быть употребленъ на совершенно новое дѣло, или можетъ вовсе не быть употребленнымъ ни на что, не стѣсняя этимъ текущихъ надобностей ни на волосъ. У кого образуется такой денежный запасъ, тотъ обладаетъ свободнымъ капиталомъ, которымъ онъ воленъ сдѣлать, что его душѣ угодно. Если въ настоящее время предпріимчивость поглощаетъ ежемѣсячно по 300 милліоновъ рублей новаго капитала, то значитъ ежемѣсячно должны образовываться въ этомъ размѣрѣ свободные денежные запасы. Деньги представляютъ существенно такую форму, въ которой могутъ быть образованы свободные капиталы. Тѣ, которые себѣ образуютъ послѣдніе, извлекаютъ поэтому изъ оборота соотвѣтственную сумму денегъ, которыя у нихъ изъ орудій обращенія превращаются въ представителей новаго капитала, въ орудія сбереженія. Но оборотъ все-таки нуждается въ орудіяхъ обращенія. Единственный способъ примирить сталкивающіеся, вслѣдствіе того, интересы представляется, очевидно, только однимъ *увеличеннымъ производствомъ* того матеріала, изъ котораго деньги дѣлаются. Возникаетъ поэтому интересный вопросъ: если принять, что въ настоящее время образованное человѣчество можетъ доставлять для биржъ по 300 милліоновъ новаго капитала ежемѣсячно, то какъ велика та сумма золота и серебра, которая ежемѣсячно вновь производится, и которая готова къ услугамъ лицъ, нуждающихся въ орудіи сбереженія, или въ представителѣ свободнаго капитала.

Въ 1865 году, Мишель Шевалье оцѣнивалъ производство драгоцѣнныхъ металловъ всего міра въ 78 милл. рублей серебромъ и 175 милліоновъ золотомъ, всего 253 милліона рублей. Нѣсколько позже Вильсонъ составилъ, по порученію правительства Соединен-

ныхъ Штатовъ, расчетъ. по которому золота производится на 179½ мил. руб., а серебра на 90⅓ мил. руб., всего ежегодно на 270 мил. руб. Но сколько отсюда сходитъ на промысловыя нужды и на отпускъ въ восточныя страны! И тѣмъ не менѣе даже вся цифра дастъ только немного болѣе 22½ мил. на каждый мѣсяцъ года, т. е. въ 13½ разъ меньше, чѣмъ сколько должно образоваться въ тоже время свободныхъ капиталовъ. Очевидна важность, которую, вслѣдствіе того, получаетъ ускоренное обращеніе имѣющихся денегъ. Но чѣмъ производится это ускоренное обращеніе? Кредитомъ, безъ котораго сберегательная и производственная дѣятельности оставались бы замкнутыми въ заколдованномъ кругу. Кредитъ открываетъ имъ выходъ изъ этого круга и служитъ тѣми рельсами, тѣмъ выровненнымъ и усовершенствованнымъ путемъ, на которомъ образованіе капитала пріобрѣтаетъ ускоренный темпъ и непрерывно усиливается.

Послѣ этого понятно, какое значеніе можно придавать тѣмъ критическимъ замѣчаніямъ, которыми и въ Англіи, и въ Германіи, и у насъ иные осыпали Тьера за то, что онъ допустилъ, чтобы первымъ взносомъ были приняты не только наличныя деньги, не только банковые билеты, но и частные кредитные знаки и кредитъ банковыхъ учрежденій, изъ которыми забрасывались въ послѣднее время банковыя учрежденія за то, что они перенимали изъ рукъ спекулянтовъ отягощавшія ихъ цѣнности. Дѣло въ томъ, что эти замѣчанія и упреки несправедливы, когда они дѣлаются вообще, когда они клонятся къ отрицанію начала, лежащаго въ основѣ неодобряемаго поведенія. Справедливы-же они могутъ быть до извѣстной степени только тогда, когда ими выражается критика даннаго отдѣльнаго случая *примѣненія* этого начала, когда оспариваются размѣры, въ которыхъ сдѣлано примѣненіе, и условія, на которыхъ оно сдѣлано. Можно у банковъ совсѣмъ даже оспаривать цѣлесообразность ихъ вмѣшательства въ биржевую спекуляцію. Но если разъ это вмѣшательство допускается, нѣтъ ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ основаній отрицать кредитную почву этого вмѣшательства, когда размѣры современной спекуляціи вы-

росли далеко за предѣлы почвы наличныхъ капиталовъ и наличныхъ оборотовъ. Обратиться къ европейскимъ денежнымъ рынкамъ со спросомъ на капиталъ въ 1.000 милліоновъ рублей вовсе и не значило потребовать имѣющіяся въ наличности 1,000 милліоновъ. Вопросъ подписки заключается вовсе не въ томъ, чтобы собрать капиталъ, а въ томъ, чтобы собрать тѣ руки, которыя достанутъ капиталъ. Какъ онѣ его достанутъ, это ихъ дѣло. Но, говорятъ, это вѣдь значитъ, что правильно, если только спекулянты и подпишутся, т. е. если подпишутся тѣ, которые вовсе не желаютъ помѣстить капиталъ свой, а пріобрѣтаютъ бумагу для ея перепродажи; развѣ не лучше прямо, безъ посредничества перепродающихъ, собрать капиталъ? Конечно, что было бы лучше, *если бы это было возможно. Но вся суть именно въ томъ, что это невозможно.* И именно потому, что невозможно собрать въ данное время весь капиталъ и что невозможно положиться на тѣхъ подписавшихся, которые будутъ въ безвыходномъ положеніи, если они не съумѣютъ ко времени взноса сдѣлать необходимыя сбереженія; именно поэтому обращаемость бумаги, ея переходъ изъ однѣхъ рукъ въ другія и получаетъ громадное значеніе. И именно поэтому получаетъ громадное значеніе та дѣятельность, которая сосредоточивается на обращаемости бумагъ, которая ее дѣлаетъ предметомъ своихъ спеціальныхъ заботъ. Именно поэтому становится необходимымъ содѣйствіе спекуляціи, собирающей необходимый капиталъ уже во всякомъ случаѣ, не въ одномъ, такъ въ другомъ мѣстѣ. Но разъ спекуляція допущена, должны быть допущены и тѣ кредитныя условія, которыя силою физической необходимости предписываются ея расширенными размѣрами, *во всѣхъ отрасляхъ торгово-промышленной жизни, а не только одной биржевой.* Обширный и непрерывный сбытъ возможенъ только кредитный. Это правило безъ исключенія. Биржевая спекуляція, въ этомъ случаѣ, подчиняется общему закону, изъ подъ власти котораго она не можетъ уйти. Она ему должна подчиниться, сознательно или безсознательно, въ томъ или иномъ размѣрѣ, при однихъ или другихъ отличительныхъ и зависящихъ отъ времени и мѣста усло-

віяхъ, но подчиниться, во всякомъ случаѣ, должна. Иначе она сама становится невозможностью, а съ нею становится невозможностью все то громадное культурно-экономическое зданіе, для котораго она закладываетъ первый камень. Мы знаемъ, что иной читатель прочтетъ эти слова съ ироническою улыбкою: хорошо-дескать зданіе, котораго фундаментъ закладывается биржевою спекуляціею. Но что мы ни думали бы о биржевой спекуляціи, она все-таки имѣетъ за собою ту заслугу, что, благодаря ей, собраны были капиталы, которые создали очень большую долю современной экономической культуры, и что она до сихъ поръ выноситъ на своихъ плечахъ значительную часть коллективной предпріимчивости.

Собрать капиталы для современной предпріимчивости не значитъ стягивать имѣющуюся на готовѣ наличность, а значитъ — *прослѣдовать капиталъ на ходу его образованія, ловить его по мѣрѣ его возникновенія*, чтобы тутъ же закрѣпить его за даннымъ помѣщеніемъ. Понятно, что *на это нужно время*, что при этомъ волею неволею нужно *ждать*, что, наконецъ, лицо, взявшееся добыть капиталъ для даннаго помѣщенія, должно получить цѣнности въ кредитъ.

27. Между кредитомъ и другими видами спекуляціи существуетъ внутренняя, тѣсная и необходимая связь. Но въ спекуляціи насъ гораздо меньше интересуетъ обыкновенно то, что въ ней самой существенно и выражаетъ ея производительную природу, чѣмъ то, что она — жертва безобразныхъ злоупотребленій человѣка условіями производительной дѣятельности. Что эти злоупотребленія происходятъ въ огромныхъ размѣрахъ—фактъ, всего менѣе могущій быть оспореннымъ. Подъ вліяніемъ этого факта отношенія кредита къ другимъ видамъ спекуляціи окрашиваются цвѣтомъ исторической обстановки, въ которой является спекуляція въ настоящее время. Многое въ этой обстановкѣ имѣетъ лишь временное и преходящее значеніе. Многое въ ней случайно и вовсе не обусловливается ни природою кредита, ни природою дру-

гихъ видовъ спекуляціи. Но временность фактовъ не лишаетъ ихъ своей силы и даже не ослабляетъ ихъ вліяній на данную эпоху.

Несомнѣнно поэтому, конечно, что временныя и случайныя условія, сопровождающія отношеніе кредита къ спекуляціи вообще, не должны быть упущены изъ виду.

Чтобы ихъ ясно понять, необходимо имѣть въ виду черту глубоко характеристическую для переживаемаго нами теперь періода экономической культуры: это именно антагонизмъ и борьбу, явно и тайно, сознательно и безсознательно, но проникающую всѣ отношенія текущей живой предпріимчивости къ прошлой, овеществленной въ капиталѣ .Капиталъ стремится подчинить себѣ текущую предпріимчивость и господствовать надъ нею. По старой памяти владѣніе капиталомъ вообще и большимъ въ особенности, считаютъ достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы играть главную роль на экономической сценѣ. Но этому противится текущая предпріимчивость, пришедшая къ ясному сознанію своего значенія на той-же экономической сценѣ. Исконная вѣчно возобновляющаяся борьба изъ за-пользованія плодами культуры, и притомъ наибольшею ихъ долею въ данное время приняла новую форму, сообразную съ измѣнившимися обстоятельствами. Появленіе новаго производственнаго фактора въ лицѣ предпріимчивости въ ея же лицѣ выдвинуло новый интересъ, а съ нимъ и новаго борца за этотъ интересъ. Всякій «учредитель», всякій «членъ совѣта» акціонерной компаніи, всякій «директоръ» ея, всякій руководитель анонимнаго товарищества и т. д, представляютъ намъ эпизоды изъ новой фазы, въ который вступила соціальная борьба экономическихъ интересовъ. Это — та-же борьба, которую во время оно начала предпріимчивая Голландія, которую потомъ съ обогащенною Голландіею вели предпріимчивые англичане и которая въ настоящее время всего рельефнѣе выражается въ отношеніяхъ между обогащенною Англіею и предпріимчивыми Соединенными Штатами сѣверной Америки. Текущая предпріимчивость не желаетъ подчиненія капиталу, она нежелаетъ у него Состоять на службѣ, она хочетъ быть свободною, она стремится привлечь капиталъ на службу къ себѣ. Прежде капиталъ нанималъ ее, теперь

она стремится занимать капиталъ. Кредитъ, такимъ образомъ, играетъ главную роль въ борьбѣ текущей предпріимчивости съ капиталомъ. Но онъ не играетъ роли единственнаго орудія. Съ одной стороны владѣлецъ капитала, чувствуя себя въ новыхъ условіяхъ, долженъ отказаться отъ прежней удобной позиціи, которую онъ занималъ благодаря капиталу, дававшему по самому существу прежнему своему, господство надъ всѣми остальными факторами. Капиталистъ долженъ стать и предпринимателемъ. Съ другой стороны, предприниматель старается укрѣпиться и въ той позиціи, которую, во всякомъ случаѣ, доставляетъ владѣніе капиталомъ. Какъ бы однако не перетасовывался персоналъ двухъ законодательныхъ лагерей, враждующихъ на вершинѣ экономической культуры, персоналъ лагеря текущей предпріимчивости непрерывно пополняется все новыми представителями. Кто наблюдаетъ дѣйствительныя отношенія, не можетъ не замѣтить, что самая кровь предпринимателей, самый ихъ темпераментъ препятствуетъ имъ успокоиться въ роли и тѣлѣ капиталиста. Эта роль и тѣло для него узки: они принадлежатъ старому времени, тогда какъ духъ предпринимателя порожденіе новаго времени.

Дѣло въ томъ, что капиталистъ (le financier, какъ онъ называется во французскихъ мемуарахъ XVII и XVIII вв.) порожденіе періода меркантилизма. Онъ весь проникнутъ традиціею меркантилизма и поэтому дорожитъ свободнымъ капиталомъ, то есть деньгами. Или, если не деньгами, то предпріятіемъ, которое онъ закрѣпилъ бы за собою, связавъ съ своимъ именемъ, которое онъ иммобилизировалъ бы и сдѣлалъ бы своею матримоніею, наслѣдственнымъ достояніемъ въ семьѣ, непрерывно переходящимъ отъ отца къ сыну. Напротивъ современный предприниматель менѣе всего симпатизируетъ свободному капиталу и денежной его формѣ. Ею онъ всего менѣе дорожитъ и, напротивъ, вѣчно занятъ мыслью найти какое либо новое помѣщеніе капиталу. Мало дорожитъ онъ также даннымъ помѣщеніемъ ради него самого. Помѣщеніе, занятіе, предпріятіе для него—только источники дохода и притомъ наибольшаго дохода, какой для него въ данное время

былъ возможенъ. Если помѣщеніе не даетъ наивысшаго возможнаго дохода, оно безъ всякой жалости бросается. О прикрѣпленіи его, не то что къ семьѣ, но даже только къ личности, нѣтъ и помину. Напротивъ всѣ заботы, всѣ старанія, всѣ извороты духа направлены на усиленіе подвижнаго элемента въ ходѣ дѣлъ, на увеличеніе скорости ихъ движенія къ новому, на усиленіе возможности, когда угодно, произвести какую угодно, лишь бы выгодную, перемѣну. Чуть предпріятіе перестало быть исключительно доходнымъ, чуть его доходность перестала возвышаться надъ среднимъ уровнемъ, оно теряетъ свою способность сосредочивать на себя заботы живой предпріимчивости. Веденіе его становится дѣломъ механики, которую поручаютъ труду низшаго качества. На этотъ уровень текущая предпріимчивость старается низвести все, именно потому, что она скорѣе хочетъ воспользоваться *сливками*, чтобы скорѣе перейти къ новымъ горшкамъ (извиняемся за тривіальное уподобленіе).

Отношеніе представителей прошлой и текущей формъ предпріимчивости къ свободному капиталу и къ предпріятіямъ рѣзко противуположно, по весьма понятной причинѣ, какъ только дѣло касается вмѣшательства кредита. Это противуположное отношеніе выражается въ осязательно выяснившейся теперь борьбѣ, которую онѣ ведутъ изъ за свободнаго капитала, притекающаго къ рынкамъ кредита. Текущая предпріимчивость и прошлая одинаково стремятся господствовать надъ кредитомъ. Первая желаетъ, прежде всего, чтобъ кредитъ былъ открытъ всѣмъ видамъ спекуляціи, чтобы кредитъ совсѣмъ отождествился со спекуляціею, чтобы кредитъ возможно менѣе давалъ свободному капиталу оставаться въ заперти и возможно больше его предлагалъ, возможно дешевле держалъ его цѣну и возможно меньше былъ брюзгливъ при разборѣ помѣщенія. Текущей предпріимчивости, какъ всегда, приходится дѣйствовать въ наступательной роли. Напротивъ, прошлая предпріимчивость должна въ дѣлѣ кредита удовлетвориться оборонительною ролью. Ей вѣдь въ сущности, при защитѣ свободныхъ капиталовъ, приходится защищать самую себя. Она стоитъ, поэтому, за свои традиціи держаться по-

возможности дальше отъ биржи, не соблазняться ея прибылями, держать цѣну денегъ на уровнѣ, устанавливаемомъ такъ называемою безъискусственною игрою природы дѣла или естественнымъ теченіемъ дѣлъ. Ей антипатичны вызываемые кредитомъ денежные суррогаты, съ предполагаемымъ понижающимъ вліяніемъ ихъ на цѣну денегъ. Она желаетъ довѣрить свои капиталы солидной торговлѣ, традиціонной, осторожной, осмотрительной, нерискованной.

Другую, однако, форму для проявленія антагонизма текущей и прошлой предпріимчивости представляютъ биржи, когда капиталистъ является вооруженнымъ не только капиталомъ, но и текущею предпріимчивостью, т. е. съ готовностью перейти отъ оборонительной роли къ наступательной. И въ этой новой роли онъ стоитъ за старое знамя, за старый девизъ, за старыя традиціи. Онъ борется за свободное состояніе капитала, за возможно болѣе высокую цѣну своихъ сбереженій и именно въ той ихъ формѣ, въ которой они пребываютъ, пока еще остаются сбереженіями, въ формѣ денежнаго капитала. Отстаивая высокую цѣну свободнаго (денежнаго) капитала или сбереженій въ ихъ настоящей формѣ, капиталистъ вѣдь отстаиваетъ свою традиціонную соціально экономическую функцію производителя этихъ сбереженій. Вѣдь *они* составляютъ его продуктъ, специфицирующій и индивидуализирующій его дѣятельность, какъ особенную независимую отрасль въ народномъ хозяйствѣ. Если ихъ цѣна будетъ низка, то развѣ это не значитъ, что экономическая его почва понижается, что его старая основа уходитъ изъ подъ его ногъ? Конечно, капиталистъ не поборникъ отвлеченныхъ принциповъ и не мученикъ за нихъ. Но кто нибудь-же да долженъ быть ихъ поборникомъ; пусть капиталистъ *думаетъ*, что подобными вещами онъ совсѣмъ не занимается, на дѣлѣ онѣ все-таки составляютъ суть его дѣятельности.

И въ самомъ дѣлѣ обратимся къ биржѣ и посмотримъ, какой видъ на ней принимаетъ движеніе. Это движеніе производится двумя противуположными лагерями въ видѣ борьбы между двумя направленіями спекуляціи. Одна—горой за повышеніе, другая изъ силъ бьется за пониженіе.

Что это за борьба? Какія въ ней дѣйствуютъ силы? Нетрудно узнать въ борющихся здѣсь двухъ лагеряхъ тѣ-же два враждебные лагеря, которые мы выше охарактеризовали. Персоналъ ихъ можетъ перетасовываться. Кто сегодня шелъ на повышеніе, завтра можетъ перейдти на пониженіе. Но дѣло не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а въ томъ, что при всѣхъ перетасовкахъ отдѣльныхъ личностей, остаются тѣ-же враждебные два лагеря и та-же непрерывная ихъ борьба между собою. Остаются сторонники одного знамени, что помѣщеніе дороже свободнаго капитала, что во всякомъ случаѣ нужно найти путь для обмѣна втораго на первый, нужно найти, что покупать, всегда покупать, и сегодня и завтра, и сегодня на завтра, по возможности ниже цѣнить свободный капиталъ, т. е. возможно дороже покупать. Потому что тутъ дорогою цѣною вѣдь оплачивается та текущая предпріимчивость, которая возвыситъ или возвышаетъ доходность помѣщенія, которая стремится поставить его въ исключительныя условія. И съ другой стороны остаются сторонники другаго знамени, которые всего болѣе дорожатъ свободнымъ капиталомъ, которые его предпочитаютъ помѣщенію, и сегодня, и завтра, и сегодня за завтрашній счетъ: ихъ лозунгъ продавать помѣщеніе, усиливать его предложеніе, и наличное, и срочное, понижать его цѣну, поднимать цѣну денегъ, и при наличныхъ сдѣлкахъ, и при срочныхъ, усилить на нихъ спросъ, подорвать ту почву, на которой кредитъ обходитъ надобность въ наличности, подорвать самый кредитъ, показать его неспособность держаться собственною силою, съузить то поле, на которомъ себя проявляетъ текущая предпріимчивость, выяснить несостоятельность средствъ, которыми она дѣйствуетъ, убѣдить, что единственныя состоятельныя, реальныя, а не фиктивныя лишь, средства представляютъ—наличныя, то есть опять-таки тѣ-же деньги, тотъ-же свободный капиталъ, то-же сбереженіе.

Антагонизмъ между свободною формою плодовъ прошлой предпріимчивости и текущею предпріимчивостью независимо отъ своей исторической почвы получаетъ непрерывно новый матеріалъ именно вслѣдствіе медленности и постепенности историческаго хода разви-

тія: у каждой отдѣльной личности рано или поздно кончается періодъ пылкаго неустаннаго порыванія впередъ и энергіи хватаетъ развѣ на то, чтобы предпріимчивостью подкрѣпить традиціонную тенденцію капитала. Это то-же превращеніе прогрессистовъ въ консерваторовъ, перенесенное съ политической почвы на экономическую: та-же борьба стараго со свѣжимъ, отживающаго съ начинающимъ новую жизнь, но жизнь короткую, которая сама скоро состарѣется и изъ нападающей превратится въ защищающуюся и пытающуюся на вылазки. Съ одной стороны остатки прежней энергіи препятствуютъ готовности успокоиться на спокойной роли механическаго руководителя установившагося предпріятія. Съ другой — тому-же препятствуетъ характеризующій именно живую текущую предпріимчивость разсчетъ, что она вѣдь не можетъ успокоиться на одномъ пунктѣ, на одномъ кругѣ предпріятій, что она вѣдь непрерывно порывается его расширить, что ей, слѣдовательно, на это во всякое данное время нужны новыя свободныя средства, новыя сбереженія. Во всякое вѣдь время, когда предпріимчивость не теряетъ подвижности, можно разсчитывать на ея спросъ на свободный капиталъ. Слѣдовательно, его нужно держать на готовѣ. Тѣмъ болѣе, что только при такомъ противудѣйствіи со стороны свободнаго денежнаго капитала и ему можно разсчитывать на доходность, возвышающуюся надъ среднимъ уровнемъ. Нужно имѣть въ виду, что и противудѣйствующій капиталъ, или противудѣйствующіе его представители, вѣдь уже не представители однихъ только чистыхъ традицій. На старой почвѣ бушуетъ, если не совершенно новый духъ, то его отраженіе. Представители капитала тоже желали бы, чтобы и ихъ доходы слагались не изъ одной только цѣны чистаго сбереженія, а еще и изъ послѣдствій благопріятной конъектуры. Они желали-бы, чтобы предпріятіе имъ принадлежало и притомъ, чтобы они его пріобрѣли возможно дешевле, чтобы за его доходъ они уплатили возможно меньше. Для этого прежде всего необходимо, чтобы созданія текущей предпріимчивости возможно сильнѣе предлагались, чтобы возможно сильнѣе была готовность отъ нихъ отказаться. Съ другой стороны они желали бы,

чтобы та текущая дѣятельность, которою доходность предпріятій поддерживается выше уровня, дѣйствовала не за свой, а за ихъ счетъ, чтобы у нея было возможно меньше средствъ за собственный счетъ начинать и поддерживать предпріятія.

Часто говорятъ объ обусловливаемой экономическимъ прогрессомъ тенденціи капитала понижаться въ своей доходности. Эта тенденція внѣ сомнѣнія. Извѣстно, однако, что нельзя смѣшивать доходность капитала съ предпринимательскою прибылью, что съ указанною тенденціею не легко примиряются и что низкую доходность капитала стараются замѣнить высокою предпринимательскою прибылью. Это происходитъ не только предъ кризисами, а, напротивъ, постоянно и непрерывно. Замѣна низкой доходности капитала высокою доходностью предпріятій сопровождается, однако, борьбою между тѣми двумя факторами, которые одинаково существенно важны для того, чтобы вообще существовали высокіе доходы. Эти высокіе доходы даетъ производительность, а капиталъ и текущая предпріимчивость, вооруженная кредитомъ, одинаково ее представляютъ. Биржи и показываютъ намъ эту борьбу.

Эта борьба, несомнѣнно, временная и она исчезнетъ, когда развитіе силъ и общественнаго положенія всѣхъ отдѣльныхъ экономическихъ факторовъ сгладитъ тѣ шероховатости, которыя теперь мѣшаютъ имъ мирно уживаться другъ съ другомъ. Трудъ не долженъ необходимо быть враждебенъ къ предпріимчивости, а предпріимчивость не должна необходимо быть враждебной къ капиталу. Но для этого необходимо, чтобы измѣнилось общественное положеніе труда и предпріимчивости,—чтобы въ трудѣ не бросалась въ глаза его экономическая пассивность и неспособность безъ внѣшняго руководства становиться производительнымъ,—чтобы въ трудѣ и предпріимчивости не бросалась прежде въ глаза, что въ прошломъ-де они не играли никакой роли, что они—проходимцы на культурной сценѣ,—чтобы производительность экономическихъ факторовъ достигла такой высокой степени, которая убѣждала-бы наглядно, что производительность можетъ обезпечивать благосостояніе для всѣхъ,

а не для нѣкоторыхъ только, что это благосостояніе дѣйствительно можетъ стать всеобщимъ, и не возбуждая вражды изъ за-себя.

Но несомнѣнно, съ другой стороны, что до тѣхъ поръ, пока условія производительности, ограниченной историческими предѣлами данной ступени своего развитія, вызываютъ однимъ изъ необходимыхъ своихъ послѣдствій вражду и борьбу изъ за благосостоянія, эта борьба, или вѣрнѣе, ея основа—непроизводительность экономическихъ силъ—должна выражаться и въ извѣстномъ рядѣ печальныхъ явленій, сопровождающихъ прогрессъ и только съ его движеніемъ исчезающихъ.

Для пессимистовъ отношеніе кредита къ спекуляціи вообще является доводомъ, на основаніи котораго они готовы совершенно осудить кредитъ. Кредитъ, говорятъ они, усиливаетъ спекуляцію вообще, раздуваетъ ее и разнуздываетъ, снабжая ее средствами для стремленій, къ которымъ человѣкъ становится наклоннымъ только тогда, когда онъ предается самому необузданному любостяжанію. Что кредитъ *можетъ* производить эти послѣдствія при извѣстной исторической обстановкѣ, это несомнѣнно и подтверждается многочисленными примѣрами. Но—совершенно иной вопросъ: куда по своей собственной природѣ ведутъ кредитъ и спекуляція? Не вноситъ ли въ нихъ *извнѣ* съ собою человѣкъ, находящійся подъ вліяніемъ условій даннаго мѣста и даннаго времени, такія стремленія, которыя совершенно враждебны природѣ кредита и спекуляціи, которыми эта природа извращается?

Кредитъ, говорятъ, дѣлаетъ сомнительною готовность и способность предпринимателей разсчитываться по своимъ обязательствамъ. Онъ загоняетъ до безобразія цѣны и этимъ самимъ дѣлаетъ несостоятельность послѣдствіемъ, которое раньше или позже необходимо должно наступить.

Но дѣйствительно-ли всѣ эти обвиненія справедливы? Не приписывается-ли въ нихъ кредиту то, что совсѣмъ не кредитъ производитъ?

28. Та экономическая сила и та предпріимчивая дѣятельность, которымъ успѣхъ никогда не измѣняетъ, или до тѣхъ поръ, пока успѣхъ имъ не измѣняетъ, которыхъ производительность проявляется осязательно въ новыхъ цѣнностяхъ или въ возросшихъ цѣнахъ старыхъ цѣнностей, составляющихъ плодъ ихъ, — тѣ несомнѣнно состоятельны. Напротивъ, какъ только экономическая сила терпитъ какой либо перерывъ въ своей производительности, какъ только она оказывается неспособною производить тотъ результатъ, за который она взялась, она—несостоятельна.

Юристъ можетъ судить о состоятельности или несостоятельности по внѣшнему формальному признаку исполненія или неисполненія волею тѣхъ дѣйствій, исполнить которыя она обѣщала и обязалась. Съ экономической точки зрѣнія воля уходитъ на задній планъ. Исполняетъ-ли она или не исполняетъ своихъ обѣщаній и обязательствъ—во всякомъ случаѣ ея дѣйствія зависятъ отъ вещественныхъ условій, предписывающихъ ей то или иное направленіе и заставляющихъ ее быть состоятельною или несостоятельною. Эти-то вещественныя условія суть условія производительности и успѣшности дѣйствій отдѣльныхъ экономическихъ факторовъ и предпріимчивости вообще. Воля, опирающаяся на производительную силу и ей соотвѣтственная, ея характера неизмѣняющая до конца, *не можетъ* быть несостоятельною. Напротивъ, воля, опирающаяся на непроизводительную силу, *должна* непремѣнно оказаться несостоятельною. Для юриста экономическія качества воли могутъ быть безразличны; съ экономической точки зрѣнія, эти качества опредѣляютъ образъ дѣйствій воли.

Всякая безплодная сила, или всякая сила, пока она безплодна, въ той-же мѣрѣ экономически несостоятельна. Но ея несостоятельность въ разныхъ случаяхъ выражается различно. Тѣ или другія ея качества могутъ затрагивать только интересы лица, которому она принадлежитъ. Тогда ея безплодность и несостоятельность выражаются въ томъ, что она какъ-бы не существуетъ вовсе. Вслѣдствіе того, съ одной или другой стороны, подрывается существованіе и даннаго лица. Подобные случаи, однако, бываютъ или

только на низшей степени экономическаго развитія, или, въ данное время, въ тѣхъ областяхъ экономической жизни, которыя еще переживаютъ низшія ступени развитія. Напротивъ, на высшей степени развитія, какъ только производительность силъ поднимается, это происходитъ, благодаря соединенію ихъ, благодаря спеціализаціи. Но соединеніе въ громадномъ большинствѣ случаевъ происходитъ на сознательной почвѣ уговора. Стремясь къ высшей производительности, сила можетъ разсчитывать на успѣхи въ своемъ стремленіи только тогда, когда она соединяется съ другими силами, которыя ей будутъ помогать, которыя ей что-либо доставятъ, но которымъ она за то, и въ свою очередь, должна что либо доставить. Если она добьется въ такомъ случаѣ выгодныхъ послѣдствій, то главнымъ образомъ потому, что спеціализація сдѣлаетъ свое дѣло. Другими словами, это, однако, только значитъ, что каждое изъ соединившихся лицъ доставитъ то, къ чему оно обязалось. Такимъ образомъ соединенная дѣятельность (кооперація) дѣлаетъ изъ состоятельности простое свое послѣдствіе. Состоятельность существуетъ тамъ и тогда, гдѣ и когда кооперація сдѣлала свое дѣло. Гдѣ, напротивъ, спеціализація страдала какимъ либо внутреннимъ порокомъ, сдѣлавшимъ ее фиктивною, это должно необходимо повлечь за собою несостоятельность. Порочность можетъ заключаться или въ качествѣ соединившихся силъ, или въ ихъ количествѣ или, наконецъ, въ способѣ ихъ соединенія и его несоотвѣтствіи данной цѣли. Всякая такая *внутренняя* (матеріальная) порочность экономическихъ (объективныхъ) факторовъ соглашеній должна раньше или позже найти свое внѣшнее выраженіе. Это-то внѣшнее выраженіе она и находитъ въ томъ, что раньше или позже оказывается и соотвѣтственная ей порочность юридическихъ (формальныхъ) факторовъ соглашеній между людьми, неисполненіе ими того, къ чему обязалась ихъ воля. Неисполненіе обязательствъ означаетъ, такимъ образомъ, экономическую невозможность приведенія въ исполненіе затѣяннаго торгово-промышленнаго дѣла. Невозможность исполненія *дѣла* лежитъ въ основѣ невозможности исполненія *слова* и его обусловливаетъ.

Слѣдовательно, количество неисполненныхъ торгово-промышлен-

ныхъ договоровъ выражаетъ такое же количество неудавшейся или непроизводительной предпріимчивой дѣятельности. Дефицитъ формальный выражаетъ дефицитъ производительной предпріимчивости.

Само собою, однако, очевидно, что между объемомъ предпріимчивой дѣятельности вообще и тою ея частью, которой производительность можетъ оказаться опороченною, внутренней *необходимой* связи никакой *нѣтъ*. Нельзя даже утверждать, что расширеніе объема предпріимчивой дѣятельности увеличиваетъ вѣроятіе появленія несостоятельной ея доли. Ибо какую значительную роль ни играла бы готовность человѣка рисковать своими силами и основывать свои разсчеты на ошибочныхъ представленіяхъ, даже эта готовность имѣетъ *всегда* своимъ основаніемъ какой либо предполагаемый опытъ, доказавшій *успѣхъ*. Всякая дѣятельность начинается *всегда* съ предположенія ея производительности и расширяется *только* вмѣстѣ съ нимъ. Если опытъ дѣятельности свидѣтельствуетъ о ея неуспѣшности, это ее *всегда* парализуетъ. На *низшихъ* ступеняхъ экономическаго развитія мы и замѣчаемъ поэтому всегда *слабый* духъ предпріимчивости. Напротивъ *усиленіе* этого духа мы наблюдаемъ *только* на высшихъ ступеняхъ развитія, когда онъ стимулируется *возросшею* производительностію факторовъ предпріимчивости. *Расширеніе* предпріимчивой дѣятельности совершается *только* на основаніи опыта *о пользѣ и выгодѣ* этого расширенія. Поэтому оно происходитъ только тамъ, и только тогда, гдѣ и когда опытъ о пользѣ и выгодѣ его существуютъ. *Предпріимчивость растетъ вмѣстѣ съ уменьшеніемъ вѣроятія ея непроизводительности и съ увеличеніемъ вѣроятій ея производительности*: таковъ законъ прогресса предпріимчивости, слишкомъ часто забываемый при обсужденіи отдѣльныхъ практическихъ случаевъ.

Если мы будемъ имѣть въ виду этотъ законъ, то менѣе всего намъ и на мысль придетъ утверждать, что вѣроятія непроизводительности (а съ нею и несостоятельности) растутъ съ увеличеніемъ условій, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ предпріимчивой дѣятельности. Какъ ни странно было бы подобное утвержденіе,

заключающее въ себѣ внутреннее противурѣчіе, оно, тѣмъ не менѣе, встрѣчается каждый разъ, когда заходитъ рѣчь о такъ называемыхъ *опасностяхъ, представляемыхъ кредитомъ*. Пока говорится объ экономической дѣятельности вообще, безъ отношенія до условій ея производительности, еще понятно, если заходитъ рѣчь и объ опасностяхъ, которымъ она можетъ подвергаться. Но условія производительности единственно то только значеніе и имѣютъ, что гарантируютъ отъ опасностей и уменьшаютъ ихъ вѣроятіе. И если кредитъ—одно изъ условій производительности, то скорѣе по его поводу должна была бы заходить рѣчь объ уменьшеніяхъ опасностей, которымъ подвергается успѣхъ предпріимчивости. Кредитъ спасаетъ многочисленные факторы предпріимчивости отъ полной безплодности. Ясно, слѣдовательно, что этимъ онъ устраняетъ самую крупную опасность, которая только можетъ угрожать экономической силѣ.

Но еслибъ даже это и было допущено, и мысль объ опасностяхъ кредита была втиснена въ болѣе узкія границы, ее все-таки нельзя было бы признать. Про кредитъ иногда говорятъ, что онъ подвергаетъ большой опасности предпріимчивость именно потому, что онъ ее расширяетъ. Подъ его вліяніемъ увеличивается количество соглашеній и, слѣдовательно, растетъ число обязательствъ, которое *можетъ* быть нарушено. Но если вихрь въ пустынѣ ничего не разрушаетъ, тогда какъ въ городахъ онъ можетъ причинить громадныя разрушенія, то развѣ изъ этого слѣдуетъ, что лучше людямъ жить въ пустыняхъ, чѣмъ строить города? Примѣняя ту же логику, съ которою разсуждаютъ объ опасностяхъ кредита, ко всякому пріобрѣтенію культуры, можно было бы разсуждать объ опасностяхъ каждаго изъ нихъ. И чѣмъ выше оно стояло бы, чѣмъ больше оно давало бы человѣчеству, тѣмъ большая была бы и опасность отъ него, потому что тѣмъ больше потерь оно дѣлало бы возможными. Но всѣ подобныя разсужденія парадоксальны именно потому, что они основаны на фальшивомъ предположеніи, что чѣмъ больше *имѣется* для потери, тѣмъ больше *можетъ* быть потеряно. Опытъ, однако, свидѣтель-

ствуетъ о вѣрности прямо противоположнаго. Чѣмъ меньше сила тѣмъ *менѣе* она выдерживаетъ противодѣйствующихъ ей вліяній, и тѣмъ *легче* она можетъ быть парализована. Напротивъ, чѣмъ сила *больше*, тѣмъ *труднѣе* ее парализовать.

*Рискъ не находится ни въ какой необходимой связи съ размѣромъ предпріимчивости.* Такъ какъ онъ обратно пропорціоналенъ производительности, то онъ обратно пропорціоналенъ и объему предпріимчивости. Слѣдовательно, всѣ тѣ условія, которыя расширяютъ объемъ предпріимчивости, съуживаютъ и сферу риска. Строго разсуждая, слѣдовало бы поэтому и кредитъ считать скорѣе силою, противодѣйствующею риску, чѣмъ ему способствующею.

Идетъ ли рѣчь о капиталѣ, о раздѣленіи труда или кредитѣ, каждый изъ этихъ трехъ основныхъ рычаговъ производительности одинаково въ своихъ вліяніяхъ зависитъ отъ качества *элементовъ сотрудничества*, отъ ихъ количества и отъ способовъ ихъ соединенія. Дурно устроенная фабрика, съ плохими машинами или неправильно организованнымъ раздѣленіемъ труда, можетъ также привести къ несостоятельности, какъ кредитъ, на ложныя основанія поставленный. Тоже послѣдствіе можетъ повлечь за собою ненадлежащее перемѣщеніе въ пространствѣ и времени того или инаго вида цѣнностей, хотя бы оно не имѣло никакой связи съ кредитомъ. Словомъ, рискъ и дѣйствительная несостоятельность зависятъ не отъ объема условій производительности, а отъ того матеріала, изъ котораго они слагаются. Вотъ почему и кредитъ можетъ стать опаснымъ не тогда, когда его окажется много, а когда порочны его элементы въ данномъ отдѣльномъ случаѣ.

Условія, отъ которыхъ зависитъ производительность, находятся *во взаимной связи* и другъ друга для своей успѣшности *всегда* предполагаютъ. Капиталъ, раздѣленіе труда и кредитъ *взаимно* способствуютъ другъ другу и въ своей плодотворности другъ отъ друга *зависятъ*. Можно поэтому признавать, что извѣстный размѣръ одной изъ этихъ основъ производительности замыкаетъ въ опредѣленныя границы пользу отъ остальныхъ. Желаніе распространить пользу за эти границы будетъ безпослѣдственно и сопряжено съ

потерею затратъ, если ему не предшествовало соотвѣтственное расширеніе основанія, которое до того не было достаточно широко. Но это одинаково относится какъ къ капиталу, такъ и къ раздѣленію труда, а не только къ кредиту. Особенной рискованности кредитъ, по своей природѣ, не представляетъ. Онъ не состоитъ поэтому ближе, чѣмъ капиталъ и раздѣленіе труда, къ причинамъ несостоятельности. Совершенно напротивъ, подобно капиталу и раздѣленію труда, онъ отъ этихъ причинъ удаляетъ.

Когда заходитъ рѣчь о хорошихъ послѣдствіяхъ, которыя кредитъ способенъ вызвать, то, такъ называемые, «осторожные умы» любятъ напоминать, что кредитъ дѣйствуетъ только накопленными уже капиталами, что чудодѣйственной силы у него нѣтъ. Мы тоже не стоимъ за чудодѣйственную силу кредита. Но именно поэтому мы желали бы, чтобы за кредитомъ не считалась такая сила, когда рѣчь заходитъ о дурныхъ послѣдствіяхъ его. Кредитъ направляетъ капиталы къ наиболѣе полезнымъ цѣлямъ, поэтому по своей природѣ онъ противодѣйствуетъ непроизводительности, т. е. главному основанію несостоятельности.

Все то, что говорятъ о рискѣ чужимъ капиталомъ, полученнымъ въ кредитъ, одинаково примѣняется и къ тѣмъ случаямъ, когда предприниматель дѣйствуетъ, опираясь на свой собственный капиталъ. Опытъ даже показываетъ, что, за исключеніемъ особенныхъ случаевъ въ большей части случаевъ предприниматель скорѣе готовъ рисковать собственнымъ капиталомъ, чѣмъ чужимъ. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что обладаніе собственнымъ капиталомъ для предпринимателя опасно и что опасность тѣмъ больше, чѣмъ капиталъ больше? Очевидно, нѣтъ. Извѣстно, какое сильное вліяніе на разсудительность оказываетъ обладаніе собственностью. По своей внутренней природѣ кредитъ, дающій возможность распоряжаться чужими капиталами, еще болѣе усиливаетъ разсудительность, осторожность и осмотрительность. Извѣстно, что банкиры, въ строгомъ смыслѣ этого слова, между всѣми классами предпринимателей представляютъ тотъ, который наиболѣе выдается по своей экономической сдержанности.

Кредитъ выражаетъ эффективность покупательной силы, имѣющей своимъ источникомъ предпріимчивость, результаты которой еще не реализованы. Онъ выражаетъ новый эффективный спросъ на товарномъ и денежномъ рынкѣ, и поэтому можетъ казаться, что по своей природѣ онъ выражаетъ *усиленіе* спроса, не соображенное или не соображаемое съ условіями предложенія; что онъ поэтому необходимо обезцѣниваетъ покупательную силу, которою спросъ проявляется, и возвышаетъ цѣну того, на что спросъ выражается. Это обыкновенно и выражаютъ положеніемъ, что кредитъ поднимаетъ цѣну. Положеніе это, однако, справедливо лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно выражаетъ возможность, а не необходимость наступленія того послѣдствія вліянія кредита, которое представляется возвышеніемъ цѣнъ. Не всегда, когда кредитъ проявляетъ свои вліянія, это выражается возрастаніемъ цѣнъ. Совершенно напротивъ, нормальное вліяніе кредита, не разстраиваемое никакими посторонними вліяніями, не оказываетъ вовсе этого послѣдствія. Ибо нормальное возникновеніе кредита обусловливается появленіемъ такихъ цѣнностей, для которыхъ пути наличнаго сбыта закрыты и которыя упали бы въ цѣнѣ, еслибъ кредитъ ихъ не поддержалъ. И нормальное вліяніе кредита въ томъ именно и заключается, чтобы удержать цѣну отъ вреднаго пониженія. Если онъ даетъ возможность спросу расширяться, то потому, что ему предшествуетъ расширеніе предложенія. По своей природѣ кредитъ, сознается ли это, или не сознается, находится въ тѣсной связи съ условіями предложенія. Если деньги находятъ себѣ занятіе въ рукахъ своихъ собственниковъ хозяевъ, или если товары находятъ себѣ выгодный сбытъ на наличныя, кредитъ не возникаетъ. Онъ, напротивъ, возникаетъ, когда появляются деньги, представляющія новыя сбереженія, которымъ старыя помѣщенія занятій не даютъ и которыя должны искать себѣ новыхъ помѣщеній,—или когда появляются новыя массы товаровъ, сбытъ которыхъ былъ бы невозможенъ, еслибъ онъ долженъ былъ быть непремѣнно наличный,—или когда появляются бумажные знаки новаго паеваго имущества, для котораго соотвѣтственные капиталы

еще не розысканы, или даже еще не образованы. Во всѣхъ этихъ случаяхъ появленіе кредита вовсе не означаетъ усиленія спроса при неизмѣнности предложенія, а напротивъ, усиленіе спроса, прямо вызываемое усиленіемъ предложенія. Покупательная сила, оживляемая кредитомъ и получающая въ немъ эффективность, не должна, поэтому, непремѣнно падать въ значеніи, сравнительно съ покупательною силою, имѣющею своимъ источникомъ прошлую предпріимчивость, воплощенную въ капиталахъ.

Границы нормальнаго дѣйствія кредита и опредѣляются тѣми вліяніями его, которыя проистекаютъ отъ расширенныхъ условій *предложенія*. Одно только голое возвышеніе цѣнъ не можетъ, однако, само по себѣ быть непосредственнымъ указаніемъ непормальнаго его вліянія. Полученныя путемъ кредита средства могутъ быть затрачены на расширеніе предпріятій *при менѣе благопріятныхъ условіяхъ*, каковое расширеніе можетъ требоваться условіями спроса и не быть возможнымъ при прежней высотѣ цѣнъ. Ясно, что въ такомъ случаѣ кредитъ, оживляя *новыя* отрасли предпріимчивости и вызывая высокія цѣны, не представляетъ *ничего* непормальнаго. Функція кредита вѣдь заключается въ томъ, чтобы дѣлать производительными и возможно болѣе доходными праздные капиталы. Эту функцію онъ, слѣдовательно, и выполнить не былъ бы въ состояніи, еслибъ онъ не дѣйствовалъ оживляющимъ образомъ на предпріимчивость Развитіе кредита всегда необходимо идетъ объ руку съ оживленіемъ духа предпріимчивости, съ расширеніемъ производительной дѣятельности, съ учрежденіемъ новыхъ предпріятій, завязываніемъ новыхъ капиталовъ, нахожденіемъ занятій новымъ рабочимъ рукамъ, введеніемъ новыхъ пріемовъ производства и т. д. Несомнѣнно, что эти явленія, разъ вызванныя, поддерживаются кредитомъ. Кредитъ создаетъ вещественную ихъ почву переводомъ капиталовъ въ надлежащія руки, и, конечно, эти руки начинаютъ живѣе дѣйствовать, когда онѣ оказываются вооруженными. Но само собою очевидно, что *предварительно* должны были быть готовыми тѣ духовные элементы предпріимчивости, которые при ея оживленіи и проявляют-

ся главнымъ образомъ. Подобно тому, какъ кредитъ предполагаетъ наличность вещественныхъ элементовъ предпріимчивости, онъ предполагаетъ и *наличность ея духовныхъ силъ*. Онъ одинаково служитъ и тѣмъ, и другимъ, и возвышаетъ производительность какъ прошлаго труда, такъ и текущаго, соединяющагося съ первымъ въ капиталѣ. Если кредитъ не создаетъ вещественныхъ основаній капиталовъ, то онъ не создаетъ и тѣхъ рукъ, въ которыя онъ капиталы переводитъ. Онъ находитъ стремленія предпріимчивости въ извѣстной мѣрѣ уже готовыми и только служитъ къ дальнѣйшему ихъ споспѣшествованію. Онъ представляетъ собою послѣдствіе, почти съ силою механической необходимости возникающее, когда вещественныя основанія капитала и духовный его элементъ, когда прошлый трудъ и текущая предпріимчивость оказываются сосредоточенными не въ однѣхъ и тѣхъ же личностяхъ.

Вотъ почему и всѣ тѣ послѣдствія, какъ нормальныя, такъ и нездоровыя, которыми оживленіе торгово-промышленной жизни сказывается въ концѣ концовъ, далеко не могутъ быть отнесены во всей своей цѣлости на счетъ кредита, даже если онъ игралъ существенную роль при оживленіи. Онъ самъ одно изъ *послѣдствій* оживленія. Сверхъ того, не болѣе имѣется основаній считать оживленіе предпріимчивости, на сколько оно споспѣшествуется кредитомъ, за необходимое выраженіе нездоровыхъ вліяній *кредита*. Если всякому кризису предшествуетъ усиленная подъ вліяніемъ кредита дѣятельность, то неблагопріятный исходъ этой дѣятельности вовсе не необходимо долженъ всегда обусловливаться вмѣшательствомъ кредита. Если послѣ войнъ, сопровождавшихся бумажно-денежными выпусками, то есть, развитіемъ извѣстнаго вида государственнаго кредита, также всегда слѣдуетъ оживленная дѣятельность, то оживленіе скорѣе объясняется реакціею, возникающею вслѣдъ за вынужденнымъ бездѣйствіемъ предпріимчивости, чѣмъ означенными выпусками. Конечно, выпусками притомъ тоже пользуются. Но это только значитъ, что оживленная реакціею предпріимчивость старается и изъ новыхъ бумажныхъ денегъ извлечь пользу, такъ точно, какъ она усиливаетъ свои старанія сдѣлать полезными другіе

источники, чтобы наверстать потерянное. Если бы не было бумажекъ, кредитъ проявился бы въ другой формѣ и содѣйствовалъ бы все-таки давленію спроса проснувшейся и развернувшейся предпріимчивости.

Сказанное, полагаемъ, достаточно выясняетъ, что родство кредита съ рискованною предпріимчивостью далеко не болѣе близкое, чѣмъ родство рискованной предпріимчивости съ какою бы то ни было иною причиною, возвышающею производительность.

Объемъ кредита не есть случайная величина, которая зависитъ отъ произвола и стоитъ внѣ всякаго контроля причинъ, болѣе могущественныхъ, чѣмъ человѣческій произволъ. Ходячія представленія о кредитѣ въ особенности въ этомъ пунктѣ отличаются сильною преувеличенностью, которая, впрочемъ, легко объясняется. Кредитъ принадлежитъ къ тѣмъ явленіямъ современной экономической жизни, въ которыхъ прогрессъ послѣдней выражается особенно колоссальными цифрами. Достаточно только вспомнить наростаніе государственныхъ долговъ и необъятность цифръ кредитныхъ знаковъ, векселей и чековъ, которые поступаютъ въ спеціальныя учрежденія «для очистки» ихъ путемъ расквитовыванія. Если человѣкъ съумѣлъ довести цифры долговъ до того, что они выражаются десятками и сотнями милліардовъ рублей, то что ему еще необходимо, чтобъ считать свой произволъ въ этомъ отношеніи безграничнымъ? Развѣ эти цифры не указываютъ, что мы совсѣмъ уже у этой безграничности произвола?

Цифры экономической статистики впервые стали показывать, что не для однихъ только надобностей астрономовъ годятся колоссальныя числа. Колоссальными цифрами выражаются не только объемы планетъ и ихъ разстоянія другъ отъ друга, но еще и успѣхи экономическаго развитія.—У нѣкоторыхъ животныхъ, умѣющихъ считать, сознаніе числа, говорятъ, исчезаетъ, когда они доходятъ до десяти; у дикарей оно исчезаетъ, когда число переходитъ черезъ сотни; для предковъ нашихъ уже тысяча составляла тьму. Для современной публики эта тьма и потеря сознанія числа являются у милліардовъ кредитныхъ знаковъ. Иначе

трудно объяснить предполагаемую произвольность развитія размѣровъ кредита, выводимую изъ того, что эти знаки теперь выражаются колоссальными цифрами.

Явленія высшихъ степеней экономическаго развитія отличаются, дѣйствительно, тою собственностью отъ явленій низшихъ степеней развитія, что они представляютъ большій просторъ произволу человѣка и его власти, какъ надъ внѣшнимъ міромъ, такъ и надъ собою. Но изъ этого не должно заключить, что для непроизводительнаго произвола (для злоупотребленія) открытъ такой-же просторъ, какой открытъ для производительнаго произвола. Первый значительно меньше втораго, потому что удача власти человѣка ее поддерживаетъ, укрѣпляетъ и развиваетъ далѣе, напротивъ неудачи ее подрываютъ, ослабляютъ и уменьшаютъ. Можетъ казаться, что въ *данный* моментъ, въ который неизвѣстны еще послѣдствія предпріимчивости, вѣроятность произвола непроизводительнаго равняется вѣроятности производительнаго произвола. Но равенство вѣроятностей производительности и непроизводительности парализуетъ предпріимчивость. Вотъ почему просторъ непроизводительнаго произвола всегда меньше простора производительнаго произвола. Но изъ этого мы совсѣмъ не заключаемъ, что первый совершенно лишенъ значенія. Напротивъ, ниже намъ еще къ нему не разъ придется возвращаться для подробной его оцѣнки и изслѣдованія.

Здѣсь мы ограничимся однимъ признаніемъ, что должно допустить *въ извѣстной степени* слѣпое вліяніе произвола, ничѣмъ не контролируемаго, когда онъ обусловливаетъ размѣры кредита. Но такое признаніе ничуть не вредитъ мысли, для которой мы здѣсь привели доводы, ее защищающіе, мысли, заключающейся въ обусловленности большей части объема кредита причинами, которыя сильнѣе, чѣмъ человѣческій произволъ, которыя сами направляютъ волю и предпріимчивость и которыя контролируютъ волю. Объемъ кредита большею частью не зависитъ отъ воли предпринимателей. Онъ прежде всего зависитъ отъ массы экономическихъ силъ и средствъ, которая оставалась бы безплодною, если бъ кредитъ не содѣйствовалъ ея

плодоносности. Кредитъ зависитъ отъ массы экономическихъ силъ средствъ, имѣющихся въ наличности для того, чтобъ производство, торговля и промышленность могли быть расширены. Если этихъ силъ и средствъ нѣтъ, то кредитъ совсѣмъ и не возникаетъ. Кредитъ вѣдь не обладаетъ чудотворною силою. Какъ же его можно обвинять въ томъ, что онъ неестественно расширяетъ средства торговли и промышленности, что онъ неестественно расширяетъ поле предпріимчивости. Гдѣ же онъ беретъ необходимыя для этого средства? Вѣдь изъ ничего онъ ихъ не въ состояніи создать. Если же онъ извлекаетъ ихъ изъ однихъ отраслей предпріимчивости, чтобы переводить ихъ въ другія, то онъ въ одномъ отношеніи на столько же обрѣзываетъ почву предпріимчивости, на сколько онъ ее въ другомъ мѣстѣ увеличиваетъ. Въ концѣ концовъ, слѣдовательно, онъ не увеличиваетъ поля предпріимчивости во всей его цѣлости, а оставляетъ его безъ перемѣны. Если же функція кредита,—или, какъ мы выше замѣтили, соперничество при развитіи кредита,—ведетъ за собою такое распредѣленіе капиталовъ, при которомъ они изъ менѣе производительныхъ отраслей переходятъ въ болѣе производительныя, и если такое перераспредѣленіе капиталовъ обусловливается природою кредита, — то что за бѣда, если болѣе производительныя области расширяются на счетъ менѣе производительныхъ? Надолго вѣдь не можетъ происходить сокращеніе поля какой-либо отрасли предпріимчивости, если только она внутренне-способна оплачивать затрачиваемыя на нее средства. Уменьшеніе капиталовъ въ данной области поведетъ за собою усиленіе ея спроса на капиталы, возвышеніе прибылей послѣднихъ и привлеченіе ихъ къ старому дѣлу. Конечно, предпріимчивость можетъ ошибаться въ своихъ взглядахъ на производительность различныхъ отраслей торгово-промышленной дѣятельности. Но тогда ошибочности взглядовъ и должно приписывать разворительныя послѣдствія, а не кредиту, который вѣдь здѣсь ни при чемъ.

Мы позволимъ себѣ, поэтому, изъ сказаннаго заключить, что менѣе всего кредиту можно приписывать расширеніе поля предпріимчивости во всей его цѣлости. Если такое расширеніе происхо-

дитъ,—а несомнѣнно, что прогрессъ его дѣйствительно вызываетъ, то кредитъ является только однимъ изъ условій, сопровождающихъ это расширеніе. Объемъ кредита является строго обусловленнымъ и менѣе всего зависящимъ отъ произвола.

При несомнѣнной возможности для кредита вліять на товарныя цѣны возникаетъ вопросъ, какъ далеко можетъ простираться это вліяніе и зависитъ ли это отъ одной, или другой формы кредита. Что касается послѣдняго вопроса, то, какъ мы ниже увидимъ, отъ формы кредита можетъ зависѣть не объемъ возможнаго для кредита вліянія, а скорость этаго вліянія. Различныя формы кредита допускаютъ большую или меньшую обращаемость долговыхъ знаковъ, которые въ нихъ выражаются. Вслѣдствіе того кредитъ въ одной формѣ можетъ скорѣе вліять на товарную цѣну, чѣмъ въ другой. Практика, однако, показываетъ, что это различіе въ скорости вліянія лишено существеннаго значенія, и что первоначальное вліяніе на товарныя цѣны пріобрѣтаютъ обыкновенно тѣ формы кредита, скорость вліянія которыхъ теоретически наименьшая. Что же касается объема вліянія, то понятно, что онъ прежде всего зависитъ отъ объема самаго кредита, который, какъ будетъ показано, отъ формы не зависитъ.

Переходя къ качеству самаго вліянія нужно имѣть въ виду, что если кредитъ заключаетъ въ себѣ его возможность, то совсѣмъ не отъ него зависитъ превращеніе этой возможности въ дѣйствительность. Надобно предполагать весьма нехозяйственную природу у той предпріимчивости, которой можетъ быть приписана готовность больше расходовать, если она разъ имѣетъ къ этому возможность въ размѣрахъ своихъ силъ. Размѣръ расходовъ, производственныхъ и покупательныхъ, имѣетъ своимъ основаніемъ прежде всего производительность цѣли, для которой они дѣлаются. Конечно, если на расходъ не имѣется средствъ, то онъ не будетъ сдѣланъ совсѣмъ, какъ бы онъ ни былъ цѣлесообразенъ. Но если средства имѣются, то цѣлесообразность и экономическая разсудительность опредѣляютъ, въ какихъ размѣрахъ онъ дѣлается. Если кто-либо расходуетъ неразсудительно свои средства, то,

прежде всего, конечно, должно винить его неразсудительность, а не его обладаніе средствами. Ибо обладаніе средствами вовсе не необходимо влечетъ за собою неразсудительный расходъ этихъ средствъ.

Понятно, что возвышеніе цѣнъ, вызываемое кредитомъ, можетъ имѣть внутреннее основаніе, можетъ его и не имѣть. Это будетъ зависѣть не отъ кредита, а отъ разсудительности тѣхъ, которые его расходуютъ. Кредитъ же, самъ по себѣ, непосредственно никакого вліянія на товарную цѣну не оказываетъ. Если онъ соединяется съ разсудительностью, то онъ или дѣйствуетъ въ неизмѣнившихся производственныхъ условіяхъ и тогда вовсе не оказывается вліянія на цѣну, или онъ дѣйствуетъ въ измѣнившихся производственныхъ условіяхъ, тогда ими и оправдывается возвышеніе (а иногда и пониженіе) цѣнъ. Если же кредитъ соединяется съ неразсудительностью, то послѣдствія отсюда проистекаютъ тѣ же, какія проистекаютъ отъ соединенія собственнаго, а не занятаго, капитала съ неразсудительностью, т. е. экономическія средства непроизводительно растрачиваются.

Тѣ-же производственныя условія, которыя опредѣляютъ объемъ кредита, опредѣляютъ и высоту цѣнъ, по которымъ можно покупать въ кредитъ. Эти производственныя условія въ своемъ вліяніи могутъ быть, конечно, парализованы неосмотрительностью, ошибками, промахами, неудачнымъ стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Но кредитъ въ такомъ случаѣ ни при чемъ. Тоже самое можетъ произойдти и при отсутствіи всякаго кредита.

Мысль о вліяніи объема кредита на товарныя цѣны находится въ тѣсной связи съ другою мыслью о вліяніи количества денегъ на цѣны. Но мы выше видѣли, что не количество денегъ вліяетъ на цѣны, а на оборотъ, цѣны опредѣляютъ и обусловливаютъ количество обращающихся денегъ. Больше вліяній, чѣмъ покупательная сила звонкихъ денегъ, не производитъ и покупательная сила предпріимчивости, не реализировавшей еще своихъ плодовъ, когда она играетъ роль главнаго средства для приведенія въ движеніе силъ и средствъ, съ помощью коихъ торговля и промышленность рас-

ширяютъ свое поле. Она можетъ удерживать цѣны на извѣстной высотѣ, но для этого ей необходима та почва, которую можетъ давать только производство и его условія. То есть, если кредитъ поддерживаетъ возвышенную цѣну, то это онъ можетъ дѣлать только при содѣйствіи пріостановленнаго или сокращающагося производства, сжимающаго предложеніе. Только при такомъ условіи съ помощью кредита возможна отсрочка сбыта, т. е. удержаніе цѣны на большей высотѣ. Сама по себѣ покупательная сила, какой-бы она ни имѣла источникъ, текущую предпріимчивость или прошлую, не въ состояніи оказать прочнаго вліянія на цѣну, если она не поддерживается производствомъ, т. е. условіями предложенія.

29. Обсуждая нормальное соотношеніе между кредитомъ и спекуляціею на денежномъ рынкѣ, необходимо прежде всего имѣть въ виду, что подъ денежнымъ рынкомъ часто понимаютъ весьма различныя вещи, главнымъ образомъ потому, что не всегда подъ деньгами понимаютъ одно и то же, когда о нихъ говорятъ. Для насъ здѣсь важны въ особенности двѣ функціи денегъ: въ качествѣ орудія обращенія и въ качествѣ орудія сбереженія. Подъ денежнымъ рынкомъ иногда понимаютъ совокупность условій, отъ которыхъ зависитъ возможность располагать эффективною покупательною силою вообще; иногда же, говоря о денежномъ рынкѣ, имѣютъ въ виду совокупность условій, отъ которыхъ зависитъ предложеніе капитала въ его свободномъ состояніи. Но эффективная покупательная сила вообще и капиталъ въ свободномъ состояніи совершенно различныя вещи. Первая можетъ означать кредитъ, т. е. вліяніе разсчета, основаннаго на производительной предпріимчивости, еще не приступившей къ своему дѣлу или только еще занятой своимъ дѣломъ, во всякомъ случаѣ еще совсѣмъ или отчасти не закончившейся и совсѣмъ или отчасти еще не выразившейся въ готовыхъ цѣнностяхъ, которыя могли бы быть реализированы. Напротивъ, капиталъ въ свободномъ состояніи всегда представляетъ закончившую свое дѣло предпріимчивость, которая реализировала свои результаты въ формѣ, наиболѣе удобной для ихъ сохраненія и для дальнѣй-

шаго распоряженія ими. Само собою очевидно, что выраженіе «денежный рынокъ» въ такомъ случаѣ иногда приходится понимать, какъ означающее собственно *кредитный* рынокъ, и только *иногда* оно означаетъ собственно рынокъ *капитальный*. Понятно, что когда денежный рынокъ означаетъ первое, то вопросъ о соотношеніи между нимъ и кредитомъ невозможенъ. Вопросъ этотъ имѣетъ смыслъ только для того случая, когда насъ интересуетъ преимущественно соотношеніе между кредитомъ и объемомъ предпріимчивости.

Отъ производительности текущей предпріимчивости зависитъ эффективность покупательной силы, берущая въ ней свой источникъ, зависитъ ея кредитъ. Отъ чего-же зависитъ производительность текущей дѣятельности? Первоначальное ея основаніе конечно можетъ представлять раздѣленіе труда. Затѣмъ дальнѣйшее ея основаніе можетъ представлять соединеніе ея съ прошлою предпріимчивостью, т. е. чрезъ посредство работы плодами послѣдней, причемъ соединеніе происходитъ путемъ найма текущей дѣятельности владѣльцемъ плодовъ прошлой. Наконецъ, не менѣе важное основаніе производительности текущей предпріимчивости представляетъ ея собственная дѣятельность для образованія себѣ умственнаго и нравственнаго запаса въ знаніяхъ и энергіи. Когда эти основанія подѣйствовали и вызвали свое послѣдствіе, тогда дано основаніе для появленія кредита. А разъ появившись, онъ прежде всего, какъ уже выше замѣчено, подкрѣпляетъ свою основу, то-есть увеличиваетъ производительность текущей предпріимчивости. Изъ производственнаго фактора, который прежде игралъ подчиненную роль и котораго основа производительности какъ бы лежала внѣ его, кредитъ производитъ новый свободный и самостоятельный факторъ, на внутреннюю свою силу опирающійся и являющійся на рынокъ съ собственнымъ своимъ эффективнымъ спросомъ. На сколько рѣчь идетъ о покупательной силѣ, нельзя утверждать, что кредитъ только перераспредѣляетъ существовавшее и до него. Съ нимъ вызывается къ жизни новая покупательная сила, которая до него на рынкѣ самостоятельно и безъ превращенія въ капиталъ вовсе не дѣй-

ствовала. Эту-то новую силу и представляютъ кредитныя орудія обращенія.

Въ теченіе долгаго времени капиталъ (или вѣрнѣе продукты прошлой предпріимчивости, или еще вѣрнѣе прошлая предпріимчивость, устранившая всякое сомнѣніе въ своей производительности)— считался единственнымъ основаніемъ экономическаго благосостоянія. Вслѣдствіе того укоренилась привычка всякое основаніе благосостоянія сейчасъ-же приводить въ связь съ капиталомъ и искать между ними родства. Но капиталъ игралъ роль единственной основы благосостоянія въ такое время, которое, кромѣ него, другаго основанія не въ состояніи было выработать. Мы теперь, однако, переживаемъ такой періодъ, когда экономическій прогрессъ вырабатываетъ въ текущей предпріимчивости новое основаніе, долженствующее рядомъ съ капиталомъ занять свое мѣсто, какъ почва благосостоянія. Вотъ почему, если кредитъ не есть капиталъ, то это вовсе не значитъ, что онъ — ничто. Онъ остается силою, которою новое время увеличило свои средства къ расширенію основы благосостоянія, т. е. производительности человѣческой дѣятельности. Кредитъ представляетъ независимый производительный факторъ — текущую предпріимчивость—и это съ него совершенно достаточно, хотя бы онъ и не былъ капиталомъ. Да именно потому, что онъ представляетъ особую независимую силу, ему и не нужно быть тождественнымъ съ капиталомъ.

И покупательная сила, которую кредитъ представляетъ, тоже не составляетъ капитала. Но и это не значитъ, что она фиктивная сила. Она такая-же реальная, такія-же послѣдствія вызывающая, какъ и покупательная сила, имѣющая своимъ источникомъ капиталъ. Нельзя поэтому на одномъ только томъ основаніи, что кредитныя орудія обращенія не представляютъ народно-хозяйственнаго капитала, считать ихъ за представителей фиктивнаго богатства. Таковыми они были-бы лишь тогда, еслибы текущая производительная предпріимчивость тоже представляла только фиктивное богатство. Но кто возьметъ на себя утверждать это?

Что такое плоды прошлой предпріимчивости, остающіеся неути-

лизируемыми, не приводимые въ производительное движеніе текущею предпріимчивостью? Мертвая вещь, или экономическое ничто. Собственной внутренней силы, которая имъ давала бы сама всю ихъ жизненность, они лишены. Только въ связи съ живою текущею дѣятельностью и они оживаютъ. Но также точно и живая текущая предпріимчивость становится способною къ жизни, характеризующей высшую ступень развитія, лишь тогда, когда она приходитъ въ связь съ прошлою дѣятельностью и опирается на ея плоды. Можно-ли однако, изъ того, что оба вида дѣятельности другъ въ другѣ нуждаются, заключать, что каждый изъ нихъ лишь другому обязанъ своею жизненностью? Очевидно, нѣтъ. Ибо основанія для жизни даны въ каждомъ изъ нихъ, и пробуждается эта жизнь ихъ *соединеніемъ*, а не заимствованіемъ, производимымъ однимъ изъ нихъ у другаго. Также точно, какъ нельзя утверждать, что прошлая дѣятельность обязана своею жизненностью предпріимчивости текущей, такъ точно нельзя утверждать, что вся сила кредита—въ плодахъ прошлой предпріимчивости, которые онъ приводитъ въ движеніе. Конечно, сила кредита, степень его производительности опредѣляются плодами прошлой предпріимчивости, которыми онъ можетъ воспользоваться. Но это не значитъ, чтобы его утилизированіе этихъ плодовъ—только пассивный механическій процессъ ихъ передвиженія изъ одной руки въ другую, изъ одной имущественной сферы въ другую. Это передвиженіе вѣдь только формальная сторона соединенія, происходящаго между текущею предпріимчивостью и прошлою, и въ этомъ-то соединеніи и заключается внутренняя сила кредита. Также точно и сила капитала, степень его производительности, зависитъ отъ рукъ, въ которыя онъ перемѣщается. Но кому придетъ на мысль утверждать, что вся сила капитала происходитъ отъ одного механическаго процесса его перемѣщенія?

Традиціи того времени, когда капиталъ держалъ въ своей власти текущую дѣятельность и поглощалъ ея производительность, пріучили насъ думать, что капиталъ обладаетъ чудесною силою самопроизводительности. И когда мы не замѣчаемъ этой же чудесной силы у кредита, мы совершенно готовы отрицать его про-

изводительность. Не замѣчая, что мы слишкомъ много приписываемъ капиталу, мы удивляемся, когда о кредитѣ говорятъ такъ, какъ говорятъ о капиталѣ. Но для того, чтобъ дѣйствія кредита потеряли характеръ чудотворныхъ дѣйствій, прежде всего необходимо, чтобъ мы не приписывали капиталу чудотворной силы самодѣятельности.

Кредитъ представляетъ силу, дѣйствующую плодами прошлой предпріимчивости, также точно, какъ капиталъ представляетъ силу, дѣйствующую только при посредствѣ текущей предпріимчивости. И та, и другая сила въ одинаковой степени другъ отъ друга зависятъ.

Состояніе денежнаго рынка въ той мѣрѣ, въ какой оно выражаетъ состояніе кредита, означаетъ, слѣдовательно, состояніе, въ которомъ въ данное время находится взаимо-отношеніе между текущею предпріимчивостью и прошлою. Оно зависитъ отъ того, какъ велика та производительная сила текущей предпріимчивости, для которой заготовленъ удобоутилизируемый запасъ прошлою дѣятельностью и которая можетъ послужить источникомъ эффективной покупательной силы для пріобрѣтенія этого запаса.

Во всякое данное время состояніе кредита опредѣляется, такимъ образомъ, чисто производственными условіями: объемомъ прошлой предпріимчивости, воплотившейся въ цѣнностяхъ, которыя должны себѣ найти дальнѣйшій сбытъ, и объемомъ производительныхъ качествъ текущей предпріимчивости, дозволяющихъ болѣе или менѣе обширное утилизированіе плодовъ первой.

Очевидно однако, что объемъ плодовъ прошлой предпріимчивости будетъ находиться въ прямой зависимости отъ видовъ, которые она имѣла на будущее. Чѣмъ больше у нея было основаній разсчитывать на будущій эффективный спросъ, тѣмъ большій запасъ она для него могла заготовить. И съ другой стороны, чѣмъ больше было заготовлено такихъ запасовъ, чѣмъ продолжительнѣе будутъ виды и на дальнѣйшую потребность въ большихъ запасахъ, чѣмъ шире возможность сбыта въ послѣдующее время,— тѣмъ шире въ послѣдующее время и тотъ спросъ, который въ

состояніи будетъ предъявлять текущая предпріимчивость этого времени. Такимъ образомъ, господствовавшіе въ одно время взгляды о видахъ на будущее, въ связи съ господствующими въ послѣдующее время взглядами о тѣхъ же видахъ и съ развитіемъ духа предпріимчивости, съ готовностью неустанно и энергично работать въ отвѣтъ спросу, на который разсчитываютъ: вотъ что опредѣляетъ внутреннія основанія размѣровъ спекуляціи въ кредитѣ. Размѣры, которые въ одно время приняло сочетаніе текущаго труда съ будущимъ, опредѣляютъ размѣры, которые въ другое время должно будетъ принять сочетаніе текущаго труда съ прошлымъ и необходимое для этого передвиженіе плодовъ прошлой дѣятельности.

Вотъ, почему въ періоды, когда спекуляція принимаетъ расширенные размѣры, кредитъ, т. е. покупательная сила, имъ представляемая, играетъ роль *не причины* этого оживленія, а его *послѣдствія*. И это именно потому, что у кредита нѣтъ никакой чудодѣйственной силы, которою онъ могъ бы оживлять спекуляцію. Разъ оживившуюся спекуляцію кредитъ можетъ поддерживать, но порождать ее онъ не въ состояніи.

Исходный пунктъ для оживленія и расширенія кредитнаго рынка всегда доставляетъ, поэтому, какое либо движеніе, исходящее изъ производственныхъ сферъ. Предположеніе о предстоящемъ расширеніи потребленія, вслѣдствіе увеличившихся потребительныхъ средствъ,—новыя изобрѣтенія, дающія власть надъ новыми силами, способами и средствами,—перевороты въ пріемахъ производства и транспорта,—открытіе новыхъ рынковъ,—измѣненія въ направленіяхъ торгово промышленнаго движенія,—реакція, наступающая послѣ войны,—такія и тому подобныя основанія всегда служатъ первоначальными толчками, отъ которыхъ зависитъ оживленіе спекуляціи, расширеніе производства, увеличеніе подлежащихъ сбыту массъ цѣнностей, а съ ними необходимость кредитнаго сбыта цѣнностей.

Исторія всѣхъ замѣчательнѣйшихъ періодовъ оживленія предпріимчивости дѣйствительно и доказываетъ, что не было ни одного между ними такого, который *начался* бы съ расширенія

кредита. Да такое расширеніе кретита, *начинающее* оживленный періодъ спекуляціи, было бы ничѣмъ необъяснимымъ явленіемъ. Оно, дѣйствительно, представляло бы созданіе чего то изъ ничего. Но факты, историческіе и статистическіе, факты опыта въ этомъ пунктѣ весьма многочисленны, убѣдительны и краснорѣчивы. Этими фактами наполнены многографіи о кризисахъ, и мы должны были бы потребовать отъ читателя большаго терпѣнія, еслибъ пожелали здѣсь привести хотя бы только незначительную ихъ часть. Удовлетворяемся поэтому только единственно важнѣйшими указаніями опыта. Цифра, показывающая возрастаніе отпуска и привоза заграничныхъ товаровъ, слѣдовательно, и соотвѣтственное расширеніе производства, всегда достигаетъ своего наивысшаго состоянія за довольно продолжительный періодъ времени до того, какъ оживленная спекуляція укрѣпляетъ свой лагерь на почвѣ кредита и когда опора на него достигаетъ своего апогея. Это—общее правило, безъ исключенія повторяющееся во всѣ періоды и во всѣхъ странахъ, когда и гдѣ бы ни происходило оживленіе предпріимчивости, выходящее изъ обыкновенной колеи. Факту, выражаемому этимъ правиломъ, соотвѣтствуетъ другой, также выясненный наблюденіемъ его постоянства въ различныя времена и въ различныхъ мѣстахъ. Когда спекуляція опирается уже на кредитъ, тогда она его употребляетъ, преимущественно, наувеличеніе своихъ запасовъ, а не на расширеніе производства. Привозъ перестаетъ возрастать, и продажи товаровъ въ руки потребителей тоже замедляются. Кредитъ употребляется предпріимчивостью для того, чтобъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ по возможности весь результатъ производства, предшесвтовавшаго расширенію его. Этотъ фактъ обыкновенно обсуждается съ той же точки зрѣнія, съ которой въ прежнее время много толковали объ акапарированіи хлѣба. То есть онъ разсматривается съ точки зрѣнія, обособляющей его отъ остальныхъ явленій экономической жизни, внѣ связи съ ними и какъ порожденіе индивидуальнаго произвола. Но несомнѣнно, что онъ имѣетъ не одно только это значеніе. Если привести разбираемый фактъ въ связь съ обыкновенно предшествующими ему обстоятель-

ствами и принять во вниманіе условія, которыми онъ всегда бываетъ обставленъ, то должно будетъ признать, что якобы искусственное нагроможденіе запасовъ, только весьма естественное, простое и необходимое послѣдствіе быстро поднявшагося производства. По той же причинѣ, по которой крупное производство необходимо влечетъ за собою распредѣленіе его продуктовъ путемъ кредита, необходимо и то, чтобъ за расширеннымъ производствомъ слѣдовало *растиренное* утилизированіе кредита: другое не будетъ соотвѣтствовать своей задачѣ. Если оказывается надобность въ расширеніи того круга покупателей, которымъ товаръ продается; если съ этимъ расширеннымъ кругомъ только еще впервые приходится сталкиваться; если мѣсто сбыта еще ново; если средства покупателей еще не знакомы (а все это всегда бываетъ въ періодѣ оживленной спекуляціи),—то понятно, что на рукахъ продавцовъ должны нагромождаться большіе запасы. Менѣе всего нагроможденіе при этихъ обстоятельствахъ представляетъ фактъ ненормальный, по которому слѣдовало бы заключить о приближеніи кризиса. Ибо развитіе кризиса будетъ зависѣть вовсе не отъ нагроможденія запасовъ, а отъ ихъ соотвѣтственности средствамъ покупателей. Если, напротивъ, этой несоотвѣтственности не окажется и если окажется, что спекуляція хорошо разсчитала условія, съ которыми она впервые сталкивается и стремленіе воспользоваться коими возбудило ея оживленіе, то, какъ бы сильно ни были расширены производство и кредитъ, какъ бы сильно ни были нагромождены запасы, вее это не вызоветъ никакихъ дурныхъ послѣдствій. Указанные, такъ называемые, симптомы кризиса (отсутствіе одновременной параллельности между расширеніемъ производства и расширеніемъ кредита и существованіе этой параллельности между расширеніемъ кредита и расширеніемъ запасовъ) доказываютъ только тѣсную необходимую причинную связь, существующую между производственными условіями и кредитомъ: они признаки этой связи, которая сама по себѣ вовсе не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ вопросу о благопріятности или неблагопріятности исхода того, что предпріимчивостью было затѣяно. Какой смыслъ имѣла

бы быстрая распродажа запасовъ среди новыхъ условій? Конечно, никакого. Стремленіе кредитной покупательной силы не обезцѣниваться быстрыми распродажами, которыя необходимо должны были бы произойти по пониженной цѣнѣ, такъ-же законно, какъ всякое стремленіе къ самосохраненію. Строго разсуждая, должно признать, что за *всякимъ* расширеніемъ производства идетъ расширеніе кредита, возвышеніе дисконта, увеличеніе запасовъ и стремленіе не давать цѣнѣ понизиться, а напротивъ, по возможности, ее поднимать, хотя за всѣмъ этимъ вовсе не слѣдуетъ вынужденная ликвидація.

Тѣсная зависимость, въ которой состояніе кредита находится отъ чисто-производственныхъ условій, доказывается не одними только тѣми явленіями, которыя наблюдаются въ періоды особеннаго оживленія предпріимчивости, выводящаго ее изъ обыкновенной колеи и знаменующаго исключительныя эпохи. Извѣстно, что и во всякое данное время духъ предпріимчивости далеко не отличается ровностію: то онъ вялъ, то тверже, то крѣпокъ. Не только исключительные годы, а каждый изъ обыкновенныхъ годовъ состоитъ изъ болѣе или менѣе оживленныхъ періодовъ. Ошибочно было бы думать, что распредѣленіе оживленности между различными періодами обыкновенныхъ годовъ зависитъ отъ случая. Оно прежде всего совершенно совпадаетъ съ распредѣленіемъ во времени тѣхъ условій, натуральныхъ и соціальныхъ, которыя для каждой опредѣленной отрасли дѣятельности особенно благопріятствуютъ. За всѣми такими, такъ сказать, обыденными оживленіями производства всегда слѣдуетъ потребность въ ускоренномъ обращеніи и соотвѣтственно тому періодическая потребность въ расширеніи кредита. Отсюда—доказанный многими статистическими наблюденіями фактъ періодическаго сокращенія и расширенія кредита въ извѣстные періоды года. Наблюденія надъ циркуляціею свидѣтельствуютъ о постоянствѣ ея колебаній, доказывающемъ зависимость этихъ колебаній отъ производственныхъ и общихъ торгово-промышленныхъ или государственно-хозяйственныхъ условій, совершенно независимыхъ отъ кредита. А тамъ, гдѣ металлическія деньги пред-

ставляютъ единственное орудіе обращенія, увеличеніе скорости ихъ движенія даетъ возможность расширить циркуляцію въ періоды, когда платежи учащаются. Денежные запасы, постепенно накопляющіеся въ кассахъ тѣхъ лицъ, которымъ предстоятъ платежи, внезапно тогда выходятъ на свѣтъ, даютъ возможность усилить обращеніе, чтобы потомъ снова успокоиться. Чѣмъ слабѣе эти запасы при развитыхъ кредитныхъ отношеніяхъ, тѣмъ больше помогаетъ кредитъ въ періоды усиленія потребности въ орудіяхъ обращенія. Тотъ же процессъ открывается намъ не только наблюденіемъ отдѣльныхъ періодовъ каждаго года, но и наблюденіями надъ цѣлыми рядами годовъ, при повторяющихся колебаніяхъ въ энергіи торгово-промышленной дѣятельности. Денежныя суммы, которыми оборотъ не пользуется при вяломъ настроеніи предпріимчивости, какъ орудіями обращенія, собираются какъ капиталы (сбереженія), не находящіе себѣ помѣщенія, вслѣдствіе недостаточности спроса, и проявляются въ наростающихъ запасахъ банковъ. Когда настроеніе предпріимчивости становится крѣпче и увеличивается спросъ на капиталъ, то тѣ же деньги опять появляются въ обращеніи. Наблюденія въ Англіи впервые открыли интересную сторону этого движенія. Въ періодъ слабой энергіи торгово-промышленной жизни и низкаго дисконта, какъ напримѣръ въ замѣчательные періоды 1843 и 1852 годовъ (предшествовавшіе не менѣе замѣчательнымъ періодамъ оживленія предпріимчивости), Англійскій Банкъ выпускалъ билеты преимущественно крупнаго достоинства, которые удобнѣе представляютъ денежные капиталы (сбереженія) и которые размѣнивались на билеты мелкаго достоинства (орудія обращенія), когда оборотъ начиналъ оживляться. Въ періоды кризиса, когда опять нужны не орудія обращенія, а капиталы, снова растутъ билеты крупнаго достоинства. Наблюденія въ Австріи и Россіи показали, что соотвѣтственныя явленія происходятъ и при бумажно-денежномъ обращеніи. Когда казенныя бумажки только что появляются, онѣ представляютъ занятый съ ихъ помощью капиталъ и поэтому держатся преимущественно въ билетахъ крупнаго достоинства. По мѣрѣ того, какъ изъ этихъ бумажекъ стараются сдѣлать употреб-

леніе, т. е. по мѣрѣ того, какъ ихъ превращаютъ въ орудія обращенія, ихъ начинаютъ размѣнивать на билеты средняго и мелкаго достоинства. Когда ихъ становится слишкомъ много и онѣ не нужны, какъ орудія обращенія, онѣ снова обмѣниваются на крупныя бумажки, представляющія занятый капиталъ. Конечно, это зависитъ отъ того, теряется ли больше отъ обезцѣненія бумажекъ, или отъ ихъ безпроцентности. Если обезцѣненіе не велико, тогда какъ процентъ въ странѣ стоитъ высокій, то выгоднѣе будетъ оставлять бумажки въ роли орудій обращенія. По степень энергіи духа предпріимчивости при этомъ тоже играетъ большую роль.

Связь между оживленіемъ кредита и производственными условіями доказывается и тѣмъ фактомъ, что почти всякая замѣчательная эпоха развитія кредитныхъ установленій совпадаетъ съ періодомъ особенно счастливаго развитія экономическихъ силъ страны, которое требуетъ для увеличившихся оборотовъ улучшенія циркуляціоннаго механизма. Такой періодъ всегда требуетъ, чтобы сила циркуляціоннаго механизма была увеличена, а увеличеніе во всякомъ механизмѣ производится или путемъ увеличенія количества двигающей силы при неизмѣняемомъ механизмѣ, или путемъ такого совершенствованія механизма, которое даетъ возможность извлекать больше пользы изъ прежняго же количества двигающей силы. Періодъ, когда въ Англіи циркуляціонный механизмъ наиболѣе подвергался экономическому совершенствованію, относится къ 1765—1795 гг., когда распространились областныя кредитныя учрежденія, вошли во всеобщее употребленіе чеки и устроенъ былъ «разсчетный домъ». Это тотъ самый періодъ, когда изобрѣтены были и прядильная машина, и механическій станокъ для тканья, когда производство желѣза ушестерилось, когда Англія устроила свою систему каналовъ и т. д. Развитіе акціонерныхъ банковъ относится къ 1833—36 гг., когда англійскій отпускъ поднялся съ 39½ мил. ф. ст. до 53½ мил. ф. стерл. Наконецъ, 1852—57 и 1869—72 годы, столь важные въ исторіи англійской предпріимчивости, дали странѣ новыя усовершенствованія въ циркуляціон-

номъ механизмѣ. Обычай имѣть непремѣнно своего банкира сталъ вполнѣ всеобщимъ даже въ сельско-хозяйственномъ населеніи и у среднихъ классовъ; въ это время укрѣпились банковые центры Англіи.

30. Когда мы говоримъ о предпріимчивости, мы подъ нею понимаемъ рядъ двоякаго рода качествъ. Одни интеллектуальнаго свойства и касаются *понятій* человѣка о томъ, какъ производится то или иное торгово-промышленное дѣло: въ этомъ смыслѣ предпріимчивость слагается изъ идей о томъ, какъ производятся или добываются, покупаются или продаются, тѣ или иныя цѣнности и капиталы, изъ идей о существующихъ потребностяхъ, о спросѣ, порождаемомъ этими потребностями, о средствахъ, имѣющихся для ихъ удовлетворенія, изъ идей о техническихъ пріемахъ, необходимыхъ при совершеній отдѣльныхъ торгово-промышленныхъ дѣйствій. Но идеи одни еще не составляютъ предпріимчивости. Кромѣ нихъ важна еще моральная сторона личности: ея характеръ, т. е. сознаніе личностью силъ, которыми она располагаетъ, вѣра въ себя или увѣренность въ своихъ силахъ, готовность стремиться съ ихъ помощью къ извѣстной цѣли съ большею или меньшею энергіею, неустанность, умѣніе выжидать, готовность жертвовать и рисковать и т. п. Такимъ образомъ, предпріимчивость слагается изъ интеллектуальныхъ и моральныхъ элементовъ. И тѣ, и другіе для нея одинаково важны; и тѣ, и другіе одинаково обусловливаютъ ея производительность.

Такъ называемое оживленіе духа предпріимчивости по большей части всегда слѣдуетъ за (или идетъ одновременно съ) какими-либо событіями, расширяющими умственный кругозоръ предпринимателей, знакомящими ихъ или съ новыми потребностями и новыми цѣнностями, служащими этимъ потребностямъ, или съ новыми путями и способами добыванія или изготовленія цѣнностей, уже знакомыхъ, или съ новыми областями сбыта, съ новыми способами сочетанія силъ и средствъ, съ новыми пріемами соглашаться и договариваться, — словомъ, оживленіе предпріимчивости по большей части

вызывается успѣхами, которые дѣлаются умственною жизнью въ торгово-промышленномъ мірѣ. Эти успѣхи, обусловливаемые расширенными и улучшившимися понятіями, возвышаютъ доходность предпріимчивости, увеличиваютъ ея прибыли и тѣмъ обезпечиваютъ себѣ прочную роль и постоянное вліяніе на торгово-промышленную дѣятельность. Неподвижность умственной сферы торгово-промышленной предпріимчивости, замкнутость круга ея идей и затруднительность, чтобы въ этотъ кругъ могла проникнуть новая идея, перестаютъ въ настоящее время быть такими общими явленіями, какими онѣ были еще недавно. Теперешнее время имѣетъ больше потребностей, ему больше нужно, оно поэтому не такъ медленно-постепенно пользуется своими интеллектуальными источниками, а, напротивъ, стремится и ихъ утилизировать возможно скорѣе. Отсюда необходимость подновлять и эти источники, подкрѣплять ихъ, соединять ихъ какими-либо путями съ источниками человѣческаго знанія — наукою.

Интеллектуальные элементы предпріимчивости, представляемые экономическими идеями и понятіями, еще сильно окрашены экономическимъ цвѣтомъ: они, большею частью, техническаго свойства, хотя это не мѣшаетъ имъ уже въ весьма значительной степени представлять общіе факты культуры. Другаго рода—элементы предпріимчивости моральные: они уже менѣе спеціальнаго свойства и представляютъ такія качества и особенности человѣческой природы, которыя не умѣщаются въ одной только экономической области жизни, которыя сказываются съ силою въ торгово-промышленной дѣятельности людей только тогда, когда и въ другихъ областяхъ дѣятельность можетъ проявляться подъ не менѣе сильнымъ ихъ вліяніемъ. Энергія человѣческой дѣятельности, неустанность, вѣра въ себя и увѣренность въ своемъ успѣхѣ, готовность пускаться въ неизвѣстное и превозмогать страхъ, смѣлость и рѣшительность,—все это такія свойства, особенности и силы человѣка, которыя ему нужны не въ одной только экономической жизни. Ими, напротивъ, экономическая жизнь выводится изъ своей обособленности и связывается съ другими областями жизни. Вслѣдствіе нихъ

экономическая область жизни отражаетъ на себѣ характеръ остальныхъ областей, подвергается тѣмъ же вліяніямъ, что и другія области, и вмѣстѣ съ этими областями измѣняется. Отсюда для предпріимчивости цѣлый рядъ новыхъ поводовъ и причинъ, особенно сильно вліяющихъ на ея *настроеніе*. Цѣлый рядъ явленій политическихъ, культурныхъ, бытовыхъ и т. п. начинаетъ вторгаться въ экономическую сферу и вызывать въ ней важныя перемѣны.

Для цѣлей, съ которыми мы здѣсь затронули вопросъ объ элементахъ предпріимчивости, особенную важность имѣетъ характеръ вліяній этихъ элементовъ на предѣлы и объемъ предпріимчивости. При всей благодѣтельности вліяній, оказываемыхъ интеллектуальными и моральными силами культуры на предпріимчивость, эти силы, однако, заключаютъ въ себѣ и другія стороны, съ вліяніемъ которыхъ приходится только потому примиряться, что оно неизбѣжно. Дѣло въ томъ, что какъ интеллектуальные, такъ и моральные факторы, вліяющіе на предпріимчивость, не принадлежатъ къ тѣмъ, которые поддаются точному измѣренію и на основаніи которыхъ возможенъ строгій расчетъ. Онѣ, напротивъ, вносятъ и нѣкоторую неопредѣленность въ экономическую дѣятельность. Обратимъ вниманіе на характеръ вліянія интеллектуальнаго фактора. Расширеніе умственнаго кругозора само по себѣ несомнѣнно благодѣтельно. Но обогащаться новыми понятіями и знаніями и обогащаться умѣніемъ примѣнять ихъ къ практикѣ *безошибочно* (что на экономическомъ языкѣ означаетъ *безубыточно*) далеко не одно и тоже. Совершенствованіе теоретическихъ понятій и искусства примѣнять эти понятія къ жизни не всегда идутъ параллельно и даже не могутъ идти параллельно. Одно должно предшествовать другому. Искусство, сверхъ того, совершенствуется только практическимъ-опытнымъ путемъ, который сильно отличается отъ научнаго-опытнаго пути по дороговизнѣ отдѣльнаго опыта или эксперимента. Уже и опыты науки могутъ обходиться дорого (напр. ученыя путешествія). Но еще дороже обходятся опыты предпріимчивости торгово-про-

мышленной. А всякій опытъ по самой своей природѣ представляетъ вопросъ, поставленный тому или иному дѣлу, вопросъ, отвѣтъ на который еще неизвѣстенъ или только предположителенъ. Ученый интересуется только своимъ вопросомъ, который онъ ставитъ, когда онъ дѣлаетъ опытъ. Практикъ еще интересуется и судьбою средствъ, которыя онъ потратилъ на опытъ. Оттого его опытъ получаетъ своеобразный характеръ. Практикъ будетъ говорить, что онъ не только ищетъ отвѣта на поставленный вопросъ, но что, сверхъ того, онъ для полученія отвѣта *рискнулъ* своими средствами. Практикъ не только экспериментируетъ, но и превозмогаетъ страхъ потери затрачиваемыхъ имъ средствъ, т. е. рискуетъ. Такимъ образомъ, при всей несомнѣнной благодѣтельности вліяній, оказываемыхъ расширеніемъ умственнаго кругозора предпріимчивости, это расширеніе по большей части, однако, связано съ неопредѣленностью практическихъ его послѣдствій на первыхъ порахъ. Новыя идеи, пока онѣ новыя, суть рискованныя идеи, т. е. такія, успѣхъ которыхъ сомнителенъ. Подъ ихъ вліяніемъ предпріимчивости приходится оставлять твердую почву и переходить на новую, еще шаткую. Дѣйствія предпріимчивости волею-неволею начинаютъ принимать характеръ, выводящій ихъ изъ старой колеи.

Нападать на предпріимчивость рискующую, конечно, было-бы рѣшительно то-же самое, что нападать на предпріимчивость, которая не желаетъ примириться съ китайщиною и именно за то, что она не примиряется съ китайскими условіями жизни. Конечно, если-бы человѣческія понятія, теоретическія и практическія, сразу гдѣ-нибудь выростали готовыя и безошибочныя, тогда бы и рисковать никому не приходилось бы. Но разъ только опытъ вырабатываетъ совершенныя понятія, этотъ опытъ вѣдь только означаетъ, что человѣчество даромъ совершенныхъ понятій не получаетъ, что ему для совершенствованія своихъ понятій приходится дѣлать болѣе или менѣе обширныя затраты. Волею неволею приходится признавать, что человѣчество, помимо своихъ оффиціальныхъ бюджетныхъ расходовъ на народное образованіе, на искусство и науки, имѣетъ еще и другой бюджетъ расходовъ, не дающихъ ни-

какого практическаго послѣдствія, въ видѣ увеличенія вещественныхъ или невещественныхъ богатствъ, имѣющихъ сбытъ, но за то дающаго другое послѣдствіе—увеличеніе богатства умственнаго, исправленныя опытомъ понятія, которыя въ будущемъ освободятъ отъ потерь и дадутъ прибыли. Тѣмъ или инымъ путемъ, а народамъ нужно расходоваться на свое образованіе и на улучшеніе своихъ понятій. Если они не расходуются на это прямымъ путемъ, имъ приходится дѣлать расходы путемъ косвеннымъ, путемъ убытковъ, которые несетъ то или другое предпріятіе и которые играютъ роль «учебныхъ денегъ». Конечно, лучше было бы, еслибы убытки можно было избѣгнуть; но это врядъ-ли означало бы, что расходы, представляемые убытками, избѣгались бы. Эти расходы только равномѣрнѣе распредѣлялись бы между различными предпріятіями и дѣлались бы расчетливѣе; но избѣгнуть ихъ врядъ-ли было бы возможно: потому что они даютъ результаты, во всякомъ случаѣ даромъ не могущіе быть полученными.

Именно неопредѣленность вліяній интеллектуальнаго фактора дѣлаетъ еще болѣе важнымъ и настоятельно-необходимымъ вліяніе моральныхъ факторовъ предпріимчивости. На новомъ полѣ, при новой идеѣ, новомъ стремленіи, при необходимости пускаться въ неизвѣстное отчасти, — необходимость энергіи, смѣлости, неустанности и т. п. тѣмъ очевиднѣе. Но разъ роль чувства по условіямъ дѣла начинаетъ возрастать, оно можетъ не до конца одинаково благодѣтельно исполнять свою роль. Чувство, которому приходится подкрѣплять неопредѣленную мысль и неопредѣленное желаніе, само становится неопредѣленнымъ и превращается въ слѣпаго двигателя, который съ большею или меньшею силою можетъ неудержимо толкать по разъ данному направленію, хотя бы надобности въ неудержимомъ стремленіи впередъ и впередъ совсѣмъ не было. Исторія предпріимчивости знаетъ уже не мало случаевъ этой неудержимости вліяній, оказываемыхъ чувствомъ, когда неопредѣленность идей и невозможность строгаго разсчета обезпечиваютъ ему слишкомъ обширное поприще.

Цѣна представляетъ то экономическое явленіе, въ которомъ

находятъ себѣ внѣшнее выраженіе вліянія интеллектуальныхъ и моральныхъ факторовъ предпріимчивости, когда они начинаютъ получать практическое значеніе въ торгово-промышленной области. Цѣна представляетъ какъ бы дверце, чрезъ которое общіе факторы культуры вторгаются въ народное хозяйство. Пока интеллектуальные и моральные факторы имѣютъ одно только индивидуальное значеніе для отдѣльныхъ личностей, это именно въ томъ и выражается, что они какъ бы исчезаютъ и незамѣтно утопаютъ въ составныхъ элементахъ дѣятельности, что они поэтому не могутъ быть поставлены *въ счетъ* всего того, что съ дѣятельностью расходуется и затрачивается. Работая только на себя или пока человѣкъ работаетъ только на себя, для него обыкновенно такой счетъ и не имѣетъ интереса. Когда, напротивъ, работа начинаетъ идти для цѣлей сбыта, когда расходы начинаютъ дѣлаться за счетъ другихъ, чтобъ быть оплоченными другими, тогда цѣна и представляетъ тотъ счетъ, по которому должна совершаться оплата израсходованнаго. Вотъ почему и моральные и интеллектуальные элементы культуры стремятся найдти себѣ мѣсто и выраженіе въ цѣнѣ, когда они начинаютъ получать не одно только индивидуальное значеніе для отдѣльныхъ лицъ, а болѣе общее для цѣлыхъ массъ народно-хозяйственнаго населенія. И наоборотъ, о народнохозяйственномъ значеніи этихъ элементовъ можно судить по тому, что они начинаютъ оказывать вліяніе на цѣны товаровъ и услугъ, на то, какъ оплачивается текущая и прошлая предпріимчивость. Одни цѣны возвышаются, другія понижаются подъ ихъ вліяніемъ.

Перемѣны въ цѣнахъ, вызываемыя интеллектуальнымъ и моральнымъ факторами культуры, когда ихъ вліянію начинаетъ подвергаться торгово промышленная предпріимчивость, сообразно ихъ природѣ, двоякаго рода. Одни перемѣны вызываются ими, какъ положительными факторами прогресса, вліяющими на увеличеніе успѣшности человѣческой дѣятельности, т. е. на полученіе изъ данныхъ затратъ большаго количества полезныхъ результатовъ, слѣдовательно, на уменьшеніе затратъ для полученія каждаго полезнаго результата въ отдѣльности. Въ качествѣ такихъ вліяній,

они понижаютъ цѣны. Но они дѣйствуютъ не только какъ положительные факторы прогресса, но и какъ *предположительные* его факторы. Въ качествѣ таковыхъ они вліяютъ, какъ стимулы къ новой дѣятельности, къ новымъ стремленіямъ, къ расширенію дѣятельности, къ превозмоганію страха препятствій, съ которыми человѣку приходится бороться за свое благосостояніе и простое существованіе. И въ этомъ случаѣ они *въ концѣ-концовъ* должны будутъ вызвать то-же послѣдствіе, т. е. пониженіе цѣнъ, но только въ концѣ-концовъ. Въ началѣ, напротивъ, ихъ вліяніе сказывается именно тѣмъ, что они вызываютъ готовность даже увеличивать затраты, пытаться, расходоваться—при страхѣ потерять израсходованное. Но если въ экономической сферѣ кто-либо беретъ на себя страхъ, онъ это дѣлаетъ въ разсчетѣ на возможность переложить, если не всѣ, то часть своихъ жертвъ для превозмоганія страха на тѣхъ лицъ, которыя будутъ пользоваться плодами его дѣятельности. Онъ стремится поставить расходы, имъ сдѣланные съ рискомъ, въ общій счетъ расходовъ, подлежащихъ оплатѣ въ цѣнѣ. Усиливая возможность и готовность превозмогать страхъ потерь, моральные и интеллектуальные элементы предпріимчивости увеличиваютъ роль той составной части цѣны, которая называется страховою премією или страховымъ вознагражденіемъ.

Вслѣдствіе особеннаго родства между страховою премією и т. п. *исключительными* прибылями, это вліяніе моральныхъ и интеллектуальныхъ элементовъ получаетъ очень важное значеніе. Дѣло въ томъ, что сумма средствъ, которая должна служить страховымъ вознагражденіемъ, по своей природѣ, нѣсколько своеобразнаго свойства. *По своему назначенію* она должна покрывать *дѣйствительныя* затраты на превозмоганія страха, т. е. покрывать тѣ затраты, которыя вызывались готовностью идти на встрѣчу препятствіямъ, хотя-бы препятствія помѣшали успѣху. Первоначальное назначеніе страховаго вознагражденія—оплачивать всѣ расходы, *даже тѣ, которые не дали полезнаго результата*. Такимъ образомъ, всѣ страховыя вознагражденія, вмѣстѣ взятыя, представляютъ какъ-бы фондъ, который выноситъ вліянія, вредныя для

предпріимчивости и для всего народнаго хозяйства. Но сила этихъ вредныхъ вліяній всегда сомнительна и проблематична. Вслѣдствіе того, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тотъ, кто получилъ страховое вознагражденіе, можетъ оказаться обладающимъ суммою средствъ, не покрывающей никакой дѣйствительно происшедшей потери и составляющей его прибыль. Такимъ образомъ та дѣятельность, которая сопряжена съ превозмоганіемъ страха, становится источникомъ прибылей, правда, сомнительныхъ и проблематичныхъ, но по размѣру своему тѣмъ большихъ, чѣмъ больший страхъ приходилось превозмогать. Такъ какъ успѣхъ рискованной предпріимчивости превращаетъ страховую премію въ прибыль предпріимчивости, то рискъ становится и экономическимъ стимуломъ, подъ вліяніемъ котораго сила вліянія интеллектуальныхъ и моральныхъ факторовъ на предпріимчивость еще возрастаетъ. Чѣмъ больше страховая премія, которую можно вставить составнымъ элементомъ въ цѣну, тѣмъ выше возможная прибыль, если успѣху удается побороть препятствія. Стремленіе къ этой прибыли, слѣдовательно, будетъ постоянно дѣйствовать возвышающимъ образомъ на цѣны.

Извѣстна ошибка, дѣлаемая для полученія доводовъ на осужденіе спекуляціи: ее считаютъ причиною высокихъ прибылей, выручаемымъ лицами, занимающимися ею, тогда какъ именно эти-то прибыли, или возможность ихъ, собственно только и вызываютъ спекуляцію, а съ нею и конкурренцію. Въ концѣ-концовъ спекуляція съ конкурренціею *понижаютъ исключительныя* прибыли до *обычнаго* уровня. Спекуляція сама только—послѣдствіе, а не причина высокихъ прибылей. Ту-же ошибку дѣлаютъ, когда кредитъ считаютъ причиною того, чего онъ обыкновенно является послѣдствіемъ, или съ чѣмъ онъ только одновременно возникаетъ безъ всякой внутренней связи. Кто осуждаетъ кредитъ за то, что онъ облегчаетъ возможность непроизводительно употреблять капиталы, долженъ, оставаясь послѣдовательнымъ, утверждать, что кредитъ равнодушенъ къ употребленію, дѣлаемому изъ капиталовъ, что онъ одинаково споспѣшествуетъ и производительному, и непроизводительному ихъ употребленію. Но вѣдь для этого надобно предпола

гать, что владѣльцы означенныхъ капиталовъ равнодушны къ судьбѣ своей собственности, или что собственность вызываетъ равнодушіе къ производительнымъ качествамъ имущества. А кому не очевидно, что это—абсурдъ?

Въ томъ то и дѣло, что когда теорія и практика кредита стоятъ за внутреннюю и необходимую связь между кредитомъ и производительностью капиталовъ, то они имѣютъ подъ собою прочную почву органической связи между собственностью и производительными качествами имущества. Экономическое содержаніе собственности *все* исчерпывается этими качествами и безъ нихъ превращается въ нуль, вмѣстѣ съ собою превращая въ нуль экономическую личность. Но именно поэтому и кредитъ, служащій только однимъ изъ проявленій собственности, имѣетъ главною гарантіею своей производительности—стремленіе экономической личности къ самосохраненію.

Умственное развитіе людей не идетъ по направленію прямыхъ линій, выражающихъ кратчайшія растоянія къ цѣлямъ, преслѣдуемымъ людьми. Оно, напротивъ, идетъ по весьма ломаннымъ линіямъ и иначе до сихъ поръ идти не было въ состояніи. Даже строгонаучныя знанія, когда онѣ касаются человѣческой жизни и человѣческихъ дѣйствій, оказываются лишенными тѣхъ методовъ, которые одни обезпечиваютъ безупрочныя качества знаній. Можетъ-ли въ такомъ случаѣ эмпирическая мысль не уклоняться въ стороны, не заблуждаться и не отвлекать человѣка отъ настоящаго пути? Конечно, отъ этого человѣку приходится страдать. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что человѣку выгоднѣе совсѣмъ отказываться отъ прогрессивнаго движенія? Или что ему совсѣмъ слѣдуетъ отказываться отъ орудій и средствъ прогрессивнаго движенія, къ коимъ принадлежитъ и кредитъ?

Ни кредитъ, ни спекуляція сами не въ состояніи вызывать пороковъ производительности. Они вызываются неполнотою, неточностью или совершеннымъ отсутствіемъ знанія. Они вызываются отсутствіемъ чувства мѣры въ моральныхъ факторахъ предпріимчивости. Короче: непроизводительность вызывается временными или мѣстными пороками

моральныхъ или интеллектуальныхъ факторовъ предпріимчивости. На нихъ поэтому должна быть направлена забота, вызываемая необходимостью устранить или ослаблять кризисы.

Но врядъ-ли экономической жизни удастся устранить ошибки предпріимчивости до тѣхъ поръ, пока строго-точная наука не въ состояніи будетъ прійдти на помощь жизни, чтобъ съ мѣрою и вѣсами напередъ всегда ей предсказывать, со всею *количественною* полнотою, послѣдствія отъ того или инаго образа дѣйствія. Но для такой науки условія далеко еще и не подготовлены даже и даже не могутъ быть подготовляемы въ необходимомъ размѣрѣ.

Несомнѣнно однако, что пороки интеллектуальныхъ и моральныхъ факторовъ предпріимчивости могутъ быть двоякаго свойства. Одни могутъ обусловливаться тѣмъ, что мысль и энергія человѣка впервые ворвались въ новую сферу, впервые ступили на новую почву. Другіе-же могутъ обусловливаться тѣмъ, что предпріимчивость не принимаетъ во вниманіе уроковъ прошлаго и пренебрегаетъ ими, что въ ея сознаніе недостаточно проникъ даже и пройденный ею путь. Только съ этими послѣдними пороками наука и можетъ бороться.

Пока изъ пути экономическаго прогресса еще не пройдена такая значительная его часть, которая способна дать полное представленіе о качествахъ дальнѣйшихъ частей, роль экономической науки по неволѣ должна ограничиваться изслѣдованіемъ пройденнаго пути и пріобрѣтенной опытности, довольствуясь, если 1) она можетъ предостеречь отъ частныхъ опасностей, причины которыхъ достаточно выяснились, 2) она можетъ предостеречь отъ невѣрнаго и несправедливаго осужденія силъ, которыя сами не были причиною неудачъ въ стремленіяхъ къ благосостоянію. Третья цѣль, которой могла бы служить наука и которая заключалась бы въ указаніи прямаго пути, неуклонно ведущаго къ благосостоянію, для современной науки еще невозможна.

---

Ю. Гинтъ Левинсонъ.

# РАЗДѢЛЪ II: БАНКИ.

---

## ГЛАВА IV.

### Организація кредита.

31. Подъ вліяніемъ ходячихъ представленій мы привыкли каждый разъ, когда заходитъ рѣчь объ организаціи чего либо, касающагося болѣе или менѣе важныхъ интересовъ человѣка, воображать, что эта организація исходитъ отъ какой либо творческой руки, цѣлесообразно начертающей предварительно планъ, а потомъ создающей исполнительные органы для осуществленія плана на практикѣ. Не даромъ, однако, экономисты любили болѣе сближать свою науку съ различными отраслями естествознанія, чѣмъ съ разными вѣтвями правовѣденія и политики. Въ теоріи и практикѣ права и политики всякая организація, дѣйствительно, имѣетъ своимъ источникамъ планъ, предварительно начертанный одною инстанціею, а другою инстанціею приводимый въ исполненіе. Но въ теоріи и практикѣ экономической жизни объ организаціи приходится говорить въ иномъ смыслѣ. Экономическая организація искусственно не создается. То, что разумѣется и выражается этимъ словомъ, всегда само собою складывается, подъ вліяніемъ естественнаго органическаго роста жизни: постепенно и всегда долго развивается, часто неза-

мѣтно, пока еще проходятъ первыя низшія стадіи. Она проникаетъ въ сознаніе уже тогда, когда процессъ развитія, достигаетъ извѣстной мѣры законченности. На первыхъ порахъ явленія, которыя потомъ окажутся организованными въ опредѣленный порядокъ, представляются еще случайными. Они какъ будто зависятъ отъ единичной личности и ея чисто индивидуальныхъ качествъ. Никто не въ состояніи уловить внутренней связи между этой личностью и эпохою, въ которой она живетъ, или условіями, которыми она обставлена. Но мало по малу число такихъ личностей возрастаетъ, путемъ-ли пропаганды или преемственнаго перехода идей, или путемъ обусловленности одинаково сложившимися обстоятельствами. Становится болѣе замѣтною и связь между явленіями, находящимися въ зависимости отъ этихъ личностей, и условіями, въ которыхъ послѣднія живутъ и дѣйствуютъ. Мало по малу расширяется значеніе этихъ условій, онѣ узаконяются въ жизни, получаютъ общественное значеніе для всѣхъ, а не для отдѣльныхъ только лицъ. Тогда-то открывается, что и въ явленіяхъ, вытекающихъ изъ этихъ условій, господствуетъ извѣстный порядокъ и извѣстное постоянство въ повтореніи опредѣленныхъ причинъ, производящихъ всегда одни и тѣ-же послѣдствія.

Чтобъ охарактеризовать однако во всей полнотѣ естественный ходъ развитія всякой экономической организаціи, необходимо добавить еще нѣсколько чертъ, дѣлающихъ картину нѣсколько прозаическою, но тѣмъ не менѣе въ ней весьма существенныхъ. Экономическій міръ обнимаетъ, какъ извѣстно, сферу самодѣятельности людей на удовлетвореніе тѣхъ ихъ потребностей, относительно которыхъ авторитеты и власти предоставляютъ имъ болѣе свободы. Новое явленіе въ экономическомъ мірѣ означаетъ или новую потребность, или новый способъ, новое средство, новый источникъ для удовлетворенія потребностей. Организація въ области экономической, поэтому всегда обозначаетъ порядокъ въ самодѣятельности, имѣющей цѣлью удовлетвореніе нуждъ. Вся экономическая самодѣятельность однако исчерпывается заботою—добыть возможно больше средствъ. Всякая экономическая организація имѣ-

етъ, поэтому, своею конечною цѣлью и послѣднимъ содержаніемъ обезпеченіе того или инаго, болѣе или менѣе совершеннаго, способа добыванія какого либо разряда средствъ, годныхъ для одной или другой потребности. Когда какой либо разрядъ средствъ, полезный для всѣхъ, перестаетъ быть исключительно возможнымъ только для отдѣльныхъ личностей или только для извѣстныхъ категорій лицъ, когда его добываніе перестаетъ быть случайностью и становится регулярно повторяющимся и постоянно возможнымъ явленіемъ, — тогда можно сказать, что добываніе этаго разряда средствъ организовалось. Путь, которымъ организованность устанавливается въ экономическомъ мірѣ, предписывается самою природою послѣдняго. Экономическая организація въ концѣ концовъ имѣетъ своею основою самодѣятельность и на нее-же она должна быть обращена. Обезпеченіе возможности добыть тотъ или иной разрядъ средствъ, по мѣрѣ и силѣ того, какъ сказывается въ нихъ потребность, только тогда оказывается прочнымъ, когда съ одной стороны потребность стала болѣе или менѣе общераспространенною, ясно сознаваемою и принимаемою за такое условіе жизни, которое требуетъ для себя бдительнаго вниманія. Когда потребность такимъ образомъ вошла въ нравы и убѣжденія, тогда она становится основою и регуляторомъ правильнаго *спроса*. Но этого мало для того полнаго обезпеченія возможности добывать, когда нужно, необходимый разрядъ вещей, при которомъ только и можно говорить объ организованности. Для этого, съ другой стороны, еще необходимо, чтобъ производство этихъ средствъ, или ихъ заготовленіе, или ихъ привозъ изъ чужихъ краевъ, или ихъ собираніе и сосредоточеніе чтобъ все это стало источникомъ личной, частной выгоды, чтобъ возникъ особый интересъ заниматься этимъ дѣломъ. Какъ только этотъ интересъ возникаетъ, пути доставленія средствъ, съ которыми личный интересъ связанъ, теряютъ, правда, характеръ способовъ благодѣтельствованія человѣчества, но за то становятся болѣе прочными. Людей, которые желаютъ заработать и употребить свой трудъ для другихъ за вознагражденіе, гораздо больше, чѣмъ людей, готовыхъ работать для

другихъ, руководствуясь болѣе высокими мотивами. Кромѣ того, эти высокіе мотивы на практикѣ далеко не всегда оказываются необходимо связанными съ безмездностью и готовностью приносить жертвы: они, напротивъ весьма часто оказываются дороже стоющими. Вслѣдствіе того, что людей, готовыхъ работать для другихъ за вознагражденіе, гораздо больше, на нихъ можно съ большею увѣренностью полагаться. Съ одной стороны, не приходится разсчитывать на рѣдкій случай готовности жертвовать собою. Затѣмъ эти люди имѣютъ личный интересъ думать и заботиться о другихъ. Наконецъ, имѣются основанія для увѣренности, что если не одинъ, то другой сдѣлаетъ нужное, т. е. воспользуется выгодою. Необходимо, слѣдовательно, чтобъ доставленіе того разряда средствъ, на которыхъ сосредоточивается область экономической жизни, подлежащая организаціи, стало выгоднымъ промысломъ, который обезпечивалъ бы правильное и постоянное *предложеніе*.

Съ установленіемъ прочныхъ основъ спроса и предложенія того или инаго разряда средствъ можно говорить и объ организованности соотвѣтственной области экономической жизни. Гдѣ спросъ неправиленъ, не основывается на глубоко укоренившейся потребности, для которой люди готовы и могутъ приносить жертвы,—или гдѣ предложеніе неправильно, т. е. не всегда выгодно, не всегда привлекаетъ промышленныя силы, готовыя непрерывно служить потребности,—тамъ (и, понятно, пропорціонально) можно говорить о неорганизованности. Лучшій признакъ прочности спроса представляется постоянствомъ предложенія. Постоянство же предложенія выражается двумя одинаково важными условіями. Во первыхъ тѣмъ, что, предложеніе становится предметомъ особаго личнаго интереса, слѣдовательно, особой спеціальной дѣятельности, сосредоточенной на служеніи этому интересу, а чрезъ это на установленіи предложенія на прочныхъ основаніяхъ. Во вторыхъ постоянство предложенія выражается въ томъ, что разрядъ явленій, которыхъ оно касается, которыми оно обусловливается и которыми оно выражается, выдѣляется изъ массы всѣхъ остальныхъ экономическихъ явленій и становится самостоятельною группою ихъ.

Все, что касается удовлетворенія данной потребности, теряетъ характеръ случайности и чрезвычайности и становится обыденнымъ, необходимымъ, тѣсно связаннымъ со всею общественною жизнью и служащимъ ей одною изъ ея основъ.

Спору нѣтъ, что и цѣлесообразныя, административнымъ способомъ установляемыя, сверху предписываемыя организаціи имѣютъ свое культурно-историческое значеніе и въ области экономическихъ явленій. Но обратимъ вниманіе на условія, для этого необходимыя. Необходимо, чтобъ авторитетъ и власть предъугадали будущее, чтобъ они открыли зародыши, въ жизни скрытые, и на нихъ дѣйствовали, ускоряя ихъ ростъ. Навязывать жизни все, что административной душѣ было бы угодно, такая-же физическая невозможность, какую представляетъ навязываніе землѣ сѣмянъ, которыя на ней произрастать не могутъ. Также точно, какъ для того, чтобъ сѣмена принялись къ физической почвѣ, необходимо, чтобъ въ ней заключались соотвѣтственныя растительныя силы,—такъ точно для того, чтобъ какою либо административною властью предписываемый принципъ привился къ жизни, необходимо,—чтобъ въ ней предварительно заключались силы, которыя его примутъ, укрѣпятъ и будутъ содѣйствовать его развитію и росту. Но между растительными силами физической и общественной почвы существуетъ то громадное отличіе, что первыхъ хватаетъ только на короткій періодъ, по истеченіи котораго онѣ какъ бы засыпаютъ и пробуждаются только послѣ новой разработки, снова пробуждающей ихъ къ жизни. Вторыя напротивъ, если онѣ разъ пробуждены къ дѣйствительно живому дѣлу, на которое онѣ способны по своей природѣ, уже болѣе не засыпаютъ. Дальнѣйшій ихъ ростъ не знаетъ предѣловъ и противится всякому препятствію, мѣшающему его непрерывности. Этою особенностью растительныхъ (прогрессивныхъ) силъ общественной почвы обусловливается однако не менѣе важное послѣдствіе. Въ то время, какъ за физическою почвою нуженъ непрерывный уходъ и она самой себѣ предоставлена быть не можетъ, общественная почва, разъ ея производительныя силы пробуждены, уже не нуждается въ уходѣ и можетъ

быть предоставлена самой себѣ. Другими словами: сама природа производительныхъ силъ общественной жизни требуетъ для нихъ свободы, когда онѣ разъ оживились и способны проявлять свою производительность. Такимъ образомъ даже организація, извнѣ идущая, въ области всѣхъ общественныхъ явленій, а потому и народнохозяйственныхъ, должна въ концѣ концовъ превратиться въ организацію, которая держится не властью и авторитетомъ, а собственною своею силою, потребностями, которымъ она служитъ, и средствами, которыя она даетъ для ихъ удовлетворенія. Всякая общественная организація въ концѣ концовъ должна обнимать и выражать свободу какой либо области общественной жизни. И именно поэтому всякая экономическая организація въ концѣ концовъ должна выражать такой порядокъ въ удовлетвореніи одной или цѣлаго ряда потребностей, при которомъ это удовлетвореніе совершенно обезпечено личнымъ интересомъ промысловой дѣятельности, на немъ специализировавшейся.

Организація кредита выражаетъ установленіе такого порядка въ кредитныхъ отношеніяхъ, при которомъ съ одной стороны приводятся къ какому либо центру массы цѣнностей, ищущія для себя кредитнаго сбыта, а съ другой—около того-же центра сосредоточивается спросъ на кредитъ. Установленіе на прочныхъ основаніяхъ спроса и предложенія, на сколько они касаются цѣнностей, могущихъ стать предметомъ кредита, вотъ что составляетъ содержаніе организаціи кредита. Эту-то организацію кредиту даетъ *банковое дѣло*. Банковое дѣло обнимаетъ, такимъ образомъ, всѣ тѣ явленія кредита, которыя потеряли характеръ случайныхъ и единичныхъ, которыя выдѣлились изъ массы остальныхъ экономическихъ явленій въ самостоятельную группу, выражающую самобытный интересъ, которыя вслѣдствіе того требуютъ о себѣ отдѣльной заботы, становящейся предметомъ спеціальной дѣятельности. То, что въ кредитѣ является неопредѣленнымъ и неустановившимся, въ банковомъ дѣлѣ представляется уже на извѣстной степени своего развитія, съ ясно сложившимися формами, окрѣпшее и получившее свои самостоятельные спеціальные органы. Эти-то органы суть *банки* или учрежденія,

ведущія банковыя операціи. Въ нихъ организмъ банковаго дѣла является какъ - бы расчлененнымъ. Между ними распредѣляются функціи организовавшагося кредита. Въ то время, какъ *банковое дѣло обнимаетъ всю совокупность интересовъ, сосредоточенныхъ на кредитѣ*, банки или соотвѣтственныя имъ учрежденія распредѣляютъ между собою *отдѣльные разряды этихъ интересовъ*. Не всегда учрежденія, дѣйствующія на началахъ банковой организаціи, носятъ названіе банковъ. Такъ напримѣръ наши правительственныя казначейства, въ основу которыхъ положено начало единства кассъ, представляютъ то-же примѣненіе одного изъ важнѣйшихъ началъ банковой организаціи денежнаго обращенія на началахъ кредита. Также точно правительственныя учрежденія, администрирующія государственный кредитъ, существеннѣйшую часть своей дѣятельности основываютъ на тѣхъ - же началахъ банковой организаціи кредита. Какъ бы то ни было, однако, называются - ли учрежденія, вѣдающія кредитъ, какъ спеціальное свое дѣло, банками, или они этого названія не носятъ, во всякомъ случаѣ они всегда имѣютъ своею цѣлью споспѣшествовать тому или иному частному разряду интересовъ, на сколько онъ затрагивается кредитомъ. Они всегда группируютъ около себя одинъ какой либо. болѣе или менѣе обширный, разрядъ должниковъ, интересы которыхъ они спеціально имѣютъ въ виду, интересамъ которыхъ они подчиненны и служатъ и для которыхъ они подъискиваютъ соотвѣтственныхъ кредиторовъ. Около всякаго банка сосредоточивается, такимъ образомъ, группа должниковъ и кредиторовъ, всего болѣе другъ другу соотвѣтствующихъ. Установленіе этихъ-то группъ, т. е. сближеніе тѣхъ отдѣльныхъ видовъ спроса и предложенія кредита, которыхъ интересы всего ближе соприкасаются, и составляетъ содержаніе банковой организаціи кредита. Каждый шагъ, который она дѣлаетъ на одномъ пунктѣ народнаго хозяйства, всегда служитъ какъ-бы толчкомъ, чтобы то-же самое повторилось и на другихъ пунктахъ. Разъ на одномъ пунктѣ успѣлъ выясниться интересъ въ кредитѣ и заинтересованнымъ удалось организоваться, т. е. устроить свой банкъ, это немедленно отражается и въ другихъ областяхъ народнаго хозяйства. Пробуждается потребность въ

кредитѣ, выясняется сила имъ доставляемая, становятся понятными выгоды, получаемыя отъ банковой организаціи кредита, усиливаются энергія и заботы для удовлетворенія потребностей, — и въ концѣ концовъ народное хозяйство выигрываетъ то, что еще въ одной его области производительное помѣщеніе капитала является болѣе обезпеченнымъ и что приводится въ порядокъ снабженіе ея производительными средствами. Дѣло накопленія и усиленнаго образованія народнаго капитала становится, такимъ образомъ, въ лучшія условія, сначала въ одной народно-хозяйственной области, потомъ въ другой, третьей и т. д., пока лучшія условія не становятся общимъ достояніемъ всего народа. Банкамъ, ихъ развитію и распространенію принадлежитъ роль распространенія этихъ лучшихъ условій образованія капитала, доставляемыхъ кредитомъ, во всемъ народномъ хозяйствѣ.

Далеко не всѣ кредиторы готовы отдавать свои капиталы на срокъ другимъ лицамъ на одинаковыхъ условіяхъ и, съ другой стороны, далеко не всѣ тѣ, которые желали бы стать должниками, желаютъ занимать на одинаковыхъ условіяхъ. Происходитъ это: *первое* оттого, что цѣнности, ищущія сбыта въ кредитъ, далеко не однороднаго свойства, *второе* оттого, что различные разряды должниковъ являются со своимъ спросомъ на кредитъ, какъ представители разнородныхъ занятій и разнообразныхъ экономическихъ источниковъ, которыхъ доходность обусловливается далеко не одинаковыми причинами и поэтому далеко не одинаковаго свойства. Вотъ почему банковое дѣло каждой страны, если оно должно служить всему народному хозяйству въ его цѣлости, необходимо должно представлять расчлененную систему. Вотъ почему необходимо должны быть различные банки. Кредиту приходится удовлетворять потребности различныхъ людей. Его собственная природа отъ этого ни на волосъ не измѣняется и онъ остается тѣмъ же, пользуется-ли имъ торговецъ, спекулянтъ, промышленникъ, земледѣлецъ, желѣзнодорожная компанія или правительство. Но способы пользованія имъ и пути его организаціи для этого пользованія должны быть различными. Мы ударяемъ на единство кредита, при всемъ разнообразіи способовъ

пользованія имъ, въ виду важнаго практическаго значенія этого единства. Дѣло въ томъ, что имъ обусловливается единство началъ, на которыхъ должна основываться администрація кредита все равно, кто бы кредитомъ ни пользовался. Мы увидимъ ниже, что это единство началъ имѣетъ особенно важное значеніе, когда заходитъ рѣчь объ основаніяхъ администрированія нѣкоторыхъ видовъ государственнаго кредита и всего поземельнаго.

Кто бы ни отдавалъ и кто бы ни получалъ цѣнность въ кредитъ, на какихъ бы условіяхъ не происходили, какъ отдача, такъ и полученіе въ заемъ, какими своеобразными особенностями они ни отличались бы, во всякомъ случаѣ природа кредита остается одною и тою-же, а цѣль и назначеніе банковъ и соотвѣтственныхъ имъ учрежденій остаются тождественными: съ одной стороны сдѣлать производительными и доходными плоды прошлой предпріимчивости, которые безъ кредита оставались бы мертвыми и мало или менѣе доходными и производительными, а съ другой—сдѣлать производительною и доходною текущую предпріимчивость, для которой прошлое недостаточно позаботилось, которая въ прошломъ была поставлена въ стѣсняющія ее условія, которая въ текущихъ своихъ доходахъ не находитъ для себя достаточной опоры и которая, наконецъ, именно по всему этому безъ кредита также обречена, или на полное безплодіе, или на малодоходность. Организованный банками кредитъ долженъ поднять производительность и доходность какъ текущей предпріимчивости, такъ и плодовъ прошлой, соединивъ ихъ вмѣстѣ, давая имъ возможность сотрудничать и чрезъ это создавая условія производительности капитала. Группируя около себя различные разряды кредиторовъ и должниковъ, банки сосредоточиваютъ вокругъ себя самые разнообразные элементы, изъ которыхъ и которыми созидается вещественный капиталъ народнаго хозяйства. Банки часто опредѣляются, какъ резервоары, къ которымъ притекаютъ капиталы для дальнѣйшаго ихъ распредѣленія; но это выраженіе далеко не полно, чтобы дать надлежащее понятіе объ услугахъ, оказываемыхъ банками. То, что къ нимъ притекаетъ, само по себѣ еще не имѣетъ права на квалификацію капиталомъ, по-

тому что капиталъ — живая производительная сила, тогда какъ собирающіяся въ банкахъ средства идутъ въ банки именно потому, что они у своихъ владѣльцевъ не были производительны. Эти средства нельзя еще назвать капиталомъ. Они представляютъ матеріалъ, изъ котораго капиталъ образуется, суровье, изъ котораго онъ вырабатывается, такъ сказать. И эту-то выработку и производятъ банки, соединяя матеріалъ съ живою текущею предпріимчивостью. Банки представляютъ какъ бы фабрики для сортированія и приведенія въ надлежащій видъ и мѣсто суровья для капитала.

32. Область банковаго дѣла также точно широка, какъ широка область интересовъ, приходящихъ въ соприкосновеніе съ кредитомъ и кредитомъ споспѣшествуемыхъ. Всякій интересъ, который какою либо стороною касается денежнаго обращенія и перевода денежныхъ суммъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, споспѣшествуется кредитомъ, облегчающимъ и совершенствующимъ, какъ обращеніе, такъ и переводъ денегъ, возвышающимъ ихъ производительность. Поэтому всякій подобный интересъ выигрываетъ отъ организованности кредита Организованность же кредита означаетъ появленіе и существованіе органовъ, которыхъ *спеціальное* назначеніе—сосредоточиваться на услугахъ. оказываемыхъ кредитомъ, и дѣлать непрерывно-возможнымъ, какъ сами эти услуги, такъ и пользованіе ими.

Когда мы обращаемъ наше вниманіе на внутреннее значеніе кредита, то оно заключается въ услугахъ, имъ оказываемыхъ производительности. Когда мы обращаемъ наше вниманіе на внѣшнее значеніе кредита, то оно заключается въ услугахъ, имъ оказываемыхъ скорости обращенія. Между внутреннимъ и внѣшнимъ значеніемъ кредита существуетъ тѣсная и неразрывная связь, потому что эта связь существуетъ между производительностью экономическихъ силъ и средствъ и скоростью ихъ обращенія. Направляетъ ли кредитъ свое вліяніе на внутреннюю сторону дѣла, на производительность экономическихъ силъ и средствъ, онъ этимъ увеличиваетъ и скорость ихъ обращенія. Направляетъ ли онъ свое

вліяніе на наружную сторону дѣла, на скорость обращенія, онъ этимъ самимъ усиливаетъ и возвышаетъ производительность.

Вотъ почему для насъ должно быть совершенно безразлично, какъ формулируетъ свою задачу кредитное установленіе. Называетъ ли оно себя прямо этимъ именемъ, или не называетъ,—это все равно. Разъ оно направлено на *ускореніе* обращенія свободныхъ капиталовъ (денегъ), или на *усиленіе* производительности свободныхъ капиталовъ, оно—кредитное установленіе.

Скорость обращенія денегъ зависитъ, конечно, и отъ энергіи лицъ, въ рукахъ которыхъ онѣ находятся и которыя ими сами распоряжаются. Но такія лица сами въ деньгахъ своихъ имѣютъ надобность. Слѣдовательно, отъ личной энергіи зависитъ только скорость обращенія *предпринимательскихъ* капиталовъ. Но уже предпринимательскіе капиталы, подъ вліяніемъ одной только личной энергіи, могутъ увеличивать свою скорость до недалекихъ предѣловъ. Какъ бы скоро предприниматель не успѣвалъ кончать свое дѣло, чтобы съизнова его начать, скорость здѣсь возможна только весьма относительная, такъ какъ всякое дѣло требуетъ всегда болѣе или менѣе продолжительнаго времени, гораздо большаго, чѣмъ то, которое нужно на одно только голое израсходованіе или обратное полученіе денегъ. Вотъ почему у всякаго предпринимателя, всегда получающаго отдѣльными *поступленіями* свои доходы или *выручки*, деньги должны дожидаться, пока совокупность выручекъ ихъ возстановитъ сумму, дающую возможность возобновить дѣло въ прежнемъ размѣрѣ. Деньги должны оставаться въ это время праздными и превращаться въ свободные, если самъ предприниматель не найдетъ имъ *новаго* занятія. Если такое однако же будетъ найдено, то, очевидно, сфера нашего предпринимателя *усложнится*. Она уже будетъ состоять изъ двухъ самостоятельныхъ частей, связанныхъ только тѣмъ, что онѣ принадлежатъ одному и тому же предпринимателю, но независимыхъ по внутреннимъ своимъ качествамъ. Отношенія этихъ двухъ частей, къ которымъ можетъ прибавиться еще третья, четвертая, пятая и т. д., будутъ относительно другъ друга такія же, какія

существуютъ между предпріятіями, взаимно другъ другу вспомогающими: одна часть будетъ уступать на время другой свои свободныя средства, чѣмъ и будетъ обезпечена ихъ непрерывная производительность. Эти взаимоотношенія различныхъ частей дѣловой сферы нашего предпринимателя выразятся въ томъ, что онъ въ своемъ счетоводствѣ будетъ отъ имени каждой изъ нихъ вести особый счетъ всѣмъ ея долгами, въ которыхъ она сама состоитъ и въ которыхъ у нея состоятъ. Наличныя же деньги онъ уже не будетъ дробить между разными частями своей сферы, а соединитъ ихъ въ одномъ общемъ резервоарѣ, въ одной общей кассѣ, въ которой свободный капиталъ всегда будетъ сосредоточиваться и изъ которой свободный капиталъ будетъ распредѣляться между различными дѣлами нашего предпринимателя. Сосредоточеніе будетъ имѣть еще и дальнѣйшее удобство, что оно во всякое данное время будетъ приводить въ извѣстность, сколько изъ имѣющихся у предпринимателя свободныхъ средствъ находятъ себѣ занятіе въ различныхъ его собственныхъ дѣлахъ и сколько остаются праздными, не смотря на разнообразіе употребленій, дѣлаемыхъ нашимъ предпринимателемъ изъ денегъ. Такимъ образомъ то, что составляетъ «суть» услугъ, оказываемыхъ кредитомъ (распредѣленіе капитала между различными занятіями, обезпечивающее ему непрерывную производительность и наискорѣйшее обращеніе его, обезпечивающее возможность пользоваться наименьшимъ его количествомъ, дѣлающимъ излишекъ свободнымъ), мы находимъ уже *внутри* сферы каждаго *отдѣльнаго* предпринимателя, даже она въ своемъ расширеніи доходитъ до усложненія, представляемаго «разными дѣлами», входящими въ ея составъ. Какъ только у предпринимателя больше чѣмъ одно занятіе или, вообще, какъ только его спеціальность развивается до того, что она становится сложною и содержащею разнородныя части, ею соединяемыя въ одно органическое цѣлое, между этими-то составными частями начинаютъ возникать и тѣ взаимоотношенія, которыхъ основный характеръ заключается въ представляемомъ ими *кредитѣ*. Внѣшнее выраженіе этихъ взаимоотношеній составныхъ частей индивидуальной предприним-

тельной сферы представляетъ или такъ называемое *двойное счетоводство*, или, рядомъ съ нимъ, *единство* или общность кассы для всѣхъ частей. Въ двойномъ счетоводствѣ приходо расходное движеніе средствъ начинаетъ выражать не однѣ только вообще выдачи и поступленія денегъ, но и такой порядокъ въ выдачахъ и поступленіяхъ, при которомъ поступившія за счетъ чего-либо средства *немедленно* приноравливаютъ къ выдачѣ другаго чего-либо, дѣлающей ихъ немедленно-производительными или немедленно выясняющей, что поступившія средства у даннаго предпринимателя не могутъ себѣ найти никакого занятія и поступить въ его кассу, оставаясь въ ней непроизводительными, если онѣ изъ кассы не перейдутъ тотчасъ же къ другому предпринимателю. Двойное счетоводство немыслимо безъ объединенной кассы. Напротивъ, такъ какъ касса показываетъ общій результатъ, то разъ она сдѣлана единою для всѣхъ частей данной предпринимательной сферы или данной экономической единицы, въ ней во всякомъ случаѣ должна будетъ выясниться (и только и въ состояніи будетъ выясниться) та доля средствъ, которая въ данномъ хозяйствѣ не находитъ себѣ занятія и должна его оставить, чтобы стать производительною.

Такимъ образомъ организація кредита *начинается* съ извѣстныхъ порядковъ, которые должны быть введены отдѣльными предпріятіями и хозяйствами *внутри* своихъ сферъ. То есть эта организація какъ бы выростаетъ изнутри отдѣльныхъ хозяйствъ, свой первый корень она пускаетъ не внѣ, а внутри ихъ самихъ. Мало того, вся цѣль организаціи въ концѣ концовъ заключается въ томъ, чтобъ распространить ихъ-же взаимоотношенія, которыя устанавливаются между *составными частями* каждой отдѣльной предпринимательской или вообще хозяйственно-индивидуальной сферы, на означенныя сферы, какъ цѣлыя, объединить эти сферы и сосредоточивать ихъ около одного общаго резервуара, около одной общей кассы. Окончательная цѣль организаціи кредита—довести все приходо-расходное движеніе свободныхъ средствъ до того, чтобъ каждое поступленіе непосредственно направлялось въ

эту общую кассу и въ ней или осталось свободнымъ запасомъ, или изъ нея *немедленно* уходило къ производительному занятію, чтобъ, слѣдовательно, *всякая* выдача средствъ для производительныхъ затратъ исходила изъ этой общей кассы, чтобъ, наконецъ, сосредоточеніемъ поступленій и выдачъ около одного общаго центра получать возможно большую такую массу ихъ, которая, расходясь по противуположнымъ направленіямъ и перекрещиваясь въ одномъ общемъ пунктѣ, давала бы возможность погашать обязательства безъ всякой помощи свободнаго капитала.

Весьма важно имѣть въ виду, что банками и кредитными установленіями организація кредита далеко еще не вполнѣ исчерпывается. Никакъ не меньше, а столько-же значенія имѣютъ внутреннія распорядки приходо-расходованія каждой отдѣльной экономической сферы, ея *домашняя*, такъ сказать, жизнь съ этой стороны, укоренившіеся взгляды, привычки и обычаи. Представимъ себѣ примѣръ какого нибудь болѣе богатаго розничнаго торговца, у котораго по городу разсѣяно десять лавокъ. Каждая поручена особому главному приказчику, присматривающемуся къ характеру спроса его покупателей, изучающему этотъ спросъ и приноравливающемуся къ спросу тѣмъ, что онъ старается держать свою лавку хорошо-снабженною всѣмъ, что покупателямъ бываетъ нужно. Для большей простоты примѣра и чтобъ онъ не усложнялся еще посторонними вліяніями, предположимъ, что характеръ спроса покупателей въ каждой изъ нашихъ десяти лавокъ существенно различенъ и что товары одной лавки не годятся для остальныхъ. Лавки, слѣдовательно, соединяетъ только то, что онѣ принадлежатъ одному и тому-же лицу и составляютъ отдѣльныя части его предпринимательской сферы. Но онѣ могутъ быть *разрозненными* частями, внутренне-безсвязными, или, напротивъ, внутренне-соединенными. Отчего это будетъ зависѣть? Отъ того, будутъ-ли всѣ онѣ имѣть одну общую кассу, къ которой онѣ всѣ тяготѣютъ, въ которую поступаютъ всѣ ихъ денежныя средства, въ которой эти средства или хранятся, или немедленно расходуются за счетъ какой либо изъ нихъ, или всего этого не будетъ. То есть связность будетъ зависѣть отъ того,

существуетъ-ли одно лицо, которое въ своей мысли и въ своей заботѣ, сразу обо всѣхъ лавкахъ, непрерывно ихъ объединяя, каждую изъ нихъ поддерживаетъ остальными, не предоставляя ни одной изъ нихъ самой себѣ и разсматривая ихъ, какъ совокупность занятій, изъ которыхъ если не одно, то другое оберегаетъ производительность капиталу. Общая касса, такимъ образомъ, обозначаетъ здѣсь не механическій только фактъ, а еще и духовный фактъ единства заботы—сдѣлать свободныя средства немедленно производительными и доводить до minimum'а ихъ безплодную часть. Такое единство заботы человѣку извнѣ, однако, навязывать невозможно. Онъ самъ долженъ до него доразвиться. Оно должно войти въ его привычки и стать обычаемъ, чтобъ получить народнохозяйственное значеніе. Можно устраивать сколько угодно банковъ; но они не произведутъ никакого дѣйствія, если внутренніе распорядки приходо-расходованія не будутъ основаны на привычкахъ заботиться о томъ, чтобъ *уже внутри* каждой индивидуальной экономической сферы свободныя средства не разсѣевались по различнымъ угламъ, а напротивъ сосредоточивались и объединялись бы, какъ въ непрерывно-производительномъ ихъ употребленіи, такъ и выяснеміемъ той ихъ доли, которая въ данной сферѣ уже не находитъ себѣ занятія и въ ней должна оставаться безплодною.

Такимъ образомъ, единство кассы имѣетъ значеніе не для однихъ только правительствъ. Правительства ведутъ свое индивидуальное хозяйство, они имѣютъ свою индивидуальную экономическую сферу. И для этой-то сферы единство кассы имѣетъ такое-же значеніе, какъ во всякой индивидуальной сферѣ, какою бы она ни была. Различныя правительственныя вѣдомства, къ которымъ поступаютъ и которыми расходуются деньги, представляютъ совершенную аналогію лавкамъ вышеприведеннаго нашего примѣра.

Разсматриваемъ-ли мы какую-либо индивидуальную экономическую сферу или всю совокупность таковыхъ сферъ, какъ она представляется въ народномъ хозяйствѣ, во всякомъ случаѣ высшая степень развитія одинаково отражается или сказывается на *строѣ* экономической единицы, индивидуальной или коллективной, на услож-

ненность той и другой, на ея составѣ изъ разнородныхъ частей, въ одно и тоже время, и отчетливо дифференцированныхъ, и интегрально связанныхъ. Вотъ почему на высшей степени развитія основныя условія производительности (раздѣленіе труда, капиталъ и кредитъ) могутъ найти просторъ для своего примѣненія въ предѣлахъ какъ индивидуальной, такъ и коллективной экономической единицы. То есть раздѣленіе труда, капиталъ и кредитъ возможны еще и *до* возникновенія отношеній цѣльной экономической единицы къ другимъ таковымъ-же, какъ и *по* возникновеніи ихъ. Относительно раздѣленія труда и капитала это всякому осязательно очевидно. Но относительно кредита это менѣе очевидно и не такъ сразу бросается въ глаза. Отъ того полагаютъ, что кредитъ возникаетъ только вмѣстѣ съ отношеніемъ однихъ индивидуальныхъ сферъ къ другимъ, или, какъ мы выше выразились, что кредитъ возникаетъ только на рынкѣ. Но мы уже показали, что возникновеніе кредита на рынкѣ обусловливается возникновеніемъ для него особой почвы въ производствѣ. Этого однако мало. *Начала кредита суть начала скорѣйшаго пользованія производительными средствами, когда это пользованіе возможно* не какъ одновременное всѣми *порами*, такъ сказать, полезнаго источника, *а какъ постепенное*, происходящее въ послѣдовательно, одинъ за другимъ слѣдующіе, моменты времени. Вотъ такое послѣдовательное *пользованіе во времени* становится важнымъ и возможнымъ еще до возникновенія всякихъ отношеній между индивидуальными экономическими сферами. Только потому, что домашняя сторона жизни этихъ сферъ и порядковъ, на коихъ она основана, менѣе доступна гласности и скрыта вмѣстѣ съ тѣмъ конкретнымъ матеріаломъ, который опредѣляетъ содержаніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, только потому намъ менѣе бросается въ глаза и то обстоятельство, что въ основѣ современнаго счетоводства и современныхъ кассовыхъ порядковъ еще до возникновенія банковъ дѣйствуютъ начала, которыхъ сущность въ организаціи кредита, въ *систематическомъ* непрерывномъ пользованіи его услугами.

Объединенная касса каждой отдѣльной (индивидуальной) эко-

номической сферы представляетъ какъ бы клѣточку того организма, въ который постепенно развивается все народное хозяйство, когда оно покрывается сѣтью кредитныхъ установленій. Также точно, какъ ошибочно думать, будто одни банки организуютъ кредитъ и что внутренніе домашніе порядки приходо-расходованій лишены для него значенія, также точно ошибочно думать, что устройствомъ и приведеніемъ въ полный порядокъ внутренняго домашняго порядка приходо-расходованія уже исчерпана вся польза отъ тѣхъ кредитныхъ началъ, на основаніи которыхъ означенный порядокъ построенъ и которыми польза собственно и обусловливается. Когда единство кассы введено и установилось внутри предѣловъ каждой отдѣльной экономической сферы, тѣ-же кредитныя начала, которыя при этомъ только и получили примѣненіе, стремятся получить примѣненіе и внѣ означенныхъ предѣловъ, въ отношеніяхъ каждой индивидуальной экономической сферы къ остальнымъ и всѣхъ ихъ вмѣстѣ другъ къ другу. Для этихъ-то *внѣшнихъ* взаимныхъ отношеній индивидуальныхъ экономическихъ сферъ, какъ цѣлыхъ, и пріобрѣтаютъ свое значеніе банки или кредитныя установленія.

Для совокупности индивидуальныхъ экономическихъ сферъ банковъ приходится дѣлать то же самое, что двойное счетоводство и единство кассы дѣлаютъ для совокупности составныхъ частей каждой отдѣльной индивидуальной сферы. Всѣ же банки и кредитныя установленія, вмѣстѣ взятые, дѣлаютъ то же самое для всего народнаго хозяйства.

Подъ кредитнымъ установленіемъ должно понимать всякое предпріятіе или учрежденіе, ставящее себѣ спеціальною цѣлью служеніе потребности, успѣшное удовлетвореніе которой зависитъ отъ того, извлекается ли польза изъ кредита. Когда отдѣльный человѣкъ нуждается на время въ чужомъ капиталѣ и его занимаетъ, или когда другое отдѣльное лице нуждается въ чужомъ производительномъ занятіи, которому на время довѣряетъ свой капиталъ, то мы имѣемъ основаніе говорить о кредитныхъ предпріятіяхъ, но еще не станемъ говорить о кредитныхъ установленіяхъ. Почему? Потому, что устано-

вленіе означаетъ *спеціальный органъ*, всегда предполагающій не разрозненное единичное *дѣйствіе*, а непрерывную *дѣятельность*. Отдѣльное дѣйствіе можетъ составлять предпріятіе, но оно еще не доставляетъ достаточно матеріала для установленія, которому нужны: цѣлый рядъ дѣйствій, разросшаяся цѣль, усложненная дѣятельность. Но когда кредитное предпріятіе само становится крупнымъ, когда его цѣль широкая, когда оно предполагаетъ средства обширныя когда эти средства собираются не сразу однимъ дѣйствіемъ, а цѣлымъ рядомъ таковыхъ, изъ которыхъ на долю каждаго выпадаетъ особая часть, то несомнѣнно, что явно или скрытно, сознанное или не сознаваемое, независимое или подчиненное, должно существовать и соотвѣтственное установленіе, которое и будетъ кредитнымъ въ той мѣрѣ, въ какой на его заботѣ лежитъ проведеніе крупнаго кредитнаго предпріятія.

Подъ «банками» въ обыденной жизни привыкли подразумѣвать только часть того, что на самомъ дѣлѣ можно и должно было бы обозначать этимъ словомъ. Строго говоря, *всякое* кредитное установленіе—банкъ. Но ходячія представленія держатся грубо эмпирическихъ указаній. Если кредитное установленіе именуетъ себя банкомъ, его и считаютъ таковымъ. Отсюда весьма вредныя послѣдствія. Слово «банкъ» означаетъ не только *названіе* кредитнаго установленія, но и соотвѣтственныя *начала* его устройства и веденія. Должно признать, что слово банкъ означаетъ тѣ кредитныя установленія, для которыхъ наука и жизнь успѣли уже выработать извѣстныя общія начала, обусловливающія успѣхъ установленія. Когда кредитное установленіе не обозначается словомъ банкъ, то этимъ какъ будто хотятъ выразить, что къ нему банковыя начала организаціи и администраціи кредита непримѣнимы, что его успѣхъ зависитъ единственно отъ лицъ, имъ руководящихъ, только и умѣющихъ дѣлать его полезнымъ. На самомъ дѣлѣ, однако, кредитныхъ установленій, польза которыхъ зависѣла бы не отъ общихъ началъ производительности, а отъ чудотворныхъ способностей отдѣльныхъ лицъ, совсѣмъ не существуетъ. Кто бы ни пользовался кредитомъ и для какой бы цѣли ни производилось

пользованіе, природа возникающихъ при этомъ явленій остается одною и тою же. Измѣняются только формы кредита, но не самъ кредитъ.

Ниже мы подвергнемъ подробному разбору отдѣльныя условія, къ которымъ кредиту приходится приспособляться и которыми онъ видоизмѣняется наружнымъ образомъ. Эти условія представляютъ: 1) продолжительностью срока, на который растягивается кредитъ, 2) видовыми особенностями тѣхъ капиталовъ, которые сбываются и распредѣляются путемъ кредита, наконецъ 3) видовыми особенностями покупательной силы, не реализовавшей своихъ результатовъ предпріимчивости, которой экономическая независимость поддерживается кредитомъ. Отождествляя *всякую* организацію кредита съ *банковою* или, иными словами, признавая банковую организацію кредита за *исчерпывающую всю* его организацію, мы и опредѣлимъ послѣднюю, какъ приспособленіе кредита ко *всѣмъ* условіямъ, среди которыхъ онъ дѣйствуетъ наиболѣе производительно. Вотъ почему при разборѣ банковыхъ операцій мы будемъ имѣть возможность касаться всѣхъ основъ проявленій кредита, въ какой бы области изъ кредита ни извлекалась польза.

Здѣсь же намъ необходимо обосновать нашъ взглядъ на организацію кредита, какъ исчерпывающую банковою организацію. Современное банковое дѣло широко успѣло уже развѣтвиться. Оно охватываетъ самыя разнообразныя кредитныя отношенія. Банки возникаютъ по поводу стремленій самыхъ различныхъ интересовъ извлечь и на свою долю какую-либо пользу изъ кредита. Въ банковомъ дѣлѣ кредитъ проявляется при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ продолжительности его срока, приводя въ движеніе самые разнообразные капиталы и, вообще, экономическія средства, дѣлая эффективною самые различные виды покупательной силы, которая безъ того оставалась бы временно или на всегда бездѣятельною. При такомъ широкомъ развѣтвленіи банковаго дѣла, оно отличается тою особенностью, что въ его области кредитъ впервые пересталъ быть частью внутренней и поэтому скрытой индивидуальной жизни хозяйственныхъ сферъ. И притомъ здѣсь суть

не только въ томъ, что въ банковомъ дѣлѣ кредитъ добился впервые наибольшей *гласности*. Гласными и проникшими въ общественное сознаніе стали не одни только разрозненные *случаи* задолженности, но *принципы, начала* этой задолженности. Важно не только то, что банковое дѣло выясняетъ и дѣлаетъ явнымъ *массу* долговъ, которые безъ того оставались бы скрытыми, но что оно дѣлаетъ явнымъ качество этихъ долговъ, ихъ способность держаться внутреннею своею силою, что оно проводитъ въ общественное сознаніе *начала*, опредѣляющія качества долговъ, опредѣляющія ихъ увеличеніе и уменьшеніе. Въ банковомъ дѣлѣ впервые администрированіе кредита и производство кредитныхъ операцій перестали быть чѣмъ то такимъ, для чего въ прежнее время (а въ нѣкоторыхъ областяхъ и до сихъ поръ) предполагалась необходимою чуть-чуть не способность творить чудеса. Если прежде, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и до сихъ поръ, къ производству кредитныхъ операцій относились какъ къ какой-то «божьей магіи», то въ банковомъ дѣлѣ все это производство сведено на его основныя начала и до того упрощено, что оно стало почти механическимъ дѣломъ, которое поэтому и считаютъ наиболѣе соотвѣтствующимъ природѣ задачъ акціонерныхъ компаній.

Для того, чтобъ какое-либо дѣло было оставлено мыслью объ его связи съ «чудотворными» силами, необходимо, чтобъ стали извѣстными естественныя силы, которыми оно вызывается, и законы, управляющіе этими силами. Если разъ естественныя силы и законы, отъ которыхъ зависитъ данный разрядъ явленій, приведены въ извѣстность, возникновеніе и существованіе этихъ явленій зависитъ уже отъ *знанія*, а не отъ чудотворныхъ силъ. Знаніе оказываетъ ту услугу въ подобныхъ случаяхъ, что оно освобождаетъ отъ необходимости чудотворцевъ, дѣлаетъ и безъ нихъ возможнымъ производить то, что съ голосовъ чудотворцевъ или съ голосовъ ихъ поклонниковъ считали «чудомъ». Кредитъ долгое время принадлежалъ къ числу чудесъ новѣйшаго періода прогресса. Воображали, что въ кредитѣ дѣйствуютъ какія-то чуть не сверхъестественныя силы, которыя способны составить изъ ничего что-либо и для власти надъ кото-

рыми нужны совершенно особыя способности. Предполагали, что кредитныя комбинаціи представляютъ нѣчто въ родѣ экономическаго колдовства, съ помощью котораго геніи-колдуны способны изворачиваться, изъ самыхъ затруднительныхъ положеній, когда для обыкновенныхъ людей уже истощились всѣ пути для выхода. Опытъ банковаго дѣла былъ первою и до сихъ поръ остался главною основою новыхъ идей о кредитѣ, очищенныхъ отъ всякаго колдовства.

Если мы, теперь, зададимся вопросомъ, чѣмъ отличается банковый кредитъ или кредитъ, получившій банковую организацію, отъ всякаго иного кредита, то единственный отвѣтъ, который можно дать на подобный вопросъ, заключается въ большей выясненности банковаго кредита, въ его большей сознанности, въ большей извѣстности силъ, въ немъ дѣйствующихъ, и законовъ, управляющихъ дѣйствіями этихъ силъ, наконецъ, въ большемъ постоянствѣ и большей правильности возникновенія и прекращенія явленій банковаго кредита.

Сравнивая явленія банковаго кредита съ явленіями кредита, которыя не причисляются къ разряду банковыхъ, мы открываемъ, что одно изъ двухъ: или явленія кредита, не причисляемыя къ разряду банковыхъ, *совсѣмъ не организованы*, или-же, если онѣ организованы, то также точно, какъ и явленія банковаго кредита.

Обратимъ прежде всего вниманіе на такъ называемые основные виды кредита. Таковыхъ насчитываютъ два: частный и публичный. Подъ первымъ разумѣютъ всякое проявленіе кредита, когда инціатива его возникновенія принадлежитъ частнымъ отдѣльнымъ лицамъ или договорнымъ соединеніямъ (договорнымъ обществамъ) отдѣльныхъ частныхъ лицъ. Выдаетъ-ли отдѣльное лицо простой или переводный вексель, или иное обязательство, обезпеченное одними только личными производительными его качествами, или оно выдаетъ обязательства, обезпеченныя поручительствомъ или залогами имущественными, выдаетъ-ли обязательство одно лицо, или совокупность таковыхъ—во всякомъ подобномъ случаѣ, когда въ кредитныхъ отношеніяхъ замѣшаны интересы частные, стоящіе въ

этихъ отношеніяхъ на первомъ планѣ и только косвенно отражающіеся на публичныхъ интересахъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ говорятъ о частномъ кредитѣ. Напротивъ, когда первоначальный интересъ, подающій непосредственный и прямой поводъ возникновенію кредитнаго отношенія, интересъ публичный, который только посредственно и *косвенно* отражается и на частныхъ интетесахъ, тогда говорятъ о кредитѣ публичномъ (credit public, öffentlicher Kredit).

Всегда-ли частный кредитъ—банковый, или не всегда? Можетъ казаться, что это зависитъ отъ существованія банка, играющаго какую-либо роль при возникновеніи частныхъ кредитныхъ отношеній. Но банкъ есть учрежденіе или органъ, являющійся вмѣстѣ съ учащеніемъ случаевъ возникновенія кредитныхъ отношеній, облегчающій возникновеніе, споспѣшествующій ему и вносящій порядокъ въ возникающія кредитныя отношенія, дающій имъ возможность стать правильными. Слѣдовательно, частный кредитъ будетъ намъ представлять явленія не банковаго разряда только до тѣхъ поръ, пока онъ самъ будетъ представлять явленіе случайное, одиноко стоящее въ ряду другихъ экономическихъ явленій. Напротивъ, какъ только частный кредитъ выйдетъ изъ этой стадіи развитія, появятся и учрежденія, ему служащія. Какія эти учрежденія и какъ они называются, все равно: существовать они во всякомъ случаѣ будутъ. На дѣлѣ они всегда и бываютъ: или частными предпріятіями отдѣльныхъ лицъ (банкирскія предпріятія), или учрежденіями коллективной предпріимчивости (банки).

Всего менѣе относительно явленій частнаго кредита возможно какое-либо сомнѣніе, что, когда онъ организуется, онъ становится банковымъ, или что когда онъ не банковый, то онъ—неорганизованный. Въ неорганизованномъ состояніи частный кредитъ представляется въ видѣ массы обязательствъ, возникшихъ при наименѣе постоянномъ и наименѣе обезпеченномъ *спросѣ* и при наименѣе постоянномъ и наименѣе обезпеченномъ *предложеніи*. На низшей степени развитія, на необходимость или возможность пользованія кредитомъ смотрятъ, какъ на случайность, иногда счастливую, иногда несчастную, иногда происходящую отъ преимуще-

ственно благопріятствующихъ условій жизни, иногда-же происходящую отъ прямо противуположной причины, отъ неудачъ, постигающихъ предпріимчивую дѣятельность человѣка, или бѣдствій, постигающихъ его имущество. Человѣкъ, говорятъ тогда, можетъ пользоваться кредитомъ, оттого что онъ богатъ, оттого что ему везетъ, удается склонять другихъ людей въ свою пользу, входить къ нимъ въ милость, пріобрѣтать ихъ довѣріе, оттого что онъ можетъ другихъ людей уговаривать и убѣждать, представлять имъ всякіе планы о возможныхъ прибыляхъ и т. п. Вообще полагаютъ, что индивидуальныя качества изъ числа тѣхъ, которыя не часто попадаются, которыя даютъ исключительное преимущество одному человѣку предъ другими, главнымъ образомъ обусловливаютъ кредитъ. «Умѣть занять» считается какимъ-то особымъ искусствомъ, для котораго предполагаютъ нужными особыя способности. Съ другой стороны, на той-же низшей ступени экономическаго развитія полагаютъ, что при правильномъ ходѣ дѣлъ кредитъ — вещь лишняя. Долги считаются тягостью, которая связываетъ силы и средства, которая лишаетъ свободы распоряжаться этими силами и средствами, которая требуетъ о себѣ особыхъ заботъ и увеличиваетъ собою массу заботъ, обременяющихъ человѣка. Въ общемъ результатѣ взгляды сводятся къ тому, чтобъ въ кредитѣ не усматривать *необходимости*, которая обусловливалась-бы постоянно дѣйствующими причинами, обезпечивающими постоянство къ возникновенію кредитныхъ отношеній. Понятно, что въ такомъ случаѣ масса обязательствъ, которыя выдаютъ члены народнаго хозяйства одинъ другому и изъ которыхъ возникновеніе каждаго какъ-бы случайно, представляетъ нѣчто безсвязное и безпорядочное. Каждый воображаетъ, что онъ случайно оказался въ долгу и что такъ какъ онъ озабоченъ мыслью освободиться отъ тягости долга, что въ его власти раньше или позже повліять косвенно и на всю массу долговъ.

Должно признать, что господствующія на низшихъ степеняхъ развитія взгляды на кредитъ имѣютъ своимъ основаніемъ не одно субъективное несовершенство понятій, но и внѣшнее несовершенство жизненныхъ условій, вызывающихъ кредитъ. Только съ даль-

нѣйшимъ прогрессивнымъ движеніемъ этихъ условій, съ дальнѣйшимъ прогрессивнымъ движеніемъ самой жизни и съ переходомъ на высшую ступень экономическаго развитія, когда условія, споспѣшествующія кредиту, болѣе крѣпнутъ и пріобрѣтаютъ во внутренней силѣ, — только тогда и представленія о кредитѣ могутъ и должны измѣниться, имѣя подъ собою прочную почву. Обязательства, которыя выдаютъ члены народнаго хозяйства одинъ другому, уже каждое въ отдѣльности теряютъ характеръ случайности. Но еще болѣе этотъ характеръ случайности теряетъ вся масса обязательствъ, взятыхъ въ ихъ совокупности. Мало-по-малу становится замѣтнымъ, что почти всякое крупное предпріятіе ведется не только капиталомъ, который принадлежитъ въ собственность хозяину предпріятія, но и капиталомъ, полученнымъ въ кредитъ: не только предпринимательскимъ, но и ссуднымъ капиталомъ. Становится замѣтною и сознаваемою не только необходимость ссуднаго капитала, но и его полезность. Становится понятнымъ, что если ссудный капиталъ требуетъ о себѣ особыхъ заботъ, то эти заботы производительны и доходны не хуже другихъ. Объемъ предпріимчивости и занятій отдѣльнаго человѣка начинаетъ обусловливать его потребность въ кредитѣ. Вслѣдствіе того отъ потребности въ кредитѣ отпадаетъ характеръ случайности и непріятности. Съ другой стороны, не менѣе замѣтно становится, что расширеніе объема предпріимчивости и занятій отдѣльныхъ лицъ и увеличеніе ихъ богатства необходимо за собою влекутъ появленіе новыхъ массъ товаровъ и цѣнностей, которые лишены были-бы всякаго сбыта и стали-бы безплодными и бездоходными, ослибъ они не были уступаемы въ кредитъ. Необходимость, такимъ образомъ, дѣлается очевидною, какъ въ спросѣ на кредитъ, такъ и въ его предложеніи. Болѣе и болѣе при этомъ для каждаго становится очевиднымъ, отъ какихъ причинъ, отъ чего и отъ кого его кредитъ зависитъ. Каждый усматриваетъ, что основная причина, отъ которой зависитъ его кредитъ, заключается въ производительности его предпріимчивости. Затѣмъ, каждый усматриваетъ, что его кредитъ зависитъ отъ того, *извѣстна-ли* его производительная предпріим-

чивость кому-либо и кому именно. Конечно, всего скорѣе и всего ближе она можетъ стать извѣстною тѣмъ постороннимъ лицамъ, сношенія съ которыми наиболѣе постоянны. Такимъ образомъ, каждый замѣчаетъ, что кредитъ его собственныхъ обязательствъ зависитъ отъ постоянства его сношеній съ посторонними предпріятіями. Если эти сношенія неправильны, если направленіе ихъ часто измѣняется, то кредитъ возможенъ только случайный. Напротивъ, чтобъ кредитъ сталъ прочнымъ, необходимо лицу, въ кредитѣ нуждающемуся, направить свои сношенія по извѣстному направленію. Вслѣдствіе того, однако, уже обязательства отдѣльныхъ лицъ являются подъ вліяніемъ организующей ихъ мысли. Отдѣльное обязательство не стоитъ уже одиноко, оно соображается съ массою другихъ, соподчиняется имъ, соединяется съ ними и принимаетъ одно общее съ ними направленіе, стремясь къ извѣстному центру, гдѣ его вѣсъ или его тяжесть—наибольшіе, гдѣ оно всего устойчивѣе.

Какое же отсюда послѣдствіе? Обязательства начинаютъ сосредоточиваться въ *спеціальныхъ* предпріятіяхъ, служащихъ той потребности въ кредитѣ, которую выражаютъ собою обязательства. Иногда эти предпріятія—чистыя кредитныя установленія, иногда онѣ соединены съ другимъ занятіемъ. Но въ обоихъ случаяхъ очевидно и понимаютъ, что обязательства стремятся къ банковымъ предпріятіямъ и въ нихъ сосредоточиваются, такъ какъ отъ нихъ получаетъ окончательное удовлетвореніе потребность въ кредитѣ.

Каждое частное обязательство становится и въ общемъ сознаніи *матеріаломъ*, который по своей природѣ долженъ отправиться въ банкъ. Банкъ для того вѣдь и возникаетъ, чтобы облегчать отдѣльнымъ частнымъ лицамъ возможность находить капиталъ подъ ихъ обязательства, или погашать свои долги, хотя бы для того наличность и не имѣлась. Каждое обязательство частнаго лица начинаетъ представлять отдѣльный моментъ организованнаго банкомъ кредита.

При этомъ все равно, выражается ли обязательство векселемъ (простымъ или переводнымъ) или инымъ документомъ, безсрочное

ли оно, краткосрочное ли или долгосрочное, оплачивается ли оно сразу возвратомъ занятаго капитала, или постепенно долями, вносимыми въ извѣстные промежутки времени, имѣетъ ли право кредиторъ или должникъ опредѣлять, когда обязательству настаетъ конецъ. Для каждаго изъ этихъ видовъ обязательствъ выработаны опытомъ особыя основанія, которыми и руководствуются кредитныя учрежденія или банки, когда имъ приходится имѣть дѣло съ однимъ или другимъ видомъ обязательствъ.

Виды банковъ, такимъ образомъ, являются простымъ послѣдствіемъ разнородности перечисленныхъ выше условій (срочности, характера капитала и характера нереализовавшей своихъ результатовъ предпріимчивости), видоизмѣняющихъ внѣшнія проявленія кредита, въ данномъ случаѣ кредита частнаго. Поземельные банки, служащіе кредиту землевладѣнія и сельско-хозяйственной предпріимчивости, организуютъ кредитъ долгосрочный, банки торговые—организуютъ кредитъ краткосрочный.

Но, можетъ спросить читатель, куда же, къ какимъ банкамъ и кредитнымъ установленіямъ относится кредитъ, которымъ пользуются акціонерныя компаніи, напримѣръ желѣзнодорожныя общества? Опытъ, отвѣчая на этотъ вопросъ, показываетъ, что и этотъ кредитъ организуется банками и банкирами, чрезъ посредство которыхъ заключаются долги акціонерныхъ обществъ. Если же администрированіе своего кредита акціонерныя компаніи берутъ сами на себя, то онѣ руководствуются тѣми же началами, которыми на ихъ мѣстѣ руководствовались бы банки.

Ни краткосрочный, ни долгосрочный виды частнаго кредита не знаютъ другихъ началъ для своей организаціи, кромѣ тѣхъ, которыя лежатъ въ основѣ банковаго дѣла. Заключаются ли обязательства въ векселяхъ, или ссудахъ подъ залоги, движимости или недвижимости, краткосрочны ли обязательства или они—долгосрочныя облигаціи, онѣ во всякомъ случаѣ въ организаціи порождающаго ихъ кредита подчиняются означеннымъ началамъ.

Рѣшительно никакого сомнѣнія въ этомъ возникнуть не можетъ, когда имѣются въ виду обязательства, которыя только съ банками

и возникаютъ, когда банки привлекаютъ къ себѣ капиталы, въ рукахъ ихъ владѣльцевъ бездоходные, чтобы найти имъ производительное занятіе, или когда банки сосредоточиваютъ обязательства около себя, какъ около центра, чтобы въ этомъ центрѣ онѣ перекрещивались и взаимно другъ друга погашали.

Затѣмъ остается, однако, еще кредитъ публичный, который по преимуществу обособляютъ отъ кредита банковаго. Существуетъ ли для публичнаго кредита организація особая, самостоятельная и отличная отъ той, которую собою представляетъ банковая организація кредита?

Если судить по первому впечатлѣнію, то легко можетъ казаться что банковое дѣло и государственный кредитъ представляютъ собою явленія совершенно разнородныя, которыя общаго между собою имѣютъ только то, что оба имѣютъ главнымъ своимъ содержаніемъ кредитъ, котораго они однако касаются съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія, съ совершенно различныхъ сторонъ и совершенно различнымъ образомъ. На этомъ основаніи можетъ казаться, что сопоставленіе этихъ двухъ явленій лишено всякаго практическаго и жизненнаго значенія. На самомъ дѣлѣ, однако, практическое значеніе такого сопоставленія гораздо выше, чѣмъ можетъ представляться съ перваго раза.

Государственный кредитъ обнимаетъ совокупность явленій, возникающихъ вслѣдствіе того, что правительство пользуется кредитомъ, какъ финансовымъ источникомъ. Явленія эти заключаются въ томъ рядѣ дѣйствій, или мѣръ, съ помощью которыхъ государственные долги возникаютъ, поддерживаются въ нормальныхъ условіяхъ и погашаются. Характеристичная черта всей совокупности идей, которыя касаются государственнаго кредита непосредственно, заключается въ томъ, что онѣ затрагиваютъ кредитъ съ точки зрѣнія интересовъ правительства. Кредитъ называютъ государственнымъ съ точки зрѣнія того интереса, который онъ имѣетъ для государства. Существенное содержаніе явленій, въ которыхъ онъ выражается, исчерпывается, такимъ образомъ, тою стороною кредита вообще, которая имѣетъ значеніе *для извѣстнаго вида*

*должниковъ*, того именно вида должниковъ, который представляется правительствами. Какъ поземельный кредитъ выражаетъ кредитъ, насколько въ немъ заинтересованы должники-земледѣльцы и землевладѣльцы—какъ торговый кредитъ (вексельный, вкладный чековой, эммиссіонный) выражаетъ его, насколько имъ заинтересованъ торгово-промышленный міръ, — такъ государственный представляетъ намъ извѣстный видъ кредита, разсматриваемый съ точки зрѣнія извѣстнаго должника.

Если мы теперь зададимся вопросомъ, чѣмъ отличается, напримѣръ, торговый или поземельный кредитъ отъ банковаго кредита, то отвѣтъ будетъ очень простой: отличіе между ними такое, какое существуетъ между цѣлымъ и его частью. Поземельный или торговый кредитъ касаются послѣдняго, насколько въ немъ заинтересованъ извѣстный видъ должниковъ. Напротивъ банковое дѣло обнимаетъ всѣ явленія, въ которыхъ выражаются кредитныя отношенія, возникающія между частными лицами и обособившіяся отъ другихъ отношеній въ самостоятельную спеціальную группу. Все равно, заинтересованы-ли въ этихъ кредитныхъ отношеніяхъ землевладѣльцы или фабриканты, торговцы или ремесленники: разъ эти отношенія выдѣляются изъ массы остальныхъ по принятому ими размѣру и по достигнутому ими развитію, онѣ представляютъ уже какой либо видъ банковыхъ явленій и мы говоримъ о поземельномъ, торговомъ, промышленномъ или ремесленно-народномъ банковомъ дѣлѣ. Но этого мало. Банковое дѣло обнимаетъ кредитныя отношенія не только съ той ихъ стороны, которою онѣ имѣютъ интересъ для того или иного разряда должниковъ, но еще и съ той ихъ стороны, которою онѣ имѣютъ интересъ для всякаго рода кредиторовъ: по билетамъ-ли, или по вкладамъ, или по закладнымъ листамъ. Такимъ образомъ банковое дѣло исчерпываетъ всѣ стороны кредитныхъ отношеній.

Спрашивается однако, должны ли мы при перечисленіи кредитныхъ отношеній, входящихъ въ область банковаго дѣла, останавливаться тамъ, гдѣ кончаются кредитныя отношенія между частными лицами, какъ таковыми, и начинаются ссудно-долговыя от-

ношенія между государствами и частными лицами? Практическое значеніе этотъ вопросъ имѣетъ потому, что банковое дѣло обнимаетъ цѣлый рядъ началъ, выработанныхъ опытомъ для администрированія кредитныхъ отношеній. Поэтому весьма важно знать, дѣйствительно-ли эти начала имѣютъ значеніе для частныхъ только лицъ, а для правительствъ не писаны, или, напротивъ, они имѣютъ одинаковое практическое значеніе и при администрированіи государственно-кредитныхъ отношеній.

Характеристичная черта тѣхъ знаній, которыя касаются государственно-долговой политики или администраціи, заключается между прочимъ въ ихъ грубѣйшемъ эмпирическомъ характерѣ. Дальше поверхностнаго описанія того, какими способами долги заключаются, поддерживаются въ своей состоятельности и погашаются—эти знанія не идутъ. Какихъ либо общихъ началъ, которыя имѣли бы хотя бы менѣе далекое сходство съ тѣми общими основаніями, которыми выработаны жизнью для руководства банковой администраціи кредита, государственно-долговая политика вовсе не представляетъ. Въ самомъ крайнемъ и лучшемъ случаѣ она содержитъ только болѣе или менѣе общіе отрицательные совѣты о томъ, чего слѣдуетъ воздерживаться, чего не слѣдуетъ дѣлать. Вслѣдствіе того въ области государственнаго кредита придается столько вѣсу личной и случайной изобрѣтательности отдѣльнаго администратора, умѣнію его придумывать болѣе или менѣе хитрую комбинацію, какъ заключить, или какъ уплатить заемъ. Вслѣдствіе того, также, когда дѣло касается государственныхъ долговъ и вообще государственныхъ кредитныхъ отношеній, болѣе или менѣе запутанныхъ, всѣ обыкновенно думаютъ, что только тотъ въ состояніи ихъ распутать, у кого для подобныхъ дѣлъ имѣется совершенно особенный, чуть чуть не сверхъестественный даръ. «Это слишкомъ просто придумано, нужно придумать что либо особенное», вотъ что приходится по большей части слышать, когда обсуживается какой либо планъ, имѣющій цѣлью привести въ порядокъ государственно-долговыя отношенія. Если судить по господствующимъ воззрѣніямъ, то нужно быть чуть-

чуть не колдуномъ, чтобъ выработать планъ, который всѣмъ бы пришелся по сердцу и удовлетворилъ бы ожиданію всѣхъ. Если однако перебрать всѣ планы, получившіе практическое примѣненіе, то окажется, что всѣ они считались неудовлетворившими тѣ надежды, съ которыми они ожидались, что колдовствомъ еще никто не дѣйствовалъ въ государственно-долговой политикѣ.

Очевидно, что при такомъ отсутствіи раціональныхъ началъ, которыми государственно-долговая политика могла бы руководиться, далеко не лишенъ и практическаго интереса вопросъ, насколько для нея годятся начала банковой администраціи кредита.

Если перебрать всѣ стороны и виды, въ которыхъ проявляется государственный кредитъ, то окажется, что между ними нѣтъ ни одного такого, который не входитъ въ составъ и банковаго кредита. Государство пользуется кредитомъ, заключая или долгосрочные займы или краткосрочные. Природа долгосрочныхъ долговъ государства ничѣмъ не отличается съ точки зрѣнія ихъ администрированія отъ долговъ, возникающихъ при поземельномъ кредитѣ, или когда акціонерныя компаніи (напримѣръ желѣзнодорожныя) выпускаютъ облигаціи. Практика тоже одинаково разсчитываетъ цѣнность тѣхъ и другихъ обязательствъ. При краткосрочномъ пользованіи кредитомъ государство его утилизируетъ или на время, на опредѣленный срокъ (билеты казначейства), или безсрочно, т. е. съ уплатою долга немедленно по востребованію кредитора (бумажныя деньги). Но и тутъ государственный кредитъ не представляетъ ничего особеннаго. Долги, которые правительствами заключаются на короткіе сроки, также точно разсчитаны на временно свободные капиталы, ищущіе доходнаго помѣщенія, какъ на эти капиталы разсчитаны долги, заключаемые банками при пріемѣ процентныхъ вкладовъ. Вкладный билетъ или депозитная облигація предоставляютъ собою совершенно одинаковое проявленіе кредита съ т. н. долгами казначейства (Schatzscheine, bons de trésor, exchequer-bills). Никакой хитроумный теоретикъ въ какія бы онъ тонкости ни вдался, не въ состояніи опредѣлить различія между долгомъ, возникающимъ отъ вклада на срокъ, и

долгомъ по билету казначейства, съ точки зрѣнія помѣщенія капитала, конечно. Выпускъ казенныхъ бумажныхъ денегъ обыкновенно считаютъ существенно различнымъ отъ выпуска банковыхъ билетовъ главнымъ образомъ на томъ основаніи, что банковые билеты представляютъ ссудный капиталъ, который выпускающимъ учрежденіемъ передается обороту не на всегда или даже не на опредѣленный срокъ и не какъ платежъ, а какъ долгъ, срочность котораго опредѣлить представляется самому обороту. Кто беретъ банковый билетъ отъ выпускающаго его учрежденія, получаетъ его въ долгъ за опредѣленное вознагражденіе и на время, по истеченіи котораго долгъ долженъ быть уплоченъ и, слѣдовательно, билеты должны возвратиться въ банкъ; или вмѣсто нихъ должны возвратиться деньги, на которыя билеты будутъ вымѣнены при предъявленіи. Напротивъ при выпускѣ бумажныхъ денегъ правительствомъ послѣднее пользуется ими для уплаты за товары и услуги; оно никому ихъ не даетъ въ долгъ, который никому не приходится уплачивать, вслѣдствіе чего денежные знаки должны оставаться въ оборотѣ. Несомнѣнно, что это различіе имѣетъ важное практическое значеніе. Но не менѣе несомнѣнно и то, что оно не доказываетъ принципіальнаго различія въ природѣ казеннаго и банковаго выпусковъ. Дѣло въ томъ, что при казенномъ выпускѣ правительство представляетъ въ одно и то-же время и выпускающее учрежденіе и должника, для котораго производится выпускная операція. Это однако все равно, какъ еслибъ банкъ выпускалъ билеты не для того, чтобъ ими учитывать векселя или чтобъ ихъ выдавать въ краткосрочныя ссуды подъ залогъ цѣнныхъ бумагъ, а для того, чтобъ ихъ употреблять на спекуляцію за собственный свой счетъ, на покупку товаровъ или золота или какихъ бы то ни было цѣнностей, на участіе въ подпискахъ и т. п. Конечно, такіе выпуски очень опасны. Но это доказываетъ только, что хорошимъ средствомъ для достиженія солидныхъ цѣлей можно злоупотреблять. Менѣе-же всего это доказываетъ, что для достиженія опасныхъ цѣлей не годится хорошее средство и что его при стремленіи къ нимъ нужно измѣнять. Условія доброкачественно-

сти выпуска однѣ и тѣ-же, кто бы не производилъ выпускъ: казна или банкъ. Вотъ въ чемъ суть. Банковыя начала эммиссіонной операціи одинаково сохраняютъ свое значеніе, кто-бы и для какихъ-бы цѣлей не совершалъ эту операцію.

Внимательное размышленіе надъ всѣми формами государственно-кредитныхъ операцій, какъ убѣдятъ послѣдующія части нашей книги, вполнѣ убѣждаетъ, что нѣтъ между ними ни одной, для которой банковыя начала обсужденія, оцѣнки и администрированія кредита теряли бы свое практическое значеніе Система государственнаго кредита каждой страны представляетъ собою совокупность разнообразныхъ формъ и способовъ извлеченія пользы изъ банковыхъ операцій правительствомъ этой страны. Болѣе чѣмъ опытъ всякаго другаго государства, это убѣдительно доказываетъ нашъ собственный опытъ. Наше правительство извлекало выгоды отъ кредита, пользуясь и банковыми вкладами, и серіями, и долгосрочными облигаціями, и эммиссіонною операціею Наша система государственнаго кредита представляетъ, поэтому, самую развѣтвленную систему способовъ эксплоатированія банковыхъ операцій правительствомъ.

Какъ бы существенно ни различалось государство отъ совокупности частныхъ предпріятій и хозяйствъ, экономическая природа оборотовъ, въ которыхъ оно является со своимъ дѣятельнымъ участіемъ, отъ этаго ни мало не измѣняется. Въ области кредита это очевиднѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой. Слова могутъ употребляться другія, наружность дѣла можетъ быть иная. Но природа его остается неизмѣненною. Правительства могутъ воображать, что онѣ способны занимать деньги даже безъ всякаго обязательства обратной ихъ уплаты, на вѣки, съ помощью выпуска т. н. вѣчныхъ рентъ. Но эта вѣчность только красивая фраза для выраженія и прикрытія весьма некрасиваго факта: неспособности опредѣлить въ данное время, когда и какимъ образомъ долгъ будетъ уплаченъ и перемѣщенія бремени этаго опредѣленія на будущія поколѣнія. Въ основѣ ея лежитъ эгоистическій интересъ минуты, поставленной въ невозможность заботиться объ интересахъ будущаго. Также точно можетъ казаться, что правительство чрезъ выпускную

операцію можетъ пользоваться деньгами безпроцентно. Но если принять во вниманіе, что проценты всегда уплачиваются правительствомъ не изъ доходовъ, воспроизводимыхъ занятымъ имъ капиталомъ, а изъ средствъ частнохозяйственной сферы, то рѣшительно все равно, значится-ли въ бюджетѣ, что на уплату такого-то долга собирается столько-то для процентовъ, или этого не значится, но частнохозяйственная сфера должна выносить тяжелое бремя лажа. Если-же правительство пользуется эммиссіонною операціею умѣренно (подобно, напримѣръ, нѣкоторымъ германскимъ) и лажа нѣтъ, то вѣдь въ предѣлахъ благоразумія и банки могутъ пользоваться безпроцентными займами.

Въ дѣйствительности долгосрочные долги правительствъ и администрація этихъ долговъ мало чѣмъ отличаются отъ долгосрочныхъ банковыхъ долговъ и начала государственно-долговой политики въ этой области совершенно совпадаютъ съ началами банковой администраціи долгосрочнаго кредита. Иное представляетъ намъ область краткосрочнаго государственнаго кредита. Здѣсь то главнымъ образомъ и господствуетъ грубѣйшій эмпиризмъ. И здѣсь то порядокъ можетъ быть водворенъ только однимъ путемъ: принятіемъ въ основу правительственнаго регулированія государственныхъ краткосрочныхъ долговъ началъ банковаго администрированія краткосрочнаго кредита.

А между тѣмъ очевидно, что это вопросъ одинаково важный, какъ для финансовой науки, такъ и для финансовой практики. Для науки вопросъ о пригодности основаній банковой администраціи краткосрочнаго кредита, при регулированіи такъ называемыхъ неотверженныхъ долговъ государства, представляетъ собою вопросъ о возможности перейти изъ состоянія почти круглаго невѣденія, какъ быть и что дѣлать, въ состояніе, когда можно чувствовать подъ собою твердую почву. Для практики этотъ вопросъ важенъ потому, что надлежащее его разрѣшеніе съ разу открываетъ цѣлый рядъ путей, испытанныхъ обширнымъ, разностороннимъ и долговременнымъ опытомъ. Наука и практика пріобрѣтаютъ цѣлый рядъ началъ, которыми онѣ могутъ руководствоваться при обсуж-

деніи даннаго состоянія и предстоящихъ перемѣнъ въ состояніи краткосрочнаго государственнаго долга; получаются основанія, по которымъ можно судить, до какихъ размѣровъ и при какихъ условіяхъ можетъ быть допущено развитіе различныхъ отдѣльныхъ видовъ этого долга, какъ оно должно быть обставлено, чтобы быть нормальнымъ и, слѣдовательно, когда развитіе должно быть признаваемо за ненормальное.

Несомнѣнно, что краткосрочный государственный кредитъ по своей природѣ далеко не повиненъ въ тѣхъ предразсудкахъ, которыхъ о немъ не мало распространено даже у государственныхъ людей. Можно идти даже далѣе и признавать, что краткосрочный государственный кредитъ имѣетъ за себя гораздо болѣе внутреннихъ основаній, чѣмъ долгосрочный. Государственный кредитъ вообще не представляетъ такого способа производительнаго помѣщенія капитала, при которомъ послѣдній самъ себя воспроизводитъ. Вся система государственнаго кредита представляетъ собою только весьма усложненную систему погашенія безвозвратно погибнувшихъ капиталовъ съ помощью организаціи періодически возобновляемыхъ резервовъ для уплаты процентовъ и погашенія. Резервы эти составляются изъ налоговъ, экономическая природа которыхъ въ данномъ случаѣ совершенно уподобляется страховымъ преміямъ, вносимымъ заинтересованными лицами въ разныхъ случаяхъ для образованія изъ этихъ премій новаго капитала, въ замѣнъ погибшаго. При долгосрочныхъ долгахъ таковой характеръ процентовъ и погашенія всего очевиднѣе. Но это именно и доказываетъ, что долгосрочные долги, какъ проявленіе кредита, имѣютъ за себя всего менѣе внутреннихъ основаній. Долгосрочный кредитъ представляетъ способъ добавленія къ существующимъ непроизводительнымъ затратамъ еще новыхъ, такихъ же. Напротивъ, краткосрочный государственный кредитъ служитъ *только* способомъ для ускореннаго сосредоточенія въ правительственныхъ рукахъ капиталовъ, періодически поступающихъ къ нему. У правительства, какъ у всякаго индивидуальнаго экономическаго организма, бываютъ періоды, когда ему нужно больше капиталовъ, чѣмъ

сколько къ нему поступаетъ, и другіе періоды, когда ему нужно меньше капиталовъ, чѣмъ сколько оно имѣетъ. Чѣмъ шире размѣры правительственнаго хозяйства, чѣмъ ближе и тѣснѣе его связь съ частнохозяйственною сферою, тѣмъ болѣе оно на себѣ отражаетъ законъ распредѣленія оборотныхъ средствъ между разными періодами.

Въ общей системѣ, въ которую слагаются всѣ индивидуальныя хозяйства каждой страны, ея правительственное хозяйство входитъ составною частью, тѣмъ болѣе важною, чѣмъ крупнѣе доходы и расходы правительства. Доходамъ правительства соотвѣтствуетъ равное имъ обязательство, лежащее на населеніи страны, изъ средствъ котораго образуются означенные доходы. Расходамъ правительства также соотвѣтствуетъ равное имъ обязательство, лежащее на самомъ правительствѣ и погашаемое его доходами. Правительство (или представляющія его лица) являются на рынкѣ однимъ изъ значительнѣйшихъ покупателей. Въ денежномъ обращеніи каждой страны доходы и расходы ея правительства играютъ, поэтому, весьма важную роль, отвлекая значительную массу денегъ для платежей правительству и для платежей, производимыхъ правительствомъ.

Вслѣдствіе того возникаетъ особый рядъ задачъ, совершенно тождественныхъ съ тѣми, разрѣшеніе коихъ для частнохозяйственной сферы — задача организаціи кредита. Прежде всего важно, чтобы внутри предѣловъ правительственнаго хозяйства, разсматриваемаго какъ индивидуальное, деньги не разсѣевались по различнымъ его составнымъ частямъ (вѣдомствамъ), а объединялись возможно меньшимъ числомъ общихъ кассъ. Отсюда задача организаціи правительственныхъ кассъ на началѣ единства, разрѣшаемая примѣненіемъ банковаго начала къ правительственному хозяйству.

Затѣмъ важно, чтобъ правительство имѣло какъ разъ къ тому времени, когда ему всего удобнѣе дѣлать свои расходы, то есть когда его затраты всего производительнѣе, необходимыя для того средства. То есть необходимо, чтобы правительство также точно

имѣло полную возможность антиципировать свои доходы, конечно, пропорціонально несомнѣнности ихъ будущаго поступленія, какую имѣютъ частныя лица. Ибо правительственный кредитъ, какъ и частный, основывается на большей производительности средствъ, когда онѣ приспособляются къ потребностямъ, наиболѣе настоятельнымъ. Народное хозяйство ничего не выигрываетъ, а, напротивъ, проигрываетъ, когда правительство, дѣлая свои расходы въ такое время, когда эти расходы наименѣе производительны, принужденно гоняться за удобствомъ, представляющимся только въ томъ, что время поступленія доходовъ совпадаетъ съ временемъ ихъ израсходованія. Въ виду несомнѣнности поступленія текущихъ доходовъ, всякое правительство дѣлаетъ сбереженіе и себѣ, и народному хозяйству, когда оно пользуется краткосрочнымъ кредитомъ, дающимъ ему возможность производить расходы, когда они всего болѣе производительны (покупать, когда всего выгоднѣе) и собирать доходы, когда податнымъ плательщикамъ всего легче разставаться со своими средствами. Правительство въ этомъ случаѣ совершенно уподобляется частному предпринимателю, которому всего цѣлесообразнѣе довѣрить капиталъ въ извѣстный моментъ времени, когда капиталъ у него оказывается всего производительнѣе и когда несомнѣнно, что у него легко возстановится на короткое время довѣренный ему капиталъ. Въ подобномъ случаѣ мы находимъ второе важное примѣненіе началъ банковой организаціи кредита къ правительственному хозяйству, примѣненіе, которое вноситъ новый свѣтъ въ область краткосрочнаго государственнаго кредита.

Наконецъ, третье примѣненіе началъ банковой организаціи къ правительственному хозяйству получаетъ тѣмъ большее значеніе, чѣмъ крупнѣе становятся правительственные доходы. Съ возрастаніемъ этихъ доходовъ, также точно, какъ съ возрастаніемъ богатства отдѣльныхъ частныхъ лицъ, становится все болѣе и болѣе вѣроятнымъ образованіе такихъ денежныхъ запасовъ, которымъ временно приходится оставаться праздными, дожидаясь того момента времени, когда ихъ всего выгоднѣе будетъ израсходовать. Ибо также точно, какъ моментъ поступленія доходовъ можетъ въ однихъ слу-

чаяхъ слѣдовать за моментомъ наиболѣе выгоднаго ихъ израсходованія, такъ въ другихъ случаяхъ первый можетъ второму предшествовать. Тогда народное хозяйство теряетъ отъ безплоднаго лежанія иногда весьма значительныхъ суммъ въ правительственныхъ кассахъ. Эти суммы могли бы тѣмъ временемъ, пока правительство не можетъ изъ нихъ сдѣлать производительнаго употребленія, получить такое употребленіе въ предпріятіяхъ частныхъ лицъ. Теряются не только проценты на эти суммы, а еще вся польза, которою подвижность означенныхъ суммъ отразилась бы на другихъ силахъ и средствахъ, приведенныхъ въ обращеніе, приближенныхъ другъ къ другу, соединенныхъ и одѣланныхъ такимъ образомъ производительными. Иммобилизированныя въ правительственныхъ кассахъ, суммы влекутъ за собою неподвижность многихъ другихъ силъ и средствъ народнаго хозяйства. Вотъ почему правительственныя кассы не должны обособляться отъ всѣхъ остальныхъ кассъ индивидуальныхъ хозяйствъ, а, напротивъ, должны соединиться съ послѣдними, чтобъ открыть еще большій просторъ примѣненія началу единства кассъ.

33. Формы кредита находятся въ тѣсной связи съ его организованностью и выражаютъ приспособленіе кредита къ отдѣльнымъ интересамъ, которымъ онъ служитъ. Другими словами: формы кредита выражаютъ или отдѣльныя проявленія его организованности или элементы его организаціи.

Основная и существенная услуга, оказываемая кредитомъ, заключается въ становящейся, благодаря ему, возможною непрерывной производительности экономическихъ силъ и средствъ. Вооружая текущую предпріимчивость свободными капиталами и, вообще, поддерживая мѣновую цѣнность и покупательную силу, которой источникъ въ предпріимчивости, совершенно или отчасти не реализовавшей своихъ результатовъ, кредитъ ускоряетъ обращеніе товарныхъ капиталовъ 1) усиливая обращеніе *свободныхъ* (денежныхъ) капиталовъ и учащая возможность *съ ихъ помощью* погашать и прекращать обязательства, 2) давая возможность прекращать и

погашать обязательства *безъ всякихъ денегъ*, одними только взаимными ихъ зачетами другъ за друга. То есть кредитъ расширяетъ область обязательствъ, увеличивая способы ихъ прекращенія.

Вотъ почему, какъ отдѣльныя формы кредита, такъ и вся ихъ совокупность (полная организація кредита) вращаются около интереса, представляемаго непрерывною производительностью, дающею возможность обязательствамъ безостановочно и безпрепятственно возникать и прекращаться.

Какъ бы ни были разнообразны формы кредита, представляемыя отдѣльными обязательствами, всѣ онѣ сводятся къ двумъ основнымъ типамъ. Всѣ обязательства суть или *обѣщанія платежей* или *приказы платежей*.

Обѣщанія и приказы платежей могутъ также точно разнообразиться, какъ разнообратиться могутъ: свойства индивидуальныхъ экономическихъ единицъ, дающихъ и принимающихъ эти обѣщанія или приказы, сроки, на которые они даются, и обезпеченія, ими представляемыя, что обѣщаніе или приказъ дѣйствительно будутъ выполнены. Обѣщаніе платежа можетъ дѣлать богатый и бѣдный, отдѣльное лице или совокупность лицъ, свободная договорная совокупность лицъ или соединяемая воедино сословнымъ или инымъ политическимъ авторитетомъ, государство или даже соединеніе государствъ; обѣщаніе можетъ дѣлаться на коротый срокъ, или на очень продолжительный. Оно можетъ быть обезпечиваемо только одною производительностью личныхъ силъ, или производительными капиталами, или гарантированными поступленіями изъ налоговъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ обѣщаніе платежа несомнѣнно будетъ окрашиваться какимъ-либо особымъ цвѣтомъ, соотвѣтствующимъ частнымъ и индивидуальнымъ условіямъ даннаго случая. Но не менѣе несомнѣнно и то, что какъ бы ни было велико разнообразіе индивидуальныхъ условій, всякій разъ суть дѣла въ томъ, что дается обѣщаніе произвести извѣстный платежъ, все равной какой, когда, кѣмъ и подъ какимъ обезпеченіемъ. Государственная и желѣзно-дорожная или вообще акціонерная облигація, простой вексель, обыкновенное обязательство по ссудѣ подъ залогъ, всѣ

одинаково представляютъ обѣщанія платежа. Необходимыхъ элементовъ въ немъ только два: сторона, дѣлающая обѣщаніе, и сторона, принимающая обѣщаніе.

Отъ перваго типа кредитныхъ формъ, представляемаго обѣщаніемъ платежа, отличается второй типъ—приказъ платежа. Существенное отличіе этаго типа—то, что онъ имѣетъ своимъ содержаніемъ платежъ, который не производится тѣмъ, кто долженъ его произвести, а кѣмъ-либо инымъ, которому *поручается* его произвести. «Приказъ» платежа, слѣдовательно, уже въ самомъ началѣ является, какъ послѣдствіе нежеланія брать на себя тягость его производства, вслѣдствіе чего производство и поручается другому. Простѣйшій и элементарнѣйшій видъ приказа платежа представляетъ переводный вексель (ордеръ), современный самый развитый его видъ представляютъ чекъ и правительственная ассигновка.

Существенное различіе между обѣщаніемъ платежа и приказомъ платежа заключается въ томъ, что въ нихъ предъ нами являются два вида кредита, представляющіе каждый особую степень его развитія. Низшую степень развитія представляютъ обѣщанія платежей, высшую—приказы платежей. Первыя представляютъ *непокрытый* кредитъ (découvert), вторые—кредитъ *покрытый*.

Обѣщанія платежей возникаютъ, какъ единственно возможная и необходимая форма кредита, тогда и въ той мѣрѣ, когда лицо или совокупность лицъ, пользующихся кредитомъ, еще не имѣли возможности проявить ту производительность, изъ результатовъ которой полученный въ кредитъ капиталъ долженъ быть возстановленъ,—когда кредитъ предшествуетъ этой производительности, или, иными словами, когда единственною основою кредита является одна только *будущая* производительность. Будущая производительность въ состояніи только въ будущемъ давать или обѣщать результаты, которыми возможно было бы прекращать обязательства. Когда ей оказывается кредитъ, она, съ своей стороны, можетъ только обѣщать, что произведетъ платежъ.

Приказы платежей, напротивъ, возникаютъ вмѣстѣ съ прогрес-

сомъ производительности и порождаются имъ, когда онъ отражается на силахъ и средствахъ отдѣльныхъ лицъ. Когда ихъ текущая предпріимчивость успѣла уже воплотиться въ цѣнныхъ результатахъ, но этихъ результатовъ означенныя лица въ своихъ собственныхъ рукахъ еще не имѣютъ, передавъ ихъ въ посторонніе руки безъ полученія эквивалента, то приказы платежей даютъ имъ возможность непосредственно и немедленно воспользоваться покупательною силою эквивалентовъ, предстоящихъ къ полученію. Кто можетъ давать постороннимъ лицамъ приказы о производствѣ платежа (и притомъ прямо начиная съ такого приказа, а не съ выданнаго имъ предварительно обѣщанія платежа), тотъ долженъ находиться въ отношеніяхъ вѣрителя къ этимъ лицамъ. Требуя или добиваясь довѣрія къ своему приказу, лице или совокупность лицъ, пользующихся кредитомъ, чрезъ посредство приказа, не имѣютъ надобности опираться на свою будущую производительность и на свою будущую предпріимчивость. Выдавая приказы, они уже распоряжаются результатами своей текущей предпріимчивости. Если довѣріе имъ нужно, то только къ тому факту,—что у нихъ дѣйствительно предпріимчивость воплотилась уже въ цѣнныхъ результатахъ и что они не стали бы дѣлать приказовъ, еслибъ этого факта не было.

Переходною ступенью отъ обѣщаній платежей къ приказамъ платежей служатъ обѣщанія платежей, обезпеченныя поручительствомъ или вещественными залогами. Поручительство представляетъ какъ бы одно или нѣсколько *запасныхъ* обѣщаній платежа, заготовляемыхъ предварительно на случай, еслибъ первое и главное, послужившее началомъ для возникновенія обязательственныхъ или долговыхъ отношеній, осталось безъ исполненія. Главная особенность поручительства заключается въ томъ, что оно слагается изъ кредитныхъ отношеній, принадлежащихъ *къ тому же* виду, къ которому принадлежитъ и обезпечиваемый кредитъ. Сила одного обѣщанія платежа увеличивается тѣмъ, что къ нему присоединяется одно или нѣсколько другихъ обѣщаній платежа, изъ которыхъ одно да будетъ выполнено. Поручительство, слѣдовательно, пред-

ставляетъ способъ укрѣплять обязательства будущей производительной предпріимчивости, не сходя съ почвы этой будущей производительной предпріимчивости, а, напротивъ, оставаясь въ ней и на ней же находя обезпеченіе.

Шагъ далѣе въ движеніи отъ обѣщанія платежа вообще къ приказу платежа, дѣлаетъ то обѣщаніе платежа, которое обезпечено вещественнымъ залогомъ или, говоря точнѣе и общнѣе, готовыми цѣнностями. Предпріимчивость, пользуясь кредитомъ и принимая на себя обязательства, все еще разсчитываетъ при этомъ на свою будущую производительность. Пользуясь кредитомъ, она главнымъ образомъ все еще имѣетъ цѣлью антиципировать будущія поступленія, выручки или доходы. Но она укрѣпляетъ свое обязательство, указывая еще на источникъ, изъ котораго должны или могутъ поступить эти выручки и доходы, помимо ея собственныхъ производительныхъ качествъ. Если эти качества не выполнятъ возложенныхъ на нее надеждъ, тогда цѣнности, представленныя въ обезпеченіе, дадутъ средства для исполненія обязательствъ. Здѣсь обезпеченія представляются готовыми плодами прошлой предпріимчивости, находящимися въ рукахъ лица, пользующагося кредитомъ, въ этихъ рукахъ иммобилизированныя и только путемъ кредита приводимыя хоть въ какое-нибудь движеніе. Такимъ образомъ обязательства, обезпеченныя готовыми цѣнностями, принимаютъ на себя одновременно и будущая предпріимчивость и прошлая. Обѣ вмѣстѣ соединяются для поддержки этихъ обязательствъ.

Не трудно однако замѣтить, что подобное соединеніе можетъ быть вынуждено только условіями неразвитія благосостоянія въ достаточной степени, вслѣдствіе котораго приходится обращаться къ кредиту еще до того, какъ предпріимчивость начала свои дѣйствія или только на половину успѣла проявить свою производительность. До тѣхъ поръ, пока предпріимчивость не реализовала окончательно всѣхъ своихъ результатовъ и пока не погасила всѣхъ своихъ обязательствъ, ей во всякомъ случаѣ нуженъ кредитъ. Но нуждаться въ кредитѣ она можетъ, находясь въ большемъ или

меньшемъ отдаленіи отъ заключительнаго момента своей дѣятельности. Она можетъ нуждаться въ кредитѣ еще до того, какъ она приступила къ своимъ дѣйствіямъ, когда она къ нимъ еще только приготовляется. Это—первая и низшая степень развитія. Вторую, переходную, степень мы наблюдаемъ тогда, когда предпріимчивость на столько уже успѣла проявить свою производительность, что въ ея рукахъ находится цѣнность, около которой сосредоточивается ея дѣятельность: все равно при этомъ, заключается ли дѣятельность въ первоначальномъ производствѣ суровья или орудій, въ обработкѣ ли суровья, въ привозѣ ли цѣнности изъ другихъ мѣстъ, или въ розысканіи ея изъ разныхъ угловъ, въ которыхъ цѣнность могла быть скрытою. Но когда цѣнность находится въ рукахъ у предпріимчивости, послѣдняя только на половину сдѣлала свое дѣло. Цѣнность нужна предпріимчивости не для того, чтобъ быть сохраненною. Предпріимчивости остается еще проявить свою производительность въ томъ, что она найдетъ сбытъ, и притомъ наилучшій сбытъ, самый выгодный, для цѣнности, находящейся у нея на рукахъ. Какъ разъ въ этотъ то моментъ предпріимчивость, однако, и можетъ нуждаться въ кредитѣ. Ей нужно выжидать со сбытомъ, а между тѣмъ и средства ей нужны Эти средства воспроизведетъ ея будущая предпріимчивость или, въ крайнемъ случаѣ, онѣ будутъ выручены отъ продажи имѣющейся цѣнности или отъ доходовъ съ имѣющагося капитала. И вотъ тогда то предпріимчивость сдѣлаетъ сюда подъ залогъ. Но предпріимчивость, конечно, будетъ находиться въ гораздо болѣе благопріятномъ положеніи, когда она не будетъ нуждаться въ кредитѣ до сбыта цѣнности, имѣющейся у нея въ рукахъ, если она въ состояніи выждать. Но изъ этого не слѣдуетъ, что, находясь въ подобномъ благопріятномъ положеніи, предпріимчивость уже не будетъ нуждаться въ кредитѣ. Предпріимчивость продала цѣнность, но ей самой все-таки можетъ быть выгоднѣе, когда она не стѣснена необходимостью требовать немедленной уплаты наличностью, когда она можетъ брать въ уплату и обязательство. Требованіе наличности можетъ повлечь весьма вѣроятное съуженіе

круга покупателей. Почему? Потому что, какъ мы знаемъ, съ развитіемъ благосостоянія и усложненіемъ экономическихъ отношеній многія обязательства могутъ быть погашаемы взаимною задолженностью. Не нужно вовсе, чтобъ представители предпріимчивости при этомъ теоретизировали о взаимной задолженности и оказываемыхъ ею услугахъ расширеніемъ круга обязательствъ, становящихся возможными только благодаря тому, что онѣ могутъ быть погашаемы безъ денежныхъ платежей. Достаточно, если самый грубый эмпирическій опытъ убѣждаетъ представителей предпріимчивости, что имъ удобнѣе и легче продавать, когда они не стѣсняютъ покупателей требованіемъ наличныхъ платежей и когда они удовлетворяются пріемомъ чековъ, безсрочныхъ векселей и т. п. документовъ. Отчего это удобнѣе и легче—иногда весьма мало интересуетъ многихъ изъ торгово-промышленнаго міра. Съ нихъ совершенно достаточно бываетъ, когда они знаютъ, что дѣйствительно фактъ доставляемой обязательствами большей легкости находить покупателей—всѣ сомнѣнія. Но разъ представители предпріимчивости соглашаются принимать долговые документы при самомъ сбытѣ, они, конечно, это дѣлаютъ съ тѣмъ, чтобы немедленно-же по возникновеніи надобности сдѣлать потребленіе изъ полученныхъ документовъ, то есть получить по нимъ платежъ. Этотъ-то платежъ они и приказываютъ произвести для того лица, у кого они сами состоятъ въ долгу. Но въ подобномъ случаѣ необходимо, чтобы имъ оказало кредитъ то лицо, у котораго они состоятъ въ долгу и съ которымъ они расплачиваются приказомъ, выданнымъ третьему лицу. Для нихъ необходимо, чтобы имъ повѣрили, что они дѣйствительно имѣютъ у третьяго лица уже готовую сумму средствъ, съ помощью которыхъ приказъ и будетъ исполненъ. Очевидно, что если въ этомъ случаѣ оказывается кредитъ, то послѣдній наблюдается нами уже на третьей ступени развитія, еще болѣе высокой, чѣмъ предъидущія двѣ. Потому что онъ предполагаетъ такое высокое благосостояніе, при которомъ должникъ обладаетъ средствами для погашенія своего обязательства уже въ самый моментъ, когда онъ пользуется кредитомъ, — при которомъ цѣль кредита заключается не въ томъ,

чтобы воспользоваться чужимъ капиталомъ, а чтобы воспользоваться лучше своимъ собственнымъ капиталомъ и путемъ кредита сдѣлать его способнымъ погашать обязательства, минуя необходимость денежныхъ платежей.

Въ публикѣ обыкновенно любятъ говорить о большей или меньшей обезпеченности кредита, смотря по тому, подкрѣпленъ-ли онъ поручительнымъ и залогомъ, или не подкрѣпленъ. Подъ вліяніемъ банковой организаціи кредитъ начинаетъ болѣе отчетливо выяснять степень своей обезпеченности, какъ три степени своего развитія, изъ которыхъ на первой онъ *ничѣмъ* не покрытъ, на второй онъ только *на половину или проблематически* покрытъ залогомъ, а на третьей *совершенно* покрытъ. Въ обѣщаніи платежа кредитъ ничѣмъ не покрытъ; въ обѣщаніи платежа съ обезпеченіемъ залогомъ кредитъ проблематически покрытъ; въ приказѣ платежа кредитъ уже совершенно покрытъ.

Таково внутреннее значеніе двухъ основныхъ формъ кредита и третьей—переходной, ведущей отъ первой изъ нихъ ко второй. Мы видимъ, слѣдовательно, что формы кредита далеко не случайны. Имъ соотвѣтствуютъ внѣшнія экономическія основанія, изъ которыхъ онѣ выростаютъ, или осязательныя имущественныя отношенія, которыя въ нихъ облекаются. Также мало случайны и производныя формы кредита, проистекающія отъ указанныхъ первоначальныхъ формъ. Но всякая форма, хотя бы она имѣла самое осязательное основаніе, представляетъ всегда только наружное очертаніе дѣла или явленія, ихъ внѣшнюю сторону. Сверхъ и болѣе, поэтому, ихъ содержаніе невозможно безъ нихъ, чѣмъ сами онѣ невозможны безъ своего содержанія. Напротивъ, онѣ легко могутъ встрѣчаться безъ соотвѣтствующаго имъ содержанія и съ точки зрѣнія этого содержанія ихъ въ подобныхъ случаяхъ можно считать пустыми и *дутыми* или же приспособленными искусственно къ такимъ отношеніямъ, которыя внутренне соотвѣтствуютъ совсѣмъ не имъ.

Дутыя и искусственно-приспособленныя (аккомодаціонныя) формы кредита встрѣчаются въ особенности при злоупотребленіяхъ приказами платежей. Нормально приказы платежей представляютъ

покрытый кредитъ. Напротивъ обѣщанія платежей представляютъ непокрытый предварительно кредитъ. Кто выдаетъ приказъ платежа, представляетъ себою человѣка, который позаботился о погашеніи своего обязательства въ тотъ самый моментъ, когда онъ его на себя принялъ, или еще до того. Конечно, быть въ положеніи такого человѣка гораздо выгоднѣе, чѣмъ быть въ положеніи человѣка, которому еще предстоитъ забота найти путь, чтобъ погасить свой кредитъ. Первому легче добывать кредитъ, чѣмъ второму. И вотъ ради того, что форма приказа платежей соотвѣтствуетъ фактамъ, болѣе споспѣшествующимъ кредиту, ею иногда пользуются и въ такихъ случаяхъ, когда этихъ фактовъ совсѣмъ нѣтъ. Одно частное лице выдаетъ другому частному лицу приказъ произвести платежъ третьему лицу, путемъ переводнаго векселя, хотя второе лице ничего не получило отъ перваго предварительно для исполненія приказа: то есть, хотя кредитъ, оказанный при этомъ первому лицу вторымъ и третьимъ лицами совсѣмъ не покрытъ,—и вотъ мы имѣемъ предъ собою дутый или аккомодаціонный вексель. Или А даетъ банку приказъ произвести за его счетъ платежъ, отправляя въ банкъ чекъ, хотя предварительно въ банкъ А совсѣмъ до того не внесъ ничего, чѣмъ его приказъ покрывался бы,—и вотъ мы имѣемъ дутый чекъ. Или, третій примѣръ: какое-либо правительственное вѣдомство выдаетъ казначейству приказъ—произвести платежъ третьему лицу въ извѣстной суммѣ, хотя таковая напередъ совсѣмъ не припасена заблаговременно въ казначействѣ,—и вотъ предъ нами дутая правительственная ассигновка.

Конечно, въ подобныхъ случаяхъ въ форму кредита вторгается фальшь. Можно даже сказать, что *форма* кредита фальсифицируется. Въ форму, соотвѣтствующую кредиту, когда онъ представляетъ высшую степень развитія, онъ искусственно облекается, находясь на нынѣшней степени. Но онъ во всей цѣлости не становится оттого фальшивымъ. Дутый вексель—фальшивый *приказъ* платежа, но онъ оттого не перестаетъ быть *обѣщаніемъ* платежа, которое можетъ имѣть своимъ основаніемъ весьма солидную и очень производительную предпріимчивость, которая только не ус-

пѣла еще реализовать своихъ плодовъ. Конечно, представитель этой предпріимчивости, пользуясь для своихъ обязательствъ формою приказа платежа, доказываетъ, что онъ неразборчивъ въ нравственномъ отношеніи. Онъ до извѣстной степени вводитъ въ обманъ, выдавая за покрытый такой кредитъ, который совсѣмъ не покрытъ. Защищать подобный обманъ, конечно, невозможно. Но про него можно сказать, что это обманъ, который направленъ къ цѣли, удободостижимой и безъ него.

34. Выше мы сказали, что организація кредита выражается въ установленіи такого порядка въ кредитныхъ отношеніяхъ при которомъ съ одной стороны приводятся къ какому либо центру массы цѣнностей, ищущія для себя кредитнаго сбыта, а съ другой — около того-же центра сосредоточивается и весь спросъ на кредитъ. Это, конечно, только формальное опредѣленіе организаціи кредита и банковаго дѣла. Но въ предъидущемъ мы уже дали достаточно матеріала, чтобы отъ формальнаго опредѣленія перейти къ матеріальному. Согласно съ изложеннымъ мы, поэтому, опредѣлимъ организацію кредита, какъ установленіе такого порядка въ кредитныхъ отношеніяхъ, при которомъ изъ кредита извлекается наибольшее по возможности количество пользы. Польза-же эта — двоякая. Съ одной стороны она заключается въ перераспредѣленіи свободныхъ капиталовъ переводомъ изъ рукъ непроизводительныхъ въ производительныя. Съ другой стороны она заключается въ вызываемой кредитомъ большой производительности капиталовъ, проявляющейся въ томъ отношеніи, что владѣльцы ихъ непосредственно съ ихъ помощью и безъ посредства денежныхъ платежей могутъ погашать свои обязательства.

Такимъ образомъ организація кредита заключается въ созданіи особыхъ центровъ (банковъ или кредитныхъ установленій), служащихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и органами, стягивающими, къ себѣ возможно больше праздныхъ и непроизводительныхъ капиталовъ, чтобы найти имъ доходное и производительное занятіе, обезпечивая ихъ владѣльцамъ не только полную цѣлость и сохранность производитель-

ныхъ качествъ ихъ капиталовъ, но и свободное состояніе этихъ капиталовъ. Понятно, отчего для подобной цѣли необходимо, чтобы спросъ на кредитъ и предложеніе его сосредоточивались около банковъ. Вся задача банковъ съ этой стороны только вѣдь и заключается въ томъ, чтобы приноровлять предложеніе свободнаго капитала къ спросу на него, и наоборотъ. Но банки имѣютъ дѣло не съ одними только владѣльцами свободныхъ капиталовъ. Не менѣе важная задача открывается для нихъ тою функціею кредита, вслѣдствіе которой онъ расширяетъ кругъ возможныхъ обязательствъ, облегчая и совершенствуя способы ихъ прекращенія и погашенія. Отсюда вторая задача для банковъ—стать центрами спроса и предложенія кредита еще и иномъ смыслѣ. Около этихъ центровъ должны сосредоточиваться возможно большія количества обязательствъ, расходящіеся отъ нихъ какъ радіусы въ самыхъ различныхъ и оттого противуположныхъ направленіяхъ. Вслѣдствіе одного своего такого расположенія около одного перекрестнаго центра обязательства становятся способными взаимно другъ друга погашать, взаимно другъ друга прекращать компенсаціею, и такимъ образомъ устраняется надобность въ денежныхъ платежахъ.

Задача банковъ, слѣдовательно, заключается въ томъ, чтобы стать общими кассами и кассирами народнаго хозяйства, чтобы къ нимъ притекали и въ нихъ сосредоточивались, какъ всѣ свободные денежные капиталы, такъ и всѣ обязательственные документы, по которымъ могутъ быть требуемы и должны быть производимы платежи, т. е. по которымъ обязательства должны быть исполнены и прекращены. Разъ банки стали такими кассирами, они стараются, чтобы исполненіе обязательствъ само возможно меньше отвлекало и требовало для себя денежныхъ капиталовъ, освобождая ихъ отъ необходимости служить свободнымъ капиталомъ для прекращенія обязательства, и чтобы, напротивъ, открывалась, расширялась и увеличивалась для нихъ возможность превращаться въ орудія обращенія, служащія преимущественно предпріимчивости, которая стоитъ еще на заднемъ планѣ по высотѣ своего развитія, которая еще отстала, которой еще приходится жить надеждами на будущее и

обѣщаніями будущаго. Чѣмъ больше возможности банки имѣютъ облегчать погашеніе обязательствъ устраненіемъ надобности въ деньгахъ для платежей по обязательствамъ, тѣмъ большія суммы денегъ подъ ихъ вліяніемъ остаются свободными. Но банки, дѣлая эти деньги свободными для ихъ владѣльцевъ, сами же розыскиваютъ имъ производительное занятіе, употребляя ихъ, какъ матеріалъ, передачею котораго въ предпріимчивыя руки порождаются новыя массы обязательствъ.

Экономическій прогрессъ проявляется въ движеніи *всѣхъ* слоевъ народнохозяйственнаго населенія къ благосостоянію, хотя это движеніе не обладаютъ одинаковою скоростью для каждаго изъ этихъ слоевъ въ отдѣльности. Кредитъ одинъ изъ путей, ведущихъ къ благосостоянію, хотя, опять-таки, онъ таковымъ служитъ не одинаковыми способами для разныхъ слоевъ населенія. Высшіе слои, которые болѣе богаты средствами и способами, дающими благосостояніе, благодаря кредиту, совершенно высвобождаютъ свои денежные капиталы отъ необходимости функціонировать въ качествѣ средства для погашенія обязательствъ и совершенно освобождаются отъ необходимости погашать свои дѣловыя обязательства деньгами. Подъ высшими слоями мы здѣсь разумѣли тѣ, которые сами обладаютъ свободными капиталами, собственными. Но существуютъ и такіе слои, которымъ прошлое менѣе благопріятствовало, которымъ оно не оставило никакого наслѣдія въ видѣ собственнаго капитала. Имъ приходится нуждаться въ чужомъ капиталѣ или уже въ самомъ началѣ своей дѣятельности, или когда они эту дѣятельность успѣваютъ довести до половины ея задачи. Этимъ слоямъ кредитъ оказалъ бы весьма недостаточную услугу, еслибъ онъ ограничивался лишь однимъ порожденіемъ возможности погашать обязательства безъ денегъ. Имъ еще сначала нужно имѣть возможность заключить эти обязательства, найти тѣ капиталы, которые были бы довѣрены ихъ производительной предпріимчивости. И вотъ имъ-то банки оказываютъ выгодную услугу свою, собирая свободные капиталы и самъ дѣлая свободными капиталы, которые могутъ быть довѣрены производительной предпріимчивости, лишенной собственныхъ капиталовъ.

35. Организація въ области свободной экономической жизни преимущественно характеризуется стремленіемъ получить основою возможно менѣе стѣсненную дѣятельность вполнѣ независимой личности. Поэтому область экономической жизни по преимуществу представляетъ область наиболѣе свободной жизни, въ которой личность, предоставленная самой себѣ, достигаетъ наивысшей степени производительности своихъ силъ. Вслѣдствіе того и организація кредита, — какія бы различныя ступени развитія она ни проходила, какъ бы медленно эти ступени ни слѣдовали одна за другою и какъ бы закономѣрна каждая изъ ступеней, взятая въ отдѣльности, ни была,—въ концѣ концовъ стремится къ той же предѣльной цѣли: къ пріобрѣтенію свободы, какъ наиболѣе важнаго и самаго прочнаго своего основанія.

Какъ во многихъ другихъ аналогическихъ случаяхъ, и въ дѣлѣ банковой организаціи кредита различныя степени развитія, которыя организація проходитъ, могутъ быть наблюдаемы не только въ исторической послѣдовательности ихъ возникновенія во времени, но и въ географической ихъ распространенности въ пространствѣ, такъ какъ, смотря по условіямъ обстановки, кредитъ можетъ и въ одно и тоже данное время въ различныхъ мѣстахъ переживать различныя стадіи своей организаціи.

Какое бы несомнѣнно широкое развитіе ни получила личная иниціатива уже и въ настоящее время; какихъ бы крупныхъ результатовъ ей не удалось уже достигнуть во многихъ случаяхъ; наконецъ какъ бы несомнѣнно ни было ея принципіальное значеніе, какъ формы, единственному или преимущественному господству которой принадлежитъ будущее,—не менѣе несомнѣнно однако и то, что по настоящее время ни одна область даже экономической жизни не успѣла еще доразвиться до полной возможности удовлетворять всѣмъ своимъ надобностямъ, благодаря одной только личной иниціативѣ. Во первыхъ, духъ личной иниціативы, какъ онъ самъ по себѣ и сравнительно съ предъидущими періодами не успѣлъ уже широко теперь развиться, все еще не соотвѣтст-

вуетъ объему потребностей, которыя требуютъ о себѣ непрерывной дѣятельной заботы. Необходимыя для личной инициативы духовныя силы, умственныя и нравственныя, все еще встрѣчаются только у избранныхъ, у извѣстныхъ кружковъ, а не у всякаго дѣятельнаго человѣка. Но, во вторыхъ, и вещественныя основанія личной инициативы не всегда оказываются имѣющимися въ тѣхъ размѣрахъ, въ какой въ нихъ чувствуется надобность. Еслибъ всегда всего приходилось ожидать отъ одной только личной инициативы, опирающейся на самое только себя, то весьма часто или вовсе не оказывалось бы этой инициативы, или ея оказывалось бы несоотвѣтственно мало, или она совершенно лишена была бы вещественнаго основанія, или это ея основаніе было бы недостаточное. Отсюда необходимость *коллективной инициативы* или поддержки личной инициативы основаніемъ, созданнымъ *собирательными усиліями многихъ*.

Даже и тѣ страны, которыя ранѣе начали и дальше ушли въ развитіи у себя банковой организаціи кредита не въ состояніи были однако удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ при содѣйствіи одной только личной инициативы отдѣльныхъ банкировъ. Весьма важно имѣть въ виду, что одна изъ формъ, въ которыхъ проявляется недостаточность личной инициативы, заключается въ отсутствіи соперничества между достаточнымъ числомъ представителей этой инициативы. Это отсутствіе соперничества не есть *послѣдствіе* недостаточности личной инициативы, а сама недостаточность въ осязательномъ проявленіи. Необходимость, чтобъ въ дѣло вмѣшалась коллективная инициатива или коллективная поддержка личной инициативы, по самому внутреннему своему смыслу, прежде всего выражаетъ попытку привлечь большее количество силъ и большее соперничество между ними—туда, гдѣ силъ дѣйствовало до того меньше и соперничество между ними было ограниченнѣе. Прежде всего собирательное начало (коллективность) создаетъ тѣ крупныя силы, которыя безъ соединенія болѣе мелкихъ силъ вовсе не существовали бы. Но затѣмъ значеніе собирательнаго начала далеко не исчерпывается созданіемъ единичныхъ

крупныхъ силъ. Единично дѣйствующая крупная коллективная сила совершенно уподобляется единично дѣйствующей личности, которая объемомъ своей инициативы и объемомъ своихъ средствъ одиноко и безъ соперниковъ возвышается надъ общимъ уровнемъ.

Конечно, и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ подобныхъ, необходимо различать степени развитія и возрасты народнаго хозяйства. Всякое начало всегда полагается личною инициативою. Держится ли она какое-либо время на собственныхъ ногахъ или съ перваго-же раза стремится найти опору въ коллективности, зависитъ отъ того, какіе размѣры она стремится принять уже при самомъ своемъ рожденіи. Если она довольствуется размѣрами скромными, она можетъ держаться собственными только средствами. Когда она желаетъ получить большіе результаты, ей приходится прибѣгнуть къ помощи коллективности. Затѣмъ, и въ этомъ содѣйствіи собирательнаго начала необходимо различать двѣ степени развитія, сообразно двумъ степенямъ развитія потребностей, которымъ она можетъ и должна служить. Она, во первыхъ, можетъ и должна служить потребности въ *крупныхъ* силахъ. Служа этой потребности, коллективность содѣйствуетъ развитію и устроенію *количественной* стороны силъ и средствъ, которыми предпріимчивость работаетъ. Но она, во вторыхъ, еще должна служить другой потребности народнаго хозяйства, не менѣе важной и настоятельной, относящейся къ *качественной* сторонѣ силъ и средствъ предпріимчивости. Народное хозяйство нуждается не только въ крупныхъ силахъ, но сверхъ того еще и въ *наилучшихъ* крупныхъ силахъ: въ достаточномъ разнообразіи этихъ крупныхъ силъ, чтобъ онѣ могли проявить различія въ своей производительности, чтобъ между ними могъ быть установленъ выборъ наилучшихъ силъ, наиболѣе пригодныхъ для данной цѣли, лучше всего ей служащихъ, наиболѣе достойныхъ того, чтобъ на нихъ можно было положиться,—чтобъ данная потребность удовлетворялась съ помощью *наиболѣе* производительной силы, т. е. наидешевѣйшимъ путемъ, наименьшими затратами. Само собою разумѣется, что коллективность не сразу всегда въ состояніи

служить обѣимъ описаннымъ потребностямъ. Она только постепенно къ тому дѣлается способною и въ этомъ-то и заключается ея собственное развитіе и совершенствованіе. *Сначала* она только содѣйствуетъ появленію крупныхъ силъ, *затѣмъ* она устанавливаетъ и соперничество между вызванными ею крупными силами.

Пока коллективность находится еще на низшей степени развитія, она можетъ опираться, или на свободную инициативу частной предпріимчивости, или на правительственную инициативу. Опытъ свидѣтельствуетъ о томъ, что первоначально даже и частная инициатива, когда она впервые образуетъ крупныя силы путемъ соединенія или собиранія мелкихъ силъ, прибѣгаетъ къ правительственной поддержкѣ. Эта поддержка нужна частной инициативѣ, когда ея собственныя силы еще недостаточно окрѣпли, когда она не надѣется на прочность своего собственнаго дѣла, когда крѣпка только вѣра въ политическую, правительственную или административную объединенность. На этой, самой низшей, степени развитія собирательная предпріимчивость является или въ видѣ привилегированной компаніи, или въ видѣ функціи правительственнаго учрежденія. По мѣрѣ того, какъ банковое дѣло расширялось и развитіе кредита выясняло недостаточность отдѣльныхъ предпріятій частныхъ единичныхъ лицъ-банкировъ, возникала потребность въ коллективной предпріимчивости, какъ главнаго основанія для дальнѣйшаго развитія банковаго дѣла. Привилегированныя банковыя компаніи и государственныя банковыя установленія и служили представителями такой коллективной предпріимчивости. Связь между правительствомъ и предпріимчивостью вообще и банковою въ частности — связь, вынуждаемая низкою степенью экономическаго развитія: недостаточною энергіею частной инициативы или недостаточностью средствъ, на которыя частная инициатива можетъ опираться. Никакой иной связи, всего-же менѣе такой, которая опиралась бы на природу банковаго дѣла, между ними нѣтъ. Вотъ почему прогрессивнымъ развитіемъ народнаго хозяйства означенная связь прорывается и на дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія надобности въ ней уже не оказывается. Государственные

банки нужны только до тѣхъ поръ, пока невозможны или трудно-образуемы частные акціонерные банки. Тоже самое должно сказать про привиллегированные банки. Привиллегированные банки имѣютъ разумное основаніе только до тѣхъ поръ, пока они представляютъ единственныя учрежденія, выработать которыя только и способно народное хозяйство. Разъ оно чувствуетъ въ себѣ достаточно энергіи, чтобъ не нуждаться въ привиллегіи, разъ возникаетъ предпріимчивость, которая чувствуетъ себя въ силахъ вести дѣло, опираясь на одну только себя и не нуждаясь въ посторонней поддержкѣ, правительственное вмѣшательство, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, теряетъ свое основаніе.

Въ настоящее время указываютъ на два основанія, которыя яко бы дѣлаютъ вопросъ о крупныхъ привиллегированныхъ или правительственныхъ банкахъ независимымъ отъ вопроса о степени развитія, которой достигла частная предпріимчивость, и отъ требованій, ею предъявляемыхъ. Эти основанія заключаются: 1) въ *единствѣ организаціи* кредита, 2) въ *силѣ вліяній* крупныхъ учрежденій, опирающихся на привиллегію или на свой правительственный характеръ.

Что касается единства организаціи, то врядъ-ли можно признать, что большія банковыя установленія представляютъ исключительный путь, которымъ въ организацію кредита только и вводится единство. Ибо это послѣднее въ самой природѣ кредита и тѣмъ или инымъ путемъ оно, въ концѣ концовъ, всегда устанавливается. Природа кредита сама приноравливаетъ къ себѣ пути, которымъ по историческимъ и мѣстнымъ условіямъ развитіе кредита должно слѣдовать, и результатъ выходитъ одинъ и тотъ же. Ибо что такое единство кредита или единство его организаціи? Пока кредитъ встрѣчается только спорадически, пока его проявленіе только случайно, онъ выражается только въ отдѣльныхъ долговыхъ обязательствахъ обособленныхъ личностей, обособленно другъ отъ друга проявляющихъ свой спросъ на ссудный капиталъ и встрѣчающихъ не организованное предложеніе ссуднаго капитала, а только какъ бы случайные обрывки послѣдняго. Отсюда зависи-

мость условій, на которыхъ заключаются долги, отъ весьма случайныхъ обстоятельствъ и, по большей части, дороговизна, ростовщичество, кредитъ. По мѣрѣ того, какъ кредитъ далѣе развивается, развитіе его означаетъ устройство рынка ссудныхъ капиталовъ, т. е. спроса и предложенія ихъ, на болѣе прочныхъ началахъ. То есть: мало по малу устанавливается какъ объединеніе всѣхъ спрашивающихъ ссудный капиталъ, такъ и всѣхъ предлагающихъ его. Организація рынка ссудныхъ капиталовъ имѣетъ тотъ же смыслъ, что и организація рынка всякихъ другихъ товаровъ, цѣнностей или капиталовъ. Она означаетъ, прежде всего, объединеніе покупателей и продавцевъ, отдающихъ цѣнность и желающихъ получить цѣнность, группировку тѣхъ и другихъ около опредѣленнаго центра или около многихъ центровъ. Сколько существуетъ центровъ, одинъ, два, или десять, или сто, это формальный вопросъ, не лишенный нѣкотораго практическаго значенія, но вовсе не имѣющій того основнаго значенія, которымъ обладаетъ вопросъ о существованіи или отсутствіи единства въ организаціи рынка того или инаго рода цѣнностей. По большей части, въ настоящее время, въ тѣхъ случаяхъ, когда рынокъ для какого либо разряда цѣнностей всего болѣе организовался и единство въ немъ всего болѣе установилось, рынокъ вовсе не означаетъ единичнаго установленія. Совершенно напротивъ, установленій, чрезъ посредство коихъ выражается спросъ и предложеніе, въ самыхъ важныхъ случаяхъ существуетъ обыкновенно множество и тѣмъ не менѣе объединеніе достигаетъ наибольшихъ размѣровъ. Лучшій примѣръ представляетъ хлѣбная торговля, организація которой предшествуетъ обыкновенно организаціи другихъ отраслей предпріимчивости.

Существуетъ ли въ странѣ много банковъ, или только одинъ и, притомъ, *можетъ ли* въ странѣ существовать много банковъ или только одинъ-единственный, это вопросъ о степени экономическаго развитія и вліяніи *этого развитія* на характеръ организаціи кредита въ странѣ. Цѣль и сущность организаціи кредита при единомъ и при многихъ банкахъ одна и та же: объединеніе спроса и предложенія ссуднаго капитала. Какими путями достигает-

ся это объединеніе, зависитъ отъ степени развитія страны. Если у ея предпріимчивости мало энергіи, если этой предпріимчивости для банковаго дѣла имѣется немного, на нее конечно не много можно полагаться, ее самсё приходится копить, собирать, сосредоточивать въ единичномъ учрежденіи. Это единичное (центральное, какъ обыкновенно ошибочно выражаются, ибо въ такомъ случаѣ существуетъ только центръ, безъ самостоятельныхъ периферическихъ пунктовъ) учрежденіе, при низкой степени развитія предпріимчивости, представляетъ не единство банковой организаціи кредита, а единичную банковую предпріимчивость. Централизуется въ такомъ случаѣ совсѣмъ не кредитъ, а органы его. Самъ кредитъ ни въ какой искусственной централизаціи его и не нуждается. Онъ и при централизаціи и децентрализаціи его органовъ одинаково въ той мѣрѣ какъ бы осаждается около извѣстныхъ пунктовъ, въ какой это обусловливается обстоятельствами мѣста и времени, которыми обусловливается спросъ и предложеніе ссуднаго капитала. Существуетъ ли въ странѣ одинъ банкъ съ сѣтью *отдѣленій*, или множество самостоятельныхъ банковъ, составляющихъ одну сѣть, для вопроса объ организаціи кредита не существенно. Этотъ вопросъ для народнаго хозяйства важенъ лишь въ томъ смыслѣ, что имъ опредѣляется размѣръ средствъ, которыми народное хозяйство располагаетъ для устройства своей сѣти банковыхъ установленій. Различіе между самостоятельнымъ банкомъ и отдѣленіемъ банка не есть различіе въ качествѣ самихъ банковыхъ установленій, а въ иниціативѣ, ихъ учредившей. Въ одномъ случаѣ иниціатива ни откуда не была заимствована, не взята изъ готоваго уже запаса банковой иниціативы; въ другомъ она именно изъ такого запаса заимствована. Но какою бы иниціативою банковыя установленія ни были вызваны, единство между ними зависитъ отъ того, каковъ характеръ оборотовъ, производствомъ коихъ они занимаются. Единство между самостоятельными банками можетъ, поэтому, также легко установиться, какъ иногда съ трудомъ можетъ быть установлено единство между отдѣленіями одного и того же банка, дѣйствующими въ мѣстахъ обособленныхъ, изолирован-

ныхъ, не связанныхъ съ другими мѣстами широкою сѣтью общихъ интересовъ.

Искусственно устанавливать единство въ организаціи кредита трудно потому, что это единство—только послѣдствіе органической объединенности всего народно-хозяйственнаго тѣла. Вотъ почему централизація органовъ кредита, банковъ, сама по себѣ лишена существеннаго значенія. Если страна составляетъ одно неразрывное экономическое цѣлое, то кредитныя установленія, дѣйствующія въ различныхъ ея областяхъ, и безъ централизаціи будутъ тяготѣть другъ къ другу, будутъ входить въ связующія ихъ сношенія и составятъ одно (федеральное) цѣлое. Также точно, какъ объединяются рынки остальныхъ цѣнностей, и рынки ссудныхъ капиталовъ различныхъ областей будутъ объединяться, приходить въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, взаимно другъ на друга вліять и одинъ другой обусловливать.

Переходя къ вопросу о силѣ вліяній банковыхъ установленій, мы должны обратить вниманіе на существенное различіе между вопросомъ о силѣ вліянія привиллегій или правительственнаго характера установленія отъ вопроса о силѣ вліяній, обусловливаемыхъ *объемомъ* предпіятія. Одно явленія—политическаго и соціальнаго свойства, другія—чисто экономическаго, и уже поэтому между ними должно проводить строжайшее различіе. Вѣсъ правительственнаго авторитета, или авторитета привиллегированнаго исключительнаго господства надъ тѣмъ или инымъ рынкомъ, конечно, весьма велики. Но этотъ вѣсъ имѣетъ внутреннее основаніе только до тѣхъ поръ, пока низкою степенью экономическаго развитія задерживалось установленіе разнообразія въ предпріятіяхъ, въ ихъ силахъ и средствахъ. Пока нѣтъ этого разнообразія, пока всеобщая неразвитость механически уравниваетъ вся и все, нѣтъ и установленія предпріятій по силѣ ихъ вліяній. При такихъ условіяхъ имѣетъ смыслъ установленіе путемъ правительственнаго вмѣшательства одного только банка, средства котораго, а чрезъ то и вліяніе котораго, искусственно поднимаются надъ общимъ уровнемъ. Такимъ образомъ, создается хоть одно такое установленіе, сила ко-

тораго представляетъ какъ-бы послѣднее банковое убѣжище во время всеобщей грозы. Но врядъ-ли существуютъ основанія признавать, что такія послѣднія убѣжища только правительственнымъ вмѣшательствомъ и привиллегіею создаваться и могутъ. Крупныя банковыя установленія, основанныя на привиллегіи или имѣющіе правительственный характеръ, представляютъ только искусственное примѣненіе начала крупной промышленности къ банковому дѣлу. Пока кредитъ еще самъ недостаточно развился, чтобы вызвать и безъ посторонняго содѣйствія крупныя учрежденія, которыя въ состояніи держаться одною собственною силою, дѣйствительно, привиллегированные крупные банки представляютъ большія выгоды для народнаго хозяйства. Но ихъ выгодность можетъ быть только временная. Только временно, поэтому, сохраняетъ свой смыслъ ихъ привиллегированность. Т. е. срочность привиллегіи имѣетъ своимъ основаніемъ не государственные мотивы, а чисто экономическіе: предохраненіе будущихъ успѣховъ предпріимчивости отъ препятствій, которыя ей мѣшали-бы вызывать свои естественныя послѣдствія.

Форма банковъ, крупная или мелкая, находится въ тѣсной связи съ характеромъ тѣхъ оборотовъ, которымъ кредитъ служитъ. Мѣстности, которой предпріятія не обширны, во всякомъ случаѣ, будутъ служить мелкіе банки, все равно, самостоятельные-ли, или подчиненные въ своемъ управленіи другимъ банкамъ, какъ ихъ отдѣленія. Какъ только устанавливается связь между различными областями страны и ссудный капиталъ отдѣльныхъ областей начинаетъ оказываться готовымъ розыскивать себѣ помѣщеніе и въ другихъ мѣстахъ,—въ тѣхъ торгово промышленныхъ центрахъ страны, въ которыхъ сосредоточиваются наибольшія предпріятія, предъявляющія наибольшій спросъ на ссудный капиталъ, начнутъ собираться свободныя средства изъ различныхъ мѣстъ, чтобы или здѣсь, т. е. въ самомъ центрѣ, найти себѣ помѣщеніе, или отсюда быть разосланными въ другія мѣста, для которыхъ собственныя ихъ сбереженія, въ данный моментъ, не удовлетворяютъ всему существующему спросу. Въ главныхъ торгово-промышленныхъ центрахъ

начнутъ тогда образовываться болѣе крупныя учрежденія, которыя будутъ возвышаться надъ остальными, какъ потому, что они на мѣстѣ будутъ находить для себя сравнительно большіе источники оборотныхъ средствъ, такъ и потому, что къ нимъ начнутъ притекать средства изъ другихъ мѣстностей. Нѣтъ никакихъ основаній полагать, что движеніе къ образованію такихъ центровъ должно остановиться у предѣловъ отдѣльныхъ экономическихъ районовъ страны. или даже у предѣловъ болѣе крупныхъ частей страны (примѣръ—отношенія шотландскихъ банковъ къ лондонскимъ). Есть даже основаніе полагать, что и предѣлы народнаго хозяйства не представляютъ конечной границы, у которой непремѣнно должно оканчиваться организованное передвиженіе временно свободныхъ сбереженій изъ одного мѣста въ другое. Послѣднія 30—40 лѣтъ обнаружили не мало случаевъ, что также точно, какъ отъ высоты процента въ отдѣльной области зависитъ притокъ къ ней, или уходъ отъ нея, сбереженій, также точно регулированіемъ высоты процента на крупнѣйшихъ рынкахъ народныхъ хозяйствъ и между ними можетъ быть вызвано или пріостановлено передвиженіе ссудныхъ капиталовъ. При безпрепятственномъ развитіи кредита и служащихъ ему органовъ, само собою, раньше или позже, необходимо должны появиться и крупныя учрежденія, вызванныя и поддерживаемыя собственною инціативою и средствами частной предпріимчивости. Образованіе мелкихъ и крупныхъ банковыхъ учрежденій является простымъ естественнымъ послѣдствіемъ съ одной стороны необходимости разнообразной системы органовъ, приноровленныхъ къ тѣмъ источникамъ свободныхъ сбереженій, которые даютъ оборотные капиталы банкамъ, а съ другой—необходимости объединенія денежныхъ средствъ, какъ условія наибольшей ихъ производительности и доходности. И крупныя и мелкія банковыя учрежденія образуютъ, поэтому, неизбѣжно составныя части всякой банковой системы, изъ коихъ она всегда и повсюду слагается. Въ одномъ мѣстѣ онѣ могутъ существовать, какъ свободныя учрежденія, опирающіяся только на свои собственныя силы. Въ другомъ онѣ могутъ существовать, какъ учрежденія несвободныя, опирающіяся

на внѣшнюю помощь. Но совсѣмъ несуществовать не можетъ ни одна, ни другая часть банковой системы. Народное хозяйство одинаково нуждается и въ крупныхъ, и въ мелкихъ банковыхъ учрежденіяхъ, и чего не сдѣлала одна форма инициативы, восполняется другою формою.

Несомнѣнно, конечно, что свобода, и притомъ внутренняя выражающая способность опираться только на собственныя силы и средства и отсутствіе надобности во внѣшнемъ руководствѣ и посторонней поддержкѣ, что такая свобода представляетъ высшую ступень развитія, которой можетъ достигнуть банковая система, не стѣсняемая искусственными препятствіями. Всякая банковая система стремится, поэтому, сложится изъ сѣти самостоятельныхъ банковъ. Самостоятельность отдѣльныхъ банковыхъ учрежденій далеко не означаетъ того-же самаго, что ихъ изолированность или отчужденность другъ отъ друга. Изолированныхъ банковъ долго не можетъ быть уже потому, что первое и главное естественное стремленіе всякаго кредита—стремленіе къ самосохраненію, къ созданію подъ собою болѣе прочной почвы, расширенію этой почвы. Отъ всѣхъ остальныхъ отраслей торгово-промышленной предпріимчивости банковое дѣло рѣзко отличается тѣмъ, что оно работаетъ *свободнымъ* капиталомъ, который оно всегда должно заботиться имѣть чрезъ извѣстный срокъ въ свободномъ состояніи. Всякая другая предпріимчивость имѣетъ своею цѣлью найти *прочное* занятіе и помѣщеніе капиталу, завязать его, иммобилизировать въ данномъ дѣлѣ. Только подъ вліяніемъ *неблагопріятствующихъ* данному помѣщенію условій въ другихъ отрасляхъ предпріимчивости капиталъ приходится высвобождать изъ разъ даннаго ему помѣщенія. Напротивъ, банковое дѣло по самой своей природѣ даетъ капиталу *срочное* помѣщеніе съ тѣмъ, что, по истеченіи срока, снова получитъ капиталъ въ свободномъ состояніи: это обусловливается природою самаго кредита. Отсюда то послѣдствіе, что банковое дѣло, болѣе чѣмъ всякая другая отрасль предпріимчивости, нуждается въ широкой территоріальной сферѣ, въ предѣлахъ которой оно могло бы имъ розыскивать совпаденіе условій, дающихъ ка-

питалу наибольшую доходность и въ то же время наименѣе его связывающихъ. Это разъ. Кромѣ того, однако, самый объемъ средствъ, которыми работаетъ банковое дѣло, главнымъ образомъ, зависитъ отъ объема территоріальной сферы, въ предѣлахъ которой могутъ розыскиваться свободныя сбереженія. Чуть ли не самую значительную часть этихъ оборотныхъ средствъ банкамъ становится возможно имѣть въ своемъ распоряженіи только тогда, когда извѣстнымъ образомъ начинаютъ слагаться производственныя и мѣновыя отношенія отдѣльныхъ предпринимателей и предпріятій другъ къ другу. Для этого необходимо, чтобы въ означенныя сношенія начала проникать въ возможно большихъ размѣрахъ взаимность въ зависимости, въ которой отдѣльныя предпріятія всегда находятся другъ отъ друга вслѣдствіе того, что каждое изъ нихъ работаетъ на сбытъ, на чужія надобности. Когда у каждаго хватаетъ энергіи на непрерывную заботу о томъ, чтобъ воспользоваться наилучшими условіями даннаго времени; когда каждый стремится прежде всего не сокращать своихъ дѣлъ, а если возможно ихъ расширять; когда энергія и заботы предпріимчивости о своей производительности обезпечиваютъ ея представителямъ успѣхъ,—то послѣдствіемъ этаго являются прежде всего, конечно, тѣ прибыли, въ которыхъ выражается успѣхъ и изъ которыхъ составляются новыя сбереженія. Ужь одно стремленіе сдѣлать эти прибыли немедленно доходными и невозможность сдѣлать ихъ немедленно доходными въ собственномъ занятіи, которое подчиняется особымъ условіямъ производительности и можетъ оказываться способнымъ давать занятіе только по истеченіи извѣстнаго времени, уже одно это вызываетъ какъ бы перетасовку прибылей между различными занятіями. Вслѣдствіе того оказывается, что отдѣльныя предпріятія взаимно другъ другу содѣйствуютъ при производительномъ помѣщеніи прибылей для немедленной ихъ доходности. Независимо отъ этаго, однако, всякая необходимость немедленнаго сбыта вызываетъ цѣлый рядъ кредитовъ, которые отдѣльныя предпріятія взаимно другъ другу должны оказывать. Всякій, кто не желаетъ ожидать съ своими покупками, долженъ стараться получить кредитъ. Вся-

кій, кто не желаетъ ожидать съ своими продажами, долженъ давать кредитъ. Отсюда, если не для всякой предпріимчивости, то для большей ея части, когда ей удалось удалить сомнѣнія въ ея производительности и когда она раньше или позже является съ результатами этой производительности, необходимость выступать то въ роли кредитора, то въ роли должника. Въ одно время приходится брать кредитъ и одолжаться, чтобы въ другое время отплатить взаимностью, т. е. давать кредитъ и одолжать. Дѣловая связанность отдѣльныхъ предпріятій и ихъ взаимная зависимость другъ отъ друга можетъ проходить мимо сознанія, но и связанность и взаимная зависимость, тѣмъ не менѣе, будутъ существовать, какъ условіе непрерывной производительности предпріятій. Эти-то связанность и взаимная зависимость предпріятій другъ отъ друга обусловливаютъ одну изъ важнѣйшихъ особенностей кредита, какъ народно-хозяйственнаго явленія, его *взаимность*. Пока кредитъ встрѣчается въ экономической практикѣ, какъ случайность, онъ тѣсно связанъ съ *изолированною* личностью. Напротивъ, на высшей степени развитія кредитъ отдѣльной личности начинаетъ въ самой значительной мѣрѣ зависѣть отъ той роли, которую отдѣльная личность играетъ не сама по себѣ взятая, а въ общей сѣти предпріятій, покрывающей страну. Органическая соединенность этихъ предпріятій, вслѣдствіе которой наука разсуждаетъ о производствѣ и сбытѣ *народнаго хозяйства*, создаетъ одно цѣлое изъ всѣхъ отдѣльныхъ проявленій кредита и связующее ихъ въ одно цѣлое и представляется взаимностью въ кредитѣ. *Эта* взаимность не ждетъ, чтобы она была искусственно создана учрежденіями, которыя ее берутъ обозначеніемъ своей фирмы. Для нея безразлично, имѣетъ ли банковое предпріятіе недѣлимый капиталъ или паевой, или совсѣмъ капитала лишено. Она во всякомъ случаѣ существуетъ, обусловливаемая порядками производства и сбыта цѣнностей, современными условіями накопленія капиталовъ и обезпеченія ихъ непрерывной доходности. Въ настоящее время всякому больше или меньше приходится, и давать, и брать кредитъ. Оттого кредитъ настоящаго времени въ самой значительной своей массѣ

кредитъ взаимный, т. е. взаимностью порождаемый и взаимностью погашающійся. Эта-то взаимность обусловливаетъ связность кредитныхъ отношеній и служитъ часто невидимою почвою, которая заставляетъ объединяться не только отдѣльныхъ лицъ около отдѣльныхъ банковыхъ учрежденій, но и самыя банковыя учрежденія около центровъ, нарочно для ихъ возникающихъ. Эта же взаимность составляетъ главную основу силы отдѣльныхъ банковъ. Но она банками, ни крупными, ни мелкими, не создается. Ее создаютъ производительныя силы народнаго хозяйства. Отъ производительности народно-хозяйственныхъ силъ зависитъ, поэтому, и сила крупныхъ банковыхъ установленій, а не отъ ихъ привиллегій.

---

Юрій Ливенсонъ.

## ГЛАВА V.

## Источники оборотныхъ средствъ кредита.

36. *Оборотными средствами* называются тѣ, которыя служатъ предпріятію для приведенія его въ исполненіе, для достиженія съ ихъ помощью той цѣли, коею предпріятіе задалось. *Помѣщеніемъ* капитала называютъ производительное его употребленіе, благодаря которому израсходованныя средства снова постепенно или сразу выручаются или обратно получаются при достиженіи цѣли предпріятія.

Рядомъ съ фактомъ, что въ настоящее время текущая живая предпріимчивость получила значеніе самостоятельнаго вида источника торгово-промышленныхъ цѣнностей и покупательной силы, въ связи съ этимъ фактомъ, идетъ все большее и большее обособленіе двухъ основныхъ видовъ, въ которыхъ въ настоящее время проявляются дѣловыя оборотныя средства. Признакъ, по которому различаются эти два вида, представляется различнымъ ихъ положеніемъ въ имущественной области предпринимателя. Каждое мало-мальски крупное предпріятіе въ настоящее время держится, во-первыхъ, капиталомъ, который *принадлежитъ въ собственность* лицу, играющему роль хозяина въ предпріятіи, во вторыхъ, *кредитомъ* этого лица, т. е. капиталомъ, который ему дала возможность получить признанная производительность его текущей предпріимчивости и который представляетъ мѣновую цѣнность послѣдней. Капи-

талъ, принадлежащій въ собственность предпринимателю, называется *предпринимательскимъ*. Капиталъ, полученный имъ путемъ кредита и представляющій мѣновую цѣнность его текущей производительной предпріимчивости, называется *ссуднымъ*.

Чѣмъ обусловливается существованіе ссудныхъ капиталовъ? Прежде всего существованіемъ такихъ разрядовъ лицъ, которые не въ состояніи сдѣлать производительное употребленіе изъ средствъ, которыми они обладаютъ: или потому, что у нихъ не хватаетъ на это нужныхъ знаній и способности, или потому, что этого недозволяютъ другія занятія, главнымъ образомъ поглощающія ихъ силы. Не менѣе важною причиною существованія ссудныхъ капиталовъ въ настоящее время, однако, является тотъ мотивъ, который вытекаетъ изъ различнаго отношенія составныхъ частей капиталовъ, которыми предпріятія работаютъ, къ риску, съ которымъ сопряжены предпріятія. Предпринимательскій капиталъ означаетъ не только тотъ, который принадлежитъ предпринимателю, но который, сверхъ того, *несетъ на себѣ рискъ предпріятія*, который долженъ первый уменьшиться отъ потерь, если таковыя послѣдуютъ. Независимо отъ своего значенія въ качествѣ средства для достиженія разъ поставленной цѣли, предпринимательскій капиталъ имѣетъ еще значеніе *сберегательнаго запаса*, изъ котораго черпаются средства, поглощаемыя *потерями*. Напротивъ ссудный капиталъ представляетъ ту часть оборотныхъ средствъ изъ занятыхъ въ предпріятіи, которая въ него отправилась именно съ тѣмъ, чтобы чрезъ извѣстный срокъ оставить предпріятіе и во всей своей цѣлости возвратиться къ своему собственнику. Что въ кредитъ дается, прежде всего должно быть во всей цѣлости возвращено. Это другими словами значитъ, что никакая опасность, могущая угрожать успѣху даннаго предпріятія по какимъ-бы то ни было причинамъ, не можетъ оказать своего вліянія на ссудный капиталъ, въ этомъ предпріятіи работавшій или помѣщенный. Ибо отдавать капиталъ въ ссуду и значитъ освобождать отъ риска, съ которымъ можетъ быть сопряжено его употребленіе въ предпріятіи. На самомъ дѣлѣ онъ можетъ и не освободиться отъ опасностей, которыя могутъ

его постигать въ большей или меньшей мѣрѣ. Но ихъ вліяніе парализуется отвѣтственностью, которую на себя принимаетъ предпринимательскій капиталъ и по которой онъ изъ себя погашаетъ всѣ наступившія потери. Такимъ образомъ тамъ, гдѣ существуетъ ссудный капиталъ и есть хотя-бы слабое вѣроятіе опасностей, могущихъ угрожать его цѣлости, необходимо *долженъ* существовать и предпринимательскій капиталъ, принимающій на себя отвѣтственность за эти опасности. Иначе ссудный капиталъ представляетъ собою противорѣчіе между намѣреніями его владѣльца и дѣйствительнымъ исполненіемъ этихъ намѣреній.—Третьею причиною существованія ссудныхъ капиталовъ представляется несовпаденіе, т. е. распредѣленіе на различные періоды, тѣхъ моментовъ времени, когда оборотныя средства поступаютъ въ руки предпринимателей и собственниковъ, и тѣхъ моментовъ, когда средства имъ нужны для собственныхъ надобностей. Наконецъ четвертою причиною являются чисто техническія условія, вслѣдствіе которыхъ большія массы цѣнностей, получаемыя отъ предпріятій, не могли-бы получить дальнѣйшаго движенія (для переработки ихъ, для перемѣщенія ихъ, для сбереженія ихъ къ надлежащему времени и при наилучшихъ обстоятельствахъ, наконецъ для доставленія ихъ въ руки потребителя), если-бы не послѣдовала передача ихъ въ постороннія руки, могущія изъ нихъ сдѣлать надлежащее употребленіе, хотябы эти руки не были въ состояніи немедленно расплатиться за полученное.

Всякій ссудный капиталъ представляетъ собою средства, *свободныя* въ тѣхъ рукахъ, коимъ онѣ принадлежатъ въ собственность. Свободность ссудныхъ капиталовъ можетъ быть вынужденная (напр. лице, обладающее деньгами, съ которыми оно не знаетъ, что предпринять, или фабрикантъ, который нуждается въ массѣ посредниковъ, чтобы сбыть свой товаръ, т. е. обладающій массою товаровъ, со сбытомъ котораго потребителямъ самъ онъ не въ состояніи справиться), или цѣлесообразно установленная (когда лице, владѣющее средствами, могло-бы, но не желаетъ на собственный страхъ или собственными заботами дать имъ доходное употребле-

ніе): во всякомъ случаѣ она должна существовать. Вещественное основаніе кредитныхъ отношеній представляетъ только свободное имущество для даннаго лица, представляющаго его первоначальнаго собственника. Имущество, которое собственникъ самъ-бы могъ употребить и для доходнаго употребленія котораго онъ не нуждается въ постороннемъ содѣйствіи, не можетъ быть предметомъ кредитныхъ отношеній. Поэтому отношенія, возникающія отъ передачи такого имущества, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны за кредитныя.

Если всякій ссудный капиталъ и представляетъ свободное имущество, то нельзя сказать, что, наоборотъ, всякое свободное имущество необходимо представляетъ и ссудный капиталъ. Свободное имущество *можетъ стать* ссуднымъ капиталомъ, *если того пожелаетъ его владѣлецъ*. Т. е. только *свободное согласіе* владѣльца свободнаго имущества на то, чтобы послѣднее перешло въ постороннія руки, дѣлаетъ изъ него ссудный капиталъ. Потому что кредитъ прежде всего представляетъ собою начало обмѣна, при которомъ, если что-либо отдается, то не даромъ, а за равноцѣнность, полученіе которой только отсрочивается. Обмѣнъ же по существу своему представляетъ отношеніе, основанное на свободномъ согласіи. Обмѣниваться безъ согласія, значитъ не обмѣниваться, а отдавать даромъ часть, уступаемаго подъ вліяніемъ насилія, вещественнаго или невещественнаго. Такимъ образомъ, до тѣхъ поръ, пока владѣлецъ свободнаго имущества предпочитаетъ сохранять его за собою, хотя бы оно оттого теряло въ своей доходности, оно не становится ссуднымъ капиталомъ.

Двѣ причины въ особенности важны, какъ порождающія важность существованія свободныхъ средствъ, не играющихъ роли ссудныхъ капиталовъ. Одна изъ этихъ причинъ заключается въ умственной и, вообще, хозяйственной неразвитости, вслѣдствіе которой не обращаютъ вниманія на свободное состояніе средствъ и потери, проистекающія отъ ихъ полной бездоходности или отъ перерывовъ въ ихъ доходности. Другая заключается въ тѣхъ преимуществахъ, которыя имѣетъ свободный капиталъ предъ занятымъ,

дѣлая имущество независимымъ отъ всякихъ случайностей, которыя могутъ подвергать опасности его цѣлость. Насколько данная страна нуждается въ деньгахъ исключительно для того, чтобъ въ нихъ воплощалось бы имущество, свободное отъ всякихъ опасностей, эти деньги представляютъ собою мертвые запасы, стоящіе внѣ круга предпринимательскихъ и ссудныхъ капиталовъ.

Теорія и практика банковаго кредита послѣдняго полустолѣтія выдвинули на первый планъ основное значеніе той части денежныхъ запасовъ народныхъ хозяйствъ, которая представляетъ собою какъ бы особую экономическую почву, напередъ заготовляемую на тѣ случаи, когда наступившія опасности умалятъ достоинство всякаго другаго имущества. Каждое народное хозяйство обладаетъ подобнымъ запасомъ и должно таковымъ обладать. Ибо въ немъ представляется послѣдняя экономическая опора личности, когда предпринимательскій и ссудный капиталы ей начинаютъ измѣнять.

*Превращеніе* свободныхъ средствъ въ ссудные капиталы и нахожденіе для послѣднихъ предпріимчивыхъ лицъ, которыя могли бы изъ нихъ сдѣлать доходное употребленіе и представляетъ задачу банковъ. Розыскивая свободныя средства и привлекая ихъ къ себѣ, изучая степень ихъ свободности и свойство употребленія, какое изъ нихъ можно сдѣлать, банки содѣйствуютъ производительному превращенію свободныхъ средствъ въ ссудные капиталы и *создаютъ* послѣдніе изъ первыхъ. Весьма осязательный и чувствительный опытъ многихъ странъ доказываетъ громадныя потери, возникающія для народовъ отъ того, что ихъ свободныя средства не превращаются въ ссудные капиталы. Эти страны обыкновенно поглощаютъ страшныя массы драгоцѣнныхъ металловъ, въ которыхъ воплощаются ихъ свободныя средства и этимъ на неопредѣленное время парализуютъ полезную производительность тѣхъ силъ, съ помощью которыхъ произведены означенные металлы. Банки не только устраняютъ субъективныя причины, препятствующія превращенію свободныхъ средствъ въ ссудные капиталы (каковы невѣжество, апатія, беззаботность и т. п.): они сверхъ того являются органами, устраняющими вліяніе тѣхъ внѣшнихъ усло-

вій, которыя вызываютъ указанныя субъективныя причины, какъ свое послѣдствіе. Внѣшнія условія, подобнымъ образомъ дѣйствующія, представляются трудностью, возникающею для отдѣльнаго лица, заботиться не только о своемъ собственномъ занятіи, поглощающемъ его предпринимательскіе капиталы, имѣть свѣдѣнія не только о немъ, но и о посторонніихъ занятіяхъ, которымъ капиталы могутъ быть довѣрены, какъ ссудные. Трудность эта еще не велика, пока занятія не принимаютъ обширныхъ размѣровъ у отдѣльныхъ лицъ, не усложняются и не развѣтвляются, и пока свободныя средства тоже не достигаютъ еще большихъ размѣровъ. Но когда свободныя сбереженія представляются уже большими суммами и когда занятія отдѣльныхъ лицъ начинаютъ требовать спеціальнаго вниманія къ себѣ для изученія условій ихъ производительности, тогда возникаетъ необходимость, чтобъ существовали спеціальные органы, которые себя посвятили бы дѣлу превращенія свободныхъ средствъ въ ссудные капиталы. Такими-то органами и являются банки. Денежный рынокъ и представляетъ, главнымъ образомъ, рынокъ, на которомъ розъискивается сбытъ для результатовъ дѣятельности банковъ или банкировъ.

37. Всякій капиталъ, болѣе или менѣе скоро или медленно, превращается въ предметы для потребленія и тѣмъ уничтожается. Сохраненіе его возможно только на счетъ образованія новыхъ сбереженій или новыхъ капиталовъ, *замѣняющихъ* уничтоженные. Такимъ образомъ, только непрерывное накопленіе и образованіе новыхъ сбереженій даетъ возможность сохраниться капиталу вообще, хотя его составныя части непрерывно потребляются и уничтожаются. Эти части каждый разъ замѣняются новыми, возобновляющими старыя. На практикѣ процессъ сохраненія капитала выражается въ томъ, что *владѣлецъ* его отказывается отъ роли потребителя по отношенію къ нему и эту роль передаетъ *постороннему* лицу, которое уже изъ *своихъ* собственныхъ сбереженій или свободныхъ средствъ *возстановляетъ* уничтоженное потребленіемъ. Капиталъ не въ состояніи проявлять своей полезности, не воплощаясь,

во всей своей цѣлости сразу или постепенно частями, въ вещахъ, годныхъ для потребленія. Вслѣдствіе того, непрерывная полезная производительность капитала необходимо предполагаетъ соотвѣтственное ей непрерывное возобновленіе уничтожаемыхъ частей капитала, непрерывное накопленіе и образованіе новыхъ свободныхъ средствъ *внѣ рукъ владѣльцевъ капитала.* Другими словами и проще: чтобы капиталъ въ 100,000 рублей, проявляющій свою производительность тѣмъ, что онъ воплощается въ потребляемыхъ товарахъ на сумму 100,000 руб., могъ сохраняться, для этого недостаточно однаго его собственнаго существованія. Необходимо еще, чтобъ у потребителей означеннаго товара оказалось свободныхъ средствъ 100,000 руб., на которые они купили бы товаръ и которыми возстановлялся бы уничтожаемый ихъ потребленіемъ капиталъ. Отсюда весьма важная экономическая теорема, имѣющая особенно важное значеніе въ настоящее время для банковаго кредита. Теорема эта гласитъ: всякое увеличеніе оживленнаго и производительнаго капитала или полезныхъ свободныхъ сбереженій, *производственныхъ или промысловыхъ*, предполагаетъ соотвѣтственное увеличеніе свободныхъ средствъ, *потребительныхъ* и могущихъ быть уничтожаемыми: иначе невозможно сохраненіе капитала и отъ производительнаго его употребленія онъ долженъ погибнуть Если въ данное время предпріятія расширяются увеличеніемъ затрачиваемыхъ въ нихъ капиталовъ, дающемъ возможность увеличиваться количеству производимыхъ, создаваемыхъ или добываемыхъ цѣнностей, то новыя затраты капиталовъ только тогда не будутъ сопряжены съ ихъ гибелью, если параллельно будетъ существовать возросшая масса потребительныхъ средствъ. Чтобъ можно было производить или привозить въ половину больше хлопчато-бумажнаго товара, нужно въ половину больше капитала, или появленія новыхъ производственныхъ сбереженій на 5%. Но этаго мало: необходимо сверхъ того, чтобъ покупатели могли брать съ рынка въ половину больше товаровъ для своего потребленія и, слѣдовательно, чтобъ они имѣли въ половину больше свободныхъ покупательныхъ средствъ, могущихъ быть употребленными на

потребленіе. Слѣдовательно, всего нужно увеличенія свободныхъ средствъ на 100%. Такъ же точно недостаточно еще, если новыхъ свободныхъ средствъ существуетъ лишь столько, сколько нужно для образованія капитала, которымъ дѣйствуетъ акціонерная компанія; для того, чтобъ этотъ капиталъ былъ производителенъ, необходимо образованіе еще одной суммы свободныхъ сбереженій, которая вполнѣ равнялась бы суммѣ цѣнностей, представляющихъ производительность капитала.

Отсыда очевидно, что далеко не всѣ свободныя средства, существующія во всякой странѣ въ данное время, могутъ быть превращены въ капиталъ, который могъ бы непрерывно быть производительнымъ и сохраняться. Слѣдовательно, еще менѣе во всякой суммѣ свободныхъ средствъ можно видѣть источникъ для ссудныхъ капиталовъ.

Свободныя средства, существующія въ данной странѣ, могутъ имѣть своимъ назначеніемъ *или* потребленіе, *или* сохраненіе ихъ, какъ способа, вспомогающаго текущую дѣятельность и, хотя самаго по себѣ не потребляемаго *его владѣльцемъ*, дающаго возможность своимъ благотворнымъ вліяніемъ на текущую дѣятельность получать *изъ нея* необходимое для потребленія. Въ послѣднемъ случаѣ свободныя средства играютъ роль капитала. Важно имѣть въ виду тѣ частныя условія, отъ которыхъ зависитъ, превращаются-ли свободныя средства въ постоянный капиталъ или оборотный въ тѣсномъ смыслѣ этаго слова. Подъ постояннымъ капиталомъ въ экономической наукѣ разумѣютъ такой, который только медленно и постепенно истрачивается, только частями переходитъ въ цѣнности, выносимыя на рынокъ и сбываемыя потребителямъ, который медленно и постепенно подвергается вліянію потребленія и болѣе или менѣе долго сохраняется въ своемъ первоначальномъ видѣ. Такой постоянный капиталъ представляетъ собою всякая *прочная* цѣнность, потребленіе которой распредѣляется на продолжительный срокъ времени и которая для того, чтобъ попасть къ потребителю, предполагаетъ еще промежуточную дѣятельность производителя, измѣняющаго ея внѣшній видъ, или

торговой предпріимчивости, измѣняющейся ея мѣстоположеніе или времяпребываніе. Постоянный капиталъ представляютъ собою орудія и машины, постепенно и медленно переходящія своими частями въ товары, годные для потребленія, представляютъ также дома въ рукахъ лицъ промышляющихъ отдачею ихъ въ наемъ, земли и т. д. Напротивъ, оборотнымъ капиталомъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, называютъ такой, который сразу и всею своею цѣлостью переходитъ въ потребляемую цѣнность и весь долженъ быть возстановленъ цѣною, выручаемою при продажѣ. Слѣдовательно всѣ истраченныя деньги, сырые матеріалы и т. п. будутъ принадлежать къ оборотнымъ капиталамъ. Чтобъ постоянный и оборотный капиталъ, затраченные на предпріятія, сохранялись и не уничтожались, для этого необходимо, чтобъ они возстановлялись изъ средствъ, назначенныхъ для потребленія. Такимъ образомъ рядомъ съ тѣмъ народно-хозяйственнымъ фондомъ, который представляется капиталами, долженъ существовать *потребительный фондъ*, который бралъ бы *на себя* угрожающую капиталу гибель, т. е. его превращеніе въ уничтожаемыя цѣнности, безъ каковаго превращенія капиталъ не могъ бы проявить своей производительности. Ясно въ такомъ случаѣ, что всякое непропорціональное увеличеніе, которое будетъ давать перевѣсъ фонду капиталовъ надъ потребительнымъ фондомъ, будетъ сопряжено съ однимъ изъ двухъ послѣдствій: или капиталъ останется *непроизводительнымъ*, или онъ будетъ *уничтоженъ* и его не изъ чего будетъ возстановлять. И не менѣе ясно, что если ужъ свободныя средства непропорціально распредѣляются между цѣлями сохраненія (въ видѣ капиталовъ) и цѣлями уничтоженія (путемъ потребленія), то для народнаго хозяйства и отдѣльныхъ лицъ выгоднѣе, если свободныя средства затрачиваются на прочныя цѣнности или *постоянные* капиталы, а *не оборотные*. Потому что оборотные капиталы всегда предполагаютъ *равный* имъ потребительный фондъ, на счетъ котораго они возстановляются *всею своею цѣлостію*. Напротивъ, постоянные капиталы, могущіе медленнѣе проявлять свою производительность, предъявляютъ меньшія требованія потребительному фонду. Если, напримѣръ, эко-

номическій прогрессъ какого либо года выразился увеличеніемъ богатства на 100 мил. и часть этихъ 100 мил. существуетъ стремленіе не уничтожить, а сохранить въ видѣ капиталовъ,—то эту часть возможно будетъ сдѣлать тѣмъ большею, чѣмъ болѣе изъ 100 милл. будетъ употреблено на увеличеніе основныхъ капиталовъ. Ибо 50 милл., употребленные на превращеніе ихъ въ основные капиталы, потребуютъ для своего возстановленія только т. н. процентъ погашенія,—тогда какъ затраченные на превращеніе въ оборотный капиталъ, они потребуютъ непрерывныхъ новообразованныхъ суммъ для своего возстановленія, каждый разъ равныхъ всему оборотному капиталу. Такимъ образомъ превращеніе свободныхъ средствъ въ капиталы легче, когда средства превращаются въ основные, а не въ оборотные капиталы. Конечно, возможно и непропорціональное увеличеніе основнаго капитала, несоотвѣтствующее тѣмъ потребительнымъ средствамъ, которыя имѣются для возстановленія уничтожаемыхъ частей капитала. Но это, очевидно, можетъ произойти въ такихъ только случаяхъ, когда потребительный фондъ подвергся гораздо болѣе сильнымъ сокращеніямъ, чѣмъ какимъ онъ былъ бы подвергнутъ превращеніемъ свободныхъ средствъ въ оборотные капиталы. Въ то время, какъ достаточно малѣйшей диспропорціи между оборотнымъ капиталомъ и потребительными средствами, чтобъ породить въ ней замѣшательство, нужно диспропорціи достигнуть колоссальныхъ размѣровъ отъ превращенія свободныхъ средствъ въ постоянные капиталы, чтобъ этимъ было вызвано подобное-же замѣшательство.

Диспропорціональное увеличеніе основнаго капитала сразу во многихъ предпріятіяхъ опасно для народнаго хозяйства еще и по другой причинѣ. Постоянный капиталъ всегда предполагаетъ еще дальнѣйшія затраты не только труда, но, въ большинствѣ случаевъ, еще и капитала, какъ новаго постояннаго, такъ и оборотнаго. Возьмемъ, напримѣръ, предпринимателя, задумывающаго устройство новой обширной фабрики. Ему, прежде всего, приходится возвести большое зданіе. Предположимъ, что у него имѣлись 200,000 р. и что всѣ эти деньги ушли на постройку зданія. По-

слѣднее представляетъ новосозданный основной капиталъ. Но зданіе еще не фабрика. Нужны еще дальнѣйшія затраты *на машины*. Эти машины представляютъ другой видъ постояннаго капитала, безъ котораго фабрика немыслима. Затѣмъ нужны еще дальнѣйшія затраты на суровье и матеріалы, на наемъ рабочихъ, смотрителей, техниковъ и т. д., т. е. нуженъ еще оборотный капиталъ. Что же будетъ, если ни на покупку машинъ, ни на оборотный капиталъ у нашего предпринимателя средствъ не хватитъ? Окажется, что онъ неразсчетливо превратилъ средства, имѣвшіяся у него, въ постоянный капиталъ и, или временно, или навсегда сдѣлалъ ихъ непроизводительными только потому, что предварительно не справился, окажутся ли въ будущемъ средства, которыми придется предпріятіе окончательно установлять и пускать въ ходъ. Тоже самое можетъ быть съ цѣлою страною, когда въ оживленное время устраивается цѣлая масса предпріятій, разсчитанныхъ на дальнѣйшія затраты, на которыя, однако, средствъ не оказывается, когда въ нихъ возникаетъ надобность.

Необходимо, слѣдовательно, различать двоякаго рода случаи, когда цѣлости капитала начинаетъ угрожать опасность, не смотря на то, что капиталы затрачены на дѣло, само по себѣ производительное. Одинъ рядъ случаевъ наблюдается тогда, когда покупателей-истребителей для цѣнностей не оказывается, когда возникаетъ несоотвѣтствіе между фондомъ капиталовъ и потребительнымъ фондомъ, изъ котораго первый возстановляется. Другой рядъ случаевъ возникаетъ отъ несоотвѣтствія между объемомъ начатыхъ предпріятій и созданныхъ для нихъ постоянныхъ капиталовъ съ одной стороны и съ другой—средствами, нужными для продолженія или окончанія предпріятія.

Оба разряда случаевъ имѣютъ то общее, что каждый изъ нихъ характеризуется диспропорціональностью между изготовленными цѣнностями и дальнѣйшими затратами, которыя онѣ предполагаютъ изъ потребительнаго фонда или изъ фонда капиталовъ. Въ обоихъ случаяхъ съ одной стороны стоятъ капиталы, а съ другой—де-

фицитъ въ средствахъ, необходимыхъ для сохраненія означенныхъ капиталовъ въ цѣлости.

Такъ какъ эти капиталы всегда представляются въ видѣ какихъ-либо конкретныхъ и спеціальныхъ цѣнностей, служащихъ каждая центромъ, около котораго сосредоточивается дѣятельность предпринимателей, то съ перваго раза обыкновенно говорятъ, что данныхъ цѣнностей произведено, изготовлено или привезено слишкомъ много, что имѣло мѣсто излишнее производство (over production, Ueberproduction), или что предприниматели заторговались и заспекулировались (overtrade, overspeculation).

Торгово-промышленная исторія, въ особенности XIX столѣтія, знаетъ уже многочисленные примѣры замѣшательствъ, возникшихъ въ различныхъ странахъ отъ того, что ни теорія, ни практика не успѣли еще выработать твердыхъ и опредѣленныхъ началъ, которыми жизнь могла бы руководиться, превращая свои свободныя средства въ капиталы. Мы нарочно здѣсь заговорили объ этомъ предметѣ, чтобъ уже въ самомъ началѣ устранить одно изъ многочисленныхъ недоумѣній, возникающихъ при разсужденіяхъ о кредитѣ и банкахъ и порождающихъ многочисленныя обвиненія, противъ нихъ направленныя. Весьма часто процессъ превращенія свободныхъ средствъ въ капиталы *вообще* смѣшивается съ процессомъ превращенія ихъ въ *ссудные* капиталы и послѣднему приписывается все то, что не только имъ однимъ вызывается, но сверхъ того еще, а иногда и въ болѣе значительной мѣрѣ, и первымъ процессомъ. Ясное разсужденіе требуетъ, поэтому, чтобы означенные два процесса возможно отчетливѣе различались. Каждый разъ, когда происходитъ превращеніе свободныхъ средствъ въ капиталы и при этомъ не приняты въ соображеніе покупательныя силы потребителей, изъ средствъ коихъ капиталъ долженъ возстановляться, производительности и цѣлости капитала начинаетъ угрожать опасность. Такой экономическій періодъ, когда становится сомнительною возможность дальнѣйшаго существованія капитала въ прежней его цѣлости и производительности, или въ первоначальной его цѣлости и задуманной для него производительности,

называется *періодомъ кризиса*. Наше столѣтіе знаетъ уже не мало мѣстныхъ и всемірныхъ кризисовъ и между ними не мало такихъ, которые вызваны были неосмотрительнымъ превращеніемъ свободныхъ средствъ въ капиталы, представлявшіеся товарами, покупатели-потребители коихъ не обладали средствами, чтобы уплачивать выгодныя цѣны и возстановить истраченные капиталы или достаточно ихъ вознаградить. Результатомъ этого являлось, что капиталы гибли или оставались бездоходными, причиняя этимъ подрывъ предпріятіямъ и вызывая разстроенія или остановки въ дѣлахъ, парализуя предпріимчивость и порождая, какъ необходимость, такъ и стремленіе ее сокращать. Важно при этомъ имѣть въ виду, что расширеніе предпріятій и неосмотрительное превращеніе свободныхъ средствъ въ капиталы могутъ идти совершенно независимо отъ кредита и что гибельныя послѣдствія этого проявляются уже при одномъ только существованіи предпринимательскихъ капиталовъ, помимо всѣхъ тѣхъ условій, которыя порождаютъ ссудные капиталы и втягиваютъ ихъ въ экономическое движеніе. Какъ бы ни была велика роль условій, въ которыхъ развивался торгово-промышленный кредитъ XIX в., для кризисовъ нашего времени не менѣе, если не болѣе, велика роль вообще тѣхъ условій, отъ которыхъ зависѣли объемъ предпріимчивости, а слѣдовательно и количества капиталовъ, которые она считала возможнымъ производительно помѣстить въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ. Кризисы возникали не только отъ того, что современная предпріимчивость иногда неблагоразумно распоряжалась *ссудными* капиталами, которые она доставала путемъ кредита, но и отъ того, что она иногда вообще неблагоразумно распоряжалась капиталами, собственно-предпринимательскими капиталами, существованіе коихъ было совершенно независимо отъ кредита, а обусловливалось сберегательною дѣятельностью ради дальнѣйшей наживы.

«Излишнее производство», «излишняя спекуляція» и «излишняя торговля» — всѣ эти выраженія заключаютъ въ себѣ только ту мысль, что одною изъ важнѣйшихъ причинъ экономическихъ

кризисовъ должно считать не направленія, которыя принимаютъ предпріимчивыя стремленія, а мѣру этихъ стремленій или, вѣрнѣе, отсутствіе подобной мѣры. Менѣе всего, однако, отсутствіе подобной мѣры кому бы то ни было можетъ быть поставлено въ вину. Оно—въ природѣ переживаемой нами степени развитія производительности экономическихъ силъ и средствъ. И безъ всякаго кредита образованное человѣчество еще впервые только переживало тѣ успѣхи экономическаго движенія, которые съумѣло обнаружить наше столѣтіе. Эти успѣхи сдѣлали обыденнымъ то, что прежде казалось совершенно невозможнымъ. Они, можно сказать, совершенно перевернули всѣ традиціонныя представленія о возможныхъ цѣляхъ и невозможныхъ стремленіяхъ. Мѣра прошлыхъ столѣтій уже болѣе для нашего времени не годится, а установленіе новой мѣры невозможно еще потому, что опытъ еще не истощилъ своей творческой силы и не успѣлъ еще показать всего, что возможно. Сверхъ того, однако, характеръ состава современнаго міра предпріимчивости и крупная роль, которую въ ней играетъ *соперничество многочисленныхъ* ея представителей, входящихъ неизбѣжно въ означенный составъ, т. е. какъ многочисленность предпринимателей, такъ и ихъ конкурренція вызываютъ необходимость расширенныхъ свѣдѣній у каждаго отдѣльнаго изъ нихъ. Эти свѣдѣнія теперь значительно усложнились, и потому, что мѣста, пути, средства и условія сбыта стали болѣе разнообразныя, и потому что средства и способы всякой дѣятельности стали болѣе разнообразные, и потому, что приходится принимать во вниманіе массу конкуррентовъ, и, наконецъ, потому что приходится принимать во вниманіе гораздо болѣе разнообразную массу внѣшнихъ условій, вліяющихъ на благополучный исходъ затѣянныхъ предпріятій. А между тѣмъ далеко нельзя сказать, чтобъ современныя интеллектуальныя и моральныя условія жизни совершенно соотвѣтствовали требованіямъ, которыя къ нимъ предъявляетъ одна только природа обстановки современной предпріимчивости. Громадное большинство представителей послѣдней смотритъ, напр., чуть не съ презрѣніемъ на стремленія научной статистики придти на помощь

жизни и нисколько не содѣйствуетъ, а напротивъ часто препятствуетъ, этимъ стремленіямъ. Вмѣсто прочной почвы научно-разработанной статистики дѣловой міръ довольствуется или узкимъ эмпиризмомъ, или какими то отрывками эмпирической статистики, которой чуть не изъ подъ палки приходится, волею-неволею, удѣлять долю вниманія. А между тѣмъ врядъ-ли что-либо можетъ быть яснѣе, проще и осязательнѣе мысли, что до тѣхъ поръ, пока экономическая статистика не добьется роли выразительницы самосознанія каждаго даннаго времени, до тѣхъ поръ экономическая жизнь будетъ двигаться впередъ ощупью и рискуя попадать на пути, ведущіе къ кризисамъ.

Несомнѣнно, однако, что если уже предпринимательскіе капиталы могутъ иногда не находить для себя прочной почвы, на которой они должны бы себя чувствовать внѣ опасностей, угрожающихъ цѣлости и производительности ихъ,—то кредитъ, облегчающій превращеніе свободныхъ средствъ въ капиталы тѣмъ, что онъ даетъ имъ возможность стать ссудными капиталами, какъ бы еще болѣе расширяетъ сферу, въ которой злоупотребленія могутъ найти себѣ больше пищи. Но это наблюдается во *всѣхъ* тѣхъ случаяхъ, когда просторъ для человѣческой дѣятельности расширяется: когда человѣкъ въ состояніи больше проявлять своихъ силъ, онъ въ состояніи ихъ проявлять тѣмъ, что породитъ или больше пользы или больше вреда. Замѣтимъ однако, что всегда вредъ, обнаруживающійся въ подобныхъ случаяхъ, строго говоря, отрицательнаго свойства. Польза, которая ожидалась, въ наличности не оказывается и вмѣсто нея оказывается только вредъ потери тѣхъ силъ, отъ коихъ ожидалась польза. Въ торгово-промышленной области теперь уже строго-статистически можетъ быть доказано, что кризисы всегда только выражаютъ потерю тѣхъ силъ, коими предполагалось далеко шагнуть за предѣлы, ограничивавшіе экономическое движеніе въ предшествовавшія эпохи; напротивъ старому нормальному, такъ сказать, движенію особеннаго подрыва не дѣлается. Въ какихъ размѣрахъ оно имѣло мѣсто до кризисовъ, оно продолжается и послѣ нихъ.

Только попытка выскочить изъ колеи оказывается неудачною. Относящіеся сюда статистическія данныя въ особенности важны потому, что ими доказывается полная безплодность предварительныхъ стѣсненій, которымъ подвергается предпріимчивость въ своихъ движеніяхъ. Ибо или предпріимчивость пошла по ложному пути: тогда и безъ стѣсненій она естественнымъ ходомъ дѣлъ и постигающими ее неудачами будетъ вновь возвращена въ свои естественные предѣлы. Или она пошла бы по удачному пути: тогда стѣсненія только парализовали экономическій прогрессъ. Во всякомъ случаѣ прогрессивные шаги, удачные-ли они или неудачные, производятся на счетъ прогрессивнаго увеличенія средствъ для дальнѣйшаго движенія. И единственныя послѣдствія, которыя за собою могутъ повлечь исскуственныя стѣсненія предпріимчивости, только тѣ, что средства остаются безплодными или должны быть уничтожены. Но это другими словами только значитъ, что при стѣсненіи движеній предпріимчивости *во всякомъ случаѣ* получается то послѣдствіе, которое постигаетъ свободную предпріимчивость *только въ худшемъ случаѣ*.

Отъ характера предпріятій, на которыя затрачиваются капиталы или для которыхъ свободныя средства превращаются въ капиталы, зависитъ благополучный ихъ исходъ, т. е. сохраненіе цѣлости и производительности этихъ капиталовъ. Экономическая-же цѣлесообразность предпріятій прежде всего гарантируется обезпеченностью круга потребителей, для которыхъ они работаютъ. Возможность превращенія свободныхъ средствъ въ ссудные капиталы имѣетъ нерѣдко на практикѣ то значеніе, что ею съуживается кругъ потребителей или сокращается потребительный фондъ страны, превращаемый подъ вліяніемъ успѣховъ предпріимчивости и обѣщаемыхъ ею барышей въ капиталы, которые отдаются въ ссуду предпринимателямъ. Послѣдніе въ подобныхъ случаяхъ сами себѣ роютъ яму. Уже тогда, когда потребительныя средства подъ вліяніемъ страсти къ наживѣ неестественно отвлекаются отъ потребленія и превращаются въ предпринимательскіе капиталы, производительность и доходность послѣднихъ становится на фальшивую почву.

Но еще болѣе это имѣетъ мѣсто, когда свободныя потребительныя средства превращаются въ ссудные капиталы. Тогда тѣ самые лица, которыя естественно должны были бы выручить предпринимателей, оказываются противъ нихъ и раззореніе постигаетъ еще болѣе обширную сферу.

Выяснимъ это на современномъ примѣрѣ фондовой предпріимчивости. Представимъ себѣ одинъ изъ тѣхъ оживленныхъ періодовъ предпріимчивости, когда одно предпріятіе возникаетъ вслѣдъ за другими, когда капиталы большей части ихъ расширяются, когда цѣны паеваго имущества непрерывно идутъ въ гору, когда то и дѣло слышишь, что тотъ въ короткое время нажилъ 50 тыс., другой 100.000, а третій сталъ милліонеромъ. Страсть къ наживѣ начинаетъ охватывать все общество и всякій, у кого имѣются свободныя средства, стремится стать спекулянтомъ-предпринимателемъ. Бумаги покупаются не для того, чтобъ найти въ нихъ долгосрочное помѣщеніе капиталу, для котораго онѣ собственно и служатъ, а напротивъ для того, чтобъ, продержавъ ихъ короткое время, продать съ барышемъ. Для предпринимателя-спекулянта такое продерживаніе бумаги въ своихъ рукахъ короткое время—весьма естественно: капиталъ вѣдь ему и служитъ для *оборотовъ по покупкѣ и продажѣ бумагъ*, а не для долгосрочнаго помѣщенія его въ бумагѣ. Спекулянтъ въ бумагахъ, какъ и спекулянтъ въ торговлѣ сахаромъ, хлопкомъ и т. д., является производителемъ, разъискивающимъ для цѣнности окончательный сбытъ, находящимъ товару окончательное его мѣсто, создающимъ для товара и цѣнности ихъ приноровленность къ надлежащему ихъ мѣсту и времени. *Гдѣ и когда* или гдѣ и пока такая приноровленность еще невозможна, спекулянтъ продерживаетъ товаръ въ своихъ рукахъ. Для этого ему нуженъ и служитъ его капиталъ. Но какъ только спекулянтъ замѣтитъ, что наступили надлежащія условія времени и мѣста, при которыхъ бумага или товаръ могутъ найти наилучшія условія окончательнаго сбыта, они сбываются. Кому? Потребителю, то есть тому лицу, которое свои средства заготовило не для того, чтобъ ими промышлять, чтобъ ихъ расходовать *для обратнаго ихъ*

*полученія валовымъ доходомъ изъ какой либо цѣны*, а для того, чтобъ ихъ *окончательно* израсходовать и уже болѣе не разсчитывать на обратное ихъ полученіе. До тѣхъ поръ, пока товаръ или бумага не попали въ руки такого покупателя, который уже не разсчитываетъ на дальнѣйшій ихъ сбытъ, ни про товаръ, ни про бумагу нельзя сказать, чтобъ они были пристроены. Но что сказали бы мы, еслибъ, напримѣръ, въ разсчетѣ на то, что потребленіе сахара расширится на полмилліона пудовъ, производство, привозъ и спекуляція расширились бы, каждый стремился бы получить долю въ барышахъ, которые возникнутъ отъ правленія торговли сахаромъ и никто не расширялъ бы самого потребленія сахара? Это случай крайній. Но приближеніе къ этому случаю весьма часто представляетъ фондовая спекуляція, когда масса публики изъ роли покупателя-потребителя паевыхъ цѣнностей превращается въ предпринимателей-спекулянтовъ ими. Тогда потребители начинаютъ смотрѣть на свои оборотныя средства не какъ на потребительный фондъ, который они намѣрены израсходовать окончательно, а какъ на капиталъ, который они расходуютъ, чтобъ его выручить снова чрезъ продажу пріобрѣтенной паевой цѣнности. Всѣ оказываются предпринимателями и покупателями для продажи, а покупателей собственно для покупки не оказывается. Но это рѣшительно все равно, какъ еслибъ всякій покупатель сахара, кофе и т. д. сталъ смотрѣть на свою покупку, какъ на предпріимчивую сдѣлку, а отъ потребленія сахара и кофе отказался бы. Но какъ сахаръ и кофе, переставая находить покупателей для потребленія, теряютъ свое основное значеніе, обусловливающее и ихъ значеніе для предпріятій,—такъ и бумаги, которыя каждый покупаетъ для перепродажи, теряютъ свое основное значеніе—помѣщенія, поглощающаго капиталъ и подчиняющаго его извѣстной конечной потребительной цѣли. А если разъ эта потребительная цѣль не признается, то и основное значеніе паевыхъ цѣнностей пропадаетъ: подрывается и ихъ значеніе, какъ производительнаго источника выгодъ. Публики-потребителей, которымъ бумага должна была бы быть окончательно передана, можетъ не су-

ществовать только короткое время, по истеченіи котораго станетъ ясно, что всѣ находились подъ вліяніемъ миража. Значительная часть публики, которая покупала для перепродажи, должна будетъ пріостановить свой образъ дѣйствій и остаться при бумагахъ. Средства, которыя эта часть публики разсматривала какъ капиталъ, превратятся снова въ потребительный фондъ.

И тогда возникнетъ вопросъ о степени выгодности или невыгодности, съ которыми сопряжено такое превращеніе. Весьма нерѣдко не одни только свободныя средства, которыя произвольно могутъ получить одно или другое направленіе, привлекаются къ наиболѣе горячимъ пунктамъ спекуляціи, гдѣ расчеты на крупные барыши всего болѣе воспламенительны: привлекаются и такія средства, которыя уже до того имѣли доходное употребленіе въ качествѣ капитала. Одинъ видъ капитала превращается въ другой И вдругъ оказывается, что капиталъ долженъ стать снова потребительнымъ фондомъ, т. е. что средства должны потерять свою прежнюю производительность и доходность, чтобъ примириться съ приниженною доходностью помѣщенія, обезцѣненнаго реакціею, наступившею послѣ всеобщаго увлеченія имъ. Но это еще лучшій случай. А какъ быть въ тѣхъ случаяхъ, когда предпріимчивость дѣйствовала не только собственнымъ капиталомъ, но и полученнымъ въ ссуду? Оказывается масса долговъ, которою обременены всѣ тѣ, кои покупали для перепродажи. Каждый не желаетъ удержать бумагъ за собою уже по необходимости расплатиться съ долгами. Тѣ самые покупатели-потребители, которые еще кое-какъ вывернулись бы изъ бѣды, еслибъ они дѣйствовали только собственнымъ капиталомъ, оказываются въ безъисходномъ положеніи запутанные въ сѣти долговыхъ отношеній другъ къ другу, въ которыя они вступили, въ различныя времена обладая своими средствами и имѣя въ нихъ надобность.

При усложненности современныхъ торгово-промышленныхъ отношеній кредитъ однако получаетъ весьма важное значеніе отъ того, что если онъ увеличиваетъ возможность слишкомъ поспѣшнаго возрастанія капиталовъ на счетъ потребительныхъ средствъ,

то съ другой стороны, своимъ вліяніемъ на денежное обращеніе и своею собственною силою погашать долговыя отношенія, онъ представляетъ силу, которая сама отчасти устраняетъ опасность, при этомъ вызываемую. Ниже намъ придется въ различныхъ случаяхъ разъяснять это подробнѣе.

38. Свободныя средства отдѣльныхъ лицъ и народныхъ хозяйствъ представляются всегда, какъ результатъ успѣховъ производительности ихъ экономическихъ силъ. Во всякое данное время кругъ потребностей, для удовлетворенія коихъ служитъ экономическая сфера, замкнутъ въ опредѣленныя границы. Знанія, обычаи, иногда предразсудки и законы, чаще всего нравы и, такъ называемая, бытовая сторона жизни повсюду обусловливаютъ такой замкнутый кругъ потребностей. Сильнымъ основаніемъ его замкнутости въ большей части случаевъ ему служитъ масса *средствъ, имѣющихся для удовлетворенія* того или инаго круга потребностей. Если перемѣны въ нравахъ, увеличеніе знаній, измѣненія въ обычаяхъ, въ законахъ и господствующемъ міросозерцаніи могущественно вліяютъ на расширеніе круга потребностей, то не менѣе могущественная сила должна быть приписана простому вліянію успѣховъ доходности экономическихъ средствъ отдѣльныхъ лицъ и народовъ. По большей части тихое и незамѣтное въ прежнія времена, въ наше время громко и неудержимо проявляется стремленіе отдѣльныхъ лицъ и народовъ увеличеніемъ средствъ расширить кругъ своихъ потребностей и, такимъ путемъ, передвинуться съ низшей ступени на высшую. Сначала идетъ стремленіе обезпечить удовлетвореніе даннаго круга потребностей, въ которомъ отдѣльное лице себя находитъ, сознавъ свою самостоятельность, конечно, если такого обезпеченія не существуетъ. Но разъ первоначальный кругъ потребностей обезпеченъ въ своемъ удовлетвореніи, стремленіе къ дальнѣйшему прогрессу выражается въ сосредоточеніи заботъ на полученіе такихъ средствъ, которыя были бы уже не нужны на удовлетвореніе прежнихъ потребностей, которыя были бы *свободны* отъ необходимости затраты ихъ по прежнимъ на-

правленіямъ. Такимъ образомъ, то, что мы называемъ свободными средствами отдѣльныхъ лицъ и народовъ, всегда выражаетъ понятіе относительное. Новыя средства, являющіяся излишками надъ прежде имѣвшимися, свободны только при противупоставленіи ихъ прежнимъ потребностямъ.

Во главѣ свободныхъ средствъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и народныхъ хозяйствъ, стоятъ тѣ, которыя являются, какъ новыя отъ производительныхъ успѣховъ предпріимчивости. Ихъ источниками являются прибыли предпріимчивости, обусловливаемые изобрѣтеніями и открытіями въ области подчиненія человѣку силъ природы, открытіями въ области сбыта, усовершенствованіями въ способахъ соглашеній между людьми и ихъ соединеній между собою, сбереженіями, образующимися изъ доходовъ лицъ, которыхъ средства превышаютъ ихъ потребительныя нужды. Изъ этихъ-то новыхъ средствъ, выражающихъ прогрессъ производительности, слагаются тѣ періодическія наростанія, въ которыхъ проявляется движеніе богатства отдѣльныхъ лицъ, сословій и народовъ.

Изъ нихъ образуются свободные капиталы, которые во власти предпріимчивости употреблять, на что ей угодно, сохраняя ихъ воплощенными въ орудіяхъ сбереженія или въ видѣ цѣнностей какого бы то ни было рода. Ихъ основное значеніе то, что ими предпріимчивость всего менѣе связана, что они допускаютъ самое свободное распоряженіе собою, въ какихъ бы то ни было условіяхъ мѣста, времени и т. д.: лишь бы эти условія споспѣшествовали производительности.

Тѣ новыя средства, изъ которыхъ слагаются періодическія наростанія богатства, служатъ вмѣстѣ источникомъ вида *ссудныхъ* капиталовъ, который, обладая наибольшею свободностью, допускаетъ наибольше простора для кредитныхъ отношеній, могущихъ возникнуть по его поводу. Всего важнѣе та сторона свободы ссуднаго капитала, отъ которой зависитъ продолжительность кредитнаго отношенія, срокъ, на который оно растягивается. Очень часто думаютъ, что срокъ кредитнаго отношенія, въ большей части случаевъ, зависитъ отъ произвола лицъ, входящихъ въ означенныя отношенія

На самомъ дѣлѣ продолжительность кредитныхъ отношеній зависитъ отъ условій, которыя стѣсняютъ произволъ въ весьма узкія границы. Съ одной стороны она зависитъ отъ того срока, который протекаетъ между моментомъ времени, когда для предпріятія возникаетъ потребность въ ссудномъ капиталѣ, и другимъ моментомъ, къ которому этотъ капиталъ воспроизводится или выручается отъ сбыта результата предпріятія. Съ другой стороны на продолжительность кредитнаго отношенія, а чрезъ его посредство и на самый характеръ и качества предпріятія, весьма сильно вліяетъ *объемъ свободности* ссуднаго капитала.

Этотъ объемъ свободности далеко не одинаковъ у различныхъ разрядовъ средствъ, изъ коихъ слагается запасъ свободныхъ средствъ народнаго хозяйства, изъ коихъ образуются капиталы вообще и ссудные капиталы въ частности. Тѣ разряды свободныхъ средствъ, которые представляютъ періодическія наростанія народнаго богатства, представляются какъ новыя цѣнности, къ данному періоду только возникшія и до того не существовавшія. Они представляются *совершенно* свободными, т. е. въ свободности неограниченными *ни на какой срокъ* только въ томъ случаѣ, когда еще до ихъ возникновенія не послѣдовало никакого предварительнаго распоряженія, какое изъ нихъ должно быть сдѣлано употребленіе съ наступленіемъ извѣстнаго времени. Такимъ образомъ, даже изъ новообразованныхъ капиталовъ только часть можетъ превратиться въ ссудные капиталы, которые могутъ стать предметомъ кредитныхъ отношеній *неопредѣленной и произвольной* продолжительности. Эти-то ссудные капиталы, въ распоряженіи которыми произволъ ихъ владѣльца наименѣе стѣсненъ, мы называемъ *совершенно свободными* ссудными капиталами.

Основное ихъ значеніе заключается въ томъ, что ими порождается основаніе для возможности особаго вида кредитныхъ отношеній и установляющихъ ихъ предпріятій. Эти отношенія — такъ называемыя долгосрочно- или вѣчно-кредитныя, а установляющія ихъ предпріятія *по большей части* складочно-займовыя.

Чтобъ ссудный капиталъ могъ быть отданъ въ чужія руки на

долгій срокъ или съ тѣмъ, чтобы онъ только постепенно возвращался къ владѣльцу долями, или даже съ тѣмъ, чтобы владѣлецъ совсѣмъ отказался отъ своего права обратно требовать капиталъ, предоставляя должнику право прекратить кредитное отношеніе выкупомъ обязательства,— для этаго, само собою очевидно, необходимо владѣльцу ссуднаго капита не быть стѣсненнымъ никакою причиною въ распоряженіи своимъ имуществомъ. Напротивъ, чѣмъ болѣе существуетъ такихъ причинъ, которыя мѣшаютъ владѣльцу распоряжаться по произволу своимъ капиталомъ, тѣмъ не менѣе онъ годится въ разрядъ ссудныхъ капиталовъ совершенно свободныхъ, допускающихъ долгосрочныя кредитныя отношенія.

Разрядъ ссудныхъ капиталовъ, въ распоряженіи которыми стѣснены ихъ владѣльцы, сами слагаются изъ двухъ видовъ. Одинъ видъ представляетъ тѣ средства, которыя хотя и свободны въ данное время, но свободны только до наступленія момента, *хорошо напередъ извѣстнаго или нарочно напередъ опредѣляемаго*, какъ такого, когда средства понадобятся или для предназначеннаго уже употребленія или для употребленія, опредѣленіе коего до означеннаго момента откладывается. Изъ такихъ свободныхъ средствъ слагается разрядъ *срочныхъ* ссудныхъ капиталовъ.

Срочные ссудные капиталы образуются или изъ средствъ временно свободныхъ по самой своей природѣ, или изъ средствъ, искусственно сдѣланныхъ временно свободными. Разнообразіе въ распредѣленіи во времени тѣхъ моментовъ, когда предпріятія начинаются и заканчиваются, зависимость этихъ моментовъ не отъ произвола, а отъ условій естественныхъ (физическихъ, климатическихъ и т. д.) и культурныхъ, обусловливаютъ перерывы между концомъ одной торгово-промышленной кампаніи и началомъ слѣдующей. Такіе перерывы имѣютъ мѣсто не въ одинаковыя части года для различныхъ предпріятій. Вслѣдствіе того становится возможнымъ остающіеся временно свободными капиталы передавать изъ одной отрасли предпріимчивости въ другую на то только время, въ теченіе коего они остаются свободными, и съ тѣмъ, чтобы по истеченіи означеннаго времени они возвратились къ своимъ обыч-

нымъ занятіямъ. Этимъ парализуется вліяніе перерывовъ на уменьшеніе занятости и доходности капиталовъ. Независимо отъ подобнаго рода перерывовъ (объективно необходимыхъ), могутъ имѣть мѣсто перерывы по причинамъ субъективнымъ, касающимся не общихъ условій цѣлой отрасли предпріимчивости, а условій ея веденія отдѣльными личностями. И этого рода перерывы могутъ быть напередъ опредѣляемы на основаніи личной опытности и тоже порождать временно свободные капиталы. Наконецъ, не менѣе важный источникъ временно свободныхъ ссудныхъ капиталовъ представляютъ тѣ-же совершенно свободныя новыя сбереженія, о коихъ выше была рѣчь, коими владѣльцы могутъ распоряжаться, ничѣмъ не стѣсняясь въ продолжительности срока, на который они дѣлаютъ распоряженія. Если капиталъ свободенъ до тѣхъ поръ, пока владѣльцу угодно считать его свободнымъ и поступать съ нимъ, какъ со свободнымъ, то владѣлецъ можетъ по своему произволу дѣлать перерывы въ его свободности или какъ-бы періодизировать, замыкать въ обособленные сроки, свободное состояніе принадлежащихъ ему средствъ.

Товарные ссудные капиталы возникаютъ вслѣдствіе того, что предприниматели считаютъ полезнымъ, предусматривая выгодность результата, свои сбереженія или успѣхи производительности своихъ предпріятій употреблять на расширеніе послѣднихъ. Вслѣдствіе того возникаетъ масса товаровъ, по своему характеру однородныхъ съ денежными сбереженіями, т. е. появленіе или образованіе которыхъ расчитано не на прежній кругъ потребностей, а на расширенный кругъ. Эти массы новыхъ товаровъ, представляющія прогрессивные успѣхи каждой отдѣльной отрасли предпріимчивости для болѣе успѣшнаго (ускореннаго) сбыта должны поступать въ руки посредниковъ, доводящихъ ихъ до окончательнаго ихъ назначенія. Но въ руки этихъ послѣднихъ товары иначе не могутъ поступить, какъ въ кредитъ. Товары, конечно, могли-бы быть переданы посредникамъ, только какъ коммиссіонерамъ. Но современная практика стремится поставить въ возможно болѣе узкія границы коммиссіонное (служебное) посредничество и предпочитаетъ ему посредни-

чество самостоятельныхъ предпринимателей. Коммиссіонные посредники не принимаютъ на себя риска по дѣлу, которымъ они заняты. Напротивъ, посредники-предприниматели несутъ сами рискъ дѣлъ своихъ. Вотъ почему современная торгово-промышленная жизнь, стремящаяся повсюду за возможно большимъ дробленіемъ и распредѣленіемъ риска между многими самостоятельными предпріятіями, предпочитаетъ посредниковъ-предпринимателей. Если сбытъ товара поручается коммиссіонеру, то рискъ, съ которымъ сопряженъ сбытъ, остается все-таки на плечахъ первоначальнаго владѣльца товара. Не рискуя ничѣмъ, коммиссіонеръ стоитъ внѣ вліянія того импульса, который представляется страхомъ потери, и поэтому менѣе заботливо относится къ своему дѣлу. Напротивъ, самостоятельный предприниматель-посредникъ, получающій товаръ въ кредитъ, становится его собственникомъ. Кредитъ и превращеніе товарнаго капитала въ ссудный и здѣсь является способомъ поремѣстить рискъ отъ употребленія капитала съ плечъ первоначальнаго его владѣльца на плечи новаго владѣльца. Если первоначальному владѣльцу товара выгодно освобожденіе его отъ риска, съ которымъ сопряжена дѣятельность по дальнѣйшему и окончательному сбыту товара, то новый владѣлецъ товара, являясь самостоятельнымъ предпринимателемъ, стремится къ успѣшному исполненію своего дѣла подъ вліяніемъ двойнаго импульса: страха потери и надежды на прибыль предпринимательную, поступающую въ *его* карманъ и не подлежащую дѣлежу ни съ кѣмъ.

Сказанное выясняетъ, почему товары становятся ссудными капиталами. Но какого рода они ссудные капиталы? Это зависитъ конечно прежде всего отъ характера и состава имущественной сферы первоначальнаго владѣльца товаровъ, который изъ нихъ сдѣлалъ ссудный капиталъ. По большей части превращеніе денежныхъ сбереженій, которыя должны были предшествовать расширенію товарнаго богатства, въ такое товарное богатство, свидѣтельствуетъ о стремленіи возможно скорѣе воспользоваться выгодными условіями данной отрасли предпріимчивости и о стремленіи расширять *предпринимательскій* капиталъ. Если-же товары приходится превращать

въ ссудный капиталъ, то это является, какъ уступка условіямъ необходимости воспользоваться наивыгоднѣйшимъ порядкомъ сбыта. Ясно, что при такомъ какъ-бы вынужденномъ превращеніи капитала въ ссудный, у первоначальнаго его владѣльцавсегда будетъ оставаться живымъ стремленіе вернуть къ себѣ обратно свой капиталъ и имѣть его снова предпринимательскимъ или, въ крайнемъ случаѣ, имѣть вмѣсто него другой ссудный капиталъ. Вотъ почему товарные ссудные капиталы являются на рынкѣ *срочными* и по воззрѣнію, господствующему на практикѣ, они иными не должны являться на рынкахъ. Ссудный товарный капиталъ безсрочный прямо и непосредственно считался бы безсмыслицею, по весьма понятной причинѣ: если товаръ уступается въ кредитъ для розысканія ему дальнѣйшаго сбыта или для его переработки и т. д., то на все это вѣдь нуженъ срокъ.

Второй видъ свободныхъ средствъ, въ распоряженіи коими владѣльцы ихъ стѣснены, представляютъ капиталы, относительно которыхъ владѣльцы ихъ не могутъ наперед опредѣлить, съ какого момента прекратится свободное состояніе ихъ средствъ. По отношенію къ нимъ владѣльцы должны, вслѣдствіе того, сохранить за собою право во всякое данное время прекратить свободное состояніе своихъ средствъ. Отсюда — *безсрочные ссудные капиталы.*

Такимъ образомъ ссудные капиталы могутъ быть вѣчные, срочные и безсрочные. Различіе между ними обусловливается условіями необходимости, какія для владѣльцевъ различныхъ свободныхъ средствъ могутъ существовать при возникновеніи вопроса о превращеніи ссудныхъ капиталовъ въ предпринимательскіе. Если для владѣльца свободныхъ средствъ вовсе не существуетъ необходимости превращать ихъ въ предпринимательскій капиталъ и онъ не усматриваетъ такой необходимости и на будущее время, то его средства могутъ превратиться въ вѣчный или постоянный ссудный капиталъ. Если-же для владѣльца существуетъ такой моментъ, когда его средства по необходимости или по усмотрѣнію должны будутъ превратиться (навѣрно или вѣроятно) въ предпринимательскій ка-

питалъ, то тогда изъ его средствъ можетъ быть образованъ ссудный капиталъ, срочный или безсрочный, смотря по тому, ясно-ли напередъ извѣстно, когда означенный моментъ наступитъ, или это обстоятельство неясно.

Источники безсрочныхъ ссудныхъ капиталовъ весьма разнородны. Вслѣдствіе того существуетъ нѣсколько разрядовъ безсрочныхъ ссудныхъ капиталовъ. Главныхъ разрядовъ три: ссудные капиталы *кассовые-дѣятельные*, *кассовые-обезпечительные* и, наконецъ, *долговые*.

Подъ кассовыми капиталами или кассовыми резервами *дѣятельными* разумѣютъ денежные запасы, которыми въ настоящее время долженъ располагать каждый, предпринимающій какое либо экономическое дѣло: во всякомъ случаѣ *въ самомъ его началѣ*, когда денежный запасъ представляетъ свободныя средства, подлежащія употребленію въ данномъ предпріятіи, а *въ продолженіи его* въ тѣхъ случаяхъ и въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ въ предпріятіи принимаетъ участіе оборотный капиталъ, когда онъ подлежитъ непрерывному возобновленію. Дѣятельные кассовые запасы представляютъ, такимъ образомъ, оборотный капиталъ даннаго предпріятія, пока онъ существуетъ въ видѣ денегъ. Основное отличіе дѣятельныхъ кассовыхъ запасовъ то, что они существуютъ *для расходованія ихъ*. Напротивъ, *обезпечительные* кассовые запасы представляютъ свободныя средства, коихъ превращеніе въ капиталъ проблематично. Т. е. оно только болѣе или менѣе вѣроятно и обусловлено такимъ наступленіемъ различныхъ обстоятельствъ, моментъ котораго напередъ не можетъ быть точно опредѣленъ. Вотъ почему обезпечительные кассовые запасы (hoards) держатся *не для расходованія, а для храненія* на случай наступленія особой въ нихъ надобности. Хотя свободныя средства, изъ коихъ образуются денежные запасы дѣятельные и обезпечительные, сами по себѣ одного и того же свойства во всѣхъ случаяхъ и хотя въ обоихъ случаяхъ изъ нихъ образуются *денежные* запасы, но *виды* этихъ денежныхъ запасовъ весьма различнаго свойства и существенно разнородны.

Вслѣдствіе того, что каждое предпріятіе въ началѣ во всякомъ случаѣ должно располагать денежнымъ капиталомъ, и вслѣдствіе того, что всякое предпріятіе, хотя бы въ незначительной степени, имѣетъ всегда въ составѣ своихъ оборотныхъ средствъ и оборотный капиталъ, непрерывно возобновляемый, оно должно имѣть свою кассу. Послѣдняя и представляетъ денежный капиталъ, которымъ предпріятіе начинается, или оборотный капиталъ предъ моментомъ его возобновленія. Когда касса представляетъ оборотный капиталъ предпріятія, предъ моментомъ своего возобновленія находящійся въ денежномъ видѣ, то смотря по тому, принадлежитъ-ли оборотный капиталъ къ разряду предпринимательскихъ или же ссудныхъ, она имѣетъ своею цѣлью: или быть израсходованною на покупку цѣнностей и товаровъ, или быть израсходованной на уплату долговъ предпріятія. Ибо само собою понятно, что возобновлять оборотный капиталъ, принадлежащій къ разряду ссудныхъ, можетъ только тотъ предприниматель, который можетъ доказать своему кредитору, что онъ дѣйствительно воспроизводитъ занятый имъ капиталъ. Такимъ образомъ, кассовые дѣятельные запасы или капиталы имѣютъ своимъ назначеніемъ — или быть употребленными на покупку товаровъ, или быть употребленными на платежъ долговъ. Какъ платежъ долговъ, такъ и покупка товаровъ представляютъ собою, однако, два стимула, вызывающіе дѣятельныя заботы о себѣ задолго до того, какъ наступаетъ настоящій моментъ ихъ производства. Ибо съ акуратнымъ платежемъ долговъ соединенъ тѣсно вопросъ объ открытости или замкнутости того источника оборотныхъ средствъ предпріятій, который состоитъ изъ ссудныхъ капиталовъ и отъ котораго въ настоящее время зависитъ значительная часть ихъ объема, а равно и значительная часть доставляемыхъ ими прибылей. Кто неакуратенъ въ своихъ платежахъ по долгамъ, для того изсякаетъ источникъ, представляемый кредитомъ. Также точно и старательная покупка съ цѣлью возобновленія товарнаго капитала предпріятія (суровья, матеріаловъ, издѣлій) предполагаетъ выборъ между различными условіями, на которыхъ она можетъ быть произведена. Она поэтому тоже предпо-

дѣлій и т. д.) предполагаетъ предварительную заготовку покупательныхъ средствъ, чтобъ можно было воспользоваться наилучшими условіями, какъ только таковыя представятся. Такимъ образомъ по самой природѣ назначеній, для которыхъ касса служитъ, она во всякомъ предпріятіи обыкновенно начинаетъ пополняться еще до наступленія тѣхъ моментовъ, когда кассовые капиталы на дѣлѣ приступаютъ къ исполненію своей задачи. Вслѣдствіе того, что денежный капиталъ поступаетъ въ кассу до того еще, какъ онъ нуженъ для расходованія на платежи по покупкамъ или по долгамъ, ему приходится *дожидаться* момента, когда онъ будетъ израсходованъ, и до этого момента оставаться *праздным* и *свободнымъ*. Пока кассовые дѣятельные капиталы ожидаютъ момента, съ котораго должна будетъ начаться ихъ дѣятельность, они представляютъ свободныя средства, т. е. такія, которыя могутъ быть превращены въ ссудные капиталы.

Само собою очевидно, однако, что если эти капиталы и могутъ превратиться въ ссудные капиталы, то только въ такіе, которые владѣльцу ихъ можно было бы требовать обратно, какъ только въ нихъ окажется надобность. Иначе всѣ его старанія быть готовымъ во всякую минуту, когда у него окажется надобность въ деньгахъ, будутъ разстроены. Ни на какой опредѣленный срокъ дѣятельный денежный запасъ владѣльцемъ не можетъ быть превращенъ въ ссудный. Изъ дѣятельнаго кассоваго запаса можетъ быть образованъ только безсрочный ссудный капиталъ.

Денежные запасы, принадлежащіе частнымъ лицамъ, служатъ имъ, однако, не для одного только того, чтобъ у нихъ превращаться въ предпринимательскіе капиталы. Какъ таковые капиталы, дѣньги или играютъ роль орудія обращенія, когда онѣ израсходываются на покупки, или какъ свободные капиталы, когда ими погашаются долги. Но деньги, не переставая представлять свободныя сбереженія, въ весьма значительныхъ запасахъ сосредоточиваются и у такихъ владѣльцевъ, у которыхъ онѣ совсѣмъ не служатъ предпринимательскимъ цѣлямъ. Сверхъ того онѣ не служатъ многимъ владѣльцамъ и на то, чтобъ изъ нихъ образовывать ссудные капи-

талы изъ разрада вѣчныхъ, даже когда онѣ по своей природѣ годятся для этаго. Превращеніе совершенно свободныхъ средствъ въ ссудные капиталы непрерывные, вѣчные или постоянные, зависитъ въ весьма значительной степени прежде всего отъ прочности тѣхъ основъ, на которыхъ держится и должна будетъ впредь держаться производительность текущей и будущей предпріимчивости. Если эти основы мало или совсѣмъ не прочны,, или ихъ парализуютъ различныя неблагопріятныя условія политическія, религіозныя, культурныя или бытовыя, то вѣроятностей для превращенія свободныхъ средствъ въ ссудные капиталы вѣчные будетъ существовать мало. Тамъ, гдѣ существуетъ только тѣнь предпріимчивости вслѣдствіе того, что культурныя условія споспѣшествуютъ развѣ только бездарности и невѣжеству, или тамъ гдѣ производительной предпріимчивости ставятъ поперегъ различныя препятствія за ея политическія, религіозныя, нравственныя и т. п. возрѣнія и симпатіи, тамъ свободное сбереженіе пугливо и осмѣливается развѣ *на-попытки* превращаться въ капиталъ вообще, а въ ссудный въ особенности, стремясь сохранить за собою возможность снова превратиться въ свободное сбереженіе. Такимъ образомъ, все то, что прямо или косвенно враждуетъ съ производительною предпріимчивостью, вызываетъ, какъ свое послѣдствіе, существованіе денежныхъ запасовъ, представляющихъ свободныя сбереженія, которымъ всего пріятнѣе оставаться свободными сбереженіями. Чѣмъ сильнѣе власть врага предпріимчивости, чѣмъ абсолютнѣе его деспотизмъ, тѣмъ больше онъ заставляетъ богатство скрываться подъ безопасными покровами денежныхъ запасовъ въ роли орудій сбереженія. Возникаетъ-ли недовѣріе къ предпріимчивости отъ того, что въ какое либо данное время обстоятельства открываютъ, въ какую массу ошибокъ она впала, — сказывается-ли потеря довѣрія въ страхѣ, рождающемся при вопросѣ о ея способности исполнять свои обязательства (случаи паники),—или революція политическая даетъ власть въ руки низшимъ массамъ, угрожающимъ воспользоваться своею властью, чтобъ разорить счастливцевъ-предпринимателей и капиталистовъ,—или правительственная реакція наво-

дитъ всеобщій страхъ и парализуетъ всякое проявленіе независимости, хотя бы оно и не имѣло политическихъ цѣлей, — или, наконецъ, нетерпимость, религіозная и національная, давитъ предпріимчивость,—во всѣхъ этихъ случаяхъ деньги становятся нужными не для того, чтобъ ихъ расходовать, а только для того чтобъ съ ихъ помощью сохранять богатство, скрывать его, сберегать для лучшаго времени, когда дѣятельности будетъ предоставлено больше простора, когда она въ состояніи будетъ изъ своихъ свободныхъ средствъ свободно образовывать наиболѣе производительные капиталы.

Въ странахъ Востока обезпечительные денежные запасы остаются скрытыми и спрятанными. Здѣсь деньги почти главнымъ образомъ выполняютъ функцію орудія сбереженія. Но это другими словами значитъ, что въ капиталъ свободныя средства совсѣмъ не превращаются. Другое дѣло — страны Запада. И здѣсь обезпечительные денежные запасы по большей части очень велики. Но культурныя условія западно-европейскихъ государствъ и свобода отъ стѣсненій политическихъ религіозныхъ и бытовыхъ, которой здѣсь успѣла добиться предпріимчивость, сильно парализуютъ тѣ мотивы, подъ вліяніемъ которыхъ образовываются обезпечительные денежные запасы, когда они представляются историческими воспоминаніями, легкостью возникновенія войнъ и революцій и остатками приверженности къ стѣсненіямъ свободы предпріимчивости. Вотъ почему на Западѣ обезпечительные денежные запасы уже не лежатъ далеко запрятанными и закопанными, а какъ бы пытаются выйти на свѣтъ божій, какъ бы пытаются превращаться въ дѣятельные капиталы. Но они это дѣлаютъ боязливо. Превращаясь въ ссудные капиталы, они не рѣшаются связать себя какимъ либо срокомъ. Напротивъ, они превращаются въ ссудные капиталы лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы имѣть возможность во всякое время возвратиться въ свое первоначальное состояніе. Вотъ почему изъ нихъ образуются лишь ссудные капиталы безсрочные.

Третій видъ безсрочныхъ ссудныхъ капиталовъ получилъ значеніе вмѣстѣ съ кредитомъ и только по мѣрѣ развитія послѣдняго

возрастало и возрастаетъ его собственное значеніе. Выше мы уже не разъ, указывали на расширеніе, пріобрѣтенное въ настоящее время имущественною областью отдѣльныхъ лицъ, сословій, народовъ и всего образованнаго человѣчества, благодаря тому, что производительная текущая предпріимчивость, хотя бы она еще не успѣла проявить осязательно всѣхъ своихъ результатовъ, стала ставиться на одну доску съ прошлою предпріимчивостью, которой уже удалось осязательно воплотить свои результаты. Вслѣдствіе того получилъ жизненное значеніе кредитъ производительной предпріимчивости. Но вслѣдствіе того-же самаго возникла необходимость различать ссудные капиталы отъ предпринимательскихъ, капиталы, отдаваемые въ чужія предпріимчивыя руки, отъ капиталовъ, употребляемыхъ въ собственныхъ предпріимчивыхъ рукахъ. Что однако остается владѣльцу капитала, когда онъ его превращаетъ въ ссудный? Долговой документъ, по которому онъ можетъ требовать обратно свой капиталъ. Чѣмъ больше ссудныхъ капиталовъ, тѣмъ больше такихъ долговыхъ документовъ. Спрашивается теперь, представляютъ-ли эти долговые документы имущество?

Стремленія разрѣшить этотъ вопросъ порождали не мало споровъ и не меньше недоумѣній; поэтому при его разрѣшеніи необходимы сосредоточенное вниманіе и усиленная осторожность. Первою мыслью при разрѣшеніи вопроса о томъ, представляютъ-ли долговые документы имущество, является другой вопросъ: о какомъ собственно имуществѣ спрашивается, какъ о томъ, которое представляетъ долговой документъ? Идетъ-ли вопросъ о томъ, что долговой документъ представляетъ имущество, *отданное въ заемъ*, ссудный капиталъ, или *какое либо другое*, независимое отъ перваго? Никто не оспариваетъ отвѣта на поставленный нами вопросъ. когда отвѣтъ гласитъ, что долговой документъ дѣйствительно представляетъ имущество, но отданное въ заемъ, котораго нельзя уже считать, если въ разсчетъ разъ уже принятъ ссудный капиталъ.

Существуетъ однако мнѣніе, что долговой документъ представляетъ имущество, независимое отъ того, которое было передано въ заемъ однимъ лицомъ другому, и что поэтому, если въ раз-

счетъ имущества взятъ одинъ только ссудный капиталъ, то еще не взята въ разсчетъ *вся* масса имущества, имѣющая торгово-промышленное производительное значеніе. По этому мнѣнію долговое имущество можно считать *за особое и независимое* отъ ссуднаго капитала. Это мнѣніе принимаетъ въ разсчетъ не только цѣнности, представляемыя ссудными капиталами, но сверхъ того еще и *цѣнность, представляемую текущею предпріимчивостью*, производительность которой пользуется одинаковымъ признаніемъ съ производительностью капиталовъ, вслѣдствіе чего *оба вида цѣнностей уравниваются* и другъ на друга обмѣниваются. Само собою очевидно, что если производительная текущая предпріимчивость на дѣлѣ становится источникомъ цѣнностей и покупательной силы, то ее должно считать и за *особое* имущество, *увеличивающее* собою ту массу имущества, которая представляется одними ссудными капиталами.

Съ перваго раза все это кажется очень просто. Но достаточно предложить вопросъ, чѣмъ расширяются предпріятія, чтобъ читатель поспѣшилъ отвѣчать: конечно, капиталами. Если-же у А былъ капиталъ, который онъ отдалъ В, то очевидно, что только одинъ изъ нихъ будетъ въ состояніи расширить свое предпріятіе: именно В. Напротивъ А, оставшійся при долговомъ документѣ, будетъ обладать только кускомъ бумаги, а не капиталомъ, которымъ можно расширить предпріятіе.

Но дѣйствительно-ли у А будетъ только кусокъ бумаги и не болѣе? Что такое долговой документъ? Во первыхъ, всякій осязательно знаетъ, что это — цѣнность и цѣнность, независимая отъ того имущества, передача котораго въ постороннія руки документъ породила. Переданное имущество принадлежитъ уже В, а не А. Что же имѣетъ А, что составляетъ содержаніе цѣнности, которою онъ дорожитъ? Отвѣтъ обыкновенно гласитъ: обязательствое, обѣщаніе платежа. Но что составляетъ осязательное вещественное, собственное *торгово промышленное и производительное* содержаніе этого обязательства или обѣщанія платежа? Для торгово-промышленнаго человѣка само по себѣ обѣщаніе или обязательство вѣдь не много еще значитъ: мало-ли какія бываютъ обѣщанія или обязатель-

ства? Чтобъ стать торгово-промышленною цѣнностью, обязательства и обѣщанія должны, слѣдовательно, обладать какою либо особою силою, на которую и будетъ опираться разсчетъ дорожить ими, какъ цѣнностями. Что-же это за сила?—Производительность текущей предпріимчивости, производительныя живыя силы, способности, знанія, энергія, опытность. Пропадаютъ-ли эти вещи даромъ въ торгово-промышленной области? Нѣтъ, не пропадаютъ. они даютъ благосостояніе. Производятъ-ли онѣ что нибудь? Да, производятъ: прибыли, заработки, доходы и—благосостояніе опять. Эти знанія, силы и т. д. даютъ возможность производить то, что безъ нихъ нельзя было бы производить, или производить въ большемъ размѣрѣ, или производить лучше. Кто обладаетъ долговымъ документомъ, обладаетъ тѣми цѣнностями, которыя произведетъ живая текущая предпріимчивость.

Тѣмъ капиталомъ, который А передалъ В, онъ уже самъ, конечно, не въ состояніи расширить свое собственное предпріятіе. Но суть дѣла совсѣмъ не въ расширеніи предпріятій А. Совершенно напротивъ, А потому и передалъ свой капиталъ В, онъ потому и не сдѣлалъ изъ своего капитала предпринимательскій, что хотѣлъ изъ него сдѣлать ссудный. Благодаря тому, что В получилъ капиталъ, онъ въ состояніи будетъ съ его помощью увеличить и количество рабочихъ, занятыхъ производительною дѣятельностью, онъ въ состояніи будетъ пустить въ ходъ большее количество производительныхъ дѣятельныхъ силъ, *кромѣ капитала*. Вслѣдствіе того онъ не только воспроизведетъ капиталъ, полученный отъ А, но онъ произведетъ еще новую массу цѣнностей, потому что на самомъ дѣлѣ вѣдь производство расширяется не отъ одного только увеличенія массы затрачиваемыхъ капиталовъ, но и отъ увеличенія массы вообще живыхъ дѣятельныхъ силъ, простыхъ рабочихъ и вооруженныхъ знаніями, опытностью и т. д. Въ концѣ производства и окажется, что все народное хозяйство располагало для увеличенія своего богатства не только капиталомъ, который А передалъ В, но еще и другими производительными силами. Окажется, что и вещественное богатство увеличилось не только на воспроизве-

денный капиталъ, но и на результатъ остальныхъ производительныхъ силъ, *на которыя и даетъ право долговой документъ*. Тогда уже станетъ до осязательности и до очевидности ясно, что вообще богатство и до производства заключалось не въ одномъ только ссудномъ капиталѣ.

Съ перваго раза дѣйствительно кажется, что кредитъ, порождающій долговое имущество, этимъ порождаетъ перемѣну не въ количествѣ цѣнностей, а въ ихъ распредѣленіи между отдѣльными личностями: чѣмъ обладалъ А, тѣмъ начинаетъ обладать В. На самомъ дѣлѣ кредитъ выражаетъ не одно только перераспредѣленіе. Онъ выражаетъ довѣріе къ производительности экономическихъ силъ, признаніе ихъ цѣнностью, имуществомъ. И не только голое признаніе въ образѣ мысли и рѣчи, но признаніе на дѣлѣ, т. е. такое, которое готовы потвердить дѣломъ. А такое дѣло и есть отдача готовой цѣнности за цѣнность, представляемую долговымъ документомъ. Что съ того, что А не можетъ немедленно этою цѣнностью расширить свои предпріятія? Ему такое расширеніе не нужно; оно для него невозможно. Развѣ богатство и имущество только по одному тому и распознается, что его можно съѣсть или что его немедленно можно употребить на расширеніе предпріятій? На *низшихъ* степеняхъ развитія богатство дѣйствительно только по этимъ признакамъ и распознается. Иное, однако, мы замѣчаемъ на *высшихъ* степеняхъ развитія. Тогда люди начинаютъ дорожить не только производственными или потребительными интересами *данной минуты*, но и производственными да потребительными интересами *своего будущаго*. Для нихъ дорого не только то богатство, которое годится, чтобъ его можно было сей-часъ-же съѣсть или сей-часъ-же затратить на производство. Для нихъ, сверхъ того, становится дорогимъ и богатство, которое въ будущемъ дастъ возможность расширить производство и потребленіе. Если А передалъ В капиталъ въ 10.000 руб. и это даетъ В возможность надѣлить занятіемъ такую массу силъ, которая сама въ состояніи произвести цѣнностей на 10.000 руб., то по окончаніи производства уже нельзя будетъ сказать, что кредитъ только

перераспредѣлилъ существующее. Нѣтъ, онъ далъ возможность привлечь къ производству новыя силы и увеличить еще на 10000 даже осязательное богатство.

Долговое имущество имѣетъ, слѣдовательно, столько-же независимаго и самостоятельнаго значенія, сколько такого значенія имѣется у успѣховъ предпріимчивости, у роста богатства, у благополучнаго исхода тѣхъ предпріятій, которыя работаютъ ссудными капиталами. Изолировано никакой капиталъ самъ не въ состояніи дѣйствовать. Ему всегда должна соотвѣтствовать извѣстная сумма личныхъ производительныхъ силъ. Если предпріятія расширяются увеличеніемъ занятаго въ нихъ капитала, то это предполагаетъ и расширеніе личныхъ силъ, находящихъ себѣ производительное занятіе, все равно грубыхъ или развитыхъ. Гдѣ предпріятія расширяются на ссудный капиталъ, тамъ этому расширенію всегда соотвѣтствуетъ расширеніе личнаго производительнаго фактора, прежде остававшагося праздными, а теперь увеличивающаго въ свою очередь богатство. Это богатство отъ увеличенія производительно-занятыхъ личныхъ элементовъ производительности также реально, какъ богатство отъ увеличенія вещныхъ элементовъ производительности. Вотъ почему, если ссудные капиталы представляютъ послѣдняго рода богатство, то ими еще не исчерпывается все, которое является благодаря кредиту: остается еще богатство перваго рода и оно-то представляется долговымъ имуществомъ.

Не знаемъ, удалось-ли намъ выяснить достаточно убѣдительно и доказательно, отчего мы склоняемся къ мнѣнію, что долговое имущество представляетъ разрядъ, независимый отъ ссудныхъ капиталовъ. Но долговое имущество представляетъ не только особый видъ имущества вообще. — оно, сверхъ того, представляетъ дѣятельное имущество.

Помощью долговаго имущества нельзя расширить производства, понятаго только въ самомъ узкомъ смыслѣ. Т. е. нельзя съ помощью долговаго имущества заниматься тою отраслью дѣятельности, которой цѣль видоизмѣнить наружный видъ вещей, или превращать ихъ изъ вещей одного рода въ вещи другаго рода.

Помощью долговаго имущества нельзя также производить другую важную перемѣну въ цѣнностяхъ: перемѣщать ихъ изъ одного мѣсто въ другое. Но существуетъ еще третій основной видъ дѣятельности, обнимающій особый и самостоятельный разрядъ предпріимчивыхъ дѣйствій, не менѣе важный, чѣмъ видоизмѣненіе наружнаго вида и внутренняго состава вещей или ихъ мѣстопребыванія. Этотъ разрядъ предпріимчивыхъ дѣйствій направленъ *на сохраненіе* цѣнностей, на перемѣщеніе ихъ изъ одного времени въ другое. Такъ какъ время нужно на все, что мы ни предпринимали бы, то въ сущности актъ перемѣщенія цѣнностей изъ однаго времени въ другое сопровождаетъ всякое дѣйствіе, какое мы ни предпринимали бы. Мы его только не замѣчаемъ, такъ какъ по большей части этотъ актъ очень простъ и мелокъ и, потому, ускользаетъ отъ нашего вниманія Но иногда онъ усложняется и невольно уже вызываетъ наше вниманіе. Это именно бываетъ тогда, когда онъ совершается съ помощью долговыхъ документовъ.

Каждый разъ, когда мы что либо пріобрѣтаемъ, мы пользуемся тѣмъ, что вещь была сохранена отъ времени, когда она была изготовлена или привезена, до того времени, когда мы ее купили, заняли или наняли. Это очевидно. Но и обратно тотъ, кто отдаетъ вещь, или получаетъ за нее равноцѣнность наличностью, тотъ тоже пользуется результатомъ акта сохраненія, благодаря которому равноцѣнность сбережена до того момента времени, какъ она ему передана. Или онъ равноцѣнности немедленно не получаетъ, тогда очевидно, что ему немедленно не передается и результата акта сохраненія. Кто не получаетъ за отдаваемое имъ немедленно равноцѣнности, тому она должна будетъ отдана *послѣ*, чрезъ извѣстное время, до истеченія коего ее *будутъ сохранять*. И согласіе отдающаго цѣнность и не получающаго равноцѣнности и заключается въ его готовности, чтобъ цѣнность или равноцѣнностьна извѣстное время сохранилъ получающій кредитъ. Послѣдній получаетъ возможность взять на себя сохраненіе цѣнности до извѣстнаго времени выдачею долговаго документа.

Отчего мы не замѣчаемъ акта сохраненія при платежахъ на-

личными и онъ намъ бросается въ глаза при кредитныхъ сдѣлкахъ? Оттого, что при наличномъ обмѣнѣ у *обѣихъ* обмѣнивающихся сторонъ акты сохраненія цѣнностей уже *окончены*; къ моменту обмѣна существуютъ одни *результаты* актовъ сохраненія. Самые-же акты уже прошлые. Наблюдать ихъ непосредственно совсѣмъ нельзя. Напротивъ, когда совершается кредитная сдѣлка, то актъ сохраненія оконченъ только у *одной* изъ обмѣнивающихся сторонъ, другая-же сторона его *еще только начинаетъ* и у этой стороны его еще легко замѣтить и наблюдать.

Читателю изъ міра практики можетъ показаться, что вся эта рѣчь объ актѣ сохраненія не имѣетъ ни на волосъ практическаго значенія. На самомъ дѣлѣ *съ акта сохраненія начинается вся экономическая дѣятельность*. Прежде, чѣмъ цѣнность сохранена, изъ нея нельзя сдѣлать никакого употребленія. Только послѣ сохраненія цѣнности возникаетъ возможность производительнаго ея употребленія. Все значеніе кредита въ томъ и заключается, что онъ даетъ возможность сохранить рядъ цѣнностей, которыя безъ него погибли-бы и изъ которыхъ безъ него не сдѣлано было-бы никакого употребленія. Вся организація кредита есть только организація сохраняющей дѣятельности. Все банковое дѣло, если оно обнимаетъ производительную дѣятельность, то эта дѣятельность устремлена на сохраненіе цѣлаго ряда личныхъ и вещныхъ факторовъ производства.

Какимъ образомъ кредитъ производитъ свое сохраненіе цѣнностей? Тѣмъ, что онъ вооружаетъ личные элементы производства вещными, соединяетъ ихъ вмѣстѣ, оживляетъ ихъ этимъ соединеніемъ и, сообщая имъ производительную жизнь, даетъ имъ возможность сохраниться. Потому что, не забудемъ, экономическое сохраненіе вѣдь только иное слово для выраженія той-же жизненности, съ помощью которой можно выходить изъ одного времени и цѣлымъ переходить въ другое.

Вооружая личные элементы вещными, кредитъ сохраняетъ цѣнности. Но этимъ-же самымъ онъ порождаетъ долговые документы. Съ помощью долговыхъ документовъ, слѣдовательно, совершается

тотъ рядъ предуготовительныхъ сохраняющихъ дѣйствій, безъ коихъ невозможно никакое дальнѣйшее производительное употребленіе ссудныхъ цѣнностей. Т. е. долговые документы представляютъ не только имущество вообще. Они представляютъ, сверхъ того, *дѣятельное* имущество, какъ-бы кладящее основу, дѣлающей починъ для всей производительной дѣятельности.

Выяснивъ, что долговые документы представляютъ независимый разрядъ имущества вообще и дѣятельнаго (а не пассивнаго) въ частности, мы обратимся къ болѣе непосредственному выясненію направленія дѣятельности долговаго имущества.

Для практики существенно важно, чтобы во всякое данное время утилизировался весь кредитъ, который въ это время возможно утилизировать. Но въ весьма многихъ случаяхъ полному извлеченію пользы изъ всей массы кредита, какая была-бы возможна для даннаго времени, препятствуетъ то обстоятельство, что, подобно капиталу, и кредитъ *неравномѣрно распредѣленъ* между отдѣльными лицами. Вслѣдствіе того возникаетъ какъ необходимость, такъ и возможность для отдѣльныхъ лицъ или совокупности ихъ пользоваться кредитомъ *не для своихъ собственныхъ надобностей, а для предоставленія его третьимъ лицамъ*. Такимъ образомъ получаютъ свою долю въ кредитѣ такія лица, которыя иначе его вовсе не имѣли-бы или имѣли-бы его относительно меньше, хотя они достойны и большаго кредита: когда они не пользуются большимъ кредитомъ только потому, что основанія ихъ кредита не извѣстны тамъ, тогда и настолько, гдѣ, когда и насколько имъ нужно было-бы быть извѣстными. Цѣлый рядъ обязательствъ во многихъ случаяхъ долженъ былъ-бы быть погашенъ наличными деньгами, съ одной стороны, а съ другой стороны—цѣлая область кредита осталась бы неутилизированною (т. е. текущія производительныя силы и результаты прошлой предпріимчивости оставались-бы безъ доходнаго занятія), если-бы не существовала возможность *перераспредѣленія* кредита. Эта-то возможность и выражается тѣмъ, что гдѣ оканчивается предѣлъ эффективности для одного рода обязательствъ, если простору для эффективности обязательствъ иныхъ

еще существуетъ, тамъ и начинается дѣйствіе этихъ иныхъ обязательствъ, заступающихъ мѣсто другихъ. Отсюда возможность относиться и къ кредиту также двояко, какъ относятся къ капиталу. Подобно тому, какъ капиталъ можетъ быть употребленъ или въ собственномъ предпріятіи или передаваемъ другимъ лицамъ, и кредитъ можетъ быть употребляемъ для цѣлей собственнаго предпріятія или передаваемъ чужимъ предпріятіямъ. На этомъ основано различіе между предпринимательскимъ кредитомъ и банковымъ. Первый означаетъ такой, которымъ предприниматель пользуется безъ всякаго посредничества, второй означаетъ кредитъ, которымъ предпріятіе пользуется не изъ первыхъ рукъ, а изъ вторыхъ.

То, что кредитъ, подобно капиталу, можетъ быть уступаемъ изъ рукъ въ руки, выражается въ свою очередь двояко: или тотъ, кто первоначально пользуется кредитомъ, при этомъ получаетъ въ свои руки отдаваемыя въ кредитъ цѣнности: тогда уступка кредита будетъ произведена чрезъ дальнѣйшую передачу этихъ цѣнностей. Или-же тотъ, кто первоначально пользуется кредитомъ, передаетъ въ чужія руки свой долговой документъ еще до того, какъ ему довѣрены цѣнности. Такъ какъ цѣнности были-бы довѣрены за долговой документъ того, кому непосредственно оказывается кредитъ, то очевидно, что уступка третьимъ лицамъ этихъ документовъ будетъ передачею имъ самаго кредита, а съ нимъ и способа добыть означенныя цѣнности.

Само собою разумѣется, что въ третьи руки одинаково могутъ быть передаваемы какъ долговые документы, съ помощью которыхъ возможно полное погашеніе обязательствъ, благодаря взаимной задолженности, такъ и долговые документы, переходомъ коихъ изъ рукъ въ руки только кредитъ переходитъ отъ одного лица къ другому лицу.

Очевидно, что продолжительность кредита, которымъ пользуется первый изъ ряда имъ пользующихся, всегда должна будетъ быть больше продолжительности кредита, которымъ возможно будетъ пользоваться каждому изъ послѣдующихъ лицъ. На практикѣ въ большинствѣ случаетъ (хотя и не во всѣхъ) передача кредита не-

обходимо должна совершаться съ тѣмъ, чтобы для вѣрителя во всякое данное время было возможно прекратить долговыя отношенія по документамъ, передачею которыхъ кредитъ уступается. Вотъ почему мы причислили тотъ разрядъ ссудныхъ средствъ, который представляется долговыми документами, къ безсрочнымъ.

Само собою очевидно, что сказанное выше о самостоятельной цѣнности долговыхъ документовъ одинаково примѣняется, какъ къ тѣмъ случаямъ, когда они представляютъ кредитъ, которымъ пользуются изъ первыхъ рукъ или непосредственнымъ полученіемъ ссудныхъ капиталовъ, такъ и къ тѣмъ случаямъ, когда документы представляютъ кредитъ, перераспредѣляемый и передаваемый изъ однѣхъ рукъ въ другія. Различіе между этими двумя родами случаевъ только одно: въ случаяхъ перваго рода, когда вѣритель сохраняетъ за собою долговой документъ и, удаляя его изъ оборота, какъ-бы закрываетъ его значеніе, самостоятельная цѣнность долговаго документа менѣе видна. Напротивъ, въ случаяхъ втораго рода, когда долговой документъ движется въ оборотѣ и когда многіе добиваются его полученія, болѣе бросается въ глаза его самостоятельная цѣнность, въ качествѣ представителя производительной предпріимчивости.

Перечисливъ тѣ разряды ссудныхъ средствъ, которые по своей природѣ принадлежатъ къ безсрочнымъ, мы должны, однако, прибавить, что также точно, какъ изъ средствъ, могущихъ быть вѣчными или постоянными ссудными капиталами, владѣльцы ихъ могутъ сдѣлать срочные ссудные капиталы, такъ точно они могутъ изъ нихъ сдѣлать и безсрочные ссудные капиталы. Само собою очевидно также, что если изъ свободныхъ средствъ можетъ быть образованъ, хоть и не вѣчный, но срочный ссудный капиталъ, то тѣмъ легче изъ нихъ образовать безсрочный. Такимъ образомъ три разряда ссудныхъ капиталовъ: вѣчные, срочные и безсрочные, отличаются тѣмъ, что они устепеняются по своему объему. Самымъ обширнымъ объемомъ можетъ обладать разрядъ безсрочныхъ капиталовъ; менѣе обширенъ объемъ срочныхъ капиталовъ; наконецъ, наименѣе обширенъ объемъ разряда вѣчныхъ ссудныхъ капиталовъ.

39. Кредитъ немыслимъ теоретически и становится практически невозможнымъ, какъ только разрывается его внутренняя и тѣсная связь съ производительностью, какъ только онъ перестаетъ служить ей и только ей, какъ только онъ перестаетъ поддерживаться ею. Только въ производительности кредитъ находитъ свою настоящую опору, свое разумное содержаніе, свою разумную цѣль и основу своего существованія. Только производительность достойна кредита, только ей онъ можетъ идти на встрѣчу. И только производительность одна обладаетъ достаточными силами, чтобы самой пойти на встрѣчу кредиту и выдержать его. Кредитъ внѣ всякой производительности, которой онъ служилъ бы и которая его поддерживала бы, становится безсмыслицею съ точки зрѣнія теоріи и разсорепіемъ съ точки зрѣнія практики.

Необходимо имѣть въ виду двоякую форму, въ которой проявляется производительность. Можно говорить о двухъ видахъ производительности экономической. Одинъ представляется производительностью *прямою, непосредственною,* сказывающеюся въ тѣхъ экономическихъ цѣнностяхъ, въ которыхъ она воплощается и которыя являются прямыми ея послѣдствіями. Другой видъ представляется производительностью *косвенною, посредственною,* не производящею сама экономическихъ цѣнностей, но *за которою другія* силы производятъ или вырабатываютъ экономическій критерій плодотворности. Сюда принадлежатъ различные виды культурной дѣятельности (во главѣ ихъ политическая), экономическая производительность которыхъ спасается тѣмъ, что внутреннія производительныя силы какъ бы отрекаются въ ихъ пользу отъ своей плодотворности въ непосредственную свою пользу. Подъ эти виды культурной дѣятельности какъ бы подшивается подкладка экономической производительности, которой они сами по себѣ лишены. Въ отличіе отъ чисто-экономической и *самостоятельной* производительности, которою можно назвать *первоначальною,* примитивною, другой видъ производительности можно было бы назвать *косвенною* и *производною* производительностью. Самый лучшій ея примѣръ *финансовая* производительность государственно-хозяйствен-

ныхъ источниковъ: податей и правительственныхъ займовъ. Косвенная производительность всегда имѣетъ своимъ основаніемъ прямую, отказавшуюся отъ самостоятельнаго значенія въ ея пользу, отправившуюся къ ней на службу.

Только производительность, *прямая*, сама на себя опирающаяся, или *косвенная*, опирающаяся на какую либо постороннюю прямую производительность, отказавшуюся отъ того, чтобъ въ свою пользу получить свои результаты, могутъ быть обезпеченіемъ кредита. И только онѣ на самомъ дѣлѣ всегда его обезпечиваютъ. Заключается ли она въ плодотворности производства, или въ плодотворности сбыта (отдѣльныхъ предпріятій или всѣхъ предпріятій въ совокупности), это все равно и несущественно. Ибо опытъ показываетъ, что хотя плодотворность производства имѣетъ основаніемъ своей вѣроятности только личныя силы, еще вещественно не воплотившіяся, тогда какъ плодотворность сбыта имѣетъ основаніемъ своего вѣроятія полезность уже готовыхъ цѣнностей, тѣмъ не менѣе, когда настаетъ тяжелое время, вещественныя основанія вѣроятія плодотворности вовсе не оказываются болѣе прочными, чѣмъ невещественныя основанія.

Выше уже было замѣчено, что какъ бы ни были разнородны долговые документы, всѣ они подводятся подъ два основные типа, изъ которыхъ одинъ представляется *обѣщаніями платежей*, а другой— *приказами платежей*. Но это только другими словами значитъ, что какъ бы ни были разнородны всевозможныя кредитныя операціи, какъ бы онѣ ни видоизмѣнялись цѣлями, къ которымъ онѣ приспособляются, или средствами, которыми онѣ производятся, онѣ подводятся подъ два основные типа. Существенное отличіе одного типа заключается въ томъ, что владѣлецъ капитала, превращая его въ ссудный и передавая его въ постороннія руки, предоставляетъ этимъ постороннимъ рукамъ полное распоряженіе капиталомъ, самъ отъ такого распоряженія отказываясь до момента востребованія. Каждый разъ, когда кредитная операція подходитъ подъ этотъ типъ, является обѣщаніе платежа со стороны получившаго капиталъ. Другой типъ кредитныхъ операцій обусловли-

вается тѣмъ, что владѣлецъ капитала можетъ его превращать въ ссудный и передавать въ посторонніе руки, но не отказываясь вполнѣ отъ собственнаго распоряженія имъ, а напротивъ предоставляя и себѣ или сохраняя и за собою возможность давать указанія, на что капиталъ долженъ быть употребленъ. Отсюда являются приказы о платежахъ, сопровождающіе указанія владѣльца капитала, что изъ послѣдняго должно быть сдѣлано. Первый типъ кредитныхъ операцій мы назовемъ *заемными*, второй — *препоручительными* или коммиссіонными.

Мы чувствуемъ очень хорошо всю неловкость выраженія «коммиссіонный кредитъ». Это выраженіе—неловкое, потому что «коммиссія» и «кредитъ» два способа передачи имущества въ чужія руки, изъ которыхъ при одномъ собственность не передается, а при другомъ передается. Но субъективная неловкость нашего выраженія сама только послѣдствіе того, что практика еще не съумѣла свыкнуться съ фактомъ, который въ самой жизни дѣйствительно имѣетъ двойственный характеръ и напоминаетъ двулицаго Януса. Безсрочно-ссудные капиталы, когда они передаются въ кредитъ и въ особенности когда ихъ собственники предоставляютъ себѣ право распоряжаться ими путемъ приказовъ платежей, всегда принимаютъ двойственный характеръ: они переходятъ въ собственность къ должнику и въ то же самое время кредиторъ имѣетъ право ими распоряжаться, т. е. тоже какъ будто имѣетъ надъ ними право собственности. Такимъ образомъ съ виду кажется, будто въ одно и то же время, на одну и ту же цѣнность оказываются два самостоятельныхъ и полныхъ права собственности. На самомъ дѣлѣ однако двусмысленное явленіе, представляемое безсрочными ссудными капиталами, отданными въ кредитъ, должно быть разсматриваемо такъ. Право собственности переходитъ только къ должнику. За вѣрителемъ и бывшимъ владѣльцемъ ссуднаго капитала остается одно только обязательственное право, исполненія котораго ему предоставляется только требовать, когда ему заблагоразсудится. Съ экономической точки зрѣнія этого объясненія, конечно, недостаточно: какъ бы ни назывались права, распредѣляющіяся между вѣрите-

лемъ и должникомъ, экономичнское содержаніе этихъ правъ представляетъ *одна* и *та же* цѣнность, которою въ силу своихъ правъ можетъ воспользоваться какъ кредиторъ, такъ и должникъ. Но какимъ образомъ одною и тою же цѣнностью всецѣло могутъ пользоваться два человѣка въ одно и то же время? Очевидно, что въ одно и то же время физически невозможно осуществленіе обоихъ правъ: осуществляться они могутъ только одно вслѣдъ за другимъ. И притомъ сначала должно осуществиться право собственности должника, чтобъ оно имѣло какой нибудь экономическій смыслъ, и только *потомъ* возможно осуществленіе обязательственнаго права кредитора. Слѣдовательно, двойственный характеръ имущественныхъ отношеній, возникающихъ по поводу ссудныхъ капиталовъ, перестаетъ выражать внутреннее противурѣчіе, когда *сначала* проявляетъ свое дѣйствіе кридитъ (предоставленіемъ должнику права полнѣйшаго утилизированія капитала въ одно данное время), а *затѣмъ*, въ другое данное время, проявляетъ свое дѣйствіе коммиссія (предоставленіе кредитору права поручать вѣрителю производить извѣстныя употребленія изъ капитала).

Заемный кредитъ и коммиссіонный кредитъ, какъ два вида одного и того же рода, имѣетъ своимъ основнымъ содержаніемъ передачу въ предпріимчивыя руки средствъ безъ немедленнаго полученія равноцѣнности и въ разсчетѣ, что онѣ эту равноцѣнность доставятъ къ условленному сроку. Это основное содержаніе до того одинаково существенно важно въ обоихъ видахъ кредита до тѣго имъ внутренне-сродно и тѣсно съ ними связано, что практика почти исключительно на него только обращаетъ вниманіе и изъ за него даже готова удѣлять мало вниманія собственно видовымъ ихъ отличіямъ другъ отъ друга. Важнымъ считаютъ въ обоихъ одинаково то, что и одинъ, и другой кредитъ оказываются въ разсчетѣ на производительную дѣятельность, которая оправдаетъ возложенныя на нее надежды и основанные на нее расчеты.

Затѣмъ, дальнѣйшія видоизмѣненія кредитныхъ операцій обусловливаются уже характеромъ тѣхъ предпріятій, которымъ ссудные капиталы довѣряются, точнѣе говоря, характеромъ тѣхъ ус-

ловій, при которыхъ предпріятія возстановляютъ затраченные на нихъ капиталы. Такъ какъ средства кредита представляютъ разнородные ссудные капиталы, — вѣчные, срочные и безсрочные,— то и предпріятія, представляющія цѣли, коимъ кредитъ служитъ, могутъ и должны быть разнородны. Существеннѣйшее значеніе имѣетъ продолжительность того времени, на которое предпріятія растягиваются, которое протекаетъ между ихъ началомъ, когда капиталъ на нихъ затрачивается, и концомъ ихъ, когда затраченный капиталъ вполнѣ возстановляется. Само-собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ не предпріятіямъ приходится приноравливаться подъ природу ссудныхъ капиталовъ, а наоборотъ. Если для даннаго вида ссудныхъ капиталовъ не существуетъ соотвѣтствующаго ему вида предпріятій, то это его осуждаетъ на безплодное состояніе.

Вѣчные ссудные капиталы нуждаются въ предпріятіяхъ, которыя растягиваются на возможно болѣе продолжительный срокъ и возможно медленнѣе возстановляютъ затраченные въ нихъ капиталы. Такія представляютъ: сельское хозяйство, когда оно ведется съ помощью постоянныхъ капиталовъ,—землевладѣніе, когда рента съ него достигла извѣстной высоты и получается аккуратными предпріимчивыми людьми, могущими дѣлать изъ нея источникъ сбереженій и новыхъ капиталовъ, имѣющими независимыя отъ нея потребительныя средства въ части доходовъ своей предпріимчивости,—наконецъ, паевыя предпріятія. Нужно различать два рода паевыхъ предпріятій, могущихъ представлять соотвѣтственное производительное помѣщеніе для вѣчныхъ ссудныхъ капиталовъ. Одни основаны на прямой, непосредственной и первоначальной производительности; другія—на косвенной и производной производительности. Перваго рода предпріятія представляютъ акціонерныя компаніи, работающія большимъ основнымъ капиталомъ, превышающимъ ихъ оборотный капиталъ: напримѣръ, желѣзнодорожныя или горно-заводскія. Но важное значеніе для производительнаго употребленія вѣчныхъ ссудныхъ капиталовъ представляютъ и тѣ паевыя предпріятія, которыхъ цѣль — изъ относительно небольшихъ взносовъ совершенно свободныхъ средствъ образовать одинъ боль-

шой ссудный капиталъ, который можетъ быть переданъ нуждающемуся въ немъ правительству. Основное условіе всякаго кредита и здѣсь, конечно, продолжаетъ быть самымъ основнымъ. Только то правительство можетъ разсчитывать,—что ему довѣрятъ ссудный капиталъ, составленный складочнымъ способомъ,—котораго доходы основаны на производительной предпріимчивости населенія государства, ставящей внѣ всякаго сомнѣнія правильность поступленій означенныхъ доходовъ въ правительственныя кассы. Государственный кредитъ не составляетъ исключенія изъ общаго правила и имѣетъ тѣ-же основанія, что и всякій другой кредитъ. Кредитъ государственный есть кредитъ текущей и прошлой предпріимчивости населенія государства, которымъ населеніе, однако, пользуется не въ своихъ частныхъ и торгово-промышленныхъ интересахъ, а въ своихъ интересахъ политическихъ. Для самаго государства, для правительства, помимо предпріимчиваго населенія государства, кредита не существуетъ. Государство не производитъ мѣновыхъ цѣнностей и не образовываетъ капиталовъ (за весьма рѣдкими и ограниченными исключеніями). Если оно беретъ у населенія капиталы, то какъ-бы оно ихъ не брало, податями или займами, оно само не въ состояніи ихъ возвращать. Для возврата оно должно снова забирать капиталъ у того-же населенія; такъ что послѣднее также точно разсчитывается по государственнымъ займамъ, какъ оно разсчитывается по своимъ собственнымъ торгово-промышленнымъ займамъ. Вотъ почему государственный кредитъ не представляетъ какого-либо исключенія изъ кредита вообще ни въ какомъ отношеніи. Онъ вообще однороденъ съ долгосрочными займами, сельско-хозяйственными и промышленными, и совершенно однороденъ съ землевладѣльческими займами, погашаемыми изъ производнаго дохода, представляемаго поземельною рентою, т. е. погашаемаго косвенною производительностью рессурса, который доходенъ въ силу соціальныхъ и политическихъ условій, а не въ силу своей внутренней производительности.

Вѣчные ссудные капиталы находятъ себѣ помѣщеніе въ изолированныхъ обязательствахъ отдѣльныхъ лицъ или въ такъ назы-

ваемыхъ облигаціяхъ, т. е. въ документахъ, изъ коихъ каждый представляетъ пай того помѣщенія, которое дало доходное занятіе ссудному капиталу. Облигаціи суть паи *кредитнаго* помѣщенія и этимъ онѣ отличаются отъ акцій, представляющихъ паи помѣщенія, которому довѣрены не ссудные, а предпринимательскіе капиталы.

Срочные ссудные капиталы нуждаются въ такомъ помѣщеніи, котораго продолжительность вполнѣ соотвѣтствовала бы сроку, на который свободны средства, образующія означенные капиталы. Въ виду крайняго разнообразія торгово промышленныхъ предпріятій и различія въ ихъ продолжительности, срочному ссудному капиталу всего легче себѣ найти производительное помѣщеніе. Съ другой стороны, и для торгово-промышленныхъ предпріятій всего удобнѣе привлекать къ себѣ срочные ссудные капиталы, могущіе хорошо приноровляться къ ихъ продолжительности. Такіе капиталы ихъ всего менѣе безпокоятъ. Зная, наприм., когда будетъ конецъ затѣянному дѣлу, предпринимателю всего удобнѣе получить, подъ вексель ли, или въ ссуду подъ залогъ, капиталъ, и самъ нуждающійся въ занятіи только до того времени, когда его въ состояніи возстановить затѣянное дѣло.

Гораздо сложнѣе вопросъ о помѣщеніи безсрочныхъ ссудныхъ капиталовъ. Онъ предполагаетъ уже высокую степень развитія заботливости о безпрерывной доходности капиталовъ и выработку особыхъ органовъ, являющихся представителями этой заботливости и спеціализирующихъ на ней свою предпріимчивую производительную дѣятельность. Эти органы—банкиры и банки.

## ГЛАВА VI.

## Способы пользованія источниками ссудныхъ средствъ.

40. Всякая спеціальная отрасль предпріимчивости является выросшею изъ другихъ отраслей, дальнѣйшимъ ихъ развѣтвленіемъ. Сначала она представляется побочнымъ занятіемъ лицъ, которыхъ силы главнымъ образомъ сосредоточены на другомъ дѣлѣ и которыя только часть своихъ силъ могутъ посвятить новому дѣлу. Новое дѣло всегда трудное дѣло, т. е. часто безуспѣшное, менѣе выгодное. Только по мѣрѣ того, какъ силы чувствуютъ себя прочнѣе на новомъ поприщѣ, когда удачъ на немъ накопляется больше, когда спросъ на него и его общественное значеніе разростаются, оно начинаетъ *сосредоточивать* на себя вниманіе. Мало по малу оно становится независимымъ отъ опоръ, которыя ему представляли другія занятія, отдѣляется отъ нихъ, выясняетъ свои границы. Тогда въ немъ дана новая область дѣятельности.

Совокупность всѣхъ дѣйствій, которыя совершаются банковыми торгово-промышленными учрежденіями для достиженія своей цѣли, называется банковыми операціями. Нѣтъ ни одной банковой операціи, которой зародыши, по крайней мѣрѣ, не существовали-бы задолго до того, какъ возникли банковыя учрежденія. Потому что всякая банковая операція—прежде всего кредитная операція. А основы кредитныхъ операцій кроются слишкомъ глубоко,

чтобъ онѣ могли зависѣть отъ того, существуетъ-ли, или не существуетъ *спеціальный* органъ, ихъ производящій. Пока не существуетъ спеціальныхъ органовъ для производства кредитныхъ операцій, ихъ производятъ органы, служащіе другимъ цѣлямъ. И надобно сказать, что эти органы, занятые и постороннимъ дѣломъ, долго-долго напередъ пытаются на новомъ поприщѣ, многомного для него заготовляютъ, пока успѣваютъ появиться спеціальные органы во всемъ своемъ всеоружіи. Тогда для нихъ оказываются заготовленное и расчищенное поле, припасенныя средства и выровненные пути.

Банковыя операціи представляютъ собою только дѣятельность на этомъ заготовленномъ полѣ, при посредствѣ припасенныхъ средствъ и съ помощью выровненныхъ путей. Банки, конечно, сами значительно расширяютъ свое поле, увеличиваютъ свои средства и совершенствуютъ свои пути. Но надобно помнить, что банкамъ тамъ, гдѣ ихъ развитіе шло, подчиняясь росту самостоятельныхъ творческихъ силъ народной предпріимчивости, приходилось дѣлать уже вторые шаги, а не первые.

Мы изложили въ предыдущей главѣ подробно ученіе о ссудныхъ капиталахъ, которыми вообще производятся кредитныя операціи и которыми, поэтому, производятся и банковыя операціи, имѣя въ виду возможно нагляднѣе выяснить глубокое различіе между *источниками* оборотныхъ средствъ для кредитныхъ операцій вообще и тѣми *банковыми способами пользоваться означенными источниками*, о которыхъ рѣчь будетъ въ настоящей главѣ. Эти способы представляются различными долговыми документами, которые банками употребляются для привлеченія къ себѣ ссудныхъ средствъ: закладными листами, вкладными свидѣтельствами, чековыми книжками, банковыми акцептаціями векселей, простыми записями въ книгахъ банковъ и наконецъ банковыми билетами. Ниже мы подробно разберемъ каждый изъ этихъ способовъ въ отдѣльности. Привлеченіе банками ссудныхъ средствъ въ свои кассы совершается чрезъ посредство всѣхъ этихъ способовъ. Оно предполагаетъ уже *готовое* существованіе средствъ и въ своихъ видоизмѣненіяхъ само приноровлено къ ихъ видовымъ особенностямъ. Для *банковъ* совершенное стественно отож-

дествлять *источники* оборотныхъ средствъ съ тѣми *способами*, которые они употребляютъ для пользованія означенными источниками: для *банковъ* источники тѣсно связаны съ этими способами и какъ бы не существуютъ помимо ихъ. Но тотъ, кто разсуждаетъ о природѣ дѣла, не имѣетъ надобности придавать исключительное значеніе тому виду, въ которомъ дѣло представляется банкамъ. Всѣ перечисленные виды документовъ *не составляютъ источниковъ* въ строгомъ смыслѣ слова. Вотъ почему дѣйствіями (или операціями), коими создаются эти документы, не создаются вовсе источники ссудныхъ средствъ, а создаются только способы, которыми возможно пользованіе ссудными капиталами, *если таковые окажутся.*

Вслѣдствіе того, что всѣ кредитныя операціи подводятся подъ два основные типа и всѣ банковыя операціи въ своей классификаціи прежде всего группируются въ два основные разряда. Одинъ разрядъ обнимаетъ тѣ операціи, которыя основываются на приказахъ платежей. Таковые производятся средствами, которымъ владѣльцы ихъ напередъ опредѣлили извѣстное назначеніе и пользуются содѣйствіемъ банка для большаго удобства при достиженіи этаго назначенія. Отсюда коммиссіонный разрядъ банковыхъ операцій, который исторически возникаетъ первый, вслѣдствіе своей большей простоты, и только постепенно усложняется. Ссудный характеръ капиталовъ, которыми производится этотъ разрядъ операцій, еще не вполнѣ выясненъ и установленъ, какъ окончательный: деньги, которыя отдаются для перевода въ другое мѣсто, какъ это выше уже указано (стр. 128), не похожи на ссудный капиталъ, хотя за нихъ и получается переводный *вексель*, т. е. кредитный документъ. Капиталы принимаютъ характеръ ссудныхъ какъ бы случайно, нехотя и по необходимости. Они должны быть довѣрены въ постороннія руки, это очевидно: но менѣе всего еще ясно, что эта необходимость довѣрія капиталовъ въ постороннія руки—conditio sine qua non для ихъ производительности. Второй разрядъ банковыхъ операцій весь основанъ на обѣщаніяхъ платежей и, даже связываясь съ первымъ разрядомъ, болѣе всего выстав-

ляетъ на первый планъ ссудный характеръ капиталовъ, которыми онъ производится. Этотъ разрядъ въ свою очередь разбивается на два отдѣла. Одни операціи служатъ *для собиранія* ссудныхъ капиталовъ и группируются около *способовъ*, которые банки употребляютъ для собиранія. Другія операціи служатъ для производительнаго помѣщенія ссудныхъ капиталовъ и группируются около отдѣльныхъ способовъ, коими банки приноравливаютъ каждый видъ своихъ ссудныхъ капиталовъ къ соотвѣтствующему ему виду предпріятій.

Если въ тѣхъ операціяхъ, коими банки собираютъ ссудные капиталы, существуетъ еще различіе между способами, для банковъ доступными и доступными для частныхъ лицъ (хотя и здѣсь различіе *только* количественное а не качественное), то совсѣмъ уже различіе не существуетъ въ дѣлѣ разъисканія ссуднымъ капиталамъ производительнаго помѣщенія. Здѣсь банкамъ не приходится даже вырабатывать или совершенствовать особыхъ способовъ. Напротивъ они находятъ всѣ способы и всѣ операціи готовыми и только ихъ втягиваютъ въ кругъ своей дѣятельности.

Способы, которыми производятся отдача и полученіе денегъ взаймы, какъ и все въ человѣческомъ мірѣ, съ теченіемъ времени, постепенно совершенствуются. Основная черта, общая и характеризующая всякое совершенствованіе, заключается въ очищеніи, такъ сказать, явленія отъ примѣсей, съ которыми оно прежде было связано, и въ полученіи явленіемъ самостоятельнаго бытія. На низшей степени своего развитія операція займа совершается такъ, что *цѣль*, для которой она дѣлается, остается *безъ вліянія* на *способы*, которыми она совершается, и на ея внѣшнюю формальную сторону. Въ такомъ видѣ операцію займа знаетъ и общее гражданское право каждой страны. Мало по малу экономическій прогрессъ, выясняя свои цѣли, содѣйствуетъ и большему *приноровленію* операцій займа къ этимъ цѣлямъ. Такимъ образомъ, торговый заемъ съ промысловою цѣлью и возникающій подъ торгово-промышленными вліяніями способъ совершать заемъ получаетъ свое самостоятельное значеніе въ вексельномъ займѣ или

въ особаго рода ссудахъ, и таковое особое самостоятельное значеніе за нимъ признается торговымъ правомъ. Наконецъ, банковая предпріимчивость, которая ведетъ совершенствованіе кредита еще далѣе, создаетъ новые способы совершенія операціи займа *въ пріемѣ вкладовъ и въ т. н. эммиссіонной операціи.*

Изъ всѣхъ способовъ заключать займы эмиссіонная операція всего больше возбуждаетъ недоумѣній и споровъ. Представленія о ней всего менѣе ясныя и установившіяся. Какъ разнообразны понятія о ней, видно, напр., изъ того, какія различныя вещи подъ нею разумѣютъ. Подъ нею разумѣютъ иногда выпускъ всякаго новаго паеваго имущества, т. е. такого, которое представляется паями какого-либо предпріятія, все равно, имѣетъ ли отдача капитала цѣлью участіе въ немъ въ роли сохозяина или только *временное* предоставленіе капитала. Такое распространеніе понятія объ эммиссіонной операціи свидѣтельствуетъ, конечно, только объ одномъ: что понятіе эммиссіонной операціи достаточно широко, чтобъ обнять нѣсколько больше, чѣмъ одинъ только выпускъ банковыхъ билетовъ т. е. долговыхъ документовъ, съ помощью которыхъ банки передаютъ свой кредитъ третьимъ лицамъ. Но грубый эмпиризмъ не знаетъ точныхъ предѣловъ, до которыхъ можетъ быть расширено понятіе, о которомъ идетъ рѣчь.

Сколько бы общихъ сторонъ ни имѣли акція и облигація, несомнѣнно, однако, что капиталистъ, отдавая свои деньги за акцію, ставитъ себя въ положеніе прямо противуположное тому, въ которомъ онъ находится, когда покупаетъ себѣ облигацію. Всего очевиднѣе это бываетъ тогда, когда акція и облигація представляютъ документъ одного и того же предпріятія: тогда акціонеръ—должникъ, а облигаціонеръ—кредиторъ. Выпускать акціи, т. е. отыскивать капиталистовъ, готовыхъ стать предпринимателями, слѣдовательно, въ случаѣ нужды, и должниками, и выпускать облигаціи, т. е. розыскивать капиталистовъ, готовыхъ стать въ положеніе кредиторовъ, поэтому, совершенно различныя вещи.

Вотъ почему, какъ бы широко мы не распространяли понятіе объ эммиссіонной операціи, распространеніе не должно, однако, пе-

реходить тѣ предѣлы, которыми *кредитъ* (какъ *видъ* спекуляціи) отдѣляется отъ розыскиванія капиталовъ вообще (какъ предмета *всякой* спекуляціи, или спекуляціи *вообще*). Учрежденіе и веденіе новыхъ предпріятій, заключающія въ себѣ необходимымъ составнымъ элементомъ реализацію имущества, безъ отношенія до основныхъ формъ этой реализаціи (наличной и кредитной), представляетъ операцію самостоятельную, какъ таковую имѣющую свое значеніе и для банковъ. Не признавать этого, значитъ, мѣшать ясному пониманію такихъ вопросовъ, опредѣленное разрѣшеніе которыхъ весьма важно для банковой практики, не желающей блуждать въ потьмахъ. Это значитъ напередъ предопредѣлять, что чистое коммиссіонное дѣло, напримѣръ, стоитъ внѣ предѣловъ банковой дѣятельности, и что, только переодѣвая его въ кредитное платье, его можно ввести въ практику банковъ.

Въ самомъ широкомъ смыслѣ понимаемая, эммиссіонная операція можетъ обнимать, поэтому, только *выпускъ какого бы то ни было долговаго знака, которымъ добывается въ кредитъ капиталъ*. Выпускается ли государствомъ долгосрочная (вѣчная) облигація, или краткосрочное обязательство казначейства, или безсрочное и безпроцентное обязательство съ насильственнымъ курсомъ или безъ послѣдняго, выпускается ли долгосрочное обязательство желѣзнодорожною компаніею, или въ видѣ закладнаго листа поземельнымъ банкомъ, выпускаетъ ли частное лице на себя много или мало векселей или иныхъ обязательствъ, выпускаетъ ли банкъ вкладныя, или кассовыя свидѣтельства, или, наконецъ, банковые билеты, во всѣхъ этихъ случаяхъ, мы имѣемъ предъ собою случаи эммиссіонной операціи. Вотъ почему иногда заграничные банковые уставы (напримѣръ австрійскіе) иначе и не говорятъ о пріемѣ вкладовъ и выдачѣ взамѣнъ ихъ вкладныхъ свидѣтельствъ, какъ объ эммиссіонной операціи.

При такомъ ограниченіи, эммиссіонная операція, однако, все таки до того расширяется, что она, повидимому, обнимаетъ весь кредитъ. Но это такъ можетъ казаться лишь человѣку, который не уяснилъ себѣ элементовъ, изъ которыхъ кредитъ слагается.

Напротивъ, кто выяснилъ себѣ этотъ пунктъ, легко пойметъ, что и расширенное понятіе эммиссіонной операціи далеко не обнимаетъ всего кредита, а только *одинъ изъ его элементовъ*, хотя и въ *многоразличныхъ проявленіяхъ* этого элемента.

Дѣло въ томъ, что всякая кредитная операція или всякій случай пользованія кредитомъ слагается изъ трехъ совершенно разнородныхъ явленій, составляющихъ каждое особый его элементъ. Всякій разъ, когда происходитъ кредитная сдѣлка, какого бы она ни была размѣра и между кѣмъ она ни происходила бы, все равно, мы имѣемъ предъ собою: одно явленіе, представляемое движеніемъ капитала отъ кредитора къ должнику, переходомъ или передачею цѣнности,—другое явленіе, представляемое внѣшними и внутренними основаніями, которыми кредиторъ руководствуется, соглашаясь уступить свою цѣнность, и которыя ему служатъ какъ бы фондомъ, страхующимъ и обезпечивающимъ благополучный исходъ дѣла,—наконецъ, третье явленіе, представляемое выдачею или выпускомъ кредитнаго знака должникомъ. *Всякій* кредитъ слагается, такимъ образомъ, изъ ссуднаго, страховаго и *оборотнаго или эммиссіоннаго* элементовъ. *Послѣдній только элементъ и обнимается понятіемъ объ эммиссіонной операціи*, расширенной до крайнихъ ея предѣловъ. Она выражаетъ, слѣдовательно, *всякій выпускъ долгового (кредитнаго) знака, съ помощью котораго приводится въ движеніе цѣнность*, переходящая чрезъ то отъ одного лица къ другому.

Практическое значеніе точнаго представленія о дѣйствительномъ объемѣ понятія объ эммиссіонной операціи заключается въ слѣдующемъ. Такъ какъ извѣстныя формы проявленія этой операціи легко поддаются злоупотребленіямъ и такъ какъ относительно этихъ формъ понятія далеко еще не установились, то многіе склонны думать, что если они будутъ отождествлять эммиссіонную операцію *въ этихъ формахъ* съ эммиссіонной операціею *вообще* и затѣмъ откажутся отъ этихъ формъ, то они откажутся и отъ эммиссіонной операціи вообще. Но въ томъ то и дѣло, что суть эммиссіонной операціи можетъ проявляться въ весьма разнообразныхъ формахъ, что эта

суть далеко не случайнаго свойства, что ея проявленіе далеко не произвольно и вовсе не приковано къ извѣстнымъ наружнымъ способамъ пользованія ею, что если условія экономической жизни вызываютъ ее, а обстоятельства препятствуютъ ей производиться въ одномъ видѣ, то она находитъ себѣ иной выходъ и свое дѣло все-таки дѣлаетъ, мало безпокоясь о препятствіяхъ.

Единство эмиссіонной операціи, кто бы ею ни пользовался, въ какихъ бы то ни было размѣрахъ, какими бы то ни было способами и для какихъ бы то ни было цѣлей, обусловливается тѣмъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ ея природа остается неизмѣненною и выражаетъ одинъ и тотъ же элементъ кредита. Обращеніе главную свою основу имѣетъ въ волѣ лица, владѣющаго цѣнностью. Побудить эту волю къ передачѣ цѣнности своимъ назначеніемъ имѣетъ страховой элементъ кредита. Послѣдній обезпечиваетъ исполненіе обязательства, принимаемаго на себя предпріимчивостью и заключающагося въ обѣщаніи чрезъ извѣстный срокъ доставить (воспроизвести, промыслить) цѣнность, равную полученной. Само по себѣ, это обязательство остается всегда одно и тоже, и если оно разнообразится, то всегда только въ той мѣрѣ, въ какой оно выражаетъ не только обѣщаніе, но еще и тѣ его отдѣльныя условія, которыя въ совокупности составляютъ страховой элементъ кредита. Такимъ образомъ, эмиссіонная операція только потому проявляется въ различныхъ формахъ, что въ разныхъ случаяхъ оборотный элементъ кредита сочетается не съ одинаковымъ страховымъ и ссуднымъ элементомъ. Вслѣдствіе того, что капиталы, приводимые въ движеніе обязательствами, имѣютъ различный характеръ и различныя цѣли; вслѣдствіе того, что условія, на которыхъ отъ нихъ отказываются ихъ владѣльцы, бываютъ различны,—и, наконецъ, вслѣдствіе того, что страховое обезпеченіе обѣщаній платежа въ разныхъ случаяхъ неодинаково,—всѣ эти различія отражаются и на самыхъ обязательствахъ и дѣлаютъ и ихъ неодинаковыми. Но для того, кто привыкъ къ точной мысли, очевидно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ, если что

остается неизмѣненнымъ, то это именно обязательство, само по себѣ взятое.

Формулируя научно нашу мысль, мы скажемъ, что эммиссіонная операція у банковъ обнимаетъ всѣ тѣ способы, съ помощью коихъ банки *привлекаютъ къ себѣ оборотныя средства*, или съ помощью коихъ банки пользуются вчше разобранными ихъ источниками. Слѣдовательно, ученіе объ эммиссіонной операціи, или теорія ея, обнимаетъ всю совокупность банковыхъ способовъ пользоваться источниками оборотныхъ средствъ. Только тогда, когда теорія эммиссіонной операціи обнимаетъ всѣ эти способы, каждый въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ въ ихъ взаимоотношеніи другъ къ другу, она можетъ разсчитывать на полноту и внутреннюю связность. Только тогда практическій дѣятель или законодатель по банковой части избѣгаютъ односторонностей и противурѣчій, когда они не смѣшиваютъ части съ цѣлымъ и не принимаютъ части за цѣлое.

Отождествленіе эммиссіонной операціи съ однимъ изъ способовъ ея производства является послѣдствіемъ того, что по большей части не привыкли проводить строгаго различія между источниками оборотныхъ средствъ кредита, а потому и банковъ, и различными ихъ способами пользоваться этими источниками. Изъ того, что каждый отдѣльный способъ болѣе или менѣе приноровленъ къ источнику, которымъ съ его помощью пользуются, заключаютъ, что ихъ совсѣмъ можно смѣшивать одинъ съ другимъ. И отсюда дальнѣйшее заключеніе: такъ какъ *источники* оборотныхъ средствъ существенно различны, то не могутъ быть соединены во едино и перетасовываемы *способы пользованія источниками*. И наконецъ отсюда же третье заключеніе: такъ какъ производительность источниковъ оборотныхъ средствъ возникаетъ далеко за предѣлами сферы банковой дѣятельности и обусловливается причинами, стоящими внѣ вліянія банковъ, то банковые способы пользованія означенными источниками тоже представляютъ чисто-пассивный продуктъ обстоятельствъ, независимыхъ отъ вліяній самихъ банковъ.

Всѣ эти заключенія имѣютъ важное практическое значеніе. Анализы фактовъ, какъ мы увидимъ ниже, говорятъ не за нихъ,

а противъ нихъ. Но и помимо этихъ фактовъ, само собою, развѣ недостаточно осязательно и очевидно, что источники и способы пользованія источниками—различныя вещи? Оставимъ пока, поэтому, въ покоѣ вопросъ о соотношеніи между источниками оборотныхъ средствъ, разсмотрѣнными въ предъидущей главѣ, и способами пользованія этими источниками. Пока, на первыхъ порахъ, мы разсматриваемъ одни только эти способы пользованія ссудными капиталами. Ссудными капиталами, какіе бы они ни были, нельзя пользоваться иначе, какъ на время, все равно какой бы оно ни было продолжительности. А если ими нельзя пользоваться иначе, какъ на время, то если кто-либо ими пользуется, онъ долженъ выдать обязательство, что по истеченіи даннаго времени онъ возвратитъ ссудный капиталъ его владѣльцу. Онъ долженъ выдать долговой документъ.

*Выдача долговаго документа* представляетъ собою первый и самый общій фактъ, являющійся намъ на встрѣчу, какъ только заходитъ рѣчь о способѣ пользованія источниками оборотныхъ средствъ, все равно, въ чемъ бы ни заключался этотъ способъ. Не можетъ быть, поэтому, одинъ способъ, предпочтительно предъ остальными, характеризуемъ по тому признаку, что онъ сопряженъ съ выдачею или выпускомъ долговыхъ знаковъ. И если этотъ выпускъ долговыхъ знаковъ составляетъ характеристическій и отличительный признакъ, то онъ составляетъ признакъ *всѣхъ* способовъ пользованія ссудными капиталами.

Слѣдовательно, въ той же мѣрѣ, въ какой разнообразятся отдѣльные способы пользованія источниками оборотныхъ средствъ банковъ, въ той же мѣрѣ разнообразятся и отдѣльныя операціи выпуска долговыхъ знаковъ. Сколько существуетъ различныхъ видовъ ссудныхъ капиталовъ, столько должно быть и различныхъ видовъ эммиссіонной операціи, какъ способовъ пользоваться означенными ссудными капиталами. И если какой-либо одинъ видъ эммиссіонной операціи дѣлается невозможнымъ, вслѣдствіе того, что ему ставятся различныя препятствія, то это влечетъ за собою одно изъ двухъ послѣдствій: или соотвѣтственный источникъ ссуд-

ныхъ капиталовъ насильственно дѣлается безплоднымъ, или данный видъ эммиссіонной операціи замѣняется въ тихомолку другимъ. По большей части и чаще наступаетъ второе изъ этихъ послѣдствій.

Нерѣдко приходится и у насъ слышать, что основное и крупное различіе между нашимъ банковымъ дѣломъ и западно-европейскимъ обусловливается уже однимъ тѣмъ, что наши банки—чисто депозитные, западно-европейскіе же банки—эммиссіонные. Наши банки производятъ свои операціи одними только вкладами, слѣдовательно на наличныя деньги, которыя они получаютъ отъ своихъ кредиторовъ путемъ или безсрочныхъ займовъ, или путемъ займовъ, условно и безусловно срочныхъ. Заграничные же банки могутъ производить свои операціи, хотя бы они не имѣли никакихъ наличныхъ денегъ и хотя бы они ни у кого не занимали наличныхъ денегъ. Они могутъ выпускать билеты, обращающіеся вмѣсто денегъ. Ими они учитываютъ векселя и производятъ ссуды, билетами они могутъ покупать драгоцѣнные металлы и уплачивать по своимъ векселямъ. Тамъ банки, слѣдовательно, гораздо меньше, чѣмъ у насъ, нуждаются въ наличныхъ деньгахъ. Наши банки имѣютъ возможность производить столько дѣлъ, сколько у нихъ имѣется наличныхъ средствъ отъ вкладовъ, текущихъ счетовъ и корреспондентовъ. Если эти источники закрылись, банки должны сидѣть сложа руки. Заграницею же банки имѣютъ источникъ, дѣлающій ихъ независимыми отъ обладателей наличными деньгами. *Тамъ они сами могутъ дѣлать деньги* и единственная ихъ забота—пріобрѣсти достаточно довѣрія для своихъ билетовъ, чтобы ихъ принимало возможно большее число лицъ, чтобы они обращались въ возможно болѣе широкомъ кругѣ торговыхъ и промышленныхъ людей, чтобы ими можно было уплачивать за всякіе товары и услуги, и чтобы расплата ими признавалась прекращающею и заканчивающею обязательства. Заграницею, такимъ образомъ, банки гораздо свободнѣе, чѣмъ у насъ. Они тамъ имѣютъ гораздо болѣе возможности производить широкіе обороты. Вслѣдствіе того банки тамъ имѣютъ возможность гораздо сильнѣе вліять на предложеніе ссуднаго ка-

питала, т. е. денежныхъ средствъ, ищущихъ срочныхъ кредитныхъ помѣщеній на учетно-ссудномъ рынкѣ. Наши же банки вовсе не могутъ измѣнять предложенія ссуднаго капитала. Такъ какъ они производятъ свои операціи только наличностью, то они являются лишь посредниками между владѣльцами наличности и лицами, предъявляющими спросъ на деньги. Сами же по себѣ они предложенія денегъ не могутъ увеличивать, тогда какъ заграничные банки къ наличности прибавляютъ еще свои билеты, которыхъ кредитъ имъ ничего не стоитъ, вслѣдствіе безпроцентности билетовъ. Наши банки поэтому не могутъ понижать учетно-ссуднаго процента сравнительно съ тою его высотою, на которой онъ нормально устанавливается при здоровыхъ условіяхъ торговли и промышленности и безъ нихъ.

Мы нарочно привели пространно всѣ эти соображенія, такъ какъ они имѣютъ видъ весьма очевидный и простой. Они кажутся весьма убѣдительными и весьма распространены не только у насъ, но и на западѣ Европы, гдѣ давно уже указывалось на одностороннее и вредное предположеніе, будто эммиссіонная операція, т. е. операція выпуска банковыхъ билетовъ—самый важный пунктъ въ банковомъ дѣлѣ. Полагаемъ однако, что внимательный разборъ означенныхъ соображеній докажетъ, что они далеко недостойны довѣрія.

Цѣль послѣдующаго — показать, что различіе между нашими банками и заграничными, на сколько оно обусловливается тѣмъ, что оборотныя средства нашихъ банковъ будто бы состоятъ изъ одной наличности, заграничныхъ же сверхъ того еще изъ добавочныхъ средствъ, извлекаемыхъ отъ права выпускать билеты, — что это различіе въ своей наибольшей долѣ только кажущееся и на практикѣ весьма легко могущее быть совершенно уничтоженнымъ.

Всѣ недоразумѣнія и споры возбуждаются, главнымъ образомъ, тѣмъ кажущимся основнымъ явленіемъ, что наши банки, какъ чисто вкладные, не увеличиваютъ количества денегъ, обращающихся въ странѣ, тогда какъ банки, выпускающіе билеты, эммиссіонные, могутъ это дѣлать. Такъ какъ учетно-ссудное дѣло и учетно ссудный рынокъ могутъ быть устроены и частными банкирами, т. е. такъ

какъ ими можетъ быть устроено, какъ дѣло собиранія наличныхъ средствъ, ищущихъ себѣ учетно-ссуднаго помѣщенія, такъ и самое разысканіе этихъ помѣщеній, то можетъ казаться, что вкладные акціонерные банки мало чѣмъ могутъ сдѣлать больше, чѣмъ безъ нихъ сдѣлала частная и единичная дѣятельность отдѣльныхъ банкировъ. А такъ какъ этой дѣятельности не приписывается понижающаго вліянія на учетно-ссудный процентъ, то его нѣтъ основанія приписывать и акціонернымъ банкамъ. Повидимому это подтверждается заграничнымъ опытомъ. Въ тѣхъ странахъ западной Европы, гдѣ частная банкирская дѣятельность достаточно была развита и гдѣ банкиры у себя хорошо организовали пріемъ вкладовъ и учетно-ссудное дѣло, послѣдствій и понижающаго вліянія на дисконтъ ждали и ожидаютъ отъ однихъ только эммиссіонныхъ банковъ, отъ одной только операціи выпуска банковыхъ билетовъ, а никакъ не отъ вкладныхъ банковъ и не отъ операціи пріема вкладовъ.

Обратимъ, однако, вниманіе на то, что бываютъ такія обстоятельства и условія, при которыхъ частная банкирская дѣятельность не въ состояніи была достаточно развиться, чтобы организовать хорошо дѣло собиранія свободныхъ наличныхъ капиталовъ и снабженія ими торговли и промышленности. Такія обстоятельства были именно у насъ, и противъ нихъ должны были и должны теперь дѣйствовать акціонерные вкладные банки. Акціонерная компанія представляетъ собою соединеніе единичныхъ силъ многихъ для совокупнаго дѣйствія всѣми ими въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло не было бы подвинуто отдѣльными единичными усиліями. Что невозможно для отдѣльнаго лица, становится возможнымъ для компаніи. Что было невозможно для ограниченнаго капитала отдѣльнаго лица и для его ограниченнаго кредита, становится возможностію, если соединяется капиталъ и кредитъ многихъ лицъ. Акціонерная компанія, слѣдовательно, создаетъ *большія* силы, которыхъ безъ нея не было бы. Но то, что называется *большою* силою — вещь очень относительная. Та большая сила, необходимая для поставленія банковаго дѣла на сносную почву, которой у насъ не было и которую должны были создать акціонер-

ныя компаніи, въ западной Европѣ имѣлась у частныхъ лицъ. Вслѣдствіе того тамъ частная банкирская дѣятельность могла сдѣлать то, что у насъ должны дѣлать банки. Но чрезвычайно ошибочно думать, что частной банкирской дѣятельности въ западной Европѣ не принадлежатъ никакія заслуги въ исторіи пониженія учетно-ссуднаго процента. Первая и основная ея заслуга та, что она тамъ положила конецъ отношеніямъ между ростовщиками и торгово-промышленнымъ міромъ. Она положила тамъ фундаментъ тому величественному зданію, которое представляется современнымъ западно-европейскимъ денежнымъ рынкомъ. Частнымъ банкирамъ принадлежитъ первая заслуга собиратели денежныхъ средствъ для торговли и промышленности; а конкуренція между частными банкирами была первымъ шагомъ къ пониженію учетно-ссуднаго процента съ той высоты, на которую его подняли ростовщики. Этотъ-то первый шагъ у насъ должны сдѣлать и дѣлаютъ наши вкладные акціонерные банки.

Но акціонерная компанія совершенствуетъ частную и единичную дѣятельность, и то, что послѣдняя дѣлаетъ несовершенно, первая можетъ совершать гораздо лучше, благодаря громаднымъ капиталамъ, которые она въ состояніи собрать для своего основанія, и громадности кредита, которымъ она можетъ пользоваться. Поэтому, если сразу дѣйствуетъ много акціонерныхъ банковыхъ компаній, то конкуренція между ними намъ должна дать въ еще большемъ размѣрѣ тѣ полезные результаты, которые заграницею дала конкуренція между частными предпринимателями. И если этихъ сравнительно большихъ результатовъ конкуренція между банками не даетъ, что значитъ ея полезныя вліянія парализуются какими либо враждебными вліяніями.

Преимущества акціонерныхъ банковыхъ компаній сводятся къ слѣдующимъ тремъ основнымъ. Вопервыхъ, своею конкуренціею при назначеніи процентовъ за принимаемые ими вклады онѣ привлекаютъ къ себѣ всякій денежный капиталъ на то время, въ теченіе котораго онъ для своего владѣльца оставался бы праздным. Вовторыхъ, они собираютъ у себя и организуютъ обращеніе

той покупательной силы, которая имѣетъ своимъ источникомъ производительную предпріимчивость и которой эффективность опирается на кредитъ. Въ третьихъ, своею конкуренціею при назначеніи процентовъ за учетъ и ссуды, онѣ обезпечиваютъ собраннымъ ими средствамъ доходное и производительное помѣщеніе. Вслѣдствіе того, другаго и третьяго вмѣстѣ, во всякое данное время предлагается на денежномъ рынкѣ большая сумма орудій обращенія, чѣмъ какая предлагалась бы безъ нихъ. Убивая праздность всякаго капитала, привлекая къ себѣ прямо или косвенно всякій праздный капиталъ и дѣлая его живымъ и работающимъ чрезъ передачу его производительной торговлѣ и промышленности, банки увеличиваютъ количество живыхъ и дѣятельныхъ капиталовъ. Недостаточно только говорить по поводу денежныхъ капиталовъ о *наличныхъ* и создаваемыхъ путемъ кредита чрезъ выпускъ билетовъ. Необходимо еще принять во вниманіе, что во всякое данное время наличные капиталы дѣлятся на праздные и дѣятельные. Вслѣдствіе того, банки могутъ не измѣнять всего валоваго количества наличныхъ капиталовъ и все-таки увеличивать количество дѣятельныхъ капиталовъ чрезъ посредство уменьшенія количества капиталовъ праздныхъ. Само собою однако очевидно, что праздный капиталъ, насколько онъ дѣйствительно праздный, а не служитъ резервомъ, не можетъ вліять на высоту учетно-ссуднаго процента. Слѣдовательно, высота учетно-ссуднаго процента зависитъ не отъ всей суммы наличныхъ средствъ, которыя въ странѣ существуютъ, а только отъ той части, которая находится въ дѣятельномъ состояніи. Дѣятельную же часть банки могутъ увеличивать въ громадныхъ размѣрахъ.

Для этого увеличенія конкуренція между банками по назначенію процентовъ за оборотныя средства, ими получаемыя въ кредитъ, только одно средство изъ многихъ и притомъ не самое важное. Другое средство, гораздо болѣе важное, ускореніе оборота банковыхъ средствъ, какихъ бы они ни были видовъ. Важность этого средства станетъ очевидною для читателя, когда онъ увидитъ изъ послѣдующаго, его съ его помощью вкладные банки могутъ ус-

пѣшно достигать тѣхъ же цѣлей, которыхъ эмиссіонные достигаютъ съ помощью выпусковъ банковыхъ билетовъ.

Когда банкъ производитъ свои операціи на средства, полученныя отъ срочныхъ вкладовъ, тогда очевиденъ и срокъ, въ теченіе котораго онъ можетъ пользоваться деньгами, имъ полученными въ кредитъ. Этотъ срокъ напередъ опредѣленъ въ самомъ договорѣ отдачи и принятія денегъ на вклады. Но иное оказывается въ томъ случаѣ, когда кредиторъ банка оставляетъ за собою право опредѣленія той минуты, въ которую онъ захочетъ потребовать свои деньги обратно, когда время предъявленія платежнаго требованія уже не входитъ въ составъ договора банка съ его кредиторомъ. Банкъ въ этомъ случаѣ можетъ только стараться выговорить себѣ право отсрочки исполненія платежнаго требованія въ извѣстный срокъ по его предъявленіи. Такимъ образомъ возникаютъ условные вклады, самый удобный видъ безсрочныхъ банковыхъ обязательствъ. Дѣло однако значительно усложняется, и само собою, и для банка въ томъ случаѣ, когда кредиторъ на отсрочку не согласенъ. Тогда для банка возникаетъ необходимость—разъискивать тѣ основанія, на которыхъ онъ могъ бы безопасно распоряжаться ввѣренными ему деньгами. Эти основанія онъ находитъ, наблюдая за тѣмъ, въ какой пропорціи деньги къ нему приливаютъ для безсрочнаго пользованія ими банкомъ, и въ какой мѣрѣ онѣ, деньги, отъ него отливаютъ для удовлетворенія платежныхъ требованій по его безсрочнымъ обязательствамъ. Очевидно, чѣмъ меньшую пропорцію будетъ составлять отливъ денегъ отъ банка для этого удовлетворенія, и чѣмъ короче будетъ срокъ, на который самъ банкъ открываетъ кредитъ своимъ кліентамъ, тѣмъ быстрѣе будутъ обращаться его оборотныя средства.

Эта быстрота однако находится въ тѣсной зависимости отъ того, дожидается ли банкъ, чтобы безъ его содѣйствія ему приносились бы деньги на текущіе счеты и безсрочные вклады, или онъ самъ этому содѣйствуетъ. Въ первомъ случаѣ онъ находится въ зависимости отъ условій внѣшнихъ и отъ количества имѣющихся наличныхъ средствъ, готовыхъ отправляться въ банкъ; онъ самъ

не въ состояніи сильно вліять на это количество. Иное однако происходитъ, когда банкъ успѣлъ возбудить къ себѣ довѣріе. Тогда ему не нужно имѣть права выпускать банковые билеты и онъ безъ этого права можетъ себѣ пріобрѣсти всѣ сопряженныя съ нимъ выгоды. Для этого достаточно только одного:—чтобы лица, пользующіяся у него кредитомъ, при учитываніи ихъ векселей и выдачѣ имъ ссудъ, согласились получаемыя ими деньги обратно вносить въ банкъ на вклады. Банку нужно только позаботиться о пріобрѣтеніи довѣрія къ векселямъ, чекамъ и ордерамъ, которые на него трассируются, или, вообще, къ приказамъ платежей, которые на его имя выдаются, чтобы они принимались при платежахъ въ возможно болѣе широкомъ кругѣ лицъ: чтобы ими можно было уплачивать и долги, и при покупкѣ фондовъ, и при покупкахъ товарныхъ и при платахъ за услуги. Разъ онъ этого довѣрія добился и разъ оно упрочено, онъ можетъ уже и не завидовать банкамъ, имѣющимъ право выпускать билеты. Англійскіе акціонерные банки весьма легко примирились съ парламентскимъ полу-запретомъ не пользоваться эммиссіонною операціею вслѣдствіе того именно, что они добились почти неограниченнаго довѣрія къ своимъ чекамъ и вслѣдствіе того, что у нихъ не берутъ наличныхъ денегъ, а удовлетворяются открытіемъ текущихъ счетовъ. Чеки, ордера, акцепты и право открывать текущіе счеты подъ кредитъ производительной предпріимчивости, обезпеченный или ея личными качествами, или инымъ видомъ имущества, представляютъ собою, такимъ образомъ, весьма удобный суррогатъ банковыхъ билетовъ. Вслѣдствіе того, что эммиссіонная операція повсюду обставлена болѣе или менѣе стѣснительными условіями и имѣетъ противъ себя немало предразсудковъ, операція открытія текущихъ счетовъ постепенно стала вытѣснять эммиссіонную. Чеки и вообще приказы о производствѣ платежей занимаютъ мѣсто банковыхъ билетовъ.

Не слѣдуетъ слишкомъ тѣсно связывать дѣло съ тою формою, въ которой его всегда привыкли встрѣчать, и воображать, что одна только форма для него и возможна. Не нужно поэтому воображать, что если банкъ не имѣетъ права выпускать билеты,

то для него уже и закрыта эммиссіонная операція и соединенныя съ нею выгоды. Эммиссіонная операція заключается не въ одномъ только выпускѣ билетовъ; выпускъ билетовъ только одна изъ формъ ея проявленія, одинъ способъ пользоваться ею. Но сверхъ этой формы и этого способа существуютъ еще другія формы и другіе способы. Сама же по себѣ эммиссіонная операція заключается въ возможности для банка обязываться не только предъ тѣми, которые ему передаютъ наличныя деньги, но и предъ тѣми, которые инымъ образомъ готовы ему оказывать кредитъ. Если я принимаю въ платежъ долга за проданные мною товары банковый акцептъ, то банкъ относительно меня пользуется также точно эммиссіонною операціею, какъ если бы я принялъ его билетъ. То же самое бываетъ, если я принимаю въ платежъ чекъ на банкъ. Чрезъ посредство эммиссіонной операціи банкъ получаетъ возможность давать своимъ кліентамъ должникамъ средства покупать и расплачиваться безъ наличныхъ. Чѣмъ же они расплачиваются? Кредитомъ банка. Мнѣ, быть можетъ, товара не довѣрили бы. Безъ наличнаго платежа мнѣ бы не уступили цѣнностей. Я прибѣгаю поэтому къ банку: у банка имѣется тотъ кредитъ, котораго мнѣ недостаетъ, и вотъ этимъ-то кредитомъ я покупаю товары или фонды. На что разсчитываетъ банкъ, выпуская билеты? На то, что ему оказываютъ кредитъ. По истеченіи срока кредита я въ уплату принесу банку наличныя деньги. Тогда онъ этими наличными въ состояніи будетъ расчитаться и по долгу, представляемому его билетами. Слѣдовательно, важно только, чтобы мой платежъ банку совпадалъ по времени съ платежемъ самаго банка. Обратный пригокъ билетовъ въ банкъ долженъ совпадать съ обратными уплатами банку.

Внимательный разборъ банковыхъ операцій, ихъ природы и значенія, ихъ цѣлей и средствъ приводитъ къ заключенію, что какія бы онѣ ни имѣли различныя названія и какія бы отличительныя особенности каждая изъ нихъ въ отдѣльности ни имѣла бы, онѣ при всемъ томъ имѣютъ и одну общую природу. Правило, выражающее эту общую ихъ природу, не терпитъ никакихъ

исключеній въ пользу какой бы то ни было операціи. Природа же *всякой* банковой операціи заключается въ полученіи покупательной силы для ея помѣщенія.

Сказаннымъ мы желали въ общихъ чертахъ указать на степень невѣрности ходячихъ у насъ взглядовъ на наше банковое дѣло и его отличіе отъ западно-европейскаго. Никакое законодательство не въ состояніи услѣдить достаточно зорко за банкомъ, чтобы открыть, какіе онъ открываетъ текущіе счеты, за внесенныя ли ему наличныя деньги или безъ нихъ. Да и какъ быть въ томъ случаѣ, когда банку вносятся на текущій счетъ деньги, отъ него же полученныя? Я получилъ деньги отъ банка и внесъ ихъ на текущій счетъ къ нему-же. Законъ, требующій, чтобы текущіе счеты открывались только за наличныя, удовлетворенъ. Но такъ какъ деньги, которыя я взялъ у банка, я ему тотчасъ же возвратилъ, то онъ можетъ ихъ немедленно передать второму лицу. Второе дѣлаетъ то же, что я сдѣлалъ, деньги переходятъ къ третьему лицу, поступающему какъ второе и т. д., если не до безконечности, до того пункта, гдѣ банку угодно будетъ положить конецъ дѣлу. Очевидно, что никакой законъ *тутъ* ничего не подѣлаетъ.

Если довѣріе къ вкладному банку упрочилось и его чеки всѣми принимаются, онъ получаетъ возможность вліять на мѣстный денежный рынокъ такъ же сильно, какъ и эммиссіонный банкъ. Потому что онъ въ такомъ случаѣ дѣйствуетъ совсѣмъ уже не одними только наличными средствами данной мѣстности, но и своимъ собственнымъ кредитомъ, на размѣръ котораго онъ расширяетъ мѣстное денежное обращеніе. Поступающія къ нему наличныя средства, онъ, подобно эммиссіонному банку, держитъ уже у себя, чтобы имѣть въ нихъ, какъ и въ долгахъ, которымъ срокъ истекаетъ, средства для встрѣчи поступающихъ къ нему платежныхъ требованій. Другими словами, сумма процентовъ, въ которые ему обходятся наличныя средства, ему необходимыя на эту встрѣчу, только и опредѣляетъ его затраты. Сильное развитіе чековъ и текущихъ счетовъ въ современной Англіи убѣдительно доказываетъ, что кредитно-денежное обращеніе, на нихъ основанное, гораздо выгоднѣе

основаннаго на банковыхъ билетахъ. Извѣстно, что увеличеніе обращенія послѣднихъ въ Англіи далеко не шло параллельно развитію торговли и промышленности, а напротивъ сильно отъ послѣдняго отставало. Произошло это отъ вытѣсненія билетовъ—чеками.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній объ эммиссіонной операціи и ея отношенію къ операціи вкладовъ мы перейдемъ къ разсмотрѣнію ея отдѣльныхъ видовъ.

Основныхъ видовъ, въ которыхъ производится эммиссіонная операція, два: одинъ заключается въ пріемѣ *вкладовъ* съ выпускомъ долговыхъ документовъ, свидѣтельствующихъ объ этомъ пріемѣ, другой заключается въ выпускѣ безсрочныхъ и безпроцентныхъ долговыхъ знаковъ на предъявителя, подлежащихъ оплатѣ немедленно по первому востребованію. Замѣтимъ однако, что уже при этой первой характеристикѣ основныхъ видовъ, въ которыхъ производится эммиссіонная операція, различія между ними совсѣмъ не видно, ибо и документы, свидѣтельствующіе о пріемѣ вклада, тоже могутъ быть безсрочные и безпроцентные и также могутъ подлежать оплатѣ всякому предъявителю ихъ немедленно по востребованію. Таковы чеки по безпроцентнымъ текущимъ счетамъ, о коихъ рѣчь ниже будетъ подробнѣе. Уже при первой встрѣчѣ съ двумя основными видами эммиссіонной операціи мы встрѣчаемся съ искусственностью и произвольностью классификаціи, на которой они основаны. Чтобъ близко опредѣлить второй видъ его, приходится характеризовать не по какому-либо его внутреннему признаку, а по чисто внѣшней его сторонѣ: по его названію «банковымъ билетомъ» и по тому признаку, что съ нимъ связаны историческія воспоминанія о злоупотребленіяхъ, которымъ онъ подвергался.

41. Операція пріема вклада представляетъ одну изъ тѣхъ основныхъ операцій, по которымъ въ настоящее время банки получаютъ свое именованіе. Банкъ, котораго главная часть оборотныхъ средствъ получается путемъ пріема вкладовъ, называется *вкладнымъ* или *депозитнымъ*.

Пріемъ вклада есть *операція займа*, заключаемаго банкомъ у лица, владѣющаго капиталомъ, въ которомъ это лицо не нуждается въ данное время для собственныхъ своихъ дѣлъ и предпріятій. Операція пріема вкладовъ представляетъ, такимъ образомъ, непрерывный рядъ дѣйствій, которыми капиталы, свободные отъ употребленія самыми ихъ владѣльцами, собираются и сосредоточиваются у учрежденій или лицъ, производящихъ эту операцію.

Разнообразіе видовъ, въ которыхъ она проявляется, имѣетъ своимъ основаніемъ разнообразіе особенностей, которыми отличаются капиталы, собираемые путемъ вкладовъ. Вслѣдствіе этихъ особенностей, не изъ всѣхъ капиталовъ могутъ быть образовываемы одни и тѣ-же виды вкладовъ. Банкамъ и банкирамъ приходится заключать различные займы для сосредоточенія у себя свободныхъ капиталовъ путемъ пріема вкладовъ. И отъ этихъ-то различій въ условіяхъ заключенія займовъ для собиранія вкладовъ являются и различія между разными видами вкладовъ.

Прежде всего очевидно, что учрежденія, которыя не разсчитаны на какое-либо опредѣленное время, придаютъ свой какъ-бы вѣчный характеръ и своему имуществу. Такое учрежденіе представляетъ, напримѣръ, городъ. Городской капиталъ получаетъ своеобразный характеръ отъ одного того, что онъ принадлежитъ учрежденію, которому нечего опасаться смерти или истеченія какого-либо срока, послѣ котораго прекратится его существованіе. Такой-же характеръ имѣютъ капиталы благотворительныхъ учрежденій, монастырей и т. п. Собирая такіе капиталы, банки поставлены въ особенно благопріятныя условія. Они въ этихъ случаяхъ имѣютъ дѣло съ кредиторомъ, который не нуждается въ своемъ капиталѣ къ извѣстному сроку, который можетъ отдать свой капиталъ на самый продолжительный срокъ, который можетъ отдать свой капиталъ даже навсегда. Независимо отъ учрежденій и отдѣльныя лица могутъ располагать имуществомъ, въ распоряженіи которымъ ихъ не стѣсняетъ никакая напередъ предвидимая надобность въ немъ, для какой-бы то ни было цѣли, текущей или будущей. Конечно, такое имущество, равно какъ вышеупомянутое имущество

корпорацій, легко найдетъ себѣ занятіе не въ однихъ только банкахъ. Въ настоящее время въ особенности большое значеніе именно для имуществъ, принадлежащихъ къ разрядамъ корпоративныхъ или совершенно свободныхъ для своихъ владѣльцевъ, получили облигаціи государственныя, желѣзнодорожныя или землевладѣльческія (ипотечныя, все равно выпускаемыя ли непосредственно землевладѣльцами или посредниками). Необходимо поэтому признать, что насколько, путемъ этихъ облигацій, собираются для какихъ-либо предпріятій тѣ же самые капиталы, которые банками собираются путемъ соотвѣтственнаго имъ вида вкладовъ, настолько не существуетъ и внѣшняго различія между этимъ видомъ вкладовъ и долгосрочными облигаціями. Вклады, соотвѣтствующіе капиталамъ, наиболѣе свободнымъ, и всего ближе по своему наружному виду подходящіе къ облигаціямъ, называются *вѣчными*.

Вѣчные вклады представляютъ собою деньги, полученныя банками на все время, пока они сами будутъ существовать. Пока банкъ продолжаетъ свое существованіе, деньги отъ вѣчныхъ вкладовъ не могутъ быть у него требуемы обратно. Право обратнаго востребованія возникаетъ только вмѣстѣ съ прекращеніемъ дѣятельности банка. Деньги отъ вѣчныхъ вкладовъ, такимъ образомъ, какъ-бы уподобляются собственному капиталу банка, который также распредѣляется между его пайщиками, когда дѣятельность банка прекращается.

Спрашивается, какіе-же интересы, какія выгоды могутъ склонить къ предпочтенію вѣчнаго вклада долевому участію въ капиталѣ банка и вообще другимъ способамъ ввѣренія денегъ банку?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо различить вѣчные вклады естественные отъ вѣчныхъ вкладовъ искусственныхъ. Естественнымъ вѣчнымъ вкладомъ будетъ такой, который банку довѣряется учрежденіемъ, не разсчитаннымъ на опредѣленный срокъ и располагающимъ условіями непрерывнаго существованія. Такое учрежденіе, выбирая доходное помѣщеніе для своего свободнаго капитала, будетъ главнымъ образомъ имѣть въ виду непрерывную вѣрность помѣщенія и постоянную исправность платежей. Исправ-

ность и вѣрность для него такъ дороги и важны, что оно въ состояніи будетъ, ради нихъ, пожертвовать сравнительно большими выгодами, которыя оно, можетъ быть, получало бы отъ долеваго участія въ капиталѣ банка, но которыя были-бы связаны со страхомъ иногда и ничего не получить. Но, сверхъ того, вѣчность вклада можетъ получить свое оправданіе только тогда, когда нѣтъ довѣрія къ тому, чтобы само учрежденіе могло имѣть непрерывную заботу о доходности своего капитала, когда его необходимо освободить отъ этой заботы и когда чужою предпріимчивостью необходимо обезпечить постоянную доброкачественность этой заботы.

Иное намъ представляютъ искусственные вѣчные вклады. Таковыми мы называемъ вклады, получаемые отъ частныхъ лицъ. Когда частное лице уподобляетъ себя учрежденію, помѣщающему свои деньги на вѣчные вклады, оно иммобилизируетъ, дѣлаетъ неподвижнымъ для себя и своихъ потомковъ такой капиталъ, въ которомъ для него или его потомковъ можетъ возникнуть надобность для производительныхъ или дѣловыхъ цѣлей. Городъ или благотворительное учрежденіе не ведутъ оборотовъ. Ихъ деньги не имѣютъ вовсе назначенія служить для оборотовъ. Они могутъ, значитъ, и отказываться отъ этого назначенія: ибо, строго говоря, они въ подобномъ случаѣ ни отъ чего не отказываются. Иное дѣло частное лице. Для него не можетъ быть интереса навсегда отказываться отъ собственнаго употребленія своихъ денегъ для производительныхъ цѣлей. Иначе оно закрываетъ для себя одинъ изъ источниковъ производительной дѣятельности. Какъ-бы ни цѣпился высоко интересъ отъ того, что доходъ, получаемый отъ капитала, разъ навсегда обезпеченъ, этотъ интересъ будетъ ниже жертвуемой возможности поднять самый доходъ. Вѣчный вкладъ свидѣтельствуетъ поэтому о недовѣріи, питаемомъ этимъ лицемъ къ своимъ собственнымъ производительнымъ качествамъ, равно какъ и къ производительнымъ качествамъ своихъ потомковъ, для которыхъ пріобрѣтается вѣчный опекунъ въ лицѣ банка.

Во всякомъ случаѣ, вѣчный вкладъ представляетъ какъ-бы покупку вѣчнаго дохода за извѣстный капиталъ. Но разъ доходъ

прекращается, капиталъ долженъ быть возвращенъ. Такимъ вѣчный вкладъ представляется съ точки зрѣнія вкладчика. Съ этой точки зрѣнія онъ, понятно, тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ выше доходъ, по нему уплачиваемый. Наоборотъ, съ точки зрѣнія банка, вѣчный вкладъ является какъ-бы средствомъ увеличивать свой капиталъ на такую часть, которой доходность преимущественно обезпечена предъ главной частью. Такъ какъ за вѣчные вклады платятся самые высокіе изъ уплачиваемыхъ банкомъ процентовъ, то понятно, что для банка вовсе нѣтъ такого сильнаго интереса привлекать къ себѣ вѣчные вклады. Послѣдніе, правда, не безпокоятъ банкъ своею срочностью и обратною востребуемостью. Но и собственный капиталъ этимъ не безпокоитъ, а изъ денежныхъ выгодъ вовсе не всегда полезно увеличивать свой собственный капиталъ. Вѣчный вкладъ для банка можетъ оказаться неудобнымъ, стѣснительнымъ и непріятнымъ тою своею стороною, которою онъ опредѣляетъ разъ навсегда обязательства безъ всякой надежды на то, чтобы улучшившіяся обстоятельства могли когда-либо вліять на облегченіе этихъ обязательствъ. Банкъ долженъ имѣть возможность распоряжаться размѣромъ средствъ, которыми онъ работаетъ. Онъ долженъ имѣть возможность сокращать и расширять ихъ, когда онъ найдетъ необходимымъ, удобнымъ и выгоднымъ то или другое. Но вѣчный вкладъ въ этомъ отношеніи связываетъ руки и банку. Въ такое время, когда банку было-бы нужно сократить свои средства, вѣчный вкладъ будетъ, однако, тяготить его всѣмъ вѣсомъ соединеннаго съ нимъ обязательства, уплачивать за него самый высокій процентъ. Такимъ образомъ вѣчность вклада можетъ оказываться стѣснительною, какъ для его собственника, такъ и для банка. Но при этомъ періоды неудобства вѣчнаго вклада для собственника рѣдко будутъ совпадать съ періодами его неудобства для банка. Во время оживленія торговли и промышленности, когда всѣмъ нужны деньги, банкъ, конечно, будетъ радъ своему вѣчному вкладу. Но собственникъ будетъ жалѣть того, что деньги не могутъ имъ быть получены обратно. Напротивъ, въ періоды застоя торговли и промышленности, когда капиталы малодоходны или бездоходны, банку при-

дется жалѣть того, что въ такое время онъ долженъ платить высокіе проценты за ненужныя ему деньги, хотя собственникъ и будетъ радъ этому обстоятельству. Такимъ образомъ вѣчный вкладъ разрываетъ интересы лицъ, заключающихъ договоръ о банковомъ помѣщеніи денегъ. Вѣчный вкладъ вовсе не доказываетъ сильнаго довѣрія, внушаемаго къ себѣ банкомъ частнымъ лицамъ. Онъ доказываетъ только неумѣніе распоряжаться капиталомъ, которое признано вѣчнымъ. Банкъ, который дѣйствительно внушилъ къ себѣ довѣріе, будетъ предпочитать поэтому срочные вклады, которые его вводятъ въ меньшіе расходы и ослабляютъ его связанность.

42. Совершенно иное значеніе имѣютъ *срочные* вклады. Основанія ихъ могутъ быть, и дѣйствительно бываютъ, весьма различныя. Самое простое ихъ основаніе представляется сберегательною цѣлью, желаніемъ сберечь деньги до извѣстнаго времени, когда въ нихъ предвидится надобность. Смотря по продолжительности срока, по истеченіи котораго предвидится надобность въ деньгахъ, и сроки отсюда возникающихъ вкладовъ будутъ весьма различны: вклады будутъ на годъ, на два, три года, пять, десять, пятнадцать и т. д. лѣтъ. Понятно, однако, что эти сроки не могутъ расти до безконечности: большею частью они коротки.

Принимая подобные вклады, банки дѣйствуютъ (функціонируютъ) въ качествѣ учрежденій для облегченія и для обстановки лучшими условіями сбереженія свободныхъ остатковъ изъ доходовъ, получаемыхъ разными лицами отъ своего имущества или своей дѣятельности. Но такъ какъ веденіе счетовъ различнымъ суммамъ, вносимымъ отдѣльными лицами на вклады, сопряжено съ расходами, то банки принимаютъ подобныя суммы, начиная отъ такого ихъ размѣра, при которомъ прибыль отъ пользованія ими покрываетъ расходы на нихъ и даетъ еще какой либо излишекъ для банка. Другими словами, банки могутъ служить сберегательными учрежденіями не для всякихъ мелкихъ суммъ и не для всякихъ лицъ, а только начиная съ лицъ и суммъ, представляющихъ уже извѣстную степень состоятельности. Но упрощеніемъ счето-

водства, съ одной стороны, а съ другой—иногда даровымъ счетоводствомъ, банки могутъ ставить себѣ цѣлью—собиранія самыхъ мелкихъ сбереженій. Отъ размѣра того итога, въ который собираются всѣ мелкія сбереженія, вмѣстѣ взятыя, зависитъ и выгода ихъ сосредоточенія въ банковыхъ учрежденіяхъ, или въ такъ называемыхъ сберегательныхъ кассахъ. Послѣдніе начинаютъ отживать свое время, когда мелкія сбереженія начинаютъ составлять крупныя суммы. Контролеръ денежнаго сбереженія Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки въ своемъ отчетѣ за 1872 годъ указываетъ на сберегательныя кассы, какъ на опаснаго конкуррента (formidable competitor) банковъ въ ихъ операціяхъ по вкладамъ. Такъ въ сберегательныхъ кассахъ ново-англійскихъ штатовъ къ концу 1871 года было вкладовъ 312.333,479 долл., а въ ихъ банкахъ въ три раза меньше.

Выгода банковаго способа организаціи сберегательнаго оборота заключается въ слѣдующемъ. Съ одной стороны банки, сосредоточивая въ себѣ сбереженія, соединяютъ ихъ въ болѣе или менѣе значительныя массы, которыя имъ легко приноровлять къ болѣе или менѣе крупнымъ помѣщеніямъ, находимымъ ими съ большею легкостью. Съ другой — лица, производящія сбереженія, въ то же самое время не принуждены ихъ держать въ мертвомъ и безполезномъ для нихъ состояніи до того времени, когда деньги имъ самимъ понадобятся. Пока длится производство сберегательнаго оборота, параллельно, совмѣстно и одновременно съ нимъ идетъ производительное и доходное употребленіе сберегаемыхъ суммъ, могущее усиливать и самое сбереженіе. Для всего народнаго хозяйства польза та, что сбереженіе не является дѣломъ отвлеченія денежнаго капитала отъ всего оборота, что сбереженія немедленно же приносятъ пользу, что сбереженіе немедленно эксплоатируется тѣмъ же хозяйственнымъ періодомъ, который его производитъ, что деньги уходятъ изъ оборота на сбереженія такъ, что онѣ тотчасъ же въ немъ обратно появляются для новаго извлеченія изъ нихъ выгодъ и пользы, что денежный капиталъ, такимъ образомъ, непрерывно доходенъ и полезенъ для всѣхъ.

Банки, такимъ образомъ, и облегчаютъ отдѣльнымъ лицамъ дѣло составленія болѣе или менѣе крупныхъ капиталовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ освобождаютъ весь торгово-промышленный міръ отъ необходимости дожидаться того вождѣленнаго для отдѣльнаго лица времени, когда у него образуется капиталъ. Пока одно лицо составляетъ себѣ капиталъ, другія продолжаютъ свои дѣла и обороты, ничѣмъ не стѣсняемые. Сбереженіе не прерываетъ теченіе дѣлъ и, благодаря банкамъ, ничѣмъ ему не препятствуетъ. Банки слѣдовательно уничтожаютъ (парализуютъ) въ сбереженіи такую сторону, которою безъ нихъ оно пораждало бы неудобства. Безъ нихъ сбереженія уменьшали бы сумму обращающихся средствъ. Благодаря банкамъ, этого не происходитъ. *Банки, такимъ образомъ, совершенствуютъ самый ходъ образованія капиталовъ у отдѣльныхъ лицъ*, и притомъ какъ къ выгодѣ этихъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и къ выгодѣ всего промышленнаго и торговаго міра и всего народнаго хозяйства.

Кромѣ сбереженій, другой источникъ для срочныхъ вкладовъ представляютъ суммы тѣхъ частныхъ лицъ, которыя сами не ведутъ никакихъ производительныхъ оборотовъ и которыя готовы были бы заимообразно отдавать ихъ торговому и промышленному или вообще нуждающемуся люду, по которымъ общественное положеніе препятствуетъ заниматься этимъ дѣломъ. Срочной надобности въ своихъ деньгахъ такія лица не имѣютъ. Отъ довѣрія, которое имъ внушаетъ къ себѣ банкъ, и зависитъ въ такомъ случаѣ срокъ, на который они ему передаютъ свои средства. Срокъ въ подобныхъ случаяхъ играетъ роль какъ бы контроля, который вкладчики-вѣрители имѣютъ надъ своимъ должникомъ-банкомъ. Одни считаютъ необходимымъ контролировать въ годъ одинъ разъ, другіе разъ въ два, три года, пять или болѣе лѣтъ. Они поэтому и требуютъ, чтобъ къ такому-то сроку банкъ былъ готовъ возвратить взятыя у нихъ деньги. Внутренней же необходимости, которая бы предписывала имъ тѣ или другіе сроки, для этого рода вкладовъ нѣтъ. Польза отъ банковой организаціи собиранія и утилизированія этого рода денегъ та же, что и описанная выше. Въ стра-

нахъ, въ которыхъ предпріимчивость не вошла еще въ привычки всѣхъ общественныхъ слоевъ и въ которыхъ еще господствуютъ различные предразсудки, по отношенію къ промышленнымъ занятіямъ, срочные вклады спасаютъ очень большіе денежные капиталы отъ угрожающаго имъ омертвѣнія въ рукахъ ихъ собственниковъ. Банки оживотворяютъ эти капиталы, собирая ихъ у себя и передавая ихъ промышленному обороту.

Непрерывная производительность и доходность всѣхъ силъ, которыми располагаетъ всякое данное время, единственнымъ своимъ основаніемъ можетъ имѣть только никогда не прерывающуюся возможность собрать эти силы около выгодной цѣли, сосредоточить ихъ въ одномъ какомъ-либо центрѣ, представляющемъ доходное предпріятіе. Для этой возможности собирать и сосредоточивать производительныя средства, прежде всего необходимо, чтобы онѣ ни на одно мгновеніе не теряли своей подвижности, чтобы ихъ всегда можно было перевести изъ однихъ (менѣе) производительныхъ рукъ въ другія (болѣе) производительныя руки. Въ свою очередь постоянная подвижность экономическихъ силъ и средствъ предполагаетъ непрерывное дѣйствіе орудій обращенія или денегъ въ той функціи, которою подвижность порождается.

Оборотными средствами банковъ могутъ всегда быть только свободныя средства отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ, т. е. тѣ, для которыхъ сами ихъ владѣльцы не могутъ найти производительнаго и доходнаго занятія, — которыя свободны отъ необходимости быть затраченными на ихъ собственныя надобности, которыя могутъ и должны переходить въ другія руки, чтобы стать производительными и доходными. Иными словами: только ссудный капиталъ, или ссудныя средства могутъ быть оборотными для банковъ. Но ссудныя средства въ настоящее время все меньше и меньше являются въ видѣ срочно свободныхъ средствъ. Характеръ современной жизни очень мало благопріятствуетъ готовности, чтобъ владѣльцы свободныхъ сбереженій сами парализовали свою предпріимчивость на опредѣленные сроки и осуждали ее на бездѣятельность въ теченіи этихъ сроковъ. Напротивъ, современныя условія жизни отдаютъ

и поддерживаютъ во всякомъ капиталистѣ надежду, что не сегодня, такъ завтра, не въ данный моментъ, то въ другой, *могущій совершенно неожиданно возникнуть*, для него представится весьма удобный случай — выступить впередъ со своею предпріимчивостью. Именно прогрессъ производительности, именно возрастающая возможность въ теченіи короткаго времени быстро утилизировать множество условій, благопріятствующихъ экономической дѣятельности, все болѣе и болѣе устраняютъ необходимость выжидать, когда-то, наконецъ, представятся благопріятныя условія. Эти условія представляются теперь такъ часто, что выжидать приходится только *наилучшихъ* между ними. Но, понятно, что появленіе наилучшихъ условій успѣха менѣе закономѣрно и труднѣе можетъ быть предусматриваемо. Не можетъ быть, поэтому, точно напередъ опредѣленъ и срокъ, до котораго капиталъ будетъ оставаться свободнымъ. Вотъ почему задача банковъ и заключается въ томъ, чтобы розыскивать ссудный капиталъ въ какихъ-бы захолустьяхъ народнаго хозяйства онъ ни скрывался, подъ какою бы шапкою невидимкою онъ ни утаивался, въ какой-бы неузнаваемый видъ онъ ни превращался. Только тогда, когда банкамъ удается разрѣшить эту задачу, они дѣйствительно достигаютъ и того, что всѣ средства народнаго хозяйства получаютъ возможность стать непрерывно-производительными: какъ тѣ, которыя находятъ себѣ доходное занятіе въ рукахъ своихъ владѣльцевъ, такъ и тѣ, которыхъ сами владѣльцы ихъ занятія дать не могутъ.

Для избѣжанія односторонности и неполноты взгляда, важно имѣть въ виду, что ссудный (свободный) капиталъ не всегда необходимо выражается въ формѣ денежныхъ запасовъ. Такую форму новыя сбереженія принимаютъ только тогда, когда лица образующія ихъ, совсѣмъ отказываются предрѣшать, на что новыя сбереженія будутъ употреблены. Но въ настоящее время связь между слѣдующими другъ за другомъ экономическими періодами стала до того близка, данныя для предусмотрѣнія будущихъ потребностей столь увеличились, основаній для предрѣшенія предстоящаго употребленія новыхъ сбереженій такъ много, — что большая часть

этихъ новыхъ сбереженій прямо и непосредственно уже является въ видѣ опредѣленныхъ цѣнностей: суровья, машинъ, паевъ коллективныхъ предпріятій. Свободный капиталъ въ этомъ случаѣ имѣетъ видъ какъ-бы уже помѣщеннаго. На самомъ дѣлѣ однако внѣшняя форма далеко не измѣняетъ его природы. Онъ остается ссудпымъ капиталомъ, т. е. такимъ, котораго доходность и производительность возможны только при кредитномъ его сбытѣ. Этого и разъяснять не было-бы надобности, если-бы ходячія воззрѣнія не склоняли-бы къ ошибочной мысли, будто деньги иначе и не могутъ быть сбываемы, какъ путемъ кредита,—какъ будто въ тѣхъ случаяхъ, когда деньги употребляются на покупки, а не на отдачу ихъ въ ссуды, онѣ не сбываются. Владѣлецъ сбереженій въ денежной формѣ, который самъ не можетъ для нихъ найти помѣщенія, успокоивается тогда, когда посредничество банка находитъ его деньгамъ доходное занятіе. Владѣлецъ сбереженій въ формѣ опредѣленныхъ цѣнностей нуждается въ иномъ: ему нуженъ покупатель для его цѣнностей прежде всего, т. е. кто нибудь, кому онъ можетъ довѣрить свой капиталъ. Если онъ самъ такого покупателя не находитъ, ему нужно, чтобы банкъ его доставилъ, или поручившись за него, или замѣнивъ его обязательства своими, или снабдивъ его средствами.

43. До сихъ поръ, говоря о способахъ, кои банками употребляются для пользованія источниками оборотныхъ средствъ, мы имѣли въ виду такія поступающія на вклады деньги, которыя изъяты, такъ сказать, ихъ собственниками изъ живаго оборота и которыя какъ бы спасаются банками. Хотя суммы этихъ денегъ сами по себѣ безспорно велики, но онѣ ничтожны, сравнительно съ тѣми суммами, которыя ихъ собственниками употребляются для производительнаго дѣла. Банки однако сосредоточиваютъ у себя, если они разъ возбудили къ себѣ довѣріе, деньги не только перваго рода, но и втораго. Отъ этого-то послѣдняго источника идутъ суммы совершенно своеобразнаго свойства, которыя банки могутъ занимать на осо-

бых условіяхъ и которыя порождаютъ, вслѣдствіе того совершенно особый видъ вкладовъ, именно *безсрочныхъ*.

Такимъ образомъ тѣ свободныя средства, которыя банкъ долженъ имѣть въ виду, чтобы не оставить ни одинъ изъ своихъ источниковъ нетронутымъ, скрываются подъ различными внѣшними покровами. Ко всѣмъ имъ банкъ долженъ найти доступъ. Для этого-то *онъ долженъ усовершенствовать циркуляціонный механизмъ*, насколько этотъ механизмъ состоитъ изъ наличныхъ денегъ, чтобы *увеличить* количество полезнаго его дѣйствія, или, что тоже самое, *сберечь* часть той силы, которою производится прежнее количество полезнаго дѣйствія. Сбереженная такимъ образомъ часть представляетъ *новый* источникъ безсрочныхъ оборотныхъ средствъ для банка. Затѣмъ, при несовпаденіи моментовъ начала и конца у всѣхъ предпріятій народнаго хозяйства, эти предпріятія въ различные моменты оказываются способными становиться кредиторами, въ различные моменты должны стать должниками. Не въ одни и тѣ же моменты всѣмъ предпріятіямъ сразу предстоитъ получать или дѣлать платежи. Не всѣмъ предпріятіямъ необходимо непосредственно вслѣдъ затѣмъ, какъ они получаютъ платежи, и производить таковые. И вотъ для банковъ является еще одинъ *новый* источникъ безсрочныхъ средствъ. То обстоятельство, что народное хозяйство представляетъ сѣть предпріятій, распредѣленныхъ и соединенныхъ не только въ пространствѣ, но и во времени, порождаетъ возможность, чтобы онѣ находились въ отношеніяхъ взаимной задолженности, которая также распредѣляется на различные моменты времени. Капиталы въ видѣ цѣнностей и предстоящіе платежи — предметъ этой взаимной задолженности. *Къ тѣмъ центромъ стремятся стать банки.* Около нихъ сосредоточиваются какъ тѣ, которые сегодня кредиторы, а завтра станутъ должниками, такъ и тѣ, которые сегодня должники, а завтра станутъ кредиторами. Банки вслѣдствіе того получаютъ возможность, благодаря только одному, что они становятся *центрами долговыхъ отношеній*, значительныя массы ихъ *погашать взаимностью, безъ всякого посредничества денегъ*. Покупки въ кредитъ, благодаря банкамъ, погашаются непосредственно продажами въ кре-

дитъ и только для разностей между ними нужны деньги. Полученные въ кредитъ капиталы, воспроизводясь и возстановляясь въ рукахъ предпріимчивости, сами погашаютъ долги, путемъ которыхъ они были приведены къ послѣдней. Кредитъ, окончивъ свое дѣло и достигнувъ своей цѣли, самъ собою какъ-бы улетучивается. Самая значительная часть имущественныхъ отношеній отдѣльныхъ людей, предпріятій и хозяйствъ другъ къ другу—устанавливается и разрѣшается путемъ однихъ только орудій обращенія. И нѣтъ надобности прибѣгать къ деньгамъ, какъ къ представителямъ празднаго капитала, чтобы заканчивать эти отношенія. Уменьшается и доводится до minimum'а надобность держать для этого праздные запасы, т. е. непроизводительныя средства. Производительныя средства сами обладаютъ уже достаточною силою, чтобы доводить до конца отношенія, ими порождаемыя. Они становятся на это способными, благодаря той эффективности, съ которою дѣйствуютъ денежныя орудія, находящіяся подъ вліяніемъ кредита, и тѣ кредитныя орудія обращенія, которыя непосредственно вызываются кредитомъ. Само собою разумѣется, что и денежныя орудія обращенія, находящіяся подъ вліяніемъ кредита, дѣйствуютъ быстрѣе, благодаря тѣмъ толчкамъ, которыя ихъ подвижности сообщаютъ спеціальныя орудія обращенія, для этихъ толчковъ вызываемыя банками. И такимъ-то образомъ достиженіе банками цѣли, которой они служатъ, въ концѣ-концовъ выражается двумя самыми основными фактами, которыми выражается банковая организація кредита: фактомъ сосредоточенія около банковъ *всѣхъ* подлежащихъ или могущихъ подлежать кредитному сбыту денегъ и цѣнностей и фактомъ созданія *особаго циркуляціоннаго механизма* для того, чтобы сообщить *всей* имѣющейся массѣ денегъ и цѣнностей наибольшую скорость движенія, наибольшую подвижность.

Ошибочно было-бы разсматривать эти два факта, какъ обособленные и имѣющіе независимое другъ отъ друга существованіе. Они не выражаютъ двухъ отдѣльныхъ функцій банковъ. Они—напротивъ — двѣ стороны одного и того-же явленія, всегда только вмѣстѣ и могущія существовать. Они различны, какъ различны

составныя части сложнаго цѣлаго, но не болѣе. Каждый разъ, когда кредитъ проявляется, все равно, получилъ-ли онъ твердую организацію въ банковой системѣ или еще переживаетъ зачаточный періодъ, мы имѣемъ предъ собою и факты появленія несуществовавшаго до того орудія обращенія (т. е. вліяніе покупательной силы, не дѣйствовавшей до того, а теперь являющейся причиною новаго движенія) и другой фактъ болѣе производительнаго распредѣленія денегъ или иныхъ цѣнностей. При каждомъ случаѣ проявленія кредита кто-нибудь добываетъ себѣ оборотныя средства и для этого выпускаетъ долговой знакъ, сообщающій имъ подвижность, играющій роль орудія обращенія. Проявленіе кредита безъ процесса добыванія кѣмъ-либо оборотныхъ средствъ—такая-же невозможность, какъ добываніе оборотныхъ средствъ путемъ кредита безъ появленія долга. Вотъ почему и въ банковомъ дѣлѣ нельзя обособлять вопросъ объ операціи добыванія оборотныхъ средствъ отъ вопроса объ операціи выпуска банками тѣхъ или иныхъ долговыхъ знаковъ или созданіи ими тѣхъ или иныхъ орудій обращенія. Созданіе орудій обращенія есть вмѣстѣ и добываніе оборотныхъ средствъ.

Въ предъидущей главѣ мы разобрали природу особыхъ разрядовъ экономическихъ средствъ, изъ которыхъ могутъ образовываться безсрочные ссудные капиталы. Мы указали, какія именно средства принадлежатъ къ этимъ разрядамъ и что они составляютъ особый источникъ оборотныхъ средствъ для банковъ. Какимъ же способомъ банки пользуются этимъ источникомъ?

Спеціальнымъ *способомъ* для извлеченія пользы изъ того источника оборотныхъ средствъ, который представляется безсрочными ссудными капиталами, служатъ *безсрочные вклады*. Путемъ безсрочныхъ вкладовъ, однако, банки привлекаютъ къ себѣ экономическія средства *не всегда послѣ* того, какъ ихъ ссудный характеръ уже опредѣленно выяснился. Совершенно напротивъ. Безсрочные вклады являются способомъ, помощь котораго существенно важна *для самаго выясненія ссуднаго характера* привлекаемыхъ къ банкамъ капиталовъ. Такимъ образомъ, безсрочные вклады представляютъ собою не пассивное средство пользоваться вполнѣ уже готовыми результа-

тами, а весьма активный способъ до извѣстной степени подготовлять эти результаты, чтобъ дѣлать возможнымъ пользованіе ими.

Періодически дѣлаемыя внѣ банковъ сбереженія новыхъ денежныхъ капиталовъ, насколько эти сбереженія еще не получили опредѣленнаго назначенія у своихъ собственниковъ, вступая въ банки срочными вкладами, составляютъ одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ оборотныхъ средствъ банковъ. Собирая и сосредоточивая у себя эти сбереженія, банки совершенствуютъ самый ходъ ихъ образованія. Сбереженія большею частью имѣютъ форму денегъ, пока они свободны, и поэтому банки сосредоточиваютъ въ себѣ ту часть наличности, которая вслѣдствіе производственнаго прогресса стала свободною отъ необходимости быть затраченною на текущія надобности и можетъ быть употреблена на удовлетвореніе новыхъ нуждъ. Банки въ подобномъ случаѣ только собираютъ у себя свободный капиталъ народнаго хозяйства по мѣрѣ его возникновенія и сами еще совершенствуютъ это возникновеніе. Деньги, при этомъ, къ нимъ поступающія, играютъ роль готовыхъ сбереженія и цѣль банковъ изъ таковыхъ превратить деньги въ орудія обращенія. Цѣль достигается передачею денегъ въ такія руки, въ которыхъ онѣ играютъ роль не мертвыхъ запасовъ, а живой покупательной силы, приводящей въ движеніе производственныя средства, собирающей ихъ въ мастерскихъ, фабрикахъ, складахъ, вообще предпріятіяхъ какого бы то ни было рода, и дающей имъ возможность стать доходными.

Оборотныя средства банковъ были бы, однако же, сравнительно невелики, еслибъ они ограничивались одними только готовыми свободными капиталами изъ которыхъ образуются срочные вклады. Бываютъ обстоятельства и условія экономической жизни, независимо отъ банковъ особенно усиливающія размѣры свободныхъ сбереженій для срочныхъ вкладовъ. Эти обстоятельства могутъ быть различнаго и даже противуположнаго свойства. Они или заключаются въ быстромъ движеніи народнаго хозяйства впередъ, въ скоромъ возрастаніи производительности его силъ. Или же они заключаются въ стѣсненіяхъ, препятствовавшихъ народнымъ сбереженіямъ въ свое время найти

пути къ производительному помѣщенію и принуждавшихъ, такъ сказать, сбереженія накопляться въ большихъ массахъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ банки имѣютъ въ сбереженіяхъ значительный источникъ для оборотныхъ средствъ. Примѣръ перваго случая представляютъ намъ такія страны, каковы Англія, Германія, Франція. Соединенные Штаты. Примѣръ втораго случая представляетъ въ особенности Россія. Парализующее вліяніе, которое на нашу народнохозяйственную жизнь оказывали экономическіе порядки до послѣдняго царствованія, дѣлало у насъ изъ денегъ преимущественно орудія сбереженія, въ значительныхъ количествахъ вытѣсняло ихъ изъ обращенія и сосредоточивало мертвыми запасами у отдѣльныхъ лицъ. Въ значительной степени онѣ собирались уже и прежде въ старыхъ казенныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ послѣ кредитной реформы 1816 года; но еще большая масса ихъ оказалась къ услугамъ банковъ послѣ кредитныхъ реформъ 1860 года, когда для притока ихъ открылись новыя пути и когда для русской предпріимчивости открылись совершенно новыя условія жизни. Въ распоряженіи банковъ нашихъ оказалась масса такихъ капиталовъ, которые оставались до того свободными только потому, что имъ препятствовали быть занятыми и помѣщенными. Они были по необходимости свободными. И именно потому и до сихъ поръ, когда ихъ притокъ къ банкамъ еще далеко не закончился, нельзя безъ недовѣрія относиться къ тѣмъ условіямъ, на которыхъ они притекаютъ къ банкамъ. Весьма вѣроятно, что когда наша предпріимчивость освоится съ новыми условіями, банкамъ нашимъ далеко уже нельзя будетъ разсчитывать на тѣ массы срочныхъ вкладовъ, которыми они столь богаты въ настоящее время. Но, какъ выше замѣчено, вся та совокупность обстоятельствъ, которыя содѣйствуютъ притоку срочрыхъ вкладовъ въ банки, мало гармонируетъ съ современнымъ характеромъ предпріимчивости, ея стремленіями правами и привычками.

Гораздо больше значенія, чѣмъ срочные вклады и представляемыя ими новыя сбереженія, для банковъ имѣютъ, какъ выше замѣчено, безсрочные вклады, съ ихъ подраздѣленіями. При всемъ

разнообразіи и важности отдѣльныхъ условій, добавляющихся къ безсрочности вкладовъ, которые могутъ быть у банковъ во всякое время обратно востребуемы, самая эта безсрочность однако соединяетъ ихъ въ одну общую категорію и придаетъ имъ одинъ общій характеръ, который намъ нужно очертить прежде всего. Основное существенное отличіе безсрочнаго вклада отъ срочнаго заключается въ томъ, что срочные представляютъ деньги, не находящіяся въ области дѣятельной предпріимчивости и еще въ нее долженствующія быть втянуты, безсрочный, напротивъ, представляетъ деньги, выходящіе именно изъ этой области. Для чего-же и по какимъ причинамъ онѣ выходятъ изъ нея и притекаютъ къ банкамъ? Для того, чтобы кредитъ увеличилъ скорость ихъ обращенія и потому, что въ области предпріимчивости отдѣльныхъ лицъ ими пользуются меньше, чѣмъ сколько ими возможно пользоваться, т. е. изъ нихъ извлекается не вся заключающаяся въ нихъ польза.

Подобно тѣмъ паровымъ машинамъ, механизмамъ и цѣлымъ производственнымъ заведеніямъ, которыя приносятъ тѣмъ больше пользы, чѣмъ непрерывнѣе ихъ дѣйствіе, деньги еще въ большей мѣрѣ обладаютъ качествомъ, что ихъ доставленіе пользы можетъ быть поставлено въ условія, при которыхъ оно будетъ идти не ослабѣвая и не прерываясь ни на мгновеніе. Для этого нужно только, чтобъ деньги ни у кого въ рукахъ не пребывали больше того наименьшаго времени, которое необходимо на совершеніе ими платежа, и чтобы немедленно по истеченіи этого времени явился кредитный знакъ, который извлекъ бы ихъ изъ этихъ рукъ и перевелъ въ новыя.

Чтобы денежный запасъ народнаго хозяйства ни на одно мгновеніе для него не оставался безполезнымъ, *для этого приходится однако всему платежному дѣлу организоваться на совершенно новыхъ основаніяхъ* И при этомъ-то банки выступаютъ впередъ, въ качествѣ главнаго дѣятеля, при *преобразованіи всего платежнаго дѣла* народнаго хозяйства. Они становятся главными дѣятелями потому, во первыхъ, что представляютъ собою центры, около которыхъ группируются однородные виды должниковъ и кредиторовъ.

Они поэтому всего лучше могутъ знать, кто въ данное время не можетъ давать занятія деньгамъ и кто имъ можетъ дать занятіе. Во вторыхъ, всякая касса, т. е. всякій запасъ денежной наличности, который держится для платежей, тѣмъ *совершеннѣе* исполняетъ свое дѣло, *чѣмъ обширнѣе то поле, на которое онъ можетъ простирать свое вліяніе*. Чѣмъ обширнѣе это поле, тѣмъ обезпеченнѣе для кассы *возможность не оставаться праздною,* а быть на что либо выгодное употребленною, т. е. доставить доходъ. Слѣдовательно, наивыгоднѣйшее положеніе касса занимаетъ тогда, когда она находится *въ центрѣ самаго обширнаго поля* на которое еще могутъ простираться ея вліянія. Вслѣдствіе стремленія всякой кассы занимать возможно болѣе центральное положеніе и притомъ въ возможно болѣе широкой области, всѣ кассы должны стримиться въ каждой наиболѣе имъ близкой такой области *другъ къ другу приближаться и соединяться*. Объединеніе кассъ, т. е. запасовъ денегъ которые служатъ для предстоящихъ платежей, является такимъ образомъ необходимымъ условіемъ, чтобъ онѣ выполняли свое дѣло совершеннѣе, т. е. чтобы платежное дѣло шло лучше. Это *объединеніе кассъ*, принадлежащихъ различнымъ хозяйствамъ и предпріятіямъ, и составляетъ дѣло банковъ. Собирая и сосредоточивая у себя всѣ или возможно большее количество кассовыхъ запасовъ денежной наличности, банки открываютъ для каждаго изъ нихъ возможность имѣть самое обширное поле для дѣйствій, слѣдовательно, возможность быть постоянно употребляемыми на что либо выгодное, слѣдовательно, непрерывно давать доходъ, которымъ банки и дѣлятся съ собственниками кассовыхъ запасовъ.

Безсрочный вкладъ, за исключеніемъ рѣдкихъ и ненормальныхъ случаевъ, по большей части своею безсрочностью свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ принадлежитъ къ деньгамъ, составляющимъ чей либо кассовой запасъ. Ибо сущность послѣдняго въ томъ именно и заключается, что онъ представляетъ деньги въ рукахъ у такой предпріимчивости, которая въ данное время можетъ и не находить для нихъ занятій, но которая занята мыслью открыть имъ работу, которой, поэтому, деньги всегда могутъ понадобиться. Сосредоточе-

ніемъ у себя безсрочныхъ вкладовъ, банки объединяютъ кассовые запасы отдѣльныхъ лицъ и образуютъ изъ платежнаго оборота одно организованное цѣлое. Отдѣльные же виды безсрочныхъ вкладовъ зависятъ отъ особенныхъ условій, на которые кассовые запасы поступаютъ къ банкамъ, и отъ большей или меньшей чистоты, съ которою деньги обладаютъ характеромъ кассовыхъ запасовъ.

Въ своихъ отношеніяхъ къ дѣятельнымъ оборотнымъ средствамъ (т. е. къ тому ихъ виду, который мы въ предъидущей главѣ назвали безсрочными ссудными капиталами) банки главнымъ образомъ выказываютъ свою полезную производительность. Въ этомъ случаѣ банки преимущественно представляютъ въ организованномъ видѣ ту силу кредита, которою онъ имѣетъ такую большую важность для самаго бытія цѣлой массы капиталовъ, которою онъ получаетъ значеніе для самаго процесса образованія новаго капитала и которою онъ уравнивается въ своемъ значеніи съ актомъ сбереженія.

Безсрочные ссудные капиталы, пока они находятся въ рукахъ своихъ владѣльцевъ, играютъ роль дѣятельныхъ производительныхъ капиталовъ и менѣе всего разсматриваются своими владѣльцами, какъ ссудные. Происходитъ это оттого, что владѣльцы не замѣчаютъ перерывовъ, съ которыми ихъ капиталы проявляютъ свою производительность. Привлекая ихъ къ себѣ путемъ безсрочныхъ вкладовъ, банки ихъ подвергаютъ наблюденію болѣе зоркаго взгляда, бдительно, слѣдящаго именно за непрерывностью ихъ производительности и сосредоточивающаго все вниманіе именно на томъ, чтобъ уловить моменты, когда производительность капиталовъ начинаетъ терпѣть перерывы у ихъ владѣльцевъ.

Чтобъ слѣдить за производительностью каждаго такого капитала, банки открываютъ въ своихъ книгахъ лицамъ, ихъ вносящимъ, особые счеты. Такъ какъ эти счеты касаются дѣятельныхъ капиталовъ, о подвижности которыхъ заботятся не только банки, но и сами ихъ владѣльцы, то понятно, что означенные счеты должны будутъ сами находиться въ непрерывномъ движеніи, возрастая съ каждымъ новымъ взносомъ новаго капитала, на который возросли доходы вкладчика, или падая съ каждымъ позаим-

ствованіемъ, производимымъ вкладчикомъ изъ средствъ, довѣренныхъ имъ банку. Вотъ почему эти счеты называютъ движущимися, бѣгущими (laufende) *или текущими.* Такъ какъ вкладчикъ передаетъ свои средства банку, какъ агенту, чрезъ посредство котораго онъ получаетъ и производитъ свои платежи, то для облегченія ему производства платежей банкъ ему выдаетъ особую книжку, каждый листикъ которой представляетъ собою формуляръ *приказа платежа.* Каждый такой листикъ называется *чекомъ.* Книжка чековъ представляетъ собою, слѣдовательно, долговой документъ банка, состоящій изъ извѣстного количество бланковъ съ заготовленною формулою приказа о производствѣ платежа, на которой не достаетъ только подписи лица, отдающаго приказъ, суммы, на которую простирается приказъ, и числа, когда онъ отданъ. Каждый разъ, когда вкладчику, которому открытъ текущій счетъ и выдана книжка чековъ, предстоитъ производство платежа, онъ приказываетъ своему агенту произвести платежъ и для этого посылаетъ ему одинъ изъ листиковъ книжки.

*Вклады на текущіе счеты* обладаютъ въ самомъ строгомъ и чистомъ видѣ характеромъ дѣятельмыхъ кассовыхъ запасовъ. Ихъ безсрочность наименѣе ограничена. Деньгами, изъ которыхъ они состоятъ, владѣльцы ихъ пользуются по мѣрѣ надобности. Эти два обстоятельства даютъ возможность деньгамъ непрерывно служить, то предпринимательскимъ капиталомъ, то ссуднымъ. Указаніе, въ какой мѣрѣ собственникъ денегъ желаетъ воспользоваться ими въ данное время, дѣлается *чекомъ.* Напротивъ, тѣ кредитные знаки, которые банкъ принимаетъ отъ лицъ, состоящихъ у него въ долгу по деньгамъ, переданнымъ имъ изъ текущихъ счетовъ, указываютъ, въ какой мѣрѣ было необходимо содѣйствіе банка, чтобъ сдѣлать деньги непрерывно доходными. Чеки собственниковъ и эти кредитные знаки должниковъ банка вмѣстѣ представляютъ собою тотъ аппаратъ, который банками пускается въ ходъ, чтобъ довести скорость обращенія денегъ до ея наивысшихъ границъ.

Въ операціи вкладовъ на текущіе счеты банковая организація

кредита, достигая наивысшей степени своего развитія, возвышаетъ до этой степени услуги, оказывается кредитомъ. Она получаетъ еще большую важность отъ того, что при ея содѣйствіи выясняются наиболѣе четко условія нормальнаго дѣйствія кредита. *Съ одной стороны* мы видимъ, что собственно дѣлается кредитомъ. Денежные запасы, играющіе роль кассовыхъ резервовъ, кредитъ, даже въ самомъ организованномъ своемъ видѣ, во всякомъ случаѣ предполагаетъ, какъ основное свое условіе. Они для него нужны, какъ почва, на которой и на которую онъ дѣйствуетъ. На кассовые запасы онъ распространяетъ свое вліяніе, но ими онъ и держится. Чѣмъ они больше, тѣмъ больше ему работы, тѣмъ больше матеріала, который онъ долженъ переработать, который онъ долженъ привести въ болѣе совершенный видъ, который онъ долженъ сдѣлать болѣе полезнымъ. Кредитъ дѣлаетъ деньги болѣе полезными, не давая имъ разъигрывать, въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, роль орудія сбереженія и заставляя ихъ непрерывно выполнять функцію платежнаго средства, то въ рукахъ одного лица, то въ рукахъ другаго. Кредитъ, такимъ образомъ, даетъ большему числу предпринимателей возможность пользоваться данною суммою денежной наличности. Черезъ это онъ увеличиваетъ количество и размѣры *наличныхъ* платежей и обусловливаемую ими большую прочность въ имущественныхъ отношеніяхъ. Орудіе сбереженія, бездоходно. Напротивъ, орудіе обращенія, вслѣдствіе большей напряженности, спроса на него, можетъ быть непрерывно и высоко доходно. Превращая всѣ деньги въ платежныя средства, кредитъ приводитъ этотъ видъ капитала въ такую форму, въ которой онъ получаетъ непрерывную и наивысшую производительность и доходность. *Съ другой стороны*, тутъ-же всего нагляднѣе видимъ какъ много для кредита значитъ психологическій факторъ, какъ много значатъ нравы, обычаи и привычки дѣловаго міра, какое большое значеніе имѣетъ глубина, такъ сказать, въ которую проникла привычка дѣйствовать на основаніи разсчета, а не на основаніи унаслѣдованныхъ и слѣпо вы-

полняемыхъ правилъ. При неорганизованномъ кредитѣ волею-неволею всякому приходится держать у себя на дому деньги. Но разъ банковое дѣло въ какомъ-либо мѣстѣ получило дѣльныхъ и солидныхъ представителей, — все равно въ лицѣ отдѣльныхъ-ли предпринимателей, или коллективнаго предпріятія, акціонерной компаніи, — держать у себя на дому больше денегъ, чѣмъ сколько необходимо ихъ на самыя неотложныя нужды, значитъ намѣренно дѣлать имущество мертвымъ, убивать его, связывать и дѣлать безполезною ту дѣятельность, которая въ немъ накоплена. Прекращенію подобныхъ убійственныхъ привычекъ можетъ содѣйствовать, конечно, только, съ одной стороны, развитіе экономической образованности, а съ другой—увеличеніе числа солидныхъ представителей банковаго дѣла, равно какъ спокойный ходъ дѣлъ, не нарушающій довѣрія къ нимъ. Въ различныхъ странахъ число представителей банковаго дѣла далеко не одинаково и уже по этому не вездѣ полезныя привычки успѣли прочно утвердиться. Всего глубже онѣ успѣли пустить свои корни въ Англіи, гдѣ на дому своихъ денегъ не держитъ никто, ни частное лицо, ни правительственное учрежденіе, ни богачи, ни менѣе богатые, ни отдѣльный предприниматель, ни акціонерная компанія. Всѣ деньги отданы вкладами на текущіе банковые счеты, которые каждый обладатель ихъ себѣ открываетъ въ акціонерномъ-ли банкѣ, или у отдѣльнаго предпринимателя-банкира. И не только деньги, но вообще всѣ требованія, которыя по своимъ качествамъ годятся для того, чтобъ ими могли быть покрыты обязательства предъ третьими лицами, словомъ все, что обладаетъ годностью средства, погашающаго и прекращающаго обязательства, все это держится уже не въ собственной домашней кассѣ, а передается въ кассу банковаго учрежденія. У банковъ вслѣдствіе того начинаютъ сосредоточиваться всѣ тѣ средства, на которыя ихъ владѣльцы смотрятъ, какъ на дѣятельные, и которые банкамъ могутъ быть переданы лишь какъ хранителямъ ихъ, съ одной стороны, а съ другой — какъ агентамъ, чрезъ порученія которымъ можно производить изъ означенныхъ средствъ необходимыя употребленія.

Понятны удобства, отсюда проистекающія. Прежде всего очевидно, что чекъ представляя долгъ банка, представляетъ собою и долговое обязательство лица, производящаго имъ расплату, и притомъ такое долговое обязательство означеннаго лица, о средствахъ для исполненія котораго лицо, его выдавшее, позаботилось еще до его выдачи. Слѣдовательно, чекъ представляетъ одно удобство тѣмъ, что *онъ выражаетъ совершенно покрытый кредитъ*, и другое удобство тѣмъ, что черезъ его посредство для расплатъ по обязательствамъ употребляются не наличныя, а кредитъ. Наличныя во всякомъ случаѣ иммобилизируются, оставаясь въ банкѣ, и не должны терять въ своей цѣнности отъ манипуляціи ими. Чисто матеріальное ихъ сохраненіе ставится въ самыя лучшія условія, какія возможны: это новое удобство. Разъ, однако, вмѣсто передачъ денегъ изъ рукъ въ руки, начинаютъ передаваться чеки, для тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ обращеніи находятся металлическія деньги, пріобрѣтается то удобство, что всѣ усилія и затраты, которыя необходимо производить для перемѣщенія звонкихъ денегъ, какъ тяжестей, становятся излишними. Металлическія деньги, благодаря чекамъ, теряютъ свою тяжесть или она какъ-бы парализуется, а эта парализація имѣетъ тѣмъ больше значенія, чѣмъ крупнѣе становятся платежи, которыя производятся одними лицами другимъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда платежи производятся, могутъ быть и незамѣчаемы потери, проистекающія отъ тяжести звонкихъ денегъ и необходимости ея преодолѣнія. Но когда сосчитываются вмѣстѣ всѣ эти милльярды платежей, которыя вызываются разросшимися современными отношеніями, тогда оказывается, что еслибъ звонкія деньги непосредственно должны были перемѣщаться изъ рукъ въ руки, то это означало бы передвиженіе тяжестей въ сотни и тысячи пудовъ, на которое нужны и время, и силы. Наконецъ, не менѣе важное удобство чеки представляютъ тѣмъ, что ими устраняется всякая надобность въ отсчитываніи, сосчитываніи и пересчитываніи денегъ, на что также уходило бы не мало времени и силъ при теперешнихъ колоссальныхъ платежахъ. Чекъ представляетъ собою, подобно векселю,

орудіе обращенія, котораго достоинство (сумму, валюту, appoint) вполнѣ во власти человѣка назначать, смотря по надобности. И на практикѣ его значеніе главнымъ образомъ въ томъ и проявляется, что онъ представляетъ собою орудія обращенія, достоинство (сила) которыхъ наиболѣе способно приноровляться ко всякой надобности, возникающей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Орудіями обращенія самаго крупнаго достоинства въ настоящее время служатъ чеки; такъ высоко забираться, какъ способенъ это дѣлать чекъ, еще никакое орудіе не было способно.

Но самое важное удобство текущихъ счетовъ и чековъ или чековыхъ книжекъ заключается въ томъ, что съ ихъ помощью банки привлекаютъ къ себѣ матеріалъ, изъ котораго безъ того совершенно невозможно было бы образовывать ссудные капиталы. Подвергая своему спеціальному и тщательному наблюденію свойство средствъ, сосредоточивающихся у нихъ на текущихъ счетахъ, банки открываютъ тѣ времена, въ теченіе которыхъ эти средства терпятъ перерывы своей дѣятельности и производительности въ рукахъ своихъ владѣльцевъ. Отдѣльный владѣлецъ денегъ можетъ и самъ знать продолжительность и время возникновенія подобныхъ перерывовъ. Но отъ вниманія большей части владѣльцевъ денегъ относящіеся сюда факты ускользаютъ. И даже въ лучшемъ случаѣ, когда владѣлецъ знаетъ, что его деньги съ такого-то времени по такое-то остаются праздными, онъ въ большинствѣ случаевъ лишенъ возможности позаботиться объ ихъ производительности въ праздное время по двоякаго рода причинамъ. Во-первыхъ, ему мѣшаетъ занятость собственнымъ дѣломъ, которое тѣмъ усиленнѣе будетъ поглощать его вниманіе и силы, чѣмъ оно будетъ крупнѣе, т. е. чѣмъ большую оно предполагаетъ кассу. Такимъ образомъ именно тѣ обстоятельства, по которымъ у владѣльца денегъ будутъ оказываться большія суммы праздныхъ денегъ (большіе размѣры его предпріимчивости), именно они будутъ лишать его возможности отрываться отъ своего дѣла, чтобъ присматриваться къ чужимъ дѣламъ и между ними разыскивать наиболѣе достойныя довѣрія и наиболѣе приноровленныя къ

его надобностямъ. Во-вторыхъ, предпринимателю, у котораго имѣются временно-праздныя средства, невыгодно брать на самаго себя отвѣтственность страха и отвѣтственность по розыскапію средствамъ временно-доходнаго помѣщенія. Кассовыя средства онъ заготовляетъ себѣ на случай надобностей, которыя находятся во внутренней связи съ его собственными предпріятіями. Праздными его средства временно остаются именно потому, что онъ усиленно заботится, какъ бы надобность не застала его неприготовленнымъ. Именно потому, онъ начинаетъ заготовлять деньги задолго до того, какъ въ нихъ возникла надобность. И вдругъ бы онъ самъ отвлекъ эти заботливо припасенныя деньги для совершенно посторонняго дѣла! Очевидно, что это значило бы разрушать одною рукою то, что создано другою. Совершенно иное дѣло, однако, когда во всѣ эти отношенія вмѣшивается банкъ. Передавъ свою кассу банку, владѣлецъ денегъ относится къ кассѣ банка уже какъ къ собственной, конечно пропорціонально своему вкладу. Хранитъ-ли банкъ въ своей кассѣ именно тѣ деньги, которыя нашъ вкладчикъ внесъ, или сегодня въ кассѣ банка эти деньги, а завтра окажутся другія, это для вкладчика все равно. Для него только важна увѣренность, что касса не окажется пустою, когда къ ней обратятся. Деньги, внесенныя вкладчикомъ, могутъ быть переданы постороннему лицу. Но не вкладчикъ уже рискуетъ потерею, если лице, которое получило деньги, не возвратитъ денегъ къ настоящему сроку. Съ вкладчика снята всякая отвѣтственность, которую во всей ея цѣлости взялъ на себя банкъ. Но конечно и вкладчику дремать не слѣдуетъ. Слѣдить за публикуемыми банками свѣденіями о состояніи ихъ кассы и ея отношеніи къ внесеннымъ вкладамъ, требовать, чтобъ подобныя свѣденія обнародывались возможно чаще и возможно болѣе ясно, — это, конечно, во всякомъ случаѣ обязанность всякаго разумнаго вкладчика. Ибо разъ банковая касса замѣняетъ вкладчику его собственную кассу, онъ долженъ относиться къ первой также рачительно и внимательно, какъ относился бы ко второй. Конечно, банкъ беретъ на себя *всю* отвѣтственность, какъ бы она ни оказалась великою.

Но наваливать слишкомъ крупную отвѣтственность на банкъ освобожденіемъ его отъ всякаго контроля опасно для самихъ вкладчиковъ, превращающихся, при отсутствіи съ ихъ стороны контроля, въ стадо «безсловесныхъ». Пастыри-же, управляющіе стадами «безсловесныхъ», хотя и отличаются большею патріархальностью нравовъ, отличаются, однако, при этомъ и большимъ произволомъ, могутъ быть менѣе развиты и знающи, а стало быть менѣе способны на то, чтобъ брать на себя большую отвѣтственность.

44. Наблюдая ближе пути, съ помощью которыхъ въ банкахъ образуются ссудные капиталы изъ вкладовъ, поступающихъ къ нимъ на текущіе счеты, мы замѣчаемъ, что эти пути различные. Первый и самый простой представляется намъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ основывается на наблюденіяхъ, какъ вкладчики выбираютъ изъ банковъ свои вклады по мѣрѣ наступленія у нихъ надобностей въ деньгахъ для собственныхъ оборотовъ. Въ этихъ случаяхъ о превращеніи вклада въ ссудный капиталъ можно судить по весьма осязательному признаку: вкладчикъ не взялъ своихъ денегъ изъ банка, значитъ—онѣ ему не были нужны, онѣ у него были свободны и банкъ ими можетъ распорядиться, превративъ ихъ въ ссудный капиталъ. Уплывъ денегъ изъ сферы банка и совершенно осязательное, наружно-видимое ихъ исчезновеніе изъ банковой кассы къ вкладчику въ этомъ случаѣ является простѣйшимъ указаніемъ, сколько могло остаться банку матерьяла для его собственной производительной дѣятельности. Конечно, рѣшительно все равно, производится-ли вкладчикомъ процессъ снятія денегъ съ вклада такъ, что онъ является самъ въ банкъ и требуетъ обратнаго возвращенія денегъ, или такъ, что онъ банку выдаетъ приказъ на имя какого либо своего вѣрителя, который уже отъ себя и для себя выбираетъ изъ банка деньги. Суть не въ томъ, кто выбираетъ деньги съ вкладовъ, вкладчикъ-ли или его вѣрители, съ которыми онъ расплачивается чеками на банкъ, а въ томъ, что *по чекамъ у банка требуются деньги*, что предъявленіе чека равносильно

требованію наличнаго платежа и уменьшенію всей суммы вкладовъ, внесенныхъ на текущіе счеты.

Предположимъ однако, что и вѣритель (назовемъ его Б) нашего перваго вкладчика (А), расплачивающагося чекомъ, тоже состоитъ вкладчикомъ въ томъ-же банкѣ. А имѣетъ погасить свое обязательство предъ Б и, обладая вкладомъ на текущемъ счетѣ въ данномъ банкѣ, выдаетъ послѣднему приказъ — произвести платежъ извѣстною суммою его вѣрителю Б. Но если и Б свои средства держитъ въ кассѣ того-же банка вкладомъ на текущемъ счетѣ, то на этотъ вкладъ онъ вѣдь внесетъ и деньги, полученныя отъ А. Слѣдовательно, по чеку, который выдалъ А, банку придется деньги выдать Б, а по пріему вклада отъ Б банку придется снова получить тѣ-же выданныя имъ деньги. Ясно, что передача денегъ въ руки Б и полученіе ихъ изъ его рукъ—совершенно излишняя процедура, поглащающая напрасно время и силы и весьма легко могущая быть совершенно обойденною. Для этого достаточно будетъ банку просто *отмѣтить въ своихъ книгахъ*, что со счета А столько-то *списано*, а къ счету Б столько-то *приписано*. Результатъ, *окончательное* послѣдствіе будутъ совершенно одни и тѣже, какому бы пути банкъ ни слѣдовалъ: вкладъ А уменьшится, а вкладъ Б увеличится. Но для банка и для всего народнаго хозяйства пути, здѣсь возможные, далеко не безразличны.

Въ томъ случаѣ, когда вкладчикъ или его кредиторъ, получившій чекъ, выбираютъ изъ банка деньги, *уменьшается* общая сумма вкладовъ, находящихся въ банкахъ на текущихъ счетахъ и *эти деньги* погашаютъ обязательство вкладчика предъ его кредиторомъ, *ихъ обращеніе* необходимо для прекращенія этого обязательства. Иначе: обязательство погашается деньгами, т. е. свободнымъ имуществомъ въ роли орудія обращенія, вслѣдствіе чего свободное имущество не можетъ представлять праздная капитала, какъ таковаго остающагося вкладомъ въ банкѣ.

Напротивъ, когда обязательство вкладчика А погашается тѣмъ, что деньги съ его счета переводятся на счетъ Б, когда Б по чеку денегъ изъ банка вонъ не выбираетъ, а только пользуется чекомъ,

какъ способомъ для перечисленія денегъ на свой текущій счетъ, то долгъ А предъ Б прекращается уже однимъ *переводомъ данной суммы съ одного счета на другой*. Деньги изъ банка не выходятъ и оттого общая сумма вкладовъ *не измѣняется*. Мало того. Такъ какъ обязательство А погашается и безъ денегъ, то послѣднія освобождаются отъ необходимости участвовать въ данныхъ имущественныхъ отношеніяхъ и въ общей суммѣ вкладовъ могутъ представлять *новый ссудный капиталъ*.

Такимъ образомъ, когда лица, выдающія другъ другу чеки при производствѣ платежей, или принимающіе другъ отъ друга чеки при полученіи платежей, имѣютъ вклады на текущихъ счетахъ въ одномъ и томъ-же банкѣ, то ихъ чеками обязательства погашаются безъ необходимости выдачъ изъ банка денегъ, внесенныхъ въ него на вклады. Такъ какъ погашеніе обязательствъ безъ того повлекло бы за собою уменьшеніе вкладовъ, то понятно, что отсутствіе этаго уменьшенія при прекращеніи обязательствъ равносильно увеличенію вкладовъ или соотвѣтствующихъ имъ ссудныхъ капиталовъ.

Представимъ себѣ, что А внесъ въ началѣ мѣсяца 100.000 р. и чрезъ недѣлю долженъ произвести Б платежъ въ 100.000. Но если Б самъ имѣетъ вкладъ въ томъ же банкѣ, которому и онъ довѣрилъ заботу о производительности своихъ средствъ, то платежи между А и Б всего менѣе безпокоятъ банкъ. На сколько деньги нужны А и Б для платежей *другъ другу*, банкъ разсматриваетъ ихъ потребность, какъ не существенную. Положимъ, что А приходится производить платежи только Б, а Б приходится производить только А. Тогда банкъ можетъ разсматривать всѣ 100.000, какъ совершенно праздный капиталъ, которому нечего дѣлать, потому что обязательства между А и Б погашаются и безъ нихъ.

Но почему зачеты по книгамъ банка погашаютъ обязательства? Какой способъ прекращенія обязательствъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ? Не трудно замѣтить, что этотъ способъ—компенсація въ соединеніи съ уступкою обязательствъ. А уступаетъ банку обязательство, по которому онъ должникъ, Б же уступаетъ банку обязательство, по которому онъ кредиторъ. И вотъ, обладая двумя

обязательствами, изъ которыхъ въ одномъ онъ должникъ, а въ другомъ—кредиторъ, банкъ и можетъ ихъ погасить одно другимъ.

Слѣдовательно, собирая у себя путемъ вкладовъ на текущіе счеты обязательства многихъ лицъ, которыми они производятъ другъ другу платежи, банкъ перенимаетъ на себя отъ однихъ обязательства должника, а отъ другихъ обязательства кредитора. Сливая и сосредоточивая въ себѣ тѣ и другія обязательства, банкъ путемъ этого сосредоточенія уже получаетъ возможность погашать одни обязательства другими и черезъ то дѣлать свободными тѣ суммы денегъ, которыя иначе были бы нужны на погашеніе означенныхъ обязательствъ.

Вся процедура погашенія, взятая во всей ея цѣлости, представляется въ подобномъ случаѣ въ такомъ видѣ: А передаетъ свои деньги банку и чрезъ то становится кредиторомъ банка, но за каждый платежъ, который банкъ по его порученію производитъ, онъ становится должникомъ банка; если онъ кредиторомъ и должникомъ банка становится на одну и ту же сумму, то долговыя отношенія между нимъ и банкомъ прекращаются. Съ другой стороны и Б, передавъ банку свои деньги, становится его кредиторомъ; за каждое полученіе, которое банкъ производитъ по счету Б, долгъ банка его кредитору Б увеличивается. Перечисляя деньги со счета А на счетъ Б, банкъ *взаимностью* погашаетъ свои долговыя отношенія къ А, а вслѣдствіе полученныхъ имъ кредиторскихъ обязательствъ отъ Б увеличиваетъ свои долговыя отношенія къ Б.

Всякій разъ, когда банкъ производитъ платежъ за счетъ лица, которое въ него внесло вкладомъ на текущій счетъ свои деньги, онъ очищаетъ (компенсируетъ) свои долговыя отношенія *къ этому лицу* взаимностью. Но въ подобномъ случаѣ надобно имѣть въ виду, что суть не въ долговыхъ отношеніяхъ банка къ *одному* только его кредитору по вкладу. Для того, чтобы взаимность платежей получила значеніе способа, дѣлающаго денежные капиталы свободными, необходимо означенной взаимности содѣйствовать

погашенію обязательствъ не между банкомъ и однимъ изъ его клиентовъ, а *между самыми его клiентами.*

Для этого то и необходимо, чтобы банку были *уступлены* обязательства, которыя одни клiенты имѣютъ на другихъ. Только въ подобномъ случаѣ не только погашаются обязательства, но и сберегаются свободными тѣ деньги, которыя иначе были бы употреблены на погашеніе обязательствъ. Еслибъ Б не былъ вкладчикомъ банка, то между А и банкомъ долговыя отношенія во всякомъ случаѣ прекращались бы взаимностью. Но тогда банкъ долженъ былъ бы выдать деньги Б, вклады его уменьшились бы и матеріала, изъ котораго могутъ быть образованы ссудные капиталы, было бы меньше. Напротивъ, когда Б передаетъ банку свои кредиторскія обязательства (полученный имъ чекъ), то вмѣстѣ онъ банку передаетъ и свои средства, предстоящія къ полученію по означенному обязательству. И это уже совершенно измѣняетъ дѣло. Происходитъ погашеніе взаимностью не только долговыхъ отношеній между А и банкомъ, но и между А и Б.

Изъ этого разбора мы можемъ заключить, что важное практическое значеніе имѣютъ не только *въ отдѣльности* каждый изъ тѣхъ способовъ прекращенія обязательствъ, которые перечисляются юристами, но и *сочетанія* этихъ способовъ.

Ниже мы еще будемъ имѣть случай подробнѣе разбирать огромное значеніе, которое для банковой организаціи кредита имѣетъ тотъ способъ прекращенія обязательствъ, который юристы усматриваютъ въ уступкѣ ихъ. Здѣсь же добавимъ, что сверхъ разсмотрѣннаго уже значенія его для чековъ, другое значеніе онъ имѣетъ для чековъ же еще и по другой причинѣ. Чекъ можетъ представлять обязательство на *предъявителя*, т. е. такое, по которому кредиторъ—всякій, кто имъ владѣетъ въ данную минуту. Обязательства-же на предъявителя главную свою силу имѣютъ въ томъ, что уступка ихъ однимъ лицомъ другому облегчена до наибольшей возможности. Достаточно *одного* согласія принять обязательство въ платежъ и этимъ устранены всѣ формальности передачи его изъ однѣхъ рукъ въ другія. Въ самый короткій срокъ, поэтому,

чекъ весьма легко можетъ успѣть нѣсколько разъ перейти изъ однѣхъ рукъ въ другія. Что же въ такомъ случаѣ происходитъ?

Положимъ А, вкладчикъ банка, расплатился съ Г чекомъ, Г расплатился этимъ же самымъ чекомъ съ Д, Д съ Е, а Е тоже вкладчикъ у того же банка и отправляетъ его въ банкъ съ приказомъ, чтобъ слѣдуемыя къ платежу по чеку деньги были поставлены на его текущій счетъ, т. е. были приняты вкладомъ отъ него. Г и Д могли не быть вкладчиками въ данномъ банкѣ, но достаточно, что *въ концѣ концовъ* чекъ попалъ въ руки вкладчика даннаго банка: обязательства между А и Г, между Г и Д и между Д и Е оказываются погашенными безъ денегъ и сверхъ того соотвѣтственная сумма денегъ сдѣлалась свободною.

Процедура погашенія обязательствъ въ этомъ случаѣ усложнилась. А погасилъ свой долгъ предъ Г тѣмъ, что онъ ему передалъ свое кредиторское обязательство предъ банкомъ. Онъ сквитался съ Г, отдавъ ему за долгъ, по которому онъ должникъ, другой долгъ, по которому онъ кредиторъ. Теперь уже Г—кредиторъ банка. Но онъ сверхъ того должникъ предъ Д. И вотъ онъ обмѣниваетъ свое кредиторское право на свое долговое обязательство и погашаетъ второе первымъ. Теперь уже кредиторъ банка Д. Но и Д не только кредиторъ банка, онъ должникъ Е. Слѣдовательно и онъ можетъ обмѣнять свое кредиторское право на свое долговое обязательство и погасить второе первымъ. Въ заключеніе кредиторское право переходитъ къ Е. Этотъ послѣдній можетъ вытребовать изъ банка по чеку деньги. Но онъ, какъ разъ, вкладчикъ банка. Онъ ихъ, слѣдовательно, изъ банка не вытребуетъ.

Теперь замѣтимъ, что долги А предъ Г, Г предъ Д и Д предъ Е только потому оказываются погашенными съ помощью чека, что ни Г, ни Д, ни Е не потребовали отъ банка платежа по чеку, хотя они это могли сдѣлать Но не потребовавъ у банка платежа, и Г, и Д, и Е *оказали банку кредитъ*. Т. е. ихъ непотребованіе платежа было совершенно равносильно тому, какъ еслибъ деньги, которыхъ платежъ отъ банка они могли требовать, ими были внесены въ банкъ, какъ еслибъ они стали вкладчиками банка. Е дѣй-

ствительно и сознаетъ ясно, что если онъ по чеку денегъ не требуетъ, то это потому, что онъ—вкладчикъ банка. Но Г и Д могли и не сознавать факта, что они были короткое время вкладчиками банка, а они, тѣмъ не менѣе, такими были несомнѣнно.

Такимъ образомъ уступка чека одними лицами другимъ лицамъ, переходъ его изъ рукъ въ руки, или его обращеніе, доставляетъ банку цѣлый рядъ вѣрителей, которые характеризуются тѣмъ, что они могутъ быть безсознательными вкладчиками. Они сами могутъ не замѣчать, что они вкладчики, и кромѣ того самъ банкъ можетъ не знать или не замѣчать, что сверхъ вкладчиковъ-кліентовъ онъ имѣетъ еще другихъ. Если цѣпь этихъ вкладчиковъ начинается и *оканчивается* такими, которые имѣютъ текущіе счеты въ банкѣ, то чеками деньги изъ банка не выбираются, обязательства-же погашаются не деньгами, продолжающими оставаться на вкладахъ, размѣръ которыхъ не измѣняется, а переходомъ этихъ вкладовъ, перечисленіемъ ихъ, всецѣло или частями, со счета одного лица на счетъ другаго лица.

Предположимъ теперь, что вкладъ, внесенный первоначально А въ банкъ, составлялъ 100,000, что платежъ, который А долженъ былъ сдѣлать Г, тоже равнялся 100,000 р. и что такіе же 100,000 Г долженъ былъ уплатить Д, а Д—Е. Если всѣ эти платежи были произведены чекомъ А, то въ концѣ концовъ 100,000, которые въ банкѣ значились принадлежащими вкладчику А, окажутся принадлежащими вкладчику Е. Но обязательствъ въ то же время погашено на 300,000 руб. Такъ какъ дѣйствительно внесенныя въ банкъ деньги въ это время оставались праздными, то банкъ ими могъ распорядиться и онѣ въ свою очередь тоже могли успѣть обернуться три раза. Предполагая одинакую скорость и эффективность обращенія въ теченіе даннаго времени, какъ у денегъ, которымъ, благодаря банку, непрерывно находятся занятія, такъ и у чековъ, мы будемъ въ окончательномъ результатѣ имѣть то явленіе, что на одной и той же почвѣ 100,000 руб., внесенныхъ въ банкъ вкладомъ, обязательствъ могло быть погашено на 600,000 р. Конечно, наше предположеніе объ одинаковой скорости и эффектив-

ности обращенія чековъ и наличныхъ денегъ произвольно: но оно на практикѣ нерѣдко является послѣдствіемъ стремленія въ возможно болѣе короткое время имѣть средства прекратить возможно большую массу обязательствъ. Такъ какъ въ этомъ стремленіи чеки играютъ большую роль, то для насъ и необходимо было здѣсь выяснить, какимъ образомъ означенныя стремленія могутъ быть успѣшными.

Въ результатѣ предшествующихъ анализовъ мы можемъ выставить слѣдующее положеніе, какъ выводъ изъ нашихъ анализовъ. Наше положеніе заключается въ томъ, что путемъ вкладовъ на текущіе счеты и вызываемыхъ ими чековъ обязательства между лицами, имѣющими такіе счеты въ одномъ и томъ же банкѣ, могутъ погашаться чрезъ перечисленіе или переходъ вкладовъ съ одного счета на другой, причемъ значащіеся на этихъ вкладахъ капиталы становятся въ соотвѣтственной мѣрѣ свободными и превращаются въ ссудные. Перечисленіе вкладовъ потому способно само погашать обязательства, что оно производится при условіяхъ, съ одной стороны устанавливающихъ взаимную задолженность, а съ другой вызывающихъ обращеніе кредиторскаго права (уступку его). Чѣмъ сильнѣе это обращеніе кредиторскаго права, тѣмъ чаще вмѣстѣ съ нимъ устанавливается и взаимная задолженность и, вслѣдствіе того, тѣмъ большая масса обязательствъ можетъ быть погашена безъ наличныхъ платежей.

Въ нашихъ разборахъ явленій, проистекающихъ отъ безсрочныхъ вкладовъ, мы до сихъ поръ исходили изъ предположенія, что лица, для погашенія обязательства которыхъ нужны средства, имѣютъ текущіе счеты въ *одномъ и томъ же* банкѣ. Въ такомъ случаѣ, мы видѣли, ихъ обязательства могутъ быть погашены безъ наличныхъ денегъ, соотвѣтственно освобождающихся и превращающихся въ ссудныя. Спрашивается: измѣняется ли этотъ результатъ, если лица, которымъ приходится другъ другу производить платежи и другъ отъ друга получать платежи, не суть вкладчики одного и того же банка, а держатъ свои деньги въ *различныхъ* банкахъ?

Всего нагляднѣе вопросъ этотъ разрѣшается практикою тѣхъ странъ, въ которыхъ всего далѣе ушло развитіе кредита и стремленій воспользоваться всѣми услугами, какія только онъ способенъ оказать. Высокое развитіе кредита въ означенныхъ странахъ выражается въ томъ, что всякое производство и полученіе мало-мальски значительнаго платежа всегда поручается какому нибудь банку или банкиру. Дома у себя, кромѣ банкировъ и банковъ, ни кто не держитъ ни денегъ, ни денежныхъ документовъ. Напротивъ, всякія деньги, равно какъ всякіе денежные документы, передаются банкамъ или банкирамъ для храненія ихъ или для производительнаго ихъ употребленія.

Что же отсюда проистекаетъ? Что всякій мало-мальски замѣтный платежъ всегда производится однимъ банкомъ, а получается другимъ банкомъ. То есть, всѣ мало-мальски замѣтные платежи банкамъ приходится производить *другъ другу* и получать тоже *другъ отъ друга*.

Такъ какъ число банковъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вкоренились подобныя привычки всѣ платежи препоручать банкамъ, ограниченное, то вся сумма платежей, которая въ данномъ мѣстѣ подлежитъ производству и полученію, оказывается распредѣленною между банками такъ, что каждому изъ нихъ приходится извѣстную сумму платежей отъ остальныхъ получить, а другую сумму имъ же произвести. Каждому отдѣльному банку, такимъ образомъ, всѣ остальные противупоставляются, какъ замкнутое общество, по отношенію къ которому онъ и должникъ, и вѣритель. Ясно въ такомъ случаѣ, что для каждаго банка въ отдѣльности возникаетъ возможность покрыть сумму платежей, которые онъ долженъ производить, суммою платежей, которые онъ долженъ получить. Понятно, что здѣсь платежи могутъ быть совершенно устранены, такъ какъ они повлекли бы за собою только неудобства отъ необходимости двойнаго сосчитыванія денегъ, двойной ихъ порчи отъ употребленія, двойнаго ихъ перемѣщенія съ мѣста на мѣсто и т. д. Отъ всѣхъ этихъ неудобствъ освобождаетъ въ подобномъ случаѣ взаимная задолженность, оказывающаяся между каждымъ отдѣльнымъ банкомъ съ

одной стороны и всѣми остальными съ другой. Компенсація погашаетъ обязательства и деньги, которыя безъ нея были бы необходимыми, становятся свободными и могутъ быть превращены въ ссудныя.

Все это такъ, если банки составляютъ замкнутое общество. Но составлять подобное общество имъ никто не мѣшаетъ и они его дѣйствительно составляютъ тамъ, гдѣ банковая предпримчивость чутка къ потребностямъ жизни и стремится всегда имъ служить. Общества, составляемыя банками, имѣютъ своею цѣлью взаимную *очистку долговъ*, въ которыхъ они состоятъ другъ у друга. Сообразно своей цѣли они и называются *учрежденіями для очистки* (подразумѣвается «*долговъ*», Clearinghouses).

Въ учрежденія для очистки взаимныхъ долговъ, которые другъ на другѣ имѣютъ банки и банкиры, соединившіеся въ спеціальное общество, каждый изъ участниковъ всякій день доставляетъ свои свѣдѣнія, сколько ему нужно съ каждаго изъ остальныхъ участниковъ получить и сколько ему нужно уплатить каждому изъ остальныхъ участниковъ. Тѣ, которые ведутъ дѣло учрежденія для очистки, приводятъ въ извѣстность на основаніи доставленныхъ имъ свѣдѣній, во 1-хъ ту долю требованій, которую банки имѣютъ *непосредственно* другъ на другѣ и непосредственно могутъ быть погашены одни другимъ. Банкъ А, напримѣръ, по чекамъ, которые ему передали его кліенты, долженъ получить съ банка Б 575 тыс. Но въ свою очередь банку Б его собственные кліенты передали массу чековъ на банкъ А, по которымъ Б долженъ получить 550,000. Ясно, что на сумму 550 тыс. банкъ А можетъ съ банкомъ произвести простой *обмѣнъ чеками* и это погаситъ ихъ требованія и обязательства на означенную сумму. Затѣмъ однако остается еще 25000, который А долженъ получить отъ Б. Для учрежденія по очисткѣ долговъ возникаетъ поэтому вторая задача: выяснить, не имѣетъ-ли банкъ А произвести платежи кому либо изъ остальныхъ банковъ и не имѣетъ-ли банкъ Б получить еще какіе нибудь платежи отъ кого-либо изъ остальныхъ банковъ. Положимъ, что доставленныя въ учрежденіе свѣдѣнія показываютъ дѣйствительно, что А долженъ уплатить банку Д 300,00, а Б имѣетъ получить съ банка Е 450,00.

Тогда, очевидно, что А можетъ на 25000 погасить свой долгъ банку Д, передавъ ему свое требованіе на Б. Въ свою очередь Б можетъ удовлетворить это требованіе, передавъ банку Д часть своего требованія на банкъ Е. А и Б вслѣдствіе этихъ уступокъ своихъ требованій доведутъ до minimum'а тотъ размѣръ своихъ обязательствъ, который иначе уже и не можетъ быть погашенъ, какъ платежемъ наличныхъ.

Дѣятельность учрежденій для очистки долговъ сводится, слѣдовательно, къ двоякой задачѣ: къ выясненію того объема обязательствъ, погашеніе которыхъ возможно путемъ непосредственнаго обмѣна ихъ другъ на друга, каковой обмѣнъ представляетъ *чистую компенсацію* юристовъ; а затѣмъ къ выясненію другаго объема остающихся обязательствъ, для погашенія которыхъ вмѣсто непосредственнаго обмѣна обязательствами лицъ, *другъ у друга* состоящихъ кредиторами и должниками, заступаетъ *вообще* обмѣнъ кредиторскихъ правъ на обязательства должниковъ, причемъ обмѣнъ представляетъ рядъ взаимныхъ *уступокъ*, каковыми уступками въ концѣ-концовъ получается тотъ-же результатъ прекращенія цѣлаго ряда обязательствъ безъ необходимости платежа по нимъ.

Учрежденіе для очистки долговъ является по отношенію къ отдѣльнымъ банкамъ въ той-же роли, въ какой каждый отдѣльный банкъ является по отношенію къ своимъ кліентамъ и къ лицамъ, принимающимъ его чеки. Повидимому означенное учрежденіе не принимаетъ вкладовъ, и этимъ оно отличается отъ банка. Вглядываясь, однако, пристальнѣе въ его составъ, мы должны признать, что когда ему передаются каждымъ отдѣльнымъ банкомъ какъ всѣ его требованія, по которымъ онъ долженъ получить платежи, такъ и всѣ его обязательства, по которымъ онъ долженъ произвести платежи, то у него сосредоточивается масса денежныхъ документовъ, которая далеко оставляетъ за собою суммы вкладовъ, возможныя для отдѣльныхъ банковъ. Для чего каждый банкъ собираетъ деньги вкладами на текущіе счеты? Для того, чтобъ ими облегчать и ускорять платежи, чтобъ дать возможность

каждой суммѣ денегъ погасить возможно большее количество обязательствъ. Какимъ же образомъ банкъ дѣлаетъ возможнымъ, чтобъ каждая сумма денегъ погашала увеличенныя количества обязательствъ? Тѣмъ, что многимъ обязательствамъ онъ открываетъ пути погашенія помимо денегъ; онъ погашаетъ одни обязательства другими. Но развѣ эти обязательства не должны быть довѣрены банку также точно, какъ ему довѣряются деньги? Развѣ они не входятъ въ составъ вкладовъ? Развѣ я не одинаково увеличиваю свой вкладъ въ банкѣ, когда отправляю въ него полученный мною чекъ, какъ если я въ него отправляю деньги? Развѣ не сосредоточеніе въ банкѣ обязательствъ, идущихъ по противуположнымъ направленіямъ и перекрещивающихся въ немъ, какъ въ узловомъ пунктѣ, даетъ возможность производить сбереженія въ деньгахъ? Но если учрежденіе для очистки долговъ исполняетъ по отношенію къ банкамъ только тѣ-же функціи, которыя банки выполняютъ по отношенію къ отдѣльнымъ лицомъ, то очевидно, что оно само банкъ.

Понятно поэтому, что во всякомъ мѣстѣ, гдѣ дѣйствуетъ нѣсколько банковъ и гдѣ чеки вошли уже въ обычай, существуетъ и интересъ въ возникновеніи учрежденія для очистки долговъ. Если такого учрежденія не существуетъ, то это доказываетъ, что банки сами закрываютъ глаза на источникъ выгодъ, для нихъ существующій, и не умѣютъ пользоваться тѣми-же самыми выгодами, которыя они доставляютъ своимъ кліентамъ.

Необходимость проводить строгое различіе, съ одной стороны, между отдѣльными видами ссудныхъ капиталовъ, какъ источниками банковыхъ оборотныхъ средствъ, а съ другой—между способами пользоваться этими источниками становится осязательно-очевидною, когда мы наталкиваемся на ошибочную мысль, будто однѣ только деньги годятся въ банковые вклады и будто если банку довѣряются не деньги, то нѣтъ основанія говорить о средствахъ, принимаемыхъ банками на вклады. Въ предъидущей главѣ мы подробно выяснили природу отдѣльныхъ видовъ ссудныхъ капиталовъ, составъ каждой категоріи ихъ вообще и въ частности составъ той ихъ категоріи, которая представляется безсрочными

ссудными вкладами. Сомнѣніе въ томъ, что вкладами могутъ быть не только наличныя деньги, внушается мыслью, будто денежные документы не обладаютъ никакою самостоятельною цѣнностью. Но дѣйствительный опытъ банковъ, считающихъ себя въ долгу у тѣхъ лицъ, которые имъ довѣряютъ документы, обѣщающіе несомнѣнные и безсрочные платежи, доказываетъ наглядно, какъ эта мысль ошибочна. Долговой документъ, котораго срокъ истекъ, имѣетъ двоякое значеніе Во первыхъ онъ представляетъ обѣщаніе свободнаго имущества, которое онъ можетъ немедленно доставить. Во вторыхъ, независимо отъ этого обѣщанія, онъ имѣетъ цѣнность еще и потому, что съ его помощью при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть прекращено другое обязательство. Понятно въ такомъ случаѣ, что если разъ обстоятельства, доставляющія возможность погашать обязательства обязательствами-же, существуютъ въ наличности,—долговые документы, которымъ истекаетъ срокъ и которые могутъ быть втянуты въ цѣпь погашающихъ одно другое обязательствъ, получатъ самостоятельную цѣнность непосредственную. Ихъ цѣнность будетъ основываться на ихъ годности для прекращенія обязательствъ и совсѣмъ даже и не будетъ нуждаться въ той добавочной опорѣ, которую представляетъ возможности реализаціи документа, т. е. превращенія его въ деньги. Потому что такое превращеніе можетъ совсѣмъ и не быть нужнымъ. Мало того, оно можетъ быть сопряжено съ перерывомъ въ доходности денегъ въ теченіе того времени, когда непосредственно въ ихъ помощью совершается платежъ. Потому что, это надобно помнить, денежный платежъ длится. Какъ все, что человѣкъ производитъ, онъ требуетъ времени на пересчитываніе денегъ, на ихъ перемѣщеніе и т. д. Денежные платежи сопряжены съ вещественными манипуляціями надъ деньгами, которыя для драгоцѣнно-металлическихъ денегъ въ особенности не безъ основанія считаютъ болѣе удобнымъ устранять. Вотъ почему практика банковъ и банкировъ дорожитъ долговыми документами, которымъ срокъ истекъ и которыхъ доброкачественность внѣ сомнѣнія. Вотъ почему практика банковъ и банкировъ ставитъ на одну доску эти документы съ

деньгами. Они, конечно, не суть деньги. Но они деньгамъ равносильны, т. е. имъ равноцѣнны. Вотъ почему ихъ принимаютъ вкладами на текущіе счеты наравнѣ съ деньгами. Вотъ, на конецъ, почему въ «учрежденія для очистки долговъ» поступаютъ всякіе долговые документы съ истекшими сроками, все равно чеки-ли они, или векселя, или другія обязательства, лишь бы срокъ платежа по нимъ истекъ.

Мы подробно останавливались на разъясненіи выгодъ, представляемыхъ вкладами на текущіе счеты и, поэтому, чтобъ заключить наши разъясненія объ этомъ предметѣ, считаемъ необходимымъ выдвинуть на первый планъ то существенное условіе, безъ котораго никакое народное хозяйство не можетъ пользоваться означенными выгодами и только пропорціонально которому оно ими пользуется всегда. Это условіе—*сосредоточеніе платежей въ банкахъ или у банкировъ*. То народное хозяйство только и въ состояніи показывать обязательства, которыя исполняются съ самою наибольшею, для нихъ возможною легкостью, у котораго на *всякомъ* обязательствѣ напередъ обозначено, что *платежъ по нему долженъ быть произведенъ такому-то банку или банкиру*. Конечно, легкость уплатъ по обязательствамъ зависитъ отъ многообразныхъ и весьма различныхъ причинъ. Но сильно она зависитъ и отъ доступности средствъ, которыми обязательства непосредственно прекращаются. И если эти средства мало доступны только потому, что народнохозяйственное населеніе недостаточно развито и не понимаетъ своихъ выгодъ, то къ остальнымъ затрудненіямъ прибавляется еще одно. Конечно, когда это одно затрудненіе устраняется, то могутъ еще остаться и многія другія. Но развѣ количество затрудненій лишено значенія? Развѣ все равно, много-ли ихъ или мало? Только для безсильныхъ и бездарныхъ людей количество затрудненій лишено значенія: да и то лишь потому, что для нихъ всякое количество—непревозмогаемо.

45. Путемъ вѣчныхъ, срочныхъ и безсрочныхъ вкладовъ банки могутъ пользоваться *всѣми* источниками оборотныхъ средствъ, пред-

ставляемыми отдѣльными видами ссудныхъ капиталовъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что вѣчные, срочные и безсрочные вклады представляютъ *всѣ* способы пользоваться означенными источниками. Кромѣ нихъ существуютъ еще различные другіе способы пользованія, по важности своей иногда не уступающіе вкладамъ.

Начнемъ съ ссудныхъ капиталовъ, вѣчныхъ или совершенно свободныхъ, въ распоряженіяхъ которыми ихъ владѣльцы не стѣснены никакимъ ограниченнымъ предѣломъ времени. Было уже замѣчено, что вѣчные вклады не представляютъ единственнаго способа пользоваться этими капиталами. Въ гораздо большихъ размѣрахъ ими пользуются *чрезъ посредство выпуска долгосрочныхъ облигацій*, т. е. чрезъ посредство такихъ долговыхъ документовъ, самая юридическая природа которыхъ болѣе приспособлена къ характеру капиталовъ, съ ихъ помощью заимствуемыхъ. Крупные банки рѣдко сильно пользуются вѣчными вкладами. Отчасти мы уже объяснили выше причину этого. Неуказанную, однако, еще нами, не менѣе важную, причину представляетъ *характеръ вкладныхъ документовъ*. Вслѣдствіе того, что вѣчный вкладъ предполагаетъ наибольшую, почти абсолютную, бездѣятельность со стороны вкладчика, существуетъ всегда *весьма ограниченный* кругъ, изъ среды котораго могли бы выходить вѣчные вкладчики. Вслѣдствіе того и самые документы, свидѣтельствующіе о вѣчныхъ вкладахъ, являются очень мало подвижными, *очень мало удобопередаваемыми*. Современная жизнь, однако, всего менѣе сочувствуетъ тому, что не обладаетъ подвижностью. Вотъ почему и къ пользованію вѣчными ссудными капиталами практика приноравливаетъ такіе долговые документы, которые обладаютъ большою подвижностью, уступка которыхъ въ постороннія руки наиболѣе безпрепятственна.

Вѣчные вклады нужны только такому банку, который существуетъ при столь неразвитыхъ отношеніяхъ, что ему нужно разъискивать полезное примѣненіе для своей дѣятельности на пространствѣ всего поля, представляющаго область предпріимчивости банковъ. Болѣе развитыя отношенія, однако, влекутъ за собою раздѣленіе этого поля на отдѣльныя части, спеціальному служенію которыхъ и по-

вящаютъ себя отдѣльные банки и кредитныя учрежденія. Каждый видъ ссудныхъ капиталовъ нуждается въ соотвѣтственномъ ему кредитномъ помѣщеніи. Спеціализація банковъ и кредитныхъ установленій заключается въ томъ, что они сосредоточиваютъ свою дѣятельность на извѣстныхъ только видахъ ссудныхъ средствъ и соотвѣтственныхъ имъ кредитныхъ помѣщеніяхъ. Одни банки и кредитныя установленія служатъ предложенію совершенно-свободныхъ капиталовъ и *спросу* на нихъ вообще, или только извѣстному предложенію и спросу на нихъ. Другіе банки и кредитныя установленія сосредоточиваютъ свою дѣятельность на служеніе спросу и предложенію срочныхъ и безсрочныхъ ссудныхъ капиталовъ.

Въ вѣчныхъ капиталахъ нуждаются только тѣ, которымъ или предстоятъ затраты, обладающія медленною воспроизводительною способностью или тѣ, которые только медленно изъ своихъ посторонніхъ доходовъ способны возстановлять занятые капиталы. Землевладѣлецъ, закладывающій свою землю, чтобъ сдѣлать на ней какія либо усовершенствованія, медленно воспроизводящіяся, конечно, нуждается въ капиталѣ, который не былъ бы стѣсненъ близкимъ истеченіемъ срока его свободности. Или землевладѣлецъ, разсчитывающій при займѣ капитала на уплату его изъ своей ренты, также нуждается въ подобномъ капиталѣ, ибо рента медленно капитализируется. Желѣзнодорожная или иная компанія, занимающая капиталъ для затраты его на цѣли, которыя медленно возстановляютъ затраты, также нуждается въ совершенно свободномъ капиталѣ. Наконецъ правительства, разсчитывающія на уплату занятаго имъ капитала не изъ доходовъ только текущаго года, а изъ цѣлаго ряда лѣтъ, послѣдовательно другъ за другомъ слѣдующихъ, тоже для своихъ надобностей нуждаются въ совершенно свободныхъ капиталахъ.

Практика ко всему этому давно уже привыкла. Она знаетъ, что есть такіе вѣрители, которые иначе не могутъ брать капиталовъ, какъ на долго, и поэтому могутъ брать только совершенно свободные капиталы. Но чтобы не связывать себѣ совершенно рукъ отдачею этихъ капиталовъ и не обрекать себя на полную бездѣятельность, практика нашла себѣ весьма удобный выходъ. Совер-

шенно свободные капиталы образуются изъ тѣхъ приростовъ къ капиталу, съ помощью которыхъ прогрессивное движеніе производительности ведетъ за собою прогрессивное увеличеніе капитала каждой страны. Въ той мѣрѣ, въ какой появляются эти приросты, они очевидно могутъ брать на себя ту тягость неподвижности, которую въ предыдущіе періоды должны были на себя взять совершенно свободные капиталы того времени. Чтобъ тягость могла быть перемѣщена, достаточно, если прежній или первый вѣритель безъ затрудненій въ состояніи будетъ *передавать въ чужія руки* свои права. Передавая свои права, онъ съ ними будетъ передавать и сопряженныя съ ними неудобства. Сила и напряженность вліянія этихъ неудобствъ начнутъ тогда ослабѣвать, вслѣдствіе распредѣленія ихъ между разными вѣрителями по долгосрочнымъ долговымъ документамъ.

Вотъ почему практика стремится издавна сообщить возможно большую подвижность такимъ долговымъ документамъ. Издавна уже практика заботилась о выработкѣ и установленіи возможности такихъ отношеній, при которыхъ безъ всякихъ затрудненій сбывались бы и передавались въ новыя руки и *закладныя*, выдаваемыя землевладѣльцами и домовладѣльцами, и облигаціи, выпускаемыя правительствами и компаніями. При легкости передачи изъ рукъ въ руки долгосрочныхъ долговыхъ документовъ, тягость, которая сегодня ложится на А, завтра перемѣщается на В, послѣ-завтра на С. и т. д.

Что же отсюда проистекаетъ? Что обращаемость долговыхъ документовъ, ихъ мобилизированность, начинаетъ парализовать ихъ долгосрочность. Возникаетъ необходимость проводить строгое различіе между точкою зрѣнія *отдѣльнаго лица* и точкою зрѣнія *всѣхъ* членовъ народнаго хозяйства на долгосрочный долговой документъ. Если отдѣльное лице, покупая сегодня такой документъ, знаетъ, что другихъ охотниковъ его покупать существуетъ еще много и они найдутся сегодня, завтра, чрезъ недѣлю и черезъ мѣсяцъ; если отдѣльное лице покупаетъ долгосрочный документъ именно потому, что оно разсчитываетъ на возможность его передать въ новыя руки, когда въ томъ окажется надобность, — то ясно, что

*для него* документъ вовсе не представляетъ *долгосрочнаго* помѣщенія (оно вѣдь не отдаетъ своего капитала на долгій срокъ, а намѣрено, напротивъ, скоро, въ короткій срокъ, вернуть его обратно). Не менѣе ясна, однако, и другая возникающая при этомъ возможность, которую спекулянты очень скоро подмѣчаютъ, хотя они рѣдко понимаютъ ея основанія. Дѣло въ томъ, что при безпрепятственной обращаемости долгосрочнаго долговаго документа *отдѣльное лицо* можетъ помѣстить въ документъ *краткосрочныя* свободныя средства. Практически точка зрѣнія индивидуальнаго лица пріобрѣтаетъ большое значеніе въ особенности въ тѣ періоды, когда сразу появляется большая масса долгосрочныхъ долговыхъ документовъ, для которыхъ въ народномъ хозяйствѣ вовсе и не существуетъ соотвѣтствующей имъ массы совершенно свободныхъ капиталовъ. Если въ подобные періоды оживленіе предпріимчивости велико, то каждый отдѣльный предприниматель стремится изъ всякаго возможнаго угла выцарапать, такъ сказать, сколько онъ можетъ, сколько-нибудь свободныхъ средствъ, на которыя онъ и покупаетъ новыя бумаги. Онъ разсчитываетъ при этомъ на то, что ему удастся скоро сбыть ихъ въ постороннія руки. Пока переходъ новыхъ бумагъ изъ однѣхъ рукъ въ другія безпрепятственный, никто не замѣчаетъ, что въ сущности онѣ лишены прочной почвы. Но раньше или позже опытъ начинаетъ весьма убѣдительно показывать, что «гдѣ-то—гнило», «почему-то дѣло — плохо». Въ чемъ же суть и почему раньше или позже возникаетъ реакція?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ очень простъ. Выше мы сказали, что обращаемость бумагъ и легкость ихъ уступки изъ однѣхъ рукъ въ другія ведетъ за собою необходимость различать двѣ возможныя въ такомъ случаѣ точки зрѣнія на дѣло. Одна есть точка зрѣнія индивидуальнаго предпринимателя. Но ею не исчерпывается все, что явленія въ данномъ случаѣ представляютъ. Отдѣльному лицу временно-свободный капиталъ можетъ давать возможность короткій срокъ обладать документомъ, представляющимъ долгосрочное помѣщеніе. Но вѣдь помѣщеніе отъ того не можетъ стать краткосрочнымъ. Капиталъ, разъ на него затраченный, во всякомъ случаѣ раньше, чѣмъ по истеченіи срока

предпріятія, не возстановится. Паи этого капитала могутъ сегодня принадлежать А, завтра Б, послѣ-завтра В: и А, и Б, и В, каждому изъ нихъ, въ отдѣльности взятому, можетъ казаться, что долгосрочность помѣщенія парализована. Но она парализуется только по отношенію къ одному отдѣльному лицу, и не потому, что она совершенно устраняется, а потому, что ея тягость на себя беретъ постороннее лице. Для всѣхъ членовъ народнаго хозяйства, въ совокупности взятыхъ, тягость существуетъ во всякое данное время и долгосрочность совсѣмъ не парализуется. Разъ создано долгосрочное предпріятіе, ему долженъ соотвѣтствовать совершенно свободный капиталъ. Иначе ему не на чемъ держаться. *Временно* ему можно пособить срочнымъ или безсрочнымъ капиталомъ. Если А или В оказываютъ свое содѣйствіе предпріятію подобными срочными или безсрочными капиталами, то это они вѣдь дѣлаютъ въ разсчетѣ высвободить скоро свои капиталы. Что же тогда останется почвою подъ препріятіемъ? Положимъ, что на помощь имъ явятся Д и Е съ такими же срочными или безсрочными капиталами. Тогда опять нужно, чтобъ и ихъ кто нибудь выручилъ. И понятно, что *окончательно* выручить можетъ только совершенно свободный капиталъ и что до тѣхъ поръ, пока онъ не появится, подъ препріятіемъ будетъ шаткая почва. Но что-же будетъ если совершенно свободнаго капитала не окажется? Предпріятіе существуетъ и дѣйствуетъ. Повидимому кажется, что ему уже и горя мало. Но предпріятія существуетъ *для людей* и только тогда, когда и подъ людьми почва крѣпкая, почва предпріятій не шатается. Если А, В, Д, Е устроили на срочные или безсрочные капиталы долгосрочное предпріятіе, требующее совершенно-свободнаго капитала, и таковой имъ на выручку не появится, *то они не въ состояніи будутъ высвободить своихъ срочныхъ и безсрочныхъ капиталовъ.* И вотъ тогда они начнутъ чувствовать, что «гдѣ-то почему-то плохо». И оно понятно, что дѣло будетъ плохо. Срочно или безсрочно свободный капиталъ вѣдь означаетъ такой, который уже имѣетъ опредѣленное занятіе, который уже дѣйствуетъ въ извѣстномъ предпріятіи. Это предпрі-

ятіе срочно или безсрочно свободный капиталъ можетъ оставить только *на время*, опредѣленное или неопредѣленное, но по истеченіи котораго онъ будетъ потребованъ обратно. Къ этому моменту онъ *долженъ быть* готовъ оставить всякое постороннее предпріятіе, въ которое онъ отправляется во время своего досуга. Но если онъ не будетъ готовъ? Если онъ не въ состояніи будетъ возвратиться къ своему первоначальному дѣлу? Тогда этому дѣлу будетъ угрожать непосредственная опасность остаться безъ почвы. Но это дѣло было самое главное для владѣльца срочно или безсрочно свободнаго капитала. Его съ такою легкостію не бросятъ. Во всякомъ случаѣ возникнетъ вопросъ, какое изъ двухъ предпріятій предпочесть, за какимъ изъ нихъ оставить капиталъ. Капиталъ, изъ котораго только предпріимчивость его владѣльца дѣлаетъ живую силу, долженъ будетъ получить тотъ-же неопредѣленно-перѣшительный характеръ, который въ подобномъ случаѣ пріобрѣтетъ предпріимчивость. Оба, и владѣлецъ капитала, и самъ капиталъ, отъ перѣшительности своей окажутся въ положеніи человѣка, которому угрожаетъ опасность сѣсть между двумя стульями. И эта опасность можетъ дѣйствительно наступить. Замѣтивъ свой промахъ, владѣльцы срочно и безсрочно свободныхъ капиталовъ постараются развязаться съ новымъ предпріятіемъ, въ которое они такъ перасчетливо вмѣшались. Они начнутъ гоняться за всякимъ случаемъ сбыть его съ рукъ, хоть съ уступкою, но продать его. Это повлечетъ за собою обезцѣненіе злосчастнаго новаго предпріятія. Но обезцѣненіе въ свою очередь повлечетъ за собою, что изъ предпріятія будетъ высвобождено меньше, чѣмъ въ него было затрачено. Слѣдовательно, и первому предпріятію будетъ возвращено меньше, чѣмъ отъ него ушло въ досужее время. Значитъ, и оно должно будетъ обезцѣниться.

Очевидно отсюда, какую громадную важность имѣетъ дѣятельность, которая спеціализируется на распознаваніи и разъискиваніи капиталовъ совершенно свободныхъ. Если разъ у народнаго хозяйства возникаетъ потребность въ обширной массѣ подобнаго рода *ссудныхъ* капиталовъ, тогда является необходимымъ, чтобъ ока-

залась спеціальная предпріимчивость, которая служила бы этой потребности.

Пока еще потребность въ совершенно свободныхъ ссудныхъ капиталахъ не очень велика и пока еще не великъ самый объемъ совершенно-свободныхъ ссудныхъ капиталовъ, ищущихъ себѣ занятія, до тѣхъ поръ отдѣльные представители спроса и предложенія этого разряда капиталовъ могутъ непосредственными отношеніями другъ съ другомъ удовлетворить своимъ надобностямъ. Отсюда наблюдаемыя до извѣстнаго времени непосредственныя отношенія, напримѣръ, землевладѣльцевъ къ частнымъ лицамъ, раздающимъ свои деньги подъ закладныя, или къ маклерамъ, которые во всякое данное время знаютъ, гдѣ и какого свойства кто имѣетъ закладную для полученія по ней денегъ и гдѣ у кого имѣются деньги, разъискивающія соотвѣтственныя имъ закладныя. Съ появленіемъ долгосрочныхъ государственныхъ займовъ впервые принимаетъ обширные размѣры спеціальная дѣятельность по разъисканію совершенно свободныхъ капиталовъ. По большей части государственные займы заключались чрезъ посредство банковъ и банкировъ. То есть, за весьма незначительными, исключеніями по большей части облигацій государственныхъ займовъ капиталы были собраны, благодаря дѣятельности банковъ и банкировъ. Обыкновенно, смотря на облигацію государственнаго долга или говоря о ней, мы до того обращаемъ наше исключительное вниманіе на ея государственное значеніе, что совершенно оставляемъ въ сторонѣ безъ вниманія ту роль, которую для ея существованія играли и играютъ банки и банкиры. А между тѣмъ эта роль имѣетъ существенную важность для теоріи и практики банковаго дѣла.

На государственныхъ облигаціяхъ дѣйствительно не остается слѣдовъ отъ означенной роли; а между тѣмъ она такъ велика, что отъ банка или банкира, принимающаго на себя дѣло собиранія нужныхъ государству капиталовъ, зависитъ весь успѣхъ займа.

Когда банкъ или банкиръ принимаетъ на себя задачу собрать капиталъ для облигацій, то операція, составляющая содержаніе этой задачи, называется *реализаціею*. Какія бы ни были отдѣль-

ныя условія, на которыхъ банкъ или банкиръ принимаетъ на себя задачу собрать капиталы для паевыхъ цѣнностей, необходимо различать тѣ случаи, когда паевыя цѣнности представляютъ акціи, отъ тѣхъ случаевъ, когда онѣ представляютъ облигаціи. И въ томъ и въ другомъ случаѣ бумаги, представляющія отдѣльные паи, становятся цѣнностями, когда для нихъ найденъ соотвѣтственный капиталъ. Различіе между ними однако то, что акціямъ нуженъ предпринимательскій капиталъ, тогда какъ облигаціямъ нуженъ ссудный капиталъ. Ссудный же капиталъ такъ рѣзко отличенъ отъ предпринимательскаго, что и задача собрать первый должна быть возможно болѣе обособляема отъ задачи собрать второй. Мы здѣсь, какъ и во всей книгѣ, имѣемъ дѣло съ ссудными только капиталами.

Сущность операціи по части реализаціи заключается въ томъ, чтобъ разъискать и собрать капиталъ, необходимый для даннаго займоваго предпріятія, необходимый для того, чтобъ быть отданнымъ въ ссуду. Когда банкъ беретъ на себя реализацію, онъ поэтому не становится въ какое-либо новое положеніе, которое было бы существенно отлично отъ тѣхъ положеній, въ которыя онъ становится, производя всѣ другія свои операціи. Ибо рѣшительно все равно, собираетъ ли банкъ капиталы еще до того, какъ ему извѣстно, кому именно онъ передастъ собранные капиталы, или послѣ того, какъ это ему стало извѣстнымъ. Когда банкъ собираетъ путемъ вѣчныхъ вкладовъ совершенно свободные капиталы, имѣя въ виду, что онъ найдетъ для нихъ производительное употребленіе, то намъ и въ голову не приходитъ сомнѣваться, что банкъ производитъ операцію, совершенно соотвѣтствующую цѣлямъ его существованія. Но развѣ дѣло хоть на волосъ отъ того измѣняется, если банкъ не только *надѣется*, что онъ найдетъ занятія для собранныхъ имъ денегъ, но *совершенно въ этомъ увѣренъ*? Далѣе, банкъ можетъ собирать капиталы для различныхъ экономическихъ сферъ, для отдѣльныхъ предпринимателей, для цѣлыхъ компаній, наконецъ для правительствъ. Заемъ отдѣльному предпринимателю или вообще частному лицу по большей части менѣе обезпеченъ, чѣмъ заемъ для компаніи или правительствъ.

Понятно, поэтому, что банку приходится играть различную роль, смотря по тому, для кого онъ собираетъ капиталы. Если онъ собираетъ капиталы для частныхъ лицъ, можетъ быть для очень большаго круга частныхъ лицъ, составъ которыхъ еще будетъ подвергаться перемѣнамъ, то, конечно, владѣльцамъ капиталовъ, собираемыхъ банкомъ, невыгодно стать въ непосредственныя отношенія къ этимъ лицамъ. Владѣльцамъ капиталовъ гораздо выгоднѣе имѣть непосредственныя сношенія лучше съ самимъ банкомъ, на него возложить отвѣтственность за цѣлость, сохранность, производительность и выговоренную къ извѣстному сроку свободность капиталовъ, во всей ихъ цѣлости или долями. Банку-же тогда выгоднѣе предоставить самому знаться съ тѣми отдѣльными лицами, для которыхъ онъ капиталы собиралъ. Въ такомъ положеніи находятся обыкновенно поземельные банки, замѣняющіе отдѣльныя закладныя, представляемыя имъ заемщиками землевладѣльцами или домовладѣльцами, собственными своими облигаціями (закладными листами). По каждой такой облигаціи должникомъ непосредственнымъ является банкъ, а не тѣ отдѣльныя лица, для которыхъ онъ собралъ капиталъ. Отвѣтственность предъ владѣльцами капиталовъ, собираемыхъ банкомъ путемъ закладныхъ листовъ, лежитъ не на каждомъ изъ его заемщиковъ въ отдѣльности, а на банкѣ, т. е. или на его капиталѣ или на всей совокупности заемщиковъ.

Но уже отдѣльные поземельные банки могутъ до такой степени специализироваться, что они сами будутъ нуждаться въ посредникѣ, который бы облегчилъ имъ дѣло собиранія капиталовъ по выпускаемымъ ими облигаціямъ. Для реализаціи ихъ они должны соединиться съ другими банками или банкирами, которые имъ помогли бы. Тогда эти посторонніе банки или банкиры являются въ такомъ-же отношеніи къ поземельному банку, въ какомъ онъ находится къ своимъ должникамъ; но ихъ роль при этомъ характеризуется новою особенностью. Собирая капиталы для поземельнаго банка, они, конечно, дѣлаютъ только то-же самое, что онъ дѣлаетъ для своихъ заемщиковъ. Но поземельный банкъ и отдѣльные заемщики не одно и тоже. Къ публикѣ можно обратиться за капи-

талами и сказать ей: эти капиталы для такого-то банка, онъ беретъ на себя отвѣтственность за цѣлость и сохранность вашихъ средствъ, —тогда какъ къ публикѣ нельзя обратиться за капиталами, ставя ее въ непосредственныя отношенія къ отвѣтственности по каждой отдѣльной закладной. Облигаціямъ публика вѣритъ, отдѣльной закладной она можетъ и не повѣрить. Облигаціи представляютъ тѣ-же закладныя, но усиленныя отвѣтственностью банка, его капиталомъ или круговымъ ручательствомъ заемщиковъ другъ за друга, приведенныя въ такой видъ, который дѣлаетъ ихъ обращеніе наиболѣе безпрепятственнымъ. Вотъ почему банки и банкиры, обращающіеся къ публикѣ за капиталами, могутъ слагать съ себя отвѣтственность. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что происходитъ какая-либо перемѣна въ ихъ роли органа, собирающаго капиталы для поземельныхъ банковъ? Очевидно нѣтъ. Эта роль за ними остается все цѣло. Если поземельные банки считаютъ себя органомъ, собирающимъ капиталы для заемщиковъ, то банки и банкиры, принимающіе на себя реализацію закладныхъ листовъ, имѣютъ всѣ тѣ-же основанія быть признанными за исполняющіе роль органовъ, которые собираютъ капиталы для поземельныхъ банковъ.

Ту-же роль исполняютъ банки и банкиры, когда они принимаютъ на себя реализацію облигацій компаній и правительствъ. Они сосредоточиваютъ у себя капиталы, предназначенные къ передачѣ должнику, достаточно сильному, чтобъ на него непосредственно могла быть возложена вся отвѣтственность за ссудные капиталы. Дѣятельность банковъ и банкировъ можетъ ограничиваться однимъ только тѣмъ, что они собираютъ капиталъ и передаютъ его надлежащему должнику. Затѣмъ лица, которымъ принадлежалъ капиталъ, знаютъ уже непосредственно одного только должника. Всякія отношенія между ними и банкомъ или банкиромъ прекращаются.

Такимъ образомъ реализаціонная операція банковая указываетъ намъ на особый способъ, путемъ котораго банки или банкиры могутъ пользоваться совершенно свободными средствами народнаго хозяйства, какъ источникомъ ссудныхъ капиталовъ. Этотъ способъ

заключается въ ограниченіи банковаго посредничества однимъ только дѣломъ собиранія ссуднаго капитала для извѣстныхъ должниковъ, на которыхъ только и возлагается отвѣтственность на передаваемые имъ капиталы.

Изъ сказаннаго видно, что смотря по тому, для кого банкъ собираетъ капиталы, и возможно, чтобъ банкъ слагалъ съ себя отвѣтственность или бралъ ее на себя. Существенное отличіе между случаями, когда банкъ принимаетъ на себя отвѣтственность, и случаями, когда онъ ее съ себя слагаетъ, заключается въ томъ, что въ первыхъ банкъ собираетъ капиталы путемъ заемнаго кредита во вторыхъ—путемъ кредита коммиссіоннаго. Ибо очевидно, что еслибъ кредитъ банка былъ не причемъ во всемъ этомъ дѣлѣ, тогда нечего было бы обращаться къ нему за реализаціею.

Если вѣчные вклады не представляютъ единственнаго способа пользоваться совершенно свободными средствами, какъ источникомъ ссудныхъ капиталовъ, то срочные вклады не представляютъ единственнаго способа пользоваться временно-свободными средствами, какъ другимъ источникомъ ссудныхъ капиталовъ. Самый ходячій и распространенный въ жизни способъ ими пользоваться представляютъ векселя и разнообразныя срочныя обязательства, которыя одни лица выдаютъ другимъ. Каждое срочное обязательство, выданное однимъ частнымъ лицомъ другому, представляетъ какой-либо временно свободный ссудный капиталъ, которымъ съ его помощью воспользовались. Въ той же мѣрѣ, въ какой доброкачественность обязательства зависитъ отъ производительности той предпріимчивости, которая его выдала, въ той же мѣрѣ она зависитъ отъ качествъ капитала, который вѣрителемъ по обязательству былъ выданъ должнику. Мы уже видѣли, какія опасности скрываетъ въ себѣ долгосрочное обязательство, когда оно представляетъ срочно или безсрочно свободные капиталы. Тоже должно сказать про срочные долговые документы, когда по нимъ переданы безсрочные капиталы. Подобное помѣщеніе безсрочно-свободныхъ ссудныхъ капиталовъ становится возможнымъ тоже тогда, когда долговой документъ можетъ быть уступаемъ изъ рукъ въ руки. А опытъ показываетъ,

что обращаемостью могутъ обладать весьма разнообразные долговые документы. Понятно, что если такимъ долговымъ, документамъ номинально-срочнымъ, начинаютъ соотвѣтствовать безсрочные капиталы, то это можетъ быть только временно. Раньше или позже подъ нихъ должна быть подведена соотвѣтствующая ихъ природѣ почва: иначе они приводятъ къ раззоренію.

Еще большія опасности угрожаютъ обыкновенно долговымъ документамъ (срочнымъ и безсрочнымъ) отъ злоупотребленій иного свойства, но вызываемыхъ тою же возможностью уступать документы изъ рукъ въ руки. Эти злоупотребленія заключаются въ обманѣ, которому могутъ подвергаться лица, коимъ документы уступаются: документы могутъ на самомъ дѣлѣ совсѣмъ и не свидѣтельствовать о долгѣ, возникшемъ еще до ихъ уступки, никакого капитала по нимъ первоначально должнику могло не быть передано вѣрителемъ. Документы могли быть составлены людьми, нарочно соединившимися и подѣлившими между собою роли кредитора и должника, чтобъ фальшивый кредиторъ поддержалъ довѣріе къ своему сообщнику, желающему явиться должникомъ предъ третьимъ лицемъ. Отсюда—обязательства дутыя, о которыхъ уже было говорено выше.

Для того, чтобъ пользоваться источникомъ ссудныхъ капиталовъ, представляемымъ срочно-свободными средствами, банки нерѣдко употребляютъ какъ способъ не только вклады, но и векселя. Банки или выдаютъ на третія лица вексельные приказы платежей извѣстной продолжительности и являются трассентами, или принимаютъ подобные приказы и являются по нимъ акцептантами. Срочный вексель по которому банкъ трассентъ или акцептантъ, является такимъ-же способомъ пользоваться срочнымъ кредитомъ, какимъ являются свидѣтельства на срочные вклады. Не безъ основанія можно было бы даже утверждать, что банковый долгъ по векселю имѣетъ преимущество предъ его долгами по вкладамъ. Вексель представляетъ, поэтому, способъ, которымъ могутъ быть парализованы стѣсненія, которымъ правительство иногда подвергаетъ отдѣльные банки, запрещая имъ принимать вклады.

Должно сознаться, что вексель представляетъ такую форму задолженности, которая всего менѣе соотвѣтствуетъ банку. Вексель всегда предполагаетъ на столько *непосредственныя* кредитныя отношенія, чтобъ вѣритель по обязательству непосредственно передалъ должнику капиталъ, сообщающій свою цѣнность долговому документу. Срочные векселя обыкновенно являются послѣдствіемъ передачи предъявителемъ ихъ какой либо цѣнности трассенту на извѣстный срокъ. Когда банкъ по векселю является трассептомъ, онъ можетъ и не быть дѣйствительнымъ должникомъ, вслѣдствіе полученной имъ цѣнности. Тоже представляется намъ, когда банкъ является по векселю акцептантамъ. Банкъ въ такомъ случаѣ принимаетъ на себя обязательство исполнить приказъ, на исполненіе котораго онъ могъ предварительно покрытія и не получить. Конечно, такое покрытіе можетъ ему еще быть доставлено къ сроку. Но до истеченія этого срока банковый акцептъ представляется дутымъ и учетъ его есть учетъ дутаго векселя. Большая часть векселей, которые другъ другу выдаютъ отдѣльныя лица, порождаются передачею вѣрителемъ должнику какихъ либо товаровъ, уплата за которые и отлагается до истеченія срока векселя. До истеченія этого срока вексель уже съ самаго своего начала, уже съ самаго своего рожденія, въ рукахъ перваго его акцептанта представлялъ переходъ къ *послѣднему* извѣстнаго капитала. Банкъ-же въ лучшемъ случаѣ получаетъ капиталъ только по истеченіи срока векселя. При самой акцептаціи банкъ ничего не получаетъ, а между тѣмъ обязывается онъ такъ, какъ еслибъ валюта векселя была имъ уже получена. Такимъ образомъ срочные вексельные акцепты банковъ представляютъ собою приказы платежей, въ основу которыхъ положено стремленіе воспользоваться лучшимъ кредитомъ ради его формы только.

46. Всякое обязательство, кто бы его ни выдалъ, на какой бы оно ни было срокъ, какою бы оно ни обладало обезпеченностью, всегда представляетъ способъ, съ помощью котораго производится пользованіе какимъ либо источникомъ ссудныхъ капиталовъ. Пользо-

ваніе это всегда производится, прямо или косвенно, производительною предпріимчивостью, принимающею на себя обязательства и ихъ погашенія. Для погашенія у предпріимчивости или уже могутъ имѣться средства во время самаго пріема ею на себя обязательства: тогда кредитъ будетъ покрытый. Или она разсчитываетъ на свои будущіе плоды, тогда ея кредитъ непокрытый.

Если мы бросимъ взглядъ на разсмотрѣнные нами до сихъ поръ способы пользованія различными видами ссудныхъ капиталовъ, руководствуясь точкою зрѣнія покрытости или непокрытости кредита, служащаго ихъ основаніемъ, то, за исключеніемъ чековъ и вкладовъ на текущіе счеты, всѣ остальные способы представлялись основанными на непокрытомъ кредитѣ. Облигаціи, срочные вклады, безсрочные вклады, насколько ими *не* пользуются ихъ владѣльцы для собственныхъ своихъ надобностей, наконецъ вексельный кредитъ банковъ, все это были—обѣщанія платежей, разсчитанные на будущіе плоды предпріимчивости, для которой съ ихъ помощью доставались капиталы. Исключеніе представляли намъ одни чеки; чеки представляли единственный видъ банковыхъ долговыхъ документовъ, которыхъ основная характеристичная черта заключалась въ покрытости кредита, служащаго ихъ основаніемъ.

Но мы еще не разсмотрѣли всего круга банковыхъ способовъ пользоваться источниками ссудныхъ средствъ. Поэтому мы еще не выяснили ни всего того круга обязательствъ, которому чеки могутъ быть противупоставлены, какъ нѣчто, изъ означеннаго круга выдѣляющееся, ни вопроса, не существуютъ-ли и другіе способы, которые могли бы быть поставлены на одну доску съ чеками.

Мы еще вовсе не касались способа пользованія ссудными средствами, заключающагося въ выпускѣ банками тѣхъ долговыхъ документовъ, которые называются просто *билетами*. Къ его разсмотрѣнію мы теперь и обратимся.

Банковый билетъ представляетъ *безсрочный* и *безпроцентный* долговой документъ на предъявителя. Слѣдовательно, когда-бы онъ ни былъ предъявленъ банку и кѣмъ-бы онъ ни былъ предъявленъ,

немедленно по востребованію банкъ обязывается погасить долгъ, представляемый его билетомъ. Но такъ называемая *размѣнность* банковыхъ билетовъ (то-есть качество, являющееся у билетовъ вслѣдствіе обязанности банка размѣнять ихъ на наличныя деньги немедленно по востребованію предъявителя) менѣе всего представляетъ какое-либо ихъ отличительное качество. *Всякое* обязательство размѣнно и если оно неразмѣнно, оно перестаетъ быть обязательствомъ. Ибо имущественнаго обязательства, котораго нельзя было-бы прекратить платежемъ по нему деньгами, не существуетъ. Но, можетъ казаться, что размѣнность банковыхъ билетовъ отличается тою особенностью, что она выражаетъ погашеніе долга непремѣнно деньгами, т. е. звонкими, золотыми или серебряными, орудіями обращенія, что она выражаетъ погашеніе долга непремѣнно свободнымъ имуществомъ, а не всѣмъ тѣмъ, что правительству заблагоразсудится считать законнымъ платежнымъ средствомъ, прекращающимъ обязательства. Но эта особенность—фиктивная. Правительство, дѣйствительно, можетъ силою закона принуждать людей довольствоваться созданными имъ платежными средствами. Но оно въ такомъ случаѣ одинаково извращаетъ природу *всѣхъ* долговъ, а не только тѣхъ, которые представляются банковыми билетами. Только тогда, когда свобода кредитора при прекращеніи обязательства остается неприкосновенною, долгъ до конца остается тѣмъ, что онъ есть по своей природѣ: проявленіемъ свободы въ имущественныхъ отношеніяхъ людей другъ къ другу. Только тогда, когда прекращеніе обязательства производится чрезъ передачу кредитору такой цѣнности, на которую онъ предъявляетъ совершенно свободный спросъ и которую онъ принимаетъ внѣ всякаго вліянія на него какой-либо принудительной человѣческой власти, только также прекращеніе обязательства — дѣйствительное. Но если законъ произвольно вмѣшивается въ имущественныя отношенія частныхъ лицъ другъ къ другу и приказываетъ имъ считать прекратившимися ихъ требованія при такихъ условіяхъ, при которыхъ эти требованія совсѣмъ не удовлетворяются (хотя никакой иной цѣли требованія-то и не имѣли,

кромѣ той, чтобы они были удовлетворены), тогда очевидно, что вся природа долговыхъ отношеній совершенно извращается. Отъ какой-бы причины ни родилось обязательство и въ какомъ долговомъ документѣ оно ни выражалось-бы, оно имѣетъ своею конечною цѣлью—дать кредитору или ту цѣнность, въ которой онъ въ данное время нуждается, или свободное имущество, звонкія деньги, на которыя онъ могъ-бы себѣ добыть то, что ему нужно. Если ему не даютъ ни того, ни другаго, ему не даютъ того, на что онъ имѣлъ право, его право остается неудовлетвореннымъ, его требованіе не прекращается, долгъ, который онъ имѣлъ на своего дебитора, не погашается. Онъ самъ оттого не перестаетъ быть кредиторомъ. И тогда одно изъ двухъ: или его кредиторскія права будутъ признаны и ихъ удовлетвореніе только отсрочивается, или-же, въ противномъ случаѣ, законъ о погашеніи обязательства путемъ легальнаго платежнаго средства выражаетъ банкротство.

Размѣнность, означающая погашеніе обязательства свободнымъ имуществомъ (деньгами), всего менѣе можетъ быть особенностью одного вида кредитныхъ обязательствъ, въ отличіе отъ другихъ видовъ кредитныхъ-же обязательствъ. Мы уже замѣтили выше, что юридическія представленія объ обязательствахъ гораздо шире тѣхъ, которыя въ ходу при экономическихъ разсужденіяхъ. Для юристовъ не одинъ только кредитъ порождаетъ обязательства, а еще и разныя другія причины. Въ этомъ смыслѣ мы и отличаемъ кредитныя обязательства отъ другихъ возможныхъ. Всякое обязательство, имѣющее своею основою кредитъ, выражаетъ собою путь, черезъ посредство котораго кредитъ совершаетъ всѣ свои функціи. Но одна изъ самыхъ основныхъ функцій кредита заключается въ томъ, что онъ представляетъ средство сохранять имущество въ свободномъ состояніи. Оттого-то всѣ кредитныя обязательства и гласятъ объ извѣстной денежной суммѣ. Какимъ-же образомъ одинъ видъ кредитныхъ обязательствъ можетъ быть выдѣленъ изъ всего круга ихъ и отличительнымъ признакомъ его можетъ считаться такой, который у другихъ обязательствъ также точно существуетъ?

Размѣнность банковыхъ билетовъ, какъ отличающая ихъ не-

ключительно, можетъ быть понята развѣ въ томъ смыслѣ, что большая часть законодательствъ объ этомъ предметѣ признаетъ преимущественное право удовлетворенія за кредиторами, въ рукахъ которыхъ находятся долговые документы, представляемые банковыми билетами. Но въ такомъ-же смыслѣ можно говорить, что долговые документы, написанные на вексельной бумагѣ, обладаютъ размѣнностью предпочтительно предъ долговыми документами, написанными на простой бумагѣ. Т. е., различія и особенности въ размѣнности разныхъ обязательствъ возникаютъ лишь съ судопроизводственной, но никакъ не строго-экономической точки зрѣнія.

Размѣнность обязательствъ подчиняется выговореннымъ условіямъ ихъ прекращенія, изъ которыхъ для нея важны всего болѣе условія *срока* или продолжительности обязательствъ. Долгосрочное обязательство, постепенно погашаемое, долями и размѣнно. Его размѣнность слагается изъ долей и выражается только во всей ихъ совокупности. Срочное обязательство размѣнно съ истеченіемъ того періода времени, на которое оно выдано. Наконецъ, безсрочное обязательство, все равно, банковый билетъ-ли оно, или имѣетъ иной видъ и называется иначе, размѣнно по его предъявленіи.

Изъ сказаннаго видно, такимъ образомъ, что размѣнность не составляетъ какой либо отличительной особенности банковыхъ билетовъ. Но она тѣмъ не менѣе представляетъ основное условіе, подъ которымъ банковые билеты могутъ выражать и представлять кредитное обязательство. Размѣнность только не представляетъ какого либо ихъ преимущества надъ другими видами обязательства. Она сама еще, напротивъ, уравниваетъ ихъ съ другими видами. Вотъ почему установленіе этой размѣнности выражаетъ элементарнѣйшій, такъ сказать, шагъ для того, чтобъ банковый билетъ *не былъ хуже* другихъ видовъ кредитныхъ обязательствъ.

Насколько банковые билеты представляютъ собою безсрочныя и безпроцентныя обязательства, уплачиваемыя предъявителю, казалось бы, они не представляютъ никакихъ особенностей. Ибо безпроцентность встрѣчается также и на чекѣ и является простымъ послѣдствіемъ права требовать прекращенія обязательства немед-

ленно по предъявленію. Безсрочное обязательство можетъ быть процентнымъ только тогда, когда оно фактически становится срочнымъ. Ибо процентность обязательства вознаграждаетъ пользованіе капиталомъ, отъ передачи котораго оно родилось. Пользованіе же предполагаетъ срокъ, въ теченіе котораго оно длится. При отсутствіи срока невозможно и пользованіе. Вотъ почему чекъ, по которому отъ банка можно требовать немедленнаго платежа, безпроцентенъ. Вотъ почему также и банковый билетъ безпроцентенъ.

Несмотря на то, что по ближайшему разсмотрѣнію банковые билеты вовсе не оказываются столь рѣзко отличными отъ другихъ видовъ банковыхъ долговыхъ документовъ, теорія и практика долго ихъ выдѣляли изъ всего круга банковыхъ долговыхъ документовъ и придавали имъ значеніе совершенно особаго и совершенно самостоятельнаго банковаго ресурса. Для точныхъ разсужденій о нихъ, поэтому, всего важнѣе имѣть въ виду ихъ отношеніе къ другимъ источникамъ оборотныхъ средствъ банковъ.

Какими отличительными особенностями ни обладалъ бы банковый билетъ, какую сильную власть онъ ни передавалъ бы учрежденіямъ, его выпускающимъ, во всякомъ случаѣ мы должны прежде всего не забывать, что онъ не выходитъ изъ круга *способовъ* пользованія источниками ссудныхъ средствъ. Самостоятельнаго *источника* оборотныхъ средствъ банковый билетъ не представляетъ, какъ не представляютъ такого источника ни вклады, ни закладные листы, ни облигаціи. Потому что банковый билетъ прежде всего — долговой документъ, какъ и всѣ другіе банковые способы. Банкъ не можетъ выпускать билета, не становясь чрезъ то въ положеніе должника по отношенію къ кому либо. Но становиться въ положеніе должника и значитъ заимствовать что-либо изъ источника, находящагося внѣ и отдѣльно отъ той власти или силы, которая производитъ заимствованіе,—изъ источника, имѣющаго свое самостоятельное существованіе и допускающаго заимствованіе только временное и съ условіемъ возстановленія или возвращенія взятаго. Еслибъ банкъ могъ выпускать билеты, не становясь при этомъ въ положеніе

должника, тогда билеты представляли бы для него не только способъ пользованія посторонними источниками, но и особый самостоятельный источникъ, который собою увеличивалъ бы остальные. Тогда бы можно было признавать, что операція выпуска билетовъ увеличиваетъ оборотныя средства банковъ, независимо отъ какихъ бы то ни было сопряженныхъ съ этимъ перемѣнъ въ остальной массѣ оборотныхъ средствъ, имѣющихся у народнаго хозяйства. Но если выпускъ билетовъ сопряженъ съ банковою задолженностью, необходимо слѣдующею за выпускомъ и имъ порождаемою, то это и доказываетъ, что съ помощью билетовъ банки только производятъ заимствованіе извѣстныхъ долей въ свою пользу изъ всего фонда народнохозяйственныхъ оборотныхъ средствъ,—что билеты представляютъ только особый способъ привлекать къ банкамъ и сосредоточивать въ нихъ оборотныя средства, которыхъ возникновеніе и существованіе должны имѣть и основанія, внѣ банковъ лежащія. Банки могутъ облегчать и совершенствовать это возникновеніе. Они могутъ способствовать превращенію оборотныхъ средствъ въ ссудныя, равно какъ праздныхъ средствъ въ оборотныя. Но они не въ состояніи созидать что-либо изъ ничего, потому что этого не въ состояніи сдѣлать кредитъ, силою котораго банки дѣйствуютъ.

Спрашивается въ такомъ случаѣ: для пользованія какимъ именно источникомъ служатъ, какъ спеціальный способъ, банковые билеты? Какія праздныя средства съ ихъ помощью привлекаются къ банкамъ, чтобъ быть обращенными въ оборотныя,—или какія малопроизводительныя оборотныя средства съ ихъ помощью сосредоточиваются въ банкахъ, чтобъ они были сдѣланы болѣе производительными превращеніемъ ихъ въ ссудныя средства, которымъ банки доставили бы непрерывную доходность?

Банковые билеты суть долговые документы *безсрочные*. На что-же это указываетъ? На то, что съ ихъ помощью банки берутъ у постороннихъ лицъ такія средства, которыя могутъ быть превращены только въ безсрочные ссудные капиталы. Значитъ, съ помощью билетовъ банки пользуются только такими средствами, которыя ихъ владѣльцами не признаются ни совершенно свобод-

ными, ни-же свободными на какой либо срокъ, который заранѣе могъ бы быть опредѣленъ.

Какія же это средства? Выше мы разсмотрѣли составъ категоріи, къ которой они принадлежатъ. Мы видѣли, что они могутъ быть прежде всего денежными капиталами, кассовыми-дѣятельными и обезпечительными. Пользованіе билетами банки производятъ или тѣмъ, что за всякую вносимую звонкую денежную наличность они выдаютъ свои билеты. Для владѣльцевъ звонкихъ денегъ отъ замѣны послѣднихъ билетами получаются всѣ тѣ выгоды, которыя проистекаютъ отъ вѣрнаго храненія денегъ въ безопасномъ мѣстѣ, отъ перемѣщенія на постороннее лице или учрежденіе страха потери денегъ, отъ устраненія необходимости портить деньги манипуляціями при ихъ употребленіи, отъ устраненія необходимости терять время и силы для ихъ перемѣщенія, сосчитыванія и т. д. Очевидно, однако, что если банкъ выпускаетъ свои билеты въ обмѣнъ за приносимое въ него золото и серебро и, притомъ, если банкъ даетъ свои билеты именно тѣмъ лицамъ, которыя въ него внесли драгоцѣнные металлы,—тогда эти билеты становятся совершенно не важными для банка, какъ способъ пользованія ссудными средствами. Ибо все, что въ банкъ вносится, изъ него немедленно-же выбирается. Лица, довѣряющія банку свои звонкіе капиталы, сами ими пользуются во всей ихъ цѣлости, не оставляя у банка свободною никакой ихъ части. Банкъ играетъ роль хранителя золота и серебра, сосредоточивающагося въ немъ, и весь его кредитъ ограничивается довѣріемъ, которое къ нему питаютъ, какъ къ хранителю. Онъ совсѣмъ не играетъ роли посредника между владѣльцами свободныхъ капиталовъ, не умѣющими и не желающими найти своимъ капиталамъ производительное занятіе и потому обращающимися къ банку за содѣйствіемъ—съ одной стороны, а съ другой—между предпринимателями, которымъ не хватаетъ ихъ собственныхъ капиталовъ и нуждающимися еще въ чужихъ (ссудныхъ) капиталахъ.

Очевидно, что при такомъ характерѣ выпуска билетовъ, онъ является представителемъ совершенно покрытаго кредита, не смо-

тря на то, что онъ выражается въ обѣщаніяхъ платежей. Но это потому, что банкъ въ подобномъ случаѣ только *хранитель* денежнаго капитала и пользуется наименьшимъ кредитомъ, какой вообще возможенъ. Неудивительно, поэтому, что наименьшій кредитъ можетъ быть совершенно покрытъ даже при обѣщаніяхъ платежей. Ибо обѣщаніе вѣдь основывается на храненіи, слѣдовательно на неотчужденіи капитала.

Выпускъ банковыхъ билетовъ описаннаго свойства однороденъ съ операціею вкладовъ на текущіе счеты, когда владѣлецъ вклада пользуется самъ всѣмъ внесеннымъ имъ въ банкъ капиталомъ, самъ ему даетъ непрерывное занятіе и не оставляетъ никакой разности, которою банкъ могъ бы воспользоваться, чтобъ превратить ее въ ссудный капиталъ. Вѣрнѣе однако сказать, что онъ представляетъ операцію *вкладовъ на храненіе* и что билеты представляютъ только свидѣтельства на таковые вклады.

Мы нарочно разсмотрѣли прежде всего тотъ способъ производства операціи выпуска билетовъ, который ничего не имѣетъ общаго со способами пользоваться источниками ссудныхъ средствъ, чтобъ показать, какъ эта операція, если она и простирается за предѣлы круга способовъ пользоваться источниками ссудныхъ средствъ, въ подобномъ случаѣ лишена, однако, всякаго значенія для дѣятельной роли банковъ въ расширеніи кредита.

Переходя отъ разсмотрѣннаго способа производства операціи выпуска билетовъ къ тѣмъ способамъ, въ которыхъ съ помощію билетовъ производится пользованіе источниками ссудныхъ средствъ,— первый способъ такого пользованія источниками ссудныхъ средствъ представляется намъ тогда, когда банки выпускаютъ свои билеты только въ обмѣнъ за вносимыя въ нихъ деньги, но передаютъ билеты не лицамъ, которыя въ нихъ деньги внесли и предъ которыми они должники, а третьимъ лицамъ, предъ которыми банки являются кредиторами. Напримѣръ, въ банкъ внесено денегъ милльонъ рублей. Эти деньги—кассовые, дѣятельные и обезпечительные запасы, которыми ихъ владѣльцы не могутъ воспользоваться сами, во всей цѣлости, какъ предпринимательскими капиталами, обла-

дающими непрерывною производительностью въ ихъ собственныхъ рукахъ. Внося свои деньги въ банкъ, владѣльцы денегъ открываютъ себѣ въ немъ текущіе счеты, на которые они выдаютъ чеки. Часть внесенныхъ денегъ остается у банка свободною отъ употребленія самими ихъ владѣльцами и эти-то свободныя деньги банкъ можетъ превратить въ ссудный капиталъ. Такимъ образомъ, расходуя внесенный въ него милльонъ, банку придется часть его выдать вкладчикамъ, а другую часть—третимъ лицамъ въ кредитъ. Расходованіе внесеннаго въ него милльона руб. денежнаго капитала банкъ можетъ производить двоякимъ путемъ. Онъ можетъ непосредственно расходовать тѣ самыя деньги, которыя въ него были внесены. Или онъ можетъ ихъ оставлять у себя и вмѣсто ихъ выдавать билеты. То есть, какъ въ случаяхъ, когда ему будутъ предъявляться чеки и по нимъ будутъ требоваться платежи, такъ и въ случаяхъ, когда онъ будетъ оказывать кредитъ третьимъ лицамъ, банкъ можетъ выдавать свои билеты, вмѣсто денегъ.

Понятно. что въ подобномъ случаѣ мы будемъ имѣть предъ собою сочетаніе (комбинацію) обыкновенной операціи вкладовъ на текущіе счеты съ вышеписанною операціею выпуска билетовъ, какъ особаго способа производства операціи пріема вкладовъ на храненіе. Ибо когда банкъ по чекамъ расплачивается билетами, оставляя у себя деньги, то это собственно означаетъ, что банкъ принимаетъ вкладомъ на храненіе тѣ деньги, которыя онъ долженъ былъ бы выдать предъявителю чека. Также точно, если банкъ уже оказалъ кредитъ третьему лицу, то послѣднее получило право на извѣстную сумму денегъ. Если же вмѣсто этихъ денегъ банкъ выдаетъ третьему лицу свои билеты, то это все равно, какъ еслибъ онъ взялъ отъ третьяго лица вкладомъ на храненіе деньги, ему принадлежащія.

И такъ, если напр. изъ свѣдѣній какого либо банка усматриваемъ, что его долги постороннимъ лицамъ состоятъ изъ вкладовъ на 1 милльонъ да изъ выпущенныхъ имъ билетовъ на 1 милльонъ, да сверхъ того банкъ показываетъ, что въ его кассѣ находится на 1 милльонъ наличныхъ денегъ, на 200,000 билетовъ, да на

800000 обязательствъ третьихъ лицъ предъ нимъ,—то это означаетъ: что всю сумму вкладовъ, внесенныхъ въ банкъ наличными деньгами въ размѣрѣ 1 милльона, банкъ *замѣнилъ* своими билетами на 1 милльонъ. Изъ этихъ билетовъ онъ сохраняетъ для вкладчиковъ на уплаты по ихъ чекамъ 200,000, а 800,000 передалъ третьимъ лицамъ. Банкъ могъ бы распорядиться непосредственно внесенными въ него деньгами и все таки ссуднаго капитала въ его распоряженіи было бы тѣ-же 800,000. На размѣръ ссуднаго капитала, находящагося въ распоряженіи банка и служащаго ему для оказыванія кредита третьимъ лицамъ, эммиссіонная операція въ подобномъ случаѣ не оказываетъ ровно никакого вліянія.

У банка имѣется выпущеннымъ такое количество билетовъ, которому вполнѣ равняется сумма наличныхъ денегъ, находящаяся въ его кассѣ. Но именно приведенный примѣръ намъ и доказываетъ, что когда банкъ имѣетъ въ кассѣ столько наличныхъ денегъ, сколько имъ выпущено билетовъ, то это не означаетъ, что выпускъ не сопровождается извлеченіемъ пользы изъ ссудныхъ капиталовъ. Нашъ примѣръ осязательно показываетъ, что разъ банкъ принимаетъ вклады не только для храненія ихъ, но и для пользованія ими, то для него выпускъ билетовъ получаетъ усложненный характеръ. Онъ соотвѣтствуетъ не только храненію собранныхъ банкомъ капиталовъ, но и банковому пользованію этими капиталами.

Но можетъ-ли выпускъ билетовъ сопровождать пользованіе ссудными средствами со сторны банка, хотя бы послѣдній не принималъ вкладовъ отъ постороннихъ лицъ?

Прежде, чѣмъ отвѣчать на вопросъ, считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на то, что онъ сохраняетъ смыслъ только пока слово «вкладъ» въ немъ означаетъ средства, которыя банку были переданы *по первоначальной и сознательной иниціативѣ постороннихъ лицъ*. Въ практикѣ о вкладахъ, дѣйствительно, говорятъ только тогда, когда кто либо вноситъ въ банкъ по собственной иниціативѣ, прямо и непосредственно, свои денежныя средства. Очевидно однако, что если банкъ обладаетъ *ссудными* средствами, т. е. такими, которыя принадлежатъ не ему, а постороннимъ лицамъ, то значитъ

тѣмъ или инымъ путемъ они у посторонних лицъ взяты. Если постороннія лица ихъ не внесли по собственной инициативѣ, т. е. если эти лица не совершили *сознательныхъ* и цѣлесообразныхъ дѣйствій передачи банку своихъ средствъ, то во всякомъ случаѣ средствами банкъ не могъ воспользоваться, если онъ помимо сознанія владѣльцевъ не привлекъ ихъ къ себѣ.

Слѣдовательно, строго говоря, вышепоставленный вопросъ собственно означаетъ: могутъ-ли банки привлекать къ себѣ ссудныя средства, употребляя операцію выпуска билетовъ, какъ средство сосредоточить у себя чужія средства помимо сознанія ихъ владѣльцевъ, т. е. даже тогда, когда владѣльцы свободныхъ средствъ по собственной инициативѣ вовсе не дѣлаютъ перваго шага для передачи своихъ средствъ банкамъ?

На этотъ вопросъ опытъ даетъ положительный отвѣтъ. Банки могутъ привлекать къ себѣ средства посторонних лицъ и стать должниками этихъ лицъ, хотя послѣднія первоначально вовсе и не были намѣрены сдѣлать банки своими должниками. Съ помощію операціи выпуска безпроцентныхъ и безсрочныхъ билетовъ, постороннія лица совершенно пассивно становятся кредиторами банковъ.

Банковые билеты внушаютъ, такимъ образомъ, мысль, что слѣдовало бы различать двоякое довѣріе, которымъ банки могутъ пользоваться у публики: одно дѣятельное, которое выражается вкладами, и другое—страдательное, являющееся, когда банки выпускаютъ билеты. Ибо публика необходимо должна дѣятельно относиться къ банкамъ, чтобы вносить въ нихъ свои деньги на вклады. Напротивъ, она можетъ къ нимъ относиться чисто страдательно, принимая ихъ билеты.

Банки нуждаются въ средствахъ, чтобы раздавать ихъ въ кредитъ предпринимателямъ, которыхъ обороты превышаютъ ихъ собственные капиталы, которыхъ производительныя силы способны доставить доходность и сдѣлать полезными гораздо больше средствъ, чѣмъ сколько они сами имѣютъ. Если публика, обладающая средствами, которымъ она сама не въ состояніи доставить производительное занятіе, передаетъ ихъ банкамъ, то послѣдніе обладаютъ

фондомъ, изъ котораго они, въ свою очередь, могутъ оказывать содѣйствіе вышеозначеннымъ предпринимателямъ. Но если публика, обладающая средствами, не на столько развита, чтобы слѣдить за тѣмъ, непрерывно ли ея средства производительны или съ перерывами,—если публика не обладаетъ тѣми привычками, которыя необходимы для немедленной передачи банку праздныхъ средствъ,—то—очевидно, что праздности имущества не будетъ оказано никакого противодѣйствія. При подобныхъ условіяхъ банковые билеты и могутъ оказать весьма значительную услугу. Представляя собою обѣщаніе платежа богатаго учрежденія или отдѣльнаго лица, банковые билеты могутъ найти себѣ кредитъ *при наименьшей активности* со стороны тѣхъ лицъ, которымъ приходится становиться въ положеніе кредиторовъ пріемомъ билета *за уступленныя ими цѣнности*. Чтобы принять банковый билетъ въ платежъ за что бы то ни было, требуется наименьшее напряженіе дѣятельныхъ силъ. Масса людей принимаетъ ихъ большею частью почти совершенно страдательно: каждый принимаетъ ихъ на томъ основаніи, что и «другіе» вѣдь тоже ихъ принимаютъ. Менѣе всего при этомъ думаютъ о кредитѣ, который оказывается пріемомъ билета взамѣнъ отданныхъ цѣнностей.

Что же отсюда происходитъ? Что кредитъ проникаетъ въ цѣлую массу такихъ случаевъ, въ которыхъ онъ безъ банковаго билета совсѣмъ и не былъ бы возможенъ. А это, другими словами, значитъ, что цѣлая масса и такихъ цѣнностей приводится въ движеніе кредитомъ, которыя безъ того должны были бы быть приводимы въ движеніе наличными деньгами. А это или замедляло бы движеніе и его отчасти парализовало бы, или сопряжено было бы съ тяжелымъ для народнаго хозяйства расходомъ на увеличеніе его денежнаго запаса. Благодаря же банковымъ билетамъ, движеніе цѣнностей ускоряется, расходъ дѣлается излишнимъ. Ибо—*банковые билеты дѣлаютъ изъ цѣнностей, приводимыхъ ими въ движеніе, ссудныя средства.*

И этими-то ссудными средствами первые пользуются банки. Ихъ-то косвенно сосредоточиваютъ въ банкахъ выпускаемые по-

слѣдними билеты. Н имѣетъ товары, которые онъ В вовсе не хочетъ продавать въ кредитъ. Или, В долженъ Н по векселю, которому срокъ истекъ и Н требуетъ погашенія долга. Если В добылъ у банка въ кредитъ билетъ и Н его принялъ въ платежъ за товары или по векселю, то что тогда произошло? Банковый билетъ—документъ, выражающій долгъ банка. Кто его принимаетъ взамѣнъ какихъ-либо цѣнностей, становится кредиторомъ банка, и его цѣнности оказываются довѣренными банку. Что съ цѣнностями дѣлаетъ банкъ,—это его дѣло. Во всякомъ случаѣ, если Н готовъ оказать кредитъ банку принятіемъ отъ В въ платежъ за товары или по векселю билета, банкомъ выпущеннаго, то это значитъ, что Н довѣрилъ банку свои товары или капиталъ своего векселя, а банкъ эти товары или капиталъ векселя передалъ В. Орудіемъ, которое произвело передвиженіе цѣнностей отъ Н къ банку и отъ банка къ В, и служилъ банковый билетъ.

Билетъ дѣлаетъ ссудными всѣ тѣ средства, которыя за него отдаются ихъ владѣльцами. Эти средства онъ, однако, только косвенно привлекаетъ къ банкамъ. Онъ ихъ не сосредоточиваетъ непремѣнно въ кассахъ или амбарахъ банка, чтобъ отсюда они перешли къ должникамъ банка. Кассы и амбары банка минуются и обходятся. Цѣнности же непосредственно переходятъ отъ ихъ первоначальныхъ владѣльцевъ къ должникамъ банка или тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ снабжаетъ своими билетами. *Съ виду* можетъ, поэтому, дѣйствительно *казаться*, будто, благодаря билетамъ, банкъ обладаетъ чудесною силою передавать третьимъ лицамъ то, чего у него самаго совсѣмъ и не было.

Функціи банковаго билета сложны и въ услугахъ, оказываемыхъ банковыми билетами, должны быть, поэтому, различаемы элементы, изъ которыхъ онѣ слагаются. Эти элементы и представляютъ отдѣльныя функціи. Прежде всего очевидна функція банковаго билета *для перераспредѣленія кредита*. Большая масса лицъ, обладающихъ средствами, которыя годились бы для превращенія ихъ въ ссудные капиталы, вслѣдствіе низкой степени своего развитія, или по другимъ причинамъ, нерѣдко оказывается готовою

давать кредитъ лишь въ случаѣ, если должникъ представляетъ такія гарантіи, которыя, по субъективнымъ представленіямъ владѣльцевъ свободныхъ цѣнностей, выдвигаются изъ ряду вонъ. По этимъ представленіямъ *банку* кредитъ еще можетъ быть оказанъ, но никакъ не непосредственно частнымъ лицамъ; *для банка* цѣнности еще могутъ быть превращены въ ссудные капиталы, но сами по себѣ онѣ никакъ не могутъ быть разсматриваемы, какъ таковые ссудные капиталы. Вслѣдствіе подобныхъ представленій банки могутъ стать *преимущественными сосредоточіями кредита*, который имъ уже предоставляется распредѣлять далѣе подъ ихъ собственною отвѣтственностью. Т. е. вслѣдствіе господства у публики узкихъ представленій о значеніи кредита, является совсѣмъ особый и совершенно самостоятельный *поводъ*, по которому банкамъ приходится стать узловыми пунктами, около которыхъ группируются спросъ и предложеніе кредита. И вотъ этому-то поводу выпускъ банковыхъ билетовъ наиболѣе соотвѣтствуетъ, какъ такое средство пользоваться источниками ссудныхъ средствъ, которое способно дѣйствовать при наименѣе развитыхъ представленіяхъ публики о кредитѣ. Этотъ-же *поводъ* обыкновенно смѣшиваютъ съ *источникомъ* ссудныхъ средствъ, когда банковые билеты признаются за таковой *самостоятельный* источникъ.

Строго говоря, должно признать, что банки всегда перераспредѣляютъ кредитъ, такъ какъ для того, чтобы имѣть возможность оказывать кредитъ однимъ лицамъ, они его должны получить отъ другихъ лицъ. Но въ томъ случаѣ, когда банки перераспредѣляютъ кредитъ, снабжая своихъ должниковъ билетами, они играютъ *болѣе дѣятельную* роль, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ кредиторамъ самихъ банковъ приходится играть на столько дѣятельную роль, что для активности банковъ остается меньше простора. Напротивъ, при банковыхъ билетахъ активности банковъ именно потому открытъ болѣе широкій просторъ, что активность ихъ кредиторовъ почти ничтожна. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ банки устремляютъ свои способы пользованія на такіе источники средствъ, ссудный характеръ которыхъ или еще до вмѣ-

шательства банковъ былъ очевиденъ, или сталъ только болѣе осязательнымъ послѣ этого вмѣшательства. Банкамъ приходится большею частью распредѣлять такой кредитъ, который можетъ быть и безъ ихъ вмѣшательства нашелъ бы себѣ выходъ. Напротивъ, при банковыхъ билетахъ, ссудный характеръ средствъ, пользованіе которыми производится билетами, какъ бы до конца остается неяснымъ, не для всѣхъ и всякаго очевиднымъ, не всякому понятнымъ и сразу уловимымъ, а перераспредѣляемый кредитъ кажется такимъ, который безъ банковъ совершенно не былъ бы возможенъ. Роль банковъ въ качествѣ *инициаторовъ перераспредѣленія кредита*, равно какъ самый процессъ перераспредѣленія кредита, явственнѣе выдвигаются на первый планъ. Оттого банкъ, выпускающій билеты, представляется какъ будто обладающимъ особою силою, хотя его сила—ничто иное, какъ безсиліе публики, въ которой онъ дѣйствуетъ.

Другая функція банковаго билета находится въ связи съ только что описанной и тоже соотвѣтствуетъ преимущественно невысокой степени интеллектуальнаго развитія публики, съ которою банкъ имѣетъ дѣло. Вторая функція заключается въ томъ, что съ помощью банковаго билета публика пріучается лучше и легче, чѣмъ иными средствами, *къ обращаемости долговыхъ знаковъ* и къ пользѣ, отъ нея проистекающей.

Фактъ кредитнаго сбыта товара или цѣнности свидѣтельствуетъ о томъ, что покупательная сила, которой источникомъ служитъ предпріимчивость, еще не реализовавшая своихъ результатовъ, имѣетъ на рынкѣ такое-же значеніе, какое имѣютъ наличныя деньги въ роли орудія обращенія, что, подобно имъ, она можетъ приводить въ движеніе товары. Но имѣетъ-ли она это значеніе только для своего перваго владѣльца (т. е. для лица, впервые выдавшаго долговой знакъ) или она можетъ сохранить свое значеніе для всякаго другаго лица, къ которому она переходитъ? Очевидно, что это будетъ зависѣть отъ того, найдетъ-ли второе лице третье, которое будетъ готово ему оказать кредитъ и стать въ положеніе кредитора *вмѣсто втораго лица*. Продолжая это разсужденіе и

далѣе тѣмъ-же путемъ, мы приходимъ къ общему заключенію: что покупательная сила, имѣющая своимъ источникомъ производительность, не реализовавшую своихъ плодовъ, можетъ непрерывно служить двигателемъ орудія обращенія, если долговой знакъ или платежное обѣщаніе, въ которомъ она воплотилась, непрерывно находитъ себѣ лицъ, которыя готовы его принять и стать по нему кредиторами. Иными словами: обращаемость дѣлаетъ изъ кредитнаго знака орудіе обращенія. Тотъ-же выводъ мы получаемъ и въ примѣненіи къ покупательной силѣ, воплощенной въ товарахъ или вообще въ цѣнностяхъ. Чтобы эта сила стала двигателемъ орудія обращенія, необходимо заложить у кого-нибудь цѣнность, служащую его источникомъ. Если это залоговое свидѣтельство или долговой знакъ, его замѣняющій, получитъ обращаемость, то мы будемъ имѣть передъ собою новое орудіе обращенія. Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, имѣетъ-ли долговой знакъ обращаемость или не имѣетъ, является въ этомъ случаѣ обусловливающимъ и характеръ покупательной силы, имѣющей другой источникъ, кромѣ денегъ. Отчего-же зависитъ обращаемость долговаго знака? Прежде всего, конечно, отъ того, много-ли или мало цѣнностей сбывается въ кредитъ. Далѣе обращаемость зависитъ еще отъ того, какъ велико довѣріе къ производительности и предпріимчивости. Такимъ образомъ, прогрессивно возрастающая производительность экономическихъ силъ, отъ которой зависитъ какъ довѣріе къ нимъ, такъ и количество производимыхъ товаровъ, а съ нимъ и способъ сбыта послѣднихъ.—вотъ послѣднее основаніе обращаемости платежныхъ обѣщаній и долговыхъ знаковъ. Современная высокая производительность не есть уже одинокій фактъ, характеризующій предпріимчивую дѣятельность отдѣльныхъ индивидуумовъ. Она стала общественнымъ или народно-хозяйственнымъ фактомъ. Мало того: высокая производительность силъ каждаго отдѣльнаго человѣка стала въ настоящее время въ непосредственную и осязательную зависимость отъ того, находятся-ли рядомъ съ нимъ другіе люди, которыхъ силы также высоко производительны, или не находятся. Предприниматель-фабрикантъ можетъ производить большія массы

товаровъ только потому, что рядомъ съ нимъ стоитъ предприниматель-торговецъ, который можетъ сбывать большія массы товаровъ, которому послѣдніе могутъ быть довѣрены въ кредитъ. Торговецъ суровьемъ можетъ вести свои обороты на громадныя суммы потому, что рядомъ съ нимъ находятся фабриканты, поглощающіе суровье въ громадныхъ массахъ, могущіе живо его переработать и могущіе его получить въ кредитъ. Но разъ производительность стала на высокомъ уровнѣ въ цѣлой сферѣ, въ послѣдней товары могутъ уже обращаться покупательною силою, которой источникъ въ текущей предпріимчивости. Въ этой сферѣ всѣ знаютъ другъ про друга, что производительность силъ каждаго изъ остальныхъ стоитъ на высокомъ уровнѣ, что на предпріимчивость каждаго изъ нихъ можно положиться, и поэтому можно становиться кредиторомъ по долговому знаку, каждымъ изъ нихъ выпускаемому. Ибо выпускъ долговаго знака возникаетъ вслѣдствіе полученія товара для переработки его или сбыта. И если успѣшность переработки и сбыта несомнѣнны, то это должно выразиться или въ томъ, что долгъ будетъ уплаченъ наличностью,—или въ томъ, что долгъ будетъ погашенъ другимъ долгомъ, въ которомъ прежній должникъ окажется кредиторомъ.

Также точно, какъ въ настоящее время вся производимая масса цѣнностей не могла-бы быть сбытою, если-бы она не сбывалась въ кредитъ, такъ точно она не могла-бы и появиться на свѣтъ, если-бы ея производители не имѣли кредита для полученія суровья, матеріаловъ и вообще элементовъ своихъ предпріятій. Кредитъ сталъ, такимъ образомъ, однимъ изъ условій, безъ которыхъ невозможны, ни появленіе на свѣтъ, ни сбытъ тѣхъ колоссальныхъ массъ цѣнностей, которыми характеризуется современное богатство. Орудія обращенія, непосредственно ускоряющія обращеніе денегъ, только косвенно вліяютъ на ускореніе товарнаго обращенія. Чрезъ ихъ посредство кредитъ увеличиваетъ количество *наличныхъ* продажъ и покупокъ. *Но этими способами потребности жизни еще не удовлетворяются*, въ особенности въ тѣ оживленные періоды, когда производство становится все крупнѣе и крупнѣе и

количество изготовляемыхъ товаровъ все болѣе и болѣе колоссально увеличивается. Сбытъ тогда необходимо долженъ принимать все болѣе и болѣе обширные размѣры. И именно потому, что онъ во всякое подобное время долженъ принимать возрастающіе прогрессивно, колоссальные размѣры, что онъ тогда непрерывно колоссаленъ, а не періодически только поднимается и опускается, онъ долженъ совершаться скоро, возможно быстрѣе. Въ каждое такое время оказывается колоссальная масса элементовъ капитала, громадныя количества производительныхъ и предпріимчивыхъ силъ, которыя не желаютъ дожидаться какой бы то ни было очереди, чтобы стать доходными. За этими силами скрываются люди, съ постоянно возрастающими потребностями, удовлетвореніе которыхъ не можетъ быть подчинено очереди. Да и отчего бы потребности однихъ были удовлетворены прежде, чѣмъ потребности другихъ? Это доказывало-бы безсиліе нашей эпохи, если-бы она не съумѣла выработать средствъ, которыми возможно немедленное утилизированіе всѣхъ элементовъ капиталовъ, имѣющихся въ распоряженіи, если-бы она не съумѣла выработать средствъ для сбыта всѣхъ товаровъ, которые производятся. Косвенное ускореніе товарнаго обращенія недостаточно, и поэтому необходимо прямое ускореніе его. Послѣднее и производится взаимностью платежей, на сколько она утилизируется обращаемостью долговыхъ документовъ.

Присмотримся ближе къ процессу обращенія долговаго знака и къ послѣдствіямъ, которыя выэываются переходомъ его изъ рукъ въ руки. В получилъ кредитъ отъ А и выдалъ ему вексель въ знакъ своего долга. Затѣмъ А отправляется самъ производить свои покупки у Д и расплачивается за пріобрѣтаемыя имъ цѣнности векселемъ, полученнымъ имъ отъ В, сдѣлавъ на немъ поручительскую надпись. Д въ свою очередь даетъ дальнѣйшее движеніе векселю, становясь по нему поручителемъ, когда онъ производитъ свои покупки у Е, который соглашается взять вексель. Отъ Е вексель переходитъ къ Ж, отъ Ж къ З, отъ З къ И. Представимъ себѣ, что этому И приходится дѣлать свои покупки у В, которому онъ и передаетъ вексель.

Подобная обращаемость векселей—явленіе, съ которымъ хорошо знакома практика странъ, въ которыхъ всего болѣе развилась роль кредита въ имущественныхъ отношеніяхъ членовъ народнаго хозяйства другъ къ другу. Какую же пользу доставляетъ въ такомъ случаѣ обращаемость долговаго знака? Ту, что долги погашаются *долгами-же* и на прекращеніе отношеній по обязательствамъ не нужны наличныя деньги. А, покупая цѣнности у Д, сдѣлался его должникомъ. Передавъ однако вексель, полученный отъ В, А погасилъ обязательство, по которому онъ должникъ, другимъ обязательствомъ, по которому онъ вѣритель. Затѣмъ Д былъ должникомъ Е, но свое обязательство предъ нимъ, въ которомъ онъ былъ должникомъ, онъ погашаетъ обязательствомъ В, по которому онъ вѣритель, такъ какъ къ нему перешли права А. Получивъ права Д, Е можетъ ихъ употребить для погашенія своего долга предъ Ж, которому онъ ихъ отъ себя уже передаетъ. Въ концѣ концовъ мы видимъ, что вексель снова попадаетъ въ руки В, который его первоначально выдалъ, и представляемое векселемъ обязательство прекращается, оттого что роли вѣрителя и должника слились въ одномъ лицѣ.

Несомнѣнно, что уже кредитные знаки, представляющіе долги, заключаемые частными лицами другъ у друга непосредственно, могутъ обладать обращаемостью и доставлять связанныя съ нею выгоды. Не менѣе несомнѣнно, однако, и то, что для обращенія долговыхъ знаковъ частныхъ лицъ, сила коихъ въ подписяхъ этихъ лицъ, необходимо весьма высокое довѣріе ихъ другъ къ другу. Но подобное высокое довѣріе является только послѣдствіемъ такой развитой производительности экономическихъ силъ и средствъ, которая выражается въ колоссальныхъ массахъ періодически вновь производимыхъ цѣнностей. Необходимость ихъ немедленнаго сбыта и вырабатываетъ вещественную почву непосредственнаго довѣрія отдѣльныхъ лицъ другъ къ другу. Но тамъ, гдѣ производственный прогрессъ не успѣлъ возвести еще народное хозяйство на столь высокую ступень, непосредственное довѣріе членовъ народнаго хозяйства другъ къ другу не имѣетъ столь побудитель-

ныхъ поводовъ для своего развитія и потому оно значительно слабѣе. Вслѣдствіе того и обращаемость частныхъ долговыхъ знаковъ тамъ почти невозможна и банкамъ выпадаетъ роль—восполнить недостающее. Мы видѣли, какъ банки исполняютъ эту роль свою перечисленіемъ вкладовъ съ одного счета на другой счетъ, а также и чеками.

Но банки находятъ еще болѣе важное средство для извлеченія пользы изъ обращаемости долговыхъ знаковъ въ банковыхъ билетахъ. Благодаря тому, что въ средѣ менѣе развитой публики банки становятся преимущественными сосредоточіями довѣрія отъ лицъ, у которыхъ есть, что довѣрять,—долговымъ знакамъ банковъ, представляемымъ билетами, всего легче пріобрѣсти и обращаемость.

Вслѣдствіе того возникаетъ для народнаго хозяйства особая выгода, чтобъ долговые знаки частныхъ лицъ *обмѣнивались* на долговые знаки банковъ, представляемые билетами, чтобъ эти знаки *превращались* въ банковые билеты. Тогда у нихъ оказывается то свойство, котораго ихъ лишаетъ сравнительно низшая степень развитія народнаго хозяйства. Если вексель А замѣняется банковымъ билетомъ, который съ легкостью переходитъ изъ рукъ въ руки, то это въ сущности равносильно тому, какъ еслибъ вексель А переходилъ изъ рукъ въ руки.

Выпускъ банковыхъ билетовъ такимъ образомъ получаетъ значеніе операціи, измѣняющей внѣшній видъ долговыхъ знаковъ и замѣняющей ихъ *менѣе совершенный* внѣшній видъ *болѣе совершеннымъ*, парализующей ихъ недостатки и снабжающей ихъ подвижностью, которой они иначе были бы лишены.

Главное препятствіе для непрерывной обращаемости векселей и обязательствъ отдѣльныхъ лицъ представляется именно тѣмъ, что служитъ основаніемъ ихъ солидности и прочности. Эти обязательства представляютъ производственные элементы, получившіе конкретную затрату, данное особенное помѣщеніе. Производительность этого помѣщенія можетъ быть непосредственно извѣстна только тому, кто близко къ нему стоитъ. Одно, два, десять лицъ могутъ быть въ такомъ положеніи, чтобъ знать изъ непосредственныхъ наблю-

деній производительность даннаго отдѣльнаго помѣщенія. Это, однако, могутъ быть не тѣ лица, которыхъ довѣріе необходимо. Нужно, слѣдовательно, чтобъ появился такой органъ, въ которомъ сосредоточивались бы свѣдѣнія о производительности отдѣльныхъ помѣщеній и на свѣдѣнія котораго о производительности отдѣльныхъ помѣщеній можно было бы положиться. Въ интересахъ должниковъ, чтобъ такой органъ существовалъ, потому что только тогда они и могутъ разсчитывать на достаточно обширную сферу лицъ, готовыхъ стать кредиторами по ихъ обязательствамъ. Такимъ органомъ и является банкъ. Но лица, группирующіяся около банка въ качествѣ кредиторовъ, вовсе не имѣютъ интереса знать, въ чемъ именно заключается помѣщеніе, какія его отдѣльныя индивидуальныя особенности: представляетъ-ли оно хлопчато-бумажную прядильню или ткацкую фабрику, или шерстомойню, или сахарный заводъ и т. д. Имъ нужно только знать, обладаетъ ли помѣщеніе производительностью, и имъ нуженъ поэтому долговой знакъ, выражающій эту производительность вообще, удостовѣренную тѣмъ, кто въ ней непосредственно убѣдился. Каждый отдѣльный вексель какъ бы говоритъ языкомъ того отдѣльнаго предпріятія и тѣхъ частныхъ условій, среди которыхъ онъ возникъ. Иванъ свидѣтельствуетъ Степану о долгѣ по поводу шерсти, пряжи, пшеницы, или чего бы тамъ ни было. Банкъ непремѣнно долженъ знать, кто долженъ, и кому долженъ, и по какому поводу. Но кредитору банка рѣшительно все равно, Иванъ ли должникъ, или Степанъ, по поводу шерсти-ли, или по иному поводу. Ему нужно имѣть свидѣтельство, что у него состоитъ въ долгу банкъ, на котораго онъ положился, когда выразилъ готовность стать кредиторомъ. Такимъ образомъ, появляются *общія обязательства банка*, которыя выражаются банковыми билетами, но также точно выражаются вкладными свидѣтельствами и чеками.

47. Орудіе обращенія, какъ всякое другое орудіе, прежде всего должно надходиться въ связи съ силою, которою оно производитъ свое дѣйствіе: покупательною силою. Для циркуляціонной функціи

необходима *чистая* покупательная сила, безъ всякой какой бы то ни было примѣси чего либо посторонняго. Потому что всякая такая примѣсь дѣлаетъ цѣнность годною на удовлетвореніе опредѣленной потребности, спеціализируетъ ее. Чрезъ это ея употребленіе замыкается въ болѣе или менѣе тѣсныя границы спроса тѣхъ только лицъ, которыя чувствуютъ данную потребность. Напротивъ, чистая покупательная сила не знаетъ такихъ границъ: она даетъ возможность добывать всякія цѣнности, все равно для какой бы то ни было потребности. Только такая сила даетъ выгоды орудія обращенія, устраняющаго неудобства непосредственнаго обмѣна товаровъ на товары, который по самой своей природѣ можетъ быть только медленный. Металлическія деньги представляютъ источникъ чистой покупательной силы вслѣдствіе широкой общепризнанности ихъ качествъ. Поэтому также онѣ служатъ и орудіями сбереженія капиталовъ и представителями свободнаго вида послѣднихъ. Кредитныя орудія обращенія не могли бы исполнять своей функціи, еслибъ они не представляли еще другаго способа пользоваться чистою покупательною силою. Разъ только производительность ея источника несомнѣнна, отъ общепризнанности этой несомнѣнности зависитъ обращаемость документа, ее вмѣщающаго. А съ обращаемостью дана и возможность играть роль орудія обращенія. Бываютъ обстоятельства, когда такою общепризнанностью можетъ пользоваться обыкновенный вексель, переходящій изъ рукъ въ руки и употребляемый для платежей за самые разнообразные товары. Очевидно, что такой вексель уже не представляетъ одного конкретнаго предпріятія, а напротивъ начинаетъ уже представлять чистую покупательную силу, т. е. производительность вообще. Когда банкъ замѣняетъ векселя своими чеками или билетами, онъ стремится къ той же цѣли. Чтобъ векселя превратились въ орудія обращенія, необходимо имѣть возможность съ ихъ помощью утилизировать чистую покупательную силу. Для этого необходимо, чтобъ была отдѣлена всякая примѣсь, съ которою она соединена въ индивидуальномъ векселѣ, представляющемъ опредѣленное предпріятіе. Замѣна векселя чекомъ или билетомъ и производитъ это выдѣленіе,

Въ билетѣ или чекѣ покупательная сила, которая въ векселѣ связана была съ извѣстнымъ проявленіемъ производительности, становится связанною съ производительностью вообще, т. е. становится чистою. Такимъ способомъ получается основаніе для новыхъ орудій обращенія.

Съ точки зрѣнія каждаго предъявителя чека или билета банкъ играетъ роль страховаго учрежденія, которое страхуетъ благонадежность векселя. Чекъ и банковый билетъ представляютъ какъ бы полисъ, по которому даже въ случаѣ бѣды платежъ все таки будетъ полученъ. Кто въ своихъ рукахъ держитъ банковый билетъ или чекъ, держитъ свой или чужой вексель, застрахованный у банка. Полагаемъ, что излишне было бы пускаться въ подробныя поясненія, почему мы считаемъ ручательство банка и его замѣну индивидуальныхъ обязательствъ третьихъ лицъ чековыми или билетными обязательствами за операцію страхованія,—это само собою очевидно.

Въ предъидущемъ мы ставили на одну доску чекъ и банковый билетъ, имѣя въ виду одно только ихъ отношеніе къ обращаемости.

Обращаемость влечетъ за собою двоякія послѣдствія. Во первыхъ, она даетъ возможность расширить кругъ безсрочно-ссудныхъ средствъ. Если билетъ, который я сегодня получилъ, я сегодня-же или завтра, или когда мнѣ будетъ угодно, въ состояніи передать въ другія руки, то значитъ—я могу при его помощи отдавать въ кредитъ свои средства, на какой мнѣ угодно срокъ. Вотъ почему съ помощью банковыхъ билетовъ товары съ большою легкостью превращаются въ безсрочно-ссудные капиталы. Я могу смѣло продать свои товары за билетъ, если увѣренъ, что самъ въ состояніи буду сбыть въ постороннія руки этотъ билетъ.—Во вторыхъ, обращаемость банковыхъ билетовъ доставляетъ ту выгоду, что даетъ средство извлекать много пользы отъ возможности погашать долги долгами-же, обходя или устраняя этимъ надобность въ деньгахъ.

Когда А продаетъ В свой товаръ и въ уплату отъ него беретъ банковый билетъ, то А становится кредиторомъ банка. Ког-

да А въ свою очередь, произведя покупки у Д, расплачивается билетомъ, то при этомъ онъ погашаетъ свой долгъ предъ Д своимъ долгомъ за банкомъ. Тоже происходитъ при дальнѣйшихъ передвиженіяхъ билета изъ рукъ въ руки. При всякомъ такомъ передвиженіи долгомъ банка погашается другой какой либо долгъ, возникшій отъ полученія цѣнности.

Понятно, что А, получившій первоначально билетъ отъ банка, все равно на какой срокъ, раньше или позже долженъ съ банкомъ расплатиться. Эта расплата можетъ произойти двояко, чѣмъ и характеръ билета раздвоивается. А, какъ предприниматель, долженъ получить средства для уплаты своего долга выручкою за проданныя имъ цѣнности. Эта-то выручка можетъ быть или денежная, или-же она можетъ заключаться въ билетахъ банка. Подобно тому, какъ другія лица продавали товаръ за билеты, и А тоже вѣдь не имѣетъ основаній отказываться отъ пріема билета. Смотря по тому, чѣмъ А покончитъ свои счеты съ банкомъ, деньгами-ли или билетами этого банка, характеръ билетовъ и будетъ измѣняться.

Если А расплатится деньгами, а билеты, которыми ему оказанъ былъ кредитъ, останутся въ обращеніи, то эти билеты перестанутъ уже представлять средства, которыя банкъ сдѣлалъ ссудными черезъ непосредственный ихъ переводъ изъ рукъ ихъ первоначальнаго владѣльца въ руки его должника, безъ предварительнаго ихъ сосредоточенія въ своей кассѣ или въ своихъ амбарахъ. Напротивъ, билеты начнутъ уже представлять деньги, которыя поступили прямо и непосредственно въ кассу банка. Слѣдовательно они станутъ совершенно однородными вкладнымъ свидѣтельствамъ. Затѣмъ, дальнѣйшій характеръ билетовъ будетъ зависѣть отъ того, какъ банкъ распорядится поступившими къ нему деньгами. Если онъ ихъ сохранитъ въ своей кассѣ, то билеты будутъ представлять вклады на храненіе. Т. е. они совсѣмъ перестанутъ представлять ссудный капиталъ и будутъ представлять предпринимательскій капиталъ. Если-же банкъ распорядится поступившими къ нему деньгами и отдастъ ихъ третьему лицу въ ссуду, то тогда билеты

будутъ представлять ссудныя средства, которыми банкъ воспользовался сложнымъ способомъ эммиссіонной операціи, соединенной съ операціею вкладовъ.

Но предприниматель, котораго банкъ снабдилъ ссудными средствами, можетъ погасить свой долгъ банку не только деньгами. Онъ могъ получить выручкою отъ своего предпріятія банковые билеты. И ихъ-то онъ можетъ употребить на погашеніе своего долга банку. Очевидно, что подобный случай будетъ совершенно тождествененъ съ приведеннымъ выше, когда вексель, послѣ разнообразныхъ его странствованій изъ рукъ въ руки, въ концѣ концовъ возвращается къ лицу, первоначально его выпустившему и этимъ прекращаетъ всѣ долговыя отношенія. Слѣдовательно, когда билетъ притекаетъ обратно къ банку, первоначально его выпустившему, и притекаетъ отъ должника банка, то этимъ всегда замыкается цѣпь, образованная руками, чрезъ которыя проходилъ билетъ. Всѣ долговыя отношенія между лицами, которыя другъ другу передавали билетъ, прекращаются взаимною ихъ задолженностью или компенсаціею.

Если А получилъ въ долгъ билетъ отъ банка и потомъ его передалъ Б, Б передалъ его В, В передалъ его Г и такъ далѣе, пока билетъ не дошелъ снова или до должника А, или до должника этого должника, отъ котораго онъ могъ добраться и до А, чтобъ отъ А снова поступить въ банкъ въ уплату долга, то, очевидно, что цѣлая масса обязательствъ въ этомъ случаѣ прекращается взаимностью долговъ и замкнутостью цѣпи, образуемой руками, чрезъ которыя билетъ проходитъ.

Въ основаніи всякой возможности пользоваться ссудными средствами лежитъ производительное ихъ употребленіе. Поэтому и пользованіе тѣмъ способомъ превращенія средствъ въ ссудныя, который можетъ представлять собою выпускъ банковыхъ билетовъ, имѣетъ своимъ основаніемъ производительное употребленіе ссудныхъ средствъ, или ихъ воспроизводство предпріятіемъ, въ которое они затрачиваются. Воспроизводство же означаетъ появленіе средствъ, которыми погашается долгъ, лежащій на предпрія-

тіи. Кредитъ предпріимчивости держится только на ея производительныхъ качествахъ, которыя въ условленный срокъ проявляютъ себя доставленіемъ средствъ для погашенія обязательствъ, лежащихъ на предпріимчивости. Вотъ это-то погашеніе обязательствъ предпріимчивости, когда она получила ссудныя средства путемъ банковыхъ билетовъ, и выражается тѣмъ, что оно или измѣняетъ характеръ билета: тогда тотъ самый билетъ, относительно котораго при первоначальномъ его выпускѣ еще не было извѣстно, какія средства онъ превратитъ въ ссудныя, становится весьма яснымъ представителемъ денежныхъ капиталовъ, сосредоточенныхъ въ кассѣ банка;—или же банковый билетъ обратно притекаетъ къ банку. Тогда и долгъ, имъ представляемый, погашается взаимностью.

Изъ изложеннаго вытекаетъ выводъ, весьма важный для теоріи и практики эммиссіонной операціи, въ смыслѣ операціи выпуска банковыхъ билетовъ. Насколько выпускъ банковыхъ билетовъ представляетъ собою независимый способъ пользованія ссудными средствами, онъ опирается или на взаимную задолженность, или на наступающее чрезъ извѣстный срокъ превращеніе его въ другой способъ пользованія ссудными средствами, при которомъ билеты уже играютъ подчиненную роль.

Говоря о банковыхъ билетахъ, мы оставляли въ сторонѣ вопросъ, выпущены ли они однимъ банкомъ, имѣющимъ монопольное право производить операцію выпуска ихъ, или многими банками, соперничающими другъ съ другомъ. Если всѣ билеты, обращающіеся въ данной мѣстности, выпущены однимъ только банкомъ, то, понятно, имъ открытъ болѣе широкій просторъ и они легче могутъ попасть въ кругъ лицъ, образующихъ замкнутую цѣпь взаимной задолженности. Но и въ томъ случаѣ, когда билеты выпущены многими банками, они или будутъ превращаться изъ независимаго способа пользоваться ссудными средствами въ способъ подчиненный (когда должники банковъ, выпустившихъ для нихъ свои билеты, разсчитаются со своими вѣрителями уплатою денегъ), или будутъ погашены обратнымъ ихъ притокомъ въ вы-

пустившій ихъ банкъ. При многочисленности банковъ открывается еще новый способъ обратнаго притока билетовъ въ банкъ, ихъ выпустившій, способъ, въ Шотландіи и Америкѣ получившій правильную организацію. Этотъ способъ заключается во взаимномъ обмѣнѣ, производимомъ банками въ установленные сроки, когда каждый изъ нихъ получаетъ отъ остальныхъ выпущенные имъ билеты, поступившіе въ другіе банки, и отдаетъ имъ выпущенные ими билеты, поступившіе къ нему. Этотъ обмѣнъ совершенно аналогиченъ разсмотрѣнному выше (стр. 393) обмѣну чеками и векселями, полученіе платежей по которымъ вѣрителями по нимъ поручено различнымъ банкамъ. Погашеніе билетовъ путемъ обмѣна ихъ выражаетъ тоже прекращеніе обязательствъ компенсаціею, которое наблюдается при погашеніи чековъ путемъ взаимнаго обмѣна ими въ «учрежденіи для очистки долговъ взаимностью».

Выше мы выяснили, что банковые билеты представляютъ собою независимый и особый способъ пользованія ссудными средствами главнымъ образомъ тогда, когда пассивность членовъ народнаго хозяйства и ихъ сравнительно менѣе высокое развитіе препятствуютъ пользованію другими способами превращенія оборотныхъ средствъ въ ссудныя. Наши послѣдующія разъясненія показали, что и при этихъ условіяхъ существеннѣйшее значеніе банковыхъ билетовъ—тоже самое, которое имѣютъ вклады на текущіе счеты. Это значеніе заключается въ произведеніи *ссудныхъ* средствъ изъ такихъ, которыя иначе вовсе не могли бы служить источникомъ ссудныхъ средствъ, въ установленіи возможности пользоваться взаимною задолженностью и погашать долги *долгами же*, а не деньгами.

Если банковые билеты могутъ служить средствомъ, способнымъ вызывать эти послѣдствія, то не въ силу какихъ-либо единственно имъ присущихъ особенностей и таинственныхъ чудодѣйственныхъ (алхимическихъ) силъ, дѣлающихъ возможнымъ—создавать деньги изъ бумаги. Какъ бы ни была всемогуща сила, она также мало способна дѣлать деньги изъ бумаги, какъ неспособна ихъ дѣлать изъ камня, дерева или воды: мы еще будемъ имѣть

случай подробно разбирать основанія современной алхиміи, наивно вѣрующей въ «*бумажныя* деньги». Банковые билеты дѣйствуютъ тою же самою силою кредита, которою дѣйствуютъ всѣ иные долговые знаки. Если банковые билеты даютъ возможность устранять надобность въ деньгахъ, то только потому, что такая возможность дается отношеніями, которыя выражаютъ взаимную задолженность, и современнымъ характеромъ производственныхъ порядковъ, вызывающихъ взаимную задолженность, какъ свое необходимое послѣдствіе.

Менѣе всего безсрочные вклады (вклады на текущіе счеты) могутъ противупоставляться банковымъ билетамъ, какъ два представителя имущества, идущаго изъ различныхъ источниковъ и имѣющаго различное экономическое происхожденіе. Напротивъ, по своимъ источникамъ и происхожденію они въ большинствѣ случаевъ совершенно тождественны. Они представляютъ только два различные способа пользоваться однимъ и тѣмъ-же источникомъ, два различные способа представлять одно и то-же имущество. Вотъ почему различія между срочнымъ вкладомъ и безсрочнымъ гораздо больше различія между безсрочнымъ вкладомъ и банковымъ билетомъ. Срочный вкладъ имѣетъ своимъ основаніемъ свободное сбереженіе, которому еще не отыскано помѣщенія, продолжительность бездѣйствія котораго легко поддается точному опредѣленію. Вслѣдствіе того онъ представляется большею частью денежнымъ капиталомъ: въ формѣ послѣдняго сбереженія вѣдь главнымъ образомъ и могутъ сохраняться въ свободномъ состояніи. И наоборотъ, онъ самъ служитъ представителемъ денегъ, исполняющихъ функцію орудія сбереженія, представляющихъ капиталъ, а не орудія обращенія. Много срочныхъ вкладовъ у банковъ—значитъ, что много въ данное время существуетъ такихъ денегъ, на которыя ихъ владѣльцы не смотрятъ, какъ на орудія обращенія, т. е. которыя имъ не нужны для личныхъ надобностей приводить цѣнности въ движеніе по направленію, ведущему къ нимъ. Много срочныхъ вкладовъ у банковъ въ данное время—значитъ, что много имѣется такихъ денегъ, которыя ихъ владѣльцамъ не нужны ни на уплату по

долгамъ, ни для покупокъ, на которыя владѣльцы смотрятъ какъ на праздный капиталъ. Съ капиталомъ разставаться навсегда не желаютъ, желаютъ только воспользоваться его доходностью въ теченіе извѣстнаго времени. Короче: срочные вклады представляютъ большею частью ссудный *денежный* капиталъ, котораго характеръ относительной ясности и отчетливости ничего не оставляетъ желать большаго.

Совершенно иное безсрочный вкладъ и то имущество, кредитное пользованіе коимъ представляетъ банковый билетъ. Я продалъ товаръ, получилъ за него вексель и отправилъ вексель къ своему банкиру или въ свой банкъ, которые получатъ по векселю и за его сумму кредитуютъ мой счетъ. Получитъ ли банкъ по мною переданному ему векселю наличность, или онъ его погаситъ своею траттою на лице, выдавшее мнѣ вексель, или на другаго, состоящаго у того лица въ долгу, или наконецъ онъ кредитуетъ мой счетъ, задебетовавъ счетъ лица, купившаго товаръ, или онъ учтетъ присланный ему вексель,—это для безсрочнаго вклада безразлично. Безсрочный вкладъ представляетъ покупательную силу, которой свободное состояніе неопредѣленно для ея владѣльца и которой денежная форма уже поэтому проблематична. То же самое обнаруживаетъ намъ анализъ банковаго билета. Пока онъ въ рукахъ перваго лица, получившаго его въ кредитъ отъ банка, онъ еще не представляетъ никакого имущества. Онъ представляетъ лишь предпріимчивость банка и держателя билета, т. е. ихъ кредитъ. Какъ только билетъ расходуется и переходитъ къ лицу, которое за него отдало цѣнность, онъ начинаетъ уже въ рукахъ владѣльца представлять уступленную имъ цѣнность. Банкъ становится должникомъ продавца цѣнности, который имѣетъ всѣ основанія относиться къ своему билету, какъ онъ относился-бы къ чеку на деньги, безсрочно переданныя банку. Да и въ самомъ дѣлѣ: продавецъ цѣнности за нее долженъ былъ получить эквивалентъ въ свободной покупательной силѣ, онъ долженъ былъ получить ея цѣну. Если онъ вмѣсто цѣны получаетъ вексель частнаго лица, то никому и на мысль не приходитъ усомниться, что это все равно, что передача въ кредитъ цѣны товара покупателю его. Ибо это

все равно, какъ если-бы покупатель получилъ деньги, которыя можно было выручить за товаръ. Оттого онъ вѣдь и обязывается возвратить *деньги*. Если вмѣсто векселя за проданный товаръ получается билетъ, то это очевидно дѣла не измѣняетъ. Продажа товара за билетъ равносильна тому, какъ если-бы товаръ былъ проданъ за деньги, а деньги переданы въ кредитъ банку. Или продажа цѣнности за билетъ все равно, что продажа ея за вексель, переданный банку и послужившій основаніемъ кредитованія какого либо счета.

Словомъ, когда билетъ дѣйствительно играетъ роль самостоятельнаго орудія обращенія и приводитъ въ движеніе цѣнности, это все равно, какъ если-бы выручка за нихъ, передавалась банку на текущій счетъ. Сумма билетовъ, которую банкъ имѣетъ въ обращеніи, совершенно равносильна и равнозначуща съ такою-же суммою вкладовъ внесенныхъ на текущіе счеты. Она представляетъ только своеобразный способъ собирать эти вклады. Банковый билетъ, подобно векселю, вкладному свидѣтельству, траттѣ и т. д. прежде всего кредитное орудіе обращенія, т. е. способъ приводить въ движеніе цѣнность по направленію къ кому-либо, кто не можетъ немедленно расплачиваться за полученное. Нельзя забывать и терять изъ виду, что билетъ—способъ заимствованія чужихъ средствъ *безъ расплаты*, не только въ юридическомъ, но и экономическомъ смыслѣ. Онъ способъ вызвать *одностороннее* движеніе *одной* цѣнности по *одному* направленію. Банковый билетъ—способъ собирать чужія средства, пользоваться ими путемъ кредита, привлекать и стягивать ихъ къ учрежденію или лицу, выпускающимъ билетъ. Съ помощью выпуска билетовъ банкъ можетъ распоряжаться чужими деньгами: это въ томъ случаѣ, когда за проданный товаръ могли-бы быть получены наличныя деньги. Тогда билетъ представляетъ явленіе, совершенно тождественное чеку на текущій счетъ, по которому внесена наличность: все равно, какъ если-бы предъявитель билета внесъ вырученныя за проданный товаръ деньги на текущій счетъ, чтобы банкъ деньгами распорядился. Распоряжаясь билетами, банкъ въ подобномъ случаѣ распоряжается чужими деньгами. Но много

товаровъ продается въ кредитъ и безъ посредничества банковъ. Получаемые за проданные товары долговые знаки составляютъ важную составную часть имущества каждаго предпринимателя и тоже служатъ или могутъ служить основаніями для вкладовъ на текущіе счеты, какъ это доказываетъ опытъ. Ясно, что и въ подобномъ случаѣ, если за проданный товаръ берется билетъ, банкъ находится въ такомъ - же отношеніи къ предъявителю билета, какъ если-бы онъ ему открылъ текущій счетъ на основаніи документа, принятаго для полученія платежа. Въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ имущество, представляемое безсрочнымъ вкладомъ банка, или его билетъ, т. е. имущество, которое кредитомъ приведено въ движеніе и долговыми знаками представляемое, не составляетъ совершенно свободнаго капитала. Оно — источникъ покупательной силы, которая не знаетъ точно момента, когда она занята. Вотъ почему, если текущій счетъ основанъ на внесенныхъ деньгахъ, эти деньги не представляютъ совершенно свободнаго капитала, которымъ банки могутъ воспользоваться безъ всякаго опасенія за возможность востребованія ихъ владѣльцемъ. Эти деньги въ данную минуту свободный капиталъ, сбереженіе, которымъ банкъ можетъ воспользоваться. Или вѣрнѣе — банкъ-то и можетъ эти деньги на время сдѣлать сбереженіемъ, которымъ онъ явится на помощь и принесетъ пользу предпріимчивости. Но прошло данное время. Сбереженіе, вызванное банковою организаціею отношеній къ деньгамъ, истощается. Деньги становятся опять нужными для своихъ владѣльцевъ, которые ихъ должны расходовать. Деньги опять орудія обращенія. Также точно и банковый билетъ не представляетъ имущества, вполнѣ свободнаго. Сегодня я готовъ былъ получить билетъ. Почему? Или потому, что я вовсе равно звонкія деньги отдалъ-бы банку на безпроцентный текущій счетъ, такъ какъ онѣ только моментально не нужны, или потому, что я увѣренъ въ возможности употребить деньги для дальнѣйшихъ своихъ расходовъ. Если я увѣренъ, что у меня примутъ билетъ при покупкахъ, то я нахожусь въ такомъ-же положеніи, въ какомъ нахожусь, когда увѣренъ, что у меня примутъ чекъ, которымъ я

могу расплатиться. Получившій въ уплату билетъ или чекъ, можетъ или предъявить ихъ въ банкъ для полученія наличнаго платежа, или удержать билетъ у себя, а чекъ отправить, чтобы увеличить кредитъ своего счета въ банкѣ, или передать ихъ далѣе: разницы въ послѣдствіяхъ не будетъ никакой. *Если билетъ непрерывно обращается, это все равно, какъ когда непрерывно чеки отправляются въ банки, чтобы увеличить кредитъ счета кліентовъ банка, когда чеки не предъявляются къ платежу,* чтобы уменьшить кредитъ этого счета и увеличить его дебетъ. Та часть вкладовъ на текущіе счеты, которою владѣльцы ихъ не пользуются и которую банки передаютъ третьимъ лицамъ, представляетъ сбереженіе денежное, когда на вкладъ были внесены деньги, или просто эффективную покупательную силу, когда чеки покрываются другимъ хорошимъ способомъ. Эти-то денежныя сбереженія или эту эффективную силу банкъ дѣлаетъ основаніемъ непрерывно дѣйствующихъ орудій обращенія, когда ему удается упрочить въ оборотѣ свои чеки или билеты. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ *на одной и той же* почвѣ имущества, свободное состояніе котораго неопредѣленно, ссудный характеръ котораго проблематиченъ. Сегодня его готовы уступить въ кредитъ, но завтра можетъ оказаться необходимость предъявить полученный въ уплату билетъ или чекъ въ банкъ для полученія по нимъ наличности. Когда предъявляется чекъ для платежа, это значитъ, что вкладъ требуется обратно. Но и тогда, когда билетъ предъявляется къ обмѣну, это значитъ, что деньги, которыя считались за банкомъ, у него требуются обратно. Обыкновенно слишкомъ увлекаются словомъ «размѣнъ» и полагаютъ, что если про билеты говорятъ, что они размѣниваются, то говорятъ различное отъ того, что означаетъ уплату долга. Но размѣнность билетовъ и возвратность вкладовъ означаютъ одно и тоже. Размѣнять билетъ или обмѣнять его на наличныя деньги и возвратить вкладъ одинаково означаетъ уплатить долгъ и разсчитаться съ кредиторомъ. Конечно, не всѣ билеты обратно банку предъявляются къ размѣну. Но и не всѣ вклады сразу отъ него обратно требуются. Когда банкъ разсчитываетъ, что

только часть выпускаемыхъ имъ билетовъ обратно будетъ къ нему притекать для размѣна на наличныя, то это тоже самое, какъ когда онъ разсчитываетъ, что только часть вносимыхъ къ нему вкладовъ будетъ отъ него обратно востребована, или что только часть тѣхъ денегъ, по коимъ онъ открылъ текущіе счеты, будетъ у него изъ кассы взята.

Если исходить изъ тождественности операцій пріема безсрочныхъ вкладовъ и открытія по нимъ текущихъ счетовъ—съ одной стороны, а съ другой—выпуска билетовъ, и если въ билетахъ и чекахъ видѣть только два различныхъ способа пользоваться *однимъ и тѣмъ-же* источникомъ, то легко становится объяснить одинъ изъ важнѣйшихъ явленій, обнаруживаемыхъ международною банковою статистикою. Мы говоримъ о различномъ значеніи, которое въ банковомъ дѣлѣ имѣютъ чеки и билеты, когда Англія сравнивается съ континентомъ Европы. Противуположность въ этомъ отношеніи рѣзко бросается въ глаза, когда Англія противупоставляется Франціи и Германіи. И еще большіе размѣры она принимаетъ, если противупоставленіе продолжить за данный моментъ на другіе, ему предшествовавшіе. Въ то время, какъ въ Англіи преобладаніе имѣютъ чеки, на континентѣ, въ особенности во Франціи и Германіи, господствуютъ банковые билеты. Въ то время, какъ въ Англіи билеты вытѣсняются чеками, а умноженіе билетовъ замѣчательно медленно, напротивъ развитіе употребленія чековъ доходитъ до колоссальныхъ размѣровъ и вообще возрастаніе вкладовъ у банковъ идетъ въ поражающей прогрессіи,—во Франціи и Германіи чеки прививаются къ жизни крайне туго, вклады сравнительно незначительны, а билеты французскаго и прусскаго банковъ получаютъ все большее и большее распространеніе. Словомъ, фактъ намъ указываетъ, что чеки отвоевали себѣ значительное мѣсто тамъ, гдѣ роль билетовъ незначительна, и что напротивъ, гдѣ роль билетовъ значительная, тамъ чеки мало въ употребленіи. Случайное-ли это явленіе? Мы позволили-бы себѣ думать, что существуютъ сильныя основанія предполагать связь между указываемыми явленіями. Если чекъ и билетъ только два способа пользоваться оннимъ и тѣмъ-же источ-

никомъ, то ясно, что тотъ изъ нихъ, развитію котораго предоставлено наибольше свободы, будетъ играть и наибольшую роль. Чтобы и циркуляція чековъ, и циркуляція билетовъ получили одинаково обширное значеніе (такое, какое напр. каждая изъ нихъ имѣетъ въ отдѣльности въ указанныхъ странахъ), необходимо было бы колоссальное производство съ колоссальнымъ обращеніемъ, какихъ еще и свѣтъ никогда не видалъ.

Билетная циркуляція можетъ состоять, и состоитъ всегда и повсюду, изъ двоякаго рода билетовъ. Одни изъ нихъ рубль за рубль покрыты наличностью, хранящеюся въ банковыхъ кассахъ. Другіе обращаются, хотя для нихъ въ банкѣ не существуетъ денежнаго покрытія. Одни облегчаютъ и ускоряютъ обращеніе наличности, хранящейся въ банкѣ. Другіе представляютъ одинъ только циркулирующій кредитъ и имѣютъ своимъ основаніемъ взаимную задолженность или взаимность платежей. Т. е. билеты или представляютъ наличность банка, или его кредитъ. Но то-же самое должно сказать про чеки: они или представляютъ вклады, имѣющіе своимъ основаніемъ наличность и вообще денежное имущество, хранящееся у банка. Или они представляютъ кредитъ банка. Чекъ находится или въ рукахъ собственника тѣхъ средствъ, на которыя онъ указываетъ, или въ рукахъ третьяго лица, для котораго банкъ занялъ у собственника означенныя средства. Но то-же самое должно сказать и про билеты. Наконецъ, какъ уже сказано выше, и чеки, и билеты одинаково разсчитаны на то, что только часть ихъ, *могущихъ* быть предъявленными банку, *на самомъ дѣлѣ* банку предъявляется. И чеки, и билеты одинаково разсчитаны на обнаруживаемый опытомъ результатъ, что банкъ можетъ пользоваться кредитомъ и этотъ кредитъ передавать третьимъ лицамъ.

Вслѣдствіе того, что чеки и билеты только различные формальные способы пользоваться *одними и тѣми-же источниками* ссудныхъ средствъ, ихъ функціи одинаково неопредѣленны по отношенію къ тому, дѣйствуютъ-ли они, какъ орудія обращенія, только ускоряющія обращеніе наличныхъ денегъ, или какъ орудія обращенія, непосредственно вліяющія на товарное движеніе и его

скорость. Когда билетъ сполна покрытъ металломъ, онъ — *варрантъ* на металлъ и *совершенно* тождественъ съ чекомъ, находящимся въ рукахъ собственника вклада. Когда всѣ чеки не имѣютъ соотвѣтственнаго ему полнаго денежнаго покрытія, они *ничѣмъ* не отличаются отъ непокрытыхъ наличными деньгами билетовъ. Нѣтъ необходимости, чтобы только билеты представляли кредитныя орудія обращенія, основанныя на чистомъ кредитѣ и непосредственно дѣйствующія на товарное движеніе. И также точно нѣтъ необходимости, чтобы чекъ непремѣнно представлялъ орудіе обращенія, основанное на кредитѣ, обращенномъ къ наличнымъ деньгамъ и на ихъ движеніе только вліяющемъ. Въ 1871 году англійскій банкъ имѣлъ среднимъ числомъ на 37,88 мил. ф. ст. билетовъ въ обращеніи и на 28,43 м. ф. с. вкладовъ. Первые были покрыты звонкою кассою въ 23,58 мил. фунт. ст., вторые — бумажною кассою въ 13,46 мил. ф. ст. Т. е. среднимъ числомъ въ 1871 году банку могли-бы быть предъявлены на 14,30 мил. ф. ст. билетовъ, по которымъ онъ не могъ-бы немедленно разсчитаться звонкими деньгами если-бы всѣ билеты сразу были ему предъявлены. И у него было на 14,97 мил. ф. ст. чековъ, которыхъ онъ не оплатилъ-бы наличными деньгами, если-бы по всѣмъ чекамъ у него потребовали-бы такого платежа. Абсолютно оба вида обязательствъ банка были почти равны. Относительно, однако, непокрытые наличностью билетысоставляли только 38% всей суммы билетовъ, тогда какъ непокрытые денежною наличностью чеки составляли 53% всей суммы чековъ. Т. е. въ то время, какъ 62% всей билетной циркуляціи состояли изъ варрантовъ на металлъ, болѣе экономическое обращеніе котораго было ихъ задачею, только 47% находилось въ обращеніи чековъ, которые имѣли только такую-же задачу по отношенію къ деньгамъ отъ вкладовъ. По средствамъ отъ билетовъ банкъ имѣлъ ссудныхъ средствъ и считалъ возможнымъ распорядиться только 38%. По средствамъ отъ вкладовъ-же онъ имѣлъ ссудныхъ средствъ 53%. Т. е. въ области вкладовъ и чековъ банкъ гораздо шире утилизировалъ кредитъ, чѣмъ путемъ билетовъ.

§ 48. До сихъ поръ, въ разборѣ отдѣльныхъ формъ утилизированія банками билетныхъ выпусковъ, мы старались возможно болѣе выяснить ту сторону дѣла, на которую обращаютъ всего менѣе вниманія и отъ недостаточнаго вниманія къ которой страдаютъ весьма важные интересы, какъ частнаго благосостоянія, такъ и государственнаго благоустройства. Мы, однако, вдались-бы въ противуположную крайность, если-бы представили операцію выпуска билетовъ, какъ вполнѣ исчерпывающуюся тою только стороною, которою мы до сихъ поръ исключительно занимались. Если съ одной стороны несомнѣнно, что слишкомъ часто упускали изъ виду тѣ обстоятельства, которыми разные банковые способы утилизированія безсрочныхъ ссудныхъ капиталовъ соединяются,—то не менѣе несомнѣнно, — что эти способы представляютъ каждый совершенно самостоятельное явленіе и обладаютъ признаками, вполнѣ ихъ раздѣляющими и имѣющими большое практическое значеніе.

Къ этимъ-то признакамъ мы теперь и обратимся. Основное и важнѣйшее отличіе банковыхъ билетовъ отъ чековъ является послѣдствіемъ чисто историческаго факта: того именно, что правительства сильно пользовались операціею выпуска долговыхъ знаковъ, похожихъ на банковые билеты, не обращая никакого вниманія на начала банковой ея администраціи. Вслѣдствіе того народнымъ хозяйствамъ причинены были громадныя потери. И отсюда та боязнь, съ которою къ выпуску безпроцентныхъ и безсрочныхъ знаковъ обыкновенно всѣ относятся. Такъ какъ правительства разоряли народныя хозяйства съ помощью операціи выпуска такъ называемыхъ бумажныхъ денегъ, то—поэтому въ операціи выпуска безсрочныхъ знаковъ прежде всего видятъ средство, которое служило подобной цѣли. Злоупотребленіе ею породило вредный и разорительный предразсудокъ, будто возможны не только металлическія, но и бумажныя деньги. Злоупотреблять ею могутъ и правительства, и частныя лица, а когда послѣдніе достаточно сильны, они легко добиваются той оффиціальной санкціи, которая причастна правительственному злоупотребленію. Вотъ почему опе-

рація выпуска билетовъ выдѣляется изъ всей совокупности банковыхъ операцій и освѣщается совершенно особымъ свѣтомъ.

Независимо отъ этого чисто внѣшняго различія между билетами и чеками, не имѣющаго ничего общаго съ внутреннею ихъ природою, существуетъ цѣлый рядъ другихъ, именно этою внутреннею ихъ природою обусловливающихся.

Первое различіе между чеками и билетами заключается въ томъ, что они неодинаково способствуютъ усовершенствованію платежнаго оборота и неодинаково вліяютъ для этого на кассы частныхъ лицъ. Банковые билеты избавляютъ отъ необходимости храненія и счета звонкихъ денегъ. Но хранить и считать все-таки нужно и билеты. Чеки и текущіе счеты, напротивъ, совершенно какъ бы устраняютъ вещественность кассоваго резерва. Послѣдній, благодаря имъ, превращается въ записанный и открытый счетъ, или бухгалтерскій фактъ. Орудіе обращенія создается въ моментъ, когда въ немъ возникаетъ потребность, и въ томъ размѣрѣ, какой предписывается потребностью. Книжка чековъ еще не орудія обращенія, хранить ее не значитъ хранить деньги. Когда чекъ наполненъ и подписанъ, тогда только онъ орудіе обращенія. Кто открылъ себѣ текущій счетъ въ банкѣ, тотъ не держитъ кассы, онъ ведетъ книгу. Кассу за него держитъ банкъ. Такимъ образомъ, чрезъ посредство чековъ и текущихъ счетовъ, совершенствованіе платежнаго оборота и кассоваго дѣла происходитъ лучше, чѣмъ чрезъ посредство билетовъ. Замѣтимъ, однако, слѣдующее. Билеты уже такъ много дѣлаютъ для этого совершенствованія, что чекамъ остается немногое и что это немногое только тогда становится замѣтнымъ, когда оно распространяется на большія суммы. Но за то, ускоряя обращеніе и возвышая производительность орудій обращенія, чеки даютъ возможность большему числу лицъ ими запасаться и слѣдовательно содѣйствуютъ возвышенію тѣхъ кассовыхъ резервовъ, которые за собою оставляютъ предприниматели, если и не у себя дома, то въ банкѣ. Словомъ: то, что начинаютъ банковые билеты, чеки ведутъ далѣе. Но чеки это могутъ дѣлать и съ самаго начала, хотя и не для всякой кассы. Банковый билетъ мо-

жетъ замѣнять весьма мелкую сумму и билетная касса ожетъ замѣнять весьма небольшой звонкій кассовый резервъ. Ноте кущій счетъ можетъ начинаться только съ извѣстнаго размѣра кассоваго резерва. Издержки его веденія ставятъ извѣстный предѣлъ дроблению суммъ, на которыя онъ открывается.

Второе внутреннее отличіе чека отъ банковаго билета то, что онъ предполагаетъ болѣе тѣсную связь между банкомъ и его кредиторами и должниками. Открывая текущіе счеты, вмѣсто выдачи билетовъ при оказываніи кредита, банкъ получаетъ возможность во всякое данное время знать состояніе кассы своего должника. Для банка-кредитора становится открытымъ то, что должники считаютъ обыкновенно въ своемъ интересѣ скрывать отъ всякого. Банкъ можетъ знать, въ каждое данное время, сколько у его кліента имѣется прихода и сколько расхода,—если его кліентъ оказываетъ кредитъ, то кому именно и т. п.

Далѣе. Билетъ представляетъ такое обязательство, по которому ясенъ только должникъ и, притомъ, по которому очевиднымъ должникомъ является только банкъ. Строго говоря, каждый билетъ замѣняетъ только чье-либо частное обязательство и настоящимъ должникомъ по нему является тотъ, чье обязательство онъ замѣнилъ. Но билетъ именно это и закрываетъ. Причина выпуска его затирается. Напротивъ, чекъ дѣлаетъ ее явною. Чекъ ясно и опредѣленно указываетъ, что если банкъ становится должникомъ, то только потому, что онъ находитъ возможнымъ замѣнить подписавшаго чекъ или страховать его платежъ.

Отсюда то послѣдствіе, что отдѣльный чекъ не можетъ долго оставаться въ оборотѣ. Чекъ представляетъ не только банковый способъ дѣлать займы: онъ явственно-видимый способъ обезпечивать обязательство. Поэтому, если насталъ срокъ для платежа и полученъ чекъ, послѣдній, какъ представляющій только обезпеченіе платежа, долженъ возможно скорѣе быть предъявленъ для полученія того, что онъ обезпечиваетъ. Чѣмъ скорѣе онъ будетъ предъявленъ и чѣмъ скорѣе по нему воспослѣдуетъ уплата, тѣмъ болѣе онъ удовлетворитъ своему назна-

ченію. Вотъ почему по англійскому обычаю чекъ представляется къ уплатѣ не позже втораго дня по выдачѣ его; по французскому закону 14 іюня 1865 г. (Art. 5) чекъ предъявляется въ 5—8 дней.

Такимъ образомъ, благодаря чекамъ и текущимъ счетамъ, банки дѣйствительно становятся посредниками всѣхъ платежей и стягиваютъ ихъ къ себѣ. Внѣ банка платежей не производится. Напротивъ, при банковыхъ билетахъ, независимая отъ банка непрерывность ихъ обращаемости даетъ имъ возможность служить для платежей помимо вмѣшательства банка.

Вслѣдствіе того, что платежи всѣ производятся въ банкахъ при системѣ текущихъ счетовъ, банкъ всегда ясно знаетъ, косвенно или непосредственно, у кого онъ состоитъ кредиторомъ. Напротивъ, при банковыхъ билетахъ, банкъ можетъ очень долго не знать, въ какія руки попалъ его билетъ. А это далеко не безразлично для банка: для него, напримѣръ, не все равно, держитъ-ли его билеты лице, которое стоитъ далеко отъ торговли заграничными товарами или близко. Банку гораздо выгоднѣе, чтобъ его билеты обращались въ сферѣ лицъ, причастныхъ внутренней, а не внѣшней торговлѣ.

Такъ какъ чеки предполагаютъ болѣе непосредственную связь между банками и предпринимательскимъ міромъ и такъ какъ для проявленія ихъ выгодности необходимы широкіе обороты, то они болѣе всего прочную почву находятъ себѣ у представителей крупной предпріимчивости. Здѣсь-то, какъ свидѣтельствуетъ опытъ Англіи, они и вытѣсняютъ билеты все болѣе и болѣе. Важное значеніе имѣетъ для англійской практики то обстоятельство, что предпріимчивость тамъ представляется фирмами, которыя сосредоточиваютъ у себя весьма обширные обороты и что тамъ такихъ фирмъ много. Отсюда сравнительно большая возможность для англійскихъ банковъ собрать вокругъ себя представителей обширной взаимной задолженности и большая легкость утилизировать взаимность платежей.

Чеки предполагаютъ сравнительно большую активность со стороны

кліентовъ банка въ качествѣ его кредиторовъ. Напротивъ, банковые билеты легко примиряются почти съ полною пассивностью этихъ кліентовъ. Отсюда большая свободность дѣйствій банка, когда онъ оперируетъ билетами, и сравнительно большая связанность его, когда онъ дѣйствуетъ вкладами. Образъ дѣйствій банка менѣе удобоконтролируемъ, когда оперируетъ билетами, чѣмъ когда онъ дѣйствуетъ вкладами.

Это отличіе банковаго билета отъ чека находится въ тѣсной связи съ другимъ, не менѣе важнымъ. Чекъ представляетъ *покрытый* кредитъ, банковый билетъ, напротивъ, представляетъ *непокрытый* кредитъ. По крайней мѣрѣ по своей природѣ и въ наибольшей массѣ случаевъ, по обычаю и господствующимъ взглядамъ, чекъ долженъ представлять покрытый кредитъ. Конечно, и банковый билетъ представляетъ иногда покрытый кредитъ. Но тогда онъ уже представляетъ не *ссудный* капиталъ, а предпринимательскій, находящійся въ банкѣ лишь для храненія. Когда банковый билетъ служитъ способомъ пользованія источниками ссудныхъ средствъ, онъ опирается на непокрытый кредитъ. Кто расплачивается выдачами чековъ на банкъ, тотъ, конечно, выгадываетъ всю пользу, которая проистекаетъ отъ превращенія его средствъ, довѣренныхъ банку, въ ссудныя. Связь съ банкомъ для него выгодна. Вслѣдствіе того онъ находится въ нѣкоторой зависимости отъ банка, какъ отъ источника получаемыхъ имъ выгодъ. Но въ гораздо большей мѣрѣ банкъ находится въ зависимости отъ кліента самого. Ибо, потерявъ вкладчика-кліента, банкъ совсѣмъ теряетъ почву для своей дѣятельности. Вкладчикъ-же, прекративъ сношенія съ банкомъ, теряетъ только увеличенныя выгоды. Напротивъ, при помощи банковыхъ билетовъ, банкъ съ гораздо большею самостоятельностью розъискиваетъ и привлекаетъ къ себѣ ссудныя средства. Вслѣдствіе того публика, которой полезны банковые билеты, находится въ болѣе сильной зависимости отъ банка, чѣмъ публика, которой полезны его чеки. Публика, которой полезны чеки, и безъ банковъ обладала-бы платежными средствами. Напротивъ, публика,

которая дорожитъ билетами, безъ нихъ совсѣмъ не обладала-бы платежными средствами.

Всякій банковый билетъ служитъ для предоставленія третьимъ лицамъ кредита, коимъ пользуется у публики самъ банкъ. Онъ представляетъ собою однако долговой документъ, который, будь онъ выпущенъ частнымъ лицомъ, былъ-бы документомъ порочнымъ: по той простой причинѣ, что онъ — безденежный. По банковому билету, которымъ банкъ обязывается предъ всякимъ предъявителемъ въ извѣстной суммѣ, самъ банкъ непосредственно ни отъ кого никакой суммы не получаетъ, если билетъ ему служитъ для оказыванія кредита постороннимъ лицамъ, т. е. именно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ для банка всего важнѣе, какъ источникъ прибылей. Банковые билеты, которымъ не соотвѣтствуетъ *никакая* денежная наличность, хранящаяся въ банкѣ, — ни принадлежащая банку, ни чужая, ему довѣренная,—представляютъ обязательства, по коимъ банкъ непосредственно какъ-бы ни у кого не беретъ ни денегъ, ни активныхъ долговыхъ имуществъ. Они не вводятъ оттого банкъ и въ расходы, которые повлекло бы за собою полученіе отъ другихъ лицъ принадлежащихъ имъ средствъ. А между тѣмъ за билеты банкъ взимаетъ, какъ за наличныя деньги. Чекъ, напротивъ, предполагаетъ средства, которыя напередъ были довѣрены банку, которыя банкъ непосредственно получилъ, которыя банкомъ администрировались и которыя ему обошлись не даромъ. Конечно, выраженія «средства обошлись даромъ» не совсѣмъ идетъ къ случаю, когда его приходится примѣнять къ такимъ вещамъ, которыя, подобно производительной предпріимчивости, служащей основою кредита банка, совсѣмъ и не добываются отъ другихъ лицъ, ни возмездными, ни безвозмездными путемъ. Но во всякомъ случаѣ должно признать, что предпріимчивость банка легче добываетъ кредитъ при помощи билетовъ, чѣмъ при помощи вкладовъ на текущіе счеты.

Когда банкъ оказываетъ постороннимъ лицамъ кредитъ, заимствуя для того средства изъ вкладовъ, онъ знаетъ гораздо болѣе точно и опредѣленно, что у него есть и что онъ можетъ дать другимъ. Онъ

передаетъ то, что онъ уже получилъ въ свои руки и что онъ *уже розыскалъ*. Напротивъ, когда онъ оказываетъ кредитъ билетами, онъ послѣдніе въ сущности еще только *посылаетъ розыскивать* нужныя ссудныя средства. Въ одномъ случаѣ онъ сначала розыскиваетъ ссудныя средства и потомъ ихъ отдаетъ въ новыя руки. Въ другомъ, напротивъ, — онъ сначала отдаетъ, а потомъ ищетъ. Банкъ, конечно, выдаетъ свои билеты въ разсчетѣ, что ихъ примутъ, то есть, что они найдутъ необходимыя ссудныя средства. Выпускъ билетовъ, однако, сопряженъ съ тѣмъ неудобствомъ, что онъ производится въ увѣренности *несомнѣннаго* его успѣха, тогда какъ этотъ успѣхъ, по меньшей мѣрѣ, проблематическій, только *вѣроятный*.

49. Источниками срочныхъ и безсрочныхъ ссудныхъ капиталовъ производительная предпріимчивость можетъ пользоваться и дѣйствительно пользуется, какъ черезъ посредство банковъ, такъ и помимо ихъ посредства. Основою пользованія ими въ одномъ и другомъ случаѣ служитъ возможность дать имъ занятіе, которое по своей продолжительности вполнѣ соотвѣтствуетъ времени, на которое капиталы свободны. Вслѣдствіе того, что періоды свободности ссудныхъ капиталовъ начинаются въ различные моменты для отдѣльныхъ ихъ представителей, во всякое данное время каждое народное хозяйство обладаетъ массою ихъ, предлагающею себя въ пользованіе тѣмъ, которые нуждаются въ капиталѣ на время, соотвѣтствующее свободному состоянію отдѣльныхъ капиталовъ. Отношенія, возникающія по поводу пользованія источниками ссудныхъ капиталовъ, когда это пользованіе исходитъ отъ непосредственно-производительной предпріимчивости, въ ихъ главныхъ основаніяхъ нами выяснены въ предъидущемъ. Иными-ли, однако, эти отношенія являются, когда возникаетъ вопросъ, могутъ ли правительства пользоваться срочными и безсрочными ссудными капиталами?

Двоякаго рода обстоятельства могутъ вызывать государственные займы и это обусловливаетъ два вида государственныхъ долговъ. Во первыхъ, цѣли, которыя преслѣдуются правительствомъ, могутъ

требовать *болѣе* средствъ, чѣмъ сколько ихъ получается въ теченіе даннаго періода отъ налоговъ. Если у народнаго хозяйства, сверхъ тѣхъ сбереженій, которыми оно уплачиваетъ налоги, имѣются еще другія свободныя сбереженія, которыя оно готово довѣрить правительству,—или, если такія свободныя сбереженія имѣются у заграничныхъ народныхъ хозяйствъ, готовыхъ довѣрить правительству,—тогда имѣется почва для займа. Эта почва представляется двумя элементами, безъ которыхъ отъ кредитной операціи остается одно только голое названіе, одно только безсодержательное слово. Элементы эти: свободное сбереженіе и свободное его помѣщеніе. Всякая кредитная операція свободна и въ субъективномъ, и въ объективномъ (вещномъ) своихъ элементахъ. Она вся соткана изъ свободы. Или, можно сказать, что свобода представляетъ ту канву, на которой изготовляется ткань, представляемая кредитною операціею. Разъ для государственнаго займа необходимая почва существуетъ, какого рода долгъ въ состояніи дѣлать правительство? Самая природа дѣла отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Еслибъ у всѣхъ членовъ народнаго хозяйства имѣлось у каждаго достаточно сбереженій, чтобъ изъ нихъ могла составиться сумма, потребная правительству, тогда не для чего было бы прибѣгать къ займу. Если къ займу прибѣгается, то именно потому, что значительное число членовъ народнаго хозяйства сбереженій имѣютъ не болѣе, чѣмъ сколько необходимо для уплаты процентовъ и погашенія по суммѣ, потребной правительству. Если, слѣдовательно, правительство имѣетъ въ виду не такую цѣль, которая допускаетъ самостоятельное воспроизводство капитала (само всегда опредѣляющее форму заключаемаго для него долга), — то оно необходимо должно сдѣлать *долгосрочный* долгъ. Долгосрочность государственныхъ долговъ обусловливается внутреннею природою тѣхъ причинъ, которыя представляются недостаточною финансовою производительностью налоговъ и отсутствіемъ воспроизводительной способности у дѣлаемыхъ затратъ.

Но государство можетъ обращаться къ кредиту, хотя бы его обыкновенныхъ доходовъ было вполнѣ достаточно на его текущія нужды. Необходимость обращаться къ кредиту можетъ быть вы-

нуждаема тѣми своеобразными условіями, въ которыя въ настоящее время ставится всякое отдѣльное хозяйство, принимающее широкіе размѣры. Большіе доходы суть результаты соединенныхъ экономическихъ усилій, принадлежащихъ различнымъ моментамъ времени. Всякій крупный доходъ имѣетъ своею основою крупное производство. А всякое крупное производство основывается на соединеніи не только одновременно, но и разновременно дѣйствующихъ силъ, то есть силъ, распредѣляющихъ свои дѣйствія между различными моментами времени и послѣдовательно другъ за другомъ проявляющихся. Иными словами: чтобъ получать крупный доходъ, необходимо производство, котораго широкіе размѣры основываются на его расширенности не только въ пространствѣ, но и во времени. Расширенность во времени въ особенности необходима для крупныхъ доходовъ отдѣльныхъ хозяйствъ. Но если крупный доходъ основывается на производительности разновременно дѣйствующихъ силъ, это означаетъ, что онъ слагается *изъ разновременныхъ поступленій*. Разновременность поступленій всегда имѣетъ своею параллелью разновременность выдачъ, изъ которыхъ слагается крупный расходъ. Большое хозяйство, дѣлающее крупные расходы, дѣлаетъ ихъ не сразу, а въ разныхъ пріемахъ. Ясно въ такомъ случаѣ, что всякое крупное хозяйство нуждается въ томъ, чтобъ не только въ теченіе цѣлаго періода (года, мѣсяца и т. д.) его расходы покрывались его доходами. Для него существуетъ еще другая забота, чтобъ *во всякую данную минуту* у него имѣлись необходимыя средства,—чтобъ во всякое данное время поступленія были достаточнаго размѣра и покрывали бы предстоящія выдачи, долженствующія *немедленно* послѣдовать. Иначе оно теряетъ возможность *своевременно* дѣлать свои затраты, т. е. дѣлать ихъ при наиболѣе выгодныхъ условіяхъ. Мало одного того, если правительство будетъ навѣрно знать размѣръ своихъ будущихъ поступленій и съ ними строго сообразовать свои расходы. Этого недостаточно, потому что всякій расходъ подчиняется условіямъ своевременности для своей наибольшей производительности. Эти условія внѣ власти правительства. Что за выгода, что правительство назначаетъ на

тотъ или иной предметъ сумму, которую оно навѣрно получитъ, если эту сумму оно получитъ въ такое время, когда расходъ можно будетъ произвести съ наименьшими удобствами? Во всякомъ случаѣ очевидно, что правительства, подобно частнымъ лицамъ, теряютъ значительныя выгоды, если имъ приходится откладывать свои расходы, выжидать съ ними, единственно по той причинѣ, что въ моментъ, когда расходъ былъ бы всего производительнѣе, наличныхъ средствъ для его производства не имѣется. И съ другой стороны не менѣе очевидно, что какъ правительства, такъ и народныя хозяйства теряютъ значительныя выгоды, если въ правительственныхъ кассахъ сосредоточиваются наличныя средства, поступающія въ такое время, когда всего менѣе цѣлесообразно производить расходы. Наличнымъ средствамъ придется лежать въ правительственныхъ кассахъ праздными запасами, тогда какъ въ другомъ мѣстѣ они могли бы найти себѣ производительное занятіе. Отчего-же зависитъ возможность установить совпаденіе моментовъ поступленія и выдачъ необходимыхъ суммъ, если они сами по себѣ не совпадаютъ? Очевидно, что она зависитъ отъ двухъ причинъ. Или предварительно приготовляются условія для такого совпаденія т. е. собираются запасы на всякій случай необходимости. Или-же содѣйствіе оказываетъ посторонній источникъ, временно и именно въ данную минуту не занятый. Подобный источникъ можетъ явиться на помощь съ тѣмъ, чтобъ по истеченіи извѣстнаго времени онъ былъ освобожденъ и могъ разсчитывать на взаимную помощь, которая и ему будетъ оказана, когда онъ въ ней будетъ нуждаться. Первая причина обыкновенно дѣйствуетъ на низшихъ ступеняхъ развитія и отсюда та очень большая роль, которую запасы разъигрывали въ старое время для крупныхъ хозяйствъ. Вторая причина дѣйствуетъ на высшихъ степеняхъ развитія и ея дѣйствіе проявляется, какъ антиципація путемъ кредита текущихъ доходовъ.

Совпаденіе момента поступленія доходовъ съ моментомъ ихъ расходованія зависитъ прежде всего отъ чисто производственныхъ условій. Въ отдѣльномъ частномъ хозяйствѣ или предпріятіи оно будетъ существовать тогда, когда расходъ слѣдуетъ за моментомъ,

которымъ заканчивается предшествовавшее ему производство. Т. е. вообще реализація добытой цѣнности должна служить источникомъ расхода. Расходъ на эту реализацію долженъ быть разсчитанъ. Она ему должна быть соподчинена и ему служить. Иное дѣло, однако, когда реализація сама по себѣ независимый фактъ и не можетъ служить слѣдующимъ за нею затратамъ: когда ея расходу препятствуютъ предшествовавшія обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ она антиципировалась. Въ такомъ случаѣ и дальнѣйшій расходъ долженъ основываться на антиципаціи будущаго дохода. Антиципація, однако, возможна не всегда. Рядомъ съ хозяйствомъ или предпріятіемъ, которому предстоитъ расходъ, могущій опираться только на антиципацію будущаго дохода, должно существовать другое хозяйство или предпріятіе, которое обладаетъ необходимыми для расхода цѣнностями, но которое однако въ состояніи ихъ сбыть только въ кредитъ. Владѣлецъ цѣнностей, какъ онъ ни желалъ-бы немедленно закончить соединенныя со сбытомъ обязательства, долженъ не имѣть къ тому возможности. Необходимо, чтобы онъ могъ помѣстить свои цѣнности и сдѣлать ихъ непосредственно производительными и доходными только подъ условіемъ отсрочки полученія эквивалента, или продажи въ кредитъ. Покупатель тогда становится должникомъ до момента, когда онъ закончитъ свое «дѣло», реализуетъ свою цѣнность и съ своей стороны станетъ кредиторомъ. Тогда его долгъ будетъ погашенъ. Крупное производство основано на сотрудничествѣ разновременно дѣйствующихъ силъ. Оно поэтому, всегда сложено изъ ряда предпріятій, въ различные моменты времени начинающихся и заканчивающихся, въ различныя времена становящихся обладателями цѣнностей и чувствующихъ въ нихъ потребность. Это, вмѣстѣ съ ихъ соединенностью, и вызываетъ возможность и необходимость для однихъ давать и брать кредитъ въ одно время, для другихъ—въ другое.

Все это, обнаруженное наблюденіемъ отношеній частныхъ предпріятій другъ къ другу, одинаково примѣняется ко всякому крупному хозяйству, между прочимъ и къ правительственному. Съ тѣхъ поръ, какъ доходы и расходы правительствъ стали считаться сот-

нями милліоновъ, уже одинъ грубый эмпиризмъ показалъ, какой важный вопросъ для всякаго правительства представляетъ вопросъ о равновѣсіи не только окончательныхъ результатовъ государственно-хозяйственной сметы, но и ея отдѣльныхъ составныхъ частей во всякое данное время. Субъективный характеръ этого вопроса можетъ разнообразиться: онъ можетъ чувствоваться вслѣдствіе затрудненій, возникающихъ отъ отсутствія равновѣсія въ необходимые моменты. Или, напротивъ, онъ можетъ обращать на себя вниманіе излишнимъ обиліемъ правительственныхъ кассъ, когда запасы, въ нихъ подготовленные на случай надобности, должны безплодно лежать въ ожиданіи этой надобности. Но объективная его природа остается всегда одною и тою-же. Всегда онъ выражаетъ вопросъ о наиболѣе экономическомъ распредѣленіи свободныхъ средствъ между различными хозяйствами, дающемъ возможность имѣть ихъ повсюду и всегда, когда и пока средства нужны, дѣлающемъ ихъ непрерывно производительными и отстраняющемъ для нихъ возможность быть непроизводительными ни на одно мгновеніе. И при разрѣшеніи этого-то вопроса кредиту принадлежитъ, какъ мы знаемъ, первая и главная роль.

По ходячимъ воззрѣніямъ, когда возбуждается мысль о государственномъ кредитѣ, то неразрывно съ нею всегда связывается другая мысль—о дефицитѣ въ государственномъ хозяйствѣ, о несоотвѣтствіи между его потребленіемъ и его производствомъ, о нарушенномъ равновѣсіи между его доходами и расходами. Современная финансовая наука однако доказываетъ неосновательность ходячихъ воззрѣній. Изъ того, что податныя силы даннаго времени могутъ взять на себя не всю цѣлость предстоящаго данному времени расхода, а только его погашеніе и оплату процентами, нельзя еще заключить о нарушенномъ равновѣсіи между доходами и расходами. Развѣ землевладѣлецъ или желѣзнодорожное предпріятіе, заключающіе долгосрочный долгъ, чтобы дать капиталу помѣщеніе, только постепенно его возстановляющее, развѣ они это дѣлаютъ непремѣнно вслѣдствіе нарушеннаго равновѣсія между доходами и расходами? Очевидно, что заключеніе долга вовсе не до-

казываетъ въ подобномъ случаѣ нарушенности равновѣсія. Обращеніе къ кредиту также мало въ этомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о неблагопріятномъ положеніи дѣлъ, какъ мало оно о томъ свидѣтельствуетъ, когда въ другихъ торгово-промышленныхъ случаяхъ обращаются къ кредиту. Обращеніе къ кредиту доказываетъ только, что данное хозяйство стремится расширить свою сферу и считаетъ себя обладающимъ необходимою на это текущею предпріимчивостью, но не обладаетъ только вещными основаніями для приведенія своихъ намѣреній въ исполненіе. Для полученія этихъ вещныхъ основаній оно и обращается къ кредиту. Затѣмъ, вопросъ, на долго-ли занимаются цѣнности или не на долго, зависитъ уже отъ цѣли, для которой занимаются цѣнности, или отъ посторонніхъ источниковъ, которыми цѣль поддерживается. Если помѣщеніе живо производитъ занятый для него капиталъ, или посторонніе источники живо его могутъ возстановить, то долгъ будетъ краткосрочный. Въ противномъ случаѣ онъ будетъ долгосрочный. Во всякомъ случаѣ, однако, ни вопросъ о кредитѣ, ни вопросъ о продолжительности его срока не имѣютъ внутренней необходимой связи съ вопросомъ о здоровьѣ или болѣзненности соотношенія между доходами и расходами. О характерѣ этого соотношенія нельзя судить ни по тому, что данное хозяйство (все равно, частное или правительственное) пользуется кредитомъ, ни по тому, что кредитъ долгосрочный или краткосрочный.

Всего менѣе можно заключать о ненормальномъ соотношеніи между доходами и расходами по тому признаку, что правительство обращается къ краткосрочному кредиту, если онъ на дѣлѣ, а не на словахъ только краткосрочный. Можно даже утверждать, что для всякаго крупнаго государственнаго хозяйства краткосрочный кредитъ сталъ такою-же настоятельною необходимостью, какою онъ сталъ для крупной торговли и крупной промышленности. Если правительство большаго государства ведетъ свои доходы безъ краткосрочнаго кредита, то это доказываетъ, что оно заставляетъ народное хозяйство нести тягость, отъ которой его могъ бы избавить раціонально утилизированный кредитъ. Какое равновѣсіе ни

обнаруживали бы окончательные результаты всей сметы государственнаго хозяйства за періодъ годичной продолжительности, это равновѣсіе однако всегда получается только благодаря тому, что періодъ растянутъ на продолжительное время и что если въ одну его часть доходы не покрываютъ расходовъ, то въ другую его часть расходы меньше доходовъ. Во всякое данное время-же равновѣсіе должно быть искусственно установляемо. И дѣйствительно, оно искусственно и устанавливается: или путемъ образованія запасовъ, получаемыхъ излишками или остатками отъ операцій предъидущихъ періодовъ, или же путемъ утилизированія кредита. То есть, или правительство возстановляетъ равновѣсіе собственными капиталами, которые оно держитъ въ резервѣ, или же оно беретъ на помощь эти капиталы на время, въ теченіе котораго оно въ нихъ нуждается. Само собою очевидно, что въ первомъ случаѣ на народномъ хозяйствѣ лежитъ тягость непроизводительнаго состоянія собственныхъ запасовъ правительства въ теченіе того времени, когда само правительство ими не пользуется и когда они остаются праздными

Такъ какъ условія, въ которыхъ правительство находится, когда оно по естественнымъ причинамъ можетъ пользоваться краткосрочнымъ кредитомъ, совершенно тождественны съ условіями, въ которыхъ находится торгово-промышленная предпріимчивость, когда она дѣлаетъ тоже самое,—то, понятно, смотря по тѣмъ средствамъ, которыя на рынкѣ будутъ предлагаться правительству,—смотря по тому, будутъ-ли они совершенно свободны, т. е. свободны на опредѣленный срокъ, или они будутъ неопредѣленно свободны,—правительство будетъ въ состояніи ихъ занимать или путемъ обязательствъ съ краткимъ, но опредѣленнымъ срокомъ, или же путемъ безсрочныхъ обязательствъ. Въ первомъ случаѣ обязательства правительства будутъ вполнѣ соотвѣтствовать билетамъ по срочнымъ вкладамъ у банковъ. Во второмъ они будутъ безпроцентны и соотвѣтствовать банковымъ билетамъ въ тѣсномъ смыслѣ (т. е. не въ томъ смыслѣ, въ которомъ выраженіе «бан-

ковые билеты» понимаютъ въ Россіи, а въ томъ, въ которомъ оно употреблялось выше въ нашемъ изложеніи).

Размѣръ краткосрочнаго кредита, которымъ правительство можетъ воспользоваться во всякое данное время,—слѣдовательно, количество срочныхъ или безсрочныхъ обязательствъ, которыя оно можетъ выпустить,—опредѣляется прежде всего, конечно, тою массою свободныхъ на короткій срокъ капиталовъ, которая готова временно отправиться къ правительству. Но при существованіи свободныхъ капиталовъ, окончательное рѣшеніе вопроса объ означенномъ количествѣ зависитъ отъ размѣра правительственныхъ доходовъ, ожидаемыхъ къ *вполнѣ несомнѣнному* поступленію въ теченіе или по истеченіи того времени, на которое и въ которое правительство производитъ свои краткосрочные займы.

Здѣсь мы должны въ особенности не оставлять безъ вниманія слѣдующее важное обстоятельство. Когда говорится о средствахъ, ожидаемыхъ къ поступленію, то это вовсе не включаетъ необходимо одни только тѣ средства, источниками которыхъ служатъ налоги. Разъ правительство поставило себѣ цѣль, для которой его налоговые источники не даютъ достаточно средствъ, и оно заключало для своей цѣли долгосрочный заемъ,—это поднимаетъ надъ обыкновеннымъ уровнемъ цыфру его доходовъ за данный финансовый періодъ. Увеличеніе же доходовъ, отъ какихъ бы причинъ оно ни происходило, отъ налоговъ-ли или долгосрочныхъ займовъ, во всякомъ случаѣ можетъ повлечь за собою одинаковое послѣдствіе: что большіе доходы для своего поступленія потребуютъ болѣе продолжительный періодъ времени. Расходомъ пришлось бы иногда несоотвѣтственно ихъ цѣли долго дожидаться, т. е. терять въ своей производительности, еслибъ они должны были бы непремѣнно отсрочиваться до момента поступленія покрывающаго ихъ дохода. Чтобъ не терять въ производительности, и расходы, опирающіеся на долгосрочные займы, нуждаются, поэтому, въ антиципаціи средствъ, подлежащихъ поступленію отъ займовъ. Отсюда—своеобразный характеръ у той части краткосрочнаго кредита, которою антиципируются рессурсы долгосрочнаго

кредита: она можетъ представлять краткосрочный кредитъ, стремящійся превратиться въ долгосрочный. Конвертированіе перваго вида кредита во второй, или такъ называемое отвержденіе текущихъ долговъ правительства и представляетъ способъ погашенія той части обязательствъ, по краткосрочному кредиту, которою антиципируются средства отъ кредита долгосрочнаго.

Въ окончательномъ результатѣ мы получаемъ тотъ выводъ, что границы краткосрочнаго кредита опредѣляются размѣрами вполнѣ несомнѣнныхъ поступленій, на которыя правительство съ совершенною увѣренностью можетъ разсчитывать въ теченіе того времени, къ которому оно обязалось уплатить краткосрочный долгъ. Откуда эти поступленія проистекаютъ и погашается-ли краткосрочный долгъ уплатою по представляющимъ его обязательствамъ или превращеніемъ (конвертированіемъ) его въ долгосрочный, — это для его размѣровъ и для ихъ нормальнаго характера — несущественно. Важно только, чтобъ было несомнѣнное поступленіе, на которое можно съ увѣренностью разсчитывать. Если таковое предстоящее поступленіе несомнѣнно, то оно, пропорціонально своей несомнѣнности, можетъ быть основою пользованія краткосрочными и безсрочными ссудными капиталами. Ибо инаго основанія для пользованія этими ссудными капиталами, кромѣ несомнѣнности скоро воспроизводящаго источника, изъ котораго черпаются средства, возстановляющія ссудный капиталъ, никогда и не бываетъ.

Условія для нормальнаго пользованія краткосрочнымъ кредитомъ для правительства тѣ-же самыя, что и для частныхъ лицъ. И если иногда кажется, что условія различны въ этихъ двухъ случаяхъ, то только потому, что правительства могутъ приказывать, чтобъ невозможныя вещи *считались* возможными. Люди, подчиняясь правительственнымъ приказамъ, съ теченіемъ времени такъ успѣваютъ свыкаться съ легальными фикціями, что совершенно уже не замѣчаютъ фиктивности ихъ содержанія.

50. Несомнѣнно, конечно, что краткосрочнымъ кредитомъ злоупотребляли очень много. Именно потому имѣютъ большую важ-

ность выработанныя опытомъ свѣдѣнія, на основаніи которыхъ возможно до извѣстной степени избѣгать злоупотребленій. Но всего болѣе эти свѣденія важны для правительствъ. Потому что всего болѣе безсрочнымъ кредитомъ злоупотребляли и злоупотребляютъ правительства. Массы капиталовъ, которыя загублены частною предпріимчивостью вслѣдствіе того, что, стремясь къ благосостоянію, она попадала на ложные пути, ничто—въ сравненіи съ тѣми колоссальными массами безсрочныхъ ссудныхъ капиталовъ, которыя уничтожены правительствами безъ всякаго соображенія съ ихъ природою. Частная предпріимчивость обыкновенно незамѣтно попадаетъ на путь, ведущій къ гибели безсрочныхъ ссудныхъ капиталовъ. Напротивъ, правительства обыкновенно прямо и твердыми шагами идутъ по этому пути, рѣдко безпокоясь о послѣдствіяхъ. Вотъ почему частныя и правительственныя злоупотребленія краткосрочнымъ кредитомъ совершенно разнородны по своему характеру, хотя по своимъ послѣдствіямъ они и одинаковаго свойства.

Когда возвышеніе государственныхъ долговъ, вызывая неудовольствіе у плательщиковъ налоговъ, все таки не въ состояніи доставить всѣхъ необходимыхъ правительству средствъ,—когда внутреннія и заграничные займы стали тоже невозможны (или совершенно или въ той мѣрѣ, какая нужна, чтобъ доставить всю необходимую правительству сумму средствъ),—тогда для него *всѣ* источники *исчерпаны*. Мы налегаемъ на послѣднее выраженіе, потому что понятіе экономическаго источника—не есть произвольное представленіе обо всякомъ употребляемомъ способѣ, путемъ котораго можно добыть необходимыя средства. Понятіе экономическаго источника необходимо включаетъ въ себѣ внутреннюю производительность, собственную и независимую содержательность и содержимость. То, что по своей природѣ не обладаетъ производительностью, ни прямою, ни косвенною, то, что собственнаго внутренняго содержанія лишено и содержимость чего должна быть заимствована *съ насиліемъ* изъ другаго источника и ему подброшена,—то не составляетъ вовсе источника или составляетъ только подложный источникъ, фальсифицированный рессурсъ.

Для государственнаго хозяйства существуетъ только два источника, обладающіе внутреннею и дѣйствительною финансовою производительностью: это—налоги и займы. Но нѣтъ ни одного источника, ни государственно-хозяйственнаго, ни частно-хозяйственнаго, который отличался бы неистощимостью. Какъ бы далеко ни могли простираться доходность экономическаго источника и ея движенія, они останавливаются у того предѣла, который имъ предписывается условіями производительности даннаго мѣста и даннаго времени. А такъ какъ эти условія совершенствуются только подъ вліяніемъ соединенной дѣятельности поколѣній, то есть сотрудничества во времени, то данная эпоха всегда имѣетъ замкнутыми въ извѣстные предѣлы свои экономическіе источники. Говорить объ ихъ неистощимости, поэтому, значитъ пускаться въ такую область, въ которой напередъ можно опредѣлить, у какого момента самая природа дѣла заставитъ или отказаться отъ толковъ о неистощимости, или принимать миражъ за дѣйствительность.

И налоги, и займы тоже не обладаютъ неистощимостью. Правительства должны это принимать во вниманіе и соразмѣрять свои требованія съ природою тѣхъ источниковъ, къ которымъ требованія предъявляются. Какъ вообще налоги и займы не отличаются неистощимостью, такъ въ частности ею не обладаютъ отдѣльные виды налоговъ и займовъ.

Границы финансовой производительности налоговъ, какъ государственно-хозяйственнаго источника, извѣстны. Онѣ—тамъ, гдѣ правительство начинаетъ потреблять не только изъ того-же источника, изъ котораго идутъ средства на удовлетвореніе потребительныхъ нуждъ населенія страны, но и изъ того источника, изъ котораго идутъ средства, служащія нуждамъ предпріимчивости, средства, не потребляемыя, а воспроизводимыя непрерывно. Тамъ, гдѣ налоги начинаютъ стѣснять воспроизводство, ослаблять его и уменьшать его размѣры и результаты, они начинаютъ терять и свою финансовую производительность. Еще точнѣе можетъ быть обозначена граница этой производительности для кредита, какъ финансоваго рессурса. Она—тамъ, гдѣ кончаются *свободныя* сбереженія,

которыя населеніе (все равно, данной-ли страны или заграничной) *свободно* готово передавать правительству, и гдѣ кончается воспроизводительная способность палоговыхъ плательщиковъ для погашенія и уплаты процентовъ по государственнымъ займамъ. Все равно, на какой бы срокъ правительство ни пользовалось сбереженіями, на долгій или короткій, разъ пользованіе начинаетъ истощать запасъ свободныхъ сбереженій,—кредитъ начинаетъ ослабляться въ своей финансовой производительности. Когда правительство собирается на расходы, сопряженные съ уменьшеніемъ объема воспроизводства или не могущіе разсчитывать на свободныя сбереженія, то эти расходы теряютъ подъ собою финансовую почву.

Необходимо имѣть въ виду, что финансовую производительность ни въ какомъ случаѣ нельзя противупоставлять производительности частной предпріимчивости какъ явленія, не имѣющія между собою общаго. Обѣ онѣ, напротивъ, идутъ объ руку, вмѣстѣ возвышаются и падаютъ. Всего менѣе существуетъ основаній противупоставлять эти два вида производительности, какъ факты разнородные и принадлежащіе одинъ къ порядку политическихъ явленій, другой къ порядку экономическихъ явленій. Рессурсы правительства съ одной стороны и частной предпріимчивости съ другой—разновидности одного и того-же рода. И тѣ, и другія явленія прежде всего принадлежатъ къ экономическому разряду явленій и на основаніи одной и той-же логики мы только и можемъ разсуждать о нихъ, если мы не желаемъ разсужденія превращать въ произвольныя построенія фантазіи. Кому-бы рессурсъ ни служилъ, какимъ-бы потребностямъ онъ ни удовлетворялъ, онъ прежде всего сохраняетъ свою экономическую природу, т. е. внутреннюю собственную (прямую или косвенную) производительность. Теряя послѣднюю, онъ совсѣмъ перестаетъ быть рессурсомъ. Вотъ почему финансовый фактъ теряетъ *всякое* положительное содержаніе, когда онъ внутреннюю свою силу черпаетъ въ одной только политической силѣ, которой онъ служитъ: его содержаніе тогда отрицательное, отрицающее производительность и хозяйственность, подрывающее и разоряющее ихъ.

Когда рессурсы правительства достигаютъ крайнихъ предѣловъ своей производительности, они кончаютъ свою службу. Дальнѣйшая дѣятельность правительства своею экономическою почвою можетъ уже имѣть не финансовые рессурсы, а то, что составляетъ отрицаніе, подрывъ и разореніе *всякаго* рессурса: насиліе.

Какъ насиліе называется и во имя чего оно дѣлается, все равно. Оно можетъ *называться* налогомъ, данью, податью, даромъ, займомъ: но во всякомъ случаѣ, если оно переходитъ за предѣлы финансовой производительности, оно уже не есть *на дѣлѣ* ни налогъ, ни заемъ. Это должно признать во имя уваженія къ логикѣ. Иначе и теорія, и практика налоговъ и займовъ теряютъ всякую почву подъ собою. Затѣмъ, съ моральной и политической точекъ зрѣнія разореніе и подрывъ экономической производительности могутъ вполнѣ оправдываться. Экономическое содержаніе факта отъ того ни на волосъ не измѣняется.

Для предмета этого сочиненія преимущественное значеніе имѣетъ тотъ случай, когда при исчерпанности финансовыхъ рессурсовъ правительство добываетъ себѣ необходимыя средства подъ видомъ утилизированія краткосрочнаго кредита.

Всякое пользованіе краткосрочнымъ кредитомъ, какъ это выше выяснено, въ своемъ первомъ началѣ представляетъ антиципацію будущихъ доходовъ. По большей части оно дѣлается въ предположеніи, что если въ данный моментъ заключеніе долгосрочнаго займа затруднительно, то оно станетъ возможнымъ по истеченіи извѣстнаго времени. Необходимо, поэтому, всегда имѣть въ виду двоякое значеніе краткосрочнаго правительственнаго кредита, утилизируемаго въ подобныхъ случаяхъ: его значеніе для даннаго момента и для промежутка времени, протекающаго до заключенія долгосрочнаго займа, и его значеніе для того времени, когда становится возможнымъ долгосрочный заемъ.

Прежде всего возможно отчетливѣе необходимо имѣть въ виду то, что мы назвали *промежуточнымъ* значеніемъ краткосрочнаго кредита, утилизируемаго правительствами, когда для нихъ финансовые рессурсы теряютъ свою производительность. Это про-

межуточное значеніе—фактъ, всего отчетливѣе представляющійся обыкновенно правительствамъ въ пору тяжелую, когда они принуждены бываютъ прибѣгать къ крайнимъ средствамъ. Только потомъ, когда проходитъ первое время тяжелаго положенія, особенно ясно показывавшее, что значитъ дойти до крайней границы производительности финансовыхъ источниковъ, съ фактомъ начинаютъ свыкаться и его промежуточное, временное значеніе начинаютъ забывать.

Когда ни налоги, ни займы невозможны, это значитъ, что пѣтъ доходовъ, на поступленіе которыхъ можно было бы расчитывать. Но это значитъ еще, что не для чего утилизировать и краткосрочный кредитъ. Если не существуетъ ни сбереженій, свободныхъ хотя бы только на короткій срокъ или даже неопредѣленный срокъ,—если не существуетъ свободной готовности отдавать имѣющіяся сбереженія правительству,—то ни краткосрочными, ни безсрочными обязательствами, путемъ добровольныхъ соглашеній, ничего добыть нельзя. Кредита у правительства не существуетъ.

Замѣтимъ, что когда наступаютъ уже столь тяжелыя обстоятельства, тогда всякое свободное имущество получаетъ большую, чѣмъ обыкновенно, цѣну. Ибо наступленіе этихъ обстоятельствъ выражаетъ, что одна изъ сильнѣйшихъ основъ общественности начинаетъ шататься. Силѣ ея, ея прочности и устойчивости начинаютъ угрождать опасности. Для производительной предпріимчивости данное время въ данномъ мѣстѣ не представляетъ уже годнаго поля. Стрямящаяся къ самосохраненію производительная предпріимчивость должна, поэтому, возложить свои надежды на другое время или на другое мѣсто. Эти надежды въ своей исполнимости, однако, зависятъ отъ того, насколько онѣ связываются съ имуществомъ, наиболѣе легко подвергающимся вліянію мѣста и времени, т. е. свободнымъ имуществомъ (драгоцѣнными металлами или звонкими деньгами).

Понятно, что при подобномъ состояніи дѣлъ правительства всего менѣе могутъ разсчитывать на *добровольную* передачу имъ свободнаго имущества. Тогда для правительствъ остается только

одинъ исходъ: взять насиліемъ то, что не отдается добровольно. Правительства обращаются къ такъ называемымъ *насильственнымъ займамъ*.

Даже и не строго разсуждая, насильственный заемъ—contradictio in adjecto. Всякій т. н. насильственный заемъ есть насильственное отобраніе имущества, связанное съ простымъ обѣщаніемъ, что это отобраніе *будетъ превращено* въ заемъ, т. е. что имущество будетъ возвращено. Но возвращеніе взятаго еще не составляетъ отличительнаго признака одного только кредита; поэтому не всегда, когда возвращается взятое, можно говорить о займѣ. Возвращеніе насильственно взятаго имѣетъ только отрицательное значеніе отказа отъ дальнѣйшаго пользованія насиліемъ, какъ способомъ добывать имущество.

Если правительство чрезъ выпускъ срочныхъ обязательствъ беретъ путемъ насилія необходимое ему имущество, дѣло разомъ и кончается. Тогда и разсуждать долго не о чемъ. Насильственное отнятіе тогда подобно бѣдствію, неожиданно постигающему имущество и истребляющему часть его, какъ пожаръ, наводненіе и т. д. Иное дѣло, когда правительство пользуется безсрочными обязательствами въ пору, вызывающую необходимость насильственныхъ мѣръ.

Пользованіе безсрочными обязательствами всегда основывалось на фальшивой и совершенно произвольной мысли, будто безсрочныя обязательства можно сдѣлать деньгами. Исходя изъ того, что эти обязательства могутъ функціонировать, какъ орудія обращенія, и что отъ правительства зависитъ, какое орудіе обращенія играетъ роль законнаго платежнаго средства, заканчивающаго обязательства,—полагали, что этого и достаточно обязательствамъ, выпускаемымъ правительствомъ въ крайнихъ случаяхъ, для признанія ихъ за деньги. Сообразно съ этимъ обязательства и получили названіе бумажныхъ денегъ.

Но бумажныя деньги—такая-же фикція, какъ и насильственный заемъ. Деньги и орудія обращенія различныя вещи. Деньги—не только орудія обращенія, но и орудія мѣры, и орудія сбереженія, т. е. основы экономическаго разсчета и пріуготовительной дѣятель-

ности для будущаго. Эти основы, однако, зависятъ всего менѣе отъ правительственной власти и она надъ ними безсильна.

Всякая мѣра опредѣляется только внутренними качествами того матеріала, изъ котораго она сдѣлана. Лучшій матеріалъ для мѣры всегда какъ бы самъ себя предлагаетъ для употребленія въ качествѣ мѣры: онъ себя самъ рекомендуетъ и никто ему годности служить мѣрою не октроируетъ. Можетъ-ли правительство создавать прочность цѣнности? Можетъ-ли оно охранять цѣнность отъ колебанія въ ея размѣрахъ? Еслибы оно на *это* было бы способно, оно было бы въ состояніи создавать мѣру. Но на это оно также мало способно, какъ неспособно легкую матерію превращать въ тяжелую, холодную въ горячую, мертвую въ живую. Дѣлать деньги, въ качествѣ мѣры, правительство можетъ лишь въ томъ-же смыслѣ, въ какомъ оно можетъ дѣлать часы, термометры, аршины, ведра и т. д. То есть если оно подчинится техническимъ условіямъ мѣры, она сдѣлаетъ ее. Экономическую мѣру можно изготовить только изъ наиболѣе устойчивой цѣнности. Наиболѣе же устойчивою цѣнностью обладаютъ повсюду и всегда драгоцѣнные металлы. Изъ нихъ только, поэтому, и правительство можетъ дѣлать мѣру. Изъ бумажекъ, на которыхъ сдѣлана надпись, что онѣ представляютъ долгъ цѣнности, обладающей извѣстнымъ размѣромъ мѣроспособности, также физически невозможно сдѣлать орудіе экономической мѣры, какъ невозможно изъ бумажки, на которой написано, что она представляетъ цѣнность, обладающую извѣстною длиною, вѣсомъ, температурою, емкостью и т. д., сдѣлать мѣру длины, вѣса, температуры, емкости и т. д. Правительство можетъ приказать, чтобъ при опредѣленіи величины вѣса, температуры и длины не руководствовались дѣйствительными пудомъ, фунтомъ или лотомъ, саженью или аршиномъ, ртутнымъ или спиртовымъ термометромъ. Оно можетъ требовать, чтобъ количественная сторона сравниваемыхъ вещей опредѣлялась *на глазомѣръ*. Тогда, понятно, это будетъ равносильно приказу, чтобъ люди удовлетворялись или весьма не приблизительными понятіями о количественной сторонѣ сравниваемыхъ вещей, или произвольными представленіями о ней. Тоже са-

мое имѣетъ мѣсто, когда долговой знакъ дѣлается мѣрою цѣнности. На самомъ дѣлѣ мѣры тогда нѣтъ, а опредѣленіе количественной стороны сравниваемыхъ цѣнностей происходитъ на глазомѣръ. Еще болѣе это вѣрно въ томъ случаѣ, когда долговой знакъ—послѣдствіе насильственнаго мѣропріятія. Ибо такой долговой знакъ вовсе не обладаетъ собственною цѣнностью. Всякая цѣнность выражаетъ признанность какихъ-либо качествъ и особенностей служить на пользу или въ удовольствіе человѣку. Въ основѣ всякой цѣнности лежитъ свободное отношеніе человѣка къ чему нибудь, о качествахъ чего онъ судитъ. Но гдѣ свободнаго отношенія нѣтъ, тамъ невозможно и то дѣйствіе, которое выражается словомъ цѣнить. Насильно заставлять кого-либо цѣнить также невозможно, какъ невозможно насильно принудить—думать или чувствовать. Если обѣщаніе платежа не вызываетъ готовности добровольно отказаться отъ имущества, это прежде всего значитъ, что обѣщаніе не цѣнится, что ему не придаютъ никакой цѣнности, что оно имѣетъ ходъ вовсе не вслѣдствіе своей цѣнности, а вслѣдствіе насильственныхъ мѣропріятій, въ немъ дѣйствующихъ.

Но и орудіемъ сбереженія бумажныя деньги не могутъ служить. Денежное орудіе сбереженія представляетъ имущество, еще ни на что не затраченное, совершенно свободное и могущее быть употребленнымъ, гдѣ, когда и какъ угодно. Оно, слѣдовательно, можетъ быть сдѣлано только изъ такого матеріала, который обладаетъ качествами экономической цѣнности въ наибольшей степени. Эти качества—удобосохраняемость, повсемѣстность спроса и удобоподвижность. Что не легко сохраняется и мало спрашивается, уже мало годится и какъ матеріалъ для орудія сбереженія. Понятно, что долговой знакъ, вовсе не обладающій внутреннею цѣнностью, совсѣмъ не годится и какъ такой матеріалъ.

Безсрочныя обязательства, выпускаемыя правительствомъ, какъ вообще большею частью обязательства, кто бы ихъ ни выпускалъ и на какой бы они ни были срокъ, не въ состояніи вовсе или только очень дурно функціонировать, какъ орудіе экономическаго измѣренія и какъ орудіе экономическаго сбереженія. Оттого никакія обя-

зательства не могутъ быть деньгами, сколько бы власти и авторитета ни было у тѣхъ, которые обязательства выпускаютъ. Люди могутъ оказаться и согласными *называть* правительственные долговые знаки деньгами. Но называетъ-ли ихъ деньгами одно только правительство, или и все населеніе даннаго мѣста, долговые знаки отъ этого деньгами *не становятся*. Единственное послѣдствіе такого общаго согласія только то, что названіе «деньги» теряетъ свой на стоящій смыслъ и начинаетъ выражать только *мѣстное понятіе*.

Остается разсмотрѣть еще двѣ стороны безсрочныхъ обязательствъ, выпускаемыхъ правительствами, когда они попадаютъ въ крайнее положеніе: ихъ роли платежнаго средства и орудія обращенія.

Функція платежнаго средства не выражаетъ факта, отдѣльнаго отъ факта, выражаемаго функціею орудія обращенія. Это только два различныя названія однаго и того же факта, два техническіе термина, обозначающіе одно и то же явленіе съ различныхъ точекъ зрѣнія. Первый терминъ — юридическій, второй — экономическій. Съ точки зрѣнія права важенъ преимущественно послѣдній моментъ кредитнаго отношенія,—т. е. исполненіе принятаго обязательства,—который окончательно какъ бы закругляетъ право, даетъ ему реальность. Съ экономической же точки зрѣнія одинаково важны всѣ моменты кредитнаго отношенія. Чѣмъ же заканчиваются обязательства, въ чемъ заключается исполненіе ихъ? Экономическій конецъ обязательства — возвращеніе взятаго капитала. Въ какомъ видѣ долженъ быть возвращенъ капиталъ, чтобъ обязательство было прекращено? Въ томъ видѣ, въ которомъ онъ даетъ кредитору возможность на рынкѣ удовлетворять своимъ надобностямъ, какія бы онѣ ни были. Когда, однако, въ странѣ дѣйствуетъ законъ, который даетъ право прекращать обязательства *бумажными деньгами*, тогда весь кредитъ и вся масса обязательствъ, возникающихъ въ данной странѣ, строго говоря, погашаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда средствомъ для погашенія служитъ одна взаимная задолженность. Напротивъ, всѣ тѣ обязательства, которыя погашаются законнымъ платежнымъ средствомъ, т. е. бумажными день-

гами, въ сущности совсѣмъ не погашаются, или погашаются только фиктивно. Почему? Потому что бумажныя деньги не обладаютъ внутреннею цѣнностью и не представляютъ того свободнаго капитала, который представляется одними только металлическими деньгами. Когда долги погашаются бумажными деньгами, они, въ сущности, превращаются только изъ одного вида долговъ въ другой видъ. Когда они на словахъ окончательно погашаются бумажными деньгами, то на дѣлѣ они совсѣмъ не прекращаются окончательно: изъ долговъ А, Б, В, Г они превращаются въ долгъ правительства. Созданіе путемъ закона платежнаго средства изъ долговаго знака, по своей природѣ совсѣмъ и не способнаго всегда окончательно прекращать обязательства, означаетъ, поэтому въ значительной массѣ случаевъ насильственное превращеніе всѣхъ долговъ въ одинъ правительственный. Въ этой то значительной массѣ случаевъ такъ называемое платежное средство — фиктивно: оно только по названію прекращаетъ окончательно долговыя отношенія. На самомъ-же дѣлѣ оно ихъ оставляетъ открытыми и не погашенными до тѣхъ поръ, когда правительство, наконецъ, находитъ удобный случай погасить свой собственный долгъ, представляемый бумажными деньгами, возведенными въ несвойственный имъ санъ.

Не во власти правительства дѣлать изъ своихъ долговыхъ знаковъ дѣйствительныя платежныя средства по той же причинѣ, по которой не отъ его власти вовсе зависитъ, что роль такого средства играютъ звонкія, золотыя и серебряныя, деньги. Золото и серебро не закономъ *дѣлаются* платежными средствами, они только *признаются* закономъ за таковыя. Но свою способность погашать долги и заканчивать обязательства они получаютъ не отъ того, что законъ ихъ признаетъ платежными средствами: наоборотъ, законъ признаетъ за ихъ таковыя средства оттого, что они сами по себѣ обладаютъ способностью погашать обязательства. Если законъ въ обыкновенное время только *признаетъ* деньги законнымъ платежнымъ средствомъ, то въ необыкновенное время, когда для него финансовые рессурсы истощаются, онъ находитъ себѣ способъ до-

быть необходимыя ему средства въ *созданіи* бумажныхъ платежныхъ средствъ. Нуждаясь въ капиталахъ и не имѣя способовъ ихъ добыть, правительства пользуются своею ролью при опредѣленіи, что должно функціонировать, какъ платежное средство, чтобы санкціонировать или узаконять, какъ таковое, или свои долговые знаки, или металлическія деньги, металлическая содержимость которыхъ меньше нарицательной величины этой содержимости. Они *выдаютъ* за платежное средство то, что само по себѣ лишено способности погашать долги.

Для *этого* они сообщаютъ своимъ узаконеннымъ платежнымъ средствамъ насильственную обращаемость по принудительной цѣнѣ. Необходимо, однако, различать насильственную обращаемость узаконенныхъ платежныхъ средствъ отъ ихъ принудительной цѣны, такъ какъ эти два качества существенно различны. Насильственность обращаемости не всегда необходимо связана съ принудительностью цѣны. Первая можетъ существовать безъ послѣдней, но не наоборотъ.

Возводя свои долговые знаки въ узаконенное платежное средство и придавая имъ насильственную обращаемость, правительство дѣлаетъ изъ нихъ орудіе обращенія, рѣзко отличающееся отъ тѣхъ денежныхъ суррогатовъ, которые порождаются кредитомъ. Такъ называемыя бумажныя деньги вызываютъ послѣдствія, прямо противуположные тѣмъ, которыя вызываются кредитными орудіями обращенія.

Существенное отличіе бумажныхъ денегъ отъ кредитныхъ орудій обращенія прежде всего заключается въ томъ, что первыя выражаются платежными обѣщаніями, которыя только и остаются обѣщаніями и совсѣмъ не исполняются, которыхъ неисполненіе осязательно во всякую данную минуту. Вторыя, напротивъ, опираются на исполняемыя обѣщанія. Кредитъ и довѣріе существуютъ только тамъ и тогда, гдѣ и когда существуетъ производительность экономическаго источника. Но правительство обыкновенно создаетъ бумажныя деньги тогда, когда его экономическіе источники уже истощились и для кредита почва подорвана. Его

бумажныя деньги всего менѣе выражаютъ какой бы то ни былъ кредитъ. Напротивъ, онѣ выражаютъ отсутствіе кредита. Оттого онѣ не обладаютъ и собственною внутреннею двигательною силою, которая имъ давала бы обращаемость. Бумажныя деньги являются тогда, когда правительство путемъ насилія должно себѣ добыть необходимыя средства Употребленіе насилія и выражается въ томъ, что правительство расплачивается за забираемыя имъ цѣнности тѣмъ, что само по себѣ не было бы у него взято, какъ платежное срѣдство. Первый шагъ платежнаго обѣщанія происходитъ, благодаря совершенно внѣшнему толчку, который его и приводитъ въ движеніе. Чтобъ обезпечить за нимъ и давнѣйшую способность къ движенію, первоначальное насиліе возводится въ законъ и изъ платежнаго обѣщанія дѣлается законное платежное средство. Такимъ образомъ не только въ моментъ своего возникновенія, но во все продолженіе своего существованія правительственныя бумажныя деньги рѣзко отличаются отъ кредитныхъ орудій обращается тѣмъ, что у нихъ нѣтъ внутренней двигательной силы. Кредитныя орудія обращенія могутъ погашать долги и они стремятся возможно больше это дѣлать. Но они имѣютъ значеніе, хотя бы имъ и не приходилось погашать долговъ вовсе и хотя бы они совсѣмъ не разъигрывали роли платежнаго средства. Напротивъ, они не перестаютъ ни на мгновеніе быть обѣщаніями платежа, т. е. всегда предполагаютъ возможность погасить долгъ, ими представляемый, звонкою наличностью. Ихъ размѣнность на звонкую наличность— основное ихъ качество. Наоборотъ, правительственныя бумажныя деньги вѣчно представляютъ противурѣчіе, что онѣ 1) *обѣщаніе* платежа, 2) *неисполняемое* обѣщаніе платежа, т. е. обѣщаніе фиктивное, т. е. совсѣмъ не обѣщаніе, 3) въ то же самое время и составляютъ *уже* платежъ. Онѣ *суть* то, чѣмъ только еще обѣщаютъ *стать* и *не становятся* тѣмъ, чѣмъ должны были бы *уже быть*. Въ то время, какъ кредитныя орудія обращенія черпаютъ свою двигательную силу внутри себя и оживляются производительностью текущей предпріимчивости, правительственныя бумажныя деньги обладаютъ двигательною силою, только благодаря своей

роли узаконеннаго платежнаго средства, т. е. непрерывающейся насильственной обращаемости. Сегодня я на себя почувствовалъ тягость этой насильственности, завтра я эту тягость перемѣщу на другого, этотъ въ свою очередь на третьяго и т. д.

51. Условія, при которыхъ и подъ которыми правительства и частныя лица могутъ пользоваться срочными и безсрочными ссудными капиталами, одни и тѣ-же. Главнымъ образомъ и всего лучше это проявляется при разсмотрѣніи явленій, сопровождающихъ злоупотребленія кредитомъ. Эти явленія оказываются однородными, все равно злоупотребляетъ-ли кредитомъ частная предпріимчивость, или правительство. Вотъ почему одни и тѣ - же указанія опыта одинаково важны, какъ для частной предпріимчивости, такъ и для правительствъ, когда заходитъ рѣчь о нормальныхъ предѣлахъ, въ которыхъ возможно пользованіе ссудными капиталами.

Мы разсмотрѣли выше способы, которыми въ различныхъ случаяхъ при разныхъ условіяхъ банки могутъ пользоваться источниками оборотныхъ средствъ кредита или ссудными средствами. Намъ необходимо еще остановиться на обстоятельствахъ и условіяхъ, опредѣляющихъ *объемъ*, въ которомъ для банковъ возможно пользованіе означенными способами, какъ всѣми вмѣстѣ, такъ и каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности. Практическое значеніе вопросовъ, связанныхъ съ объемомъ возможнаго для банковъ употребленія способовъ пользованія источниками ссудныхъ капиталовъ, заключается въ обусловливаемой ими обширности той области, въ которой банки могутъ проявить свое *полезное* дѣятельное вліяніе.

Въ гл. III (стр. 134 сл.) было показано, что кредитъ представляетъ собою только *послѣдствіе*, какъ производства вообще, такъ въ особенности его зависимости отъ извѣстныхъ условій производительности, выражающихся въ извѣстныхъ порядкахъ, которымъ люди должны подчиняться при затратѣ экономическихъ средствъ. Тамъ-же (стр. 202 слѣд.) было показано, что и объемъ кредита—не случайное явленіе, зависящее отъ одного только произвола людей. Напротивъ, объемъ кредита прежде всего находится въ строжайшей

зависимости отъ объема производства. Послѣднему-то онъ и подчиняется въ своихъ колебаніяхъ, когда онъ то расширяется, то сокращается.

Во всякое здоровое время возможно не больше кредита, чѣмъ сколько для того имѣется ссудныхъ капиталовъ. Количество-же ссудныхъ капиталовъ, которыми всякое данное время обладаетъ, прежде всего зависитъ отъ тѣхъ-же основныхъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ количество имѣющихся предпринимательскихъ капиталовъ и вообще богатства. Конечно, въ числѣ этихъ основныхъ причинъ весьма значительную роль играетъ и воля людей. Если люди не желаютъ работать и вырабатывать богатства, растрачивая силы и средства на непроизводительныя цѣли, то имъ остается винить только самихъ себя. Но кто присматривался къ дѣйствительнымъ условіямъ жизни, въ которыхъ обыкновенно волѣ людей приходится проявлять силу своихъ вліяній, тотъ знаетъ, что во всякомъ случаѣ и всегда—сила воли представляетъ собою накопленный результатъ предшествовавшихъ ей безсознательныхъ стремленій побороть препятствія. Только очень постепенно люди накопляютъ себѣ тѣ знанія и ту энергію, которыя имъ нужны для того, чтобъ пріобрѣсти власть надъ условіями, отъ которыхъ зависитъ ихъ благосостояніе. Не всегда и не повсюду люди умѣютъ и въ состояніи столько работать, сколько они желали-бы. А еще менѣе можно признавать, что при всѣхъ обстоятельствахъ люди могутъ разсчитывать на одинаковый успѣхъ для своихъ стремленій. Вотъ почему политическая экономія, разсуждая о причинахъ, отъ которыхъ зависитъ богатство народовъ, даже и не выдвигаетъ на первый планъ волю человѣка, какъ главную причину. Ибо воля обыкновенно является только послѣдствіемъ предшествовавшаго безсознательнаго роста силъ человѣка. Условія и отношенія, отъ которыхъ зависитъ производительность человѣческихъ силъ, первоначально слагаются какъ-бы совершенно помимо сознанія человѣка, познающаго ихъ уже сравнительно позднѣе, когда они уже даютъ свои полезные плоды. Ростъ богатства страны, поэтому, зависитъ отъ цѣлой совокупности условій, часто замѣчаемыхъ только послѣ

того, какъ они сказались въ своихъ послѣдствіяхъ. И это одинаково относится къ богатству, представляемому потребительнымъ фондомъ, къ богатству, представляемому предпринимательскими капиталами, и къ богатству, представляемому ссудными капиталами.

Такъ какъ ссудные капиталы представляютъ собою матеріалъ, переработкою котораго заняты банки, то съ общей точки зрѣнія можно, поэтому, признавать, что насколько масса этого матеріала зависитъ отъ всей совокупности условій производительности страны, банки являются только пассивными органами. Сапожникъ не можетъ изготовить больше обуви, чѣмъ сколько этого допускаетъ количество суровья, ему доставляемое совершенно посторонними отраслями дѣятельности. Также точно банки не могутъ приводить въ движеніе больше ссудныхъ капиталовъ, чѣмъ сколько для нихъ заготовлено матеріала въ другихъ отрасляхъ дѣятельности. Конечно, банки сами вліяютъ на высоту производительности. При различной экономіи и два сапожника изъ одного и того же количества кожи могутъ оказаться способными изготовлять различныя количества обуви. Но это вѣдь будетъ происходить отъ того, что одинъ изъ сапожниковъ будетъ менѣе искусенъ, чѣмъ другой. Т. е., лучшій сапожникъ не былъ бы лучшимъ, еслибъ рядомъ съ нимъ не былъ бы худшій. Условія производительности банковой предпріимчивости сами по себѣ одинаковы для всѣхъ ея представителей. Если нѣкоторые изъ этихъ представителей не умѣютъ хорошо пользоваться всѣми означенными условіями, то, конечно, народное хозяйство выигрываетъ, если худшіе представители замѣняются лучшими, благодаря которымъ окажется болѣе дѣятельныхъ ссудныхъ капиталовъ. Но увеличеніе ссудныхъ капиталовъ, происходящее отъ лучшаго пользованія условіями производительной банковой предпріимчивости, вѣдь не есть то ихъ увеличеніе, переходящее за предѣлы, существующіе независимо отъ *всякой* банковой предпріимчивости, о которомъ мы собственно выше говорили.

Мы нарочно отдѣлили вопросъ объ источникахъ ссудныхъ капиталовъ отъ вопроса о банковыхъ способахъ пользованія этими источниками, чтобъ возможно болѣе выяснить, чѣмъ обусловли-

вается пассивность банковъ. Надѣемся, поэтому, что намъ менѣе всего будетъ поставлено въ вину игнорированіе той богатой массы указаній опыта, которыя весьма часто дѣлаютъ эту пассивность очень явственно замѣтною. Въ трудныя эпохи практикѣ приходится весьма напряженно чувствовать эту пассивность, когда на банки всѣ начинаютъ жаловаться, что они «не даютъ денегъ». Въ основѣ этихъ жалобъ лежитъ мысль, что банки «могли бы» помочь, еслибъ они захотѣли. Но пассивность банковъ именно въ томъ и выражается, что они должны допустить жалобы на себя.

Ближе всматриваясь, однако, въ условія, при которыхъ происходитъ *возникновеніе* свободныхъ средствъ и ихъ превращеніе въ ссудные капиталы, мы открываемъ, что ходячія представленія о силѣ банковыхъ вліяній, способной парализовать ихъ пассивность, тоже не лишены основаній, иногда весьма вѣскихъ.

Въ своемъ мѣстѣ, говоря о возникновеніи свободныхъ средствъ, мы указали, какъ главную его причину—производственный и вообще экономическій прогрессъ. Сверхъ того, однако, не должна быть упущена изъ виду еще другая причина возникновенія свободныхъ средствъ, получающая важное значеніе именно при содѣйствіи банковъ. Тѣ новыя средства, которыя являются отъ прогрессивныхъ успѣховъ производительности экономическихъ силъ, свободны уже съ самаго своего появленія. Или вѣрнѣе: они свободны именно потому, что они совершенно новыя и только что появились. Ихъ превращеніе въ ссудныя средства, поэтому, безусловная необходимость, если ихъ не желаютъ оставлять безплодными. Они начинаютъ свою экономическую карьеру въ роли ссудныхъ капиталовъ. Но настоящее время отличается не только стремленіемъ—сдѣлать экономическія средства производительными уже съ самаго первоначальнѣйшаго ихъ появленія или даже зарожденія (какъ это выяснено анализами срочныхъ вкладовъ), но еще и не менѣе важнымъ другимъ стремленіемъ. Во всякую данную минуту теперь стремятся сообщить каждому капиталу *наивысшую* доходность, какая для него возможна. Отсюда непрерывное *передвиженіе* капиталовъ изъ однихъ отраслей предпріимчивости въ другія. Изъ отраслей предпріимчи-

вости, которыя насыщены уже капиталами и въ которыхъ конкурренція послѣднихъ низвела ихъ доходность до обычнаго средняго уровня, капиталы стремятся переходить къ другимъ отраслямъ предпріимчивости, въ которыхъ условія производительности еще свѣжѣе. Такъ какъ въ нихъ конкурренція капиталовъ еще меньше, то онѣ обѣщаютъ болѣе высокія прибыли, которыми капиталы и привлекаются. Такимъ образомъ, одно изъ важнѣйшихъ проявленій своей жизненности предпріимчивость всегда находитъ въ томъ, что она непрерывно стремится *перераспредѣлять* капиталы. Для этой-то цѣли ей приходится *высвобождать* капиталы изъ помѣщеній, въ которыхъ они прежде находили себѣ занятіе.

Высвобожденіе капиталовъ и представляетъ вторую, весьма важную теперь, причину, подъ вліяніемъ которой возникаетъ весьма обширная масса ссудныхъ капиталовъ. И эти ссудные капиталы образуются также отъ свободныхъ средствъ. Но свободность этихъ средствъ рѣзко отличается отъ свободности вышеописанныхъ, совершенно новыхъ, средствъ. Послѣдняя—вынуждена самою новизною средствъ. Напротивъ, первая искусственно вызвана. Новыя средства, какъ замѣчено, иначе и не могутъ стать производительными капиталами, какъ путемъ превращенія ихъ въ ссудные. Напротивъ, высвобождаемые капиталы могли уже быть и до того производительными. Они только потому превращаются въ ссудные, что ихъ производительность желаютъ возвысить.

При чемъ же тутъ, можетъ спросить читатель, банки? Такъ какъ не отъ банковъ зависитъ стремленіе настоящаго времени сообщать всякому капиталу наибольшую подвижность, чтобъ онъ могъ быть поставленъ въ наилучшія условія для его доходности, то, можетъ казаться, что не отъ банковъ зависитъ и масса капиталовъ, которая нарочно высвобождается съ цѣлью, чтобъ ихъ превратили въ ссудные. До извѣстной степени это соображеніе, дѣйствительно, не можетъ не быть допущено. Можно, поэтому, признавать, что и по отношенію къ высвобождаемымъ капиталамъ банки отчасти являются пассивными органами, подчиняющимися тому общему виду, въ которомъ во всякое данное время представляется

поле предпріимчивости съ его разнообразными высотами доходности капиталовъ въ различныхъ его областяхъ. Но это можетъ быть допущено только до извѣстной степени. Выше (стр. 383 сл.) мы выяснили затрудненія, которыя встрѣчаетъ каждый отдѣльный владѣлецъ денегъ, когда онъ самъ долженъ розыскивать временное занятіе для своихъ свободныхъ денегъ. Эти затрудненія еще болѣе возрастаютъ, когда розыскивать приходится не вообще занятіе, какое бы оно ни было, лишь бы производительное, а *самое производительное*, дающее наибольшую доходность. Уже розыскиваніе вообще производительнаго занятія, безъ отношенія до степени его доходности, связано въ настоящее время съ неотложною необходимостью обращаться къ спеціальному органу, берущему на себя розысканіе. Понятно, что эта необходимость является еще болѣе неотложною, когда дѣло касается наивысшей степени производительности и доходности капиталовъ. Каждый спеціальный органъ всегда выполняетъ свое дѣло всего лучше, т. е. умѣетъ затрачивать средства на данное дѣло такъ, что они даютъ наибольшее количество пользы или достигаютъ такой высокой степени производительности, какая безъ него совсѣмъ и не была бы возможна. Подобно тому, какъ деньги и желѣзныя дороги вызываютъ такую массу движенія, какая безъ нихъ совершенно была бы немыслима, и банки могутъ давать капиталамъ такую непрерывно высокую доходность, о какой безъ нихъ совсѣмъ и не помышляли бы. Т. е. банки, оказывая свое содѣйствіе дѣлу перераспредѣленія капиталовъ, могутъ сами вліять на размѣры, которые оно принимаетъ въ дѣйствительной жизни. Они, слѣдовательно, могутъ сами непосредственно вліять на готовность высвобождать капиталы, а слѣдовательно—и на размѣры высвобождаемыхъ капиталовъ. Банки, такимъ образомъ, могутъ оказывать иногда весьма сильное вліяніе на количество капиталовъ, стремящихся превратиться въ ссудные.

Несомнѣнно, однако, что признаніе возможности для банковъ подобнаго вліянія вовсе не равносильно признанію возможности непремѣнно предосудительнаго и вреднаго вліянія. Ибо и ссудный капиталъ, какъ предпринимательскій, однимъ только простымъ

своимъ существованіемъ еще вовсе не указываетъ на угрожающую ему опасность. Конечно, банки могутъ злоупотреблять ссудными капиталами, находящимися въ ихъ распоряженіи. Но злоупотреблять они одинаково могутъ, какъ тѣми ссудными капиталами, на появленіе которыхъ они не имѣли никакого вліянія, такъ и тѣми, появленіе которыхъ безъ нихъ совершенно не было бы возможно. Одно только то обстоятельство, что капиталъ не могъ бы стать ссуднымъ, еслибъ не существовало банковъ, вовсе не должно необходимо повлечь за собою, что къ подобному капиталу будутъ относиться менѣе рачительно. Не забудемъ, что наружно одни капиталы отъ другихъ ничѣмъ не отличаются. Предположеніе, что возможность банковаго вліянія на расширеніе предложенія ссудныхъ капиталовъ связана съ большею готовностью рисковать ими, въ состояніи имѣть, поэтому, своимъ основаніемъ только другое предположеніе, что чѣмъ больше у предпріимчивости въ рукахъ средствъ, тѣмъ глупѣе она становится въ своемъ поведеніи. Но увеличенныя средства даетъ увеличенное развитіе. Слѣдовательно, приведенное мнѣніе было бы справедливо, еслибъ съ прогрессомъ люди становились глупѣе и бездарнѣе.

Несомнѣнно, что если банки могутъ своимъ непосредственнымъ вліяніемъ расширять предложеніе ссудныхъ капиталовъ, то этимъ они могутъ содѣйствовать пониженію ихъ цѣны. Признать этотъ выводъ мы должны уже потому, что для насъ кредитъ представляетъ только видъ спекуляціи. Спекуляція же прежде всего стремится понизить и удешевить предметъ, на который она направила свою дѣятельность. Но удешевить цѣну предмета и обезцѣнивать его — различныя вещи. Это необходимо возможно отчетливѣе имѣть въ виду, чтобъ не требовать отъ кредита и банковъ невозможнаго и не приписывать имъ небывальщины.

Все то, что имѣетъ экономическую цѣнность, имѣетъ ее всегда по той причинѣ, что оно даромъ не достается и предполагаетъ затрату силъ для его добыванія. Производительность силъ опредѣляетъ, сколько ихъ нужно затратить для полученія даннаго предмета. Этимъ она опредѣляетъ внутреннюю цѣну предмета.

Внутренняя цѣна всякой вещи выражаетъ, слѣдовательно, отношеніе этой вещи къ производительности силъ народнаго хозяйства въ данное время. Многія вещи, однако, весьма нерѣдко имѣютъ на рынкѣ такія цѣны, которыя не соотвѣтствуютъ производительности силъ народнаго хозяйства въ данное время. Цѣна вещей можетъ быть значительно выше: или потому, что онѣ производятся и сбываются не съ наилучшими, возможными уже, пріемами, или потому, что въ отрасль, въ которой онѣ производятся и сбываются, не проникла еще въ достаточной мѣрѣ конкурренція. При подобныхъ условіяхъ цѣна будетъ стоять выше, чѣмъ какъ она могла бы быть, если-бы всѣ средства, которыми народное хозяйство располагаетъ для производства и сбыта данныхъ вещей, на нихъ дѣйствительно были употреблены. Цѣна этихъ вещей будетъ приносить *исключительныя* прибыли и доходность капиталовъ, затраченныхъ на означенныя вещи, будетъ возвышаться надъ обычнымъ уровнемъ. Вотъ подобные-то случаи и вызываютъ спекуляцію, привлекающую новые капиталы и свѣжія силы къ данной отрасли предпріимчивости. Что спекуляція въ подобномъ случаѣ въ концѣ концовъ производитъ? Она возвышаетъ производительность силъ, занятыхъ въ данной отрасли, до того, что каждая ихъ часть приноситъ больше пользы. Слѣдовательно, каждая единица или часть пользы получается меньшими затратами и конкурренція капиталовъ заставляетъ цѣну идти внизъ. Но пониженіе цѣны въ подобномъ случаѣ означаетъ только пониженіе *исключительной прибыльности* данныхъ капиталовъ. Совершенно иное намъ представляется тогда, когда пониженіе цѣны выражаетъ низведеніе прибыльности не только до обычнаго уровня, но еще ниже этого уровня. Тогда капиталы теряютъ часть своихъ воспроизводительныхъ силъ и *не возстановляются въ своей прежней цѣлости*. Въ этихъ-то случаяхъ о нихъ говорятъ, что они обезцѣниваются.

Если исходить изъ *эгоистическихъ* интересовъ *отдѣльнаго* предпринимателя, то *для него* не существуетъ различія между такимъ пониженіемъ цѣны, которое касается только исключитель-

ной доходности капитала, и между такимъ, которое, понижая обычную доходность капитала, вліяетъ уже на его цѣлость. Отдѣльный предприниматель, съ своей эгоистической точки зрѣнія, совершенно правъ, когда онъ говоритъ, что ему все равно, теряетъ ли онъ часть своего капитала, или часть своихъ прибылей. Но для *всей совокупности* предпринимателей и *для всего народнаго хозяйства* совсѣмъ не все равно, чего именно касается потеря. Потому что опытъ указываетъ на совершенно различное практическое и жизненное значеніе потери въ обоихъ разбираемыхъ теперь случаяхъ. Когда потеря касается только исключительной прибыльности, тогда она уменьшаетъ *исключительныя преміи*, получаемыя предпринимателями и капиталистами. Ихъ экономическое благосостояніе отъ потери подвергается кризису. Этотъ кризисъ можетъ быть весьма раззорительный и тяжко отзываться на духѣ и энергіи предпріимчивости, на ея готовности быть непрерывно-дѣятельною и на ея стремленіяхъ неусыпно заботиться объ успѣхахъ производительности. Но такой кризисъ касается одной только *предпріимчивости*. Ею ограничивается и объемъ вліяній кризиса. Напротивъ, другой элементъ благосостоянія, цѣлость *капитала*, остается внѣ вліяній кризиса. Совершенно иного свойства кризисъ, котораго вліянія простираются и на цѣлость капитала. Въ противуположность первому, который называется *кризисомъ премій* (Prämienkrise), второй называется, хотя это и не совсѣмъ точно, *кризисомъ цѣнностей* (Werthkrise, имѣются въ виду лишь цѣнности, представляемые капиталами). При кризисѣ, касающемся уже и цѣнностей, представляемыхъ капиталами, вліянія его оказываются *расширенными и болѣе глубоко проникающими*. Вотъ этого-то послѣдняго отдѣльные предприниматели могутъ и не замѣчать, несмотря на всю его важность для всего народнаго хозяйства. Обезцѣненіе товаровъ и цѣнностей означаетъ такой кризисъ, котораго сила вліяній сказывается не на одной только оцѣнкѣ предстоящихъ успѣховъ предпріимчивости и ея долженствовавшихъ получиться прибылей, но еще и на цѣлости капиталовъ, находившихся въ рукахъ предпріимчивости.

Кредитъ, какъ видъ спекуляціи, препятствуетъ цѣнѣ ссудныхъ капиталовъ возвышаться *надъ обычнымъ уровнемъ*. Но именно потому, что кредитъ—видъ спекуляціи, т. е. видъ непрерывной дѣятельной заботы *о сохраненіи какъ ихъ производительности, такъ и ихъ цѣлости*, онъ также энергично препятствуетъ ихъ обезцѣненію. Вотъ почему менѣе всего кредиту и банкамъ свойственно такое вліяніе на цѣну денежныхъ ссудныхъ капиталовъ, вслѣдствіе котораго товарныя цѣны возвышаются, когда въ условіяхъ ихъ производства не произошло никакой перемѣны.

Въ чемъ-же заключается удешевляющее вліяніе кредита и банковъ? Въ томъ, что они открываютъ большій просторъ для того составнаго элемента цѣнъ товаровъ, который представляется страховою премію. Удешевляя ссудные капиталы, банки открываютъ этимъ новый фондъ, у котораго предпріимчивость можетъ страховаться, ставя себѣ новыя цѣли. Если деньги, благодаря банкамъ, могутъ подешевѣть на 1% или на 2%, то сберегаемыя въ такомъ случаѣ части капиталовъ могутъ служить фондомъ, изъ котораго предприниматель въ состояніи будетъ покрыть вѣроятную потерю, равную сбереженнымъ частямъ. Очевидно изъ этого, какъ ошибочны тѣ, иногда встрѣчающіеся, взгляды, по которымъ удешевляемые банками ссудные капиталы являются стимулами къ *совершенно неопредѣленному* риску. Если рискъ производительной предпріимчивости чѣмъ-либо отличается отъ игры, то, конечно, тѣмъ, что онъ основывается на опытности, предварительно накопленной, на разсчетахъ вѣроятной производительности, которые предприниматели стремятся всегда выражать цифровыми данными. Никто не пускается въ рискъ, относительно котораго не знаютъ, какъ онъ великъ. Его всегда стремятся выразить въ процентахъ съ затратъ, величиною которыхъ и опредѣляется предполагаемая страховая премія. Но не всякую страховую премію, какъ-бы она ни была велика, одинаково легко вставить въ цѣну. Отъ высоты цѣны зависитъ объемъ спроса. Слишкомъ высокою страховою премію можно оттолкнуть покупателей отъ товара. Вотъ почему предпріимчивость всегда ищетъ выходовъ, помогающихъ ей высокую стра-

ховую премію покрывать не изъ высокой цѣны товара, а изъ уде шевленія какого-либо изъ элементовъ, которые нужны для производства, добыванія или сбыта товара. И вотъ такой выходъ представляетъ и удешевленіе ссудныхъ капиталовъ подъ вліяніемъ банковъ. Когда кожа становится дешевле, то и производитель обуви можетъ рискнуть отправить свой товаръ къ новымъ покупателямъ, въ новую мѣстность. Но само собою очевидно, что въ подобномъ случаѣ производитель обуви не можетъ безконечно рисковать. Размѣръ, на который подешевѣло суровье, вмѣстѣ со страховою премією, на которую можно разсчитывать, какъ на соотвѣтствующую платежнымъ средствамъ потребителей его товара, будутъ обусловливать и размѣръ страха, превозмоганіе котораго нашъ предприниматель можетъ себѣ дозволить. Также точно, когда удешевленіе касается не кожи, а ссудныхъ капиталовъ, то и тогда рискъ, дѣлающійся возможнымъ, не безконечный, а весьма опредѣленный.

И менѣе всего, конечно, въ подобномъ случаѣ можно претендовать за то единственно, что, удешевивъ деньги, банки открыли большій просторъ риску. Ибо во-первыхъ, они увеличиваютъ просторъ не для одной только рискованной дѣятельности. Во вторыхъ, и рискъ выражаетъ вѣдь только стремленіе къ вѣроятной производительности. Претендовать на банки за то, чо они расширяютъ средства для пользованія не только несомнѣнною, но и вѣроятною производительностью, значило-бы претендовать на банки за то, что они не препятствуютъ людямъ стремиться къ благосостоянію. Людямъ не нужна была-бы вѣроятная производительность и они за нею не гонялись-бы, еслибъ несомнѣнная производительность не оставляла многія ихъ потребности неудовлетворенными.

Почему банки удешевляютъ деньги? Потому что они ускоряютъ ихъ обращеніе. Увеличивая производительность ссудныхъ капиталовъ, банки доставляютъ имъ возможность приносить больше пользы во всякое данное время. А такъ какъ польза, приносимая ссудными капиталами, опредѣляется временемъ, въ теченіе котораго они приносятъ свою пользу,—то чѣмъ короче время, въ теченіе котораго они дѣлаютъ свое дѣло даннымъ рукамъ, тѣмъ больше

времени у нихъ остается еще, чтобъ успѣть перебывать въ другихъ рукахъ. То есть большая производительность ссуднаго капитала опредѣляется тѣмъ, что, оставаясь у каждаго отдѣльнаго предпринимателя наименѣе продолжительное время (отдѣляя отъ себя наименьшую часть для даннаго отдѣльнаго предпринимателя), онъ уже въ это кратчайшее время (своею наименьшею частью) приноситъ *всю* (а потому и наибольшую) свою пользу. Цѣна ссуднаго капитала можетъ, слѣдовательно, понижаться для каждаго отдѣльнаго предпринимателя потому, что изъ болѣе производительнаго капитала достаточно меньшую его часть предоставить отдѣльному предпринимателю. Каждому отдѣльному предпринимателю приходится, оттого, меньше расходоваться на плату за пользованіе ссуднымъ капиталомъ. Но будетъ-ли это выражать обезцѣненіе ссуднаго капитала? Очевидно, нѣтъ. Ибо не всякое пониженіе цѣны равносильно обезцѣненію. Каждая отдѣльная услуга ссуднаго капитала оплачивается дешевле. Но всѣ его услуги, вмѣстѣ взятыя, оплачиваются сообразно своей внутренней стоимости. Можетъ казаться, что когда за услуги ссуднаго капитала, въ особенности денежнаго, приходится платить меньше, то это необходимо должно вызвать готовность соглашаться на большіе расходы при уплатахъ за товары, т. е. возвышать ихъ цѣны. Но опытъ доказываетъ, что внутренней необходимой связи между уплатою за пользованіе ссуднымъ капиталомъ (учетно ссуднымъ процентомъ) и товарными цѣнами не существуетъ. Почему? Потому что возвышать товарную цѣну изъ за одного только уменьшенія платы за пользованіе ссуднымъ капиталомъ, значитъ совершенно терять выгоду отъ пониженія означенной платы. А на такую потерю выгоды можетъ только вынудить необходимость рѣшиться на рискъ для увеличенія сбыта, вызываемаго крупными условіями предпріимчивости: все равно эти условія даютъ возможность выиграть на одномъ элементѣ дѣла то, что теряется на другомъ его элементѣ. Вотъ почему одно только обстоятельство, что деньги стало легче добывать, что онѣ скорѣе обращаются и эффективнѣе оказываютъ свои услуги, само по себѣ еще не возвышаетъ необходимо товарныхъ цѣнъ.

Надобно помнить, что когда деньги становится легче добывать, то это значитъ только одно: что на ту долю, на которую удешевилось ихъ добываніе, на нихъ дѣлается сбереженіе. Но не на больше. Если прежде 100 руб. доставались за плату, равную 6 рублямъ, а потомъ ихъ можно добывать только за плату въ 5 рублей, то сберегается 1 рубль. Но согласиться за прежнюю сумму товаровъ уплатить рублемъ дороже—значитъ потерять всю выгоду отъ удешевленія денегъ. Если банки, удешевляя деньги, расширяютъ ихъ предложеніе, то въ этомъ данъ только новый стимулъ, чтобъ предпріимчивость расширилась и отправилась на поиски новаго производительнаго занятія для увеличеннаго предложенія денегъ. Но этимъ не дано никакого внутренняго и необходимаго основанія, чтобъ деньги непремѣнно обезцѣнились.

Такимъ образомъ, признанная нами выше (стр. 208) возможность для кредита возвышать товарныя цѣны или поддерживать ихъ, если онѣ разъ возвысились, менѣе всего должна быть понята въ томъ смыслѣ, что она выражаетъ возможность обезцѣнивающаго вліянія кредита на ссудные капиталы. Служа источникомъ сбереженій, кредитъ увеличиваетъ средства, которыми предпріимчивость можетъ пускаться въ такія отрасли, при которыхъ страхъ за вѣроятную производительность можетъ увеличиваться. Вотъ почему кредитъ *можетъ* быть основаніемъ, на которое предпріимчивость въ состояніи опираться, возвышая товарныя цѣны. Но кредитъ вовсе не при всякомъ своемъ расширеніи необходимо долженъ быть такимъ основаніемъ.

Мы разобрали одну причину, по которой банки въ состояніи расширять предложеніе ссудныхъ капиталовъ, причину, представляемую ихъ ролью органа, производительная дѣятельность котораго усиливаетъ наклонность со стороны владѣльцевъ капиталовъ высвобождать ихъ изъ разъ данныхъ помѣщеній.

Но независимо отъ этой причины дѣйствуетъ еще другая. Мы видѣли, что банковая организація кредита, главная и основнѣйшая сущность которой представляется въ сосредоточеніи около банковъ всѣхъ наличныхъ свободныхъ средствъ, предстоящихъ

полученій и отдачъ таковыхъ средствъ,—что эта организація даетъ возможность большую массу обязательствъ погашать безъ свободныхъ капиталовъ, представляемыхъ деньгами. Эти послѣднія могутъ, какъ показано, банками превращаться въ новые ссудные капиталы, порождающіе новыя массы обязательствъ, опять сосредоточивающихся около банковъ и снова повторяющихъ пройденное уже движеніе. Понятно, что и эта причина должна дѣйствовать совершенно одинаково съ вышеразобранною.

Такъ называемое возвышающее вліяніе кредита въ концѣ концевъ сводится къ вліянію внутреннихъ составныхъ элементовъ предпріимчивости, сила которыхъ только укрѣпляется кредитомъ. Самъ по себѣ кредитъ, и принадлежащая ему доля въ массѣ дѣйствующихъ орудій обращенія въ сущности все таки самъ зависитъ отъ тѣхъ же причинъ, которыя опредѣляютъ и высоту цѣнъ. Банки, организующіе кредитъ и облегчающіе ему выходъ, только облегчаютъ и ускоряютъ дѣйствіе тѣхъ основныхъ причинъ, которыя стимулируютъ предпріимчивость и заставляютъ ее быть болѣе готовою разсчитывать на высокія цѣны. Не будь банковъ, кредитъ былъ-бы затрудненъ. Его развитіе шло-бы, можетъ быть, медленнѣе. Но вѣроятнѣе, что оно прорвало-бы себѣ путь какимъ нибудь инымъ способомъ. И врядъ-ли противудѣйствіемъ банкамъ было-бы оказано сильное противудѣйствіе кредиту. Въ странахъ съ низкою культурою, съ малымъ объемомъ изобрѣтательности у предпріимчивости и вообще съ малыми ея моральными и интеллектуальными средствами,—въ странахъ, въ которыхъ кредиту приходится идти на встрѣчу производительности, опираясь на опытъ чужестранныхъ народныхъ хозяйствъ,—кредиту, конечно, можно оказывать больше противудѣйствія. Но и здѣсь противудѣйствіе развѣ не означаетъ заботу о сохраненіи низкой степени культурнаго развитія? Еще вопросъ, при какихъ условіяхъ противудѣйствіе кредиту для народнаго хозяйства всего вреднѣе: при условіяхъ высшихъ-ли степеней развитія, или низшихъ. Мы склонны были думать, что народное хозяйство, находящееся на низшей степени развитія культуры, которому препятствуютъ даже приучаться къ развитію, больше теряетъ, чѣмъ

народное хозяйство, котораго способность къ развитію совсѣмъ уже установилась и можетъ не опасаться препятствій. Ибо первое теряетъ отъ препятствій вообще способность, второе—только извѣстное ея проявленіе. Мѣшать кредиту, значитъ мѣшать тому сочетанію торгово-промышленныхъ силъ и средствъ страны, тому ихъ распредѣленію между различными представителями предпріимчивости, которыя обезпечиваютъ наибольшую занятость, наибольшую производительность, наиприбыльнѣйшую доходность. Разъ предпріимчивость пріобрѣла вкусъ къ этимъ вещамъ, разъ у нея образовался запасъ энергіи для стремленія къ нимъ,—кредитъ не тѣмъ, то инымъ путемъ прорветъ себѣ выходъ. Вмѣстѣ съ нимъ и возвышеніе цѣнъ не минуемо, если только это возвышеніе вызывается условіями производства и торговли данными цѣнностями. Приноравляясь къ условіямъ производительности отдѣльныхъ отраслей предпріимчивости, кредитъ этимъ самымъ приспособляется къ той высотѣ цѣны, которою означенныя условія только и выражаются. И онъ не можетъ оставаться на прочной почвѣ, если онъ такъ не приспособляется. Ибо кредитъ связанъ съ необходимостью разсчитываться по порожденнымъ имъ обязательствамъ. Вопросъ-же о возможности разсчитаться прямо зависитъ отъ характера движенія цѣнъ. Вотъ почему разъ ходъ дѣлъ показываетъ, что предпріимчивости удается выполнять всѣ взятыя ею на себя обязательства, это доказываетъ прежде всего, что она вѣрно разсчитала цѣны, что ея кредитъ стоитъ на прочной почвѣ, и что никакого обезцѣненія не произошло, хотя-бы возвышеніе цѣнъ было-бы одно изъ наибольшихъ.

Далеко не всегда возможно заключать изъ возвышенія товарныхъ цѣнъ объ обезцѣненіи орудій обращенія. Какъ всякое орудіе, и орудіе обращенія дѣйствуетъ эффективно, смотря по тому, какъ велика задача, ему поставленная. Если задача эта велика, то, конечно, каждое орудіе въ отдѣльности въ состояніи будетъ выполнять только относительно меньшую его долю, чѣмъ когда задача не столь велика. Но это, конечно, не будетъ доказывать, что сила каждаго отдѣльнаго орудія ослабѣла. Высокая цѣна то-

вара вовсе не означаетъ, непремѣнно и всегда, низкой цѣны денегъ. Цѣна денегъ могла не измѣниться сравнительно съ ихъ внутреннею производственною стоимостью. Но перемѣна произошла въ производственныхъ и сбытовыхъ условіяхъ отдѣльныхъ товаровъ. Цѣнности стали тяжеловѣснѣе. Онѣ представляютъ большую сумму затраченныхъ средствъ, больше капиталовъ и затраченной предпріимчивости. Совершенно естественно, что для приведенія ихъ въ движеніе нужна сравнительно большая двигательная сила. Достоинство самой двигательной силы отъ того ни на волосъ не измѣняется, приходится-ли ей выполнять широкую или узкую задачу. Достоинство двигательной силы только тогда-бы страдало, если-бы на совершеніе данной работы ея затрачивалось бы большее количество, чѣмъ какое требовалось бы природою дѣла или задачи. Но это значитъ, иными словами, что не всякая высокая товарная цѣна означаетъ обезцѣненіе орудія обращенія, а только такая, которая лишь по ошибкѣ въ разсчетахъ предпринимателя поднята на слишкомъ большую высоту. Но подобная ошибка уже подрываетъ благополучный исходъ затѣяннаго предпринимателемъ; ошибка должна выразиться въ потерѣ. Слѣдовательно, если неестественное возвышеніе товарной цѣны, на основаніи ошибочнаго разсчета, шло объ руку съ утилизированіемъ кредита, то ошибочность разсчета должна будетъ выразиться невозможностью выполнить порожденное кредитомъ обязательство и несостоятельностью. Но коль скоро несостоятельности нѣтъ и предпріятіе имѣетъ благополучный исходъ, это и доказываетъ, что элементы предпріятія были такъ комбинированы, какъ это передавалось условіями производительности; въ такомъ случаѣ, какъ-бы товарная цѣна ни была высоко поднята, высота цѣны ничего ни говоритъ объ обезцѣненіи орудія обращенія. Она свидѣтельствуетъ только объ объемѣ работы, которую орудіе обращенія должно было совершить.

Обезцѣненіе орудія обращенія можетъ быть только послѣдствіемъ какого-либо порока, вкравшагося въ предпринимательскій разсчетъ. Оно поэтому только вмѣстѣ съ нимъ и существуетъ и съ нимъ-же исчезаетъ.

Вотъ почему про вліяніе кредита, самаго по себѣ, на цѣну орудій обращенія вообще и въ частности на драгоцѣнно-металлическія, можетъ быть рѣчь, не какъ про вліяніе, постоянно дѣйствующее, а какъ про временное, прорывающееся вмѣстѣ съ ошибочными стремленіями предпріимчивости и особенно явственно выступающее въ тѣ періоды, когда всѣ стремленія предпріимчивости преимущественно освѣщаются свѣтомъ, который на нихъ бросаетъ ясно видимая уже ошибочность стремленій. Т. е., *когда* кредитъ оказывается на шаткой и ненадежной почвѣ, тогда вмѣстѣ съ нимъ, а можетъ быть задолго прежде него, на той-же почвѣ оказываются товарныя цѣны и цѣна орудій обращенія. *Тогда* орудія обращенія оказываются обезцѣненными.

Мы уже выше имѣли случай замѣтить, что не должно понимать въ буквальномъ смыслѣ вырывавшіяся въ пылу полемики у нѣкоторыхъ изъ теоретиковъ сравненія денегъ съ жетонами и тонъ пренебреженія, съ которымъ они говорили о *посредствующей* роли денегъ въ развитіи богатства и благосостоянія. Ибо изъ того, что деньги играютъ только посредствующую роль, совсѣмъ не слѣдуетъ, что ихъ роль менѣе важна. Именно тѣ теоретики, которые всего больше полемизировали противъ господствующихъ предразсудковъ о денежномъ богатствѣ, главнымъ образомъ выяснили производственное и народно-хозяйственное значеніе посредничества вообще. Не надобно забывать, что во всякомъ случаѣ деньги представляютъ одинъ изъ видовъ капитала. И, какъ таковой, онѣ для экономической культуры человѣчества важны не менѣе всякаго другаго вида. Но взглянемъ съ болѣе практичной точки зрѣнія на обезцѣненіе орудія обращенія, которое будто-бы вызывается безпрепятственнымъ развитіемъ кредита. Дѣйствуетъ въ кредитномъ орудіи обращенія—покупательная сила, т. е. видоизмѣненная производственная сила человѣка, его умъ, его нравственная энергія, его физическія силы, его старанія, его предпріимчивость словомъ. Обезцѣненіе орудія обращенія означаетъ обезцѣненіе всѣхъ этихъ силъ. Это—обезцѣненіе экономическаго *человѣка* сравнительно съ однимъ изъ его проявленій въ какомъ-либо внѣшнемъ предметѣ, или сравнительно съ

какою-либо вещью, въ которой воплотились силы того же человѣка.

Когда возможно такое обезцѣненіе? Когда силы человѣка теряютъ свою производительность. Ибо орудіе обращенія обезцѣнивается всегда сравнительно съ цѣнами товаровъ. Но товары вѣдь представляютъ воплощеніе предпріимчивости и производительныхъ силъ того-же человѣка. Различіе только то, что кредитное орудіе обращенія представляетъ *текущую* предпріимчивость, которая еще своей производительности осязательно не доказала, которой производительности еще только оказываютъ довѣріе, какъ факту будущаго. Товары-же представляютъ силы человѣка, уже доказавшія свою производительность тѣмъ, что онѣ воплотились въ полезныхъ цѣнностяхъ. Очевидно въ такомъ случаѣ, что когда орудія обращенія падаютъ въ цѣнѣ сравнительно съ товарами, то это означаетъ, что текущая предпріимчивость обезцѣнивается сравнительно съ прошлою. Всеобщее возвышеніе товарныхъ денежныхъ цѣнъ, когда оно идетъ объ руку съ широкимъ пользованіемъ многообразными формами кредита, должно было-бы, поэтому, обозначать постоянное предпочтеніе, оказываемое прошлой предпріимчивости сравнительно съ текущею. Само собою понятно, что и такое предпочтеніе возможно. Но менѣе всего оно возможно въ тѣ періоды, когда предпріимчивость оживляется, когда она стѣсняется предѣлами, которыми удовлетворялась предпріимчивость прошлая, когда она надѣется на свои текущія живыя силы, когда она разсчитываетъ на возможность возвысить ихъ производительность, когда она считаетъ себя способною превозмогать препятствія, до того считавшіяся непреоборимыми, когда въ нее вѣра растетъ, когда ея кредитъ всего шире. Возвышеніе товарныхъ цѣнъ въ этомъ случаѣ означаетъ не одно только возвышеніе номинальной денежной цѣны товара. И еще менѣе оно означаетъ обезцѣненіе покупательной силы текущей предпріимчивости и кредитныхъ орудій обращенія. Оно, напротивъ, обозначаетъ простой фактъ затраты болѣе обширныхъ средствъ на старыя цѣли, измѣненіе въ производственныхъ и торговопромышленныхъ условіяхъ стремленій къ этимъ

цѣлямъ. По большей части возвышеніе товарныхъ цѣнъ означаетъ, что предложеніе сталкиваэтся съ большимъ спросомъ, что само предложеніе дѣйствуетъ въ новыхъ, отчасти неизвѣстныхъ, условіяхъ, предполагающихъ большій рискъ и привлекающихъ къ себѣ возможностью превратить при преодолѣніи препятствій высокую страховую премію въ высокую предпринимательскую прибыль. Надобно имѣть въ виду, что когда въ періоды оживленія предпріимчивости товарныя цѣны какого-либо мѣста всѣ поднимаются, это происходитъ въ разсчетѣ всѣхъ предпринимателей даннаго мѣста выручить необычайно высокую прибыль. Возвышеніе цѣнъ далеко не номинально только. Оно разсчитано на возвышеніе цѣнъ продажныхъ до извѣстной высоты. Прибыли предполагается возможнымъ реализовать не на рынкѣ того мѣста, на которомъ цѣны возвысились до извѣстнаго уровня, а на рынкѣ другаго мѣста, цѣны котораго еще болѣе возвысились. По мѣрѣ того, какъ повышеніе товарныхъ цѣнъ становится номинальнымъ, т. е. дѣйствительно всеобщимъ, на всѣхъ тѣхъ рынкахъ, куда успѣла проникнуть оживившаяся предпріимчивость, — оно дѣйствительно, начинаетъ означать обезцѣненіе текущей предпріимчивости сравнительно съ прошлою.

Оно начинаетъ выражать недостатокъ въ свободныхъ капиталахъ, дороговизну ихъ и прекращеніе возможности получать высокія прибыли. Возвышеніе цѣнъ теряетъ характеръ стимула, оживляющаго дѣятельность и само-собою *пріостанавливается*. Когда возвышеніе цѣнъ начинаетъ выражать обезцѣненіе орудій обращенія, оно начинаетъ свидѣтельствовать о фактѣ наступленія неблагопріятныхъ условій для живой текущей предпріимчивости. Пріостанавливается не только возможность выручать высокія прибыли: прекращаются условія, дозволяющія выручать какія бы то ни было прибыли. Высокія цѣны становятся тяжелыми цѣнами. Онѣ начинаютъ замедлять движеніе и парализовать подвижность самого духа предпріимчивости. Прежде высокая цѣна считалась благопріятнымъ явленіемъ, потому что предпріимчивый міръ имѣлъ ее въ виду для своихъ надобностей въ роли продавца. Но въ роли покупателя предпріимчивый міръ разсчитывалъ на низкія цѣны. Разность между высокими цѣнами

продажъ и низкими цѣнами покупокъ составляла тогда источникъ прибылей предпріимчивости. Но эти-то прибыли и имѣютъ важное значеніе *для гибкости* всего объема утилизируемыхъ ссудныхъ капиталовъ. Прибыли представляютъ сбереженія. Онѣ выражаютъ тѣ результаты, которые представляютъ свободную покупательную силу, порожденную успѣхами предпріимчивости. Прибыли представляютъ сумму покупательной силы, высвобождаемую предпріятіями, въ которыхъ она прежде была занята и для которыхъ она работала, воплощенная въ орудіяхъ обращенія. Высвобожденіе изъ этихъ предпріятій покупательной силы и превращеніе ея въ новосбереженный капиталъ означаютъ сжатіе объема ссудныхъ капиталовъ. Тамъ, гдѣ прежде дѣйствовало много орудій обращенія, ихъ теперь начинаетъ дѣйствовать меньше. Вырученными отъ продажъ по высокимъ цѣнамъ орудіями обращенія погашаются долги, для которыхъ кредитъ былъ расширенъ. И кредитъ самъ собою сокращается.

Если потомъ кредитъ снова расширится, то это будетъ или вслѣдствіе повторенія прежняго торгово-промышленнаго движенія, или вслѣдствіе того, что прежнія движенія, расширивъ объемъ оборотовъ, увеличили потребность въ болѣе крупномъ по своимъ размѣрамъ циркуляціонномъ механизмѣ. Во всякомъ случаѣ объемъ ссудныхъ капиталовъ въ своихъ сокращеніяхъ и расширеніяхъ подчиняется, съ одной стороны, перемѣнамъ, происходящимъ въ предѣлахъ поля дѣятельности данной отрасли предпріимчивости, а съ другой стороны въ успѣхахъ этой дѣятельности. Расширеніе поля дѣятельности вызываетъ расширеніе и въ объемѣ ссудныхъ капиталовъ. Успѣхи дѣятельности и обусловливаемыя ими прибыли вызываютъ сокращеніе ссудныхъ капиталовъ на данномъ полѣ. Сокращеніе должно слѣдовать за расширеніемъ, какъ успѣхъ долженъ слѣдовать за производительнымъ стремленіемъ къ нему. Кредитъ расширяютъ не для удодольствія. И если покупатель возвышаетъ цѣну, то въ разсчетѣ при продажѣ встрѣтиться съ еще болѣе высокою цѣною.

Короче, всегда расширеніе кредита должно дать прибыль, и пока оно даетъ эту прибыль, не можетъ быть рѣчи объ его обездѣнивающемъ вліяніи на орудія обращенія и покупательную силу

текущей предпріимчивости. Для владѣльцевъ свободнаго капитала въ денежной формѣ можетъ казаться невыгоднымъ возвышеніе товарныхъ цѣнъ, понижающее доходность ихъ денежнаго капитала. Но опытъ доказываетъ, что это пониженіе не есть обезцѣненіе, а только уравненіе доходности денежнаго капитала (даже въ драгоцѣнной металлической формѣ) съ доходностью всѣхъ другихъ видовъ капитала. Это уравненіе кредитъ дѣйствительно производитъ и только по недоразумѣнію его можно смѣшивать съ обезцѣненіемъ денегъ.

52. Какъ-бы ни было несомнѣнно вліяніе банковъ на предложеніе ссудныхъ капиталовъ, не слѣдуетъ терять изъ виду современныхъ условій, въ которыхъ банкамъ приходится проявлять свою силу и свои вліянія. Во всѣхъ почти случаяхъ, когда это вліяніе всего очевиднѣе бросается въ глаза, вина происходящаго всего менѣе можетъ быть приписана банкамъ. Ибо, именно въ исключительные періоды, банки имѣютъ всего менѣе власти надъ своими дѣйствіями. Исключительные періоды вызываются преувеличенными представленіями объ объемѣ источниковъ, изъ которыхъ можетъ быть извлечена польза. Они происходятъ отъ преувеличенныхъ представленій объ объемѣ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи для утилизированія этихъ источниковъ. Предполагаютъ, что капиталовъ имѣется больше, чѣмъ сколько ихъ на самомъ дѣлѣ существуетъ Воображаютъ, что капиталы образуются съ большею скоростью, чѣмъ съ какою на самомъ дѣлѣ идетъ ихъ накопленіе. Думаютъ, что можно затрачивать и предопредѣлять будущую затрату гораздо большихъ суммъ, чѣмъ какіе оказываются или окажутся въ наличности. Разсчитываютъ, что заготовленіе того или иного товара, или торговля имъ, т. е. привозъ изъ другихъ мѣстъ, или отпускъ въ новыя мѣста сбыта, или устройство тѣхъ или иныхъ новыхъ учрежденій, или утилизированіе новаго способа производства, или разработка новыхъ мѣсторожденій горныхъ цѣнностей и т. д.—дадутъ гораздо большія прибыли, чѣмъ какія все это способно по своей внутренней природѣ дать. И вотъ въ результатѣ всѣхъ этихъ ошибочныхъ предположеній, представленій и разсчетовъ является усиленная дѣя-

тельность, болѣе горячая, чѣмъ обыкновенная. Нерѣдко она доходитъ даже до горячечности. При чемъ въ подобныхъ случаяхъ оказываются банки? Развѣ ими заправляютъ люди, не той-же эпохи, не тѣхъ-же мѣстностей, находящихся подъ вліяніемъ не тѣхъ-же возбуждающихъ и разгорячающихъ условій? Конечно, было-бы весьма хорошо, еслибы во всякое данное время оказывались силы, которыя были-бы способными стоять совершенно внѣ вліяній условій окружающей ихъ жизни, совершенно независимыя отъ этихъ условій. Но наша эпоха отличается, между прочимъ, недовѣріемъ къ подобнымъ силамъ. Мы живемъ въ демократическую эпоху, которая въ инстинкты массъ вѣритъ больше, чѣмъ въ интуиціи отдѣльныхъ личностей. Вліяніе геніальныхъ личностей ослабѣло. Или геніальными личностями именно тѣ то и считаются, которые способны разгадывать инстинкты массъ, которые способны дать первый толчокъ этимъ инстинктамъ, показать имъ дорогу и выходъ на практическое осуществленіе. Одиноко стоящій, среди всеобщаго одушевленія, банкъ, который желалъ-бы быть умнѣе всѣхъ, былъ-бы банкомъ, лишеннымъ вліянія, банкомъ, который не принимался бы въ разсчетъ, на мѣсто котораго явился бы суррогатъ, его замѣнившій-бы и болѣе податливый, болѣе родственный духу и стремленіямъ своей эпохи. Легко бывало всегда *послѣ кризисовъ* публицистамъ-экономистамъ критиковать поведеніе главныхъ банковъ Европы и упрекать ихъ въ той или иной мелочной ошибкѣ. Отчего-де эти банки такъ медлили, отчего они не поспѣшили разсѣять всеобщія заблужденія о размѣрѣ имѣвшихся средствъ и предѣлахъ выгодности помѣщеній? Но кто *точно* зналъ въ то время, когда происходила торгово-промышленная вакханалія, что совершается именно вакханалія, а не торжествующее и торжественное шествіе къ прогрессу? Легче быть умнымъ *заднимъ* умомъ, чѣмъ *передовымъ*. Не трудно было дѣлать упреки послѣ того, когда грубый эмпирическій опытъ уже показывалъ, что въ концѣ концовъ вышло. Но кто *до того* могъ положить палецъ въ больное мѣсто? Кто могъ на себя взять дѣло—крикнуть предпріимчивому міру европейской культуры: «до сихъ поръ, и не далѣе!» Кто

былъ бы въ состояніи до кризиса предсказать, что такое-то расширеніе предпріимчивости, въ такихъ-то предѣлахъ, вполнѣ законно, и что расширеніе за этими предѣлами уже незаконно? Гдѣ былъ тотъ предшествовавшій опытъ, и опытъ не грубый, эмпирическій, а обслѣдованный, провѣренный тщательно, хорошо соображенный и обдуманный?

Теперь мы уже имѣемъ нѣкоторый опытъ подобнаго рода. Но развѣ этотъ опытъ не заключается прежде всего въ томъ, что крупнѣйшіе банки только тѣмъ именно и сильны, что они становятся во главѣ движенія и тѣмъ такъ высоко надъ нимъ возвышаются, что его волны не способны ихъ затопить? Развѣ при всей ошибочности политики крупнѣйшихъ банковъ въ періоды, предшествовавшіе кризисамъ, не эти самые банки оказывались послѣднимъ оплотомъ для тѣхъ, которымъ буря угрожало крушеніемъ? Развѣ увлеченіе крупнѣйшихъ банковъ всеобщимъ движеніемъ лишало ихъ способности быть подобнымъ оплотомъ? Современная экономическая культура выработала себѣ достаточно прочныя свободныя основы, чтобы въ трудную минуту ей все еще оставалось, за что ухватиться. Но, съ другой стороны, нельзя отворачиваться и отъ того положительнаго факта, что какъ ни высока современная экономическая культура, она еще по настоящее время въ интеллектуальномъ и моральномъ отношеніи болѣе опирается на грубоватый эмпиризмъ, чѣмъ на раціонализированную, наукою и теоріею очищенную, тщательно выработанную систему взглядовъ, убѣжденій и характеровъ отдѣльныхъ личностей. Коноводы современной экономической культуры—слишкомъ часто необразованные піонеры, собственно только еще прокладывающіе дорогу и себѣ и другимъ для развитія благосостоянія. Пути этаго развитія далеко еще не выяснились съ тою ясностью, чтобы по нимъ можно было ходить безъ опасеній, безъ необходимости напередъ еще пытаться и рисковать, провѣрять на опытѣ предположительные взгляды и представленія, стремиться практикою пріобрѣтать рѣшимость, рѣшительность, неустанность и всѣ остальныя составныя части энергіи и характера дѣятельной личности. Та-

кой періодъ въ исторіи всякаго развитія необходимая посредствующая (переходная) ступень, обойти которую невозможно. Пока этотъ періодъ не пройденъ, и наука еще возникнуть не можетъ. Ибо научное знаніе, вырабатывающееся строгими методами, главнымъ образомъ опирается на широкій опытъ, достаточно богатый и обширный, чтобъ внушаемое одною его частью могло быть провѣрено тѣмъ, что внушается остальными его частями. Вотъ пока этотъ предварительный опытъ въ жизни еще только вырабатывается и разростается, дѣйствительности волею-неволею приходится жить ощупью, рискованно, готовою на потери и способною выносить дѣйствительныя потери. Потери могутъ обходиться дорого. Но онѣ тѣмъ не менѣе неизбѣжны. Отказываться отъ нихъ значитъ отказываться отъ расходовъ на прогрессивное развитіе и отъ самаго развитія благосостоянія, значитъ парализовать стремленіе освобождаться отъ тяготѣющихъ надъ народными хозяйствами дефицитовъ въ ихъ богатствѣ, добиться средствъ для потребностей, остающихся неудовлетворенными.

Разъ однако переходная ступень неизбѣжна въ условіяхъ прогрессивнаго развитія, трудно понять, какимъ образомъ банки могли бы эту ступень обходить. Чѣмъ банковое дѣло можетъ составлять исключеніе изъ общаго правила, подъ которое подходятъ всѣ дѣла человѣческія? Современемъ, конечно, когда наука овладѣетъ *всѣми* частностями, возможно будетъ и постоянная опора на нее. Тогда наука доставитъ безошибочность для дѣйствій и обезпечитъ *всегдашній* успѣхъ. Но наука не кабалистика и изъ ничего не создается. Она только внимательнѣе относится къ опыту, чѣмъ это дѣлаютъ такъ называемые практическіе люди. Она стремится имѣть для своихъ заключеній возможно болѣе широкій опытъ, не ограниченный предѣлами даннаго мѣста и времени. Наука стречится къ строгой провѣркѣ одной опытности другою. Ей нуженъ одинаково и положительный опытъ, о которомъ свидѣтельствуютъ факты благосостоянія, и отрицательный опытъ, представляемый временами тяжелыми, когда успѣваютъ не благосостояніе, не прибыли, а убытки, раззореніе и бѣдность. Еслибъ наука не имѣла за себя и положительные, и отрицательные доводы, кто сталъ бы ее слушать? Но, между

прочимъ, именно потому, что для жизни такъ важны всякіе опыты и всякая опытность, наука и защищаетъ свободу иниціативы, свободу попытокъ, свободу стремленій къ новымъ цѣлямъ, свободу всякаго разумнаго дѣла, ведущаго въ концѣ концовъ къ благосостоянію. Оттого она защищаетъ и свободу дѣла банковаго. Наука экономическая знаетъ уже много началъ, которыя одни только обезпечиваютъ здоровое состояніе банковаго дѣла. Но наука не можетъ еще претендовать на полное знаніе всѣхъ условій, обезпечивающихъ всегда и при всякихъ условіяхъ банковому дѣлу здоровое состояніе.

Совершенно напротивъ, опираясь на изслѣдованіе природы современной экономической степени развитія народовъ, наука должна настаивать на томъ, чтобъ кризисныя эпохи не приписывались однимъ только наиболѣе бросающимся въ глаза явленіямъ, которыя обыкновенно считаютъ причинами кризисовъ. Наукѣ приходится доказывать, что причины кризисовъ кроются гораздо глубже, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Причины кризисовъ кроются въ природѣ современнаго человѣка, въ характерѣ его дѣятельности, одинаково сказывающемся во всѣхъ отрасляхъ послѣдней. Современная общественная жизнь страдаетъ не отъ однихъ только торгово-промышленныхъ кризисовъ, а сверхъ того отъ политическихъ, интеллектуальныхъ (философскихъ-научныхъ), моральныхъ, бытовыхъ, соціальныхъ. Откуда всѣ эти кризисы? Болѣе всего несомнѣнно, что причина ихъ кроется въ той степени развитія культуры, которая обусловливаетъ характеръ современнаго человѣка и сообщаетъ въ одно и то-же время и свѣтъ и тѣни его дѣятельности. Экономическая дѣятельность въ концѣ концовъ должна носить на себя тотъ же характеръ, который отражается на всѣхъ остальныхъ отрасляхъ дѣятельности современнаго человѣчества. Единство общественнаго міра—идея, которою дорожитъ въ настоящее время не одна только экономическая наука. При всемъ многообразіи проявленій современной жизни народовъ, это многообразіе идетъ объ руку съ единствомъ характера означенныхъ проявленій. И въ области каждой отдѣльной отрасли каждой изъ от-

дѣльныхъ областей общественной жизни приходится замѣчать то-же единство. Правда, не всегда это единство одинаково бросается въ глаза. Но періоды кризиса тѣмъ именно и важны, что они осязательно выдвигаютъ на первый планъ это единство. Періоды въ родѣ 1847—1848 годовъ особенно важны, какъ для философіи, такъ и для практики общественной жизни, во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ. Какой бы имѣло практическій смыслъ требованіе, чтобъ въ періодъ, вродѣ 1847—1848 годовъ, одна изолированная область именно экономической жизни составляла исключеніе и являла собою верхъ человѣческаго разума, отличающійся непогрѣшимостью, въ то время, когда всѣ остальныя области общественной жизни свидѣтельствовали объ отсутствіи безошибочности въ дѣйствіяхъ современнаго человѣчества? Или на что похоже было бы требованіе, чтобъ въ періодъ, вродѣ 1857—58 годовъ, одно только банковое дѣло возвышалось надъ остальными торгово-промышленными дѣлами своею безошибочностью? Развѣ безошибочность въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ была тогда менѣе важна? Или вообще безошибочность въ акціонерномъ дѣлѣ? Или въ горномъ, мануфактурномъ, вообще торговомъ-сбытовомъ?

Въ движеніяхъ цѣнъ всегда отражается, какъ совокупность средствъ, которою располагаетъ предпріимчивость въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ такъ и та совокупность средствъ, которою въ данномъ отдѣльномъ случаѣ, располагаетъ потребленіе. Отъ кредита въ весьма значительной степени зависитъ первая совокупность средствъ. Но отъ него-же могутъ зависѣть втораго рода средства (потребленія). Однако и самый размѣръ кредита вѣдь не случайность. Онъ самъ опредѣляется представленіями о выгодности веденія того или инаго дѣла въ такихъ-то предѣлахъ, съ такими-то средствами, съ извѣстными цѣнами. Онъ самъ зависитъ отъ господствующихъ въ данное время представленій объ объемѣ имѣющихся свободныхъ средствъ, могущихъ быть затраченными для цѣлей предпріимчивости и потребленія. Разъ эти представленія прочно утвердились и предпріимчивость гордо убѣждена въ ихъ истинности, она съ горячностью стремится проводить ихъ въ

жизнь. Но много-ли въ такомъ случаѣ могли бы сдѣлать банки? Они вѣдь главнымъ образомъ играютъ только роль *посредниковъ* между владѣльцами свободныхъ средствъ и нуждающимися въ нихъ. О свободности средствъ вѣдь не они всегда произносятъ окончательное сужденіе. Это, напротивъ, очень часто дѣло предпріимчивости, независимой отъ банковъ, которая беретъ сама банки на буксиръ, влечетъ ихъ за собою. Если извѣстная сумма средствъ ошибочно считается свободною, то, будетъ ли банкъ содѣйствовать, или не будетъ, эта сумма найдетъ себѣ какое либо помѣщеніе, предполагаемое производительнымъ. Она тѣмъ скорѣе будетъ отдана въ кредитъ, чѣмъ разгоряченнѣе будетъ ея владѣлецъ. Или, если равъ потребность въ капиталахъ или потребительныхъ предметахъ извѣстнаго вида считается ошибочно большею и этихъ капиталовъ или предметовъ производится, изготовляется или добывается слишкомъ много, короче, если цѣнности уже произведены, или въ то время, когда они производятся, менѣе всего отъ банковъ можетъ зависѣть кредитный сбытъ этихъ цѣнностей. Такимъ образомъ, именно въ тѣ періоды, когда экономическая или торгово-промышленная горячка всего болѣе свирѣпствуетъ, банки имѣютъ всего меньше вліянія. Менѣе всего, поэтому, на ихъ счетъ можетъ быть отнесено и обезцѣненіе орудій обращенія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно имѣетъ мѣсто. Орудія обращенія обезцѣниваются только при употребленіи ихъ, какъ таковыя, т. е. когда онѣ приводятъ въ движеніе товары и цѣнности. Банки же употребляютъ ихъ всегда, какъ представителей капитала, чистаго или долговаго. Понятно, что въ такомъ случаѣ не отъ банковъ зависитъ размѣръ обезцѣненія, или предѣлъ, у котораго оно начинается. Банкъ можетъ имѣть обезцѣненные въ оборотѣ денежные документы, просто потому, что эти документы попали въ плохія руки, хотя документовъ выпущено очень мало. И напротивъ, банкъ можетъ имѣть въ обращеніи очень много долговыхъ знаковъ, но попавшихъ въ производительныя руки: тогда эти знаки и замѣняемыя ими деньги будутъ обезпечены отъ обезцѣненія.

Не отъ банковъ зависитъ правильность господствующихъ представленій о выгодности и производительности того или инаго помѣщенія. Банки только распредѣляютъ капиталы и текущія силы, имѣющіяся для этихъ помѣщеній. Но главнымъ образомъ банки при этомъ распредѣленіи играютъ подчиненную роль. Они отдаютъ въ кредитъ только то, что сами получаютъ въ кредитъ. Если имъ отдаютъ въ кредитъ то, что должно было бы быть сохранено за собою, банки уже взяты на буксиръ предпріимчивостью, попавшею на опасный путь. Конечно, банкамъ слѣдуетъ быть на сторожѣ и присматриваться къ природѣ получаемаго ими кредита, чтобъ принаровлять къ этой природѣ и отдаваемый или открываемый ими кредитъ. Но въ дѣлѣ этого пункта легче давать совѣты объ осторожности, чѣмъ практически улавливать и осуществлять признаки и составные элементы этой осторожности. Знакомство банка съ дѣлами его кліента, конечно, возможно. Но оно возможно только до извѣстныхъ предѣловъ. Это тоже надобно помнить. Надобно помнить, что именно въ тѣ періоды, когда предпріимчивость претендуетъ съ большимъ или меньшимъ основаніемъ на открытіе новыхъ путей прибыли,—когда представителями предпріимчивости являются новыя лица, которымъ успѣхъ улыбается, и при томъ еще неизвѣстно, случаенъ ли ихъ успѣхъ или не случаенъ, но тѣмъ не менѣе всѣ на нихъ указываютъ пальцами,—когда представленія о состоятельности того или другого отдѣльнаго предпринимателя переворачиваются вверхъ дномъ,—что тогда всего менѣе кто-либо можетъ утверждать, что для него возможно избѣгнуть вліянія того риска, которымъ насыщена торгово-промышленная атмосфера, вдыхать который почти невольно приходится всѣмъ и каждому. Банками управляютъ люди, а не ангелы.

Необходимо при этомъ имѣть еще въ виду обширнымъ опытомъ обнаруженный фактъ, что первоначальнымъ путемъ соотношенія между кредитомъ и товарными цѣнами служатъ тѣ формы кредита, объемъ утилизированія которыхъ зависитъ не отъ банковъ, а отъ взаимнаго довѣрія, питаемаго представителями предпріимчивости другъ къ другу. Такимъ образомъ простые векселя или даже про-

стые зачеты по книгамъ представляютъ почти главный путь, по которому идетъ кредитъ, когда онъ сопровождаетъ возвышеніе товарныхъ цѣнъ. Другими словами это значитъ, что кредитъ, сопровождающій возвышеніе товарныхъ цѣнъ, есть кредитъ, развивающійся на товарномъ рынкѣ, а не на денежномъ. А вліяніе банковъ такого свойства, что главнымъ образомъ и преимущественно оно имѣетъ свою силу на рынкѣ денежномъ. На рынкѣ же товарномъ это вліяніе болѣе подчиненное и второстепенное.

Вотъ почему банки пріобрѣтаютъ вліяніе и повелительный голосъ въ положеніи дѣлъ не тогда, когда только начинается оживленіе предпріимчивости, когда оно сказывается преимущественно въ сферѣ производства, завязыванія новыхъ дѣлъ или въ области товарнаго сбыта, — а тогда, когда въ этихъ областяхъ все уже сдѣлано и предпріимчивость стоитъ противъ плодовъ своихъ рукъ, нуждаясь не въ товарныхъ цѣнностяхъ, не въ помѣщеніяхъ, т. е. источникахъ прибылей, а въ самыхъ этихъ прибыляхъ, когда предпріимчивость стремится высвободить затраченные ею капиталы и получить ихъ уже не въ формѣ отдѣльныхъ видовъ богатства, а въ формѣ общаго родоваго представителя богатства, т. е. денегъ. Тогда начинается гоньба за деньгами. Настаетъ періодъ естественнаго перерыва въ ходѣ дѣлъ для подведенія имъ итога и выраженія этого итога въ формѣ чистаго капитала. Каждый хочетъ имѣть этотъ капиталъ, потому что для полученія его, чтобъ его заработать, каждый велъ свои дѣла, жертвовалъ для него своими силами и средствами, не жалѣлъ своей энергіи и рисковалъ. Теперь уже не оборотная функція денегъ пріобрѣтаетъ практическое значеніе. Деньги становятся важны, какъ представители чистаго капитала, какъ орудія сбереженій и какъ воплощеніе этихъ сбереженій. Всеобщій спросъ на товары, прежде господствовавшій почти исключительно, замѣняется столь же всеобщимъ спросомъ на денежный капиталъ.

Смотря по тому, на какихъ основаніяхъ покоилось оживленіе предпріимчивости въ прежній періодъ, различными оказываются и условія, отъ которыхъ зависитъ удовлетвореніе возникающаго

въ слѣдующій періодъ спроса на деньги. Если эти основанія были прочные, если разсчеты предпринимателей оказываются вѣрными, если предполагавшіяся товарныя цѣны выходятъ дѣйствительно высокими,—тогда реализація не представляетъ препятствій и каждый выручаетъ тотъ денежный капиталъ, который составлялъ цѣль его стремленій. Напротивъ, когда оказывается, что предпріимчивость разсчитывала на такой спросъ для созданныхъ цѣнностей, который на самомъ дѣлѣ не имѣлъ прочныхъ основаній, когда она затратила средства на цѣли, не могущія такъ скоро окупаться и въ такой короткій срокъ къ ней возвращаться, въ какой эти средства предпріимчивости оказываются нужными,—спросъ самой предпріимчивости на денежный капиталъ оказывается неудовлетворимымъ. Продажи становятся тугія. И вотъ тогда то является особая форма, въ которой выражается высокая цѣна денежнаго капитала. Эта форма представляется низкими товарными цѣнами или обезцѣненіемъ всякаго имущества, кромѣ денежнаго.

53. Спрашивается, однако: если должно быть допущено самостоятельное *вліяніе банковъ* на увеличеніе предложенія ссудныхъ капиталовъ, то существуютъ-ли *предѣлы для этого вліянія и какіе* это именно предѣлы, если *они существуютъ?*

На вопросъ этотъ отвѣтить также не трудно, какъ не трудно отвѣчать на вопросъ, существуютъ-ли предѣлы для всей той народнохозяйственной дѣятельности, отъ которой вообще зависитъ образованіе капиталовъ? Капиталы представляютъ тѣ цѣнности, которыя не уничтожаются потребленіемъ, а, напротивъ, непрерывно воспроизводятся и, путемъ воспроизводства, непрерывно сохраняются. Слѣдовательно, количество капиталовъ, которымъ всякое народное хозяйство можетъ обладать, прежде всего зависитъ отъ его воспроизводительныхъ способностей. Цѣнности, которыя народное хозяйство не можетъ воспроизводить, должны погибнуть отъ потребленія, или сами собою. Это примѣняется и къ цѣнностямъ, которыя представляются предпринимательскими капиталами, и къ цѣнностямъ, которыя представляются ссудными капиталами.

Конечно, отъ производительности самой банковой предпріимчивости прежде всего зависитъ объемъ ея вліяній. Но предполагая даже, что она не оставляетъ желать лучшаго и что въ своихъ вліяніяхъ она заходитъ всего далѣе, она раньше или позже должна остановиться у предѣла. Таковымъ для нея служатъ воспроизводительныя условія, которыя для капиталовъ представляются въ народномъ хозяйствѣ при данныхъ условіяхъ мѣста и времени.

Воспроизводительныя условія прежде всего непосредственно касаются технической обстановки производительной дѣятельности, обстановки, отъ которой зависитъ количество полезныхъ результатовъ, которые вырабатываетъ дѣятельность. Эта техническая обстановка своимъ объемомъ обыкновенно служитъ для опредѣленія и той крайней грани, до которой простирается довѣріе къ производительной предпріимчивости. Какъ бы ни было выгодно банкамъ оказывать свое вліяніе на увеличеніе предложенія ссудныхъ капиталовъ, они однако помнятъ и должны всегда помнить, что эти капиталы— ссудные, т. е. чужіе, которые нужно возвратить, или къ извѣстному сроку, или, что еще хуже, даже ко всякому сроку, который благоугодно будетъ опредѣлить ихъ кредиторамъ. Всякое расширеніе предложенія ссудныхъ капиталовъ банки могутъ производить только путемъ прогрессивнаго совершенствованія способовъ, которыми эти капиталы заимствуются изъ ихъ источниковъ. Но чѣмъ совершеннѣе способъ заимствованія ссудныхъ капиталовъ и сосредоточенія ихъ около банковъ, тѣмъ нѣжнѣе, такъ сказать, становится весь тотъ организмъ сношеній, благодаря которымъ только и возможно для банковъ расширять свое предложеніе. Вотъ почему банкамъ приходится тѣмъ осторожнѣе дѣйствовать, чѣмъ больше имъ приходится оказывать вліяній. Въ чемъ - же заключается осторожность банковъ, становящаяся важною въ подобномъ случаѣ? Въ старательности выбора производительныхъ рукъ, которымъ банки довѣряютъ ссудные капиталы. Но это иными словами только значитъ, что банкамъ приходится весьма чутко относиться къ воспроизводительнымъ условіямъ, насколько надъ ними имѣетъ власть и ихъ представляетъ тотъ или иной предприниматель, которому банкъ оказываетъ кре-

дитъ. Какъ бы ни было банку выгодно оказывать много кредита, ему однако еще выгоднѣе—оказывать только безупречный кредитъ. Вотъ почему, какъ только банкъ усматриваетъ, что для него самого опасно оказывать больше кредита тому или иному изъ его кліентовъ или всѣмъ имъ вмѣстѣ, то это уже одно прерываетъ его дальнѣйшую дѣятельность.

Не существуетъ постоянныхъ и неизмѣнныхъ предѣловъ, у которыхъ кончаются воспроизводительныя способности народныхъ хозяйствъ. Совершенно напротивъ, у всякаго народнаго хозяйства, которое способно къ развитію, эти предѣлы съ теченіемъ раздвигаются и все далѣе и далѣе отодвигаются. Ихъ передвиженіе собственно только и выражаетъ экономическій прогрессъ. Вотъ почему они не поддаются никакому общему опредѣленію. Ихъ можно только подмѣчать и улавливать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особо. Только живое неусыпное наблюденіе, непрерывно за ними слѣдящее, въ состояніи знать, гдѣ они представляются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. И менѣе всего какая бы то ни была власть, какъ бы она ни была всемогуща, можетъ претендовать на такую силу, которою воспроизводительныя способности народнаго хозяйства могли бы быть втиснуты въ узаконенныя границы. Если имъ мѣшаютъ идти впередъ и стать подвижными, онѣ идутъ назадъ и мертвѣютъ. Только при свободѣ онѣ сохраняютъ свои творческія качества.

Только тотъ, кто привыкъ думать, что отсутствіе физическаго препятствія равносильно отсутствію всякаго препятствія, можетъ утверждать, что банки *ничѣмъ* не стѣснены въ своихъ вліяніяхъ на расширеніе предложенія ссудныхъ капиталовъ, если главнымъ ихъ соображеніемъ можетъ служить только ихъ разсчетъ на производительныя способности лицъ, которымъ они оказываютъ кредитъ. На самомъ дѣлѣ, однако, для человѣка существуютъ не только физическія, но и духовныя препятствія. И эти послѣднія для него имѣютъ гораздо больше значенія, чѣмъ первыя. Физическія препятствія только временно могутъ мѣшать человѣку. Напротивъ, духовныя препятствія, если только они дѣйствительно обладаютъ внутреннею силою, только временно могутъ не помѣшать человѣку и по-

терять свою власть надъ ними. Вотъ почему совершенно достаточно, если для самостоятельнаго вліянія банковъ поставлена граница въ условіяхъ производительнаго помѣщенія ссудныхъ капиталовъ, расширенное предложеніе которыхъ ими споспѣшествуется.

Всякое духовное препятствіе, которымъ экономическая дѣятельность удерживается въ разумныхъ границахъ, имѣетъ то значеніе, что потеря его изъ виду влечетъ за собою раззореніе. Страхъ этого раззоренія и представляетъ то конечное основаніе, которое представляетъ собою послѣднюю главную гарантію противъ экономическаго неразумія. Сильнѣе и вліятельнѣе этой гарантіи — никакой иной нѣтъ. Никто съ охотою и сознательно не идетъ на встрѣчу своей гибели. Совершенно напротивъ, значеніе всякой экономической дѣятельности прежде всего заключается въ томъ, что она направлена на устраненіе причинъ, которыя иначе гибельно отразились бы на благосостояніи человѣка. И если тѣмъ не менѣе въ извѣстныхъ случаяхъ дѣятельность оказывается безуспѣшною и человѣку приходится терять и силы, и средства,—то это означаетъ, что человѣческое благосостояніе на данной степени своего развитія встрѣтилось съ новымъ врагомъ, котораго оно еще не умѣетъ побороть и которому оно само должно приносить жертвы.

Расширеніе предложенія ссудныхъ капиталовъ во всякомъ случаѣ и всегда является только послѣдствіемъ оживленія предпріимчивости,—всеобщей вѣры въ ея способности и силы и всеобщей готовности довѣрить ей средства. Благодаря банкамъ, тогда возрождаются къ жизни цѣлыя массы такихъ имуществъ, которыя иначе совсѣмъ и не появились бы на свѣтъ. Эти массы имуществъ—прогрессивное стремленіе къ лучшей жизни, къ большему благосостоянію только и вызываетъ. Только потому, что къ обычнымъ стремленіямъ прибавляются еще новыя свѣжія стремленія, только потому къ обыкновенному предложенію дѣятельнаго производительнаго имущества прибавляется еще новое предложеніе. И если новое добавочное стремленіе оказывается безуспѣшнымъ, то отъ его неуспѣха во всякомъ случаѣ страдаетъ только добавочное предложеніе, котораго безъ него вѣдь совсѣмъ и не было бы.

Конечно, предпріимчивость можетъ попадать и на ложные пути. Ея свѣдѣнія, на которыхъ она основывала свои разсчеты, могутъ оказаться ошибочными. Тогда окажется, что если цѣны были подняты на извѣстную высоту съ разсчетомъ найти товарамъ сбытъ по этимъ цѣнамъ,—то онѣ должны значительно упасть, чтобъ товары на самомъ дѣлѣ могли быть сбыты. Но и тогда нельзя будетъ сказать, что именно кредитъ поднялъ цѣны на непормальную высоту. Потому что на основаніи ошибочныхъ свѣдѣній цѣны могли быть подняты не только ссудными, но и предпринимательскими капиталами.

Ставить преграды той дѣятельности банковъ, которою они вліяютъ на увеличеніе предложенія ссудныхъ капиталовъ, означаетъ во первыхъ выражать оффиціальное недовѣріе предпріимчивости страны и обрекать на безплодіе извѣстную часть ея средствъ. Но и то, и другое у правительствъ обыкновенно очень красиво выходитъ на бумагѣ только. На дѣлѣ же правительственныя преграды только увеличиваютъ собою общее число препятствій, съ которыми предпріимчивость должна бороться. И отсюда обыкновенно проистекаетъ слѣдующее послѣдствіе. Пока предпріимчивости все, ею затѣваемое, удается, она и не замѣчаетъ правительственныхъ преградъ, игнорируетъ ихъ, смѣется надъ ними и дѣлаетъ безбоязненно свое дѣло. Ибо понятно, что правительство не въ состояніи «упразднить» кредита, все равно какъ не въ его власти «упразднить» свѣтъ или силу тяжести. Оно можетъ только мѣшать *извѣстнымъ формамъ* кредита. Но предпріимчивость за формами совсѣмъ не всегда одинаково и гоняется. Если правительство ставитъ преграды тѣмъ формамъ кредита, въ которыхъ онъ развивается всего легче, то въ эпохи, когда производительность не измѣняетъ предпріимчивости и ее не оставляетъ, предпріимчивость совсѣмъ и не гоняется непремѣнно за болѣе легкими формами. Она примиряется весьма легко и съ менѣе удобными формами. Иное, однако, замѣчается въ періоды, когда успѣхъ начинаетъ измѣнять предпріимчивости, когда она начинаетъ нести кару за свои промахи, когда ей приходится стать лицемъ къ лицу съ непроизводительностью.

Тогда очи всѣхъ направляются съ надеждою къ правительствамъ. И сіи послѣднія въ подобныхъ случаяхъ скоро уразумѣваютъ, въ чемъ «суть». Преграды приходится устранять и то, въ чемъ прежде отказывалось *производительной* предпріимчивости, съ этимъ самымъ правительства являются на помощь *непроизводительной* предпріимчивости. То довѣріе, которое не оказывалось первой, оказывается безпрепятственно второй: вѣроятно потому, что первая болѣе его заслуживала, чѣмъ вторая.

50. Врядъ-ли существуютъ правительственныя мѣры, которыя по своей полнѣйшей безуспѣшности могли бы сравниться съ тѣми, которыя задаются цѣлью ставить банковому кредиту предѣлы такъ называемаго оффиціальнаго благоразумія. Благоразуміе обыкновенно въ этихъ случаяхъ сводится къ поразительнѣйшей близорукости, дѣлающей изъ банковой политики слѣпую игру. Всего очевиднѣе это становится при разсмотрѣніи тѣхъ частныхъ явленій, въ которыхъ получаютъ свое примѣненіе изложенныя только что общія начала.

Когда банки пользуются кредитомъ и его около себя сосредоточиваютъ, они для этого производятъ извѣстныя частныя отдѣльныя операціи. Объемъ возможнаго для банка кредита проявляется, поэтому, въ томъ объемѣ, въ которомъ для банковъ возможно производить ту или иную отдѣльную операцію. То есть, объемъ кредита выражается въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ банки пользуются отдѣльными способами пользованія источниками ссудныхъ капиталовъ.

Намъ предстоитъ теперь разобрать, въ какомъ размѣрѣ для банковъ возможно пользованіе этими отдѣльными способами и въ какомъ отношеніи находятся другъ къ другу различные размѣры, въ которыхъ пользованіе отдѣльными источниками возможно.

Начнемъ съ вкладовъ. Вклады *вѣчные* представляютъ такія сбереженія, которыя всего менѣе соотвѣтствуютъ природѣ банковаго дѣла, такъ какъ они выражаютъ какъ иммобилизированность сбереженій, такъ и связанность дѣйствій банковъ и владѣльцевъ сбереженій. Они могутъ имѣть интересъ для неспеціализировав-

шихся банковъ (подобно нашимъ городскимъ общественнымъ), которые производятъ разнороднѣйшія операціи и потому нуждаются въ разнокачественныхъ ссудныхъ капиталахъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ объ объемѣ банковаго кредита, представляемаго вѣчными вкладами, совершенно совпадаетъ съ вопросомъ объ объемѣ банковаго кредита, представляемаго *долгосрочными облигаціями*, которыя выпускаются банками для долгосрочныхъ ссудъ. По большей части этотъ вопросъ объ объемѣ кредита, порождаемаго долгосрочными облигаціями (напр. поземельныхъ банковъ) всего менѣе возбуждаетъ опасеній. Въ этомъ случаѣ всего менѣе шокируются обстоятельствомъ, что границею означеннаго объема служитъ одинъ только производительный спросъ. Ибо онъ предъявляется экономическими рессурсами, которыхъ производительность устранила всякія сомнѣнія въ ихъ способности постепенно погасить свой долгъ и акуратно уплачивать проценты по нему. Всѣ очень явственно видятъ, что рессурсы, изъ которыхъ возстановляются капиталы, занятые путемъ долгосрочныхъ облигацій, имѣютъ опредѣленныя границы. Не менѣе отчетливо всякій знаетъ, что если эти рессурсы вмѣстѣ съ экономическимъ прогрессомъ и сами возрастаютъ, то и это возрастаніе происходитъ въ очень опредѣленныхъ границахъ. Можетъ быть потому, что эти границы всего легче улавливаются, рѣже приходится слышать и опасенія, что банки путемъ долгосрочныхъ облигацій *до безконечности и по чистому произволу* могутъ расширять свой кредитъ. Въ примѣненіи къ кредиту долгосрочныхъ облигацій всего скорѣе замѣчаютъ, что ошибки и злоупотребленія со стороны банковъ вовсе не должны необходимо проистекать отъ объема, въ которомъ они пользуются кредитомъ чрезъ посредство выпуска долгосрочныхъ облигацій. Ибо опытъ очень скоро показываетъ, что со стороны банковъ поспѣшность скорѣе возможна въ началѣ, когда они еще только упрочиваютъ за собою хоть какое нибудь поле дѣятельности и когда они ищутъ случая найти примѣненіе своему кредиту,—чѣмъ по истеченіи извѣстнаго времени послѣ этого начала, когда банки разъискали себѣ таковое поле и примѣненіе. Расширяя свой кре-

дитъ, банки пользуются имъ съ прогрессивно возрастающею осторожностью.

Съ другой стороны и самое свойство капиталовъ, которые получаются въ кредитъ путемъ долгосрочныхъ облигацій, такого рода, что оно само удерживаетъ въ болѣе осязательныхъ и менѣе подвижныхъ предѣлахъ способность банковъ расширять свой кредитъ. Въ главѣ V мы указывали уже на то, что объемъ каждой отдѣльной категоріи ссудныхъ капиталовъ обратно пропорціоналенъ степени ихъ свободности. Путемъ долгосрочныхъ облигацій банки сосредоточиваютъ около себя ссудные капиталы, которыхъ степень свободности самая обширная. Уже самая природа этой категоріи ссудныхъ капиталовъ и болѣе тѣсныхъ границъ, въ которыхъ она замкнута, слѣдовательно, представляетъ весьма важное препятствіе для такъ называемаго произвольнаго вліянія банковъ на расширеніе своего кредита. Директора поземельныхъ банковъ обыкновенно очень напряженно чувствуютъ своеобразность природы той категоріи ссудныхъ капиталовъ, которая служитъ ихъ источникомъ оборотныхъ средствъ, въ особенности тогда, когда имъ приходится реализировать свои закладные листы.

Надъ расширеніемъ того способа пользованія источниками ссудныхъ капиталовъ, который представляется *срочными* вкладами, намъ недолго придется останавливаться. Ибо ихъ отношеніе къ вопросу объ объемѣ кредита, возможнаго для банковъ на ихъ основаніи, и степени дѣятельнаго вліянія самихъ банковъ на этотъ объемъ—представляется очень простымъ и не возбуждающимъ никакихъ недоумѣній. На количество временно-свободныхъ капиталовъ банки не могутъ оказывать никакого вліянія. Ибо періоды, отъ и до которыхъ капиталы признаются свободными ихъ владѣльцами, всегда зависятъ или отъ техническихъ условій ихъ занятій или отъ ихъ личнаго благоусмотрѣнія. Но важно во всякомъ случаѣ не терять изъ виду, что безъ банковъ большая часть этихъ капиталовъ оставалась бы праздною или мертвою у владѣльцевъ и что они становятся дѣятельными, только благодаря банкамъ. Вотъ почему, еслибъ тѣ, которые усматриваютъ опастности и вредъ во вліяніяхъ, которыя

банками оказываются на расширеніе предложенія ссудныхъ капиталовъ, были дѣйствительно послѣдовательны,—они должны были бы начинать свою критику съ осужденія операціи срочныхъ вкладовъ. Но тогда-то они, можетъ быть, усмотрѣли бы, на какихъ недосмотрахъ основаны ихъ критики и осужденія. Ибо тогда-то они усмотрѣли бы, что безъ банковъ уже одинъ ходъ сберегательной дѣятельности народовъ непрерывно отвлекалъ бы отъ оборота значительныя суммы денегъ и этимъ значительно замедлялъ бы ходъ текущихъ дѣлъ и оборотовъ. Тогда оказалось бы, что должно допустить для банковъ возможность вліять на товарныя цѣны и безусловно благодѣтельно вліять. То есть критикамъ пришлось бы изъ одной крайности впасть въ другую, прямо противуположную первой.

Настоящій пунктъ, на которомъ собственно разгорается обыкновенно ожесточенный споръ объ объемѣ и качествѣ вліяній на кредитъ, возможныхъ для банковъ, представляютъ собою *безсрочные ссудные* капиталы. Мы уже указывали на то, что эти капиталы представляютъ *главный* источникъ оборотныхъ средствъ для большей части современныхъ банковъ и самой значительной доли современнаго кредита. По большей части современный кредитъ расширяется и сокращается на почвѣ безсрочныхъ ссудныхъ капиталовъ. Главнымъ образомъ и дѣятельность банковъ въ ихъ вліяніи на объемъ кредита проявляется въ области безсрочныхъ вкладовъ и банковыхъ билетовъ.

Но мы должны уже съ самаго начала имѣть въ виду слѣдующій весьма важный фактъ, служащій едва-ли не главнѣйшимъ основаніемъ споровъ и недоразумѣній по вопросу объ объемѣ и качествѣ банковыхъ вліяній. Этотъ фактъ заключается въ рядѣ ошибочныхъ представленій, вслѣдствіе которыхъ 1) источникъ оборотныхъ средствъ кредита, представляемый безсрочными ссудными капиталами, *отождествляется* съ тѣмъ способомъ пользованія означеннымъ источникомъ, который заключается въ банковыхъ билетахъ, и 2) банковые билеты *противупоставляются* всѣмъ остальнымъ банковымъ рессурсамъ, какъ еслибъ они представляли

нѣчто, существенно отъ нихъ отличное по своей внутренней природѣ.

Мы уже разсмотрѣли всѣ тѣ доводы, по которымъ подобныя представленія должно признать ошибочными. Нашими анализами достаточно, полагаемъ, выяснено соотношеніе между банковыми билетами и источниками ссудныхъ средствъ, равно какъ и ихъ соотношеніе съ безсрочными вкладами. Было показано, что вообще въ дѣлѣ пользованія безсрочными ссудными капиталами, банкамъ приходится быть всего дѣятельнѣе. Различіе между банковыми билетами и безсрочными вкладами, насколько оно выражается въ ихъ отношеніяхъ къ активности банковъ, заключается только въ томъ, что эта активность больше, когда банки пользуются безсрочными ссудными капиталами путемъ банковыхъ билетовъ. И она сравнительно меньше, когда мѣсто банковыхъ билетовъ заступаютъ безсрочные вклады. Но въ послѣднемъ случаѣ активность банковъ уменьшается не потому, что вообще уменьшается активность, направленная на расширеніе способовъ пользованія безсрочными ссудными средствами. Совершенно напротивъ. Общая масса этой активности не только не уменьшается, но напротивъ еще возрастаетъ. Но отъ весьма значительной доли ея освобождаются *только банки*, мѣсто которыхъ начинаютъ занимать собственныя заботы публики.

Вотъ почему весь объемъ возможнаго вліянія банковъ весьма мало ослабляется, когда банкамъ начинаютъ ставить преграды при ихъ стремленіяхъ пользоваться безсрочными ссудными капиталами путемъ выпуска банковыхъ билетовъ. Ибо эти выпуски составляютъ только одинъ изъ способовъ, которыми банки могутъ проявлять свое вліяніе на измѣненіе объема кредита. Сокращенія и расширенія билетныхъ выпусковъ не представляютъ единственнаго пути, которымъ банки могутъ дѣятельно обусловливать объемъ предложенія ссуднаго капитала и измѣненія въ цѣнахъ, могущія его сопровождать. И именно поэтому сокращенія и расширенія билетныхъ выпусковъ не представляютъ, необходимо и при всѣхъ обстоятельствахъ одинаково, того фактора, который нуженъ, чтобъ содѣйствовать предпріимчивости, когда она при новыхъ производственныхъ

условіяхъ приноравливаетъ къ нимъ и товарныя цѣны. Весьма часто, въ большинствѣ случаевъ даже,—именно оттого, что билетнымъ выпускамъ ставятся преграды и что на ихъ расширенія смотрятъ, какъ на нѣчто предосудительное,—вліяніе кредита и банковъ сначала ищетъ себѣ иные пути, чтобъ проявить свою силу. Билеты выступаютъ впередъ со своимъ вліяніемъ уже сравнительно позднѣе. Ибо, какъ выше было разъяснено, билетный выпускъ представляетъ собою тотъ способъ пользованія безсрочными ссудными капиталами, при которомъ публика можетъ оставаться всего болѣе бездѣятельною. Но именно въ наиболѣе оживленные періоды предпріимчивость вовсе и не нуждается въ подобныхъ способахъ. Всѣ ея дѣятельныя силы тогда напрягаются и сосредоточиваются на неустанномъ стремленіи—побороть препятствія, встрѣчающіяся ей на пути. Вотъ почему тамъ, гдѣ билетнымъ выпускамъ становятся преграды, расширеніе поля предпріимчивости,—вызывая увеличенный спросъ на ссудный капиталъ, а съ нимъ усиленную заботу банковъ о расширеніи и предложенія ссуднаго капитала,—идетъ всегда вмѣстѣ съ готовностью самой публики своею активностью споспѣшествовать заботамъ банковъ. Первоначально вліяніе банковъ на увеличеніе предложенія ссудныхъ капиталовъ опирается, поэтому, на текущіе счеты. Лица, которымъ открывается кредитъ въ банкахъ, не выбираютъ изъ послѣднихъ вонъ тѣхъ ссудныхъ средствъ, которыя банкъ имъ предоставляетъ. Они, напротивъ, оставляютъ ихъ въ банкахъ вкладами на текущіе счеты.

Если вообще количество сдѣлокъ, которое можетъ быть произведено данною суммою звонкихъ денегъ, зависитъ не только отъ ея объема, но и отъ скорости, съ которою она обращается,—то тоже самое совершенно справедливо и относительно *всякихъ другихъ* орудій обращенія, а не только драгоцѣнно-металлическихъ. Съ помощью 10 милл. руб. золотыми и серебряными деньгами можно произвести въ теченіе года сдѣлокъ на 100 милл. руб. Какимъ образомъ? Чрезъ посредство увеличенія скорости обращенія каждаго рубля до такой степени, чтобъ, среднимъ числомъ, каждый рубль обращался въ теченіе года по 10 разъ. Какъ увеличивается ско-

рость обращенія? Чрезъ посредство сокращенія технической продолжительности производства и вообще промысловаго хода дѣятельности, чрезъ увеличеніе энергіи, чрезъ совершенствованіе путей сообщенія. Но всѣ *эти* способы увеличиваютъ преимущественно скорость обращенія предпринимательскихъ капиталовъ. Если же капиталы превращаются въ ссудные, то это еще болѣе увеличиваетъ скорость ихъ обращенія. Съ помощью кредитныхъ орудій обращенія увеличивается по своей интенсивности извлеченіе пользы, заключающейся въ звонкихъ деньгахъ. Извлеченіе пользы проникаетъ глубже, заходитъ далѣе. И оттого никакая частица скрывающейся въ нихъ силы не остается неупотребленною на пользу. Но интенсивно можетъ увеличиваться скорость не только металлическихъ орудій обращенія. Напротивъ, всѣ средства, существующія для увеличенія скорости металлическихъ орудій обращенія, отлично годятся для увеличенія съ ихъ помощью скорости и *всякихъ иныхъ* орудій обращеній. Данная сумма банковыхъ билетовъ (на 10 милл. руб., положимъ) вовсе не означаетъ, поэтому, непремѣнно—*извѣстное* количество дѣйствія и не больше. Нельзя утверждать, что при 10 милл. билетами можно произвести оборотовъ только на 10 милл. руб., или только на 20 милл., или только на 50 милл. Совершенно напротивъ, смотря по настроенію предпріимчивости, ими возможно будетъ въ одно время произвести оборотъ на 25 милл., въ другое—на 50 милл., а въ третье—на 75 милл. или на 100 милл., а то и еще больше. Отчего это зависитъ? Отъ того, употребляются-ли средства, увеличивающія интенсивность пользованія данною суммою билетовъ. Главнымъ образомъ, слѣдовательно, это зависитъ отъ размѣра и способовъ кредита, употребляемаго для извлеченія пользы изъ означенной суммы билетовъ.

Мы знаемъ уже, что если нужно пользоваться кредитомъ, то выпускъ банковыхъ билетовъ не представляетъ единственнаго средства, кромѣ котораго никакое иное совершенно не было-бы возможно. Посмотримъ, какъ путемъ вкладовъ можно интенсивно расширить пользованіе разъ данною суммою билетовъ.

Подъ сумму обязательствъ въ 10 милл. руб. банкъ выпустилъ

билетовъ на 10 милл. Если нужно интенсивно расширить пользованіе этими билетами, потому что ихъ не хватаетъ на удовлетвореніе всѣхъ потребностей, а новыхъ выпускать нельзя, то разъ выпущеннымъ билетамъ придется перебывать во многихъ рукахъ. Каждый будетъ знать, что на эти билеты существуетъ спросъ, что они многимъ нужны, что многіе готовы были-бы и заплатить хорошо за пользованіе ими. Тѣ, которые первые ихъ получаютъ отъ банка, зная все это, конечно, не станутъ собою изображать «собакъ, на сѣнѣ лежащихъ». Они, напротивъ, будутъ держать билеты только самое короткое, для нихъ возможное, время и будутъ стараться уже въ теченіе этого кратчайшаго времени сдѣлать изъ билетовъ все, что имъ нужно. Ибо билеты вѣдь дороги. Если-же билеты у нихъ будутъ свободны, то они немедленно передадутъ ихъ банку на вкладъ. Билеты будутъ представлять ссудныя средства, которыя отъ А пошли въ банкъ, чтобъ отъ него на время перейти къ Б. Съ Б произойдетъ таже исторія, что съ А, и билеты опять пойдутъ въ банкъ, отъ послѣдняго къ В, отъ В снова чрезъ банкъ къ Г, Д, Е и т. д.

Обстоятельства при подобныхъ условіяхъ примутъ такой видъ. Одинъ рядъ должниковъ (назовемъ его А) выдалъ банку обязательствъ на 10 милл. и получилъ на 10 милл. билетовъ. Послѣдніе, однако, онъ передаетъ банку на вклады. Ибо онъ имѣетъ въ виду, что въ теченіе даннаго мѣсяца ему самому нуженъ только 1 милл., собственно билетами: по остальнымъ-же 9 милл. онъ *надѣется* разсчитаться векселями, которые у него будутъ имѣться съ истекающими сроками Но у банка онъ, для вѣрности, возьметъ 10 милл., ко[illegible]ыхъ 9 останутся въ банкѣ вкладомъ, которымъ самъ А не пользуется. Этимъ вкладомъ банкъ можетъ распорядиться для Б. Банкъ знаетъ, что Б такой-же аккуратный, какъ А. Поэтому, если Б надѣется имѣть векселя съ истекающими сроками, то онъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, дѣйствительно ихъ будетъ имѣть и только для вѣрности, на всякій случай, запасается у банка кредитомъ: — банкъ и ему откроетъ кредитъ въ 9 милл. Предположимъ, что такихъ, какъ А и Б, найдется еще восемь человѣкъ,

изъ которыхъ каждому собственно билетовъ нужно только на одинъ милліонъ, а на остальную сумму остающихся у банка свободныхъ билетовъ они обладаются приказами платежей, съ истекающими сроками, въ которые приказы дѣйствительно исполняются. Тогда выйдетъ, что банкъ принялъ на 55 милл. вкладовъ и роздалъ кредитовъ на 55 милл. Еслибъ каждому изъ его кліентовъ собственно билетовъ было нужно только по полумилліону, то изъ тѣхъ-же 10 милл. билетовъ могли-бы сдѣлаться 110 милл. вкладовъ. И банкъ могъ-бы роздать кредитовъ на 110 милл. Отчего-же зависитъ количество билетовъ, которое каждому нужно? Отъ разностей въ долгахъ, которые имѣютъ другъ на другѣ кліенты одного и того-же банка или разные банки другъ на другѣ. Понятно въ такомъ случаѣ, что чѣмъ меньше будутъ эти разности, тѣмъ больше долговъ будетъ погашаться долгами-же, взаимностью. И тѣмъ меньше будетъ надобности въ представителѣ свободнаго имущества или билетнаго платежнаго средства при погашеніи невзаимныхъ обязательствъ. Взаимность, однако, искусственно можетъ быть установляема, если кредиторъ, долженствующій получить платежъ, соглашается *превратить* обязательство, по которому онъ въ данное время долженъ былъ получить платежъ, въ другое обязательство, по которому онъ только чрезъ извѣстное время готовъ будетъ получить платежъ. Если я выражаю готовность отсрочить платежъ, то эта моя готовность — мое обязательство, которымъ компенсируется долгъ, превращаемый въ новый. Слѣдовательно, при готовности тѣхъ лицъ, которыя могутъ требовать платежей билетами, не требовать этихъ платежей непремѣнно деньгами или билетами и при сосредоточеніи всѣхъ долговъ около банковыхъ центровъ, въ которыхъ они перекрещиваются и взаимно другъ друга погашаютъ, — сравнительно незначительная сумма билетовъ можетъ подать поводъ къ весьма значительной суммѣ вкладовъ и весьма значительной суммѣ кредитовъ, розданныхъ банкомъ третьимъ лицамъ.

Что-же отсюда проистекаетъ? Что возможность путемъ кредита интенсивно расширять пользованіе разъ опредѣленною и затвердѣвшею

суммою билетовъ приводитъ банкъ въ то-же положеніе, изъ котораго его, какъ изъ опаснаго, хотѣли бы извлечь. Ибо—хорошо, если тѣ лица, которымъ банкъ открылъ кредитъ на 100 или 200 милл., дѣйствительно, какъ они надѣялись, а вмѣстѣ съ ними надѣялся и банкъ, будутъ имѣть хорошіе векселя для своихъ надобностей и не потребуютъ отъ банка тѣ 100 или 200 милл., которые значатся вкладами, отъ нихъ полученными. А если они векселей имѣть не будутъ? А если каждому изъ нихъ потребуется билетовъ не по полумилліону и не по милліону, а одному—два, другому—три, тамъ четыре, . . . . восемь, девять, десять милліоновъ? Они будутъ давать *чеки* на банкъ, по которымъ изъ банка могутъ *и извлекаться* средства. Если по чеку требуется платежъ, то платежъ долженъ быть произведенъ, звонкими-ли деньгами или билетами въ качествѣ нужнаго платежнаго средства,—это не важно и въ данномъ случаѣ все равно. Если по чекамъ требуются платежи средствами, которыя изъ банка извлекаются, а не въ немъ-же оставляются или въ него обратно вносятся, то значитъ *для обращаемости вкладовъ насталъ конецъ*. Здѣсь банкъ можетъ, слѣдовательно, поставить точку своей дѣятельности. Обращаемость вкладовъ уже не представляетъ для него рессурса. Ему нужны другіе рессурсы. Несомнѣнно, конечно, что если его билеты принимаются еще публикою, то это значитъ, что не всѣ еще рессурсы для банка изсякли. Онъ можетъ на билетахъ наверстать то, что онъ потерялъ на вкладахъ и чекахъ. Но если ему и этотъ путь искусственно пресѣкается? Если ему, не смотря на готовность публики принимать билеты, не смотря на ея напряженный спросъ на билеты, грубо и ссылаясь на одно только насильственное принужденіе, какъ ultima ratio, говорятъ: въ этомъ направленіи не смѣйте сдѣлать ни шагу,—то понятно, что ему отрѣзаны всѣ пути.

И замѣтимъ, въ чемъ собственно здѣсь абсурдность насилія. Оно *ничего* не дѣлаетъ для того, чтобы уменьшать обязательства банка, чтобъ уменьшить количество требованій, которыя къ нему могутъ быть предъявляемы, чтобъ уменьшать количество кредитовъ,

которые онъ можетъ открывать третьимъ лицамъ. Насиліе ничего не дѣлаетъ, чтобъ помѣшать банку потворствовать плохой спекуляціи или непроизводительной предпріимчивости. Банкъ можетъ принять на себя безграничную массу обязательствъ и единственное, что насиліе дѣлаетъ, заключается въ томъ, что оно увеличиваетъ напряженность ощущеній, вызываемыхъ тяжелымъ положеніемъ. Будь оно послѣдовательно до конца, не отрекайся оно само отъ себя, оно только ускоряло бы несостоятельность банка. На практикѣ однако правительства не остаются послѣдовательными до конца. Когда настаютъ плохія времена и оказывается, что банки вмѣстѣ съ предпріимчивостью пошли по ложному пути, который ихъ привелъ къ пункту, у котораго имъ угрожаетъ разореніе,—тогда правительства являются спасителями заспекулировавшейся предпріимчивости и выручаютъ ее изъ бѣды. Чѣмъ? Тѣмъ, что они ей предоставляютъ свободу, въ которой ей отказали въ то время, когда она свободы была болѣе достойна.

Могутъ ли выпуски банковыхъ билетовъ быть безграничны? Отъ одного ли банка зависитъ количество билетовъ, которое онъ можетъ выпустить? Банковые билеты суть знаки кредита, знаки долговъ и довѣрія, банкамъ оказываемаго. По банковымъ билетамъ банки принимаютъ на себя обязательства, которыя они обязаны возвратить немедленно по востребованію ихъ вѣрителями. Можно ли при такихъ условіяхъ говорить о безграничномъ произволѣ для банковъ при выпускахъ билетовъ? Очевидно, невозможно. Потому что банки весьма явственно стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ при выпускѣ. Всякій, кто пользуется кредитомъ, не можетъ на себя брать больше долговъ, чѣмъ сколько онъ считаетъ возможнымъ выполнить. Все равно, кто бы ни пользовался кредитомъ и какимъ бы образомъ кто ни пользовался кредитомъ, обязанность выполнить обязательство и уплатить долгъ замыкаетъ въ надлежащіе предѣлы готовность входить въ долги. На этомъ-то основаніи самою сильною гарантіею противъ излишнихъ выпусковъ билетовъ считаютъ размѣнность ихъ, т. е. обязанность банковъ немедленно по востребованію погасить долгъ, представляемый ихъ билетами.

Если банкъ обладаетъ этою гарантіею, отъ него большаго нельзя требовать.

Разъ банкъ дѣйствительно всегда по всякому востребованію погашаетъ свои долги, представляемые выпущенными имъ билетами, онъ никогда не можетъ производить излишнихъ выпусковъ. Онъ тогда не можетъ чрезъ посредство своихъ выпусковъ производить искусственныя вліянія на товарныя цѣны. Въ своихъ выпускахъ банку въ такомъ случаѣ приходится подчиняться потребностямъ предпріимчивости въ орудіяхъ обращенія. Если предпріимчивость предъявляетъ спросъ на орудія обращенія, тогда банкъ въ состояніи будетъ выпустить билеты. Если предпріимчивость спроса не предъявляетъ, то и банку нельзя будетъ выпускать билетовъ. Но спросъ предпріимчивости не зависитъ отъ ея фантазіи и произвола. Онъ зависитъ отъ размѣра ея дѣятельности, отъ количества производительныхъ силъ и средствъ, которымъ она сообщаетъ движеніе, отъ расширяющагося производства, отъ увеличивающагося предложенія товаровъ, которымъ предпріимчивость стремится вовремя воспользоваться. Если обороты не увеличились и для увеличеннаго количества билетовъ обороты вовсе не представляютъ настоящей почвы, то банку нельзя будетъ найти занятія и для своихъ билетовъ, тогда банку невозможно будетъ ихъ и выпустить. Ибо банкъ вѣдь выпускаетъ билеты не для одного только удовольствія заниматься своею операціею. Она для него источникъ прибыли. Банкъ ею и занимается лишь въ той мѣрѣ, въ какой она источникъ прибыли. Но для того, чтобъ она была источникомъ прибыли, необходимо, чтобъ предпріимчивость нуждалась въ ссудномъ капиталѣ, который доставляется билетомъ. Предпріимчивость же нуждается въ ссудномъ капиталѣ, когда она, въ свою очередь, надѣется воспроизвести занятый капиталъ съ прибылью. Слѣдовательно, если обстоятельства таковы, что ими не поддерживаются разсчеты на производительныя затраты капитала для выгодныхъ цѣлей (а только при такихъ обстоятельствахъ выпускъ и можно считать излишнимъ), то къ банку совсѣмъ и не будутъ обращаться за билетами. Когда-же къ банкамъ будутъ за ними обращаться,

тогда это будетъ доказывать, что обстоятельства складываются благопріятно для банковъ и дѣлаютъ ихъ выпускъ на только не излишнимъ, но и необходимымъ. Надобно помнить, что билеты отъ банковъ предприниматели получаютъ не даромъ. За пользованіе билетами уплачиваются проценты. Кто-же станетъ брать ихъ, если не существуетъ видовъ, дозволяющихъ разсчитывать на условія, благопріятствующія возрастанію условій производительности? Еслибъ банки могли вмѣстѣ со своими билетами передавать предпріимчивости и условія для производительнаго употребленія представляемыхъ ими ссудныхъ капиталовъ,—тогда, дѣйствительно, у банковъ была бы возможность навязывать обороту, по одному только своему произволу, сколько имъ было бы угодно билетовъ. Но отъ банковъ зависятъ далеко не всѣ условія производительной предпріимчивости. Все вліяніе, которое они въ наилучшемъ случаѣ могутъ пріобрѣсти, сводится къ тому, что они могутъ до извѣстной степени содѣйствовать удешевленію ссуднаго капитала. Но и это не значитъ, что банки могутъ, навязывая свои билеты обороту, давать возможность загонять товарныя цѣны вверхъ *безъ всякой границы*. Можно признать, что на сколько билетами удешевляется ссудный капиталъ, на столько они доставляютъ новый источникъ сбереженій. Настолько расходъ ихъ можетъ отразиться и на товарныхъ цѣнахъ. Но, конечно, только для того, чтобъ расходъ изъ цѣны былъ возстановленъ.

Присмотримся ближе къ ходу операціи выпуска билетовъ, когда она стѣсняется размѣнностью этихъ билетовъ. Представимъ себѣ, что банкъ выпустилъ билетовъ больше, чѣмъ сколько нужно обороту, т. е. что банкъ передалъ ихъ предпринимателямъ, которые, расходуя ихъ, дороже уплачиваютъ за товары и такимъ образомъ возвышаютъ ихъ цѣны. Тогда билеты падаютъ въ цѣнѣ сравнительно съ товарами. При этомъ, однако, возможны два случая. Или въ цѣнѣ падаютъ *одни только* билеты. Металлическія-же орудія обращенія остаются при своей прежней цѣнѣ. Тогда билеты упадутъ въ цѣнѣ *и сравнительно съ этими металлическими орудіями обращенія*. Понятно, что въ такомъ случаѣ всякій бу-

детъ предпочитать послѣднія билетамъ. Всякій, кому попадется въ руки билетъ, явится съ нимъ въ банкъ, чтобъ требовать по билету звонкихъ денегъ. Билеты начнутъ притекать обратно въ банкъ *и ихъ количество въ оборотѣ умѣньшится*. Тогда равновѣсіе между количествомъ орудій обращенія, дѣйствующихъ на рынкѣ, и объемомъ предпринимательскихъ оборотовъ, а съ нимъ прежній уровень товарныхъ цѣнъ, снова будутъ возстановлены.

Обратный притокъ билетовъ въ этомъ случаѣ будетъ совершенно равносиленъ обратному востребованію изъ банка вкладовъ, въ него внесенныхъ. Банку, конечно, въ подобномъ случаѣ придется поплатиться. Ибо его должники, которые съ помощью билетовъ покупали по дорогимъ цѣнамъ, при пониженіи послѣднихъ не выручатъ своихъ расходовъ. Должники, слѣдовательно, въ состояніи будутъ разсчитаться съ банкомъ, снабдившимъ ихъ билетами, только изъ посторонніхъ источниковъ, а не изъ предпріятія, для котораго они первоначально занимали ссудный капиталъ. Посторонніе источники, однако, у нихъ могутъ и не оказаться. Случай этотъ будетъ совершенно аналогиченъ съ тѣмъ, когда банкъ изъ вкладовъ на текущіе счеты заимствуетъ ссудныя средства, которыми снабжаетъ предпріимчивость, возвышающую съ ихъ помощью товарныя цѣны безъ соображенія съ ихъ производственными условіями. Такая предпріимчивость не уплотитъ своихъ долговъ банку. И банкъ самъ попадетъ въ безъисходное положеніе, когда отъ него потребуются обратно средства по вкладамъ. А между тѣмъ такое обратное востребованіе становится болѣе вѣроятнымъ тогда, когда товарныя цѣны возвышаются. Потому что тогда деньги уже въ рукахъ своихъ владѣльцевъ будутъ себѣ находить больше дѣла.

Предположеніе, что билеты, излишне выпущенные банкомъ, падаютъ въ цѣнѣ сравнительно съ товарами и звонкими деньгами, не есть, однако, единственно возможное при разсмотрѣніи представляющихся въ этомъ случаѣ обстоятельствъ. Возможно еще другое предположеніе, на которое наводитъ именно возможность получить отъ банка наличныя деньги за билеты, ему предъявляемые. Можно предположить, что въ такомъ случаѣ одинаково упадутъ въ цѣнѣ

сравнительно съ товарами не только билеты, но и удобополучаемыя за нихъ звонкія деньги. При подобномъ предположеніи мы будемъ имѣть дѣло съ случаемъ, въ которомъ звонкія деньги *въ одномъ городѣ или одномъ народномъ хозяйствѣ* понизились въ цѣнѣ сравнительно съ товарами. Ибо выпускъ билетовъ, который производится однимъ или многими банками, территоріальная область дѣйствія которыхъ всегда замкнута географическими предѣлами, всегда представляетъ собою *мѣстную* причину или *мѣстное вліяніе.* Въ силу этаго мѣстнаго вліянія звонкія деньги *только въ данномъ мѣстѣ* и упадутъ въ цѣнѣ сравнительно съ товарами. Понятно, что тогда всего менѣе выгодно будетъ держать ихъ въ этомъ данномъ мѣстѣ. У звонкихъ денегъ тогда проявится стремленіе уходить изъ даннаго мѣста. Держать билетъ станетъ тогда невыгодно. Потому что это будетъ означать—держать деньги именно тамъ, гдѣ ихъ менѣе выгодно держать. Билеты, слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ начнутъ притекать къ банкамъ, ихъ выпустившимъ, чтобъ по нимъ выплачена была звонкая наличность. Но какъ только билеты начнутъ притекать къ банкамъ, ихъ въ обращеніи уже останется меньше и парализована будетъ часть силы, вызвавшей неблагопріятное послѣдствіе.

Что-же это показываетъ? Что *если* банковые билеты выпускаются въ количествѣ, превышающемъ потребность оборота въ орудіяхъ обращенія (для приведенія товаровъ въ движеніе, не соотвѣтствующее ихъ производственнымъ условіямъ),—тогда *они начинаютъ вытѣснять изъ обращенія звонкія деньги* и вызываютъ въ нихъ наклонность *къ перемѣнѣ мѣста* (къ уплыву). Приведенный анализъ только съ новой стороны намъ освѣщаетъ тотъ законъ соотношенія между кредитомъ и денежнымъ обращеніемъ, который мы выяснили въ § 20 (стр. 100—104). Законъ этотъ нами выраженъ былъ такъ: «*Нормальное* отношеніе кредитнаго циркуляціоннаго механизма къ металлическому сказывается въ томъ, что первый *не вытѣсняетъ* послѣдняго изъ одного обращенія, но, напротивъ, еще интенсивно укрѣпляетъ его дѣятельность въ этой роли, локализируя его дѣятельность въ извѣст-

ныхъ предѣлахъ». Теперь мы видѣли, чѣмъ сказывается *ненормальное* отношеніе кредита къ звонкимъ деньгамъ: оно сказывается въ явленіяхъ, прямо противуположныхъ тѣмъ, которыми выражается нормальное соотношеніе между ними.

Такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока банкъ аккуратно расплачивается по долгу, представляемому его билетами (пока эти билеты сохраняютъ свою размѣнность), онъ обладаетъ превосходнымъ регуляторомъ для нормальности производимой имъ операціи выпуска билетовъ. Этотъ регуляторъ представляется свойствами и стремленіями звонкихъ денегъ, которыя у него требуются по билетамъ, притекающимъ къ нему съ требованіемъ, чтобъ ихъ размѣняли, или чтобъ долгъ, ими представляемый, банкомъ былъ прекращенъ и погашенъ. Если эти звонкія деньги имѣютъ стремленіе уходить изъ даннаго мѣста вонъ заграницу, то это значитъ, что кредитъ перешагнулъ чрезъ свои нормальные предѣлы и что наступаетъ дѣйствіе причинъ, которыя его опять вводятъ въ настоящія его границы.

55. Если общій вопросъ объ объемѣ кредита не имѣетъ никакой необходимой связи съ вопросомъ о большей или меньшей рискованности той предпріимчивости, которая имъ пользуется, — то необходимой связи съ этимъ вопросомъ не имѣетъ и объемъ, въ которомъ происходитъ пользованіе одною или другою формою кредита. Форма кредита имѣетъ своимъ источникомъ или характеръ средствъ, ускоренному обращенію коихъ кредитъ споспѣшествуетъ, или своеобразіе текущей предпріимчивости, пользующейся услугами кредита. Понятно въ такомъ случаѣ, что объемъ, въ которомъ возможна каждая отдѣльная форма кредита, прежде всего опредѣляется размѣромъ условій, которыя данной формѣ кредита преимущественно благопріятствуютъ. Чѣмъ больше дѣлается сбереженій, которыми ихъ собственники не желаютъ воспользоваться ранѣе извѣстнаго срока, тѣмъ больше будетъ у банковъ срочныхъ вкладовъ. Чѣмъ шире оборотный денежный капиталъ отдѣльныхъ предпринимателей и чѣмъ глубже проникла привычка имѣть сношенія

съ банками, тѣмъ больше у послѣднихъ будетъ безсрочныхъ вкладовъ. Чѣмъ сильнѣе развился вообще кредитъ въ индивидуальныхъ сношеніяхъ предпринимателей между собою, тѣмъ больше будетъ въ обращеніи векселей. Чѣмъ сильнѣе стремленіе мобилизировать запасы цѣнностей независимо отъ ихъ продажи, тѣмъ больше будетъ въ обращеніи обязательствъ, обезпеченныхъ залогами. Чѣмъ крупнѣе роль, разъигрываемая банками при организаціи кредитныхъ отношеній между представителями предпріимчивости, тѣмъ больше у банковъ будетъ сосредоточиваться обязательствъ этихъ представителей и тѣмъ больше они будутъ замѣниваться банковыми обязательствами. Чѣмъ больше оборотъ будетъ пріучаться къ утилизированію тѣхъ путей, коими долги погашаются взаимною задолженностью, тѣмъ больше будетъ въ обращеніи банковыхъ обязательствъ, для этого служащихъ.

Менѣе же всего объемъ, возможный для каждой отдѣльной формы кредита, зависитъ отъ произвола. Этого уже не допускаетъ сама природа кредита. Для отдѣльнаго лица и для отдѣльнаго банка объемъ оказываемаго ими другимъ лицамъ кредита еще можетъ зависѣть отъ ихъ воли. Но если только всѣмъ тѣмъ, которые могутъ оказывать другимъ кредитъ, предоставлена свобода пользоваться этою возможностью, то для *всѣхъ* лицъ и банковыхъ установленій нормальное количество кредита замкнуто въ извѣстные предѣлы. Потому что въ такомъ случаѣ совершенно выясняются условія и границы, которыми обставлена польза отъ кредита, какъ для тѣхъ, которые его даютъ, такъ и для тѣхъ, которые его берутъ. Пока отдѣльное лице или учрежденіе пользуются монополіею, они могутъ эксплоатировать такую часть поля, представляемаго кредитомъ, какою имъ заблагоразсудится воспользоваться. Но разъ эксплоатація становится для всѣхъ свободною, это прежде всего выясняетъ границы источника пользы.

Болѣе всего кажется зависящею отъ произвола та форма кредита, которою погашается взаимная задолженность. На этомъ основаніи обыкновенно утверждаютъ, что если банкъ имѣетъ возможность открывать другимъ кредитъ не только на основаніи имѣющейся у него

наличности, но и свыше этого покрытія, то онъ уже свободенъ отъ всякаго стѣсненія и по произволу можетъ расширять открываемый имъ другимъ кредитъ до какихъ ему угодно размѣровъ. Но это ошибочно. Взаимная задолженность во всякое данное время замкнута въ тѣсные предѣлы. Цѣпь, изъ которой она составляется, всегда заключаетъ въ себѣ извѣстное и строго опредѣленное количество звеньевъ. Всякая вставка новаго звена въ эту цѣпь возможна только чрезъ исключеніе изъ него какого либо прежняго звена. Вотъ почему всякое расширеніе кредита для такой вставки новаго звена въ цѣпь или—безпослѣдственно, или—влечетъ за собою какое нибудь соотвѣтственное сокращеніе кредита на другомъ концѣ цѣпи. То есть такое расширеніе или возможно для одного лица или учрежденія только на счетъ другаго учрежденія или лица и тогда взаимный контроль достаточно гарантируетъ отъ неумѣстнаго расширенія. Или выпущенный кредитный знакъ (чекъ или билетъ) не находитъ себѣ дѣла, никакой задолженности не погашаетъ и въ крайнемъ случаѣ только самую задолженность и представляетъ, если онъ не остался въ кассѣ первоначально его получившаго. Тогда онъ, понятно, вернется къ лицу или учрежденію, его выпустившему, т. е. изъ обращенія онъ будетъ исторгнутъ. Роли орудія обращенія тогда кредитный знакъ не выполняетъ уже, потому что ему обращать нечего. Если отъ его обратнаго пріема отказываются, онъ и остается однимъ только свидѣтельствомъ недоброкачественнаго долга.

Такъ какъ объемъ кредита зависитъ отъ производственныхъ условій, то понятно, что если только послѣднія не задерживаются сильными препятствіями въ своемъ развитіи, кредитъ будетъ проявляться то въ одной, то въ другой формѣ, смотря по удобству и меньшей стѣсненности, и въ концѣ концовъ его будетъ столько, сколько обусловливается его производственными основаніями. Абсурдно признавать возможность такого кредита, которому нечего перемѣщать. Кредитъ можетъ быть оказанъ или на основаніи собственнаго обладанія наличною цѣнностью или въ разсчетѣ на чужую цѣнность, которая кредитомъ и будетъ перемѣщена. Но если

такой цѣнности вовсе нѣтъ, то понятно, что кредитъ будетъ безсодержателенъ, т. е. та покупательная сила текущей предпріимчивости, эффективность которой онъ выражаетъ, вовсе не будетъ обладать эффективностью, такъ какъ покупать ей будетъ нечего.

Формы кредита имѣютъ то значеніе, что отъ нихъ зависитъ *объемъ обращаемости* долговаго знака, въ которомъ кредитъ выражается. Объемъ-же обращаемости выражаетъ большую или меньшую легкость или затруднительность для долговаго знака—оставлять однѣ руки и переходить въ другія. Одни долговые знаки весьма легко могутъ переходить изъ рукъ въ руки, другіе уже менѣе легко, третьи почти совсѣмъ не переходятъ изъ однихъ рукъ въ другія. Это зависитъ отъ большей или меньшей легкости для кредитора по долговому знаку найти третье лицо, которое готово было бы стать на его мѣсто кредиторомъ. Если А оказалъ кредитъ В и совсѣмъ отъ него не потребовалъ документа, свидѣтельствующаго о долгѣ, удовлетворившись однимъ только занесеніемъ въ свои книги надлежащей помѣтки о долгѣ В,—то понятно, что этотъ долгъ весьма трудно будетъ передать новому лицу. Конечно, передача долга и въ этомъ случаѣ не представляетъ абсолютной невозможности. Но она затруднительнѣе, чѣмъ передача долга, удостовѣреннаго документомъ. Но и долги, удостовѣренные документомъ, не всѣ одинаково легко переходятъ изъ рукъ въ руки. Долгъ, представляемый векселемъ, легче передается, чѣмъ долгъ, удостовѣренный простымъ заемнымъ документомъ. Краткосрочный вексель передается легче долгосрочнаго. Чекъ и банковый билетъ передаются легче векселя.

Чѣмъ больше объемъ обращаемости долговаго документа, тѣмъ легче или высвободить помѣщенныя въ немъ средства и получить ихъ въ денежномъ видѣ, или получить въ замѣнъ его товаръ и вообще цѣнность. Слѣдовательно, отъ объема обращаемости зависитъ *скорость*, съ которою долговой документъ, въ роли орудія обращенія, можетъ проявить силу своего вліянія на товарномъ и денежномъ рынкахъ.

Изъ этого желали заключить, что «опасности», представляе-

мыя долговыми документами въ роли орудій обращенія, прямо пропорціональны ихъ обращаемости, и что самыя опасныя свои вліянія кредитъ проявляетъ чрезъ посредство долговыхъ документовъ, представляемыхъ банковыми билетами. Послѣднимъ же приписывалась наибольшая обращаемость.

Опытъ, однако, превращаетъ въ ничто эти заключенія. Онъ доказываетъ, во первыхъ, что банковые билеты совсѣмъ не необходимо всегда и повсюду обладаютъ наибольшею обращаемостью. Чеки весьма легко способны не только догонять ихъ, но и перегонять. Во вторыхъ, что еще важнѣе, опытъ доказываетъ, что когда предпріимчивость поретъ горячку и всего вѣроятнѣе, что она злоупотребляетъ кредитомъ, она совсѣмъ не безпокоится о большей или меньшей обращаемости долговыхъ знаковъ. Совершенно напротивъ, чѣмъ легковѣріе больше, тѣмъ оно совмѣстнѣе съ наименѣе удобными формами кредита. И, наоборотъ, чѣмъ меньше становится легковѣріе, тѣмъ явственнѣе, само по себѣ, выступаетъ и роль болѣе удобныхъ формъ кредита. Это понятно: когда кредитъ достается съ меньшими трудностями, нечего безпокоить болѣе удобныя формы кредита. Удобствъ и безъ нихъ достаточно. Иное дѣло, когда кредитъ доставать становится затруднительнѣе. Тогда болѣе удобныя формы кредита именно потому и нужны, чтобъ ихъ удобствами парализовалась часть неудобствъ, представляемыхъ затрудненіями при розъискиваніи ссудныхъ капиталовъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что обстоятельства, обусловливающія легковѣріе, *находятъ себѣ противувѣсъ* въ формахъ кредита, употребляемыхъ въ разныхъ случаяхъ. Вотъ почему формамъ кредита должна быть предоставлена возможно большая свобода. Когда легковѣріе сильно, употребляются формы кредита менѣе удобныя, т. е. тѣ, которыя стѣсняютъ кредитъ узкими предѣлами. Напротивъ, когда легковѣріе начинаетъ замѣняться своею противоположностью, недовѣріемъ, тогда противовѣсомъ являются формы кредита, болѣе удобныя, т. е. сообщающія ему больше простора для движенія.

Опытъ доказываетъ, что когда кредитъ проявляетъ наибольшую долю своихъ активныхъ вліяній, онъ это производитъ путемъ

наименѣе удобныхъ формъ своихъ. Этимъ внутренняя сила кредита совершенно парализуетъ попытки извнѣ ставить преграды его вліяніямъ посредствомъ регулированія отдѣльныхъ его формъ. Многочисленныя наблюденія,—обнаружившія, что свое т. н. возвышающее вліяніе кредитъ оказываетъ уже чрезъ посредство однихъ только отмѣтокъ въ книгахъ, свидѣтельствующихъ о возникновеніи долговъ,—такъ сказать, наповалъ убиваютъ и дѣлаютъ негодными средства, съ которыми производитъ свои покушенія правительственная регламентація формъ кредита.

Искусственная регламентація отдѣльныхъ формъ кредита (и соотвѣтствующихъ имъ отдѣльныхъ видовъ кредитныхъ орудій обращенія) теряетъ всю свою цѣлесообразность еще и по иной причинѣ. Многочисленныя наблюденія весьма осязательно показали, что отдѣльныя формы кредита приноравляются къ частнымъ условіямъ мѣста и времени, подъ вліяніемъ которыхъ кредитъ упрочивается въ народномъ хозяйствѣ. Каждая отдѣльная форма кредита и соотвѣтствующій ей видъ кредитныхъ орудій обращенія локализируется въ какой-либо особой области народнаго хозяйства. Она какъ бы розыскиваетъ себѣ особый уголъ, къ которому пріурочивается, приспособляется и, главнымъ образомъ, тяготѣетъ. И это не остается безъ вліянія даже на металлическія орудія обращенія. И имъ волею неволею, при всеобщей спеціализированности, тоже приходится спеціализироваться, чтобъ не терять въ производительности. И вотъ опытъ показываетъ, какъ металлическія орудія обращенія пріурочиваются къ той области народно-хозяйственнаго организма, которая имѣетъ менѣе родства съ кредитомъ, къ обороту потребительному. Расходы на потребленіе,—расходы на платежи лицамъ, которыя свои средства проживаютъ (рабочая плата, мелкое жалованье и т. п.),—вообще мелкіе расходы производятся металлическими деньгами. Имъ помогаютъ банковые билеты и зачеты по книгамъ. Но билеты и зачеты при этомъ содѣйствуютъ металлическимъ орудіямъ обращенія не всѣ и не всегда. Содѣйствіе деньгамъ для облегченія потребительнаго оборота оказываютъ только такіе билеты и зачеты по книгамъ, кото-

рыхъ достоинство (сила, валюта, appoint) принадлежитъ къ разряду мелкихъ. Напротивъ, крупные банковые билеты и зачеты по книгамъ на большія суммы уже имѣютъ, или стремятся имѣть, свою самостоятельную область дѣйствія, на которой они и спеціализируются. Спеціализированіе при этомъ доходитъ до того, что различныя орудія обращенія начинаютъ представлять совершенно различное имущество. Металлическія деньги, вмѣстѣ съ мелкими билетами и мелкими зачетами по бухгалтерскимъ книгамъ, начинаютъ представлять преимущественно *потребительный фондъ* страны. Напротивъ крупные билеты, вмѣстѣ съ крупными зачетами по книгамъ, исключительно начинаютъ представлять капиталъ, т. е. средства, употребляемыя для воспроизводства, или приберегаемыя для воспроизводства.

То-же приспособленіе отдѣльныхъ формъ кредита къ спеціальнымъ потребностямъ оборота представляется намъ и во многихъ другихъ случаяхъ. Весьма наглядный примѣръ приспособленія представляетъ вексель, спеціально приноровившійся къ потребностямъ подвижной торговли, живо возстановляющей свои затраты и могущей по преимуществу пользоваться краткосрочными ссудными капиталами. Вексель на десять или двадцать лѣтъ намъ кажется чѣмъ-то чуть не невозможнымъ. Но природа векселя совсѣмъ не препятствуетъ его долгосрочности. Послѣдней препятствуетъ только употребленіе, которое въ оборотѣ дѣлать изъ векселя *принято по обыкновенію*. Иными словами, долгосрочности векселя мѣшаетъ то, что его приспособили къ извѣстной области экономическихъ отношеній. Векселя, выдаваемые потребителями, когда они входятъ въ долги по расходамъ на текущія надобности своей жизни, представляются обыкновенно чѣмъ-то предосудительнымъ и шаткимъ. Напротивъ, векселя, выдаваемые торгово-промышленными людьми по надобностямъ своихъ оборотовъ, не возбуждаютъ сами по себѣ никакихъ опасеній. Почему? Потому что, опять, векселя обычаемъ *приспособлены* преимущественно къ обращенію *капиталовъ*, которые сами воспроизводятся и обезпечиваютъ уплату долга.

Любимое орудіе обращенія высшей степени развитія—чеки. На

первыхъ порахъ и они преимущественно сосредоточиваютъ свою дѣятельность на сообщеніе подвижности капиталамъ. И эту роль свою они выполняютъ лучше всѣхъ своихъ соперниковъ. Потому-то въ странахъ, въ которыхъ чеки упрочились, на ихъ долю выпадаетъ и производство наибольшей доли или массы движенія, нужнаго для капиталовъ. И здѣсь чеки въ особенности важны тѣмъ, что чѣмъ крупнѣе задача, которая имъ ставится, тѣмъ лучше они проявляютъ свою силу, свои достоинства и преимущества надъ остальными орудіями обращенія. Вслѣдствіе того-то на ихъ долю выпадаетъ производство самыхъ крупныхъ движеній. Постепенно упрочиваясь, чеки, наконецъ, главнымъ образомъ и спеціализируются на производствѣ крупныхъ движеній. Движенія-же меньшаго объема или меньшей силы они оставляютъ другимъ орудіямъ обращенія.

Вслѣдствіе того, что различныя формы кредита приспособляются каждая къ какой либо особой области, возникаетъ родство и внутренняя связь между каждою изъ нихъ съ одной стороны и тѣми частными условіями, которыми обставлена отдѣльная область. Дѣятельность каждой формы кредита теряетъ случайность и становится зависимою отъ опредѣленныхъ причинъ, представляемыхъ означенными условіями. Какъ объемъ отдѣльныхъ формъ кредита, такъ и колебанія этого объема, начинаютъ представлять явленія, въ предѣлахъ извѣстныхъ періодовъ повторяющіяся съ извѣстнымъ постоянствомъ. Это не значитъ, конечно, что они превращаются въ неподвижно-замкнутыя въ разъ навсегда данные предѣлы. Сами предѣлы тоже измѣняются. Но ихъ измѣненіе происходитъ медленно и почти незамѣтно въ короткіе періоды. Ихъ измѣненіе графически могло-бы быть выражено только дугою безконечно большаго круга, на непосредственный взглядъ скрывающей свою кривизну и представляющейся совершенно ровною линіею, не измѣняющею своего направленія.

Такъ, для формы кредита, представляемаго банковыми билетами, наблюденія въ Англіи показали, что она тамъ постоянно расширяется осенью съ началомъ производственныхъ періодовъ и со-

кращается весною съ ихъ концомъ. Но приспособленія отдѣльныхъ частей англійской банковой системы къ потребностямъ различныхъ мѣстностей и различныхъ народнохозяйственныхъ органовъ разнообразитъ характеръ и постоянство ея билетной циркуляціи. Такъ, циркуляція Англійскаго Банка находится подъ вліяніемъ обстоятельствъ, обусловливаемыхъ его отношеніями къ правительству. Въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ банкъ обыкновенно выплачиваетъ проценты по государственному долгу. Въ эти моменты обыкновенно расширяется циркуляція. Такъ какъ всѣ суммы ниже пяти фунт. стерл. выплачиваются звонкою наличностью, то это иногда оказываетъ умепьшающее вліяніе на металлическій запасъ. Къ концу года обыкновенно циркуляція сокращается, подъ вліяніемъ поступающихъ въ это время преимущественно къ правительству (а отъ него къ Банку) казенныхъ доходовъ, а также подъ вліяніемъ сокращающихся въ это время оборотовъ. Въ это-же время банкиры отправляютъ въ банкъ свои звонкіе запасы, и оттого металлическій фондъ возрастаетъ. Вообще, приливъ и отливъ волнъ билетнаго движенія совершается четыре раза въ годъ. Кромѣ конца втораго полугодія, и конецъ перваго обыкновенно отличается незначительною циркуляціею. Провинціальные банки прежде имѣли самую низкую циркуляцію въ августѣ, съ этого мѣсяца она непрерывно возрастаетъ до апрѣля. Съ тѣхъ поръ, однако, какъ на нихъ вліяніе Англійскаго Банка возросло, прибавились новыя причины, измѣнившія характеръ постоянныхъ колебаній. Обыкновенно теперь областные банки имѣютъ въ обращеніи всего болѣе билетовъ въ октябрѣ. Къ декабрю циркуляція понижается. Въ январѣ она опять начинаетъ расти, чтобы упасть къ марту. Въ апрѣлѣ и маѣ происходитъ повышеніе. До августа затѣмъ слѣдуетъ пониженіе, а потомъ опять повышеніе до октября. Какъ страна земледѣльческая, Ирландія имѣетъ наименьшую циркуляцію непосредственно передъ жатвою. Затѣмъ начинается возрастаніе, достигающее въ январѣ наивысшаго состоянія. Съ февраля начинается пониженіе. Всего интереснѣе, однако, наблюденія надъ шотландскою циркуляціею. Она обыкновенно всего выше въ ноябрѣ,

равномѣрно понижается до марта, въ маѣ и іюнѣ вторично достигаетъ наивысшаго состоянія, чтобы затѣмъ снова медленно и равномѣрно опускаться до сентября. Правильность, обнаруживаемая статистическими наблюденіями, здѣсь просто поразительна. Съ 1843 по 1856 годъ, напримѣръ, мы не встрѣчаемъ *ни одного* исключенія изъ правила, что высшее состояніе циркуляціи въ ноябрѣ, а низшее въ мартѣ и апрѣлѣ.

Закономѣрность, обнаруженная статистическими наблюденіями надъ всею массою обращающихся билетовъ, не менѣе осязательно обнаружена статистическими-же наблюденіями надъ отдѣльными достоинствами, какъ билетовъ, такъ и бумажныхъ денегъ. Мелкіе билеты, равно какъ мелкія бумажныя деньги служатъ, главнымъ образомъ, для расходовъ на надобности потребленія. Производственный прогрессъ, непрерывно понижающій цѣны обширнаго разряда предметовъ для потребленія и разнообразящій эти предметы, расширяетъ область потребительныхъ расходовъ и какъ-бы ее разлагаетъ на все болѣе и болѣе мелкія составныя части. Вслѣдствіе того прогрессъ потребленія вызываетъ необходимость не только въ увеличенной вообще массѣ орудій обращенія, служащихъ потребительнымъ фондомъ. Онъ, сверхъ того, вызываетъ потребность въ увеличенной массѣ именно мелкихъ орудій обращенія, съ помощью которыхъ можно было-бы производить малые расходы. Этой-то потребности и служатъ мелкіе билеты и бумажныя деньги.

Но изъ расходовъ потребителей возстановляются производительные расходы предпріимчивости и ея прибыли. Изъ этихъ расходовъ возстановляются старые капиталы и образуются новые капиталы. Слѣдовательно, тѣ-же орудія обращенія, которыя у потребителей представляли потребительные запасы, въ выручкахъ предпринимателей будутъ уже представлять капиталъ. У предпринимателей-же капиталы снова будутъ расходоваться, отчасти для ихъ собственныхъ потребительныхъ нуждъ, отчасти такимъ лицамъ, которыя свои доходы истрачиваютъ сами на нужды потребленія. Значительныя суммы орудій обращенія, такимъ образомъ, непрерывно переходятъ отъ роли потребительныхъ средствъ къ роли

капиталовъ, и обратно. И только извѣстная часть орудій обращенія остается непрерывно дѣйствующею въ области непосредственныхъ отношеній однихъ только предпринимателей другъ къ другу и изъ этой области не выходитъ, постоянно служа въ ней для сообщенія подвижности только капиталамъ.

И вотъ, для наблюденія объема отдѣльныхъ достоинствъ, какъ банковыхъ билетовъ, такъ и бумажныхъ денегъ, открывается замѣчательная зависимость ихъ отъ тѣхъ условій, которыми опредѣляется во всякое данное время соотношеніе между двумя ролями орудій обращенія, то для надобностей потребленія, то для надобностей предпріимчивости. Какъ только билеты или деньги попадаютъ къ предпріимчивости и становятся капиталами, они стремятся къ крупнымъ достоинствамъ, при которыхъ они удобнѣе для предпріимчивости. Напротивъ, какъ только они переходятъ къ роли потребительныхъ средствъ и имъ предстоитъ надобность — проникать въ все болѣе и болѣе съуживающіеся каналы обращенія (въ его волосные сосуды)—они стремятся все болѣе и болѣе размѣниваться на мелкія достоинства. При крупныхъ достоинствахъ остаются только тѣ, которыя не измѣняютъ своей роли орудія для обращенія *однихъ только* капиталовъ.

Постоянство и закономѣрность, наконецъ, обнаружены и статистическими наблюденіями надъ направленіями, которыя принимаетъ движеніе орудій обращенія не только при ихъ переходѣ отъ одной роли къ другой, но и изъ однихъ мѣстностей (областей, провинцій) народнаго хозяйства въ другія мѣстности. Наблюденія показали, что *денежныя теченія* въ народно-хозяйственномъ дѣлѣ далеко не случайны, а имѣютъ внутренній смыслъ, обусловленный характеромъ взаимоотношеній между частями народно-хозяйственнаго организма. Другими словами, это значитъ, что орудія обращенія, приспособляясь къ требованіямъ жизни, распредѣляютъ свои услуги въ пространствѣ и времени, послѣдовательно передвигаясь и территоріально изъ одной области въ другую. Денежныя теченія начинаютъ вслѣдствіе того уподобляться кровообращенію въ животномъ организмѣ. Закономѣрность-же направленія этихъ

теченій указываетъ намъ на то, что въ разныя времена орудія обращенія розыскиваютъ себѣ такія занятія, которыя были-бы не случайны, а прочны, которыя своимъ повтореніемъ выражали-бы непрерывное возобновленіе предъявляемаго ими спроса.

Общаго съ деньгами билеты имѣютъ одно только то, что они—орудія обращенія. Но такое же орудіе обращенія и всякій иной чей бы то ни было долговой знакъ. Эффективность билетовъ зависитъ отъ довѣрія къ производительнымъ качествамъ банка, ихъ выпустившаго. Если этимъ качествамъ многіе довѣряютъ, то многіе будутъ принимать билеты. Но означенныя качества совсѣмъ правительствомъ не октроируются. Выпускъ билетовъ есть одинъ изъ способовъ, путемъ котораго банковая предпріимчивость пользуется своею производительностью, своею мѣновою цѣнностью. Правительственныя преграды операціи выпуска совершенно, поэтому, равносильны всякой иной преградѣ пользоваться производительностью экономическихъ силъ и средствъ. Какъ бы далеко ни простиралась эффективность покупательной силы банковыхъ билетовъ,—какъ бы сильна и безпрепятственна ни была обращаемость банковыхъ билетовъ,—какъ бы ни была велика готовность принимать ихъ,—они не перестаютъ быть покупательною силою, которой источникъ *въ предпріимчивости, еще не реализовавшей своихъ результатовъ*. Эту предпріимчивость считаютъ производительною и потому ей оказываютъ довѣріе. На что это довѣріе направлено? На *исполненіе обѣщанія*, даваемаго предпріимчивостью, что она и осязательно докажетъ свою производительность. Чѣмъ? *Погашеніемъ долга*, который она на себя взяла. При чемъ же здѣсь деньги? Ни при чемъ. Деньги (мы говоримъ о настоящихъ, а не о фиктивныхъ) ничего не обѣщаютъ. Потому что деньги представляютъ предпріимчивость, которая уже исполнила все, что она обѣщала,—которая уже реализовала свои плоды, которая уже осязательно воплотилась въ полезномъ своемъ результатѣ. Деньги дѣйствуютъ покупательною силою, которой источникъ—капиталъ. И такой капиталъ представляетъ сама покупательная сила денегъ. Напротивъ, банковые билеты капитала не составляютъ, потому что они—знаки кредита,

знаки особаго условія производительности, рядомъ съ капиталомъ стоящаго и отъ него существенно отличнаго.

Въ одной-ли, или другой формѣ, чрезъ посредство одного-ли, или другаго лица и учрежденія, разъ только существуетъ матеріалъ для обращенія, разъ существуетъ, что́ обращать, — кредитъ всегда себѣ найдетъ выходъ и покупательная сила текущей предпріимчивости проявитъ свое вліяніе. Если препятствіе будетъ оказано билетамъ или билетной формѣ кредита, онъ проявится въ чекахъ, векселяхъ, простыхъ ордерахъ, наконецъ зачетахъ по книгамъ. Стѣснять можно только *одну* форму кредита, а не кредитъ. Онъ самъ по своей природѣ свободенъ и всегда торжествуетъ надъ стѣсненіями, конечно не безъ ослабленія отъ тѣхъ потерей, которыя его сила должна нести вслѣдствіе борьбы съ препятствіями. Съ другой стороны, искусственно расширять одну форму можно только на счетъ другой. Если на практикѣ въ ходу продажи въ кредитъ съ зачетами по книгамъ, то это дѣлаетъ ущербъ количеству векселей. Если въ обращеніи находится много векселей, остающихся въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ и не сосредоточивающихся въ банкахъ, то это препятствуетъ развитію банковыхъ формъ кредита. Если препятствіе оказывается билетной формѣ банковаго кредита, то на ея счетъ усиливается развитіе операціи вкладовъ на текущіе счеты и употребленіе чековъ. Наоборотъ, гдѣ развитію билетныхъ выпусковъ не поставлено препятствій, операціи вкладовъ нѣтъ надобности заходить далеко въ своемъ развитіи.

Опытъ это осязательно обнаруживаетъ, когда онъ показываетъ, что нельзя выдѣлять банковые билеты изъ всей совокупности кредитныхъ знаковъ и полагать, что они обладаютъ какими либо такими экономическими особенностями, которыхъ нѣтъ у другихъ кредитныхъ знаковъ. Банковые билеты могутъ имѣть *меньше* функцій, чѣмъ другія кредитныя орудія обращенія. Они могутъ стать простыми свидѣтельствами о количествѣ драгоцѣнныхъ металловъ, имъ соотвѣтствующемъ и хранящемся у банка. Они могутъ самою значительною своею долею (какъ у англійскаго банка) вовсе не входить въ составъ оборотныхъ средствъ банка. Но они

не могутъ имѣть *больше* функцій, чѣмъ другіе суррогаты металлическихъ орудій обращенія. Ошибочно, поэтому, утверждаютъ, что они представляютъ видъ денегъ. Кредитъ не создаетъ денегъ. Онъ содѣйствуетъ образованію капиталовъ и ускоряетъ это образованіе. Въ томъ-же смыслѣ, въ какомъ можно признавать, что благодаря кредиту, въ настоящее время производится больше хлопчато-бумажныхъ и всякихъ другихъ товаровъ, можно признавать и то, что благодаря кредиту является большее количество свободныхъ металлическихъ капиталовъ. Но чтобъ онъ создавалъ непосредственно деньги, этого нельзя признавать. Признавать это, значитъ впадать въ самообольщеніе и принимать ледяныя сосульки за алмазы. Какова бы ни была форма кредита, она не въ состояніи ему давать возможность породить больше, чѣмъ сколько у него имѣется производительныхъ способностей. Кредитъ можетъ непосредственно порождать *только* орудія обращенія, т. е. орудія, выполняющія только *одну* изъ *трехъ* денежныхъ фукцій. Но этою способностью обладаетъ *всякій* кредитъ, а не одинъ только тотъ, который имѣетъ форму банковаго билета.

Банковые билеты, какъ орудія обращенія, имѣютъ наружное сходство съ металлическими орудіями обращенія, заключающееся въ томъ, что та-же бумажка, которая играла свою роль для даннаго лица, продолжаетъ играть ту-же роль для другихъ лицъ и употребляется непрерывно до тѣхъ поръ, пока она не изнашивается въ неузнаваемую тряпку. Напротивъ, всѣ остальные кредитные знаки обыкновенно очень часто мѣняютъ свое бумажное тѣло или свое бумажное платье. На этомъ основаніи практика и нѣкоторые теоретики воображаютъ, что банковые билеты, подобно звонкой наличности, непрерывно обращаются и переходятъ изъ рукъ въ руки, тогда какъ остальные кредитные знаки не обращаются непрерывно. Но даже тамъ, гдѣ банковымъ билетамъ (или соотвѣтствующимъ имъ казеннымъ бумажнымъ деньгамъ) предписано закономъ считаться привиллегированными кредитными знаками, и банковые билеты переходятъ въ кассы банка чрезвычайно скоро. Кромѣ того, возвращеніе чека въ банкъ вовсе не выражаетъ перерыва въ его обра-

щаемости. Если банкъ сегодня, завтра, послѣ завтра и чрезъ сколько бы то ни было дней и мѣсяцевъ имѣетъ постоянно въ оборотѣ на 25 милліоновъ чековъ, то очевидно, что какъ бы часто отдѣльныя чековыя бумажки къ нему ни возвращались и замѣнялись новыми, ихъ обращеніе, тѣмъ не менѣе, непрерывное. Предположимъ, что каждый чекъ даетъ право на полученіе 100 рублей. Въ обращеніи, слѣдовательно, должно считать 250 тысячъ чековъ. Очевидно, однако, что для непрерывности ихъ обращенія важно не то, чтобы непрерывно обращались одни и тѣ-же 250 тысячъ листиковъ бумаги, а то важно, чтобы во всякое данное время въ оборотѣ находилось 250 тысячъ 100 рублевыхъ свидѣтельствъ. Будетъ ли при этомъ обращаться одинъ и тотъ листикъ бумаги и непрерывно переходить изъ рукъ въ руки, или листики будутъ замѣняться каждый разъ новыми, это, очевидно, не важно. Чекъ, который я сегодня получилъ, я могу отправить въ банкъ и въ случаѣ надобности замѣнить его вырваннымъ изъ собственной моей книжки. Важно только, могу ли я *это* сдѣлать, употребляю-ли я полученные мною чеки для полученія чрезъ нихъ денегъ изъ банка или для того, чтобъ передать ихъ на текущій счетъ въ банкъ? Если я дѣлаю послѣднее, то очевидно, что хотя бы я замѣнилъ полученный мною чекъ другимъ, мною выданнымъ, результатъ получается тотъ-же, какъ еслибъ обращалась одна и та-же бумажка.

56. Разстроенность кредита,—отъ какихъ бы причинъ она ни проистекала, отъ злоупотребленія-ли однимъ способомъ пользованія источниками ссудныхъ капиталовъ, или другимъ способомъ,—во всякомъ случаѣ производитъ одни и тѣ-же послѣдствія. Ибо суть не въ томъ, какой способъ употреблялся для пользованія источникомъ ссудныхъ капиталовъ, а въ томъ, что ссуднымъ капиталомъ воспользовались плохо. Наивно было бы воображать, что если ссудный капиталъ непроизводительно растраченъ, то растрата можетъ облегчаться тѣмъ, что капиталъ былъ занятъ путемъ заключенія одного долга, а не другаго. Въ чемъ же заключаются общія послѣдствія, которыя во всякомъ случаѣ сопровождаютъ злоупотреб-

леніе кредитомъ? Въ перемѣнахъ, происходящихъ въ товарныхъ цѣнахъ, въ измѣненіяхъ, происходящихъ въ отношеніяхъ кредита къ звонкимъ деньгамъ и въ цѣнѣ ссуднаго капитала. Несомнѣнно, что если при нормальномъ своемъ дѣйствіи кредитъ оказываетъ всего менѣе пертурбирующихъ вліяній на товарныя цѣны, — то разъ его обстановка расходится съ условіями производительности, его вліянія будутъ прямо противуположнаго свойства. Уже потому, что кредитъ представляетъ покупательную силу, все назначеніе которой приводить въ движеніе товары и на нихъ расходоваться, уже поэтому товарныя цѣны, показывающія, какъ на нихъ предпріимчивость расходуется, будутъ всегда показывать, хорошо или дурно предпріимчивость расходуетъ и ту силу, которую она получаетъ отъ кредита. Но товарныя цѣны—указатель весьма неопредѣленный. Вотъ почему отношеніе кредита къ звонкимъ деньгамъ получаетъ особое значеніе, тѣмъ болѣе важное, что оно находится въ непосредственной связи съ движеніями въ товарныхъ цѣнахъ.

Объемъ кредита или отдѣльныхъ его формъ совсѣмъ не играетъ никакой роли между указателями здороваго или нездороваго состоянія кредита. Злоупотребленіе кредитомъ можетъ быть сознательное (для правительствъ) или безсознательное (для предпріимчивости): во всякомъ случаѣ оно заключается въ такомъ употребленіи силъ текущей предпріимчивости и плодовъ прошлой предпріимчивости, при которомъ ни силы, ни плоды *не воплощаются въ новыхъ цѣнностяхъ*, находящихъ себѣ сбытъ, вполнѣ оплачивающій, покрывающій и вознаграждающій всѣ сдѣланныя затраты. Употребленіе экономическихъ силъ и средствъ на цѣли, которыми силы и средства не воспроизводятся, есть злоупотребленіе ими. Но въ экономической области всякая дѣятельность прежде всего имѣетъ своимъ основаніемъ разсчетъ на возможность возстановленія затратъ. Поэтому въ экономической области злоупотребленіе всегда оказывается послѣдствіемъ невѣрнаго разсчета, ошибочной оцѣнки силъ, средствъ и условій, составляющихъ обстановку дѣятельной предпріимчивости. Предпріимчивость никогда сознательно не злоупотребляетъ экономическими средствами и силами. Она, напротивъ, всегда занята своими заботами—

сохранить эти силы и средства и ихъ еще увеличить. Злоупотребленія для предпріимчивости, поэтому, возможны лишь, какъ непредвидѣнныя. По большей части и въ самыхъ важныхъ случаяхъ злоупотребленія проистекаютъ отъ отсутствія такого предвидѣнія, которое еще совсѣмъ и не было возможно.

Предпріимчивость оказывается злоупотребившею своимъ кредитомъ, когда или ссудные капиталы ею загублены, или ея личныя силы не дали плодовъ, или, наконецъ, ни личныя силы, ни ссудные капиталы не возстановлены во всей своей экономической цѣлости. *Всякая* неудача предпріимчивости дѣлаетъ кредитъ, которымъ ей оказано было содѣйствіе, излишнимъ. Излишнимъ кредитомъ можетъ оказаться всякій кредитъ, если только онъ оказывается непроизводительности. Все равно, оказывается-ли онъ въ большихъ размѣрахъ, или въ малыхъ,—оказывается-ли онъ однимъ путемъ, или другимъ, или третьимъ,—оказывается-ли онъ прямой или косвенной производительности. Если эта производительность оказывается шаткою, то и кредитъ, ей оказанный, излишній. Предпріимчивость должна выполнить взятыя ею на себя обязательства. То есть: если она обязалась сдѣлать производительнымъ капиталъ, который таковымъ еще совсѣмъ не былъ, она ему должна *создать* производительность, найти для него *новое* занятіе. Все равно, будетъ-ли занятіе совершенно (качественно) новое, какого еще совсѣмъ прежде не было,—или оно будетъ новое только количественно, такъ какъ оно возникло чрезъ *увеличеніе* или расширеніе прежняго. Или если предпріимчивость обязалась *возвысить* производительность капитала, который для нея *высвобожденъ* былъ изъ другаго занятія, въ которомъ капиталъ уже обладалъ извѣстною производительностью,—то и здѣсь предпріимчивость должна озаботиться о новыхъ (качественно или количественно) условіяхъ производительности. Если ей заботы удаются, если она имѣетъ успѣхъ, тогда никакой кредитъ, ей служившій, какъ бы онъ ни былъ обширенъ, въ какихъ формахъ и явленіяхъ онъ ни выражался бы, не можетъ быть излишнимъ. Если-же заботы предпріимчивости оказываются безуспѣшными, то кредитъ, ей ока-

занный, будетъ излишній, все равно, хотя бы его размѣры, формы и условія были самыя невинныя сами по себѣ.

Вотъ почему объ излишнемъ кредитѣ вообще,—а потому и объ излишнемъ кредитѣ, облеченномъ въ извѣстныя формы,—нельзя говорить только съ какого либо особаго момента, когда онъ достигаетъ извѣстныхъ размѣровъ или когда онъ направленъ на извѣстный способъ пользованія источниками ссудныхъ капиталовъ. Потому что такихъ особыхъ моментовъ, точно и строго опредѣленныхъ, съ которыхъ необходимо, всегда и одинаково повсюду, кредитъ долженъ былъ бы непремѣнно стать излишнимъ, совсѣмъ не существуетъ. Вотъ почему близоруко искать подобные моменты. Вотъ почему еще болѣе близоруко на подобныхъ моментахъ основывать правительственныя мѣры.

Кредитъ, организуемый банковою предпріимчивостью, становится сложнымъ организмомъ или механизмомъ, природа котораго всего менѣе терпитъ произвольное обхожденіе съ нимъ. Его дѣйствіе подчиняется опредѣленнымъ началамъ и законамъ, нарушеніе которыхъ влечетъ за собою тяжкую кару раззоренія. Это раззореніе представляетъ своего рода *конфискацію имущества*, наказаніе, на которое врядъ-ли рѣшился бы въ настоящее время и строгій законодатель при регулированіи кредита вообще или его отдѣльныхъ формъ. Предпріимчивости именно потому и можетъ быть предоставлена свобода дѣйствій, что за неправильныя дѣйствія она, и помимо правительственныхъ мѣропріятій, жестоко наказывается.

Въ той мѣрѣ, въ какой банки могутъ проявлять дѣятельное самостоятельное вліяніе на ходъ и усложненіе кредитныхъ отношеній во всякое данное время, это вліяніе можетъ, какъ все, отъ людей исходящее, имѣть и ошибочныя основанія и приносить вредъ. Но дѣятельное самостоятельное вліяніе банковъ можетъ проявляться и въ противуположномъ направленіи. Потому что для этого вліянія банки могутъ имѣть и вѣрныя основанія, слѣдуя которымъ они приносятъ положительную и безъ нихъ невозможную пользу. Эти основанія для банковъ открываются только на-

блюденіемъ *за движеніями драгоцѣнно-металлическаго запаса* народнаго хозяйства, *за движеніемъ цѣны ссудныхъ капиталовъ* и, наконецъ, *за движеніемъ товарныхъ цѣнъ*.

Вслѣдствіе того, что для банковъ получаетъ особенно важное значеніе движеніе драгоцѣнныхъ металловъ, такое же значеніе для нихъ получаютъ вексельные курсы.

Мы знаемъ уже, что драгоцѣнные металлы и звонкія деньги, изъ нихъ изготовляемыя,—цѣнности, преимущественно всемірныя. Онѣ всего менѣе боятся вліяній, неблагопріятно на нихъ дѣйствующихъ. Онѣ вѣдь представляютъ самое свободное имущество, которому всего легче эманципироваться отъ неблагопріятныхъ вліяній. Онѣ всего легче и скорѣе могутъ уходить отъ неблагопріятныхъ вліяній. Оттого, по ихъ наклонности оставаться въ данномъ мѣстѣ или уходить изъ него, можно судить о качествахъ вліяній даннаго мѣста. Они представляютъ собою самый совершенный видъ капиталовъ съ этой точки зрѣнія. А эта точка зрѣнія очень важна для банковъ. Но звонкія деньги представляютъ собою, сверхъ того, еще особый спеціальный механизмъ, слѣдящій за производительными качествами предпріимчивости и непрерывно указывающій, въ какомъ состояніи находятся качества и способности предпріимчивости: умѣетъ-ли она обходиться съ капиталами, или не умѣетъ,—хорошо-ли она съ ними обходится, или не хорошо. Въ этой роли деньги важны тѣмъ, что онѣ враждебны непроизводительности и живутъ въ ладу только съ производительностью. Отъ первой онѣ убѣгаютъ, ко второй онѣ приходятъ. Таково свойство всякаго капитала: въ непроизводительныхъ рукахъ имущество не можетъ стать полезно-дѣятельнымъ.

Но деньги скорѣе, легче, явственнѣе и отчетливѣе проявляютъ это общее свойство всякаго капитала. Онѣ первыя проявляютъ свое родство съ производительностью и, поэтому, онѣ стоятъ во главѣ капиталовъ и ими командуютъ. Деньги даютъ первыя указанія, въ которыхъ выражаются мѣстныя и временныя качества соотношенія между предпріимчивостью и капиталами: соединяетъ-ли ихъ производительность, или ихъ разъединяетъ непроизводитель-

ность. Вслѣдствіе того, что звонкія деньги всего менѣе боятся непроизводительности, онѣ менѣе другихъ капиталовъ боятся и тѣхъ непроизводительныхъ качествъ предпріимчивости, которыя послѣдняя проявляетъ, злоупотребляя своимъ кредитомъ. На нихъ прежде всего отражаются тѣ вліянія, путемъ которыхъ кредитъ, выходя изъ своихъ нормальныхъ предѣловъ, начинаетъ болѣзненно отзываться на имущественныхъ отношеніяхъ. Вслѣдствіе злоупотребленія *какими именно* способами пользованія источниками ссудныхъ капиталовъ происходитъ разстройство кредита и его ненормальное вліяніе на товарныя цѣны, это все равно. Разстройство *во всякомъ случаѣ* отражается на звонкихъ деньгахъ, вызывая въ нихъ наклонность уйти изъ даннаго мѣста туда, гдѣ кредитъ на нихъ не повліялъ неблагопріятно.

На стр. 104 было выяснено, что пока кредитъ дѣйствуетъ въ своихъ нормальныхъ предѣлахъ, онъ *локализируетъ* звонкія деньги. На стр. 112 было выяснено, что пока звонкія деньги играютъ роль орудія обращенія, онѣ имѣютъ *круговое* направленіе и немедленно оставляютъ руки, въ которыя попадаютъ. На стр. 114 показано, что при непрерывномъ обращеніи денегъ онѣ только *сопровождаютъ* погашеніе обязательствъ, облегчаютъ его, но что оно *производится* первоначально помимо ихъ. Наконецъ, было показано, что только тогда звонкія деньги, въ качествѣ свободнаго капитала, окончательно погашаютъ обязательства, когда погашеніе ихъ путемъ другихъ капиталовъ и цѣнностей невозможно, за ихъ отсутствіемъ. На стр. 132 мы уже напомнили, что относительно международныхъ отношеній даже и ходячія представленія свыклись съ подобною ролью звонкихъ денегъ. Всякій знаетъ, что народы обмѣниваютъ другъ у друга товары на товары. Всѣ знаютъ, что основанія, вслѣдствіе которыхъ происходитъ передвиженіе драгоцѣнныхъ металловъ изъ одной страны или мѣстности въ другую, всегда кроются *въ производственныхъ отношеніяхъ*. Т. е., прежде всего эти основанія даны *размѣрами* мѣстнаго производства и *отношеніемъ* этихъ размѣровъ къ требованіямъ, которыя страна предъявляетъ своему производству. Если условія производительно-

сти дозволяютъ мѣстной предпріимчивости вполнѣ соотвѣтствовать и удовлетворять мѣстнымъ потребностямъ, то рѣшительно все равно, какія-бы потребности сами по себѣ ни были. Все равно, въ подобномъ случаѣ, такія-ли это потребности, что онѣ непосредственно удовлетворяются товарами и цѣнностями мѣстнаго производства,—или онѣ такія, для которыхъ товары и цѣнности нужно привозить изъ иныхъ мѣстностей, расплачиваясь мѣстными продуктами. Вопросъ *о направленіи потребностей* совершенно безразличенъ, когда задолженность (пассивная), порождаемая мѣстнымъ *потребленіемъ* привозимыхъ цѣнностей, совершенно покрывается и уравновѣшивается (активною) задолженностью заграничныхъ мѣстностей за вывозимые къ нимъ продукты мѣстнаго *производства*. Пока страны или мѣстности находятся во *взаимной* задолженности за покупаемые ими другъ у друга товары, эта взаимная задолженность *погашаетъ и ихъ обязательства*, порождаемыя потребленіемъ привозимыхъ изъ-внѣ товаровъ. О передвиженіи звонкаго металла изъ одной страны или мѣстности въ другую,—при подобныхъ условіяхъ производительности, когда во всякомъ данномъ мѣстѣ производство уравновѣшиваетъ потребленіе,—рѣчь совсѣмъ возникнуть и не можетъ. Вмѣсто звонкаго металла изъ страны въ страну передвигаются лишь кредитныя орудія обращенія (заграничные переводные векселя). На долю этихъ-то кредитныхъ орудій обращенія выпадаютъ *большіе круги* обращенія. Напротивъ, на долю звонкихъ денегъ остаются постоянно съуживающіеся меньшіе круги,—до того все прогрессивно съуживающіеся, что они, наконецъ, совсѣмъ перестаютъ быть кругами и сливаются со своимъ центромъ, гдѣ сосредоточивается вся тяжесть звонкихъ денегъ.

Иное, однако, происходитъ, когда мѣстныя условія производительности становятся менѣе благопріятными. Когда мѣстное производство, вслѣдствіе того, не даетъ достаточно цѣнностей, чтобъ ими можно было оплатить всѣ привозимые изъ-внѣ цѣнности для мѣстнаго потребленія,—тогда мѣстное производство даннаго времени *обнаруживаетъ дефицитъ*. Въ той мѣрѣ, въ какой *оно страдаетъ отъ непроизводительности*, оно ни прямо, ни косвенно не въ со-

стоянiи служить мѣстнымъ потребностямъ. Это значитъ, что мѣстное производство даетъ такое занятiе свободному капиталу, которое не соотвѣтствуетъ заграничнымъ надобностямъ, или по своему размѣру, или по своимъ качествамъ. Мѣстная предпрiимчивость, имѣющая въ своей власти свободный капиталъ, оказывается неспособною порождать взаимность и погашать ею долги, вызываемые потребленiемъ. Что же оттого проистекаетъ? Если долги не могутъ быть погашены взаимностью, они должны быть погашены инымъ способомъ. Если погашенiе не можетъ быть произведено капиталами, представляющими *продукты* мѣстной предпрiимчивости, то оно должно быть произведено свободнымъ капиталомъ, драгоцѣнными металлами. Такъ какъ дефицитъ въ производительности мѣстной предпрiимчивости препятствуетъ появленiю *кредитныхъ* орудiй обращенiя, то ихъ мѣсто должны занять *металлическiя* орудiя обращенiя, звонкiя деньги.

Передвиженiе металла изъ одной стороны въ другую вызывается непроизводительностью или въ смыслѣ абсолютномъ. Или-же непроизводительность означаетъ невозможность—дать *на мѣстѣ* свободному капиталу производительное занятiе, соотвѣтствующее спросу тѣхъ странъ, въ которыя онъ уплываетъ,—или кредиторовъ этихъ странъ. Потому что только непроизводительная предпрiимчивость нуждается въ драгоцѣнныхъ металлахъ, чтобъ погашать свои долги. Если предпрiимчивость загубила свободные капиталы, которыми она дѣйствовала, — если изъ *этихъ* свободныхъ капиталовъ она ничего не выработала такого, что могло-бы служить ей для погашенiя долговъ, — то понятно, что ей остается только обратиться къ *другимъ* свободнымъ капиталамъ. Ими только она и въ состоянiи будетъ погасить свои долги.

Органомъ, выражающимъ состоянiе взаимной задолженности странъ, берущихъ другъ у друга цѣнности для своего потребленiя, служатъ вексельные курсы. Въ нихъ выражаются цѣны кредитныхъ орудiй обращенiя, чрезъ посредство которыхъ взаимная задолженность погашаетъ обязательства между отдѣльными мѣстностями. По цѣнѣ этихъ кредитныхъ орудiй обращенiя можно судить,

много-ли ихъ, или мало, слѣдовательно въ состояніи-ли они погасить всѣ долги, или не всѣ. Если не всѣ долги ими могутъ быть погашены, это отразится на такомъ возвышеніи ихъ цѣны, которое парализуетъ всѣ ихъ преимущества, какъ кредитныхъ орудій обращенія. Преимущества-же эти заключаются въ сбереженіи всѣхъ затратъ на пересылку, страхованіе и т. д. На сумму этихъ затратъ кредитныя орудія должны быть дешевле металлическихъ. Если-же они не будутъ дешевле, тогда станетъ безразлично, погашать-ли долги съ ихъ помощью, или съ помощью драгоцѣннаго металла. Такъ какъ количество кредитныхъ орудій обращеній, представляющихъ взаимную задолженность, зависитъ отъ степени мѣстной производительности, т. е. отъ количества произведенныхъ для вывоза цѣнностей,—то и цѣна ихъ будетъ опредѣляться мѣстной производительностью. Чѣмъ послѣдняя будетъ ниже, тѣмъ ихъ цѣна будетъ выше. На томъ пунктѣ, гдѣ мѣстная производительность проявитъ свою неспособность погасить долги мѣстнаго потребленія и окажется надобность для погашенія этихъ долговъ отправлять свободный капиталъ, и вексельныхъ орудій обращенія въ сущности совсѣмъ уже не должно было-бы оказываться.

На практикѣ, однако, переводные векселя даже и въ подобномъ случаѣ еще оказываются. Это происходитъ отъ причины, на значеніе которой нами уже указано въ концѣ II главы. Тамъ было разъяснено, что даже и въ случаяхъ, когда для взаимной задолженности уже не оказывается простора, кредитъ все еще можетъ вмѣшиваться въ отношенія. Онъ снабжаетъ предпріимчивость, производительность которой оказалась съ дефицитомъ, тѣмъ свободнымъ капиталомъ, который ей нуженъ для погашенія своего долга въ данное время. Кредитъ самъ возстановляетъ нарушенное равновѣсіе. Но это онъ дѣлаетъ, какъ было указано на стр. 132, только временно. Онъ замѣняетъ долги съ истекающими сроками другими долгами, которыхъ сроки отодвинуты далѣе. Эту свою услугу кредитъ проявляетъ какъ въ области сношеній отдѣльныхъ предпринимателей другъ съ другомъ, такъ и въ области сношеній цѣлыхъ мѣстностей другъ съ другомъ. И вотъ почему иностранные переводные векселя

ля (международныя кредитныя орудія обращенія) продаются на рынкѣ даже и тогда, когда мѣстная производительность не проявила себя въ проданныхъ заграницу цѣнностяхъ. Эти векселя не выражаютъ довѣрія къ предпріимчивости, воплотившей уже свои силы въ готовыхъ цѣнностяхъ, которой недостаетъ еще весьма немного, чтобъ реализовать *всѣ* свои результаты. Они выражаютъ довѣріе инаго рода: то именно, которое питаютъ къ предпріимчивости, когда разсчитываютъ на ея *будущіе* плоды, имѣющіе еще быть полученными, когда истечетъ срокъ довѣрія. Векселя въ подобномъ случаѣ выражаютъ кредитъ, не покрытый никакими готовыми плодами предпріимчивости. Ибо когда такихъ готовыхъ плодовъ у предпріимчивости на рукахъ не имѣется, то она еще не должна необходимо лишаться всякаго кредита.

Вексельные курсы—все равно, выражаютъ ли они цѣну кредитныхъ орудій обращенія, покрытыхъ готовыми плодами предпріимчивости, или ея будущими плодами,—во всякомъ случаѣ, выражаютъ состояніе условій, отъ которыхъ зависитъ передвиженіе металла изъ одной мѣстности въ другую. А это передвиженіе металла въ свою очередь зависитъ отъ сравнительнаго состоянія условій производительности въ различныхъ мѣстностяхъ. Слѣдовательно, слѣдя за вексельными курсами, банки въ нихъ имѣютъ отличнаго регулятора, точно имъ указывающаго состояніе тѣхъ отношеній, съ которыми они должны сообразоваться, оказывая свое вліяніе на предложеніе ссудныхъ капиталовъ. По вексельнымъ курсамъ они могутъ слѣдить за тѣмъ, происходитъ ли въ данной странѣ злоупотребленіе кредитомъ, или не происходитъ.

Весьма важно различать размѣръ неудачи, которая можетъ постигнуть предпріимчивость. Потому что отъ этаго размѣра зависитъ степень, въ которой оказывается излишнимъ кредитъ, оказанный предпріимчивости. Отъ этаго-же размѣра зависитъ, сколько кредита еще осталось возможнымъ. А знать, въ какомъ размѣрѣ кредитъ остается еще возможнымъ для предпріимчивости, несмотря на постигшія ее неудачи, въ особенности важно именно для того, чтобъ вѣрнѣе относиться къ явленіямъ, въ которыхъ выражается

соотношеніе между кредитомъ и драгоцѣнными металлами, а слѣдовательно и ихъ передвиженіе изъ страны въ страну.

Не всѣ тѣ неблагопріятныя для предпріимчивости (и ея производительности) условія, вслѣдствіе которыхъ должно было бы происходить передвиженіе металла изъ одной мѣстности въ другую, имѣютъ одинаковыя послѣдствія. Ибо ихъ сила соразмѣрна неудачамъ, постигающимъ предпріимчивость. Выше мы видѣли, что иностранные векселя возможны и тогда, когда по настоящему дефицитъ производительности долженъ былъ бы ихъ дѣлать невозможными. Конечно, довѣріе къ будущей производительности какой либо предпріимчивости, продолжающееся вопреки постигшимъ ее въ данное время неудачамъ, можетъ основываться на оставшихся еще у нея производительныхъ качествахъ. Если неудачи предпріимчивости не парализовали всѣхъ ея производительныхъ качествъ, то для оставшейся еще у нея производительности она можетъ разсчитывать на мѣстные и заграничные ссудные капиталы, которые къ ней явятся на помощь путемъ кредита.

Для этаго, однако, необходимо, чтобъ мѣстные и заграничные ссудные капиталы считали выгоднымъ для себя — явиться на помощь. Выгоднои-же для себя они будутъ считать помощь тогда, когда имъ за помощь будутъ предлагать хорошую цѣну. Что-же такое цѣна ссуднаго капитала?

Цѣна ссуднаго капитала имѣетъ очень разнообразныя формы, въ главѣ которыхъ стоятъ *дисконтъ* или т. н. учетно-ссудные проценты. *Дисконтъ* представляетъ далеко не простое явленіе и его функціи далеко не однородны при различныхъ обстоятельствахъ и на различныхъ ступеняхъ экономическаго развитія. Простѣйшая функція его—выражать цѣну свободнаго, т. е. денежнаго, драгоцѣнно-металлическаго, капитала въ монетной формѣ. Всякая цѣна означаетъ размѣръ покупательной силы, измѣренный или опредѣленный сравненіемъ ея съ денежною единицею:—всякая цѣна товара выражаетъ извѣстное количество денегъ. Что-же такое цѣна самихъ денегъ? Извѣстное количество денегъ, которое дается за другое количество денегъ? Но очевидно, что *въ данномъ мѣстѣ и въ*

*данное время* два одинаковыя количества денегъ не могутъ выражать различныхъ вещей, обмѣнъ которыхъ одно на другое, или выраженіе ихъ ъоднаго въ другомъ, имѣли бы практическій смыслъ. Обмѣнъ деньгами получаетъ свой смыслъ только въ томъ случаѣ, если два равныя количества денегъ представляютъ *различныя количества покупательной силы*, потому что они находятся подъ различными условіями *мѣста и времени*. Обмѣнъ деньгами, вообще, имѣетъ свое значеніе лишь вслѣдствіе тѣхъ различій, которыя въ ихъ покупательной силѣ возникаютъ подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій времени и мѣста. Обмѣнъ двухъ количествъ денегъ, находящихся при одинаковыхъ условіяхъ времени и мѣста, не имѣетъ ни практическаго, ни теоретическаго смысла. Дисконтъ и выражаетъ тѣ различія въ покупательной силѣ равныхъ количествъ денегъ, которыя возникаютъ подъ вліяніемъ различныхъ условій *времени*. Вексельный курсъ выражаетъ *тѣ-же* различія, насколько они возникаютъ подъ вліяніемъ различныхъ условій *мѣста*. Цѣна извѣстнаго количества денегъ даннаго времени и даннаго мѣста можетъ быть выражена въ количествѣ денегъ-же, *но только денегъ другаго времени и другаго мѣста*. Такъ какъ, однако, въ этомъ случаѣ выражающее и выражаемое, — такъ какъ предметъ, цѣна котораго выражается, и предметъ, въ которомъ цѣна выражается, сами по себѣ однородны,—то различія между ними могутъ обозначаться только *надбавками или вычетами* къ одному изъ двухъ количествъ денегъ, которыя другъ въ другѣ выражаются. Какъ бы ни назывались эти надбавки или вычеты, ростомъ или учетомъ (дисконтомъ), лажемъ или дизажіо, или, наконецъ, просто процентомъ, это рѣшительно все равно. Какъ бы названіе ни было различно, дѣло отъ того не измѣняется и остается тѣмъ-же. Ростъ и лажъ, дисконтъ и дизажіо имѣютъ одно и то-же теоретическое и практическое значеніе. Они выражаютъ или то, что за получаемыя деньги будетъ возвращено больше,—или то, что за возвращаемое получено меньше. Они выражаютъ потерю, носимую тою покупательною силою, которою совершается уплата,—или выигрышъ той покупательной силы, за которую совершается уплата.

Какъ *потеря* и вычетъ изъ первой покупательной силы, они и обозначаются словами «учетъ» (дисконтъ) или «дизажіо». Какъ *выигрышъ* второй, они обозначаются словами «ростъ» или «ажіо» (лажъ). Словами «дисконтъ» и «ростъ» обозначаются различія въ покупательной силѣ денегъ, возникающія подъ вліяніями времени. Названіями «ажіо» и «дизажіо» обозначаются различія, возникающія подъ вліяніемъ условій мѣста.

Дисконтъ выражаетъ, однако, не одну только цѣну свободнаго капитала, а *всякой* чистой покупательной силы, насколько ея цѣна подвергается вліянію условій времени. Эти условія времени могутъ быть или только экономическія. Или они могутъ быть политическія, моральныя и всякія другія, вліяніе которыхъ простирается за предѣлы ихъ собственной сферы и вторгается въ экономическую. Подъ этими вліяніями могутъ возникать основанія дорожить чистою наличностью больше, чѣмъ всякимъ другимъ имуществомъ. Основанія представляются или недовѣріемъ къ производительности экономической дѣятельности, или недовѣріемъ къ политическимъ, юридическимъ, моральнымъ и всякимъ инымъ условіямъ, въ которыя экономическая дѣятельность поставлена. Разъ недовѣріе существуетъ, оно выражается въ томъ, что цѣнность, —представляющая производительность, возвысившуюся надъ сомнѣніями и способную менѣе подвергаться неблагопріятнымъ вліяніямъ постороннихъ условій,—будетъ отдаваться за цѣнность,—не находящуюся въ такихъ счастливыхъ условіяхъ,—лишь съ тѣмъ, чтобъ ей оплоченъ былъ страхъ, которому она при такой отдачѣ подвергается. А страху она подвергается двоякому. Во-первыхъ, она рискуетъ совсѣмъ не быть возвращенною. Она рискуетъ своею *натуральною* цѣлостью, капиталомъ своимъ, который она представляетъ. Она вѣдь должна быть оплочена изъ плодовъ будущей дѣятельности, а кто еще знаетъ, дастъ-ли послѣдняя хоть что нибудь. Страхъ капитала за возвратъ требуетъ возникновенія одной разности между отдаваемымъ и покупаемымъ. За одно отдаваемое количество драгоцѣннаго металла требуется другое, большее количество его. Во-вторыхъ, еще возникаетъ вопросъ: если натуральная цѣлость капитала и будетъ страховаться

у выговореннаго погашенія возможной потери, то вѣдь *цѣнность* капитала еще не обезпечена. То-же *количество* драгоцѣннаго металла, представляющаго капиталъ даннаго времени, въ послѣдующее время можетъ оказаться представляющимъ меньшее количество покупательной силы. Если представляются благопріятныя обстоятельства застраховать свое имущество и отъ этой возможной потери, то, понятно, что ими воспользуются. Какое дѣло владѣльцу капитала до того, что причины, отъ которыхъ возможно уменьшеніе покупательной силы даннаго капитала, будутъ одного или другаго рода. Если потери вѣроятны и отъ нихъ можно обезопасить себя, то мѣры предосторожности будутъ приняты. Такимъ образомъ прибавится вторая страховая премія къ цѣнѣ капитала. Возникаетъ вторая разность между эффективностью равнаго количества текущей и будущей покупательной силы. Эту то вторую страховую премію и разность собственно и выражаетъ ростъ или дисконтъ. Дисконтъ, слѣдовательно, выражаетъ учетъ, который капиталъ производитъ текущей предпріимчивости и ея будущему имуществу. Учетъ можетъ производиться во имя самыхъ различныхъ основаній, смотря по субъективнымъ условіямъ даннаго времени. Но его внутреннее значеніе заключается въ томъ, что онъ оплачиваетъ не какую-либо уже сдѣланную или несомнѣнную затрату, а лишь вѣроятную, возможную. Понятно, въ такомъ случаѣ, что его высота будетъ опредѣляться, прежде всего, сравнительнымъ положеніемъ тѣхъ двухъ сторонъ, изъ коихъ одна выигрываетъ на счетъ другой.

Чѣмъ хуже обстоятельства будутъ складываться для текущей предпріимчивости и ея помѣщеній, тѣмъ, наоборотъ, больше власти будетъ имѣть капиталъ. Тѣмъ большему учету она будетъ подвергаться, сталкиваясь съ послѣднимъ. Чѣмъ хуже будутъ дѣла предпріимчивости, тѣмъ больше ей придется брать на себя гарантій всесторонней цѣлости капитала на будущія времена и тѣмъ больше ей придется расходоваться на эти гарантіи. Необходимо помнить, что даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ разсчетъ на производительность текущей предпріимчивости (и проистекающее отсюда довѣріе къ ней) поставлены въ извѣстные предѣлы. За ни-

ми лежитъ возможность и вѣроятность непроизводительности, т. е. основаніе недовѣрія. Такъ какъ до полнаго устраненія всѣхъ вѣроятностей своей непроизводительности современная текущая предпріимчивость еще не доразвилась, то она всегда должна примириться съ нѣкоторымъ учетомъ, которому подвергается ея покупательная сила, обмѣниваемая на капиталъ. Чѣмъ меньше объемъ вѣроятностей для непроизводительности, тѣмъ больше спроса на нее, ради ея результатовъ. Тѣмъ безразличнѣе форма капитала, въ которомъ выразятся ея результаты и которымъ она погаситъ свои обязательства. Напротивъ, чѣмъ объемъ этихъ вѣроятностей больше, тѣмъ меньше сама предпріимчивость можетъ опираться на свои результаты, слѣдовательно и на ихъ форму, разсчитанную для извѣстнаго спроса. Непроизводительность ослабляетъ этотъ спросъ и тогда, само собою, для капитала остается возможною единственно только та его форма, въ которой на него обезпеченъ постоянный спросъ и съ нимъ постоянная способность погашать долги, форма свободнаго капитала, т. е. денежная. Такимъ образомъ необходимо-одновременныя и всегда сопутствующія другъ другу явленія представляютъ два послѣдствія производительности текущей предпріимчивости и два послѣдствія ея непроизводительности. Это именно—съ одной стороны меньшіе расходы на гарантіи цѣлости капитала при большемъ безразличіи значенія той или иной его формы. Т. е., когда дисконтъ низокъ, онъ выражаетъ цѣну капитала вообще, въ какой бы то ни было его формѣ. Съ другой стороны—большіе расходы на гарантіи цѣлости капитала, при необходимости придавать преобладающее значеніе извѣстной его формѣ. Т. е. дисконтъ повышается одновременно съ большимъ спросомъ именно на свободный капиталъ. Функціи дисконта, при изобиліи капитала и при ограниченномъ его предложеніи, такимъ образомъ, различны. Онъ выражаетъ цѣну капитала вообще въ первомъ случаѣ, и цѣну свободнаго (денежнаго) капитала во второмъ. Чѣмъ шире та часть поля капиталовъ, на которой текущей предпріимчивости удается пріобрѣсти преобладаніе, чѣмъ шире ея успѣхи,—тѣмъ меньше остается для дисконта выражать послѣд-

ствій обратнаго преобладанія капитала надъ предпріимчивостью. Оттого онъ ниже и оттого онъ долженъ розъискивать матеріалъ для своего выраженія на пространствѣ всего поля капиталовъ. Напротивъ, чѣмъ менѣе обширна часть этого поля, отвоеванная предпріимчивостью, тѣмъ большіе размѣры принимаетъ преобладаніе капитала, тѣмъ о большемъ можетъ докладывать дисконтъ и тѣмъ меньшею частью поля онъ можетъ ограничиваться, чтобъ о большемъ докладывать. Отсюда понятенъ нормальный характеръ соотношенія между дисконтомъ и кредитомъ. Широкое развитіе кредита и низкое состояніе дисконта — два послѣдствія, вызываемыя одною и тою же причиною, производительностью текущей предпріимчивости и, поэтому, они всегда одновременны. Также точно всегда одновременны два противуположныя послѣдствія непроизводительности, высокій дисконтъ и сжатіе кредита. Ошибочно, слѣдовательно, предполагать, что между кредитомъ и дисконтомъ состоитъ *причинное* соотношеніе. Нельзя говорить ни того, что низкій дисконтъ вызываетъ расширеніе кредита, ни того, что расширеніе кредита вызываетъ низкій дисконтъ. Также точно нельзя признавать ни того, что высокій дисконтъ стѣсняетъ кредитъ, ни того, что стѣсненный кредитъ вызываетъ высокій дисконтъ. Эти двѣ пары явленій состоятъ каждая изъ двухъ, всегда другъ другу *сопутствующихъ* обстоятельствъ, а не *вызывающихъ* другъ друга.

Опытъ доказываетъ, что 1) расширеніе кредита всего чаще вызываетъ повышеніе дисконта, увеличивая спросъ на капиталъ и уменьшая его предложеніе; 2) низкій дисконтъ далеко не всегда вызываетъ расширеніе кредита, такъ какъ текущая предпріимчивость вовсе не всегда считаетъ выгоднымъ воспользоваться всякою дешевизною капитала; 3) высокій дисконтъ не всегда вызываетъ сжатіе кредита, потому что текущая предпріимчивость можетъ все еще считать выгоднымъ не уменьшать своего спроса на капиталъ, хотя бы онъ сталъ и дороже; 4) не нужно и указаній опыта, чтобъ понимать, что въ какомъ бы стѣсненномъ состояніи ни находился кредитъ, предпріимчивость не перестаетъ стараться добывать капиталъ дешевле.

Вотъ почему банки, въ распоряженіе у которыхъ имѣется капиталъ, должны имѣть въ виду связь между состояніемъ дисконта и состояніемъ предпріимчивости, т. е. не держать его низкимъ, когда производительность мало вѣроятна. Лучшій-же критерій большаго или меньшаго вѣроятія производительности текущей предпріимчивости представляется интенсивностью ея спроса на тотъ видъ капитала, который представляется деньгами. Чѣмъ больше ей нуженъ свободный капиталъ для погашенія своихъ обязательствъ и чѣмъ меньше у нея имѣется другихъ средствъ для этого погашенія, тѣмъ ея положеніе хуже и тѣмъ умѣстнѣе высокій дисконтъ. Вотъ почему банки, въ которыхъ сосредоточивается свободный капиталъ, принуждены бываютъ повышать свой дисконтъ, когда деньги у нихъ начинаютъ выбираться сильнѣе, чѣмъ онѣ къ нимъ притекаютъ.

Для предпріимчивости всего выгоднѣе погашать свои обязательства собственными средствами, результатами собственныхъ оборотовъ, какой бы видъ не имѣли эти результаты, чѣмъ деньгами, въ особенности занятыми деньгами. Для предпріимчивости выгоднѣе, если она въ состояніи погасить свои пассивныя обязательства, по произведеннымъ ею покупкамъ, активными обязательствами, по произведеннымъ ею продажамъ. Деньгами для нея выгодно только *начинать* свои «дѣла», да и то, если для начала не припасены активныя обязательства, которыя могутъ быть пущены въ ходъ. Вообще деньги—самый дорогой видъ капитала съ точки зрѣнія расчитывающаго интереса. Это потому, что ихъ сберегательная функція приноситъ только отрицательныя благотворныя послѣдствія, а не положительныя, только устраняетъ потери, а не увеличиваетъ выгоды. А ихъ функція обращенія можетъ быть вмѣстѣ съ ними выполнена одинаково успѣшно кредитными орудіями обращенія. Вотъ почему необходимость употребленія непремѣнно денетъ уже во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о какомъ либо изъянѣ. Лучше, когда этой необходимости нѣтъ. Лучше, когда она всегда по возможности меньше, когда возможно чаще деньги не нужны и ихъ отправляютъ въ банки. Сосредоточеніе денегъ въ банкахъ и длящееся возрастаніе цифры ихъ вкла-

довъ доказываютъ, поэтому, благопріятное положеніе предпріимчивости. Напротивъ уплывъ денегъ изъ банковъ доказываетъ обратное.

Понятно, поэтому, что возвышеніе дисконта въ подобномъ случаѣ необходимо, прежде всего, вслѣдствіе того, что иначе онъ расходился бы со всѣми остальными обстоятельствамм времени. Само собою разумѣется, что это возвышеніе необходимо и для противодѣйствія предпріимчивости, которая во всякомъ случаѣ можетъ желать воспользоваться дешевыми деньгами. Но это противодѣйствіе не представляетъ собою первоначальной причины. Оно само послѣдствіе дурно сложившихся условій, неблагопріятствующихъ успѣху предпріимчивости. Возвышеніе дисконта можетъ служить средствомъ, которымъ кредитъ противудѣйствуетъ вліяніямъ, стремящимся его подорвать.

Давая капиталу больше гарантій его цѣлости, предпріимчивость, уплачивающая высокій дисконтъ, какъ бы подкупаетъ своего врага или у него выкупаетъ его враждебное настроеніе. Она покупаетъ себѣ, если не миръ, то перемиріе. Во всякомъ случаѣ, конечно, это миръ вооруженный. Высокій дисконтъ стимулируетъ сбереженія именно въ денежной формѣ, собираетъ ихъ, заставляетъ ихъ сосредоточиваться, выходить на свѣтъ божій и скорѣе превращаться въ орудія обращенія. Но надобно помнить, что это бываетъ лишь въ томъ случаѣ, когда, во первыхъ, одни только экономическія причины возбудили недовѣріе къ предпріимчивости;—во вторыхъ, когда даже эти экономическія причины *заранѣе предупреждены и начали постепенно парализоваться*, когда имъ *не дано было развиться вполнѣ*, созрѣть до полной всевластности.

Когда дороговизна свободнаго капитала выражается дисконтомъ или колебаніемъ вексельнаго курса, это и означаетъ, что напряженность спроса на денежный (свободный) капиталъ еще только *начинаетъ* проявлять свою силу. Страдаетъ при этомъ спросѣ и отъ его напряженности одна только *текущая* предпріимчивость (въ ея кредитѣ). Напротивъ, прошлая предпріимчивость и ея плоды могутъ оставаться при этомъ внѣ растроивающихъ вліяній. Ору-

дій обращенія можетъ еще дѣйствовать при этомъ много, и даже драгоцѣнно-металлическихъ. Иное дѣло — когда функція орудія сбереженія выступаетъ на первый планъ и деньги главнымъ образомъ начинаютъ играть роль свободнаго капитала. Выручаемыя отъ продажъ деньги изъ оборота извлекаются. Такъ какъ эти продажи заключительныя, которыми предпріимчивость замыкаетъ данный періодъ своей оживленной дѣятельности, послѣ которыхъ она занята сведеніемъ итоговъ послѣдней, то естественно настаетъ какъ бы перерывъ въ ходѣ дѣлъ. Этотъ перерывъ представляетъ какъ бы паузу въ томъ ритмическомъ движеніи дѣйствій, которое обусловливается самою природою предпріимчивости, въ особенности настоящаго времени. За оживленіемъ, отличившемъ стремленіе къ новымъ цѣлямъ, слѣдуетъ желаніе болѣе сознательно отнестись ко всѣмъ отдѣльнымъ моментамъ пройденнаго движенія, изъ коихъ многіе пережиты были въ пылу общаго увлеченія. Настаетъ необходимость отдать себѣ ясный отчетъ о томъ, можетъ ли быть повторено пройденное движеніе, имѣется ли для этого достаточно средствъ. Вотъ почему за оживленіемъ предпріимчивости необходимо слѣдуетъ періодъ сжатія массы орудій обращенія и измѣненіе въ функціяхъ денегъ. Уплатою долговъ естественно сокращается кредитная составная часть означенной массы. Необходимостью имѣть капиталы въ свободномъ состояніи сокращается его денежная часть. Если товарныя цѣны при этомъ остаются на прежней высотѣ, то эта высота болѣе номинальная. Болѣе обыкновенно въ подобное время вялое настроеніе рынковъ и наклонность цѣнъ къ пониженію.

Если движеніе заключало въ себѣ элементы неудачи, то это выразится трояко: въ болѣе внезапномъ наступленіи перерыва, въ большей напряженности спроса на денежный капиталъ и относительно большемъ объемѣ этого спроса. Разъ условія самаго сбыта невѣрно разсчитаны, это означаетъ, что они неблагопріятствуютъ цѣнѣ извѣстной высоты, т. е., что у покупателей нѣтъ тѣхъ средствъ, которыми возстановлялись бы затраты предпринимателей и которыя сверхъ того могли бы служить источникомъ прибылей

для нихъ. Но разъ скудость этихъ средствъ начинаетъ выясняться, между предпринимателями возникаетъ соперничество изъ-за того, кому изъ нихъ удастся воспользоваться имѣющимися средствами. Такимъ образомъ естественная необходимость реализаціи ускоряется и усиливается, когда обстоятельства ей неблагопріятствуютъ. Вялость рынковъ и наклонность цѣнъ къ пониженію, которыя и при нормальныхъ условіяхъ появились бы, начинаютъ проявляться въ увеличенныхъ размѣрахъ. У отдѣльныхъ предпринимателей начинаютъ оказываться недовыручки. Уплата долговъ становится затруднительною. Невозможность продажъ по сходнымъ цѣнамъ препятствуетъ возникновенію цѣлаго ряда обязательствъ, которыя въ противномъ случаѣ продажами порождались бы и которыми погашались бы обязательства, до того заключенныя продавцами. Такимъ образомъ цѣлый рядъ долговъ, который при благопріятномъ исходѣ затѣянныхъ предпріятій погашался бы взаимностью, для своего погашенія тоже требуетъ свободнаго капитала. Спросъ на послѣдній оттого увеличивается. Неудачи предпріимчивости подрываютъ недовѣріе къ ея производительности и цѣлая масса ея безсрочныхъ обязательствъ, которая оставалась бы въ обращеніи при лучшихъ условіяхъ, начинаетъ оказывать стремленіе исчезать изъ оборота. Векселя, которымъ истекаетъ срокъ, начинаютъ вызывать о себѣ усиленныя заботы. Отсюда еще новое усиленіе спроса на свободный капиталъ. И чѣмъ меньше силы текущей предпріимчивости оказываются способными привлекать къ себѣ капиталы, чѣмъ слабѣе дѣйствія, производимыя ея обѣщаніями и готовностью уплачивать высокіе проценты, тѣмъ больше должна на себя взять прошлая предпріимчивость, тѣмъ больше тягость, на нее перемѣщаемая. Перемѣщеніе тягости на прошлую предпріимчивость и выражается въ пониженіи цѣнъ на товары и цѣнности, въ которыхъ она воплощается.

Только тогда, когда вполнѣ выясняется, что всѣ вопросы, возбуждаемые интересами дня, группируются, какъ около центра, около вопроса о состояніи *денежнаго* рынка въ данную минуту, около состоянія вопроса о предложеніи *свободныхъ* капиталовъ, имѣю-

щихся въ *немедленномъ* распоряженіи,—только тогда наступаетъ пора вліянія банковъ. Трудно спорить противъ того, что банки *могутъ* оказываться въ положеніи, имъ дозволяющемъ пріобрѣсти вліяніе на ходъ *закупокъ*, а, слѣдовательно, и на цѣны, по которымъ совершаются закупки. Но нельзя также отрицать и того, что эта возможность зависитъ отъ случайныхъ условій мѣста и времени, неподдающихся никакому обобщенію и имѣющихъ одно только эмпирическое значеніе для того или инаго отдѣльнаго банка. Въ общее правило до сихъ поръ никакой опытъ, *сюда* относящійся, укладываться не былъ въ состояніи. Зато тѣмъ несомнѣннѣе возможность вліяній со стороны банковъ въ тѣ періоды, когда спросъ на денежный капиталъ становится главнымъ вопросомъ. Обширный опытъ, строго повѣренный и многократно доказанный въ разныя времена и въ различныхъ мѣстахъ, убѣдительно свидѣтельствуетъ о томъ, что крупные банки, которымъ удалось стать центромъ обширныхъ системъ банковой организаціи кредита, пріобрѣтаютъ важное вліяніе въ вопросѣ объ установленіи продажныхъ цѣнъ и степени напряженности спроса на свободный капиталъ. Отъ нихъ, поэтому, зависитъ въ значительной мѣрѣ характеръ послѣдствій, которыми сказывается сила напряженности этого спроса. Банки могутъ слѣдить за зарожденіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ спроса на деньги, какъ на свободный капиталъ. Въ той мѣрѣ, въ которой дѣйствія предпріимчивости зависятъ отъ легкости и трудности удовлетворенія этого спроса, зависитъ и сила вліянія, которою располагаютъ банки. Если интенсивное *расширеніе* циркуляціи мало отъ нихъ можетъ зависѣть, то тѣмъ значительнѣе вліяніе, которое банки могутъ оказывать на различныя условія ея *сокращенія*. Эти условія заключаются прежде всего въ *легкости*, съ которою банки могутъ вліять на объемъ дѣйствія взаимности кредита, взаимности платежей, взаимной задолженности или долговой взаимности. Какъ бы ни была обширна взаимность кредита, могущая установиться и безъ помощи банковъ, несомнѣнно, однако, что банкамъ принадлежитъ крупная роль въ ея расширеніи. Банки связываютъ цѣпью долговой взаимности множе-

ство предпринимателей, лично другъ другу незнакомыхъ. Существующая для банковъ возможность замыкать или размыкать эту цѣпь даетъ имъ обширную силу *сдерживать* стремленіе предпріимчивости къ болѣе и болѣе высокимъ прибылямъ, умѣрять ея готовность выжидать съ продажами и все болѣе и болѣе рисковать. Банки могутъ заставлять предпринимателей приступать къ реализаціи, если они не могутъ имъ препятствовать обязываться, разъ нашлись лица, готовые оказывать имъ кредитъ.

Когда условія производительности въ данное время начинаютъ складываться неблагопріятно для предпріимчивости и ея кредитъ начинаетъ получать стремленіе переродиться въ излишній, то первыя движенія предпріимчивости направлены къ самозащитѣ. Она сознаетъ, что ее настоящее плохо. Ей остаются только надежды на будущее. Въ будущемъ она, можетъ быть, еще поправитъ свои ошибки и промахи. Банкамъ при этихъ условіяхъ приходится играть подчиненную роль. Ихъ дѣло—сторона. Предпріимчивость надѣется на будущее: это недурно, конечно. Но этого мало. Надобно, чтобъ ея надеждамъ довѣрили. Чье-же довѣріе еще нужно? Нужно дальнѣйшее довѣріе тѣхъ лицъ, которые обладаютъ источниками ссудныхъ капиталовъ. Безъ послѣднихъ вѣдь предпріимчивость дальнѣйшихъ шаговъ не сдѣлаетъ. Ей нужно оставить ссудные капиталы, которые она уже получила прежде. Не нужно отъ нея требовать этихъ капиталовъ обратно. Но и этого мало. Предпріимчивости, чтобъ дѣйствовать далѣе, нужны новые ссудные капиталы. То есть, какъ разъ въ то время, когда предпріимчивости трудно возвратить прежніе капиталы, когда ея кредиту угрожаетъ опасность, ей нуженъ еще новый кредитъ. Когда кредиту угрожаетъ опасность сократиться, ей нужно было-бы, чтобъ кредитъ расширился.

Возможно-ли это? Опыту представляется въ подобныхъ случаяхъ дать ясный и отчетливый отвѣтъ. Чтобъ ссуднымъ капиталамъ было выгодно явиться на помощь стѣсненной предпріимчивости, послѣдняя предлагаетъ имъ болѣе высокій дисконтъ. Съ

возвышенія послѣдняго банки и начинаютъ свое дѣятельное вліяніе на расширеніе предложенія ссудныхъ капиталовъ.

Возвышеніе дисконта можетъ происходить при двоякаго рода условіяхъ, разнородность которыхъ опредѣляется силою неудачъ, постигшихъ предпріимчивость. Неудачи эти могутъ быть только частныя. Онѣ могутъ постигать только отдѣльныхъ предпринимателей, не простирая своихъ вліяній на весь кругъ предпринимателей, вмѣстѣ взятыхъ. Или неудачи могутъ постигать только отдѣльныя отрасли предпріимчивости. Они могутъ быть не настолько велики, чтобъ понизить общій уровень всей предпріимчивой производительности народнаго хозяйства. Частные дефициты на однихъ пунктахъ могутъ уравновѣшиваться болѣе значительными успѣхами на другихъ пунктахъ. Въ общемъ итогѣ неуспѣхи предпріимчивости при подобныхъ условіяхъ могутъ совсѣмъ остаться безъ всякаго вліянія на тѣ средства, которыми погашаются долги за потребленіе заграничныхъ цѣнностей. *Тогда неуспѣхи не будутъ имѣть вліянія на вексельный курсъ*. Но они могутъ все-таки возбудить опасенія за цѣлость ссудныхъ капиталовъ у ихъ собственниковъ. Опасенія повлекутъ за собою недовѣріе. Состоя кредиторами банковъ, чрезъ посредство которыхъ ссудные капиталы переданы предпріимчивости, теряющей свой кредитъ, собственники ссудныхъ капиталовъ могутъ предъявить банкамъ требованія — возвратить занятыя ими средства. Къ банкамъ начнутъ притекать ихъ билеты и чеки, чтобъ по нимъ выбраны были ссудные капиталы. Билеты и чеки изъ обращенія начнутъ исчезать и съ ними будутъ понижаться источники ссудныхъ средствъ для банковъ. Тогда то банки, чтобъ испытать силу почвы, на которой происходитъ неблагопріятное для кредита движеніе, должны возвысить дисконтъ. Владѣльцы ссудныхъ капиталовъ могутъ оказаться не въ силахъ устоять противъ соблазна, представляемаго прибылью отъ увеличенныхъ процентовъ за пользованіе, ими получаемыхъ за ихъ ссудные капиталы. Возвышенный дисконтъ тогда вызоветъ усиленное предложеніе ссуднаго капитала. Съ другой стороны, при вздорожавшей цѣнѣ ссудныхъ капиталовъ и предпрі-

имчивость начнетъ стараться—бережнѣе съ ними обращаться. Оно постарается сократить свой спросъ на нихъ, чтобъ приноровиться къ ихъ предложенію.

Но неудачи, постигшія предпріимчивость, могутъ быть и болѣе сильнаго свойства. Онѣ могутъ простирать свои вліянія до того, чтобъ отражаться и на средствахъ, которыми уплачиваются долги за потребляемые иностранные товары. Онѣ тогда начнутъ сказываться на вексельномъ курсѣ. Но и тогда возвышеніе дисконта—первый шагъ, который приходится дѣлать банкамъ, чтобъ испытать силу враждебныхъ кредиту явленій. Возвышенный дисконтъ и на иностранныхъ владѣльцевъ ссудныхъ капиталовъ можетъ оказать такое-же вліяніе, какъ и на внутреннихъ. Они могутъ прельститься возвышеннымъ дисконтомъ и предоставить ссудные капиталы свои стѣсненной предпріимчивости. То есть: драгоцѣнные металлы, которые должны были-бы уйти изъ данной страны, въ ней останутся. Останутся тѣ свободные капиталы, которые боялись, что ошибочный образъ дѣйствій предпріимчивости ихъ обезцѣниваетъ. Останутся и тѣ капиталы, которые должны были уйти за границу, чтобъ погасить долги, иными путями не могущіе быть прекращенными. Тѣмъ временемъ, пока они будутъ оставаться въ странѣ, предпріимчивость успѣетъ оправиться. Условія производительности будутъ возстановлены. Появится масса цѣнностей, которыя будутъ отправлены для погашенія ими долговъ, которыя на себя взяла предпріимчивость. Металлъ останется въ странѣ и его обращеніе снова будетъ локализировано.

Но сила неудачъ предпріимчивости можетъ быть еще больше. Неудача можетъ слѣдовать за неудачею. Владѣльцы ссудныхъ капиталовъ могутъ такъ поддаться вліянію своихъ опасеній, чтобъ потеряли свою силу всѣ средства, употребляемые для поддержанія въ нихъ довѣрія. Они могутъ заразиться тою психическою *болѣзнью страха*, которая съ силою убійственной заразы сразу охватываетъ цѣлое населеніе и дѣлаетъ неумѣстнымъ и невозможнымъ всякія попытки разумнаго убѣжденія. Психіатрамъ «болѣзнь страха» вообще далеко не незнакома. Психіатры даже приводятъ

примѣръ возможности этой болѣзни и для животныхъ. Лошади цѣлыми табунами сразу могутъ ею заразиться. Значеніе такой-же повальной психической болѣзни, страхъ получаетъ въ такъ называемые *періоды паники*. Паника не дѣйствуетъ преимущественно въ экономической области. И ея основанія, какъ доказываетъ опытъ, могутъ быть и не экономическія. Достаточно привести примѣръ вліяній, оказываемыхъ на всеобщее распространеніе и усиленіе страха между состоятельными классами, во время политическихъ революцій. Политическія причины паники дѣйствуютъ даже еще губительнѣе, чѣмъ экономическія. Какъ примѣръ достаточно привести фактъ, что какъ ни много происходило въ теченіе нынѣшняго столѣтія торгово-промышленныхъ кризисовъ и какъ они ни были раззорительны, ни одинъ изъ нихъ не обезцѣнилъ имущества съ такою страшною силою, съ какою это сдѣлала революція 1848 года съ ея соціалистическою подкладкою.

Когда настаетъ періодъ паники, тогда болѣзненное состояніе условій производительности начинаетъ уже выражаться явленіями, происходящими не на денежномъ рынкѣ, а на товарномъ. Тогда происходитъ всеобщее паденіе цѣнъ. Это-то паденіе и причиняетъ раззоренія, съ которыми кризисы сопряжены. Почему происходитъ это паденіе? Потому что ссудный капиталъ не поддерживаетъ цѣнъ на ихъ прежней высотѣ. Паденіе цѣнъ выражаетъ *насильственное сокращеніе кредита и введеніе его въ нормальныя границы*. Оно выражаетъ приноровленіе цѣнъ къ условіямъ производительности силъ и средствъ предпріимчивости, то есть—возстановленіе равновѣсія.

Конечно, это *приноровленіе*—раззорительно. Было бы лучше, если-бъ оно не оказывалось возможнымъ и необходимымъ. Было-бъ лучше, чтобъ кредитъ не выходилъ изъ своихъ нормальныхъ предѣловъ. Но мало-ли что было бы лучше? Гдѣ теперь существуетъ въ общественной жизни такая сила, которая знала бы точно, гдѣ кончаются предѣлы ея нормальныхъ вліяній, за которыми начинаются уже ея болѣзненныя вліянія? Такой силы нѣтъ и она совсѣмъ невозможна при теперешнихъ культурныхъ условіяхъ.

Менѣе всего, конечно, правительственная сила можетъ почитаться обладающею такими отчетливыми предѣлами. Отъ того она и стремится, какъ можно далѣе ихъ отодвигать. И несомнѣнно, что если-бъ подобные предѣлы для какой бы то ни было силы возможно было открыть, то прежде всего правительственной силѣ было бы выгодно ихъ открыть для самой себя. Ибо, тогда она была бы единственною, совершенно безупречною силою, оказывающею одни только несомнѣнно и очевидно благодѣтельныя вліянія. Никакое облако не помрачало бы ея чистоты. Никакое сомнѣніе въ благодѣтельности малѣйшаго его движенія даже и не могло бы возникнуть. Никакая критика, на нее направленная, не была бы и мыслима. Словомъ, правительственная сфера представляла бы Аркадію или земной рай. Но рай на землѣ невозможенъ, ни въ правительственной области, ни въ области свободной предпріимчивости. Вотъ почему сколько бы правительства ни принимали мѣръ, этими мѣрами кризисы устранены не будутъ. Потому что такія мѣры для устраненія кризисовъ могутъ быть приняты только самою предпріимчивостью,—да и то лишь въ предѣлахъ ея опытности, въ предѣлахъ, въ которыхъ она можетъ разсчитывать на безошибочность своихъ представленій. Но эти предѣлы по необходимости неопредѣленны. Неопредѣленность въ нихъ вносится прогрессивными движеніями предпріимчивости, ея стремленіемъ бороться съ новыми препятствіями, изыскивать новыя основы и источники благосостоянія.

Суть не въ томъ, можетъ ли предпріимчивость и могутъ-ли вмѣстѣ съ нею банки злоупотреблять кредитомъ. Злоупотреблять можно всѣмъ на свѣтѣ. Суть въ томъ, имѣются-ли для банковъ и предпріимчивости такія основанія, которыя имъ обезпечили бы возможность осторожно подвигаться въ своей дѣятельности, издали замѣчать приближающуюся опасность и принимать противъ нея предупредительныя мѣры.

Наше предъидущее изложеніе на это даетъ ясный отвѣтъ. Мы можемъ на его основаніи сказать: да, банки, вліяя на увеличеніе предложенія ссудныхъ капиталовъ, могутъ помогать предпріимчиво-

сти не только тогда, когда она идетъ по вѣрному пути, но и тогда, когда она идетъ по ложному пути. Но у банковъ имѣются въ рукахъ и средства, по которымъ они постепенно могутъ замѣчать приближающуюся опасность. Конечно, бываютъ случаи, когда въ отдѣльныхъ банкахъ совершаются злоупотребленія противъ весьма элементарныхъ началъ банковой дѣятельности. Но чтобъ предупредить и такіе случаи, нужно было бы регламентировать всякое малѣйшее дѣйствіе банковъ и поставить надъ нимъ правительственнаго надзирателя, который неусыпно слѣдилъ бы за каждымъ шагомъ банка. Но тогда ужъ лучше было бы прямо съ этихъ надзирателей и начинать. Тогда всѣ банки стали бы правительственными установленіями, которыя—или ничего бы не дѣлали и только номинально были бы банками. Или они стремились бы служить жизни и тогда они подвергались бы тѣмъ-же ошибкамъ, которымъ подвергается частная свободная предпріимчивость. Да и это было бы уже въ лучшемъ случаѣ. Выходъ кредита изъ нормальныхъ его предѣловъ происходитъ постепенно. И внимательная предпріимчивость можетъ еще имѣть время напередъ замѣтить приближающуюся опасность. Банки могутъ замѣтить, происходитъ-ли перемѣна въ условіяхъ возникновенія и притока къ нимъ ссудныхъ капиталовъ, происходитъ-ли перемѣна въ качествахъ этихъ капиталовъ, производительно-ли они затрачиваются и правильно-ли они воспроизводятся. Въ случаѣ наступленія неблагопріятныхъ условій для предпріимчивости и эти условія обыкновенно не сразу представляются во всемъ своемъ величіи. Они постепенно наростаютъ. Слѣдя за возможностью постоянно встрѣчать всякія требованія, поступающія въ банки для извлеченія изъ нихъ капиталовъ, банки всегда могутъ своевременно парализовать свою долю вліянія на причины кризисовъ вѣрнымъ регулированіемъ дисконта.

Но, могутъ насъ спросить, отчего-же, если все это возможно, кризисы все-таки происходятъ? На это мы отвѣтимъ, что очень велико невѣжество тѣхъ, кому совсѣмъ не слѣдуетъ быть невѣжественными. Но это одна только причина. Другая причина заключается въ медленности, съ которою опытъ жизни выработалъ зна-

нія, выше изложенныя. Эти знанія и были опытомъ, вынесеннымъ изъ кризисовъ. Третья причина—та, что знанія, вырабатываемыя опытомъ каждаго новаго кризиса, дополняютъ прежнія. То есть жизнь идетъ впередъ и выясняетъ каждый разъ новыя стороны явленій. Наконецъ—четвертая причина та, что ссудный капиталъ только одна доля средствъ, которыми работаетъ предпріимчивость. Такую-же, по крайней мѣрѣ, значительную долю ея средствъ представляютъ ея собственные предпринимательскіе капиталы. Въ распоряженіи своею собственностью, направленномъ на ея увеличеніе, всякій можетъ руководиться своимъ собственнымъ умомъ и—сколько таковаго имѣется, столько дѣлается успѣховъ. Тамъ, гдѣ ума больше не хватаетъ или гдѣ его качества оказываются плохія, начнется область ошибочныхъ дѣйствій.

57. Важное значеніе реакцій, слѣдующихъ за злоупотребленіями кредитомъ, сказывается не только въ ихъ вліяніи на кредитъ отдѣльныхъ лицъ, но и на всей совокупности народно-хозяйственныхъ явленій, относящихся къ кредиту и банкамъ. Развитіе банковой организаціи кредита замедляется. Въ особенности въ континентальной Европѣ причины нормальныя и патологическія, естественныя и искусственныя сочетаются между собою и вызываютъ такое положеніе банковаго дѣла, которое всего менѣе благопріятствуетъ правильному прогрессивному движенію его, вносятъ въ его характеръ неясность и подаютъ поводъ поверхностнымъ наблюдателямъ толковать о различіяхъ тамъ, гдѣ ихъ въ сущности нѣтъ. Не въ формахъ кредита, какъ онъ проявляется въ Англіи и на континентѣ, существуетъ качественное различіе, а *въ обстановкѣ развитія* кредита. Съ одной стороны производственныя отношенія на большей части европейскаго континента еще не усложнились и не развились до того, чтобъ представлять для кредита такія могучія посылки, какія они для него представляютъ въ Англіи. Суммы или количества во всякое данное время производимыхъ и во всякое данное время долженствующихъ быть сбытыми товаровъ, — размѣры текущей предпріимчивости, производи-

тельность которой стоитъ внѣ сомнѣнія,—не достигли еще тѣхъ колоссальныхъ размѣровъ, которые показываетъ опытъ Англіи. Далѣе, переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному совершался на континентѣ Европы значительно медленнѣе и громадное множество какъ государственно-хозяйственныхъ, такъ и частно-хозяйственныхъ отношеній только съ конца прошлаго и въ теченіе текущаго переведены на свободную почву денежной ихъ оцѣнки. Образованіе металлическихъ запасовъ у отдѣльныхъ народныхъ хозяйствъ происходило на континентѣ медленнѣе, чѣмъ въ Англіи и оттого меркантильный періодъ въ нихъ тянулся въ теченіе гораздо болѣе продолжительнаго періода времени. Значеніе денежнаго вида богатствъ искусственно поддерживалось въ теченіе болѣе долгаго времени ненормальными отношеніями высшихъ аристократическихъ классовъ къ среднимъ, слишкомъ долго дожидавшимся признанія своихъ правъ въ государствѣ и обществѣ. Эти и множество другихъ причинъ обусловили то, что на континентѣ Европы и до сихъ поръ денежный (а не товарный) кредитъ и кредитъ, погашаемый не кредитомъ-же, а деньгами, въ значительной мѣрѣ преобладаютъ. На деньги, въ строгомъ смыслѣ этого слова, продолжаютъ еще смотрѣть, какъ на тотъ элементъ или ту цѣль, у которой имущественныя отношенія только и получаютъ надлежащую закругленность и законченность. Такую законченность считаютъ необходимою, какъ потому, что континентально-европейское производство еще не достигло той спокойной непрерывности, которою оно отличается въ Англіи,—потому что оно въ выдающіеся только періоды отличается полною непрерывностью, да и то лихорадочною,—такъ, наконецъ, и потому, что деньги играютъ роль орудія сбереженія не только какъ представитель свободнаго капитала, могущаго не сегодня—завтра, не сейчасъ, то чрезъ часъ, найти себѣ помѣщеніе,—а въ болѣе восточномъ, болѣе азіатскомъ смыслѣ. Континентальная Европа чаще подвергается раззоренію войнами и революціями и это не можетъ не отразиться на роли, которую деньги необходимо должны разъигрывать. Вотъ почему на европейскомъ континентѣ отдѣльные моменты торгово-промышленной жизни по

необходимости выходятъ сравнительно болѣе обособленно стоящими и почему имъ стараются сообщить закругленность, если уже обстоятельства отдѣляютъ ихъ одинъ отъ другаго знаками препинанія. Вотъ въ этихъ случаяхъ, когда знакъ времени указываетъ на препинаніе для торгово-промышленной жизни, она и стремится, чтобы тогда можно было ликвидировать полученіемъ звонкой наличности или такого кредитнаго знака, по которому можно скоро получить звонкую наличность.

Условія и обстановка кредита на континентѣ Европы иныя, чѣмъ въ Англіи. Отсюда и преобладающее значеніе тѣхъ формъ, въ которыхъ кредитъ не можетъ такъ полно проявляться и которыми онъ до извѣстной степени стѣсняется. Отсюда стремленіе держать его по возможности болѣе близко къ звонкой наличности и притомъ не только въ томъ смыслѣ, что онъ погашается послѣднею, но и въ томъ еще, что кредитному орудію обращенія стремятся сообщить тотъ prestige, которымъ по исключительнымъ условіямъ континента на немъ пользуются звонкія деньги. Континентальнымъ банкамъ выгодно поддерживать предразсудокъ, что возможны бумажныя деньги, потому что этотъ предразсудокъ сообщаетъ ихъ билетамъ необходимое обаяніе. Имъ нужно монопольное право выпуска вовсе не потому, что имъ опасна конкурренція другихъ банковъ. Опытъ доказываетъ, напротивъ, что конкурренція стѣсняетъ соперничающихъ и заставляетъ ихъ весьма строго соблюдать границы умѣренности. По самой природѣ кредитной организаціи обращенія богатства, во всякомъ случаѣ и безъ монополій, начало крупной промышленности (der Grossbetrieb),—которое именно въ банковомъ дѣлѣ требуетъ и вызываетъ наибольшую и усиленнѣйшую централизацію, — вызвало бы крупные центры, которые имѣли бы ту-же «естественную» монополію. Но теперешнимъ главнымъ европейскимъ банкамъ необходима монополія, чтобъ ихъ билеты были похожи на деньги и оттого-то ихъ защитники такъ чаруютъ на то, что билеты отличаются существенно отъ всѣхъ остальныхъ видовъ суррогатовъ. Монопольнымъ правомъ предразсудокъ какъ бы освящается.

Сравнительныя наблюденія надъ Англіею и континентомъ въ дѣлѣ механизма обращенія богатствъ показываютъ, что на болѣе высокой степени развитія крупная промышленность обходится орудіями обращенія, основывающимися на взаимной задолженности, и нуждается въ звонкой наличности или могущихъ на нее быть обмѣненными банковыхъ билетахъ, только какъ представителями свободнаго капитала или какъ средствами его полученія. Крупной промышленности золото и билеты нужны только тогда, когда она выходитъ изъ своихъ предѣловъ, или когда она на своихъ границахъ сталкивается съ мелкою промышленностью или промышленностью другаго народнаго хозяйства. То есть крупной промышленности драгоцѣнные металлы и билеты нужны, или для мелкихъ платежей, или для заграничныхъ платежей. Напротивъ, низшая степень развитія даже и крупную промышленность заставляетъ чаще обращаться къ деньгамъ, въ такихъ случаяхъ даже, когда высшая степень давала бы ей возможнотть обходиться одними только орудіями обращенія. Вотъ почему операція выпуска билетовъ на низшей степени развитія получаетъ нѣсколько иной характеръ не отъ того, что ея природа измѣняется, а оттого только, что она обставлена болѣе узкими предѣлами, что для нея открыто менѣе обширное поприще. Вмѣсто того, чтобъ служить всей совокупности процесса обращенія богатства, она служитъ преимущественно и главнымъ образомъ совершенствованію и ускоренію обращенія того вида богатства, который представляется денежнымъ капиталомъ страны. Организуя такимъ образомъ кредитъ, она его подчиняетъ денежнымъ платежамъ, въ которыхъ онъ беретъ и начало и конецъ свой. Всѣ банковыя операціи сосредоточиваются тогда около этихъ денежныхъ платежей. Даже взаимная задолженность утилизируется преимущественно для облегченія и ускоренія денежныхъ платежей, чтобъ сдѣлать свободными деньги, которыми могли бы быть сдѣланы новые платежи по обязательствамъ, а не для того, чтобъ ею непосредственно погасить эти обязательства. Вкладная операція и открытіе текущихъ счетовъ получаютъ свое значеніе, какъ способъ централизировать около банковъ не вообще покупа-

тельную силу, а только такую, которая имѣетъ своимъ источникомъ деньги. Понятно, что при такихъ условіяхъ платежное дѣло не имѣетъ своего центра въ банкѣ. Централизуются только платежныя средства. *Употребленіе* же ихъ происходитъ внѣ банковъ. Банки, играя роль однихъ только собирателей и распредѣлителей, оказываются вслѣдствіе того болѣе связанными и стѣсненными на съуженномъ поприщѣ дѣйствій. Но природа ихъ операцій отъ того все таки не измѣняется. Ихъ билеты или чеки черпаютъ свою силу въ обязательствахъ, которыя преимущественно создаются спросомъ на денежный капиталъ, но все-таки въ этихъ обязательствахъ. Понятно въ такомъ случаѣ, что эти обязательства, однако, могутъ имѣть не больше эффективности, чѣмъ сколько допускается наибольшею скоростью обращенія *денежнаго* капитала. Задача банковъ сводится къ содѣйствію тому, чтобъ получить *эту* наибольшую скорость. Ихъ билеты и чеки имѣютъ лишь столько значенія, насколько они даютъ возможность безостановочно получать деньги и безостановочно *ихъ* утилизировать.

Даже о количественномъ различіи, какъ такомъ, которое между отдѣльными формами кредита будто бы *необходимо* должно существовать, тоже нѣтъ основанія говорить. Ибо это количественное различіе зависитъ отъ условій мѣста и времени, отъ привычекъ и правовъ торгово-промышленнаго міра. Въ Англіи, напримѣръ, нельзя утверждать, что банковый билетъ имѣетъ болѣе широкую обращаемость, чѣмъ чекъ. Онъ тамъ имѣетъ свою сферу обращенія, также точно, какъ чекъ—свою. И каждый изъ нихъ въ своей сферѣ одинаково силенъ. Въ ходу тамъ больше, въ средѣ торгово-промышленной въ особенности, чекъ, а не банковый билетъ. Послѣдній для крупныхъ платежей не употребляется, а вращается болѣе въ среднихъ сферахъ, больше при потребительныхъ оборотахъ. Напротивъ, чекъ почти одинъ только и выполняетъ роль орудія обращенія въ крупномъ оборотѣ. Съ развитіемъ послѣдняго растетъ только значеніе чека. Напротивъ, значеніе банковаго билета и его роль почти не подвергаются (или очень мало подвергаются) вліянію экономическаго прогресса. Таковы условія времени и

мѣста въ Англіи. Въ Германіи и Франціи, напротивъ, чекъ весьма мало въ ходу. Банковый билетъ служитъ, главнымъ образомъ, денежнымъ суррогатомъ для крупныхъ оборотовъ.

Понятно, что въ виду такой зависимости роли того или другаго вида безсрочныхъ кредитныхъ знаковъ отъ индивидуальныхъ народно-хозяйственныхъ условій, мы не имѣемъ права строить теоріи о томъ, что одинъ изъ нихъ занимаетъ высшее мѣсто, а другой низшее. Это значило бы навязывать всѣмъ народнымъ хозяйствамъ то, что не примиряется съ условіями каждаго изъ нихъ.

Установлять подобнаго рода различія, полагая, что они могутъ претендовать на общее значеніе, тѣмъ менѣе возможно, что, сами по себѣ взятые, и банковые билеты, и чеки имѣютъ далеко не одни и тѣ-же функціи при различныхъ условіяхъ времени и мѣста. Сами по себѣ они представляютъ только способы, которыми банковая предпріимчивость утилизируетъ кредитъ, въ отличіе отъ тѣхъ способовъ, чрезъ посредство которыхъ кредитъ утилизируется другими представителями предпріимчивости въ разныхъ другихъ ея отрасляхъ. Но какой кредитъ банками и пригодными для нихъ способами утилизируется, это, очевидно, не зависитъ ни отъ банковъ, ни отъ ихъ способовъ.

Можно поставить банки искусственно, путемъ правительственныхъ принудительныхъ мѣръ, въ такое положеніе, когда они будутъ принуждены, чрезъ посредство выпускаемыхъ ими билетовъ, облегчать и ускорять обращеніе или собственной наличности, или наличности такихъ предпринимателей, у которыхъ она составляетъ весь ихъ собственный кассовой резервъ, непрерывно въ ихъ собственныхъ дѣлахъ занятый, безостановочно въ ихъ собственныхъ рукахъ производительный. Функція банковыхъ билетовъ въ этомъ случаѣ ограничивается до minimum'а возможныхъ для него дѣйствій. Оборотная функція кредита, насколько она даетъ возможность устранять невыгоды, сопряженныя съ непосредственною циркуляціею звонкой наличности (необходимость ее беречь, треніе, расходы на болѣе мелкое пересчитываніе и перемѣщеніе съ мѣста на мѣсто и т. д.), — вотъ что единственно въ подобномъ случаѣ

утилизируется. Даже та функція кредита, которая заключается въ переводѣ звонкой наличности изъ рукъ, незанятыхъ въ данное время, въ руки занятыя, не можетъ тогда утилизироваться чрезъ посредство банковыхъ билетовъ. Требованіе тѣхъ радикальныхъ ненавистниковъ банковыхъ билетовъ, которые желаютъ, чтобъ банки не имѣли въ обращеніи билетовъ, непокрытыхъ сполна звонкою наличностью, сводится, поэтому, къ абсурду, что если банки получили *вкладами* звонкія деньги, которымъ они должны найти помѣщеніе, то этихъ денегъ они не могутъ замѣнять билетами. Они должны ихъ выдавать своимъ должникамъ звонкими-же деньгами. Если-же обращеніе ихъ все-таки желательно облегчить и поставить подъ благодѣтельныя вліянія кредита, то должникамъ банка, получившимъ отъ него звонкія деньги, остается превратиться въ такихъ вкладчиковъ его, которые сами пользуются всѣмъ оставленнымъ ими у банка капиталомъ; т. е., они должны превратиться въ такихъ вкладчиковъ его, которые, передавъ банку полученную у него наличность, немедленно получаютъ ее обратно въ видѣ билетовъ. Процедура эта нѣсколько усложненная, но только при ней мнѣнія ненавистниковъ банковыхъ билетовъ получаютъ хоть нѣкоторый смыслъ. Банкъ получилъ отъ А вкладъ въ 1000 рублей золотомъ. Если В желаетъ получить у банка кредитъ, послѣдній можетъ употребить свои билеты только съ тѣмъ, чтобы В оставилъ ему звонкую наличность. Тогда билеты будутъ сполна покрыты; но за то будетъ полная гарантія, что они составляютъ полный рессурсъ. Замѣтимъ, однако, что если звонкая наличность оставляется у банка, то это можетъ случиться въ видѣ вклада, которымъ банкъ можетъ пользоваться. Но въ такомъ случаѣ стоитъ только банку повторить всю процедуру, чтобъ у него появились билеты, не сполна покрытые наличностью. Чтобы такихъ билетовъ не оказалось, необходимо, слѣдовательно, банку вовсе не пользоваться звонкою наличностью, замѣняемою его билетами. Конечно, этого можно добиться только положительнымъ запрещеніемъ банку выпускать билеты, не покрытые сполна звонкою наличностью.

При подобномъ порядкѣ, конечно, билеты самостоятельнаго

значенія не имѣютъ. Но колебанія кредита зависятъ и тогда отъ причинъ, которыя вліяютъ на денежный рынокъ при полной свободѣ выпусковъ. Менѣе же всего парализована та часть вліяній, которая приходится на долю банковъ и ихъ кредита. Банковые билеты могутъ быть сполна покрыты и все-таки колебанія денежнаго рынка могутъ быть и не такія, какъ еслибъ банки не имѣли на него вліянія. При полной покрытости билетовъ банки все-таки не теряютъ своего вліянія. И въ предѣлахъ, возможныхъ и безъ отношенія до ихъ способовъ пользоваться своимъ кредитомъ, банки могутъ вызывать сокращенія и расширенія спроса и предложенія на денежномъ рынкѣ, со всѣми послѣдствіями этихъ сокращеній и расширеній. Это—потому, что имъ остается еще открытымъ путь, который представляется операціею пріема и утилизированія вкладовъ. Въ ускореніи или замедленіи обращенія вкладовъ они имѣютъ полнѣйшій суррогатъ такъ называемаго произвольнаго расширенія и сокращенія непокрытой билетной циркуляціи.

Необходимо при этомъ еще не терять изъ виду, что произволу банку во всякомъ случаѣ поставлены тѣсные предѣлы обратною востребуемостью вкладовъ. Но это тѣ-же предѣлы, которые банку предписываетъ размѣнность билетовъ. Въ предѣлахъ, допускаемыхъ обратнымъ востребованіемъ вкладовъ, никакая регламентація билетнаго обращенія не можетъ стѣснять собственно банкъ, т. е. существующую для него возможность пользоваться своимъ кредитомъ. Единственное послѣдствіе строгой регламентаціи только то, что въ тяжелыя времена, когда и самъ банкъ сократилъ бы свои операціи, становится болѣе чувствительнымъ то давленіе и стѣсненіе, которое регламентацію собственно всегда сопровождаетъ, но которое въ спокойныя времена банки могутъ парализовать.

Если въ жизни товарный кредитъ практикуется еще въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ денежный, то банкамъ приходится организовать и этотъ болѣе обширный кредитъ. Ихъ билеты въ подобномъ случаѣ уже никакъ не могутъ быть вполнѣ покрыты звонкою наличностью. Отъ того при подобныхъ обстоятельствахъ требовать полную покрытость звонкими деньгами значитъ требовать,

чтобы банки на высшей степени развитія оставались тѣмъ, чѣмъ они были на низшей и чтобъ большая часть кредитныхъ отношеній оставалась внѣ ихъ организующихъ вліяній. На практикѣ, поэтому, признаютъ, что до извѣстной степени непокрытый билетъ долженъ быть допущенъ. Но такъ какъ опредѣленіе, до какой границы можетъ быть допущенъ непокрытый билетъ, только произвольное, то понятно, что въ пору тяжелую произволъ будетъ напряженіе чувствоваться, чѣмъ въ спокойное время, когда банки могутъ на собственный страхъ обходить поставленные закономъ предѣлы.

Если народное хозяйство свои сбереженія дѣлаетъ въ одной только денежной формѣ; если оно болѣе всего гоняется, при образованіи своихъ новыхъ капиталовъ, за тѣмъ, чтобъ имѣть ихъ въ абсолютно-свободномъ состояніи,—тогда именно это обстоятельство, порождая большой спросъ на драгоцѣнные металлы, будетъ препятствовать развитію кредита на товарномъ рынкѣ. Внутренніе товарные рынки каждаго отдѣльнаго народнаго хозяйства будутъ въ пренебреженіи, а главное значеніе будетъ придаваться рынкамъ заграничнымъ и при томъ въ той мѣрѣ, въ какой на нихъ можно сбывать товары за наличныя деньги. Въ періодъ меркантилизма народныя хозяйства и переживаютъ то время, когда они всего болѣе гоняются за драгоцѣнно-металлическою (абсолютно-свободною) формою своихъ сбереженій, когда они разъискиваютъ и предпочитаютъ рынки, на которыхъ товары сбываются за наличныя. Опытъ доказываетъ, что народныя хозяйства переживаютъ этотъ періодъ, когда они еще не составили себѣ своего драгоцѣнно металлическаго запаса, и что забота о составленіи этого запаса идетъ объ руку съ энергическою заботою о расширеніи производства и основаніи его на прочной почвѣ. Заботясь о себѣ, народныя хозяйства къ своей цѣльной и органической мысли соединяютъ стремленія къ снабженію *производства* необходимыми ему средствами съ другимъ стремленіемъ—къ снабженію *обмѣна* необходимымъ ему механизмомъ, который на первыхъ порахъ и не можетъ быть иной, кромѣ какъ драгоцѣнно-металлическій. Вслѣд-

ствіе того, что производственныя условія еще только приходится поднимать на высшую степень,—что производительность еще только дѣлаетъ свои первые шаги,—неудивительно, что сбереженіямъ приходится долго ждать, пока имъ находятъ производительное помѣщеніе. Чисто-политическія обстоятельства тогда еще болѣе содѣйствуютъ тому, что драгоцѣнно-металлическая форма представляетъ особенныя удобства для имущества и капитала, къ которому относятся враждебно, котораго политическое положеніе шатко, которому грозитъ насильство. Понятно, что при такихъ предшествовавшихъ условіяхъ, возрастаніе производительности, когда оно доходитъ до того, что въ состояніи уже вызвать кредитъ, впервые его вызываетъ на денежномъ рынкѣ. Кредитъ, котораго функція перераспредѣлять звонкія деньги, является, поэтому, первою формою кредита. Функція этого кредита представляетъ первый шагъ, дѣлаемый кредитомъ, когда онъ начинаетъ свое вліяніе съ проявленія его надъ денежнымъ видомъ капитала, съ усиленіемъ *его* производительности, съ уничтоженіемъ перерывовъ въ *его* доходности и т. д. Только тогда, когда эта почва кредитомъ достаточно разработана, когда здѣсь для его вліяній осталось мало простора, когда здѣсь его задача вся или самою значительною частью имъ разрѣшена, когда выгоды, отъ разрѣшенія этой задачи проистекающія для ведущихъ кредитныя операціи, доведены почти до minimum'а конкуренціею ведущихъ эти операціи,—тогда для кредита нужно новое поле. Тогда онъ начинаетъ принимать болѣе широкіе размѣры и на товарномъ рынкѣ. Тогда онъ здѣсь оказывается кстати на встрѣчу явившимся гостемъ Увличеніе знаній и вызванное имъ расширенное производство, помощь, которую для расширенія оказывала первая форма кредита, денежная, и непрерывная производительность денегъ,—эти и многія другія условія подготовляютъ на товарномъ рынкѣ почву, на которой кредитъ получаетъ новую область для своихъ вліяній.

Мы видимъ, такимъ образомъ, еще съ одной стороны, что формы, въ которыхъ кредитъ проявляется, далеко не случайныя явленія. Понятно поэтому, что не отъ отдѣльныхъ видовъ спо-

собовъ пользованія кредитомъ будетъ зависѣть, какой кредитъ будетъ утилизироваться чрезъ ихъ посредство. Будетъ утилизироваться тотъ кредитъ, для котораго народно-хозяйственная жизнь въ состояніи была вызвать тѣ или иныя условія, выработать ту или иную почву.

Вотъ почему и банковый билетъ, и чекъ, и обыкновенный вексель, и вкладное свидѣтельство, и т. д. въ одно время и въ одномъ мѣстѣ могутъ оказываться не тѣмъ, чѣмъ каждый изъ нихъ оказывается въ другомъ мѣстѣ или въ другое время. Условія исторической и мѣстной обстановки и здѣсь, какъ всегда, играютъ роль первостепенной важности.

58. При развитіи кредита интересъ частный,—отдѣльныхъ лицъ и отраслей предпріимчивости,—заключается въ томъ, чтобъ кредитъ сдѣлалъ ихъ средства возможно болѣе доходными. Интересъ общій требуетъ прежде всего, чтобъ возрастаніе доходности совершалось путемъ возрастанія производительности, чтобъ доходность была не фиктивная, а реальная. Въ то время, однако, какъ интересъ частный приковываетъ понятія о кредитѣ къ минутной цѣли, которую онъ для частнаго интереса имѣетъ,—интересъ общій требуетъ, чтобъ кредитъ представлялъ для народнаго хозяйства выгоды прочныя,—чтобъ онъ организовался въ силу, которая непрерывно проявляла бы свою выгодность для народнаго хозяйства. Кредитъ становится способнымъ удовлетворять этому требованію только тогда, когда онъ представляется не въ однихъ только тѣхъ долговыхъ знакахъ,—которые выпускаются частными лицами, и которые, состоя въ тѣсной связи съ личностью и ея дѣлами въ данное время, носятъ какъ бы случайный характеръ,—а въ другихъ долговыхъ знакахъ, выпускъ которыхъ былъ бы освобожденъ отъ случайности. Ихъ выпускъ долженъ принадлежать—особому органу-учрежденію (одному или цѣлой ихъ совокупности), вошедшему въ сношенія съ возможно болѣе обширнымъ кругомъ лицъ, имѣющихъ нужду въ кредитѣ и могущихъ попеременно гарантировать учрежденію *непрерывный* спросъ на кредитъ. Каждый долговой знакъ

представляетъ собою *денежный суррогатъ*, т. е. кредитное орудіе обращенія. Но его существованіе случайно, пока орудіе зависитъ отъ отдѣльной личности. Оно теряетъ свою случайность, когда частный долговой знакъ становится матеріаломъ, изъ коего *банковое установленіе* создаетъ свои суррогаты. Интересъ народнаго хозяйства и заключается въ томъ, чтобъ польза, приносимая кредитомъ, не зависѣла отъ отдѣльной личности, а была непрерывная,—чтобъ всегда существовали личности, кредитомъ пользующіяся,—слѣдовательно, чтобъ всегда существовали частныя орудія обращенія, совершенствованіе коихъ и могло бы быть непрерывнымъ дѣломъ банковой предпріимчивости. Каждый долговой знакъ въ роли орудія обращенія даетъ какое либо сбереженіе, котораго не существовало бы, еслибъ вмѣсто него дѣйствовало металлическое орудіе обращенія. Интересъ народнаго хозяйства заключается въ томъ, чтобъ сдѣлать эти сбереженія непрерывнымъ источникомъ выгодъ для него и, иными словами, лишить ихъ случайнаго характера.

Такимъ образомъ развитіе банковой организаціи кредита и установленіе ея на прочныхъ началахъ должно необходимо, раньше или позже, выразиться въ томъ, что рядомъ съ механизмомъ, вызывающимъ обращеніе богатствъ и состоящимъ изъ звонкихъ денегъ, кредитъ создаетъ другой, котораго двигательная сила имѣетъ своимъ источникомъ производительность живой предпріимчивости и котораго орудія или отдѣльныя составныя части представляются зачетами по книгамъ, векселями, чеками, билетами, вообще всякими долговыми знаками или платежными обѣщаніями, т. е. кредитными орудіями обращенія. Хочетъ-ли того народное хозяйство сознательно, или будь даже мысли его противъ того,—во всякомъ случаѣ,—разъ оно начинаетъ пользоваться кредитомъ, разъ производственныя его отношенія доразвились до того, чтобъ вызвать необходимымъ своимъ послѣдствіемъ кредитъ,—оно должно примириться съ фактомъ, что его *циркуляціонный механизмъ* начинаетъ усложняться. Онъ начинаетъ слагаться изъ одной *части, представляющей капиталъ*, прошлую предпріимчивость, и другой

*части, представляющей кредитъ*, предпріимчивость, не реализовавшую своихъ результатовъ. Противудѣйствіе такому усложненію равносильно противудѣйствію прогрессивному развитію производительности и вызываемыхъ развитіемъ послѣдствій.

Понятно, что въ такомъ случаѣ для народнаго хозяйства возникаетъ забота—въ организаціи своего кредита не терять изъ виду тѣхъ его вліяній, которыя онъ оказываетъ на циркуляціонный механизмъ страны. Съ другой стороны, такъ какъ это вліяніе сопряжено съ выгодами для народнаго хозяйства, то для страны, которая еще этими выгодами недостаточно воспользовалась, возникаетъ забота, какъ ей ими воспользоваться. Въ томъ и другомъ случаѣ забота сосредоточивается около вопроса, какъ устроить утилизированіе этой стороны кредита возможно раціональнѣе.

Только свобода даетъ производительность и, поэтому, только свобода въ той мѣрѣ, въ какой она даетъ производительность, можетъ разрѣшить этотъ вопросъ. Какія бы вліянія ни оказывалъ кредитъ и на что бы ни простирались его вліянія, разъ послѣдствіе и причина ихъ—производительность экономическихъ силъ,—вліянія несомнѣнно законны, плодотворны и желательны. Отъ кого зависитъ разрѣшеніе вопроса о производительности? Отъ тѣхъ, конечно, кои имѣютъ непосредственную возможность усматривать въ каждомъ отдѣльномъ конкретномъ случаѣ условія, опредѣляющія исходъ предпріимчивости. Отъ нихъ-же, поэтому, должно зависѣть опредѣленіе предѣловъ, до которыхъ можетъ простираться вліяніе кредита.

Тѣ, которые имѣютъ возможность непосредственно видѣть основы производительности, одни только имѣютъ основанія для вѣрныхъ заключеній о томъ, какого рода спросъ на капиталъ въ данномъ случаѣ выражается и какого рода движеніе производственныхъ силъ въ данномъ случаѣ предстоитъ. Они, поэтому, только и могутъ опредѣлить, долженъ-ли спросъ быть удовлетворенъ и могутъ-ли быть созданы орудія для требуемаго движенія?

Циркуляціонный механизмъ,—т. е. тотъ органъ народнаго хозяйства, которымъ вызывается происходящее въ странѣ движеніе

экономическихъ силъ и средствъ отъ лица къ лицу,—пока онъ не подвергается никакимъ внѣшнимъ вліяніямъ, состоитъ изъ однихъ только драгоцѣнно-металлическихъ денегъ. До возникновенія вліяній кредита страна можетъ имѣть только *чисто металлическое обращеніе*. Моментъ, когда кредитъ возникаетъ, указать невозможно. Этого, однако, и не нужно для того, чтобъ опредѣлить, когда механизмъ, состоящій изъ орудій обращенія, начинаетъ усложняться подъ вліяніемъ кредита. Ибо не при всякомъ своемъ объемѣ и не на всякой ступени своего развитія—кредитъ оказываетъ свое вліяніе на означенный механизмъ. Если, поэтому, и справедливо, что у мало-мальски развитаго (цивилизованнаго) народа трудно себѣ представить *всякое* отсутствіе кредита и кредитныхъ орудій обращенія; если справедливо оттого, что уже очень рано металлическое обращеніе перестаетъ быть *чистымъ*, состоящимъ *изъ однихъ только* звонкихъ денегъ,—то, при низкой степени развитія кредита и случайности возникновенія и существованія кредитныхъ орудій обращенія, при ограниченности ихъ совокупнаго количества, это количество *теряется* въ общей массѣ звонкихъ денегъ и ими какъ бы *подавляется*. Только тогда, когда количество кредитныхъ орудій обращенія сильно разростается, когда кредитъ *явственно* обнаруживаетъ *закономѣрность* своего бытія и свое внутреннее родство съ условіями прогрессирующей производительности,—когда становится осязательно очевидною невозможность самаго существованія цѣлыхъ громадныхъ частей предпріимчивости безъ содѣйствія ссудныхъ капиталовъ,—тогда и роль кредитныхъ орудій обращенія въ механизмѣ, производящемъ движеніе богатствъ, *уравнивается* по своему значенію съ ролью звонкихъ орудій обращенія. Уже ежедневныя тогда наблюденія открываютъ *смѣшанность* состава механизма обращенія. Уже самое простое и непосредственное наблюденіе тогда открываетъ всѣмъ и всякому, что механизмъ обращенія слагается или смѣшанъ изъ двухъ одинаково важныхъ частей: изъ металлической и кредитной. Циркуляція тогда уже—не *чисто-металлическая*, а *смѣшанная* (mixed). Механизмъ обращенія слагается изъ орудій, приводящихъ въ обращеніе *предпринима-*

*тельскіе капиталы и потребительные запасы*, и изъ орудій, приводящихъ въ обращеніе *ссудные капиталы*.

Пока механизмъ обращенія (циркуляціонный)—чисто-металлическій, весьма простой и осязательный опытъ показываетъ, что его объемъ и колебанія этого объема зависятъ отъ однихъ только условій производительности страны. Количество звонкихъ денегъ, обращающихся въ странѣ, зависитъ прежде всего отъ условій производительности страны, обусловливающихъ, сколько въ ней производится богатствъ, которыя должны быть приведены въ движеніе. Затѣмъ количество звонкихъ денегъ, обращающихся въ странѣ, зависитъ отъ путей и средствъ сообщенія и отъ *скорости* производства: ибо чѣмъ скорѣе производятся новыя богатства, или чѣмъ скорѣе воспроизводятся старыя богатства, — тѣмъ скорѣе деньги могутъ себѣ находить производительное занятіе.

Чѣмъ скорѣе деньги могутъ перемѣститься и найти себѣ новое или снова найти производительное занятіе, тѣмъ менѣе для нихъ будетъ основаній уходить изъ даннаго мѣста, тѣмъ скорѣе онѣ сами будутъ обращаться. Но скорость обращенія при отсутствіи кредита или при чисто-металлической циркуляціи означаетъ скорость обращенія только предпринимательскихъ капиталовъ и потребительныхъ запасовъ. Ей, поэтому, поставлены узкія границы въ *продолжительности* производственныхъ (слѣд. и транспортныхъ) процессовъ или вообще въ продолжительности времени, протекающаго между началомъ и концомъ предпріятій. Если каждому приходится обращать *только свои собственныя* деньги, то очевидно, что онъ ихъ не скорѣе можетъ обращать, какъ по окончаніи того своего «дѣла», изъ котораго онъ получаетъ свои доходы. Конечно, возрастаніе производительности сказывается и на сокращеніи продолжительности того времени, которое требуется отдѣльными предпріятіями, чтобъ они были доведены до конца и доставили свои результаты. Насколько прогрессъ производительности выражается въ такомъ сокращеніи продолжительности отдѣльныхъ предпріятій, онъ ускоряетъ обращеніе звонкихъ денегъ уже при чисто-металлической циркуляціи. Увеличеніе скорости обращенія

звонкихъ денегъ, поэтому, можетъ уже и тогда устранять необходимость увеличенія ихъ количества. Но если прогрессъ производительности идетъ еще далѣе: если онъ, даже оставляя безъ измѣненія продолжительность отдѣльныхъ предпріятій, выражается въ появленіи новыхъ предпріятій или въ увеличеніи объема прежнихъ предпріятій,—то онъ влечетъ за собою и увеличеніе количества звонкихъ денегъ. Вотъ почему въ періодъ меркантилизма, когда преимущественно господствуетъ чисто металлическое обращеніе, та страна считалась болѣе богатою, у которой было больше звонкихъ денегъ. Ибо больше денегъ можетъ имѣть только народъ, котораго силы болѣе производительны. Такой народъ можетъ больше и дешевле продавать и потому къ нему будутъ приплывать и деньги.— Значительное вліяніе на количество звонкихъ денегъ страны оказываетъ наклонность населенія пользоваться деньгами, какъ орудіемъ сбереженія. Чѣмъ богаче народъ и чѣмъ больше по господствующимъ взглядамъ богатство выражается въ массѣ золота и серебра, которымъ каждый у себя дома обладаетъ, тѣмъ больше у народа будетъ и звонкихъ денегъ.

По оригинальному и весьма характерному стеченію обстоятельствъ въ періодъ преобладающаго значенія чисто металлической циркуляціи отношенія правительствъ къ деньгамъ выражаются двояко. Или правительства заняты поддѣлкою монеты и подъ видомъ такъ называемой «денежной регаліи» монополизируютъ себя право производить поддѣльныя или фальшивыя звонкія деньги. Или они заняты заботою *увеличить* количество звонкихъ денегъ, обращающихся въ странѣ. То они уменьшаютъ металлическое содержаніе монетъ, которымъ законъ сообщаетъ силу платежныхъ средствъ, окончательно прекращающихъ обязательства. То они запрещаютъ вывозъ звонкихъ денегъ заграницу и поощряютъ производительность страны, чтобъ въ странѣ могло находиться больше таковыхъ денегъ.

По мѣрѣ того, какъ историческій прогрессъ отражается и на правительственныхъ мѣропріятіяхъ относительно звонкихъ денегъ, становится все яснѣе и очевиднѣе, что, во первыхъ, правительствамъ неприлично заниматься поддѣлкою монеты, и они отъ поддѣлки

отказываются. Вмѣстѣ съ тѣмъ становится очевиднымъ, что и правительственныя поощренія производительности далеко не располагаютъ тою несомнѣнно-полезною силою, которая имъ была бы нужна, чтобъ поощренія отражались даже на денежномъ обращеніи.

Отъ такъ называемой денежной или монетной регаліи остается одна только блѣдная ея тѣнь, какъ только правительства отказываются отъ поддѣлки звонкихъ денегъ. Роль правительствъ ограничивается однимъ только свидѣтельствованіемъ или удостовѣреніемъ подлинности, что дѣйствительно металлическое содержаніе звонкихъ денегъ соотвѣтствуетъ содержанію, показываемому надписями на нихъ или опредѣленіями закона. То есть, если положено, чтобъ въ данной монетѣ было столько-то золота и серебра, то правительства только удостовѣряютъ, что въ данной монетѣ требуемое или положенное количество драгоцѣннаго металла подлинно существуетъ. Затѣмъ, мало по малу свыкаются съ фактомъ опыта, что отъ правительства непосредственно совсѣмъ не зависитъ, сколько въ странѣ обращается звонкихъ денегъ, много или мало. Это зависитъ отъ производительности силъ страны. Если въ странѣ находится мало звонкихъ денегъ, то правительственные приказы ихъ не увеличатъ. Если въ странѣ слишкомъ много денегъ, то правительственные приказы ихъ не уменьшатъ. Непосредственно къ количеству звонкихъ денегъ страны правительства могутъ относиться только страдательно.

*Сравнительная производительность* силъ у отдѣльныхъ людей обусловливаетъ, какъ часто къ отдѣльному человѣку деньги возвращаются, какъ часто деньгамъ приходится бывать въ его рукахъ—и, въ концѣ концовъ, если взять опредѣленный періодъ времени,—*сколько* денегъ въ теченіе этого времени у него находится, какъ въ видѣ орудій обращенія, такъ и въ видѣ орудій сбереженія или—просто—сбереженій. Тоже самое примѣняется къ группамъ людей, къ сословіямъ и цѣлымъ народнымъ хозяйствамъ. Такъ точно, какъ деньги стремятся въ карманы и кассы тѣхъ отдѣльныхъ людей, которые обставлены сравнительно болѣе производительными условіями для доходности,—такъ точно онѣ стремятся къ

сословіямъ и народнымъ хозяйствамъ, которыхъ экономическая обстановка для производительности сравнительно благопріятнѣе.

Когда кредитъ начинаетъ оказывать свое вліяніе на механизмъ, образуемый всею совокупностью орудій обращенія,—когда кредитъ начинаетъ производить свою пристройку къ этому механизму, вводя въ него свои разнородные долговые знаки и дѣлая составъ механизма *смѣшаннымъ*,— то менѣе всего правительственная денежная регалія отъ того измѣняется въ своемъ содержаніи. Ибо кредитъ не создаетъ денегъ. Онъ вызываетъ только орудія обращенія. Деньги-же онъ только дѣлаетъ болѣе производительными. При благопріятныхъ условіяхъ производительности, кредитъ относится враждебно не къ деньгамъ вообще, а только къ орудіямъ сбереженія или мертвымъ сбереженіямъ. Вотъ почему и кредитъ дѣйствуетъ на обращеніе звонкихъ денегъ также точно, какъ всѣ другія условія производительности. То есть, онъ ихъ еще *привлекаетъ* къ тѣмъ пунктамъ, на которыхъ онъ проявляетъ свою наибольшую силу. Такъ какъ орудія обращенія дѣйствуютъ только силою производительной предпріимчивости (прошлой, текущей или будущей), и такъ какъ эта производительная предпріимчивость имѣетъ свое начало не въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ,—то потому не можетъ существовать правительственной регаліи на орудія обращенія. *Да практически такая регалія означала бы правительственную монополію на ссудные капиталы.* Она означала бы исключительное право государства на все то имущество, которому сами ихъ владѣльцы не могутъ найти производительное занятіе. Правительственная регалія на кредитныя орудія обращенія означала бы, что всякое такое имущество должно непремѣнно быть передано правительству.

Тѣ, которые говорятъ о правительственной регаліи по поводу кредитныхъ орудій обращенія, обыкновенно не любятъ доводить до конца своихъ разсужденій. Да это имъ и не бываетъ нужно. Разсужденія о правительственной регаліи возникаютъ обыкновенно по поводу только однаго извѣстнаго вида кредитныхъ орудій обращенія, именно банковыхъ билетовъ, когда дѣло идетъ о защитѣ

монопольнаго права на выпускъ билетовъ. Тогда начинаютъ доказывать, что билеты — деньги, что они совсѣмъ не то, что остальные долговые знаки, и т. д., наконецъ, что правительство обладаетъ монопольнымъ правомъ ихъ выпуска. Но и относительно разсужденій объ этомъ, ограниченномъ уже, смыслѣ регаліи на кредитныя орудія обращенія, можно сказать, что разсужденія не доводятся до конца. Иначе стала бы очевидною ихъ абсурдность. Ибо регальное право выпуска билетовъ означаетъ монопольное право на тѣ безсрочно-ссудные капиталы, которые заимствуются путемъ билетныхъ выпусковъ. Но такому праву *должна соотвѣтствовать и обязанность правительства слѣдить за возникновеніемъ и существованіемъ означенныхъ капиталовъ, чтобъ имъ находить доходное занятіе.* Иначе ссудные капиталы будутъ, такъ сказать, брошены на съѣденіе грубѣйшему произволу. Капиталамъ, которые свободны и безплодны, или правительство должно найти доходность, или оно должно съ терпимостью относиться къ свободной предпріимчивости, которая на себя беретъ задачу—доставлять имъ доходность. Ибо иначе капиталы будутъ оставаться безплодными и благосостояніе ихъ владѣльцевъ будетъ насильственно уменьшаться только ради того, что правительство лѣниво пользуется своимъ яко-бы регальнымъ «правомъ». Лѣнь правительства будетъ означать конфискацію доходовъ, которую иначе приносили бы капиталы, насильственно приводимые въ праздное состояніе и парализуемые въ своей доходности.

И вотъ, тутъ-то намъ открывается главный доводъ не только противъ яко-бы исключительнаго права правительствъ на билетные выпуски, но и противъ ихъ монопольнаго предоставленія въ руки только извѣстныхъ представителей свободной предпріимчивости. Когда правительство предоставляетъ монопольное право выпуска билетовъ одной какой либо компаніи и предоставленіе производится въ видѣ передачи «права», которымъ въ силу регаліи располагаетъ одно только правительство,—то раньше или позже въ странѣ возникаетъ мысль, что къ компаніи вмѣстѣ съ «правомъ» перешли и *обязанности* правительства. У тѣхъ, которые заинтересованы

возможно большею активностью при разъисканіи ссудныхъ капиталовъ (потому что соразмѣрно этой активности можетъ понижаться цѣна ссудныхъ капиталовъ), возникаетъ, поэтому, мысль, что банкъ, которому предоставлено исключительное право выпуска, долженъ заниматься этимъ выпускомъ, уже соблюдая не одни только свои интересы, но и интересы всего «населенія страны», или «торговли и промышленности», какъ въ подобныхъ случаяхъ выражаются. То есть, производя свои выпуски, банкъ не долженъ уже такъ боязливо относиться къ опасностямъ, которыя ему угрожаютъ раззореніемъ, ибо его раззореніе ничто сравнительно съ «общимъ благосостояніемъ». Суть всѣхъ возникающихъ въ этомъ случаѣ разсужденій сводится въ концѣ концовъ къ тому, чтобъ «банкъ не стѣснялся» при своихъ выпускахъ, или (иной варіантъ) чтобъ онъ «содѣйствовалъ удешевленію» ссудныхъ капиталовъ. Должно признать, что *монопольный банкъ лишенъ возможности отворачиваться отъ подобныхъ воззрѣній и требованій, какъ они ни неосновательны.* Въ примѣненіи къ монопольному банку они имѣютъ силу. Ибо несомнѣнно, что если одинъ только банкъ имѣетъ право разъискивать путемъ билетовъ ссудные капиталы, то онъ никогда не имѣетъ права отказываться отъ этого разъискиванія. Ибо, можетъ быть, они дѣйствительно лежатъ въ какихъ нибудь углахъ и закоулкахъ, праздные и безплодные. Еслибъ не существовало монопольнаго банка, то другіе банки разъискали бы эти капиталы. Если же другимъ отрѣзаны пути, то монопольный банкъ *обязанъ* дать то, что на мѣсто его дали бы другіе банки. Правда, то, что другіе банки «дали бы», весьма проблематично. Но это и доказываетъ, что предоставленіемъ монопольному банку исключительнаго права—ему только навязывается обуза—искать то, что *вдвойнѣ* проблематично. Ибо, какъ было показано (на стр. 452—453), билетъ *во всякомъ* случаѣ разъискиваетъ ссудные капиталы, которыхъ существованіе только *вѣроятно.* При монопольномъ-же правѣ выпуска проблематическое значеніе билета еще усиливается требованіями, которыя банкъ обязанъ удовлетворять въ силу своей монополіи. Такъ-же точно, какъ монополія порождаетъ законныя, хотя и вредныя,

требованія относительно выпуска, она-же вызываетъ законныя, хотя неосновательныя и вредныя, требованія относительно цѣны ссудныхъ капиталовъ.

Кредитъ, какъ видъ спекуляціи, препятствуетъ цѣнѣ ссудныхъ капиталовъ возвышаться надъ среднимъ уровнемъ доходности, которою вообще капиталы обладаютъ въ данной странѣ при ея условіяхъ производительности. Ниже этаго уровня цѣна ссудныхъ капиталовъ низводится не кредитомъ, а всѣмъ тѣмъ, что враждебно кредиту и его подрываетъ. Но «средній уровень доходности» — граница, весьма неопредѣленная уже потому, что она подвижная. Вотъ почему единственная возможность—давать силу этой границѣ и дѣлать ее болѣе опредѣленною—заключается въ предоставленіи наибольшей свободы соперничеству. Только соперничество даетъ торжество наибольшей производительности. Слѣдовательно, только соперничество въ состояніи выяснять крайнюю границу возможнаго удешевленія, зависящаго отъ одной только производительности. Но положимъ, что соперничество стѣсняется. Одной какой либо изъ силъ, которыя между собою могли бы соперничать, искусственно облегчается торжество. Этимъ дается основаніе непоощряемымъ силамъ утверждать, что онѣ оказались бы болѣе производительными, еслибъ имъ не помѣшали. Насильно оттѣсненныя отъ соперничества силы могутъ тогда утверждать, что онѣ доставляли бы сравнительно большую дешевизну. Какую именно дешевизну онѣ доставили бы, онѣ говорить не будутъ. Онѣ только будутъ имѣть основаніе выражать недовольство каждымъ состояніемъ цѣны. Отсутствіе соперничества будетъ всегда основаніемъ, на которомъ онѣ будутъ держаться, утверждая, что цѣна могла бы идти еще ниже.

А между тѣмъ и само собою очевидно, что даже при самомъ безграничномъ и полномъ соперничествѣ пониженіе цѣны имѣетъ всегда извѣстныя границы. Вотъ почему должно возможно отчетливѣе различать требованія относительно пониженія цѣны ссудныхъ капиталовъ, которыя могутъ быть предъявляемы *свободнымъ* банкамъ и которыя могутъ быть предъявляемы *монопольнымъ*

банкамъ. Первымъ, строго говоря, никакія требованія предъявляемы быть не могутъ. Ибо конкуренція и сама заставитъ ихъ разыскать всякій ссудный капиталъ и доставить его по возможности дешевле. Напротивъ, вторые могутъ разъискивать не всѣ имѣющіеся ссудные капиталы и потому дѣйствительно въ состояніи вызывать искусственную дороговизну денегъ.

Важное отличіе *смѣшанной* циркуляціи, то есть—состоящей изъ звонкихъ денегъ и кредитныхъ знаковъ, заключается въ ея эластичности, въ ея гибкости и упругости, вслѣдствіе коихъ она съ большею легкостью приспособляется къ потребностямъ экономической жизни. Для того, чтобъ приспособляться къ надобностямъ даннаго времени и мѣста, циркуляціи, когда она смѣшанная, не приходится уже расширяться или съуживаться непремѣнно экстенсивно. Экстенсивное расширеніе и съуженіе бываетъ *часто* необходимо для циркуляціи тогда, когда она чисто-металлическая. Ибо иначе она не можетъ увеличивать или сокращать въ значительныхъ размѣрахъ количество своего полезнаго дѣйствія. Но экстенсивное расширеніе и сжатіе циркуляціи всегда очень дорого. Ибо оно означаетъ увеличеніе или уменьшеніе *народно хозяйственнаго капитала*, представляемаго драгоцѣнно-металлическимъ запасомъ страны. Нежеланіе терять часть этого запаса или невозможность его увеличить въ требуемомъ размѣрѣ съ требуемою скоростью могутъ весьма невыгодно отражаться на народномъ хозяйствѣ. Невыгодность, при этомъ возникающая, однако, весьма легко устраняется, когда циркуляція можетъ расширяться и сокращаться и интенсивно, при помощи увеличенія или уменьшенія кредитныхъ орудій обращенія.

Циркуляціонный механизмъ при смѣшанномъ его составѣ, благодаря кредитной своей составной части, приходитъ въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ условіями производительности. Онъ становится въ болѣе близкую зависимость отъ этихъ условій. Ихъ движенія обусловливаютъ и его колебанія. Онъ расширяется и сжимается, смотря по тому, много-ли или мало ему задается работы условіями производства.

Сила условій производительности представляетъ, поэтому, и ту силу, которою поддерживается порядокъ и правильность въ дѣйствіяхъ смѣшаннаго циркуляціоннаго механизма. Ни въ какой внѣшней регулирующей силѣ ему не приходится и нуждаться. Почему? Потому что не существуетъ *другой* силы, которая могла бы *лучше* регулировать дѣйствія циркуляціоннаго механизма, чѣмъ это совершается свободными условіями производительности.

Условія производительности оказываются небезукоризненнымъ регуляторомъ, когда они не остаются до конца тѣмъ, чѣмъ обѣщали быть по своему началу, когда они *оказываются* условіями непроизводительности. Тогда возникаетъ пора кризиса. Но между кризисомъ и смѣшанною циркуляціею соотношеніе вовсе не необходимо всегда существуетъ. Смѣшанная циркуляція сама можетъ остаться внѣ всякаго вліянія кризиса въ самыхъ важныхъ своихъ составныхъ частяхъ. Это именно бываетъ тогда, когда банки исполняютъ всѣ свои обязательства предъ публикою и неисполняются только обязательства частныхъ лицъ другъ предъ другомъ. Тогда кризисъ выражается въ раззорительномъ пониженіи цѣнъ и въ массѣ банкротствъ частныхъ лицъ. Но въ такомъ случаѣ вовсе не можетъ и возникнуть рѣчи о *дурномъ* регулированіи циркуляціоннаго механизма и о необходимости *лучшаго* регулированія. Кризисы, однако, касаются банковъ и *зерна* смѣшанной циркуляціи, когда несостоятельность проникаетъ *до банковъ* и послѣдніе тоже начинаютъ неисполнять своихъ обязательствъ. Тогда въ циркуляціонномъ механизмѣ оказываются *порочныя части*. Въ механизмъ проникаетъ порча.

Конечно, было бы очень хорошо, еслибъ циркуляціонный механизмъ можно было обставить такъ, чтобъ порча никогда въ него не проникала. Но это уже невозможно и по отношенію къ чисто-металлическому циркуляціонному механизму. И еще менѣе это возможно по отношенію къ механизму смѣшанному. Уже чисто-металлическое обращеніе трудно оберечь отъ колебаній въ цѣнѣ драгоцѣнныхъ металловъ. Драгоцѣнные металлы представляютъ наиболѣе прочныя цѣнности. Но это качество ихъ имѣетъ *толь-*

*ко сравнительное* значеніе. Цѣны драгоцѣнныхъ металловъ колеблятся меньше, чѣмъ цѣны другихъ вещей. Но это не значитъ, что онѣ совсѣмъ не колеблятся. Напротивъ, и ихъ колебаніе можетъ быть весьма чувствительнымъ. Народныя хозяйства подвергаются иногда весьма замѣтнымъ и далеко не выгоднымъ толчкамъ отъ перемѣнъ, происходящихъ въ условіяхъ производства или обоихъ драгоцѣнныхъ металловъ вмѣстѣ, или одного изъ нихъ. При чисто-металлической циркуляціи возможны денежные кризисы не только вслѣдствіе перемѣнъ въ условіяхъ производства драгоцѣнныхъ металловъ, но вслѣдствіе появленія причинъ (напр. политическихъ революцій, войнъ), вслѣдствіе которыхъ много звонкихъ денегъ извлекается изъ обращенія, чтобъ служить орудіями сбереженія, — или вслѣдствіе другихъ причинъ (производственныхъ дефицитовъ), по которымъ звонкія деньги уплываютъ въ такія мѣста, изъ которыхъ онѣ уже не возвращаются (примѣры — необходимость покупать хлопокъ не въ Соединенныхъ Штатахъ, а на Востокѣ, платежи за китайскій шелкъ и т. п.). Конечно, еслибъ существовала власть, которая въ состояніи была бы предусматривать и успѣхи производства драгоцѣнныхъ металловъ, и перемѣны въ потребностяхъ обращенія и сбереженія, она могла бы устранять колебанія. Но такой власти нѣтъ. И потому приходится примиряться съ неудобствами. Благо эти неудобства— временныя.

Стало быть, одно только существованіе кризисовъ еще не доводъ, чтобъ возмутиться и требовать «лучшаго». Требовать— дѣло немудрёное. Труднѣе — удовлетворять требованія. А если требованіе — неудовлетворимое, то цѣлесообразнѣе не тратить силъ на его предъявленіе и — силы употребить болѣе полезно. Это и дѣлаютъ изслѣдователи, которые не декламируютъ по поводу кризисовъ, а свои силы употребляютъ на изслѣдованіе ихъ частныхъ причинъ. Смѣшанный циркуляціонный механизмъ, подъ вліяніемъ неуспѣховъ предпріимчивости, можетъ оказаться порочнымъ. Это очень жалко. Но можетъ-ли какая-либо власть брать на себя постоянное направленіе предпріимчивости по однимъ только такимъ

путямъ, которые ее вели бы отъ успѣха къ успѣху? Не можетъ. Слѣдовательно, разъ навсегда, нужно примириться съ тѣмъ, что жизнь имѣетъ не только свѣтлыя, но и темныя стороны, что бываютъ не только радостные, но и печальные дни. Противъ *этого* никакая власть ничего подѣлать не можетъ. Поэтому, никакая власть совсѣмъ и не должна задаваться такими задачами, которыхъ она разрѣшить не въ состояніи. Поэтому, *устраненіе кризисовъ* не можетъ вовсе служить исходною точкою для правительственныхъ мѣропріятій. Такою исходною точкою не можетъ, слѣдовательно, служить прокрадывающаяся въ смѣшанную циркуляцію порочность. Съ возможностью ея, даже ея необходимостью при данныхъ условіяхъ и обстановкѣ производительности—должно разъ навсегда примириться. Силы-же, имѣющіяся для дѣятельнаго отношенія къ жизни, должно направить не противъ кризисовъ, а къ болѣе достижимымъ цѣлямъ. Благо, что и кризисы, возникающіе отъ оказывающейся порочности составныхъ частей смѣшанной циркуляціи, тоже бываютъ только временные.

И это слѣдуетъ имѣть въ виду. Правительственныя мѣры, какъ онѣ ни были насильственны, никогда не въ состояніи были ни устранять, ни даже ослаблять кризисы. Правительственными мѣрами болѣзни, возникавшіе отъ порочности циркуляціоннаго механизма, также не излечивались. Что-же помогало? То, что правительственныя мѣры не все спутывали, не все связывали, не все стѣсняли,—что за предѣлами правительственныхъ стѣсненій выростало особое поле, на которомъ свобода и могла утвердиться,—что сами правительства въ пору тревоги и печали давали необходимую свободу. Тогда эта свобода доставляла излеченіе. Правда, она не устраняла сразу болѣзни. Она, напротивъ, отчасти даже предоставляла ей полный просторъ, чтобъ болѣзнь живо могла проявить всю свою силу. Но она-же пріискивала и средства, чтобъ положить конецъ развитію болѣзни. Конечно, гниль должна была обнаружить, что она такое. Конечно, т. н. «очищеніе атмосферы», «хирургическая операція, отдѣляющая больной членъ» (выраженія, употребляемыя въ подобныхъ случаяхъ съ *успокоительною* цѣлью)

напоминаютъ, что переживаемое время—тяжелое. Но разъ оно оказалось по стеченію обстоятельствъ необходимымъ, вопросъ не въ томъ, что оно—тяжелое, а въ томъ, скоро-ли ему будетъ конецъ и скоро-ли можно будетъ начаться болѣе удобовыносимому времени. И вотъ на эти вопросы свобода даетъ возможность наилучшихъ отвѣтовъ. Она дѣлаетъ кризисъ *острымъ* и этимъ его замыкаетъ въ узкіе предѣлы.

При свободѣ смѣшанная циркуляція можетъ подвергаться только острымъ кризисамъ. Потому что при свободѣ всякому должнику ставится категорическій вопросъ: платитъ-ли онъ, или нѣтъ? Если онъ обязательствъ не исполняетъ, то этимъ самымъ уже выясненъ конецъ болѣзни. Поле очищается и дѣло приходится начинать съ-изнова. Конечно, это не такъ легко дѣлается, какъ говорится. Но на нѣтъ вѣдь и суда нѣтъ. Поле очищать все-таки приходится. А чтобы оно не оставалось пустымъ, объ этомъ людей заставляетъ заботиться ихъ собственный интересъ.

59. Кризисы, отъ которыхъ приходится страдать народному хозяйству, могутъ происходить какъ отъ ошибокъ предпріимчивости, такъ и отъ причинъ, менѣе всего имѣющихъ какое-либо отношеніе къ образу дѣйствій предпріимчивости. Таковы кризисы благосостоянія, вызываемые политическими переворотами, войнами и т. п. Но и чисто экономическія причины кризисовъ должно различать въ той мѣрѣ, въ какой онѣ берутъ свое начало, или главнымъ образомъ происходятъ, въ отдѣльныхъ отрасляхъ предпріимчивости. Въ этомъ смыслѣ могутъ имѣть мѣсто кризисы въ производствѣ и торговлѣ каждою отдѣльною цѣнностью: хлопкомъ, шерстью, желѣзомъ, домами, паевыми бумагами, орудіями обращенія и т. д. Сообразно съ этимъ возможна рѣчь о кризисахъ: хлопковомъ, для шерсти, желѣза, домовъ, денежномъ и т. д. Тѣсная связь, соединяющая въ наше время отдѣльныя отрасли предпріимчивости,—общность вліяній, которымъ онѣ очень часто подвергаются, — далекая распространенность современныхъ сношеній,—всѣ эти три обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, влекутъ за собою т. н. *всеобщіе*

*кризисы*, сила которыхъ иногда обхватываетъ не только цѣлыя народныя хозяйства во всѣхъ ихъ слояхъ, но и весь культурно-экономическій міръ.

Исчерпывающій анализъ кризисовъ не входитъ въ область задачи этой книги. Ибо она посвящена только одному изъ экономическихъ элементовъ, значеніе котораго и для теоріи кризисовъ несомнѣнно высоко-важно, но не менѣе котораго важно множество другихъ элементовъ, которыхъ мы совсѣмъ и не имѣли надобности касаться. Для теоріи кризисовъ надлежащее мѣсто—въ полной теоріи современной спекуляціи. Мы-же заняты изслѣдованіемъ лишь одного вида спекуляціи и потому для насъ кризисы имѣютъ интересъ лишь въ той мѣрѣ, въ которой ихъ вызываютъ злоупотребленія при способахъ пользованія источниками ссудныхъ капиталовъ или самомъ пользованіи непосредственно ссудными капиталами.

Предъидущимъ нашимъ изложеніемъ достаточно выяснено, что когда банки злоупотребляютъ способами для пользованія источниками ссудныхъ капиталовъ, то это можетъ происходить не отъ количественнаго объема пользованія, и не отъ качества этого пользованія, а отъ рукъ, которымъ ссудные капиталы довѣряются. Но эти руки пользуются уже *не источниками* ссудныхъ капиталовъ, а *непосредственно самыми капиталами.* Слѣдующая глава, которая будетъ посвящена различнымъ способамъ пользованія непосредственно ссудными капиталами, должна будетъ намъ выяснить конечныя частныя причины кризисовъ, насколько онѣ обусловливаются изслѣдуемою нами причиною.

Пока для насъ важенъ отрицательный выводъ, который даетъ предъидущее изложеніе. *Всѣ тѣ банковыя операціи, которыя направлены на пользованіе источниками ссудныхъ капиталовъ, ни въ своихъ качествахъ, ни въ своемъ объемѣ, сами по себѣ взятыя, все равно, каждая ли въ отдѣльности или всѣ въ совокупности, не таятъ въ себѣ никакихъ такихъ зародышей, изъ коихъ необходимо должны были бы развиваться кризисы.* Пользованіе источниками ссудныхъ капиталовъ, напротивъ, сопровождается явленіями, указы-

вающими на приближающуюся опасность и возникающую возможность кризиса, если таковая обусловливается *посторонними* причинами. Во всякомъ случаѣ злоупотребленіе ими порождаетъ одни только острые кризисы.

Но этотъ выводъ сохраняетъ свою силу только для циркуляціи, усложненной подъ вліяніемъ кредита, котораго природа неизвращена и почва свободна, который не имѣетъ ничего общаго съ т. н. принудительнымъ кредитомъ.

До тѣхъ поръ, пока правительства пользуются источниками срочныхъ и безсрочныхъ ссудныхъ капиталовъ, *исполняя* обѣщанія платежей, которыя они выражаютъ въ своихъ долговыхъ знакахъ,—до тѣхъ поръ вліяніе этихъ долговыхъ знаковъ на циркуляціонный механизмъ ничѣмъ не отличается отъ описанныхъ и разобранныхъ вліяній на этотъ механизмъ, оказываемыхъ долговыми знаками свободной предпріимчивости.

Исполняетъ ли или не исполняетъ правительство свои обязательства, возникающія отъ пользованія краткосрочными ссудными капиталами, зависитъ, однако, у правительства въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ у свободной предпріимчивости, отъ *объема* пользованія. Это происходитъ вслѣдствіе зависимости правительственныхъ доходовъ не отъ *прямой* и непосредственной производительности. Объемъ пользованія для правительствъ имѣетъ большее значеніе потому, что доходы правительствъ замкнуты въ болѣе узкія границы и возрастаютъ съ большею тугостью, чѣмъ это наблюдается у производительной предпріимчивости. Послѣдняя непосредственно держитъ въ своихъ рукахъ производительныя силы и можетъ ихъ даже увеличивать. Напротивъ, правительство непосредственно на высоту производительности не оказываетъ вліяній и непосредственно производительными *силами* совсѣмъ и не располагаетъ для самыхъ большихъ долей своихъ доходовъ. Сверхъ того, можетъ быть, отчасти именно вслѣдствіе своей споры на косвенную (менѣе опредѣленную) производительность, отчасти же вслѣдствіе традиціоннаго анти-экономическаго характера образа дѣйствій правительствъ,—эти послѣднія только подъ принудительнымъ вліяніемъ крайней

необходимости выражаютъ уже готовность соображать и экономическую обстановку ихъ дѣятельности. По всѣмъ этимъ причинамъ должно признать, что уже одинъ объемъ пользованія краткосрочными ссудными капиталами, когда это пользованіе производится правительствами, можетъ быть весьма важнымъ признакомъ для характеристики и качествъ пользованія.

Но слишкомъ много значенія одному (абсолютному) объему пользованія ссудными капиталами и въ этомъ случаѣ нельзя придавать. Сила все таки и здѣсь—не въ немъ. Исполняетъ ли правительство свои обязательства, въ концѣ-концовъ зависитъ отъ того, имѣетъ ли оно средства для ихъ исполненія. А эти средства, какъ мы выше выяснили, представляетъ *всякое* поступленіе въ правительственныя кассы, лишь-бы оно было *несомнѣнно*.

Говоря о несомнѣнности правительственныхъ поступленій, должно имѣть въ виду тѣже стороны, которыя важны вообще, когда заходитъ рѣчь о поступленіяхъ, чьи-бы они ни были. Поступленіе *можетъ* выражаться въ получаемыхъ *деньгахъ*. Но оно не должно необходимо только въ нихъ однихъ выражаться. «Поступленіе» означаетъ окончательное исполненіе обязательства. «Поступленіямъ» предшествуютъ обязательства (податныхъ плательщиковъ или подписчиковъ на долгосрочныя правительственныя облигаціи)—внести налоги или подписанныя суммы въ государственное казначейство. Внесеніе надлежащихъ суммъ производится должниками правительства. Отъ внесеній, которыми эти должники погашаютъ свои обязательства предъ кредиторомъ, образуются поступленія послѣдняго. Но обязательства могутъ быть погашаемы не одними только деньгами. Должники казначейства могутъ погашать свои обязательства предъ нимъ — тѣми обязательствами, въ которыхъ казначейство оказывается предъ ними самими. И наоборотъ, казначейство можетъ входить въ долги предъ посторонними лицами въ той мѣрѣ, въ какой оно ожидаетъ, что эти самыя посторонніе лица окажутся въ долгу предъ нимъ самимъ. Казначейство можетъ заключать долги именно въ виду того, что эти долги можно будетъ погашать долгами же или взаимностью.

Уже одни т. н. ординарные доходы правительства, т. е. налоги, обезпечиваютъ казначействамъ *во всякое данное время* извѣстный размѣръ поступленій Слѣдовательно, уже подати обезпечиваютъ правительствамъ во всякое данное время извѣстную сумму долговъ, въ которыхъ предъ ними состоятъ постороннія лица. Это-то существующее во всякое время обезпеченіе платежей, необходимо долженствующихъ поступить въ казначейство, называется *податнымъ обезпеченіемъ*. Понятно, что если на размѣръ податнаго обезпеченія постороннія лица во всякое данное время состоятъ въ долгу предъ правительствомъ, то на тотъ-же размѣръ правительство можетъ во всякое данное время состоять въ долгу предъ посторонними лицами. Ближе всматриваясь въ дѣло, не трудно замѣтить, что, строго говоря, правительство не только *можетъ*, но даже *должно* состоять въ долгу, если оно только намѣренно не желаетъ отступиться отъ принадлежащей ему выгоды Ибо, если правительство не состоитъ въ долгу, то оно *оказываетъ кредитъ* податнымъ плательщикамъ. Такой кредитъ правительство обыкновенно и оказываетъ, или растягивая сроки уплатъ, или прямо ихъ отсрочивая.

Размѣръ податнаго обезпеченія каждое казначейство весьма легко для себя можетъ вычислить. Для этого ему необходимо присмотрѣться къ своимъ даннымъ о доходахъ, поступающихъ въ казначейства каждый день, каждый мѣсяцъ и каждую треть. Затѣмъ средніе выводы о поступленіяхъ будутъ показывать какъ размѣръ возможнаго пользованія кредитомъ, такъ и степень его обезпеченности. Такъ, въ 1870 году среднее ежедневное поступленіе въ русское государственное казначейство было 1 857,000 руб.; среднее ежемѣсячное поступленіе—46.427,000 руб.; а среднее за каждую треть—185.707,000 рублей. Слѣдовательно, смотря по надобностямъ, наше правительство въ состояніи во всякое данное время имѣть строго обезпеченныхъ *четырехмѣсячныхъ* обязательствъ до 185.707,000, а *полугодичныхъ*—278.562,000. Предполагая, что *трехмѣсячный* срокъ достаточно уже короткій, чтобы онъ могъ дозволить вполнѣ безукоризненное пользованіе безсрочными ссуд-

ными капиталами, мы приходимъ къ заключенію, что наше правительство, ограничивая краткосрочные свои долги тою суммою, которую оно всегда въ состояніи уплатить въ теченіе шести мѣсяцевъ, можетъ имѣть безсрочныхъ обязательствъ на 140 милл. и полугодичныхъ на столько-же.

Выпускаетъ ли правительство само свои краткосрочныя и безсрочныя обязательства, или оно обращается къ посредничеству банка, все равно. Банкъ можетъ также точно *замѣнять* обязательства казначейства своими собственными, какъ онъ замѣняетъ послѣдними обязательства частныхъ предпринимателей. Отношенія правительствъ къ банкамъ, чтобы пользоваться ихъ услугами, сами по себѣ, не заключаютъ въ себѣ никакой необходимой порочности. Отношенія могутъ стать порочными. Они могутъ быть сдѣланы таковыми. Но это произойдетъ только тогда, когда правительство начнетъ пользоваться кредитомъ, котораго оно ничѣмъ покрыть и обезпечить не въ состояніи. А пользоваться такимъ кредитомъ у правительства можетъ возникать охота и помимо какихъ бы то ни было отношеній къ банкамъ. Сами по себѣ, повторяемъ, эти отношенія ни причемъ.

Когда правительство само выпускаетъ обязательства, чрезъ которыя оно пользуется безсрочными ссудными капиталами, оно одновременно представляетъ и банкъ, и должника, пользующагося услугами банка Оно само оказываетъ себѣ услуги банка. Это само по себѣ тоже не заключаетъ въ себѣ никакой внутренне-необходимой порочности. Ибо до тѣхъ поръ, пока правительственные выпуски безсрочныхъ долговыхъ знаковъ производятся въ предѣлахъ, допускающихъ возможность непрерывнаго исполненія обѣщаній, даваемыхъ означенными знаками,—до тѣхъ поръ и выпуски правительственные ничѣмъ не отличаются отъ банковыхъ, выше разъясненныхъ. Правительство можетъ давать своимъ долговымъ знакамъ силу законныхъ платежныхъ средствъ въ отношеніяхъ между частными лицами. Но насильственная обращаемость можетъ быть сдѣлана безвредною. Такою она представляется, когда правительство ею снабжаетъ билеты банка, пріемъ которыхъ въ уплату долговъ обя-

зателенъ для всѣхъ, кромѣ банка, ихъ выпустившаго, *обязаннаго свои долги всегда, по востребованію, погашать не билетами, а наличными (звонкими) деньгами.* Въ этомъ случаѣ билеты обладаютъ насильственною обращаемостью только въ отношеніяхъ частныхъ лицъ *между собою.* Но билеты не обладаютъ насильственною обращаемостью въ отношеніяхъ между всѣми кредиторами банка, съ одной стороны, и банкомъ — съ другой. Также точно правительство можетъ снабжать насильственною обращаемостью выпускаемые имъ безсрочные долговые знаки, но—только для отношеній частныхъ лицъ между собою. Частныя лица должны также имѣть право или, вѣрнѣе, правительство должо быть обязано—принимать свои знаки въ уплату долговъ, въ которыхъ у него состоятъ постороннія лица. Такъ и банкъ обязанъ принимать свои билеты въ уплату долговъ, въ которыхъ у него состоятъ лица, получившія у него кредитъ. Обязательный пріемъ казначействами безсрочныхъ долговыхъ знаковъ, выпущенныхъ правительствомъ, не есть льгота, которую правительство даетъ. Льготою этотъ пріемъ представляется только тогда, когда обязательство казначейства было *срочное.* Тогда предоставленіе должникамъ правительства права погашать свои обязательства предъ нимъ внесеніемъ такихъ срочныхъ документовъ выражаетъ *превращеніе срочныхъ документовъ въ безсрочные.* Это превращеніе составляетъ особую выгоду для должника казны, ибо оно ему *облегчаетъ реализацію* извѣстной части его имущества, *связаннаго срокомъ*, дѣлаетъ эту часть немедленно вполнѣ-цѣнною (available). Вотъ почему только пріемъ срочныхъ долговыхъ знаковъ, когда онъ дѣлается для казначействъ постоянно обязательнымъ, дѣйствительно выражаетъ льготу. Но если обязательство казначейства безсрочное, то это и значитъ, что казначейство всегда обязано его принимать. Для чего ему предъявляется обязательство, все равно. Оно во всякомъ случаѣ его должно принять и—исполнить. Слѣдовательно, если требуется, чтобъ обязательство было погашено, то казначейству остается только радоваться, когда погашеніе можетъ быть произведено зачетомъ взаимной задолженности, а не уменьшеніемъ его наличной кассы.

Если мы условимся называть «бумажными деньгами» *всякое* безсрочное и безпроцентное долговое обязательство казны, снабженное насильственною обращаемостью, то изъ предъидущаго можно заключить, что бумажно-денежные выпуски не должны непремѣнно и по внутренней необходимости отличаться отъ банковыхъ. Одно только то, что казна одновременно представляетъ банкъ и должника, для котораго производится выпускъ, не должно необходимо измѣнить природу выпуска. Ибо то обязательство казны, подъ которое она сама для себя производитъ выпускъ, можетъ быть для выпуска очень хорошимъ покрытіемъ. Нужно только, чтобъ у обязательства имѣлось податное обезпеченіе. Податное обезпеченіе-же выражаетъ *обратный притокъ* въ казначейство выпущенныхъ имъ долговыхъ знаковъ. Этотъ обратный притокъ знаковъ для платежей пртвительству совершенно тождественъ съ обратнымъ притокомъ билетовъ въ банкъ, ихъ выпустившій. Съ билетами можетъ произойти, что они или обратно возвратятся въ банкъ въ уплату кредитовъ, въ объемѣ данныхъ частнымъ лицамъ. Или билеты останутся въ оборотѣ. Тогда долги банку будутъ уплочены наличными деньги и эти-то деньгами будутъ представляться билетами. То-же произойдетъ съ долговыми знаками правительства, имѣющими податное опезпеченіе. Или эти знаки возвратятся въ казначейство, когда будутъ производиться податные платежи. Или знаки останутся въ оборотѣ. Тогда податные платежи будутъ произведены наличными деньгами. Въ казначействѣ тогда окажется столько-же денегъ, сколько въ оборотѣ находится знаковъ. Съ поступающими въ банкъ наличными деньгами, погашающими обязательства его должниковъ, банкъ можетъ распорядиться, снова предоставляя ихъ въ кредитъ третьимъ лицамъ. Важно вѣдь лишь, чтобъ въ оборотѣ находились тѣ безсрочные ссудные капиталы, которые путемъ билетовъ банкъ къ себѣ привлекаетъ, чтобъ ими пользоваться. Такъ точно, если въ оборотѣ будутъ существовать ссудные капиталы, которые непрочь будутъ отправляться къ правительству, это отразится на непрерывной готовности принимать безсрочные долговые знаки. Въ такомъ случаѣ или правительство

снова выпуститъ всѣ свои долговые знаки, поступившіе къ нему платежами. Или, если знаки остались въ оборотѣ, а къ нему платежами поступили деньги, оно израсходуетъ эти деньги или и ихъ замѣнитъ долговыми знаками. Въ послѣднемъ случаѣ, однако, долговые знаки будутъ обладать не однимъ только податнымъ обезпеченіемъ, но и денежною наличностью, совершенно имъ равною. То есть знаки сами по себѣ совсѣмъ не будутъ представлять никакого ссуднаго капитала, которымъ правительство воспользовалось особо. Короче: анализъ намъ показываетъ, что въ предѣлахъ податнаго обезпеченія правительственные выпуски *ничѣмъ* не отличаются отъ банковыхъ.

Существенно важно не терять изъ виду, что пока правительство пользуется краткосрочнымъ кредитомъ въ предѣлахъ благоразумія, это значитъ, что правительство приноровляется, какъ къ природѣ источниковъ краткосрочныхъ ссудныхъ капиталовъ, такъ и къ природѣ способовъ пользованія ими. Правительство только потому своими дѣйствіями не подрываетъ ничьихъ экономическихъ интересовъ и никому не причиняетъ раззоренія, что оно подчиняется тѣмъ-же правиламъ, основаніямъ и опыту, отъ подчиненія которымъ зависитъ благоразуміе дѣйствій всякой свободной производительной предпріимчивости Когда правительство знаетъ и разбираетъ, какими ссудными капиталами оно путемъ кредита пользуется, когда оно сообразно природѣ этихъ ссудныхъ капиталовъ ими пользуется,—тогда никакихъ претензій на него быть не можетъ.

Этимъ мы дали одинъ рядъ доказательствъ въ защиту высказанной нами въ гл. IV мысли, что банковыя начала администраціи кредита имѣютъ значеніе и для государственныхъ долговъ, въ особенности краткосрочныхъ. Но политическая экономія всегда защищается, какъ уже замѣчено, двоякаго рода доказательствами. Одни — положительныя и представляются благосостояніемъ, проистекающимъ отъ подчиненія началамъ опыта, изслѣдованнаго и выясненнаго наукою. Другія доказательства—отрицательныя и выражаются въ раззореніяхъ и дѣйствіяхъ, сопровождающихъ незнаніе и нежеланіе подчиняться опыту, или невозможность ему подчи-

сниться. Такъ какъ перваго рода доказательства нами уже представлены, то мы обращаемся ко вторымъ.

60. Когда горизонтъ надъ торгово-промышленнымъ міромъ покрывается грозными тучами и надъ этимъ міромъ разражается бѣдствіе кризиса, послѣдній слагается изъ цѣлаго ряда явленій, которыхъ общій видъ (the general aspect) отличается, между прочимъ, слѣдующею характеристическою особенностью Подобно тому, какъ гроза слагается изъ ряда феноменовъ, которые быстро, ослѣпляя и оглушая, слѣдуютъ одинъ за другимъ, сливаясь въ одну нераздѣльную массу и не давая времени обособлять, распознавать и различать отдѣльныя явленія,—такъ и при торгово-промышленномъ кризисѣ надъ торгово-промышленнымъ міромъ проносится ураганъ, слагающійся изъ явленій, *быстро* слѣдующихъ одно за другимъ, какъ бы только *въ общихъ чертахъ* намѣчающихъ свой грозный характеръ. Каждая составная часть кризиса какъ бы перетоняетъ другую и ее оттѣсняетъ на задній планъ. Всѣ составныя части кризиса одинаково лишены того продолжительнаго времени, въ теченіе котораго они могли бы вполнѣ опредѣлиться и выяснить свою природу.

Острый характеръ всякаго торгово-промышленнаго кризиса и быстрота, съ которою онъ вызываетъ за собою реакцію, препятствуютъ ему быть яснымъ и опредѣленнымъ въ своихъ составныхъ частяхъ. Предпріимчивость злоупотребляетъ кредитомъ только тогда, когда ея настроеніе выдается изъ ряда обыденныхъ и когда ея дѣйствія отличаются лихорадочною поспѣшностью. Она дѣйствуетъ подъ вліяніемъ разгоряченнаго разсудка. Но она все таки дѣйствуетъ подъ вліяніемъ разсудка, обдумывая и разсчитывая. Если даже она и ошибается, никто этого не знаетъ. Возвышеніе цѣнъ, ею вызываемое, оттого менѣе всего само по себѣ представляетъ явленіе, изъ котораго можно было бы дѣлать ясныя и точныя заключенія. Слѣдующее за нимъ пониженіе цѣнъ насильственно прерываетъ движеніе и кладетъ ему конецъ. Съ пріостановленіемъ платежей предпріимчивостью, на мѣсто прежняго оживленнаго поля является

tabula rasa. Для того, чтобъ элементы, изъ коихъ слагается кризисъ, могли вполнѣ выясниться, для этого ему нужно было бы протянуться на болѣе продолжительное время. Изъ остраго ему нужно было бы стать хроническимъ. Но кризисъ, возникающій отъ того, что предпріимчивость злоупотребила кредитомъ, въ самой значительной своей долѣ не можетъ быть хроническимъ. Ибо для большинства, имъ постигнутаго, онъ дѣйствуетъ убійственно. И чѣмъ онъ сильнѣе, чѣмъ больше онъ вызываетъ банкротствъ, чѣмъ убійственнѣе онъ дѣйствуетъ, чѣмъ важнѣе было бы близкое его наблюденіе, тѣмъ это почти невозможнѣе. Хроническими кризисами отъ злоупотребленій, производимыхъ свободною предпріимчивостью, могутъ быть только менѣе сильные кризисы, менѣе важные и потому менѣе интересные.

Существуетъ, однако, возможность очень близко наблюдать всѣ тѣ явленія, соединяющіяся во время всякаго сильнаго торгово-промышленнаго кризиса, которыхъ скорое возникновеніе и исчезновеніе мѣшаетъ наблюденію, когда кризисъ вызывается злоупотребленіями предпріимчивости. Эта возможность вполнѣ дана тогда, когда злоупотребленіе кредитомъ исходитъ не отъ пріимчивости, а отъ правительствъ. Кризисъ тогда становится хроническимъ и тянется иногда очень долго. Явленія, изъ коихъ онъ образуется, тогда вполнѣ выясняютъ, какъ свою собственную природу, такъ и причины, ихъ вызывающія, и обстоятельства, имъ противудѣйствующія.

Эти явленія, около которыхъ собственно сосредоточиваются всѣ составные элементы кризиса, выражаются въ особомъ характерѣ движеній вексельнаго курса, цѣны свободнаго капитала и товарныхъ цѣнъ. При торгово-промышленномъ кризисѣ, «излишній кредитъ», обусловливающій «особый характеръ» означенныхъ движеній, дѣлаетъ послѣднія слишкомъ временнымъ и скоро-переходящимъ явленіемъ, чтобъ ихъ удобно было наблюдать. Потому что и самъ «излишній кредитъ», который оказывается у свободной предпріимчивости, не можетъ долго держаться. Напротивъ, у правительствъ имѣется власть создать и поддерживать иногда долгое

время, если не «излишній кредитъ», то суррогатъ, совершенно ему равносильный, вызывающій совершенно одинаковыя послѣдствія.

Значеніе «особаго» характера получаемаго движеніями вексельнаго курса, цѣны свободнаго капитала и товарныхъ цѣнъ заключается въ измѣненіи ихъ смысла. Выше мы видѣли, что въ движеніяхъ вексельнаго курса, дисконта и товарныхъ цѣнъ отражаются *качества производственнаго движенія* или условій производительности. Во время кризиса, становящагося хроническимъ, вексельный курсъ, дисконтъ и товарныя цѣны начинаютъ уже отражать не только качества мѣстной производительности, но и то новое положеніе дѣлъ, которое вызвано злоупотребленіями и которое можетъ не имѣть никакой связи съ условіями мѣстной производительности. Вексельный курсъ и товарныя цѣны, въ особенности, начинаютъ представлять собою критерій, по которому можно судить о качествахъ *новыхъ* вліяній, которымъ подвергается народное хозяйство. Ихъ функціи, слѣдовательно, усложняются.

Было уже указано, что условіемъ, необходимо предшествующимъ правительственному злоупотребленію кредитомъ, является исчерпанность его финансовыхъ источниковъ: налоговъ и займовъ долгосрочныхъ. Вотъ почему, первое явленіе, прежде всего насъ встрѣчающее при наблюденіяхъ надъ правительственными злоупотребленіями кредитомъ, заключается въ томъ, что правительство требуетъ у денежнаго рынка такихъ ссудныхъ капиталовъ, *которыхъ нѣтъ*. И если свои требованія правительство подкрѣпляетъ насильственными мѣропріятіями, то первое необходимое послѣдствіе этого будетъ, что—правительство возьметъ *совсѣмъ не ссудные капиталы*. Оно возьметъ, *что ему попадется*. Такъ какъ въ свободной формѣ денегъ, которая всего болѣе обезпечиваетъ имущество, всего чаще встрѣчаются ссудные капиталы,—то значитъ именно ссуднымъ (свободнымъ) капиталамъ всего легче будетъ избѣгнуть правительственнаго злоупотребленія и оно постигнетъ капиталы предпринимательскіе, которые до того находились въ производительныхъ рукахъ.

Такъ оно обыкновенно и бываетъ на дѣлѣ. Рѣшаясь на край-

ную мѣру, на выпускъ долговыхъ безсрочныхъ знаковъ съ насильственною обращаемостью (бумажныхъ денегъ),—безъ соображенія съ интересами народнаго хозяйства, а съ пожертвованіемъ этихъ интересовъ политическимъ соображеніямъ,—правительства ихъ употребляютъ при своихъ платежахъ *за покупаемыя ими готовыя цѣнности.* Эти-то цѣнности они уничтожаютъ, предварительно *насильственно превращая ихъ въ яко-бы ссудный капиталъ*, не смотря на то, что по большей части цѣнности — предпринимательскіе капиталы.

«Бумажныя деньги» (въ строгомъ и самостоятельномъ смыслѣ этого слова, то есть въ отличіе отъ долговыхъ знаковъ, представляемыхъ кредитными орудіями обращенія, выше разсмотрѣнными во *всѣхъ* видахъ) только при подобныхъ условіяхъ и могутъ появиться. Ибо пока правительство можетъ пользоваться безсрочными ссудными капитала, свободно предлагающими свои услуги правительству, и пока послѣднее не встрѣчаетъ затрудненій при разсчетѣ со своими кредиторами,—его долговые знаки—такіе же кредитные знаки, какіе выпускаются банками. Тогда для нихъ и особое обозначеніе излишне, или это обозначеніе лишено самостоятельнаго смысла. Правительственные долговые знаки тогда представляютъ кредитныя орудія обращенія, приводящія въ движеніе *свободные* капиталы. Совершенно иное происходитъ, когда правительство безъ всякаго вниманія относится къ своей способности разсчитываться по обязательствамъ сообразно ихъ сроку и когда оно безъ бо́льшаго вниманія относится къ качествамъ капиталовъ, имъ заимствуемыхъ. *Оно тогда совершенно измѣняетъ природу долговаго знака, путемъ котораго производятся заимствованія чужихъ капиталовъ.* Долговые знаки уже *не имѣютъ* никакого особаго *родства ни со свободными капиталами, ни со свободною готовностью уступать ихъ въ кредитъ.* Бумажныя деньги, правда, представляютъ правительственный долгъ. Но долгъ долгу — рознь. *Долги порождаются не только кредитомъ* даже въ области отношеній частныхъ лицъ другъ къ другу. Если я наношу вредъ

третьему лицу или вообще лишаю его имущества, ему принадлежащаго, и потомъ самъ признаю этотъ фактъ, или судебное рѣшеніе его признаетъ,—то отсюда тоже *является* для меня долгъ или обязательство—пополнить вызванную мною убыль въ чужомъ имуществѣ. Этотъ долгъ или это обязательство можетъ тоже представляться документомъ, который, однако, менѣе всего будетъ—кредитный. Такъ точно и долговые знаки, представляемые бумажными деньгами, тоже выражаютъ правительственное обязательство. Но это обязательство порождается не кредитомъ, а собственнымъ признаніемъ правительства, что оно желаетъ пополнить убыль въ имуществѣ отдѣльныхъ членовъ народно-хозяйственнаго населенія, убыль, порожденную его насильственными мѣропріятіями. Такимъ образомъ суть «бумажныхъ денегъ»—въ своеобразномъ характерѣ долговаго знака, ими представляемаго, основывающагося на позаимствованіи, путемъ *насильственныхъ* мѣропріятій, капиталовъ, *хотя-бы и не свободныхъ, не могущихъ быть возвращенными въ срокъ*, показанный на долговомъ документѣ.

Еслибъ правительство просто, опираясь на свою власть, отобрало эти капиталы и ихъ уничтожило, простота дѣла обусловливала бы и скорый конецъ его. Но правительство даетъ за уничтоженный капиталъ долговой знакъ. Этотъ знакъ самъ по себѣ, въ моментъ, когда онъ рождается, никакой цѣнности не имѣетъ. Но онъ обладаетъ насильственною обращаемостью. Послѣдняя существенно отличается отъ всего, что въ экономической области обладаетъ цѣнностью. Ибо она выражаетъ—пущенный въ оборотъ правительственный авторитетъ, правительственную власть, перечеканенную въ деньги. Это—не цѣнность Но—это можетъ быть замѣною, суррогатомъ цѣнности. Кто обладаетъ безсрочнымъ правительственнымъ долговымъ знакомъ можетъ *повторить* то, что сдѣлало правительство. Возможность такого повторенія—во всякомъ случаѣ представляетъ полезность, которою обстоятельства времени *заставляютъ* дорожить. И вотъ ее начинаютъ цѣнить и оцѣнивать. Ради нея *получаютъ* посредственную, косвенную цѣнность и долговые знаки правительства.

Что-же отъ этого происходитъ? Что обладающій долговымъ знакомъ не считаетъ уже погибшими цѣнности, которыя у него отобрало и уничтожило правительство. Онъ вѣдь обладаетъ эквивалентомъ въ долговомъ знакѣ. Глубоко вникать въ природу эквивалента обыкновенно мало кому и на мысль приходитъ. Имѣютъ въ виду только, что долговой документъ обладаетъ цѣнностью Изъ этого заключаютъ, что онъ—капиталъ. А изъ того, что онъ обладаетъ обращаемостью, заключаютъ, что онъ свободный капиталъ. На самомъ дѣлѣ, однако, обладатели долговыми знаками имѣютъ въ своихъ рукахъ только суррогатъ цѣнности, которая совсѣмъ не есть капиталъ и составляетъ прямую противуположность свободному капиталу. Кто обладаетъ бумажными деньгами, въ крайнемъ случаѣ можетъ считать, что онъ имѣетъ свидѣтельство о капиталѣ долга, о его валютѣ, но не капиталъ или валюту. Самого капитала нѣтъ. Его и правительство не имѣетъ, потому что оно капиталъ уничтожило. Всего-же менѣе бумажныя деньги могутъ представлять капиталъ свободный. Потому что онѣ не представляютъ даже капитала, производительно затраченнаго. Онѣ представляютъ капиталъ, уничтоженный безвозвратно.

Понятія о томъ, что такое представляютъ бумажныя деньги, могутъ быть до такой степени глубоко превратны, что этотъ пунктъ требуетъ внимательнаго разсмотрѣнія. Превратность господствующихъ представленій, будто бумажныя деньги—капиталъ и могутъ быть даже свободнымъ капиталомъ, главнымъ образомъ вызывается насильственною обращаемостью. Обращаемость и вообще представляетъ такое явленіе, съ которымъ ходячія представленія еще не свыклись и непониманіе котораго вводитъ многихъ въ различныя и сильныя заблужденія. Такъ, обращаемость паеваго имущества (акцій и облигацій) наводитъ многихъ на ошибочную мысль, будто въ долгосрочное помѣщеніе можно отдать краткосрочно-свободные капиталы. Т. е. полагаютъ, что при обращаемости долгосрочность и краткосрочность, какъ помѣщеній, такъ и свободныхъ капиталовъ, становятся несущественными вещами, совершенно парализуются или могутъ другъ друга замѣнять Но обращаемость не мо-

жетъ создавать недостающую мѣру свободности для такихъ капиталовъ, которые ея имѣютъ мало. Она не можетъ вовсе создавать свободности для тѣхъ капиталовъ, которые ея совершенно лишены. Всего-же менѣе обращаемость можетъ создавать свободность для того, что совсѣмъ не есть капиталъ.

Вслѣдствіе своей обращаемости, бумажныя деньги, несомнѣнно, представляютъ, по меньшей мѣрѣ, суррогатъ (замѣну) богатства. Такъ какъ ими возможно производить уплаты по обязательствамъ, которыя порождаются полученіемъ дѣйствительнаго богатства (товаровъ и вообще цѣнностей), то обладаніе ими можетъ замѣнять обладаніе дѣйствительнымъ богатствомъ. Но роль такой замѣны бумажныя деньги могутъ играть *только для отдѣльныхъ лицъ*. Онѣ могутъ играть эту роль только съ точки зрѣнія *эгоистическихъ* интересовъ отдѣльнаго члена народнаго хозяйства. Но онѣ не представляютъ замѣны дѣйствительнаго богатства для *всѣхъ* членовъ народнаго хозяйства, вмѣстѣ взятыхъ въ какое либо данное время. Если онѣ богатство для *одного* человѣка, то потому только, что онъ за нихъ можетъ взять богатство *другаго* человѣка. Для другаго онѣ богатство, потому что онъ можетъ взять богатство *третьяго* и т. д. Но если владѣлецъ на нихъ смотритъ безъ отношенія до чужаго дѣйствительнаго богатства, которое онъ можетъ получить за бумажныя деньги, послѣднія теряютъ свое значеніе. Безъ отношенія до чужаго богатства, которое взамѣнъ бумажныхъ денегъ можно получить, онѣ представляютъ только неисполняемое обѣщаніе, которое для кого нибудь, во всякомъ случаѣ, должно проявлять это свое значеніе. Правда, сегодня бумажныя деньги представляютъ неисполняемое обѣщаніе для А, завтра для Б, послѣ завтра для В, Г, Д и т. д. Но для кого нибудь,— если не для А, то для Б или В, или Г и т. д., — онѣ *необходимо должны* представлять такое обѣщаніе.

Послѣдствіе отсюда слѣдующее. Силу, которую во всякомъ случаѣ даетъ обладаніе бумажными деньгами для пріобрѣтенія чужаго дѣйствительнаго богатства, обладатель бумажекъ можетъ расходовать. Тогда означенная сила будетъ *занята* служеніемъ для на-

добностей своего обладателя. Или послѣдній можетъ не имѣть надобностей, для которыхъ онъ необходимо долженъ былъ ее расходовать. Тогда она для обладателя будетъ *свободною*. Но обладать свободною силою еще не значитъ обладать свободнымъ капиталомъ. Ибо не всякая сила—капиталъ. Это и выражается осязательно въ неспособности бумажныхъ денегъ служить капиталомъ разомъ для всѣхъ членовъ народнаго хозяйства. Когда бумажныя деньги ни на что не расходуются, онѣ одно только неисполняемое правительственное обѣщаніе и представляютъ. Онѣ представляютъ силу, которая можетъ служить для одной только извѣстной цѣли, но на самомъ дѣлѣ даже для этой цѣли не служитъ. Сберегая свободныя бумажныя деньги, обладатель ихъ, правда, *сохраняетъ* себѣ силу, которая *въ предѣлахъ даннаго народнаго хозяйства* замѣняетъ свободное имущество. Но ему достаточно только выйти за эти предѣлы, чтобы убѣдиться, что его деньги не представляютъ дѣйствительно свободнаго богатства. У предѣловъ, гдѣ оканчивается правительственная власть, дѣйствующая въ насильственной обращаемости бумажныхъ денегъ, оканчивается и ихъ роль замѣны богатства. Ибо за этими предѣлами онѣ весьма легко могутъ оказаться лишенными всякой (и прямой, и косвенной) цѣнности. Правда; лишенными всякой цѣнности бумажныя деньги оказывались иногда и въ предѣлахъ авторитета правительства, ихъ выпустившаго. Но это бывало тогда только, когда совершенно терялась всякая надежда на возможность, чтобы когда либо правительство разсчиталось съ владѣльцами бумажекъ. Если совершенно теряется эта надежда, то бумажныя деньги теряютъ даже и косвенную цѣнность. Тогда перестаютъ дорожить и ихъ насильственною обращаемостью. Но если надежда на наступленіе того времени, когда правительство разсчитается по бумажно-денежнымъ знакамъ, имѣетъ основанія, то *въ ожиданіи этого времени* насильственною обращаемостью будутъ дорожить.

Итакъ, бумажныя деньги,—не представляя накопленныхъ плодовъ прошлой предпріимчивости, польза коихъ сохранена, — не представляютъ и капитала. Онѣ обладаютъ только косвенною цѣн-

ностью, вслѣдствіе того, что обстоятельства заставляютъ дорожить ихъ насильственною обращаемостью.

Такъ какъ бумажныя деньги только въ той мѣрѣ и представляютъ замѣну (суррогатъ) цѣнности, въ какой онѣ приносятъ пользу своею обращаемостью, то это побуждаетъ каждаго ихъ владѣльца воспользоваться ихъ обращаемостью возможно скорѣе. Отсюда—роль орудія обращенія, которую бумажныя деньги стремятся играть съ усиленною энергіею. Ихъ стремленіе играть эту роль усиливается, какъ тѣмъ, что въ ней онѣ приносятъ свою пользу, такъ и тѣмъ, что и роль орудія обращенія бумажныя деньги могутъ играть только въ предѣлахъ даннаго народнаго хозяйства. Причины, подъ вліяніемъ которыхъ обращающая сила и при звонкихъ деньгахъ должна оставаться свободною у ихъ владѣльцевъ, могутъ дѣлать и изъ бумажныхъ денегъ орудія сбереженія. Но, во первыхъ, и такими орудіями бумажныя деньги могутъ быть только въ народномъ хозяйствѣ, въ предѣлы котораго замкнутъ авторитетъ правительства, ихъ выпустившаго. Во вторыхъ, бумажныя деньги во всякомъ случаѣ сохраняютъ не капиталъ. Когда онѣ и орудія сбереженія, онѣ оберегаютъ или сохраняютъ только долгъ, ими представляемый.

Такимъ образомъ бумажныя деньги становятся орудіемъ обращенія и сбереженія. Орудіемъ для экономическаго измѣренія онѣ, однако, не могутъ стать, потому что представляютъ только суррогатъ цѣнности, а не дѣйствительное богатство. Только то, что существуетъ въ дѣйствительности, какъ нѣчто осязательное и всѣмъ видимое,—что существуетъ не только какъ возможность или случайность, но какъ необходимость,—только это можетъ быть и мѣрою. Длина, которую никто не видитъ, не можетъ быть единицею, съ которою могли бы сравниваться различные объемы протяженности. Не могутъ также служить единицами для сравненія такія количества тяжести, времени, теплоты и т. д., которыя лишены реальной осязательности. Почему? Потому что самое представленіе о мѣрѣ уже предполагаетъ ея осязательность и вещественность. Мѣра предшествуетъ счету и составляетъ его исход-

ный пунктъ. Она представляетъ вещественную почву, на которой происходитъ невещественный (умственный) процессъ счета. «Мѣрить», значитъ соединять два объема какихъ либо качествъ, изъ которыхъ одно принято за единицу, а въ другомъ, по предположенію, эта единица повторяется. Но какое различіе между измѣреніемъ и сосчитываніемъ? Различіе то, что процессъ измѣренія невозможенъ безъ *осязательно-вещественнаго* соединенія обоихъ означенныхъ количествъ. Процессъ-же сосчитыванія заключается въ *чисто-умственномъ* ихъ соединеніи. Когда вы считаете, вы наблюдаете, сколько разъ *повторяется* или сколько разъ встрѣчается то, что вы приняли за единицу счета. Но что тутъ значитъ слово «повторяется»? Оно означаетъ соединеніе многихъ однородныхъ или тождественныхъ явленій въ одномъ общемъ объ нихъ представленіи. Но это представленіе съ неба вѣдь не падаетъ и въ умѣ рождается не при помощи generatio equivoca. Оно не имѣетъ основаніемъ своимъ и врожденную идею. Какое-же его основаніе?— Чисто опытное: осязательная вещь, принятая единицею счета и предшествующая счету. Вотъ эта то осязательная вещь, предшествующая счету, только и можетъ служить единицею мѣры.

Люди часто смѣшиваютъ мѣру съ такъ называемымъ субъективнымъ «чувствомъ мѣры». Но это «чувство» мѣры не можетъ идти далѣе указаній, что того-то въ данномъ случаѣ «много» или «мало», «очень» много или мало, «слишкомъ» много или мало, «чрезвычайно» много или мало, «безконечно» много или мало. Почему всѣ эти выраженія неопредѣленны? Потому что «чувство мѣры» не можетъ служить основаніемъ *счета*. Другой видъ проявленія чувства мѣры представляетъ такъ называемый «глазомѣръ». «Глазомѣръ» возможенъ только тогда, когда первоначально человѣкъ уже пріучился къ употребленію вещественно-осязательной мѣры и полагается на свою «*память* мѣры». Ту свою способность, съ помощью которой человѣкъ въ состояніи *возобновлять въ своемъ умѣ* прежде видѣнное, слышанное, прочувствованное или придуманное, человѣкъ можетъ упражнять, между прочимъ, и на мѣрѣ. Вслѣдствіе того онъ можетъ пріобрѣсти способность пом-

нить мѣру и употреблять ее *по памяти*, хотя бы въ отдѣльномъ данномъ случаѣ она и не имѣлась предъ глазами. Иногда такое употребленіе можетъ быть весьма удачнымъ. По большей части, однако, оно неудачно и ведетъ только къ ошибкамъ. Причина тому очень простая: память у людей разнообразится съ ихъ индивидуальными особенностями.

Экономическая область жизни имѣетъ предъ другими областями человѣческой жизни однимъ изъ важнѣйшихъ своихъ преимуществъ то, что она обладаетъ мѣрою, которая можетъ служить основаніемъ болѣе или менѣе точнаго счета. Поэтому всего менѣе въ экономической жизни можетъ имѣть значеніе неопредѣленное «чувство мѣры» или столь же неопредѣленная «память мѣры» (глазомѣръ). Въ экономической области смѣются надъ тѣмъ, кто при опредѣленіи количественной стороны вещей полагается на «чувство мѣры» или на «глазомѣръ». Вотъ почему безсильными оказываются и правительственныя мѣры, направленныя на устраненіе наилучшей мѣры.

Экономическая мѣра не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Ея основаніе такое-же осязательное, какъ и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, когда она служитъ основою счета. Но какимъ образомъ золотыя и серебряныя деньги функціонируютъ въ роли орудія мѣры? Какъ онѣ измѣряютъ всякое другое богатство? По какому признаку можно судить, что онѣ служатъ орудіемъ измѣренія? Вы говорите, что такая-то вещь стоитъ два, три, десять рублей,—т. е., что мѣноспособности или покупательной силы въ ней столько-же, сколько въ количествѣ золота или серебра, изъ котораго можно изготовить два, три, десять рублей. Но какъ я могу убѣдиться, что вы говорите правду, что вы вѣрно измѣрили, что уравненныя вами вещи дѣйствительно другъ другу равны? Очевидно, что существуетъ только единственное средство, доказывающее вѣрность произведеннаго измѣренія, а съ нимъ и уравненія. Это средство—готовность и возможность *получить какую угодно* изъ уравненныхъ вещей. Если по экономической цѣнности двѣ вещи другъ другу равны,

то это должно выразиться въ томъ, что *ихъ можно другъ на друга обмѣнять*. То есть функціонированіе денегъ въ качествѣ орудія мѣры предлагаетъ функціонированіе ихъ въ качествѣ орудія обращенія. Если золото и серебро составляютъ матерьялъ, изъ котораго изготовляется наилучшая мѣра, то ихъ будутъ стараться прямо или косвенно требовать за товары или по долгамъ, покупательную силу которыхъ они измѣряютъ. Такъ какъ золото и серебро представляютъ *наилучшій* матеріалъ для экономическаго орудія измѣренія, то разъ ихъ нельзя требовать прямо,— это значитъ, что предпріимчивость принуждаютъ искать *косвенныхъ путей*, коими она все таки въ состояніи была бы добыть *настоящую* мѣру, а не фиктивную.

Тѣмъ не менѣе людямъ можетъ *казаться*, что бумажныя деньги однѣ только служатъ и орудіемъ мѣры. Имъ будетъ казаться, что они все измѣряютъ бумажными деньгами, потому что они рѣдко замѣчаютъ, какъ *оцѣнкѣ товаровъ на бумажныя деньги предшествуетъ оцѣнка самихъ бумажныхъ денегъ на металлическія деньги*. Въ сущности, однако, *чрезъ посредство* бумажныхъ денегъ (косвенно) продолжаютъ дѣйствовать въ роли орудія мѣры звонкія деньги. Но этого косвеннаго функціонированія звонкихъ денегъ не замѣчаютъ, оттого что въ него не вдумываются. Очевидно, однако, что и косвенно функціонировать въ роли орудія мѣры звонкія деньги не были бы въ состояніи, если-бъ бумажныя деньги совсѣмъ нельзя было оцѣнивать на звонкія деньги. Но тогда бумажныя деньги совсѣмъ потеряли бы всякую цѣнность. Насколько-же онѣ сохраняютъ свою цѣнность, это именно должно обнаружить ихъ сопоставленіе и измѣреніе или сравненіе съ звонкими деньгами. Разъ опредѣливъ цѣнность бумажныхъ денегъ, звонкія деньги уже тогда начинаютъ свою функцію орудія косвеннаго измѣренія. И то обстоятельство, что онѣ дѣйствуютъ чрезъ посредство бумажныхъ денегъ, именно и наводитъ на мысль, что бумажныя деньги служатъ орудіемъ мѣры. Но это-же самое обстоятельство усложняетъ явленія, въ которыхъ выражается экономическое измѣреніе. Ибо означенныя яв-

ленія начинаютъ выражать результатъ измѣренія не только собственной цѣнности товаровъ и услугъ, но еще и цѣнности бумажныхъ денегъ. Отсюда — возможность болѣе частыхъ перемѣнъ въ ихъ цѣнахъ уже отъ того одного, что отношеніе между звонкими деньгами и бумажными деньгами не имѣетъ прочнаго основанія и должно значительно колебаться.

Здѣсь надлежащее мѣсто для выясненія особаго явленія, съ которымъ бумажныя деньги идутъ по большей части объ руку, хотя и нѣтъ никакой внутренней необходимости для этого. Мы говоримъ о «принудительной цѣнѣ» (cours forcé, Zwangscours) бумажныхъ денегъ. Эту принудительную цѣну нужно отличать отъ «насильственной обращаемости» (legal tender). Послѣдняя означаетъ обязанность каждаго вообще принимать бумажныя деньги, вмѣсто платежа. Первая-же выражаетъ обязанность принимать ихъ *по цѣнѣ, указанной закономъ*. Законъ объявляетъ, что онъ считаетъ рубль звонкими деньгами *совершенно равнымъ* рублю бумажными деньгами. Что-же значитъ это объявленіе? Прежде всего, конечно, что за каждый рубль бумажными деньгами правительство обязывается возвратить рубль звонкими деньгами. Иначе вѣдь объявляемое закономъ равенство прежде всего самимъ правительствомъ превращалось бы въ неравенство. Но это еще не все. Правительственное постановленіе, чтобъ рубль звонкими и рубль бумажными деньгами другъ другу равнялись, означаетъ, что всѣ кредиторы, которые имѣли право на платежи звонкими рублями, должны довольствоваться бумажными. Но и этого еще мало. Правительственное постановленіе о равенствѣ звонкихъ и бумажныхъ рублей означаетъ еще приказъ, чтобъ всегда сравненіе бумажнаго рубля съ звонкимъ, измѣреніе перваго послѣднимъ, непремѣнно обнаруживало ихъ равенство.—Пока «принудительная цѣна» объясняетъ только, какъ правительство будетъ разсчитываться по своему долгу, она, конечно, не приноситъ никакого вреда. Она, напротивъ, полезна, обезпечивая положительнымъ закономъ ту пропорцію бумажныхъ денегъ къ звонкимъ, по которой правительство разсчитается со своими вѣрителями. Ибо если правительство по иной

пропорціи произведетъ разсчетъ и погашеніе своего долга, то оно прежде всего само нарушитъ постановленный имъ законъ. Но когда принудительная цѣна выражаетъ приказъ, чтобъ всѣ вѣрители, которымъ предстояло полученіе звонкихъ рублей, довольствовались бумажными,—то, очевидно, что оно начинаетъ подвергать опасности имущество этихъ вѣрителей въ пользу ихъ должниковъ, Ибо—хорошо, если бумажный рубль и звонкій дѣйствительно будутъ равняться другъ другу. А если бумажный рубль окажется *меньше* звонкаго? Тогда, очевидно, вѣрителю будетъ уплочена только *часть* долга. Другая-же часть останется неуплочонною. Съ нею вѣритель потеряетъ часть своего имущества. Выиграетъ-ли эту часть должникъ или не выиграетъ,—во всякомъ случаѣ вѣритель ее теряетъ. За что? Кому отъ этого выгода? Правительство отъ этого вѣдь во всякомъ случаѣ ничего не выигрываетъ. Какой-же ему интересъ издавать постановленіе, отъ котораго страдаетъ цѣлая часть народно-хозяйственнаго населенія? Такого интереса нѣтъ. Отчего-же существуетъ постановленіе? Съ какою цѣлью оно издано? Въ отвѣтъ на эти-то вопросы мы встрѣчаемся съ третьимъ смысломъ закона о принудительной цѣнѣ бумажныхъ денегъ. Законъ непремѣнно желаетъ добиться того, чтобъ сравненіе бумажныхъ денегъ съ звонкими и измѣреніе первыхъ послѣдними всегда обнаруживало ихъ равенство. Но это значитъ: законъ требуетъ, чтобъ люди при сравненіи и измѣреніи справлялись о результатѣ не тамъ, гдѣ онъ оказывается на дѣлѣ, а въ книгѣ законовъ, гдѣ указано, какимъ его должно считать, какимъ онъ долженъ казаться, за что его слѣдуетъ принимать. Другими словами, постановленіе о «принудительной цѣнѣ» узаконяетъ фикцію, заставляетъ извращать фактъ и отворачиваться отъ него. Ибо очевидно, что на результаты сравненія, равно какъ и на самое сравненіе, постановленіе закона не можетъ имѣть никакого вліянія. Никакая сила не въ состояніи уравнивать неравныя вещи.

Выше (стр. 83—85) мы разобрали, въ чемъ заключается задача государства по отношенію къ орудію экономической мѣры, и показали, что задача заключается *въ соблюденіи равенства*

*этой мѣры для всѣхъ, ею пользующихся.* Уже одно это принуждаетъ правительство пользоваться только средствами, которыми его задача дѣйствительно разрѣшается. Не изъ всякаго матеріала можно изготовить мѣру, которая могла бы всегда быть одинаковая для всѣхъ. Очевидно, что если матеріалъ, изъ котораго мѣра изготовляется, такого свойства, что данное его количество представляетъ сегодня одну массу покупательной силы, завтра —другую, послѣ-завтра—третью и т. д.,—то означенное количество, для лица, для котораго оно сегодня служитъ мѣрою, будетъ представлять *одну* мѣру. Для тѣхъ, для которыхъ оно завтра будетъ служить мѣрою, оно представитъ уже *иную* мѣру. Послѣзавтра оно для третьихъ лицъ будетъ представлять опять *новую* мѣру. Подвергаясь измѣненіямъ и переходя въ новыя руки, количество матеріала, изъ котораго изготовлена единица измѣренія, будетъ представлять менѣе всего одинаковую мѣру для всѣхъ, ею пользующихся. Задача правительства, касающаяся единицы экономической мѣры, заключается въ томъ, чтобъ въ государствѣ существовала хорошая, самая лучшая мѣра. Понятно, поэтому, что менѣе всего правительство можетъ издавать такія постановленія, которыя портили бы экономическую мѣру. Ибо оно шло бы тогда въ разрѣзъ со своею задачею.

Если правительство издаетъ постановленіе, по которому оно насильственно уравниваетъ самый лучшій матеріалъ для экономической мѣры съ такою вещью, которая сама совсѣмъ не годится въ матеріалъ для мѣры, то это все равно, какъ еслибъ оно совершенно отреклось отъ наилучшаго матеріала. То есть, правительство тогда обращается къ средству, съ помощью котораго совсѣмъ и невозможно разрѣшеніе его задачи о соблюденіи равенства экономической мѣры для всѣхъ, ею пользующихся. Задача тогда остается открытою. И она ждетъ своего разрѣшенія до тѣхъ поръ, пока не отмѣняется постановленіе о принудительной цѣнѣ бумажныхъ денегъ.

Тѣмъ временемъ, однако, дѣйствительно цѣна бумажныхъ денегъ зависитъ не отъ опредѣленій закона, а отъ условій, опре-

дѣлающихъ мѣру или степень, въ которой существуетъ готовность и необходимость дорожить насильственною обращаемостью бумажекъ. Мы сейчасъ увидимъ, что эта необходимость и готовность не всегда одинаковая. Оттого измѣреніе бумажныхъ денегъ звонкими даетъ результаты, не постоянные, а измѣняющіеся. Понятно, поэтому, что съ каждою перемѣною, происходящею въ цѣнности бумажныхъ денегъ, измѣняется размѣръ имущества въ особенности тѣхъ лицъ, которыя получаютъ постоянные доходы бумажными деньгами и которыхъ доходы по внутреннимъ своимъ качествамъ туго поддаются измѣненіямъ. Сюда относятся, прежде всего, всевозможные виды вознагражденій за личныя услуги и за текущій трудъ, находящійся на службѣ, т. е. затрачиваемый въ чужой экономической сферѣ. Всѣ тѣ, которые получаютъ свои доходы въ видѣ рабочей платы (за извѣстное время или поштучно), или жалованья, — которые лишены экономической независимости,— обыкновенно получаютъ наименѣе измѣняющіеся въ своемъ нарицательномъ достоинствѣ доходы. Они составляютъ обыкновенно самую значительную часть народно-хозяйственнаго населенія. И вотъ ихъ-то экономическая почва становится совершенно шаткою, когда экономическая мѣра изготовляется не изъ лучшаго матеріала и становится колеблющеюся. Но и доходы тѣхъ лицъ, которые менѣе туги на перемѣны, только въ томъ случаѣ не страдаютъ отъ колебанія цѣны бумажныхъ денегъ, когда эти колебанія идутъ совмѣстно съ перемѣнами въ доходахъ. Если цѣна бумажныхъ денегъ падаетъ тогда, когда доходы возвышаются, то возвышеніе доходовъ парализовано. Не надобно, однако, терять изъ виду, что если цѣна денегъ возвышается одновременно съ возвышеніемъ доходовъ, то владѣльцы доходовъ выигрываютъ насчетъ тѣхъ, которые имъ производятъ платежи. Какія бы перемѣны ни происходили въ цѣнѣ бумажныхъ денегъ, онѣ во всякомъ случаѣ вызываютъ перемѣны въ доходахъ и расходахъ, а съ ними такія измѣненія въ имуществѣ отдѣльныхъ лицъ, которыя совершенно независимы отъ ихъ дѣятельности. Одни разворяются, другіе обогащаются совершенно неожиданно. Въ распредѣленіе богатствъ

вторгается новая сила. Это распредѣленіе становится въ зависимости отъ всѣхъ тѣхъ условій, которыя обусловливаютъ колебаніе цѣны бумажныхъ денегъ. Смотря по тому, въ какую сторону бумажныя деньги колеблются—выигрываютъ или теряютъ то кредиторы, то должники.

61. Отъ чего-же зависитъ цѣна бумажныхъ денегъ? Отъ чего зависитъ мѣра или степень, въ которую возможно или необходимо дорожить насильственною обращаемостью бумажныхъ денегъ? Отчего зависитъ разстояніе, на которое дѣйствительная (рыночная) цѣна бумажныхъ денегъ уклоняется отъ ихъ принудительной цѣны, если таковая предписывается закономъ?

Причины, опредѣляющія степень или мѣру силы, съ которою дѣйствуютъ бумажныя деньги и опредѣляющія этимъ цѣну бумажныхъ денегъ, двоякаго рода и *противуположнаго* свойства. Одинъ рядъ причинъ, представляемый свойствами самихъ бумажныхъ денегъ, тянетъ цѣну послѣднихъ внизъ и стремится дѣлать эту цѣну неустойчивою. Но такъ какъ обезцѣненіе бумажныхъ денегъ и неустойчивость ихъ цѣны раззоряютъ народное хозяйство, — то именно раззоряющія вліянія вызываютъ реакцію противъ себя уже со стороны народнаго хозяйства и производительной предпріимчивости. Именно разоряющія причины, дѣйствующія въ бумажныхъ деньгахъ, вызываютъ противуположныя имъ, реагирующія противъ нихъ, другія причины. Эти другія причины противудѣйствуютъ, какъ обезцѣненію бумажныхъ денегъ, такъ и ихъ неустойчивости. Вслѣдствіе того въ окончательномъ результатѣ вырабатываются такія явленія, которыя могутъ не всегда повести къ правильнымъ представленіямъ, еслибъ мы по нимъ желали судить о качествахъ вліяній, оказываемыхъ собственно внутреннею природою самихъ бумажныхъ денегъ. Такъ какъ многія раззорительныя послѣдствія этихъ вліяній парализуются противуположными имъ вліяніями народнохозяйственной производительности, то можно придти къ мысли, будто и вліянія бумажныхъ денегъ не столь раззорительны.

Вотъ почему должно считать существенно важнымъ положеніе, что, сами по себѣ, раззорительныя вліянія бумажныхъ денегъ достаточно велики, чтобъ даже устранять всякую возможность или необходимость субъективнаго преувеличенія. Преувеличивать зло бумажныхъ денегъ—нельзя, потому—что это зло всегда и безъ ошибочныхъ представленій объ его размѣрѣ уже само по себѣ всегда преувеличенное.

Весьма характеристичнымъ обстоятельствомъ для тѣхъ, которые говорятъ о возможности субъективныхъ преувеличеній зла отъ бумажныхъ денегъ, является ихъ собственное указаніе, что необходимо различать три состоянія, въ которыхъ могутъ находиться бумажныя деньги. Одно состояніе наблюдается тогда, когда бумажныя деньги совершенно лишаются всякой цѣнности. Другое наблюдается тогда, когда онѣ лишаются большей части своей цѣнности и сохраняютъ только ея меньшую часть, болѣе или менѣе значительную. Наконецъ, третье состояніе бумажныхъ денегъ наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ теряютъ болѣе или менѣе значительную часть своей цѣнности, но во всякомъ случаѣ меньшую, чѣмъ та, которая у нихъ остается. Опытъ доказываетъ, что отъ абсолютнаго количества выпущенныхъ бумажекъ *не* зависитъ ни одно изъ трехъ состояній, возможныхъ для бумажекъ. Ясно въ такомъ случаѣ, что сама природа бумажныхъ денегъ не препятствуетъ ни одному изъ этихъ состояній. И ясно, что если состояніе бумажныхъ денегъ иногда безнадежное, иногда только дурное, а иногда еще сносное,—то это зависитъ не отъ ихъ природы, а отъ постороннихъ причинъ, противудѣйствующихъ ихъ природѣ.

По своей собственной внутренней природѣ бумажныя деньги не представляютъ *ни одного* такого элемента, который въ силу своихъ собственныхъ внутреннихъ качествъ могъ-бы обусловливать какую-бы то ни было ихъ полезность. Совершенно напротивъ всѣ элементы, изъ которыхъ слагаются бумажныя деньги, или безполезны или вредны.

Просимъ не забывать, что подъ бумажными деньгами мы *толь-*

*ко* тѣ долговые знаки и разумѣемъ, которые правительство вынуждено выпускать, когда оно находится въ совершенно исключительномъ положеніи: когда самому его существованію угрожаетъ опасность,—когда *всѣ* его финансовые рессурсы истощились,—когда оно, въ силу политическихъ соображеній, должно прибѣгнуть къ насилію,—когда политическому интересу оно должно пожертвовать всѣми экономическими интересами. Только тогда являются долговые знаки, не представляющіе ни кредита, ни налоговъ, а представляющіе одну только государственную власть, стремящуюся къ самосохраненію. Только такіе долговые знаки—бумажныя деньги. Ибо долговые знаки правительства, опирающіеся на кредитъ и на налоговые источники правительства, недошедшіе еще до истощенія, вовсе и не нуждаются въ томъ, чтобъ они были *бумажными деньгами.* Съ нихъ совершенно достаточно, что они—*кредитныя орудія обращенія*, ничѣмъ не отличающіяся отъ всякихъ иныхъ кредитныхъ орудій обращенія. Существенно отъ послѣднихъ отличаются только *бумажныя деньги*, какъ онѣ выше опредѣлены.

Строго говоря, съ *бумажными деньгами* вовсе находится въ необходимой связи только вопросъ о злоупотребленіяхъ *кредитомъ*. Ибо бумажныя деньги, какъ нами указано, совсѣмъ не находятся въ связи съ кредитомъ: онѣ совсѣмъ не кредитные знаки. Но бумажныя деньги выражаютъ насильственно установленную связь между государственно-хозяйственными (финансовыми) рессурсами и почти всѣми основами народно-хозяйственнаго благосостоянія. Отъ бумажныхъ денегъ страдаютъ всѣ эти основы. Выше, напр., указано, какъ бумажныя деньги влекутъ за собою то, что государство перестаетъ соблюдать точность и правильность экомической мѣры, этого механическаго (экономическаго) основанія правды и справедливости въ имущественныхъ отношеніяхъ. Бумажныя деньги влекутъ за собою злоупотребленіе не только кредитомъ, но и капиталами. Въ книгѣ, однако, спеціально посвященной одному только кредиту, понятно, что мы сосредоточиваемъ наше разсмотрѣніе только на тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ кредиту.

Мы знаемъ уже, что злоупотребленіе кредитомъ не имѣетъ никакой внутренне-необходимой связи съ объемомъ кредита. Злоупотребленіе кредитомъ одинаково возможно, и тогда, когда его мало, и тогда, когда его много. Отъ того только, что кредитомъ пользуются много, вовсе не должно необходимо проистекать дурное пользованіе имъ. Когда правительства добываютъ нужныя имъ средства путемъ бумажно-денежныхъ выпусковъ, они—строго говоря—непосредственно злоупотребляютъ не однимъ только кредитомъ. Но для насъ важнѣе другое обстоятельство. Когда правительства пользуются бумажно-денежными выпусками, то они находятся въ положеніи, *совершенно аналогическомъ* тому положенію, въ какомъ находятся предприниматели, когда они злоупотребляютъ кредитомъ. То есть, *мѣра* злоупотребленія зависитъ не отъ абсолютнаго объема бумажно-денежнаго выпуска, а отъ *отношенія* между этимъ объемомъ и *свободными средствами народнаго хозяйства*.

Несомнѣнно, конечно, что, уже независимо отъ всякой мѣры пользованія бумажно-денежными выпусками, каждый выпускъ,—все равно большой-ли онъ, или не большой,—то есть, выпускъ самъ по себѣ,—уже представляетъ злоупотребленіе. Потому что бумажныя деньги правительство выпускаетъ, когда ему необходимо расходоваться, слѣдовательно, какъ орудія обращенія. А между тѣмъ оно совсѣмъ не справляется предварительно у оборота, нужны-ли ему эти орудія, или не нужны? Оно заимствуетъ капиталы и даже дѣлаетъ видъ, будто заимствуетъ только свободные капиталы, даже болѣе—одни только безсрочно-свободные капиталы ссудные. А между тѣмъ оно ни у кого не справляется, существуютъ-ли эти капиталы или не существуютъ. Оно дѣлаетъ видъ, будто пользуется кредитомъ и путемъ кредита производитъ добываніе нужныхъ средствъ. А между тѣмъ на самомъ дѣлѣ оно совсѣмъ не кредитомъ пользуется.

Каждый бумажно-денежный выпускъ навязываетъ народному хозяйству массу орудій обращенія, не справляясь, нужны-ли они, или не нужны. Ясно, что дальнѣйшая ихъ судьба зависитъ уже не отъ того, какими они явились на свѣтъ, а отъ того, какъ ихъ

приметъ народное хозяйство. На свѣтъ они явились злоупотребленіемъ. Но если народное хозяйство съумѣетъ обнаружить соотвѣтственную имъ потребность, то зло, ими представляемое, будетъ облегчено. Если-же народное хозяйство никакой потребности въ нихъ не обнаружитъ, они останутся тѣмъ-же, чѣмъ были съ самаго начала своего появленія.

Бумажныя деньги первоначально являются документами, свидѣтельствующими, что правительство позаимствовало для себя извѣстную часть изъ народно-хозяйственнаго запаса средствъ и что заимствованіе правительство признало своимъ долгомъ. Еслибъ правительство ограничивалось однимъ только заимствованіемъ, народное хозяйство должно было бы примириться съ фактомъ, какъ бы онъ ни былъ раззорителенъ. Разсужденія о немъ могли или должны были бы быть только теоретическаго свойства. Но если правительство признаетъ заимствованіе своимъ долгомъ, оно подаетъ поводъ разсужденіямъ уже практическаго свойства. Ибо, сказавъ, что бумажныя деньги представляютъ долгъ, правительство создаетъ матеріалъ для цѣнности. Всякая-же цѣнность необходимо вызываетъ дальнѣйшій вопросъ о своемъ размѣрѣ, о томъ, какъ она велика. Всякое качество (все равно, какое: цѣнность, цвѣтъ, тяжесть, красота, храбрость и т. д.) всегда встрѣчается въ дѣйствительной жизни въ опредѣленныхъ количествахъ, въ опредѣленномъ объемѣ или размѣрѣ. Чистое (абстрактное) качество, несопровождаемое никакимъ количествомъ, показывающимъ его размѣръ (коэффиціентъ), возможно только въ мысли, а не на дѣлѣ. Сказавъ, что бумажныя деньги—долгъ, по которому послѣдуетъ платежъ, правительство ставитъ само народному хозяйству два вопроса. Во первыхъ, правительство спрашиваетъ, признаетъ-ли народное хозяйство предстоящій платежъ цѣнностью? Во вторыхъ, если цѣнность признается, то какая именно, въ какомъ объемѣ или размѣрѣ,—какъ велика цѣна правительственнаго долга?

Эти-то вопросы для насъ и важны, какъ содержащіе въ своихъ отвѣтахъ указанія на составные элементы кризисовъ, сопровождающихъ злоупотребленіе кредитомъ. Ибо и кризисъ, и злоупотребленіе

кредитомъ порождаютъ долги, по коимъ платежъ въ срокъ не исполняется. Важно въ такомъ случаѣ знать качество вліяній, которыя подобными долгами оказываются, или явленій, сопровождающихъ ихъ существованіе. Когда по неисполняемымъ долгамъ должники представляются предпринимателями, то и долговъ не можетъ быть много (съ ними стараются скоро покончить), и дѣйствія относительно ихъ могутъ казаться произвольными. Напротивъ, когда по неисполняемымъ долгамъ отвѣтчикомъ является правительство, оно въ состояніи болѣе долго продержать ихъ въ оборотѣ. Этимъ долгамъ предоставлено больше времени, чтобъ проявить свое вліяніе. Сверхъ того, и народному хозяйству въ своемъ обратномъ вліяніи на неисполняемые долги приходится дѣйствовать болѣе крупными, такъ сказать, пріемами. А это лишаетъ его дѣйствія характера произвольности и случайности.

Итакъ, объявленіе бумажныхъ денегъ долгомъ означаетъ прежде всего постановку вопроса: имѣютъ-ли онѣ цѣнность? Такъ какъ бумажныя деньги снабжаются насильственною обращаемостью, которая одна даетъ имъ возможность немедленно быть сколько-нибудь полезными (хотя только въ узкихъ эгоистическихъ интересахъ отдѣльныхъ лицъ), то вопросъ о цѣнности можетъ непосредственно относиться или къ обращаемости бумажекъ, или къ будущему платежу, который онѣ обѣщаютъ. Цѣнность будетъ имѣть своимъ основаніемъ будущій платежъ въ тѣхъ только случаяхъ, если правительство, — не смотря на то, что у народнаго хозяйства оно не справлялось о его средствахъ, заимствуя ихъ путемъ выпуска, — все таки явилось со своими бумажными деньгами во время, когда свободныя средства имѣлись. Первоначально могло и не быть желаніе отдать свободныя средства правительству. Но разъ фактъ совершился, правительство ихъ взяло, а предпріимчивость не стѣснена потерею ихъ,—легко возможно и примиреніе съ фактомъ. Съ истеченіемъ ненормальнаго времени, довѣріе къ правительству возвратится. Установятся основанія для разсчета, что правительство будетъ скоро имѣть средства для уплаты своего долга Тогда возможно, что вопросъ о цѣнности долга, представ-

ляемаго бумажными деньгами, будетъ рѣшенъ положительно она основаніи уже одного того, что дорожить будутъ предстоящею уплатою долга.

На совершенно противуположномъ крайнемъ концѣ цѣпи возможныхъ отвѣтовъ на вопросъ о цѣнности бумажныхъ денегъ стоитъ другой случай. Когда правительство позаимствовало и уничтожило такую часть изъ народно-хозяйственнаго запаса средствъ, что этимъ совершенно разстроило и обезсилило народное хозяйство,— когда выпускъ сопровождался еще войною въ предѣлахъ того-же мѣста, въ которыхъ только и имѣетъ значеніе насильственная обращаемость бумажекъ, и эта война, что называется, доконала данное мѣсто,—когда обращать бумажнымъ деньгамъ не остается совершенно ничего или почти ничего,—когда на обращаемость бумажекъ никто не расчитываетъ, потому что каждый думаетъ не объ отчужденіи своего дѣйствительнаго богатства, а о спасеніи его путемъ скрытія,—когда выпустило бумажки правительство, потерявшее всякое довѣріе,—когда бумажки выпущены правительствомъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ему антипатизируютъ, гдѣ населеніе считаетъ нечестнымъ пользоваться правомъ, предоставленнымъ враждебнымъ правительствомъ,—тогда вопросъ о цѣнности бумажныхъ денегъ не рѣшается положительно даже и на основаніи ихъ насильственной обращаемости. Смотря по тому, какія именно изъ перечисленныхъ причинъ и сколько ихъ стекается въ данномъ отдѣльномъ случаѣ, бумажныя деньги теряютъ или всякую цѣнность или самую значительную часть своей цѣнности.

Между очерченными двумя крайними случаями лежатъ болѣе обычные и часто встрѣчающіеся случаи. Вопросъ о цѣнности бумажныхъ денегъ рѣшается положительно, какъ на основаніи ихъ насильственной обращаемости, такъ и на основаніи довѣрія къ правительственному обѣщанію, что оно уплатитъ свой долгъ, представляемый бумажными деньгами.

Когда первый вопросъ рѣшенъ положительно, тогда настаетъ очередь для втораго вопроса о *цѣнѣ* бумажныхъ денегъ. Узаконяетъ-ли правительство принудительную цѣну тѣмъ, что оно при-

казываетъ долговые знаки считать равными звонкимъ деньгамъ, которые знаками обѣщаются въ будущемъ, — или правительство этого не узаконяетъ,—все равно. На рѣшеніе вопроса о дѣйствительной цѣнѣ законъ о принудительной цѣнѣ не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія. Этотъ законъ можетъ портить только понятія, представленія, вообще—внутренній міръ сознанія народно-хозяйственнаго населенія. Но на его *дѣло*, на его дѣйствія—законъ лишенъ положительнаго вліянія. Безсознательно населеніе поступаетъ вопреки всѣмъ своимъ представленіямъ о бумажныхъ деньгахъ, составленныхъ согласно закону. Почему? Потому что нѣтъ такой цѣны, которая могла бы зависѣть отъ произвола. Законъ можетъ измѣнить только названіе цѣны, слова, которыми она обозначается,—но не самую цѣну. Такъ точно законъ можетъ только приказать, чтобъ красота *называлась* безобразіемъ, а безобразіе—красотою. Но безобразіе оттого не станетъ красотою,—красота не станетъ безобразіемъ. Потому что тѣ внутреннія основанія, которыя составляютъ «суть» красоты, не отъ закона зависятъ.

Также точно не отъ закона зависятъ тѣ внутреннія основанія, которыя составляютъ суть всякой цѣны. Цѣна долговъ зависитъ не отъ произвола. Долги могутъ погашаться различными путями. Но только одинъ изъ этихъ путей обязателенъ для кредитора. Этотъ единственный путь—пріемъ звонкихъ, драгоцѣнно металическихъ денегъ. Но за то и наоборотъ. По всякому долгу кредиторъ можетъ себя считать неудовлетвореннымъ, если ему не даютъ звонкихъ денегъ. Всякій долгъ даетъ кредитору право на звонкія деньги. Всякій долговой документъ какъ бы представляетъ соотвѣтствующій ему обмѣнъ документа на звонкія деньги. Цѣна долговаго документа и выражается въ томъ количествѣ звонкихъ денегъ, которое за него готовы дать. Количество-же звонкихъ денегъ, которое готовы дать за долговой документъ, совсѣмъ не произвольно. Ибо звонкія деньги манною небесною на землю не падаютъ.

И цѣна того долга, который представляется бумажными деньгами, окончательно выражается только количествомъ звонкихъ де-

негъ, которыя за него существуетъ возможность и готовность дать. Количество-же звонкихъ денегъ, которое существуетъ возможность дать за долгъ, представляемый бумажноденежнымъ знакомъ, опредѣляется прежде всего условіями *предложенія* денегъ въ данномъ мѣстѣ. Еслибъ правительство взяло на себя постоянно изъ своей кассы расширять предложеніе звонкихъ денегъ,—когда ихъ въ оборотѣ оказывается мало и когда оказываютъ готовность немного ихъ давать въ обмѣнъ за бумажныя деньги,—тогда отъ правительства зависѣла бы цѣна бумажныхъ денегъ. Но тогда правительство въ состояніи было бы окончательно погасить свой долгъ по бумажнымъ деньгамъ. Тогда оно само разрѣшило бы вопросъ о цѣнѣ его долга. Въ томъ то и дѣло, что исполняемое обѣщаніе и неисполняемое обѣщаніе слишкомъ различныя вещи, чтобъ какая бы то ни была принудительная власть могла ихъ уравнять. На цѣну своего долга можетъ вліять только тотъ должникъ, который его въ срокъ уплачиваетъ. А если должникъ не погашаетъ въ срокъ своего обязательства, то этимъ самимъ онъ совершенно устраняетъ и подавляетъ возможность собственнаго вліянія на цѣну обязательства. Этимъ самимъ должникъ даетъ вольную-волю всякому встрѣчному и поперечному цѣнить и переоцѣнивать обязательство. Вотъ почему законъ о принудительномъ равенствѣ бумажнаго рубля звонкому рублю долженъ оставаться безсильнымъ. Онъ стремится, чтобъ долгъ, который лишенъ самаго существеннаго своего качества (что по нему въ срокъ разсчитываются), уравнился съ долгомъ, который этимъ качествомъ обладаетъ. Онъ стремится сдѣлать безразличнымъ существованіе или отсутствіе того качества всякаго долга, которое въ немъ всего важнѣе.

И такъ, когда долговые знаки правительства представляются неисполняемыми обѣщаніями, т. е. бумажными деньгами, тогда ихъ дѣйствительная цѣна зависитъ отъ цѣны драгоцѣнныхъ металловъ. И повторяемъ снова: цѣна *всякаго* долга *всегда* опредѣляется предложеніемъ звонкихъ денегъ. Какъ ни просто это положеніе, его, однако, далеко не всегда употребляютъ въ его надлежащемъ и полномъ смыслѣ. Большею частью представляютъ дѣло такъ, какъ еслибъ бу-

мажныя деньги представляли исключеніе изъ общаго правила о томъ, какъ опредѣляется цѣна долговъ,—какъ еслибъ только для бумажныхъ денегъ и были важны предложеніе и спросъ на звонкія деньги. Но всякій долгъ въ своей цѣнѣ зависитъ отъ тѣхъ-же условій. Бумажныя деньги только потому отъ нихъ-же зависятъ, что правительство ихъ признаетъ своимъ долгомъ.

Цѣна звонкихъ денегъ въ обмѣнѣ на долговые документы, которые тоже обѣщаютъ звонкія деньги, очевидно, не можетъ иначе выражаться, какъ *надбавкою* къ одной изъ обмѣниваемыхъ при этомъ вещей, или *вычетомъ* изъ другой (Срв. данное выше разъясненіе, на стр. 549). Для цѣны бумажныхъ денегъ получаютъ, поэтому, значеніе *лажъ* (ажіо) и *дизажіо*.

Слово «лажъ» (ажіо) не во всѣхъ случаяхъ имѣетъ одинаковый смыслъ. Иногда оно вообще выражаетъ ту составную часть всякой цѣны (товаровъ, акцій, облигацій), которая, благодаря исключительнымъ условіямъ мѣста и времени, играетъ роль источника исключительной выгодности даннаго товара, данной цѣнности, или вообще исключительной доходности даннаго капитала. Въ этомъ смыслѣ лажъ входитъ въ составъ слова «ажіотажъ», означающаго стремленіе воспользоваться только цѣнами, которыя даютъ капиталу доходность, возвышающуюся надъ обычнымъ среднимъ уровнемъ. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, однако, лажъ означаетъ составную часть цѣны не всякаго вообще капитала, а только *орудій обращенія*. И выражаетъ онъ не всякую вообще составную часть цѣны орудій обращенія, а только ту, которая является подъ вліяніемъ различныхъ условій *мѣста*. Этимъ вліяніямъ могутъ подвергаться только *извѣстные виды* орудій обращенія, которые и будутъ заключать въ своей цѣнѣ лажъ. Когда *всѣ* виды орудій обращенія подвергаются одинакого какому либо вліянію, то послѣднее теряетъ мѣстное значеніе и способность порождать лажъ. Слѣдовательно, лажъ выражаетъ разность между цѣнами на одно и тоже орудіе обращенія или на различныя орудія обращенія, когда эта разность вызывается мѣстными условіями. Вотъ почему лажъ одни орудія обращенія всегда имѣютъ преимущественно предъ дру-

гими орудіями. Можетъ существовать лажъ серебряныхъ денегъ сравнительно съ золотыми и наоборотъ, или лажъ кредитныхъ орудій обращенія (переводныхъ векселей, банковыхъ билетовъ, ассигнацій) надъ металлическими и наоборотъ.

Во всякомъ случаѣ и всегда *границу* лажа представляютъ тѣ расходы, которые необходимо сдѣлать, чтобъ замѣнить одинъ видъ орудій обращенія другимъ видомъ. Ошибочно думать, что лажъ въ бумажно-денежной странѣ представляетъ явленіе одинокое, не находящее себѣ аналогіи въ странахъ, свободныхъ отъ бумажно-денежной циркуляціи. . Существуетъ много видовъ лажа. Отличаются они другъ отъ друга не внутреннею своею природою, а только количественными размѣрами, принимаемыми однимъ и тѣмъ же общимъ началомъ, когда оно принуждено осуществляться при различныхъ условіяхъ. Это начало заключается въ единствѣ источника двигательной силы циркуляціоннаго механизма. Сознательно или безсознательно, къ этому единству стремится каждое народное хозяйство въ отдѣльности, когда оно фактически дѣлаетъ деньгами одинъ или другой драгоцѣнный металлъ, хотя бы по закону и не одинъ только изъ нихъ былъ деньгами,—или когда оно, путемъ банковой организаціи кредита, объединяетъ кредитныя орудія обращенія, замѣняя обязательства отдѣльныхъ лицъ банковыми долговыми знаками: дѣлая единымъ источникомъ двигательной силы циркуляціоннаго механизма страны, или одинъ какой-либо драгоцѣнный металлъ, или вообще производительную силу предпріимчивости. Сознательно-же или безсознательно, къ тому же единству стремятся всѣ народныя хозяйства, вмѣстѣ взятыя, когда общіе интересы ихъ начинаютъ связывать въ одно хозяйство культурно-экономическаго міра. Во всякое данное время и повсюду стремленіе къ этому единству связано съ необходимостью преодолѣвать, препятствующія ему, обстоятельства. Эти обстоятельства заключаются въ разнообразіи орудій обращенія, дѣйствующихъ двигательною силою различной эффективности. Возникающая отъ того необходимость уравнивать эту эффективность вызываетъ собою установленіе пропорцій, при которыхъ эффективность уравнивается. Эти то

пропорціи выражаютъ лажъ, все равно какія орудія обращенія ни уравнивались бы.

Всѣ виды лажа, хотя и объединяются общимъ началомъ, лежащимъ въ основѣ всѣхъ ихъ, группируются однако въ двѣ категоріи, различіе между которыми въ особенности существенно и важно съ практической точки зрѣнія. Одинъ лажъ уплачивается владѣльцами орудій обращенія *драгоцѣнно-металлическихъ*, составляющихъ *капиталъ* и представляющихъ *прошлую* предпріимчивость. Другой лажъ уплачивается владѣльцами орудій обращенія, имѣющихъ источникомъ своей двигательной силы предпріимчивость, производительность которой стала предметомъ практическаго разсчета, хотя ея результаты и не реализированы еще. Одинъ лажъ есть расходъ вещи, другой есть расходъ лица. Одинъ лажъ плотитъ капиталъ, другой — кредитъ. Важное отличіе этихъ двухъ категорій лажа другъ отъ друга то, что первый изъ нихъ не имѣетъ ничего общаго съ процентомъ или дисконтомъ. Второй же находится съ нимъ въ тѣснѣйшей связи и составляетъ только одну изъ многихъ его формъ. Лажъ, уплачиваемый кредитными орудіями обращенія, представляетъ *учетъ* кредита, котораго долговые знаки и составляютъ означенныя орудія. Если за кредитное пользованіе этими орудіями потомъ приходится платить новую плату, то возникающій при этомъ дисконтъ того обязательства, съ помощью котораго получаются орудія обращенія, не представляетъ единственнаго дисконта, существующаго въ странѣ. Въ странѣ, которой циркуляціонный механизмъ имѣетъ металлическое основаніе, дѣйствительно существуетъ одинъ только учетно-ссудный процентъ, уплачиваемый за пользованіе металлическимъ орудіемъ обращенія, или *вполнѣ* ему равноцѣннымъ кредитнымъ орудіемъ обращенія. Но въ странѣ, въ которой обращаются неразмѣнныя бумажныя деньги, существуютъ два процента. Одинъ представляется обыкновеннымъ учетно-ссуднымъ процентомъ,—или расходомъ, который долженъ сдѣлать каждый отдѣльный предприниматель, когда онъ получаетъ возможность пользоваться орудіями обращенія, движеніе которыхъ въ странѣ всего безпрепятственнѣе. Другой процентъ

уплачивается при дѣйствительной окончательной реализаціи долговаго знака, составляющаго это наиболѣе ходкое орудіе обращенія, когда оно обмѣнивается на звонкія деньги. Этотъ то другой процентъ и представляется лажемъ, уплачиваемымъ владѣльцемъ бумажныхъ денегъ, когда онъ ихъ обмѣниваетъ на металлическія деньги.

Въ бумажно-денежной странѣ лажъ на звонкія деньги выражаетъ цѣну бумажныхъ денегъ, выраженную въ звонкихъ деньгахъ. Онъ выражаетъ ту основную цѣну, отъ которой зависятъ, въ концѣ концовъ, всѣ остальныя цѣны. Высокъ-ли лажъ, или онъ низокъ— показываетъ, много-ли за бумажныя деньги даютъ звонкихъ денегъ, или мало. Но за бумажныя деньги можно получить всѣ товары въ данномъ народномъ хозяйствѣ. Слѣдовательно, лажъ, въ концѣ концовъ, показываетъ, сколько звонкихъ денегъ можно получить и за товары. Лажъ есть тотъ косвенный путь, чрезъ который звонкія деньги обходятъ насильственную обращаемость и все таки продолжаютъ быть единственною экономическою мѣрою и тою «точкою», у которой закругляется «экономическій періодъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ лажъ показываетъ, на какихъ условіяхъ постороннія лица готовы занять мѣсто правительства и разсчитаться по долгу, по которому правительство неспособно дать окончательнаго разсчета. Онъ показываетъ, на какихъ условіяхъ могутъ найтись владѣльцы свободнаго капитала, которые, не находясь подъ вліяніемъ насилія, по вольной своей собственной волѣ, согласны давать свой свободный капиталъ за долговой знакъ. Лажъ парализуетъ насиліе злоупотребленія, вызвавшаго выпускъ. Онъ служитъ почвою, на которой свобода предпріимчивости и имущества (капитала) снова вступаетъ въ свои права. Понятно, поэтому, какой смыслъ имѣютъ господствующіе иногда, у правительствъ и частныхъ людей, предразсудки противъ лажа.

Чѣмъ же обусловливается непосредственное возникновеніе лажа, его высота и все то окончательное количество средствъ, въ которомъ выражается, сколько его всего на все уплачивается въ теченіе каждаго отдѣльнаго экономическаго періода?

Если лажъ вообще выражаетъ преимущество, который одинъ видъ орудій обращенія имѣетъ предъ другимъ видомъ, и если лажъ, уплачиваемый по бумажнымъ деньгамъ при обмѣнѣ ихъ на золото или серебро, выражаетъ учетъ кредита, пользованіе которымъ породило выпускъ бумажныхъ денегъ,—то, очевидно, лажъ возникаетъ только вмѣстѣ съ условіями, по которымъ, съ одной стороны, металлическія деньги получаютъ преимущество надъ бумажными, а съ другой—правительства теряютъ возможность пользоваться безпроцентнымъ кредитомъ и выпускать безпроцентныя обязательства.

Когда правительство теряетъ эту возможность? Тогда, когда оно доходитъ до крайняго положенія. Выше мы видѣли, что до тѣхъ поръ, пока правительство можетъ разсчитывать на поступленіе къ нему средствъ, достаточныхъ для погашенія предъявляемыхъ ему безсрочныхъ обязательствъ, до тѣхъ поръ оно можетъ пользоваться безпроцентнымъ кредитомъ. Ибо оно тогда находится въ положеніи, однородномъ тому, въ которомъ находится банкъ, когда онъ безпроцентно пользуется безсрочно-свободными капиталами. Только тогда, когда правительство перешагаетъ указанную границу,—когда оно выпускаетъ обязательства, для погашенія которыхъ оно въ моментъ предъявленія ихъ не имѣетъ средствъ,—оно уже вообще не можетъ *безсрочно* занимать свободныхъ капиталовъ. Поэтому, оно уже не можетъ и *безпроцентно* ихъ занимать. Ибо безпроцентнымъ можетъ быть лишь безсрочный долгъ, срочность котораго зависитъ только отъ *небрежности* кредитора, неумѣющаго стремиться къ непрерывной доходности своего капитала. Разъ, однако, *должникъ* начинаетъ стремиться къ срочности долга, онъ уже не можетъ претендовать на безпроцентное полученіе капитала. Будетъ ли онъ уплачивать процентъ, какъ надбавку, или ему будутъ высчитывать процентъ изъ капитала, это для процентности безразлично. Когда правительство начинаетъ брать средства, которыя оно не возвращаетъ по востребованію, хотя оно къ тому и обязуется, тогда оно уже болѣе не есть безсрочный должникъ. Оно, поэтому, не можетъ уже быть и безпроцентнымъ долж-

никомъ. Вѣрителямъ приходится *ждать*, пока правительство уплатитъ свой долгъ. Для этой уплаты правительство требуетъ *срока, времени.* Но за время, за срочное пользованіе только и уплачиваются проценты. И вотъ эти-то проценты по правительственному долгу, представляемому бумажными деньгами, платитъ народное хозяйство, когда оно расходывается на лажъ.

Когда у правительства оказывается безсрочный долгъ,—все равно, отъ пользованія-ли безсрочными ссудными капиталами, или отъ признанія долгомъ такого пользованія, которое совсѣмъ не опиралось на кредитъ,—оно обязуется, *немедленно по предъявленіи* ему долговаго знака, погасить свое обязательство. Это обязательство оно можетъ погасить, или взаимностью, т. е. встрѣчнымъ требованіемъ, которое оно имѣетъ на предъявителя его долговыхъ знаковъ,—*или свободнымъ капиталомъ, т. е. звонкою монетою.* Когда оно не располагаетъ ни первымъ, ни вторымъ способомъ для погашенія своихъ безсрочныхъ обязательствъ и отказывается отъ ихъ погашенія, при требованіи таковаго,—когда правительство принуждаетъ насильственно своихъ кредиторовъ удерживать за собою обязательства,—тогда настаетъ моментъ *фактическаго превращенія* долговыхъ знаковъ безсрочныхъ и безпроцентныхъ *въ срочные и процентные.* Тогда даны основанія для возникновенія лажа.

Какъ же долго будетъ продерживаться лажъ?—До тѣхъ поръ, пока правительство не прійдетъ въ состояніе встрѣчать своихъ кредиторовъ съ отвѣтомъ болѣе примирительнымъ, чѣмъ принужденіе остаться при долговомъ документѣ, когда по нему требуется уплата,—пока оно не въ состояніи будетъ погашать свои обязательства наличными деньгами или обязательствами, пріемъ которыхъ основанъ на добровольномъ согласіи.

Для существованія лажа лишенъ всякаго интереса вопросъ, сколько правительство выпустило безсрочныхъ долговыхъ знаковъ, въ какихъ размѣрахъ правительство воспользовалось бумажноденежнымъ рессурсомъ. Много-ли или мало правительство выпустило бумажныхъ денегъ, лажъ не существуетъ, если у правительства не

требуютъ платежа по нимъ. Такимъ образомъ очень большой выпускъ долговыхъ знаковъ возможенъ при отсутствіи лажа, равно какъ лажъ возможенъ при весьма ограниченномъ выпускѣ.

Разъ правительство отказывается удовлетворять требованія платежа по своимъ безсрочнымъ долговымъ знакамъ, владѣльцы этихъ знаковъ ставятся въ затруднительное положеніе, когда имъ эти знаки оказываются не нужными и вмѣсто бумажныхъ знаковъ, только представляющихъ занятый капиталъ, владѣльцы нуждаются непосредственно въ самомъ занятомъ капиталѣ. Благодаря принудительной обращаемости, владѣльцы долговыхъ знаковъ имѣютъ возможность, въ предѣлахъ даннаго народнаго хозяйства, обмѣнивать знаки на каждый отдѣльный видъ капитала, если только его хозяинъ готовъ его продать. Въ иномъ положеніи владѣлецъ правительственныхъ долговыхъ знаковъ оказывается, когда нуждается не въ отдѣльномъ видѣ капитала, а въ капиталѣ вообще, т. е. свободномъ или драгоцѣнно-металлическомъ. Такая нужда можетъ порождаться, независимо отъ техническихъ надобностей производства и потребительныхъ надобностей роскоши, главнымъ образомъ, по двумъ причинамъ. Одна причина представляется необходимостью производить заграничные платежи. Другая представляется тѣми политическими, экономическими и соціальными явленіями, которыя даютъ поводъ дорожить звонкими орудіями сбереженія. Разъ возникаетъ надобность въ драгоцѣнномъ металлѣ и правительство не въ состояніи имъ погашать свои обязательства, которыя владѣльцы желали бы обмѣнять на металлъ, — удовлетвореніе спроса на металлъ становится возможнымъ, только благодаря готовности какого-либо особаго класса лицъ, изъ мѣстнаго или заграничнаго населенія, брать бумажки и отдавать взамѣнъ ихъ свободный капиталъ. Эти лица становятся въ подобномъ случаѣ въ положеніе людей, для которыхъ сталъ возможенъ новый промыселъ: снабжать свободнымъ капиталомъ тѣхъ, которыхъ этимъ капиталомъ должно было бы снабжать правительство, но которымъ правительство своего долга не платитъ. Новый промыселъ ведетъ за собою необходимость затраты особыхъ капиталовъ и особой предпріимчивости. Предметъ

промысла—кредитная операція. Ибо передача металла за бумажныя деньги есть замѣна свободнымъ капиталомъ долговаго знака, только еще обѣщающаго этотъ капиталъ. Если срокъ этой кредитной операціи и неопредѣленъ, то опытъ тѣмъ не менѣе убѣждаетъ о его существованіи. Именно потому, что въ дѣйствительности номинально безсрочный кредитъ не оказывается безсрочнымъ, возникаетъ возможность для предпріимчивости заняться какъ промысломъ, удовлетвореніемъ потребностей народнаго хозяйства въ драгоцѣнномъ металлѣ или въ свободномъ капиталѣ.

Цѣну этого-то свободнаго капитала и выражаетъ лажъ. Вопросъ, отъ чего зависитъ цѣна драгоцѣннаго металла для страны съ бумажно-денежною циркуляціею, выражаетъ вопросъ о цѣнѣ бумажныхъ денегъ. Какъ всякая цѣна, при всякихъ условіяхъ, цѣна металла и въ этомъ случаѣ зависитъ отъ соотношенія между спросомъ и предложеніемъ металла. Что касается *спроса*, то указано уже было, что онъ опредѣляется, съ одной стороны, техническими, производственными и потребительными надобностями, а съ другой—надобностями для заграничныхъ платежей и для цѣлей сбереженія. *Предложеніе* металла въ бумажно-денежной странѣ зависитъ отъ болѣе сложныхъ условій.

Прежде всего само собою очевидно, что это предложеніе зависитъ отъ того, остается-ли драгоцѣнный металлъ въ народномъ хозяйствѣ въ качествѣ орудія обращенія, или не остается. Ибо наибольшая масса драгоцѣннаго металла, годнаго для предложенія, всегда представляется тѣмъ метталомъ, который служитъ для цѣли обращенія. Изъ циркуляціи страны извлекаются, въ крайнемъ случаѣ, тѣ массы свободнаго капитала, которыя въ тяжелую эпоху скрываются и сберегаются до лучшей поры. Изъ циркуляціи-же, въ крайнемъ случаѣ, извлекаются средства для заграничныхъ платежей. Такимъ образомъ и для страны съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ существенную важность имѣютъ тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ возможность или невозможность для драгоцѣннаго металла оставаться въ странѣ въ роли орудія обращенія. Какія-же это условія?

На первомъ планѣ въ числѣ этихъ условій должны быть поставлены насильственная обращаемость бумажныхъ денегъ и принудительный курсъ, по которому онѣ обращаются, т. е. закономъ устанавливаемая пропорція цѣнности свободнаго капитала къ бумажнымъ деньгамъ.

Единственная, непосредственная и немедленная польза, которую бумажныя деньги въ состояніи приносить своимъ владѣльцамъ, заключается въ доставляемой ихъ насильственною обращаемостью возможности—дѣлать изъ нихъ орудія обращенія. Не трудно замѣтить, при какихъ условіяхъ будутъ всего сильнѣе воспользоваться этою возможностью. Если не существуетъ большихъ надеждъ, что у правительства скоро будетъ достаточно средствъ, чтобы разсчитаться по своему бумажно-денежному долгу,—если населеніе страны не будетъ очень наклонно къ накопленію и сбереженію своихъ богатствъ путемъ образованія большихъ мертвыхъ запасовъ бумажно-денежныхъ (для этого необходимо, чтобы населеніе на бумажныя деньги готово было также полагаться, какъ на золотыя и серебряныя орудія сбереженія),—если населеніе страны само будетъ усматривать единственную пользу бумажныхъ денегъ въ томъ, что за нихъ, по крайней мѣрѣ, можно получать хоть чужое богатство,—то, понятно, что деньги тѣмъ чаще и преимущественнѣе будутъ разъигрывать роль орудія обращенія.

Но отношеніе бумажно-денежнаго орудія обращенія къ драгоцѣнно-металлическому отличается отъ того отношенія, въ которомъ къ звонкому орудію обращенія состоитъ кредитное. Мы видѣли, что нормальный, здоровый кредитъ, который не подвергается никакому злоупотребленію, живетъ въ мирѣ и дружбѣ съ звонкими деньгами и самъ еще стремится дѣлать ихъ производительными *на мѣстѣ*, т. е. при наиболѣе для нихъ благопріятныхъ условіяхъ, когда имъ неприходится терять отъ передвиженій. Мы видѣли, что здоровый кредитъ порождаетъ орудія обращенія, которыя *смѣшиваются* съ звонкими деньгами и образуютъ, съ ними вмѣстѣ, одинъ цѣльный механизмъ для обращенія богатствъ. Напротивъ, какъ только кредитъ начинаетъ подвергаться злоупотребленіямъ,—какъ

только имъ начинаютъ пользоваться, не сообразуясь съ условіями производительности силъ въ данномъ мѣстѣ и въ данное время,— т. е. цѣны товара повышаются, хотя условія производительности того совсѣмъ не требуютъ, — или свободный капиталъ цѣнится низко, когда онъ долженъ былъ-бы цѣниться выше,—немедленно между кредитными орудіями обращенія и звонкими деньгами возникаетъ антогонизмъ. Звонкія деньги не уживаются съ орудіями обращенія, вызываемыми кредитомъ, который подвергается злоупотребленію. Звонкія орудія обращенія *очищаютъ мѣсто* такимъ кредитнымъ орудіямъ. Они оставляютъ послѣднія одинокими. Сами же звонкія деньги скрываются изъ обращенія. Или онѣ уплываютъ заграницу. Или-же онѣ превратятся въ орудія сбереженія, если за бездоходность ихъ владѣльцы считаютъ себя достаточно вознагражденными тѣмъ, что имущество не подвергается обезцѣненію, что это имущество спасено отъ опасности. Мы видѣли, однако, также, что злоупотребленіе кредитомъ, производимое частною предпріимчивостью, влечетъ за собою искусственное или необходимое *сжатіе злоупотребляемаго* кредита. Этимъ сжатіемъ устраняются кредитныя орудія обращенія, враждебно относящіяся къ звонкимъ и миръ между ними снова установляется.

Иное происходитъ, когда правительство вмѣшивается въ дѣло и сообщаетъ насильственную обращаемость долговымъ знакамъ, представляющимъ неисполняемыя обѣщанія платежей. Насильственная обращаемость въ подобномъ случаѣ *препятствуетъ сжатію кредита.* Въ оборотѣ продолжаютъ оставаться долговые знаки, представляющіе неисполняемыя обѣщанія платежей, да еще получившіе подкрѣпленіе въ насильственной обращаемости. Если звонкія деньги ихъ боялись еще тогда, когда гроза только собиралась,— если звонкія деньги, по чуткости своей природы, въ состояніи были предвосхищать возможность наступленія катастрофы и выражали стремленіе скрыться заблаговременно,—то, конечно, онѣ будутъ имѣть усиленныя основанія для того-же своего поведенія, когда гроза разразится и катастрофа предстанетъ во всей красѣ своей.

Когда правительство сообщаетъ насильственную обращаемость долговымъ знакамъ, представляющимъ неисполняемыя обѣщанія платежей, то этимъ дѣлается непрерывною и постоянною война, которую и безъ правительственнаго вмѣшательства означенные долговые знаки вели-бы съ звонкими деньгами. На послѣднія какъ-бы устанавливается непрерывная травля.

Одна изъ существеннѣйшихъ особенностей бумажныхъ денегъ (въ смыслѣ *неисполняемыхъ* долговыхъ обязательствъ) можетъ представляться въ способѣ ихъ выпуска. Должно, однако, имѣть въ виду, что эта особенность отличаетъ не всякіе безсрочные и безпроцентные долговые документы, путемъ которыхъ правительство пользуется безсрочными ссудными капиталами. Ибо правительство послѣдними можетъ пользоваться въ предѣлахъ благоразумія. Тогда и способъ выпуска правительственныхъ долговыхъ знаковъ не будетъ представлять никакихъ особенностей. Выше это и было показано. Иное, однако, имѣетъ мѣсто, когда правительство начинаетъ злоупотреблять выпускомъ долговыхъ знаковъ и когда въ своихъ интересахъ, или въ интересахъ какого либо частнаго учрежденія, оно даетъ насильственную обращаемость такимъ долговымъ знакамъ, обѣщанія по которымъ не исполняются. Мы знаемъ уже, что во всякое данное время основанія производства и настроеніе предпріимчивости обусловливаютъ извѣстныя потребности въ орудіяхъ обращенія. Количество потребныхъ орудій обращенія можетъ измѣняться. Но оно всегда при здоровомъ настроеніи дѣла измѣняется совмѣстно съ перемѣнами въ условіяхъ производства и въ настроеніи предпріимчивости. При ненормальномъ-же положеніи, безъ правительственнаго вмѣшательства, сжатіе кредита, подвергшагося злоупотребленію, возстановляетъ равновѣсіе между производственными условіями и объемомъ циркуляціи. Результатъ, слѣдовательно, получается тотъ-же.

Но какъ только правительство вмѣшивается со своею насильственною обращаемостью, оно препятствуетъ возстановленію равновѣсія между потребностью въ орудіяхъ обращенія и массою ихъ, на самомъ дѣлѣ находящеюся въ обращеніи. Оно искусственно

создаетъ такія условія, которыя по своей природѣ имѣютъ внутреннія стремленія порождать вражду между звонкими деньгами и долговыми знаками въ роли орудія обращенія. У звонкихъ денегъ искусственно вызывается стремленіе — исчезать изъ обращенія. Вмѣстѣ съ этимъ искусственно вызываются условія, стремящіяся сократить предложеніе свободныхъ капиталовъ (звонкихъ денегъ), т. е. возвысить ихъ цѣну. Другими словами: бумажныя деньги должны обезцѣниться сравнительно съ звонкими.

Мы замѣтили, однако, уже выше, что когда заходитъ рѣчь о послѣдствіяхъ, проистекающихъ отъ злоупотребленій долговыми знаками, то должно имѣть въ виду борьбу, возникающую между разорительными вліяніями этихъ послѣдствій и противуположными стремленіями, рождающимися, какъ реакція, въ народно хозяйственной области со стороны производительной предпріимчивости. Стремленія послѣдствій злоупотребленій могутъ, оттого, отчасти или даже совершенно быть парализованы противуположными имъ стремленіями.

Долговые знаки съ насильственною обращаемостью *могутъ* имѣть одною изъ особенностей способа своего выпуска то обстоятельство, что ихъ выпустили безъ всякаго соображенія *съ надобностями въ орудіяхъ обращенія*. Тогда долговые знаки, съ самаго своего рожденія, будутъ представлять *излишнія* орудія обращенія. Ибо ихъ выпустили только по одному тому соображенію, что у правительства нечѣмъ было уплатить по долгамъ, родившимся отъ его покупокъ,—или потому, что частное кредитное установленіе не въ состояніи было произвести всѣхъ платежей. На самомъ-же дѣлѣ, долговые знаки обороту не только не были нужны. Они были ненужны, излишни. Вмѣсто нихъ были нужны звонкія деньги. Но обороту навязали долговые знаки, снабдивъ послѣдніе насильственною обращаемостью. Вслѣдствіе того, или, вѣрнѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ у долговыхъ знаковъ должна была оказаться другая особенность, что они не могутъ обратно притекать къ правительству или учрежденію, ихъ выпустившему. Конечно, насколько обратный притокъ зависитъ отъ кредиторовъ по

долговымъ знакамъ, послѣдніе весьма легко могли-бы притекать обратно для полученія окончательнаго удовлетворенія по нимъ. Но такого окончательнаго удовлетворенія должникъ давать не хочетъ. Самъ должникъ отрѣзываетъ путь обратному притоку долговыхъ знаковъ. Вслѣдствіе того они необходимо должны оставаться въ оборотѣ. А оставаясь въ оборотѣ, они необходимо должны проявлять свое враждебное отношеніе къ звонкимъ деньгамъ, изъ за которыхъ они представляютъ порочное явленіе.

Но если насильственная обращаемость и обладаетъ естественнымъ стремленіемъ вытѣснять металлъ, — она не всегда, однако, находится въ одинаковыхъ народно-хозяйственныхъ условіяхъ, благопріятствующихъ успѣху ея стремленій.

Когда правительство дѣлаетъ бумажно денежный выпускъ извѣстнаго размѣра, оно волею неволею принуждено бываетъ игнорировать народно-хозяйственные интересы и руководствоваться одними только своими собственными, т. н. «высшими» соображеніями. Но время выпуска всегда совпадаетъ съ такимъ періодомъ, когда въ деньгахъ металлическихъ получаетъ особенную важность ихъ способность къ функціи сбереженія. Свободный капиталъ тогда становится болѣе дорогимъ и циркуляція имѣетъ естественное стремленіе сокращаться. Съ другой стороны, и выпускаемыя новыя бумажныя деньги только постепенно входятъ въ обращеніе и съ нѣкоторою медленностью распространяются по различнымъ его каналамъ и путямъ. Такимъ образомъ, на первыхъ порахъ собственно бумажно-денежному выпуску и насильственной обращаемости новыхъ долговыхъ знаковъ могутъ быть приписаны одни только отрицательныя послѣдствія, не безъ благодѣтельнаго свойства Выпускъ поддерживаетъ цѣны, которыя понизились-бы отъ превращенія въ орудія сбереженія значительныхъ массъ звонкихъ денегъ, прежде служившихъ орудіями обращенія. Бумажно-денежный выпускъ не даетъ товарнымъ цѣнамъ понижаться и причинять потери, лишенныя разумнаго основанія и порождаемыя только страхомъ. Онъ устраняетъ тугость на денежномъ рынкѣ. Если цѣны нѣкоторыхъ товаровъ, получающихъ особенно важное значеніе въ военное время,

идутъ въ гору, то и безъ бумажно-денежнаго выпуска онѣ бы сильно повысились. Тѣ изъ предпринимателей, которые выручаютъ высокія цѣны, т. е. подрядчики и поставщики, которымъ обыкновенно бумажныя деньги прежде всего попадаютъ въ руки, смотрятъ на сильный приливъ новыхъ «денегъ» къ нимъ, какъ на *большія прибыли*. Какъ всякая прибыль, и эта новая прибыль представляетъ *свободныя* средства, которыя ищутъ себѣ *новыхъ* помѣщеній. Съ ихъ помощью начинаетъ *расширяться спросъ*, предполагающій соотвѣтственное *расширеніе предложенія*.

Опытъ показываетъ, что почти всегда вслѣдъ за бумажно денежными выпусками, по мѣрѣ того, какъ новыя орудія обращенія получали большее распространеніе, объ руку съ послѣднимъ шло оживленіе предпріимчивости. Оживленіе имѣетъ прежде всего психологическое основаніе: реакцію, наступающую послѣ войны, вызвавшей выпускъ, пріостановившей дѣла, или замедлившей ихъ ходъ, заставившей уснуть предпріимчивую энергію. Эта-то энергія пробуждается всегда послѣ объявленія мира съ новою силою и вызываетъ оживленіе въ дѣлахъ *и безъ бумажно-денежныхъ выпусковъ*. Скрытые денежные капиталы обыкновенно начинаютъ появляться наружу. Поневолѣ праздныя силы начинаютъ искать занятія. Потерявшія свою производительность средства снова получаютъ возможность пріобрѣтать ее. Пути сбыта, которые войною были закрыты, снова становятся свободными. Ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ прибавляются еще прибыли, порожденныя для отдѣльныхъ предпринимателей именно войною. Спросъ на все, чѣмъ расширяются производство и потребленіе, увеличивается.

Должно признать, что само по себѣ существованіе бумажныхъ денегъ на *этой* стадіи еще лишено существеннаго значенія. Оживленіе духа предпріимчивости произошло бы и безъ бумажныхъ денегъ. Оно опиралось бы на экстенсивное расширеніе обращенія звонкихъ денегъ или интенсивное расширеніе кредитнаго обращенія. То обстоятельство, что при бумажныхъ деньгахъ механизмъ обращенія лишенъ прочной почвы *капитала*, который иначе представлялся бы въ звонкихъ деньгахъ, тоже не очень важно. Ибо

совсѣмъ *не этотъ* капиталъ первоначально важенъ для производства. Орудія обращенія не должны необходимо быть капиталами.

Вотъ почему самую рѣшительную важность получаютъ способы, которыми, *сверхъ* своихъ циркуляціонныхъ средствъ, народное хозяйство располагаетъ для расширенія своего *производства* и *потребленія*. Особенно важны силы, имѣющіяся для расширенія *внутренняго производства*.

Если это внутреннее производство можетъ быть расширено настолько, *чтобъ оно могло удовлетворить усилившійся послѣ войны спросъ*,—все равно идутъ-ли его продукты на мѣстное потребленіе или ими оплачиваются привозные заграничные товары,—тогда расширеніе циркуляціи, даже бумажными деньгами, не должно необходимо и непремѣнно порождать важныя перемѣны въ народно-хозяйственномъ быту. *Ибо увеличенному спросу*, хотя бы онъ представлялся и бумажноденежными знаками, *соотвѣтствуетъ покрывающее его увеличенное предложеніе*, парализующее вліяніе знаковъ.

Иное, однако, происходитъ, когда предложеніе не въ состояніи идти объ руку и параллельно съ увеличеніемъ спроса. Цѣны въ такомъ случаѣ безостановочно ростутъ и расширяютъ поверхность того производственнаго круга, для котораго данное народное хозяйство представляетъ центръ своими потребителями. Радіусы этого круга увеличиваются совершенно параллельно возвышенію цѣнъ. Отсюда *увеличенное значеніе, пріобрѣтаемое заграничнымъ привозомъ*. Тѣ потребности, которымъ внутреннее производство не въ состояніи удовлетворить, стремятся къ удовлетворенію чрезъ посредство заграничнаго привоза. *Привозъ увеличивается и продуктами внутренняго производства становится все менѣе и менѣе возможнымъ его покрывать*. У потребляющаго народнаго хозяйства возникаетъ *долгъ, уплата котораго возможна только съ помощью звонкой наличности*. Металлъ начинаетъ уплывать заграницу.

Это можетъ случиться со всякимъ народнымъ хозяйствомъ, сдѣлало-ли въ немъ правительство бумажноденежный выпускъ или

не сдѣлало. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что бумажноденежный выпускъ при всѣхъ обстоятельствахъ одинако не производитъ никакихъ послѣдствій. Еслибъ выпуска не было, уплывъ металла заграницу сокращалъ бы циркуляцію. Лишая ее необходимой составной части, уплывъ принуждалъ бы народное хозяйство однимъ или другимъ путемъ добыть потерянное. То есть, пришлось бы расширить производство, чтобъ его результатами пріобрѣсти заграницею нужный драгоцѣнный металлъ. Или, если въ странѣ существуютъ рудники, изъ нихъ пополнить дефицитъ. Если, напротивъ, правительствомъ произведенъ былъ бумажноденежный выпускъ, то *уплывъ металла не сокращаетъ циркуляціи*. Тогда-то пріобрѣтаетъ свое вліяніе и насильственная обращаемость. Она будетъ на опытѣ показывать, что правительственные долговые знаки внутри даннаго хозяйства почти совершенно замѣняютъ звонкія деньги. Они служатъ орудіемъ обращенія и годятся, если не совершенно, то почти на то-же, на что годится металлъ для цѣли сбереженія. Они даютъ возможность сберегать орудія обращенія однаго времени для времени послѣдующаго. Ибо если капиталъ дѣйствительный правительственными долговыми знаками и не представляется, то капиталъ занятый они всегда представляютъ. Но, сверхъ того, за ними обезпечивается насильственная обращаемость до тѣхъ поръ, пока по нимъ не будетъ сдѣлана уплата. Бумажныя деньги, имѣя предъ собою чистое поле, начинаютъ разливаться по нему, стремясь проникнуть во всѣ его уголки. Чѣмъ долѣе продолжается оживленіе спроса и неспособность внутренняго производства приноровиться къ нему,—чѣмъ долѣе, слѣдовательно, продолжается уплывъ металла заграницу,—тѣмъ непрерывнѣе идетъ дѣло упроченія новыхъ орудій обращенія въ оборотѣ.

Пока того металла, который прежде (до выпуска) находился въ обращеніи, достаточно для покрытія задолженности заграницу и пока политическія и соціальныя условія не дѣлаютъ болѣе важнымъ обладаніе свободнымъ (металлическимъ) капиталомъ, до тѣхъ поръ поводовъ и для возникновенія лажа не будетъ. Спросъ на металлъ будетъ встрѣчать предложеніе въ тѣхъ звонкихъ деньгахъ, кото-

рыя готовы отправиться заграницу. По мѣрѣ того, какъ будетъ возникать спросъ на металлъ (а возникать онъ будетъ постепенно), звонкія деньги, находящіяся въ обращеніи, будутъ готовы оставлять данное мѣсто, чтобъ уходить заграницу. Такъ какъ издержки перемѣщенія звонкихъ денегъ весьма невелики, то весьма легко возможно, что на первыхъ порахъ владѣльцы звонкихъ денегъ будутъ удовлетворяться весьма незначительными прибылями, чтобъ отдать свои звонкія деньги за бумажныя деньги. То есть: цѣна звонкаго металла будетъ устанавливаться на первыхъ порахъ такъ, какъ устанавливается цѣна заграничныхъ переводныхъ векселей.

Отъ производительности силъ страны и довѣрія, которымъ ея предпріимчивость будетъ пользоваться заграницею, будетъ зависѣть кредитъ этой предпріимчивости у заграничныхъ капиталистовъ. А этотъ кредитъ равносиленъ увеличенію предложенія свободныхъ капиталовъ. Чѣмъ больше такого кредита оказывается бумажноденежной странѣ, тѣмъ больше будетъ въ ней предложеніе переводныхъ заграничныхъ векселей и тѣмъ ниже будетъ устанавливаться ихъ цѣна.

Между лажемъ и вексельнымъ курсомъ необходимо должно установиться соотношеніе взаимной соединенности. Понятно почему. Заграничные переводные векселя представляютъ собою то кредитное орудіе обращенія, которое во всякомъ случаѣ дѣйствуетъ *не только* въ бумажноденежной странѣ, *но и въ заграничныхъ странахъ*. Это — орудіе обращеніе, которое во всякомъ случаѣ—*общее и* для бумажноденежной страны *и для ея заграничныхъ* должниковъ или вѣрителей. Поэтому, заграничные переводные векселя представляютъ единственное кредитное орудіе обращенія, *котораго размѣнность или способность быть погашеннымъ звонкими деньгами возвышается надъ всякими сомнѣніями*. При обыкновенномъ ходѣ дѣлъ вексельный курсъ выражаетъ только спеціальную цѣну международныхъ кредитныхъ орудій обращенія, какъ однаго изъ многихъ видовъ таковыхъ орудій. Напротивъ, при вступленіи въ оборотъ орудій, представляемыхъ неисполняемыми долговыми обѣщаніями, выдвигается на первый планъ и значеніе

заграничныхъ векселей, какъ *единственнаго* вида кредитныхъ орудій, сохранившаго размѣнность на звонкія деньги и наименѣе связаннаго съ сомнѣніями относительно его равноцѣнности съ звонкими деньгами. Получаетъ особое значеніе обстоятельство, что одни только заграничные векселя еще *стоятъ на одной доскѣ* съ драгоцѣнными металлами. Вотъ почему цѣна послѣднихъ, выражающаяся въ лажѣ, получаетъ себѣ помощника въ цѣнѣ заграничныхъ векселей. И вотъ почему цѣна этихъ векселей получаетъ непосредственное значеніе для лажа. Вслѣдствіе того теряютъ всякую силу правительственныя запрещенія лажа. Ибо надъ вексельными курсами правительство лишено всякаго вліянія. Переводный заграничный вексель— орудіе обращенія международное. Онъ, поэтому, по самой своей природѣ игнорируетъ всякую правительственную власть.

Вексельный курсъ и масса предлагаемыхъ къ продажѣ заграничныхъ переводныхъ векселей служитъ тоже однимъ изъ тѣхъ органовъ, чрезъ посредство которыхъ для народно-хозяйственной производительной предпріимчивости возможно противудѣйствіе разорительнымъ вліяніямъ насильственной обращаемости. Мы только что упоминали о кредитѣ, который заграничные капиталисты могутъ оказывать мѣстнымъ предпринимателямъ. Они этотъ кредитъ могутъ оказывать или акцептаціею переводныхъ векселей, которые они даютъ право на себя трассировать. Или они могутъ прямо заниматься учетомъ высылаемыхъ имъ мѣстныхъ векселей, чѣмъ тоже расширяется возможность трассировать на нихъ и усиливать предложеніе заграничныхъ векселей.

Не долженъ быть нами здѣсь обойденъ еще третій, весьма важный въ особенности въ настоящее время, путь, которымъ заграничный свободный капиталъ можетъ являться на помощь бумажно-денежной странѣ. Этотъ путь заключается въ прямомъ и непосредственномъ участіи заграничнаго капитала въ расширеніи производства страны. Или же онъ заключается въ пріемѣ заграничнымъ капиталомъ на себя такихъ тягостей, которыя иначе ложились бы на мѣстное производство и его сокращали бы. Указываемый путь сдѣлался въ настоящее время возможнымъ, благодаря ассоціаціи

«космополитическихъ» капиталовъ и широкимъ размѣрамъ, принятымъ, и принимаемымъ прогрессивно все болѣе и болѣе, собирательною (коллективною) предпріимчивостью. Эта предпріимчивость опирается на *складочные капиталы*, части или элементы которыхъ составляютъ особый видъ современнаго богатства, *паевыя цѣнности*. Складочные капиталы могутъ сосредоточиться у собирательной предпріимчивости для займовъ ихъ правительствамъ. Тогда очевидно, что если заграничный капиталъ готовъ будетъ помѣститься въ паевыхъ цѣнностяхъ (облигаціяхъ), вызываемыхъ этими займовыми предпріятіями,—то мѣстному капиталу останется возможность получить непосредственно-производительныя занятія. Если этотъ мѣстный капиталъ не былъ излишнимъ и отъ его передачи правительству мѣстное производство должно было бы сократиться, то при участіи заграничнаго капитала производство не должно будетъ сократиться. Если же капиталъ былъ свободенъ, то съ его помощью можно будетъ расширить производство. Тогда возможностью такого расширенія бумажно-денежная страна будетъ обязана готовности заграничнаго капитала отдаться ея правительству. Еще очевиднѣе польза и значеніе помощи заграничныхъ капиталовъ, когда послѣдніе начинаютъ участвовать въ собирательныхъ предпріятіяхъ, которыхъ складочные капиталы непосредственно употребляются съ производительною цѣлью: для построенія желѣзныхъ дорогъ, для учрежденія банковъ, пароходныхъ обществъ, обществъ для разработки каменно-угольныхъ копей, вообще для горно-заводскаго дѣла, для устройства фабрикъ и т. д.

Участіе заграничнаго капитала въ расширеніи мѣстнаго производства, или въ устраненіи для него необходимости сокращаться, выражается внѣшнимъ образомъ въ томъ, что заграничные капиталы начинаютъ покупать мѣстныя паевыя цѣнности. Расплачиваясь за эти цѣнности (акціи и облигаціи), т. е. помѣщая въ нихъ свои свободные капиталы, заграничныя народныя хозяйства увеличиваютъ для бумажно-денежной страны возможность трассировать. Слѣдовательно они увеличиваютъ предложеніе заграничныхъ

векселей и этимъ гоняютъ лажъ внизъ. То есть, бумажныя деньги удерживаются отъ обезцѣненія.

Итакъ, естественное стремленіе бумажныхъ денегъ вытѣснять изъ обращенія звонкія деньги, сокращать ихъ предложеніе, возвышать ихъ цѣну и понижать свою собственную цѣну (т. е. обезцѣниваться),—это стремленіе при благопріятныхъ условіяхъ можетъ быть парализовано. Къ благопріятнымъ-же условіяхъ принадлежатъ: прежде всего такое расширеніе производства, которое обезпечиваетъ бумажнымъ деньгамъ достаточно занятій въ качествѣ орудій обращенія и которое покрываетъ своимъ увеличеніемъ расширеніе спроса,—которое этому расширенному спросу приспособляетъ расширенное предложеніе. Второе условіе представляетъ большое довѣріе къ способности правительства скоро разсчитаться по своему бумажно-денежному дѣлу. Тогда деньги, для которыхъ не окажется достаточно занятій въ роли орудія обращенія, удовлетворятся ролью временнаго орудія сбереженія, имѣющаго въ скорости быть замѣненнымъ другимъ, драгоцѣнно-металлическимъ. Другими словами довѣріе означаетъ, что населеніе не оказываетъ субъективнаго предпочтенія звонкимъ деньгамъ предъ бумажными,—что населеніе не стремится непремѣнно отдѣлываться отъ послѣднихъ, чтобъ получить первыя,—и, наконецъ, что населеніе не усиливаетъ спроса на металлъ ради своей надобности въ орудіяхъ сбереженія, довольствуясь бумажно-денежными. Третье благопріятное условіе заключается въ достаточно широкомъ кредитѣ у заграничныхъ капиталистовъ, готовыхъ довѣрить свои срочно-свободныя средства производительной предпріимчивости данной страны, дозволяя на себя выдавать заграничные векселя и этимъ увеличивать ихъ предложеніе. Наконецъ, четвертое благопріятное условіе заключается въ готовности заграничныхъ совершенно свободныхъ капиталовъ принимать непосредственное участіе въ собирательныхъ и всякихъ иныхъ предпріятіяхъ бумажноденежной страны и пріобрѣтать ея паевое и всякое иное имущество. Изъ этихъ четырехъ условій первыя два *сокращаютъ спросъ* на свободный капиталъ, а послѣднія два *расширяютъ предложеніе*

его. Понятно, поэтому, что гдѣ эти условія дѣйствуютъ всѣ четыре, они могутъ достигать большой силы въ своихъ вліяніяхъ. Они могутъ совершенно парализовать даже самое возникновеніе лажа.

Но для этого народно-хозяйственнымъ условіямъ, противудѣйствующимъ природѣ внутреннихъ стремленій самихъ бумажныхъ денегъ, очевидно нужно находиться въ извѣстномъ отношеніи къ объему бумажно-денежнаго выпуска. Отношеніе это, однако, нельзя опредѣлить на какихъ либо общихъ основаніяхъ. Ибо объемъ выпуска—величина, совершенно произвольная. Оно опредѣляется потребностью правительства. Правительства же и въ обыкновенныя времена не особенно наклонны бережно относиться къ народно-хозяйственнымъ силамъ. А въ необыкновенныя времена они, и не задумываясь, могутъ пренебречь всякимъ доводомъ о непосильности требуемыхъ жертвъ. Хорошо, если *случайно* потребность правительства и вызываемый ею объемъ выпуска соотвѣтствуютъ народно-хозяйственной способности устоять (force de resistance). Но если выпускъ превышаетъ эту способность, то, конечно, она уже иначе будетъ проявлять свое противудѣйствующее вліяніе.

Выше приведено было мнѣніе о трехъ состояніяхъ, возможныхъ для цѣны бумажекъ: когда онѣ теряютъ всякую цѣнность, большую половину своей цѣнности или меньшую ея половину. Наше предыдущее изложеніе, однако, показываетъ, что возможно еще четвертое состояніе: когда бумажныя деньги не теряютъ никакой части своей цѣнности, удерживаясь въ своей цѣнѣ на одномъ уровнѣ съ звонкими деньгами. Опытъ Франціи въ послѣдніе годы представилъ первый наглядный примѣръ четвертаго состоянія бумажныхъ денегъ, лишенныхъ всякой внутренней силы для обезпеченія себя отъ обезцѣненія и, напротивъ, надѣленныхъ всѣмъ, чего обыкновенно бывало достаточно для обезцѣненія. И тѣмъ не менѣе народному хозяйству удалось восторжествовать надъ врагомъ, который представлялся въ бумажныхъ деньгахъ. Этимъ французское народное хозяйство впервые показало міру примѣръ такой могучей экономической силы, подобіе которой до того въ исторіи еще

не встрѣчалось. Замѣтимъ здѣсь, что случаи прошлаго столѣтія (въ Австріи и Россіи), когда выпущенные правительствами этихъ странъ долговые знаки не обезцѣнились, не подходятъ къ случаямъ четвертаго состоянія бумажныхъ денегъ. Ибо эти долговые знаки выпущены были въ ограниченной суммѣ, допускавшей для нихъ податное обезпеченіе. Слѣдовательно, они совсѣмъ и не были бумажными деньгами въ томъ смыслѣ, въ какомъ здѣсь о таковыхъ идетъ рѣчь.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда народно-хозяйственная способность противудѣйствовать стремленіямъ внутренней природы бумажныхъ денегъ не достигаетъ той высокой степени, чтобъ совершенно подавить эти стремленія, означенная способность оттого не теряетъ еще совершенно всякое значеніе.

Первоначальное основаніе уплыва металла, какъ нами разъяснено, можетъ не находиться ни въ какой зависимости съ насильственной обращаемостью бумажныхъ денегъ. Металлъ исчезаетъ изъ обращенія вслѣдствіе чисто народно-хозяйственныхъ причинъ. Первоначальный толчекъ даетъ ему оживленіе предпріимчивости, слѣдующее за объявленіемъ мира. Это оживленіе могло бы опираться на расширеніе кредита, еслибъ оно не находило готовой опоры въ бумажноденежномъ выпускѣ. Различіе возникаетъ только уже послѣ уплыва металла, когда главный его источникъ, запасъ металлическихъ орудій обращенія, истощился, и когда возникаетъ вопросъ о возстановленіи этого источника. Еслибъ не было бумажноденежнаго выпуска и оживленіе предпріимчивости повлекло бы за собою исчезновеніе металла изъ обращенія, тогда возникла бы масса банкротствъ и эта буря очистила бы сразу народно-хозяйственную атмосферу. Цѣнамъ пришлось бы опуститься ниже естественнаго ихъ уровня, т. е. предпринимателямъ пришлось бы примириться съ убытками. Но за то это оживило бы и увеличило бы заграничный спросъ на товары мѣстнаго производства. Отпускъ заграницу усилился бы и металлъ началъ бы обратно приливать изъ заграницы. Бумажныя деньги препятствуютъ такому исходу и не даютъ болѣзненному состоянію народнаго хозяйства проя-

виться со всею силою, затягиваютъ это состояніе и болѣзнь острую превращаютъ въ хроническую. Дѣло въ томъ, что *бумажныя деньги задерживаютъ процессъ пониженія цѣнъ*. Исчезновеніе металла изъ обращенія не сжимаетъ массы обращающихся долговъ и не принуждаетъ и ее сокращаться. Въ обращеніи все еще остается масса орудій, равная тому количеству ихъ, которое обращалось до войны и до выпуска. Цѣны понижаются сравнительно съ высокимъ уровнемъ, на который ихъ подняло оживленіе предпріимчивости, но онѣ могутъ не понижаться еще далѣе, *чтобъ вызвать усиленіе отпуска*. Насильственная обращаемость бумажныхъ денегъ, удерживая ихъ въ обращеніи и поддерживая товарныя цѣны, *препятствуетъ металлу возвращаться и занять потерянное имъ мѣсто* въ циркуляціонномъ механизмѣ. Но и это препятствіе далеко не безусловное. Народное хозяйство можетъ и ему противудѣйствовать. Для такого воспрепятствованія оно имѣетъ два пути, изъ коихъ одинъ обусловливается другимъ.

Какъ бы ни была сильна природа того зла, которое представляется насильственною обращаемостью, какъ бы дорого ни обходилось народному хозяйству противудѣйствіе этому злу,—силы народнаго хозяйства и средствъ, находящихся въ его распоряженіи, все-таки больше. Отъ трудовыхъ силъ народнаго хозяйства, отъ способности его образовать себѣ прогрессивно все больше и больше капиталовъ, отъ энергіи его предпріимчивости,—словомъ отъ производительности его усилій зависитъ окончательный исходъ вліяній насильственной обращаемости. Въ концѣ концевъ рѣшающее вліяніе принадлежитъ способности внутренняго производства расширяться настолько, чтобъ хоть ближе подойти къ спросу, опирающемуся на бумажныя деньги. Такая способность у внутренняго производства можетъ оказываться въ большей или меньшей мѣрѣ. *Тогда* это означаетъ, что народному хозяйству не отрѣзанъ основной и главный путь для борьбы съ насильственною обращаемостью и ослабленія ея вліянія. Въ той мѣрѣ, въ какой производство въ остояніи будетъ расширяться, оно будетъ содѣйствовать съ одной стороны уменьшенію спроса на металлъ, а съ другой—увели-

ченію его предложенія. Оно не въ состояніи будетъ *уравнить* спросъ съ предложеніемъ. Но оно уменьшитъ разстояніе между ними. Оно ихъ приблизитъ другъ къ другу. То есть оно понизитъ цѣну и уменьшитъ объемъ ея колебанія, сдѣлаетъ эти колебанія менѣе раззорительными. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно сдѣлаетъ сравнительно болѣе прочною цѣну бумажныхъ денегъ и, до извѣстной степени, избавитъ ихъ отъ обезцѣненія.

То-же вліяніе, рядомъ съ внутреннимъ производствомъ, будетъ оказывать кредитъ, которымъ предпріимчивость бумажноденежной страны пользуется заграницею. Этотъ кредитъ въ особенности важенъ не только какъ содѣйствіе только что описаннымъ вліяніямъ мѣстнаго производства,—содѣйствіе, усиливающее эти вліянія, — но еще какъ ихъ замѣна, суррогатъ. Въ данное время по какимъ либо скоро-преходящимъ временнымъ причинамъ производство можетъ находиться въ неблагопріятномъ состояніи. Но оно будетъ скоро въ состояніи оправиться и расплатиться за помощь, если кто-либо занялъ его мѣсто. И вотъ почему особенно важнымъ становятся трассировки, опирающіяся не на результаты мѣстнаго производства, вывозимые заграницу, а на кредитъ. Эти трассировки сами по себѣ—еще не расширенное производство. Но *для бумажныхъ денегъ* онѣ совершенно равносильны расширенному производству. Ибо трассировка даетъ то-же право выпускать приказы о производствѣ платежей звонкими деньгами, которое дали бы отпускаемые заграницу товары.

Мы уже выше указали, что разъ возникаетъ спросъ на металлъ, который не встрѣчаетъ себѣ превышающаго его предложенія,—разъ звонкія деньги становятся рѣдкостью,—у бумажноденежной страны возникаетъ потребность въ такой предпріимчивой дѣятельности, которая на себя взяла бы заботу — разъискивать «рѣдкія» звонкія деньги. У мало-мальски развитаго народа потребность будитъ предпріимчивость. А мало-мальски развитая предпріимчивость стремится стать спекуляціею. Такимъ образомъ возникаетъ спекуляція, сосредоточивающаяся на потребности расширеннаго предложенія звонкихъ денегъ. Возникаетъ спекуляція на лажъ.

Отдѣльные представители предпріимчивости, занимающіеся спекуляціею на лажъ, въ своей дѣятельности руководствуются, конечно, эгоистическими интересами. Но вся отрасль этой предпріимчивости оттого не теряетъ своего народно-хозяйственнаго значенія. Она служитъ одной изъ важнѣйшихъ и настоятельнѣйшихъ ея потребностей: прочности ея денежнаго обращенія. Вотъ почему вредны и опасны господствующіе предразсудки относительно спекуляціи на лажъ вообще. Спекуляція на лажъ вѣчно занята тѣмъ, чтобъ слѣдить за объемомъ и напряженностью спроса на металлъ и за условіями предложенія металла. Когда спросъ на металлъ усиливается,—т. е. когда увеличивается вѣроятность обезцѣненія бумажныхъ денегъ или раззорительнаго пониженія товарныхъ цѣнъ,—тогда спекуляція является на помощь со своими металлическими капиталами, расширяетъ ихъ предложеніе и не даетъ лажу слишкомъ возвышаться. Какъ бы поверхностному наблюденію не представлялось, что спекуляція возвышаетъ лажъ, эти представленія основаны на оптическомъ обманѣ. Если при спекуляціи лажъ возвышается, то и безъ спекуляціи онъ возвысился бы. Ибо, очевидно, что если спекуляція поднимаетъ лажъ на такую высоту, на какую онъ безъ нея не возвысился, то значитъ прибыли спекуляціи на лажъ возвышаются надъ общимъ уровнемъ прибылей, получаемыхъ предпріимчивостью въ другихъ отрасляхъ. Но возвышаться надъ общимъ уровнемъ всякая прибыль способна только короткое время, пока соперничество спекулянтовъ, привлеченныхъ высотою прибылей, не понизитъ ее до общаго средняго уровня. Слѣдовательно, непосредственно возвышать лажъ спекуляція можетъ только кратковременно и случайно. На практикѣ эта случайность и кратковременность, даже невыгодность спекуляціи на возвышеніе лажа представляется обыкновенно такъ. Предположимъ, что обстоятельства сложились выгодно: лажъ понизился бы подъ вліяніемъ усиленнаго предложенія заграничныхъ векселей,—вызваннаго расширеніемъ внутренняго производства и усиленіемъ отпуска товаровъ заграницу. Но спекулянты закупаютъ (акапарируютъ) предлагаемые векселя. Они расширяютъ своими спекуляціон-

ными закупками спросъ и уравниваютъ его съ предложеніемъ. Они даже могутъ расширить свой спросъ настолько, чтобъ и увеличенное предложеніе заграничныхъ переводныхъ векселей все таки было меньше спроса. Понятно, что пониженія цѣны векселей, а съ нимъ и лажа, не произойдетъ. Можетъ даже произойдти повышеніе лажа. Отсюда—парадоксальное явленіе, что иногда при усиленіи отпуска, когда предложеніе векселей усиливается, цѣна ихъ не понижается, а остается неизмѣнною или даже повышается. Но вексель—такой товаръ, который пріобрѣтается не для удовольствія и котораго покупаютъ не для удовольствія. Если спекуляція своимъ спросомъ усиливаетъ всеобщій спросъ на векселя, она имѣетъ на то разсчетъ. Въ чемъ-же онъ можетъ заключаться и какое его отношеніе къ интересамъ народнаго хозяйства? Разсчетъ такой: теперь векселя дешевы, надо ихъ закупить, *потому что скоро векселя должны будутъ вздорожать*. Слѣдовательно, спекуляція только тогда согласится возвышать цѣну векселей и лажа, *когда она будетъ предусматривать предстоящее сокращеніе предложенія векселей*. Отъ этого сокращенія цѣна векселей повысится. Дорого купленные векселя можно будетъ продать еще дороже. Спекулянты, конечно, этимъ кончаютъ свои соображенія. Но съ точки зрѣнія интересовъ народнаго хозяйства соображенія идутъ еще далѣе. Послѣ того, какъ спекулянты выступали покупателями векселей, они выступаютъ ихъ *продавцами*. То есть, спекулянты расширяютъ своими прежде закупленными векселями то предложеніе векселей, которое имѣло бы мѣсто безъ нихъ. Увеличеніе предложенія понижаетъ обыкновенно цѣну. Но не смотря на пониженіе цѣны, она еще такъ высока, что спекулянты остаются въ барышахъ, совершая по ней свои продажи. Какъ-же высока должна была бы быть цѣна векселей, еслибъ спекулянты не вмѣшивались въ дѣло и не понижали цѣны своими продажами? Конечно, она должна была бы быть еще выше. Слѣдовательно барыши спекулянтовъ на лажъ произошли какимъ способомъ? Когда цѣна векселей должна была упасть, спекулянты ее повысили. А когда цѣна должна была повыситься, спекулянты ее понизили. Спекулянты не

дали цѣнѣ ни слишкомъ понижаться, ни слишкомъ повышаться. Они сдѣлали цѣну, слѣдовательно, болѣе ровною, менѣе сильно колеблющеюся снизу вверхъ. Но развѣ въ интересахъ народнаго хозяйства, чтобъ лажъ сильно колебался? Нѣтъ, напротивъ, въ интересахъ народнаго хозяйства, чтобъ лажъ, разъ онъ возникъ, возможно менѣе измѣнялся, чтобъ съ нимъ вмѣстѣ возможно менѣе измѣнялась цѣна бумажныхъ денегъ, т. е. цѣна всякаго имущества. Но, въ такомъ случаѣ, разумно-ли возставать на спекуляцію векселями за то, что она барыши свои выручаетъ за установленіе того именно, что въ интересахъ народнаго хозяйства? Еслибъ спекулянты на лажъ были, не въ примѣръ другимъ, безкорыстны, еслибъ они дѣлали свое дѣло, не стремясь къ барышамъ, — тогда на нихъ совсѣмъ и не нападали бы. Но и при нападкахъ не мѣшаетъ быть яснымъ. Надо знать, за что производятся нападки. Обыкновенно, однако, не знаютъ этого. Оттого нападки выходятъ смѣшныя и абсурдныя.

Предположимъ, что спекулянты плохо разсчитали будущее предложеніе. Кто отъ этого теряетъ? Спекулянты ожидали, что предложеніе сократится, а оно оказывается расширившимся. Они ожидали, что цѣна векселей повысится, а цѣна понижается. Конечно, отъ увеличеннаго предложенія векселя въ цѣнѣ еще болѣе понизятся. Несомнѣнно, что даже и такое колебаніе не должно считать только выгоднымъ. Но для *народнаго* хозяйства невыгодность колебанія, происходящая въ такомъ случаѣ, наименьшая изъ возможныхъ. А спекулянты за то, что они были причиною колебанія (хотя и не безвыгоднаго) поплатятся. Они понесутъ потери. Они должны будутъ продавать дешевле, чѣмъ покупали. То есть: спекулянтамъ убыточно идти противъ интересовъ народнаго хозяйства, даже когда эти интересы всего менѣе страдаютъ.

Значеніе спекуляціи на лажъ заключается въ ея производительномъ стараніи во всякое данное время приспособлять другъ къ другу спросъ и предложеніе на драгоцѣнные металлы и равноцѣнные имъ заграничные переводные векселя. Спекулянты на лажъ, поэтому, и заняты всегда заботою обезпечить себѣ возможность для

расширеннаго предложенія векселей, когда таковое понадобится. Они и представляютъ собою тотъ органъ, чрезъ посредство котораго заграничныя народныя хозяйства предоставляютъ бумажно-денежной странѣ свои свободные капиталы въ кредитъ. Они-же представляютъ собою органъ, занятый и мыслью привлечь не только заграничный ссудный капиталъ, но и заграничный предпринимательскій капиталъ къ бумажно-денежной странѣ. Для этого они разъискиваютъ тѣ паевыя цѣнности, которыя для заграничныхъ капиталистовъ всего болѣе годятся, какъ помѣщенія вообще, или въ данномъ отдѣльномъ случаѣ. Всѣми, зависящими отъ нихъ, путями они стремятся расширить ту почву, на которой получается возможность для заграничныхъ трассировокъ, т. е. для выпуска приказовъ платежей въ видѣ заграничныхъ переводныхъ векселей.

Говоря о противудѣйствіи, которое можетъ быть оказано внутренней природѣ бумажныхъ денегъ и ихъ стремленій производительностью народно-хозяйственной предпріимчивости, мы до сихъ поръ преимущественно имѣли въ виду лажъ. То есть, говоря объ означенномъ противудѣйствіи, мы разбирали борьбу между природою бумажныхъ денегъ и производительностью изъ за того, обезцѣниваться-ли бумажкамъ, или не обезцѣниваться, *сравнительно съ звонкими деньгами*. Намъ необходимо еще разсмотрѣть, въ какомъ видѣ представляется разобранная борьба, когда исходнымъ пунктомъ для ихъ разсмотрѣнія берутся *товарныя цѣны*, т. е. всякое другое имущество, кромѣ драгоцѣнно-металлическаго.

Первоначально бумажныя деньги являются, какъ уплата, производимая правительствомъ за пріобрѣтенные имъ товары и цѣнности. Въ рукахъ первыхъ лицъ, получившихъ бумажныя деньги, послѣднія представляютъ капиталъ, переданный правительству, и прибыли на этотъ капиталъ. На самомъ дѣлѣ бумажныя деньги— не капиталъ. Но у нихъ имѣется насильственная обращаемость. Съ точки зрѣнія эгоистическихъ интересовъ отдѣльнаго предпринимателя можетъ быть достаточно и этаго, чтобъ бумажныя деньги представляли удовлетворительный суррогатъ капитала. Ими можно производить покупки, предъявлять спросъ и уплачивать цѣны. Ре-

акція, наступающая послѣ войны, которая вызвала выпускъ бумажныхъ денегъ, даетъ толчекъ производительной предпріимчивости. Послѣдней приходится дѣйствовать послѣ войны и причиненнаго ею раззоренія. Война во всякомъ случаѣ стоитъ кризиса по своему вліянію на цѣлость и производительность капиталовъ и вообще всякихъ экономическихъ силъ и средствъ. Война *ухудшаетъ* производственныя условія, дѣлаетъ ихъ болѣе тяжелыми. Она во всякомъ случаѣ вызываетъ дороговизну. А между тѣмъ у звонкихъ денегъ она вызываетъ наклонность—превращаться въ орудія сбереженія и скрываться или уходить заграницу. Для бумажныхъ денегъ на первыхъ порахъ, поэтому, условія весьма благопріятны. Цѣны товаровъ, правда, высоки. Но дороговизна товаровъ обусловливается производственными причинами. Высокія товарныя цѣны не означаютъ необходимо въ это время, что бумажныя деньги, сравнительно съ дѣйствительнымъ богатствомъ, обезцѣнились.

Затѣмъ наступаетъ и конецъ «первоначальному» періоду. Оживившаяся предпріимчивость работала на расширенный спросъ. Она должна показать, съумѣла-ли она произвести предложеніе, которое спросу соотвѣтствовало бы и его покрывало бы. Положимъ, что на эт производство оказалось способнымъ. Что это значитъ? Что въ концѣ концовъ производство страны, сначала при дурныхъ условіяхъ, а потомъ при постепенно прогрессивно улучшавшихся условіяхъ, настолько расширилось, что дало достаточно занятій бумажнымъ деньгамъ въ роли орудій обращенія.

Сначала производственныя условія, вслѣдствіе войны, были плохи. Издержки производства были высокія и оттого товары и цѣнности были дороги. Мало по малу, однако, производственныя условія должны улучшиться. То есть загубленные во время войны капиталы и иныя экономическія средства должны быть возстановлены. Мало того. Настало спокойное время, а съ нимъ и пора прогрессивнаго движенія впередъ. Военной дороговизнѣ раньше или позже долженъ настать конецъ. Или вообще и вѣрнѣе: отношеніе между товарными цѣнами въ бумажноденежной странѣ и имъ соотвѣтствующими товарными цѣнами заграницею должно опять стать

или такое-же, какое оно было до войны, или еще лучшее съ точки зрѣнія интересовъ бумажноденежной страны (если только сами производственныя условія это допускаютъ). А это опять значитъ: что цѣны товаровъ, въ особенности отпускаемыхъ заграницу, и количество этихъ товаровъ, производимое въ бумажноденежной странѣ, должны возстановиться in statu ante bello. Но и этаго еще мало. Скрытыя звонкія деньги послѣ войны выйдутъ наружу. Чего добраго, и звонкія деньги, уплывшія было заграницу, вернутся обратно. Къ нимъ-же добавляются еще бумажныя деньги. Ясно, что найти занятіе увеличенной массѣ орудій обращенія въ состояніи будетъ только значительно расширившееся производство. Какъ же значительно оно должно расшириться? Гдѣ граница потребнаго расширенія? На это отвѣтить нетрудно. Орудій обращенія въ странѣ много, очень много. Въ то-же самое время въ странѣ необходимо должны оказаться условія, отъ которыхъ товарнымъ цѣнамъ придется понижаться. Но если товарныя цѣны понизятся, то это высвободитъ орудія обращенія, которыя до того были необходимы для приведенія въ движеніе болѣе вѣскихъ (высокихъ) цѣнъ. Значитъ, количество орудій обращенія еще болѣе увеличится. Слѣдовательно, расширеніе производства должно быть такъ значительно, чтобъ оно давало занятіе не только первоначальной массѣ бумажныхъ денегъ, но еще и массѣ тѣхъ орудій обращенія, которыя высвободятся отъ пониженія товарныхъ цѣнъ. Если расширеніе производства будетъ до такой степени значительно, *то и пониженіе товарныхъ цѣнъ никого смущать не будетъ*. Ни для кого оно не будетъ раззорительнымъ и никто на него жаловаться не будетъ. Ибо оно будетъ проистекать отъ производственнаго прогресса. А послѣдній вызываетъ всегда только такое пониженіе цѣнъ, вслѣдствіе котораго дешевизна вызываетъ снова новый, и еще увеличенный, спросъ. Выигрываютъ потребители и не менѣе выигрываютъ предприниматели. Выигрываютъ, стало быть, всѣ.

Возможно-ли такое сильное расширеніе производства? Положительный отвѣтъ, очевидно, зависитъ отъ условій времени и мѣста. Примѣръ Франціи и колоссальнаго расширенія ея производства

вслѣдъ за послѣднею войною указываетъ на то, что не должно причислить къ невозможностямъ способность производства расширяться въ указанномъ размѣрѣ.

Когда производительной предпріимчивости бумажно-денежной страны удается парализовать раззорительныя вліянія, которыя бумажныя деньги стремятся оказывать по своей внутренней природѣ, то это значитъ, что бумажныя деньги подверглись коренному превращенію. Въ нихъ въ такомъ случаѣ произведенъ полнѣйшій переворотъ. Бумажныя деньги перестаютъ быть бумажными деньгами. При подобныхъ условіяхъ онѣ по своему происхожденію—одно, а по своей дальнѣйшей карьерѣ—совсѣмъ иное. Въ народное хозяйство долговые знаки вторгаются непрошеннымъ гостемъ. Для пріема этого гостя не только ничто не было заготовлено. Отъ него, напротивъ, еще все пряталось. Мало по малу, однако, оказывается, что къ гостю привыкли, что съ нимъ сжились, сдружились и что его изъ врага превратили въ союзника. Но въ экономической области на подобную перемѣну недостаточно одного только благодушія. Кромѣ благодушія еще нужно богатство. Но какъ только подъ бумажныя деньги подкладывается почва дѣйствительнаго богатства, ихъ насквозь проникаетъ глубочайшая перемѣна. Когда правительство первоначально выпускало безсрочные долговые знаки, оно мало безпокоилось и о томъ, существуютъ-ли *вообще* ссудные капиталы,—чтобъ сдѣлать срочные знаки кредитными,—и о томъ, существуютъ ли *безсрочные* ссудные капиталы, которые соотвѣтствовали бы природѣ выпускаемыхъ долговыхъ знаковъ. Но если у народа оказываются безсрочные ссудные капиталы, которые онъ съ охотою отдаетъ за правительственные долговые знаки, то это дѣлаетъ послѣдніе кредитными. Такимъ образомъ, хотя правительство бумажныя деньги выпускало, мало безпокоясь, существуетъ ли въ народномъ хозяйствѣ надлежащая почва,—которая изъ нихъ сдѣлала бы кредитные знаки, путемъ коихъ заимствованы безсрочно-ссудные капиталы,—народное хозяйство по собственной иниціативѣ подкладываетъ, подводитъ подъ нихъ эту надлежащую почву.

Своеобразіе бумажныхъ денегъ въ такомъ случаѣ заключается

въ слѣдующемъ: онѣ представляютъ безсрочные долговые знаки, имѣющіе, *во первыхъ*, податное обезпеченіе, да еще не простое. Выше мы полагали, что такъ какъ обыкновенно въ торгово-промышленной практикѣ трехмѣсячныя обязательства солидныхъ предпринимателей (т. е. которыхъ доходы и поступленія внѣ сомнѣнія) считаются хорошимъ покрытіемъ при пользованіи безсрочно ссудными средствами,—то и правительство можетъ выпускать безсрочно-долговыхъ обязательствъ на такую сумму, на какую простираются среднимъ числомъ его несомнѣнныя трехмѣсячныя поступленія. Очевидно, однако, что это зависитъ отъ массы безсрочно-ссудныхъ средствъ, имѣющихся въ народномъ хозяйствѣ и предлагающихъ свои услуги. Вотъ почему разсчетъ по трехмѣсячному поступленію вовсе не представляетъ единственно-необходимаго разсчета. Смотря по обстоятельствамъ, въ основу разсчета могутъ быть положены и шести или девятимѣсячныя поступленія. Но даже трехъ и четырехъмѣсячная цифра можетъ значительно повышаться, если за войною слѣдуетъ усиленіе и повышеніе бюджета.

*Во вторыхъ*, не должно забывать и то важное обстоятельство, на которое, какъ на важное, нами уже выше указано (стр. 461—462). Если правительство бумажно-денежной страны непосредственно послѣ войны заключаетъ большіе долгосрочные займы, то этимъ увеличиваются его доходы. Т. е. къ задолженности податныхъ плательщиковъ прибавляется задолженность подписчиковъ на заемъ предъ правительственнымъ казначействомъ. А это значительно усиливаетъ податное обезпеченіе и поднимаетъ цифру, которую можно положить въ основу разсчета. Важность указываемаго обстоятельства возрастаетъ, если у народно-хозяйственнаго населенія крѣпка вѣра въ свои силы, на которыя надѣются, что онѣ скоро помогутъ правительству *замѣнить* бумажно-денежный доходъ болѣе нормальнымъ, долгосрочнымъ. Тогда у безсрочнаго долга не теряется то *промежуточное* его значеніе, на которое мы уже обратили вниманіе нашихъ читателей (стр. 466—467).

Полное торжество народно-хозяйственной производительности—явленіе рѣдкое. Въ большинствѣ случаевъ производству бумажно-

денежной страны не удается торжествовать полной побѣды. Тогда его прогрессъ и на движеніе товарныхъ цѣнъ проявляетъ свое вліяніе также точно *только отчасти*, какъ отчасти только его вліяніе сказывается въ противудѣйствіи условіямъ, вызывающимъ ростъ лажа и его сильныя колебанія.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда прогрессъ производства бумажно-денежной страны не обладаетъ достаточною силою, чтобъ торжествовать полную побѣду, не должно быть упущено одно, правда, субъективное обстоятельство, но, тѣмъ не менѣе, весьма важное.

Вопросъ о прогрессѣ производства выражаетъ вопросъ о способностяхъ предпріимчивости. Практически-же, въ дѣйствительности, вопросъ о способностяхъ предпріимчивости слагается изъ цѣлаго ряда вопросовъ сначала объ отдѣльныхъ личностяхъ,— потомъ о кругахъ личностей, — хлопчато бумажныхъ и всякихъ иныхъ фабрикантовъ, горно-заводчиковъ, инженеровъ и т. д.,— въ заключеніи, онъ превращается въ вопросъ о національной даровитости. И нельзя отрицать, что, дѣйствительно, всякій бумажно-денежный выпускъ какъ бы ставитъ на пробу экономическую даровитость народа вообще, или главныхъ представителей его производительной предпріимчивости, его коноводовъ по части послѣдней. Онъ непосредственно затрогиваетъ національное самолюбіе, если не все въ всей его цѣлости, то его экономическую долю. Народной предпріимчивости приходится стать предъ крупной задачею, разрѣшеніе которой отъ нея требуется. Всякій мало-мальски развитой народъ не лишенъ вѣры въ свои силы. Его представители, можетъ быть, будутъ и ошибаться въ своихъ взглядахъ на способность народнаго хозяйства—разрѣшить поставленную ему задачу. Но, по понятной причинѣ, они этой ошибки никогда не сознаютъ. Они скорѣе готовы будутъ всякій неуспѣхъ сваливать на разныя временныя случайности и скоро-преходящія причины, чѣмъ сознаваться, что народному хозяйству приходится бороться съ непосильною задачею.

Вотъ почему движеніе товарныхъ цѣнъ въ бумажно-денежной странѣ, которой производительныя силы, по крайней мѣрѣ въ тре-

бующемся размѣрѣ, сомнительнаго свойства, начинаетъ окрашиваться субъективнымъ цвѣтомъ.

Этому содѣйствуетъ другое обстоятельство, не менѣе сильное, чѣмъ самолюбіе предпріимчивости. Если въ странѣ появляется масса орудій обращенія, изъ коихъ часть — звонкія деньги, то мѣстное производство имъ *должно* найти занятіе. Иначе цѣны начнутъ возвышаться несоотвѣтственно производственнымъ условіямъ. Тѣ самыя «прибыли», — которыя первоначально сосредоточивались у подрядчиковъ, поставщиковъ и иныхъ лицъ, въ «военное время» непосредственно получавшихъ деньги отъ казны, — начнутъ переходить къ фабрикантамъ, сельскимъ хозяевамъ и вообще предпринимателямъ - продавцамъ товаровъ, для спроса на которые бумажныя деньги употреблены подрядчиками и т. д. «Прибыли» окажутся въ новыхъ карманахъ. Но эти карманы—особые. Съ мѣстнымъ фабрикантомъ можетъ конкурировать заграничный фабрикантъ. Т. е. возвышеніе цѣнъ въ бумажно-денежной странѣ на первыхъ порахъ до извѣстной степени парализуетъ даже таможенный тарифъ и усилитъ привозъ заграничныхъ товаровъ. Для народнаго хозяйства не велика еще будетъ бѣда, если производство отпускныхъ товаровъ расширится и съумѣетъ на столько понизить свои цѣны, чтобы вызвать усиленный отпускъ, который покрылъ-бы расширеніе привоза. Но если отпускъ не расширится, то усиленный привозъ увеличитъ задолженность, которую погасить можно только свободными капиталами. Такъ какъ звонкія деньги не нашли себѣ занятія на мѣстѣ, ибо мѣстныя условія производительности того не допускали,—такъ какъ повышеніе товарныхъ цѣнъ только обезцѣнивало звонкія деньги, то онѣ уйдутъ заграницу. Онѣ уплывутъ заграницу, потому что тамъ условія производительности благопріятнѣе для свободнаго, незанятаго, капитала,—потому что тамъ капиталъ находитъ себѣ болѣе производительное занятіе, результаты котораго и потребляетъ бумажно-денежная страна.

Совершенно безплодны возникающія въ подобномъ случаѣ жалобы на то, что въ странѣ расширяется потребленіе *заграничныхъ* товаровъ. Ибо уплывъ звонкихъ денегъ обусловливается первона-

чально не тѣмъ, что расширяется потребленіе заграничныхъ товаровъ, а тѣмъ, что потребленіе вообще расширяется. У населенія бумажно-денежной страны въ рукахъ оказывается больше «денегъ» и оно желаетъ изъ нихъ сдѣлать соотвѣтствующее имъ употребленіе. Т. е. населеніе стремится израсходовать свои «деньги». Оно и предъявляетъ, поэтому, спросъ. Но внутреннее производство не оказывается способнымъ удовлетворить расширенный спросъ. Оно не въ состояніи само пропорціонально ему расшириться Оно не способно держать цѣны такъ низко, какъ на это способны его заграничные конкуренты. Но это и значитъ, что оно неспособно давать свободному капиталу (звонкимъ деньгамъ) занятіе, столь-же производительное, какое ему можетъ дать заграничная предпріимчивость. Оттого свободный капиталъ къ послѣдней и направитъ свое движеніе.

Уплывъ звонкихъ денегъ свидѣтельствуетъ о сравнительно меньшей производительности силъ бумажно-денежной страны. Вотъ почему онъ всегда вызываетъ всю ту бурю, которая всегда поднимается, когда заходитъ вопросъ о способностяхъ національной производительности. Всякій уплывъ звонкихъ денегъ, всегда (и безъ бумажно-денежныхъ выпусковъ) испоконъ вѣковъ возбуждалъ вопросъ о «поддержаніи» національной предпріимчивости. И стремленіе возбуждать этотъ вопросъ имѣетъ также и уплывъ тетала, когда онъ вызывается бумажно-денежными выпусками.

Возникающіе при этомъ толки имѣютъ значеніе потому, что они содержатъ въ себѣ указаніе на средства, которыми можетъ быть оказано противодѣйствіе уплыву металла. Это средство заключается въ «поощреніи національной промышленности».

Мы пишемъ не «о свободѣ или поощреніи торговли» и потому для насъ важенъ не вопросъ объ удовлетворительности или неудовлетворительности однихъ или другихъ взглядовъ вообще. Для насъ важенъ лишь смыслъ «поощренія» для движенія цѣнъ въ связи съ бумажно-денежными выпусками.

Въ извѣстномъ отношеніи товарныя цѣны данной страны находились къ заграничнымъ товарнымъ цѣнамъ и до войны, слѣдовательно, и до появленія бумажныхъ денегъ. Какое нибудь таможен-

ное законодательство и тогда ставило въ опредѣленныя границы заграничную конкуренцію. И до войны могли быть случаи, когда мѣстному производству приходилось проявлять болѣе рѣзко свою сравнительно меньшую силу, когда товарныя цѣны возвышались временно надъ обычнымъ уровнемъ отъ временныхъ перемѣнъ въ производственныхъ условіяхъ. Расширеніе спроса и до войны могло случаться такое, на соотвѣтствіе которому мѣстное производство не оказывалось способнымъ. Расширенный спросъ, возвышая товарныя цѣны, обѣщалъ болѣе высокія, чѣмъ обычныя прибыли. Таможенное законодательство, если оно не было запретительное, имѣло своею цѣлью — обезпечивать мѣстнымъ производителямъ только цѣлость ихъ капиталовъ и иныхъ затратъ вмѣстѣ съ обычною прибылью. Слѣдовательно, оно само было разсчитано на стѣсненіе конкуренціи извѣстными предѣлами. Оно допускало конкуренцію, только начиная отъ извѣстнаго пункта. Но отъ этого пункта оно уже предоставляло свободу конкуренціи. И что-же производила заграничная конкуренція? Она понижала товарныя цѣны до того уровня, который былъ совмѣстенъ съ производственными условіями мѣстными, даже уже разсчитанными на извѣстное уравненіе ихъ съ заграничными.

Очевидно, что никакихъ иныхъ послѣдствій заграничная конкуренція не въ состояніи будетъ произвести и послѣ войны, когда возвышеніе товарныхъ цѣнъ будетъ обусловливаться бумажно-денежными выпусками. Если-же мѣстные производители будутъ претендовать на то, что заграничная конкуренція подрываетъ ихъ интересы, — то ихъ претензіи будутъ просто-на-просто означать претензіи на *большее* покровительство, чѣмъ какимъ они до того пользовались. Ихъ претензіи будутъ равносильны требованію, чтобы то возвышеніе товарныхъ цѣнъ, которое произошло отъ бумажно-денежныхъ выпусковъ, *было искусственно сдѣлано* такимъ, которое яко-бы соотвѣтствуетъ мѣстнымъ производственнымъ условіямъ. Ихъ намѣренія будутъ клониться къ тому, чтобы съ помощью тарифа въ производственныхъ условіяхъ была произведена *новая* перемѣна. Они будутъ требовать для себя увеличенныхъ прибылей.

Но они будутъ требовать въ подобномъ случаѣ «ледяныхъ сосулекъ», ошибочно принимаемыхъ ими за настоящіе алмазы Ибо, въ концѣ-концовъ, даже еслибъ ихъ требованія были удовлетворены, — и еслибъ установлена была строго запретительная таможенная система, — еслибъ ни одному рублю изъ запаса звонкихъ денегъ страны не удалось уйти изъ страны за границу,—мѣстные производители *ничего* не выиграли-бы. Ихъ «денежные» доходы возрасли-бы. Въ странѣ установилась-бы дороговизна, которая постепенно стала-бы всеобщая. Вся масса орудій обращенія одинаково обезцѣнилась-бы во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ. Ибо «большія» прибыли фабрикантовъ превращались-бы въ ничто при расходованіи ихъ самими фабрикантами. Послѣдствіе окончательное было-бы только одно: что у владѣльцевъ звонкихъ денегъ (свободнаго капитала), которые могли-бы устранить для своего имущества необходимость обезцѣненія, возможность для этого будетъ отнята. Въ крайнемъ случаѣ можно даже признать, что цѣна всякаго иного имущества только номинально измѣнится. Но цѣна звонкихъ денегъ, несомнѣнно, потерпитъ существенную, дѣйствительную перемѣну.

Конечно, все это справедливо лишь въ томъ случаѣ, если поощряемая національная предпріимчивость окажется неспособною измѣнить мѣстныя производственныя условія, — если она спрячетъ въ карманъ увеличенные денежные доходы и не позаботится изъ нихъ *сдѣлать* производительные капиталы. Но если она въ состояніи будетъ это сдѣлать,—если она покажетъ, что она поощренія была достойна,—если она измѣнитъ производственныя условія къ лучшему,—то *это выразится и въ пониженіи товарныхъ цѣнъ*. Подъ дороговизною почва будетъ подорвана. Тогда совсѣмъ уже не тарифъ, а мѣстная производительность будетъ охранять страну.

Трудно спорить противъ того, что когда правительство приступаетъ къ либеральнымъ таможеннымъ реформамъ немедленно послѣ бумажно-денежныхъ выпусковъ, то этимъ оно не обнаруживаетъ особенной связности въ своихъ дѣйствіяхъ. Бумажно-денеж

ный выпускъ, строго говоря, связываетъ руки правительству. Ибо онъ ставитъ мѣстной производительности болѣе обширную задачу, чѣмъ какую она имѣла предъ собою до выпусковъ. Предпріимчивости приходится выдерживать *болѣе сильную* заграничную конкурренцію. А между тѣмъ правительство именно въ это время ослабляетъ ея способность къ конкурренціи.

Вообще, все время, пока страна находится подъ тяжестью бумажныхъ денегъ, мало годится для какихъ-бы то ни было перемѣнъ въ таможенномъ законодательствѣ. Ибо бумажныя деньги имѣютъ стремленіе парализовать вліяніе *всякой* перемѣны. Если перемѣна заключается въ усиленіи покровительства, то, какъ было уже только что показано, бумажныя деньги превращаютъ перемѣну въ номинальную. Если-же перемѣна заключается въ ослабленіи покровительства, то, какъ мы увидимъ, лажъ, вызываемый бумажными деньгами, составляетъ замѣну уничтоженныхъ пошлинъ.

Удается-ли мѣстной производительности парализовать вліяніе бумажныхъ денегъ, или не удается, должно по отношенію къ товарнымъ цѣнамъ выразиться въ ея способности —*понижать эти цѣны*. Если эта способность у нея оказалась, мѣстная производительность уже далѣе этимъ свидѣтельствуетъ о своей меньшей боязни къ заграничной конкурренціи и о своей способности удерживать звонкія деньги въ странѣ.

Но существуетъ ли у мѣстной производительности способность понизить цѣны—вопросъ, который въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ національнаго самомнѣнія. Конечно, менѣе всего именно представители мѣстной предпріимчивости будутъ готовы сознаться въ своей неспособности понизить цѣны. Они, въ сомнительныхъ случаяхъ, напротивъ, всегда будутъ наклонны—*откладывать*, отсрочивать пониженіе цѣны. Во всякое данное время, пока пониженіе не произошло, они будутъ указывать на какія-нибудь случайныя причины, которыя имъ помѣшали. То есть, они всегда будутъ объяснять высокія товарныя цѣны не вліяніемъ бумажныхъ денегъ, а какими-либо отдѣльными временными торгово-промышленными обстоятельствами, т. е. производственными условіями.

И вотъ тутъ-то всего хуже оказывается, что съ ними весьма трудно спорить. Ибо установленіе и движеніе товарной цѣны представляютъ такія явленія, которыя вызываются весьма сложными и многочисленными причинами. Выбирать между этими причинами ту или иную въ отдѣльности и утверждать, что установленіе и движеніе товарныхъ цѣнъ, въ данное время, произошло подъ вліяніемъ той или иной отдѣльной причины, часто трудно до невозможности. Помочь здѣсь можетъ только статистика цѣнъ, сопровождаемая подробнѣйшею исторіею торгово-промышленныхъ условій, вліявшихъ на цѣны товаровъ. Но для статистики и исторіи цѣнъ условія не во всѣхъ странахъ одинаково благопріятны.

Вотъ почему мѣстная предпріимчивость, стремясь оправдать высокія цѣны, всегда наклонна говорить не о своей неспособности бороться съ стремленіями бумажныхъ денегъ, въ ихъ вліяніяхъ на товарныя цѣны, а о томъ, что различныя «временныя и случайныя» обстоятельства ее ослабили. Этимъ означенныя обстоятельства дали перевѣсъ заграничной конкурренціи, усиленію привоза заграничныхъ товаровъ, ухудшенію платежнаго баланса и уплыву звонкихъ денегъ. Вмѣсто толковъ о движеніи товарныхъ цѣнъ отъ патріотической предпріимчивости слышны лишь толки о балансѣ международной задолженности. Въ балансѣ-же, когда онъ неблагопріятенъ, виноваты «потребители», «недостаточная поддержка» и т. д., т. е. все на свѣтѣ, только не національная неспособность.

Но всѣ эти толки о «балансѣ» въ концѣ-концовъ все-таки сводятся къ національной неспособности. Ибо съ точки зрѣнія интересовъ даннаго времени все равно, случайная-ли она, или глубоко коренится въ степени развитія страны. Толки имѣютъ существенное значеніе свое въ томъ, что они «отводятъ глаза» отъ настоящаго пункта, отъ высоты товарныхъ цѣнъ. Для національной предпріимчивости существуетъ одинъ путь доказать свою способность парализовать вредныя вліянія бумажныхъ денегъ. Этотъ путь—пониженіе товарныхъ цѣнъ, не смотря на бумажно-денежные выпуски и вопреки имъ. А балансъ международныхъ плате-

жей и уплывъ драгоцѣнныхъ металловъ—уже вторичныя, производныя явленія, т. е. послѣдствія, сами собою возникающія и обусловливаемыя качествами производительности.

Во всякое данное время мѣстная предпріимчивость, съ большею или меньшею силою и большимъ или меньшимъ успѣхомъ, стремится къ производительности и къ поднятію этой производительности на болѣе высокій уровень. Отсюда—цѣлый рядъ вліяній, болѣе или менѣе энергично сказывающихся и въ установленіи и движеніи товарныхъ цѣнъ. Во всякомъ случаѣ, слѣдовательно, стремленіе къ производительности представляетъ источникъ ряда вліяній, противудѣйствующихъ природѣ бумажныхъ денегъ и въ ихъ вліяніи на товарныя цѣны. Какъ велики эти вліянія — вопросъ особый. Но что они всегда стремятся проявить свою силу, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Вотъ почему, когда заходитъ вопросъ объ условіяхъ, опредѣляющихъ цѣну бумажныхъ денегъ, стремленія мѣстной предпріимчивости къ наибольшей производительности никогда не должны быть упущены изъ виду. Эти стремленія поддерживаютъ цѣну бумажныхъ денегъ. Даже тогда, когда имъ не удается торжествовать полной побѣды надъ природою бумажныхъ денегъ, они могутъ представлять силу, которою въ болѣе или менѣе значительной степени бумажныя деньги могутъ быть удержаны отъ паденія. Условія мѣста и времени опредѣляютъ, въ какой именно степени стремленія предпріимчивости къ наибольшей производительности производятъ это свое послѣдствіе. Но въ какой нибудь степени они всегда стремятся вызвать свое послѣдствіе.

Въ предъидущемъ разсмотрѣны вліянія, которымъ цѣна бумажныхъ денегъ поддерживается извнѣ, въ силу реакціи народнаго хозяйства,—противъ раззорительныхъ послѣдствій, которыя иначе бумажныя деньги повлекли бы за собою. Изложенное показываетъ, что совершенно лишена всякаго основанія мысль, будто бумажныя деньги непремѣнно вызываютъ необходимость правительственныхъ мѣръ, по крайней мѣрѣ, для поддержанія ихъ цѣны, если правительство не съ состояніи совершенно ихъ устранить. Ниже мы

еще подвергнемъ особому разбору правительственныя мѣры для поддержанія цѣны бумажныхъ денегъ. Теперь-же, ссылаясь на показанное, мы имѣемъ право утверждать, что и безъ правительственныхъ мѣръ собственные интересы производительной предпріимчивости, вмѣстѣ со страхомъ раззоренія,—сознаваемымъ или несознаваемымъ, это все ровно,—вызываютъ рядъ явленій, которыми цѣна бумажныхъ денегъ удерживается отъ гибельнаго паденія.

Не должно, однако, терять изъ виду, что сама по себѣ природа бумажныхъ денегъ представляетъ собою врага, во всякое данное время стремящагося разрушить плоды стараній производительной предпріимчивости. Это всего рѣзче бросается въ глаза, когда бумажныя деньги противупоставляются кредитнымъ орудіямъ обращенія и съ ними сравниваются.

Пока звонкимъ деньгамъ приходится подвергаться вліянію *кредита*, онѣ подвергаются однимъ только благодѣтельнымъ вліяніямъ (если кредитомъ не злоупотребляютъ). Кредитъ возвышаетъ производительность капиталовъ вообще, а въ томъ числѣ и звонкихъ денегъ. Если звонкія деньги и безъ кредита (какъ предпринимательскіе капиталы) были достаточно производительны, онѣ совсѣмъ изъяты изъ круга вліяній кредита. Его вліяніямъ звонкія деньги начинаютъ лишь тогда, когда онѣ совсѣмъ не были производительны, или были менѣе производительны, чѣмъ сколько онѣ могли бы быть, находясь въ «лучшихъ» рукахъ. Къ этимъ-то лучшимъ рукамъ кредитъ и переводитъ деньги. Всякое непосредственное перемѣщеніе для звонкихъ денегъ невыгодно. Ибо оно уменьшаетъ ихъ собственную цѣнность и (при дальнихъ перемѣщеніяхъ) дѣлаетъ ихъ болѣе дорогими на сумму «накладныхъ расходовъ», которые вызываются передвиженіемъ. Звонкія деньги боятся, не любятъ этихъ накладныхъ расходовъ и, по понятной причинѣ, примиряются съ ними лишь въ крайнемъ случаѣ. Вотъ почему для нихъ выгоднѣе, чтобъ кредитъ нашелъ имъ вообще занятіе или наилучшее занятіе—*на мѣстѣ*, не вызывая надобности въ перемѣнѣ мѣста и въ накладныхъ расходахъ. По большей части кредитъ и удовлетворяетъ этому требованію звонкихъ де-

негъ и ихъ лаколизируетъ. Только тогда, когда мѣстная предпріимчивость не способна дать занятія звонкимъ деньгамъ или когда она не можетъ имъ дать наилучшаго занятія, тогда мѣстному кредиту приходится уступить поле—кредиту международному. Когда *народно хозяйственный* кредитъ не въ состояніи больше функціонировать,—тогда, но только тогда, настаетъ очередь для кредита *международно-хозяйственнаго*.

Если въ борьбѣ бумажныхъ денегъ съ народно-хозяйственною предпріимчивостью первымъ удается получить перевѣсъ, тогда онѣ ни о какой границѣ не справляются, чтобъ проявить свое враждебное отношеніе къ звонкимъ деньгамъ. Въ противуположность кредитнымъ орудіямъ обращенія, онѣ вытѣсняютъ металлическія деньги *изъ роли орудій обращенія* и стремятся имъ задавать возможно больше дѣла *какъ орудіямъ сбереженія*. Съ первыми онѣ не мирятся. Съ послѣдними находятся въ полнѣйшемъ ладу. И понятно, какъ и почему. Создаваемыя правительствомъ платежныя средства или бумажныя деньги передаютъ въ руки каждаго частнаго человѣка ту власть, которою онѣ первоначально подѣйствовали въ рукахъ правительства. Какъ правительство могло забирать цѣнности, не опираясь ни на наличность, ни на свой кредитъ, а на одинъ только приказъ закона,—такъ каждое частное лице можетъ заставлять цѣнности двигаться по направленію къ себѣ не на основаніи своего кредита и не на основаніи наличности, а на основаніи приказа закона. Двигательная сила закона соперничаетъ и борется съ двигательною силою наличности и кредита и заставляетъ ихъ очистить себѣ мѣсто. Тою-же силою, которою законныя платежныя средства приводятъ въ движеніе цѣнности, они парализуютъ подвижность кредита и наличности. Отсюда два послѣдствія. Съ одной стороны все обращеніе цѣнностей приходитъ въ зависимость отъ такой двигательной силы, которая ему по своей природѣ всего болѣе чужда. Оно все держится на новомъ искусственномъ циркуляціонномъ механизмѣ, вся сила котораго въ принужденіи, устанавливаемомъ положительнымъ закономъ. Съ другой—естественный циркуляціонный механизмъ, создаваемый собственною

иниціативою народнаго хозяйства, остается безъ дѣла. Каждыя орудія обращенія частныхъ лицъ получаютъ тѣмъ меньше значенія, чѣмъ шире то поле, которое удается себѣ отвоевать торжествующимъ бумажнымъ деньгамъ,—чѣмъ глубже послѣднія проникаютъ, чѣмъ меньше жалѣется жертвъ, чтобъ заставить ихъ проникнуть или провести ихъ дальше. Еще больше, однако, подъ ихъ вліяніемъ страдаетъ активность наличности. Въ такую пору, когда и безъ того количество свободныхъ сбереженій упало,—когда и безъ того исключительныя политическія обстоятельства невыгодно отражаются на настроеніи предпріимчивости,—когда и безъ того родилась бы наклонность особенно дорожить свободнымъ состояніемъ капитала,—правительство является со своими фиктивными платежными средствами. Понятно, что это прежде всего принудитъ къ бѣгству тотъ видъ капитала, которому всего легче бѣжать и скрыться. Понятно также, что явится стремленіе возможно больше имущества превратить въ форму этого капитала, чтобъ его легче было спасти. Если, слѣдовательно, одною стороною своихъ вліяній торжествующія бумажныя деньги парализуютъ способность наличности дѣйствовать, какъ орудія обращенія, то другою стороною своихъ вліяній платежныя средства сами споспѣшествуютъ усиленію тѣхъ условій, которыя изъ звонкой наличности дѣлаютъ орудіе сбереженія. Въ это-то орудіе звонкія деньги исключительно и обращаются. Если онѣ въ данномъ мѣстѣ еще сохраняютъ свое значеніе, то только какъ — таковое орудіе. Но и роль орудія сбереженія звонкія деньги подъ вліяніемъ фиктивныхъ платежныхъ средствъ разъигрываютъ иначе, чѣмъ когда имъ приходится функціонировать при кредитѣ. Кредитъ за сбереженіями непрерывно гоняется и стремится найти имъ возможно скорѣе безостановочное производительное занятіе. Какъ кредитъ локаленъ, такъ и занятіе, имъ находимое сбереженіямъ, прикрѣплено къ данному мѣсту, и это локализируетъ функціи наличности, сохраняетъ ихъ въ предѣлахъ даннаго мѣста. Но при фиктивныхъ платежныхъ средствахъ, звонкая наличность въ роли орудія сбереженія не представляетъ уже новообразованныхъ капиталовъ, которые только потому свободны

и праздны, что они еще времени не имѣли быть производительными, что они только что родились. Напротивъ, звонкія деньги въ роли орудій сбереженія при торжествующихъ бумажныхъ деньгахъ представляютъ имущество, которое *не можетъ и не желаетъ* быть производительнымъ, которое предпочитаетъ свободу производительности, которое производительнаго занятія въ данномъ мѣстѣ не хочетъ, въ данномъ мѣстѣ желаетъ имѣть свободу, чтобъ это мѣсто оставить и перейти въ другое, гдѣ оно не будетъ находиться въ условіяхъ, основанныхъ на принужденіи. Такимъ образомъ, звонкая наличность разъигрываетъ свою роль орудія сбереженія, чтобъ извлечь капиталъ изъ обращенія, чтобъ отвлечь его отъ занятій и помѣщеній даннаго мѣста, чтобы скрыть его совершенно или чтобъ перевести его въ другое мѣсто. Если кредитъ непрерывно разъискиваетъ и открываетъ свободныя сбереженія и выводитъ ихъ на свѣтъ божій,—если своими функціями онъ обезпечиваетъ данному мѣсту возможность имѣть эти сбереженія въ своемъ распоряженіи,—то бумажныя деньги, напротивъ, лишаютъ народное хозяйство возможности разсчитывать на совершенно-свободныя сбереженія, которыя могли бы быть употреблены, гдѣ, когда и на что угодно. Совершенно-свободнаго капитала для народнаго хозяйства, котораго циркуляціонный механизмъ основанъ на торжествующихъ бумажныхъ деньгахъ, не можетъ уже вовсе быть. Наличность исчезаетъ изъ оборота и сбереженіемъ начинаетъ уже называться правительственный знакъ, попавшій въ руки, непользующіяся своею властью, чтобъ двинуть его далѣе, *сберегающія себѣ эту власть*. Такимъ образомъ сбереженія уже не представляютъ дѣйствительныхъ капиталовъ. Онѣ представляютъ капиталы, взятые правительствомъ или эквивалентные тѣмъ, которые взяты правительствомъ и имъ уничтожены. Сбереженіе извращается въ своей природѣ. Вмѣсто того, чтобъ представлять средства, еще ни на что не затраченныя и служащія вещественнымъ основаніемъ для производственной свободы и для желаній предпріимчивости направляться, куда ей угодно,—вмѣсто того, чтобъ представлять полезные плоды прошлой производительности, унаслѣдо-

ванные настоящимъ и укрѣпляющіе его силы, питающіе ихъ,— сбереженія начинаютъ представлять средства, уже истраченныя, уже помѣщенныя, да сверхъ того истраченныя и помѣщенныя непроизводительно. Сбереженія представляютъ не прибавленіе къ средствамъ, а вычетъ изъ нихъ, не унаслѣдованную силу, а унаслѣдованное безсиліе. Для *народнаго* хозяйства, словомъ, свободныхъ сбереженій вовсе нѣтъ, а есть тяжелое сознаніе *отсутствія* ихъ. Для *отдѣльныхъ* лицъ остается только пародія на сбереженіе, предметъ коего—неутилизированное право перемѣстить на другаго унаслѣдованную болѣзнь.

Когда природѣ бумажно-денежныхъ стремленій удается торжествовать побѣду, то она, подобно кредиту, производитъ переворотъ въ циркуляціонномъ механизмѣ страны. Мы видѣли, что подъ вліяніемъ кредита создается новый видъ циркуляціоннаго механизма: *смѣшанный*, получающій для народныхъ хозяйствъ и ихъ благосостоянія не меньшее значеніе, чѣмъ какое было у предшествовавшаго ему, чисто-металлическаго механизма обращенія. Торжествующія бумажныя деньги вызываютъ третій видъ механизма обращеній: *чисто-бумажный*. Чисто-бумажный механизмъ обращенія представляетъ крайность, прямо противуположную той, которая представляется чисто-металлическимъ механизмомъ. Если послѣдній основанъ на одномъ только капиталѣ, то первый совершенно лишенъ капитала въ числѣ своихъ основаній и еще враждебенъ денежному капиталу.

Кредитныя орудія обращенія, какъ суррогаты звонкихъ денегъ, совершенствуясь, приближаются къ послѣднимъ въ томъ отношеніи, что непрерывность производительнаго дѣйствія даетъ имъ возможность сбросить съ себя важнѣйшій знакъ подчиненности звонкой наличности и стать *безпроцентными долговыми знаками*. Напротивъ, правительственные знаки, получающіе значеніе законнаго платежнаго средства и свидѣтельствующіе, что производительность финансовыхъ источниковъ истощилась, никогда этого достигнуть не могутъ. Если они только по названію безсрочные долговые знаки, то только по названію они и безпроцентны. Законъ обладаетъ

властью, могущей служить основаніемъ обращаемости правительственныхъ платежныхъ знаковъ. Законъ можетъ ихъ снабдить двигательною силою. Но не отъ него зависитъ степень эффективности этой силы. Не отъ закона зависитъ цѣна силы, которою онъ снабжаетъ свои долговые знаки.

На сколько у народно-хозяйственной производительности нѣтъ власти, чтобы побороть стремленія бумажныхъ денегъ, это значитъ, что народное хозяйство лишено богатства, т. е. той почвы, которую ему нужно было-бы подвести подъ бумажныя деньги, чтобы сдѣлать ихъ безвредными. Вотъ почему торжествующія бумажныя деньги суть такія, на которыя народное хозяйство принуждено смотрѣть, какъ на навязанную ему непосильную тягость. Выносить эту тягость народное хозяйство не въ состояніи. Оно, поэтому, непрерывно принуждено стремиться, чтобы отъ тягости освободиться. Оно ни на минуту не можетъ отложить своей заботы поскорѣе увидѣть бумажно-денежный долгъ погашеннымъ. Чѣмъ больше былъ бумажно-денежный выпускъ уже первоначально, или чѣмъ болѣе онъ послѣдовательно въ разные пріемы былъ увеличиваемъ, тѣмъ больше въ обращеніи будетъ долговыхъ знаковъ, представляющихъ собою непрерывающійся спросъ на звонкія деньги, ихъ погашающія. Чѣмъ менѣе народное хозяйство способно сдѣлать производительное употребленіе изъ бумажныхъ денегъ, тѣмъ большая часть ихъ будетъ излишнею. И эти-то излишнія бумажныя деньги, именно потому, что онѣ не превращаются въ орудія обращенія, будутъ стремиться сами ронять свою цѣну. Онѣ сами будутъ свою цѣну ставить въ зависимость отъ такихъ условій, которыя ее всего болѣе могутъ ронять. Ибо именно тогда, когда бумажныя деньги лишены возможности играть роль орудія обращенія, онѣ стремятся превратиться въ цѣнность, экономическое достоинство которой имѣло бы непосредственное, а не косвенное значеніе. Довѣріе къ правительству и его способности скоро уплатить свой бумажно-денежный долгъ служитъ, во всякомъ случаѣ, одною изъ главнѣйшихъ основъ спроса на звонкія деньги въ бумажно-денежной странѣ. Чѣмъ больше довѣріе къ правительству,

тѣмъ слабѣе спросъ. И наоборотъ: спросъ растетъ съ ослабленіемъ довѣрія. Всякое облачко, затемняющее довѣріе, способно, поэтому, оказывать свое вліяніе на вопросъ, какую часть бумажно-денежнаго выпуска будутъ считать излишнею. Устанавливать какія либо общія правила относительно этой части,—на сколько она зависитъ отъ общественнаго мнѣнія о степени возможнаго довѣрія,—почти совершенно невозможно. Несомнѣнно, конечно, что граница для вліяній чисто психологическаго фактора довѣрія должна *была-бы* существовать въ потребности предпріимчивости въ орудіяхъ обращенія. Но—психологическій факторъ самый свободный изъ факторовъ. Мало того. Это самое произвольное, случайное, неуловимое, капризное изъ всѣхъ вліяній, вторгающихся извнѣ въ экономическую область. Ибо «довѣріе» — не чисто-экономическое явленіе. Съ довѣріемъ въ экономическій міръ врывается человѣческая субъективность, фантазія, а съ нею большею частью и безобразіе. Вопреки всякому разсчету и всякой потребности въ орудіяхъ обращенія, психологическій факторъ можетъ, поэтому,—правда, на короткое время, но съ тѣмъ большею внезапностью и неудержимостью,—вотировать правительству такое недовѣріе, отъ котораго его представителей будетъ морозъ по кожѣ подирать. Довѣріе къ правительству находится въ рукахъ, прежде всего, у его кредиторовъ. Отъ нихъ, поэтому, правительство прежде всего находится въ зависимости при рѣшеніи вопроса, какъ обходятся съ его долговыми знаками. бросаютъ-ли эти знаки, какъ негодную тряпку, или ихъ ставятъ наравнѣ съ золотомъ. Понятно въ подобномъ случаѣ, что все только способное оказывать малѣйшее вліяніе на неуловимое довѣріе къ правительству, будетъ оказываться способнымъ вліять на спросъ на металлъ, на высоту лажа, т. е. на цѣну бумажныхъ денегъ или вообще неисполняемыхъ долговыхъ обѣщаній. Кредиторы правительства могутъ превратиться въ тѣхъ больныхъ, которые страждутъ «мнительностью» и тогда пойдетъ откапыванье «угрожающихъ опасностей». Пустячнѣйшія переплетенія дипломатическаго свойства, совсѣмъ еще и не имѣющія отношенія къ ходу экономическихъ дѣлъ въ бумажно-денежной странѣ, уже въ состоя-

нiи вызывать сильнѣйшія и раззорительнѣйшія перемѣны въ лажѣ и цѣнѣ бумажныхъ денегъ. Почему? Потому что ихъ *считаютъ* способными повліять на ходъ экономическихъ дѣлъ. А логика, по которой ихъ считаютъ на это способными, по большей части однородна логикѣ, по которой дождь идетъ, оттого что палка въ углу стояла. Такое-же вліяніе и по той-же причинѣ начинаютъ оказывать различныя событія, касающіяся внутренняго управленія страною. Короче: въ цѣнѣ бумажныхъ денегъ получаютъ органъ для своего выраженія такія отношенія къ правительствамъ, которыя иначе не могли бы и быть возможными. Это *одно* изъ послѣдствій бумажно денежныхъ выпусковъ, съ которымъ волею-неволею правительства принуждены примириться.

Такъ какъ бумажныя деньги внутреннею цѣнностью не обладаютъ никакою, то, подобно всякому долговому имуществу, онѣ нуждаются во внѣшней поддержкѣ ихъ цѣнности какою либо производительною силою. Обыкновенно долговое имущество поддерживается въ своей цѣнности производительностью силъ народно-хозяйственной предпріимчивости. Этою-же поддержкою могутъ пользоваться и бумажныя деньги. Но она у нихъ можетъ и не оказаться за отсутствіемъ у народнаго хозяйства силъ, ей соотвѣтствующихъ. Если у предпріимчивости нѣтъ производительныхъ силъ, то у нея нѣтъ и кредита. Тогда она не можетъ создавать и долговаго имущества. Иное представляютъ бумажныя деньги. Онѣ—такое долговое имущество, созданію котораго не предшествовала необходимая справка, существуетъ-ли производительная сила, могущая на себя взять поддержку цѣнности долга. Оттого бумажныя деньги сами по себѣ лишены всякой цѣнности и, предоставленныя самимъ себѣ, лишенныя внѣшней поддержки, стремятся падать. Т. е., предоставленныя самимъ себѣ, бумажныя деньги оказываются излишними. Какъ излишнія-же, онѣ представляютъ только непосильную тягость, возложенную на народное хозяйство, стремящееся отъ тяжести избавиться.

Разъ извѣстная часть бумажно-денежнаго выпуска представляетъ тягость, несоразмѣрную силамъ народнаго хозяйства, она ста-

новится сама *основою для спроса на звонкія деньги*. Это значитъ, что часть бумажныхъ денегъ, будучи въ состояніи не играть роли орудія обращенія, *принуждена* служить орудіемъ сбереженія. Но въ такомъ случаѣ бумажныя деньги стремятся къ превращенію въ дѣйствительное орудіе сбереженія. Онѣ сами сохраняютъ только долгъ. Цѣнность же долга заключается въ обѣщаніи, которое онъ выражаетъ. Слѣдовательно, отъ вѣроятности, что это обѣщаніе будетъ исполнено, будетъ зависѣть и цѣна долга. Но какимъ образомъ эта вѣроятность можетъ получить осязательное выраженіе? Очевидно, что осязательное выраженіе вѣроятность получаетъ въ размѣрѣ оказывающейся готовности у большаго или меньшаго числа лицъ обмѣнять долговой знакъ на звонкія деньги. Если кто-либо считаетъ совершенно несомнѣнною возможность немедленно получить платежъ по долговому знаку, то онъ всегда готовъ будетъ отдавать за него звонкія деньги. Если кто-либо считаетъ несомнѣнною возможность получить платежъ по долгу, зная, что платежъ послѣдуетъ только чрезъ извѣстный срокъ,—то онъ дастъ за долговой знакъ звонкія деньги, но уже потребуетъ вознагражденія за пользованіе свободнымъ капиталомъ до той поры, пока по долгу послѣдуетъ уплата капитала. Срочность пользованія повлечетъ за собою вычетъ изъ нарицательнаго достоинства долговаго знака. *Будущій платежъ* по долгу будетъ стоить меньше, чѣмъ *наличная сумма* одинаковаго нарицательнаго достоинства. Или: сумма звонкихъ денегъ *наличныхъ* будетъ стоить больше, чѣмъ такая же сумма звонкихъ денегъ, *предстоящая лишь въ будущемъ*. Насколько звонкія деньги дороже, это выражаетъ лажъ на нихъ. Насколько будущія деньги дешевле, выражаетъ «дизажіо» на долговой знакъ. Это дизажіо, равно какъ соотвѣтствующій ему лажъ, должны будутъ возникнуть, даже если точно будетъ извѣстно, въ какой срокъ по бумажнымъ деньгамъ должна будетъ послѣдовать уплата. А если этотъ срокъ не будетъ извѣстенъ? А если сверхъ того самая уплата будетъ сомнительна? Тогда это, очевидно, должно будетъ повліять на размѣръ вычета, которому долженъ подвергнуться

долговой знакъ. Во всякомъ же случаѣ размѣръ этого вычета станетъ неопредѣленнымъ и придетъ въ зависимость отъ измѣняющихся условій. Сегодня имѣются виды, что уплата по долгу послѣдуетъ скоро и цѣна долга возрастаетъ. Завтра виды противуположные и цѣна долга падаетъ. Сегодня виды болѣе вѣроятные и цѣна падаетъ или возвышается очень сильно. Завтрашніе виды—болѣе произвольны и менѣе вѣроятны: цѣна колеблется слегка. Такимъ образомъ, бумажно-денежный долгъ, съ установленіемъ лажа на золото и дизажіо на бумажки, превращается изъ безпроцентнаго долга въ процентный. Но его процентность—своеобразная. *Во первыхъ* проценты по бумажно-денежному долгу уплачиваются народнымъ хозяйствомъ не такъ, какъ по остальнымъ, и по своему названію процентнымъ, долгамъ. По остальнымъ государственнымъ долгамъ народное хозяйство уплачиваетъ проценты сначала въ видѣ налоговъ, которые собираетъ правительство. Потомъ правительство уже отъ себя разсчитывается съ кредиторами по государственному долгу. По бумажно-денежному долгу же проценты уплачиваются народнымъ хозяйствомъ, когда оно расходуется на лажъ. Можно думать, что такъ какъ лажъ одни члены народнаго хозяйства уплачиваютъ другимъ, то платежи остаются въ народномъ хозяйствѣ и, слѣдовательно, бумажно-денежный долгъ безпроцентенъ. Но это заключеніе—ошибочно. Не говоримъ уже о тѣхъ случаяхъ, когда лажъ приходится уплачивать заграницу за звонкія деньги, оттуда получаемыя, прямо и непосредственно въ кредитъ, или вообще за право трассировать. Независимо отъ этого, вообще *всякій* государственный долгъ, принося проценты, этимъ *не уменьшаетъ* общей суммы средствъ народнаго хозяйства, насколько проценты не уходятъ за границу. То, что собирается налогами для уплаты процентовъ, возвращается народному хозяйству обратно—при самой уплатѣ этихъ процентовъ. Съ этой стороны различія между обыкновенными процентами по государственному долгу и лажемъ нѣтъ никакого. Но различіе существуетъ съ другой стороны, которая намъ и обнаруживаетъ *второе* своеобразіе процентности бумажно-денежнаго долга. Эта процентность—неопре-

дѣленная. Сегодня она—одна. Завтра она уже можетъ оказаться иною. Сегодня она—пустая. Завтра она можетъ оказаться непосильно тягостною. *Въ третьихъ*, процентность бумажно-денежнаго долга своеобразна еще и въ томъ отношеніи, что она неравномѣрная и неправильная. При ней всего менѣе можно добиться толку относительно того, вознагражденъ-ли каждый по своимъ услугамъ, и соразмѣрно ли имъ. Наконецъ, *въ четвертыхъ*, своеобразный характеръ этой процентности выражается во всей совокупности средствъ, которыя для нея должно израсходовать народное хозяйство. Процентовъ по бумажно-денежному долгу своего правительства народное хозяйство уплачиваетъ ту сумму, на какую оно расходуется во всей совокупности расходовъ на лажъ. Какъ же велика эта сумма и отъ чего она зависитъ? Она зависитъ, прежде всего, отъ всей той массы иностранныхъ векселей, которую членамъ народнаго хозяйства приходится покупать, чтобъ покрыть свои долги заграничнымъ кредиторамъ. И она равняется всѣмъ тѣмъ расходамъ, въ совокупности ихъ, которые другими членами народнаго хозяйства дѣлаются при покупкахъ золота и серебра, для производственныхъ (техническихъ) надобностей, или для цѣлей роскоши, или для скрытія ихъ, или для ихъ отправки въ такія страны, съ которыми нельзя расплачиваться переводными векселями. Если, напримѣръ, страна имѣетъ въ обращеніи на 800 милл. рублей бумажныхъ денегъ, при лажѣ на послѣднія въ 15%, и если она ежегодно должна имѣть на 500 милл. рублей иностранныхъ векселей и драгоцѣнныхъ металловъ,—то всего процентовъ по бумажно-денежному долгу будетъ уплачиваться 75 милл. или $9^1/_3$%. Своеобразный характеръ общей суммы, въ которой процентность бумажно-денежнаго долга выражается, представляется ея полною независимостью отъ величины самаго долга.

62. Выше было уже указано, что подъ вліяніемъ хроническаго кризиса, вызываемаго бумажно-денежными выпусками, совершенно измѣняется основной характеръ движеній въ особенности вексельнаго курса и товарныхъ цѣнъ, какъ критеріевъ (указателей)

тѣхъ качествъ, которыя выражаютъ правильность производительнаго движенія въ странѣ.

Вексельные курсы при бумажно-денежныхъ выпускахъ, во первыхъ, стремятся остаться при своей прежней роли критерія *производственнаго* движенія, происходящаго въ странѣ. Но они уже не ограничиваются одною этою ролью. Они, во вторыхъ, начинаютъ еще разъигрывать роль критерія тѣхъ движеній, которыя происходятъ подъ вліяніями, *совершенно чуждыми* для производительности, т. е. подъ непосредственными вліяніями самой природы бумажныхъ денегъ *въ циркуляціонномъ механизмѣ* страны. Въ третьихъ, наконецъ, вексельные курсы превращаются въ указателя *взаимоотношенія*, во всякое данное время состоящаго между обоего рода указанными движеніями.

Прежде всего важно стремленіе производства сдѣлать изъ вексельнаго курса критерій для своего состоянія во всякое данное время. Это стремленіе сообщается и вексельному курсу. Мы показали, что эти стремленія двоякія. Однѣ изъ нихъ субъективныя, исходящія отъ *производителей*. Ихъ выраженіе—слова, взгляды и мысли представителей предпріимчивости въ бумажно-денежной странѣ. Но эти стремленія имѣютъ дѣйствительное, реальное значеніе лишь въ той мѣрѣ, въ какой слова предпринимателей подтверждаются ихъ дѣломъ. То есть, стремленія производителей важны лишь въ той мѣрѣ, въ какой ихъ поддерживаютъ втораго рода стремленія, исходящія отъ *производства*. Субъективныя стремленія сказываются въ *желаніи* сдѣлать изъ всякой перемѣны въ вексельномъ курсѣ выраженіе перемѣны въ производственныхъ условіяхъ. Объективныя стремленія сказываются въ *способности* сдѣлать изъ всякой перемѣны въ вексельномъ курсѣ такое выраженіе. Подобная способность оказывается, однако, только у предпріимчивости, которой производительность столь велика, что ею совершенно парализуются всякія вліянія бумажныхъ денегъ на товарныя цѣны. Если-же *на это* предпріимчивость не оказывается способною, то одно изъ двухъ: или извѣстныя массы бумажныхъ денегъ оказываются праздными и сосредоточиваются въ кассахъ

или блуждаютъ по рынкамъ, безуспѣшно разъискивая себѣ производительное и доходное занятіе. Или-же онѣ вызываютъ дорого-визну.

Во всякомъ случаѣ и для бумажно-денежныхъ странъ всѣ признаютъ, что «одно изъ важнѣйшихъ вліяній», отъ которыхъ зависитъ движеніе вексельнаго курса, представляется балансомъ международной задолженности. То есть, говорятъ, что *многія* движенія, колебанія и перемѣны въ вексельныхъ курсахъ бумажно-денежныхъ странъ зависятъ отъ состоянія ихъ задолженности заграницу. Но какимъ образомъ распознавать тѣ движенія вексельнаго курса, которыя зависятъ отъ причины, представляемой балансомъ международной задолженности? Какимъ образомъ возможно различать эти движенія отъ перемѣнъ и колебаній въ вексельномъ курсѣ, вызываемыхъ другими причинами?

Отвѣтъ даютъ обыкновенно, указывая на *размѣръ* колебанія вексельнаго курса. «Насколько колебанія вексельнаго курса зависятъ отъ баланса международныхъ платежей, они, говорятъ, одинаковы, какъ для странъ бумажно-денежныхъ, такъ и для странъ, свободныхъ отъ бумажно-денежной народно-хозяйственной язвы. Однородныя причины могутъ вызывать только однородныя послѣдствія. А если послѣдствія—разнородны, то это доказываетъ, что первоначальная причина дѣйствуетъ уже не одна, а въ сопровожденіи другой, новой, добавочной причины. Пока мы разсматриваемъ вексельный курсъ, какъ явленіе, находящееся въ зависимости *только* отъ баланса международной задолженности, мы его разсматриваемъ въ связи только съ однимъ извѣстнымъ разрядомъ причинъ. Но эти причины, говорятъ далѣе, не имѣютъ ничего общаго съ бумажными деньгами и ими вызываемыми явленіями. Ни въ какой внутренне-необходимой связи означенные разряды причинъ съ бумажными деньгами и ихъ послѣдствіями не состоятъ. Балансъ предполагаетъ иззѣстный спросъ на драгоцѣнный металлъ и извѣстное его предложеніе. Онъ всегда—*выводъ* изъ тѣхъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ спросъ и предложеніе драгоцѣннаго металла. Какія бы эти причины ни были, для баланса безразлично. Балансъ

эти причины застаетъ готовыми и только затѣмъ начинаетъ проявлять свое вліяніе. Въ чемъ-же заключается это вліяніе? Въ устанавливаемой балансомъ пропорціи, по которой можно купить заграничный переводный вексель и за которою начинается возможность непосредственнаго передвиженія драгоцѣннаго металла. Какъ эта пропорція высока или низка,—это зависитъ отъ причинъ, предшествующихъ балансу и опредѣляющихъ качество его вліяній, выражающихъ обусловленность баланса, отсутствіе произвольности въ его вліяніяхъ. Когда даны причины, опредѣляющія спросъ и предложеніе драгоцѣннаго металла, то балансъ можетъ вызывать только такую цѣну заграничныхъ переводныхъ векселей, при которой они имѣютъ преимущество предъ непосредственнымъ отправленіемъ или полученіемъ звонкихъ денегъ».

Но умѣютъ-ли звонкія деньги удерживаться въ обращеніи бумажно-денежной страны, или не умѣютъ, это для качествъ вліяній «баланса» не безразлично. Потому что въ странѣ, въ которой звонкія деньги не могутъ удерживаться въ обращеніи, драгоцѣнные металлы все таки нужны для производственныхъ техническихъ надобностей, для потребностей роскоши, для цѣлей храненія и для заграничныхъ платежей. На сколько драгоцѣнные металлы нужны для техническихъ надобностей, они должны непосредственно передвинуться въ бумажно-денежную страну. Слѣдовательно, уплата за нихъ должна будетъ по необходимости вызывать цѣну, которая можетъ превышать преимущество кредитнаго орудія обращенія предъ звонкимъ. То-же самое можно сказать о спросѣ на драгоцѣнный металлъ для цѣлей сбереженія. Наконецъ, что касается спроса для цѣлей заграничныхъ уплатъ, то очевидно, что такъ какъ привлеченный металлъ только для обратной отсылки заграницу и годится, то переводный вексель по отношенію къ *этому* спросу можетъ давать *сразу* возможность выиграть *двойные* расходы (пересылки, страхованія, коммиссіонные и т. д.), т. е. *прилива* металла въ бумажно-денежную страну и *отлива* металла изъ нея. Это *удвоеніе* границы, до которой можетъ повышаться цѣна векселей, помимо всякихъ вліяній со стороны т. н. «баланса» и при-

роды бумажныхъ денегъ. Оно вызывается *принудительнымъ курсомъ* бумажныхъ денегъ, явленіемъ, которое, какъ выше разъяснено, съ природою даже бумажныхъ денегъ не состоитъ ни въ какой внутренне-необходимой связи. Мы увидимъ, однако, ниже, что это вліяніе принудительнаго курса, проистекающее отъ его препятствій металлу упрочиться въ оборотѣ, можетъ быть парализовано мѣрами, которыя даютъ металлу возможность свободно приливать въ бумажно-денежную страну, хотя и не для того, чтобъ упрочиться въ оборотѣ. Означенными мѣрами (какое бы ни было ихъ значеніе въ другихъ отношеніяхъ) принудительный курсъ бумажныхъ денегъ лишается способности вліять на колебанія вексельнаго курса. Но эта способность у принудительнаго курса несомнѣнно существуетъ, если ей не оказывается противудѣйствія. Она, однако, представляетъ, явленіе, совершенно чуждое само по себѣ балансу международной задолженности и, подобно насильственной обращаемости бумажныхъ денегъ, только далѣе отодвигающее тотъ пунктъ, съ котораго только и начинается самостоятельное вліяніе баланса.

Съ того-же пункта, съ котораго начинается самостоятельное вліяніе «баланса», это вліяніе любятъ относить только къ сравнительно-незначительнымъ колебаніямъ вексельнаго курса на ту сумму, на которую простираются преимущества кредитныхъ орудій обращенія. Эта сумма сама по себѣ постоянная, составляя отъ 3—4% и только для срочныхъ векселей иногда увеличивающаяся подъ вліяніемъ перемѣнъ въ дисконтѣ. Принявъ во вниманіе состояніе дисконта и причисливъ къ нему расходы на пересылку металла, его страхованіе и коммиссіонную плату, во всякое данное время, говорятъ, легко получить ту сумму, которою выражаются колебанія вексельнаго курса, находящагося только подъ вліяніемъ «баланса» международной задолженности. Пока вексельный курсъ колеблется только въ предѣлахъ этой суммы, можно довольствоваться мотивировкою его перемѣнами въ балансѣ.

Но эта мотивировка во всякомъ случаѣ весьма недостаточная и неопредѣленная. Ибо *всѣ* взаимоотношенія между бумажно-де-

нежною страною и заграничными странами,—*все равно, какія обстоятельства ни вызывали бы эти отношенія*,—сказываются въ балансѣ международныхъ платежей. И вліяніе народнохозяйственной предпріимчивости, и вліянія природы бумажныхъ денегъ, и—наконецъ—совершенно новыя финансовыя вліянія (напримѣръ, новые государственные заграничные займы или правительственные расходы заграницею на путешествія, или закупки заграничнаго оружія и другихъ цѣнностей), всѣ одинаково проникаютъ до баланса. *Все, что на вексельный курсъ вліяетъ, иначе не можетъ оказать свое вліяніе, какъ пріобрѣтеніемъ вліянія на балансъ международной задолженности*. Очевидно, что если мы хотимъ разсуждать точно, то должны имѣть въ виду не различіе между вліяніемъ баланса на вексельный курсъ и вліяніемъ иныхъ причинъ,—а вліянія, оказываемыя различными причинами *на самый балансъ*.

Мы указываемъ на это обстоятельство, имѣя въ виду сдѣлать яснымъ, что различныя обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ вексельный курсъ и которыя въ немъ выражаются, еще до своего вліянія на вексельный курсъ встрѣчаются и перекрещиваются въ одномъ общемъ для всѣхъ пунктѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, когда вексельный курсъ играетъ роль указателя или критерія качествъ тѣхъ вліяній,—которыми выражаетъ свою силу природа бумажныхъ денегъ,—то и тогда перемѣны въ балансѣ международной задолженности предшествуютъ измѣненіямъ вексельнаго курса, соотвѣтствующимъ силѣ означенныхъ вліяній. Ибо бумажныя деньги, независимо отъ производственныхъ условій,—отчасти самостоятельно, отчасти-же подъ вліяніемъ дефицитовъ производительности, неумѣющей *имъ* находить производительное занятіе,—сами порождаютъ спросъ на драгоцѣнные металлы и измѣняютъ соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ драгоцѣнныхъ металловъ. Еслибъ у предпріимчивости не было подъ бокомъ заботы—непремѣнно пріискать производительное занятіе бумажнымъ деньгамъ, сколько-бы ихъ ни было, — то очевидно, что у производительности было-бы однимъ поводомъ меньше оказываться несосто-

ятельною. Бумажныя-же деньги отъ себя добавляютъ такой поводъ. Несомнѣнно, что бумажныя деньги оказываютъ свое вліяніе на балансъ не прямо, а косвенно, обнаруженіемъ дефицитовъ непроизводительности. Но не менѣе несомнѣнно, что безъ бумажныхъ денегъ этимъ дефицитамъ не приходилось-бы обнаруживаться. Слѣдовательно, строгое разсужденіе должно относить ихъ вліяніе на ихъ же счетъ и не смѣшивать всѣхъ вліяній дефицитовъ производительности на колебанія вексельнаго курса въ одну безразличную массу. Насколько дефициты вызываются бумажными деньгами, вызываемыя ими колебанія вексельнаго курса и должны быть относимы на счетъ бумажныхъ денегъ.

Вы видѣли выше, что излишніе кредитные знаки суть такіе, которые попадаютъ въ руки, неумѣющія изъ нихъ сдѣлать производительнаго употребленія. Такой-же смыслъ имѣютъ и излишнія бумажныя деньги. Абсолютное ихъ количество менѣе всего возможно для того, чтобъ онѣ оказывались «излишними», или «необходимыми». Весьма значительный бумажно-денежный выпускъ можетъ не произвести никакихъ раззорительныхъ послѣдствій въ однихъ случаяхъ. Въ другихъ-же случаяхъ достаточно и незначительнаго выпуска, чтобъ онъ съ собою принесъ народному хозяйству раззореніе. Несомнѣнно, однако, что *сила раззоренія* всегда будетъ находиться въ зависимости отъ размѣра выпуска или той его доли, которая представляетъ «излишніе» долговые знаки правительства. Отъ размѣра выпуска зависитъ, слѣдовательно, *не качество* вызываемаго имъ послѣдствія, а *количественная сторона* этого послѣдствія.

«Излишнія» бумажныя деньги вызываютъ самостоятельный спросъ на драгоцѣнный металлъ, а съ этимъ спросомъ—и лажъ. Какъ высокъ лажъ (the rate), можетъ не зависѣть вовсе отъ размѣровъ бумажно-денежнаго выпуска и отъ того, какъ велика масса излишнихъ бумажныхъ денегъ. Лишнія 100 милл. бумажныхъ денегъ, представляя спросъ на драгоцѣнный металлъ, могутъ встрѣтиться при благопріятныхъ условіяхъ съ такимъ его предложеніемъ, что лажъ окажется меньше, чѣмъ какой при менѣе благопрі-

ятныхъ условіяхъ окажется для суммы «излишнихъ» бумажекъ въ 50 милл. Но при данной высотѣ лажа, вся его сумма (the amount) всегда находится въ зависимости отъ размѣра выпуска и оказывающагося «излишка» въ бумажныхъ деньгахъ. То есть, при данномъ лажѣ для народнаго хозяйства выгоднѣе, чтобъ размѣръ выпуска и обусловливаемый этимъ размѣромъ другой размѣръ излишка былъ возможно меньше. Напр., лажъ—15%. Въ одномъ случаѣ, при цифрѣ всего выпуска въ 600 милл., излишекъ въ бумажныхъ деньгахъ составляетъ 50 милл., въ другомъ-же случаѣ, при выпускѣ въ 800 милл., излишекъ составляетъ 150 милл.: въ первомъ случаѣ потери на лажѣ будутъ составлять $7^1/_2$ милл., а во второмъ $22^1/_2$ милл.

Размѣръ оказывающагося излишка бумажныхъ денегъ, — отъ какихъ-бы причинъ онъ ни зависѣлъ,—всегда можетъ быть разсматриваемъ, какъ состоящій изъ двухъ частей. Одна часть — постоянная. Другая-же часть—перемѣнная или измѣняющаяся, т. е. увеличивающаяся или уменьшающаяся. То есть перемѣнная часть иногда выражается положительною величиною (плюсомъ), иногда-же отрицательною (минусомъ). Перемѣнная часть можетъ быть иногда такъ велика, чтобъ поглощать весь «излишекъ» въ бумажныхъ деньгахъ, такъ что постоянная часть излишка тогда выразится нулемъ. Но это не измѣняетъ хода разсужденій. Постоянная часть излишка обусловливаетъ разъ рождающійся лажъ, остающійся неподвижнымъ и неизмѣняющійся самъ по себѣ. Этотъ лажъ (мы его назовемъ *твердымъ* лажемъ) входитъ, какъ необходимая часть, въ составъ вексельнаго курса и выражается *наименьшею* изъ тѣхъ цифръ, которыми за извѣстный періодъ вообще выражался лажъ. Очевидно, что эта наименьшая часть, служа выраженіемъ неизмѣняющагося элемента, сама не можетъ имѣть вліянія и на колебанія вексельнаго курса. Твердый лажъ выражаетъ тотъ, который порожденъ *наименьшимъ* спросомъ на драгоцѣнный металлъ, обусловленнымъ «излишними» бумажными деньгами въ теченіе даннаго періода. Именно потому, что этотъ спросъ *наименьшій*, строго говоря, *отъ него только и начинаются колебанія* лажа,

*могущія сами отъ себя вліять на дальнѣйшія перемѣны* въ вексельномъ курсѣ. Перемѣнная часть излишка бумажныхъ денегъ будетъ обусловливать измѣненія въ спросѣ на драгоцѣнный металлъ. А эти измѣненія въ спросѣ будутъ вызывать за собою и перемѣны въ лажѣ и вексельномъ курсѣ. Измѣненія въ спросѣ на драгоцѣнный металлъ будутъ вызывать особый лажъ, *перемѣнный*. И онъ тоже будетъ выражаться иногда положительно (плюсомъ), иногда отрицательно (минусомъ), смотря по тому, увеличивается-ли онъ, или уменьшается.

Менѣе всего наклонность къ праздному теоретизированію насъ здѣсь побудила повести рѣчь о *твердомъ* лажѣ и *перемѣнномъ* лажѣ. Мы знаемъ очень хорошо безцѣльность теоретизированія, лишеннаго практическаго смысла. Но различеніе твердаго лажа отъ перемѣннаго—такого свойства, что безсознательно его проводитъ всякій, кто приходитъ въ столкновеніе съ вексельнымъ курсомъ. То, что мы называемъ твердымъ лажемъ, только яснѣе обозначаетъ т. н. *твердое пàри* для бумажно-денежной страны. Вексельнымъ пàри, какъ извѣстно, называется тотъ предѣлъ, у котораго звонкія деньги различныхъ странъ уравниваются по своему металлическому содержанію. Это—пропорціи, которыя получаются отъ переплавки даннаго количества драгоцѣннаго металла въ звонкія деньги *различныхъ* странъ. Такое пари всего менѣе можетъ существовать для страны, страждущей отъ бумажныхъ денегъ, снабженныхъ не только насильственною обращаемостью, но и принудительнымъ курсомъ. И тѣмъ не менѣе приходится слышать о твердомъ пари для бумажно денежныхъ странъ. Ясно, что такіе толки могутъ быть основаны лишь на недоразумѣніи. Исходный пунктъ для счета колебаній вексельнаго курса, конечно, существуетъ и для бумажно-денежной страны. Но этотъ пунктъ начинается не отъ твердаго *пари*, а значительно далѣе. Онъ начинается *у наименьшаго лажа*. Этотъ-то наименьшій лажъ мы только и называемъ *твердымъ лажемъ*.

Практическое значеніе различія между твердымъ лажемъ и перемѣннымъ, слѣдовательно, заключается въ слѣдующемъ. Опытъ

доказываетъ, что самъ по себѣ ни весь объемъ бумажно-денежнаго выпуска, ни весь объемъ той части выпуска, которая оказалась излишнею, не оказываютъ вліянія на *движенія* вексельнаго курса и лажа, вверхъ и внизъ. Извѣстный лажъ остается, въ среднемъ выводѣ, постояннымъ. Онъ-то и можетъ свидѣтельствовать о размѣрѣ постояннаго несоотвѣтствія между объемомъ выпуска и силами производительной предпріимчивости.

Вычтя изъ наихудшаго вексельнаго курса за какой-либо періодъ тѣ небольшіе проценты, которые выражаютъ преимущество кредитнаго орудія обращенія предъ металлическимъ, вычтя, далѣе, изъ остающагося твердое пари,—мы получаемъ наибольшее выраженіе для всего вліянія «излишнихъ» бумажныхъ денегъ, какъ въ ихъ постоянной долѣ, такъ и въ ихъ перемѣнной долѣ. Сдѣлавъ то-же самое съ наилучшимъ курсомъ за тотъ-же періодъ, мы получаемъ другое выраженіе для постоянной доли. Очевидно, что разность между этими двумя выраженіями будетъ намъ указывать, какая часть должна быть отнесена на счетъ вліянія однихъ только бумажныхъ денегъ въ теченіе даннаго періода. Выяснимъ сказанное на наглядномъ примѣрѣ. Въ теченіе 18 мѣсяцевъ, отъ 1 января 1872 года по 30 іюня 1873 года, наихудшій трехмѣсячный вексельный курсъ Петербурга на Лондонъ былъ 26 іюня 1873 года при $32^{1}/_{32}$ пенсовъ за рубль, а наилучшій былъ 3 октября 1872 года при $33^{1}/_{4}$. То есть, разность составляла всего $1^{1}/_{5}$ пенса. Въ теченіе 1872 года она составляла едва 0,97 пенса. Такъ какъ эти разности входятъ въ предѣлъ суммы, которою выражаются преимущества векселей предъ звонкими деньгами, какъ международнымъ орудіемъ обращенія,—то это доказываетъ, что со стороны бумажныхъ денегъ почти *никакого* вліянія на вексельный курсъ въ теченіе полутора послѣднихъ лѣтъ не было вовсе. Бумажныя деньги сами не обусловливали никакой перемѣны въ спросѣ на драгоцѣнный металлъ и не оказывали никакого вліянія на платежный балансъ. Но представимъ себѣ, что 26 іюня вексельный курсъ былъ не $32^{11}/_{32}$, какъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, а только 28. Это давало бы уже разность въ $5^{1}/_{4}$ пенса. Тогда наши разсужденія должны

были бы быть такія. Считая твердое пари для трехмѣсячныхъ векселей въ 38¼ пенса и отчисляя на колебанія въ предѣлахъ преимуществъ векселей предъ звонкими деньгами 1,15 пенса (3%), мы имѣемъ 37,10, какъ выраженіе наихудшаго вексельнаго курса *при отсутствіи* бумажныхъ денегъ. Лучшій вексельный курсъ при существованіи бумажныхъ денегъ былъ 33¼. Значитъ, твердый лажъ равнялся 3,85 пенсовъ (съ лишнимъ 10%). При вексельномъ-же курсѣ въ 28 пенсовъ весь объемъ уклоненій составляетъ 10¼ пенса или съ лишнимъ 27%. Разность между 10¼ пенса и 3,85 пенса, или 6²/₅ пенса, выразитъ силу, съ которою сказался спросъ на металлъ и вліяніе на балансъ именно 26 іюня. Перемѣнный лажъ, составляющій въ данномъ случаѣ 14%, точно опредѣляетъ, въ какой пропорціи возросъ «излишекъ» бумажныхъ денегъ 30 іюня. Еслибъ, напротивъ, 3 октября, когда вексельный курсъ былъ наибольшій, онъ оказался 36 пенсовъ, то при наименьшемъ курсѣ 26 іюня въ 32¹/₃₂, разность между наилучшимъ и наихудшимъ курсомъ составляла 3,97 пенса. То есть, всего постоянное вліяніе бумажныхъ денегъ пришлось бы считать на 1¹/₁₀ пенса. Эти только 1¹/₁₀ пенса выражаютъ наименьшій (твердый) лажъ. Слѣдовательно, насчетъ ослабнувшаго давленія собственно бумажныхъ денегъ, въ теченіе именно разсматриваемаго періода ко дню 3 октября, должно было бы отнести 3,97 пенса. Это ослабленіе давленія доказывало бы, въ какомъ размѣрѣ часть «излишка» бумажныхъ денегъ уже не входитъ болѣе въ его составъ и нашла себѣ занятіе или скрылась.

Вслѣдствіе того, что нѣтъ такого вліянія на вексельный курсъ, которое предварительно не дѣйствовало бы на балансъ международной задолженности,—и вслѣдствіе того, что подъ балансомъ ошибочно иногда подразумѣваютъ одни только торгово-промышленныя вліянія, — иногда дѣйствію этихъ торгово-промышленныхъ вліяній приписываютъ такія перемѣны въ вексельномъ курсѣ, которыя они сами по себѣ совсѣмъ не въ состояніи вызывать. Такъ нерѣдко приходится слышать, что подъ вліяніемъ «баланса» вексельный курсъ можетъ колебаться гораздо сильнѣе, чѣмъ въ однихъ

только предѣлахъ той суммы, которою выражаются преимущества кредитныхъ орудій обращенія (иностранныхъ переводныхъ векселей) предъ звонкими деньгами. При этомъ молчаливо предполагаютъ, что «балансъ» выражаетъ одни только торгово-промышленныя вліянія. Послѣднія же въ настоящее время стало необходимо принимать въ значительно расширенномъ, сравнительно съ прежними временами. Въ старыя времена «балансъ» выражалъ состояніе взаимной задолженности народовъ другъ у друга, насколько задолженность обусловливалась товарами, которые народы другъ у друга покупали. Въ настоящее же время на задолженность начала оказывать весьма сильное вліяніе новая причина, на которую выше уже было сдѣлано указаніе. Эта новая причина заключается въ участіи, которое своими *свободными* капиталами одни народы начали принимать въ предпріятіяхъ другихъ народовъ. Прежде одни народы отдавали другимъ только *готовыя* цѣнности, полученныя уже послѣ *затраты* свободныхъ капиталовъ. Теперь многіе свободные капиталы еще *до ихъ затраты* переходятъ отъ однихъ народовъ къ другимъ. За эти свободные капиталы получаются только документы, свидѣтельствующіе объ участіи ихъ владѣльцевъ въ *собирательныхъ* предпріятіяхъ другихъ народовъ, свидѣтельствующіе о *паяхъ* въ складочномъ капиталѣ этихъ собирательныхъ предпріятій. За свои свободные капиталы ихъ владѣльцы получаютъ *паевое имущество*, акціи и облигаціи. Но паевое имущество обладаетъ въ настоящее время весьма сильною обращаемостью. Оно массами странствуетъ изъ однѣхъ рукъ въ другія и изъ однихъ народныхъ хозяйствъ въ другія. И притомъ странствовать оно можетъ такими колоссальными массами, что предъ ними могутъ исчезать въ отдѣльныхъ случаяхъ массы товаровъ и *готовыхъ* цѣнностей, тоже странствующихъ изъ одной страны въ другую. Въ отдѣльныхъ случаяхъ возможно, поэтому, чтобъ самый крупный отпускъ товаровъ заграницу (даже при незначительнѣйшемъ ввозѣ заграничныхъ товаровъ) совершенно былъ подавленъ массою приливающаго изъ заграницы паеваго имущества, владѣльцы котораго стремятся *высвободить* капиталы, помѣщенные было въ означенномъ имуществѣ, т. е. владѣльцы

котораго болѣе не желаютъ участвовать своими капиталами въ коллективныхъ предпріятіяхъ данной страны, или на эту страну желаютъ перемѣстить свою долю участія въ предпріятіяхъ третьей страны. Отъ подобнаго прилива «бумагъ, стремящихся къ реализаціи», можетъ возникнуть такой «неблагопріятный балансъ», предъ которымъ «неблагопріятные балансы» старыхъ временъ являются смѣшною пародіею.

Выше было указано, что для положенія дѣлъ въ бумажно-денежной странѣ весьма благодѣтельное значеніе можетъ быть получено притокомъ въ нее иностранныхъ свободныхъ капиталовъ, стремящихся принять участіе въ ея собирательныхъ предпріятіяхъ. Такой притокъ уподобляется «свѣжей крови», получаемой организмомъ, которому пришлось подвергнуться тяжелой и опасной хирургической операціи, отъ другаго организма, сильнаго и здороваго. Притокъ восполняетъ въ странѣ именно тотъ недостатокъ въ свободныхъ капиталахъ, который только и мѣшаетъ производительной предпріимчивости парализовать раззорительныя вліянія бумажныхъ денегъ. Онъ въ состояніи сразу установить такой «благопріятный балансъ», на установленіе котораго производительной предпріимчивости, лишенной содѣйствія, нужны были бы долгія десятилѣтія непрерывныхъ заботъ и усилій.

Но участіе заграничныхъ свободныхъ капиталовъ — орудіе обоюдоострое. Если бумажно-денежная страна всего больше можетъ выиграть отъ этого участія, то она-же всего болѣе можетъ и терять отъ являющагося нежеланія заграничныхъ свободныхъ капиталовъ оказывать странѣ и далѣе свое содѣйствіе. Колоссально благопріятный балансъ, замѣненный колоссально-неблагопріятнымъ балансомъ, можетъ оказать убійственное вліяніе на положеніе дѣлъ въ бумажно-денежной странѣ.

И вотъ, подходящіе сюда случаи и вызываютъ мысль, будто уже одинъ торгово-промышленный балансъ въ настоящее время пріобрѣлъ такую силу своихъ вліяній, что вексельный курсъ, подвергаясь послѣднимъ, потеряетъ всякую границу для своихъ колебаній.

Совершенно вѣрно, что какъ бы ни было сильно колебаніе курса, оно *всегда* зависитъ отъ качествъ баланса международной задолженности. Но совершенно ошибочно, что торгово-промышленныя вліянія на балансъ, какъ бы они сами ни были велики, могутъ оказать какое бы то ни было вліяніе на границы и объемъ колебаній вексельнаго курса.

Надобно различать тѣ случаи,—когда правительство не вмѣшивается въ дѣло и когда невозможна вовсе никакая рѣчь о бумажныхъ деньгахъ или о чемъ либо, на нихъ похожемъ,—отъ другихъ случаевъ, когда въ обращеніи страны находятся долговые знаки, представляющіе неисполняемыя обѣщанія, покровительствуемыя закономъ. Если правительство держитъ себя въ сторонѣ отъ всякаго вмѣшательства и, слѣдовательно, въ обращеніи находятся звонкія деньги, то какое можетъ быть послѣдствіе для вексельнаго курса отъ сильнаго прилива цѣнныхъ бумагъ? «Балансъ» станетъ весьма и весьма неблагопріятнымъ. Возникнетъ очень сильный спросъ на иностранные переводные векселя. Цѣна векселей поднимется. Но какъ высоко? Если преимущества кредитныхъ орудій обращенія (векселей), какъ платежныхъ средствъ, предъ звонкими деньгами выражаются, напримѣръ, суммою въ три рубля на сто,—то вексель, *по предъявленію*, на сто рублей можетъ стоить не больше 103 руб. Иначе, т. е. если за вексель нужно заплатить 103 и еще какую либо прибавку, то лучше взять сто звонкихъ рублей, которые должны быть уплочены за вексель, и отправить ихъ прямо заграницу. Даромъ векселя вѣдь все равно не получаются. Но, можетъ случиться, что не окажется звонкихъ денегъ на покупку векселей и немедленную уплату за нихъ. Понятно, что тогда прилившія цѣнныя бумаги *совсѣмъ не найдутъ себѣ покупателей*. Надобно помнить, что когда цѣнная бумага приплываетъ въ страну, то это выражаетъ желаніе ея владѣльца—высвободить свой капиталъ, получить его снова свободнымъ. Отъ кого? Отъ тѣхъ, которые желаютъ занять его мѣсто и которыхъ прельщаетъ уступка на цѣнѣ бумаги. А если желающихъ занять мѣсто иностраннаго владѣльца совсѣмъ не оказывается, не смотря

ни на какія уступки въ цѣнѣ, — просто потому, что въ странѣ въ данное время совсѣмъ нѣтъ свободныхъ капиталовъ? Тогда бумаги должны будутъ вернуться обратно туда, откуда онѣ пришли. Если въ странѣ *совсѣмъ* нѣтъ въ данное время свободныхъ капиталовъ (звонкихъ денегъ), то это обратное возвращеніе бумагъ домой—безусловная необходимость. На нѣтъ и суда нѣтъ. Никакое паденіе цѣны бумагъ не поможетъ. Паденіе цѣнъ можетъ помочь только, если въ странѣ все-таки кое-какіе свободные капиталы «еще найдутся, если ихъ поискать». Паденіе цѣнъ бумагъ можетъ тогда усилить охоту розъискивать всякую мелочную сумму, имѣющуюся въ свободномъ состояніи, чтобы «воспользоваться представившимся очень удобнымъ случаемъ». Но на вексельный курсъ и на то, чтобы вексель въ 100 руб. стоилъ болѣе 103 рублей, это все-таки не повліяетъ. Если векселя будутъ срочные (положимъ, трехмѣсячные), т. е. если лицамъ, ихъ выдавшимъ и продающимъ ихъ (трассентамъ) оказанъ былъ заграницею кредитъ,—то на цѣнѣ векселя будетъ отражаться цѣна сказаннаго заграничнаго кредита. Если заграницею за кредитъ въ 100 руб. берутъ 4 руб., то трехмѣсячный вексель не въ состояніи будетъ возвыситься болѣе, чѣмъ до 104 руб. Если заграницею дисконтъ 6 руб. на сто, то цѣна векселя въ состояніи будетъ повыситься до 104½ руб.; если дисконтъ заграницею дойдетъ до 8 на сто, то цѣна векселя въ состояніи будетъ возвыситься до 105; если, наконецъ, заграничный дисконтъ дойдетъ до 12%, то цѣна векселя въ состояніи будетъ возвыситься до 106 рублей. Понятно, что если кто либо покупаетъ срочный вексель, то онъ самъ оказываетъ кредитъ продавцу векселя. Производя свой разсчетъ съ продавцемъ, покупатель долженъ, поэтому, принимать въ разсчетъ дисконтъ въ своей собственной странѣ,—гдѣ вексель покупается, откуда онъ выданъ и откуда имъ производится уплата (реммитированіе). Если покупатель уплачиваетъ наличными деньгами и дисконтъ въ странѣ *такой-же* высокій, какъ заграницею, то для покупателя цѣна векселя выше 103 руб. все-таки не пойдетъ, какъ бы ни повышался дисконтъ и на какой срокъ вексель ни былъ бы выданъ. Если покупатель

не уплачиваетъ за вексель наличными деньгами, то его расходъ зависитъ отъ сравнительнаго состоянія дисконта въ данной странѣ и заграницею, куда долженъ быть произведенъ платежъ. Все это, однако, непосредственнаго отношенія къ вексельному курсу не имѣетъ.

Иное совершенно произойдетъ въ бумажно-денежной странѣ. Если даже въ странѣ не было лажа до притока бумагъ и имѣвшіеся свободные капиталы поддерживали цѣну бумажныхъ денегъ, то сильный приплывъ изъ заграницы цѣнныхъ бумагъ можетъ сразу перевернуть вверхъ дномъ положеніе дѣлъ и вызвать лажъ. Ибо прилившія цѣнныя бумаги могутъ такъ сильно обезцѣниться, что выгоднѣе будетъ примириться съ нѣкоторымъ лажемъ, чтобы дешево пріобрѣсти доходъ, приносимый паевымъ имуществомъ. Представимъ себѣ сильный приливъ во Францію 5% ренты изъ Англіи, Германіи и Скандинавскихъ государствъ, причемъ владѣльцы ренты готовы отъ нея отдѣлаться даже по курсу 75. Въ это самое время ходячій дисконтъ въ странѣ былъ 6% и за 1 ф. ст. приходилось платить, во всякомъ случаѣ, не больше 24 франковъ. Тогда выгодно будетъ за 100 франковъ, приносящіе въ странѣ только 6%, пріобрѣсти ренту (приносящую при 75 доходъ въ $6^2/_3$ процента), и изъ барыша въ $^2/_3$% даже уступить половину за лажъ на звонкія деньги, нужныя для уплаты. Это подниметъ лажъ до $8^1/_3$ на тысячу. Если цѣна ренты упадетъ до 70, то она будетъ давать съ лишнимъ 7%. Т. е., при дисконтѣ въ 6%, она даетъ еще больше простора для повышенія лажа. Очевидно, однако, что если у Французскаго Банка будетъ имѣться достаточно силы, чтобы во всякомъ случаѣ поднимать дисконтъ, то онъ будетъ въ состояніи противудѣйствовать извлеченію свободныхъ капиталовъ изъ прежняго ихъ занятія—служить почвою подъ бумажными деньгами—и отправленію ихъ заграницу.

Примѣръ Франціи съ ея милльярдными займами, которыхъ весьма значительныя доли находятся внѣ Франціи, наглядно показываетъ, какую могущественную силу для борьбы съ бумажно-денежнымъ разореніемъ представляетъ производительная предпріим-

чивость страны, даже при самыхъ крайнихъ и наиболѣе для нея неблагопріятныхъ условіяхъ. Посмотримъ, однако, на положеніе дѣлъ въ такой бумажно-денежной странѣ, въ которой существованіе «твердаго» или *отвердѣвшаго* лажа свидѣтельствуетъ, что извѣстная часть выпуска не нашла себѣ почвы и стремится сама пріобрѣсти такую почву, выражая постоянный (наименьшій) спросъ на звонкія деньги. Эта-то часть выпуска представляетъ во всякое данное время, какъ бы соломенную, легко воспламеняющуюся, пристройку къ остальному бумажно-денежному зданію, которое и само не въ состояніи сильно сопротивляться огню. «Излишняя» часть выпуска можетъ во всякое данное время ждать, чтобы на нее оказался спросъ. Мы увидимъ ниже, что такъ какъ, вліяя на товарныя цѣны, она только номинально ихъ возвышаетъ, то это именно и вызываетъ въ ней наклонность превращаться въ орудіе сбереженія или въ «праздный запасъ» и «поджидать болѣе удобныхъ случаевъ». Такими-то удобными случаями обыкновенно считаютъ сильный приливъ бумагъ, предлагающихъ себя по дешевой цѣнѣ. Въ это время кажется, какъ будто толки, что бумажныя деньги не капиталъ—лишены смысла: вѣдь на бумажныя деньги все можно купить, между прочимъ, и приплывшія изъ заграницы цѣнныя бумаги. И ихъ дѣйствительно покупаютъ. Низкая цѣна бумагъ начинаетъ обнаруживать свои преимущества предъ высокими цѣнами другихъ, вздорожавшихъ товаровъ. Вмѣсто того, что бы предъявлять спросъ на послѣдніе, будетъ казаться гораздо выгоднѣе—покупать дешевыя бумаги. Но *всякая* покупка бумажными деньгами приплывшихъ цѣнныхъ бумагъ означаетъ спросъ на металлъ. Чѣмъ больше масса бумажныхъ денегъ, которая обращается на покупку означенныхъ бумагъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ та опасная доля бумажно-денежнаго выпуска, которая представляетъ «солому». Спросъ на драгоцѣнный металлъ возрастаетъ. Строго говоря, у бумажно-денежной страны нечѣмъ покупать приплывшія изъ заграницы цѣнныя бумаги. Но ей *кажется*, будто она имѣетъ для этого средства. Возрастаніе спроса на звонкія деньги для уплатъ заграницу за купленныя оттуда бумаги возвышаетъ цѣну векселей. До какой

мѣры? Это будетъ зависѣть отъ того, сколько бумажныхъ денегъ было обращено на покупку цѣнныхъ бумагъ. Т. е. *границы, опредѣленной для повышенія вексельнаго курса, не оказывается.* Почему? Потому что бумажно-денежная страна, лишенная звонкихъ денегъ, т. е. осязательнаго представителя свободнаго капитала, *потеряла всякое сознаніе границы, гдѣ кончаются ея свободныя средства.* Она можетъ предъявлять спросъ на цѣнности, за которыя нужно уплатить свободный капиталъ, *тогда какъ свободнаго капитала у нея можетъ совсѣмъ и не быть.*

Въ странѣ съ здоровымъ денежнымъ обращеніемъ вексельный курсъ, достигнувъ предѣла, гдѣ кончаются преимущества векселей предъ звонкими деньгами, какъ платежными средствами, этимъ свидѣтельствуетъ, что страна должна схватиться за свой запасъ свободныхъ сбереженій, что ему угрожаетъ опасность. Если-же этого запаса совсѣмъ нѣтъ, то вексельный курсъ показываетъ, что извѣстныхъ покупокъ заграницею нельзя производить. И это только значеніе и имѣетъ балансъ платежей и соотвѣтствующее ему движеніе вексельныхъ курсовъ, пока оно происходитъ въ предѣлахъ суммы, выражающей преимущества векселей предъ звонкими деньгами, какъ средствъ для платежей заграницу. Это движеніе свидѣтельствуетъ только, что покупки заграницею совершаются въ вполнѣ законныхъ предѣлахъ, не возбуждающихъ никакихъ опасеній. Если, напримѣръ, у насъ въ послѣдніе $1^1/_2$ года вексельный курсъ колебался всего въ предѣлахъ 3%, то это не указываетъ вовсе, *откуда* шло вліяніе на «балансъ» и вексельный курсъ. Но это указываетъ, что откуда вліяніе ни шло бы, оно—во всякомъ случаѣ—свидѣтельствовало о такихъ отношеніяхъ по части международной задолженности, которыя не возбуждали никакихъ опасеній,—что всѣ тѣ причины, вліяніе коихъ на вексельный курсъ можетъ вызвать опасенія, были совершенно парализованы.

63. Никто не расходуетъ своихъ денегъ въ увеличенномъ размѣрѣ, если онъ не имѣетъ для этаго своего разсчета. Какъ бы сильно ни возросло количество денегъ въ каждомъ отдѣльномъ кар-

манѣ всякаго члена народнаго хозяйства, одно это увеличеніе никого не побудитъ уплачивать дороже за то, что можно было до увеличенія получать дешевле. Если кто либо оказывается обладающимъ большею суммою денегъ, чѣмъ какою онъ обладалъ прежде, то онъ или желаетъ ими «расширить свои обороты», или «лучше устроиться», т. е. расширить свое потребленіе. Еслибъ новыя деньги оказались въ *равной* суммѣ у *всѣхъ* членовъ народнаго хозяйства, то—при двухъ предположеніяхъ: 1) что деньги нельзя отправить заграницу, 2) что производство и предложеніе товаровъ не въ состояніи вовсе расшириться,—владѣльцы новыхъ денегъ скоро увидѣли бы, что ихъ новое богатство имъ ничего не принесло съ собою такого, изъ чего возможно было бы *немедленно* извлечь новую пользу. Если одинъ изъ нихъ пожелаетъ расширить свое потребленіе, то и другой вѣдь тоже можетъ это пожелать. Еслибъ одинъ изъ нихъ былъ готовъ уплачивать болѣе дорогую цѣну, то и другой вѣдь на это тоже способенъ. Слѣдовательно, увеличеніе денежныхъ расходовъ при подобныхъ условіяхъ никому не даетъ возможности ни расширять обороты, ни расширять потребленіе. Какое-же отсюда послѣдствіе? Насколько эта невозможность расширенія, не смотря на увеличенные денежные расходы, будетъ усмотрѣна, настолько каждый лучше согласится *сберечь свои деньги*. Все равно увеличенное ихъ расходованіе съ собою ничего не приноситъ, также точно, какъ немедленно ничего не даютъ и сберегаемыя деньги. Но сберегаемыя деньги, по крайней мѣрѣ, оставляютъ надежду, что современемъ наростутъ и разовьются силы для расширенія производства, а съ нимъ и предложенія всякихъ нужныхъ цѣнностей. Насколько предложеніе денегъ вызываетъ только дороговизну,—то есть невозможность за прежнюю сумму денегъ получать прежнюю сумму всякихъ полезностей или пріятностей,—настолько въ деньгахъ вызывается наклонность исчезать изъ обращенія и превращаться въ скрываемыя сбереженія. Само по себѣ увеличеніе денегъ можетъ вызывать дороговизну только временно, какъ послѣдствіе неудачныхъ попытокъ утилизировать новыя деньги.

Появленіе новыхъ денегъ въ оборотѣ или расширеніе ихъ *циркуляціи* (обращенія) всегда должно имѣть своимъ основаніемъ только предположеніе о возможности расширить *производство*, а съ нимъ и предложеніе товаровъ. Деньги выражаютъ спросъ Но спросъ, выражаемый деньгами, самъ есть *предложеніе денегъ*, предложеніе извѣстнаго вида цѣнностей, или суррогатовъ цѣнностей, которые даромъ не уступаются. За нихъ требуютъ обратную уплату нужною цѣнностью. Если на полученіе нужной цѣнности видовъ не оказывается, то это сокращаетъ предложеніе денегъ Наоборотъ, если имѣются виды, что предложеніе всякихъ цѣнностей можетъ быть расширено, то это расширитъ и предложеніе денегъ.

Но виды и предположенія бываютъ разные: и болѣе основательныя, и совсѣмъ не основательныя. Возьмемъ худшій случай: предположеніе оказалось неосновательнымъ. Что тогда произойдетъ? Предложеніе всякихъ цѣнностей не расширилось. Слѣдовательно, за прежнее количество цѣнностей ихъ производителямъ уплочено больше денегъ. Прежніе владѣльцы денегъ будутъ жалѣть, что они потеряли свои деньги. Если они были потребители, то послѣдствіе только въ томъ и выразится, что они потеряли свои деньги, а потребленія не расширили. Если-же они были производители, то они могли расширить свои расходы лишь въ виду какой либо возможности *вернуть обратно* свои увеличенные расходы. Но эта возможность не окажется на дѣлѣ при предположеніи, что въ условіяхъ производства даннаго товара не произошло перемѣны. Тогда производители даннаго товара раззорятся. Если же они выручатъ свои расходы, то это будетъ имѣть своимъ основаніемъ возвышеніе цѣны товара, продажа котораго доставляетъ имъ ихъ выручки. Возвышеніе-же цѣны товара можетъ имѣть своимъ основаніемъ ,или измѣнившіяся къ худшему производственныя условія, или увеличенный спросъ, вооруженный увеличенною суммою денегъ. Такъ какъ случай, когда возвышеніе цѣны товара отъ увеличеннаго предложенія денегъ у насъ взятъ исходнымъ пунктомъ анализа, то было бы методологическою ошиб-

кою съ нашей стороны принимать этотъ случай, какъ что либо извѣстное: онъ вѣдь представляетъ наше «искомое», которое разборомъ еще только должно быть приведено въ извѣстность. Мы должны, поэтому, предположить только такую перемѣну въ цѣнѣ продаваемаго товара, которая обусловливается производственными основаніями. Если такая перемѣна не произошла, то конкурренты продавца заставятъ его продавать дешевле, хотя онъ сдѣлалъ увеличенные расходы. Тогда онъ раззорится. Если-же перемѣна произошла, то это будетъ означать, что отрасль предпріимчивости, въ которой производится данная цѣнность, нуждается въ увеличенномъ капиталѣ: по отношенію къ ней совсѣмъ и не можетъ быть рѣчи о томъ, что у предпринимателя имѣются «лишнія» деньги. Если онъ имѣетъ *больше* денегъ, то это весьма кстати: ему нужно *больше* капиталовъ. Если онъ расходуетъ больше денегъ, онъ расходуетъ больше капиталовъ и ихъ возстановляетъ изъ возвысившейся цѣны.

Но такая возвысившаяся цѣна не годится для нашего анализа. Потому что она свидѣтельствуетъ о возможности для новыхъ денегъ найти производительное употребленіе. Мы-же исходили изъ невозможности этаго, чтобъ знать, что произойдетъ съ деньгами въ наихудшемъ для нихъ случаѣ. Намъ нужно, слѣдовательно, предположить, что производитель, у котораго имѣется больше денегъ, уплачивая ими болѣе дорогія цѣны за суровье, орудія, полуготовыя издѣлія и т. д., *переплачиваетъ*. Тогда онъ раззоряется. Но тогда «новыя» деньги не оказали никакого вліянія на цѣну его собственнаго товара. Онѣ, однако, возвысили цѣну суровья, орудій и полуготовыхъ издѣлій. Къ производителямъ этихъ-то цѣнностей деньги и перейдутъ. Такъ точно отъ потребителей, которые напрасно увеличили свои расходы, деньги перейдутъ къ производителямъ цѣнностей, на которыя поизрасходовались напрасно потребители. Такимъ образомъ окажется рядъ возвысившихся цѣнъ, а деньги будутъ уже въ новыхъ рукахъ.

Очевидно, что если покупателямъ товаровъ, за которые они только что уплатили слишкомъ дорого и на которые они поиз-

расходовали свои новыя деньги, придется снова покупать эти самые товары, они почувствуютъ послѣдствія своего поведенія. Новыхъ денегъ у нихъ уже нѣтъ. Вообще денегъ, въ лучшемъ случаѣ, у нихъ не больше, чѣмъ было до увеличенія общей массы денегъ. А между тѣмъ цѣны возвысились. Столько покупать, сколько они прежде могли, они теперь ужъ не могутъ. За прежнюю сумму денегъ они теперь уже купятъ меньше. И вотъ, одинъ рядъ покупателей получитъ основаніе жаловаться на дороговизну.

Теперь обратимся къ тѣмъ самымъ производителямъ, къ которымъ новыя деньги перешли отъ покупателей, впервые почувствовавшихъ дороговизну. У нихъ больше денегъ, чѣмъ было прежде. Они, конечно, думаютъ, что у нихъ больше капиталовъ. И въ то самое время, какъ ихъ покупатели (все равно, кто они: потребители или производители) жалуются на отсутствіе денегъ и нужду въ таковыхъ,—они сами будутъ имѣть всего вдоволь. Прежде всего у нихъ денегъ много. Потомъ цѣны продаваемыхъ ими товаровъ возвысились и отъ этого особое послѣдствіе: покупатели этого товара берутъ его, сколько могутъ, уплачиваютъ хорошую цѣну, но товару остается еще. Товару, какъ будто, выходитъ тоже больше. Ибо у покупателей вѣдь денегъ уже нѣтъ, чтобъ взять весь товаръ по возвышенной цѣнѣ. У нихъ вѣдь во второй разъ деньги не увеличиваются. По возвышенной цѣнѣ они уже теперь могутъ покупать только часть того количества, которое они прежде покупали. Слѣдовательно, часть товару у продавцовъ останется. На первыхъ порахъ, это можетъ даже радовать продавцовъ: остается вѣдь часть такого товару, на который цѣна возвысилась. Если одна его часть (можетъ быть, большая) уже распродана по хорошей цѣнѣ, то отчего бы не возможно было также хорошо продать и остальную часть? Мало по малу, однако, выясняется, что не только по хорошей, возвысившейся, цѣнѣ товаръ не находитъ себѣ сбыта. Онъ даже по прежней цѣнѣ плохо сбывается. Товару оказывается *слишкомъ много*. Его, какъ будто, *слишкомъ много произвели*. *Его предложеніе* какъ будто *излишне*.

Итакъ, предъ нами второе послѣдствіе: ощущеніе излишняго

производства у продавцовъ въ то самое время, какъ у покупателей ощущеніе отсутствія денегъ. Продавцы имѣютъ сами достаточно денегъ. Но имъ было бы нужно, чтобъ и у ихъ покупателей было тоже достаточно денегъ. И вотъ, они присоединяютъ свой голосъ къ голосу вопіющихъ. Жалобы на то, что денегъ стало мало, становятся громче. Денегъ, говорятъ, меньше стало, чѣмъ было даже до ихъ увеличенія въ странѣ. Потому что тогда, имѣя даже меньше денегъ, можно было все купить. А теперь все купить стало невозможно.

Добавившіяся деньги теперь въ новыхъ рукахъ. Продавцы становятся сами покупателями. Повторяется прежняя исторія. Опять цѣна извѣстнаго товара возвышается. Это, съ одной стороны, стѣсняетъ въ концѣ концовъ его сбытъ, а съ другой—рождаетъ жалобы на то, что денегъ мало. Деньги опять попадаютъ въ новыя руки, и т. д.

Слѣдовательно, послѣдствіе увеличенія эффективнаго спроса при неспособности предложенія расшириться до полнаго соотвѣтствія (то есть, чтобъ за увеличенное количество денегъ покупатели могли получать увеличенное количество товаровъ) вызываетъ только дороговизну. Дороговизна же далѣе влечетъ за собою затрудненіе при сбытѣ и увеличенный спросъ на деньги, не находящій себѣ соотвѣтственнаго предложенія. То есть, когда спросъ на товары не покрывается предложеніемъ товаровъ, то увеличенное предложеніе денегъ влечетъ за собою измѣненіе въ соотношеніи между спросомъ и предложеніемъ на деньги.

И это совершенно понятно. Всякая масса товаровъ (всякій размѣръ ихъ предложенія) при данной цѣнѣ предполагаетъ и соотвѣтственную сумму орудій обращенія, которою товары приводятся въ движеніе. Если цѣна возросла, то она предполагаетъ для своего постоянства и *постоянное*, а не временное, увеличеніе соотвѣтственной массы орудій обращенія. Возвысившаяся цѣна товара можетъ быть постояннною, если постоянно у покупателей товаровъ будетъ больше покупательной силы, чѣмъ было прежде. Если же у покупателей только временно будетъ больше покупательной силы,

а по истеченіи даннаго времени окажется меньшее количество (такое, какое было до увеличенія), то и цѣна товара постоянно возвысившеюся уже не въ состояніи будетъ оставаться. Или: она въ состояніи будетъ оставаться возвысившеюся только подъ условіемъ уменьшенія всей массы товара, всего его продолженія. Отсюда должно возникнуть стремленіе предложенія сокращаться.

Но члены народнаго хозяйства составляютъ замкнутый кругъ. Кто сегодня являлся покупателемъ, завтра является продавцомъ. Раньше или позже, поэтому, новыя деньги, переходя отъ продавца къ продавцу, должны въ концѣ концовъ снова попасть въ первыя руки, въ которыхъ онѣ начали свое движеніе. Тогда опять передъ первымъ продавцомъ окажется расширенный спросъ, возможность уплачивать болѣе высокія цѣны, слѣдовательно вызовъ, чтобъ предложеніе товара было расширено. Но съ израсходованіемъ денегъ первымъ покупателемъ и съ ихъ дальнѣйшимъ переходомъ въ руки новой категоріи покупателей, первый рядъ продавцовъ снова окажется въ условіяхъ, которыя его принуждаютъ сокращать предложеніе.

Бумажныя деньги, область обращенія которыхъ строго замкнутая, должны тѣмъ регулярнѣе производить свои кругообороты. И постоянно *передъ* ними — расширяющійся спросъ, возвышающіяся цѣны, а *за* ними сокращающееся предложеніе товаровъ и ощущенія «тугости» въ деньгахъ. Каждому продавцу одно время приходится радоваться, что его денежные доходы хорошо возрастаютъ, но товары въ концѣ концовъ плохо сбываются, а въ другое время чувствовать, что въ повышеніи цѣнъ также мало прочности, какъ въ массѣ продаваемыхъ товаровъ. То предложеніе товаровъ приходится сокращать, оттого что денегъ оказывается у покупателей сравнительно меньше. То предложеніе товаровъ выгоднѣе было бы имѣть увеличеннымъ, ибо у покупателей денегъ больше. Къ различнымъ извѣстнымъ причинамъ, отъ которыхъ обыкновенно зависятъ колебанія спроса на товары и которыя представляются производственными условіями, прибавляется еще новая: она заключается въ

періодическомъ, но неуловимомъ, то появленіи, то исчезновеніи денегъ.

Эти-то неуловимыя, то появляющіяся, то исчезающія деньги и суть орудія обращенія, ищущія себѣ производительнаго занятія, но не могущія себѣ найти таковаго.

Въ той мѣрѣ, въ какой бумажныя деньги, не смотря на свое превращеніе въ орудія обращенія, не могутъ себѣ находить производительнаго занятія,—т. е. не могутъ себѣ найти почвы производительной предпріимчивости (текущей и прошлой), на которую онѣ въ состояніи были бы опереться, — онѣ и прочнаго вліянія оказывать неспособны. Онѣ повышаютъ цѣны, но не прочно, а толчками, повторяющимися съ извѣстными перерывами и потому не только повышающими, *но и роняющими* товарныя цѣны. То владѣльцы товаровъ выручаютъ необычайно высокія прибыли, то они не выручаютъ и обыкновенныхъ своихъ прибылей. То они неожиданно обогащаются, то они неожиданно же раззоряются.

Какъ долго продолжаются періодическіе толчки, сообщаемые добавочною суммою новыхъ денегъ, не могущей себѣ найти производительнаго состоянія? Повторяются ли они до безконечности или они по истеченіи извѣстнаго періода прекращаются?

Оказывая свое возвышающее вліяніе на товарныя цѣны, новыя бумажныя деньги, представляющія спросъ, соотвѣтственно которому производство не въ состояніи расшириться, вліяютъ, какъ понятно, и на прибыли. Первоначально вліяніе бумажекъ на прибыли принимается: при увеличенныхъ денежныхъ доходахъ — за возвышеніе *именно прибылей*, доставляемыхъ именно даннымъ занятіемъ, преимущественно предъ другими занятіями,—а при уменьшеніи денежныхъ доходовъ—за уменьшеніе тоже именно *преимущественныхъ* прибылей. Всѣмъ кажется, что новыя бумажныя деньги вліяютъ непосредственно на исключительныя прибыли. Другими словами это только значитъ, что никто не наклоненъ лишать всякаго значенія фактъ увеличенія или уменьшенія въ его рукахъ бумажныхъ денегъ. Оттого новыя деньги, на сумму коихъ доходы увеличиваются, разсматриваютъ, какъ источникъ, на счетъ котораго возможно

*расширеніе* и «оборотовъ», и потребленія. Относительно этого пункта господствующіе ошибочные взгляды уступаютъ мѣсто болѣе правильнымъ весьма неохотно. Ибо ошибочные взгляды постоянно имѣютъ своимъ основаніемъ предположеніе, что «авось» производительность все таки возможно будетъ расширить и для новыхъ бумажекъ все таки будетъ найдена почва. Надобно помнить, что во всякомъ случаѣ появленіе новыхъ бумажекъ вызываетъ у отдѣльныхъ представителей предпріимчивости стремленіе расширеніемъ производительности привлечь новыя бумажки къ себѣ и закрѣпить ихъ за собою болѣе прочно. Эти стремленія, когда они выражаются въ рядѣ неудачныхъ попытокъ, могутъ вызвать охоту возобновлять ихъ съ усиленною энергіею. Съ соотвѣтственною энергіею тогда будетъ выражаться и спросъ на новыя бумажки. Такъ какъ мы разбираемъ вліяніе бумажекъ, лишенныхъ почвы производительности, то для насъ самый энергическій спросъ на бумажки, если онъ сопровождаетъ неуспѣхи предпріимчивости, будетъ только однимъ изъ явленій, представляющихся нашему наблюденію и характеризующихъ положеніе. Дальнѣйшаго значенія онъ лишенъ. Раньше или позже, однако, стремленія отдѣльныхъ предпринимателей распредѣлить свои силы и средства между различными занятіями такъ, чтобы доходность во всѣхъ ихъ была подведена подъ общій уровень, совершенно парализуетъ всякое положительное значеніе добавившейся суммы новыхъ денегъ, совершенно лишенной производительной почвы. Распредѣляясь равномѣрно между различными доходами, она равномѣрно возвышаетъ всѣ эти доходы. И тогда, не смотря на то, что всѣ цѣны оказываются возвысившимися противъ прежняго,—или именно оттого, что *всѣ* цѣны оказываются возвысившимися—перестаютъ жаловаться и на дороговизну. Возвышеніе цѣнъ лишается всякаго реальнаго значенія и выражаетъ только чисто-номинальную перемѣну.

О дороговизнѣ нельзя судить по одной только номинальной высотѣ цѣнъ. Она имѣетъ реальное значеніе лишь тогда, когда она вызываетъ нарушеніе равновѣсія между доходами и расходами отдѣльныхъ лицъ,—когда ихъ расходы должны были бы возрасти, чтобъ

всѣ ихъ прежнія потребности были удовлетворены, а между тѣмъ соотвѣтственное возрастаніе доходовъ не имѣло мѣста. Напротивъ, если доходы возрасли соотвѣтственно расходамъ, то о «дороговизнѣ» будутъ болтать только старики, припоминающіе «старое время», когда за возросшіе доходы можно было «прожить лучше». Но старики при этомъ не будутъ замѣчать, что въ старое время за «большія» деньги можно было лучше прожить, потому что «большія» деньги выражали большую *относительную* долю изъ всей массы денегъ и, слѣдовательно, большую относительную же долю изъ всей массы плодовъ тогдашней производительности. А въ новое время увеличенное количество денегъ уже не представляетъ увеличенной относительной доли всего денежнаго запаса, находящагося въ обращеніи. Старики не будутъ замѣчать, что въ старое время больше денегъ получалъ тотъ, кто больше работалъ. А въ новое время и безъ увеличенія работы можно имѣть больше денегъ. Дѣйствительная дороговизна, а не номинальная только, возникаетъ лишь тогда, когда при прежней работѣ доходы меньше расходовъ, вызываемыхъ состояніемъ цѣнъ. Но это значитъ иными словами, что дѣйствительная дороговизна возможна лишь тогда, когда у однихъ членовъ народнаго хозяйства доходы возрасли въ то самое время, когда у другихъ членовъ народнаго хозяйства упали. Въ настоящее время всякій получаетъ свои доходы цѣною чего либо. Всякій современный доходъ отдѣльныхъ лицъ имѣетъ своимъ основаніемъ какую либо цѣну. Возвышеніе и пониженіе современныхъ доходовъ зависитъ, поэтому, отъ движенія цѣнъ. Если одни доходы возвышаются, а другіе *сравнительно съ ними* подаютъ, то это значитъ, что одни цѣны возрасли, а другія цѣны *сравнительно* упали и потому даютъ доходы, уменьшившіеся по своей эффективной силѣ, не дозволяющіе прежнихъ расходовъ. Это и бываетъ при всякой дороговизнѣ. Это бываетъ и при дороговизнѣ, вызываемой бумажными деньгами.

Только дороговизна, вызываемая климатическими и т. п. причинами, которымъ труднѣе всего противудѣйствовать, можетъ держаться очень долго. Но настоящее время въ спекуляціи обладаетъ

силою, спеціально направленною противъ всякой дороговизны и стремящейся ее парализовать. Соразмѣрно развитію спекуляціи въ странѣ, каждая отдѣльная дороговизна и будетъ держаться болѣе или менѣе долго. Но стремленіе предпринимателей дѣлать свои занятія не мѣнѣе доходными, чѣмъ коковы «другія занятія», или стремленіе прибылей къ уравненію въ различныхъ занятіяхъ, во всякомъ случаѣ замыкаетъ въ тѣсныя границы всякую дороговизну и раньше или позже кладетъ ей конецъ.

Предъидущее намъ показываетъ, что когда бумажныя деньги стремятся разъигрывать роль орудія обращенія при наименѣе благопріятныхъ условіяхъ,—когда онѣ разъискиваютъ себѣ, хотя и тщетно, уголъ, въ которомъ онѣ могли бы упрочиться, — тогда онѣ вызываютъ дороговизну. Но именно въ это время про нихъ еще нельзя сказать, что онѣ уже обезцѣнились сравнительно съ товарами. Ибо когда бумажныя деньги вызываютъ *дѣйствительную* дороговизну, онѣ имѣютъ весьма реальное значеніе источника *исключительныхъ прибылей*. Ихъ судьба тогда еще не выяснилась. Предпріимчивость еще имъ придаетъ самостоятельное значеніе и все еще надѣется на свою способность создать себѣ прочную основу благосостоянія изъ новыхъ прибылей. Напротивъ, когда окончательно уже выясняется, что предпріимчивость на это неспособна,—когда осязательно и наглядно для всѣхъ выясняется, что хотя денежная величина доходовъ возрасла, она однако не даетъ основаній, ни для расширенія оборотовъ, ни для расширенія потребленія, — когда обезцѣненіе денегъ уже внѣ всякаго сомнѣнія,—тогда и для дороговизны насталъ уже конецъ и она имѣетъ одно развѣ историческое значеніе.

Когда дороговизна уже стала только номинальною, то, взявъ средній выводъ изъ номинальныхъ возвышеній, которымъ подверглись цѣны возможно большей массы возможно болѣе различныхъ товаровъ, мы можемъ себѣ составить опредѣленное заключеніе о томъ, насколько обезцѣнились бумажныя деньги сравнительно съ товарами. Съ того времени, какъ возвышеніе товарныхъ цѣнъ стало номинальнымъ, — или на пути къ тому, чтобъ возвышеніе

стало номинальнымъ,—пути, очень трудно-уловимомъ, — движеніе товарныхъ цѣнъ только косвенно выражаетъ условія производительности въ бумажно-денежной странѣ. Прямо-же оно выражаетъ вліянія, исходящія отъ природы бумажныхъ денегъ, какъ долговыхъ знаковъ, обѣщанія по которымъ не исполняются.

Когда дороговизна стала номинальною, въ области обращенія можно наблюдать нѣчто аналогическое химическому процессу «соединенія». «Излишнія» бумажныя деньги *перестали* быть излишними. Онѣ вошли въ составъ «новаго соединенія». Ихъ самостоятельное вліяніе и значеніе совершенно парализовано.

Изъ всего круга явленій, сопровождающихъ бумажныя деньги, въ подобномъ случаѣ сохраняетъ свое значеніе одна только принудительная цѣна бумажекъ. Если-же принудительной цѣны нѣтъ, то даже насильственная обращаемость не можетъ препятствовать звонкимъ деньгамъ снова появиться въ обращеніи.

Принудительная цѣна и вообще ничѣмъ не можетъ быть оправдываема. Но она становится прямымъ и самостоятельнымъ источникомъ торгово-промышленныхъ бѣдствій, когда первые періоды дѣйствій бумажныхъ денегъ уже миновали и ихъ вліянія болѣе или менѣе парализованы въ другихъ отношеніяхъ. Принудительная цѣна, узаконяя фиктивное равенство звонкихъ денегъ съ бумажными по произвольной пропорціи, не соотвѣтствующей дѣйствительному соотношенію между спросомъ и предложеніемъ ни звонкихъ денегъ, ни бумажныхъ,—поддерживаетъ только мошенниковъ въ ихъ стремленіяхъ нажиться на счетъ кредиторовъ. Звонкія деньги не могутъ появиться въ обращеніи, такъ какъ законъ о принудительной цѣнѣ противудѣйствуетъ силѣ договоровъ и сдѣлокъ, основанныхъ на дѣйствительной ихъ цѣнѣ. А между тѣмъ появленіе звонкихъ денегъ безусловно необходимо послѣ того, какъ лажъ упрочился и совершенно уже отвердѣлъ, а возвышеніе товарныхъ цѣнъ стало совершенно номинальнымъ. Ибо циркуляціонный механизмъ въ такомъ случаѣ, при принудительной цѣнѣ бумажныхъ денегъ, *теряетъ всякую гибкость*. Онъ не можетъ уже приноровляться къ потребностямъ оборота, развѣ если прави-

тельство снова одаряетъ страну свѣжимъ бумажно-денежнымъ выпускомъ. Если-же оно этого не дѣлаетъ, то при потребности оборота въ экстенсивномъ расширеніи циркуляціи (а возможность такой потребности всегда обратно пропорціональна развитію кредита), у народнаго хозяйства отрѣзаны всѣ пути для подобнаго расширенія. Отсюда совершенно новое послѣдствіе бумажныхъ денегъ: являются колебанія дисконта и скачки его, достигающіе иногда поразительной высоты. Вообще-же дисконтъ возвышается въ странѣ совершенно ненормально надъ общимъ уровнемъ доходности экономическихъ средствъ. Принудительная цѣна бумажекъ начинаетъ выражать покровительственную пошлину, спеціально служащую для поощренія ростовщиковъ.

61. Бумажнымъ деньгамъ приходится подвергаться двоякаго рода обезцѣненію. Насколько онѣ *не* играютъ роли производительнаго орудія обращенія, онѣ, превращаясь въ орудія сбереженія, стремятся быть замѣненными дѣйствительными, а не фиктивными орудіями сбереженія. Онѣ порождаютъ, оттого, спросъ на звонкія деньги и вызываютъ болѣе или менѣе высокій лажъ. Лажъ и выражаетъ то обезцѣненіе, которому подвергаются бумажныя деньги, вышедшія изъ оборота и вымѣниваемыя на звонкія деньги. Но и деньги, остающіяся въ оборотѣ, имѣютъ только *стремленіе* получить производительное занятіе. Но это стремленіе можетъ быть безуспѣшнымъ. То есть, если бумажными деньгами даже и не предъявляется спроса на драгоцѣнные металлы и онѣ остаются въ роли орудія для обращенія товаровъ, то, эта ихъ роль можетъ быть обставлена неблагопріятными условіями производительности. Тогда бумажныя деньги начнутъ обезцѣниваться сравнительно съ товарами.

Обезцѣненіе денегъ бумажныхъ сравнительно съ звонкими деньгами называютъ депреціаціею (depreciation). Обезцѣненіе-же ихъ сравнительно съ товарами называютъ уменьшеніемъ ихъ покупательной силы (diminution in value). Спрашивается, существуетъ

ли соотношеніе и необходимая связь между этими двумя видами обезцѣненія?

Если принять во вниманіе, что лажъ выражаетъ непосредственно цѣну бумажекъ въ звонкихъ деньгахъ и, слѣдовательно, прямо зависитъ отъ того спроса на звонкія деньги, который преимущественно можетъ быть проявляемъ бумажками, не находящимися въ обращеніи, или изъ него выходящими, играющими роль сбереженій, —тогда какъ бумажныя деньги, остававшіяся въ обращеніи, могутъ идти своимъ собственнымъ, совершенно независимымъ и иногда совершенно производительнымъ путемъ, — если имѣть въ виду, что лажъ можетъ представлять «излишнія» бумажныя деньги немедленно по ихъ появленіи и по обнаруженіи ими своего характера именно «излишнихъ», можетъ быть, задолго до того, какъ эти «излишнія» бумажки начинаютъ простирать свое вліяніе и на товарныя цѣны во внутреннемъ оборотѣ,—то понятно будетъ, отчего наука и раціональный опытъ съ энергіею настаиваютъ на необходимости проводить возможно болѣе строгое различіе между обоими разобранными видами обезцѣненія бумажныхъ денегъ.

Во многихъ случаяхъ они могутъ весьма сильно расходиться. Отчасти это происходитъ отъ того, что совершенно различныя доли бумажно-денежнаго выпуска при совершенно различныхъ условіяхъ подвергаются тому и иному виду обезцѣненія. Отчасти-же это происходитъ преимущественно потому, что бумажки, дѣйствующія въ роли орудія для обращенія товаровъ, встрѣчаютъ въ самой природѣ товарныхъ цѣнъ поддержку для своей цѣнности. Во всякой товарной цѣнѣ сильно заинтересованы какой-либо предприниматель и какой-либо потребитель, или два предпринимателя. Колебаніе товарной цѣны выражаетъ *непосредственное и окончательное* уменьшеніе или увеличеніе ихъ доходовъ. Оттого изъ за колебанія всегда происходитъ борьба между заинтересованными сторонами, влекущими цѣну въ противуположныя стороны, этимъ парализующими отчасти ея подвижность и сообщающими ей нѣкоторую тугость. Оттого бумажныя деньги не такъ скоро могутъ проявить свои вліянія на товарныхъ цѣнахъ. Оттого ихъ обезцѣненіе сравнительно

съ товарами происходитъ медленнѣе. Напротивъ, обмѣнъ бумажекъ на звонкія деньги не даетъ еще окончательныхъ результатовъ для высоты доходности экономическихъ средствъ. Цѣна бумажныхъ денегъ, выраженная въ звонкихъ деньгахъ, показываетъ только, какой дѣйствительный свободный капиталъ можетъ получить владѣлецъ бумажекъ. Но какова будетъ доходность этого свободнаго капитала? Этого еще не знаютъ. Сверхъ того, та-же неподатливость, которая сказывается въ стремленіи всѣхъ товаровъ сохранять свою цѣнность, еще съ большею силою выражается въ «наилучшей» цѣнности, представляемой звонкими деньгами. Столкновенія съ ними бумажныя деньги всего менѣе способны выдерживать. Оттого имъ всего скорѣе приходится обезцѣниваться при спросѣ на звонкія деньги.

Вотъ почему лажъ можетъ быть очень высокъ въ такое время, когда бумажныя деньги, находящіяся въ обращеніи, всего менѣе подверглись обезцѣненію. Лажъ выражаетъ, сколько каждая бумажка должна потерять въ своей цѣнѣ, если она пожелаетъ замѣниться звонкими деньгами. Онъ, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что нѣкоторая часть бумажекъ въ оборотѣ не находитъ для себя занятій и порывается къ замѣнѣ звонкими деньгами. Оттого и является спросъ на драгоцѣнные металлы, непосредственно и независимый отъ производственныхъ отношеній. Но лажъ не можетъ служить указателемъ для абсолютнаго объема «излишка» въ бумажныхъ деньгахъ. Въ отличіе отъ «одной ласточки», которая еще «весны не знаменуетъ», одна бумажка можетъ уже указывать на ту осень, которую знаменуетъ лажъ. Вотъ почему совершенно лишено будетъ основанія такое представленіе объ «излишнихъ» бумажныхъ деньгахъ, которое основано на высотѣ лажа. Изъ того, что лажъ составляетъ, напримѣръ, 20%, совсѣмъ нельзя заключить, что *одна пятая* часть всего бумажно-денежнаго выпуска представляетъ излишнюю тягость. Ибо $^{99}/_{100}$ выпуска могутъ имѣть самое производительное занятіе и совсѣмъ не быть обезцѣненными сравнительно съ товарами, тогда какъ одна сотая часть выпуска способна обнаружить такую трусость и такой на-

пряженный спросъ на металлъ, что лажъ возвысится не только до 20%, но и до 50%, а можетъ быть и больше.

Лажъ представляетъ прежде всего прейскурантную цифру, непосредственно ничего болѣе не выражающую, кромѣ цѣны звонкихъ денегъ въ бумажныхъ, или наоборотъ. Конечно, если цѣна пшеницы поднимается въ Одессѣ до 13 рублей и далѣе, то спекулянты ее будутъ розъискивать съ увеличенною энергіею и ея будетъ продано и вывезено заграницу больше. Въ цѣнѣ отражаются условія предложенія и спроса даннаго товара и до извѣстной степени она можетъ служить основаніемъ для догадокъ о размѣрахъ оборотовъ, дѣлаемыхъ при ней. Но эти догадки могутъ оказываться весьма неудачными. Ибо въ лужѣ могутъ отражаться и солнце, и случайное мелкое неуловимое облачко. Такъ и въ лажѣ могутъ отражаться и великія событія, — обусловливаемыя глубокими потрясеніями въ организмѣ народнаго хозяйства, или здоровою силою, имъ проявляемою,—и надувательскія продѣлки мошенниковъ-спекулянтовъ, играющихъ трусостью владѣльцевъ праздныхъ сбереженій. Лажъ нѣкоторые сравнивали съ термометромъ. По этому поводу другіе весьма справедливо напоминали, что термометръ тоже указываетъ только на степень теплоты, но не указываетъ ни на источникъ теплоты, ни на ея объемъ или общее ея количество. Если во время мороза мы будемъ справляться съ термометромъ, вставленнымъ въ кипятокъ, то, не смотря на свою способность служить указателемъ, термометръ намъ ясныхъ понятій о силѣ мороза не дастъ.

Но если и несомнѣнно, что между лажемъ и обезцѣненіемъ бумажныхъ денегъ сравнительно съ товарами связь можетъ быть только очень далекая, то несомнѣнно также, что относительно этой связи, хотя и далекой, но тѣмъ не менѣе возможной въ извѣстной степени , нужно тоже имѣть ясныя представленія. Отъ чего-же она зависитъ и въ какихъ случаяхъ она перестаетъ быть далекой, если она оказывается возможною?

Для отвѣта на этотъ-то вопросъ необходимо отъ разсмотрѣнія соотношенія между бумажными деньгами и товарными цѣнами *вообще* пе-

рейти къ разсмотрѣнію того соотношенія, которое на практикѣ оказывается между бумажными деньгами съ одной стороны, и съ другой—между различными *отдѣльными* товарами и ихъ цѣнами.

Необходимо различать въ данномъ случаѣ троякаго рода товары (а слѣдовательно и товарныя цѣны). Первую категорію представляютъ товары привозные и, притомъ, какъ товары, которые только заграницею и производятся, такъ и товары, которые производятся въ самой бумажно-денежной странѣ и по отношенію къ которымъ заграничныя страны являются конкурентами. Вторую категорію представляютъ товары отпускные и притомъ, опять, какъ товары, которые въ одной только бумажно-денежной странѣ и производятся, такъ и товары, которые могутъ быть производимы и заграницею и по отношенію къ которымъ заграничныя страны—конкуренты бумажно-денежнаго народнаго хозяйства. Наконецъ, третья категорія представляется товарами мѣстнаго производства въ бумажно-денежной странѣ, которые только въ ней и потребляются и по отношенію къ которымъ нѣтъ заграничной конкуренціи. Эти три категоріи обнимаютъ всевозможные товары, имѣющіе здѣсь для насъ важность.

Вопросъ о соотношеніи между лажемъ и товарными цѣнами выражаетъ вопросъ о томъ, входитъ-ли лажъ *необходимою* составною частью во *всякую* товарную цѣну. Понятно, что отрицательный отвѣтъ можетъ имѣть двоякій смыслъ. Во-первыхъ, онъ можетъ означать, что лажъ не составляетъ *необходимой* составной части цѣны. Во-вторыхъ, онъ можетъ отрицать необходимость лажа, какъ составной части *только для извѣстныхъ* цѣнъ.

Выше мы указали на различіе, существующее между *твердымъ* лажемъ и лажемъ *перемѣннымъ*. Этимъ различіемъ подлежащій теперь разбору вопросъ еще болѣе усложняется. Тѣмъ внимательнѣе мы должны быть въ разборѣ.

Различіе между твердымъ лажемъ и перемѣннымъ возможно наблюдать только въ теченіе какого-либо опредѣленнаго періода. Если мы, напримѣръ, возьмемъ для Россіи семилѣтній періодъ отъ 1866 до 1872 г., то наименьшій лажъ составлялъ въ теченіе этого періода

4,07 пенсовъ или съ лишнимъ 10 коп. на рубль. Эти десять копѣекъ выражаютъ потерю бумажнаго рубля, которая отвердѣла и которую рубль во всякомъ случаѣ долженъ былъ нести у насъ, какъ бы обстоятельства для него ни были благопріятны. Но въ 1866 году, въ теченіе круглаго года, среднимъ числомъ, весь лажъ составлялъ 7,56 пенс. Т. е., сверхъ обычной потери, бумажному рублю пришлось, подъ вліяніемъ временныхъ причинъ, потерять еще около $3^1/_2$ пенсовъ. Т. е., сверхъ обычной потери въ 10 копѣекъ, нашъ бумажный рубль могъ въ теченіе круглаго года быть дешевле еще на 9 копѣекъ. Понятно, что и говоря о соотношеніи между лажемъ и товарными цѣнами, не должно терять изъ виду различной природы составныхъ частей, изъ которыхъ въ отдѣльное время можетъ слагаться лажъ.

Привозные товары, которые только заграницею и производятся, очевидно, будутъ всего болѣе чутки къ лажу. *Твердый* лажъ будетъ составлять *необходимую* составную часть ихъ цѣны во всякомъ случаѣ. Но будетъ-ли входить въ составъ ихъ цѣны и перемѣнный лажъ, это—вопросъ, рѣшеніе котораго будетъ зависѣть отъ частныхъ условій торговли даннымъ товаромъ. При большихъ запасахъ этого товара, заготовленныхъ въ бумажно-денежной странѣ прежде, при лучшихъ условіяхъ, и устраняющихъ или ослабляющихъ настоятельность надобностей въ привозѣ именно тогда, когда перемѣнный лажъ всего выше,—послѣдній можетъ остаться и безъ вліянія на товарную цѣну. Или онъ не окажетъ значительнаго вліянія, пропорціональнаго его высотѣ. То-же послѣдствіе можетъ быть вызвано сокращеніемъ потребленія даннаго товара и спроса на него, если его цѣна очень возвысится. Пониженіе товарной цѣны, происходящее отъ уменьшенія спроса, будетъ противудѣйствовать возвышенію цѣны подъ вліяніемъ возросшаго перемѣннаго лажа. Должно, однако, упомянуть и о другой возможности, что, не смотря ни на какое возвышеніе товарной цѣны, спросъ не ослабляется и тогда, и весь перемѣнный лажъ войдетъ составною частью въ товарную цѣну. Противуположная этому возможность представляется тогда, когда у продавцевъ оказываются обременяющіе ихъ запасы

и они принуждены съ потерею нѣкоторой доли своихъ прибылей распродать свой товаръ. Тогда даже твердый лажъ не всею своею величиною войдетъ въ составъ цѣны. Само собою разумѣется, что никакой лажъ не можетъ препятствовать пониженію цѣны вслѣдствіе измѣненія въ производственныхъ условіяхъ заграничнаго товара (напримѣръ особенный урожай на хлопокъ, кофе, чай, удешевленіе производства разныхъ красильныхъ веществъ, удешевленіе транспорта вслѣдствіе открытія новыхъ путей или конкуренціи и т. д.).

Инымъ представляется отношеніе лажа къ цѣнѣ привозныхъ товаровъ, которые могутъ быть производимы и въ бумажно денежной странѣ. Въ этомъ случаѣ заграничная предпріимчивость конкурируетъ съ предпріимчивостью бумажно-денежной страны и условія конкуренціи могутъ пріобрѣсти сильное вліяніе на соотношеніе между лажемъ и товарными цѣнами.

Прежде всего очевидно, что привозителямъ заграничнаго товара придется расходоваться во всякомъ случаѣ на *твердый* лажъ. Этотъ твердый лажъ на весь свой размѣръ будетъ дѣлать заграничный товаръ болѣе дорогимъ. Слѣдовательно, онъ можетъ дѣйствовать совершенно аналогично съ покровительственною таможенною пошлиною. Отсюда—его способность до извѣстной степени парализовать таможенный либерализмъ бумажно-денежнаго правительства. Но будетъ-ли даже только твердый лажъ входить составною частью въ товарную цѣну, зависитъ отъ того, кто играетъ главную роль законодателя при установленіи этой цѣны: мѣстный производитель, или заграничный. Какъ извѣстно, установленіе цѣны зависитъ отъ производственыхъ условій и не одинаково для различныхъ товаровъ. Если мѣстныя силы достаточно производительны, чтобы быть въ состояніи вырабатывать предложеніе, вполнѣ соотвѣтствующее спросу,—если, при этомъ, производительность мѣстныхъ силъ настолько высока, чтобы обыкновенныхъ таможенныхъ пошлинъ для мѣстной предпріимчивости было достаточно, — то заграничные конкуренты совершенно или отчасти будутъ оттѣснены отъ внутренняго рынка. Тогда даже твердый лажъ

не будетъ необходимою составною частью цѣны. Стремленіе къ конкуренціи тогда можетъ только заставить заграничныхъ предпринимателей придумать какія-либо новыя усовершенствованія, чтобы на ихъ счетъ отнести лажъ, не могущій появиться въ ихъ цѣнѣ. Въ той мѣрѣ, однако, въ какой мѣстная предпріимчивость не въ состояніи будетъ удовлетворять своимъ предложеніемъ весь существующій спросъ, необходимо будетъ содѣйствіе заграничныхъ производителей. Неудовлетворенный спросъ будетъ возвышать товарную цѣну. Если возвышеніе цѣны сообщитъ новый толчекъ къ прогрессу мѣстной предпріимчивости, — вообще пока еще высота лажа будетъ представлять достаточное покровительство мѣстному производству, — для лажа можетъ не быть мѣста въ составѣ товарной цѣны. Только тогда, когда мѣстная предпріимчивость совершенно неспособна, при данной высотѣ лажа, расширять свое производство, и твердый лажъ начнетъ представлять необходимую составную часть цѣны привозныхъ товаровъ, о коихъ здѣсь идетъ рѣчь.

Что-же касается перемѣннаго лажа, то для разбираемаго вопроса весьма важною является та его особенность, что онъ можетъ возрастать совершенно неопредѣленно. Т. е., перемѣнный лажъ можетъ представлять перемѣнную пошлину неопредѣленной высоты, способную дойти до силы совершенно запретительной пошлины. Понятно, что чѣмъ болѣе перемѣнный лажъ возрастаетъ, тѣмъ болѣе онъ ослабляетъ возможность заграничной конкуренціи. Вѣроятность, чтобы онъ вошелъ составною частью въ товарную цѣну, оттого, обратно пропорціональна его собственной высотѣ.

Понятно, что упомянутыя выше добавочныя вліянія, парализующія для лажа возможность входить въ цѣну необходимою составною частью (большіе запасы, неудачные разсчеты объ объемѣ потребленія и т. д.) вполнѣ и здѣсь сохраняютъ свою силу. Достойно упоминанія и обстоятельство, представляемое размѣромъ капитала, расходуемаго на лажъ. На этотъ капиталъ должны быть начислены проценты, своею высотою и валовою суммою еще болѣе загоняющіе вверхъ товарную цѣну. Вотъ почему кредитъ, загра-

ницею оказанный привозителямъ,—въ особенности если заграницею дисконтъ стоитъ низкій, тогда какъ въ бумажно-денежной странѣ онъ высокій,—пріобрѣтаетъ значеніе и для соотношенія между лажемъ и товарною цѣною. Чѣмъ этого кредита меньше, чѣмъ дисконтъ ниже въ бумажно-денежной странѣ и чѣмъ выше онъ заграницею, тѣмъ труднѣе лажу входить въ цѣну.

Цѣлый рядъ товаровъ, которые только заграницею могутъ быть добываемы, представляютъ суровье и полуготовыя издѣлія, которыя подлежатъ еще дальнѣйшей обработкѣ въ бумажно-денежной странѣ. Отношеніе лажа къ ихъ цѣнѣ, какъ привозныхъ товаровъ, *для производства* будетъ такое, какъ оно выше выяснено для товаровъ первой категоріи. Напротивъ, отношеніе лажа къ ихъ цѣнѣ, какъ составныхъ элементовъ другихъ товаровъ, въ бумажно-денежной странѣ изготовленныхъ, будетъ, такое, какое нами выяснено для товаровъ, изъ за которыхъ возможна конкуренція. Вотъ почему возможно, напримѣръ, чтобъ потребитель хлопчато-бумажнаго готоваго товара меньше почувствовалъ въ цѣнѣ потребляемаго имъ товара и въ производимыхъ имъ расходахъ—тотъ самый лажъ, на который расходовался производитель, покупая хлопокъ или заграничную пряжу. Отчего? Оттого, что, сбавляя лажъ, производитель можетъ выгадывать свою сбавку на чемъ-либо иномъ.

Переходимъ къ отпускнымъ товарамъ. Если цѣна товара, вывозимаго изъ бумажно-денежной страны, остается такою-же, на заграничномъ и мѣстномъ рынкахъ, какою она была до возникновенія лажа, то это значитъ, что лажъ вошелъ въ заграничную цѣну составною частью. Но это не имѣетъ интереса для внутреннихъ потребителей непосредственно. Косвенно-же, однако, это и для нихъ получаетъ значеніе. Ибо производители выручаютъ заграницею цѣну звонкими деньгами, а внутри страны—только бумажными. Выручаемый ими лажъ можетъ на нихъ вліять, какъ вывозная пошлина, поощряя отпускъ. Становится выгоднѣе отдавать товаръ заграничнымъ потребителямъ, а не внутреннимъ. Вслѣдствіе того, и мѣстнымъ потребителямъ, чтобъ удержать за собою товаръ, придется согласить-

ся на возвышеніе его цѣны на размѣръ лажа,—все равно, твердаго или перемѣннаго,—во всякомъ случаѣ того лажа, который вывозители или производители получаютъ въ цѣнѣ заграничныхъ потребителей. Но привхожденіе лажа составнымъ элементомъ въ ту цѣну вывознаго товара, которая для него существуетъ на внутреннемъ и заграничныхъ рынкахъ, зависитъ отъ условій, которыми въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ обставленъ сбытъ товара. Если для готовности усиленнаго вывоза товара заграницу не будетъ соотвѣтствующаго усиленнаго тамъ спроса, то она, понятно, готовностью только и останется. Товаръ принужденъ будетъ оставаться дома. Тогда внутренніе потребители будутъ имѣть возможность уплачивать за него такую цѣну, въ которой лажъ не будетъ необходимымъ составнымъ элементомъ. Слѣдовательно, объемъ заграничнаго спроса на товары, вывозимые изъ бумажно-денежной страны, имѣетъ большое значеніе для вопроса о соотношеніи между лажемъ и ихъ цѣною на внутреннихъ рынкахъ. Чѣмъ безпрепятственнѣе вывозъ, тѣмъ легче лажу войти составною частью въ товарную цѣну.

Къ цѣнамъ товаровъ, которые производятся и потребляются только въ бумажно-денежной странѣ, лажъ никакого непосредственнаго отношенія не имѣетъ. Лажъ можетъ быть очень высокій,—и притомъ какъ въ своей твердой части, такъ и въ своей части перемѣнной,—и все таки не оказать вліянія на товары исключительно мѣстнаго производства и потребленія. Ихъ цѣны зависятъ отъ того, какою массою бумажныхъ денегъ вооруженъ спросъ, на нихъ предъявляемый. Для различныхъ товаровъ этой категоріи производственныя условія могутъ быть весьма разнообразны. Все то,—что мы выше говорили о способности производительной предпріимчивости противудѣйствовать природѣ собственныхъ стремленій бумажныхъ денегъ,—въ дѣйствительности проявляется, какъ рядъ обособленныхъ сопротивленій, оказываемыхъ отдѣльными отраслями предпріимчивости—спросу, предъявляемому на ихъ товары, и стремленіямъ бумажныхъ денегъ, которыми спросъ въ частномъ отдѣльномъ случаѣ вооруженъ. Вотъ почему обезцѣненіе бумажныхъ

денегъ сравнительно съ товарами можетъ быть далеко не одинаковое для различныхъ отраслей предпріимчивости. Оно сильно зависитъ отъ частныхъ условій времени и мѣста. Во всякомъ случаѣ, однако, оно не можетъ идти далѣе той пропорціи, на которую увеличилась масса денегъ, представляющая расширенный спросъ. Если эта масса денегъ возросла на 25—50%, тогда какъ цѣны возросли на 75—100% или болѣе, то нужно заключить, что въ возвышеніи товарныхъ цѣнъ участвовали, кромѣ обезцѣненія бумажекъ, и другія, независимыя отъ него, причины, кроющіяся непосредственно въ условіяхъ производства и сбыта.

Если обезцѣненіе сравнительно съ товарами имѣло мѣсто, оно будетъ соотвѣтствовать лажу. Иногда оно можетъ быть значительно менѣе лажа. Иногда-же оно можетъ быть и значительно болѣе лажа, просто потому, что обезцѣненныя бумажки не служатъ для увеличенія спроса на драгоцѣнный металлъ. Въ центральныхъ областяхъ народнаго хозяйства или вообще областяхъ, удаленныхъ отъ пограничныхъ городовъ, въ особенности легко можетъ произойти такое обезцѣненіе бумажекъ сравнительно съ товарами, которое значительно будетъ превышать лажъ.

65. Мы разсматривали до сихъ поръ вліянія бумажныхъ денегъ въ томъ предположеніи, что выпускъ ихъ былъ сдѣланъ только одинъ разъ, или въ одинъ пріемъ весь. Само собою понятно, что если одни выпуски слѣдуютъ за другими, то каждый изъ нихъ *повторяетъ вліяніе своихъ предшественниковъ*. Народному хозяйству въ подобномъ случаѣ приходится подвергаться одной и той-же болѣзни послѣдовательно нѣсколько разъ. Не успѣетъ оно выздоровѣть, какъ оно снова заболѣваетъ и т. д. до тѣхъ поръ, пока выпуски не прекращаются. Для движенія товарныхъ цѣнъ выпуски, слѣдующіе одинъ за другимъ, имѣютъ преимущественно важное значеніе. Ибо едва успѣваетъ одна дороговизна превратиться въ номинальную, какъ вслѣдъ за нею идетъ другая дороговизна, уже дѣйствительная, потомъ третья и т. д.

Совершенно однородное вліяніе съ выпусками, послѣдовательно

происходящими одинъ за другимъ, могутъ оказывать при бумажно-денежной циркуляціи перемѣны въ настроеніи предпріимчивости, вызывающія оживленіе послѣдней, но оканчивающіяся безуспѣшно. Непормальность положенія дѣлъ при этомъ оказывается въ слѣдующемъ. Выше было разъяснено, что насколько владѣльцы денегъ усматриваютъ обезцѣненіе ихъ бумажекъ—невозможность увеличенными расходами ихъ расширять обороты или потребленіе,—на столько у владѣльцевъ вызывается охота *сберегать* бумажки. Вслѣдствіе того, въ народномъ хозяйствѣ будутъ образовываться большіе или меньшіе запасы праздныхъ бумажекъ. Смотря по тому: какъ великъ былъ выпускъ и какой его долѣ возможно было дать производительное занятіе, и праздные запасы будутъ больше или меньше. На эти праздные запасы ихъ владѣльцы будутъ смотрѣть, какъ на свободный капиталъ. При оживленіи предпріимчивости, когда послѣдняя будетъ искать реальной почвы, на которой она могла бы развернуться, праздныя бумажки выступятъ наружу. Такъ какъ на нихъ смотрятъ, какъ на свободный капиталъ, то и будутъ воображать, будто отъ ихъ объема зависитъ сила, съ которою предпріимчивость можетъ проявиться. Но бумажныя деньги обладаютъ только косвенною цѣнностью. Ихъ экономическая сила не въ нихъ самихъ, а внѣ ихъ. Онѣ, поэтому, совершенно лишены способности служить яснымъ указателемъ обширности того поля, на которомъ оживившаяся предпріимчивость можетъ безбоязненно развернуться. Если-бы для оживившейся предпріимчивости имѣлись припасенныя и сбереженныя *звонкія* деньги, переходящія отъ роли орудій сбереженія къ роли орудій обращенія,—тогда эти звонкія деньги могли-бы опредѣленно указать, сколько разныхъ иныхъ капиталовъ для себя въ состояніи добыть оживившаяся предпріимчивость, если не внутри страны, то заграницею. Но *бумажныя* деньги сами не могутъ вовсе давать никакихъ опредѣленныхъ указаній относительно чего-бы то ни было. Онѣ, поэтому, будутъ указывать предпріимчивости все, что предпріимчивости приснится и что ея фантазіи угодно будетъ принимать за указаніе. Только въ связи съ лажемъ, т. е. переоцѣненныя на звонкія деньги,

и бумажныя деньги могутъ давать хоть какія нибудь опредѣленныя указанія. Но переоцѣнка на звонкія деньги имѣетъ значеніе только для тѣхъ товаровъ, относительно которыхъ возможна конкуренція внутреннихъ рынковъ съ заграничными. Для тѣхъ-же товаровъ, которые имѣютъ одинъ только внутренній рынокъ, переоцѣнка бумажекъ на звонкія деньги лишена практическаго значенія. Она лишена способности давать какія либо несомнѣнныя указанія, ибо нѣтъ необходимаго соотношенія между лажемъ и цѣнами товаровъ, у которыхъ имѣется одинъ только внутренній рынокъ.

Если при бумажно-денежномъ обращеніи такое-же значеніе, какое имѣютъ новые выпуски, могутъ пріобрѣтать стремленія оживившейся предпріимчивости—расширить ту эффективную массу изъ всего выпуска, которая пускается въ ходъ,—то, понятно, особое значеніе пріобрѣтаютъ вліянія бумажныхъ денегъ на тѣ пути и способы, съ помощью которыхъ предпріимчивость расширяетъ свои обороты. Для насъ преимущественную важность между этими путями и способами имѣетъ кредитъ.

На почвѣ такъ называемыхъ бумажныхъ денегъ можетъ быть созданъ смѣшанный циркуляціонный механизмъ совершенно аналогичный тому, который создается на почвѣ металлической циркуляціи. Однородный послѣднему по многимъ сторонамъ своимъ, смѣшанный циркуляціонный механизмъ съ бумажно-денежнымъ основаніемъ отличается, однако, отъ имѣющаго металлическое основаніе своею замкнутостью въ предѣлахъ, въ которыхъ только и простираются дѣйствія закона о насильственной обращаемости. Эта замкнутость означаетъ прежде всего обособленіе циркуляціоннаго механизма данной страны отъ остальныхъ, обусловливаемое тѣмъ, что въ основѣ этого механизма не лежитъ капиталъ и что въ этомъ механизмѣ нѣтъ и одной составной части, которая составляла бы капиталъ. Кто обладаетъ бумажными деньгами, можетъ воображать, что у него въ рукахъ капиталъ. На самомъ же дѣлѣ этимъ только *начинается* выраженіе того, что у него имѣется въ рукахъ. Ибо имѣетъ онъ капиталъ *долга*, долговой капиталъ,

слѣдъ или воспоминаніе о бывшемъ у него капиталѣ, о капиталѣ, болѣе уже, однако, несуществующемъ, взятомъ казною, ею уничтоженномъ.

У владѣльца бумажныхъ денегъ въ рукахъ имѣется только знакъ того, что онъ обладаетъ властью, чтобъ принудить и другое лицо занять то-же положеніе, какое онъ въ данную минуту занимаетъ. У него въ рукахъ принудительная сила, дѣйствующая въ бумажныхъ деньгахъ. Но эта принудительная сила не составляетъ капитала, ни въ народно-хозяйственномъ смыслѣ, ни въ частно-хозяйственномъ. Принудительная сила, дѣйствующая въ бумажныхъ деньгахъ, можетъ производить нѣкоторыя послѣдствія, похожія на тѣ, которыя вызываются настоящими деньгами, составляющими капиталъ. Но это еще не дѣлаетъ капитала и изъ правительственныхъ долговыхъ знаковъ. Эти знаки несомнѣнно представляютъ цѣнность. Но цѣнность есть всякая признанность какой бы то ни было полезности. Капиталъ же представляетъ не всякаго рода полезности и возможенъ не при всякихъ условіяхъ, принуждающихъ признавать что либо полезнымъ. Насильственность, которую политическія основанія заставляютъ признавать полезною, можетъ оказаться экономическою цѣнностью. Но никакая сила изъ подобныхъ цѣнностей не въ состояніи образовать капиталы. Исторія экономической практики знаетъ не мало примѣровъ насильственно-созданныхъ цѣнностей. Но наука всегда отрицала за ними качества капиталовъ. Ибо экономическія свойства этихъ цѣнностей держались только благодаря насилію, лишавшему дѣйствительные капиталы возможности проявлять свои внутреннія качества.

Изолированность бумажно-денежной циркуляціи кладетъ на послѣднюю еще другой важный отпечатокъ. Она не можетъ расширяться и сокращаться при содѣйствіи иностранныхъ народныхъ хозяйствъ. Это значитъ, что когда орудій обращенія въ этой странѣ находится мало, спросъ на нихъ большой и процентъ за ихъ полученіе возвышается надъ обыкновеннымъ уровнемъ,—заграничныя орудія обращенія металлическія могутъ не приливать въ страну и расширять циркуляцію на то время, въ теченіе котораго расшире-

ніе необходимо. Напротивъ, когда циркуляція должна была бы сокращаться и для этого при нормальныхъ обстоятельствахъ часть освобождающихся денежныхъ капиталовъ отливала бы заграницу, чтобы тамъ себѣ находить временную доходность,—тогда при бумажныхъ деньгахъ такой отливъ невозможенъ. Какія же отсюда послѣдствія? Невозможность прилива заграничныхъ денежныхъ капиталовъ, для временнаго выполненія ими роли орудія обращенія, дѣлаетъ болѣе напряженнымъ спросъ на послѣднія и заставляетъ процентъ подниматься такъ высоко, какъ бы ему могъ помѣшать возвышаться заграничный приливъ. Напротивъ, невозможность отлива за границу освобождающихся денежныхъ капиталовъ, насильственно удерживаетъ ихъ въ данномъ мѣстѣ. Она искусственно расширяетъ предложеніе ихъ, дѣлаетъ болѣе продолжительнымъ перевѣсъ предложенія надъ спросомъ. Она принуждаетъ владѣльцевъ бумажныхъ денегъ довольствоваться болѣе низкимъ процентомъ, чѣмъ какой бы, можетъ быть, для нихъ былъ возможенъ, если бы у нихъ были въ рукахъ настоящія деньги,—если бы они были въ состояніи разъискивать имъ наиболѣе доходное помѣщеніе, не стѣсняясь предѣлами даннаго народнаго хозяйства. Изолированность бумажно-денежнаго циркуляціоннаго механизма лишаетъ его, такимъ образомъ, внутренней гибкости и упругости, дѣлаетъ затруднительнымъ приноровленіе его даннымъ условіямъ спроса и предложенія на орудія обращенія. Въ то-же самое время она вызываетъ цѣлый рядъ искусственныхъ возбужденій для предпріимчивости, принимающей миражи за дѣйствительность,—когда она изъ низкаго состоянія дисконта заключаетъ объ обиліи капиталовъ, котораго на самомъ дѣлѣ совсѣмъ нѣтъ. Предпріимчивость воображаетъ, что она можетъ расширить свои обороты, имѣя для этого прочныя основанія. А на самомъ дѣлѣ оказывается, что она лишена не только однихъ прочныхъ основаній, но вообще всякихъ, какихъ бы то ни было.

Когда смѣшанная циркуляція находится въ здоровомъ состояніи, тогда она представляется механизмомъ, слагающимся изъ звонкихъ денегъ и долговыхъ знаковъ, обѣщанія по коими исполня-

ются и этимъ локализируютъ звонкія деньги. Вслѣдствіе того ни для какой отрасли предпріимчивости,—что-бы ни было ея предметомъ: будь онъ даже такой, для котораго не существуетъ конкуренція заграничныхъ производителей и потребителей съ мѣстными,—совершенно невозможно расширеніе предпріимчивости, лишенное прочной почвы дѣйствительно-свободныхъ реальныхъ капиталовъ. Ненормальное возвышеніе *всякой* цѣны тогда заключаетъ въ себѣ самомъ основы, въ силу которыхъ, раньше или позже, должна возникнуть реакція противъ возвышенія. Ибо, если возвышеніе однихъ товарныхъ цѣнъ оказывается лишеннымъ твердой почвы, то это означаетъ, что капиталы, которые принимались за свободные, на дѣлѣ совсѣмъ не свободные. Эти капиталы на дѣлѣ заняты въ другихъ отрасляхъ. Они нужны для поддержанія другихъ цѣнъ. Коль-скоро, однако, другія цѣны лишаются своей поддержки, онѣ подаютъ. Этимъ производится на одномъ пунктѣ поля предпріимчивости сжатіе, совершенно соотвѣтствующее ненормальному расширенію означеннаго поля на другомъ пунктѣ. Или-же пониженіе цѣнъ, не вызывая сжатія, расширяетъ отпускъ товаровъ заграницу. Уплата за увеличенный отпускъ тогда восполняетъ изъ заграницы мѣстный недостатокъ въ свободномъ капиталѣ для расширенія предпріимчивости. Яснѣе: то обстоятельство, что при здоровомъ состояніи циркуляціи основаніемъ *всѣхъ* отраслей предпріимчивости служитъ свободный капиталъ, представляемый звонкими деньгами, устанавливаетъ тѣсное соотношеніе между всѣми областями предпріимчивости и связываетъ ихъ въ одно органическое цѣлое.

Бумажныя деньги разрываютъ это цѣлое на его составныя части, обособляютъ, изолируютъ ихъ и дѣлаютъ изъ нихъ лоскутья или лохмотья, которыми и прикрывается народно-хозяйственное тѣло. Звонкія деньги при бумажныхъ деньгахъ сохраняютъ свое значеніе только для тѣхъ товарныхъ цѣнъ, по отношенію къ которымъ существуетъ конкуренція между внутренними производителями или потребителями и заграничными. Но эти товарныя цѣны составляютъ только меньшую долю изъ всей той совокупной массы

цѣнъ, которыми выражаются интересы народно-хозяйственнаго производства и потребленія. Вотъ почему для большей доли этихъ интересовъ совершенно пропадаетъ всякое основаніе для точнаго ихъ разсчета, т. е. для производительной дѣятельности, ими вызываемой.

И здѣсь мы достигаемъ пункта, на которомъ мы опять оказываемся возвратившимися къ нашему исходному пункту. Мы стоимъ предъ вопросомъ о соотношеніи между бумажными деньгами и банковою организаціею кредита. Бумажныя деньги не могутъ парализовать тѣхъ народно-хозяйственныхъ стремленій, въ силу которыхъ возникаетъ и развивается кредитъ. Онѣ не въ состояніи парализовать и тѣхъ стремленій, въ силу которыхъ кредитъ стремится къ банковой его организаціи. Бумажныя деньги не могутъ помѣшать возникновенію какой-бы то ни было изъ вышеразобранныхъ банковыхъ операцій. Для банковъ и при бумажныхъ деньгахъ возможно успѣшное стремленіе разъискивать источники ссудныхъ капиталовъ. Ибо, какъ многократно въ этой книгѣ повторялось, ссудные капиталы могутъ непосредственно проявляться въ формѣ и иныхъ реальныхъ цѣнностей, кромѣ драгоцѣнно-металлическихъ. Бумажныя деньги также могутъ представлять ссудные капиталы въ той мѣрѣ, въ какой за нихъ можно получать звонкія деньги, которыя не нужны для собственныхъ надобностей своихъ первоначальныхъ собственниковъ. Способы для пользованія источниками ссудныхъ капиталовъ сами и непосредственно подъ вліяніемъ бумажныхъ денегъ совсѣмъ не измѣняются. Эти способы—вклады, билеты, закладные листы и т. д. Но—банкамъ приходится при бумажныхъ деньгахъ дѣйствовать въ такихъ условіяхъ, которыми парализованы всѣ вышеразобранные критеріи и гарантіи ихъ правильнаго образа дѣйствій.

Кредитъ, организуемый банками, не теряетъ способности вызывать свою пристройку къ циркуляціонному механизму, даже когда послѣдній—бумажно-денежный. Но въ подобномъ случаѣ кредиту приходится приспособляться къ чему-то, что само по себѣ выражаетъ не силу, а безсиліе. Оттого и кредитная пристройка не мо-

жетъ отличаться устойчивостью и прочностью. Она лишена твердой почвы, которую единственно только звонкія деньги для кредита представляютъ. Одна изъ важнѣйшихъ функцій кредита—сохраненіе свободности капиталовъ—становится для него невозможною, когда звонкія деньги болѣе не могутъ находиться въ обращеніи. А съ невозможностью этой функціи теряется основная гарантія всякаго кредита, гарантія, въ силу которой вызываемыя кредитомъ обязательства обезпечиваются *во всякомъ случаѣ*.

Кредитъ стремится, чтобы возможно большая масса долговъ, имъ вызываемыхъ, была погашена не наличными деньгами, а долгами-же. Но единственная гарантія, что долги будутъ погашены и въ тѣхъ случаяхъ, когда означенное стремленіе окажется невозможнымъ, заключается въ погашеніи долговъ деньгами, обѣщаемыми *на всякій случай* каждымъ долговымъ документомъ. Разъ и эта гарантія становится невозможностью, въ кредитъ искусственно вносится новый чуждый ему элементъ намѣренной рискованности.

Надобно помнить, что погашеніе долга выражаетъ не одинъ только фактъ *формальнаго* прекращенія извѣстныхъ имущественныхъ отношеній. Погашеніе долга выражаетъ еще одинъ, болѣе важный, матеріальный фактъ *реализаціи результатовъ производительности*, законченности извѣстныхъ стремленій предпріимчивости. Если долгъ погашается бумажными деньгами, то онъ погашается только фиктивно. О дѣйствительномъ его погашеніи еще нельзя заключить изъ того, что онъ погашенъ правительственнымъ долгомъ. Ибо всякимъ выпускомъ долговаго знака правительство, принимая на себя вообще долгъ, можетъ принимать на себя и такіе чужіе долги, которымъ еще весьма далеко до внутренней способности благополучно закончить свою каррьеру. И дѣйствительно, чѣмъ шире правительственные выпуски и чѣмъ усиленнѣе стремленіе бумажныхъ денегъ найти себѣ какое нибудь занятіе, тѣмъ возможнѣе съ ихъ помощью затягивать такія долговыя отношенія, которымъ, въ силу ихъ внутренней порочности, при иныхъ условіяхъ, пришлось-бы скорѣе проявить свою природу.

При бумажныхъ деньгахъ получаютъ совершенно иную окраску разсмотрѣнные выше вопросы объ объемѣ вліяній, возможныхъ для банковъ и объ ихъ способности расширять кредитъ, не стѣсняясь внѣшнимъ контролемъ.

Банки весьма легко могутъ стать органами, чрезъ посредство которыхъ облегчаются бумажнымъ деньгамъ пути для ихъ раззорительныхъ вліяній. Ибо такое значеніе можетъ легко получить весь кредитъ при бумажныхъ деньгахъ. Кредитъ и вообще (а въ частности еще болѣе, когда онъ организуется банками) стремится праздныя орудія обращенія превращать въ дѣятельныя. Направленный на бумажныя деньги, кредитъ можетъ, поэтому, парализовать силу условій, которыя связываютъ извѣстныя части бумажно-денежнаго выпуска, исторгаютъ эти части изъ оборота, препятствуютъ имъ оказывать свои вліянія и приноровляютъ объемъ эффективныхъ бумажныхъ денегъ къ потребностямъ оборота. При бумажныхъ деньгахъ банкамъ непрерывно подводится свѣжій матеріалъ для того, чтобы они были способны оказывать свои вліянія вкладами, состоящими изъ бумажныхъ денегъ. Чуть обороту, въ какомъ либо своемъ углу, удастся исторгнуть обременяющую его часть бумажно-денежнаго выпуска и сдѣлать ее праздною, т. е. безвредною,—эта часть приливаетъ вкладомъ въ какой либо банкъ. Въ банкъ бумажныя деньги поступаютъ тѣмъ, за что ихъ принимаетъ ихъ владѣлецъ, т. е.—какъ капиталъ. И банкъ обязанъ, поэтому, самъ обойтись со своимъ вкладомъ, какъ еслибъ онъ представлялъ дѣйствительный капиталъ, а не фиктивный. Банкъ начинаетъ стремиться, во что-бы то ни стало, найти лицо, чрезъ посредство котораго бумажныя деньги снова могли-бы явиться въ оборотѣ. И вотъ бремя, отъ котораго оборотъ желалъ освободиться, снова оказывается къ нему возвратившимся. Но такъ какъ бумажныя деньги именно потому и поступили въ банкъ вкладомъ, что въ оборотѣ для нихъ дѣла не было, то и возвращенныя къ нему, онѣ снова будутъ исторгнуты. Тогда опять начнется та-же исторія, превращающаяся въ безконечную Сизифову работу.

Операція безсрочныхъ вкладовъ, главнымъ образомъ, служитъ

тѣмъ путемъ, чрезъ посредство котораго банкамъ удается обходить правительственныя стѣсненія и проявлять соотвѣтствующую имъ долю въ активныхъ вліяніяхъ на ходъ и положеніе дѣлъ во всякое данное время. Уже и безъ бумажныхъ денегъ качество вкладовъ представляетъ наиболѣе деликатный пунктъ въ вопросѣ о свойствахъ и объемѣ вліяній, оказываемыхъ банками. Единственный дѣйствительный, а не фиктивный, контроль, возможный для публики по отношенію къ банкамъ, заключается въ возможности постояннаго обратнаго востребованія средствъ, довѣренныхъ банкамъ,—и, притомъ, въ постоянной возможности требовать, чтобы банки погасили свои долги звонкими деньгами. Когда *этотъ* контроль возможенъ, тогда и банкамъ приходится зорко слѣдить за всѣми тѣми явленіями, отъ которыхъ зависитъ, какъ большая или меньшая для нихъ легкость получать звонкія деньги для встрѣчи поступающихъ требованій, такъ и большая или меньшая сила этихъ требованій. Банкамъ зорко приходится слѣдить и за вексельными курсами, и за высотою дисконта въ данной странѣ сравнительно съ его высотою въ другихъ странахъ, такъ, наконецъ, и за соотношеніемъ между дисконтомъ и вексельными курсами, съ одной стороны, и товарными цѣнами—съ другой.

Но при бумажныхъ деньгахъ сравнительная высота дисконта въ данной странѣ и заграницею теряетъ непосредственное свое значеніе. Ибо въ бумажно-денежной странѣ высота дисконта зависитъ отъ большаго или меньшаго обилія бумажекъ, не находящихъ себѣ занятія въ рукахъ своихъ владѣльцевъ. А это обиліе въ значительной мѣрѣ можетъ зависѣть, какъ отъ первоначальнаго объема выпуска, такъ и отъ позднѣйшихъ приращеній, полученныхъ первоначальною суммою выпуска. Сильное на него вліяніе, сверхъ того, оказываетъ, какъ и при нормальныхъ обстоятельствахъ, настроеніе предпріимчивости. Пока она будетъ «вялою», часть бумажныхъ денегъ, играющая роль эффективныхъ орудій обращенія, будетъ сокращаться и вклады въ банкахъ будутъ наростать. Добавляющіяся новыя бумажныя деньги тоже будутъ дѣйствовать подобно вялому настроенію и возвышать массу вкладовъ въ банкахъ.

Но банковый вкладъ, если онъ и означаетъ *праздное* сбереженіе, представляетъ, однако, такое праздное сбереженіе, которое желаетъ стать дѣятельнымъ, которое предлагаетъ себя къ услугамъ предпріимчивости, которое готово примириться и съ дешевизною его цѣны,—лишь бы дешевизна прельстила предпріимчивость и побудила ее къ готовности — выйти изъ вялаго настроенія. Съ своей стороны, предпріимчивость въ дешевизнѣ ссудныхъ средствъ находитъ основаніе, на которое она можетъ опереться, когда при расширеніи оборотовъ она начинаетъ стремиться къ *вѣроятной* (рискованной) производительности. Не нужно вовсе непремѣнно, чтобъ абсолютная высота возможнаго риска стала большею. Не нужно, поэтому, непремѣнно, чтобъ ссудныя средства достигли такой дешевизны, которая допускаетъ болѣе высокую страховую премію. Объемъ рискованной дѣятельности непосредственно зависитъ отъ нея самой, а не отъ того процента, которымъ рискъ входитъ въ ея составъ. Если рискъ, напримѣръ, выражается однимъ только процентомъ, то очевидно, что рискованной дѣятельности будетъ больше, когда онъ войдетъ въ составъ милліонныхъ оборотовъ, чѣмъ когда онъ войдетъ въ тысячные только обороты. Вотъ почему не нужно особенно сильнаго пониженія дисконта и достаточно только, чтобъ по несильно понизившемуся дисконту представлялось большое обиліе ссудныхъ средствъ, — и послѣдствіемъ окажется, что рискъ проникнетъ глубоко въ предпріимчивость и охватитъ весьма значительную ея часть. Чѣмъ обширнѣе бумажно-денежное обиліе (die Papiergeldplethora), тѣмъ возможнѣе для банковъ безконтрольно вносить рискъ въ предпріимчивость. Ибо даже тогда, когда «свободныя» бумажныя деньги будутъ поглощены всѣ,—когда настанетъ пора повышенію дисконта, — это повышеніе уже не будетъ непремѣнно оказывать тѣхъ своихъ вліяній, на какія оно способно при здоровомъ денежномъ обращеніи. Оно уже не будетъ само обладать силою для привлеченія заграничныхъ капиталовъ или для прегражденія мѣстнымъ капиталамъ пути въ ихъ стремленіи уходить заграницу. Ибо повышеніе будетъ относиться къ бумажнымъ деньгамъ, а не звонкимъ. До бумажныхъ-же денегъ заграничнымъ

народнымъ хозяйствамъ никакого дѣла нѣтъ. Если у нихъ случайно въ данное время окажется возможность и готовность явиться со своею помощью, то они окажутъ услугу и банкамъ. Но эта помощь весьма проблематическая. Она весьма легко можетъ стать труднѣе добываемою именно тогда, когда банкамъ она будетъ нужнѣе.

Само собою разумѣется, что если при бумажныхъ деньгахъ въ свойства и объемъ вліяній, оказываемыхъ банками, врываются чуждыя имъ качества сильной рискованности и опасности, то менѣе всего въ этихъ качествахъ повинны сами банки. Ибо бумажныя деньги лишаютъ ихъ обычныхъ регуляторовъ. Цѣлый рядъ движеній товарныхъ цѣнъ насильственно отрывается отъ своей прямой связи съ вексельнымъ курсомъ. Вслѣдствіе того, теряется критерій для распознаванія доброкачественности движеній, происходящихъ въ товарныхъ цѣнахъ въ весьма значительномъ числѣ случаевъ. Вексельные курсы становятся неполнымъ критеріемъ, а сами товарныя цѣны, въ роли критерія, въ своихъ указаніяхъ становятся еще болѣе неопредѣленными, чѣмъ при здоровомъ денежномъ обращеніи.

66. Еслибъ во что бы то ни стало мы пожелали непремѣнно разъискать въ бумажныхъ деньгахъ хорошую сторону, то единственною таковою стороною намъ представилось бы ихъ обѣщаніе—исчезнуть, какъ только представится къ тому возможность. Изъ всѣхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ бумажными деньгами, самый легкій вопросъ—тотъ, который касается поры, когда правительство должно позаботиться объ освобожденіи народнаго хозяйства отъ нихъ.

Вопросъ объ излеченіи народнаго хозяйства отъ бумажно-денежной язвы, между прочимъ, имѣетъ ту особенность, что ему не нужно вовсе и возникать. Онъ рождается вмѣстѣ съ бумажными деньгами и неотступно ихъ сопровождаетъ. Онъ во всякое данное время современенъ и всегда долженъ былъ бы сосредоточивать на себѣ правительственныя заботы.

Во всякое данное время двоякаго рода доводы напоминаютъ правительству о томъ, что оно не можетъ безпечно относиться къ бумажно-денежной тягости, обременяющей народное хозяйство, и по возможности должно стараться объ уменьшеніи этой тягости. Одни доводы принадлежатъ къ области государственнаго благоустройства и представляются вышеразобранными раззорительными вліяніями бумажныхъ денегъ. Другіе доводы принадлежатъ къ области финансовой.

Что касается доводовъ государственнаго благоустройства, то, послѣ предъидущаго подробнаго изложенія, мы можемъ и недолго на нихъ останавливаться. Задача государства—или охранять *цѣлость* народно-хозяйственнаго благосостоянія, или споспѣшествовать его прогрессивному *росту*. Совершенно противно внутренней природѣ государства, чтобъ правительство безпечно относилось къ цѣлому ряду вліяній, раззорительно дѣйствующихъ на народное хозяйство, въ особенности-же тогда, когда эти вліянія исходятъ отъ правительственныхъ мѣръ. Въ какое либо исключительное время, когда государству угрожаетъ опасность, болѣе важная, чѣмъ народно-хозяйственное раззореніе, волею-неволею приходится примиряться съ бумажно-денежнымъ выпускомъ. Волею-неволею тогда пришлось бы примириться и съ положительною конфискаціею всякой частной собственности, еслибъ она понадобилась для спасенія государства. И должно сознаться, что врядъ-ли во всѣхъ случаяхъ одинаково можно признавать, что бумажно-денежный выпускъ имѣетъ преимущества предъ конфискаціею. Ибо, какъ мы увидимъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ бумажно-денежный выпускъ и есть ни что иное, какъ скрытый способъ производить конфискацію или, скажемъ точнѣе, экспропріяцію—частной собственности въ пользу государства. Но если правительство придаетъ значеніе своему признанію бумажно денежныхъ знаковъ долговыми знаками,—то оно должно позаботиться о своемъ бумажно-денежномъ долгѣ, какъ только ему представляется снова возможность черпать изъ своихъ обычныхъ источниковъ. Сильно-ли ему придется обременять свои источники, или не сильно,—это особый вопросъ. Вообще прави-

тельства привыкли не стѣсняться этимъ вопросомъ. Но врядъ ли возможенъ споръ о томъ, что изъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда, *во время мира*, вопросъ о важности задачи перевѣшиваетъ вопросъ о размѣрѣ средствъ, потребныхъ для рѣшенія задачи, настоятельнѣе всѣхъ—случай, когда задача заключается въ устраненіи бумажно-денежнаго долга. Ибо, пока бумажно-денежный долгъ длится, онъ свидѣтельствуетъ, что финансовые рессурсы правительства все еще находятся въ томъ-же положеніи, въ какомъ они находились, когда правительство принуждено было прибѣгнуть къ выпуску. То есть, состояніе, съ которымъ принудила примириться лишь крайняя необходимость, длящимся бумажно денежнымъ долгомъ возводится въ принципъ, выражающій, что агонія признана за нормальное состояніе финансовъ.

Случаи, въ родѣ представляемаго въ настоящее время положеніемъ дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки,—гдѣ правительство, задыхаясь, можно сказать, отъ богатства и финансовыхъ излишковъ, сжимаетъ одновременно и податные и кредитные свои источники, оставляя нетронутымъ свой бумажно-денежный долгъ,—наглядно показываютъ, до какой превратности могутъ доходить понятія финансоваго эмпиризма. Изъ того, что безпримѣрная предпріимчивость населенія этого народнаго хозяйства вселяетъ весьма вѣроятную надежду на способность его въ будущемъ совершенно парализовать разворительныя вліянія бумажныхъ денегъ,—и изъ того, что на банковое дѣло тамъ сочли возможнымъ набросить арканъ, отчасти противудѣйствующій его движеніямъ—въ Соединенныхъ Штатахъ заключили, что правительству нечего безпокоиться о своемъ бумажно-денежномъ долгѣ. Что бумажно-денежный долгъ выражаетъ и вопросъ политическій, въ которомъ не послѣднюю роль играетъ моральная сторона дѣла, это оставлено въ сторонѣ. Арифметики высчитали, что гораздо величественнѣе будетъ, если налоги и государственные займы въ теченіе столькихъ-то лѣтъ сократятся на такія-то суммы, а бумажныя деньги тѣмъ временемъ будутъ подняты въ цѣнѣ вѣроятнымъ развитіемъ производительности страны, безъ всякихъ жертвъ со

стороны правительства. И съ этимъ разсчетомъ примирились, какъ еслибъ дѣло шло только о точности арифметической выкладки.

Что доказываетъ легкость, съ которою изъ вопроса о бумажно-денежномъ долгѣ сдѣланъ одинъ только вопросъ объ арифметической выкладкѣ? То-же самое, что доказываетъ другая американская «легкость». Эта другая «легкость» называется — *репудіаціею*, т. е. совершеннымъ отказомъ правительства отъ платежа по своимъ обязательствамъ. Американскій примѣръ намъ доказываетъ только одно: что бываютъ народы, которые ставятъ арифметику выше требованій политической морали. Онъ показываетъ, что бываютъ правительства, которыя, не смотря на туго-набитый кошель, могутъ встрѣчать своихъ кредиторовъ съ отвѣтомъ, къ которому нужда только можетъ принудить нищее правительство. Онъ показываетъ, что превратность понятій можетъ доходить до потери изъ виду банкротства, уже наступившаго. И въ это самое время люди будутъ утѣшаться безсодержательною фразою, что за то устранена возможность могущаго представиться весьма проблематическаго банкротства.

Менѣе всего, конечно, случаи, въ родѣ американскаго, могутъ служить примѣромъ, достойнымъ подражанія. Въ нихъ слишкомъ сильно отражаются національныя особенности. Несомнѣнно, однако, что американскій примѣръ чрезвычайно соблазнителенъ для правительствъ, которымъ менѣе легко разсчитаться со своимъ долгомъ.

Финансовые доводы за устраненіе бумажно-денежнаго долга весьма разнообразны. Во главѣ ихъ, конечно, стоитъ тотъ, который истекаетъ изъ главнаго начала всякой финансовой политики: во всякое данное время на правительствѣ лежитъ обязанность заботиться о доброкачественности своихъ источниковъ. Никакая раціональная финансовая практика не можетъ примиряться съ злокачественными рессурсами и безпечно къ нимъ относиться.

Болѣе непосредственною и вѣскою настоятельностью отличаются, однако, тѣ доводы, которые представляются вліяніями бумажныхъ денегъ на собственные доходы правительства. Правительственные доходы, по принципу, освященному долголѣтнѣйшею практикою,

причисляются къ тѣмъ, которые должны отличаться наибольшею прочностью. На основаніи этого принципа весьма вѣскіе авторитеты доходили до того, что предпочитали старые доходы новымъ уже потому, что они старые, упрочившіеся. Но мы видѣли, что на прочные доходы бумажныя деньги вліяютъ всего раззорительнѣе. Такъ какъ правительственные доходы образуютъ обыкновенно самый крупный доходъ изъ получаемыхъ отдѣльными хозяйствами, то правительственное хозяйство всего болѣе страдаетъ отъ перемѣнъ, порождаемыхъ колебаніемъ цѣны бумажныхъ денегъ.

На сколько правительству приходится дѣлать платежи за границу, оно является однимъ изъ важнѣйшихъ предъявителей спроса на звонкія деньги. Въ качествѣ такого предъявителя оно само играетъ роль дѣятельной причины, обезцѣнивающей бумажныя деньги, возвышающей лажъ и порождающей соотвѣтственное увеличеніе расходовъ на лажъ. Каждая перемѣна къ худшему, происходящая въ какое-либо отдѣльное время въ *перемѣнномъ* лажѣ, отражается на правительственныхъ расходахъ и ихъ обременяетъ новою тяжестью. Этимъ она понуждаетъ правительство заботиться и о возвышеніи доходовъ. Чѣмъ больше у правительства платежей за границу, тѣмъ больше оно само себя раззоряетъ, относясь беззаботно къ бумажно-денежному долгу. Это раззореніе, однако, до извѣстной степени можетъ быть ослаблено, если правительство заблаговременно запасается платежными (звонкими) средствами въ болѣе легкое время, чтобъ не попасть въ затруднительное положеніе во время тяжелое. Правительство можетъ заключать заграничные займы и капиталы по таковымъ оставлять за границею. Естественное стремленіе всякаго займа—то, что, обусловливая переливъ звонкихъ денегъ въ бумажно-денежную страну, онъ долженъ былъ-бы сильно гонять лажъ внизъ. Оставляя капиталы за границею, правительство мѣшаетъ, правда, лажу сильно понижаться. Но, во-первыхъ, если зло разъ существуетъ, колебанія его внизъ могутъ быть также вредны, какъ и колебанія вверхъ. Во-вторыхъ, правительство оставляетъ за границею запасы *сравнительно болѣе дешевыхъ* звонкихъ денегъ, которыми оно и можетъ пользоваться

въ худшую пору, не прибѣгая къ необходимости страдать отъ всякаго повышенія лажа. То есть парализуя такое свое вліяніе на лажъ, которое его понижало-бы, правительство одновременно парализуетъ возможность противуположнаго своего вліянія на лажъ, отъ котораго онъ повышался-бы. До извѣстной степени должно, потому, признать, что благоразумное правительство въ состояніи парализовать свою собственную долю въ суммѣ вліяній, отъ которыхъ лажъ колеблется. Но по своимъ заграничнымъ долгамъ правительство должно платить проценты, которые, съ *одной* стороны, парализуютъ выгоды отъ уменьшаемыхъ ими колебаній лажа. Сверхъ того заграничные займы увеличиваютъ платежи, которые правительство должно производить за границу, чѣмъ, съ *другой* стороны, опять парализуется означенная выгода. Такимъ образомъ въ результатѣ выходитъ, что если искусственнымъ расширеніемъ предложенія звонкихъ денегъ — имѣющимъ цѣлью приспособиться къ правительственному спросу на звонкія деньги,—правительство и получаетъ отъ уменьшенія колебаній лажа нѣкоторыя выгоды, то эти выгоды въ концѣ концовъ должны быть парализованы расходами на искусственное приспособленіе спроса къ предложенію и возрастающею затруднительностью его установленія.

Но заграничные расходы составляютъ обыкновенно менѣе значительную часть всѣхъ правительственныхъ расходовъ. Во внутреннихъ-же расходахъ сила правительственныхъ средствъ становится въ зависимость отъ удачнаго исхода всѣхъ тѣхъ попытокъ, которыя народно-хозяйственная предпріимчивость должна производить, чтобъ поддержать цѣну бумажныхъ денегъ. То есть: эффективность правительственныхъ расходовъ становится въ зависимость отъ всей той массы рискованной дѣятельности, которая восбуждается миражемъ, представленнымъ бумажными деньгами. Чѣмъ сильнѣе колебанія цѣнъ, вызываемыя судорожными движеніями предпріимчивости, тѣмъ болѣе сильны толчки, которые непрерывно получаетъ и государственное хозяйство.

Когда обезцѣненіе бумажныхъ денегъ выражается дѣйствительною дороговизною, тогда всего больше отъ нея страдаетъ прави-

тельство. Потому что именно тогда населеніе смотритъ враждебнѣе на возвышеніе податей. Волею-неволею правительственнымъ доходамъ приходится быть послѣдними въ числѣ послѣднихъ, отражающихъ на себѣ обезцѣненіе бумажныхъ денегъ. Отсюда—справедливыя жалобы всѣхъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Они начинаютъ живо чувствовать на своей экономической обстановкѣ практическій смыслъ той особенности государственнаго хозяйства, которая заключается въ его сравнительно большей зависимости отъ внѣшнихъ условій. Этою зависимостью лица, состоящія на государственной службѣ, уравниваются въ положеніи съ членами низшихъ классовъ, которыхъ соціальная обстановка тоже ставитъ въ совершенно аналогическую зависимость.

Если обстоятельства дѣлаютъ для государства желательнымъ или необходимымъ возвышеніе расходовъ, то возвышеніе значительно затрудняется и чувствуется съ сравнительно большею напряженностью, чѣмъ съ какою оно чувствовалось бы безъ бумажныхъ денегъ. Всякое расширеніе государственной дѣятельности, всякое преобразованіе ея, если для нихъ нужно возвышеніе расходовъ, значительно должны затрудняться и замедляться.

Раньше или позже, однако, когда дороговизна изъ дѣйствительной превращается въ номинальную, и правительство принуждено повысить подати. Тогда оно возвышаетъ и плату лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ. Но тогда все это выходитъ, какъ будто, уже запоздавшимъ и мало значущимъ измѣненіемъ. А если непрекращающіеся выпуски не даютъ дороговизнѣ стать номинальною, тогда все болѣе и болѣе становится настоятельною необходимость возвышенія податей. И въ то-же время все болѣе и болѣе затруднительною становится возможность этого возвышенія. Бѣдственное положеніе лицъ, страждущихъ отъ того, что они лишены «экономической независимости», тогда становится хроническимъ. При всеобщемъ неудовольствіи, подати непрерывно и прогрессивно должны возрастать. И не смотря на это, имъ приходится все менѣе и менѣе облегчать государственное хозяйство.

Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что изъ всѣхъ индивидуальныхъ хозяйствъ бумажно-денежной страны всего напряженнѣе потребность въ устраненіи бумажно-денежнаго долга чувствуется правительственнымъ хозяйствомъ. Потому что оно скорѣе отражаетъ на своемъ состояніи малѣйшія перемѣны въ цѣнѣ бумажныхъ денегъ. Незначительнѣйшія измѣненія въ этой цѣнѣ уже достаточны, чтобъ они представляли весьма крупныя суммы, взятыя въ ихъ отношеніи къ правительственному хозяйству. Ибо послѣднее включаетъ самые крупные доходы и расходы и производитъ весьма крупные обороты.

Несомнѣнно, что почти нѣтъ экономической болѣзни, которая требовала бы леченія съ такою настоятельностью, съ какою его требуютъ бумажныя деньги. Но не менѣе несомнѣнно, что врядъ-ли какая либо другая болѣзнь можетъ сравниться съ бумажно-денежною, по боли и тягостности состояній, вызываемыхъ леченіемъ и выздоровленіемъ. Трудности, сопряженныя съ устраненіемъ бумажно-денежной язвы, весьма разнородны и это-то еще болѣе увеличиваетъ ихъ силу.

Эти трудности, однако, могутъ быть сгруппированы въ двѣ категоріи. Однѣ изъ нихъ обусловливаются вышеразобранною борьбою между предпріимчивостью и собственною природою бумажныхъ денегъ изъ за высоты ихъ цѣны. Другія — чисто финансоваго свойства.

Мы видѣли, что раззорительныя тенденціи, кроющіяся въ самой природѣ бумажныхъ денегъ, вызываютъ противъ себя реакцію со стороны производительной предпріимчивости. Мы видѣли, что все значеніе этой реакціи исчерпывается стремленіями предпріимчивости—возвысить производительность народно-хозяйственныхъ силъ и средствъ и въ ней создать реальную почву для бумажныхъ денегъ. Очевидно, что если предпріимчивость бумажно-денежной страны обладаетъ способностью создать прочную почву для долговыхъ знаковъ правительственныхъ, враждебно относящихся къ производительности,—то значительно легче ей должно быть создать прочную почву для своихъ собственныхъ долговыхъ знаковъ, основан-

ныхъ на здоровомъ кредитѣ и живущихъ въ ладу съ производительностью. Ибо въ чемъ заключается прочная почва, создаваемая предпріимчивостью для бумажныхъ денегъ? Она заключается въ тѣхъ капиталахъ и вообще экономическихъ средствахъ, которые производительностью страны создаются уже послѣ выпуска бумажныхъ денегъ. Эти послѣднія, приводя въ полезное движеніе новосозданныя богатства, такимъ образомъ, и находятъ себѣ производительное занятіе и парализуются въ своихъ раззорительныхъ вліяніяхъ. Но развѣ новосозданныя богатства иначе и не могутъ быть приводимы въ движеніе, какъ бумажными деньгами?

Когда новосозданныя богатства, въ которыхъ выражаются успѣхи производительности страны, приводятся въ движеніе бумажными деньгами, это движеніе порождается чрезъ посредство орудій, представляемыхъ долговыми знаками. Но мы видѣли, что изъ всѣхъ долговыхъ знаковъ, способныхъ служить орудіями обращенія, самыя плохія — тѣ, которыя представляются бумажными деньгами. На какомъ же основаніи мы могли бы признать, что невозможна или безполезна замѣна такихъ долговыхъ знаковъ,— по которымъ обѣщанія не исполняются и которые свидѣтельствуютъ о несостоятельности,—лучшими долговыми знаками, по которымъ обѣщанія исполняются и которыя свидѣтельствуютъ о состоятельности? Разъ новосозданныя богатства обращаются путемъ долговыхъ знаковъ, очевидно, существуетъ интересъ, чтобъ эти долговые знаки были возможно лучшіе, возможно доброкачественнѣе. Менѣе же всего существуетъ интересъ, чтобъ долговые знаки были непремѣнно злокачественные.

Тѣмъ не менѣе, обыкновенно, когда заходитъ рѣчь объ исчезновеніи бумажныхъ денегъ, именно представители предпріимчивости поднимаютъ такіе крики, какъ еслибъ рѣчь шла объ устраненіи одной изъ важнѣйшихъ основъ производительности и благосостоянія страны. Отчего-же это происходитъ?

Мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ очень вѣскую причину, представляемую превратностью понятій и слишкомъ часто господствующимъ невѣжествомъ. Подъ этою формальною субъективною

причиною кроются обусловливающія ее, болѣе важныя, причины, матеріальныя и объективныя.

Изъ этихъ, болѣе глубокихъ, причинъ одна заключается въ недостаточной степени развитія кредита въ странѣ. Другая — заключается въ сомнительности тѣхъ богатствъ, которыя страна считаетъ почвою, поддерживающею бумажныя деньги.

Будемъ исходить изъ предположенія, что предпріимчивость успѣшно борется съ бумажными деньгами и съумѣла воспрепятствовать ихъ паденію. Предположимъ, что она съумѣла создать богатства, для которыхъ нужны орудія обращенія. Представители предпріимчивости будутъ совершенно правы, если они съ пренебреженіемъ будутъ относиться къ умозрѣніямъ, по которымъ важно лишь, чтобъ существовало богатство, подлежащее обращенію: орудія-же обращенія явятся-де сами собою. Съ неба эти орудія не падаютъ. Опытъ знаетъ много такихъ случаевъ, когда отсутствіе достаточнаго количества орудій обращенія, или достаточной скорости движенія у имѣвшихся орудій, вызывало весьма тягостное состояніе дѣлъ и пріостановки въ производительномъ движеніи народныхъ хозяйствъ. Фразы въ родѣ: «раньше или позже орудія должны явиться» для дѣйствительной жизни годятся только въ худшемъ случаѣ. Но худшимъ случаямъ люди имѣютъ всѣ основанія противиться. Люди хотятъ и должны жить *всегда*, а не «раньше или позже». Оттого «раньше или позже»—только утѣшеніе, съ которымъ можетъ бывать хорошо, но безъ котораго можетъ бывать еще лучше.

Вотъ почему должно признать, то при недостаточномъ развитіи кредита въ странѣ,—когда нѣтъ надежды на немедленную замѣну правительственныхъ долговыхъ знаковъ (бумажныхъ денегъ) долговыми знаками, основанными на свободномъ частномъ кредитѣ производительной предпріимчивости,—когда, между тѣмъ, объемъ существующихъ богатствъ требуетъ соотвѣтственной массы орудій обращенія,—когда предпріимчивости, за невозможностью поддерживать своею производительностью свой собственный кредитъ, волею-неволею приходится ограничиваться ролью поддержки пра-

вительственнаго кредита,—когда, наконецъ, эту роль предпріимчивости удается выполнять весьма успѣшно,—тогда, дѣйствительно, представители предпріимчивости могутъ требовать отъ правительства, чтобъ имъ постепенно были переданы «бразды правленія» въ дѣлѣ обращенія богатствъ. Но тогда они не только могутъ, но и должны это требовать. Время имъ нужно не для того, чтобъ насладиться какими либо еще неисчерпанными прелестями бумажныхъ денегъ. Никакихъ, ни такихъ, ни-же иныхъ прелестей бумажныя деньги не представляли и не представляютъ. Время нужно предпріимчивости единственно для того только, чтобъ въ теченіе его могла быть развита надлежащая система частнаго кредита и соотвѣтственная банковая сѣть. Во всякомъ случаѣ, предпріимчивость пуждается, чтобъ ей передано было дѣло регулированія (приведенія въ порядокъ) механизма обращенія. Медленно-постепенно, правда, но неотложно и непрерывно, во всякомъ случаѣ, должно происходить извлеченіе изъ обращенія бумажныхъ денегъ и замѣна ихъ билетами, чеками и вообще кредитами банковъ, основанныхъ на свободной иниціативѣ и на полной состоятельности.

Мы исходимъ изъ предположенія, что богатство, подлежащее обращенію, производительною предпріимчивостью создано. Чѣмъ больше ею создано богатства, тѣмъ больше она нуждается въ орудіяхъ обращенія. Но если созданное богатство приводится въ обращеніе долговыми знаками, это значитъ, что богатство играетъ роль *ссуднаго* капитала. Кто за свое богатство получилъ правительственный долговой (бумажно-денежный) знакъ, тотъ сдѣлалъ изъ своего богатства ссудный капиталъ, который онъ довѣрилъ правительству.

Понятно, однако, что если въ оборотѣ оказывается масса капиталовъ, которые способны превращаться въ ссудные, то это означаетъ, что существуетъ главное основаніе, на которомъ можетъ развиться кредитъ. Для развитія кредита нужно, главнѣйшимъ образомъ, чтобъ непремѣнно существовали капиталы, которые ему пришлось бы приводить въ движеніе. Разъ несомнѣнно суще-

ствованіе этихъ капиталовъ, развитіе кредита зависитъ уже отъ самой предпріимчивости. Она сама въ своихъ рукахъ держитъ средство, которое въ состояніи излечить ее отъ язвы и сообщить ей крѣпость и здоровье.

Доводъ, что съ исчезновеніемъ бумажныхъ денегъ «не будетъ денегъ» или «будетъ меньше денегъ»—не выдерживаетъ, слѣдовательно, даже снисходительной критики. Насколько доводъ не лишенъ смысла, онъ означаетъ, что—замѣну бумажныхъ денегъ доброкачественными орудіями обращенія должно вести осторожно. Но осторожно должно вести всякое дѣло и неосторожность никто не отстаиваетъ. Тамъ, гдѣ для бумажныхъ денегъ находилась хорошая почва, для солидныхъ и доброкачественныхъ кредитныхъ орудій обращеній почва и подавно найдется.

Иное намъ представляютъ случаи, когда подъ бумажными деньгами нѣтъ почвы, созданной производительною предпріимчивостью. Въ подобномъ случаѣ важная особенность ихъ отличаетъ отъ солидныхъ кредитныхъ орудій обращенія. Послѣднія безъ прочной почвы совсѣмъ существовать не могутъ. Напротивъ, бумажныя деньги являются, не справляясь, будетъ-ли имъ на чемъ держаться, или не будетъ. Кредитный знакъ возникаетъ только послѣ того, какъ предпріимчивость была вооружена капиталомъ. Напротивъ, бумажныя деньги могутъ возникать даже тогда, когда у предпріимчивости было отнято послѣднее ея достояніе, когда она совершенно была разоружена. Кредитный знакъ представляетъ обѣщаніе, которое даетъ предпріимчивость, имѣющая прочную опору въ своей собственной осторожно-разобранной производительности и въ полученномъ ею капиталѣ. Напротивъ, бумажныя деньги,—если онѣ и получаютъ цѣнность отъ обѣщанія предпріимчивости, что она для нихъ въ будущемъ создастъ почву,—могутъ быть лишены, однако, всякой опоры, которая обезпечивала бы исполненіе этого обѣщанія. Обѣщаніе можетъ быть чистѣйшимъ хвастовствомъ и лишеннымъ всякой солидной основы. Оно можетъ быть совершенно недостойно довѣрія. Оно можетъ быть основано на одной только расходившейся фантазіи, потерявшей всякое родство съ сознаніемъ возможнаго

и невозможнаго. Такъ какъ бумажныя деньги поневолѣ принуждены довольствоваться всякою почвою, то, за неимѣніемъ лучшей, онѣ должны удовлетворяться и почвою фантастической предпріимчивости. И въ бумажныхъ деньгахъ одна изъ ихъ важнѣйшихъ особенностей—та, что онѣ весьма легко могутъ сами вызывать фантастическую предпріимчивость. Сколько бы правительство ни выпускало бумажныхъ денегъ, всегда найдутся хвастуны, которые будутъ браться за то, чтобъ съ ними производить «выгодные обороты». И вотъ эти-то хвастуны обыкновенно всего болѣе и начинаютъ вопить, когда рѣчь заходитъ объ устраненіи того, чѣмъ они только и держатся.

Насколько производительность страны не въ состояніи поддерживать бумажныхъ денегъ, настолько ихъ, конечно, никакой кредитъ не въ состояніи будетъ замѣнить. Но въ той мѣрѣ, въ какой кредитъ не въ состояніи замѣнить бумажныхъ денегъ, въ той мѣрѣ онѣ производительности не служатъ, опоры въ ней лишены и народное хозяйство раззоряютъ.

Важная причина, по которой многіе съ боязнью смотрятъ на устраненіе бумажныхъ денегъ, заключается въ весьма вѣрномъ ожиданіи ихъ, что нельзя будетъ больше удить въ той мутной водѣ, которою орошается поле предпріимчивости, благодаря бумажнымъ деньгамъ. Быстрыхъ толчковъ и возможности скорыхъ и неожиданныхъ обогащеній больше уже не будетъ. Правда, за то конецъ будетъ и неожиданнымъ раззореніемъ. Но на это обращаютъ меньше вниманія.

Не менѣе боязни вызываютъ ожидаемыя перемѣны въ товарныхъ цѣнахъ. Необходимо различать двоякій характеръ перемѣнъ, вызываемыхъ устраніемъ бумажныхъ денегъ. Одинъ характеръ эти перемѣны имѣютъ, если онѣ происходятъ въ періодѣ, когда дороговизна, вызванная бумажными деньгами, еще дѣйствительная. Другой характеръ перемѣны имѣютъ, когда дороговизна стала уже только номинальною.

При дѣйствительной дороговизнѣ предприниматели смотрятъ на высокія цѣны, какъ на вполнѣ законныя, обусловливающіяся про-

изводственными отношеніями и независимыя отъ вліяній бумажныхъ денегъ. По господствующимъ взглядамъ предпринимателей, высокія цѣны тогда только источникъ увеличивающихся прибылей. Если устраненіе бумажныхъ денегъ понизитъ эти высокія цѣны, оно уменьшитъ прибыли предпринимателей. То есть, доходность ихъ предпріимчивости насильственно будетъ подведена подъ кризисъ. Если на возвышенную доходность предприниматели предварительно разсчитывали, — если въ разсчетѣ на ея плоды предприниматели расширили свои обязательства, — пониженіе прибылей приведетъ ихъ къ несостоятельности и раззоритъ ихъ. Напротивъ, при номинальной дороговизнѣ, всѣ потребители и производители не имѣютъ никакого интереса въ данной высотѣ цѣнъ. Они ничего не потеряютъ, если, проснувшись въ одно прекрасное утро, они найдутъ всѣ товары сразу понизившимися въ своей цѣнѣ. Они имѣютъ только одинъ интересъ, чтобъ перемѣна, дѣйствительно, произошла сразу во всѣхъ цѣнахъ, чтобъ она произошла возможно быстрѣе и рѣшительнѣе.

Но никакая власть не въ состояніи взять на себя непогрѣшимое разрѣшеніе вопроса о томъ, какая въ странѣ стоитъ дороговизна: дѣйствительная-ли, или только номинальная. На какомъ-же основаніи возможно какое-бы то ни было предусмотрѣніе характера перемѣнъ, предстоящихъ для товарныхъ цѣнъ? Такого основанія нѣтъ. Но оно и ненужно.

Ибо, если дороговизна — только номинальная, то перемѣна въ товарныхъ цѣнахъ безвредна. Если-же дороговизна была дѣйствительная, то послѣдствія перемѣны въ цѣнахъ зависятъ отъ основаній самой дороговизны, а не отъ того, что бумажныя деньги будутъ устранены. Ибо устраненіе бумажныхъ денегъ вовсе не должно необходимо производить перемѣны во всякихъ товарныхъ цѣнахъ и при всѣхъ условіяхъ.

Если дороговизна имѣла основанія въ производственныхъ отношеніяхъ и не имѣла внутренней связи съ бумажными деньгами, то понятно, что и устраненіе бумажныхъ денегъ, — какъ устраненіе причины, съ которою онѣ не состояли во внутренней связи, —

совсѣмъ и не повліяетъ на ихъ высоту. Если эту высоту прежде поддерживали бумажныя деньги, то не въ силу какой-либо своей собственной внутренней крѣпости, а въ силу производственныхъ отношеній, при которыхъ онѣ дѣйствовали,—въ силу капиталовъ и иныхъ производительныхъ средствъ, которыя имъ служили почвою. Но на этой почвѣ можетъ развиться и кредитъ, который также въ состояніи будетъ поддерживать цѣны на данной высотѣ, не смотря ни на какія перемѣны въ бумажно-денежномъ обращеніи.

Если-же дороговизна находилась во внутренней связи съ бумажными деньгами и только ими однѣми обусловливалась, то, *во-первыхъ*, такая дороговизна могла быть только временная. Раньше или позже, она должна была повлечь за собою несостоятельность, если въ разсчетѣ на доставляемыя ею прибыли предприниматель вошелъ въ новыя обязательства, расширилъ свои покупки и т. д. Несостоятельность здѣсь необходимое послѣдствіе природы вліяній, оказываемыхъ бумажными деньгами. *Во-вторыхъ*, если бумажныя деньги, порождая временно дѣйствительную дороговизну, и даютъ возможность нѣкоторымъ изъ предпринимателей получать исключительныя прибыли и наживаться на счетъ потерь другихъ предпринимателей или потребителей, — если даже признавать полную законность и подобныхъ прибылей, пока условія имъ благопріятствуютъ,—то безразсудно требовать отъ правительства, чтобъ оно сознательно потворствовало искусственной дороговизнѣ и безтрудовой наживѣ. Безразсудно требовать, чтобъ правительство благопріятствовало исключительной прибыльности однѣхъ категорій предпріятій сравнительно съ другими (и, притомъ, предоставляя случаю рѣшить, *какихъ именно*) только потому, что данная категорія предпринимателей. потерявъ свои исключительныя прибыли, раззорится. Ихъ исключительныя прибыли вѣдь не были плодомъ ихъ дѣятельности. Если-же они дальнѣйшую свою дѣятельность основали на шаткой почвѣ подобныхъ прибылей,—то одно изъ двухъ: или ихъ дѣятельность сама обладаетъ достаточною силою, чтобъ укрѣпить подъ собою почву. Тогда ей поможетъ кредитъ и безъ бумажныхъ денегъ. Или-же она внутреннихъ силъ лишена и случайно только

держалась случайно прилившими къ ней прибылями. Но тогда она и безъ того лишена была гарантій, что прибыли при ней останутся и не уйдутъ такъ-же, какъ пришли. Короче: или высокія цѣны имѣютъ прочное основаніе и тогда на прочномъ основаніи ихъ поддержитъ и кредитъ, — или-же высокія цѣны лишены прочнаго основанія,—тогда онѣ понизятся и безъ устраненія бумажныхъ денегъ и все-таки принесутъ съ собою раззореніе. Въ тѣхъ-же одинокихъ случаяхъ, когда цѣны, лишенныя внутренней прочной основы, поддерживаются однѣми только бумажными деньгами, а солиднымъ кредитомъ вовсе и не могли-бы быть поддерживаемы, это именно и доказываетъ зловредное вліяніе бумажныхъ денегъ, ради устраненія котораго сами бумажныя деньги и должны быть устранены.

Переходимъ, наконецъ, къ финансовой сторонѣ вопроса объ устраненіи бумажно-денежнаго долга. Въ этой сторонѣ необходимо различать *паллъятивныя* мѣры, которыхъ цѣль—вызвать переходный періодъ къ возстановленію нормальнаго состоянія, и *радикальныя* мѣры, имѣющія цѣлью—окончательное устраненіе бумажно-денежнаго долга.

Путемъ паллъятивныхъ мѣръ правительства обыкновенно стремятся парализовать раззорительныя вліянія бумажныхъ денегъ Онѣ направлены противъ лажа и его колебаній и имѣютъ своимъ основаніемъ мысль, будто лажъ представляетъ собою ту точку, въ которой сосредоточиваются *всѣ* раззорительныя вліянія бумажныхъ денегъ.

Но мы видѣли, что эта мысль—ошибочная. Лажъ обнаруживаетъ только одну сторону обезцѣненія бумажекъ. Кромѣ этой стороны, обезцѣненіе имѣетъ, однако, еще другую, съ которою первая можетъ совсѣмъ и не находиться ни въ какой связи. Бумажки могутъ обезцѣниваться не только сравнительно съ драгоцѣнными металлами, но и сравнительно со всякимъ инымъ имуществомъ. Эти двѣ стороны обезцѣненія совершенно другъ отъ друга независимы и самостоятельны, онѣ даже не замкнуты въ одинаковые предѣлы. Мы видѣли, что если лажъ и можетъ служить указателемъ,

то онъ можетъ служить и фальшивымъ указателемъ. Вотъ почему правительственныя мѣры, направленныя на лажъ съ намѣреніемъ противудѣйствовать *всякому* обезцѣненію бумажекъ, справедливо сравнивали съ образомъ дѣйствія человѣка, мерзнущаго въ холодной комнатѣ, своимъ собственнымъ дыханіемъ подогрѣвающаго термометръ и—утѣшающагося тѣмъ, что термометръ не показываетъ сильнаго холода.

Такъ какъ намѣренія, съ которыми правительства прибѣгаютъ къ своимъ паллятивамъ, не соотвѣтствуютъ природѣ принимаемыхъ мѣръ, то мы можемъ ихъ оставить въ сторонѣ. Мы можемъ сосредоточить нашъ разборъ на одиихъ только мѣрахъ. Важно будетъ, однако, при этомъ помнить, что цѣлый рядъ явленій, въ которыхъ выражается обезцѣненіе бумажныхъ денегъ и которыя для народнохозяйственныхъ интересовъ имѣютъ наибольшее значеніе, остаются внѣ круга вліяній правительственныхъ мѣръ и продолжаютъ свидѣтельствовать о бѣдствованіи народнаго хозяйства.

Выше мы уже разсмотрѣли тѣ мѣры, которыя правительство принимаетъ, чтобъ устранить вредныя вліянія колебаній лажа на собственное свое хозяйство. Правительство въ этомъ случаѣ принимаетъ на себя роль спекулянта, противудѣйствующаго лажу. Эту роль мы охарактеризовали, какъ благодѣтельную, при тѣхъ условіяхъ, которыя ее дѣлаютъ необходимою. Несомнѣно, во всякомъ случаѣ, что если правительство ничего не въ состояніи предпринимать болѣе радикальнаго противъ бумажныхъ денегъ, то полезны и мѣры противъ колебаній лажа. Лучше что нибудь, чѣмъ ровно ничего. Тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ непринятіе заблаговременно тѣхъ или иныхъ мѣръ противъ колебаній лажа выражало бы крайнюю близорукость и полное непониманіе фактическихъ отношеній. Когда правительству предстоитъ полученіе изъ заграницы звонкихъ денегъ, то, конечно, близоруко было бы, если-бъ оно дало имъ сильно понизить вексельный курсъ. Ибо это дало бы только частнымъ спекулянтамъ возможность запастись дешевыми звонкими деньгами, чтобъ «содрать» съ правительства, когда ему эти звонкія деньги понадобятся. Вотъ почему благоразум-

ное правительство будетъ стремиться пользоваться *всякою* представляющеюся возможностью заблаговременно запасаться дешевыми звонкими деньгами. Конечно, для этого необходимо, чтобъ правительство вникало въ дѣло. Но вѣдь и не необходимо правительству не вникать въ него.

Но возможности, которыя представляются правительству заблаговременно запасаться дешевыми звонкими деньгами, бываютъ двоякія. Однѣ изъ нихъ—какъ бы случайныя. Другія нарочно и искусственно установляются. Первыя представляются, напримѣръ, когда правительство заключаетъ заграницею займы для желѣзнодорожныхъ построекъ. Совершенно цѣлесообразно правительство можетъ воспользоваться въ подобномъ случаѣ дешевыми звонкими деньгами для своихъ заграничныхъ платежей, а израсходованное возмѣстить изъ своихъ обыкновенныхъ доходовъ: для мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ платежей, все равно, нужны не звонкія деньги. Иное усматривается тогда, когда правительство нарочно заключаетъ заграничные займы, чтобъ имѣть заграницею звонкія деньги. Тогда оно только обременяетъ народное хозяйство новою тягостью отъ платежа процентовъ по означеннымъ займамъ и увеличиваетъ свои собственные платежи заграницу. Тѣмъ и другимъ оно парализуетъ для себя возможность выгадывать отъ уменьшенія колебаній лажа.

Рѣшительно все равно, держитъ-ли себя правительство въ сторонѣ отъ предпринимательской спекуляціи на лажъ и собственными своими органами запасается звонкими деньгами и ихъ расходуетъ,—или оно вторгается въ предпринимательскую сферу и является конкурентомъ предпринимателей, то предъявляя спросъ на звонкія деньги и заграничные векселя, то предъявляя предложеніе ихъ. Его тогда постигаетъ судьба всякаго спекулянта. Иногда правительство выигрываетъ, иногда оно проигрываетъ. Въ исключительное положеніе оно можетъ попадать развѣ въ томъ смыслѣ, въ какое можетъ попасть одинъ какой либо предприниматель, вооруженный лучшими средствами, т. е. болѣе предпріимчивый и имѣющій больше капиталовъ. Но на такую роль правительства рѣдко бываютъ спо-

собны. Въ пользу правительствъ обыкновенно дѣлаются неудачныя или менѣе удачныя спекуляціи. Дѣятельность, производящая операціи въ правительственныхъ интересахъ, не можетъ беззавѣтно отдаваться побужденію, представляемому тою или иною перемѣною въ данной цѣнѣ. Это возможно лишь для частной предпріимчивости, для которой перемѣна въ цѣнѣ, обусловливаемая удачами производительности, даетъ возможность побороть соперниковъ и добиться собственнаго благосостоянія во что бы то ни стало.

Гораздо болѣе важною мѣрою, чѣмъ правительственная спекуляція на лажъ, является другая мѣра — образованіе запаса звонкихъ денегъ не для израсходованія ихъ по текущимъ платежамъ, а для «будущихъ» надобностей,—когда придется приступать къ радикальному окончательному устраненію бумажныхъ денегъ.

Если правительство начинаетъ образовывать болѣе или менѣе значительный запасъ звонкихъ денегъ съ подобною цѣлью, то это указываетъ на существующее предположеніе, что для устраненія бумажныхъ денегъ нужно сначала обладать такимъ запасомъ. Съ перваго раза это предположеніе кажется весьма естественнымъ. Бумажныя деньги обѣщаютъ звонкія деньги. Слѣдовательно, когда правительство, наконецъ, рѣшится на разсчетъ съ кредиторами по бумажно-денежному долгу, то оно должно будетъ доставить то, что его долговые знаки обѣщаютъ. Для этого-то ему и нужны звонкія деньги, заблаговременно запасаемыя.

Но мы знаемъ, что хотя звонкія деньги представляютъ способъ для погашенія *всякаго* рода долговъ, онѣ, однако, не представляютъ единственнаго способа для погашенія долговъ. Кромѣ нихъ, долги могутъ быть погашаемы долгами-же. Ясно въ такомъ случаѣ, что если правительство припасаетъ звонкія деньги, то значитъ—*оно предпочитаетъ одинъ способъ другому.*

Если правительство образуетъ свой запасъ звонкихъ денегъ изъ излишковъ отъ своихъ налоговыхъ доходовъ, то противъ звонко-денежнаго запаса правительства возможны развѣ тѣ возраженія, которыя дѣлаются вообще противъ образованія правительственныхъ запасовъ. Эти запасы представляютъ сознательно умерщ-

вляемые капиталы. Но въ бумажно-денежной странѣ звонкія деньги—все равно—не могутъ оставаться въ обращеніи. И если правительство еще рѣшается передать свой звонко-денежный запасъ вкладомъ на текущій счетъ въ солидныя руки заграничныхъ банковъ или банкировъ, то оно окончательно устраняетъ всякія возраженія, направленныя противъ его запаса.

Но правительство можетъ стремиться къ образованію своего запаса, хотя налоги вовсе не даютъ ему никакихъ излишковъ. Оно можетъ для этого пользоваться или своимъ возстановленнымъ кредитомъ или же нарочно для покупки драгоцѣнныхъ металловъ выпускать новыя бумажныя деньги.

Если правительство заимствуетъ средства для своего запаса изъ заграничныхъ займовъ, то опять-таки оно можетъ устроить свое дѣло съ устраненіемъ всякихъ возможныхъ возраженій. Оно, правда, обременяетъ народное хозяйство тяжестью процентовъ по новымъ займамъ. Но это дѣлается въ виду устраненія другой тягости, обременяющей народное хозяйство въ лажѣ. Правительство, рѣшившись на бумажно-денежные выпуски, взяло на себя ту вину, что изъ за него народное хозяйство потеряло свой звонко-денежный запасъ. И вотъ правительство старается устранить порожденное имъ зло и облегчаетъ народному хозяйству возможность возстановленія этого запаса. Потому правительство и отдаетъ предпочтеніе погашенію бумажно-денежнаго долга звонкими деньгами всякому иному способу погашенія долга. За это народное хозяйство можетъ быть только признательно своему правительству.

Если-же правительство образуетъ свой звонко-денежный запасъ чрезъ посредство новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, которые оно расходуетъ на покупку драгоцѣнныхъ металловъ, то возникаютъ два вопроса. Одинъ касается природы образующагося, такимъ образомъ, звонко денежнаго запаса. Другой касается природы вліяній, оказываемыхъ ново-выпускаемыми бумажными деньгами.

Прежде всего очевидно различіе между звонкими деньгами, получаемыми отъ долгосрочныхъ займовъ или отъ бюджетныхъ остатковъ, и тѣми звонкими деньгами, которыя покупаются на бумаж-

ныя деньги. Первыя безъ всякихъ хитростей принадлежатъ правительству. Правительство ничѣмъ не стѣснено въ распоряженіи ими. Онѣ представляютъ въ правительственныхъ кассахъ совершенно-свободные капиталы. Съ ними правительство вольно производить, что ему заблагоразсудится. Оно можетъ ихъ передать народному хозяйству. Тогда народному хозяйству нечего будетъ опасаться, что у него обратно отнимутъ возвращенныя ему звонкія деньги.

Иное представляютъ звонкія деньги, которыя «покупаютъ» за бумажныя деньги. Въ строгомъ, справедливомъ и правдивомъ смыслѣ слова, за бумажныя деньги правительство *ничего* не можетъ «покупать». Бумажными деньгами правительство можетъ только или насильно отбирать, или занимать какое бы то ни было чужое имущество. «Покупая» звонкія деньги за бумажныя, правительство только *занимаетъ* звонкія деньги. Готовности отдавать правительству звонкія деньги за бумажныя можетъ существовать безконечная и безграничная масса. Но дѣло не въ ней. Когда правительству приходится съ насиліемъ «покупать» звонкія деньги за бумажныя, то это ужъ очень скверно. Но если правительство покупаетъ и безъ насилія, то отъ одного этого дѣло еще не становится хорошимъ. «Покупки» драгоцѣнныхъ металловъ бумажными деньгами увеличиваютъ бумажно-денежный долгъ. Насколько правительство заготовляетъ себѣ средства для рѣшенія своей задачи, настолько оно расширяетъ самую задачу. И, при этомъ, оно еще должно расходоваться на лажъ. Хорошо, если оно не должно и для этаго выпускать новыя бумажныя деньги. Ибо если оно для лажа должно тоже выпускать бумажныя деньги, то задача расширяется больше, чѣмъ сколько получается средствъ для ея разрѣшенія. Но если даже бумажно-денежные выпуски растутъ совершенно параллельно выростанію звонко-денежнаго запаса, то запасъ не годится для той цѣли, для которой его образуютъ. Почему? Потому, что онъ не состоитъ изъ совершенно-свободныхъ капиталовъ. Для его пріобрѣтенія правительство не только вошло вообще въ долгъ: оно вошло въ *безсрочный* долгъ. По этому долгу у него во всякое данное время могутъ обратно потребовать занятыя имъ звонкія

деньги. Въ самомъ лучшемъ случаѣ правительство въ состояніи будетъ воспользоваться частью своего звонкаго запаса и его передать народному хозяйству. Другую-же часть оно должно будетъ держать на готовѣ для всякаго возможнаго случая, когда у него обратно потребуютъ переданный ему капиталъ. Ибо, раньше или позже, оно вѣдь перестанетъ встрѣчать своихъ кредиторовъ съ отказомъ въ платежѣ. Пока оно встрѣчаетъ ихъ съ такимъ отказомъ, оно можетъ удерживать за собою свой запасъ. Но тогда запасъ удерживается путемъ насильственнаго мѣропріятія. И тогда онъ еще лишенъ практическаго значенія. Практическое значеніе онъ можетъ получить съ предоставленіемъ кредиторамъ права требовать исполненія по бумажно-денежному долгу. Но тогда правительству можетъ быть предъявлена не только одна *часть* бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ для покупки товара, но и всѣ бумажки. И тогда-то окажется, что запасъ былъ совершенно напрасно накопленъ. Правительство ничего не въ состояніи будетъ передать народному хозяйству.

Весь-ли запасъ звонкихъ денегъ будетъ обратно взятъ у правительства, или не весь, зависитъ, конечно, отъ того, сколько бумажныхъ денегъ обратно притекутъ къ правительству съ требованіемъ платежа по нимъ. Но обратный притокъ бумажекъ зависитъ самъ отъ того, имѣютъ-ли онѣ какое либо производительное дѣло въ оборотѣ, или онѣ лишены занятія. Очевидно, что въ такихъ случаяхъ большую важность пріобрѣтаетъ другой вопросъ: находились-ли въ оборотѣ «излишнія» бумажки еще до образованія звонкаго запаса и послѣдовавшихъ для него новыхъ выпусковъ,— или не находились. И, затѣмъ, не менѣе важенъ еще и другой вопросъ: порождаютъ ли новые выпуски «излишнія» бумажки, если таковыхъ до того не было,—или не порождаютъ.

Если вообще рѣшеніе вопроса о существованіи или отсутствіи въ обращеніи «излишнихъ» бумажекъ—очень трудно, то оно значительно облегчается, когда мы имѣемъ въ виду только отношеніе бумажныхъ денегъ къ звонкимъ деньгамъ. Всякая бумажка, выражающая такой спросъ на драгоцѣнные металлы, при которомъ

она готова примириться съ лажемъ, выражаетъ готовность обмѣнять бумажныя деньги на звонкія. Лажъ доказываетъ весьма сильную готовность обмѣнивать бумажныя деньги на звонкія. Ясно, слѣдовательно, что прибавлять къ старымъ бумажкамъ еще новыя въ то время, когда въ странѣ существуетъ лажъ, значитъ, во всякомъ случаѣ, усиливать спросъ на звонкія деньги.

Если новыя бумажныя деньги, выпущенныя для покупки драгоцѣнныхъ металловъ, начинаютъ оказывать вліяніе на лажъ, то это, безъ сомнѣнія, доказываетъ, что съ ними въ оборотѣ явились «излишнія» бумажки. Понятно, что если правительство продолжаетъ свои покупки драгоцѣнныхъ металловъ на бумажныя деньги, которыя, по мѣрѣ своихъ выпусковъ, загоняютъ лажъ все выше и выше,—то это означаетъ безпримѣрнѣйшую близорукость. Ибо, въ подобномъ случаѣ, правительство все болѣе и болѣе раззоряется на лажъ, расширяетъ предстоящую ему задачу и можетъ уже навѣрное разсчитывать, что, въ моментъ предоставленія свободы обратному притоку бумажекъ, у него до тла опустошатъ кассу.

Если-же нововыпускаемыя бумажныя деньги на лажъ никакого вліянія не оказываютъ, то это свидѣтельствуетъ о стремленіи бумажекъ найти себѣ занятіе на внутреннихъ рынкахъ народнаго хозяйства. По мѣрѣ выпусковъ, бумажки будутъ притекать къ банкамъ и поднимать ихъ вклады на тѣкущіе счеты. На банки перемѣщена будетъ забота, во что бы то ни стало, разъискать производительное занятіе бумажкамъ. Чѣмъ болѣе и скорѣе выпуски будутъ наростать, тѣмъ тяжелѣе будетъ становиться задача банковъ. Правительство въ состояніи выпускать новыя бумажки съ гораздо большею скоростью, чѣмъ съ какою у народнаго хозяйства увеличиваются его производительныя силы. Понятно въ такомъ случаѣ, что, вслѣдствіе того, банки должны будутъ становиться все менѣе и менѣе разборчивыми при разъисканіи занятія для бумажекъ,—или же банкамъ придется нести потери, если проценты, ими уплачиваемые по вкладамъ на текущіе счеты, не будутъ ими обратно выручаемы. Банки или должны будутъ сами раззориться, или они все ближе и ближе должны будутъ пододвигать къ раззоренію міръ

предпринимателей, прельщаемый обильнымъ предложеніемъ «денегъ». Кончаться дѣло будетъ тѣмъ, что если новыя бумажки не будутъ вызывать кризисовъ въ лажѣ и не будутъ обезцѣниваться сравнительно съ драгоцѣнными металлами,—то онѣ непрерывно будутъ вызывать кризисы, то въ одной, то въ другой отрасли внутренней торгово-промышленной дѣятельности, а обезцѣниваться будутъ сравнительно съ товарами.

Если новыя бумажки, на которыя «покупаютъ» золото, явятся въ такое время, когда въ странѣ уже стоитъ дороговизна, то *дѣйствительную* дороговизну онѣ сдѣлаютъ еще болѣе невыносимою, а номинальную онѣ превратятъ въ дѣйствительную. Являясь въ періодъ, когда всѣ чувствуютъ дороговизну, новыя бумажки приносятъ съ собою «излишнія» орудія обращенія. Пока внутренній оборотъ отрѣзанъ отъ своей связи съ торгово-промышленною дѣятельностью, направленной на заграничныя сношенія (см. выше), онъ можетъ и не оказывать непосредственнаго вліянія на спросъ на звонкія деньги. Но какъ только правительство откроетъ свободный притокъ бумажныхъ денегъ и выразитъ готовность разсчитываться по нимъ, — къ казнѣ притекутъ не только тѣ бумажки, которыя вліяютъ на лажъ, но и тѣ, которыя вліяютъ возвышающимъ образомъ на цѣны товаровъ, даже только мѣстнаго производства и потребленія.

Такимъ образомъ, если правительство, выпуская бумажки, думаетъ объ одной только высотѣ своего звонкаго запаса и совсѣмъ не справляется съ судьбою бумажекъ по выпускѣ ихъ, то природа этихъ бумажекъ ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ, которыя выпускаются для надобностей войны. Если правительство *безгранично* готово «закупать» всякій металлъ, сколько бы ему таковаго ни предлагали, то оно *не можетъ* уже справляться съ будущею судьбою выпускаемыхъ имъ бумажекъ. Но въ такомъ случаѣ оно лишаетъ себя всякаго основанія, по которому оно могло бы разсчитывать, что хоть часть «закупаемаго» имъ металла у него же останется.

Совершенно ошибочно, однако, было бы думать, что операція

покупки драгоцѣнныхъ металловъ, путемъ выпуска новыхъ бумажныхъ денегъ, при всѣхъ обстоятельствахъ, непремѣнно и всегда, иначе и не можетъ оказаться, кромѣ какъ вредною.

Операція покупки драгоцѣнныхъ металловъ, съ помощью выпусковъ бумажныхъ денегъ, можетъ получить весьма важное положительное значеніе, *если выпуски имѣютъ только временное значеніе и правительство само всегда спѣшитъ, чтобъ оно первое воспользовалось обиліемъ «денегъ», которое порождается выпусками.* Новыя бумажныя деньги, являясь въ оборотѣ, представляютъ собою то, что, по эмпирическимъ взглядамъ, считаютъ «свободнымъ капиталомъ». Но если бумажныя деньги и не представляютъ свободнаго капитала, то онѣ очень годятся для займа. Внутренній заемъ, объявленный одновременно съ появленіемъ новыхъ бумажекъ, или съ такими сроками взносовъ, которые соотвѣтствуютъ періодамъ, слѣдующимъ за покупками драгоцѣнныхъ металловъ, — такой заемъ, какъ прямо разсчитанный на «деньги», *совсѣмъ еще не нашедшія себѣ занятія*, встрѣтилъ бы всего менѣе затрудненій. Онъ превращалъ бы безсрочный долгъ бумажно-денежный въ долгосрочный и этимъ *совершенно измѣнялъ бы природу звонко-денежнаго запаса.* Вмѣстѣ съ тѣмъ, устранены были бы всѣ раззорительныя вліянія новыхъ бумажныхъ денегъ. Имъ совсѣмъ и не дано было бы времени оказать какое бы то ни было вліяніе.

Конечно, такіе займы обходились бы не дешево. Предполагая, напримѣръ, что дѣло идетъ о звонко-денежномъ запасѣ въ 100 милліоновъ рублей и о превращеніи соотвѣтственныхъ 100 милліоновъ изъ безсрочнаго бумажно-денежнаго долга въ долгосрочный, при 15% лажѣ, при цѣнѣ новыхъ 5% облигацій въ 90, и погашеніи въ 1%,—вся операція обходилась бы приблизительно въ 8%. Но за то правительство, разсчитываясь съ кредиторами по бумажно-денежному долгу, дѣйствовало бы не изъ однихъ эгоистическихъ фискальныхъ интересахъ, но и въ интересовъ государственнаго благоустройства.

Окончательное устраненіе бумажно-денежнаго долга можетъ имѣть

своимъ основаніемъ одни только фискальные интересы, или, сверхъ того, еще и интересы государственнаго благоустройства. Съ точки рѣнія первыхъ интересовъ безразлично, какой способъ правительство употребляетъ, чтобы погасить свой бумажно-денежный долгъ: употребляетъ ли оно для этого долгосрочныя облигаціи, которыя оно выдаетъ предъявителямъ бумажныхъ денегъ вмѣсто этихъ послѣднихъ, или звонкія деньги. Напротивъ, съ точки зрѣнія государственнаго благоустройства, весьма важно, чтобъ правительство хоть часть своего долга уплатило наличными деньгами.

Подобно уплатѣ всякаго долга, и уплата бумажно-денежнаго долга можетъ происходить или изъ средствъ, которыя у правительства остаются излишними отъ обыкновенныхъ его расходовъ, или изъ средствъ отъ налоговъ, нарочно для того установляемыхъ, или, наконецъ, изъ средствъ отъ долгосрочныхъ займовъ.

Первые два пути имѣютъ смыслъ только тогда, когда они сразу даютъ возможность *скоро* погасить бумажно-денежный долгъ. Тогда они имѣютъ преимущество предъ займомъ, затягивающимъ на долго бремя, сопряженное съ расходомъ процентовъ по нему. Если же бумажно-денежный долгъ великъ, и первые два пути даютъ мало средствъ,—такъ что, съ ихъ помощью, дѣло погашенія пойдетъ медленно,—тогда, понятно, заемъ имѣетъ предъ ними важное преимущество. Онъ сразу даетъ большую массу средствъ, предоставляющую большую свободу для правительственныхъ дѣйствій. Затѣмъ, излишки или доходы отъ спеціальныхъ налоговъ съ большимъ удобствомъ будутъ медленно погашать долгосрочный долгъ, а не краткосрочный.

Долгосрочные займы составляютъ нормальный источникъ для погашенія бумажно денежнаго долга, потому что они даютъ больше свободы для дѣйствій и меньше обременяютъ народное хозяйство.

Возможность долгосрочнаго займа въ томъ или другомъ его размѣрѣ, прежде всего, зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ налоговые источники правительства способны принять на себя бремя процентовъ и погашенія по долгу (отъ *внутренней* кредитоспособности государства) и въ какой мѣрѣ существуютъ капиталы,

готовые довѣриться правительству (*внѣшняя* кредитоспособность). Само собою разумѣется, что если та или другая мѣра равна нулю, то это значитъ, что правительство лишено кредитоспособности. Если налоговые источники не способны выносить тяжесть процентовъ по займу, правительство лишено *внутренней* способности пользоваться кредитомъ, хотя владѣльцы капиталовъ могутъ этого и не знать. Ихъ готовность довѣрить капиталы правительству еще не все въ государственномъ кредитѣ

Если мы говоримъ объ устраненіи бумажно-денежнаго дѣла, то для этого мы должны предположить, что кредитоспособность (и внутренняя, и внѣшняя) у правительства имѣется. Спрашивается, въ какой мѣрѣ задача устраненія бумажно-денежнаго долга достойна жертвъ со стороны правительства?

Указателемъ, который служитъ основаніемъ для отвѣта на этотъ вопросъ, долженъ быть принятъ *народно-хозяйственный расходъ на лажъ*.

Погашеніе бумажно-денежнаго долга изъ средствъ, заимствуемыхъ изъ долгосрочныхъ займовъ, во всякомъ случаѣ, означаетъ превращеніе бумажно-денежнаго долга въ долгосрочный. Это превращеніе называютъ консолидированіемъ или отвержденіемъ. Обыкновенно консолидированіе характеризуютъ тѣмъ, что при бумажно-денежномъ долгѣ его цѣль — замѣнить безпроцентный долгъ процентнымъ. Но это не всегда вѣрно. Бумажныя деньги, какъ всѣ долговые знаки—не представляютъ безпроцентнаго обязательства, когда онѣ подвергаются учету. Какъ называется учетъ, лажемъ или дисконтомъ, все равно. Разъ по обязательству кредиторъ не соглашается на выдачу полной суммы его валюты, оно уже не безпроцентное. Вотъ почему консолидированіе бумажно-денежнаго долга при лажѣ означаетъ замѣну одного процентнаго долга другимъ процентнымъ долгомъ. Выше (стр. 673, 674) были указаны, какъ качества процентности бумажно-денежнаго долга, такъ и основанія ея исчисленія. Сообразно съ вышесказаннымъ, мы можемъ охарактеризовать отвержденіе бумажно-денежнаго долга, какъ мѣру, которою правительство уравниваетъ бумажно денежный долгъ съ

другими своими долгами и парализуетъ произвольный и случайный характеръ его процентности.

Если обезцѣненіе бумажныхъ денегъ выражается только въ лажѣ, это значитъ, что платежи процентовъ по бумажно-денежному долгу неравномѣрно распредѣляются между членами народнаго хозяйства. Если обезцѣненіе начинаетъ отражаться и на товарныхъ цѣнахъ, это доказываетъ уже болѣе равномѣрное распредѣленіе означенныхъ процентовъ. Когда, наконецъ, дороговизна изъ дѣйствительной превращается въ номинальную только, то это выражаетъ, что лажъ вошелъ во всѣ цѣны, т. е., что проценты по бумажно-денежному долгу равномѣрно распредѣлились между населеніемъ государства.

Чѣмъ больше народное хозяйство раззоряется на лажъ, тѣмъ большихъ жертвъ достойна задача устраненія бумажно-денежнаго долга. Если уплачиваемый лажъ уходитъ въ карманы заграничныхъ капиталистовъ, то населенію народнаго хозяйства безразлично, уходятъ ли заграницу платежи лажа или платежи по процентамъ долга, если таковой заключенъ за границею. Если долгъ заключенъ внутри страны, то страна выигрываетъ тѣ средства, которыя прежде уходили за границу. Если лажъ получался мѣстными капиталистами, то они-же будутъ получать и проценты по долгу, на который подписаться имъ дозволитъ именно то, что ихъ капиталы уже болѣе не будутъ заняты спекуляціями на лажъ.

Но даже при исчезновеніи лажа, это исчезновеніе еще не указываетъ на достиженіе того предѣла, у котораго должно остановиться отвержденіе бумажно-денежнаго долга. Для пріостановки отвержденія граница находится тамъ, гдѣ кончается возможность нормальнаго краткосрочнаго и безсрочнаго государственнаго кредита (см. выше, стр. 590—599).

Разсчетъ есть разсчетъ, а не колдовство. И въ разсчетѣ неумѣстны также какія бы то ни было хитрости. Оттого и погашеніе бумажно-денежнаго долга не представляетъ собою никакой такой задачи, рѣшеніе которой требовало бы вмѣшательства чудотворныхъ силъ. Если для рѣшенія этой задачи нужно что-либо «особенное»,

то это «особенное» заключается въ большихъ капиталахъ, требуемыхъ погашеніемъ бумажно-денежнаго долга. Противъ этого, никакая хитрость и никакое колдовство ничего не подѣлаютъ. Конечно, погашеніе бумажно-денежнаго долга, оттого, становится весьма трудною задачею. Конечно, легче было выпустить бумажки и признать ихъ долгомъ. Но разъ бумажки выпущены и признаніе сдѣлано, долгъ заключенъ. А если долгъ заключенъ, его нужно уплатить. «Хитрость» обыкновенно усматриваютъ въ вопросѣ, какъ добыть капиталы для уплаты долга. Но и пути, которыми добываются капиталы, свободны отъ всякихъ хитростей и совсѣмъ отъ хитростей не зависятъ. Вся та часть бумажно-денежнаго долга, которая лишена кредитнаго обезпеченія, — или (приблизительно) вся та часть бумажно-денежнаго долга, которая превышаетъ среднія трехмѣсячныя поступленія въ государственное казначейство, должна быть погашена. Сразу или постепенно ее выгоднѣе погашать, это зависитъ отъ степени развитія банковаго дѣла въ странѣ и отъ кредитоспособности правительства. Если въ странѣ банковое дѣло достаточно развито, чтобъ представляемой имъ предпріимчивости могло быть довѣрено снабженіе орудіями обращенія, — да если у правительства достаточно внутренней и внѣшней кредитоспособности, — оно можетъ сразу погасить свой долгъ. Въ противномъ случаѣ, волею-неволею, придется дѣйствовать медленно. Съ какого времени начинать? Съ того времени, какъ кредитоспособностью правительства это дозволяется. Если правительство откладываетъ дѣло погашенія бумажно-денежнаго долга, оно бросаетъ тѣнь на свою кредиспособность. А безпечность менѣе всего въ подобномъ случаѣ умѣстна.

Если государственный долгъ не разсматривается, какъ безразличный пустякъ, то онъ не можетъ быть предоставленъ произвольнымъ вліяніямъ случайно стекающихся обстоятельствъ, относительно которыхъ никто не знаетъ, почему они дѣйствуютъ то такъ, то иначе. Гдѣ только существуетъ возможность отказаться отъ грубаго эмпиризма и безсознательной, полуслѣпой, яко-бы «практичной» возни съ дѣломъ, — гдѣ только существуетъ возмож-

ность пользоваться раціональными основаніями научно-изслѣдованнаго опыта,—тамъ этою возможностью немедленно должно пользоваться. А такая возможность несомнѣнно существуетъ въ дѣлѣ правительственной состоятельности. Не существуетъ *никакого* различія въ дѣлѣ состоятельности между правительствами и частными лицами. Долги у правительства могутъ и должны быть только такіе, которые оно въ состояніи въ условленные сроки исполнять. Поэтому, и государственные долги могутъ быть заключаемы лишь на такіе сроки, въ какіе они могутъ быть выполняемы. *Если въ одно время это правило было нарушено, то ничто не спасетъ отъ необходимости въ другое время возстановить нарушенное правило.*

Въ дѣлѣ краткосрочнаго кредита въ особенности у правительства должно всегда быть ясное сознаніе, гдѣ кончается нормальный предѣлъ этого кредита. Выражается-ли онъ суммою, равною среднимъ трехмѣсячнымъ поступленіямъ въ казначейство, или меньшей суммѣ, или большей,—это должно обнаружиться опытомъ. Но разъ опытъ это обнаружилъ, правительство рискуетъ, что его обязательства обезцѣнятся, если оно перешагнетъ чрезъ нормальный предѣлъ. А это значитъ, что оно обременитъ народное хозяйство тягостью учета, которому подвергаются его обязательства. Правительства боятся сильнаго увеличенія своего долгосрочнаго долга оттого, что народное хозяйство обременяется тяжестью процентовъ, по долгу уплачиваемыхъ. Но развѣ дѣло измѣняется, если проценты замаскировываются и называются лажемъ или учетомъ? Въ политическомъ смыслѣ оно не измѣняется. А въ народнохозяйственномъ и финансовомъ смыслѣ дѣло ухудшается. Ибо проценты тогда становятся неопредѣленною тягостью, несоразмѣрною ни съ величиною долга, ни съ силами народнаго хозяйства.

Именно потому, что предѣлъ нормальнаго краткосрочнаго кредита можетъ быть установленъ, только какъ *средній* выводъ изъ цѣлаго ряда наблюденій,—несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ этихъ наблюденій будутъ указывать на случаи, когда краткосрочный долгъ можетъ быть выше средней величины, безъ обезцѣненія со-

отвѣтствующихъ ему документовъ. Но, за то, въ другихъ случаяхъ ему придется быть меньше средней величины. Вотъ почему постоянная составная часть, подлежащая быть принятою за норму, должна быть наименьшая изъ всѣхъ возможныхъ величинъ при данномъ срокѣ, за который правительственныя поступленія берутся. Ибо только наименьшая величина поступленій за избранный срокъ—внѣ *всякихъ* сомнѣній. Всякое же возвышеніе надъ этою величиною, чтобъ тоже не быть лишеннымъ обезпеченія, *должно быть разсчитано на степень возможности его консолидированія*. Если, напримѣръ, 200 милл. представляютъ minimum по податному обезпеченію и правительство разсчитываетъ, что во *всякое* данное время оно во *всякомъ* случаѣ въ состояніи будетъ заключить долгосрочный долгъ, по *меньшей* мѣрѣ, на 100 милл. рублей, то оно можетъ поднять границу своего нормальнаго краткосрочнаго долга до 300 милл.

На основаніи апріорныхъ соображеній весьма трудно разбирать вопросъ, какую долю изъ всего бумажно-денежнаго долга цѣлесообразно погасить именно звонкими деньгами. Для богатой страны и богатаго правительства вопросъ не представляетъ большой важности: высокая производительность экономическихъ силъ въ подобной странѣ легко и скоро даетъ ей возможность возстановить свой звонко-денежный запасъ. Но въ странѣ съ производительностью силъ, не считающеюся за первоклассную, можетъ казаться, народное хозяйство весьма сильно нуждается, чтобъ правительство ему облегчило хоть отчасти дѣло возстановленія звонко-денежнаго запаса. Но очевидно, что облегченіе правительство можетъ оказать только на счетъ средствъ, заимствуемыхъ у того же народнаго хозяйства. Слѣдовательно, въ концѣ концовъ, вопросъ рѣшается способностью народнаго хозяйства вынести тѣ добавочныя жертвы, съ которыми сопряжено правительственное «облегченіе». Во всякомъ случаѣ, погашеніе даже только части бумажно-денежнаго долга звонкими деньгами увеличиваетъ расходы на это погашеніе. Очевидно, слѣдовательно, что предусмотрительное правительство возьметъ на себя бремя увеличенныхъ расходовъ лишь

при полной увѣренности, что безъ увеличенія можно съ легкостью добыть средства на расходы для погашенія долга.

Въ заключеніе мы должны упомянуть еще объ одной точкѣ зрѣнія на погашеніе бумажно-денежнаго долга, менѣе совмѣстной съ интересами государственнаго благоустройства, съ изложенными представленіями о финансовыхъ интересахъ. По этой точкѣ зрѣнія, номинальная сумма бумажно-денежнаго долга не имѣетъ обязательной силы для правительства и отъ извѣстной (или вѣрнѣе, произвольно взятой) части долга правительства можетъ отказаться. Эта-то точка зрѣнія и вызываетъ обыкновенно, со стороны ея противниковъ, толки о государственномъ банкротствѣ. Исходя изъ простаго основанія, что кто не уплачиваетъ всего своего долга, какъ онъ показанъ на соотвѣтственномъ документѣ, тотъ—банкротъ,—противники указанной точки зрѣнія и утверждаютъ, что отказъ правительства отъ части номинальной суммы его долга (девальвація) означаетъ государственное банкротство и притомъ намѣренное, т. е. такое, за которое частныхъ лицъ постигаетъ уголовная кара.

Мы здѣсь не будемъ распространяться о банкротствѣ. Банкротъ не тотъ только, кто *совсѣмъ* отказывается отъ платежа всего или части своего долга, но и тотъ, кто не платитъ своего долга *въ срокъ*. Если ужъ говорить о государственномъ банкротствѣ, то не бумажныя деньги его вызываютъ, какъ свое послѣдствіе, а—напротивъ—само банкротство предшествуетъ бумажнымъ деньгамъ и ихъ порождаетъ, какъ ближайшая ихъ причина. Когда правительству нечѣмъ расплачиваться за забираемыя имъ цѣнности,—когда оно не можетъ разсчитаться по долгу, порождаемому заборомъ цѣнностей,—когда по *этому долгу отъ забора* правительство оказывается несостоятельнымъ, — тогда оно выпускаетъ бумажныя деньги. Послѣднія всегда свидѣтельствуютъ *о наступившей уже* несостоятельности. И оттого вопросъ объ устраненіи бумажно-денежнаго долга означаетъ вопросъ *объ устраненіи несостоятельности*. Если правительство отказывается отъ части своего бумажно-денежнаго долга, то послѣдовательность требуетъ, чтобъ это

признано было — отказомъ правительства отъ устраненія своей несостоятельности. Признавъ бумажныя деньги за государственный долгъ, правительство этимъ торжественно объявляетъ, что оно тяготится своимъ положеніемъ несостоятельнаго должника,—что оно считаетъ это положеніе несовмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ. Отказываясь отъ части бумажно-денежнаго долга, правительство беретъ назадъ свое обѣщаніе и, въ мирное время, когда ему опасности не угрожаютъ, примиряется съ положеніемъ, которое его тяготило въ гораздо худшее время.

Но всѣ эти соображенія разсчитаны на силу моральныхъ доводовъ. Въ финансовой-же области мораль иногда замѣняется ариѳметикою. Вотъ почему необходимо ясно имѣть въ виду не только моральное значеніе банкротства, но и его чисто экономическій смыслъ.

Правительство за банкротство никѣмъ наказываемо быть не можетъ. Смыслъ того, что оно дѣлаетъ, послѣдствія его дѣйствій,— вотъ та кара, которую правительство несетъ за свои дѣйствія. И разстройство, которое съ собою приносятъ бумажныя деньги, сначала народному хозяйству, а потомъ государственному, совершенно достаточная кара.

Частный человѣкъ, попадая въ положеніе банкрота, лишаетъ постороннее лицо имущества, которое ему принадлежало. Правительство, не платя своимъ кредиторамъ, тоже лишаетъ ихъ капитала, который они должны были получить по долговому документу. Когда правительство, на основаніи власти, беретъ у каждаго члена народнаго хозяйства равную-пропорціональную долю его имущества, оно взимаетъ налогъ. Когда правительство отнимаетъ насильно имущество только у однихъ лицъ или у одной части населенія, но за имущество вполнѣ вознаграждаетъ, то это называется *экспропріяціею*; если-же имущество отбирается въ видѣ кары, то отобраніе называется конфискаціею.

На незаслуженную конфискацію сводятся всѣ толки объ отказѣ правительства отъ части бумажно-денежнаго долга. Спрашивается теперь, когда подобная конфискація можетъ получить всего болѣе разумное основаніе? Очевидно, всего болѣе она умѣстна въ то время,

когда всѣ правильные источники правительства истощились и когда крайняя необходимость оправдываетъ всякую мѣру для государственной самозащиты.

Вотъ почему каждому бумажно-денежному выпуску, по настоящему, должно было-бы предшествовать строгое обсужденіе его преимуществъ предъ конфискаціею. Ибо даже бумажныя деньги, какъ финансовый рессурсъ, тоже не обладаютъ неистощимостью. Когда обезцѣненіе ихъ доходитъ до того, что всякое новое добавленіе «свѣжихъ» бумажекъ, къ прежней ихъ массѣ, только понижаетъ общую цѣнность всей массы,—то бумажно-денежные выпуски теряютъ всякій смыслъ. Ибо «свѣжія» бумажки подобнаго сорта не только лишены всякой цѣнности,—ихъ цѣнность не только равна нулю. Она—*ниже нуля*. Она — отрицательная величина, уменьшающая общую сумму. Выпуская подобныя бумажки, правительство переходитъ чрезъ границу, у которой кончаются преимущества ихъ предъ конфискаціею. *Фактически*, оно производитъ конфискацію уже тогда, когда оно подобными бумажками пользуется. И вотъ то, что оно сдѣлало фактически, ему приходится раньше или позже признать и юридически. Потому что погасить бумажныя деньги, потерявшія преимущество предъ конфискаціею, правительство лишено всякой возможности. Тогда и никакого банкротства нѣтъ. Ибо даже торжественное обѣщаніе, распространяющееся на подобныя бумажныя деньги, лишено силы, чтобъ порождать обязательство: ad impossibilia nulla obligatio.

Предъ конфискаціею имѣютъ преимущество только тѣ бумажныя деньги, которыя, *во-первыхъ*, увеличиваясь, увеличиваютъ общую цѣнность всего выпуска,—*во-вторыхъ*, не достигаютъ въ общемъ итогѣ такихъ громадныхъ размѣровъ, чтобъ потеряна была всякая вѣроятная возможность для правительства разсчитаться по своему долгу.

Для разсчета по бумажно-денежному долгу правительство должно заимствовать извѣстную массу средствъ у народнаго хозяйства. Отказываясь отъ уплаты какой либо части своего долга, правительство тоже забираетъ извѣстную массу имущества у народнаго

хозяйства. И вотъ, соотношеніе между этими двумя массами и можетъ всегда служить указаніемъ для разсчета въ тѣхъ случаяхъ, когда наступаетъ самовластное царство ариѳметики.

Обыкновенно часть бумажно-денежнаго долга, отъ уплаты которой правительство желаютъ освободить, исчисляютъ на основаніи лажа. Мы уже выше показали, что на основаніи лажа совсѣмъ нельзя получить полнаго представленія о степени обезцѣненія бумажекъ. На основаніи исчисленія по высотѣ лажа правительство можетъ «отвергнуть» такіе свои долговые знаки, которые во внутреннемъ оборотѣ сохранили «полноцѣнность». Но допустимъ на минуту возможность исчисленія «излишнихъ» бумажекъ на основаніи лажа. Въ странѣ находится 800 милльоновъ рублей бумажныхъ денегъ при 15% лажѣ. Предположимъ, что для всѣхъ расходовъ при отверженіи долга нужно $6^1/_2$%. Если правительство откажется отъ 15% бумажно-денежнаго долга, оно конфискуетъ у своихъ кредиторовъ 120 милльоновъ рублей. Податнымъ плательщикамъ придется расходоваться не $6^1/_2$% съ 800 мил. рублей, а $6^1/_2$% съ 680 милльоновъ. Т. е., податные плательщики будутъ расходовать не 52 милльона, а 44 мил. Правительство имъ сбережетъ 8 милльоновъ. Ясно, что вопросъ объ отказѣ отъ части бумажно-денежнаго долга означаетъ другой вопросъ: что легче, потребовать у народнаго хозяйства, чтобы оно періодически давало правительству, въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, по 8 мил., которые обратно будутъ возвращаться въ народное хозяйство, или-же потребовать, чтобъ народное хозяйство сразу вычерпнуло изъ своего имущественнаго инвентаря 120 милльоновъ?

Для того, чтобъ вызвать у правительства рѣшимость на отказъ отъ части бумажно-денежнаго долга, ему обыкновенно говорятъ, что у народнаго хозяйства придется отбирать не дѣйствительное, а только фиктивное богатство. Толкующіе это обыкновенно не замѣчаютъ, что «фиктивность» у долговаго имущества всегда можетъ очутиться уже только изъ вторыхъ рукъ. Для того, чтобъ долговое имущество стало фиктивнымъ, необходимо стать фиктивнымъ тому источнику, изъ котораго должна была послѣдовать упла-

та долга. Если у предпринимателя производительность его силъ оказывается фиктивною, то и выданные имъ долговые документы—фиктивное имущество. Но если означенная производительность—внѣ сомнѣнія, то долговые документы — очень цѣнное и вполнѣ дѣйствительное имущество. То-же должно сказать и про правительственные долговые документы. Они—*могутъ* быть фиктивнымъ имуществомъ. Но только само правительство можетъ ихъ *сдѣлать* таковымъ. Долговые документы разсчитаны на то, что производительность правительственныхъ источниковъ внѣ сомнѣнія. Но если эта производительность становится сомнительною, тогда, конечно, это дѣлаетъ фиктивнымъ и имущество, представляемое долговыми документами правительства. Плохое утѣшеніе даютъ, слѣдовательно, правительству тѣ, которые ему толкуютъ про «фиктивность» долговаго имущества.

На основаніи еще менѣе точныхъ представленій о цѣнѣ долговъ, про фиктивность долговаго имущества, или извѣстной его части, толкуютъ лица, поражающіяся разностью между номинальною суммою долга и капиталомъ, который должникъ на самомъ дѣлѣ получилъ. Эта разность выражаетъ учетъ, которому подвергается будущій платежъ, обѣщаемый долговымъ знакомъ. Она указываетъ на условія, подъ которыми дѣйствительный капиталъ только и могъ уравниться съ долговымъ знакомъ, который правительство-же само стремилось сдѣлать имуществомъ. Она выражаетъ цѣну долга, выраженную въ овеществившемся, готовомъ уже, имуществѣ,—а съ другой стороны, цѣну готоваго имущества, выраженную въ долговомъ знакѣ. Правительство не можетъ измѣнять ни одной, ни другой цѣны. Потому что разъ правительство ступило на почву соглашеній и взаимныхъ признаній,—разъ идутъ толки о цѣнѣ имущества, которое правительство беретъ и за которое оно само желаетъ заплатить,—если не немедленно, то хоть въ будущемъ,—то оно должно оставаться послѣдовательнымъ до конца. Правительство должно помнить, что готовые и накопленные плоды производительной предпріимчивости, которые оно забирало, съ неба не упали. Ихъ цѣна, поэтому, разъ уже идетъ

рѣчь о цѣнѣ, можетъ быть только такая, которая соотвѣтствуетъ вполнѣ условіямъ ихъ сохраненія, — которая покрываетъ и погашаетъ всякій рискъ, сопряженный съ отдачею готоваго имущества за будущій платежъ. Вотъ почему отреченіе правительства отъ части своего бумажно-денежнаго долга имѣетъ тотъ-же смыслъ, какой имѣло бы нормированіе тѣхъ цѣнъ, по которымъ правительство закупаетъ нужныя ему цѣнности, впервые пользуясь бумажками. Конечно, и это—мѣра, которая можетъ оправдываться тяжелыми обстоятельствами. Но она должна быть принята своевременно. Тогда она препятствовала-бы наростанію бумажно-денежнаго выпуска и облегчала бы будущій разсчетъ по долгу. А если она даже въ тревожное время не была принята, то несвоевремонно ее принимать, когда тревожное время уже прошло.

На какія бы мѣры правительство ни рѣшилось для *окончательнаго* устраненія бумажно-денежнаго долга, во всякомъ случаѣ введеніемъ къ нимъ должно быть устраненіе принудительной цѣны бумажныхъ денегъ и предоставленіе ей полной свободы. Правительство должно отказаться отъ безсодержательнаго факта, представляемаго принудительною цѣною, вообще лишенною всякаго положительнаго вліянія. Ибо даже тогда, когда она пріобрѣтаетъ отрицательное вліяніе, это вліяніе—только къ выгодѣ мошенниковъ, которыхъ злоупотребленіямъ она открываетъ широкій просторъ.

Уже «покупки» золота чрезъ выпуски бумажекъ парализуютъ ея вліяніе на вексельный курсъ. Но онѣ не въ состояніи парализовать ея препятствія металлу появиться въ обращеніи. А между тѣмъ это препятствіе совершенно лишено основаній. Оно никому не выгодно и, напротивъ, для всѣхъ невыгодно.

Насильственная обращаемость, несомнѣнно, должна оставаться у бумажныхъ денегъ до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ по нимъ разсчетъ. Внѣ всякихъ сомнѣній должна также оставаться увѣренность, что по бумажнымъ деньгамъ послѣдуетъ разсчетъ въ полной суммѣ нарицательнаго ихъ достоинства. Совершенно цѣлесообразно даже, когда правительство положительными мѣрами поддерживаетъ цѣну бумажекъ. Въ сущности правительству нѣтъ никакого особаго

интереса копить и дѣлать неподвижными звонкія деньги, покупаемыя на немедленно консолидируемыя бумажки. На эти звонкія деньги правительство можетъ постепенно погашать свой бумажно-денежный долгъ, опредѣляя сумму, на которую періодически, каждый годъ напримѣръ, будутъ обратно выкупаться изъ обращенія бумажки для окончательнаго ихъ уничтоженія. Для равномѣрности выкупа долга, у разныхъ кредиторовъ по нему, можетъ опредѣляться наибольшая сумма, какая въ теченіе принятаго періода допускается для каждаго отдѣльнаго предъявителя. Подобными мѣрами остающіяся бумажныя деньги, — которымъ еще предстоитъ опора на имѣющій послѣдовать внутренній или внѣшній долгосрочный заемъ для ихъ непосредственнаго отвержденія,—будутъ гораздо успѣшнѣе поддерживаться въ цѣнѣ, чѣмъ принудительнымъ курсомъ. Невозможно-же, въ самомъ дѣлѣ, думать, что на цѣну бумажекъ можетъ имѣть какое бы то ни было, хотя бы самое слабое, вліяніе одно только то, что законъ приказываетъ ее считать такою, а не иною. А польза, которую принудительный курсъ можетъ приносить охотникамъ до злоупотребленій, не въ состояніи тоже сама на нихъ оказывать вліянія.

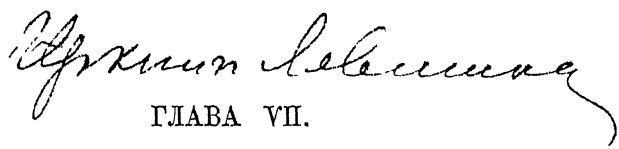
Разъ правительство не въ состояніи сразу разсчитаться по своему бумажно-денежному долгу, приходится, волею-неволею, различать двоякій смыслъ у возможнаго обратнаго притока бумажекъ отъ членовъ народнаго хозяйства къ государственному казначейству. Одинъ притокъ имѣетъ цѣлью уплату обыкновенныхъ податей и другихъ государственныхъ доходовъ, — когда притокъ означаетъ платежи, которые *дѣлаются* народно-хозяйственнымъ населеніемъ *правительству*. Другой притокъ имѣетъ цѣлью *требовать* платежи *отъ* правительства по его бумажно-денежному долгу. Эти два притока *существенно* другъ отъ друга отличаются, когда правительство принуждено отложить, до поры до времени, разсчетъ по долгу. Вотъ почему правительство должно примириться съ тѣмъ, чтобъ бумажки къ нему притекали по своей рыночной цѣнѣ, когда онѣ служатъ для совершаемыхъ *ему* платежей, и что онѣ будутъ притекать по номинальной цѣнѣ, когда онѣ будутъ представлять предъявляемыя

требованія платежей. Все равно, и при существованіи принудительнаго курса, правительство съ этимъ должно примиряться. Доходы къ нему поступаютъ вѣдь *обезцѣненными* бумажками. А принудительный курсъ только напоминаетъ, что, несмотря на обезцѣненіе, правительство при разсчетѣ должно будетъ держаться закона, по которому бумажный рубль равенъ звонкому.

Когда правительство получаетъ свои доходы бумажками, оно ихъ, волею-неволею, принимаетъ въ той цѣнѣ, какая для нихъ установилась на рынкѣ,—все равно, существуетъ-ли принудительный курсъ, или не существуетъ. Принудительный курсъ здѣсь ни при чемъ. Вотъ почему онъ самъ по себѣ лишенъ и всякаго значенія для способа окончательнаго разсчета по бумажно-денежному долгу. Для разсчета имѣетъ значеніе только номинальное достоинство долговаго документа.

Какая бы ни была цѣна, по которой, волею-неволею, правительство принуждено принимать бумажныя деньги, когда ими производятся платежи въ государственное казначейство,—общая масса бумажныхъ денегъ не увеличивается и не уменьшается отъ того, что *правительство* ихъ принимаетъ при платежахъ по одной или другой цѣнѣ. Вотъ почему и вопросъ о томъ, сколько у правительства еще остается бумажно-денежнаго долга, съ которымъ оно еще должно впредь разсчитаться, совсѣмъ не имѣетъ никакой связи съ фактомъ цѣны, по которой бумажныя деньги поступаютъ въ казначейство для *обычныхъ* платежей *ему*. Падаетъ-ли цѣна бумажекъ при этихъ платежахъ, или возвышается, долгъ государства отъ того не измѣняется и остается одинъ и тотъ же. Слѣдовательно, если правительство отмѣняетъ принудительный курсъ, то это менѣе всего означаетъ, что оно производитъ какую либо перемѣну въ номинальной суммѣ бумажно-денежнаго долга. Совершенно напротивъ, отмѣняя принудительный курсъ, правительство должно особо и настойчиво поставить на видъ, что номинальная сумма долга остается неприкосновенною собственностью, на которую оно себѣ не позволяетъ посягать и на которую оно и въ будущемъ не позволитъ себѣ посягнуть.

Ю. Г. Львовичъ.



## ГЛАВА VII.

## Способы непосредственнаго пользованія ссудными средствами.

67. Главу эту мы обозначаемъ выраженіемъ, необладающимъ достаточною опредѣленностью, чтобъ сразу было очевидно, чѣмъ оно отличается отъ названія предъидущей главы. Мы должны поэтому начать съ разъясненія, чѣмъ отличается способъ пользованія *источниками* ссудныхъ средствъ отъ способа пользованія *самими* ссудными средствами.

Неясность названія этой главы происходитъ не отъ того, что мы не съумѣли выбрать болѣе яснаго выраженія. Оно имѣетъ практическое основаніе и обусловливается извѣстнымъ морфологическимъ фактомъ, что одно и тоже явленіе, которое проходитъ различныя степени развитія, обыкновенно *только постепенно* пріобрѣтаетъ свою опредѣленность и четко выдающуюся индивидуальность. На низшей степени развитія оно не существуетъ, какъ *самостоятельное* явленіе, опирающееся на одну только собственную свою внутреннюю силу. Оно, напротивъ, слито всегда съ какимъ нибудь другимъ явленіемъ, связью съ которымъ оно и держится. На высшей-же степени развитія оно постепенно обособляется отъ внѣшнихъ поддержекъ, освобождается отъ нихъ, очищается отъ постороннихъ къ нему примѣсей и становится независимымъ и

индивидуальнымъ. Въ общественной жизни, однако, нерѣдко наблюдается тотъ фактъ, что въ одно и то же время явленія извѣстнаго разряда могутъ сразу встрѣчаться въ однихъ случаяхъ, пребывая еще на низшей степени развитія, а въ другихъ, пребывая уже на высшей степени развитія. Понятно, что опредѣленіе подобныхъ явленій становится затруднительнымъ, когда нужно оставлять въ сторонѣ историческую или морфологическую точку зрѣнія. Эти-то явленія, волею-неволею, и приходится обозначать неопредѣленными *названіями*, выражающими только неопредѣленность, въ которой находится, въ данное время данный разрядъ явленій во всей своей цѣлости, какъ таковой, колеблющійся между различными степенями развитія и не выяснившій еще своего мѣста между ними.

Поводы къ неясности еще возрастаютъ, когда подлежащія разбору какія нибудь два явленія на низшей степени развитія не только не индивидуализированы и смѣшаны вообще съ посторонними явленіями, а смѣшаны именно *другъ съ другомъ*. Способы пользованія *источниками* ссудныхъ средствъ потому сразу не являются предъ нами во всей своей опредѣленности, что на низшей степени развитія они являются совершенно слитыми со способами пользованія непосредственно *самими* ссудными средствами и ничѣмъ наружно отъ нихъ не отличаются. Только на высшей степени эти разряды способовъ пользованія являются другъ отъ друга обособившимися, индивидуализировавшими и потому выяснившими свои отличительные признаки.

Отличіе между кредитными способами пользованія *источниками* ссудныхъ средствъ и способами пользованія самими *ссудными средствами* имѣетъ своимъ основаніемъ возможность двоякаго отношенія къ *ссуднымъ* средствамъ со стороны тѣхъ, которые ими обладаютъ. Кто получаетъ ссудныя средства, можетъ или самъ имъ дать *окончательное* назначеніе и брать на себя *окончательное* несеніе страха, съ которымъ сопряжено ихъ употребленіе на какое либо особое предпріятіе. Или-же онъ можетъ далѣе *передать* ссудныя средства *въ постороннія руки* и еще болѣе

дробить рискъ. Въ подобномъ случаѣ онъ будетъ нести страхъ *только* по отношенію къ *первоначальнымъ* владѣльцамъ свободныхъ средствъ, въ рукахъ которыхъ средства оставались праздными. Въ *концѣ концовъ*, однако, страхъ будетъ лежать не на немъ, а на тѣхъ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ средства получили дѣйствительное употребленіе. М, напримѣръ, обладаетъ свободными средствами, которыя въ его рукахъ праздны. И вотъ М ихъ передаетъ Н, который, получая ихъ, беретъ на себя предъ М отвѣтственность за цѣлость, сохранность, производительность и свободность средствъ. Но, съ своей стороны, Н передаетъ ихъ далѣе Л, который уже изъ нихъ дѣлаетъ окончательное употребленіе и является отвѣтственнымъ предъ Н. Очевидно въ такомъ случаѣ, что Н и Л не одинаково относятся къ ссуднымъ средствамъ. Только для Л важны эти средства *сами по себѣ и непосредственно*. Напротивъ, для Н важно *движеніе* этихъ средствъ. Л проявитъ свою производительную предпріимчивость, заставляя быть возможно болѣе полезными полученныя средства. Напротивъ, Н проявитъ свою производительную предпріимчивость, заставляя быть возможно болѣе полезнымъ ихъ *передвиженіе изъ однѣхъ рукъ въ другія*.

Пользованіе ссудными средствами для насъ здѣсь важно не съ технической его стороны, а какъ возможность ихъ непосредственной затраты на опредѣленное отдѣльное предпріятіе. Еслибъ Л прямо получилъ ссудныя средства отъ М путемъ, напримѣръ, векселя, тогда этотъ вексель сразу представлялъ бы, какъ способъ пользованія источникомъ ссудныхъ средствъ, такъ и способъ пользованія самими ссудными средствами. Л стоялъ бы непосредственно у источника ссудныхъ средствъ и пользовался бы ими, пользуясь источникомъ. Но когда между М и Л становится Н, тогда для Л непосредственный доступъ къ источнику закрытъ. Л уже этимъ источникомъ не пользуется, а пользуется имъ Н. Для Л-же остается возможность пользоваться одними только ссудными средствами.

Какое бы ни было отношеніе къ ссуднымъ средствамъ, прямое

или косвенное, оно возможно только путемъ *кредитныхъ* отношеній, все равно, выражаются-ли они въ *долговыхъ документахъ*, или не выражаются. Бываютъ кредитныя отношенія, которыя не выражаются въ соотвѣтственныхъ документахъ, или эти документы скоро замѣняются другими и сами играютъ преходящую роль. Это, конечно, ни на волосъ не измѣняетъ кредитнаго характера самихъ отношеній.

Необходимо, слѣдовательно, отличать кредитныя отношенія къ *источникамъ* ссудныхъ средствъ отъ кредитныхъ отношеній къ самимъ ссуднымъ средствамъ. На высшей степени развитія, когда кредитъ получаетъ банковую организацію, отличіе между ними становится совершенно яснымъ и получаетъ *самостоятельное* выраженіе въ *особыхъ* долговыхъ документахъ для каждаго изъ указываемыхъ двухъ разрядовъ кредитныхъ отношеній. Вкладные билеты и свидѣтельства, чековыя книжки, банковые билеты, закладные листы — спеціально выражаютъ кредитныя отношенія къ *источникамъ* ссудныхъ средствъ. Напротивъ, *векселя*, ссудныя обязательства, залоговыя свидѣтельства и т. п. выражаютъ кредитныя отношенія непосредственно къ ссуднымъ средствамъ.

Но и въ настоящее время, когда кредитъ получилъ банковую организацію, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ долговыхъ документовъ, относительно которыхъ нельзя сказать, чтобъ они были такъ спеціально приноровлены къ извѣстному разряду кредитныхъ отношеній. Можно даже, въ видѣ общаго правила, утверждать, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда кредитомъ пользуется не банкъ, въ качествѣ должника, долговые документы не приспособлены къ тому или иному разряду кредитныхъ отношеній. Только тогда, когда мы имѣемъ предъ собою вкладное свидѣтельство, чековую книжку, банковый билетъ, или закладной листъ—мы можемъ навѣрно сказать, что эти документы выдалъ должникъ, не намѣревавшійся самъ воспользоваться ссудными средствами, дорожившій только пользованіемъ ихъ источникомъ, — пользованіе-же ссудными средствами предоставившій постороннимъ лицамъ или учрежденіямъ. Напротивъ, какъ только должникомъ является не банкъ или бан-

киръ, а постороннее лицо или учрежденіе, выдаваемый ими долговой документъ теряетъ уже опредѣленность. Онъ относится совершенно безразлично къ экономическому характеру кредитнаго отношенія, по поводу котораго онъ возникъ. Вслѣдствіе того, онъ можетъ выражать съ одинаковою легкостью или только кредитное отношеніе къ источнику ссудныхъ средствъ, или только кредитное отношеніе къ самимъ ссуднымъ средствамъ, или, наконецъ, сразу тѣ и другія отношенія вмѣстѣ.

Вотъ почему вексель самъ по себѣ ничего намъ не всегда говоритъ о томъ кредитномъ отношеніи, которое его породило. Въ разобранномъ выше примѣрѣ вексель могъ выдать Н, получая средства отъ М. Въ этомъ случаѣ вексель выражаетъ кредитное отношеніе къ источнику ссудныхъ средствъ. Затѣмъ и Л, получивъ въ свои руки средства отъ Н, могъ ему тоже выдать вексель. Тогда вексель уже выражаетъ кредитное отношеніе непосредственно къ ссуднымъ средствамъ. Наконецъ, мы указали и на возможность случая, когда Л прямо обращается къ М и ему выдаетъ вексель; тогда вексель уже выражаетъ и одинъ, и другой разрядъ кредитныхъ отношеній. Тоже самое можно сказать и про всякое изъ обязательствъ, которыя отдѣльныя лица выдаютъ другъ другу, или которыя выдаются отдѣльными должниками, за исключеніемъ банковъ.

Въ особенности это важно не терять изъ виду при разсмотрѣніи правительственныхъ долговыхъ документовъ. Выше мы уже указывали на то, что по своимъ долгосрочнымъ облигаціямъ правительства и акціонерныя компаніи рѣдко обращаются непосредственно къ источникамъ ссудныхъ средствъ. Обыкновенно между ними и этими источниками становятся банки и банкиры, собирающіе средства изъ источниковъ, чтобъ передать ихъ правительствамъ и компаніямъ. При подпискахъ на облигаціи, по мѣрѣ того, какъ средства изъ источниковъ поступаютъ къ банкамъ и банкирамъ, послѣдніе выдаютъ временные долговые документы, на роли которыхъ рѣдко останавливаются съ нѣкоторымъ вниманіемъ. А между тѣмъ, эта роль совершенно тождественна съ ролью другихъ дол-

говыхъ документовъ, которые банками и банкирами выдаются при сосредоточиваніи средствъ для дальнѣйшей ихъ передачи. Вотъ почему облигаціи могутъ намъ являться долговыми документами, которые представляютъ кредитныя отношенія къ ссуднымъ средствамъ, недостаточно опредѣленныя. Еще важнѣе краткосрочные и безсрочные долговые документы правительствъ, представляющіе, подобно векселямъ, выдаваемымъ частными лицами другъ другу, сразу и способъ пользованія источникомъ ссудныхъ средствъ, и способъ непосредственнаго пользованія самими ссудными средствами. Если въ облигаціяхъ долгосрочныхъ на первый планъ выдвигается ихъ роль въ качествѣ способа пользованія источникомъ ссудныхъ средствъ, то въ краткосрочныхъ и безсрочныхъ правительственныхъ долговыхъ документахъ бросается на первый взглядъ ихъ роль въ качествѣ способа пользованія самими ссудными средствами для той или иной конкретной цѣли.

68. Отъ разсмотрѣнія внѣшней (формальной) стороны способовъ пользованія ссудными средствами мы теперь перейдемъ къ выясненію ихъ внутренней (матеріальной) стороны. Способы пользоваться *источниками* ссудныхъ средствъ имѣютъ своею цѣлью—*привести эти средства въ движеніе*. По какому направленію? По направленію, ведущему къ центру, изъ котораго будетъ исходить окончательная передача ссудныхъ средствъ въ спеціальное помѣщеніе, долженствующее ихъ возстановить или воспроизвести. Пользоваться средствами непосредственно—значитъ приноравливать ихъ къ данному отдѣльному употребленію, которое изъ нихъ дѣлается, приспособлять ихъ къ цѣли, на которую они затрачиваются. Пользоваться вообще капиталомъ—значитъ такъ его употребить, чтобъ онъ не уничтожался, а воспроизвелся или возстановился въ новыхъ цѣнностяхъ, взамѣнъ истраченныхъ. *Всякое* пользованіе капиталомъ можетъ исходить только отъ человѣка, т. е. производится только съ помощью *личныхъ* силъ человѣка, еще не давшихъ никакого результата, и воспособляемыхъ капиталомъ. Пользованіе-же *чужимъ* (ссуднымъ) капиталомъ, очевидно,

невозможно, сверхъ того, безъ *предвосхищенія* результата личныхъ силъ, воспомогаемыхъ капиталомъ. Строго говоря, должно признать, что предвосхищеніе результата личныхъ силъ существуетъ и тогда, когда предприниматель дѣйствуетъ своимъ собственнымъ капиталомъ. Ибо никакой предприниматель не берется за какое либо дѣло, если въ немъ нѣтъ напередъ увѣренности въ производительности своей предпріимчивости,—если онъ не чувствуетъ къ себѣ довѣрія. Строго говоря, должно, поэтому, признать, что никакое пользованіе капиталомъ (какой бы капиталъ ни былъ) невозможно безъ довѣрія къ предпріимчивости, еще не реализовавшей своихъ результатовъ, слѣдовательно, безъ нѣкоторыхъ элементовъ кредита. Но мы не говоримъ о кредитѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда предприниматель пользуется собственнымъ капиталомъ, потому что тогда предпріимчивость, результаты которой еще не реализованы, не получаетъ мѣновой цѣнности и не становится источникомъ покупательной силы. Она имѣетъ только цѣнность для собственнаго употребленія. Во всякомъ случаѣ, однако, *предвосхищеніе* результатовъ живой предпріимчивости всегда сопровождаетъ пользованіе капиталомъ и только болѣе очевидно при пользованіи ссуднымъ капиталомъ.

Вотъ почему всѣ отдѣльные способы пользованія ссудными капиталами суть только *отдѣльные способы антиципаціи будущихъ плодовъ предпріимчивости.*

Каждымъ ссуднымъ капиталомъ возможно пользоваться лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ свободенъ. Поэтому, и отдѣльные виды антиципаціи будущихъ плодовъ предпріимчивости обусловливаются тѣмъ разнообразіемъ употребленій ссудныхъ капиталовъ, благодаря которому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ возможно предвосхищать плоды, удобополучаемые или производимые въ срокъ, равный сроку свободности капиталовъ.

Ссуднымъ капиталомъ, свободнымъ лишь на шесть мѣсяцевъ, только въ теченіе шести мѣсяцевъ возможно и пользоваться. Существуетъ нѣсколько видовъ ссудныхъ капиталовъ, потому что существуетъ нѣсколько основныхъ видоизмѣненій въ срочности

ссудныхъ капиталовъ. Если можно говорить объ отдѣльныхъ способахъ антиципаціи, то только потому, что существуетъ нѣсколько способовъ приноравливать употребленіе, дѣлаемое изъ свободныхъ капиталовъ, къ условіямъ ихъ свободности.

Разъискивая производительное занятіе капиталамъ, банки не могутъ безразлично относиться къ сроку, который для себя всегда требуетъ антиципація. Предвосхищеніе, направленное на *будущіе* плоды, *всегда* предполагаетъ *срокъ*, когда будущее *наступаетъ*, когда оно перестаетъ быть будущимъ и становится настоящимъ, а вмѣстѣ съ нимъ становятся *наличнымъ* имуществомъ плоды предпріимчивости. Изъ этихъ плодовъ должны вѣдь быть уплочены долги предпріимчивости и, поэтому, для банковъ важно имѣть въ виду, *когда* предпріимчивость въ состояніи погасить свои обязательства.

Всякая сила только въ теченіе извѣстнаго времени можетъ проявить свое дѣйствіе *и это время ей нужно дать*, иначе она не въ состояніи будетъ принести своей пользы. Данная экономическая сила можетъ быть очень производительная. Она можетъ быть обставлена наилучшими возможными условіями, обезпечивающими ей наивысшую производительность. Все-таки это не освобождаетъ ее отъ потребности въ извѣстномъ срокѣ. Срокъ можетъ быть очень короткій. Но онъ, во всякомъ случаѣ, долженъ быть опредѣленный, приноровленный къ тому времени, которое силѣ должно дать, чтобъ она успѣла показать свою производительность, чтобъ она успѣла окончить начатое ею.

Но мы видѣли, что чуть-ли не самая значительная часть ссудныхъ средствъ, изъ которыхъ извлекается польза, во всякое данное время вовсе не отличается опредѣленною срочностью, Цѣлая громадная категорія ссудныхъ средствъ, напротивъ, имѣетъ своимъ главнымъ отличительнымъ признакомъ — неопредѣленность того времени, въ теченіе котораго ссудныя средства свободны. Какимъ-же образомъ ими можно пользоваться? Какимъ образомъ предпріимчивость можетъ предвосхищать свои будущіе плоды, когда она, съ одной стороны, для этого нуждается во времени, а съ

другой стороны—ей для предвосхищенія и ея успѣшности даютъ средства, которыя лишены этого времени? Какимъ образомъ становится возможнымъ пользоваться ссудными средствами въ теченіе *опредѣленнаго* срока, когда средства *ни на какой опредѣленный* срокъ совсѣмъ и не свободны?

Мы уже два раза имѣли случай разбирать основанія, на которыхъ этотъ вопросъ разрѣшается. Намъ остается здѣсь, поэтому, свести результаты предъидущихъ анализовъ и только ихъ дополнить.

Когда мы говорили о долгосрочныхъ обязательствахъ, мы выяснили, какъ ихъ обращаемость до извѣстной степени можетъ парализовать ихъ долгосрочность и превращать ихъ въ краткосрочныя, даже безсрочныя. Когда мы потомъ говорили объ обращаемости безсрочныхъ обязательствъ, представляемыхъ чеками и банковыми билетами, мы выяснили пользу, проистекающую для банковъ отъ непрерывнаго перехода этихъ билетовъ изъ рукъ въ руки. Что-же это за польза? Пока билетъ находится въ однихъ рукахъ, онъ представляетъ безсрочныя ссудныя средства, принадлежащія этимъ рукамъ. Когда билетъ переходитъ къ другому лицу, онъ начинаетъ уже представлять безсрочныя ссудныя средства этого втораго лица. Перейдя въ третьи, четвертыя, пятыя, дясятыя и сотыя руки, онъ, во всякомъ отдѣльномъ случаѣ, представляетъ безсрочныя ссудныя средства *новаго* довѣрителя банка. Совершенно справедливо, что во всякомъ *отдѣльномъ* случаѣ, для всякаго отдѣльнаго владѣльца или предъявителя, дѣйствительно, билетъ представляетъ *безсрочныя* ссудныя средства, которыя во всякое время могутъ сразу быть обратно востребованными. Въ рукахъ каждаго *отдѣльнаго* предъявителя билетъ можетъ, дѣйствительно, успѣть перебывать только такое короткое время, что въ теченіе его собственно нельзя было бы успѣть изъ капитала ничего сдѣлать, еслибъ капиталомъ приходилось пользоваться только это короткое время. Иное, однако, выходитъ отъ того, что билетъ успѣваетъ перебывать при своемъ обращеніи во *многихъ* рукахъ. Въ рукахъ А билетъ короткое время, въ рукахъ Б, В, Г, Д, Е и т. д.—

тоже. Но въ рукахъ *всѣхъ ихъ вмѣстѣ* билету приходится быть уже совсѣмъ не короткое время. Потому что изъ сложенія или *соединенія* всѣхъ тѣхъ короткихъ періодовъ, которые билетъ перебываетъ у каждаго отдѣльнаго человѣка, составляется уже *болѣе продолжительный періодъ*. Что-же отсюда выходитъ? Выходитъ, что билетъ, представляющій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ *безсрочный* ссудный капиталъ, при соединеніи всѣхъ отдѣльныхъ случаевъ, которые вызываются его обращаемостью, начинаетъ уже представлять *срочный* ссудный капиталъ. Выходитъ, что условія, которыя парализовали возможность пользованія безсрочнымъ ссуднымъ капиталомъ, обращаемостью сами парализуются.

Но безсрочные ссудные капиталы представляются не одними только банковыми билетами. Вклады на текущіе счеты и вообще безсрочные вклады тоже представляютъ значительную массу безсрочныхъ ссудныхъ капиталовъ. Мы видѣли, однако, что и вклады переходятъ отъ лица къ лицу. Они тоже обладаютъ обращаемостью. Когда М передалъ свои деньги банку вкладомъ на текущій счетъ, онѣ, дѣйствительно, представляли безсрочный капиталъ, которымъ банку нельзя пользоваться, если капиталъ берется изолированнымъ, одинокимъ, обособленнымъ отъ другихъ вкладовъ. Но какимъ образомъ онъ можетъ быть взятъ не одинокимъ, а *въ соединеніи съ другими?* Для этого существуетъ простой способъ. М будетъ пользоваться своимъ текущимъ счетомъ, выдавая на него чеки. По этимъ чекамъ его деньги будутъ переходить къ новому лицу. Но вѣдь это новое лице, также точно, какъ и М, снова можетъ передать деньги банку. Вкладъ М можетъ только перейти къ новому лицу, *оставаясь въ банкѣ*. Отъ втораго лица вкладъ можетъ перейти къ третьему, четвертому, пятому, десятому, сотому и т. д. Каждый разъ, когда вкладъ будетъ переходить къ новому лицу, это будетъ равносильно тому, какъ еслибъ вкладъ былъ снова сдѣланъ. Деньги, которыя у банка беретъ А для передачи ихъ Б, банкъ снова получаетъ отъ Б. Затѣмъ, когда Б, пользуясь деньгами, передаетъ ихъ В, банкъ ихъ получаетъ отъ В. В передаетъ ихъ Г и банкъ ихъ получаетъ отъ Г и т. д. Такимъ образомъ

выходитъ, что одну и ту-же денежную сумму сначала А довѣряетъ банку, потомъ Б, потомъ В, Г, Д и т. д. Каждый изъ нихъ въ отдѣльности довѣряетъ банку свои деньги на такой срокъ, который самъ по себѣ ни на что не годится. Но *всѣ* они, *вмѣстѣ взятыя*, оказываются довѣряющими банку свои деньги на такой срокъ, который уже на что нибудь да годится. По отношенію къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности, полученныя отъ него деньги были безсрочныя. Но по отношенію ко всѣмъ имъ, вмѣстѣ взятымъ, деньги становятся срочными.

Итакъ, когда долгосрочныя обязательства переходятъ изъ рукъ въ руки, то обращаемость парализуетъ ихъ долгосрочность. Напротивъ, когда безсрочныя обязательства (билеты, чековыя книжки) переходятъ изъ рукъ въ руки, то обращаемостью парализуется безсрочность. Въ обоихъ случаяхъ результатомъ дѣйствія обращаемости обязательства получается срочность (короткая) капиталовъ, ими представляемыхъ.

Но выше мы выяснили, что съ этою срочностью должно обходиться осторожно. Нельзя вести долгосрочнаго помѣщенія краткосрочнымъ капиталомъ, если не существуетъ напередъ увѣренности, что когда одинъ капиталъ, отправившійся въ долгосрочное помѣщеніе, пожелаетъ изъ него высвободиться, найдется другой, готовый занять мѣсто перваго,—если нѣтъ увѣренности, что для замѣщенія другаго найдется третій, а потомъ четвертый, пятый, шестой, десятый и т. д.,—не до безконечности, а до тѣхъ поръ, *пока долгосрочное предпріятіе будетъ благополучно доведено до конца* и возстановитъ затраченный въ него капиталъ.

Не менѣе очевидно, что и безсрочные ссудные капиталы, которые банки къ себѣ привлекаютъ путемъ вкладовъ и билетовъ, не могутъ быть затрачены хотя бы на самыя краткосрочныя предпріятія, если напередъ у банка нѣтъ увѣренности, что какъ по вкладамъ, такъ и по билетамъ у него окажется достаточное число вѣрителей, которые готовы будутъ замѣщать другъ друга, *пока предпріятіе не будетъ благополучно доведено до конца*. Иначе послѣдствія будутъ тѣ-же, которыя мы описали выше. Окажется,

что капиталъ, въ которомъ для своего предпріятія нуждается M, уже успѣлъ истратить на свое предпріятіе N. Возникнетъ вопросъ. какому изъ двухъ предпріятій удержаться? Пока вопросъ будетъ разрѣшаться, оба предпріятія прійдутъ въ колебаніе и обоимъ станетъ плохо. Каждому изъ нихъ будетъ угрожать опасность потерять свою почву. Дальнѣйшее существованіе каждаго изъ нихъ станетъ сомнительнымъ. А когда для предпріятія возникаетъ вопросъ «быть или не быть», то это значитъ, что предпріятіе постигнуто кризисомъ.

Но на какое основаніе можетъ опираться увѣренность, что вмѣсто одного вѣрителя по обязательству найдется другой, готовый его замѣстить, вмѣсто другаго—третій, потомъ четвертый, пятый и всѣ послѣдующіе, своею численностью достаточные, чтобъ тѣмъ временемъ предпріятіе успѣло благополучно достигнуть своей цѣли и высвободить затраченный въ немъ капиталъ?

Когда эмпирикамъ приходится отвѣчать на этотъ вопросъ, они чрезвычайно осязательно показываютъ, какое важное непосредственно-жизненное значеніе имѣютъ научныя опредѣленія. Казалось-бы, что для практики совершенно лишены интереса всѣ тѣ опредѣленія кредита, изъ за которыхъ теоретики ведутъ между собою споръ въ книгахъ. На самомъ же дѣлѣ, однако, если и не всегда, то въ «трудныя времена», оказывается, что всѣ эти споры о теоретическихъ тонкостяхъ кое-чего да стоятъ.

Эмпирики увѣрены, что вмѣсто одного вѣрителя найдется другой, вмѣсто другаго третій и всѣ послѣдующіе, когда *кредитъ проченъ*. Подъ кредитомъ-же они ничего инаго не разумѣютъ, кромѣ голаго довѣрія. «Лишь бы довѣріе было не поколеблено: вѣрители найдутся», говорятъ обыкновенно люди практики. И они были бы совершенно правы, еслибъ кредитъ только изъ одного довѣрія и состоялъ, еслибъ онъ весь довѣріемъ только исчерпывался, еслибъ достаточно было одного только довѣрія, чтобъ кредитъ уже могъ существовать.

При томъ громадномъ значеніи, которое кредитъ имѣетъ для экономической жизни, легко себѣ представить, какой непрерывный

«на ея улицѣ — праздникъ» могъ бы всегда быть, еслибъ для кредита достаточно было одного только невѣсомаго «довѣрія». Конечно, для довѣрія предпріимчивость должна обладать производительностью. Для непоколебимаго довѣрія нужна непоколебимая производительность. Но, въ крайнемъ случаѣ, производительность могла бы быть замѣнена рекламою, которою «замазывалась» бы временная неудача и «довѣріе» было бы «поддержано». Практика, дѣйствительно, не брезгаетъ и рекламою «для поддержанія довѣрія». Но — для насъ важнѣе другой фактъ: реклама мало помогаетъ. Почему? Потому, что «довѣріе» еще не все въ кредитѣ.

Менѣе всего, конечно, мы отрицаемъ значеніе довѣрія въ кредитѣ. Оно очень важно. Но оно очень важно и во всѣхъ остальныхъ имущественныхъ отношеніяхъ людей другъ къ другу, а не только въ кредитныхъ.

Что-же такое важно собственно въ кредитѣ? Покупательная сила производительной предпріимчивости, которая, совершенно или отчасти, еще не реализовала своихъ результатовъ. Путемъ кредита эти результаты предвосхищаются и съ ихъ-то покупательною силою и является на рынокъ лице, пользующееся кредитомъ.

Присмотримся къ этой покупательной силѣ. Когда предпріимчивость, служащая ей источникомъ, обладаетъ несомнѣнною производительностью, ея эффективность можетъ *сравниться* съ покупательною силою звонкихъ денегъ. Далѣе этого она, однако, идти не можетъ. *Большаго* она добиться не въ состояніи. Но что такое покупательная сила звонкихъ денегъ, когда на нихъ нечего покупать? — Сила, попавшая въ условія, которыя ее парализуютъ, — сила, которая омертвѣла или замерла. Таковы-ли условія, чтобъ деньгами ничего ужъ нельзя было покупать, или условія только таковы, что данною суммою денегъ можно уже покупать меньше, чѣмъ прежде, — это вопросъ о количественномъ различіи, которое здѣсь теперь для насъ не важно. Для насъ важно, что и покупательная сила звонкихъ денегъ можетъ быть парализована, когда она попадаетъ въ обстановку, свидѣтельствующую о непроизводительности. Ибо очевидно, что если на деньги нечего покупать, то оттого, что нѣтъ

тѣхъ производительныхъ цѣнностей, которыя можно было бы покупать деньгами, нѣтъ той производительности, которую деньгами можно было бы оплачивать. Когда покупательная сила денегъ парализована, это свидѣтельствуетъ о народно-хозяйственномъ дефицитѣ въ производительности.

Въ состояніи-ли кредитъ немедленно устранить этотъ дефицитъ? Нѣтъ, кредитъ нуждается во времени, чтобъ оказать свое вліяніе на производительность. Немедленно онъ можетъ оказать только свое вліяніе на скорость возникновенія имущественныхъ отношеній *по поводу наличныхъ результатовъ* производительности. А если этихъ результатовъ нѣтъ? Тогда кредитъ никакого немедленнаго вліянія оказать не можетъ. Онъ парализованъ.

Ваша производительность могла остаться, по прежнему, несомнѣнно производительною. Но при всей несомнѣнной важности, которую для кредита имѣетъ производительность предпріимчивости,— какъ бы безъ нея кредитъ совершенно былъ невозможенъ: — съ нею одною онъ еще не долженъ необходимо возникнуть. Производительность *у предпріимчивости* можетъ быть самая несомнѣнная и въ извѣстность о ней могутъ быть приведены всѣ, кому то вѣдать надлежитъ, путемъ самыхъ забористыхъ рекламъ,—довѣріе къ ней можетъ быть полнѣйшее, какъ гранитъ твердое, и— кредита у нея все-таки можетъ не быть.

Почему? Потому что мы до сихъ поръ упускали изъ виду еще одинъ необходимый и неизбѣжный элементъ кредита, ссудный (свободный) капиталъ. Если у каждаго изъ владѣльцевъ капитала имѣется его не больше, чѣмъ сколько имъ нужно на собственныя надобности, если весь капиталъ становится предпринимательскимъ или превращается въ сберегательный запасъ свободнаго богатства, тогда не изъ чего образоваться ссуднымъ капиталамъ. Тогда и кредитъ невозможенъ, хотя бы тогда-же существовала у предпріимчивости, нуждающейся въ кредитѣ, совершенно несомнѣнная и вполнѣ признанная производительность.

Кредитъ невозможенъ не только тогда, когда его не хотятъ оказывать, но и тогда, когда его не изъ чего оказывать. Кредитъ

создаетъ капиталы, но не изъ ничего. Много ли поможетъ воздержаніе народу, который невѣжественъ и, окруженный натуральными богатствами, не знаетъ, какъ взяться за разработку ихъ? Также точно не много поможетъ народу и другая нравственная доблесть, взаимное довѣріе, до какой бы нѣжности оно ни доходило, если рядомъ съ нимъ не будетъ идти знаніе, указывающее пути къ производительности и устраняющее ея дефициты.

Кредитъ держится, главнымъ образомъ, плодами прогрессивнаго движенія производительности. Если это основаніе кредита сильно, то оно само уже влечетъ за собою и другія основанія кредита. Но не на оборотъ. Для кредита отрѣзаны пути въ двухъ случаяхъ: когда весь капиталъ — предпринимательскій и всякій владѣлецъ капитала самъ обладаетъ достаточною предпріимчивостью, чтобъ подъ ея вліяніемъ капиталъ могъ достигнуть наивысшей производительности, или же когда владѣльцы капиталовъ предпочитаютъ ихъ свободное состояніе всякой ихъ доходности.

И тотъ, и другой случай могутъ обусловливаться только дефицитами производительности. Въ первой и третьей главахъ мы разъясняли тѣ внутреннія основанія, вслѣдствіе которыхъ прогрессъ производительности сопряженъ съ необходимымъ появленіемъ ссудныхъ капиталовъ. Если въ данное время производительность возрастаетъ, то это можетъ произойти только вслѣдствіе увеличивающагося сочетанія силъ, то есть, вслѣдствіе расширяющейся спеціализаціи. Послѣдняя же влечетъ за собою неизбѣжную необходимость передавать въ надлежащія спеціальныя предпріимчивыя руки тѣ новыя богатства и капиталы, въ которыхъ выразился прогрессъ производительности. Если одной спеціальности нечего сбывать другой въ кредитъ, то значитъ — прошлое не оставило наслѣдства настоящему, оно для него не работало. Его производительность не сдѣлало прогрессивныхъ шаговъ. Если же настоящее обладаетъ производительною предпріимчивостью, которая могла бы работать и большею суммою капиталовъ, чѣмъ какую ей оставило прошлое, то значитъ—оно страдаетъ отъ дефицита производитель-

ности своего прошлаго: изъ за этого дефицита часть его силъ парализована.

Еще очевиднѣе, что только условія, враждебныя производительности, могутъ вызвать предпочтеніе свободнаго состоянія богатства его затраченному состоянію. Въ чемъ заключаются эти условія? Въ неуспѣхахъ предпріимчивости, подрывающихъ вѣру въ нее, въ стѣсненіяхъ, которымъ она подвергается, препятствующихъ ей дѣйствовать тамъ, тогда, такъ и столько, гдѣ, когда, какъ и сколько она считаетъ полезнымъ дѣйствовать, исходя изъ своихъ воззрѣній на условія успѣха.

Предпріятію, которое держится ссуднымъ капиталомъ, долженъ соотвѣтствовать или одинъ опредѣленный капиталъ, свободный какъ разъ на такой срокъ, на который растягивается предпріятіе,— или же ему долженъ соотвѣтствовать рядъ такихъ капиталовъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности можетъ быть свободенъ и на меньшій срокъ, но всѣ, въ совокупности, послѣдовательно одинъ за другимъ проявляя свою свободность, изъ итога меньшихъ сроковъ образовывали бы одинъ большій, равный продолжительности предпріятія. Понятно, что чѣмъ эта продолжительность больше, тѣмъ *труднѣе* составиться и той цѣпи капиталовъ, *соединенную свободность которыхъ* доставляетъ обращаемость, какъ *новую основу для кредита* предпріимчивости. Вотъ почему *долгосрочныя* обязательства стоятъ на прочной почвѣ только тогда, когда въ нихъ помѣщенъ совершенно свободный капиталъ, неограниченный никакимъ срокомъ въ своихъ движеніяхъ. Напротивъ, чѣмъ *менѣе* продолжительность предпріятія, тѣмъ *легче* для нея образуется и вышеописанная цѣпь капиталовъ, на почвѣ соединенной свободности которыхъ предпріятіе можетъ уже себя чувствовать достаточно крѣпкимъ.

Соединяться нужно тѣмъ силамъ, которыя сами по себѣ слишкомъ мелки, чтобъ съ ихъ помощью можно было или, вообще, что либо начинать, или начинать данное дѣло. Мелкая сила, по большей части, теряется, вслѣдствіе своей неспособности дать такой результатъ, который уже имѣетъ свое значеніе для надобно-

стей человѣка. Ибо эти надобности всегда предполагаютъ извѣстный *количественный* размѣръ или объемъ у того, чѣмъ онѣ удовлетворяются. И если нужнаго объема или размѣра сила не въ состояніи сама произвести, то она теряетъ всякое значеніе. Чтобъ сила была спасена, для этаго ей нужно соединиться съ другими силами. Соединеніе, слѣдовательно, парализуетъ слабость отдѣльной силы. Оно противудѣйствуетъ ея непроизводительности и, напротивъ, споспѣшествуетъ производительности.

Каждый разъ, когда мы встрѣчаемся съ соединяющимися силами, мы должны, поэтому, заключать объ ихъ непроизводительности, если онѣ берутся отдѣленныя одна отъ другой. Этого не должно терять изъ виду. Ибо если производительность силы зависитъ не отъ нея самой, не отъ ея индивидуальныхъ качествъ, а отъ ея соединенія съ другими силами, то ея производительность дѣлается зависимою отъ всѣхъ тѣхъ условій, которыя противудѣйствуютъ или споспѣшествуютъ соединенію силъ, питаютъ и подкрѣпляютъ, или подрываютъ и ослабляютъ—способность и готовность силъ соединяться другъ съ другомъ.

Такимъ образомъ, увѣренность, что вмѣсто одного вѣрителя по обязательству найдется другой, готовый замѣстить перваго, вмѣсто другаго третій и послѣдующіе, необходимые въ теченіе того времени, когда длится предпріятіе, можетъ и должна имѣть два основанія. Первое основаніе должны представлять признаки, несомнѣнно доказывающіе *существованіе* силъ, способныхъ соединяться. Второе основаніе представляютъ признаки, доказывающіе *готовность* этихъ силъ соединяться другъ съ другомъ.

Какъ ни очевидна и проста, повидимому, мысль, что предпріимчивость можетъ предвосхищать только тѣ свои будущіе плоды, для добыванія которыхъ она вооружена надлежащими средствами, врядъ ли, однако, существуетъ другой пунктъ въ нашей области, на которомъ теорія и практика не дѣлали бы столь большой массы погрѣшностей. То появлялись теоретическіе планы предвосхитить плоды земельнаго капитала и «перечеканить» землю въ деньги, то банки дѣлались несостоятельными, оттого что они вооружали без-

срочными капиталами представителей такой предпріимчивости, которою предвосхищались плоды, могущіе быть полученными только въ долгіе сроки.

Внимательный разборъ отдѣльныхъ видовъ и способовъ антиципаціи будущихъ плодовъ предпріимчивости, вооружающейся для того ссудными капиталами, имѣетъ большое значеніе по двумъ причинамъ. Разборъ долженъ возможно опредѣленнѣе и отчетливѣе выяснить, какая антиципація возможна и при какихъ условіяхъ она споспѣшествуетъ производительности. Разборъ, однако, долженъ выяснить и противуположную сторону, то есть, покззать: какая антиципація невозможна при стремленіи жить въ ладу съ условіями производительности. Современныя воззрѣнія весьма часто оказываются ошибочными или односторонними нетолько въ томъ отношеніи, что они ведутъ къ безразсудной растратѣ капиталовъ, но еще и въ томъ отношеніи, что они вдаются въ противуположную крайность и поддерживаютъ трусливость капиталовъ, ничѣмъ не оправдывающуюся.

Производительность экономическихъ силъ и средствъ страдаетъ отъ всякаго невѣжественнаго распоряженія ими. Все равно, проявляется ли невѣжество въ томъ, что данные капиталы употребляются на цѣли, на которыя ихъ нельзя употребить, или въ томъ, что капиталы не употребляются на цѣли, на которыя ихъ можно и даже иногда должно употребить.

68. При разсмотрѣніи отдѣльныхъ способовъ пользованія ссудными средствами мы ставимъ на первый планъ тѣ, которые исторически представляли первый шагъ въ дѣятельности банковъ. Если нынѣ поприще для банковой дѣятельности значительно расширилось и подъ вліяніемъ этого расширенія уменьшилась та относительная его доля, которую занимаютъ коммиссіонныя операціи, то ихъ значеніе само по себѣ, тѣмъ не менѣе, тоже значительно расширилось и въ строгомъ смыслѣ онѣ продолжаютъ представлять главное зерно *банковаго дѣла* (banking).

Мы должны, однако, напомнить важную оговорку о томъ смыслѣ,

въ которомъ коммиссіонныя операціи входятъ въ составъ банковаго дѣла. Въ тѣсномъ и точномъ смыслѣ коммиссіонная операція означаетъ такую, которая производится подъ чужою отвѣтственностью. Различіе между коммиссіонеромъ и состоящимъ на службѣ (наемнымъ лицомъ) то, что коммиссіонеръ независимѣе при исполненіи возложеннаго на него дѣла, что онъ работаетъ не подъ надзоромъ предпринимателя и что онъ получаетъ не наемную, а поштучную плату, отдѣльно за каждую оказываемую имъ услугу. Независимость коммиссіоннаго дѣла представляетъ собою черту, которою она похожа на самостоятельную предпріимчивость. Но существенное отличіе коммиссіонера отъ самостоятельнаго предпринимателя то, что, какъ коммиссіонеръ, онъ не несетъ отвѣтственности за рискъ. Только тогда коммиссіонеръ начинаетъ и нести рискъ, когда онъ становится еще предпринимателемъ по перевозочному промыслу или по страховому дѣлу,—когда онъ соединяетъ свое первоначальное дѣло съ посторонними предпріятіями, существенно отъ него отличными. Тогда, однако, его операціи уже не чисто коммиссіонныя.

И банковыя коммиссіонныя операціи не всегда просты по своему составу. Напротивъ, по большей части, къ нимъ присоединяются новые элементы, которые ослабляютъ собственно коммиссіонный характеръ операцій. Но за то означенными элементами усиливается независимость дѣйствій банковъ и ихъ отвѣтственность. Эти элементы отчасти относятся къ области спекуляціи иныхъ видовъ, чѣмъ кредитъ, отчасти къ области кредитныхъ операцій. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ они представляютъ только добавочную часть къ разряду явленій, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію, котораго существенная сторона, чаще всего выступающая на первый планъ, заключается въ чисто коммиссіонной роли банковъ.

Было уже упомянуто, что инициатива въ банковомъ дѣлѣ въ исторіи его принадлежитъ отдѣльнымъ личностямъ—*банкирамъ*. Первою ихъ операціею было содѣйствіе удобствамъ перемѣщенія денежныхъ капиталовъ изъ одного мѣста въ другое. Для этого они принимали въ одномъ мѣстѣ *взносы или вклады капиталовъ* съ

цѣлью ихъ перевода въ другіе мѣста. На самомъ дѣлѣ, однако, банкиръ не перемѣщалъ ихъ въ другіе мѣста, а вмѣсто нихъ выдавалъ *приказы произвести платежъ* на имя какого-либо своего агента или другаго банкира, съ которымъ онъ находился въ сношеніяхъ Банкиръ основывалъ свою дѣятельность на фактѣ, если таковой выяснялся опытомъ, что при торгово-промышленныхъ сношеніяхъ между двумя различными мѣстами, когда они другъ у друга покупаютъ товары и цѣнности, обмѣнивающіяся мѣста не только оказываются вообще въ долгу за полученные товары и цѣны, но оказываются во *взаимномъ* долгу другъ у друга. Взаимные-же долги *сквитовываются*. То есть первоначальная дѣятельность банкировъ была основана на сдѣланномъ имъ наблюденіи, прежде всего, *характера* долговъ, возникающихъ отъ международнаго обмѣна, или торговли между различными мѣстами. Прежде всего *здѣсь* ими было замѣчено, что обмѣнъ, хотя-бы для его совершенія и имѣлись наличныя деньги, порождаетъ долги или долговыя отношенія и что фактъ появленія этихъ долговыхъ отношеній независимъ и можетъ быть обособленъ отъ факта погашенія долговъ,—уже потому, что оба факта во времени слѣдуютъ другъ за другомъ. Затѣмъ, банкиры *здѣсь* прежде всего замѣтили, что для погашенія долговъ отъ торгово-промышленныхъ сношеній деньги, хотя бы онѣ и имѣлись въ наличности, совсѣмъ не всегда бываютъ нужны: часть означенныхъ долговъ можетъ быть погашена просто ихъ взаимностью. Если мѣсто А состоитъ въ долгу у мѣста В на 10 милліоновъ, а мѣсто В состоитъ въ долгу у мѣста А на 9 милліоновъ, за купленные ими другъ у друга товары, то — хотя бы у обоихъ мѣстъ имѣлось 19 милл. для пересылки ихъ изъ одного мѣста въ другое и погашенія ими долговъ,—совсѣмъ не нужно пересылать эти 19 милл. Напротивъ, совершенно достаточно будетъ мѣсту А послать въ В только одинъ милліонъ и обоимъ мѣстамъ *обмѣняться своими долговыми требованіями*. Тогда всѣ долги будутъ погашены. Если оба мѣста находятся въ *постоянныхъ* сношеніяхъ другъ съ другомъ и они постоянно, во всякое данное время, положимъ среднимъ числомъ, другъ у друга

покупаютъ на 9 милл. товаровъ, то, когда они не обмѣниваются долговыми требованіями другъ отъ друга, они должны были бы имѣть 18 милл., которые бы *постоянно* служили собственно международной торговлѣ, также точно, какъ извѣстная масса наличныхъ денегъ постоянно служитъ внутренней торговлѣ. Означенные 18 милл. имѣли бы постоянное занятіе и менѣе всего объ нихъ можно было бы говорить, что они свободны. Они постоянно были бы въ пути изъ одной страны въ другую непрерывно между обоими мѣстами *обращались бы*. Вотъ отъ этой-то необходимости для 18 милл. постоянно обращаться между обмѣнивающимися мѣстами банкиры ихъ освобождали, входя во взаимныя сношенія и условливаясь между собою, что каждый на своемъ мѣстѣ будетъ закупать долговыя требованія и что они потомъ будутъ этими требованіями обмѣниваться между собою. Тогда, вмѣсто денегъ, въ постоянномъ обращеніи между торгующими мѣстами оказывались уже долговыя требованія. Напротивъ, наличный капиталъ въ 18 милліоновъ становился свободнымъ отъ необходимости переходить изъ страны въ страну. Этимъ онъ освобождался отъ цѣлаго ряда опасностей, которыя угрожали его цѣлости, т. е. лучше *сохранялся*.

Опасности, угрожавшія цѣлости капитала, были разнородны. Прежде всего, на низшихъ степеняхъ развитія государственнаго устройства, цѣлости капитала угрожали опасности отъ насилія, которое то считало возможнымъ оправдываться политическими, религіозными и разными иными соображеніями, то считало себя и свободнымъ отъ необходимости оправдываться. Затѣмъ, цѣлость капитала, какъ мы знаемъ, всегда страдаетъ вообще отъ манипуляцій имъ, отъ необходимости его держать въ рукахъ, упаковывать и т. д., словомъ, подвергать его физическимъ вліяніямъ тренія. Она страдаетъ отъ того, что всякое непосредственное употребленіе капитала требуетъ времени, въ теченіи котораго оно продолжается: капиталъ долженъ находиться въ пути болѣе или менѣе долго, смотря по продолжительности его. Несомнѣнно, что чѣмъ менѣе продолжителенъ путь, тѣмъ больше польза, доставляемая капиталомъ, тѣмъ съ меньшими жертвами сопряжена каждая

отдѣльная услуга, имъ оказываемая. Простая необходимость перемѣщенія денежнаго капитала требуетъ для себя расходовъ, которые тѣмъ больше, чѣмъ больше приходится пересылать капиталовъ для производства ими платежей. Когда эти платежи начинаютъ выражаться въ милліардахъ, то соотвѣтствующія денежныя суммы начинаютъ представлять значительныя тяжести, расходы перемѣщенія которыхъ начинаютъ тоже представляться большими суммами. Необходимость считать получаемыя и израсходываемыя деньги тоже принадлежитъ къ неудобствамъ, которыя не замѣчаются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но наростаютъ до весьма чувствительныхъ вліяній на цѣлость капитала, когда получаемыя и расходуемыя суммы начинаютъ достигать большихъ размѣровъ. Сосчитываніе требуетъ времени и капиталу, въ общей сложности, приходится быть праздными по необходимости.

Отъ всѣхъ этихъ неудобствъ переводные векселя и освобождаютъ денежный капиталъ. Они устраняютъ цѣлый рядъ потерь и даютъ возможность *сохранить* суммы, которыя иначе были-бы поглощены потерями. Изъ этихъ суммъ образуются источники свободныхъ капиталовъ.

Собирая у себя капиталы, которые подлежали пересылкѣ изъ одного мѣста въ другое, банкиры не освобождали ихъ отъ занятія, которое имъ давало производительное помѣщеніе. Но банкиры совершенствовали это помѣщеніе, устраняли неудобства, съ которыми оно было связано, дѣлали возможнымъ, чтобъ оно давало свои полезные результаты при меньшихъ затратахъ капитала, и освобождали излишне затраченный капиталъ. Банкиры дѣйствовали тутъ не ссудными капиталами. Но часть капиталовъ, которыми они дѣйствовали, они дѣлали свободными, слѣдовательно способными превращаться и въ ссудные. Устраняя необходимость пересылки наличныхъ денегъ изъ одного мѣста въ другое, банкиры не устраняли необходимости, чтобъ они переходили отъ одного человѣка къ другому. Продавцы каждаго отдѣльнаго мѣста получали *денежные* платежи, но они ихъ получали отъ *мѣстныхъ* лицъ, отъ покупателей не ихъ товара, а заграничнаго. Покупатели произво-

дили *денежные* платежи, но не своимъ заграничнымъ продавцамъ, а *мѣстнымъ* продавцамъ на заграничное потребленіе. Такимъ образомъ, мѣстные покупатели удовлетворяли мѣстныхъ продавцевъ и въ результатѣ получалось, что всѣ продавцы были удовлетворены, а деньги обращались только на мѣстѣ.

Необходимость производить перемѣщенія денегъ изъ одного мѣста въ другое явилась, такимъ образомъ, первою причиною, по которой цѣлый разрядъ капиталовъ сталъ приливать къ общему центру. Центръ представлялся банкирскими предпріятіями. Эта причина первая выяснила пользу отъ *сосредоточенія* денежныхъ капиталовъ. Сосредоточеніе капиталовъ, подлежащихъ перемѣщенію изъ одного мѣста въ другое, у банкировъ, выясняло въ первый разъ, что извѣстный разрядъ платежей съ большими удобствами можетъ быть производимъ, благодаря именно сосредоточенности капиталовъ. Та-же причина, однако, первая выясняла еще и пользу, которую можно извлекать изъ взаимной задолженности, благодаря которой, главнымъ образомъ, и избѣгалась необходимость пересылки денегъ,—для пользованія которою собственно и было нужно сосредоточеніе капиталовъ. Съ сосредоточеніемъ денегъ для цѣлей передачъ въ другія мѣста (для трансфертовъ) начиналась банковая операція вкладовъ.

Постепенно совершенствовался ходъ сосредоточенія капиталовъ въ общихъ центрахъ, а съ нимъ и операціи вкладовъ, которой существенное содержаніе и составляетъ означенное сосредоченіе.

Къ цѣли, которая представлялась необходимостью пересылать капиталы изъ одного мѣста, прибавилась новая: *храненіе* капиталовъ. Постепенно выяснялось, что *сосредоточенные* капиталы легче могутъ быть хранимы отъ опасностей, угрожающихъ ихъ цѣлости въ данномъ мѣстѣ. Намъ нѣтъ нужды выяснять подробно, почему собранные вмѣстѣ, капиталы легче могутъ быть освобождены отъ опасностей. Разсѣянные, они зависятъ отъ средствъ храненія, имѣющихся у каждаго отдѣльнаго владѣльца капиталовъ. А эти средства могутъ быть весьма различны по своимъ качествамъ. Напро-

тивъ, собранные вмѣстѣ, всѣ капиталы одинаково легко могутъ быть хранимы путемъ наилучшихъ средствъ.

Важною историческою причиною, игравшею большую роль въ постепенно все расширявшемся сосредоточеніи капиталовъ въ общихъ центрахъ, оказалась слѣдующая. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ торговыя сношенія, мѣстныя и съ заграничными странами, достигли наибольшихъ размѣровъ,—гдѣ производилось всего больше на вывозъ или куда изъ разныхъ странъ свозились товары для дальнѣйшихъ ихъ отправокъ,—гдѣ, слѣдовательно, много приходилось получать платежей за отправляемые въ разныя мѣста товары,—въ этихъ мѣстахъ, по самой природѣ дѣла, должны были оказаться въ обращеніи деньги, которыя были весьма различнаго происхожденія. Уже это одно въ наиболѣе бойкихъ мѣстахъ вызывало необходимость существованія спеціальной отрасли предпріимчивости, которая занималась-бы закупкою этихъ различныхъ заграничныхъ денегъ для замѣны ихъ однообразными мѣстными деньгами. Такимъ образомъ, являются предприниматели-мѣнялы, отъ коихъ банковая предпріимчивость получила свое названіе. Ихъ значеніе еще болѣе возрастало вслѣдствіе того, что на низшихъ степеняхъ развитія государственная соединенность замкнута была въ весьма тѣсные территоріальные предѣлы. Въ особенности узки были предѣлы государственной соединенности, на сколько она выражается единообразными деньгами, коими пользуется населеніе. Маленькіе политическіе организмы энергично отстаивали право имѣть для своего населенія *особыя* деньги. Разнообразіе въ деньгахъ различныхъ мѣстностей было, вслѣдствіе того, почти безконечное. Оно еще болѣе усиливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что правительства каждой отдѣльной мѣстности полагали, будто они могутъ *дѣлать* деньги въ силу своей власти и будто деньги имѣютъ ту или иную цѣну, не вслѣдствіе своей внутренней стоимости, а вслѣдствіе приказовъ правительства принимать ихъ по одной или другой цѣнѣ. Правительства часто *передѣлывали* деньги въ своей мѣстности, воображая, что они подобнымъ путемъ увеличиваютъ свои доходы. И такимъ образомъ въ каждой отдѣльной мѣстности являлись раз-

личныя деньги уже вслѣдствіе различныхъ приказовъ одного и того-же правительства. При подобныхъ условіяхъ легко понять, до какой напряженности должна была достигнуть потребность—объединить всѣ различныя деньги, которыя ходили въ данной мѣстности, привести ихъ къ одному знаменателю. Это и дѣлали мѣнялы-банкиры. Сосредоточеніе разнообразныхъ денегъ, ходившихъ въ данной мѣстности, для замѣны ихъ однообразными деньгами, прошло двѣ степени своего развитія, сверхъ той, на которой въ настоящее время стоитъ операція размѣна. Въ строго-научномъ смыслѣ содержаніе операціи представляетъ *обмѣнъ разнородныхъ орудій обращенія другъ на друга*,—все равно, идетъ-ли рѣчь объ обмѣнѣ металлическихъ орудій обращенія на металлическія, бумажныхъ на металлическія, или металлическихъ на бумажныя. Условія этого вида обмѣна разнородныхъ орудій обращенія другъ на друга,—или денегъ, въ роли таковыхъ, другъ на друга—бываютъ весьма разнородны, вслѣдствіе того, что условія спроса и предложенія для каждаго изъ нихъ въ отдѣльности могутъ быть совершенно особыя, не касающіяся остальныхъ. Отсюда два послѣдствія: во-первыхъ, орудія обращенія одинаковаго нарицательнаго достоинства могутъ оказаться различныхъ мѣновыхъ достоинствъ на рынкѣ. Рубль въ серебрянномъ орудіи обращенія можетъ стоить больше или меньше рубля въ бумажныхъ орудіяхъ обращенія. Во-вторыхъ, орудія различныхъ нарицательныхъ достоинствъ могутъ уклоняться и различаться другъ отъ друга на больше, чѣмъ сколько это обусловливается разностью между ихъ нарицательнымъ достоинствомъ. Отсюда является большая или меньшая выгода затрачивать капиталъ на болѣе цѣнимыя орудія обращенія, чтобъ пользоваться продажею ихъ какъ средствомъ выгадывать существующую въ ихъ пользу разность. Является особый видъ спекуляціи, которой цѣль разъискивать, гдѣ подешевле можно добывать наиболѣе цѣнимыя орудія обращенія, чтобъ ихъ продавать по существующей цѣнѣ и получать чрезъ то прибыль. Этою-то спекуляціею занимаются мѣнялы. Но они занимаются операціею размѣна только до тѣхъ поръ, пока она даетъ прибыль. Изъ этого, однако,

не слѣдуетъ, что существованіе самой операціи размѣна находится въ какой либо зависимости отъ того, даетъ-ли она прибыль. Размѣнъ можетъ не давать прибыли и тѣмъ не менѣе существовать, если разъ въ обращеніи находятся различныя, ему служащія орудія. Ибо одинъ только размѣнъ выясняетъ взаимоотношенія между различными орудіями обращанія и опредѣляетъ тѣ пропорціи, при которыхъ они уравниваются и приводятся къ одному знаменателю.

На низшей степени развитія размѣнъ — предпринимательская спекуляція для цѣлей барыша. На двухъ высшихъ степеняхъ развитія его цѣль заключается въ томъ, чтобъ, не смотря на свою безвозмездность, быть все-таки полезнымъ, служа для уравниванія разнородныхъ орудій обращенія.

Въ такой роли размѣнъ является уже какъ операція банковая, тогда какъ въ его роли предпринимательской спекуляціи операція размѣна начинается у мѣнялъ. Первоначально банки сосредоточиваютъ у себя разношерстныя металлическія деньги, которыми обладали различные представители торгово-промышленнаго міра. Драгоцѣнный металлъ банки принимали по вѣсу. Условному какому либо количеству металла давалось извѣстное названіе. Это количество принималось за единицу и имъ измѣряли весь сданный въ банкъ металлъ. Тогда всѣ сосредоточенныя въ банкъ количества металла являлись приведенными къ одному знаменателю и значились на счетѣ каждаго вкладчика, выраженныя въ единицахъ банковыхъ. Когда тѣмъ лицамъ, которымъ открыты были счеты въ банкѣ, приходилось дѣлать другъ другу платежи, они могли производить эти платежи металломъ, сложеннымъ въ банкѣ, не стѣсняясь его разношерстною наружностью: платежи они производили на банковыя единицы и приказывая банку извѣстное ихъ количество списать со счета лица, производившаго платежъ, и приписать его къ счету лица, получившаго платежъ,

Этимъ путемъ банкъ доставлялъ двоякія выгоды. Во-первыхъ, устранялись всѣ тѣ неудобства, которыя обусловливались разнородностью денегъ и несоотвѣтствіемъ между ихъ нарицательнымъ обозначеніемъ и внутреннею стоимостью. Во-вторыхъ, при плате-

жахъ устранялась необходимость непосредственной передачи денегъ in corpore; вслѣдствіе чего, мѣстные платежи могли производиться со всѣми тѣми удобствами, которыя доставлялись переводными векселями для платежей между различными мѣстами. Переносъ металла со счета на счетъ, или, вѣрнѣе, приказы банку дѣлать такіе переносы, совершенно соотвѣтствовали переводнымъ векселямъ.

Само собою очевидно, что складываніе металла въ банкѣ и открытіе счета лицу, сложившему свой металлъ въ банкѣ, было совершенно равносильно тому, какъ еслибъ лицу, сложившему свой металлъ, были выданы, вмѣсто металла, столько-же документовъ, свидѣтельствующихъ о внесенномъ металлѣ, сколько ему причиталось банковыхъ единицъ (или соотвѣтственное число документовъ, изъ коихъ каждый свидѣтельствовалъ-бы о внесеніи 3, 5, 10, 25, 50, 100, 500 и т. д. единицъ). Производство платежей перепискою съ одного счета на другой было совершенно равносильно тому, какъ еслибъ при платежахъ отъ лица къ лицу переходили подобные документы, свидѣтельствующіе о хранящемся въ банкѣ металлѣ. Различіе между порядкомъ, господствовавшимъ въ банкахъ на первыхъ порахъ и предполагаемымъ порядкомъ съ документами было-бы только то, что первый изъ нихъ выражалъ-бы большую замкнутость круга лицъ, между коими производятся платежи перепискою со счета на счетъ, тогда какъ второй предполагалъ-бы большую свободу въ подстановкѣ лицъ, оказывающихся владѣльцами металла, сосредоточеннаго въ банкѣ. Вотъ почему въ позднѣйшее время, когда пріобрѣтаютъ значеніе требованія большей свободы сношеній, второй порядокъ вытѣсняетъ первый. Но сущность дѣла этимъ ни на волосъ не измѣняется.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что изъ операціи размѣна, какъ ее вели старые банки, выработался особый способъ производить мѣстные платежи съ большими удобствами. Стремясь къ одной цѣли, т. е. желая устранить только одно неудобство, проистекавшее отъ необходимости употреблять плохія деньги, банки выработали такое средство, которое годилось даже въ томъ случаѣ,

еслибъ деньги оказались безупречными по своему составу и именованію. Т. е., банки открыли гораздо больше, чѣмъ искали. Почему? Потому, что для устраненія неудобства, которое всѣхъ стѣсняло, банки употребили радикальное лекарство. Они ступили на тотъ плодотворный путь, который представляетъ сосредоточеніе капитала, и прямо пошли по *этому* пути, можетъ быть не зная, куда онъ ихъ приведетъ. Они основаны были на согласіи, крайне богатомъ своими послѣдствіями: отказаться отъ непосредственнаго употребленія наличности и употреблять, вмѣсто того, приказы о производствѣ платежа. Этимъ они давали расширенное примѣненіе началу, которое лежало въ основѣ переводныхъ векселей. Значеніе всего того, что старые банки дѣлали, для нихъ могло оставаться неяснымъ. Но если дѣло не было достаточно сознано, то оно отъ того не теряло само своей плодотворной силы. Оно собственною своею внутреннею силою влекло за собою свои дальнѣйшія послѣдствія и, помимо сознанія людей, толкало ихъ отъ одного шага къ другому.

Разсмотрѣнныя нами въ предъидущемъ операціи (по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ вели первые банки) имѣютъ теперь одно только историческое значеніе. Но онѣ, тѣмъ не менѣе, и для насъ важны, показывая, во первыхъ, зародыши всѣхъ тѣхъ операцій, производствомъ которыхъ заняты современные банки, во вторыхъ—тѣ пути, по которымъ идетъ экономическій прогрессъ. Прогрессивное развитіе той удивительной организаціи кредита, которую мы теперь находимъ у народовъ, успѣвшихъ уйти впередъ всего далѣе, менѣе всего слѣдовало какому нибудь напередъ предначертанному плану. Оно представляло, напротивъ, такой-же простой естественный ростъ, какое представляетъ развитіе растенія. Изъ зародышей развились тѣ послѣдствія, которыя въ нихъ скрывались задатками. Но зналъ-ли кто либо, какіе это задатки и что изъ нихъ выйдетъ? Нѣтъ, не зналъ. Когда послѣдствіе успѣло уже окончить трудный періодъ, въ теченіе котораго оно вырабатывалось,—когда оно само успѣло

индивидуализироваться и окончательно выяснить свою природу, тогда только люди приступили къ его раціональному изученію.

Въ первыхъ кредитныхъ операціяхъ кредитъ еще не оособился отъ коммиссіи и слитъ съ нею. Капиталъ, который служитъ предметомъ кредитныхъ операцій, поэтому, еще не представляетъ чистаго ссуднаго капитала: онъ представляетъ одну только возможность таковаго, которая только ходомъ дальнѣйшаго развитія превращается въ дѣйствительность. Люди сосредоточиваютъ свои средства въ одномъ общемъ учрежденіи и производятъ платежи другъ другу такимъ способомъ, который служитъ источникомъ новыхъ сбереженій, и—этого не замѣчаютъ: способъ употребляется совсѣмъ не ради вызываемыхъ имъ сбереженій. Но раньше или позже это должно было стать замѣтнымъ. Раньше или позже должно было, поэтому, измѣниться отношеніе къ банкамъ. Но, сверхъ того, еще и другія причины дѣйствовали, вызывая перемѣну въ отношеніяхъ къ банкамъ. Страны объединялись. Образовывались крупныя государства. Разнообразіе монетъ начало уступать мѣсто нѣкоторому ихъ однообразію. Коверканіе монетъ алхимиками-финансистами тоже начало уступать мѣсто болѣе приличному обхожденію съ ними. Торговля и промышленность принимали болѣе обширные размѣры. Въ то-же время политическая власть, съ своей стороны, начала заботиться, чтобъ быть полезною для торгово-промышленной жизни. Капиталы, которые прежде имѣли основанія скрываться, начали показываться на свѣтъ божій и, подъ покровительствомъ организованной политической власти, расширяли основы производительности. Обстоятельства, одновременно благопріятствовавшія и расширенію торгово-промышленной дѣятельности, и большей готовности пускать въ ходъ скрытые до того капиталы, выясняли условія, отъ которыхъ зависитъ появленіе ссудныхъ капиталовъ, выясняли ихъ источники и способъ пользованія этими источниками. Кредитныя отношенія между частными лицами начали принимать болѣе обширные размѣры. Мало по малу начала выясняться мысль объ обособленіи другъ отъ друга и въ банковыхъ операціяхъ элементовъ коммиссіи и кредита. Два завзятыхъ шотландскихъ

спекулянта явились первыми, провозгласившими болѣе опредѣленно эту мысль и стремившимися выяснить ея народно-хозяйственное значеніе. Это были Патерсонъ и Ло. Конечно, ихъ «наибольшая» опредѣленность еще не очень велика съ нашей современной точки зрѣнія. Но весьма важно было то, что они сдѣлали центромъ тяжести банковыхъ операцій кредитныя операціи. Они усмотрѣли, что кредитныя операціи представляютъ естественное дальнѣйшее развитіе тѣхъ шаговъ, которые до того уже сдѣлало банковое дѣло. Другіе, одновременно съ ними дѣйствовавшіе и имѣвшіе предъ собою практику, обычную на большихъ ярмаркахъ, на которыхъ приходилось ликвидировать большія массы обязательствъ, знали уже весьма отчетливо, какъ не одни только деньги служатъ для погашенія долговъ, какъ долги могутъ погашаться долгами-же, какъ важенъ переходъ обязательственныхъ правъ изъ рукъ въ руки. Послѣдствіемъ этого явилось — большее вниманіе, которое обращено было на безсрочные долговые документы, какъ на способы пользованія источниками оборотныхъ средствъ кредита.

Первые банки сосредоточивали у себя деньги вкладами. Но это были вклады не въ современномъ смыслѣ. Они не представляли ссудныхъ капиталовъ, которые переданы были бы банкамъ для разъисканія имъ доходнаго употребленія. Напротивъ, каждый кліентъ банка зналъ, что его вкладъ состоитъ изъ денегъ, которыя онъ передалъ банку только для облегченія платежей, ему предстоящихъ. Вкладовъ, которыми банки пользовались бы подъ собственною отвѣтственностью, совсѣмъ не было. Но очевидно, что даже пріемъ старыхъ вкладовъ, по отношенію къ которымъ банки являлись только ихъ хранителями впредь до дальнѣйшаго распоряженія ими, былъ невозможенъ безъ довѣрія къ банкамъ. Служа коммиссіонерами своихъ вкладчиковъ, банки пріобрѣтали ихъ довѣріе, которое могло стать основаніемъ и иного рода вкладовъ.

Для развитія этихъ-то вкладовъ первостепенное значеніе имѣли, и во многихъ странахъ до сихъ поръ сохраняютъ, безсрочные и безпроцентные долговые документы, какъ способы, которыми банки всего легче къ себѣ привлекаютъ ссудныя средства. Выше мы объ-

яснили, отчего банковые билеты представляютъ самое легкое средство сосредоточивать ссудныя средства. Они могутъ держаться при такихъ условіяхъ, которыя еще не достаточны для вкладовъ. Безсрочные и безпроцентные долговые документы, путемъ обращаемости своей соединяющіе свободныя ссудныя средства, примиряются со степенью развитія, которая еще сравнительно низка для вкладовъ съ правомъ банка распоряжаться ими подъ собственною отвѣтственностью. Вотъ почему сосредоточеніе капиталовъ въ банкахъ, имѣющее своимъ основаніямъ уже кредитъ, а не коммиссію, начинается съ банковыхъ билетовъ. Отъ нихъ народныя хозяйства переходили къ вкладамъ, основаннымъ на кредитѣ. Важное значеніе въ указываемомъ отношеніи имѣли и бумажныя деньги. Онѣ тоже были средствомъ, которое научало народныя хозяйства извлекать пользу изъ обращаемости долговыхъ документовъ. Но опытность, которую давало *это* средство, обходилась народамъ слишкомъ дорого.

Только послѣ того, какъ банки стали сосредоточіемъ ссудныхъ капиталовъ, они могли принять болѣе дѣятельное участіе и въ снабженіи ими той предпріимчивости, которой нужно ими вооружиться, чтобъ предвосхищать свои будущіе плоды. Но банки и банкиры не могли и не должны были отказаться и отъ своихъ коммиссіонныхъ операцій, хотя эти послѣднія окрашивались новымъ цвѣтомъ вслѣдствіе соединенія ихъ съ кредитными. Банки и банкиры не могли и не должны были отказаться отъ коммиссіонныхъ операцій потому, что иначе они потеряли бы свое значеніе въ роли центровъ, чрезъ которые проходятъ и въ которыхъ перекращиваются платежи, идущіе въ противуположныхъ направленіяхъ и дающіе возможность извлекать пользу изъ взаимной задолженности. А еслибъ банки не содѣйствовали извлеченію этой пользы, производство платежей требовало бы гораздо большихъ массъ наличныхъ денегъ и парализовало бы ссудный характеръ очень многихъ капиталовъ. Банки и банкиры не могли и не должны были оставить въ сторонѣ коммиссіонныя операціи еще и потому, что иначе они потеряли бы значеніе организованныхъ центровъ денежнаго

рынка, около которыхъ сосредоточиваются спросъ и предложеніе свободнаго капитала. Цѣлыя массы потребностей въ ссудномъ капиталѣ, которыя чувствовались не изолированными отдѣльными людьми, а коллективными учрежденіями (главнымъ образомъ—государствами, компаніями), должны были бы въ противномъ случаѣ остаться неудовлетворенными. Историческій ходъ обстоятельствъ былъ, однако, такой, что мало по малу банки и банкиры на дѣлѣ становились центрами, въ которыхъ сосредоточивалась наибольшая масса свободныхъ капиталовъ, разъискивавшихъ себѣ ссуднаго помѣщенія. Фактически выходило, что никакое правительство вовсе и не въ состояніи было бы воспользоваться ссудными капиталами, минуя банки и банкировъ.

Ходъ прогрессивнаго развитія заключался, слѣдовательно, не въ замѣнѣ коммиссіонныхъ операцій кредитными, а въ обособленіи ихъ другъ отъ друга, въ полученіи каждою изъ этихъ операцій полной самостоятельности и вполнѣ выясненной индивидуальности.

Изъ сказаннаго ясно, что между видами антиципаціи, которые нами ниже должны быть разобраны, мы должны будемъ различать двѣ основныя категоріи. Въ одной изъ нихъ отвѣтственность, принимаемая на себя банками, имѣетъ значеніе для одного только должника по кредитному отношенію, для котораго банкъ добываетъ капиталъ. Эта отвѣтственность касается обязательства, что капиталъ будетъ добытъ и что онъ будетъ доставленъ должнику. Во второй категоріи, напротивъ, банкъ принимаетъ на себя отвѣтственность предъ владѣльцами свободныхъ капиталовъ и касается его обязательства, чтобъ въ выговоренный срокъ занятый капиталъ былъ возвращенъ. Первая категорія касается коммиссіонныхъ операцій, вторая—кредитныхъ.

69. Въ области кредитной антиципаціи мы прежде всего встрѣчаемся съ отличіемъ т. н. личнаго кредита отъ кредита вещнаго или залоговаго. Въ чемъ заключается каждый изъ нихъ и чѣмъ они другъ отъ друга отличаются?

Говоря о кредитѣ, мы его постоянно опредѣляли, какъ поку-

пательную силу предпріимчивости, еще своихъ результатовъ нереализовавшей, *совершенно или отчасти*. Это послѣднее добавленіе до сихъ поръ для нашего изложенія не было настолько существенно, чтобъ возникла надобность въ подробномъ его объясненіи. Въ послѣдующемъ мы дадимъ это объясненіе.

Одна изъ важнѣйшихъ причинъ, сильно задерживавшихъ ясное и отчетливое развитіе кредита, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ясныхъ, отчетливыхъ представленій о кредитѣ, заключалась въ тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, съ которыми долженъ непрерывно бороться прогрессъ производительности экономическихъ силъ. Во всякое данное время производительность замкнута въ границы, опредѣляемыя суммою вещественныхъ, умственныхъ и нравственныхъ элементовъ сотрудничества. За этими границами начинается область непроизводительности. Сверхъ, однако, того неудобства, что во всякое данное время существуютъ предѣлы, съ которыхъ начинается непроизводительность, эти предѣлы, сами по себѣ, далеко не всегда и не для всѣхъ одинаково опредѣленны. Отсюда — послѣдствіе, что предѣлы, у которыхъ кончается производительность силы, для отдѣльныхъ случаевъ неопредѣленны. Такъ какъ не во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ одинаково извѣстно, гдѣ кончается производительность и гдѣ начинается непроизводительность,—то это значитъ, что не во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ извѣстно, гдѣ первоначальная основа кредита кончается и гдѣ начинается область, въ которой кредитъ лишенъ своего первоначальнаго основанія.

Понятна возникающая оттого необходимость еще до того, чѣмъ достигнутъ вѣроятный предѣлъ первоначальнаго основанія кредита, подкладывать подъ него второе, добавочное основаніе, которое на всякій случай обезпечивало бы его прочность и устойчивость. Отсюда являются такъ называемыя *обезпеченія* кредита.

Эти обезпеченія какъ бы надрываютъ связь кредита съ предпріимчивостью. Они какъ бы дѣлаютъ его зависимымъ отъ того, что вовсе не требуетъ «особаго» довѣрія, нужнаго для кредита. Кто обладаетъ собственностью, наличнымъ имуществомъ, обладаетъ

тѣмъ добавочнымъ основаніемъ, которое, во всякомъ случаѣ, обезпечиваетъ кредитъ и даетъ ему прочность.

Но—*не всякая* собственность даетъ кредитъ и *не всегда* она даетъ кредитъ. Да она невсегда вовсе и должна давать кредитъ. Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда она становится дополнительною основою кредита, она только количественно отличается отъ кредита, лишеннаго дополнительной основы, ею представляемой. Разборъ природы личнаго и вещнаго кредита это намъ и выясняетъ.

Различіе между личнымъ и вещнымъ кредитомъ,—или точнѣе: между покрытымъ и непокрытымъ кредитомъ,—имѣетъ для насъ слѣдующую важность.

Выше (стр. 347) было показано, что всякій кредитъ слагается изъ трехъ составныхъ частей: ссудной, страховой и оборотной. Ссудный элементъ кредита представляется капиталомъ, по поводу котораго возникаетъ кредитъ. Оборотный элементъ выражается долговымъ знакомъ, приводящимъ въ движеніе капиталъ. Наконецъ, страховой элементъ представляется обезпеченіемъ, что получившій капиталъ возвратитъ его къ выговоренному сроку.

Насколько качества и условія предвосхищенія предпріимчивостью будущихъ ея плодовъ зависятъ отъ ссуднаго и оборотнаго элементовъ кредита, было выяснено въ предъидущихъ главахъ. Насколько же качества и условія предвосхищенія зависятъ отъ страховаго элемента кредита, можетъ быть обнаружено только разсмотрѣніемъ обстановки, которою окружено непосредственное пользованіе ссудными капиталами. Общія основанія этой обстановки и покажетъ намъ разборъ различія между вещнымъ и личнымъ кредитомъ.

*Всякая* производительная сила, въ настоящее время, должна проходить двѣ степени, пока ей удается всѣ свои результаты реализовать вполнѣ. На одной степени она *производитъ* услугу, которую способна оказывать. Т. е. она переходитъ изъ своего первоначальнаго источника въ внѣшнюю цѣнность, которая *можетъ* быть передаваема однимъ человѣкомъ другому. На второй степени изготовленная цѣнность *дѣйствительно* передается. Она *сбывается* и такимъ путемъ оставляетъ однѣ руки, переходитъ въ новыя и

окончательно достигаетъ своей цѣли, насколько эта цѣль преслѣдовалась данною производительною силою.

Вслѣдствіе того, что всякая производительная сила настоящаго времени должна проходить описанныя двѣ степени до полной реализаціи всѣхъ своихъ плодовъ, даны двѣ степени, на которыхъ возможно возникновеніе потребности въ кредитѣ. Возможна, именно, или антиципація плодовъ такой производительной силы, которая еще не прошла ни одной изъ степеней своей дѣятельности. Или антиципацію будущихъ плодовъ должна произвести такая производительная сила, которая одну степень уже прошла, но которой остается еще пройти другую степень. Возможна антиципація плодовъ такой предпріимчивости, которая еще совсѣмъ не начинала своей дѣятельности и которой впередъ остается еще все сдѣлать: и изготовить цѣнность, и сбыть ее. Но возможна антиципація плодовъ и такой предпріимчивости, которая отчасти уже проявила свою производительность и обладаетъ или имѣетъ власть надъ изготовленною цѣнностью, доказывающею эту производительность. Ей остается, однако, еще *сбыть* свою цѣнность и получить за нее плату. И *предъ этимъ-то сбытомъ* или послѣ него, но до полученія платы, предпріимчивость и можетъ оказаться нуждающеюся въ кредитѣ, чтобъ предвосхитить результатъ сбыта.

Ясно, что въ такомъ случаѣ нужно различать два рессурса, изъ которыхъ можетъ черпать свой кредитъ предпріимчивость, еще не реализовавшая всѣхъ своихъ результатовъ. Одинъ рессурсъ представляетъ *производство* цѣнностей, другой рессурсъ представляется *сбытомъ* цѣнностей. Одинъ кредитъ мобилизируетъ *личныя* силы предпріимчивости, другой мобилизируетъ ея вещественныя средства. Одинъ кредитъ развязываетъ и приводитъ въ дѣятельное состояніе покупательную силу, которой источникъ представляетъ текущая дѣятельность. Другой кредитъ развязываетъ и приводитъ въ дѣятельное состояніе покупательную силу, которой источникомъ служатъ плоды отчасти законченной дѣятельности. Одинъ кредитъ—непокрытый, бланковый, другой—покрытый.

Различіе между бланковымъ кредитомъ и покрытымъ такое-же

существенное, какъ существенно различіе между антиципаціею результатовъ производства и сбыта. Но это различіе весьма часто совершенно извращается, когда бланковый кредитъ противупоставляютъ покрытому, какъ кредитъ, основанный на обманѣ, кредиту, имѣющему прочную почву въ дѣйствительныхъ цѣнностяхъ.

Бланковый кредитъ выражаетъ голое обѣщаніе платежа, даваемое предпріимчивостью, которая на основаніи разбора ея качествъ добилась признанія своей производительности, но которая *внѣ себя* не имѣетъ *ничего*, чѣмъ она въ состояніи была бы спеціально *покрыть* данное свое обязательство. Почва, на которой выростаетъ бланковый кредитъ, есть почва производительности чисто-личныхъ силъ, безъ всякой, какой бы то ни было, посторонней примѣси. Человѣку, пользующемуся бланковымъ кредитомъ, приходится полагаться на однѣ только свои *текущія* силы, еще отъ него неотдѣлившіяся, еще—такъ сказать—сидящія въ его тѣлѣ и постепенно-послѣдовательно изъ его тѣла отдѣляющіяся и переходящія въ производимые имъ результаты. Въ этихъ результатахъ силы и воплощаются. Имъ силы и сообщаютъ свою цѣнность. Утверждать, что бланковый кредитъ лишенъ всякой почвы, все равно, что утверждать, будто личныя силы человѣка, которымъ удалось устранить сомнѣнія въ своей производительности, все таки отъ этого ничего не пріобрѣтаютъ. Но для личныхъ силъ человѣка совсѣмъ не все равно, признается ли ихъ производительность, или не признается. Признанная производительность означаетъ *существующую* производительность. Отрицаемая-же производительность означаетъ *отсутствующую* производительность. Слѣдовательно, не придавать значенія признанію, все равно, что отождествлять существованіе и отсутствіе. Признанная производительность означаетъ такую, изъ которой считаютъ возможнымъ извлекать пользу, которую считаютъ источникомъ богатства, благосостоянія, экономической независимости. Отрицать за бланковымъ кредитомъ всякое значеніе, все равно, что отрицать всякое значеніе у текущей производительной предпріимчивости, то есть, у живаго человѣка, или у проявленій его

экономической жизненности, или—наконецъ—у основы экономическаго прогресса.

Бланковый кредитъ становится только тогда ненормальнымъ явленіемъ, когда его выдаютъ не за то, что онъ на самомъ дѣлѣ есть, когда его выдаютъ за покрытый кредитъ. Но тогда имъ злоупотребляютъ также точно, какъ могутъ злоупотреблять рѣшительно всѣмъ на свѣтѣ. Бланковый кредитъ могутъ подтасовывать и выдавать за покрытый. Это—конечно—обманъ. Но очевидно, что въ случаяхъ обмана должно винить дѣятельность, его производящую, а не предметъ, которымъ дѣятельность пользуется. Изъ того, что многіе шарлатаны и мошенники обманываютъ наивныхъ людей, выдавая имъ бланковый кредитъ за покрытый, слѣдуетъ только одно: что они—мошенники, а ихъ жертвы—наивны. Но совсѣмъ не слѣдуетъ, что должно отказаться отъ одного изъ основныхъ рычаговъ экономическаго прогресса, какимъ несомнѣнно является кредитъ, оказываемый текущей предпріимчивости, поставившей свою производительность выше сомнѣній.

Самое важное отличіе покрытаго кредита отъ бланковаго заключается въ томъ, что первый слѣдуетъ за расширеннымъ предложеніемъ товаровъ, а второй—за расширеннымъ предложеніемъ праздпаго капитала, или проще—денегъ. Расширенное предложеніе товаровъ само уже представляетъ обезпеченіе противъ ненормальнаго возвышенія ихъ цѣнъ. Напротивъ, расширенное предложеніе денегъ можетъ предшествовать расширенному производству, основываться на предъусматриваніи послѣдняго и до его наступленія производить временныя колебанія въ цѣнахъ.

Отсюда понятно, что далеко не безразлично, на что банки употребляютъ сосредоточенныя ими у себя средства: на то-ли, чтобъ оказывать постороннимъ лицамъ бланковые кредиты, или на то, чтобъ имъ оказывать кредиты покрытые.

Въ первомъ случаѣ банки сами играютъ дѣятельную роль при опредѣленіи объема производства уже съ самаго его начала. Такъ какъ бланковый кредитъ оказывается предпріимчивости еще до того, какъ она приступила къ какому бы то ни было проявленію

своей производительности, то очевидно, что отъ размѣра кредита, оказаннаго предпріимчивости, будетъ зависѣть объемъ, возможный для ея проявленій.

Бланковый кредитъ выражаетъ кредитъ *текущей* предпріимчивости, которая еще *совсѣмъ* не реализовала своихъ результатовъ. Поэтому онъ всегда *личный*.

Но предпріимчивость можетъ находиться въ лучшемъ положеніи. Она можетъ уже имѣть за собою одну пройденную стадію: она можетъ уже имѣть реализованными свои плоды, насколько это зависѣло отъ производства, и ей можетъ оставаться только *дальнѣйшая* реализація—путемъ сбыта. Слѣдовательно, *отчасти* она уже реализовала свои плоды. Въ нихъ-то она и можетъ имѣть *спеціальное* покрытіе, если она пожелаетъ воспользоваться кредитомъ на этой степени.

Другими словами: если предпріимчивости, которая обладаетъ отчасти уже реализованными результатами, понадобится кредитъ, то она его можетъ добыть или совершенно помимо своей текущей предпріимчивости, или-же только отчасти на нее опираясь. Такъ какъ ей предстоитъ сбытъ отчасти реализованныхъ результатовъ ея прошлой предпріимчивости, а слѣдовательно, и полученіе платежей за результаты, или доходовъ по нимъ, то путемъ кредита она можетъ антиципировать эти платежи или доходы. Она или выдаетъ обѣщаніе, разсчитанное на предстоящіе платежи или доходы, или прямо передаетъ кредитору право на эти платежи и доходы.

Въ подобномъ случаѣ мы будемъ имѣть предъ собою кредитъ, *покрытый* отчасти реализованными результатами предшествовавшей предпріимчивости. Но эти результаты только *отчасти* реализованы. Именно поэтому для высвобожденія силъ, затраченныхъ въ нихъ, понадобился кредитъ, антиципирующій *полную* реализацію *всѣхъ* плодовъ прошлой предпріимчивости. Но плоды эти—мертвыя вещи, которыя безъ содѣйствія человѣка, т. е. его текущей предпріимчивости, реализованы быть не могутъ. Слѣдовательно, и послѣдней долженъ быть оказанъ кредитъ. Но когда здѣсь текущей

предпріимчивости оказывается кредитъ, онъ уже *не ей одной* оказывается, какъ было при бланковомъ кредитѣ. Кредитъ ей несомнѣнно оказывается, а вмѣстѣ съ нею и личности, съ которою она связана. Но личность, при этомъ, опирается на реализированые уже отчасти плоды свои. Такимъ образомъ кредитъ оказывается сразу и личности, ея текущей предпріимчивости, и плодамъ ея прошлой предпріимчивости. Съ помощью кредита антиципируются результаты и той, и другой предпріимчивости.

Слѣдовательно, бланковый кредитъ—*исключительно* личный. То есть, личный кредитъ означаетъ такой, которымъ предвосхищаются плоды *только* текущей предпріимчивости,—который предшествуетъ первому началу проявленія производительности. Онъ, поэтому, *всегда* бланковый. Напротивъ, покрытый кредитъ уже *сложенъ* по своему составу. Личный кредитъ въ немъ составляетъ только *одинъ элементъ*. По этимъ элементомъ *онъ еще не исчерпывается*. Сверхъ него, въ составъ покрытаго кредита входитъ еще другой—*вещный* элементъ, представляемый отчасти реализованными плодами прошлой предпріимчивости. Отсюда смѣшанный характеръ покрытаго кредита, въ одно и то-же время и личнаго, и вещнаго.

Съ различіемъ между личнымъ и вещнымъ кредитомъ ходячія представленія соединяютъ различіе въ степени обезпеченности кредита. По большей части вещный кредитъ противупоставляютъ личному, какъ залоговой—беззалоговому.

Необходимо имѣть въ виду, что это противупоставленіе непосредственно опирается на юридическое основаніе. Только косвенно оно пріобрѣтаетъ и экономическое значеніе. Экономическое значеніе залога заключается въ представляемой имъ дополнительной силѣ, обезпечивающей исполненіе обязательства. Съ экономической точки зрѣнія всякая полезная сила сводится къ производительности. Кредитъ, однако, *всегда* предполагаетъ производительность у той силы, которой онъ оказывается. Поэтому, съ экономической точки зрѣнія, «беззалоговой» кредитъ означаетъ не такой кредитъ, который вообще лишенъ всякаго обезпеченія, а только такой, который лишенъ *извѣстнаго* юридическаго обезпеченія, обозначаемаго

въ дѣйствующемъ положительномъ законодательствѣ названіемъ «залога». Залогъ означаетъ добавочное *вещественное* обезпеченіе, изъ котораго могутъ быть почерпнуты средства, при содѣйствіи исполнительной власти суда, если первоначальное экономическое основаніе кредита окажется недостаточнымъ. Залогомъ можетъ быть только то, что можетъ быть предметомъ вещнаго права. А предметомъ подобнаго права можетъ быть только то, что можетъ быть сберегаемо и накопляемо.

Выше мы выяснили, что кредитъ представляетъ собою сполсобъ—сдѣлать свой капиталъ доходнымъ и въ то-же время слагать съ себя отвѣтственность за опасности, которыя могутъ угрожать капиталу отъ даннаго его употребленія. Въ другомъ мѣстѣ мы выяснили возникающую отсюда необходимость, чтобъ существовалъ другой капиталъ, или другая имущественная масса, которая брала бы на себя страхъ опасностей и всегда готова была бы изъ себя восполнить всякую потерю, угрожающую цѣлости чужихъ капиталовъ.

Если въ какомъ либо предпріятіи или хозяйствѣ употребляются ссудные, т. е. чужіе капиталы, полученные путемъ кредита, и если употребленіе ихъ связано съ какою бы то ни было, хотя бы наималѣйшею, вѣроятною опасностью для ихъ цѣлости,—то данное предпріятіе должно непремѣнно обладать и предпринимательскимъ (своимъ собственнымъ) капиталомъ. Ибо если рискъ существуетъ для даннаго предпріятія или хозяйства, и ссудный капиталъ его не несетъ по самой своей природѣ, то кто нибудь да долженъ-же его нести.

Всякій, кто довѣряетъ въ чужія руки свои капиталы, долженъ, поэтому, сначала справиться, обладаютъ-ли эти руки какимъ-бы то ни было своимъ собственнымъ имуществомъ, достаточно великимъ, чтобъ оно способно было выносить потери, если таковыя могутъ угрожать довѣреннымъ капиталамъ. Иначе онъ поступаетъ противно всякой логикѣ вообще и, въ частности, логикѣ того спеціальнаго дѣла, которое заключается въ довѣреніи своихъ капиталовъ чужимъ рукамъ.

Предпринимательскій капиталъ представляетъ собою тотъ *добавочный* имущественный фондъ, у котораго *всегда* долженъ себя страховать ссудный капиталъ, когда онъ съ какою либо опасностью переходитъ въ чужія руки. Страховой элементъ долженъ входить во *всякое* кредитное отношеніе, разъ только что либо существуетъ, отъ чего слѣдуетъ страховаться. Кредитъ безъ страховаго элемента, когда ему угрожаетъ опасность, представляетъ contradictio in adjecto. Ибо передача въ чужія руки ссуднаго капитала связана *всегда* съ яснымъ сознаніемъ, что если опасности возникнутъ, то на ссудный капиталъ онѣ не падаютъ. Понятно, что не указать въ подобномъ случаѣ — на кого-же падаетъ опасность—будетъ рѣзкая безсмыслица.

Такимъ образомъ, съ чисто экономической точки зрѣнія, предпринимательскій капиталъ представляетъ никогда не отсутствующую и никогда непрерывающуюся гарантію ссуднаго капитала. Полное существенное отличіе предпринимательскаго капитала отъ ссуднаго, съ юридической точки зрѣнія, можетъ опредѣляться по ихъ первоначальной принадлежности, по ихъ постоянной или временной связанности съ тою или иною индивидуальною имущественною сферою. Съ экономической-же точки зрѣнія, это отличіе представляется только по отношенію одного и другаго разряда капиталовъ *къ риску*. Ссудный капиталъ не несетъ никакого риска. Предпринимательскій—несетъ весь рискъ отъ даннаго предпріятія. Ясно, что въ такомъ случаѣ предпринимательскій капиталъ несетъ рискъ и за себя, и за ссудный капиталъ. Онъ всегда сопровождаетъ послѣдній и его обезпечиваетъ, охраняетъ.

Вотъ почему съ строго-экономической точки зрѣнія не существуетъ необезпеченнаго кредита. Необезпеченный кредитъ то-же самое, что человѣкъ безъ головы или безъ легкихъ, т. е. нѣчто такое, что возможно, но какъ болѣзненное, страдающее, носящее въ себѣ свою гибель.

Чѣмъ-же отличается «залогъ» отъ того обезпеченія, которое представляется «предпринимательскимъ капиталомъ» для всякаго ссуднаго капитала?

Когда мы говоримъ о «предпринимательскомъ капиталѣ», мы *вообще* говоримъ о *всей* имущественной массѣ, которая въ данномъ хозяйствѣ или предпріятіи можетъ на себя брать отвѣтственность и служить фондомъ для страхованія отъ опасностей. Мы говоримъ тогда обо всемъ предпринимательскомъ капиталѣ въ его цѣлости. Напротивъ, когда мы говоримъ о «залогѣ», мы говоримъ объ *извѣстной части* имущественнаго достоянія предпринимателя. Предпринимательскій капиталъ безразлично обезпечиваетъ *всякій* ссудный капиталъ, съ которымъ онъ вмѣстѣ дѣйствуетъ Напротивъ, залогъ обезпечиваетъ только *извѣстный* ссудный капиталъ, котораго охранѣ въ его цѣлости онъ спеціально приноровленъ.

Предпринимательскій капиталъ представляетъ собою тотъ фактъ, на которомъ лежитъ «отвѣтственность всѣмъ имуществомъ», какъ ее называютъ юристы. Юристы очень хорошо знаютъ, что *эта* отвѣтственность, во всякомъ случаѣ, сопровождаетъ *каждое* обязательство. Юристу и на мысль, поэтому, не придетъ противупоставлять обезпеченныя обязательства необезпеченнымъ, какъ составляющія особыя категоріи, въ основѣ коихъ лежатъ особыя начала. *Фактически* могутъ оказаться существующими необезпеченныя обязательства. Но фактически таковыми могутъ оказаться даже обязательства, снабженныя залогами.

Слѣдовательно, противупоставленіе залоговаго кредита беззалоговому не есть противупоставленіе обезпеченнаго кредита необезпеченному. Это противупоставленіе такое-же, какое существуетъ между родомъ и видомъ. Беззалоговой кредитъ имѣетъ родовое обезпеченіе. Залоговой, сверхъ того, имѣетъ еще и видовое обезпеченіе.

Зависитъ-ли *сила* обезпеченія отъ того, какое оно, родовое или видовое, общее или спеціальное? Это — вопросъ, на который нельзя дать общаго отвѣта, одинаково удобопримѣнимаго ко всѣмъ возможнымъ случаямъ. Въ однихъ случаяхъ общее обезпеченіе можетъ имѣть больше силы, чѣмъ спеціальное; въ другихъ случаяхъ меньше. Но въ одномъ и томъ-же случаѣ, спеціальное обезпеченіе, какъ

слѣдующее за общимъ и всегда его предполагающее, конечно, увеличиваетъ собою силу общаго обезпеченія.

*Первоначальное* обезпеченіе всякаго кредита представляетъ производительность экономическихъ факторовъ, которымъ кредитъ оказывается. *Добавочное* обезпеченіе кредита представляетъ предпринимательскій капиталъ, въ его неопредѣленной всецѣлости или въ ясно указанной его части. Только первоначальное, но не добавочное, обезпеченіе можетъ и должно существовать, *какъ при покрытомъ кредитѣ, такъ и при бланковомъ.* Различіе между бланковымъ кредитомъ, кредитомъ вообще покрытымъ и покрытымъ спеціальнымъ залогомъ, слѣдовательно, только *количественное, а не качественное.* Бланковый кредитъ обезпечивается предпринимательскимъ капиталомъ вообще («всѣмъ имуществомъ»). Покрытый кредитъ обезпечивается достовѣрнымъ существованіемъ тѣхъ плодовъ прошлой предпріимчивости, вслѣдствіе которыхъ послѣдней остается только окончить сбытъ, чтобъ реализировать всѣ свои результаты. Наконецъ, залоговой кредитъ обезпечивается достовѣрнымъ существованіемъ плодовъ прошлой предпріимчивости не только *фактически*, но и *юридически* приноровленныхъ къ данному обязательству или кредиту, въ немъ проявившемуся.

Когда непосредственное пользованіе ссудными средствами производится банками, оно заключается въ довѣреніи ссудныхъ средствъ тѣмъ или инымъ отдѣльнымъ предпріятіямъ, на основаніяхъ кредита личнаго или вещнаго. Въ основѣ отдѣльныхъ частныхъ способовъ, которые банками употребляются для довѣренія своихъ ссудныхъ капиталовъ отдѣльнымъ «помѣщеніямъ», лежатъ общія условія пользованія ссудными капиталами, выражающія его главныя гарантіи. Первая имѣетъ своимъ предметомъ *гласность* образа дѣйствія банковъ. Вторая имѣетъ своимъ предметомъ—соотношеніе между банковымъ пользованіемъ ссудными средствами и *рискомъ*.

Въ общей суммѣ средствъ, которыми производитъ свои обороты банкъ, собственный его капиталъ представляетъ только часть, чаще всего весьма незначительную сравнительно съ остальными. Да по самой своей природѣ банкъ и не долженъ, главнымъ образомъ,

дѣйствовать собственнымъ капиталомъ. Собственный капиталъ банка—его предпринимательскій капиталъ. Но цѣль банка — производить обороты ссудными, т. е. чужими капиталами. Собственный капиталъ банку нуженъ только, какъ обезпеченіе,—какъ та имущественная масса, которая принимаетъ на себя всякій страхъ отъ могущихъ представиться опасностей.

Когда идетъ рѣчь о всякомъ иномъ видѣ предпріятій, представленіе о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности сливается съ представленіемъ объ ихъ собственномъ капиталѣ. Банковое предпріятіе составляетъ исключеніе изъ этого правила. Въ успѣхѣ банковаго предпріятія столько-же, сколько собственники, если не болѣе ихъ, заинтересованъ всякій владѣлецъ капитала, довѣреннаго банку. Судьба имущества каждаго такого владѣльца зависитъ отъ банка. Ясно, въ такомъ случаѣ, что каждому владѣльцу нужно имѣть хоть общія свѣдѣнія объ образѣ дѣятельности банка. Иначе его превращаютъ въ нѣчто безсловесное и безотвѣтное. Иначе отъ каждаго владѣльца ссуднаго капитала требуютъ противуположныхъ вещей: чтобъ онъ и довѣріе оказывалъ отдачею своего имущества, и основаній не желалъ имѣть для оказываемаго имъ довѣрія.

Если-бъ довѣрители банковъ (владѣльцы ссудныхъ капиталовъ) представляли общество, постоянное по своему составу,—тогда и безъ гласности возможно было-бы сообщеніе имъ надлежащихъ свѣдѣній, на которыхъ они могли бы основывать свое довѣріе къ образу дѣйствій банковъ. Но составъ того круга лицъ, въ который входятъ довѣрители каждаго банка, непрерывно измѣняется. Составъ этотъ даже не можетъ не измѣняться, какъ только для банка получаютъ большое значеніе безсрочные ссудные капиталы. Ибо тогда для него получаетъ большую важность обращаемость (все равно, или вкладовъ, или билетовъ). Кредиторомъ банка можетъ оказаться сегодня—одинъ человѣкъ, завтра другой и т. д. Всякій, принимающій вмѣсто платежа чекъ или билетъ, оказывается довѣрившимъ свое имущество банку. Чѣмъ болѣе распространяется употребленіе чековъ или билетовъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ вѣроятность, что *каждый* членъ народнаго хозяйства можетъ оказаться довѣрите-

лемъ какого-либо банка. Очевидно, что къ подобномъ случаѣ *каждому* должны быть доставлены и необходимыя свѣдѣнія объ образѣ дѣйствія банковъ, коимъ имущество всѣхъ довѣряется. Но это другими словами значитъ, что свѣдѣнія объ образѣ дѣйствія банковъ, на которыхъ только и можетъ основываться довѣріе къ банкамъ, должны быть открыты для всѣхъ. Свѣдѣнія должны быть—*гласныя*.

Гласность образа дѣйствій банковъ, и притомъ возможно болѣе обширная гласность, представляетъ самую основную гарантію *правильности* образа дѣйствій банковъ, если не въ объективномъ смыслѣ, то въ субъективномъ. Если банкъ дѣйствуетъ гласно, то это уменьшаетъ его отвѣтственность, ослабляетъ его активность. А объ этомъ банкъ долженъ всегда заботиться возможно больше. Въ интересахъ банка всегда—чтобъ надъ нимъ соблюдали возможно больше контроля, и контроля возможно болѣе строгаго. Почему? Потому что банкъ преимущественно дѣйствуетъ *чужими* капиталами. Чѣмъ болѣе у него увѣренности, что владѣльцы капиталовъ одобряютъ тотъ или иной образъ дѣйствій съ довѣренными ему капиталами, тѣмъ онъ можетъ быть спокойнѣе.

Гласность образа дѣйствія банка, несомнѣнно, представляетъ главный пунктъ, на которомъ не только цѣлесообразно, но и необходимо правительственное вмѣшательство. Отъ имени всего населенія народнаго хозяйства, довѣряющаго свое имущество банкамъ, правительство можетъ и должно требовать отъ банковъ возможно болѣе обширной гласности. Но это требованіе, конечно, необходимо только тогда, когда сами банки не понимаютъ своего интереса и стремятся къ безконтрольной власти надъ чужимъ имуществомъ.

Болѣе сложенъ вопросъ о соотношеніи между непосредственнымъ пользованіемъ ссудными капиталами и рискомъ, съ которымъ пользованіе можетъ быть сопряжено. Всякое пользованіе, какимъ-бы то ни было капиталомъ, всегда производится въ разсчетѣ на его производительность. Пользованіе капиталами представляетъ собою ту область практической дѣятельности, въ которой она всего осмотрительнѣе и осторожнѣе. *Единственная* область практической дѣятельности, въ которой человѣкъ можетъ свою осмотри-

тельность основывать на строгомъ математическомъ разсчетѣ, представляется именно при пользованіи капиталами. Чаще всего здѣсь людей постигаетъ упрекъ за «излишнюю» уже разсчетливость. Когда образъ дѣйствій, обычный при пользованіи капиталами, переносится въ другія области жизни, то это всегда возбуждаетъ неудовольствіе. Для строгой разсчетливости, говорятъ, настоящее мѣсто только въ экономической сферѣ,—когда осторожность касается сохранности той основы благосостоянія, которою служитъ капиталъ. Но въ областяхъ чувства, справедливости и разныхъ иныхъ моральныхъ, человѣку дѣйствовать *должно*, говорятъ, на иныхъ основаніяхъ, а не «по разсчету». Всѣ остальныя основы благосостоянія (честь, правда, справедливость, любовь, вѣра и т. д.) считаются не нуждающимися въ томъ, чтобъ ихъ «отсчитывали, отмѣривали и отвѣшивали». Таковы господствующія воззрѣнія.

Но что такое рискъ? Страхъ опасности, угрожающей цѣлости или доходности имущества и возникающей по той причинѣ, что для даннаго употребленія имущества невозможенъ строгій разсчетъ. «Данное употребленіе» капитала выражаетъ всегда стремленіе удовлетворить какой-либо потребности. Смотря по тому, до какой степени потребность настоятельна, она будетъ вызывать готовность на большія или меньшія жертвы. Эти жертвы, однако, въ весьма значительной мѣрѣ зависятъ отъ большей или меньшей вѣроятности успѣха для стремленій человѣка. Чѣмъ успѣхъ менѣе вѣроятенъ, тѣмъ большихъ жертвъ требуетъ стремленіе къ удовлетворенію данной потребности. Чѣмъ успѣхъ менѣе вѣроятенъ, тѣмъ большая опасность угрожаетъ жертвамъ, на которыя человѣкъ соглашается. Вѣроятность успѣха выражаетъ степень производительности силъ человѣка. Если эта производительность несомнѣнна, то и успѣхъ стремленій—внѣ сомнѣнія. Если, напротивъ, она только вѣроятна, то вѣроятенъ только и успѣхъ. У того предѣла, гдѣ кончается несомнѣнная производительность, потребности человѣка вызываютъ такія его стремленія, которымъ грозитъ страхъ неуспѣха,—которыя, волею-неволею, должны примириться съ рискомъ.

Еслибъ господствующія въ настоящее время воззрѣнія требовали, чтобъ при *всѣхъ* своихъ дѣйствіяхъ человѣкъ руководствовался-бы однимъ только строгимъ разсчетомъ, тогда понятно было-бы полное осужденіе риска. Ибо риску всегда соотвѣтствуетъ вѣроятность, которую, правда, тоже стремятся «разсчитать», но которая весьма легко можетъ «разстроить всѣ разсчеты». Мы видѣли, однако, что почти во всѣхъ остальныхъ областяхъ жизни, кромѣ экономической, дѣйствія на основаніи одного только разсчета считаютъ даже чѣмъ-то предосудительнымъ. Когда человѣкъ принужденъ примириться съ рискомъ въ экономической области, то, слѣдовательно, онъ въ нее не вноситъ ничего новаго. Насколько его экономическія стремленія основаны не на строгомъ разсчетѣ, а на разсчетѣ вѣроятностей только, эти стремленія становятся лишь однородными съ тѣми, которыя признаются единственно непредосудительными въ другихъ областяхъ жизни. И если даже рискъ стараются по мѣрѣ возможности все-таки подвергнуть разсчету, то значитъ дѣлается все, что только послѣдовательность дозволяетъ требовать.

Ясно, слѣдовательно, что ни съ экономической, ни съ какой бы то ни было иной точки зрѣнія рискъ самъ по себѣ осужденъ быть не можетъ. Если въ несомнѣнной производительности оказывается недостатокъ, а нужды, требующія удовлетворенія, настоятельны, то рискованная производительность — единственная, на которую, волею-неволею, приходится возлагать всѣ надежды.

Пока рѣчь идетъ объ употребленіи каждымъ человѣкомъ *своего собственнаго* (предпринимательскаго) капитала, все это весьма легко можетъ быть допущено.

Очевидно, однако, что съ точки зрѣнія *народнаго хозяйства* совершенно безразлично, какимъ представляется данный капиталъ съ эгоистической точки зрѣнія. Только съ этой эгоистической (частно-хозяйственной) точки зрѣнія возможно различать *собственный* (предпринимательскій) капиталъ отъ *чужаго* (ссуднаго). Народное-же хозяйство одинаково обладаетъ и тѣмъ, и другимъ капиталомъ. Имѣя извѣстную совокупность нуждъ, въ извѣстной мѣрѣ

настоятельныхъ, и имѣя только извѣстный запасъ силъ, несомнѣнно производительныхъ,—народное хозяйство, волею-неволею, должно безразличо относиться къ тому, какой капиталъ какъ истрачивается. Для него вѣдь прежде всего важно, чтобъ потребности не остались неудовлетворенными. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія народнаго хозяйства совершенно-безразлично, подвергаются-ли риску предпринимательскіе или ссудные капиталы.

Иное представляется намъ при разсмотрѣніи дѣла съ частнохозяйственной точки зрѣнія. Съ своей эгоистической точки зрѣнія, каждому отдѣльному человѣку приходится проводить строгое различіе между *своимъ* имуществомъ и *чужимъ*. Мало того. Ссудный капиталъ означаетъ такой, владѣлецъ котораго не желалъ взять на себя страха, могущаго угрожать цѣлости или доходности капитала при его непосредственномъ употребленіи на одно или другое дѣло. По самой своей природѣ ссудный капиталъ тѣмъ именно отличается отъ предпринимательскаго, что онъ не желаетъ никакого риска и всякій такой рискъ перемѣщаетъ на предпринимательскій капиталъ.

Ясно, въ такомъ случаѣ, что если возникаетъ необходимость различать ссудный капиталъ отъ предпринимательскаго, то параллельно этому возникаетъ необходимость возможно строже и обособленнѣе держать двѣ области производительности: несомнѣнную и вѣроятную. Область несомнѣнной производительности прежде всего принадлежитъ ссуднымъ капиталамъ. Съ областью вѣроятной производительности, волею-неволею, должны примиряться предпринимательскіе капиталы.

Но можетъ возникнуть вопросъ: какъ быть въ томъ случаѣ, если область несомнѣнной производительности слишкомъ узка, чтобъ вмѣстить въ себя и доставить доходность всѣмъ ссуднымъ капиталамъ, какъ-бы ихъ много ни было?

Вопросъ этотъ разрѣшается не трудно. Чего хочетъ ссудный капиталъ? Почему владѣлецъ капитала дѣлаетъ его ссуднымъ? Ссудный капиталъ желаетъ *несомнѣнной* производительности. Потому что его владѣлецъ не желаетъ рисковать цѣлостью и доходностью

своего имущества. А если несомнѣнной производительности совсѣмъ нѣтъ? А если, не рискуя, капиталъ нѣ на что употребить? Тогда, очевидно, *владѣлецъ ссуднаго капитала желаетъ невозможнаго.* Условія не допускаютъ исполненія его желаній. Слѣдовательно, онъ долженъ, волею-неволею, отъ нихъ отказаться. И тогда—одно изъ двухъ. Или владѣлецъ ссуднаго капитала примирится съ бездоходностью ради того, что несомнѣнною за то будетъ цѣлость имущества. Или владѣлецъ предпочтетъ несомнѣнную доходность и долженъ будетъ примириться съ рискованною цѣлостью его капитала.

Предѣлы несомнѣнной производительности служатъ основою возможному употребленію капиталовъ, не подвергая опасности ихъ цѣлость и доходность. Этимъ они указываютъ и на предѣлы кредита. Кредитъ враждебенъ риску. Насколько капиталамъ угрожаютъ опасности, они не могутъ превращаться въ ссудные.

Можетъ казаться, что если ссудный капиталъ примиряется съ одними только условіями несомнѣнной производительности, тогда кредитъ не нуждается ни въ какихъ обезпеченіяхъ. Это было бы совершенно вѣрно, еслибъ безъ обезпеченій всегда одинаково внѣ всякаго сомнѣнія былъ положительный отвѣтъ на вопросъ: затраченъ-ли капиталъ на несомнѣнно производительное дѣло.

Вопросъ объ обезпеченности кредита въ отдѣльныхъ его проявленіяхъ, или о силѣ обезпеченій, съ которыми онъ соединяется въ отдѣльныхъ случаяхъ, самъ вызываетъ два дальнѣйшихъ вопроса. Во первыхъ, находится-ли сила обезпеченности въ зависимости отъ свободности или связанности тѣхъ имущественныхъ запасовъ, которые служатъ обезпеченіями? И во вторыхъ, находится-ли сила обезпеченія въ зависимости отъ количественнаго ея отношенія къ обезпечиваемому кредиту?

Не трудно замѣтить, какъ безусловная свободность всего имущества, служащаго обезпеченіемъ, при равенствѣ его чужому, совершенно парализовала бы кредитъ. Свободное имущество—только денежное. Еслибъ въ обезпеченіе полученныхъ мною, въ кредитъ, 1000 рублей меня заставили дать залогъ въ 1000 руб., то

это было бы равносильно тому, какъ еслибъ я въ кредитъ 1000 р. совсѣмъ не получилъ. Ясно, поэтому, что совершенно свободный залогъ имѣетъ смыслъ лишь для обязательствъ тѣхъ видовъ, которые заключаются только *въ охраненіи* цѣлости капиталовъ, но никакъ не въ пользованіи ими, не въ доставленіи имъ доходности. Если-же обязательство направлено не только на сохраненіе цѣлости, но и на пользованіе, то возникающее въ этомъ случаѣ столкновеніе интересовъ можетъ быть примирено только однимъ путемъ. Этотъ путь слѣдующій.

Всякая опасность, которая угрожаетъ капиталу, всегда сводится къ тому, что помѣщеніе, въ которое капиталъ затраченъ, его не возстановляетъ по какой нибудь причинѣ. Причина эта и составляетъ основу опасности. Она всегда или находится въ связи съ *частными* условіями производительности капиталовъ, когда капиталы затрачиваются на одни или другія извѣстныя цѣли. Или-же она *общая*, для всевозможныхъ употребленій капиталовъ, на какую бы то ни было цѣль. Когда въ какой либо мѣстности дѣйствуетъ такая общая причина, парализующая всякую производительность капиталовъ, тогда смысла не имѣетъ затрата ихъ. Выгоднѣе—не затрачивать вовсе капиталовъ и держать ихъ праздными. Но въ такомъ случаѣ и кредитъ парализуется, слѣдовательно—нечего и обезпечивать. Главнымъ образомъ обезпеченіе нужно, когда условія благопріятствуютъ производительности и когда только сомнительно—благопріятны-ли условія для производительности и въ данномъ отдѣльномъ случаѣ. Слѣдовательно, обезпеченіе тогда имѣетъ своею цѣлью—*уравнить затраты при менѣе вѣроятной ихъ безопасности съ затратами при болѣе вѣроятной или совершенно несомнѣнной ихъ безопасности.* А такое уравненіе возможно только тогда, когда затраты, производимыя при наилучшихъ условіяхъ производительности, принимаютъ на себя всѣ опасности, могущія проистекать отъ употребленія капиталовъ при условіяхъ, менѣе благопріятствующихъ производительности.

Такимъ образомъ при кредитѣ только одно обезпеченіе и имѣ-

етъ смыслъ. Это, именно, такое, которое заключается не въ праздномъ капиталѣ, равнодушно относящемся и игнорирующемъ *всякія* условія производительности, а въ капиталѣ, находящемся въ связи съ наилучшими условіями производительности. Только такое обезпеченіе представляетъ *банковое покрытіе* кредита или *банковый залогъ*.

Слѣдовательно, *непосредственно* не имѣетъ рѣшительной и окончательной важности данное отдѣльное употребленіе, которое дѣлается изъ ссуднаго капитала. Оно можетъ быть и такое, которое сопряжено съ рискомъ. Но это только кажущимся образомъ будетъ противурѣчить враждѣ кредита къ риску: рядомъ съ даннымъ рискованнымъ употребленіемъ изъ ссуднаго капитала вѣдь будетъ находиться другое употребленіе, дѣлаемое изъ *предпринимательскаго* капитала, *но лишенное риска*. Важно не то, чтобъ предпринимательскіе капиталы непосредственно уходили непремѣнно на рискованныя затраты, а ссудные—на одни только несомнѣнныя. Важно, чтобъ *всякой* затратѣ рискованной соотвѣтствовала и затрата съ несомнѣнною производительностью. Важно, чтобъ эта послѣдняя, хотя она внутренне и свободна отъ риска, брала бы, однако, этотъ рискъ на себя. И, наконецъ, важно, чтобъ рядомъ съ ссуднымъ капиталомъ дѣйствовалъ предпринимательскій. Когда эти три условія соблюдены, тогда оставлена во всей своей неприкосновенности вражда кредита къ риску и ей оставленъ полный просторъ.

Когда ссудному капиталу угрожаетъ опасность, могущая его уничтожить во всей его цѣлости, тогда нужны несомнѣнно производительныя условія. Они должны дозволять предпринимательскому капиталу, по своему размѣру равному съ ссуднымъ, возстановиться не только въ неприкосновенной цѣлости, но и къ надлежащему сроку, къ которому кончалась свободность даннаго ссуднаго капитала, и въ выговоренной, обѣщанной послѣднему, доходности. Если ссудному капиталу угрожаетъ опасность, могущая уничтожить только часть его,—или только его производительность, или, наконецъ, только его способность возстановиться къ данному сроку,—

тогда, во всякомъ случаѣ, предпринимательскій капиталъ долженъ явиться на выручку.

Очевидно, однако, что «несомнѣнная» производительность, о которой мы до сихъ поръ говорили, въ дѣйствительности существуетъ лишь очень рѣдко. Дѣйствительная несомнѣнность всегда не безусловная, а относительная. Вотъ почему никакой предпринимательскій капиталъ, если онъ *весь* затраченъ, не можетъ брать на себя обезпеченія равнаго ему ссуднаго капитала, если послѣднему угрожаетъ опасность во всей его цѣлости. При подобныхъ условіяхъ *часть* предпринимательскаго капитала необходимо должна оставаться въ безусловно свободномъ состояніи, то есть въ видѣ денежнаго капитала.

Но необходимо еще принимать во вниманіе, что далеко не всегда лица или учрежденія, непосредственно пользующіяся ссудными капиталами, располагаютъ собственнымъ капиталомъ, равнымъ по величинѣ своей означеннымъ ссуднымъ капиталамъ. Если банкъ имѣетъ собственнаго капитала только одинъ милліонъ рублей, а ссудныхъ капиталовъ онъ собралъ десять милліоновъ, — и если своему собственному капиталу, равно какъ и ссуднымъ капиталамъ, банкъ даетъ занятіе, сопряженное съ рискомъ въ 10%, — то очевидно, что, даже при оставленіи одной десятой части собственнаго капитала въ свободномъ состояніи, банкъ не будетъ представлять надлежащаго обезпеченія. Ибо, положимъ, что опасность наступила. Одна десятая часть и всѣхъ ссудныхъ капиталовъ погибла. Изъ собственнаго капитала банкъ истратилъ 90000 и выручилъ обратно только 810,000. Вмѣстѣ съ тою десятою долею, которую онъ сохранилъ въ свободномъ состояніи, у него будетъ 910000 для покрытія убытковъ, постигшихъ ссудные капиталы. Но ему нуженъ цѣлый милліонъ. Очевидно, что банкъ попадетъ въ безвыходное положеніе, т. е. въ несостоятельность.

Что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ, что доля собственнаго капитала (предпринимательскаго), долженствующая совсѣмъ не быть истраченною и оставаться въ свободномъ состояніи (въ видѣ денежнаго капитала), находится въ зависимости не только отъ наи-

меньшаго риска, съ которымъ банкъ принужденъ мириться даже при наиболѣе безопасномъ употребленіи капиталовъ, но, сверхъ того, еще отъ пропорціи между объемомъ предпринимательскаго капитала и всѣхъ ссудныхъ въ ихъ совокупности.

71. Смотря по тому, послѣдствіе *какого сбыта* покрытый (вещный) кредитъ антиципируетъ, онъ и самъ бываетъ двоякій. Кредитъ покрытый имѣетъ дѣло съ цѣнностями, которыя играютъ роль *капиталовъ*. Капиталы-же, какъ извѣстно, нужно различать оборотные и постоянные. Оборотные суть такія цѣнности, которыя воспроизводятся и сбываются во всей своей цѣлости съ одного разу, которыхъ *вся* возможная для нихъ покупательная сила, сбытомъ *въ одинъ пріемъ*, превращается въ дѣйствительную. Постоянные капиталы, напротивъ, суть только такія цѣнности, которыя воспроизводятся и сбываются *не* всею своею цѣлостью, *не* всѣмъ своимъ тѣломъ, такъ сказать, а только постепенно приходящими и отходящими *частями* его. Это—такія цѣнности, вся возможная покупательная сила которыхъ постепенно, *въ нѣсколько пріемовъ*, превращается въ дѣйствительную съ помощью сбыта. Очевидно, что антиципація покупательной силы цѣнностей перваго рода (оборотныхъ капиталовъ) существенно отличается отъ антиципаціи покупательной силы цѣнностей втораго рода (постоянныхъ капиталовъ). Оборотный капиталъ стремится возможно скорѣе быть сбытымъ. Чѣмъ менѣе то время, въ теченіе котораго онъ находится въ данныхъ рукахъ, чѣмъ чаще онъ мѣняетъ руки, тѣмъ онъ производительнѣе. Ибо, такъ какъ онъ въ одинъ пріемъ и сразу приноситъ всю свою пользу, то чѣмъ короче время, въ теченіе котораго онъ ее приноситъ, тѣмъ чаще, т. е. больше, онъ можетъ ее приносить. Напротивъ, постоянный капиталъ только мало-по-малу и медленно *высвобождаетъ*, такъ сказать, пользу, имъ приносимую и въ немъ какъ-бы имобилизированную. Чтобъ принести всю свою пользу именно данныхъ рукамъ, въ которыхъ онъ находится, онъ долженъ возможно дольше въ нихъ оставаться, а не оставлять ихъ скоро. Онъ стремится, поэтому, сбываться

возможно меньшими частями въ каждый отдѣльный разъ и въ возможно большее число пріемовъ, въ теченіе возможно болѣе продолжительнаго періода времени. Слѣдовательно, когда антиципируется покупательная сила оборотнаго капитала, самая природа послѣдняго даетъ возможность скоро возвратить антиципированную силу. Въ этомъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ покрытымъ кредитомъ, *краткорочнымъ*. Напротивъ, когда антиципируется покупательная сила постояннаго капитала, то предвосхищаются результаты цѣлаго ряда пріемовъ сбыта, продолжающагося и растягивающагося на цѣлый періодъ времени, иногда весьма долгій. Въ этомъ случаѣ антиципируется не только близкое, но и отдаленное будущее. Кредитъ, поэтому, *долгосрочный*.

Но не только вещный кредитъ раздѣляется на два вида: краткосрочный и долгосрочный. Также точно, какъ сбытъ или совершается сразу, въ одинъ пріемъ, или растягивается во времени, и производство разбивается на отрасли, изъ которыхъ одни сразу возстановляютъ, воспроизводятъ всѣ сдѣланныя при нихъ затраты, а другія затягиваются во времени и только постепенно, въ нѣсколько пріемовъ, воспроизводятъ сдѣланныя на нихъ затраты. И текущую предпріимчивость должно различать долгосрочную отъ краткосрочной и сообразно съ этимъ предпріятія раздѣляются на два вида, по большей или меньшей продолжительности времени, въ теченіе котораго они продолжаются. Предпріятіе, дѣйствующее большимъ постояннымъ капиталомъ, продолжительнѣе предпріятія, дѣйствующаго только оборотнымъ капиталомъ. Предпріятія сельскохозяйственныя продолжительнѣе городскихъ. Предпріятія, состоящія изъ многихъ частей, послѣдовательно выполняемыхъ одна за другою, продолжительнѣе предпріятій, болѣе простыхъ по своему составу, или сложенныхъ изъ частей, могущихъ быть выполненными одновременно. Предпріятія, находящіяся въ зависимости отъ натуральныхъ условій, только періодически проявляющихъ свою силу, могутъ быть продолжительнѣе предпріятій, свободныхъ отъ такой зависимости. Предпріятія, которыхъ территоріальное поприще очень распространено, продолжительнѣе тѣхъ, которыя сосредото-

чиваются на одномъ какомъ либо пунктѣ. Можно было бы перечислить еще много другихъ причинъ, вліяющихъ непосредственно на текущую предпріимчивость и заставляющихъ и ее мириться съ большею продолжительностью. Понятно, что результаты краткосрочнаго производства и краткосрочной предпріимчивости могутъ антиципироваться не на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ только и возможна антиципація результатовъ предпріимчивости долгосрочной, или производительности, только постепенно проявляющей свои силы и дѣйствія. Производительность, которая сразу возсоздаетъ ей занятое, можетъ предвосхищать болѣе скорые свои результаты и потому кредитъ ею можетъ быть оказанъ краткосрочный. Напротивъ, производительность, которая только въ теченіе долгаго срока возсоздаетъ ею занятое, кредитомъ въ состояніи пользоваться только долгосрочнымъ.

По продолжительности срока, на который растягиваются порождаемыя кредитомъ отношенія, между личнымъ и вещнымъ кредитомъ, все-таки, однако, существуетъ глубокое различіе. Личный кредитъ не можетъ порождать отношеній, столь большой продолжительности или столь долгосрочныхъ, какими могутъ быть отношенія, вызываемыя кредитомъ вещнымъ. Причина этого заключается въ слѣдующемъ. Срокъ кредитныхъ отношеній обусловливается скоростью производства или возстановленія затратъ. Онъ зависитъ отъ тѣхъ свойствъ экономическихъ силъ и средствъ, которыми опредѣляются, какъ скоро они могутъ и должны быть возстановляемы. Оборотные капиталы скоро приносятъ свою пользу. Поэтому, они скоро могутъ и должны быть затрачиваемы и возстановляемы, чтобъ обнаружить всю свою производительность или свою наибольшую производительность. Личныя силы предпріимчивости, однако, въ этомъ отношеніи совершенно похожи на оборотные капиталы. Человѣку всегда желательно хорошо жить. Нужда можетъ его заставить пожертвовать настоящимъ для будущаго. Но только нужда, только *горькая* необходимость принуждаетъ къ подобной жертвѣ: она вызывается непроизводительностью и заботою— устранить непроизводительность хотя на будущее время. Произво-

дительныя силы, поэтому, не имѣютъ надобности затрачиваться, откладывая въ долгій ящикъ свои плоды. Онѣ, напротивъ, возможно скорѣе затрачиваются, чтобъ возможно скорѣе быть возстановленными, снова скорѣе быть затраченными и возстановленными и т. д. Въ экономической сферѣ жизненность человѣка въ томъ именно и проявляется, что его силы *живо* (т. е. скоро) проявляются и возстановляются. Личныя силы предпріимчивости проявляютъ тѣмъ большую производительность, чѣмъ скорѣе онѣ обнаруживаютъ свою производительность. А такъ какъ послѣдняя — основа кредита, то личный кредитъ имѣетъ подъ собою тѣмъ болѣе прочную основу, чѣмъ онъ—краткосрочнѣе. Напротивъ, чѣмъ онъ долгосрочнѣе, тѣмъ хуже почва, на которую онъ опирается, потому что поддерживающая его производительность медленно выражается.

Скорое проявленіе производительности личныхъ силъ означаетъ совмѣстное проявленіе съ одного раза *многихъ* производительныхъ личныхъ силъ, большей ихъ массы. Напротивъ, медленное проявленіе производительности личныхъ силъ, означаетъ, что онѣ дѣятельны не сразу совмѣстно и въ большой массѣ, а постепенно и въ извѣстной послѣдовательности: сначала одна, потомъ другая, затѣмъ третья и т. д. Пока одна изъ личныхъ силъ дѣятельна, другимъ приходится быть бездѣятельными. А это можетъ происходить только отъ отсутствія власти надъ условіями, дѣлающими сразу всѣ силы—производительными.

Другая важная причина преимущественной краткосрочности личнаго кредита находится въ связи съ только что указанною и отчасти даже служитъ ей основаніемъ. Эта причина заключается въ наименьшей опредѣленности, съ которою можетъ быть разрѣшенъ вопросъ, какъ долго человѣкъ въ состояніи будетъ пользоваться производительными личными силами своей предпріимчивости? Всякій иной вопросъ о продолжительности возможнаго пользованія *вещественнымъ* источникомъ производительныхъ силъ человѣку разрѣшить легче, чѣмъ вопросъ о продолжительности возможнаго пользованія своими собственными личными силами или силами посторонняго человѣка. Менѣе всего удобопредусматриваемы тѣ причины, отъ ко-

торыхъ зависятъ—качество, количество и напряженность дѣйствія личныхъ силъ человѣка. Долго-ли человѣкъ проживетъ и можно-ли, поэтому, предусматривать много его личной предпріимчивости, чтобъ ее сдѣлать основаніемъ разсчетовъ; будетъ-ли онъ здоровъ, т. е., всегда-ли можно разсчитывать на производительныя качества его силъ; будетъ-ли онъ всегда одинаково дѣятельно настроенъ, предпріимчивъ, энергиченъ и т. д.,—все это вопросы, которые всего труднѣе разрѣшаются. Во всякомъ случаѣ, предусмотрѣнію здѣсь открытъ весьма необширный просторъ и волею-неволею оно должно замыкаться въ границы короткихъ періодовъ времени, если оно не желаетъ пускаться въ область неизвѣстнаго и рисковать возможностью частыхъ ошибокъ.

72. Въ отношеніяхъ между частными лицами по большей части довольно осязательно видно во всякомъ отдѣльномъ случаѣ, какой кредитъ имѣетъ мѣсто, личный или вещный. Не такъ ясенъ характеръ кредита, которымъ пользуются складочныя предпріятія и вообще собирательные организмы.

Правда, въ тѣхъ случаяхъ, когда непосредственно указаны капиталы, покупательная сила которыхъ—сразу, вся, или долями,—предвосхищается путемъ кредита, хорошо замѣтенъ и вещный характеръ кредита. Ясность пропадаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда не указанъ опредѣленный вещный источникъ, изъ котораго предполагается заимствовать средства для погашенія обязательствъ, порожденныхъ кредитомъ. Ходячія представленія съ неохотою примѣняютъ названіе «личный» кредитъ, когда кредитомъ не пользуется личность *единичная*.

Очевидно, однако, что это происходитъ лишь оттого, что ходячимъ представленіямъ чуждо понятіе о *собирательной* личности. Личность привыкли усматривать только тамъ, гдѣ видно живое человѣческое тѣло. Тамъ, гдѣ встрѣчается нѣсколько соединенныхъ людей, привыкли говорить только объ обществѣ. Всякое общество рѣзко отличаютъ отъ личности. Общество обыкновенно рѣзко противупоставляютъ отдѣльной личности. Потому что общество раз-

сматривается только по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, *его образующимъ*. Общество, дѣйствительно, совершенно противуположно отдѣльнымъ людямъ, *его образующимъ*. Но если это и справедливо, то справедлива и другая сторона дѣла, которая въ ходячихъ представленіяхъ упускается изъ виду. Забываютъ, что общество можно противупоставлять не только тѣмъ отдѣльнымъ личностямъ, которыя его образуютъ или входятъ въ его составъ. Общество можетъ противупоставляться и *разнымъ другимъ* людямъ, которые въ его составъ *не* входятъ, или которые его *не* образуютъ. Забываютъ также, что нѣтъ такого общества, которое совершенно поглощало бы всего человѣка, во всей его цѣлости, со всѣми его силами и средствами. По крайней мѣрѣ современный человѣкъ — такого склада, который всего менѣе дозволяетъ какому бы то ни было обществу поглощать его всецѣло. Одними силами,—или одною частью своихъ силъ, одною стороною своей жизни, одною частью своихъ средствъ,—современный человѣкъ входитъ въ составъ однихъ обществъ. Другими своими средствами и силами, или ихъ частью, человѣкъ образуетъ другія общества. Наконецъ, третьею частью своихъ силъ и средствъ человѣкъ остается, такъ сказать, дома, въ своей собственной личной индивидуальной области, которую онъ цѣнитъ не менѣе высоко, чѣмъ «общество» или различныя «соединенія», въ составъ коихъ онъ входитъ. Такимъ образомъ, ни внутренняя, домашняя, личная область, ни какое бы то ни было «общество» или «соединеніе» современнаго человѣка всецѣло не поглощаютъ. Сверхъ того, что люди, соединяющіеся въ «общества» или «союзы», отдаютъ послѣднимъ, они многое сохраняютъ за собою для другихъ цѣлей и распоряженій. Что-же отсюда происходитъ?

Общества и соединенія можно противупоставлять и людямъ, въ ихъ составъ не входящимъ. Очевидно, что если такъ противупоставляться *постороннему* человѣку можетъ *всякое* общество, то это возможно и для *многихъ* обществъ сразу. Но тамъ, гдѣ существуетъ *множество* чего-либо и гдѣ возможна рѣчь о всякой *составной* части этого множества, — тамъ *каждая составная*

*часть становится сама индивидуальностью*. Если существуетъ много обществъ, которымъ отдѣльный человѣкъ, какъ посторонній, въ состояніи себя противупоставлять, то каждое отдѣльное общество *передъ нимъ* явится со своею особою индивидуальностью, *которою оно будетъ отличаться отъ другихъ обществъ* и которою оно послѣднимъ само будетъ противупоставляться. Для человѣка, который противупоставляетъ себя, какъ посторонняго, все равно съ точки зрѣнія индивидуальности, противупоставляетъ ли онъ себя отдѣльному человѣку или обществу. И тамъ, и здѣсь индивидуальность основа живой дѣятельности взаимныхъ отношеній. Живыя взаимныя дѣятельныя сношенія возможны только между свободными личностями. И если съ одной стороны ихъ является сразу нѣсколько и, при этомъ, за всѣми сразу должна быть признана одна соединяющая ихъ индивидуальность, то приходится признать существованіе коллективныхъ индивидуальностей или собирательныхъ личностей.

Такимъ образомъ менѣе всего можетъ служить препятствіемъ для личнаго кредита собирательныхъ организмовъ то обстоятельство, что эти организмы будто-бы не суть личности. Ибо «личность» выражаетъ совсѣмъ не тѣлесныя качества человѣка, а извѣстную совокупность его духовныхъ особенностей.

Но если о собирательныхъ организмахъ (о торгово промышленныхъ обществахъ, о государствѣ, о мѣстныхъ, городскихъ и сельскихъ общинахъ и т. д.) можно говорить, какъ о личностяхъ, то *изъ этого* еще не слѣдуетъ, чтобъ для нихъ *необходимо долженъ былъ* существовать и личный кредитъ. Изъ этого слѣдуетъ только, что онъ и для нихъ *возможенъ*, если окажутся въ наличности споспѣшествующія ему условія. Для личнаго кредита требуется прямое или косвенное обладаніе производительною силою, которая способна возбудить къ себѣ довѣріе, хотя-бы она еще только приступала къ началу своей дѣтельности. Акціонерная фабрика, которая успѣла уже доказать свою производительную предпріимчивость и съумѣла возбудить къ себѣ довѣріе, можетъ поль-

зоваться личнымъ кредитомъ также успѣшно, какъ и отдѣльный фабрикантъ.

Наименьшею ясностью отличается характеръ кредита, порождающаго государственные долги. Къ какому разряду относится государственный кредитъ, къ личному или къ вещному?

Вопросъ этотъ легко разрѣшается въ примѣненіи къ тѣмъ низшимъ степенямъ развитія, когда государственный кредитъ выражается въ долгахъ съ вещественными залогами. Но онъ становится неяснымъ, какъ только съ его помощью предвосхищаются современные доходы правительствъ, ими незакладываемые.

Кредитъ государства имѣетъ своимъ основаніемъ его связь съ производительными силами народнаго хозяйства, связь, въ силу которой правительство можетъ для себя требовать извѣстную долю плодовъ этихъ силъ. Государственный кредитъ основанъ на косвенной производительности его финансовыхъ рессурсовъ. Доходы правительства могутъ, поэтому, имѣть двоякое основаніе: или плоды текущей предпріимчивости членовъ народнаго хозяйства, или плоды ихъ накопленной прошлой предпріимчивости,—или доходы съ личныхъ силъ населенія, или доходы съ его вещественныхъ запасовъ. Смотря по характеру доходовъ, которые правительство, путемъ кредита, предвосхищаетъ, и характеръ самаго кредита, слѣдовательно, будетъ двоякій. Если путемъ кредита предвосхищаются доходы, проистекающіе отъ личныхъ силъ населенія государства, то и кредитъ будетъ личный. Если-же путемъ кредита предвосхищаются доходы отъ вещественныхъ средствъ населенія, то и кредитъ будетъ вещный.

Правительственные доходы, проистекающіе отъ личныхъ силъ населенія, существенно и своеобразно отличаются отъ правительственныхъ доходовъ, имѣющихъ своимъ источникомъ вещественныя средства населенія. Различіе между этими двумя видами доходовъ въ области государственнаго хозяйства совсѣмъ иного свойства, чѣмъ въ области частнаго хозяйства. Оттого своеобразную окраску получаютъ и разбираемые два основные вида кредита, когда они становятся основаніемъ *государственныхъ* долговъ.

Когда вещественныя средства населенія (его накопленное имущество или капиталы) очень велики, то и доходы отъ него весьма обширны. Тогда доходы отъ имущества извѣстною своею долею уже достаточно покрываютъ потребности государства. Это, конечно, доказываетъ гораздо большее благосостояніе населенія, чѣмъ когда вещественныя средства послѣдняго скудны и, для удовлетворенія потребностей государства, приходится обращаться къ личнымъ силамъ населенія. Ибо личныя силы гражданъ составляютъ послѣдній источникъ всего, чѣмъ они обладаютъ. Если, поэтому, вещественныя средства не велики, то это значитъ, что личныя силы прошлыхъ поколѣній не отличались значительною производительностью и больше служили однимъ только текущимъ надобностямъ. Экономическій прогрессъ имѣетъ своимъ основаніемъ заботы о такомъ будущемъ, въ которомъ устранено было бы все, что непріятно, неудобно и вредно въ настоящемъ. Если производительность не на столько возрастаетъ, чтобъ будущему заготовлены были надлежащія вещественныя средства, то это доказываетъ, что означенное устраненіе не подъ силу населенію. Населеніе должно, поэтому, примиряться съ низшею степенью развитія благосостоянія.

Когда правительство собираетъ свои доходы, взимая извѣстныя доли съ вещественныхъ средствъ населенія, оно пользуется плодами личныхъ силъ, уже доказавшихъ свою производительность богатствами, которыя онѣ произвели, и доходами, которые онѣ приносятъ. Напротивъ, когда правительство собираетъ свои доходы, опираясь на личныя силы населенія, ему волею-неволею приходится ставить себя въ зависимость отъ источника, котораго производительность можетъ оказаться сомнительною и во всякомъ случаѣ неопредѣлена. На свои личныя силы населеніе направляетъ и свои заботы, когда оно стремится возвысить производительность. На нихъ сказывается и прогрессъ производительности. По мѣрѣ обложенія личныхъ силъ налогами для государства, личныя силы связываются и въ своихъ прогрессивныхъ стремленіяхъ парализуются.

Вотъ почему государственные долги, которыми предвосхищаются доходы съ личныхъ силъ населенія и которые, слѣдовательно, опи-

раются на личный кредитъ, свидѣтельствуютъ о меньшемъ благосостояніи, чѣмъ государственные долги, которыми антиципируются доходы съ вещественныхъ средствъ населенія и которые опираются на вещный кредитъ.

То есть: *между характеромъ податей и характеромъ государственныхъ долговъ существуетъ тѣсная внутренняя и необходимая связь.* Если государственные долги предвосхищаютъ правительственные доходы, опирающіеся ни личныя силы населенія, то долги будутъ имѣть основаніемъ личный (непокрытый, бланковый) кредитъ. Напротивъ, если государственные долги предвосхищаютъ доходы, проистекающіе отъ капиталовъ населенія, то долги основываются на вещномъ или покрытомъ кредитѣ.

Такъ-же точно, какъ вообще бланковый кредитъ представляетъ собою низшую степень развитія, а покрытый кредитъ—высшую,— и государственные долги могутъ представлять явленія разнородныя по своимъ качествамъ. Это зависитъ отъ ихъ основанія. Если долги опираются только на личныя силы, онѣ соотвѣтствуютъ низшему развитію. Напротивъ, если они опираются на доходы отъ капиталовъ, то они представляютъ высшее развитіе.

Государственные долги, опирающіеся на личный кредитъ, по самой своей природѣ, должны непремѣнно остерегаться тѣхъ размѣровъ, которые могутъ еще быть безвредны для государственныхъ долговъ, опирающихся на вещный кредитъ. Ибо данный размѣръ первыхъ, какъ совмѣстныхъ съ меньшимъ благосостояніемъ, скорѣе можетъ разорить народное хозяйство, чѣмъ такой-же размѣръ вторыхъ, совмѣстныхъ съ большимъ благосостояніемъ.

Слѣдовательно, при антиципаціи будущихъ государственныхъ доходовъ, путемъ кредита, существенный вопросъ заключается не только въ полной обезпеченности поступленія этихъ доходовъ, но еще и *въ качествѣ этихъ доходовъ.* Каждому виду государственныхъ доходовъ соотвѣтствуетъ и возможность его антиципаціи, путемъ кредита, каковая возможность *замкнута въ опредѣленныя*

*границы.* Переходъ чрезъ эти границы возможенъ только съ преобразованіемъ налоговой системы.

Слѣдовательно, и объемъ кредита, которымъ можетъ пользоваться данное правительство, зависитъ не только отъ довѣрія, которое оно къ себѣ успѣло возбудить. Онъ еще зависитъ отъ качества доходовъ, которыми данное правительство въ состояніи держаться.

Условія, которыми обставленъ личный кредитъ и которыя вызываютъ его краткосрочность, не измѣняются и въ тѣхъ случаяхъ, когда личный кредитъ оказывается съ виду какъ будто-бы не лицу, а «фирмѣ», «предпріятію»,—все равно индивидуальныя онѣ, или коллективныя. Каждое предпріятіе (все равно, обозначается-ли оно по собственному имени лицъ, дѣйствующихъ въ немъ своими личными силами, и измѣняетъ-ли оно свое имя съ перемѣною въ ея личномъ составѣ, или—оно имѣетъ разъ навсегда ему данное имя, независимое отъ собственныхъ именъ дѣйствующихъ въ немъ лицъ), во всякомъ случаѣ, дѣйствуетъ не только капиталомъ, но и трудомъ, не только накопленными плодами предпріимчивости прошлой, но и живою текущею предпріимчивостью. Оно, поэтому, всегда имѣетъ и личный составъ, качество силъ котораго будетъ опредѣлять и производительность одного изъ основъ предпріятія. Съ перемѣнами въ этомъ личномъ составѣ всегда, поэтому, будутъ сопряжены перемѣны въ производительности личныхъ силъ предпріятія. Антиципировать плоды ихъ предпріимчивости можно, слѣдовательно, только на короткое время. Въ складочномъ предпріятіи, въ которое личные факторы входятъ только искусственно соединяемые съ вещественными факторами, и въ которомъ ихъ отдѣленіе другъ отъ друга легче,—условія для личнаго кредита являются, оттого, менѣе благопріятны. Но именно банковое дѣло и доказываетъ, какъ сильно практика въ состояніи парализовать эти менѣе благопріятныя условія. Банковое дѣло даже главнымъ образомъ на ихъ парализаціи основано. Когда банкъ пользуется, какъ способами, вкладами, билетами, векселями, — онъ пользуется личнымъ кредитомъ. Но онъ имъ пользуется только до тѣхъ поръ, пока его лич-

ный составъ внушаетъ къ себѣ довѣріе у владѣльцевъ свободныхъ капиталовъ.

73. Итакъ, личный кредитъ выражаетъ кредитъ непокрытый, бланковый. Вещный же кредитъ означаетъ такой, который покрытъ готовыми плодами предпріимчивости, совершенно или отчасти уже реализовавшей свои результаты. При этомъ или вѣритель получаетъ формальное (законное) право на покрытіе или онъ права не получаетъ. Въ первомъ случаѣ мы говоримъ обыкновенно о залоговомъ кредитѣ. Слѣдовательно, залоговой кредитъ означаетъ только одинъ *видъ* вещнаго кредита. Кромѣ этого вида, существуетъ еще другой видъ вещнаго кредита, очень хорошо покрытаго, хотя только фактически, но не юридически.

Чрезвычайно важно имѣть въ виду, что *чисто-вещнаго* кредита не существуетъ. Или если онъ существуетъ, то такой кредитъ заключаетъ въ себѣ основанія для внутренней порочности. Ибо всякій экономическій источникъ, въ настоящее время, только тогда можетъ быть почитаемъ за такой, который несомнѣнно доказалъ свою производительность (а съ нею и свою способность погашать лежащіе на немъ долги), когда онъ благополучно прошелъ чрезъ обѣ вышеуказанныя степени. То есть, онъ не только долженъ показывать, въ чемъ онъ осязательно воплощается, но и способность его плодовъ *легко быть сбытыми*. Плоды производства, сами по себѣ, могутъ быть очень полезны. Но если ихъ нельзя сбыть, то они — мертвый источникъ. Но для сбыта заботы предпріимчивости и ея личныя силы также безусловно необходимы, какъ и для производства. Если нѣтъ живой предпріимчивой дѣятельности, неустанно заботящейся о томъ, чтобъ сохранить у цѣнностей тѣ качества, которыя имъ обезпечиваютъ сбытъ по наилучшей цѣнѣ,—то такія цѣнности не годятся въ покрытіе для кредита. И если такія цѣнности все-таки послужатъ покрытіемъ для кредита, то онѣ будутъ *плохимъ* покрытіемъ. То есть въ кредитъ, къ которому онѣ относятся, закрадется внутренняя порочность.

Кто-бы ни пользовался непосредственно ссудными капиталами

и какими способами ни производилось-бы непосредственное пользованіе этими капиталами,—во всякомъ случаѣ пользованіе должно опираться на основанія, обезпечивающія его производительность, а съ нею и возможность погашенія долга, порожденнаго извлеченіемъ пользы изъ ссудныхъ капиталовъ. Въ однихъ случаяхъ обезпеченія могутъ заключаться только въ полезныхъ качествахъ личныхъ силъ. Въ другихъ случаяхъ обезпеченія могутъ представляться готовыми уже плодами предпріимчивости. Но во всякомъ случаѣ они должны существовать. Безъ нихъ и кредитъ перестаетъ быть кредитомъ. Безъ нихъ его названіемъ злоупотребляютъ, обозначая имъ такія отношенія, которыя лишены внутренней общей связи съ кредитомъ.

Когда пользованіе ссудными капиталами не опирается ни на какія основанія, могущія обезпечивать производительность пользованія, тогда въ кредитъ вкрадывается порочность, вслѣдствіе которой онъ можетъ войти въ число причинъ, вызывающихъ или поддерживающихъ кризисъ.

Ссудный элементъ кредита представляется капиталомъ, изъ за котораго возникаютъ кредитныя отношенія. Страховой элементъ представляется обезпеченіемъ, что вѣрителю будетъ возвращенъ капиталъ въ его обѣщанной цѣлости и доходности. Насколько кредитомъ возможно злоупотреблять и насколько, слѣдовательно, кредитъ можетъ войти въ число причинъ кризисовъ, основанія для этого могутъ быть двоякія. Или производительной предпріимчивости былъ довѣренъ капиталъ, срокъ свободности котораго не равнялся сроку, въ который данная предпріимчивость въ состояніи была воспроизвести полученный ею капиталъ. Или въ свободности ссуднаго капитала не заключалось никакого порока, но довѣренъ онъ былъ предпріимчивости, производительность которой уже съ самаго начала была лишена обезпеченій, или потомъ оказалась лишенною обезпеченій. Само собою разумѣется, что эти двѣ причины могутъ соединяться и соединеніемъ еще болѣе усиливать значеніе каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

Порочность ссуднаго элемента кредита всегда имѣетъ своимъ

основаніемъ ошибочныя представленія, касающіяся или количества существующихъ ссудныхъ капиталовъ, или степени ихъ свободности.

Совокупность явленій, касающихся спроса и предложенія *свободныхъ* капиталовъ, представляютъ себѣ обыкновенно, какъ еслибъ они происходили на особомъ рынкѣ, подобно тому, какъ на особыхъ рынкахъ сосредоточиваются спросъ и предложеніе иныхъ видовъ капитала, хлѣба, хлопка, шерсти, желѣза, цѣнныхъ бумагъ и т. д. Этотъ *особый* рынокъ, служащій *спеціально* для спроса и предложенія *свободныхъ* капиталовъ, называютъ *денежнымъ*. Строго говоря, денежнаго рынка не существуетъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ для другихъ капиталовъ. Выраженіе «денежный рынокъ» употребляется лишь въ переносномъ смыслѣ. Но это доказываетъ только, что если кто пожелаетъ найти явленія, касающіяся спроса и предложенія свободнаго капитала на *особомъ* реальномъ рынкѣ, то онъ скоро замѣтитъ свою ошибку. Ему придется разъискивать то, что ему нужно, гдѣ-либо между остальными рынками и въ различныхъ предпріятіяхъ. Гдѣ-же найдетъ онъ свое искомое?

Свободные капиталы могутъ быть денежные и товарные. Уже поэтому предметъ денежнаго рынка приходится разъискивать на различныхъ мѣстахъ. Ибо очевидно, что свободные капиталы, выражаемые тѣми массами товаровъ, которыя представляютъ возросшее производство, будутъ обращаться на тѣхъ-же товарныхъ рынкахъ, на коихъ обращаются однородные товары, не представляющіе свободныхъ капиталовъ: на этихъ рынкахъ вѣдь спросъ и предложеніе данныхъ товаровъ и сосредоточиваются. Что-же касается свободныхъ капиталовъ денежныхъ, то необходимо различать между ними тѣ, которымъ ихъ владѣльцы сами могутъ находить производительное занятіе, отъ другихъ, которымъ ихъ владѣльцы сами не въ состояніи разъискивать доходнаго употребленія. Первые свободные денежные капиталы будутъ предпринимательскіе, вторые будутъ—источникъ ссудныхъ капиталовъ. Первые вмѣстѣ со своими владѣльцами отправятся на тѣ разнообразные рынки, которые

представляютъ различныя занятія, предлагающія свои производительныя услуги свободнымъ средствамъ. То есть, предпринимательскіе свободные капиталы окажутся непосредственно и прямо на различныхъ товарныхъ рынкахъ и на нихъ начнутъ собою усиливать спросъ на различныя цѣнности. Они прильютъ прямо и непосредственно къ биржамъ, ярмаркамъ и т. п. учрежденіямъ, на которыхъ сосредоточиваются спросъ и предложеніе отдѣльныхъ разрядовъ цѣнностей. Слѣдовательно, въ той мѣрѣ, въ какой свободные капиталы выражаются товарными запасами, или въ той мѣрѣ, въ какой денежные свободные капиталы играютъ роль предпринимательскихъ капиталовъ,—часть денежнаго рынка должно розъискивать на различныхъ товарныхъ рынкахъ. Отсюда—важное значеніе, которое, въ настоящее время, для «состоянія денежнаго рынка» получили явленія, происходящія на биржахъ. На биржахъ предприниматели выступаютъ покупателями или продавцами, т. е. начинающими или заканчивающими свою дѣятельность. О качествахъ этой дѣятельности,—насколько качества выражаются въ лучшей или худшей вооруженности предпринимателей свободными средствами,—или насколько означенныя качества выражаются въ большей или меньшей легкости, съ которою предпріимчивость высвобождаетъ (реализируетъ) свои средства,—явленія, происходящія на биржахъ, и могутъ давать весьма близкое представленіе. Въ особенности же биржи для денежнаго рынка важны потому, что цѣлая масса свободныхъ капиталовъ на нихъ поступаетъ прямо и непосредственно, минуя всякіе обходы.

Конечно, въ концѣ концовъ, всѣ свободные капиталы должны быть истрачены и потому, раньше или позже, всѣ они на какой нибудь биржѣ (товарномъ рынкѣ) да должны очутиться. Но не всѣ свободные капиталы—предпринимательскіе. Многимъ ихъ владѣльцы не въ состояніи сами пріискать производительное занятіе. Т. е., владѣльцы многихъ свободныхъ капиталовъ сами не знаютъ, на какомъ рынкѣ спеціальныхъ цѣнностей (на какой биржѣ) имъ всего выгоднѣе было-бы выступать со своими средствами. И вотъ, ихъ-то свободное имущество и становится источникомъ ссудныхъ

капиталовъ. А мы знаемъ, что пользованіе *источниками* ссудныхъ капиталовъ становится дѣломъ банковъ, когда кредитъ въ народномъ хозяйствѣ начинаетъ получать правильную организацію. Такимъ образомъ, значительная часть свободныхъ капиталовъ начинаетъ сосредоточиваться въ банкахъ. Эти капиталы попадаютъ на биржи (на спеціальные рынки цѣнностей) уже не прямо, а косвенно. Сначала они идутъ въ банки, а отъ банковъ они уже переходятъ къ предпринимателю, который и выступаетъ съ ними на биржѣ или рынкѣ. Насколько часть свободныхъ капиталовъ народнаго хозяйства не можетъ непосредственно, по собственной иниціативѣ владѣльцевъ своихъ, отправиться на спеціальные рынки различныхъ цѣнностей, — насколько пользованіе этими свободными капиталами невозможно безъ посредничества банковъ, — настолько банки представляютъ особую область денежнаго рынка.

Чтобы слѣдить за качествами ссуднаго элемента кредита, банки должны слѣдить *за собою*. Необходимость для банковъ наблюдать за «состояніемъ денежнаго рынка» означаетъ, прежде всего, необходимость слѣдить за собственнымъ образомъ дѣйствій.

На сколько банки представляютъ денежный рынокъ и на сколько мы ограничиваемся разсмотрѣніемъ только тѣхъ возможныхъ злоупотребленій кредитомъ, которыя проистекаютъ отъ порочности ссудныхъ капиталовъ,—банкамъ необходимо наблюдать за собою въ двоякомъ направленіи. Во-первыхъ, имъ необходимо слѣдить за *количественною* стороною той части предложенія свободныхъ капиталовъ, которая ими представляется. Во вторыхъ, имъ необходимо слѣдить за *качественною* стороною этого предложенія.

Что касается количественной стороны предложенія ссудныхъ капиталовъ, то прежде всего безусловно необходимо, чтобъ банки старались имѣть о нихъ возможно болѣе точныя представленія. Ибо разъ банки лишены этихъ точныхъ представленій, они сами могутъ привести къ разстройству даже самую производительную предпріимчивость. Если банки ошибаются насчетъ размѣра предложенія свободныхъ капиталовъ, которое они могутъ предоставить производительной предпріимчивости,—если сама предпріимчивость под-

дается вліянію расширеннаго предложенія банковъ и подъ вліяніемъ ихъ ошибочныхъ представленій начинаетъ расширять свои обязательства,—то тогда окажется масса предпріятій, въ которыхъ одинъ нужный для нихъ элементъ (текущая дѣятельность) обладаетъ всѣми производительными качествами, но въ которыхъ другой элементъ (капиталъ) можетъ въ одинъ мрачный день оказаться совсѣмъ несуществующимъ. Тогда на денежномъ рынкѣ возникнетъ смятеніе или кризисъ, въ которомъ повинными будутъ, главнымъ образомъ, банки.

Если мы говоримъ, что банкамъ нужно имѣть болѣе точныя представленія о количественной сторонѣ предложенія ссудныхъ капиталовъ, то это должно понимать не только въ смыслѣ безусловной необходимости, чтобъ каждый банкъ въ отдѣльности зналъ только то, что до него самаго касается. Нѣтъ, по мѣрѣ возможности, каждый банкъ долженъ зорко слѣдить за образомъ дѣйствія своихъ товарищей по дѣлу. Взаимный контроль между банками, поэтому, имѣетъ важный практическій интересъ, ибо явленія, происходящія на «денежномъ рынкѣ», и означаютъ тѣ явленія, которыя рождаются отъ взаимоотношенія между образомъ дѣйствій *всѣхъ* банковъ, изъ итога которыхъ и слагается денежный рынокъ даннаго мѣста, насколько онъ разсматривается какъ спросъ и предложеніе ссудныхъ капиталовъ. Иной банкъ, весьма правильно дѣйствующій, можетъ весьма сильно пострадать, если его товарищи дѣйствовали неправильно. И онъ пострадаетъ единственно потому, что онъ не въ состояніи обособиться и уединиться отъ остальныхъ банковъ, какъ бы онъ того ни добивался. Такое обособленіе и уединеніе внѣ власти отдѣльнаго банка. Согласный образъ дѣйствій и непрерывная взаимная связь, непрерывный взаимный контроль, постоянное взаимное наблюденіе другъ за другомъ, поэтому, представляютъ элементарнѣйшіе, можно сказать, шаги для раціональныхъ руководителей банковаго дѣла.

Количественная сторона предложенія ссудныхъ капиталовъ находится въ тѣсной связи съ его качественною стороною. Ибо, положимъ, что въ какое либо данное время банки располагаютъ

увеличенною массою свободныхъ капиталовъ. Они ошибочно воображаютъ, что еще долго будутъ располагать этою увеличенною массою. На самомъ дѣлѣ, однако, капиталы скоро обнаруживаютъ стремленіе уходить отъ банковъ. Это доказываетъ, конечно, что банки имѣли ошибочныя представленія о степени свободности своихъ капиталовъ. Банки воображали, что капиталы свободны на долго, а на дѣлѣ оказывается, что капиталы были свободны лишь на короткое время.

Вотъ почему существеннѣйшая сторона банковаго самонаблюденія заключается въ зоркомъ наблюденіи ихъ за качествами ссудныхъ капиталовъ, которые въ нихъ сосредоточиваются. Вотъ почему также самая значительная доля злоупотребленій кредитомъ, когда таковыя исходятъ отъ банковъ, сводятся на ошибочныя представленія объ объемѣ свободности ссудныхъ капиталовъ, которыми они воспользовались для тѣхъ или иныхъ цѣлей.

Пока мы ограничиваемся ссудными капиталами, поступающими въ банки, съ яснымъ и четкимъ предварительнымъ опредѣленіемъ срока, на который они довѣряются банкамъ,—до тѣхъ поръ вопросъ о степени свободности капитала не можетъ возбуждать никакихъ недоумѣній. Срочный вкладъ или долгосрочная облигація (закладной листъ) четко сами говорятъ о степени свободности капиталовъ, ими представляемыхъ. Если банкъ, получившій свободный капиталъ срочнымъ вкладомъ на 2 года, пользуется имъ для предпріятія, которое въ состояніи возстановить затраченный на него капиталъ только въ теченіе 4 лѣтъ, то здѣсь очевидно, что руководитель банка былъ или нерасчетливъ, или «хитрилъ», или-же онъ былъ несообразителенъ и невѣжественъ.

Иное дѣло — безсрочные ссудные капиталы, которые сами ни слова не говорятъ о степени своей свободности. Безсрочные капиталы, главнымъ образомъ, только подъ вліяніемъ банковъ и дѣлаются свободными. Но если банки имъ сообщаютъ свободность, то возникаетъ вопросъ: чѣмъ банку необходимо руководствоваться, когда онъ сообщаетъ тому или иному безсрочному капиталу *столько-то*

свободности, не больше и не меньше? Какой возможенъ въ этомъ случаѣ критерій для банка, который не желалъ бы ошибаться?

Само собою разумѣется, что вполнѣ избѣгнуть ошибокъ въ этомъ дѣлѣ, какъ во всякомъ иномъ человѣческомъ, невозможно. Но, очевидно, что дѣло только тогда будетъ имѣть прочную почву подъ собою, когда противъ возможности ошибокъ будетъ имѣться какое либо средство, имъ противудѣйствующее. Въ чемъ-же оно заключается?

Мы видѣли, какое средство банками употребляется, чтобъ дѣлать безсрочные капиталы свободными на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Это средство заключается въ сочетаніи силъ, общей основѣ всякой производительности. Путемъ обращаемости банки сочетаютъ мелко-незамѣтные (микроскопическіе) зародыши свободности безсрочныхъ капиталовъ, ими въ кредитъ получаемыхъ, и изъ мелкихъ силъ образуютъ одну большую силу.

Очевидно, что величина этой силы зависитъ отъ *количества* составныхъ частей, изъ которыхъ она слагается. Если каждая составная часть въ отдѣльности очень мелка, то итогъ изъ мелкихъ составныхъ частей будетъ тѣмъ большій, чѣмъ больше берется составныхъ частей.

Но что такое составная часть тѣхъ свободныхъ капиталовъ, которые образуются банками? Или поставимъ точнѣе вопросъ: чѣмъ выражаются составныя чясти той свободности, которая банками дѣлается болѣе или менѣе продолжительною?

Представимъ себѣ, что банкъ имѣетъ въ данное время безсрочныхъ капиталовъ на какую либо сумму. Велика ли эта сумма или мала, непосредственно и само по себѣ для насъ безразлично. Составляетъ-ли она тысячу рублей, или сто милліоновъ,—все равно, пока сумма выражаетъ безсрочный капиталъ, степень свободности котораго совсѣмъ еще не опредѣлена, изъ нея ничего нельзя сдѣлать. Сумма получаетъ значеніе уже послѣ того, какъ выяснилась степень возможной продолжительности для свободности данныхъ капиталовъ. До того-же, какъ это выяснилалось, объемъ суммы безсрочныхъ капиталовъ не имѣетъ самъ непосредственнаго значе-

нія для степени свободности, для ея продолжительности. Одно то, что у банка очень много или очень мало безсрочныхъ капиталовъ еще само по себѣ ничего не говоритъ о возможномъ для нихъ употребленіи. Если банкъ полагается, какъ на критерій, на то, что у него въ данное время много безсрочныхъ капиталовъ, то тѣмъ больше онъ рискуетъ ошибаться, чѣмъ больше объемъ возможной для него ошибки. Если объемъ суммы безсрочныхъ капиталовъ и можетъ получить для банка значеніе, то, какъ мы сейчасъ увидимъ, не прямо, а косвенно.

Прежде-же всего для банка существененъ вопросъ: если онъ изъ данныхъ безсрочныхъ капиталовъ, или, въ данное время, изъ имѣющихся у него безсрочныхъ капиталовъ, желаетъ сдѣлать употребленіе, продолжительность котораго—*такая-то*, то можетъ-ли онъ расчитывать, что въ теченіе всего того времени, когда будетъ тянуться означенная продолжительность, у него *всегда* будетъ въ распоряженіи такая-же точно масса безсрочныхъ капиталовъ?

Банкъ можетъ имѣть весьма различныя основанія для исчисленія степени вѣроятности положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Но сколько подобныхъ основаній у него ни имѣлось бы,—во всякое данное время онъ долженъ помнить еще одно. Какъ бы сильно ни было основаніе, на которое онъ полагается, оно будетъ еще сильнѣе, если онъ *сократитъ* продолжительность, на которую считаетъ себя вправѣ расчитывать.

Образуя капиталы, свободности которыхъ сообщается извѣстная продолжительность, банкъ долженъ стараться, чтобъ эта продолжительность, насколько она отъ него зависитъ, была возможно меньше. Своей собственной активности банкъ въ *этомъ* пунктѣ долженъ предоставить возможно меньше простора. Здѣсь онъ себя долженъ самъ всего болѣе стѣснять и удерживать. На этомъ пунктѣ руководитель банка долженъ, главнымъ образомъ, сосредоточить свое самообладаніе. Ибо онъ въ этомъ пунктѣ можетъ стать всего легче главнымъ виновникомъ злоупотребленія кредитомъ.

И вотъ уже косвенно, вслѣдствіе указанной только что при-

чины, для банка получаетъ важное значеніе сумма безсрочныхъ капиталовъ, которая ему довѣряется публикою. Банкъ долженъ стараться быть возможно болѣе пассивнымъ при опредѣленіи степени продолжительности той свободности, которую онъ сообщаетъ своимъ безсрочнымъ капиталамъ. Но, понятно, въ подобномъ случаѣ, чтобъ дѣло было дѣломъ, а не бездѣльемъ, необходимо кому нибудь, постороннему, принять на себя активность, опасную для банковъ. Эту-то активность банки и должны предоставить публикѣ. Публика-же свою активность въ отношеніяхъ къ банкамъ можетъ проявить только въ томъ, что она во всякое данное время будетъ имъ довѣрять возможно больше своихъ капиталовъ.

Теперь:—само собою понятно, что если *во всякое данное* время одинъ банкъ имѣетъ наименьшую сумму безсрочныхъ капиталовъ, довѣренную ему публикою, равною 20 милл. рублей, а другой банкъ имѣетъ наименьшею суммою только 10 милл. рублей,—то, чтобъ сдѣлать употребленіе изъ капитала въ 20 милл. рублей, первому банку нужно *вдвое* меньше брать на себя риску, чѣмъ второму банку.

Если банкъ имѣетъ отъ публики 5 милліоновъ уже въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, напримѣръ, то онъ можетъ образовать пятимилліонный ссудный капиталъ, свободный на 3 мѣсяца, уже отъ соединенія тѣхъ только капиталовъ, которые къ нему поступятъ въ теченіе трехъ только мѣсяцевъ. Напротивъ, если тотъ-же банкъ, или другой на его мѣстѣ, пожелаетъ образовать ссудный капиталъ въ 10 милліоновъ, то ему придется уже разсчитывать на поступленія къ нему въ теченіе шести мѣсяцевъ. Активность вліяній банка, выражающаяся въ объемѣ производимыхъ имъ сочетаній, будетъ вдвое больше. Но, за то, она будетъ и вдвое рискованнѣе. И степень рискованности образа дѣйствій банка вдвое уменьшится, если уже въ теченіе трехъ мѣсяцевъ къ нему отъ публики поступитъ 10 милліоновъ, которые у него будутъ оставаться.

Короче: гарантіи тѣхъ операцій банка, чрезъ посредство которыхъ банкъ пользуется довѣренными ему ссудными капиталами,

заключаются: *во первыхъ*, въ его стараніяхъ сообщать этимъ капиталамъ возможно менѣе продолжительную свободность и, *во вторыхъ*, въ успѣшности его стараній имѣть во всякое данное время возможно больше безсрочныхъ капиталовъ, довѣренныхъ ему публикою.

Другими словами это значитъ, что не банку, а публикѣ—кредиторамъ банка долженъ принадлежать рѣшительный голосъ въ вопросѣ объ объемѣ тѣхъ свободныхъ капиталовъ, которыми въ качествѣ ссудныхъ банкъ можетъ распорядиться. Когда банкъ беретъ на себя этотъ голосъ, онъ захватываетъ (узурпируетъ) чужую власть. Всякій слухъ, проникающій въ публику-кредиторовъ о томъ, что банкъ слишкомъ активно проявилъ свое вліяніе на степень свободности ссудныхъ капиталовъ и распорядился ими на слишкомъ долгіе сроки, грозитъ, поэтому, банку раззореніемъ.

Кредитъ—не алхимія. Онъ—способъ сочетанія силъ для увеличенія ихъ производительности. Онъ возвышаетъ производительность предпріятій тѣмъ, что облегчаетъ сочетаніе элементовъ, изъ коихъ они слагаются. Но ни кредитъ, ни банки не могутъ создавать эти элементы, ни дѣлать ихъ излишними. Если мы выше выяснили, что кредитъ и банки, по своей внутренней природѣ, стремятся быть только послѣдствіемъ производственныхъ отношеній, ихъ отраженіемъ,—то это значитъ практически, что руководители кредита и банковъ менѣе всего должны гоняться за такою активностью, которая противна природѣ ихъ дѣла. Иначе они проявляютъ свое невѣденіе, а съ нимъ становятся виновниками злоупотребленій, ведущихъ къ кризисамъ.

Банки должны стараться, чтобъ въ нихъ сосредоточивалось возможно болѣе ссудныхъ капиталовъ. Противно природѣ дѣла—препятствовать банкамъ пользоваться источниками ссудныхъ капиталовъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, какіе только возможны. Ибо это единственная область, въ которой активность банковъ всего безопаснѣе и всего полезнѣе. Но не менѣе противно природѣ дѣла, когда банки (все равно, какіе бы они ни были, частные или правительственные, и именуютъ-ли они себя «банка-

ми», или не именуютъ) берутъ на себя роль «творцовъ» почвы для предпріятій, все ровно земледѣльческихъ-ли, или мануфактурныхъ, или иныхъ. Банки не могутъ «перечеканивать» землю въ «деньги», потому что они вообще не могутъ «чеканить» деньги. Создавать «деньги» не ихъ дѣло и они имъ не занимаются. Но банки не могутъ даже «превращать» землю въ орудія обращенія, представляемыя безсрочными долговыми знаками. Потому что земля требуетъ *долгосрочныхъ* свободныхъ капиталовъ. Слѣдовательно, въ самомъ крайнемъ и лучшемъ случаѣ, банкамъ пришлось бы стараться о проявленіи наибольшей активности при образованіи свободныхъ капиталовъ, чтобъ «помогать» землѣ безсрочными ссудными средствами. А такое стараніе противно природѣ ихъ дѣла. Вотъ почему противно природѣ банковаго дѣла и всякое требованіе о «перечеканкѣ» чего бы то ни было въ «ходячіе знаки», если это требованіе основано на мысли, что банкамъ придется избрать самую дѣятельную роль. При непосредственномъ пользованіи ссудными средствами, банкамъ приходится заботиться не о наибольшей активности, а о наибольшей сдержанности.

Другая основа правильнаго образа дѣйствій банковъ заключается въ качествѣ ихъ отношеній къ страховому элементу кредита. Страховая сторона кредита заключается въ тѣхъ обезпеченіяхъ, которыя представляютъ «предпріимчивыя руки», получающія ссудный капиталъ для окончательной его затраты.

Само собою очевидно, что если стараніе банковъ проявить свою активность привлеченіемъ къ себѣ возможно больше ссудныхъ средствъ можетъ быть признано законнымъ и *дозволительнымъ*, то безусловно *необходимымъ* должно быть признано стараніе банковъ проявить наибольшую активность при разборѣ тѣхъ рукъ, которымъ ссудные капиталы окончательно довѣряются. Въ этомъ пунктѣ банки *должны* стремиться къ наибольшей независимости отъ какихъ бы то ни было постороннихъ вліяній, которыя въ состояніи были бы отклонять ихъ сужденіе отъ правильнаго пути. Правильнымъ-же путемъ для нихъ можетъ и должна служить только *вѣрная оцѣнка* обезпеченій, представляемыхъ производитель-

ными качествами текущей или прошлой предпріимчивости, плоды которой предвосхищаются съ помощью кредита и ссудныхъ капиталовъ.

Только производительная предпріимчивость въ состояніи поддерживать кредитъ. Поэтому, всякое довѣріе ссуднаго капитала предпріятію, лишенному производительныхъ качествъ, значитъ поставленіе капитала въ такія условія, которыя угрожаютъ или только его доходности, или и его цѣлости. Всякое такое довѣріе можетъ стать причиною кризиса.

Конечно, общихъ правилъ для руководства въ этомъ пунктѣ формулировать невозможно. Ибо онъ весь во власти отдѣльной личности, руководящей банкомъ. Отъ знаній этой личности, отъ ея зоркости и наблюдательности, отъ источниковъ, изъ которыхъ она черпаетъ свои свѣдѣнія и качествъ этихъ свѣдѣній—зависитъ *все*. Но два общихъ замѣчанія и здѣсь существенны. Во первыхъ: чѣмъ важнѣе активность банка, тѣмъ важнѣе, чтобъ эта активность была возможно свободнѣе. Сами руководители банковъ должны, прежде всего, заботиться о своей свободѣ. Они не должны давать условіямъ даннаго времени столько власти надъ собою, чтобъ эти условія имъ связывали руки на будущія времена. Они должны стараться, чтобъ во всякое данное время условія этого времени заставали ихъ силы возможно больше свободными и готовыми или на борьбу или на союзъ съ ними. Только тогда банкъ можетъ разсчитывать на наибольшую производительную активность. Слѣдовательно, и здѣсь существенно важно, прежде всего, чтобъ каждое проявленіе активности банка было замкнуто въ возможно болѣе короткое время.—Другое замѣчаніе касается соотношенія между *этою* краткосрочностью принимаемыхъ банкомъ мѣръ,—о которой онъ долженъ всегда заботиться,—и *точною оцѣнкою* обезпеченій производительныхъ качествъ предпріимчивости, которой окончательно довѣряется ссудный капиталъ. Никакая оцѣнка не можетъ претендовать на точность, когда она потеряла способность приспособляться къ новымъ условіямъ, если въ условіяхъ произошла перемѣна. А на *постоянство* условій, отъ которыхъ зависитъ производитель-

ность предпріятій, благоразумный человѣкъ разсчитывать не станетъ. Отчего? Оттого, что всякое предпріятіе дѣйствуетъ *двумя* силами: капиталомъ и живою предпріимчивостью. Капиталъ можетъ представлять и несомнѣнно производительную силу. Но предпріимчивость всегда представляетъ силу, которой плоды еще кроются въ будущемъ, которой производительныя качества во всякомъ случаѣ еще только вѣроятны. Вѣроятность производительныхъ качествъ предпріимчивости, которая еще не реализовала своихъ плодовъ (все равно, отъ производства-ли, или сбыта), можетъ быть очень велика. Но она оттого не перестаетъ быть вѣроятностью. Она представляетъ незаконченность. Слѣдовательно, даже въ самыхъ лучшихъ случаяхъ она не обезпечиваетъ отъ вмѣшательства совершенно постороннихъ причинъ, которыя могутъ помѣшать производительности и превратить ее въ непроизводительность.

Насколько кредитъ можетъ быть жертвою злоупотребленій, онъ можетъ быть причиною кризиса въ благосостояніи народнаго хозяйства, то есть, можетъ вызвать гибель капиталовъ и раззореніе предпріимчивости.

Такою причиною онъ можетъ стать, *внося* порочность въ предпріятія тѣмъ, что онъ въ нихъ помѣщаетъ капиталы, свободностью своею несоотвѣтствующіе надобностямъ этихъ предпріятій. Тогда предпріятія гибнутъ, оттого что порочной оказывается та ихъ сила, которая представляется капиталомъ.

Или-же эта сила можетъ быть безпорочною. Но порочность можетъ заключаться въ качествахъ предпріимчивости, которою ведется и держится данное «дѣло». Тогда кризисъ и вызывается э т о ю порочностью.

Какія бы причины ни вызывали кризисы, непосредственно онѣ всегда сказываются въ порочности одного изъ двухъ элементовъ, изъ коихъ слагается всякое предпріятіе. Наше изложеніе намъ показало, что и кредитъ, когда онъ подвергается злоупотребленіямъ, въ состояніи вызывать кризисы по обоимъ направленіямъ, т. е. опорочивая какъ одинъ, такъ и другой элементъ предпріятій.

74. Много и часто достается теоретикамъ отъ практическаго люда за то, что они не удовлетворяются ходячими представленіями и понятіями о явленіяхъ торгово-промышленной жизни, уклоняются отъ этихъ представленій и понятій и, стараясь выработать что либо болѣе совершенное, «вдаются лишь въ словопренія», лишенныя практическаго значенія. Нельзя не признать, что когда связь между наукою и жизнью слишкомъ слаба, когда сами ученые еще скользятъ по поверхности экономическихъ явленій, послѣдствіемъ этого являются дѣйствительно одни только наивныя словопренія. Но въ гораздо большемъ числѣ случаевъ разладъ между теоретиками и практическими дѣятелями является послѣдствіемъ совершенно иныхъ причинъ. Не удовлетворяясь ходячими представленіями, теоретики обыкновенно желаютъ, во первыхъ, какъ можно глубже проникнуть въ причины явленій торгово-промышленной жизни и, во вторыхъ, какъ можно далѣе прослѣдить ихъ возможныя послѣдствія. Практическому-же міру обыновенно кажется, что это для него вовсе не имѣетъ жизненнаго интереса. Споръ и разладъ между теоретиками и практиками имѣетъ, такимъ образомъ, весьма реальную и практическую почву. Споръ порождается разногласіемъ по вопросу о томъ, какъ далеко должна проникать мысль, руководящая даннымъ дѣломъ, какъ много ею должно быть принято во вниманіе разныхъ явленій предшествующихъ, сопутствующихъ и послѣдующихъ тому, которое составляетъ суть дѣла,—какъ далеко должно простираться предвидѣніе, какъ много интересовъ должно быть принято во вниманіе, какими интересами жизни еще нужно дорожить и для какихъ интересовъ жизнь еще должна быть готова на жертвы. Теоретики любятъ брать во вниманіе возможно больше интересовъ, причинъ и послѣдствій. Люди практики думаютъ, что они упрощаютъ себѣ дѣло, если они стремятся брать во вниманіе возможно меньше интересовъ, причинъ и послѣдствій. Но окончательные результаты и именно доказываютъ, какъ сильно ошибаются «практическіе» люди. Чѣмъ далѣе впередъ подвигается торгово-промышленная жизнь по пути своего совершенствованія, тѣмъ болѣе усложняются явленія, изъ которыхъ она слагается,—тѣмъ болѣе

эти явленія оказываются между собою тѣсно связанными въ пространствѣ и времени, — тѣмъ болѣе пониманіе каждаго изъ нихъ въ отдѣльности предполагаетъ пониманіе остальныхъ и ихъ взаимной связи. Требуетъ-ли того наука или нѣтъ, все равно, успѣшная дѣятельность не можетъ уже имѣть своимъ основаніемъ понятія, скользящія по наружнымъ признакамъ явленій, не проникающія въ ихъ внутреннюю природу и не сообщающія свѣдѣній обо всѣхъ ихъ причинахъ и послѣдствіяхъ. Болѣе полныя, разностороннія и глубокія понятія получаютъ непосредственно-практическое значеніе, выражая собою важное условіе «практическаго» успѣха.

Предметъ, къ которому мы теперь обращаемся, представляетъ одинъ изъ лучшихъ доводовъ въ защитѣ изложенной мысли. Когда заходитъ рѣчь о займахъ и ссудахъ, объ учетѣ векселей и выдачѣ ссудъ, практическій міръ полагаетъ, что совершенно достаточно довольствоваться ходячими представленіями объ этихъ предметахъ. Что такое заемъ?—Полученіе денегъ въ кредитъ. Что такое ссуда? Полученіе тѣхъ-же денегъ въ кредитъ, обезпеченный какою-либо добавочною цѣнностью. Что такое учетъ векселя? Выдача денегъ по векселю, которому еще не истекъ срокъ. Казалось-бы, что этихъ понятій и достаточно, что не для чего «копаться» въ этихъ словахъ и стремиться къ чему либо еще иному. На самомъ дѣлѣ, однако, удовлетворяться этими понятіями, значитъ пропускать незамѣченными и несознанными цѣлый рядъ явленій, имѣющихъ важное практическое значеніе.

Чѣмъ точнѣе понятіе о какомъ-либо явленіи, тѣмъ болѣе оно исчерпываетъ его свойства, тѣмъ точнѣе оно опредѣляетъ и выясняетъ его соотношеніе къ другимъ явленіямъ, ему предшествующимъ и сопутствующимъ или за нимъ слѣдующимъ.

Въ операціяхъ учетной и ссудной, главнымъ образомъ, проявляется непосредственное пользованіе ссудными капиталами, насколько оно зависитъ отъ банка. Чрезъ ихъ посредство, поэтому, главнымъ образомъ кредитъ проявляетъ всѣ свои вліянія.

Для тѣхъ вліяній, которыя кредитъ непосредственно оказываетъ на механизмъ обращенія страны, особенную важность имѣютъ без-

срочные капиталы, которые во всякое данное время могутъ превратиться въ свободный капиталъ и чистую покупательную силу. Потому что, только благодаря этому превращенію, возможному во всякое данное время, кредитъ въ состояніи вызвать долговые знаки, по своимъ качествамъ наиболѣе приближающіеся къ звонкимъ деньгамъ, непосредственно представляющимъ во всякое данное время «чистую» покупательную силу.

Такъ какъ пользованіе безсрочными ссудными капиталами, главнымъ образомъ, производится учетомъ векселей и краткосрочными ссудами, то эти двѣ операціи получаютъ особое значеніе. Только чрезъ ихъ посредство кредитъ можетъ проявить всѣ свои вліянія.

Начинаемъ съ учета векселей. Вексель насъ интересуетъ не съ юридической точки зрѣнія, а съ экономической, слѣдовательно, не съ формальной его стороны, а съ внутренней. Прежде, чѣмъ законъ явился со своею санкціею этого вида обязательствъ, несомнѣнно другія причины обусловили самое его возникновеніе.

Основной характеристичный признакъ этого вида обязательствъ представляется его подчиненностью торгово-промышленнымъ цѣлямъ. На практикѣ могутъ встрѣчаться векселя, выданные потребителями для полученія средствъ къ потребленію. Но исторія векселя доказываетъ, что его породили торгово-промышленныя нужды,—что имъ онъ первоначально призванъ былъ служить,—что имъ, наконецъ, онъ, главнымъ образомъ, служитъ и до сихъ поръ. Валюта (цѣнное содержимое, капиталъ) векселя необходимо должна имѣть торгово-промышленное назначеніе: такова первая основная экономическая особенность этого вида обязательствъ. Содержаніемъ векселю можетъ служить только цѣнность, предназначенная къ воспроизводству ея тѣмъ или инымъ предпріятіемъ, т. е. капиталъ.

Другая основная особенность векселя представляется его неразрывною связью съ личностью, т. е. съ *текущею* предпріимчивостью, съ производительными качествами и силами лица, еще не овеществившимися въ окончательно реализованныхъ цѣнностяхъ,

представляющихъ его производительность, доходъ или вознагражденіе.

Слѣдовательно, вексель есть долговой знакъ, который выдаетъ производительная предпріимчивость, не реализовавшая еще своихъ плодовъ, когда она вооружается, чрезъ посредство кредита, плодами прошлой предпріимчивости для своей производительной дѣятельности.

Такова одна половина общаго экономическаго опредѣленія векселя, безъ отношенія до его отдѣльныхъ видовъ, выражающее его природу, основу и внутреннiе признаки. По нимъ можно судить о нормальности или ненормальности кредитныхъ отношеній, облеченныхъ въ вексельную форму. Не обращать вниманія на эти признаки, безразлично сваливать въ одну кучу и отождествлять всѣ кредитныя отношенія, сопровождаемыя возникновеніемъ векселей, значитъ не обращать вниманія на тѣ условія внутренней нормальности, о которыхъ необходимо долженъ свидѣтельствовать каждый вексель,—значитъ воображать, что нѣтъ общаго начала, выражающаго эту нормальность.

Указанными признаками, однако, природа векселя еще не исчерпывается. Однимъ изъ существенныхъ его свойствъ служитъ его наружная форма и, притомъ, съ двухъ ея сторонъ: легальной или юридической и экономической. Первою обезпечивается наибольшая энергія со стороны публичной власти, когда возникаетъ надобность въ ея содѣйствіи для того, чтобъ обязательство было исполнено. Иное значеніе имѣетъ экономическая сторона наружной формы долговаго знака, представляемаго векселемъ. Ею предуготовляются для векселя формальныя основанія для обращаемости долговаго знака, имъ представляемаго. Передача плодовъ прошлой предпріимчивости, чрезъ кредитъ, въ руки предпріимчивости текущей, можетъ происходить и чрезъ посредство простой записки долга въ книгу. Но такою запискою долгъ какъ бы подвергается заключенію въ тюрьму, представляемую для него торговою книгою. Онъ иммобилизируется. Долгъ, въ этомъ случаѣ, обозначается такимъ образомъ, что онъ теряетъ возможность служить основаніемъ для

кредитнаго орудія обращенія. Вексель, напротивъ, имѣетъ своею цѣлью сдѣлать долговой знакъ способнымъ къ движенію. Если знакомъ долговъ служитъ записка ихъ въ книгу, то они являются искусственно собранными въ одно мѣсто, окруженное тою стѣною, которою каждый отдѣльный предприниматель огораживаетъ свою сферу отъ другихъ. Назначеніе этой стѣны—сдѣлать тайною все, что въ ея предѣлахъ происходитъ. Когда, напротивъ, векселя становятся знакомъ долговъ, связь, соединявшая листы торговой книги, какъ бы разрывается. Каждый изъ листовъ, съ записаннымъ на немъ долгомъ, получаетъ самостоятельное значеніе и свободу. Такимъ образомъ, даже наружная форма долга, представляемаго векселемъ, противится тому, чтобъ онъ былъ тайною. Кредитъ, по самой своей природѣ, противится тайнѣ, потому что его нормальною основою можетъ быть только производительность. Только сомнительная производительность,—или производительность, мало въ себѣ увѣренная,—боятся гласности кредита, которымъ онѣ пользуются. Напротивъ, предпріимчивости, успѣшность которой имѣетъ прочную почву, нужна гласность и возможно большая гласность. Вексель и выражаетъ это въ осязательной формѣ.

Вотъ почему по самой своей природѣ вексель противится замкнутости его въ кассѣ частнаго отдѣльнаго предпринимателя. Вексель—прежде всего, орудіе обращенія и, какъ таковое, онъ оказываетъ стремленіе функціонировать, непосредственно самъ, или косвенно чрезъ посредство банковъ, которые его превращаютъ въ другое орудіе обращенія, то есть — его болѣе совершенствуютъ. Какъ только, напротивъ, вексель замыкается въ кассу капиталиста, его стремленіе играть роль орудія обращенія парализуется. Онъ тогда какъ бы разомъ, или въ одинъ разъ, съигрываетъ всю свою роль орудія обращенія только въ моментъ, когда онъ рождается, и умираетъ въ качествѣ представителя этой роли, чтобъ перейти къ другой, ему, какъ и вообще кредиту, въ какой бы то ни было формѣ, несвойственной. Эта другая роль, несвойственная кредиту,—сбереженіе капитала, иммобилизированіе его, какъ бы омертвѣніе его или затвердѣваніе въ одной какой либо формѣ. Масса векселей,

замкнутая въ частныхъ кассахъ, совершенно уподобляется долговымъ знакамъ, представляемымъ помѣтками въ книгѣ, записью въ ней. Словомъ, иммобилизированные, векселя съ чисто-экономической точки зрѣнія перестаютъ быть векселями.

Если выдача векселя означаетъ кредитное снабженіе текущей предпріимчивости плодами предпріимчивости прошлой, то совершенно иное значеніе имѣетъ учетъ векселя. Чрезъ посредство операціи учета, торгово-промышленный міръ пользуется тѣми преимуществами, которыя вексель имѣетъ сравнительно съ другими долговыми знаками, относительно обращаемости. Съ помощью учета дѣлается дѣйствительнымъ то, что безъ него скрыто въ векселѣ, какъ возможность. Связанныя въ немъ силы пробуждаются къ жизни. Покой превращается въ движеніе.

Операція учета имѣетъ своею цѣлью — сообщить дальнѣйшее движеніе обязательствамъ, которыя родились отъ кредитныхъ отношеній, возникшихъ между частными лицами по ихъ непосредственной и собственной иниціативѣ. Ея цѣль—предстоящіе будущіе платежи превращать въ такіе текущіе, которые давали бы возможность одной изъ сторонъ, вошедшихъ въ кредитное отношеніе, производить свои покупки. Ея цѣль, наконецъ, давать предпріимчивости, которой осталось только вполнѣ реализировать плоды сбыта цѣнностей, ею уже произведенныхъ, еще дальнѣйшую возможность, путемъ предвосхищенія плодовъ сбыта, погашать свои долги хотя бы отчасти, если не совершенно.

Прежде всего при операціи учета важно то, что расширяется практическое значеніе текущей предпріимчивости, которой покупательную силу вексель представляетъ, и распространяется ея вліяніе на болѣе обширное поле. Вексель первоначально могъ быть выпущенъ при покупкѣ товара; покупательная сила, въ немъ собранная, тогда была употреблена для приведенія въ движеніе вещественной цѣнности, съ спеціальною полезностью. Вліяніе ея ограничивалось предѣлами, въ которыхъ замкнутъ былъ сбытъ этой спеціальной цѣнности. При учетѣ векселя послѣдній ставится уже рядомъ и уравнивается съ орудіями обращенія, которыя нашли

себѣ сферу сравнительно болѣе широкую. Экстенсивность его мѣноспособности расширяется, такимъ образомъ, до предѣловъ, въ которыхъ дѣйствуетъ болѣе совершенное орудіе обращенія. Учетъ векселя выражаетъ и условія, на которыхъ менѣе совершенное орудіе можетъ стать равнымъ болѣе совершенному, и—самое это уравненіе.

Но учетъ векселя имѣетъ еще и другое значеніе. Онъ полезенъ не только для должника по этому долговому знаку, но и для кредитора. Распространяя значеніе покупательной силы, воплощенной въ кредитномъ знакѣ,—уравнивая ее съ тою, которая воплощена въ болѣе совершенныхъ орудіяхъ обращенія,—операція учета доставляетъ кредитору ту выгоду, что освобождаетъ его отъ неудобствъ, съ которыми была связана отдача товара за знакъ, лишенный обращаемости. До появленія векселя кредиторъ обладалъ товаромъ, т. е., извѣстною суммою покупательной силы. Но эта покупательная сила находилась въ связанномъ состояніи въ товарномъ тѣлѣ. Продавъ товаръ въ кредитъ и получивъ за него вексель, остававшійся въ его портфелѣ, владѣлецъ товара еще все-таки не получилъ своей покупательной силы въ свободномъ состояніи, которое дало-бы ему возможность выступить на рынокъ покупателемъ. Учетъ векселя даетъ ему эту возможность. Учетъ какъ бы парализуетъ кредитность продажи, т. е., отсроченность полученія чистой покупательной силы.

Учетъ распространяетъ, слѣдовательно, свое вліяніе не на одно, а на два количества покупательной силы, которыя оба находились въ *связанномъ* состояніи и вмѣсто которыхъ онъ создаетъ одно количество *свободной* покупательной силы у кредитора. Каждый вексель представляетъ два количества покупательной силы: одно составляетъ его валюту, цѣнность наличную, которая приведена имъ въ движеніе,—другое составляетъ его двигающую силу, это—обязательство платежа. Эти-то двѣ силы учетъ какъ бы сплетаетъ въ одну третью, отъ которой требуется, чтобъ номинальная ея величина не превышала величины каждой изъ ея составныхъ частей, но чтобъ крѣпость ея вліянія, за то, превышала крѣпость вліянія

обѣихъ составныхъ частей. Изъ векселя, который сначала представлялъ соединеніе одного кредитора съ однимъ должникомъ, учетъ дѣлаетъ обязательство, котораго исполнимость усилена, по которому уже силы не одного только лица, а силы двухъ предпринимателей обезпечиваютъ его исполненіе. И этого мало. Учетъ соединяетъ, для усиленія обезпеченности, не однородныя силы, а разнородныя, представляющія каждая гарантію особаго рода. Онъ соединяетъ обезпеченіе производительностью текущей предпріимчивости съ производительностью той прошлой предпріимчивости, которая произвела валюту (капиталъ) векселя.

Отсюда совершенно особый характеръ, который, вслѣдствіе того, получается болѣе совершеннымъ орудіемъ обращенія, идущимъ въ замѣнъ векселя. Обмѣнивается-ли вексель при учетѣ на звонкую наличность, на билеты или чеки, эти орудія обращенія, въ особенности если они кредитныя, получаютъ двойное обезпеченіе. Они выражаютъ и цѣнность плодовъ прошлой предпріимчивости, которымъ кредитъ открылъ сбытъ, для которыхъ кредитъ доставилъ возможность *предложенія*, и цѣнность той текущей предпріимчивости, которой кредитъ далъ возможность выступить покупателемъ, т. е. которой кредитъ открылъ возможность дѣйствительнаго (эффективнаго) *спроса. Болѣе совершенныя орудія обращенія, если они представляютъ усиленіе спроса, выражаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и усиленіе предложенія,—совершенно равное первому*. Поэтому, *ни одно, ни другое усиленіе не можетъ повліять на товарныя цѣны.*

Все это практическое значеніе операція учета имѣетъ, однако, только въ томъ случаѣ, если вексель обладаетъ описанными выше основными признаками. Т. е., онъ долженъ порождаться переходомъ въ руки производительной текущей предпріимчивости торгово-промышленныхъ средствъ, предназначенныхъ для торгово-промышленной цѣли, для воспроизводства, для полученія отъ нихъ дохода. Напротивъ, операція учета остается безъ описанныхъ послѣдствій, если 1) вексель, до того, какъ онъ поступилъ въ банкъ, вовсе не былъ порожденъ переходомъ валюты (товаровъ, денегъ) изъ рукъ кредитора въ руки должника, 2) если валюта

перешла въ руки, употребляющія полученное не для торгово-промышленной цѣли, а для безвозвратнаго уничтоженія.

Вотъ почему для народнохозяйственнаго вліянія банковой операціи учета векселей основное значеніе имѣетъ составъ того вексельнаго матеріала, который подводится для учета банкамъ. Значеніе банковой дѣятельности въ этой области можетъ быть, при различныхъ условіяхъ, совершенно противуположное. И здѣсь то, собственно говоря, мы встрѣчаемся съ тою почвою, которою, главнымъ образомъ, поддерживается и питается весь кредитный организмъ народнаго хозяйства. Векселя представляютъ ту пищу, отъ состава которой зависитъ здоровье, крѣпость и живучесть этого организма, или его болѣзненность, безсиліе и невѣроятность его долговѣчія.

Вексельный кредитъ означаетъ эффективность спроса текущей предпріимчивости, порождающую расширеніе сферы соперничествующихъ между собою производительныхъ рукъ (представителей текущей предпріимчивости) и дающую возможность аплодамъ прошлой предпріимчивости попасть въ руки наиболѣе производительныя. Онъ начинается въ настоящее время, т. е. при соотвѣтствующей нашему вѣку высшей степени развитія, тамъ, гдѣ впервые текущая предпріимчивость сталкивается съ прошлою, т. е., на товарномъ рынкѣ. Банки служатъ механизмомъ, который экономическимъ прогрессомъ выработанъ для того, чтобъ сдѣлать эту встрѣчу наиболѣе плодотворной. Поэтому, и назначеніе свое банки могутъ выполнять только тогда и только тамъ, когда и гдѣ отношенія на товарномъ рынкѣ для нихъ выработали надлежащую почву, гдѣ и когда эти отношенія приготовили имъ доброкачественный матеріалъ для работы, гдѣ и когда на товарномъ рынкѣ успѣли уже выясниться производительныя качества лицъ, входящихъ въ кредитную сферу и прибѣгающихъ за помощью къ банкамъ.

Только первый свой шагъ дѣлаютъ тѣ банки, которые удовлетворяются однимъ собираніемъ сбереженій, чтобъ сдѣлать ихъ непрерывно доходными, или собираніемъ кассовыхъ запасовъ, чтобъ сдѣлать ихъ безостановочно функціонирующими въ качествѣ тако-

выхъ. Эти банки непосредственно оперируютъ только тою долею изъ денежнаго запаса страны, которая, стремясь играть роль дѣятельнаго капитала, не можетъ, однако, разъигрывать эту роль въ рукахъ своихъ владѣльцевъ и нуждается еще въ посредничествѣ банковъ. При подобныхъ условіяхъ, поприще банковъ по необходимости ограниченное. Оно расширяется, а вмѣстѣ съ нимъ и благодѣтельныя вліянія банковой организаціи кредита, только тогда, когда предметомъ, организаціею котораго банки заняты, становится не одинъ только ссудно-денежный кредитъ, а весь товарный кредитъ, сравнительно съ которымъ первый значительно меньше въ настоящее время. Еще важнѣе при этомъ, что какъ самый характеръ кредита, такъ и характеръ банковой его организаціи, далеко не одинъ и тотъ-же въ началѣ его развитія и на болѣе высокихъ степеняхъ послѣдняго. Какъ для производительнаго характера кредита, такъ и для производительнаго характера банковъ, далеко не безразлично, больше-ли, или меньше кредита банками организуется,— организуется-ли одна или другая его отрасль, или всѣ его отрасли. Когда предметомъ организаціи кредита является одинъ только денежный кредитъ, тогда, какъ мы замѣтили, банки переживаютъ свою низшую (морфологическую) ступень. Они представляютъ тогда первый шагъ, который дѣлаетъ предпріимчивость, когда она имѣетъ своею цѣлью доставленіе непрерывной доходности всему *денежному* капиталу страны, когда она становится свободною; когда съ нея смывается позорное клеймо ростовщичества, когда признается ея производительное и народно-хозяйственное значеніе. Кто именно является представителемъ банковой предпріимчивости на этой степени ея развитія, отдѣльный-ли банкиръ, или компанія, полное товарищество, городская община—для ея характера безразлично. Во всякомъ случаѣ, она на этой степени имѣетъ дѣло съ совершенно особымъ морфологическимъ проявленіемъ личнаго кредита.

Разъискивая производительное помѣщеніе ссудно-денежному капиталу, банковая предпріимчивость лишена еще твердой почвы подъ собою. Она должна полагаться на одну только текущую предпріимчивость должника, при всей ея большей или меньшей рискован-

ности. Она лишена непосредственныхъ осязательныхъ указаній относительно того, куда уйдутъ деньги, для которыхъ она разъискиваетъ производительное помѣщеніе. Она должна полагаться на личность вообще, на ея отвлеченную и общую благонадежность, а не на болѣе вѣроятныя соображенія о благонадежности отдѣльнаго предпріятія, для котораго деньги занимаются. Да и должникъ вовсе не съ такою охотою готовъ на этой степени своего развитія открыть спеціальную цѣль, для которой ему нужны деньги. Онъ требуетъ, чтобъ деньги были ему довѣрены, потому что вообще онъ достоенъ довѣрія. Эта неопредѣленность или невыясненность кредита выражается и въ характерѣ долговаго документа, который выдаетъ нуждающійся въ деньгахъ. Онъ выдаетъ вексель, удостовѣряющій одинъ только голый фактъ, что деньги имъ заняты. Эта-же неопредѣленность, сопряженная съ сравнительно большею рискованностью, обусловливаетъ для банковой предпріимчивости необходимость быть болѣе на сторожѣ, менѣе довѣрять обязательству, въ цѣну кредита втягивать въ высшемъ размѣрѣ страховой элементъ, т. е., возвышать цѣну ссуднаго капитала. Выдача денегъ банковою предпріимчивостью является не въ видѣ учета векселя, свидѣтельствующаго о предшествовавшемъ учету кредитномъ отношеніи, а въ видѣ непосредственнаго *завязыванія* такого кредитнаго отношенія.

Если представители банковой предпріимчивости игнорируютъ (сознательно или безсознательно) степень развитія кредитныхъ отношеній въ данной странѣ и, во чтобы то ни стало, все-таки желаютъ, чтобы выдача ими кредита совершалась какъ бы чрезъ посредство учетной операціи,—тогда въ банковую дѣятельность втягивается фиктивный элементъ. Являются векселя, свидѣтельствующіе о кредитныхъ отношеніяхъ, будто-бы предшествовавшихъ банковому учету, хотя на самомъ дѣлѣ этихъ отношеній вовсе не было,—хотя условія жизни вовсе для нихъ еще не выработали надлежащей почвы,—хотя характер ъоборота, еще до нихъ, совсѣмъ недоразвился. Векселя начинаютъ приниматься не за то, что они на самомъ дѣлѣ есть, и возникаетъ тьма поводовъ къ недовольству,

недоразумѣніямъ, колебанію въ предпріимчивости, нерѣшительности въ пріемахъ, неопредѣленности и неясности во всемъ поведеніи.

Единственный исходъ изъ этого положенія можетъ быть открытъ однимъ свободнымъ совершенствованіемъ самаго оборота. Главное условіе для совершенствованія, конечно, возрастаніе производительности, увеличеніе массъ товаровъ, подлежащихъ сбыту, выработка условій, дѣлающихъ сбытъ по необходимости кредитнымъ. Тогда появляется новый кредитъ, товарный. И когда онъ принимаетъ достаточно обширные размѣры, является новая задача для банковъ и новый матеріалъ для ея разрѣшенія. Тогда только появляется тотъ вексель, который представляетъ прочную почву для банковыхъ операцій. Но тогда въ товарномъ векселѣ является главная почва для банковыхъ операцій безсрочно ссудными капиталами. На этой новой степени развитія, кредитъ становится болѣе обезпеченнымъ. Спеціализируются отдѣльныя проявленія предпріимчивости, которымъ оказывается кредитная помощь, и чрезъ то становится возможнымъ большій контроль кредитоспособности. Съ другой стороны, по каждому векселю являются представителями его производительнаго основанія какъ текущая, такъ и прошлая предпріимчивость. Векселя, учтенныя банкомъ, представляютъ, въ одно и тоже время, и массу товаровъ, сбытъ которыхъ они облегчили, которые кредитомъ приведены въ движеніе, и тѣ силы текущей предпріимчивости, которыя были, благодаря кредиту, вооружены элементами капитала,—которымъ дана возможность превратиться тоже въ элементы капитала,—которымъ, слѣдовательно, открыта возможность немедленно проявить свои производительныя качества. Кредитъ, представляемый векселями, продолжаетъ быть личнымъ. Онъ продолжаетъ оказываться, прежде всего, производительнымъ качествамъ личности. Но эти производительныя качества стали болѣе осязательными. Они получаютъ вещественное тѣло. Кредитъ уже не только личный, но и *покрытый*.

Такимъ образомъ, основное содержаніе учетной операціи на практикѣ облекается въ весьма различныя формы. Самая простая

форма учетной операціи представляется при выдачѣ денегъ за какое-либо обязательство частнаго лица. Въ такомъ видѣ учетную операцію долго ведутъ отдѣльныя личности до установленія банковъ. Но выдача денегъ, за какое-бы то ни было обязательство, весьма рискованна. Она вецетъ, поэтому, за собою необходимость обезпечиваться отъ возможныхъ потерь взиманіемъ весьма высокихъ процентовъ за пользованіе отданнымъ въ займы капиталомъ. Первоначальную форму учетной операціи называютъ, поэтому, обыкновенно *ростовщичествомъ*. Съ успѣхами торгово-промышленной жизни являются стремленія иными путями обезпечиваться отъ опасностей, съ которыми сопряженъ личный кредитъ. Эти пути представляются внѣшними (формальными) признаками тѣхъ долговыхъ документовъ, по которымъ оказывается кредитъ личный. Деньги начинаютъ выдаваться только съ поручительствомъ за получающее лицо еще одного или двухъ постороннихъ лицъ; требуется, чтобъ обязательство писалось на извѣстной бумагѣ и принадлежало къ тому разряду долговыхъ документовъ, по которымъ судебная и исполнительная власти скорѣе производятъ взысканія и по которымъ взысканія строже. Личный кредитъ начинаютъ оказывать преимущественно по векселямъ. Наконецъ, при дальнѣйшемъ прогрессѣ дѣловой жизни, обезпеченія, требуемыя при оказываніи кредита лицу, еще болѣе возрастаютъ. Личный кредитъ оказывается только лицу, *которое обладаетъ векселемъ, свидѣтельствующимъ, что ему предстоитъ получить платежъ*. Тогда только учетная операція пріобрѣтаетъ всѣ существенныя для нея основанія; тогда оказываются развившимися всѣ ея существенныя составныя части. Отъ лица, представляющаго *векселъ*, который свидѣтельствуетъ о предстоящемъ для него полученіи платежа, требуется, чтобъ оно надписью на векселѣ *поручилось* за его исполненіе; иногда требуется добавочное ручательство еще одного лица, которое уже разъ оказало довѣріе векселю принятіемъ его въ какой-нибудь платежъ и это удостовѣрило надлежащею надписью своею; тогда по обязательству: 1) представляемому *векселемъ*, 2) подкрѣпленному *отвѣтственностью двухъ или трехъ лицъ*, 3) представляющему

*предстоящее полученіе платежа* однимъ лицомъ другому,— банкъ только и выдаетъ деньги или оказываетъ кредитъ лицу, въ размѣрѣ, равномъ предстоящему для полученія платежу. Въ западной Европѣ подъ учетною операціею только и разумѣютъ выдачу средствъ по векселямъ такимъ лицамъ, которыя по своимъ векселямъ, во всякомъ случаѣ, раньше или позже, должны получить платежъ. Учетомъ въ западной Европѣ только и называютъ операцію, по которой банкъ или банкиръ становится на мѣсто вѣрителя по векселю, беретъ на себя требовать платежъ, по векселю предстоящій, а вѣрителю только *впередъ* выдаетъ деньги, которыя онъ и безъ того получилъ-бы.

Нормальнымъ источникомъ, изъ котораго первоначально черпаются ссудныя средства для вексельнаго кредита, служатъ капиталы, представляемые товарами, иначе не могущими быть сбытыми, какъ въ кредитъ. Это значитъ иными словами, что съ помощью вексельнаго кредита антиципируетъ свои будущіе плоды предпріимчивость, получающая въ свои руки товары или для дальнѣйшей ихъ переработки, или для перемѣщенія ихъ въ другое мѣсто, или для ихъ сохраненія на другое время, или, наконецъ, вообще для сбыта ихъ. Для этой то предпріимчивости вексельный кредитъ представляетъ нормальный способъ антиципаціи будущихъ плодовъ.

Что-бы ни было предпринято съ товаромъ, перешедшимъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, путемъ вексельнаго кредита, всякое его употребленіе требуетъ времени. Все равно, заключается-ли употребленіе товара въ томъ, что онъ служитъ орудіемъ или матеріаломъ для дальнѣйшаго производства, или что его перевозятъ изъ одного мѣста въ другое, или что ею сохраняютъ, или, наконецъ, что ему разъискиваютъ «послѣдняго» покупателя-потребителя, — во всякомъ случаѣ нужно время, въ теченіе котораго все это дѣлается. Слѣдовательно, лицо, которое получаетъ товаръ, иначе какъ на срокъ, получать его не можетъ: по крайней мѣрѣ въ самой значительной массѣ случаевъ. Но сбытъ товара въ кредитъ на срокъ ставитъ продавца товара въ весьма неудобное положеніе: онъ необходимо долженъ пріостановить свою собственную дѣятельность, пока

не истечетъ срокъ, къ которому онъ получитъ уплату за свои товары. Выручить его изъ этого неудобнаго положенія могутъ только два обстоятельства. Или онъ имѣетъ добавочный свой собственный капиталъ (*предпринимательскій*), съ помощью котораго онъ можетъ продолжать свою дѣятельность, не пріостанавливая ее. Или же онъ самъ получитъ отъ третьяго лица или учрежденія *ссудный* капиталъ, съ помощью котораго онъ будетъ продолжать свою дѣятельность, не прерывая ее.

Такимъ образомъ продавецъ товара, сбываемаго въ кредитъ, если у этого продавца нѣтъ лишняго собственнаго капитала, въ состояніи давать не срочный, а безсрочный кредитъ. Покупатель же только срочный кредитъ и можетъ взять. Банковая операція учета векселей имѣетъ своею цѣлью—стать между продавцемъ и покупателемъ для того, чтобъ каждому изъ нихъ доставить возможность дѣлать только то, что онъ въ состояніи дѣлать.

Выше мы видѣли, какимъ образомъ банки могутъ превращать безсрочныя средства въ срочныя. Для этого банки *соединяютъ* безсрочныя ссудныя средства, свободныя не одновременно, а послѣдовательно одни за другими. Мы видѣли, что для такого соединенія нужна обращаемость банковаго кредита у публики.

Понятно въ такомъ случаѣ, что чѣмъ краткосрочнѣе вексель, тѣмъ онъ удобнѣе для банка и тѣмъ лучшій матеріалъ онъ представляетъ для учетной операціи. Напротивъ, чѣмъ продолжительнѣе срокъ векселя, тѣмъ меньше онъ можетъ годиться въ роль помѣщенія для безсрочныхъ средствъ, тѣмъ больше, напротивъ, онъ нуждается въ срочныхъ средствахъ. Вотъ почему банки, которымъ приходится оказывать кредиты подъ векселя съ долгими сроками, нуждаются для этого въ срочныхъ вкладахъ. Учитывая вексель съ 6, 9, 12 или 18-ти мѣсячнымъ срокомъ съ помощью средствъ, заимствованныхъ изъ *срочныхъ* вкладовъ, и превращая безсрочный капиталъ, который товары представляли для ихъ продавца, въ срочный, банкъ имѣетъ въ подобномъ случаѣ подъ собою совершенно прочную почву. Когда большая часть «долгихъ» векселей упрочены на почвѣ срочныхъ вкладовъ, банкъ

имѣетъ болѣе основаній для нѣкоторой части ихъ заимствовать средства и изъ безсрочныхъ вкладовъ, если только увѣренъ, что соотвѣтственная часть вкладовъ отъ него не уйдетъ во все время, на которое растягивается срокъ векселя,—если имѣетъ солидныя основанія разсчитывать, что эта соотвѣтственная часть вкладовъ только будетъ переходить отъ одного кліента банка къ другому его кліенту, но изъ круга его кліентовъ не выйдетъ.

Чтобы вексель годился въ помѣщеніе для безсрочныхъ средствъ, ему необходимо представлять скоро кончающееся предпріятіе, живо возстановляющее свои затраты. Онъ долженъ представлять ссудный капиталъ, служащій предпріятію въ качествѣ оборотнаго и исполняющій свою роль оборотнаго капитала возможно совершеннѣе, съ наибольшею возможною производительностью. Ибо, какъ выше уже разъяснено было, оборотный капиталъ тѣмъ производительнѣе, чѣмъ короче время, въ теченіе котораго онъ проявляетъ свою производительность.

Вексельный кредитъ имѣетъ своимъ главнымъ обезпеченіемъ приноровленность къ надобностямъ той предпріимчивости, которая сосредоточиваетъ свои производительныя силы около сбыта товаровъ. Вотъ почему и основное обезпеченіе учетной операціи представляется ея служеніемъ преимущественно такой предпріимчивости, которая отчасти уже доказала свою производительность цѣнностями, находящимися въ ея распоряженіи. Эти цѣнности ей остается только сбыть, чтобъ реализовать всѣ плоды своей производительности. Если ей еще необходимо предвосхищать какіе-либо будущіе свои плоды, то только сбыта. Облегчить ей *это* предвосхищеніе и имѣетъ своею цѣлью учетная операція.

Вотъ почему основное обезпеченіе учетной операціи заключается въ *покрытости* того кредита, который представляютъ учитываемые векселя. Если учитываемые векселя представляютъ непокрытый кредитъ, то—значитъ—учетъ опирается уже на менѣе прочную почву.

Необходимо различать тотъ случай, когда учитываемые векселя опираются на менѣе прочныя основанія по общимъ народно-хозяй-

ственнымъ причинамъ, отъ другаго случая, когда векселя опираются на менѣе прочныя основанія по причинамъ частнымъ. Въ первомъ случаѣ банки ничего на первыхъ порахъ не подѣлаютъ противъ того, что народное хозяйство располагаетъ мало-производительными силами, которымъ кредитъ нуженъ тогда, когда онѣ его ничѣмъ готовымъ покрыть еще не могутъ. На нѣтъ и суда нѣтъ. Покрытый кредитъ съ неба не падаетъ. Онъ развивается постепенно. Конечно, банки могутъ, съ своей стороны, сильно содѣйствовать его развитію. Но и плоды банковыхъ вліяній не выскакиваютъ сразу, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла. Конечно, банкамъ, при неблагопріятныхъ народно-хозяйственныхъ условіяхъ, приходится дѣйствовать тѣмъ осторожнѣе.

Если гарантіи учетной операціи далеко не одинаковы на всѣхъ степеняхъ развитія банковаго дѣла, — то не всегда большая или меньшая обезпеченность успѣха банковой дѣятельности въ одинаковой степени зависитъ отъ одной только предусмотрительности банковой администраціи. Потому что невсегда отъ послѣдней зависитъ мѣра, на которую доходность ея дѣла сопряжена съ рискомъ. Всякая низшая степень экономическаго развитія имѣетъ однимъ изъ своихъ существенныхъ признаковъ сравнительно меньшую обезпеченность получаемыхъ на ней доходовъ и ихъ большую зависимость отъ вліяній, не поддающихся точному разсчету, т. е. отъ риска. Меньше рисковать въ такомъ случаѣ означаетъ меньше получать доходовъ. А готовность примиряться съ меньшими доходами, хотя она можетъ быть и болѣе симпатична моралисту, не всегда, однако, зависитъ отъ воли, да и не всегда цѣлесообразна съ экономической точки зрѣнія. Рѣдкій шагъ впередъ въ прогрессивномъ развитіи экономической жизни обходится безъ риска: такъ, по крайней мѣрѣ, всегда было до сихъ поръ. Вотъ почему на низшей степени своего развитія банковое дѣло не всегда умѣетъ примирять интересы своей доходности съ интересами своей обезпеченности.

Рискъ не необходимо влечетъ за собою всегда только неудачу. Но онъ *можетъ* ее повлечь за собою съ большею легкостью, чѣмъ

дѣятельность, свободная отъ риска. Несомнѣнно, поэтому, что банкъ поставленъ въ сравнительно менѣе благопріятное положеніе, когда ему приходится производить учетную операцію въ неразвитомъ народномъ хозяйствѣ. Онъ легче можетъ стать одною изъ причинъ кризиса. Но непосредственно въ этомъ случаѣ виновата народно-хозяйственная почва, которая вѣдь одна только для банка и существуетъ. Изъ того, что въ менѣе развитыхъ народныхъ хозяйствахъ банки легче могутъ стать виковниками злоупотребленій кредитомъ, слѣдуетъ только одно: что и банки, и всѣ остальные органы народнаго хозяйства должны стараться возможно болѣе содѣйствовать прогрессивному передвиженію жизни съ низшей степени развитія на высшую.

Совершенно иную основу злоупотребленія вексельнымъ кредитомъ и учетною операціею получаютъ тогда, когда учитываемые векселя *выдаются* и *принимаются*, какъ опирающіеся на покрытый кредитъ, хотя на самомъ дѣлѣ они опираются на непокрытый кредитъ. Такіе векселя — дутые. И помимо всякаго учета, дутый вексель выражаетъ обманъ. Но когда онъ еще учитывается, то обманъ удваивается. Конечно, банки могутъ стать жертвою обмана и только потому принять къ учету дутые векселя. Но бывали и другіе случаи, когда банки, зная качества учитываемыхъ ими векселей, все-таки помѣщали въ нихъ свои средства.

Несомнѣнно, что такой образъ дѣятельности банковъ — очень большое злоупотребленіе. Ибо: если банкъ пользуется безсрочными ссудными средствами, то онъ долженъ стараться о помѣщеніи ихъ въ такихъ рукахъ, которыя представляютъ наибольшую обезпеченность. Если банкъ предпочитаетъ менѣе обезпеченныя руки и въ такомъ народномъ хозяйствѣ или при такихъ условіяхъ, гдѣ и при какихъ онъ могъ-бы учитывать векселя покрытаго кредита, все-таки учитываетъ дутые векселя,—то это очевидно доказываетъ, что сохранность чужихъ капиталовъ, довѣренныхъ данному банку, совсѣмъ не стоитъ на первомъ планѣ въ его дѣятельности. А между тѣмъ, для этой сохранности жизнь и нуждается въ банкахъ.

Рисковать своими средствами всякій можетъ и безъ банковъ.

Неразборчиво относиться ко всякому векселю, добивающемуся учета,—лишь-бы капиталу была добыта доходность, — это съумѣетъ всякій сдѣлать и при ничего-не-дѣланіи. Банки—спеціалисты. Слѣдовательно, въ своемъ дѣлѣ они должны достигать наивысшей производительности. Ихъ всего менѣе должна постигать неудача. А если они сознательно будутъ готовы идти по пути, несомнѣнно ведущему къ неудачѣ или ведущему къ ней съ большею вѣроятностью, то, конечно, такіе банки только по названію своему банки.

Мы не можемъ оставить разборъ учетной операціи, не упомянувъ еще объ одной ея сторонѣ, которая получила большое значеніе въ особенности въ послѣднее двадцатипятилѣтіе.

Учетную операцію, какъ спеціальную,—т. е. какъ такую, для которой усиленныя сосредоточенныя заботы подготовляютъ и болѣе обширные запасы надлежащихъ средствъ, — могутъ вести банкъ, или банкиръ, или—просто—дисконтеръ. Учрежденія или лица, ведущія учетную операцію, по самой своей природѣ, должны представлять, и всегда, дѣйствительно, представляютъ, центры, около которыхъ сосредоточиваются болѣе или менѣе обширные запасы свободныхъ средствъ. Первоначально эти запасы образуются для учета. Но такъ какъ свободныя средства годятся не только для учета, то понятно, что, въ особенности въ періоды оживленія спекуляціи, когда усиливается надобность въ свободныхъ средствахъ,— спекуляція начинаетъ коситься на всякій уголъ, гдѣ только она «пронюхиваетъ» нужныя ей средства. Особая совокупность заботъ спекуляціи выдѣляется изъ общей ихъ массы и начинаетъ исключительно сосредоточиваться на этомъ «выпюхиваніи» денегъ. Относящіеся сюда операціи или обороты отличаются, между прочимъ, своею полною беззастѣнчивостью. Опытъ показываетъ, что «дома» весьма солидные, люди очень богатые и умные, которые имѣютъ, что терять, и рискуютъ очень многимъ, забываютъ и свои лѣта, и свою опытность, и свое богатство, и свое общественное положеніе,—забываютъ семью, честь, совѣсть, — словомъ все, кромѣ того, что «непремѣнно нужно добыть денегъ».

Тогда-то возникаютъ такъ называемыя стремленія къ *финан-*

*сированію* (the financing, die Finanzirung). Всякое обязательство, подъ которое только возможно гдѣ-либо добыть нужное, стараются употребить «для перечеканки» его въ деньги. Начинается рядъ злоупотребленій и солидностью, и пріобрѣтеннымъ именемъ (фирмою), и довѣріемъ,—словомъ *всѣмъ*, что только въ состояніи подкрѣпить успѣхъ стремленій. Тогда, понятно, и векселя не остаются въ сторонѣ. Появляется особый видъ векселей, извѣстныхъ подъ названіемъ «финансовыхъ».

Про финансовый вексель мало сказать, что онъ дутый. «Дутый» вексель соотвѣтствуетъ мелкой промышленности и мелкимъ оборотамъ. Онъ—обманъ, на который рѣшается и мелкая предпріимчивость. «Финансовый» вексель представляетъ собою въ развитомъ видѣ то, что зародышемъ сказывалось уже въ «дутомъ» векселѣ. «Финансовый» вексель соотвѣтствуетъ злоупотребленіямъ, происходящимъ на высшей степени экономическаго развитія, съ помощью обширныхъ средствъ, въ громадныхъ размѣрахъ. Дутые векселя много-много осмѣливаются на сто-тысячные обманы. Финансовые векселя витаютъ въ милліонахъ и десяткахъ милліоновъ. Дутый вексель выдается обыкновенно съ трепетомъ и трусливо. Финансовый вексель нахально требуетъ для себя денегъ, опираясь на звонкую фирму.

Нужно-ли говорить и доказывать, что «учетъ» финансовыхъ векселей не имѣетъ ничего общаго съ тою учетною операціею, о которой мы говорили выше? Чѣмъ оживленнѣе спекуляція и чѣмъ она рискованнѣе, тѣмъ она возможнѣе именно для самыхъ «вѣскихъ» фирмъ. И именно тогда «вѣскія» векселя звонкихъ фирмъ, какъ бы онѣ ни были величественны, всего менѣе годятся для учета. Долженъ-ли банкъ вообще выдавать свои оборотныя средства подъ подобные векселя, или не долженъ,—это особый вопросъ. Во всякомъ случаѣ, выдавая свои средства подъ «финансовые» векселя, банкъ уже антиципируетъ не предстоящіе платежи, опирающіеся на предпріимчивость, отчасти уже реализовавшую свои плоды. Онъ предвосхищаетъ плоды предпріимчивости, не реализовавшей никакихъ плодовъ изъ данныхъ своихъ «дѣлъ», для которыхъ банкъ

отдаетъ ссудныя средства. А это существенно различныя вещи, которыя только для злоупотребленій могутъ смѣшиваться въ одну нераздѣльную массу.

Несомнѣнно, что даже въ самомъ безупречномъ своемъ видѣ учетная операція сопряжена съ нѣкоторымъ рискомъ. Вотъ почему тѣ, которые ею спеціально занимаются, очень часто имѣютъ обыкновеніе *дробить* этотъ рискъ между всею массою учитываемыхъ векселей, чтобъ ослаблять его силу. Изъ доходовъ, которые приноситъ учетъ каждаго отдѣльнаго векселя, берется извѣстная часть, которая отчисляется въ особый запасъ или заносится на особый счетъ. Эта часть представляетъ премію, уплатою которой каждый вексель себя страхуетъ отъ могущей его постигнуть опасности. Чѣмъ больше учитывается векселей, тѣмъ большій запасъ премій можетъ быть образованъ изъ отчисленій уже весьма незначительныхъ долей изъ доходовъ отъ учета каждаго отдѣльнаго векселя. Эти отчисленія уменьшаютъ прибыли банка, т. е. уменьшаютъ доходность собственнаго капитала банка. Но насколько *доходность* капитала уменьшается, настолько возрастаетъ самый капиталъ банка, а съ этимъ и сила, въ которой банкъ нуждается, чтобъ брать на себя отвѣтственность за ссудные капиталы. Другими словами это значитъ, что насколько доходность предпринимательскаго (собственнаго) капитала ослабляется, настолько укрѣпляется его способность выносить рискъ, настолько онъ самъ страхуется противъ риска.

Чѣмъ рискованнѣе учетная операція, тѣмъ менѣе доходы отъ нея могутъ служить для представленія производительности банковаго предпринимательскаго капитала. Тѣмъ болѣе, напротивъ, эти доходы должны уходить на укрѣпленіе страховаго запаса или страховаго счета банка.

Вотъ почему учитывать финансовые векселя, въ самомъ крайнемъ случаѣ, можетъ себѣ позволить только такой банкъ, который имѣетъ достаточный страховой запасъ свободныхъ средствъ, могущій его вполнѣ обезпечивать отъ возможныхъ потерь. Но финансовые векселя по большей части столь опасны, что обезпечивать

отъ опасностей, которыми они угрожаютъ, въ состояніи лишь равный имъ страховой резервъ. А такой резервъ совершенно парализуетъ ихъ выгодность. Вотъ почему банкъ, который сознательно не желаетъ идти по пути злоупотребленія, никогда не рѣшится имѣть дѣло съ финансовыми векселями.

75. Въ вексельномъ кредитѣ качества, признаваемыя закономъ за долговымъ документомъ, въ которомъ кредитъ выражается, играютъ роль особаго обезпеченія. Преимущества при «взысканіи», признаваемыя закономъ за векселями, представляютъ весьма важныя дополнительныя, хотя и внѣшнія, обезпеченія кредита. Внутренними-же и непосредственными обезпеченіями вексельнаго кредита служатъ: производительность личныхъ силъ предпринимателя-акцептанта, входящаго въ кредитныя сношенія на основаніяхъ непокрытаго кредита, и производительность векселедателя (трассента), отчасти уже проявившаяся въ цѣнностяхъ, переданныхъ акцептанту, т. е. могущая опираться на покрытый кредитъ. Слѣдовательно, въ учетной операціи покрытый кредитъ сочетается съ непокрытымъ, когда учитываемый матеріалъ безупреченъ.

На практикѣ вексельный кредитъ и учетную операцію противупоставляютъ *ссудамъ*, какъ беззалоговой кредитъ—залоговому. Мы уже видѣли, съ какою осторожностью должно говорить о беззалоговомъ кредитѣ. Не должно, однако, еще терять изъ виду того, что ссуды не могутъ быть противупоставляемы учетной операціи даже лишь въ томъ смыслѣ, что только ссуды обладаютъ внѣшними дополнительными обезпеченіями сверхъ личной производительности человѣка, получающаго ссуду. Ибо законныя качества векселя и его преимущественная приноровленность къ оборотамъ краткосрочнымъ, строгость обычныхъ взглядовъ на исполненіе долговъ по векселямъ и нравовъ, утвердившихся относительно этого предмета, тоже представляютъ внѣшнія обезпеченія. И эти внѣшнія обезпеченія «беззалоговаго» кредита на высшихъ степеняхъ

развитія располагаютъ гораздо большею силою, чѣмъ дополнительныя обезпеченія, представляемыя залогами.

Совершенно ошибочно учетную операцію противупоставлять ссудной, какъ личный кредитъ—вещному. Ибо вещный кредитъ означаетъ только тотъ видъ покрытаго кредита, при которомъ вѣритель можетъ положиться на вещественное покрытіе кредита, какъ на существующее для него не только фактически, но и юридически. Практика имѣетъ разные способы пользоваться добавочными юридическими обезпеченіями, или содѣйствіемъ власти закона. Иногда такимъ способомъ служитъ «вексельное право», иногда-же—«залоговое право». Смотря по частнымъ условіямъ каждаго отдѣльнаго случая, пользуются однимъ или другимъ способомъ.

Чѣмъ-же отличается ссудная операція отъ учетной? Ссудный кредитъ всегда — покрытый. Но не всякій покрытый кредитъ — ссудный. Съ экономической точки зрѣнія «суть» ссудной операціи не составляетъ также ея юридическая сторона. Независимо отъ своего юридическаго значенія, ссудная операція, подобно учетной, имѣетъ свои самостоятельныя, чисто-экономическія, особенности.

Ссуднымъ кредитомъ можетъ пользоваться тотъ, у кого въ рукахъ уже имѣется готовая цѣнность, овеществленный источникъ покупательной силы. Вполнѣ польза отъ этого источника будетъ реализирована только послѣ его сбыта, когда изъ него высвобождены будутъ затраченныя въ него средства и когда эти средства можно будетъ получить въ совершенно свободномъ состояніи, то есть въ видѣ денегъ. Но сбытъ, въ настоящее время, самъ распадается на двѣ составныя и совершенно самостоятельныя части. Одна половина его заключается въ передачѣ сбываемой цѣнности въ постороннія руки. Другая половина заключается въ полученіи отъ этихъ рукъ платежа за переданную цѣнность.

Слѣдовательно, и предвосхищеніе плодовъ сбыта возможно или еще до того, какъ онъ вообще начатъ, или-же послѣ того, какъ онъ уже начатъ, но еще передъ тѣмъ, какъ онъ доставилъ сопряженный съ нимъ платежъ.

Строго говоря, вмѣсто двухъ степеней, которыя должны про-

ходить обороты всякаго, получающаго въ настоящее время доходы, и о которыхъ выше было сказано, должно говорить о трехъ. Сначала цѣнность должна быть изготовлена или добыта, услуга должна быть оказана. Потомъ ей долженъ быть найденъ сбытъ. Наконецъ, въ заключеніе—она должна высвободить затраченныя на нее силы и средства.

Кто пользуется кредитомъ на первой степени, можетъ пользоваться только личнымъ (бланковымъ) кредитомъ. На второй степени (до того, какъ цѣнности найденъ сбытъ) возможенъ уже отчасти покрытый кредитъ, но только при посредствѣ *ссудной* операціи. Только на третьей степени,—когда отъ будущаго приходится ожидать всего меньше, — когда обезпеченіемъ кредита являются *пройденныя уже* двѣ степени,—становится возможнымъ вполнѣ покрытый кредитъ. Тогда имъ возможно пользоваться и чрезъ посредство учетной операціи.

Итакъ, «суть» ссудной операціи съ экономической точки зрѣнія заключается въ ея значеніи средства для предвосхищенія плодовъ предстоящаго начала сбыта.

Нетрудно замѣтить, какое соотношеніе по силѣ обезпеченій существуетъ между ссудной операціею, съ одной стороны, и бланковымъ кредитомъ и учетною операціою, съ другой. Предъ бланковымъ кредитомъ обезпеченія ссудной операціи обладаютъ общими преимуществами покрытаго кредита. Но учетной операціи ссудная уступаетъ по силѣ своихъ обезпеченій, ибо она больше обѣщаетъ въ будущемъ, чѣмъ учетная. Ея судьба больше зависитъ отъ будущаго.

Отдѣльные виды ссудной операціи являются вслѣдствіе различной силы, имѣющейся у обезпеченій, служащихъ ей покрытіемъ.

Обезпеченіями ссудной операціи могутъ служить или цѣнности, играющія роль капиталовъ, или-же цѣнности, служащія для потребленія и находящіяся въ рукахъ у потребителей. Только капиталъ обладаетъ тою воспроизводительною способностью, которая нужна для покрытія ссудной операціи. Поэтому, только цѣнности,

играющія роль капиталовъ, могутъ служить такимъ покрытіемъ. Напротивъ, цѣнности, назначенныя для потребленія и уже находящіяся въ рукахъ потребителей, по самой своей природѣ представляютъ средства, подлежащія уничтоженію. Слѣдовательно, чтобъ стать покрытіемъ кредита, онѣ должны *перестать* быть тѣмъ, что онѣ суть. Онѣ должны перестать служить цѣнностями для потребленія. Какъ таковыя-же, онѣ въ покрытіе для ссудной операціи не годятся. И дѣйствительно, когда изъ цѣнностей, предназначенныхъ къ потребленію и уже попавшихъ къ потребителямъ, дѣлаютъ покрытіе для ссуднаго кредита, то разсчетъ основываютъ на вѣроятной возможности превратить ихъ снова въ капиталъ, изъ котораго путемъ сбыта можно будетъ высвободить затраченныя въ него средства.

Изъ какого источника будутъ на дѣлѣ заимствованы средства для погашенія даннаго обязательства по ссудному кредиту: будутъ-ли они заимствованы изъ спеціальнаго покрытія для данной ссуды, или изъ другаго источника, — это безразлично. Важно лишь, чтобъ покрытіе годилось на то, на что его употребляютъ. Важно, чтобъ оно было цѣнностью, которой — можетъ предстоять сбыть, чтобъ она была капиталомъ, которому можетъ предстоять на рынкѣ превратиться въ свободныя средства.

Выше уже было упомянуто о вліяніи, оказываемомъ природою двухъ главныхъ видовъ, въ которые разбивается капиталъ (оборотный и постоянный), на характеръ покрытія, которое капиталъ можетъ представлять для кредита. Если капиталъ—оборотный, то есть скоро возстановляющійся во всей своей цѣлости, то онъ можетъ представлять покрытіе для краткосрочнаго кредита. Если-же капиталъ—постоянный, т. е. возстановляющійся только медленно и долями,—то онъ можетъ быть покрытіемъ только для долгосрочнаго кредита.

Отсюда два вида ссудныхъ операцій. Всякая выручка, которая получается отъ какого бы то ни было разряда цѣнностей, всегда получается путемъ сбыта. Когда цѣнность служитъ оборотнымъ капиталомъ, тогда выручка дается непосредственнымъ сбытомъ

самихъ цѣнностей. Если же цѣнности служатъ постояннымъ капиталомъ, тогда онѣ косвенно сбываются продажею тѣхъ ихъ плодовъ, которые выражаютъ отходящія отъ нихъ части. Смотря по тому, результаты какого именно сбыта подлежатъ предвосхищенію въ данномъ отдѣльномъ случаѣ, результаты прямаго-ли сбыта, или косвеннаго,—ссудныя операціи будутъ краткосрочныя или долгосрочныя.

Какая бы ни была ссудная операція, долгосрочная или краткосрочная, важно, во всякомъ случаѣ, не терять изъ виду, что дѣйствительнымъ реальнымъ обезпеченіемъ ея могутъ быть только цѣнности, которыхъ способность служить капиталомъ внѣ сомнѣнія. Или иначе: готовые плоды производительности только въ той мѣрѣ могутъ служить основою ссудныхъ операцій, въ какой несомнѣненъ ихъ сбытъ по цѣнѣ, по крайней мѣрѣ равной ссудному капиталу, изъ за котораго возникло кредитное отношеніе. Но въ той мѣрѣ, въ какой сбытъ цѣнности несомнѣненъ, въ той мѣрѣ она обладаетъ и способностью служить капиталомъ, то есть возстановляться. Сбытъ, однако, равно какъ и способность цѣнности служить капиталомъ, обезпечиваются только однимъ: нахожденіемъ цѣнности въ производительныхъ рукахъ. Вотъ почему цѣнность, не находящаяся въ рукахъ у производительной предпріимчивости, представляетъ собою весьма шаткую и сомнительную почву для ссудныхъ операцій. Ибо, кромѣ звонкихъ денегъ, нѣтъ такихъ цѣнностей, которыя въ себѣ таили бы столько внутренней крѣпости и прочности, чтобъ можно было положиться на ихъ собственную способность къ самосохраненію, или къ сохраненію своей производительной цѣлости. Сохраняться цѣнности могутъ только благодаря внѣшней поддержкѣ, получаемой ими отъ производительной предпріимчивости. Лишенныя-же этой поддержки, онѣ теряютъ всякую способность противустоять вреднымъ вліяніямъ, когда таковыя стремятся разрушительно на нихъ дѣйствовать. Вотъ почему крайне односторонне ограничиваться юридическою стороною покрытія ссудной операціи. Конечно, и она, несомнѣнно, очень важна. Залогъ, долженъ быть *вѣрный*. Но вѣрность залога нужна не только юри-

дическая, но и экономическая. Экономическая-же вѣрность залога заключается въ сохраненіи имъ своей первоначальной оцѣнки. Но никакая цѣнность, служащая залогомъ, не въ состояніи сохранять свою первоначальную стоимость, если она не находится въ рукахъ хозяина, заинтересованнаго сохраненіемъ ея стоимости и умѣющаго успѣшно заботиться о своихъ интересахъ, т. е. производительно-предпріимчиваго.

Долгосрочныя ссудныя операціи могутъ быть производимы только изъ совершенно свободныхъ ссудныхъ капиталовъ. Въ той-же мѣрѣ, въ какой онѣ производятся краткосрочными ссудными средствами, онѣ дѣлаютъ рискованною и самую ссудную операцію. Чѣмъ менѣе свободны ссудныя средства, которыми производится ссуда, и чѣмъ больше ея срокъ,—тѣмъ сильнѣе возрастаетъ рискъ, что не окажется въ свое время требуемаго источника, изъ котораго затраченныя средства могли-бы быть возстановлены. Тогда-то окажется, что ссудная операція извращена въ подобномъ случаѣ въ самой своей природѣ. Она должна была бы представлять покрытый кредитъ, снабженный дополнительнымъ источникомъ, изъ котораго могли бы быть заимствованы средства, затраченныя на ссуду: а на самомъ дѣлѣ дополнительный источникъ (залогъ) оказывается въ сторонѣ и совершенно равнодушно относится къ необходимости—имѣть затраченныя средства высвобожденными.

Затрата безсрочныхъ капиталовъ на краткосрочныя ссуды значительно затрудняется тѣмъ, что ссуды, во всякомъ случаѣ, менѣе обезпеченная операція, чѣмъ учетъ: ибо онѣ находятся въ большей зависимости отъ будущаго, слѣдовательно, отчасти неизвѣстнаго. Безсрочныя-же свободныя средства требуютъ для себя затратъ, которыя въ состояніи были-бы давать наисильнѣйшія изъ существующихъ обезпеченій.

Другаго рода причины, бросающія тѣнь на затрату безсрочныхъ средствъ на краткосрочныя ссудныя операціи, представляются свойствами цѣнностей, сбытъ коихъ предвосхищается означенными операціями.

Одна изъ важнѣйшихъ особенностей условій нашего времени

заключается, между прочимъ, въ томъ, что на всѣхъ тѣхъ рынкахъ, на которые успѣла проникнуть спекуляція, она дѣлаетъ сбытъ цѣнностей, коимъ данный рынокъ служитъ, совершенно почти равнодушнымъ къ роли цѣнностей, въ качествѣ капиталовъ постоянныхъ или оборотныхъ. Обращеніе и тѣхъ, и другихъ, до такой степени усилилось, что, по подвижности, постоянные капиталы уже ничѣмъ почти не уступаютъ оборотнымъ капиталамъ. Отсюда — послѣдствіе, на которое выше уже было указано. Съ точки зрѣнія отдѣльнаго человѣка долгосрочность, сопряженная съ связанностью средствъ въ постоянныхъ капиталахъ, почти совершенно парализуется. Если непосредственно средства, помѣщенныя долгосрочно, и не могутъ быть прямо изъ даннаго занятія извлечены,—то косвенно средства все-таки могутъ быть высвобождены путемъ уступки даннаго занятія, или помѣщенія капитала въ новыя руки.

Но если обращаемость въ состояніи парализовать долгосрочность связаннаго состоянія средствъ въ томъ или иномъ видѣ капиталовъ, то изъ этого заключаютъ, что, подъ вліяніемъ обращаемости, теряетъ иногда всякое значеніе вопросъ о томъ, какой капиталъ служитъ покрытіемъ краткосрочной ссудной операціи. Въ цѣнной бумагѣ, напримѣръ, чаще всего, капиталъ получилъ долгосрочное помѣщеніе. Но если данная цѣнная бумага обладаетъ усиленною и обширною обращаемостью, то это вѣдь значитъ, что, во всякое данное время, она легко можетъ быть сбытою. Это значитъ, что вѣроятность ея сбыта очень велика. Т. е., очень вѣроятно скорое наступленіе того сбыта, котораго плоды ссудною операціею предвосхищаются. Слѣдовательно: нѣтъ препятствій, чтобъ бумага могла быть принята обезпеченіемъ или покрытіемъ краткосрочной ссудной операціи, хотя она и представляетъ долгосрочное помѣщеніе.

Несомнѣнно, что въ этомъ разсужденіи заключается и значительная доля правды. Обращаемость, дѣйствительно, парализуетъ для отдѣльнаго лица долгосрочность. Пока долгосрочное помѣщеніе находитъ себѣ постоянно покупателей и пока внѣ сомнѣнія, что

покупатель окажется во всякое время, какъ только въ немъ возникнетъ потребность, — цѣнность, располагающая несомнѣннымъ, всегда возможнымъ и всегда выгоднымъ сбытомъ, представляетъ безукоризненное покрытіе для ссудной операціи. При несомнѣнности постоянно-возможнаго выгоднаго сбыта, дѣйствительно, становится безразличнымъ вопросъ, какое помѣщеніе представляетъ собою данная цѣнность, краткосрочное, или долгосрочное.

Но такихъ цѣнностей, которыя имѣли-бы *несомнѣнно* и *всегда* возможный, *всегда* выгодный сбытъ, *совсѣмъ не существуетъ*. Еще менѣе такимъ сбытомъ обладаютъ цѣнности, представляемыя акціями и облигаціями, изъ за которыхъ возникли изложенныя воззрѣнія. Всего-же менѣе въ защиту этихъ воззрѣній могутъ быть приводимы тѣ эпохи, когда съ виду кажется, будто-бы одинъ или другой разрядъ цѣнностей получилъ несомнѣнный, всегда возможный и всегда выгодный сбытъ.

Сбытъ всякой цѣнности (всякаго товара или всякой услуги) зависитъ отъ цѣны. Цѣна-же зависитъ отъ соотношенія между спросомъ и предложеніемъ. Изъ всѣхъ видовъ капитала, однѣ только деньги отличаются тѣмъ, что ихъ спросъ и предложеніе незначительно колеблются. Но и въ этомъ случаѣ, «незначительно» можетъ быть понято только въ относительномъ, а не въ безусловномъ смыслѣ. Если удвоеніе цѣны, утроеніе ея, а иногда возвышеніе даже въ четыре раза и больше значитъ «значительное» колебаніе, то и цѣна денегъ можетъ «значительно» колебаться. Какъ-бы, однако, сильны ни были измѣненія въ цѣнѣ денегъ, эти измѣненія влекутъ за собою наименьшія перемѣны въ объемѣ имущества, которымъ каждый обладаетъ. Сверхъ того, перемѣны, происходящія въ цѣнѣ денегъ, мало вліяютъ на ихъ сбытъ. Напротивъ, всѣ остальные виды богатствъ могутъ весьма неожиданно такъ обезцѣниваться, чтобъ терять всякое значеніе. Сверхъ того, перемѣны въ ихъ цѣнѣ производятъ неожиданнѣйшіе и полнѣйшіе перевороты въ условіяхъ ихъ сбыта.

Вотъ почему, уже помимо всякой обращаемости, товары или вообще цѣнности представляютъ хорошее покрытіе для кредита только

*послѣ* того, какъ имъ найденъ покупатель. Когда товару уже найденъ покупатель, то онъ составляетъ лучшее покрытіе для кредита, чѣмъ до этого,—даже если кредиторъ получаетъ законное право на покрытіе, превращаемое въ спеціальный залогъ. Вотъ почему всякая ссуда сопряжена съ большею рискованностью, несмотря на то, что она снабжена залогомъ. Ибо ссуда антиципируетъ *начало* сбыта. Предвосхищеніе-же *начала* сбыта можетъ оказаться весьма легко столь-же рискованнымъ, сколько представляется предвосхищеніе производства. Вслѣдствіе того, что сбыту вообще свойственна наибольшая рискованность, его предвосхищеніе можетъ оказаться болѣе даже рискованнымъ, чѣмъ предвосхищеніе производства. Ибо отдѣльный производитель имѣетъ гораздо больше власти надъ *своею* дѣятельностью, чѣмъ сколько лице, занимающееся сбытомъ, имѣетъ власти надъ *своею* дѣятельностью.

Вотъ почему ссуды подъ товары всегда считались операціею, весьма рискованною и потому мало подходящею для банковъ.

Вотъ почему и одно только то, что въ настоящее время подвижность и обращаемость цѣнныхъ бумагъ совершенно почти парализовала ихъ долгосрочность и уравнила ихъ съ движимымъ богатствомъ,—одно это еще не доказываетъ, что онѣ—хорошее покрытіе для кредита.

Но можетъ казаться, что обращаемость *цѣнныхъ бумагъ превышаетъ* даже подвижность движимаго богатства (товаровъ) и что, *поэтому*, онѣ представляютъ хорошее покрытіе для кредита. На подобную мысль наводятъ обыкновенно періоды особенной оживленности въ торговлѣ цѣнными бумагами. Громадныя цифры, впервыя тогда обнаруживающіяся въ оборотахъ цѣнными бумагами, въ связи съ случаями скораго обогащенія отдѣльныхъ спекулянтовъ, тогда преимущественно и вызываютъ мысль, будто цѣнныя бумаги *всегда* могутъ найти себѣ сбытъ по *хорошей* цѣнѣ. Опытъ, однако, обнаруживаетъ, что періоды оживленія спекуляціи всегда замкнуты въ тѣсные предѣлы. За оживленіемъ спроса и хорошими цѣнами, слѣдуетъ омертвѣніе спроса и разворительныя цѣны. Возводить въ общее правило случаи, когда спекуляція особенно ожив-

ляется, опытъ не дозволяетъ. Онъ, напротивъ, положительно это запрещаетъ, въ особенности въ виду горячности, увлеченій и ошибокъ, съ которыми всегда бываетъ сопряжено всякое оживленіе спекуляціи. Въ періоды оживленной спекуляціи, именно цѣнныя бумаги предстявляютъ плохое покрытіе для кредита. Потому что въ пылу всеобщаго увлеченія всего менѣе ясно, существуютъ-ли совершенно-свободные капиталы, которые одни только могутъ представлять прочную почву для долгосрочныхъ помѣщеній. Въ пылу всеобщаго увлеченія также всего менѣе ясно, можетъ-ли банкъ надолго разсчитывать на имѣющіеся у него безсрочные свободные капиталы, или не надолго. Если банкъ раздаетъ въ ссуды подъ цѣнныя бумаги безсрочные свободные капиталы, которые потомъ у него требуются обратно,—а въ это самое время должники банка не могутъ ему уплатить своего долга,—то это и доказываетъ, что въ данномъ случаѣ безсрочные ссудные капиталы не могли быть отданы въ долгосрочное помѣщеніе.

Слѣдуетъ ли, однако, изъ сказаннаго, что операціи ссудъ подъ залоги (товаровъ или бумагъ) безусловно должны быть осуждены?

Въ цѣнѣ каждаго товара должно различать двѣ составныя части. Одна часть представляетъ *капиталъ*, затраченный на данное помѣщеніе. Другая представляетъ *капитализированную доходность* какъ означеннаго капитала, такъ и *текущей предпріимчивости*, заботящейся о производительности даннаго помѣщенія.

Ни одна, ни другая изъ этихъ двухъ частей, *во всей своей цѣлости*, не представляютъ достоточнаго покрытія для кредита на сумму имъ равную. Если напримѣръ на какую либо цѣнную бумагу капитала внесено 250 рублей, да доходъ отъ нея въ данное время капитализируется въ премію, равную еще 150 рублямъ, то обѣ суммы вмѣстѣ не годятся для покрытія кредита въ 400 р. Это, конечно, не значитъ, что онѣ не годятся ни на какое покрытіе, для какой бы то ни было суммы. Но онѣ годятся для значительно меньшей суммы, чѣмъ 400 рублей.

Прежде всего очевидно, что составныя части цѣны покрытія, представляемаго залогомъ, далеко не одинаковыхъ качествъ. Изъ

того, что на имущество стоитъ одна или другая цѣна на рынкѣ, не всегда можно заключать, что она представляетъ капиталъ, равный той суммѣ, которая выражается цѣною. Ибо часть этой цѣны представляетъ капитализированную доходность, главнымъ образомъ, *предпріимчивости, руководящей «дѣломъ»*. Въ нашемъ примѣрѣ 150 рублей въ цѣнѣ паеваго, взятаго нами, имущества совсѣмъ никакого капитала не представляютъ. Въ крайнемъ случаѣ, эти 150 рублей—*будущій* капиталъ, который еще потомъ можно будетъ образовать изъ доходовъ предпріятія. Эти 150 р. несомнѣнно представляютъ цѣнность. Ибо производительную предпріимчивость нельзя ставить ни во что. Но они цѣнность будущихъ плодовъ предпріимчивости. Слѣдовательно, они представляютъ покрытіе, которое ничѣмъ не лучше покрытія, сопровождающаго всякій солидный, но *бланковый* кредитъ.

Подъ бланковый-же кредитъ никому не выдаютъ впередъ всего того капитала, который предприниматель надѣется выручить современемъ и въ который капитализируются его ежегодныя прибыли. Ему и не дадутъ ни половины, ни трети. Ибо мало-ли что съ человѣкомъ можетъ случиться въ теченіе его жизни и дѣятельности? Ему дадутъ только часть тѣхъ плодовъ, которые онъ разсчитываетъ выручить *въ самое короткое* время, т. е. изъ *возможно меньшей части* его будущей предпріимчивости. Слѣдовательно, также точно должно обойтись съ преміею на цѣнную бумагу. Если доходъ данной бумаги капитализируется въ 150 р. тогда, когда сто рублей капитала даетъ 7 рублей дохода, то значитъ, отъ даннаго помѣщенія всего ожидается доходовъ на 28 р. Но эти 28 рублей рискованны въ извѣстной своей части. Поэтому, извѣстную ихъ часть совсѣмъ должно отвергнуть, какъ негодную даже для бланковаго кредита. Какая это именно часть, — треть, или половина, или еще больше, можно рѣшить, только сообразуясь съ частными условіями отдѣльнаго случая. Положимъ, что эта часть будетъ одна треть. Тогда вся премія можетъ послужить залогомъ лишь для $18^2/_3$ рублей.

Что-же касается той части цѣны, которая представляетъ не

текущую или будущую предпріимчивость, а капиталъ дѣйствительно затраченный, которая дѣйствительно представляетъ плоды *прошлой* предпріимчивости, предварительно накопленные, а потомъ израсходованные на данное «дѣло», — то нужно помнить, что эти «плоды» подвергнуты всей массѣ риска, съ которою сопряжено данное «дѣло». Слѣдовательно, часть, пропорціональная этому риску, *совсѣмъ не годится* въ залогъ. Какая она именно часть, нельзя рѣшить вообще, потому что различныя «дѣла» бываютъ сопряжены съ различными массами риска. Но она во всякомъ случаѣ должна быть принята въ разсчетъ и вычтена. Слѣдовательно, никакая бумага не можетъ быть принята въ залогъ иначе, какъ въ извѣстной только части съ того капитала, который по ней дѣйствительно былъ внесенъ *въ зачетъ ея нарицательнаго значенія*, а не въ зачетъ премій, отъ нея ожидаемыхъ.

Ошибочно было бы думать, что «преміи» существуютъ только въ цѣнахъ акцій и облигацій (паеваго имущества) и что онѣ не входятъ въ составъ *всякой* цѣны каждаго другаго имущества. Всякая цѣнность держится не только капиталомъ, но и текущею предпріимчивостью. А въ періодъ оживленной спекуляціи на *всякую* цѣну можетъ оказать сильнѣйшее вліяніе еще и будущая предпріимчивость. *Всякая* цѣна слагается не только изъ израсходованнаго капитала, но и изъ израсходованнаго труда, изъ дохода на истраченный капиталъ и изъ прибыли предпріимчивости. Смотря по частнымъ условіямъ времени и мѣста, въ особенности послѣдняя составная часть можетъ производить полнѣйшій переворотъ во всякой цѣнѣ. Смотря по видамъ, которые предпріимчивость имѣетъ на успѣхъ своихъ стремленій,—смотря по степени оживленности спекуляціи и надеждамъ, которыя она имѣетъ на будущее,—прибыль предпріимчивости можетъ исчисляться очень высоко. На свою сумму прибыль предпріимчивости и возвышаетъ всегда всякую цѣну, въ составъ которой она входитъ. Эта-то прибыль предпріимчивости и представляетъ «премію» всякой иной цѣны, кромѣ цѣны акцій и облигацій.

Въ составъ какой именно цѣны «премія» входитъ и называется-

ли она «премію» или «предпринимательскою прибылью» или «прибылью капитала», — это все равно. Она во всякомъ случаѣ представляетъ будущіе плоды предпріимчивости, на которые подается надежда вѣрою въ успѣхъ ея стремленій. Эти «преміи» или «прибыли» составляютъ все, что получитъ на свою долю производительная предпріимчивость. Конечно, не цѣнить ихъ невозможно. Но и цѣнить ихъ нужно не слѣпо, а ясно сознавая качества того, что подлежитъ оцѣнкѣ. Конечно, абсурдно отказывать во всякомъ кредитѣ предпріимчивости только потому, что ея плоды еще только въ будущемъ. Но и не отказывая ей въ кредитѣ, должно помнить, какой только кредитъ единственно ей возможно оказывать. Этотъ единственный кредитъ—бланковый. И подъ какими наружными покровами онъ ни старался-бы скрывать свою природу, — какъ бы онъ ни облекался въ чуждое ему платье, какъ-бы онъ ни переодѣвался,—за нимъ должно непрерывно и безостановочно слѣдить, чтобъ онъ не ворвался въ неумѣстную и несуществующую для него область.

Мы именно потому и заговорили о вторженіяхъ бланковаго кредита въ несвойственныя ему области,—говоря объ операціи ссудъ подъ залоги т. н. «легко» сбываемыхъ цѣнностей,—что эта операція, въ настоящее время, главнымъ образомъ служитъ средствомъ для подобнаго ненормальнаго вторженія. Операціи ссуды подъ зазалогъ «легко» сбываемыхъ цѣнностей, въ настоящее время, служатъ способомъ, чтобъ переодѣвать бланковый кредитъ въ чуждое ему платье и оказывать его въ такихъ случаяхъ, когда онъ всего менѣе умѣстенъ. Операціи ссуды подъ залогъ «легко» сбываемыхъ цѣнностей представляютъ главную форму для банковыхъ злоупотребленій нашего времени. Потому что съ ихъ помощью, подъ видомъ «покрытаго», «залоговаго», «вполнѣ обезпеченнаго» кредита, оказывается всего больше кредита совершенно непокрытаго, беззалоговаго и ровно ничѣмъ не обезпеченнаго.

Весьма важною причиною, вызвавшею эти злоупотребленія (главнымъ образомъ въ Австріи, Германіи и Россіи), было слѣдующее обстоятельство. Бланковый кредитъ представляетъ ту форму кре-

дита, которою главнымъ образомъ, по самой своей природѣ, принуждена держаться наиболѣе рискованная спекуляція. Поэтому, бланковый кредитъ—тотъ, которому угрожаетъ всего болѣе опасностей. Противувѣсомъ всякихъ опасностей служитъ раззореніе, которымъ онѣ угрожаютъ. Съ возрастаніемъ угрожающей опасности, дѣйствительная жизнь всегда стремится возможно болѣе стѣснить ее узкими границами замкнутой области отдѣльнаго предпринимателя. Чѣмъ больше угрожающая опасность, тѣмъ больше оборотъ стремится сосредоточить ее, по возможности всю, въ подобной замкнутой области, чтобъ отсюда она не проникала далѣе. Это и выражается въ томъ, что всякую угрожающую опасность дѣйствительная жизнь стремится возложить на предпринимательскіе капиталы. Но послѣднихъ всегда оказывается мало для расходившейся спекуляціи. Ей нужны еще и ссудные капиталы. И вотъ, дѣйствительная жизнь, оставаясь послѣдовательною и вѣрною самой себѣ, стремится совершенно *выдѣлить* изъ общей массы владѣльцевъ ссудныхъ капиталовъ такую ихъ долю, которая смѣлѣе всѣхъ, болѣе готова рисковать, и поэтому можетъ рѣшиться стать непосредственно у огня, т. е. прямо и непосредственно соединиться съ расходившеюся спекуляціею. Является особый разрядъ операцій, составляющихъ нѣчто среднее между кредитомъ и другими видами спекуляціи, примиряющимися съ рискомъ легче, чѣмъ кредитъ. Этотъ разрядъ операцій и производится означенною долею кредиторовъ, выдѣлившеюся изъ общей массы таковыхъ. Кредитныя операціи, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, называются *репортомъ*, а лица, ихъ производящія, называются *репортистами*. Отличительная особенность репорта — его двойственный характеръ. При репортѣ цѣнность, съ которою желаютъ произвести операцію ссуды, *покупается* лицомъ, которое готово подъ нее дать свой ссудный капиталъ. Но это лицо *немедленно-же* снова *продаетъ* ее на срокъ, на который оно готово оказать кредитъ, тому лицу, у котораго цѣнность только что была куплена. Такимъ образомъ, съ одной стороны, цѣнность какъ-бы покупается, а съ другой—она берется только *на время*. Она берется съ тѣмъ, чтобъ по истеченіи даннаго времени возвращенъ былъ затраченный

на нее капиталъ,—чтобъ по истеченіи этого времени она возвратилась къ своему первому владѣльцу, которому еще осталось позаботиться о пріисканіи для нея покупателя. Для чего цѣнность покупается? Что означаетъ здѣсь покупка? Она выражаетъ полную готовность рискнуть. Цѣнность покупается, потому что владѣлецъ свободнаго капитала рѣшается *на время* сдѣлать этотъ капиталъ *предпринимательскимъ*. Но именно потому, что только *на время* владѣлецъ свободнаго капитала рѣшился употребить его какъ предпринимательскій, а не какъ ссудный,—именно потому, что по истеченіи даннаго времени владѣлецъ снова желаетъ имѣть свой капиталъ свободнымъ и не потерять возможности для превращенія его въ ссудный,—именно потому цѣнность немедленно-же продается въ тѣ-же руки, у которыхъ она была куплена. Владѣлецъ капитала относится къ послѣднему нерѣшительно. И вотъ, онъ эту-же нерѣшительность сообщаетъ и заключаемому имъ договору. Онъ долженъ-бы заключить только кредитный договоръ. Но онъ находится въ обстоятельствахъ, которыя не открываютъ достаточно простора для ссуднаго капитала. Онъ принужденъ, поэтому, изъ своего капитала сдѣлать хоть отчасти предпринимательскій.

Репортныя операціи производятся на всякой биржѣ, на которой производятся обороты товарами, ставшими предметомъ развившихся спекуляцій. Но репортъ предполагаетъ особую группу лицъ, достаточно снабженныхъ и свободными средствами, и рѣшимостью для риска своимъ имуществомъ. Не во всякой странѣ, однако, существуетъ достаточное количество такихъ лицъ. Уже въ Германіи ихъ мало. Въ Австріи еще меньше. А въ Россіи ихъ еще совсѣмъ почти нѣтъ. И вотъ, ихъ-то мѣсто въ поименованныхъ странахъ и поспѣшили занять банки.

Но можетъ-ли банкъ производить операцію репорта? Не можетъ. Почему? Потому что свободные капиталы, которыми банкъ располагаетъ, не обладаютъ тѣмъ нерѣшительнымъ характеромъ, который нуженъ для репорта. Свободные капиталы, довѣренные банку, *желаютъ* стать *только ссудными, а не инымъ чѣмъ-бы то ни было*. Производя операцію репорта, подъ видомъ операціи ссуды

подъ залогъ, банкъ извращаетъ природу сразу обѣихъ операцій. Онъ злоупотребляетъ и одною, и другою. Онъ не производитъ репорта, потому что у его нѣтъ соотвѣтственныхъ предпринимательскихъ капиталовъ. И не производитъ онъ также операціи ссуды подъ залогъ, потому что его «залоги»—фиктивны.

У банка имѣется, однако, свой собственный капиталъ. Можетъ, поэтому, казаться, что на счетъ собственнаго своего капитала банкъ смѣло можетъ пускаться на репортъ. Но и это невѣрно. Собственный капиталъ банка служитъ обезпеченіемъ остальныхъ его операцій. Единственное, что относительно его можетъ быть допущено, заключается въ превращеніи его въ ссудный капиталъ для раздачи его въ кредитъ, солидно и безъ хитростей покрытый, а не бланковый для наиболѣе рискованной спекуляціи.

Операція ссуды подъ залогъ можетъ быть солидною. Потому что она имѣетъ ясные предѣлы, въ которыхъ она выражаетъ операціи кредитомъ, хорошо покрытымъ. Эти предѣлы—цѣнность залоговъ единственно по представляемому ими дѣйствительному капиталу, а не капитализированнымъ «прибылямъ» или «преміямъ».

Въ этихъ предѣлахъ банкъ можетъ смѣло пользоваться своими ссудными средствами для ссудъ подъ залоги, изъ какихъ-бы источниковъ онъ ни черпалъ свои средства. Само собою разумѣется, однако, что и въ этомъ случаѣ сохраняетъ свое полное значеніе основной банковый законъ: ссудныя средства могутъ быть довѣряемы лишь на такіе сроки, которые соотвѣтствуютъ времени ихъ свободности. При соблюденіи-же этого закона и въ своихъ нормальныхъ предѣлахъ, ссудная операція можетъ получить важное значеніе, въ особенности благодаря ея способности приноравливаться къ наименѣе продолжительнымъ отношеніямъ. Если ссудная операція служитъ только для предвосхищенія результатовъ отъ *наличныхъ* продажъ, то она способна даже стать безсрочною въ той мѣрѣ, въ какой заложенной цѣнности, дѣйствительно, можетъ быть, во всякое данное время, найденъ выгодный покупатель. Но очевидно, что если покупатель, найденный для цѣнности, не расплачивается за нее немедленно, а требуетъ для себя срока, то цѣнность уже

не годится для безсрочной ссуды. Она годится лишь для такой ссуды, которой срокъ равняется сроку, требуемому предстоящимъ покупателемъ.

И здѣсь мы наталкиваемся еще на одну ненормальность современной банковой практики (въ особенности русской). Опираясь яко бы на возможность во всякое данное время находить акціямъ и облигаціямъ выгоднаго покупателя, банки выдаютъ подъ залогъ ихъ ссуды, срокъ которыхъ неопредѣленный и можетъ быть во всякое время оборванъ банками. По этимъ ссудамъ *до востребованія* (on call) банки имѣютъ возможность требовать возврата капитала во всякое данное время. Несомнѣнно, что подобныя ссуды могутъ имѣть и твердую почву подъ собою. Такую почву онѣ имѣютъ, когда цѣнности разсчитаны *на наличный сбытъ, когда ихъ сбытъ не вызываетъ срочныхъ сдѣлокъ*. Но самая значительная часть оборотовъ, производимыхъ паевымъ имуществомъ, разсчитана на срочныя сдѣлки и иною быть не можетъ. А это дѣлаетъ совершенно фиктивною «безсрочность» большей части ссудъ подъ цѣнныя бумаги, громко именуемыхъ ссудами «до востребованія». Ибо если одинъ должникъ и уплачиваетъ банку свой долгъ, то только потому, что другой должникъ занимаетъ его мѣсто. По самой природѣ большей части своихъ оборотовъ, состоящихъ изъ срочныхъ сдѣлокъ, спекуляція на цѣнныя бумаги совершенно лишена возможности пользоваться безсрочнымъ кредитомъ. Вотъ почему каждый разъ, когда банки принуждены бываютъ воспользоваться своимъ правомъ и предъявляютъ свое требованіе, чтобъ долги по ссудамъ были уплачены, это всегда вызываетъ кризисъ для цѣнныхъ бумагъ.

Ссуды подъ залоги такихъ цѣнностей, которыя играютъ роль постоянныхъ капиталовъ и какъ таковыя принимаются за залоги, гораздо проще по своему составу. Означенныя цѣнности (большею частью—дома и земли) прямо показываютъ, что для нихъ требуется совершенно свободный капиталъ, который нестѣсненно могъ бы оставаться ссуднымъ какъ можно болѣе продолжительное время. Злоупотребленій при этихъ ссудахъ еще болѣе легко избѣгать, чѣмъ

при краткосрочныхъ. Ибо, *во-первыхъ*, ихъ производятъ обыкновенно ссудными средствами, доставляемыми долгосрочными долговыми документами банковъ (закладными листами). Во-вторыхъ, оцѣнка недвижимости можетъ имѣть болѣе прочную опору, такъ какъ она можетъ опираться на весьма обширномъ опытѣ. Конечно, и цѣны недвижимыхъ имуществъ сильно колеблются. Но, во-первыхъ, въ колебаніяхъ этихъ цѣнъ легче уловить степень ихъ зависимости отъ новыхъ условій, чтобъ совершенно устранить изъ разсчета вліянія этой зависимости. Во-вторыхъ, для точной оцѣнки недвижимыхъ залоговъ большую опору представляетъ хорошее законодательство объ ипотечныхъ книгахъ. Въ послѣднія заносятся точныя свѣдѣнія, какъ обо всѣхъ лицахъ, имѣющихъ вещныя права на данную недвижимость, такъ и качества этихъ правъ и ихъ экономическая цѣнность. Отсутствіе ипотечныхъ книгъ лишаетъ операцію ссудъ подъ недвижимость самой важной опоры, облегчаетъ возможность злоупотребленій ими и затрудняетъ осторожное отношеніе къ нимъ даже тѣхъ, которые охотно желали-бы избѣгать злоупотребленій.

Если даже учетная операція предполагаетъ особый запасъ средствъ, спеціально предназначенный для покрытія убытковъ, которые могутъ быть порождаемы несостоятельными должниками,— то само собою понятно, что еще болѣе въ такомъ спеціальномъ резервѣ нуждается операція ссудъ подъ залоги. Строго говоря, у каждаго банка, производящаго операціи ссудъ подъ *различные* залоги, должно было-бы имѣться столько-же спеціальныхъ сберегательныхъ запасовъ и соотвѣтственныхъ имъ счетовъ, сколько онъ принимаетъ разрядовъ цѣнностей, служащихъ залогами. Эти резервы должны быть уже потому обособлены другъ отъ друга и спеціализированы въ своихъ функціяхъ, что различные разряды залоговъ въ различной мѣрѣ рискованны. Чѣмъ рискованнѣе залогъ, тѣмъ большее вознагражденіе банкъ обыкновенно беретъ за выдаваемую имъ ссуду. Но большее вознагражденіе, въ такомъ случаѣ, представляетъ большую страховую премію, которою банкъ желаетъ себя обезопасить. Менѣе всего банкъ имѣетъ право счи-

тать эту премію своею прибылью до тѣхъ поръ, пока онъ не заключилъ всѣхъ своихъ счетовъ по данному разряду ссудъ. До тѣхъ поръ, пока у него еще остаются долги по данному разряду ссудъ, ихъ должна обезпечивать та часть доходовъ отъ нихъ, которая представляетъ только страховую премію. Когда всѣ долги отъ даннаго періода окончены, тогда банкъ вправѣ считать и страховую премію за прибыль. Но тогда онъ долженъ начинать слѣдующій періодъ безъ всякаго резерва. А это, во всякомъ случаѣ, можетъ быть необходимо только для новаго банка. У стараго-же банка, отсутствіе спеціальнаго резерва доказываетъ — отсутствіе предусмотрительности.

76. Долговые документы, въ которыхъ выражаются *непосредственныя* кредитныя отношенія *правительствъ* къ ссуднымъ капиталамъ, бываютъ слиты во-едино съ долговыми документами, въ которыхъ выражаются кредитныя отношенія правительствъ къ *источникамъ* ссудныхъ капиталовъ срочныхъ и безсрочныхъ, когда правительство не пользуется ничьимъ посредничествомъ при добываніи ему нужныхъ капиталовъ. Напротивъ, если правительство обращается къ посредничеству банка, то банкъ за него становится въ прямое отношеніе къ *источнику* ссудныхъ капиталовъ. На долю правительства-же остаются отношенія только непосредственныя къ ссуднымъ капиталамъ.

Выше уже было замѣчено, что само по себѣ нѣтъ ничего ненормальнаго, если правительство обращается къ посредничеству банка, когда ему нужна та или иная сумма ссудныхъ капиталовъ, краткосрочныхъ или безсрочныхъ. Ибо обязательства, которыя въ подобномъ случаѣ правительства могутъ выдавать банкамъ, по своей солидности, ничѣмъ не отличаются отъ обязательствъ производительной предпріимчивости. Обязательства, подъ которыя правительства заимствуютъ ссудныя средства у банковъ, тогда опираются на предстоящіе къ полученію доходы: или отъ налоговъ, или отъ долгосрочныхъ займовъ. Въ послѣднемъ случаѣ, правительство свой заемъ краткосрочнаго капитала въ состояніи обез-

печивать совершенно свободнымъ капиталомъ, который ему предстоитъ получить отъ подписчиковъ на новыя облигаціи. И это обезпеченіе, конечно, совершенно безупречно. Въ первомъ-же случаѣ правительственное обязательство для банка представляетъ не менѣе обезпеченное и вѣрное покрытіе, если только оно разсчитано на такую сумму доходовъ, которые поступаютъ въ правительственныя кассы въ срокъ, равный сроку наиболѣе несомнѣнныхъ обязательствъ предпріимчивости частной. Если, напримѣръ, трехмѣсячные векселя производительной предпріимчивости считаются вполнѣ удовлетворительнымъ обезпеченіемъ для пользованія ссудными средствами, изъ какихъ источниковъ эти средства ни шли-бы,—то и *несомнѣнные* доходы, поступающіе въ государственное казначейство въ теченіе каждыхъ трехъ мѣсяцевъ, тоже могутъ служить достаточнымъ покрытіемъ для пользованія означенными ссудными средствами банка.

Правда, правительственные доходы не имѣютъ своимъ основаніемъ прямую производительность. Въ прежнія времена у государства совсѣмъ отрицалось производительность на томъ основаніи, что оно лишено прямой и непосредственной производительности. Тогда понятно было объясненіе правительственныхъ доходовъ, главнымъ образомъ, принудительною силою, которою располагаетъ государство для собиранія своихъ доходовъ. Но въ настоящее время для большинства народовъ европейской культуры начало экономической производительности государства уже не теоретическая фраза. Она—осязательная необходимость. Она выражается въ *правѣ свободнаго предоставленія* правительственнаго бюджета (Bewilligungsrecht), въ силу котораго народныя хозяйства, по собственной иниціативѣ и на основаніи сознательнаго обсужденія, сами выдѣляютъ изъ всей массы своихъ средствъ извѣстную часть на политическія потребности народной жизни. Принудительная власть при взысканіи налоговъ, для большинства европейскихъ государствъ, *въ принципѣ* ничѣмъ не отличается отъ принудительной власти при взысканіи по всѣмъ остальнымъ обязательствамъ. На континентѣ Европы, гдѣ начала современной степени развитія менѣе

еще выяснились, все это, можетъ быть, и прикрывается еще традиціонными покровами отжившихъ порядковъ. Но въ Англіи вполнѣ уже обнаружилось, что налогами частныя хозяйства только разсчитываются по обязательству, на нихъ лежащему — вслѣдствіе ихъ пользованія услугами, которыя имъ оказываются правительственнымъ персоналомъ.

И именно потому, что правительственные доходы опираются на производительность государства, и правительственные долги,— все равно, долгосрочные, краткосрочные или безсрочные, — опираются на ту-же *собственную* производительность государства. Какъ современные доходы правительствъ опираются на прочное основаніе производительности, такъ на него могутъ опираться и государственные долги. А это другими словами значитъ, что долги современныхъ правительствъ могутъ уже въ достаточной мѣрѣ опираться на одинъ только *кредитъ*, чтобъ не нуждаться еще въ другой опорѣ, представляемой голымъ принужденіемъ.

Отношенія правительствъ къ банкамъ двоякаго рода, смотря по тому, какое основаніе имѣли ихъ краткосрочные и безсрочные долги при этихъ отношеніяхъ. Если эти долги имѣли своимъ *дѣйствительнымъ* основаніемъ *одно только* принужденіе, то правительства злоупотребляли банками и совершенно извращали ихъ природу. *Подъ видомъ* банковыхъ билетовъ, банки принуждались правительствами выпускать бумажныя деньги, которыми правительства и пользовались. На что опирались эти билеты банковъ? На такія обязательства правительственныя, которыя выражали неисполняемыя обѣщанія, которыя свидѣтельствовали о несостоятельности. Но другими словами это значитъ, что билеты совсѣмъ были лишены покрытія. Они опирались на отсутствіе всякаго покрытія (decouvert). Они ни на что не опирались.

Таковые билеты всякій банкъ принужденъ будетъ выпускать, если правительство будетъ воображать, что достаточно одной только принудительной власти, безъ всякаго содѣйствія производительности, для пользованія чужими капиталами. Но такіе билеты дѣлаютъ банкрота и изъ банка, ихъ выпускающаго. Такіе билеты

ничѣмъ не отличаются отъ средствъ, которыя банкомъ заняты у однихъ лицъ, а потомъ розданы въ руки обанкротившихся предпринимателей. Конечно, первымъ своимъ кредиторамъ банкъ уже не въ состояніи будетъ возвратить средства, у нихъ занятыя. Все равно, были-ли средства банковъ заняты путемъ вкладовъ, или путемъ выпуска билетовъ, разъ эти средства розданы подъ неисполняемыя обязательства, и банкъ уже не можетъ исполнять своихъ обязательствъ. *Онъ долженъ прекратить платежи.*

Въ иномъ положеніи будутъ находиться отношенія правительства къ банку, если оно пользуется его оборотными средствами только въ томъ размѣрѣ, въ какомъ это допускается степенью производительности источниковъ его собственныхъ доходовъ. Съ виду и въ этомъ случаѣ можетъ казаться, будто правительство пользуется чужимъ капиталомъ и входитъ въ долги не на основаніи кредита и не на основаніяхъ дѣйствительной производительности (косвенной, если не прямой),—а на основаніи своего исключительнаго положенія. Можетъ казаться, будто правительство только потому, что оно органъ государства, а не частныхъ предпринимателей,—только потому, что оно можетъ опираться на государственный авторитетъ, котораго лишена частная предпріимчивость,—можетъ входить въ долги. И, поэтому, можетъ казаться, будто долги кредита совсѣмъ представлять не будутъ и отъ него независимы, — будто ихъ основаніе въ одной только власти, которою подкрѣпляются государственныя мѣропріятія. Относительно долгосрочныхъ долговъ правительствъ такихъ вещей никогда не говорятъ. Но относительно краткосрочныхъ и безсрочныхъ долговъ полагаютъ, что государственная власть одна уже достаточна, чтобъ быть способною поддерживать извѣстную сумму долговъ, помимо всякаго кредита.

Эти сужденія до половины настоящаго столѣтія имѣли нѣкоторое, хотя и чисто субъективное, основаніе. Они были единственнымъ объясненіемъ, которое теорія и практика имѣли для совершенно безспорнаго факта, что извѣстное количество безсрочныхъ долговъ у правительства всегда можетъ имѣться безъ всякихъ опа-

сеній. У всѣхъ предъ глазами былъ фактъ, что, совсѣмъ и не помышляя о кредитѣ, *не добиваясь его*, правительства, въ силу одной своей власти, могли или предъявлять банкамъ требованія такихъ суммъ, которыя не производили вовсе дурныхъ послѣдствій, или-же отъ себя выпускать долговые знаки, остававшіеся въ обращеніи и тоже не вызывавшіе дурныхъ послѣдствій. Правда, опытъ показывалъ, что правительства не могутъ по своему произволу увеличивать ни своихъ требованій отъ банковъ, ни своихъ собственныхъ выпусковъ. И если эмпиризмъ опредѣленно и не зналъ, гдѣ собственно кончается предѣлъ возможнаго и начинается уже невозможное, стремленіе пользоваться коимъ влечетъ за собою дурныя послѣдствія,—то онъ (эмпиризмъ) совершенно удовлетворялся неясными знаніями. И все-таки онъ, волею-неволею, принужденъ былъ оставаться при единственномъ имѣвшемся объясненіи грубаго опытнаго факта, что нѣкоторые безсрочные долги держатся безъ дурныхъ послѣдствій, хотя правительство въ нихъ входило опираясь на одну только свою власть и на то, что ему были нужны деньги.

Строго говоря, финансовая практика и по настоящее время остается при старыхъ представленіяхъ. Ни въ какой странѣ администрированіе такъ называемаго *неотвержденнаго* долга (dette flottante, schwebende Schuld, unfounded debt) не опирается на какія бы то ни было раціональныя свѣдѣнія. Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ неотвержденный долгъ не представляетъ язвы, которая подтачиваетъ народныя силы, онъ опирается на исключительно мѣстный эмпиризмъ грубѣйшаго свойства, на одну субъективно-національную одностороннюю «опытность». Но понятно, что наука раньше или позже должна была внести свѣтъ и въ эту область. И это-то ею и сдѣлано во вторую половину нашего вѣка.

Наука не могла оставаться при грубо-эмпирическихъ взглядахъ, во первыхъ, потому, что они были неопредѣленны и случайны, потому, что они были прикрѣплены къ изолированнымъ фактамъ, неосвѣщеннымъ никакимъ общимъ началомъ. Но наука не могла съ ними примиряться и потому еще, что они были полны противу-

рѣчій. Ибо если государственная власть уже одна достаточна, чтобъ правительство могло пользоваться чужими капиталами, то какая надобность правительству для этого пользованія входить въ долги? Долгъ съ «принудительною властью» ничего не имѣетъ общаго по отношенію къ пользованію чужимъ имуществомъ. Это пользованіе можетъ опираться *или* на долгъ, *или* на власть, а не сразу на то и другое. Это разъ. Потомъ: если власть можетъ быть самостоятельною основою пользованія ссудными капиталами, то почему она кончается у неизвѣстнаго предѣла и не въ состояніи идти далѣе? Если пользованіе зависитъ отъ *одной только* власти, то сколько у правительства имѣется власти, *столько* у него должно быть и возможности пользоваться ссудными капиталами. Если данное послѣдствіе производится единственно-дѣйствующею причиною, то послѣдствіе всегда должно быть пропорціонально причинѣ. Въ противномъ-же случаѣ должно заключить, что послѣдствіе вызывается не одиноко-дѣйствующею причиною, а взаимодѣйствіемъ между нею и другими причинами, ей содѣйствующими или ей противудѣйствующими. О такомъ взаимодѣйствіи не говорили. Нечѣмъ было, слѣдовательно, объяснять, что у неизвѣстной границы государственная власть теряетъ способность поддерживать нормальность пользованія ссудными капиталами. То есть, ходячее грубо-эмпирическое объясненіе оказывалось годнымъ лишь для мысли, не особенно гоняющейся за основательностью и послѣдовательностью. На самомъ дѣлѣ объясненіе безсрочнаго долга государственною властью совсѣмъ не было объясненіемъ.

Дѣйствительнаго объясненія наука добилась, преимущественно благодаря двумъ обобщеніямъ. Одно изъ нихъ заключается въ экономической производительности государства (хотя и косвенной только). Другое—заключается—въ «податномъ обезпеченіи».

Такъ какъ доходы современнаго государства основываются на его производительности, то принудительная власть государства имѣетъ значеніе не какъ основа его доходовъ, не для ихъ собиранія, а для ихъ *взысканія*. Но *такое-же* значеніе принудительная власть имѣетъ

и для доходовъ частныхъ лицъ. Правительство не должно для своихъ доходовъ опираться на государственный авторитетъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ это ему нужно для доходовъ частныхъ лицъ. Было время (при крѣпостномъ правѣ и монопольной промышленности), когда правительство и частные доходы обезпечивало на основаніи государственной власти. Но это время прошло. Современный доходъ основывается на производительности. И это качество современнаго дохода одинаково важно, какъ для частныхъ лицъ, такъ и для правительствъ.

Слѣдовательно, «податное обезпеченіе» тоже опирается не на государственный авторитетъ. Какъ частныя лица въ силу своей *производительности* имѣютъ право на *свои* доходы, такъ точно правительство, *въ силу производительности государства*, имѣетъ право на *свои* доходы. Производительность частной предпріимчивости *обезпечиваетъ* ей извѣстную сумму доходовъ. *Также точно* производительность государства *обезпечиваетъ* и правительству извѣстную сумму доходовъ. *И это-то обезпеченіе, основывающееся на производительности государства, и выражается «податнымъ обезпеченіемъ»*.

Несомнѣнно, что у правительства могутъ оказываться долги, первоначальною основою которыхъ была совсѣмъ не производительность, а принудительная власть государства. Но *эти* долги ничѣмъ не отличаются отъ долговъ, которые могутъ оказаться у частныхъ лицъ, насильственно отнимающихъ чужое имущество у своихъ ближнихъ и потомъ охотою или по приговору суда долженствующихъ признать, что на нихъ лежитъ долгъ.

Такимъ образомъ относительно долговыхъ явленій не существуетъ *никакого* различія между частными лицами и правительствами: ни въ тѣхъ случаяхъ, когда пользованіе чужимъ имуществомъ не опирается на разборъ качествъ этаго имущества и выясненіе, свободно-ли оно и можетъ-ли быть ссуднымъ,—ниже въ другихъ случаяхъ, когда пользованіе касается именно ссудныхъ капиталовъ.

Вотъ почему современная наука, каждый разъ, когда она встрѣ-

чается съ безсрочнымъ правительственнымъ долгомъ (все равно, заключенъ-ли онъ чрезъ банкъ, или нѣтъ), прежде всего справляется о цѣнѣ долговыхъ знаковъ правительства. Если эти долговые знаки равноцѣнны съ звонкими деньгами и потому удерживаются въ оборотѣ, то значитъ правительство пользуется *ссудными* капиталами. Все равно, сознавало-ли правительство или не сознавало, и все равно, думало-ли правительство, что оно пользуется своею властью, или не думало, —во всякомъ подобномъ случаѣ оно пользуется *кредитомъ*. Если-же его долговые знаки собственною своею цѣнностью не могутъ удерживаться въ оборотѣ и правительство встрѣчаетъ отказомъ требованія обратной уплаты капитала по нимъ, —тогда знаки опираются на принудительную власть. Но тогда они представляютъ ненормальное явленіе. Въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ производительность даетъ правительству обезпеченіе, оно можетъ пользоваться кредитомъ. И въ этихъ предѣлахъ оно только однимъ кредитомъ и пользуется. Вмѣшательство-же принужденія совершенно излишне. Долги и безъ него могутъ держаться.

77. Производя операціи учета и ссудъ, банки пользуются довѣренными имъ ссудными капиталами, передавая эти капиталы своимъ кліентамъ-должникамъ и уже отказываясь отъ всякаго дальнѣйшаго непосредственнаго отношенія къ способамъ ихъ окончательнаго израсходованія на одномъ или другомъ спеціальномъ рынкѣ того или инаго товара. Это окончательное израсходованіе ссудныхъ капиталовъ на отдѣльныхъ рынкахъ (биржахъ) для закупокъ тѣхъ или иныхъ цѣнностей производится кліентами-должниками банковъ. Но банки весьма важною областью своей дѣятельности имѣютъ и это *окончательное* израсходованіе капиталовъ, сосредоточивающихся въ нихъ. Банки могутъ выступать не только въ роли учрежденій, занятыхъ тѣмъ видомъ спекуляціи, который представляется кредитомъ, но и въ роли учрежденій, занятыхъ другими видами спекуляціи. Отсюда коммиссіонныя операціи банковъ.

Коммиссіонные обороты банковъ разбиваются на двѣ большія отрасли. Въ одной банки выступаютъ предпринимателями, принимающими на себя по производимымъ ими спекуляціями отвѣтственность, или во всей ея цѣлости, или въ одной только ея части. Въ другой-же области банки—коммиссіонеры, въ строгомъ смыслѣ этаго слова. То есть, они совсѣмъ на себя не принимаютъ отвѣтственности по оборотамъ, ими производимымъ единственно за чужой счетъ. Но и тогда, когда банки *только* коммиссіонеры, необходимо различать тѣ случаи,—когда банки, для исполненія возложенныхъ на нихъ порученій, получаютъ надлежащія средства отъ лицъ, дающихъ имъ разныя порученія (коммитентовъ),—отъ другихъ случаевъ, когда банкъ самъ на свои средства выполняетъ возложенныя на него порученія и означенныя средства даетъ въ кредитъ своимъ коммитентамъ.

Вопросъ о томъ, могутъ-ли банки производить различныя спекуляціи, независимо отъ кредитныхъ, должно возможно отчетливѣе различать отъ другаго вопроса, могутъ-ли банки довѣренными имъ ссудными капиталами рисковать больше, чѣмъ это необходимо при кредитныхъ операціяхъ (при учетѣ и ссудахъ)? Его настоящій предметъ касается того, могутъ-ли банки непосредственно и окончательно пользоваться довѣреннымъ имъ имуществомъ, являясь въ качествѣ покупателей на различныхъ рынкахъ отдѣльныхъ товаровъ и цѣнностей? Или иначе: не должны-ли банки всегда передавать свои средства въ постороннія руки, чтобъ страхъ за употребленіе средствъ въ концѣ концовъ лежалъ не на банкѣ, а на этихъ посторонникъ рукахъ?

Собирая у себя свободные капиталы, банки принимаютъ на себя отвѣтственность *предъ ихъ владѣльцами* за цѣлость, сохранность и производительность капиталовъ. Банки, во всякомъ случаѣ, берутъ на себя тотъ рискъ, котораго на себя не желаютъ брать владѣльцы свободныхъ средствъ, ихъ вѣрители. Но передавая эти средства въ руки своихъ должниковъ, банки *далѣе перемѣщаютъ рискъ*, который они на себя взяли. Конечно, они не слагаютъ съ себя риска во всей его цѣлости. Но они его

*дробятъ* на части и фактически оставляютъ за собою только одну его часть. Другія-же части риска банки перемѣщаютъ на своихъ должниковъ. Разъискивая лицъ, достойныхъ «довѣрія», банки ищутъ «обезпеченій», на которыя они могли бы положиться, въ случаѣ если опасность для капитала наступитъ и тяжесть риска придется дѣйствительно возложить на какіе либо посторонніе источники, способные ее вынести, а не на ссудный капиталъ, подлежащій возврату.

Важное значеніе кредитныхъ операцій, сравнительно съ другими, для банковъ и заключается въ томъ, что они облегчаютъ банкамъ способность брать на себя рискъ. Ставя себя въ положеніе кредитора, банкъ пользуется преимущественно тою функціею кредита, которою онъ стремится парализовать рискъ.

Напротивъ, когда банкъ съ довѣренными ему покупательными средствами является на тотъ или иной отдѣльный рынокъ и начинаетъ предъявлять спросъ на какіе либо товары или цѣнности, то онъ беретъ на себя и рискъ, съ которымъ сопряжено *окончательное* израсходованіе означенныхъ средствъ. Другими словами: онъ беретъ на себя *больше* риска, чѣмъ сколько на немъ лежало бы, еслибъ тѣми-же средствами произвелъ кредитную операцію. Банкъ становится собственнымъ своимъ должникомъ. И одинъ разъ онъ несетъ рискъ предъ своими вѣрителями вообще. Другой-же разъ онъ беретъ на себя тотъ рискъ, который иначе онъ перемѣстилъ бы на «постороннія руки», еслибъ онъ передалъ свои средства «постороннимъ рукамъ». Банкъ уже риска не *дробитъ*. Онъ *не распредѣляетъ* всей ссуммы риска между собою *и другими*. Онъ самъ его несетъ всецѣло и нераздѣльно.

Понятно, отчего кредитныя операціи выдѣляются изъ всей сумиы банковыхъ въ особую группу и не смѣшиваются съ остальными. *Онѣ сопряжены съ меньшимъ рискомъ.*

Когда рѣчь идетъ о рискѣ, то всегда должно различать *сумму* риска отъ его *высоты* (процента). Если мы говоримъ, что кредитныя операціи сопряжены съ меньшимъ рискомъ, чѣмъ всякая иная спекуляція, то мы подразумѣваемъ при этомъ, что *высота*

риска у нихъ *одна и таже*. То есть, точно мы должны такъ выразиться. При *данной высотѣ* риска, его *сумма* будетъ меньше, когда свободныя средства употребляются на кредитныя операціи, а не на иныя спекуляціи.

Понятно, однако, что если высота риска не будетъ одинакова у кредитныхъ и у иныхъ спекуляцій, то это можетъ совершенно измѣнить характеръ соотношенія между кредитными и иными спекуляціями по степени ихъ рискованности.

Кредитныя операціи бываютъ и болѣе, и менѣе рискованны. То есть, въ различныхъ случаяхъ, рискъ, который на себя принимаетъ банкъ, можетъ быть различной высоты. Иногда рискъ только одна сотая, или тысячная процента. Иногда-же онъ можетъ быть и 10, и 20%. Также точно и являясь на различные рынки покупателемъ, банку можетъ приходиться брать на себя рискъ въ различной степени. Одна покупка можетъ быть связана съ рискомъ во 100%, но другая можетъ быть связана только съ рискомъ въ 1 или 2%. Понятно, что если кредитная операція связана, въ одномъ случаѣ, съ рискомъ въ 5%, а иная спекуляція, въ другомъ случаѣ, связана лишь съ рискомъ въ 2%, то при равенствѣ суммы, на которую производится оборотъ, преимущество уже не будетъ на сторонѣ кредита. Если сумма оборота не будетъ одинакова въ обѣихъ случаяхъ, то это будетъ указывать лишь на необходимость его сократить. Несомнѣнно, что при невозможности сокращенія, нельзя будетъ воспользоваться преимуществомъ всякой иной спекуляціи предъ кредитомъ. Но объемъ оборота можетъ также точно иногда парализовать и преимущество кредитной операціи.

Ясно въ такомъ случаѣ, въ какомъ смыслѣ должны быть рѣшаемы принципіальные вопросы о возможности для банковъ брать на себя страхъ полной отвѣтственности по спекуляціямъ всякихъ иныхъ видовъ, кромѣ кредитныхъ операцій.

При данной высотѣ риска и при данномъ объемѣ оборота, кредитная операція исключаетъ всякій другой видъ спекуляціи для банка. При отсутствіи-же возможности произвесть кредитную операцію (за отсутствіемъ спроса на ссудный капиталъ, сосредото-

ченный въ банкѣ), спекуляція иная только тогда непредосудительна для банка, когда высота риска, съ которою она сопряжена, не больше той доли риска, которую во всякомъ случаѣ, и при кредитной операціи, банкъ на себя долженъ былъ-бы взять.

При различной высотѣ риска и различномъ объемѣ оборотовъ для кредитной операціи и для иной спекуляціи, предпочтеніе для банка имѣетъ та область, которая сопряжена съ наименьшею чистою суммою риска. Напримѣръ, банку предстоитъ кредитная операція на 100.000 рублей съ рискомъ въ 2% и иная спекуляція на 50.000 съ рискомъ въ 3%. На первой банкъ рискуетъ потерять 2000, на второй 1500 рублей. Положимъ, что продолжительность операцій одинаковая и первая обѣщаетъ въ короткое время прибыли 4%, а другая (какъ болѣе рискованная) 6%. Очевидно, что въ этомъ случаѣ кредитная операція будетъ *прибыльнѣе*. Но она будетъ *менѣе безопасна*. Напротивъ, если при равенствѣ остальныхъ условій, оборотъ кредитной операціи простирается только до 50.000 руб., а спекуляціонной покупки — до 100.000, то первая будетъ менѣе прибыльна, чѣмъ вторая. Но за то она будетъ болѣе безопасною. Чего-же требуетъ банковое благоразуміе? *Чтобъ всегда болѣе безопасная операція предпочиталась болѣе прибыльной.*

Во всякомъ-же случаѣ банкъ не долженъ рисковать своими ссудными средствами больше, чѣмъ сколько требовалось бы риску кредитными операціями, еслибъ онъ только ими и занимался.

Такъ какъ различныя кредитныя операціи могутъ вызывать для банка отвѣтственность по риску различныхъ объемовъ,—иногда превышающихъ отвѣтственность, падающую на банкъ, когда онъ затрачиваетъ свои средства на покупательскія спекуляціи, сопряженныя съ рискомъ меньшаго объема,—то потому *въ принципѣ* нельзя давать отрицательнаго отвѣта на вопросъ: имѣетъ-ли банкъ право заниматься другими видами спекуляціи, кромѣ кредитныхъ операцій? Смотря по частнымъ условіямъ мѣста и времени, солидность банка можетъ не пострадать ни на волосъ отъ того, что онъ производитъ не одни только кредитныя операціи, а еще яв-

ляется на отдѣльные рынки покупателемъ того или иного вида отдѣльныхъ цѣнностей.

Таковы основанія, на которыхъ разрѣшается вопросъ о функціи банковъ, въ качествѣ спекулянтовъ-покупателей. Принципіальныхъ возраженій противъ этой функціи банковъ невозможно дѣлать. Возможна лишь критика отдѣльныхъ примѣненій или проявленій этой функціи въ частныхъ случаяхъ. Также точно въ принципѣ мало что можно возразить противъ объема, въ которомъ банкъ занимается спекуляціями иныхъ видовъ, кромѣ кредита.

Понятно, что если въ вышеуказанныхъ предѣлахъ благоразумія банкъ можетъ выступать самостоятельнымъ спекулянтомъ-покупателемъ, то еще болѣе онъ имѣетъ право на роль коммиссіонера-покупателя за чужой счетъ. Когда банкъ покупаетъ или продаетъ за чужой счетъ и притомъ совсѣмъ не долженъ снабжать своего коммитента средствами, то противъ банка совсѣмъ уже нечего возражать. Онъ дѣлаетъ съ чужими деньгами только то, что ему приказываютъ дѣлать. Но отношенія усложняются, когда банкъ, исполняя чужія порученія, расходуетъ при этомъ собственныя свои средства. Обыкновенно банки въ подобныхъ случаяхъ отдаютъ свои средства подъ залоги тѣхъ цѣнностей, которыя имъ-же поручено купить. Мы выше, однако, видѣли, что никакая цѣнность не можетъ служить залогомъ во всей цѣлости той суммы, которая выражается ея цѣною. Вотъ почему, если банкъ считаетъ вполнѣ покрытымъ тотъ кредитъ, который обезпечивается купленною имъ за чужой счетъ цѣнностью, то онъ заблуждается. А если онъ выдаетъ свои покупки на чужой счетъ, произведенныя на истраченныя имъ самимъ собственныя средства, за представляющія ссуды подъ залоги,—то это только особый способъ выдавать бланковый кредитъ за обезпеченный залогами.

Другими словами это значитъ, что когда банки принимаютъ порученія выступить за чужой счетъ покупателями на рынкѣ и для этого употребляютъ свои средства, тогда возникаетъ возможность всѣхъ тѣхъ злоупотребленій, которыя мы разсмотрѣли, говоря о ссудахъ подъ залоги.

Какъ замѣчено, всего менѣе опасеній возбуждаютъ тѣ коммиссіонныя операціи банковъ, которыя банками производятся не на ихъ собственныя средства, а на спеціально для того взнесенныя въ нихъ лицами, отъ коихъ они получили порученіе. Сюда, главнымъ образомъ, относятся переводная операція и операція платежей по чекамъ.

Не всякая спекуляціонная покупка должна быть рискованна. Она можетъ опираться на строгій разсчетъ и быть, если не совершенно свободною отъ риска, то сопряженною съ рискомъ не въ большей мѣрѣ, чѣмъ многія изъ кредитныхъ операцій, отвѣтственность по которымъ банки еще въ силахъ на себя брать. Вотъ почему невозможно приводить принципіальныхъ возраженій противъ участія банковъ въ числѣ дѣятелей на всякомъ иномъ рынкѣ, кромѣ денежнаго.

Несомнѣнно, однако, что изъ всего того, что въ принципѣ приходится допускать, какъ возможное для банковъ,—всего больше простору для свободы банковой иниціативы, а съ нею для произвола и злоупотребленій, влечетъ за собой допущеніе возможности для банка искать для себя «дѣла» на иныхъ рынкахъ, кромѣ денежнаго. Мы не говоримъ, что злоупотребленія для банковъ въ такомъ случаѣ необходимы. Но они болѣе возможны въ этомъ случаѣ, чѣмъ въ какомъ бы то ни было иномъ.

Пока банкъ занимается кредитными операціями, онъ въ состояніи обставить свою собственную дѣятельность тѣми границами, которыя доводятъ до наинизшаго объема возможную для него отвѣтственность. Что-же это значитъ? Это значитъ, что пока банки занимаются кредитными операціями, они сжимаютъ въ наиболѣе узкія границы количество тѣхъ возможныхъ случаевъ, когда на нихъ падаетъ вина за происшедшія злоупотребленія ссудными капиталами. Въ то время, когда масса предпринимателей будутъ поплачиваться за грѣхи свои, банки еще могутъ оказаться въ силахъ, чтобъ возвышаться надъ разбушевавшимся моремъ спекуляцій и не бояться его волнъ. Опытъ, дѣйствительно, и показываетъ, что изъ всѣхъ видовъ возможной для банковъ дѣятельности, ахиллесовой пятою

для нихъ всегда оказывались спекуляціи на рынкахъ несвободныхъ капиталовъ. Въ спокойное время, когда и каждый предприниматель осторожно разсчитываетъ свой рискъ, банки тоже безбоязненно могутъ выходить за предѣлы денежнаго рынка. Но какъ только начинается спекулятивная горячка, банки безусловно должны ограничиваться одними только кредитными операціями. Ибо въ это время даже и кредитныя операціи начинаютъ угрожать большими опасностями и требуютъ для себя большей осторожности. Другими словами: уже заботы о солидности кредитныхъ операцій (учетной и ссудной) въ періоды спекулятивной горячки должны сосредоточивать *всѣ* силы руководителей банками, всю ихъ осмотрительность и энергію. У нихъ не должно вовсе оставаться свободныхъ силъ, которыми они могли бы осмѣливаться выходить за границы кредитныхъ оборотовъ. Ибо опытъ показываетъ, что тѣ руководители банковъ, которые претендовали на свободныя силы въ періоды спекулятивнаго оживленія, оказывались по большей части только хвастунами. Они или приводили свои банки къ окончательной гибели, или подводили ихъ къ самому краю гибели. И это современно понятно. Выше уже было выяснено, что въ основѣ современныхъ движеній въ настроеніяхъ предпріимчивости лежатъ такія общія культурно-историческія условія, противъ которыхъ отдѣльный человѣкъ и не властенъ. Разъ человѣкъ отдается ихъ вліяніямъ, всеобщее теченіе увлекаетъ его за собою. Очевидно, въ такомъ случаѣ, что благоразумному человѣку остается только, въ подобномъ случаѣ, держаться возможно дальше отъ гибельныхъ вліяній. Все равно, изъ подъ ихъ власти совершенно уйти невозможно. Они вторгаются вѣдь и въ область кредитныхъ операцій. Единственно благоразумное отношеніе къ опасностямъ—оборонительное, а не игра ими.

Но что такое оборонительное отношеніе къ опасностямъ, угрожающимъ кредиту и банкамъ? Къ разсмотрѣнію этаго мы и обратимся.

78. Развитіе кредита вообще, и въ особенности развитіе его банковой организаціи, далеко еще не закончились въ настоящее время. Совершенно напротивъ. Банковая организація кредита представляетъ одну изъ тѣхъ областей современной жизни, на которой сосредоточено очень много живыхъ творческихъ силъ, неустанно занятыхъ прогрессивнымъ совершенствованіемъ своего дѣла, прогрессивно-лучшимъ выясненіемъ различныхъ его сторонъ, укрѣпленіемъ его основъ.

Послѣднее слово теоріи и практики банковаго дѣла имѣетъ, поэтому, лишь относительное значеніе для данной эпохи. Оно выражаетъ индивидуальную мысль послѣдней эпохи въ общемъ порядкѣ тѣхъ, которыя работали надъ совершенствованіемъ банковаго дѣла. Оно выражаетъ частную задачу, которой разработка досталась въ удѣлъ юнѣйшему времени.

Къ этой-то задачѣ мы теперь обращаемся. Всякое данное время, работая надъ частью дѣла, которая ему казалась всего важнѣе, выдвигало на первый планъ свою задачу, дѣлало ее центромъ тяжести всего цѣлаго и считало ее какъ бы послѣднимъ оплотомъ, конечною защитою отъ всякой болѣзненности, вызывавшей заботы объ усовершенствованіяхъ.

До послѣдняго двадцатипятилѣтія классическая страна самостоятельнаго творчества въ дѣлѣ новѣйшей европейской культуры, Англія, усматривала центръ тяжести банковой организаціи кредита въ тѣхъ вліяніяхъ, которыя она оказываетъ *на денежное обращеніе*. Самою важною частью банковаго дѣла считались способы пользованія *источниками* ссудныхъ капиталовъ. Пятьдесятъ лѣтъ непрерывныхъ изслѣдованій, споровъ и обсужденій прошло до тѣхъ поръ, пока въ эту область внесено было достаточно свѣта, чтобъ всѣмъ стало ясно, какая односторонность—обращать исключительное вниманіе на одну только означенную область и оставлять всѣ остальныя въ сторонѣ.

На основаніи опыта первой половины нашего вѣка, можно по аналогіи заключить, что—если наше время сосредоточило свое вниманіе на другой части банковаго дѣла, въ которой усматриваютъ

главный оборонительный пунктъ, преимущественно долженствующій дать защиту отъ всякихъ опасностей, угрожающихъ банковой организаціи кредита,—то и теперь дѣло не обходится и не обойдется безъ нѣкоторыхъ односторонностей. Но эти односторонности представляютъ индивидуальность нашей эпохи, выражающейся въ *спеціальности*, которая ее главнымъ образомъ озабочиваетъ. При теперешнихъ условіяхъ культуры, и отдѣльныя эпохи должны специализироваться. Спеціальность-же неизбѣжно связана и съ односторонностью. Разносторонность даютъ только совокупныя усилія всѣхъ тѣхъ эпохъ, трудами которыхъ данному дѣлу сообщена извѣстная мѣра законченности. Но разъ для такой законченности время еще не настало, остается примириться съ тѣми неизбѣжными односторонностями, которыя будущему только предстоитъ выяснить.

Спеціальная задача переживаемой нами эпохи въ дѣлѣ банковой организаціи кредита представляется такою его стороною, которая до недавняго времени еще даже не была достаточно выдѣлена изъ всей массы элементовъ означенной организаціи. Она была смѣшана съ другими сторонами, закрывалась и подавлялась ими, лишена была самостоятельнаго значенія и независимыхъ вліяній. Понятно, поэтому, что менѣе всего за нею могли признавать смыслъ *особой и спеціальной операціи* банковъ.

Мы говоримъ о *кассѣ* банковъ. По взглядамъ, которые одни только и господствовали въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій и которые до сихъ поръ главнымъ образомъ господствуютъ въ эмпирическомъ мірѣ, касса,—или запасъ денегъ, который у себя держитъ предприниматель, — менѣе всего считалась представляющею какую либо область предпріимчивой *дѣятельности*. Она, напротивъ, считалась непосредственнымъ выраженіемъ бездѣятельности экономическихъ силъ и средствъ. Полагали, что отношенія предпріимчивой активности къ деньгамъ возможны только двоякія: или какъ дѣятельность, имѣющая цѣлью — деньги *добыть*, или какъ дѣятельность, имѣющая цѣлью—деньги *израсходовать*. Чтобъ возможенъ былъ еще третій видъ *дѣятельныхъ* отношеній къ день-

гамъ, чтобъ самое храненіе денегъ въ кассѣ выражало *дѣятельное* къ нимъ отношеніе, этого не допускали. Оттого, представленіе о кассовыхъ средствахъ было представленіемъ о мертвыхъ средствахъ, свидѣтельствующихъ о бездѣятельности капиталовъ и личныхъ силъ. Касса считалась чѣмъ-то въ родѣ ложа, на которомъ капиталъ становится мертвымъ или временно отдыхающимъ. Кассовыя средства считались чѣмъ-то въ родѣ *мертваго вѣса*, который нуженъ для возстановленія равновѣсія между доходами (включая сюда прибыли), съ одной стороны, и расходами—съ другой. Касса устанавливала это равновѣсіе или балансъ. И оттого движеніе кассовыхъ средствъ (денегъ) всегда соединялось съ перемѣною въ какомъ либо балансѣ.

Вотъ эти-то представленія начинаютъ въ наше время или значительно измѣняться, или окрашиваться совершенно новымъ цвѣтомъ. Изъ составной части всякаго предпринимательскаго или даже потребительскаго хозяйства, касса превращается въ самостоятельную операцію, выражающую особое «дѣло», спеціально принимаемое на себя банками.

Мы знаемъ, что всѣ оборотныя средства, которыми банки производятъ свои операціи, суть свободныя средства. Эти свободныя средства могутъ представляться или въ видѣ наличныхъ денегъ, или въ видѣ товарныхъ запасовъ, или въ видѣ долговыхъ требованій, которыя одними частными лицами имѣются на другихъ лицахъ, или—наконецъ—въ видѣ свободнаго времени, т. е. удосуженныхъ силъ. Всѣ эти средства банки могутъ привлекать къ себѣ и перераспредѣлять. Для этого банкамъ нужно только пріобрѣсти у ихъ владѣльцевъ кредитъ. Въ какомъ бы видѣ свободныя экономическія средства ни находились, разъ ихъ владѣльцы готовы ихъ уступать постороннимъ лицамъ, удовлетворяясь вмѣсто платежа пріемомъ долговаго знака банковъ (чека или билета),—означенныя средства превращаются въ ссудныя, находящіяся въ распоряженіи банковъ.

Въ массѣ оборотныхъ средствъ кредита, которыя банки у себя сосредоточиваютъ, должно всегда возможно отчетливѣе различать

двѣ главныя категоріи. Одну выражаютъ тѣ ссудныя средства которыя представляются деньгами или долговыми документами на деньги. Другую представляютъ всѣ остальныя ссудныя средства. Первыя банки могутъ непосредственно у себя сосредоточивать. Вторыя-же сосредоточиваются около банковъ не въ прямомъ и непосредственномъ смыслѣ, а только въ переносномъ и косвенномъ.

Первая категорія ссудныхъ средствъ только и представляетъ то имущество, храненіе котораго—назначеніе кассы.

Разбирая различныя стороны банковаго дѣла, мы до сихъ поръ разсматривали только явленія, проистекающія отъ того, что банки *расходуютъ* ссудныя средства, около нихъ сосредоточивающіяся, въ прямомъ или переносномъ смыслѣ. Мы постоянно исходили изъ той точки зрѣнія на банковое дѣло, по которой его задача—дѣлать свободныя средства производительными *немедленно или возможно скорѣе* по сосредоточеніи ихъ около банка. Т. е., задача банковъ нами разсматривалась, какъ заключающаяся *въ возможно болѣе скоромъ производительномъ израсходованіи* средствъ, привлеченныхъ ими подъ свое вліяніе.

Въ своемъ крайнемъ и *окончательномъ* послѣдствіи, рѣшеніе этой задачи должно выразиться тѣмъ, что всѣ средства народнаго хозяйства ни на одно мгновеніе не будутъ терять своей производительности. Съ наибольшею скоростью и безъ всякихъ замедленій передвигаясь изъ однѣхъ производительныхъ рукъ въ другія, они всегда въ какихъ нибудь рукахъ да будутъ находиться. Но это иными словами значитъ, что свободныя средства банка *всегда* будутъ *внѣ его*, что *они совсѣмъ не будутъ оставаться въ его кассѣ*. Равновѣсіе между доходами и расходами всегда будетъ устанавливаться собственными движеніями производительности, ни на одно мгновеніе не прерывающейся. Мертвыя экономическія средства будутъ невозможны, потому что всегда производительная предпріимчивость будетъ вдохновлять новою жизнью всякія средства, ей передаваемыя. Непрерывное производительное движеніе экономическихъ силъ и средствъ, порождая громадную массу обязательствъ, будетъ непрерывно и погашать ихъ взаимностью. Деньги будутъ

играть лишь роль орудій обращенія и вмѣстѣ съ кредитными орудіями обращенія будутъ только сопровождать возникновеніе и прекращеніе обязательствъ, облегчая и ускоряя это возникновеніе и прекращеніе.

Тогда касса станетъ совершенно лишнею вещью въ смыслѣ силы, важной для равновѣсія въ имущественныхъ отношеніяхъ. Балансъ всегда будетъ существовать и безъ нея. Если у банковъ касса еще сохранитъ значеніе, то лишь въ смыслѣ *кладовой для храненія*, стоящей внѣ баланса дѣятельныхъ элементовъ предпріимчивости. Такъ врываться въ балансъ необходимымъ мертвымъ вѣсомъ, какъ она теперь въ балансъ врывается, касса больше уже не будетъ имѣть возможности.

Можетъ быть, современемъ, для предпріимчиваго человѣчества настанетъ и такая эпоха. Но какъ бы въ настоящее время ни были важны услуги, оказываемыя банками именно для уменьшенія перерывовъ и пріостановокъ въ производительности,—банки лишены, однако, силъ, чтобъ совершенно устранить всѣ перерывы и пріостановки, могущіе происходить при современныхъ условіяхъ переживаемой нами ступени развитія. Ибо банки противудѣйствуютъ только тѣмъ перерывамъ въ производительности, которые проистекаютъ отъ одного извѣстнаго разряда причинъ: отъ разсѣянности сбереженій, ихъ неопредѣленной и незамѣчаемой свободности, отъ затруднительности для владѣльцевъ средствъ находить имъ помѣщеніе, отъ нежеланія владѣльцевъ средствъ разъискивать имъ занятіе и т. д. Но независимо отъ *этихъ* причинъ, которыя производили бы пріостановки въ производительности, въ настоящее время дѣйствуетъ еще масса другихъ причинъ. Эти другія причины совсѣмъ не имѣютъ никакого непосредственнаго отношенія къ кредиту и банкамъ. Кредитъ и банки противъ нихъ почти совершенно немощны и еще сами отъ нихъ сильно страдаютъ. Современное человѣчество сильно страдаетъ (беремъ примѣръ) отъ того, что самая значительная его часть совсѣмъ не обладаетъ производительною предпріимчивостью. Мало того: самая значительная часть даже тѣхъ лицъ, которыя обладаютъ производительными

силами, очень мало образованы, принуждены во многихъ случаяхъ дѣйствовать на основаніи весьма узко-ограниченной и случайной опытности, очень часто на угадъ, а нерѣдко даже и совершенно слѣпо. Что противъ этого могутъ подѣлать кредитъ и банки? Очевидно, что непосредственно и прямо кредитъ и банки *тутъ* ничего не подѣлаютъ.

Если въ настоящее время въ производительности должны происходить остановки по множеству причинъ, весьма различныхъ, то очевидно, что и равновѣсіе въ имущественныхъ отношеніяхъ однихъ людей къ другимъ и однихъ народовъ къ другимъ должно быть искусственно установляемо путемъ кассовыхъ средствъ, денегъ и денежныхъ документовъ. Пока длится перерывъ въ производительности, «мертвый вѣсъ» кассовыхъ средствъ представляетъ добавочную гирю, которою меньшая производительность уравнивается съ большею. Пока длится пріостановка производительности, капиталъ и личныя средства, которыя *должны были бы стать* дѣятельными внѣ банка, должны оставаться *бездѣятельными* въ кассѣ банка.

Таково господствующее, большею частью, и до настоящаго времени объясненіе банковой кассы. Эта касса — необходимый балластъ, безъ котораго судно, представляемое банкомъ, потеряло бы устойчивость.

Противъ того, что банковая касса — мертвый балластъ, нечего было бы и возражать, если бы съ представленіемъ о «мертвомъ балластѣ» не связалось другое представленіе. Такъ какъ балластъ самъ по себѣ совсѣмъ не полезенъ, такъ какъ всегда тѣмъ лучше, чѣмъ его меньше, то отсюда заключаютъ, что центръ тяжести всей дѣятельности банковъ долженъ быть сосредоточенъ *не на вопросѣ о балластѣ*, а во всѣхъ остальныхъ областяхъ банковаго дѣла, *кромѣ него*.

И вотъ, это-то насъ приводитъ къ мысли, которой предстоитъ служить «односторонностью» нашей эпохи,—къ мысли, что господствовавшія до сихъ поръ представленія о кассѣ были со-

вершенно ошибочны, что они должны быть совершенно переворочены, чтобы по крайней мѣрѣ, приблизиться къ истинѣ.

Совершенно ошибочно представленіе о кассѣ, какъ о страдательномъ послѣдствіи, которое само собою оказывается уже *послѣ* того, какъ банкъ проявилъ *всю* возможную для него дѣятельность. Касса *не* есть остатокъ отъ свободныхъ средствъ, которымъ банкъ не *могъ* найти производительнаго занятія. Касса *не* состоитъ изъ свободныхъ средствъ, которыя лишены *всякаго* занятія. Совершенно напротивъ. Кассовыя средства въ настоящее время имѣютъ занятіе, весьма положительное и важное, какъ въ частныхъ, такъ и въ общихъ интересахъ. Касса не есть *отрицательный* результатъ, свидѣтельствующій о *бездѣятельности* банковъ. Она не можетъ, не должна служить такимъ результатомъ. Она должна выражать цѣлую и особую, независимую и самостоятельную область банковаго дѣла, по своей важности и производительности ея для нашей эпохи и *современныхъ* интересовъ ничѣмъ не уступающую другимъ областямъ банковаго дѣла,—напротивъ, превышающую многія изъ нихъ по всей важности. Словомъ касса выражаетъ *спеціальную операцію*.

Единственное *положительное*, а не отрицательное только значеніе, которое за кассою признавалось въ первую половину нашего вѣка, заключалось въ ея отношеніи къ такъ называемой «размѣнности» банковыхъ билетовъ. Такъ какъ банковые билеты ошибочно выдѣлялись изъ общей массы способовъ пользованія источниками оборотныхъ средствъ кредита и, еще болѣе ошибочно, отожествлялись съ деньгами, то предполагали, что эти «деньги» надобно *особо* обезпечить. Билеты обѣщаютъ, что во всякое данное время банкъ, ихъ выпустившій, готовъ будетъ расчитаться по долгу, ими представляемому. И вотъ этотъ-то обыкновеннѣйшій разсчетъ по долгу, ровно ничѣмъ не отличающійся отъ всякаго инаго разсчета по какому бы то ни было другому долгу, — обозначили даже особымъ названіемъ. Его назвали—«размѣномъ». Кассу же, которая должна была хранить въ себѣ заготовленныя

заранѣе звонкія деньги, на случай, если окажется надобность расчета, тоже обозначили особымъ именемъ «размѣннаго фонда».

Какое-же отсюда было послѣдствіе? Послѣдствіе оказалось то, что въ теченіе полустолѣтія носились съ ошибкою, вслѣдствіе которой часть принимали за цѣлое. Такъ точно, какъ часть круга способовъ для пользованія источниками ссудныхъ средствъ (представляемая билетами) принималась ошибочно за весь кругъ, такъ часть положительнаго значенія кассы ложно принималась за все положительное ея значеніе. Выходило, что касса и «размѣнный фондъ» существенно различныя вещи.

Вотъ эти-то ошибки наше время и стремится исправить. Наше время примыкаетъ къ тѣмъ воззрѣніямъ, исходя изъ которыхъ въ первую половину нашего вѣка для кассы признано было положительное вліяніе. Тогда понято было самостоятельное и независимое значеніе «размѣннаго фонда» и «размѣна», какъ особой операціи, требующей для себя спеціальнаго бдительнаго вниманія. Наше время стремится идти далѣе и довершить начатое.

Что такое «размѣнный фондъ», который держать признано было необходимымъ для всякаго банка, выпустившаго въ обращеніе безпроцентные и безсрочные билеты на предъявителя? Это былъ фондъ—обезпечительный. Своими звонкими деньгами размѣнный фондъ служилъ и для банковъ, и для публики гарантіею, что когда возникнетъ надобность въ разсчетѣ по билетному долгу, когда этому долгу долженъ будетъ настать конецъ,—тогда представляемые имъ капиталы будутъ возмѣщены изъ «фонда». Слѣдовательно, этотъ фондъ игралъ роль чисто страховую.

Въ какомъ смыслѣ понималось самостоятельное и независимое значеніе «размѣна», какъ особой операціи? Какая это была операція? Это видно изъ ея назначенія. До тѣхъ поръ, говорили, пока банкъ безостановочно и безпрепятственно производитъ размѣнъ, до тѣхъ поръ его состоятельность предъ его вѣрителями обезпечена. Слѣдовательно, самостоятельное и независимое значеніе «размѣна», какъ особой и спеціальной операціи, заключалось въ

томъ, что онъ представлялъ признанную безусловно необходимою для банковъ операцію—страховую.

Но опытъ обнаружилъ, что представленіе о «размѣнномъ фондѣ» выражаетъ ошибочное примѣненіе совершенно вѣрной мысли. Вполнѣ несомнѣнно, что банковая касса имѣетъ важную страховую функцію и должна служить обезпеченіемъ. Не менѣе несомнѣнно, что «размѣнъ» выражаетъ кассовую операцію страхованія. Но громадная масса фактовъ вызвала сильнѣйшее сомнѣніе въ надлежащемъ примѣненіи банковаго страхованія къ той именно области организаціи кредита, которая въ страхованіи нуждается.

По мысли, господствовавшей въ первую половину нашего вѣка и получившей уже обширное примѣненіе въ банковомъ законодательствѣ Англіи и, отчасти, Австріи, страховать нужно способы пользованія источниками ссудныхъ средствъ и, главнымъ образомъ, тотъ между ними, который представляется банковыми билетами. По мысли, которая въ настоящее время стремится къ всеобщему признанію, страхованіе нужно не означеннымъ способамъ, а способамъ непосредственнаго пользованія самими ссудными средствами.

На чемъ основана современная мысль? Она основана на безчисленной массѣ фактовъ, доказывающихъ, что одно только пользованіе источниками ссудныхъ средствъ не представляетъ центра тяжести возможныхъ злоупотребленій кредитомъ. Ни отъ объема, ни отъ частныхъ формъ отдѣльныхъ способовъ пользованія источниками ссудныхъ средствъ кризисы не могутъ непосредственно проистекать. Насколько кризисы могутъ обусловливаться кредитомъ и насколько ихъ начало можетъ зарождаться на той части денежнаго рынка, на которой властвуютъ банки,—злоупотребленія кредитомъ всегда проистекаютъ только отъ неправильнаго пользованія непосредственно самими ссудными капиталами.

Слѣдовательно, насколько для противудѣйствія кризисамъ,—но не для т. н. ихъ «устраненія»—нужны и возможны особыя мѣры и спеціальная дѣятельность, эти мѣры и эта дѣятельность имѣютъ своею настоящею областью не пассивы банковъ, а ихъ активы.

Пассивъ всякаго банка выражаетъ только отношенія банка къ источникамъ его оборотныхъ средствъ, тѣ отношенія, въ которыхъ банкъ принужденъ большею частью оставаться страдательнымъ. Дѣятельнымъ-же банкъ становится, когда онъ распоряжается поступившими къ нему средствами, когда онъ употребляетъ эти средства для учета векселей, для ссудъ подъ залоги, для спекулятивныхъ покупокъ и для исполненія чужихъ порученій. Все это и выражаютъ его активы. И эти-то активы, то есть положительная дѣятельность банковъ, ихъ активная роль, требуютъ для себя обезпеченія. Они-то и вызываютъ необходимость для банковъ особой спеціально-страховой операціи, которая ихъ обезпечивала бы и парализовала бы послѣдствія неправильности ихъ дѣйствій.

Выше мы уже указали на то, что, строго говоря, и традиціонной практикѣ далеко не чужды представленія о важномъ значеніи страховыхъ запасовъ (или особыхъ страховыхъ счетовъ, Conti del credere), образованіе которыхъ должно сопровождать всякую рискованную операцію. Но эти традиціонныя представленія начинаютъ сильно забываться въ эмпирическомъ мірѣ. Цѣлый рядъ весьма рискованныхъ операцій (ссуды подъ залоги, спекуляціи за собственный счетъ на рынкахъ несвободныхъ капиталовъ) совсѣмъ не сопровождаются страховыми счетами или запасами. Это разъ. Затѣмъ, не менѣе важно то обстоятельство, что если рискованныя операціи и сопровождаются возвышеніемъ соотвѣтственныхъ цѣнъ на предполагаемую страховую премію, то послѣднею злоупотребляютъ. Ею пользуются, не какъ страховымъ обезпеченіемъ. Ее, напротивъ, ложно выдаютъ за особый источникъ прибылей.

Одною изъ важнѣйшихъ причинъ заблужденій, господствующихъ въ современныхъ отношеніяхъ банковъ къ ихъ кассѣ и вообще къ страховой сторонѣ всей ихъ дѣятельности, служитъ превратное представленіе о собственномъ ихъ (предпринимательскомъ) капиталѣ. Этотъ собственный свой (основной) капиталъ банки обыкновенно считаютъ *необходимою* и безпрекословною составною частью своихъ *оборотныхъ* средствъ. Для цѣлей-же обезпеченія они считаютъ

совершенно достаточнымъ имѣть особый т. н. «резервный» капиталъ. Но и этотъ яко-бы «резервный» капиталъ всегда истраченъ на купленны за него государственныя облигаціи. Строго говоря, должно признать, поэтому, что въ настоящее время, по господствующимъ представленіямъ, банки считаютъ совсѣмъ ненужнымъ держать какую либо часть своихъ собственныхъ средствъ въ совершенно свободномъ состояніи.

Но банковое дѣло тѣмъ именно и отличается отъ другихъ областей, что оно главнымъ образомъ работаетъ чужими (ссудными) капиталами. Единственное назначеніе, которое имѣетъ собственный (основной) капиталъ у банка, заключается въ роли обезпеченія, приходящейся на его долю. Онъ долженъ нести страхъ опасностей, могущихъ угрожать цѣлости, доходности или свободности ссудныхъ капиталовъ. Ясно, слѣдовательно, что совершенно неумѣстно для банковъ различать «основной» капиталъ отъ «резервнаго». Ибо *весь* ихъ капиталъ, во всей своей цѣлости, имѣетъ своимъ назначеніемъ—играть роль резервнаго, страховаго, обезпечивающаго капитала.

И весьма важно, при этомъ, не терять изъ виду, какой видъ въ настоящее время начинаетъ получать распредѣленіе различныхъ областей дѣятельности ссудными капиталами между различными ея представителями, банкирами и банками. Чѣмъ рискованнѣе операція, которую кредитъ производитъ свободнымъ капиталомъ, тѣмъ сильнѣе ея естественное тяготѣніе къ банкиру. Современные банкиры представляютъ собою богатыхъ предпринимателей, обладающихъ громадною массою с о б с т в е н н ы х ъ свободныхъ капиталовъ, которые они по своему произволу могутъ превращать или въ ссудные (и отдавать ихъ въ кредитъ) или въ предпринимательскіе (и употреблять ихъ на покупки). Такъ какъ они отвѣтственны только предъ собою, то понятно, что они и рисковать могутъ, сколько имъ угодно. Они, и они одни только, могутъ себѣ, слѣдовательно, дозволять и болѣе рискованныя кредитныя операціи собственнымъ капиталомъ. Напротивъ, на долю банковъ остаются только тѣ операціи свободными капиталами, убытки по которымъ вполнѣ обез-

печиваются, какъ объемомъ собственнаго ихъ капитала, такъ и достаточною свободностью этаго капитала.

И далѣе, не должно терять изъ виду другаго важнаго факта. Учетная операція, операція ссудъ подъ залоги, спекуляціи помѣщенными капиталами и коммиссіонныя операціи—совершенно другъ отъ друга независимы. Онѣ могутъ совершенно обособляться другъ отъ друга и стать—каждая—предметомъ особой спаціальности. Вотъ почему онѣ не могутъ имѣть одинъ общій резервный капиталъ. Такой единый резервный капиталъ понятенъ только у предпріятія, которое сосредоточиваетъ свои силы и средства на одной только спеціальности. Но если предпріятіе имѣетъ сразу нѣсколько спеціальностей, совершенно другъ отъ друга независимыхъ, оно должно имѣть столько-же резервныхъ капиталовъ, сколько у него спеціальностей.

Операціи, которыми банки могутъ заниматься, въ различной мѣрѣ рискованны. И это тоже доводъ, почему нельзя безъ разбору смѣшивать всѣ отрасли банковой дѣятельности и удовлетворять ихъ однимъ общимъ капиталомъ, отвѣтственнымъ за безопасность всѣхъ ихъ. Такой «общій» капиталъ только весьма удобное средство «отводить глаза» и вводитъ лишь въ заблужденія.

Такъ какъ для банка не можетъ существовать различія между основнымъ и резервнымъ капиталомъ, то весь собственный капиталъ банка долженъ быть распредѣленъ между различными его операціями, соразмѣрно ихъ объему. А соразмѣрно ихъ рискованности, различныя составныя части капитала должны большими или меньшими долями оставаться совершенно свободными въ кассѣ банка.

Рискъ, проистекающій отъ отдѣльныхъ употребленій, дѣлаемыхъ банкомъ изъ своихъ оборотныхъ средствъ, можетъ касаться или доходности довѣренныхъ ему капиталовъ, или ихъ цѣлости, или—наконецъ—ихъ свободности. Банкъ можетъ оказаться не въ состояніи—доставить капиталамъ обѣщанную производительность, но онъ въ состояніи будетъ ихъ возвратить какъ въ полной ихъ цѣлости, такъ и къ выговоренному сроку. Или опасность, постигшая довѣ-

ренный банку капиталъ, можетъ лишить банкъ возможности не только уплатить за пользованіе капиталомъ, но и возвратить его въ первоначальной его цѣлости. Или, наконецъ, опасность можетъ не касаться ни доходности, ни цѣлости капитала, но банкъ только не будетъ его имѣть въ свободномъ состояніи къ выговоренному сроку и потому не будетъ въ состояніи выполнить свое обязательство. Отъ всѣхъ этихъ опасностей банкъ долженъ застраховаться.

Противъ опасностей, угрожающихъ доходности или цѣлости ссудныхъ капиталовъ, достаточное обезпеченіе можетъ представляться собственнымъ капиталомъ банка даже тогда, когда этотъ капиталъ истраченъ на какія либо операціи. Важно только, чтобъ эти операціи были несомнѣнно производительны и чтобъ никакая опасность не угрожала цѣлости и производительности собственнаго капитала банка самаго. Ибо тогда банкъ можетъ изъ собственнаго капитала восполнить потери, постигшія чужіе капиталы, ему довѣренные. Но очевидно, что въ такомъ случаѣ необходимо должна существовать одна извѣстная пропорція между объемомъ операцій и собственнымъ капиталомъ банка, за нихъ отвѣтствующимъ, и другая извѣстная пропорція между объемомъ оцерацій и тою ихъ долею, которая рискована. Само собою разумѣется, что одинъ только опытъ можетъ здѣсь служить указаніемъ. Но не менѣе ясно, что банкъ, желающій дѣйствовать сознательно, а не слѣпо, какія нибудь пропорціи да долженъ для себя признать въ руководство.

Опасность, угрожающая свободности ссудныхъ капиталовъ, никогда не прекращается. И банки противъ нея тѣмъ болѣе должны быть постоянно на сторожѣ, что она совсѣмъ не находится въ непремѣнной и необходимой связи съ условіями производительности употребленій, которыя банкъ дѣлаетъ изъ довѣренныхъ ему ссудныхъ средствъ. Условія производительности могутъ быть по прежнему внѣ сомнѣнія, но перемѣна можетъ внезапно произойти въ одной только изобильности источника безсрочно-свободныхъ средствъ. Источникъ этотъ можетъ совершенно неожиданно сжаться

и тогда банкъ, при самыхъ нормальныхъ условіяхъ, окажется въ стѣсненномъ положеніи.

Очевидно, что противъ этой опасности, представляемой постоянною возможностью сокращеній въ томъ источникѣ оборотныхъ средствъ банка, который представляется безсрочно-свободными средствами, банкъ можетъ себя обезопасить только однимъ путемъ. Если онъ истрачиваетъ всѣ довѣренныя ему чужія средства, то часть своихъ собственныхъ средствъ, которыя служатъ обезпеченіемъ правильности его дѣйствій, онъ долженъ держать совершенно свободною, то есть въ видѣ денежнаго запаса въ своей кассѣ. Правда, банкъ тогда теряетъ доходность съ той части его собственнаго капитала, которая лежитъ въ кассѣ. Но, во-первыхъ, эту часть не должно считать праздною и бездѣятельною. Она занята весьма важною дѣятельностью обезпеченія состоятельности банка. Всякая-же дѣятельность связана съ расходами. Эти расходы и представляются теряемыми банкомъ доходами съ капитала, лежащаго въ кассѣ. Теряемые доходы представляютъ страховую премію, на которую банкъ расходуется для полученія полной увѣренности въ томъ, что когда источники безсрочныхъ ссудныхъ средствъ сократятся и банку понадобятся свободныя средства для расплаты съ кредиторами, то эти средства всегда найдутся.

Остальные источники оборотныхъ средствъ банка, какъ представляющіе срочно-свободныя средства, замыкаютъ въ опредѣленныя и ясно видимыя границы и свою способность сокращаться. Неожиданно они, во всякомъ случаѣ, сокращаться не могутъ. Слѣдовательно, средствами изъ нихъ банкъ напередъ уже можетъ распорядиться такъ, чтобъ употребленіе, которое онъ изъ означенныхъ средствъ дѣлаетъ, по своей продолжительности совершенно равнялось мѣрѣ ихъ свободности. Только тогда, когда это употребленіе окажется порочнымъ и въ томъ отношеніи, что оно не возстановляетъ затраченнаго на него капитала, во всей его цѣлости или въ условленной для него доходности, опасность начнетъ угрожать и для свободности срочно свободныхъ средствъ.

Понятно, что въ такомъ случаѣ отъ обезпеченія, представляе-

маго собственнымъ капиталомъ банка, придется требовать не только то, чтобъ оно возстановляло убыль, но сверхъ того еще, чтобъ оно его возстановляло какъ разъ къ сроку, когда средства должны имѣться свободными.

Справедливо, конечно, что банкъ можетъ предусматривать, какое именно употребленіе, дѣлаемое имъ изъ чужихъ капиталовъ, сопряжено съ большимъ рискомъ. Къ сроку этого употребленія банкъ и будетъ приноровлять срокъ тѣхъ несомнѣнно производительныхъ употребленій, которыя онъ дѣлаетъ изъ собственнаго капитала. Но всякая «несомнѣнность», о которой мы имѣемъ право говорить, только относительная. Сверхъ того, нѣкоторыя изъ употребленій, дѣлаемыхъ банкомъ изъ ссудныхъ капиталовъ, могутъ оказаться неудачными противъ всякихъ его ожиданій.

Ясно въ такомъ случаѣ, что извѣстная часть собственнаго капитала совсѣмъ ни на что не должна быть затрачена и оставаться въ видѣ совершенно-свободнаго денежнаго капитала въ его кассѣ.

Но мы знаемъ, сверхъ того, что банкъ играетъ еще роль коммиссіонера. Эту роль онъ, прежде всего, играетъ по той части вкладовъ за текущіе счеты, которою пользуются сами вкладчики помощью чековъ, когда по чекамъ нужно платить деньгами. Кромѣ того, банки получаютъ деньги для исполненія разныхъ иныхъ порученій: для переводовъ въ другія мѣста, для покупокъ и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ банкъ не можетъ пользоваться для собственныхъ выгодъ довѣренными ему деньгами.

Слѣдовательно, касса банка въ ея страховой функціи имѣетъ непосредственнымъ назначеніемъ—служить, какъ обезпеченіе противъ тѣхъ опасностей, которыя угрожаютъ свободности чужихъ капиталовъ, довѣренныхъ банку. Въ этой роли, однако, касса должна состоять изъ трехъ частей. Одна часть должна содержать совершенно-свободныя средства, которыя банку нужны, чтобъ онъ не боялся опасностей, могущихъ угрожать объему его источниковъ безсрочно-свободныхъ средствъ. Другою своею частью касса должна обезпечивать отъ тѣхъ опасностей для сво-

бодности капитала, которыя слѣдуютъ за опасностями для цѣлости и доходности капиталовъ. Наконецъ, третья часть нужна банку, какъ чистому коммиссіонеру, только хранящему чужія деньги.

Очевидно въ такомъ случаѣ, что кассѣ уже въ одной только страховой ея роли придется колебаться подъ весьма различными вліяніями. Она должна будетъ возрастать: 1) вмѣстѣ со всякою увеличивающеюся вѣроятностью сокращенія того источника оборотныхъ средствъ, который представляется безсрочными ссудными капиталами, 2) вмѣстѣ съ возрастающею рискованностью тѣхъ употребленій, дѣлаемыхъ банкомъ изъ всякихъ ссудныхъ капиталовъ, которыя могутъ стать опасными и для свободности капиталовъ и 3) вмѣстѣ съ расширеніемъ чисто-коммиссіонныхъ оборотовъ банка, относящихся къ храненію денегъ.

Несомнѣнно, конечно, что та дѣятельность, которою банки привлекаютъ къ себѣ оборотныя средства и потомъ изъ нихъ дѣлаютъ производительное употребленіе, очень важна. Но одинаково съ нею, если не болѣе, важна другая дѣятельность руководителей банковъ, которою состоятельность банка освобождается отъ вліянія на нее различныхъ случайностей и дѣлается обезпеченною. А эта то дѣятельность и сосредоточивается, въ концѣ концовъ, у кассы банка. Гоняться за прибылью, сравнительно, менѣе трудно, чѣмъ разъискивать болѣе безопасные пути къ ней. А изыскивать болѣе безопасные пути къ прибыли, сравнительно, менѣе трудно, чѣмъ находить пути болѣе *обезпеченные* и внѣшнимъ осязательнымъ образомъ.

Очень многія изъ тѣхъ бѣдъ, которыя постигаютъ банки и находятъ ихъ совершенно безоружными, только потому причисляются къ *непредвидѣннымъ несчастіямъ*, что ихъ не желали предвидѣть и что противъ нихъ не желали принимать никакихъ обезпечительныхъ, страховыхъ мѣръ. И врядъ ли нужно доказывать, что чѣмъ труднѣе для банка усмотрѣть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ всѣ тѣ вѣроятности, отъ которыхъ зависитъ исходъ производимой имъ операціи, — тѣмъ настоятельнѣе для него непрерывно заботиться объ обезпеченіи каждаго своего дѣйствія, о

страхованіи каждой своей операціи. А это то и значитъ, что банкъ не долженъ производить ни одного дѣйствія, не обсудивъ сначала его отношенія къ кассѣ въ роли страховаго фонда.

Когда мы разсматриваемъ кассу въ ея страховой роли, то уже и тогда для насъ получаютъ большое значеніе тѣ сокращенія и росширенія, которыя могутъ претерпѣвать источники оборотныхъ средствъ банка, помимо всякой вины со стороны самаго банка. Источники оборотныхъ средствъ кредита имѣютъ своимъ основаніемъ чужое имущество. Слѣдовательно, въ самомъ крайнемъ случаѣ, даже когда банкъ въ состояніи на нихъ всего сильнѣе вліять, вліяніе банка—не единственное. Рядомъ съ нимъ дѣйствуютъ еще вліянія владѣльца свободнаго имущества, а чрезъ него всѣ тѣ обстоятельства, съ которыми владѣлецъ можетъ приходить въ соприкосновеніе. Всякое измѣненіе въ обильности источниковъ свободныхъ средствъ непосредственно вліяетъ на объемъ и качество дѣятельности возможной для банка. Понятно, что банку необходимо себя обезпечивать, чтобы эти измѣненія не были для него источникомъ бѣды.

Но измѣненія въ обильности источниковъ свободныхъ средствъ имѣютъ значеніе для кассы не только въ ея страховой роли. Кассовая операція—не только страховая. Она имѣетъ еще другую, не менѣе важную, чисто кредитную задачу: перераспредѣленіе свободнаго капитала *во времени.*

Всѣ тѣ кредитныя операціи, которыя мы разсмотрѣли въ главахъ VI и VII, имѣютъ своимъ предметомъ перераспредѣленіе свободныхъ средствъ *въ пространствѣ.* Свободныя средства, которыя банкъ находитъ въ одномъ мѣстѣ, у однихъ лицъ, въ однѣхъ рукахъ, банкъ, чрезъ посредство разъясненнаго ряда кредитныхъ операцій, привлекаетъ къ себѣ, чтобъ, чрезъ посредство другаго разъясненнаго нами ряда кредитныхъ операцій, *немедленно же* передать въ другія руки или другія мѣста. Но всѣми *этими* кредитными операціями еще не исчерпываются всѣ возможныя кредитныя операціи, вызываемыя современными нуждами. Разсмотрѣнными до сихъ поръ кредитными операціями, касающимися

непосредственнаго употребленія ссудныхъ средствъ, еще не исчерпываются всѣ употребленія, возможныя и необходимыя.

Какую бы мы ни взяли отрасль спекуляціи, всегда мы ее находимъ преслѣдующею *двѣ* задачи, когда она стремится къ приспособленію спроса предложенію и на оборотъ. Во-первыхъ: она устанавливаетъ равенство между спросомъ и предложеніемъ каждаго отдѣльнаго *даннаго* (текущаго) времени. Во-вторыхъ: она стремится предусматривать б у д у щ і й спросъ и п р е д с т о я щ е е предложеніе, чтобъ по возможности напередъ заготовлять и обезпечивать силы для будущаго ихъ уравненія.

Кредитъ, какъ видъ спекуляціи, не составляетъ исключенія изъ общаго правила. И кассовая-то операція банковъ и представляетъ ту кредитную операцію, которою напередъ заготовляются и обезпечиваются основанія и средства для будущаго уравненія спроса и предложенія свободныхъ капиталовъ.

Во власти банковъ находится значительная часть денежнаго рынка. Въ ихъ власти, поэтому, находятся всѣ тѣ причины кризисовъ, которыя зарождаются на денежномъ рынкѣ. Они стоятъ въ непосредственномъ отношеніи къ тому виду кризисовъ, который ближайшимъ своимъ основаніемъ имѣетъ злоупотребленія ссудными капиталами. Конечно, это значительно съуживаетъ область, въ которую замкнуты причины кризисовъ,—насколько онѣ могутъ быть въ непосредственной связи съ дѣятельностью банковъ. Пока банки держатся вдали отъ спеціальныхъ рынковъ отдѣльныхъ товаровъ и цѣнностей и на этихъ рынкахъ не выступаютъ самостоятельными покупателями,—они могутъ и не приходить въ соприкосновеніе съ причинами кризисовъ, насколько эти причины кроются въ условіяхъ производства и сбыта отдѣльныхъ товаровъ и цѣнностей, представляющихъ несвободные капиталы или свободные *предпринимательскіе* капиталы. Но насколько причины кризисовъ кроются въ условіяхъ спроса и предложенія той части свободныхъ капиталовъ, которая играетъ роль ссудныхъ, банки могутъ стать непосредственными и ближайшими причинами кризисовъ.

Ближайшія причины кризисовъ, насколько онѣ зависятъ отъ однихъ только банковъ, или банками усиливаются, заключаются въ такихъ непосредственныхъ употребленіяхъ ссудныхъ капиталовъ, которыя растраиваютъ возможность будущаго установленія равенства между ихъ спросомъ и предложеніемъ. Когда причины кризисовъ зарождаются на той части денежнаго рынка, на которой хозяева—банки, тогда это всегда происходитъ оттого, что банки увлеклись настоящимъ и не предусмотрѣли будущаго.

Спросъ и предложеніе ссудныхъ капиталовъ уже въ предѣлахъ даже короткихъ періодовъ (напримѣръ, каждаго отдѣльнаго года) далеко не равномѣрные. Въ одни части года, когда настаетъ «сезонъ» для одного ряда предпріятій, этотъ рядъ предпріятій съуживаетъ свое предложеніе свободныхъ капиталовъ, могущихъ быть превращенные въ ссудные, и расширяетъ свой спросъ на ссудные капиталы. Въ другія части года тоже самое происходитъ съ инымъ рядомъ предпріятій. Сверхъ того, однако, нѣкоторыя части года, имѣютъ болѣе или менѣе *общее* значеніе для всѣхъ предпріятій, въ это время расширяющихся или сокращающихся.

Весьма значительная часть движеній въ объемѣ дѣятельности, какъ отдѣльныхъ видовъ предпріятій, такъ и всей ихъ совокупности, завися отъ постоянно дѣйствующихъ причинъ, повторяется съ ясною правильностью и потому наблюденіемъ всегда легко можетъ быть уловлена. Одна изъ важнѣйшихъ задачъ банковъ и заключается въ томъ, чтобъ возможно точнѣе знать періодическиповторяющіяся перемѣны въ спросѣ и предложеніи ссудныхъ капиталовъ. На основаніи своихъ знаній банки и должны приберегать въ своей кассѣ ссудныя средства изъ періодовъ, когда ихъ предложеніе больше, но спросъ — меньше, для тѣхъ періодовъ, когда предложеніе ихъ падаетъ, а спросъ на нихъ усиливается.

Банки должны производить свои наблюденія надъ характеромъ возобновляющихся перемѣнъ въ условіяхъ спроса и предложенія ссудныхъ капиталовъ, въ нихъ сосредоточивающихся, потому что въ характерѣ этихъ перемѣнъ отражается характеръ постоянныхъ условій мѣстной производительности. Въ этихъ условіяхъ мѣстной

производительности кроются *всѣ* основанія собственной жизненности банковъ.

Въ настоящее время нѣтъ въ мірѣ такой страны, которая могла бы похвалиться совершенно непрерывною производительностью ея экономическихъ силъ. Какъ бы ни стояла высоко предпріимчивость даже странъ, всего далѣе ушедшихъ въ своемъ развитіи, для ихъ условій производительности нуженъ періодъ отдыха, когда страна какъ бы собирается съ своими силами, чтобъ снова возобновить свое дѣло съ прежнею энергіею.

Но одна изъ наиболѣе характеристичнѣйшихъ особенностей современнаго банковаго дѣла (во всѣхъ странахъ безъ исключенія) состоитъ въ томъ, что оно совершенно игнорируетъ отсутствіе способности у современной предпріимчивости быть непрерывно производительною. Повсюду банки служатъ однимъ изъ важнѣйшихъ органовъ, чрезъ посредство которыхъ современная предпріимчивость *стремится* къ тому, чего у нея еще нѣтъ,—чрезъ посредство которыхъ современная предпріимчивость *пытается* на непрерывную производительность.

Выражается это въ томъ, что современная предпріимчивость неспособна отдыхать спокойно. Когда ея обыденное «дѣло» не даетъ ей занятія (во время «мертваго» сезона), она все-таки стремится найти себѣ «временное» какое-либо занятіе. На основаніи болѣе или менѣе сильныхъ соображеній, она *всегда* готова предъявлять спросъ на ссудный капиталъ.

Этотъ лихорадочный темпераментъ современной предпріимчивости въ извѣстной мѣрѣ питается и со стороны банковъ тѣмъ, что банки его признаютъ за фактъ, который они должны принять, какъ онъ есть, не входя въ его разборъ. Не входя въ строгій разборъ того, что если въ настоящее время и существуетъ непрерывный спросъ на ссудный капиталъ, то онъ имѣетъ своимъ основаніемъ *только стремленіе* къ непрерывной производительности, а не фактически уже прочно установившуюся непрерывность предпріимчивой производительности,—банки считаютъ себя обязанными приноравливаться къ спросу, какъ онъ есть. Если суще-

ствуетъ постоянный спросъ на ссудный капиталъ, то банки считаютъ возможнымъ и необходимымъ постоянно разъискивать для него и соотвѣтственное предложеніе.

Но единственное средство, которымъ банки располагаютъ, чтобъ привлекать къ себѣ свободныя средства, могущія быть превращенными въ ссудныя, заключается въ обѣщаемой ими производительности для этихъ свободныхъ средствъ. Производительность же выражается въ доходахъ, которые они даютъ капиталамъ возможность приносить своимъ владѣльцамъ. Эти доходы заключаются въ процентахъ, уплачиваемыхъ банками по различнаго рода вкладамъ. А когда банки пользуются билетами, то выигрышъ для владѣльцевъ тѣхъ капиталовъ, которые превращаются въ ссудные, заключается въ ускоряемомъ сбытѣ товаровъ или, иными словами, въ томъ, что капиталу дается возможность выручать свою прибыль въ болѣе короткое время или, по разсчету прежняго времени, выручать большую прибыль.

Отсюда такое взаимодѣйствіе между лихорадочными стремленіями безпокойной предпріимчивости и банками: предпріимчивость не желаетъ успокаиваться и требуетъ для себя ссудныхъ капиталовъ. Банки стремятся добывать эти капиталы и расходуются на нихъ, или прямо уплачивая за нихъ проценты, или теряя проценты на тѣхъ «размѣнныхъ фондахъ», которые они должны держать готовыми для «размѣна» своихъ билетовъ. Расходы свои банки должны выручать. Слѣдовательно, предпріимчивость уже *должна* у нихъ взять тѣ средства, которыя прежде она только по собственной охотѣ *желала* брать.

Уже въ первую половину нашего вѣка не было бы особыхъ основаній для толковъ о «размѣнномъ фондѣ», еслибъ банки, пользуясь выпусками билетовъ для перераспредѣленія свободныхъ средствъ, ближе присматривались къ свойству отдѣльныхъ *настроеній* предпріимчивости, когда она проявляла свой спросъ. Но банки этого не дѣлали. Тогда правительства вмѣшались въ дѣло и монополіями да стѣсненіями ограничили возможность пользованія выпусками билетовъ. Оказалось, однако, на опытѣ, что

старанія правительствъ остались безъ успѣха. Монополіи потерпѣли фіаско и совсѣмъ не въ состояніи оказались даже только ослаблять возможность злоупотребленій кредитомъ. Тамъ же, гдѣ къ монополіямъ добавлены были еще стѣсненія, безсрочные вклады на текущіе счеты наполнили пустоту, образовавшуюся отъ стѣсненій.

Въ періодъ господства билетно-выпускной операціи, какъ главнаго способа пользованія источниками оборотныхъ средствъ, банки прельщали публику, владѣвшую матеріаломъ, изъ котораго возможно образовать ссудные капиталы, прибылями отъ ускоренія оборотовъ. Теперь публика прельщается преимущественно прибылями отъ процентовъ по текущимъ счетамъ. Но мы видѣли, что чеки и билеты дѣйствуютъ совершенно одинаково по отношенію къ скорости оборотовъ.

Единственный положительный результатъ, который полученъ былъ опытомъ первой половины нашего вѣка, касался соотношенія между билетно-выпускною операціею и кассою. Но тогда даже и это взаимоотношеніе не было понято. Тогда полагали, что установленіемъ связи между объемомъ билетно-выпускной операціи и «размѣннымъ фондомъ» стѣснено будетъ *самое пользованіе* источниками оборотныхъ средствъ кредита. На дѣлѣ же оказалось совершенно иное. Пользованіе источниками ссудныхъ капиталовъ *не было* стѣснено. Но этого мало. Опытъ второй половины нашего вѣка не одного только отрицательнаго свойства. На дѣлѣ оказалось, что билетно-выпускная операція совершенно измѣнила свое назначеніе у того банка, который стоитъ во главѣ банковаго дѣла во всемъ образованномъ мірѣ. У Англійскаго Банка билетно-выпускная операція, насколько она играетъ роль способа пользованія источниками ссудныхъ капиталовъ, *стала служить почти одной только кассѣ*.

Если мы къ этому прибавимъ, что Англійскій Банкъ по своимъ безсрочнымъ вкладамъ на текущіе счеты расплачивается не деньгами (процентами), а коммиссіонными услугами, которыя онъ оказываетъ лицамъ, имѣющимъ у него текущіе счеты, — а это

другими словами означаетъ, что Англійскій Банкъ уплачиваетъ всегда по своимъ текущимъ счетамъ *одни и тѣ же* проценты,— то мы поймемъ, какой глубокій переворотъ произошелъ въ Англійскомъ Банкѣ. Двадцать лѣтъ тому назадъ его практика была еще та-же самая, которая теперь господствуетъ во всѣхъ остальныхъ банкахъ.

И тѣмъ не менѣе, предусмотрительные люди все еще недовольны. Нами было уже указано, что нигдѣ централизація платежей и денежнаго имущества не достигла тѣхъ колоссальныхъ размѣровъ, какихъ она достигла въ Англіи. Даже банковыхъ билетовъ никто у себя не держитъ, если ихъ не нужно немедленно израсходовать. За исключеніемъ очень небогатыхъ людей, всѣ остальные, мало-мальски состоятельные, люди всегда въ своихъ рукахъ держатъ только орудія обращенія, но никакъ не свободныя сбереженія. Свободныя же сбереженія немедленно отправляются въ какой-либо банкъ. Но этого мало. Никакой банкъ тоже не желаетъ у себя держать праздныхъ сбереженій. Поэтому, онъ старается ихъ передать или въ руки какого-либо предпринимателя или въ другой банкъ. Въ концѣ концовъ отсюда выходитъ, что всякое мало-мальски свободное сбереженіе, которому въ данное время всѣ остальные банки не въ состояніи были найти занятія, оказывается сосредоточеннымъ въ «банкѣ банковъ», въ Англійскомъ Банкѣ.

И это-то въ настоящее время начинаетъ пугать предусмотрительныхъ англичанъ. На все Соединенное Королевство въ настоящее время существуетъ только *одна* касса. Эта касса—«резервъ» Англійскаго Банка. Но и онъ вѣдь не желаетъ сидѣть сложа руки. Этого мало. Лица, заправляющія этимъ «законодательнымъ» учрежденіемъ, совсѣмъ не считаютъ себя обязанными восполнять своею предусмотрительностью недостатокъ въ ней у тѣхъ лицъ, которыя заправляютъ другими банками и сами о себѣ могутъ заботиться. Англійскій Банкъ тоже желаетъ «производить обороты». Онъ тоже желаетъ получать прибыли и давать своимъ акціонернамъ «хорошіе» дивиденды.

Чтожъ-же отъ этаго происходитъ? Происходитъ то, что Англій-

скій Банкъ заставляетъ весь торгово-промышленный міръ чувствовать своеобразность своего положенія и его нежеланіе быть «исключеніемъ изъ общаго правила».

Англійскій Банкъ въ концѣ концовъ не болѣе другихъ банковъ разбираетъ *качества* настроеній у спроса на ссудный капиталъ. Когда этотъ спросъ возникаетъ, а у Банка свободныхъ средствъ достаточно, онъ обильно расточаетъ свои средства. Понятно, что въ періоды «внѣ-сезенные»,—или когда настроеніе предпріимчивости не изъ наиболѣе оживленныхъ,—Банкъ *дешево* (по *низкому* учетно-ссудному проценту) будетъ раздавать свои деньги. Но проходитъ «внѣ сезонный» періодъ, или настроеніе предпріимчивости становится «крѣпче» и—Банкъ долженъ перейти къ *возвышенію* дисконта. Чѣмъ болѣе настроеніе предпріимчивости крѣпнетъ, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе дорожаетъ свободный капиталъ. Очевидно, что если предпріимчивость гдѣ либо по малѣйшей, и хотя бы случайнѣйшей, причинѣ постигаетъ неудача и ей понадобится неожиданная помощь денежнаго рынка,—то это, смотря по силѣ отдѣльнаго случая, въ состояніи будетъ загнать дисконтъ до раззорительной высоты,—до невозможности на него больше расходоваться, а слѣдовательно до несостоятельности и кризиса.

Таково, дѣйствительно, теперешнее положеніе дѣлъ. И поэтому Англійскимъ Банкомъ недовольны. Его непредусмотрительность причина сильныхъ колебаній дисконта. Вотъ почему разумныя требованія, которыя предъявляются Англійскому Банку, заключаются не въ томъ, чтобъ онъ держалъ дисконтъ низко, когда, по условіямъ спроса и предложенія свободныхъ капиталовъ, цѣна ихъ должна быть высока. Требованія заключаются въ томъ, чтобъ Банкъ препятствовалъ обстоятельствамъ складываться съ неблагопріятностью, при которой цѣна свободныхъ капиталовъ должна доходить до раззорительной высоты. Что-же для этаго нужно? Очевидно, что для этаго Банку не нужно давать дисконту слишкомъ падать, чтобъ ему не приходилось слишкомъ возвышаться. Дешевыя свободныя средства должны приберегаться въ кассѣ для будущихъ надобностей, когда имъ при-

дется вздорожать. Спекуляція съ ссудными капиталами должна основываться на тѣхъ-же началахъ, на которыхъ основывается спекуляція всякими иными цѣнностями. Во время дешевое ихъ цѣнѣ не даютъ слишкомъ низко падать, а предъявляютъ на нихъ спросъ по нѣсколько возвышенной цѣнѣ и приберегаютъ ихъ къ дорогому времени, чтобъ ихъ цѣна не должна была раззорительно возвышаться.

То, что намъ обнаруживаютъ современныя отношенія въ Англіи, имѣетъ непосредственное и важное значеніе для всякой страны. Различіе только то, что Англійскій Банкъ уже *отчасти* разрѣшилъ задачу, представляемую для каждаго банка кассовою операціею въ смыслѣ кредитной операціи. Напротивъ, другіе банки (какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ) совсѣмъ даже и не приступали еще къ ней. Даже для двухъ другихъ главныхъ банковъ Европы (Французскаго и Прусскаго) она надлежащимъ образомъ еще и не была поставлена. Англійскій Банкъ совсѣмъ не уплачиваетъ процентовъ по своимъ вкладамъ на текущіе счеты. Билетами-же своими онъ въ 1845—1871 годахъ воспользовался такъ, что изъ всѣхъ 27 лѣтъ въ теченіе $24^1/_2$ опъ держалъ въ своей кассѣ 63% всей выпущенной ихъ суммы, въ теченіе $^3/_4$ одного года онъ имѣлъ въ своей кассѣ *всю* выпущенную сумму и только въ теченіе $1^3/_4$ года имѣлъ всю эту сумму у публики. Въ такомъ положеніи еще не находятся другіе банки. Имъ предстоитъ, поэтому, прежде всего, позаботиться о своей кассѣ настолько, насколько она страдаетъ отъ *полнѣйшаго отсутствія* предусмотрительности касательно будущаго взаимоотношенія между спросомъ на ссудные капиталы и ихъ предложеніемъ.

Современные порядки, господствующіе у банковъ при розысканіи ими ссудныхъ капиталовъ, неудобопримиримы съ такою ихъ ролью, при которой банки, дѣйствительно, соотвѣтствуютъ своему назначенію. Во-первыхъ, банки не могутъ конкуррировать при назначеніи процентовъ на текущіе счеты. Они всегда должны соединяться для соглашеній высоты этихъ процентовъ. И если они сами не соединяются для такихъ соглашеній, то правительство можетъ

имъ декретировать одинъ всеобщій процентъ. Почему? Потому что на дѣлѣ не существуетъ многихъ цѣнъ для свободнаго капитала. На дѣлѣ существуетъ только одна наивысшая цѣна, которую банки могутъ уплачивать. Если-же нѣкоторые изъ нихъ готовы платить больше, то для добавокъ имъ нужно пользоваться своими собственными прибылями. То есть, имъ нужно обезцѣнивать свой собственный предпринимательскій капиталъ, уменьшать его доходность. Но на это они не имѣютъ права до тѣхъ поръ, пока не «заключенъ» ихъ «счетъ прибылей и убытковъ». Собственный капиталъ несетъ отвѣтственность за дѣйствія банка. Распоряжаться произвольно его доходностью банки, поэтому, не имѣютъ права. Въ особенности они лишены этого права, когда цѣль уменьшенія доходности собственнаго капитала—конкурренція по процентамъ, уплачиваемымъ за текущіе счеты. Ибо если одинъ банкъ уже согласенъ уплачивать *наивысшій* процентъ по текущимъ счетамъ, то это и доказываетъ, что всякое возвышеніе уплачиваемыхъ процентовъ надъ даннымъ уровнемъ и имѣетъ своею цѣлью болѣе рискованные обороты,—изъ большей страховой преміи которой и производится добавочный расходъ на свободныя средства,—и имѣетъ своимъ источникомъ уменьшеніе прибылей, возможныхъ для собственнаго капитала банка.

Вотъ почему законъ, который дѣлаетъ обязательнымъ для всѣхъ банковъ норму процентовъ, уплачиваемыхъ банкомъ, наименѣе расходующимся на проценты по текущимъ счетамъ,—такой законъ только освящаетъ своимъ авторитетомъ благоразуміе, сказавшееся и помимо его. Несомнѣнно, что такой законъ принудилъ бы всѣ банки данной мѣстности соединяться и не враждовать между собою такимъ орудіемъ, которое для нихъ самихъ прежде всего опасно. Полагать, что при взаимномъ соединеніи банковъ благоразумные банки станутъ неблагоразумными, а не наоборотъ, значитъ забывать, что и безъ закона банки имѣютъ къ тому полную возможность. Если и при отсутствіи правительственнаго вмѣшательства, нѣкоторые изъ банковъ благоразумнѣе другихъ, то они не по-

теряютъ своего благоразумія отъ одного только того, что законъ беретъ его своею опорою.

Но этого мало. Повсюду, гдѣ дѣйствуетъ нѣсколько банковъ, они будутъ стремиться сосредоточиться около одного какого-нибудь, который сталъ-бы «банкомъ банковъ» и который имъ оказывалъ-бы тѣ-же услуги, какія они оказываютъ своимъ кліентамъ. Къ нему они будутъ присылать тѣ части своихъ свободныхъ средствъ, которымъ они сами не могутъ найти занятія. Такой «центральный» банкъ *совсѣмъ не долженъ имѣть права платить проценты по своимъ текущимъ счетамъ*. Потому что значительная часть приливающихъ къ нему средствъ состоитъ изъ суммъ, которыя должны были-бы оставаться въ кассахъ отдѣльныхъ банковъ. Эти суммы, все равно, должны были приносить не проценты, не прибыли, а давать обезпеченіе.

Частное лицо можетъ отдавать свою «кассу» въ постороннія руки. Почему? Потому что эти «постороннія руки» берутъ *на себя* держать за него его-же кассу. А если онѣ сложатъ съ себя обязанность, которую онѣ на себя взяли? Тогда—одно изъ двухъ: или онѣ *не* исполняютъ своего обязательства, или кто-нибудь заступаетъ ихъ мѣсто. Но до безконечности не можетъ, въ этомъ случаѣ, перемѣщаться обязательство «хранить кассу». Кто-нибудь, въ концѣ-концовъ, да долженъ *сосредоточить* свою дѣятельность *именно* на томъ, чтобъ «держать кассу». Это-то и долженъ сдѣлать «центральный» банкъ. И вотъ почему правительство можетъ и должно ему *положительно запретить* уплату процентовъ по вкладамъ на текущіе счеты.

Только послѣ того, какъ въ данномъ мѣстѣ устранена конкурренція между банками по назначенію процентовъ на текущіе счеты и когда обезпечено «центральное» мѣсто, которое совсѣмъ не уплачиваетъ этихъ процентовъ, данное мѣсто стоитъ предъ тѣми вопросами, которые разрѣшить—задача нашей эпохи.

Тогда первый вопросъ, предъ нами возникающій: дѣйствительно-ли такъ безукоризненно общепризнаваемое теперь всѣми банками

правило, что они *всегда* могутъ уплачивать проценты по всѣмъ поступающимъ къ нимъ вкладамъ на текущіе счеты?

Единственное основаніе современнаго образа дѣйствій банковъ—то, что если они станутъ разборчиво относиться къ настроенію предпріимчивости и не будутъ болѣе готовы постоянно расходоваться для нея на уплату процентовъ по привлекаемымъ свободнымъ средствамъ,—то эти свободныя средства и помимо банковъ найдутъ путь къ лихорадочной предпріимчивости и—*ни одно изъ золъ устранено не будетъ*. Пострадаютъ только банки, которыхъ капиталы будутъ приносить меньше прибылей.

Но о какой прибыли идетъ здѣсь рѣчь? Прибыль бываетъ двоякая. Одна—нормальная, средняя. Другая—исключительная, содержащая въ себѣ «премію» (или «ренту», какъ говорили прежде ученые). Но всякая «премія» имѣетъ своимъ основаніемъ рискъ и выражаетъ всегда доходъ, который сначала былъ страховымъ вознагражденіемъ. Страховое-же вознагражденіе въ сущности перестаетъ быть таковымъ только тогда, когда прекращается опасность, отъ которой оно должно охранять. Поэтому, если банки выдаютъ своимъ акціонерамъ «прибыль», которая — только *скрытая страховая премія* за рискъ опасностей, угрожавшихъ капиталу банка, то — во-первыхъ — о *прибыли* тутъ въ строгомъ смыслѣ нельзя и говорить. Во вторыхъ, выдавать на руки акціонерамъ эту «прибыль» — значитъ и далѣе подвергать ихъ имущество опасности, ни у чего уже не застрахованной.

Бывали примѣры (между прочимъ и въ Россіи), когда значительная часть имущества акціонеровъ оказывалось уже въ очевидной опасности и когда внѣ всякаго сомнѣнія становилась его бездоходность. Чѣмъ тогда оправдывались руководители подобныхъ банковъ? Они указывали на то, что въ теченіе стольких-то лѣтъ до катастрофы они выдавали по 10% или по 20%. Эти-то прибыли они сами считали покрытіемъ наступившихъ потерь. Но очевидно, что если прибыли—покрытіе потерь, то онѣ уже—не прибыли. Это значитъ, что банкъ уже самъ страхуетъ свой капиталъ у акціонеровъ или у прибылей, розданныхъ акціонерамъ.

Слѣдовательно, ссылка на «потери, которыя постигнутъ банки» при иномъ ихъ отношеніи къ вопросу о процентахъ на вклады по текущимъ счетамъ, не выдерживаютъ критики. Ибо если банки что либо теряютъ, то потеря заключается не въ «прибыляхъ», а въ «платѣ за рискъ», который имъ нуженъ совсѣмъ не для акціонеровъ и который самъ уменьшается.

Что-же касается ссылки на публику, то, дѣйствительно, весьма вѣроятно, что часть публики на первыхъ порахъ перестанетъ пользоваться услугами банковъ и пустится на собственный страхъ искать доходности для своихъ свободныхъ средствъ. Приблизительные примѣры уже бывали въ періоды «корыстной горячки» у предпріимчивости и всѣхъ имущественныхъ классовъ, въ особенности когда банки медлили возвышеніемъ процентовъ по текущимъ счетамъ. Тогда публика выбирала свои деньги изъ банковъ и употребляла ихъ «лучше сама». Но въ концѣ-концовъ вѣдь выходило, что «сама» она употребляла свои деньги совсѣмъ не «лучше», а, напротивъ, значительно хуже. Нѣкоторая опытность, конечно, и публикѣ нужна. И, поэтому, можно и должно признавать, что до тѣхъ поръ, пока успѣютъ установиться здоровыя и вполнѣ прочныя отношенія между владѣльцами свободныхъ капиталовъ и банками, различнымъ европейскимъ странамъ придется еще вынести не одинъ кризисъ, корни котораго будутъ скрываться въ современныхъ ненормальныхъ отношеніяхъ между публикою и банками. Весьма вѣроятно, что эти кризисы прогрессивно будутъ все болѣе и болѣе терять въ напряженности, оттого, что, по крайней мѣрѣ, дѣйствія главныхъ банковъ (Англійскаго, Французскаго, Голландскаго, Національныхъ Бельгійскаго и Австрійскаго и т. д.) будутъ представлять для нихъ меньше питательнаго матеріала, и, напротивъ, будутъ имъ сильнѣе препятствовать. Но главные банки не соотвѣтствуютъ болѣе *всѣмъ* требованіямъ современной жизни. Они лишены силъ для удовлетворенія всѣхъ современныхъ потребностей. Потребности современной жизни слишкомъ настоятельны, чтобъ было возможно успѣшное противудѣйствіе развитію другихъ банковъ, кромѣ главныхъ. Но отрицать нельзя, что для этихъ «другихъ»

банковъ опытъ еще не успѣлъ выработать даже такой почвы, которая имъ выработана для «главныхъ» банковъ. И вотъ почему, волею-неволею, съ одной стороны, приходится дожидаться, чтобъ опытъ жизни сказалъ свое новое слово. А съ другой — новымъ (акціонернымъ-вкладнымъ) банкамъ, чтобъ имѣть хоть какое-нибудь представленіе о предстоящемъ имъ будущемъ, необходимо пользоваться указаніями опыта главныхъ банковъ. Опытъ-же этотъ весьма убѣдителенъ въ вопросѣ о *непрерывности* стараній банковъ, съ одной стороны, давать безостановочную доходность ссуднымъ капиталамъ, а съ другой — безостановочно снабжать предпріимчивость свободными средствами. Добра отсюда никогда не было. И это не грубо-эмпирическое указаніе. Мы знаемъ, что иначе быть не могло и что иначе и до сихъ поръ быть не можетъ. Ибо мы знаемъ, что значительная часть стремленій предпріимчивости вовсе не имѣетъ прочной почвы ясно-сознаваемыхъ опредѣленныхъ разсчетовъ, а необходимо принуждена примиряться съ разсчетами на случайное стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ. Мы знаемъ, что и при учетѣ векселей, и при ссудахъ подъ залоги, и при сношеніяхъ съ корреспондентами, дающими порученія, и при спекуляціяхъ на спеціальныхъ рынкахъ,—банкамъ приходится быть весьма и весьма разборчивыми. А если банчамъ, волею-неволею, приходится сильно перебирать случаи, когда они дѣлаютъ непосредственное употребленіе изъ довѣренныхъ имъ средствъ, то они должны имѣть возможность при своей переборкѣ качествъ и настроеній предпріимчивости быть *совершенно-свободными*. Никакая внѣшняя сила не должна имѣть столько власти, чтобъ вліять на критику, которой банки подвергаютъ качества и настроенія предпріимчивости, предписывать означенной критикѣ предѣлы, замыкать ее въ извѣстныя границы, чрезъ которыя она-бы не смѣла переходить.

Но въ настоящее время банки всего болѣе и связаны въ своей свободѣ перебирать качества и настроенія предпріимчивости. Что-же ихъ связываетъ? Требованіе владѣльцевъ ссудныхъ капиталовъ, чтобъ банки заботились о *непрерывной* доходности ихъ имущества. Если ссудные капиталы имѣютъ форму товаровъ, то ихъ владѣль-

цы недовольны, когда банки не даютъ достаточно кредита (билетами или чеками) тому люду, который для продавцовъ товаровъ служитъ покупателями. Тогда жалуются, что банки мѣшаютъ «оживленности рынковъ» или «парализуютъ предпріимчивость». Если-же ссудные капиталы имѣютъ форму свободныхъ средствъ и отправляются въ банки на вклады, то внѣ всякаго сомнѣнія кажется право требовать отъ банковъ, чтобъ они платили по вкладамъ проценты.

Всегда платить по вкладамъ проценты значитъ—дѣлать свободныя средства непрерывно-доходными. Непрерывная доходность можетъ имѣть своимъ основаніемъ только непрерывную производительность. Если-же культурно-экономическія условія данной эпохи таковы, что несомнѣнная производительность принуждена перемежаться съ сомнительною производительностью и даже полнымъ отсутствіемъ производительности,—то и доходность должна быть то вѣрная, то сомнительная (рискованная), то совсѣмъ прерывающаяся. И хотятъ-ли признать это въ данное время, или не хотятъ,—раньше или позже это *принуждены будутъ* признать. Если теорія не научитъ, то научитъ опытъ кризисовъ.

Порядокъ, господствующій въ современныхъ отношеніяхъ между банками и владѣльцами ссудныхъ капиталовъ, *не соотвѣтствуетъ* теперешнимъ культурно-экономическимъ средствамъ даже наиболѣе развитыхъ странъ. Ясно, въ такомъ случаѣ, что онъ долженъ быть измѣненъ. Въ какомъ-же направленіи?

Путь для этого измѣненія указывается фактами. Того, чего банки не могутъ не дѣлать, они должны имѣть полную возможность не дѣлать. Слѣдовательно, въ дѣлѣ билетно-выпускной операціи, банки должны добиться того-же, чего добился Англійскій Банкъ. Ихъ билеты въ спокойное время должны оставаться въ кассѣ, чтобъ въ неспокойное время выручать стѣсненную предпріимчивость. Ихъ билеты не должны своею дешевизною навязываться обороту въ спокойное время, чтобъ *своею дороговизною* стать для него недоступными въ пору невзгодъ и всеобщей тревоги. И также точно банки должны имѣть полную возможность платить

проценты по текущимъ счетамъ *не всегда, непрерывно и безостановочно*, а только по мѣрѣ усиленія спроса на ссудный капиталъ у той предпріимчивости, которой производительныя качества наименѣе сомнительны. Тогда и средства отъ вкладовъ въ спокойное время, когда солидная предпріимчивая спекуляція, сознающая свои силы, менѣе нуждается въ ссудныхъ капиталахъ, будутъ лежать въ кассѣ и *выжидать свое время*. Тогда и эти средства не будутъ своею дешевизною навязываться обороту, разжигая рискованную предпріимчивость. Напротивъ, по мѣрѣ окрѣпленія духа солидной предпріимчивости, по мѣрѣ того, какъ въ ея рукахъ капиталы будутъ имѣть основанія разсчитывать на дѣйствительную производительность,—по мѣрѣ того, какъ спросъ на ссудные капиталы будетъ возрастать,—банкамъ возможно будетъ, не доводя «своего товара» до дороговизны, возвышеніемъ его цѣны получить возможность и для уплаты процентовъ по текущимъ счетамъ. Тогда эти проценты будутъ удерживать вклады въ банкахъ. Они будутъ споспѣшествовать наклонности розъискивать всякія свободныя средства, которыя могли бы быть довѣрены банкамъ. И чѣмъ сильнѣе становился бы спросъ на ссудные капиталы, чѣмъ болѣе предпріимчивость нуждалась бы въ содѣйствіи банковъ, тѣмъ умѣстнѣе тогда было бы со стороны банковъ возвышеніе процентовъ по вкладамъ.

Касса не праздное хранилище и кассовая операція банковъ имѣетъ своею цѣлью не *обереженіе денегъ*. Она—кредитная операція. Если *одна часть* кассовой операціи заключается въ сосредоточиваніи свободныхъ капиталовъ, въ задержкѣ ихъ движенія,—то не ради самой задержки, а ради того, что *другая часть* кассовой операціи сдѣлаетъ ихъ движеніе болѣе производительнымъ. Банкамъ нужно заботиться, чтобъ ихъ касса была возможно больше, чтобъ она была возможно обильнѣе снабжена свободными средствами. Но это имъ нужно лишь для того, чтобъ они имѣли въ надлежащее время полную возможность оказывать всего больше услугъ. Кассовая операція важна для банковъ тѣмъ, что она даетъ имъ воз-

можность возвышать свою производительность, сообщая ей наибольшую своевременность.

Въ настоящее время, когда настаетъ пора невзгодъ и кризисовъ, банки обыкновенно принуждены бываютъ забывать все и вся и думать только о самозащитѣ. А между тѣмъ именно въ эту пору потребность въ услугахъ, оказываемыхъ банками, достигаетъ наивысшей степени своей настоятельности. Такимъ образомъ, теперь банкамъ приходится складывать свое оружіе именно тогда, когда они должны были быть всего сильнѣе вооружены. Но жалкое положеніе современныхъ банковъ во время невзгодъ имѣетъ своимъ основаніемъ ихъ безразличное отношеніе къ кассовой операціи. Еслибъ они внимательнѣе къ ней относились, они не истрачивали бы своихъ средствъ въ періоды, когда самая значительная доля истрачиваемыхъ ими средствъ приноситъ сомнительную пользу. Они приберегали бы свои средства къ такому времени, когда польза отъ ихъ средствъ была бы внѣ сомнѣнія и наибольшая.

Въ настоящее время банки ничего не въ состояніи предпринимать противъ безобразныхъ повышеній учетно-ссудныхъ процентовъ во время кризисовъ, то есть какъ разъ тогда, когда прибыли предпринимателей понижаются и они всего менѣе въ состояніи значительно усиливать свои расходы на проценты. Но еслибъ банки внимательнѣе относились къ кассовой операціи, имъ не приходилось бы искусственно понижать проценты въ періоды спокойные, возвышать прибыли предпринимателей и завлекать ихъ этимъ къ увеличиванію своихъ обязательствъ. Тогда банки имѣли бы и полную возможность во время кризисовъ приходить въ соприкосновеніе съ такимъ предпринимательскимъ міромъ, на которомъ лежитъ меньшая тяжесть обязательствъ и съ котораго не приходится «сдирать послѣднюю шкуру».

Было время, когда по вопросу о кассѣ банковъ мечтали открыть какую либо разъ навсегда опредѣленную пропорцію между ея величиною и обязательствами самихъ банковъ. Но, во первыхъ, этой пропорціи никому не удалось еще открыть. Во вторыхъ она имѣетъ интересъ лишь для страховой функціи кассы. Она совершенно

оставляетъ въ сторонѣ другую, не менѣе важную, часть кассовой операціи, въ смыслѣ кредитной. Для этой части, очевидно, никакая, разъ навсегда опредѣленная, пропорція не можетъ претендовать на серьезное значеніе.

Происходитъ-ли кризисъ отъ злоупотребленій только или преимущественно ссудными капиталами, или онъ имѣетъ причиною злоупотребленіе всякими (въ томъ числѣ и предпринимательскими) капиталами, или—наконецъ—онъ происходитъ отъ неудачъ, постигающихъ предпріимчивость, хотя она ничѣмъ не злоупотребляла,—во всякомъ случаѣ *каждый* кризисъ имѣетъ однимъ изъ своихъ важнѣйшихъ проявленій стѣсненность, ощущаемую всѣми должниками, въ средствахъ для погашенія обязательствъ. Такъ какъ кризисъ сопряженъ съ пріостановками производства и сбыта, то закрытыми становятся многіе такіе источники, на которые сначала разсчитывали, когда обязательства возникали. Деньги, какъ свободный капиталъ, не боящійся никакихъ невзгодъ, становятся тогда единственнымъ средствомъ для погашенія долговъ. Вотъ почему всякій кризисъ, если даже онъ родился далеко отъ денежнаго рынка, раньше или позже, сказывается и на денежномъ рынкѣ. Спросъ на деньги растетъ тогда вмѣстѣ съ усиленіемъ напряженности нуждъ въ средствахъ для погашенія долговъ. Каждый, кто боится банкротства, всего болѣе добивается кредита въ это время. И кредитъ, дѣйствительно, въ это время получаетъ совсѣмъ особое значеніе. Онъ получаетъ тогда особую, *спасительную*, функцію.

И банки, дѣйствительно удовлетворяющіе своему назначенію, суть тѣ, которые на основаніи своей предусмотрительности съумѣли приберечь свой кредитъ до тяжелаго времени, чтобы тогда ему дать возможность проявить свое спасительное дѣйствіе.

Кассовая операція и выражаетъ ту банковую операцію, которою кредитъ приберегается и переносится изъ времени, когда онъ менѣе нуженъ, въ то время, когда нужда въ немъ достигаетъ наивысшей напряженности.

Понятно, что для кассовой операціи въ этомъ смыслѣ всякія,

напередъ установленныя, пропорціи объема свободныхъ средствъ, хранимыхъ въ кассахъ, совершенно лишены значенія. Не мертвая, механическая пропорція здѣсь — надлежащій указатель, а живая сознательная дѣятельность, неусыпно слѣдящая за нуждами предпріимчивости и всегда приноравливающаяся къ средствамъ народнаго хозяйства.



# Примѣчанія и дополненія.

Во избѣжаніе недоумѣній, которыя могла бы породить методологическая сторона настоящей части моей работы, считаю нелишнимъ здѣсь замѣтить слѣдующее. Если авторъ въ этой книгѣ держался по преимуществу дедуктивнаго метода, то, во-первыхъ, въ основѣ всѣхъ его дедукцій лежатъ данныя опыта, весьма разносторонняго и богатаго. Во-вторыхъ, авторъ не приводилъ въ этой книгѣ, въ защиту излагаемаго, ни статистическаго, ни историческаго матеріаловъ,—которые собраны въ относящейся сюда литературѣ и первоначальныхъ источникахъ,—не потому, что онъ не признавалъ преимущественно-доказательной силы за фактическимъ матеріаломъ. Автору еще придется пользоваться послѣднимъ и приводить его in extenso *при сравнительномъ изложеніи* вопросовъ о кредитѣ, банкахъ и денежномъ обращеніи въ Россіи и важнѣйшихъ государствахъ заграничныхъ. Въ данномъ случаѣ желаніе избѣгнуть необходимости два раза приводить одинъ и тотъ же матеріалъ, весьма обширный, оправдывалось еще и тѣмъ, что авторъ не желалъ лишать себя и орудія, которое представляетъ дедуктивный методъ изложенія, подкрѣпляемый указаніями на его опытныя основанія.

**Къ гл. I.** Во всей этой главѣ читатель не встрѣтитъ ни одного замѣчанія, которое не было бы высказываемо въ литературѣ уже очень много разъ. Тѣмъ не менѣе, эти замѣчанія постоянно оставались разрозненными и только самая незначительная ихъ часть связывалась въ одно цѣлое и входила въ составъ опредѣленія кредита. (Подробный историко-критическій разборъ опредѣленій кредита будетъ данъ въ нашей «Исторіи литературы кредита, банковъ и денежнаго обращенія»). Вся наша работа въ первой главѣ, по необходимости, работа мозаика. Существеннѣйшая часть нашего опредѣленія, что кредитъ — покупательная сила, весьма отчетливо выражена у Дж. Ст. Милля, въ обозначеніи § 2, гл. XII, кн III его «Основаній» словами: credit a purchasing power similar to money. Тамъ же: The amount of purchasing power, which a person can excreise, is composed of all the money in his possesion *or due to him, and of all his credit* (p. 317 of the people's edition, London, 1872. Эти слова Милля перепечатаны въ Principles изъ его же статьи въ Westminster rewiew). Но Миллъ не разъясняетъ, гдѣ источникъ добавочной силы, которую выражаетъ кредитъ.—Само собою разумѣется, что и наше опредѣленіе (на стр. 51, § 11) не можетъ претендовать на исчерпывающую полноту. Такое опредѣленіе было бы неумѣстно и несвоевременно въ началѣ книги. — О предпріимчивости, какъ о самостоятельномъ и особомъ производственномъ факторѣ, см. монографію H. v. Mangoldt, Die Lehre vom Unternehmergewinn. Ein Beitrag zur Volkswirthschaftslehre. Leipzig. 1855.—Критики Маклеода обыкновенно слишкомъ мало обращали вниманія на его общія воззрѣнія, въ которыхъ всегда заключается корень его извѣстныхъ преувеличеній. О предпріимчивости онъ говоритъ: industry is the true source of all wealth; yet the result of all industry is not to be considered as wealth, but only that part of it, which posesses qualities which make it sought for, or gives it an exchangeable value. Macleod, Theory and practice of banking. First edition. Vol. I, p. 50, § 49. Далѣе ib. p. 260, § 90 онъ говоритъ: when we use the word capital simply without any qualification, we mean currency. By the word capital we mean the mowing power of commerce. На эти своеобразныя представленія о капиталѣ обращали мало вниманія. Маклеоду казалось весьма простымъ *отождествлять* капиталъ съ покупательною силою вообще. Онъ не замѣтилъ, что *не всегда* покупательная сила представляетъ собою капиталъ. Онъ не могъ, поэтому, замѣтить, что не всѣ источники покупательной силы суть источники капитала. Но онъ, безспорно, былъ весьма логиченъ, когда дѣлалъ свой окончательный выводъ. Если всякая покупательная сила—капиталъ,—если it is quite clear that if by any in-

genious contrivance we can increase the effective force of the mowing power, that is strictly and justly to be considered as an augmentation of that mowing power (p. 260),—если Маклеодъ, ставя себѣ p. 261 вопросъ what is the mercantile capital? можетъ отвѣчать it is the purchasing power of the merchant, и если совершенно справедливъ фактъ, it is absolutely identical to the merchant whether he aquires that mowing power by means of credit, or real capital,—то совершенно натуралень и выводъ p. 262, § 94: credit is capital.—Тоже самое повторяется въ введеніи ко второму тому Theory and practice of banking: сначала p. XLVII «capital is the purchasing power — the mowing power of commerce etc.», потомъ p. XLI, § 41 mercantile instinct devised a circulating power which should be the symbole of future skill, judgment and industry, and *this circulating power is credit*. Въ § 42, p. L, Маклеодъ дѣлаетъ первое обобщеніе: whatewer power circulates commodities is equivalent to capital; затѣмъ, p. LI, § 45, весьма вѣрная ссылка capital *and* credit constitutes the circulating medium; тамъ же, § 45, скачекъ къ мнѣнію capital and credit perform exactly the same functions and are essentially of the same nature, несмотря на признаніе, что thé one is the symbol of past labour, the other — of future labour. Но — both being transferring power, it is not an incorrect expression to say that credit is capital. Тотъ же ходъ разсужденій повторяется въ другихъ сочиненіяхъ Маклеода: его Elements of the pol. econ. и его Dictionnary. Срв. его же Theory and Practice. Second edition. London, 1866. Vol. I, p. 106, 128 etc.

**Къ стр. 2—3.** *Различіе между имуществомъ наличнымъ и предстоящимъ* всего болѣе въ виду у юристовъ, всегда хорошо знающихъ, что область имущественныхъ правъ не исчерпывается одними только вещными правами (правами на *наличное* имущество) и что въ ея составъ входятъ еще обязательственныя права, права на дѣйствія, въ смыслѣ *предстоящихъ*, еще не совершенныхъ и подлежащихъ совершенію *въ будущемъ*. Срв. Macleod, Dictionnary, p. 569: By this operation (идетъ рѣчь о кредитной) a New Property is called into existence. The debt or obligation is a specie of property which is called credit; при этомъ ссылка на англійскаго юриста Williams, который въ своей книгѣ: Law of personal property говоритъ о долгахъ: chose in action having now become assignable, become an important kind of property. На Personal Property Маклеодъ сильно настаиваетъ и въ своей Theory and Practice. Second ed. I, 12.

**Къ § 3.** Изложенное здѣсь о внутренне-необходимой связи между

капиталомъ и кредитомъ, связи, обусловливающейся самою ихъ природою, развито уже въ моемъ сочиненіи: Къ ученіямъ о деньгахъ и кредитѣ. Харьковъ. 1868, гл. II. Въ основѣ изложенія лежатъ анализы Schäffle въ Deutsche Vierteljahrschrift. 1864. Heft IV. Срв. Wagner, s. v. «Credit» in Rentsch's Handwörterbuch der Volksw. и Colwell, The ways and means of payment. Philadelphia. 1859. Chap. I.

**Къ стр. 16 и слѣд.** Сказанное у насъ въ текстѣ объ отношеніи сбереженія къ процессу образованія капиталовъ, конечно, не похоже на Синіоровское ученіе объ abstinence (срав. его Outlines of pol. ec. или Princ. fondam. въ передѣлкѣ Arrivabene); но за то наше изложеніе не оставляетъ въ сторонѣ новѣйшихъ изслѣдованій этого предмета: Lassalle (Cap. und Arbeit), Schäffle (вышеприв. статья въ Deutsche Viertelj.), Duhring (Kritische Grundleg. der Volksw.), Lange (Carey's Socialswissenschaft), Mannequin (Travail et liberté).

**Къ стр. 23.** «Скрытое производство» — die latente Production, какъ ее впервые обозначилъ Mangoldt, Grundriss der V.-W.-L. 1864, § 37 и, затѣмъ, въ посмертномъ соч. этого изслѣдователя Die Volkswirthschaftslehre, 1868, въ особ. Kapitel XI (SS. 267—281). Здѣсь же весьма важна тройственная классификація цѣнностей Schäffle (Das gesellsch. System menschl. Werthsch. 3. Aufl. 1873. Bd. I): Formwerthe, Ortwerthe und Zeitwerthe. Срв. Knies въ Tüb. Zeitschr. fur Staatsw. Bd. X, 468 ff.

**Къ стр. 47.** «Кредитъ, освобождая связанное имущество, дѣлаетъ это только временно». Опредѣленіе Цѣшковскаго (Du credit et de la circul.) имѣло странную участь: его никто не принялъ, но и никто не разобралъ критически. Въ нашемъ изложеніи оно обставлено тѣми границами, среди которыхъ оно только и сохраняетъ свою силу.

**Къ гл. II.** Полемика противъ меркантилистическихъ взглядовъ на деньги была причиною, сильно повредившею правильному развитію теоріи денегъ. Въ особенности это отразилось на идеяхъ, которыя вошли въ учебники (Дж. Ст. Милль только до извѣстной степени исключеніе). Книга M. Chevalier (La monnaie. 2-me éd. 1866) уже потому, что онъ былъ одинъ изъ ярыхъ борцовъ противъ меркантилистическихъ идей о международномъ балансѣ, болѣе приближается къ идеямъ литературы учебниковъ, нежели литературы монографій. Срв. справедливыя жалобы Ад.

Вагнера на то, что литература учебниковъ мало обращаетъ вниманія на спеціальную литературу монографій. Русскія бумажныя деньги. Перев. съ дополненіями Н. Х. Бунге. Кіевъ. 1871. Предисловіе автора, стр. II. Весьма цѣнна въ теоретическомъ отношеніи книга экономическаго романтика, Ad. Müller, Theorie des Geldes, 1816; Hoffmann, Die Lehre vom Gelde, 1838, къ сожалѣнію, очень кратокъ. Новая эпоха въ теоріи денегъ начинается вмѣстѣ съ изслѣдованіями Тука (History of prices), Fullarton (On the regulation of currency), Wilson (Capital, currency and banking). На европейскій континентъ ихъ идеи перенесли, главнымъ образомъ: Adolf Wagner (Beiträge zur Lehre von den Banken, 1857, Die Peelsche Bankakte, 1860, и многочисленныя статьи въ лексиконахъ), Erwin Nasse (монографіи въ Tubinger Zeitschrift für Staatsw. 1856, 1870 и 1872 г.) и E. Laveley, Le marché monnetaire et ses crises, 1864. У насъ въ Россіи представители ихъ идей: Н. Х. Бунге (Изслѣдов. о загр. торг. въ «Рус. Вѣстн.» 1870 г.) и В. П. Безобразовъ (О нѣк. явл. денеж. обр.). На этой-то литературѣ основана наша вторая глава, равно какъ и все, касающееся частныхъ началъ кредита, банковъ и денежнаго обращенія. Главное основаніе *этой* литературы — чисто опытное, въ особенности, опытъ Англіи, насколько онъ формулированъ въ трудахъ ея парламентскихъ коммиссій и въ изслѣдованіяхъ Томаса Тука и его учениковъ. Такъ какъ полное перечисленіе трудовъ англійскихъ парламентскихъ коммиссій не встрѣчается въ обычныхъ библіографическихъ указаніяхъ, то мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь тѣ изъ нихъ, которые намъ извѣстны. Сюда относятся: Report of commitee on the outstanding demands on the Bank of England and the restriction of the cash payement. 1797.—Report of Lords commitee on the same subject. 1797.—Report of commitee on the circulation in Ireland. 1804. — Report together with minutes of evidence from the select commitee appointed to inquire into the high price of bullion, etc. 1810. — Two reports of commitee of secrecy on the state of the Bank with reference to the resumption of cash payemeut. 1819. — Report of Lords secret commitee on same subject. 1819. Reports of commitees on banking system and circulation of promissory notes under 5L in Scotland and Ireland. 1826 - 27. — Report of secret commitee on expediency of renewing the charter of the Bank of England. 1832. — Three reports of commitee on the operation of the acts permitting the establistement of joint - stock banks. 1836 - 38. — Three reports of commitee on the effects produced on the circulation of the country by the banking establishments issuing notes payable on demand. 1840 - 42. — Two reports common's commitee on the causes of the recent commercial

distress. 1848. — Report of lords commitee on the same subject. 1848.—Report of commons commitee on the operation of the Bank-acts. 1857.—Report of commitee on the operation of the Bank-acts and the causes of the recent commercial distress. 1858. — Tooke, History of prices, vol. IV, p. 495 500 приводитъ извлеченія еще изъ одного Report of a select commitee on the state of commercial credit. 1793. Важное значеніе для развитія современной теоріи кредита, банковъ и денежнаго обращенія имѣетъ полемическая литература, вызванная въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтій пріостановленіемъ платежей Англійскимъ Банкомъ. Срв. объ ней подробности и библіографію у M. Culloch, The litterature of polit. econ. 1846, p. 165 sq.

**Къ стр. 53.** Вліяніе экономическаго прогресса на совершенствованіе орудій, см. Colwell, The means and ways of payement, p. 18: The history of productive industry and trade shaws that, for the last six hundred years, where civilisation has been highest, efforts to improve the modes of payement have been incessant and most successful.

**Къ стр. 61—62.** ‹*Деньги*› *могутъ быть только изъ драгоцѣннаго металла:* ‹The definition of money, (даже) as including promissory notes strictly payable in coin on demand, is not warranted by any recognised authority, or by any legitimate process of reasaming›. Tooke, History of prices. IV. 155.

**Къ стр. 68—71.** Функція денегъ въ роли орудія сбереженія получила въ теоріи особое значеніе со времени изслѣдованія Fullarton'a, On the regulation of currency. 1838. Теорія этого писателя немедленно была принята Тукомъ (срв. Tooke-Asher, I, 663, 665, 679 и др.), Вильсономъ (Capital, currency and banking: ‹it is another distinct function of money to perform in its character of *reserves* of capital and in this capacity may be actively used *to a great extent* without in any way affecting the amount of coin acting as circulation›, т. е. какъ орудія обращенія. Въ Германіи: Ad. Wagner и Erwin Nasse. — Bagehot, Lombard street. London. 1873, pp. 130, 131 справедливо замѣчаетъ: In our common speculations we do not enough remember that interest on money is a refined idea, and not a universal one. So far is it from being universal, that the majority of saving persons in most countries would reject it. Most saving in most countries are held in hoarded specie и т. д. На 132 стр. приведена весьма характеристичная, относящаяся сюда, выписка изъ Маколея, Hist. of Engl., объ

англійскихъ сбереженіяхъ въ XVII ст.; срв. съ этимъ то, что Bagehot говоритъ въ началѣ своей книги о роли ссуднаго капитала въ англійской промышленности настоящаго времени. О драгоцѣнно-металлическихъ слиткахъ, какъ орудіяхъ сбереженія, см. Tooke-Asher, I, 665.—Knies, Das Geld, 1873. S. 206 ff.

**Къ стр. 73—76.** Различіе между деньгами, какъ капиталъ (подразумѣвается *свободный*), и деньгами, какъ орудія обращенія (money as capital and money as currency) находится въ тѣсной связи съ мыслью о необходимости удѣлить больше вниманія функціи сбереженія въ роли денегъ. Но оно имѣетъ большое значеніе и для точнаго уразумѣнія многихъ явленій, предшествующихъ кризисамъ и ихъ сопровождающихъ, когда существуетъ много денегъ въ качествѣ орудій обращенія, служащихъ капиталами, и не существуетъ достаточно денегъ въ роли потребительнаго запаса. Срв. гл. V нашей книги. Врядъ ли нужно упоминать, что и здѣсь все принадлежитъ Туку, Вильсону, Вагнеру и ихъ школѣ.

**Къ стр. 78.** Цифра о желѣзнодорожномъ грузѣ Соединеннаго Королевства заимствована изъ оффиціальнаго отчета (Parliam. pap. 1872, C. 651) Railways. Three returns of the board of trade, pag. 88.

**Къ стр. 85.** По недосмотру послѣдній абзацъ анализа вліянія количества денегъ на ихъ функцію въ роли орудія измѣренія совсѣмъ выпущенъ. Передъ 11-ою строкою снизу, стр. 85, должно было быть напечатано слѣдующее:

«Имѣютъ ли какое-нибудь отношеніе перемѣны въ деньгахъ, какъ орудіи мѣры, къ количеству денегъ? Когда происходитъ перемѣна въ деньгахъ, какъ орудіи мѣры? Когда данная масса золота или серебра начинаетъ представлять большее или меньшее количество покупательной силы, чѣмъ то, которое первоначально было принято за единицу мѣры. Для этого необходимо, чтобъ силы и средства, занятыя добываніемъ золота или серебра, увеличились или уменьшились въ своей производительности. Но существуетъ ли какая-либо внутренняя необходимая причинная связь между этою производительностью и количествомъ добываемаго золота и серебра? Очевидно, что не существуетъ. Если производительность возросла, то развѣ изъ этого слѣдуетъ, что необходимо должно будетъ произойти расширеніе въ стремленіяхъ ею воспользоваться? Оче-

видно, что необходимости никакой нѣтъ. Если увеличенное пользованіе будетъ выгодно, тогда количество добываемыхъ драгоцѣнныхъ металловъ возрастетъ. Если увеличенное пользованіе не будетъ доставлять само особыхъ выгодъ, то будутъ производиться прежнее количество золота и серебра. Фактъ увеличенія производимыхъ массъ золота и серебра и изготовляемыхъ изъ нихъ денегъ, съ одной стороны, а съ другой — фактъ перемѣнъ въ условіяхъ производительности силъ и средствъ, занятыхъ добываніемъ драгоцѣнныхъ металловъ, и сопряженной съ первою другою перемѣною въ единицѣ экономической мѣры,—эти два факта совершенно одинъ отъ другаго независимы».

**Къ стр. 87 и слѣд.:** *объемъ денежнаго обращенія и товарныя цѣны.* Во главѣ современнаго ученія объ этомъ предметѣ стоятъ изслѣдованія Тука, Фэллертона, Вильсона и многочисленныя показанія экспертовъ предъ англійскими парламентскими коммиссіями.—«If transactions increase in amount and in number, the means of exchange must also increase; if transactions diminish in amount and in number, the means of exchange will necessarily diminish. But in all this an expansion or a contraction of the currency is an *effect* and *not a cause*». Wilson. Capital, currency and banking, p. 48.

«You stated that the fluctuations in the amount of your issues generally depended more upon the price of commodities, than upon anything else. Do you consider that an increased issue is the result of increased prices, or that increased prices may be said to be the result of an increased. issue? I think that an increased issue is the result of increased prices. — That is to say that the prices are the cause and the issue is the effect? Yes. Изъ показаній J. Bristow. Срв. Report of the select commitee on the Bank-Acts, together with minutes of evidence. Ord. to be printed by the House of Com. 1 July 1858. №№ 5303, 5304. Срв. также показаніе S. Gourney, въ Minutes of evidence before the secret commitee on commercial distress; ord. to be pr.7 Juli 1848, №№ 1739 etc. и R. Slater, въ Minutes of evidence before the select commitee on Bank-Acts, ord. to be printed 17 Aug. 1857, №№ 2408—2415. Тамъ же показаніе Newmarcha, №№ 1739, 1740 и др.: You stated that an increase of circulation of notes ought to be regarded more as an effect than as a cause of increased trade? I am quite sure it is not a cause of increased trade.—But it would be a natural effect of increased trade? Yes. Тамъ же изъ показанія Hub-

bard'a: ‹You stated in your last examination, that in your opinion the prices of articles were not in any way affected by the amount of the circulation of notes or of coin in the hands of the public at any particular time? I stated that the notes in the hands of the public were dependent upon the state of prices, in as much as the value of the commodities passing by transfer between the various members of the community determines the quantity of money required as the representative of value to effect those transfers; so that the amount of the circulation is dependent upon prices, and not prices upon the circulation.—You take the amount of circulation to be rather the effect than the cause? Distinctly.—You consider that higher prices lead to the necessity of a longer amount of circulating medium, in order to transfer goods from one hand to another? Precisely so. №№ 2578, 2579, 2580. Срв. также №№ 2409, 2410 и др.—Изъ показаній Gibson Craig предъ коммиссіей 1826 года. Minutes of evidence before the select commitee on promissory notes in Scotland and Ireland, p. 267: ‹Are you of opinions that the banks of Scotland by any contrivance or combination can keep out more notes than the circulation demands? I think it quite impossible›.

**Къ § 19. Стр. 91.** *Отношеніе кредита къ деньгамъ въ роли орудія обращенія.* It does not follow (изъ вліяній кредита) that there is no longer any office, use or agency for gold or silver coins. It seems to be a new proof of the convenience and advantage of coins, that they circulate with perfecte facility along with the currency of the credit system. Colwell, Means and Ways, p. 196. The business of the world is so much increased under the impulses and the facilities of the credit system, that full employement for the precious metals is found in the payements of the fractions.... Such, however, is the magnitude of the transactions of modern commerce, that fuller employement is given to a much larger stock of the precious metalls, in paying occasional balances, than was formerly given when a large proportion of the payements were made in coin or bullion. Colwell, Means and Ways, p. 264.—Срв. Knies Freiburger Universitatsprogr. 1862. (Рѣчь о кредитѣ).

**Къ стр. 98.** Статистическія данныя объ обращеніи звонкихъ денегъ въ Англіи. Appendix to the second report from the secret committee on expediency of the Bank resuming cash payements (Ord. to be printed 12 May 1819). J. Rose, A brief examination into the increase of the revenue, commerce and navigation of Great Britain. Lond., 1806, p. 82. Tooke and Newmarch, History of

prices, vol. VI, pp. 696—711 (Tooke-Asher, II, 688—697).— The Economist и The New-York Commercial Chroñicle отъ 1872 года (№№ за августъ и до конца года рядъ статей по статистикѣ драгоцѣнныхъ металловъ). Мы привели данныя Американскаго журнала. Въ № 1535, отъ 25 января 1873 года, Economist считаетъ, что въ 1850 году въ обращеніи было 60 милл. фунтовъ, а въ настоящее время не менѣе 95 милл. Это даетъ увеличеніе въ 1851—1871 годахъ на $58^2/_3\%$ или около $3\%$ въ годъ.

**Къ § 20. Стр. 100 и слѣд.** *Роль кредита при расширеніи и сокращеніи денежнаго обращенія.* «Can you point out to the commitee any possible way in which a mixed circulation of gold and notes can fluctuate in any other way than a metallic circulation would fluctuate, so long as those notes are easily convertible into gold at the will of the holders? No; I imagine there can be no distinction between the two. — Then, so far as that was one of the objects of the Act of 1844, that object is sure to be realised so long as notes are convertible easily into gold? So long as you have a sufficient currency, and the notes are convertible on demand.—The whole resolved itself into a security for the convertibility of the note? I think so.—As long as the note is practicully convertible, the fluctuation must be identical in both cases? I think so.—You have stated, and you have given sufficient reasons for the opinion, that there might be a very large increase of business without any active increase of circulation? I conceive so.—In point of fact, according to your experience, during the last three or four years, such has been the case? Quite so. Upon that subject I must be allowed, however, to state that banking expedients of late years have led to a very considerable economy of circulation. The circulation as existing at the present time does a considerably greater amount of duty than it did many years past.... the commitee will percieve, that in 1831 a 5l. note remained out 115 days, and now it remains out only 70 days. Now, if the average amount of circulation is the same, it is clear that there is a much greater activity of the circulation now than there was in 1831. It will be seen that there has been a greater activity in all denominations of notes. And here, again, in the adjoining page, there is a Return made of the same kind in the years 1729 and 1818. At that time a 10 l. note remained out 236 bays. In 1818 it remained 137 days out; a 10 l. note now remains out 58 days only.—Irrespectively of fluctuations in the amount of trade from time to time, which acquire a larger or a lesser amount of circulation, so far as issues of notes are concerned the amount is pretty near be a fixed quantity? As far as they are con-

cerned it is.—The increased circulation would follow as a consequence of the increased disposition to speculation; it would not aggravate the speculation itself? No, I think it would be the effect rather than the cause. — It is not consistent with your experience that at those periods the speculation is caused by an increased amount of advances of capital, and that it shows itself in the increased amount of securities hold by banks, and not in any increase in the circulation? I think that they are more due to advances of the capital than to the increase of the circulation.—Looking back over the time during which you have been connected with the Bank of England, which has comprised varying periods, sometimes of dull trade, sometimes of active trade, sometimes of speculation, and sometimes of depression, would you not say that while you have seen very great variations in the amount of the advances of capital and in the amount in securities hold by the Bank during the whole period, the circulation has been comparatively little affected? Very little affected». Изъ показаній бывшаго директора Англійскаго Банка We-guelien. См. Minutes of evidence taken before the select committee on the Bank-Acts; part. I: report and evidence; ord. to printed. 17 aug 1857. №№ 767-770, 984-985, 909, 993, 995-996.— «Suppose we had a metallic currency at together, do you think there would be any difference in the laws that would regulate its variations as compared with the laws which now regulate the quantity of notes in the hands of the public; you have already stated very truly that the amount of notes which people hold is the smallest quantity which they absolutely require for their transactions; now if the currency were metallic, do you think that any other principle would regulate the quantity of coin in the hands of the public than that which now regulates the quantity of coin aud notes conjointly? The principle would be precisely the same, aud the amount would be regulated in the same way. In the lower denomination of notes, 5 l. and 10 l. notes, the results would be practically the same; people would not think of putting 50 l. worth of gold in their pochet-book, so that the amount of gold that would be circulated instead of the notes would not be equal to the amount of notes; there is no doubs that banking expedients would be provided which would take the place of the gold circulation, but the principle that would regulate the amount would be identical, and the variations would be precisely the same.—In case of a metallic currency, would you think it desirable to place any limit by law or regulation upon the amount of that circulation? I should not think it expedient to do so, because any attempt so do it would be utterly unavailing. I hold, that you can no more regulate the amo-

unt of circulation in a country, whether metallic or other wise, than you can regulate the winds that blow.—And you hold the same opinion with regard to a mixed circulation of gold and notes? Entirely». Тамъ же показанія Hubbard'a №№ 2654—2656.

**Къ стр. 105.** *Платежное средство—орудіе обращенія; платежъ не составляетъ особой функціи денегъ.* Преимущественно германскіе писатели дѣлали изъ «платежа» *особую* функцію денегъ. См. напр. Karl Knies, Geld und Credit, I Abth. Das Geld etc. Berlin. 1873. стр. 191 слѣд.: «die Function des Zahlungsmittels muss eine, eigenartige sein.» Главный доводъ высказанъ на стр. 225: es muss der Gegenstand besonders bekannt gegeben sein, welcher im Sinne des Gesetzes und für das Urtheil des Richters als Maass fungiren soll. Это «muss» можно, конечно, вполнѣ признавать, не усматривая надобности въ законномъ платежномъ средствѣ непремѣнно видѣть «деньги.» Сказавъ, что для юриста вопросъ, что́ такое деньги—не сложный, я не игнорировалъ затрудненій и споровъ, возбуждаемыхъ теоріею и практикою права, но уже *послѣ* того, какъ установлено, что́ считать деньгами. Hartmann (Ueber den rechtlichen Begriff des Geldes, 1868) формулируетъ такъ den speciellen Rechtbegriff des Geldes: «diejenige Materie, welche rechtlich die ordentliche Bestimmung hat, als eventuell letztes zwangweises Solutionsmittel zu dienen»..... «Da für unseren juristischen Geldbegriff das Moment des Werthmaasses (можно было бы прибавить als auch das Moment der Wertherhaltung und dasjenige der Werthbewegung) gänzlich irrelevant ist, so hindert uns nichts, das Papiergeld (и можно прибавить Salzgeld, Theegeld etc.) als eine Art des Geldes anzusehen. Es genugt für uns die Voraussetsung, dass ein Papierschein die ordentliche rechtliche Bestimmung habe, als ewentuell letztes Zwangsmittel der Solutio von Obligationen zu dienen».

**Къ стр. 113 и др.** «*взаимная задолженность.*» Насколько намъ извѣстно, достаточное вниманіе на нее обратилъ только американецъ Colwell въ соч. The ways and means of payement, Philadelphia 1859. The trade or bussiness, говоритъ онъ, depending on payements proceeds as if they were made the making and arranging the payements becoming a separat accupation. That this may be done with more efficiency, the whole indebtness becomes in fact, a fund for this purposes. At all times there is a large amount, in the aggregate of debts, incurred for goods sold; but this aggregate, however great, agrees precisely with the amount of endits. There is, then, a fund of credits or credit securities, exactly egal to the amount of the debts. So long as this fund of credits is in the

hands of individuals, it is not very activ as a medium of payment. But when large sums come to be concentrated in the banks it becomes an efficient manageable fund for the extinction of debts. Colwell, The means aud ways of payement p. 194.—Переводнымъ векселемъ, по мнѣнію Колвелля, утилизируется взаимная задолженность. Она же утилизировалась банками Венеціи и Амстердама съ помощью ихъ вирементовъ.—Это—clearing between individuals.—There is no reason, in theory or in practice, why clearing may not, to a considerable extent, be practised between individuals mutually indebted. Means and Ways—p. 7.—Стр. 14 Колвель указываетъ на то, что the practice of paying or extinguishing debts by the process of clearing is not new. Ярмарки, по его справедливому указанію, открывали для этого широкій просторъ. Извлеченіе изъ книги Savary, Parfait Negociant, 1777, T. I ch XII, p. 257, о томъ, какъ на Ліонской ярмаркѣ долги погашались взаимностью, см. Colwell Means aud Ways p. 278—80 nota. Тамъ же стр. 281—282 извлеченіе изъ другой книги (Girardeau, Banque rendue facile aux principaux nations de l'Europe. 1703, p. 129) о томъ, какъ пользуются вирементами; стр. 283 ib. извлеченіе изъ англійскаго сочиненія Map of commerce by Jewis Roberts ed. of 1700, Chap. 303, о томъ-же предметѣ.—Стр. 8 Colwell Means aud Ways показываетъ примѣненіе взаимности платежей къ вирементамъ и къ книжному кредиту. Стр. 9 онъ разъясняетъ ея утилизированіе при выпускѣ векселей, простыхъ и переводныхъ, и при ихъ учетѣ. Тамъ-же выясняется, какое при этомъ значеніе получаютъ банкиръ или банкъ и открываемые ими кредиты съ правомъ трассированія чековъ.—This process is susceptible of great variety in the means and of very vide application. Ib p. 261.—The credit system intervenes with its various devices of books of account, promissory notes, bills of exchange, bank-notes, bank deposits, clearing houses etc., to enable the parties, who have bought and sold, who are all creditors and all debtors, to liquidate their debts and credits, and thus existinguish them so far as they are equal. Ib. p. 263.—The result of which the merchant aimes and which he effects, is to apply, in the progress of his bussiness, the proceeds of hes sales to the payement of his purchases. Colwell, p. 247.—The chief facility by which payement is accomplished arises from the fact that the debt is mutual. In every million, about nine houndred thousand is strictly mutual, ad is susceptible, therefore, of ultimate payement by being balanced on the books of the bankers. Срв. ib. p. 244—5, 249—50, 259—61.—So far as the indebtness of the customers of the bank is mutual, it is readily extinguished, for to that amount the debtors hold credit sufficient to make their payements. Colwell, p. 10.—

It is by the operation of this process that the discharge of much the largest portion of the debts annually paid in the United States is affected; ib. id.—This most economical and effective of all modes of payment. Colwell, p. 7. Clearing ist beyond all question, the simples, the most economical and, when applicable, the most efficient of all modes of paying debts, ib., p. 15. This most efficient of all the means of payement, ib., p. 246.—Хотя взаимная задолженность уже и много утилизируется, но для прогресса остается еще много простора. A comprehensive treatise on this subject, on which the subject should be thouroughly treated in reference of possible applications to clearing between individuals, would be an important addition to the commercial litterature. Colwell Means and Ways p. 16.—Мы сочли нелишнимъ указать подробнѣе на Кольвеля, такъ какъ въ Европѣ онъ почти совершенно неизвѣстенъ. А между тѣмъ его книга чуть ли не самый систематическій и полный трактатъ о банкахъ.—Врядъ-ли намъ нужно упоминать, что если другіе писатели не знаютъ *обобщенія*, выражаемаго словами mutual indebtness (взаимная задолженность), то *факты*, сюда относящіеся, никогда никѣмъ не оставляются безъ вниманія. Должно, однако, сознаться, что эти факты въ европейской литературѣ имѣютъ лишь значеніе эмпирическаго указанія, а на теоретическія построенія вліяютъ мало. Вотъ, напримѣръ, какъ выражается въ этомъ пунктѣ одинъ изъ лучшихъ теоретиковъ, Wilson, Capital, currency and banking, chap. II: If a man contracts a debt to be paid in 12 month for 3 l. 17 sh. $10^1/_2$ d. or 46 l. 14 sh. 6 d. or 467 l. 5 sh. he really does undertake to pay one ounce or one pound or ten pounds of gold. It is not, *however*, neccessary that debts should actually be paid in gold, nor is it even probable that they will be so in a society at all advanced in commercial and banking institutions. It is more likely they will be paid by a mere transfer of a credit with a banker, either by means of a cheque or by refferring the holder of the acceptance to a banker for payement. Фактъ берется, такимъ образомъ, какъ непосредственное грубое эмпирическое указаніе, у котораго все и кончается.

**Къ § 24, стр. 151—153.** Уже Pinto, Traité de la circulation et du credit. Amsterdam, 1771, замѣчаетъ: «Les agioteurs font souvent des sourdes pratiques tres illicites: mais quel commerce n'est pas sujet à des friponneries? Heureux, s'il n'y en avoit que dans celui des fonds»!

**Къ стр. 154.** Статистическіе факты, доказывающіе совпаденіе

моментовъ наибольшаго развитія кредита и спекуляціи, главнымъ образомъ собраны и разработаны Cl. Juglar (сначала въ Ann. d'écon. polit. pr. 1853 и потомъ особою моногр. Des crises commerc. 1863) и Schäffle, Zur Lehre von den Handelskrisen. Срав. его же монографію о кризисѣ 1857 года, въ Deutsche Vierteljahrschrift за 1858 г. Heft IV.

**Къ стр. 135 и слѣд.** Анализы спекуляціи. Главныя основанія нашихъ взглядовъ: Cohn, Zeitgeschäfte und Differenzgeschäfte, Hildebrandt's Jahrb. 1866. II Bd. 6 Heft. S. 377 ff.; Michaelis, Die wirthschaftliche Natur des Speculationshandels въ Faucher's Vierteljahrschrift 1864 и 1865 г. (три статьи); К. К. Гаттенбергеръ, Биржевыя операціи и законодательство. Харьковъ, 1872. Этимъ почти исчерпывается литература аналитическихъ работъ по экономической теоріи спекуляціи.

**Къ стр. 168.** *Расширенія и сокращенія предпріятій производятся прежде всего чрезъ посредство капиталовъ, распредѣляемыхъ кредитомъ.* См. R. Torrens, The principles and practical operation of sir R. Peels Act of 1844. Lond., 1848, p. 35; W. Bagehot, Lombard Street. A description of the money market. London, 1873. Chap. I.

**Къ стр. 180 и 186.** *Неизбѣжность роли спекуляціи.* Сверхъ вышеприведенныхъ монографій Кона и Михаэлиса см. монографію послѣдняго о кризисѣ 1857 года, Volkswirthschaftliche Schriften von Michaelis. Erster Bd. Berlin, 1873, стр. 280—283. Въ особенности стр. 281: «Der Zwischenhandel und seine Kapitalien stehen also in einem solchen Verhältniss zu dem Spaarvermögen der Nation, das heisst zur der Nachfrage zu Kapitaltiteln, dass sie für die Producenten der Kapitaltitel der unmittelbare und zuverlässige Maassstab der Absorptionsfähigkeit des Marktes bilden».

**Къ § 27, стр. 187—196.** Мы считали нелишнимъ указать здѣсь на часто упускаемую изъ виду, *соціальную* сторону спекуляціи, которою она выражаетъ борьбу интересовъ, т. е., въ концѣ концовъ, борьбу тѣхъ-же разнородныхъ морфологическихъ факторовъ, которыхъ историческая совмѣстность вынуждается частными условіями мѣста и времени. Спеціалистъ безъ труда замѣтитъ, что мы въ данномъ случаѣ только *примѣняли* идеи, подробное обоснованіе которыхъ заслуга Лоренца Штейна, сначала въ его Geschichte der socialen Bewegungen in Frankreich, а потомъ въ его Verwaltungslehre и въ новѣйшемъ изданіи его Finanzwissen-

schaft; срв. также вторую часть его Syst. de Staatsw. (die Gesellschaftslehre). Считаемъ умѣстнымъ здѣсь же напомнить, что формулируя законъ цѣнъ, даже такой писатель, какъ Маклеодъ (Elem. of pol. ec.), не забываетъ упомянуть о борьбѣ интересовъ, происходящей при установленіи цѣнъ.

**Къ стр. 199.** Кредитъ не подвергаетъ опасностямъ предпріимчивость тѣмъ, что расширяетъ ея средства. См. Michaelis, Volksw. Schriften I, 325: Die immer bereite Antwort auf diese Frage (nach den Ursachen der Ueberspeculation) ist, dass die übermässige Ausdehnung und Ausbeutung des Credits die Schuld trage. Dass dieser ursächliche Zusammenhang im höchsten Grade unwahrscheinlich ist, liegt auf der Hand. Wer Kredit nimmt, weiss, dass er zur Verfallzeit heimzahlen muss, und dass er wirthschaftlich verlohren ist, wenn er nicht rechtzeitig zahlt. Auf's Gerathewohl, ohne zu wissen wozu, wird also Niemand so leicht Kredit nehmen..... In dem Kreditnehmen allein, sei es noch so übermässig, liegt nicht die Ursache des Misslingens. Selbst der ausbundigste Wechselreiter kann, wenn seine Handelsoperationen gut sind, schliesslich seine Gläubiger befriedigen. Die Ursache des Bankerotts liegt in verfehlten Unternehmungen etc.

**Къ стр. 201.** Соотношеніе между кредитомъ и сдержанностью банкировъ лучше всего охарактеризовано у Gilbart'a, Practical treatise on banking, vol. II, p. 608 sq., ed. 1865. Срв. Bagehot, Lombard strect. 1873, p. 232: ‹The business of a banker can not bear so many bad debts as that of a merchant, ad he must be much more cautious to whom he gives credit..... Adventure is the life of commerce, but caution, I had almost said timidity, is the life of banking›.

**Къ стр. 202 и слѣд.** Кредитъ и цѣны. Во главѣ изслѣдователей — Тукъ съ своимъ эмпирическимъ закономъ: ‹The prices of commodities do not depend upon the quantity of money indicated by the amount of bank-notes, nor upon the amount of whole circulating medium, but, on the contrary, the amount of the circulating medium is the consequence of prices›. Tooke History of prices, vol. IV, p. 207.—Срв. Wilson, Capital, currency and banking, p. 85 sq.: ‹The public convenience and command of capital are the cause—deposits and bankers (credit) are the mere effect in the relative positions in which each stands to the other; the former can allways act power fully on the latter, but the latter can at any time act but very feebly on the former›.—Даже Norman, одинъ

изъ противниковъ туковской школы, признадъ въ своихъ показаніяхъ предъ Committee on banks of issue 1840 года: «It seems to me that their circulation increases with the risee of prices and decreases with the fall of prices»; это-то колебаніе онъ и обозначилъ подчиненностью what I schould call Banking principle, которому тогда впервые противупоставленъ currency principle. Срв. Evidence before the com. on banks of issue 1840, № 2018. Такимъ образомъ названіе школъ ведетъ свое начало не отъ Тука, а отъ Нормана. Срв. Tooke History of prices, vol. IV, p. 166. Непосредственное вліяніе кредита на цѣны Macleod, Theory and practice of Banking (first ed.), vol. I, p. 232, § 51, выражаетъ такъ: Leaving out of the question extravagant credit and overtrading, which are the abuses of credit, it will appear, that the effects of a legitimate and proper use of credit is *to equalise* prices, and to make them *more steady*, than they would be without it. Въ такомъ смыслѣ Nasse, Ueber den Einfluss des Credits auf den Werth der edlen Mettalle, Tübinger Zeitschr. für gesam. Staatwissensch. Bd. XXII, S. 217, говоритъ о консервативномъ (вѣрнѣе — консервирующемъ) вліяніи кредита на цѣны. Срв. и Ad. Wagner, Beiträge zur Lehre von den Banken. S. 143.

**Къ стр. 215, 216 и слѣд.** Кредитъ и т. н. симптомы кризиса. Zur Lehre von den Handelskrisen, 405—412. Der declarirte Ausfuhrwerth erreicht seinen Höhepunct oder kommt ihm nahe meist schon einige Zeit, sogar ein bis zwei Jahre vor der höchsten Spannung, die in der Krisis endigt, стр. 407. Während die Einfuhr bereits nachgelassen, steigern sich die in Händen des Grosshandels befindlichen Vorräthe sammt den Preisen des Artikels und dem Wechseldiscont der Banken bis zum Ausbruch der Krisen, während die Ablieferung zum Konsum im umgekehrten Verhältniss nachlässt, стр. 413. Данныя статистическія, 413, 414-416; измѣненіе въ направленіяхъ сбыта, 418-422. Совершенно фальшиво заключеніе Schaffle: das Zusammentreffen eines nach vorherigem raschen Aufschwung eintretenden Stehenbleibens von Aus- und Einfuhr, mit einer mehr oder weniger allgemeiner Erhöhung der Preise und des Bankportfeuilles gilt für das meist untrügliche Vorzeichen einer herannahenden bedeutenden Handelserschütterung, 418. (Tübinger Zeitschrift für Staatswissenschaften, Bd. XIV). Къ сожалѣнію Schäffle оставилъ неоконченнымъ свой опытъ теоретически изслѣдовать причины кризисовъ. Книга Juglar, Des crises commerciales, 1863, въ теоретическомъ отношеніи удовлетворяетъ еще меньше, чѣмъ монографія Schäffle.

**Къ §§ 31 и 32.** Соотношеніе между банковою организаціею кредита и государственнымъ хозяйствомъ всего цѣльнѣе и систематичнѣе изложено у Colwell'я, Means and Ways of payement, въ особ. chapt. XXV and XXVI. Въ Европѣ заслуга перехода отъ грубаго эмпиризма къ раціональнымъ обобщеніямъ принадлежитъ Lorenz Stein, Handuch der Finanzwissenschaft. 2 Aufl. Leipzig, 1871.

**Къ § 35.** Авторъ считаетъ излишнимъ приводить здѣсь подробную библіографію новѣйшаго спора объ единственности или множественности, свободѣ или регламентаціи банковъ: библіографія не входитъ въ задачу этой части его труда. Тѣмъ умѣстнѣе онъ считаетъ здѣсь другое примѣчаніе. Когда вопросъ разбирается *въ принципѣ*, то единственно возможное рѣшеніе для автора - то, которое дано въ текстѣ. Но авторъ этимъ всего менѣе желалъ бы отвергать возможность такихъ частныхъ условій времени и мѣста, которыя въ состояніи принудить къ уклоненію отъ строгихъ требованій теоріи. Но и такія уклоненія возможны лишь какъ временная мѣра, т. е. какъ переходная ступень къ полной свободѣ. Wagner, Beiträge zur Lehre von den Banken. 1857. S. 239. Менѣе уступчивъ J. E. Horn, Liberté des banques. 1866, p. 439 sq.

**Къ стр. 285 и др.** «Единство банковъ» привело недавно одного изъ лучшихъ защитниковъ ихъ свободы, W. Patterson, La guerre des banques, 1866, къ мысли о возможности международнаго объединенія крупныхъ банковъ, мысли, которой предстоитъ еще успѣхъ. Срв. подобныя же стремленія у H. N. Sealy, A Treatise on coins, currency and banking, vol. first, London, 1858, vol. second, London, 1867.

**Къ § 37.** Условія образованія «ссудныхъ капиталовъ» (loanable capitals, capitaux prêtables, Leihcapitalien). Указанное въ текстѣ соотношеніе между потребительнымъ фондомъ и возможностью возстановленія капиталовъ въ ихъ первоначальной цѣлости, принадлежитъ къ недостаточно еще разработаннымъ въ наукѣ. Срв. Roscher, Die Absatzkrisen въ его Ansichten der Volkswirthschaft, 1861.

**Къ § 39.** «Косвенная производительность». Споръ о томъ, признавать-ли за государствомъ и экономическую производительность, въ весьма сильной мѣрѣ обусловливался тѣмъ, что спорящіе оставляли въ сторонѣ весьма существенное различіе между частною и общею точкою зрѣнія на производительность. Не все то, за чѣмъ

съ частно-хозяйственной точки зрѣнія можетъ быть признана производительность, обладаетъ таковою и съ народно-хозяйственной точки зрѣнія. Оттого расчеты барышника о томъ, что̀ ему лично выгодно, могутъ быть лишены силы и смысла для государственнаго человѣка и ученаго. Это всегда и признавалось въ экономической наукѣ. Но, къ сожалѣнію, очень мало вниманія обращаютъ и на другую сторону дѣла. Не все то, что обладаетъ производительностью съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, обладаетъ производительностью и съ частно-хозяйственной точки зрѣнія. Увлеченіе принципомъ laissez faire слишкомъ часто мѣшало ясному взгляду на этотъ вопросъ. Эмпиризмъ, на основаніи одного только чувства мѣры, въ этомъ пунктѣ менѣе односторонень, чѣмъ ходячія теоріи т. н. «манчестерства». Всего очевиднѣе односторонность ходячихъ взглядовъ въ области финансовой. Государство несомнѣнно производительно и съ экономической точки зрѣнія. Вообще о производительности государства и спорить нечего. Иное дѣло—вопросъ: какая у государства экономическая производительность, такая-ли, какъ у свободной предпріимчивости, руководимой эгоизмомъ, или не такая? Эгоизмъ не единственный стимулъ экономической производительной дѣятельности. (Срв. объ этомъ совершенно переработанное ученіе объ экономическихъ стимулахъ у Schaffle, Das Gesellschaftliche System, 3 Aufl., Tübingen, 1873, Bd. II, §§ 186 ff.). Поэтому и производительность выходитъ не во всѣхъ случаяхъ одинаковая. Если смотрѣть съ строго-финансовой точки зрѣнія, т. е. исходя изъ частныхъ (эгоистическихъ) интересовъ самаго государства (или представителя государственнаго хозяйства, правительства), то для государства непосредственно мало проку въ томъ, что оно производительно и что его расходы и затраты тоже въ концѣ концовъ воспроизводятся. Ибо эти расходы и затраты возстановляются *внѣ* сферы собственно государственнаго хозяйства. Доходы государства только косвенно соединены причинною связью съ производительностью его расходовъ. Ибо эти расходы возстановляются сначала въ отдѣльныхъ областяхъ народнаго хозяйства и только потомъ отсюда снова поступаютъ къ государству. Косвенная производительность государства въ особенности имѣетъ существенное значеніе для современнаго ученія о бюджетѣ (обусловливая главное основаніе этого ученія—финансовую зависимость правительства) и для теоріи государственныхъ долговъ.

**Къ § 40.** Для расширеннаго представленія объ эммиссіонной операціи и ея опредѣленія, даннаго въ текстѣ, основаніемъ взяты результаты, обнаруженные опытомъ, относительно внутренняго

единства формъ пользованія этою операціею. Сказанное въ текстѣ о трехъ элементахъ всякаго кредитнаго явленія имѣетъ своимъ основаніемъ указанія Э. Р. Вредена, Финансовый кредитъ. Спб., 1871, стр. 185 и слѣд.—Срв. Macleod, Theory and practice, vol. I, p. 96, 2-de ed., гдѣ созданіе всякаго рода долга безразлично называется the bankers issue.—Нападки на односторонность ходячихъ преувеличеній значенія билетно-выпускной формы эммиссіонной операціи указывались уже давно предъ англійскими парламентскими коммиссіями. Срв. напр. S. J. Lloyd before the Committee on Bank-Acts, 1858, № 2770: «I think that for to exclusive an attention is directed both to Bank notes and to private issues as a part of the circulation, to the almost entire neglect of the very importaut element of bills of exchange».—Какъ сильно измѣнились въ Англіи понятія въ послѣднія времена, видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ словъ одного современнаго изслѣдователя: «It is only from a historical point of view that we can at the present time understand the great importauce ascribed by sir R. Peel to regulate the amount of bank-notes». Palgrave, Notes on banking, chap. VIII.

**Къ стр. 357—359.** Банкъ можетъ увеличивать путемъ кредита циркуляцію не только черезъ выпускъ билетовъ, но и открытіемъ текущихъ счетовъ по вкладамъ, порождаемымъ кредитами, оказанными банкомъ-же. Torrens, An inquiry etc., p. 46, 48, видимо упустилъ изъ виду это и Tooke, History of prices, IV, 181, можетъ поэтому его спросить: if the issue of convertible paper in discount of a bill of exchange be «a new creation of paper money», how is it to be denied that the increasing of a deposit acount, to which a similar advance has been credited, is not also «a new creation»?

**Къ стр. 359—360.** Для характеристики опыта Англіи, на который въ текстѣ здѣсь сдѣлана ссылка, приводимъ два показанія, изъ коихъ одно дано предъ парламентскою коммиссіею 1857 года, а другое—предъ коммиссіею 1858 года.

«The increase of trade requiring a larger amount of circulation would be chiefy felt in the payement of wages and other small payements which are not conducted through the larger modes of credit, such as bankers cheques and transfers of credit of other kinds; and those payements would chiefly resolve themtelves into the smaller denominations of circulation? I think they would; we have the strong and pregnant fact before us, that in the space of 20 years the aggregate amount of the paper circulation of the United King-

dan has not increased at all. I will give the exact figures. The aggregate amount of the circulation of bank notes of all kinds in the United Kingdan in 1834, including Bank of England notes and joint stock bank-notes, and private bank-notes, was 37,500,000 l. In 1855 the same aggregate average was 38,000,000 l ; that is a very small proportionate difference. During that 20 years we know that the trade of the country has expanded most wonderfully in all directions; and we know that the population has increased something like 30 or 35 per cent. Therefore I can only account for the stationary character of the circulation, by suppoting that the extension of banking facilities and the introduction of banking facilities, where they did not exist before, and the introduction of better modes of communication, and the introduction of the penny postage, and the introduction of the telegraph, and the introduction of railways, have so economised the necessity for circulating medium, that we can now carry on about five or six times the amount of trade transactions which were carried on in 1834, and still require wo larger quantily of bank note clrculation». Изъ показаній W. Newmarch. Bank-acts. P. I. Report and Evidence. 1857 г. № 1741.— Далѣе. «Has it become very much the custom in your locality for farmers to keep bankers accounts? Yes, al most universally.—Al most every farmer keeps a banker's account? Yes.—And almost all transactions between farmers and tradespeople are conducted by cheques, or through banking accounts? I think so, almost universally; I know scarcely any farmer, indeed I may say none, who is not glad to keep a banking account, because he sometimes has money which he dues not want, for which he is glad to find a depository; sometimes he wants money, and he is glad then to accept of the loan which circumstances may require; and at one time wanting capital and at another time hawing too much, he finds a banker the most convenient mode of doing business.—Mr. Gladstone: Will a farmer paying 100 l. a year keep a banking account? Farmers paying much less than that keep banker's accounts.—A farmer paying 50 l. rent?—Yes; we have many customers living on farms paying not above 50 l. rent. Farmers have various occasions for dealings in money besides merely selling their can; there is the selling of cattle and the selling of other things, hay, and so forth.—Is it the custom now to use cheques in payment for purchases in the market? The corn merchants are the principal issuers of notes, and they will sometimes pay by cheques and sometimes by notes; their customis, I think, generally speaking, is to consult their bankers; they go to the bankers and get a certain amount of notes, or they draw cheques upon them, just as is most convenient». Изъ пок. W. Rodwell,

before the committee on Bank-Acts, 1858, №№ 1435—1441.—Въ дополненіе къ даннымъ, которыя Ньюмаргъ приводитъ о неподвижности билетной циркуляціи въ Англіи, я долженъ сказать, что со временіи послѣдней парламентской коммиссіи по вопросамъ о банкахъ, кредитѣ и денежномъ обращеніи—обстоятельства нѣсколько измѣнились. Считаю, поэтому, нелишнимъ привести результаты моихъ изслѣдованій затронутаго здѣсь предмета. На основаніи еженедѣльныхъ данныхъ о билетной циркуляціи всего Соединеннаго Королевства, какъ эти данныя обнародовываются въ London Gazette, а потомъ перепечатаны въ приложеніяхъ къ трудамъ парламентскихъ коммиссій и продолжаютъ публиковаться въ Statistical abstracts for the United Kingdom, а также въ Miscellaneous statisties of the United Kingdom, — я вывелъ среднія числа объ объемѣ билетной циркуляціи за каждый отдѣльный мѣсяцъ и годъ, съ 1834 года по 1871 включительно, и потомъ за каждое изъ пятилѣтій, съ того времени протекшихъ, за каждое изъ десятилѣтій и за каждое изъ двадцатилѣтій. Въ 1834—38 среднее было 37.479,000 ф. ст.; въ 1854—58 годахъ—37.947,000, но въ 1869—1871 годахъ 40.863,000. Тѣмъ не менѣе послѣднее пятилѣтіе противъ перваго имѣло въ обращеніи больше билетовъ лишь на 9%. Если взять десятилѣтія, то: въ 1834—43 средняя была 36.679,000; въ 1844—53 она равнялась 36.906,000; въ 1854—63 уже 37.937,000, а въ 1864—71 даже 39.751,000. Въ двадцатилѣтіе 1834—53 средняя составляла 36.792,000 ф. ст., а въ 1854—71 годахъ—38.844,000. Подробно моя таблица будетъ напечатана въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ «Теоріи и практики». — Новыя изслѣдованія объ этомъ предметѣ обнародовалъ R. H. Inglis Palgrave, Notes on banking etc. London, 1873. Сравнительно съ населеніемъ всего Соединеннаго Королевства, циркуляція билетовъ съ 1844 года совсѣмъ не измѣнилась. Въ Англіи она упала съ 35 шил. на каждаго жителя до 26 шил. Въ Шотландіи же она возросла съ 23 шил. до 30 шил., а въ Ирландіи съ 14 шил. до 28 шил.; см. p. 50: «If we compare the general circumstances, we shall see how completely the circulation of the country has in recent times passed, from being a circulation in notes, to being a circulation in cheques».—Вышеприведенныя цифры изъ моей таблицы не сходятся съ сообщаемыми у Пэльгрева потому, что мои данныя—среднія для пятилѣтій, десятилѣтій и т. д., а цифры Пэльгрева относятся только къ отдѣльнымъ годамъ. Таблица Пэльгрева (pp. 54—55) составлена только для 1844—72 годовъ, слѣдовательно за меньшее число лѣтъ, чѣмъ моя.

**Къ стр. 366.** Сберегательныя кассы — опасные конкурренты банковъ. Срв. Report of the comptroller of the currency to the congress for the year $18^{71}/_{72}$. Washington, 1872.

**Къ стр. 369 и слѣд.** Вклады не должны непремѣнно состоять изъ денегъ. Слѣдующія слова Кольвеля имѣютъ болѣе значеніе эмпирическаго указанія: «It is but to a very small extent, probably not one per cent of their amount, that deposits are made in gold or silver; they consist in part of bank-notes absorbed from the circulation, but chiefly of credits granted upon the discount of commercial paper». Colwell, Means and Ways, p. 242. The deposit is very rarly of coin, or bullion, or other articles of intrinsic value. Ib., p. 245. Being composed chiefly of credits granted upon the discount of commercial paper, they do not spring from gold or silver, they do not turn into gold or silver, they do not represent gold or silver; it they may be said to represent anything, it is the value of the merchandise, the sale of which upon credit has given existence to the mass of both bank-notes and bank-credits. Ib., p. 246. Nine tenth of the amount of the deposits in our banks consist of their own notes and of the credits granted as abowe. Ib. id. Срв. подобныя же замѣчанія у Macleod въ его Dictionnary. Срв. показанія R. Slater before the commitee on Bank-Acts, 1858, № 2445: «The whole of the deposits of the Bank of England are supposed likewise to be represented in gold; the whole of the deposits in all the other banks, in fact, all the currency of the kingdom, is supposed to be founded on gold. I think that is an erroneous principle. In cases of deposits, which at present operate the same as bank notes upon the gold, and upon the coffers of the Bank of England, it is but proper that these deposits ought also to be represented as bank notes. A man may desire to withdraw his deposit, and he ought to be able to withdraw it in some medium which will satisfy him, and enable him to go into the market and exchange it for something else, but it does not follow that he must withdraw it in gold. He may, and most likely has placed that deposit in the hands of the Bank, in cheques merely; in country notes; in anything but gold».

**Къ стр. 381.** Распространенность вкладовъ въ Англіи. «At what do you estimate the amount of monied obligations of this country, which are convertible into gold either at call, or within a very short period? It must be a very rough guets; I should think that the deposits alone are not less than 1.000.000,000 l. in this country». Изъ показаній R. Slater before the Commitee on

Bank-Acts. 1858. № 2398.—In fact, has it not of late years been very much the custom of farmers and shopkeepers to open accounts with bankers to a much greater extent than they used to do formerly? I should say that the practice has increased fourfold. Mr. Rodwell before the commitee on Bank-Acts. 1858. № 1637.—Do you suppose that your notes which get into the hands of a farmer in payment for his cattle, or anything of that kind, are immediately paid into you or to another bank, and not kept in this hands for sometime? I think that the ordinary practice which we see on market days, that if a farmer receives the money for his can, he invariably brings it to the bank to deposit it; say that he receives 50 l., he brings notes of our own bank or of another bank; he places 40 l. to the credit of his account, and he takes 10 l. in sovereigns, or 5 l. in silver and 5 l. in half sovereigns; that is the ordinary practice. It is very seldom indeed I think that farmers take any money whatever home with them which they can place to their credit in their account with their banker.

**Къ стр. 390—391.** *Чеки могутъ также переходить изъ рукъ въ руки, обращаясь.* Is it within your knowledge whether there is any circulation of cheques upon other bankers from hand to hand in your district? It is within my knowledge that there is a circulation of cheques from hand to hand in this way. We are almost troubled by cheques which are sent down from London to people in the country. Poulterers, pak dealers, and others, multiply the number of cheques very greatly indeed, and thate cheques do sometimes pass perhaps from one hand to the other during the market-day; they do not remain there, but they are brought to us, and we have to send them (they are very frequently under 2 l.) to our London agents, and have the trouble of passing all those cheques through our books. Изъ пок. W. Rodwell before the commitee on Bank-Acts. 1858. № 1372. — Объ обращеніи чековъ изъ рукъ въ руки говоритъ въ новѣйшее время Inglis Palgrave, Notes on banking. London, 1873, p. 51: ‹A cheque which had received ten endorsements, and consequently had passed through at least as many hands (not including three banks) in five days, has come under my own observation›. ‹A second, sometimes a third endorsement is not infrequent›. ‹It is beyond doubt that cheques form a real circulation, and are the most usual method of circulating money at this period›.

**Къ стр. 394 и слѣд.** Лондонскій Clearinghouse. Въ началѣ текущаго столѣтія среднимъ числомъ въ день очищалось долговъ

на $4^2/_3$ милліона ф. ст. (свыше 33 милльоновъ рублей бумажн.), для чего ежедневно было нужно наличныхъ денегъ отъ 220 т. до 500 тыс. ф. ст. Срв. Report together with minutes of evidenes before the select committee appointed to inquire into the high price of bullion. 1810, p. 252. (Показаніе Thomas, одного изъ инспекторовъ). Въ теченіи на удачу взятой нами недѣли, окончившейся 16 іюля 1873 г., среднимъ числомъ ежедневно погашено долговъ на $22^1/_3$ милл. ф. стерл. (около 160 милл. рублей).—Въ шестилѣтіе отъ 1 мая 1867 года до 30 апрѣля 1873 года въ лондонскомъ учрежденіи для очистки долговъ взаимностью всего было очищено долговъ на 26 милльярдовъ фунтовъ (около 185 милльярдовъ рублей, или свыше 30,000 милльоновъ рублей въ годъ). Въ означенной суммѣ 26,000 милл. ф. ст. на долю долговъ, порожденныхъ торговлею цѣнными бумагами, принадлежитъ $5^1/_5$ милльярда ф. ст. Изъ свѣдѣній, которыя въ Economist отъ 3 мая 1873 года (№ 1549) сообщилъ sir John Lubbock, старшина лондонскихъ банкировъ. Срв. весьма цѣнное изслѣдованіе Charles Babbage, Analisis of the statistics of the Clearinghouse during the year 1839 въ Journal of the statistical society of London, vol. XIX (for the year 1856), pp. 28—48.

**Къ стр. 423.** Основное значеніе пассивности публики для банковыхъ билетовъ подробно разъяснено у Bagehot'a, Lombard street, London, 1873, pp. 84—91. Здѣсь же выяснено, какое важное значеніе банковые билеты имѣютъ, вслѣдствіе того, для постепеннаго пробужденія активности публики и ея пріученія къ болѣе дѣятельнымъ отношеніямъ къ банкамъ чрезъ посредство вкладовъ. Такой же взглядъ у Robert Somers'a, The scotch banks and system of issue. Edinburgh, 1873. Авторъ ставитъ въ упрекъ Воловскому his total misunderstanding of the intimate connection between the issue of notes and the accumulation of deposits. Одинъ изъ экспертовъ, выслушанный парламентскою коммиссіею 1857 года, утверждалъ даже, что въ настоящее время билеты имѣютъ для private banks только значеніе весьма удобной рекламы, скоро распространяющей свѣдѣнія о банкѣ.

**Къ стр. 429—430.** Объ обращеніи векселей, количество надписей на которыхъ въ Ланкаширѣ и Іоркширѣ доходило до 120, см. Gilbart, Practical treatise on banking, London, 1865, vol. II, p. 452 sq.

**Къ стр. 438.** Взаимный обмѣнъ билетами, выпущенными различными банками и поступившими къ нимъ же. Объ англійскихъ

было показано: «We exchange daily, and clear twice a week.—You exchange your cheques daily, and you exchange your notes twice a week? No; supposing that our neigbour has a demand upon us of 2,000 l., and that we have a demand upon him of 1,000 l, the balance is carried ower to the following day, and at the and of three days the balance is paid ower either to our agent, if the balance be to us, or to his agent if it be to him.

Then you clear your accounts daily, but you settle your balances twice a week. In what way do you settle your balances; by an order upon London? By an order upon our respective agents in London.—Therefore if the cheques drawn upon you by your custumer to whom you have made the advance were paid to bankers in the same town, the effect would be that advance would be paid in London so far as it affected the balance due to the other bank from you. What would become of the cheque if it were paid to a banker in a neighbouring town?—He sends it to us by the same post, and we order it on the following morning to his account. He sends the cheque and writes, «Please to pay this cheque to Messrs. Jones Loyd», or to whoever his agent may be. We receive it, and we write to our agent the same night, and he pays it on the following morning at the clearing-house in London». Изъ показанія W. Rodwell betore the committee on Bank-Acts. 1858. №№ 1419—1422. Еще болѣе твердо организованъ обмѣнъ билетами у шотландскихъ банковъ; срв. Gilbart, The Laws of currency in Scotland, p. 150. Въ Соединенныхъ Штатахъ обмѣнъ билетами считается системою взаимнаго контроля между банками; эта система называется суффольскою.

**Къ стр. 439 и слѣд.** Банковые билеты и другіе денежные суррогаты. Различія между ними нѣтъ. Тукъ, I, 623, 626, ed. Asher. Вклады въ принципѣ не отличаются отъ билетовъ: «I look upon the deposits as so many bank notes, that may be presented for gold without a moment's notice.—Then you look upon deposits as part of the circulation? I do.—You look upon deposits as being paid into banks in bank notes or cheques, and that the holder of those deposits, namely, the bankers, are responsible for them in bank notes or gold? Yes, as the law stands at present.—Therefore, the deposits of this couutry, and all the monied obligations at call, are in that way assumed to be gold or legal tender, being payable in legal tender. Quite so». Изъ показаній Robert Slater before the committee on Bank-Acts. 1858 г. №№ 2391—2394. На другой вопросъ тамъ-же R. Slater отвѣчалъ: «I can draw no distinction between a deposit and bank-note», ib., № 2403.—Одна изъ несомнѣн-

ныхъ заслугъ Маклеода заключается въ томъ, что онъ не только съ грубо-эмпирической точки зрѣнія, но и чисто теоретически ранѣе другихъ настаивалъ на тѣхъ сторонахъ банковыхъ билетовъ, которыя ихъ соединяютъ съ другими сторонами. Но въ этомъ пунктѣ онъ, конечно, является только вѣрнымъ ученикомъ banking school.

**Къ стр. 448.** Чеки превращаютъ кассу въ счетоводственный фактъ: In the year of 1849 a commitee of investigation in the affaires of a railvay company reported that the company had keeps no books for eighteen month and knew their transactions only from their bankers pass-book. Gilbart, Practical treatise on banking, vol. I.

**Къ стр. 449.** Чеки устанавливаютъ близкую связь между банками и ихъ клiентами: Another advantage by keeping a banker is that by this means you have a continuale reference as to your respectability. If a mercantile house of the country write to their agent, to ascertaine the respectability of a firm in London, the first inquiry is, who is their banker. And when this is ascertained, the banker is applied to throught the proper channel, and he gives his testimony, as to the respectability of his customer. Gilbart, ib.

«The Commitee have been infamed, that it is usual for the bank when it gives a cash credit to keep a watchful eye over the person having that cash credit, both as to the prudence of his conduct in business and his general conduct; does that consist with your know ledge? Certainly. — Does it also consist with your knowledge that the cautioners in those accounts do the same. Certainly.—You have already stated that you consider that a great benefit in a moral point of view? Yes.—Do you think there would be a great loss to the moral condition and industrious habits of the people of Scotland if this chain of connexion, which has now those beneficial effects, were broken? I think there would». J. Gibson Craig before the commitee on promissory notes. 1826, p. 266. «Do you think that the practice of deposits among the labouring class of the community in Scotland is attended with beneficial moral effects? Undoubtedly.—Have you yourself had occasion to observe any instances in which this system has produced those effects? I have; it has tended materially to improve the economy and industry of the lower classes. — Is this confined to one description of the industrious classes of Scotland, or does it extend generally over them all? It extends very generally over every class in Scotland.—Тамъ-же, p. 270.

Значеніе крупныхъ фирмъ для текущихъ счетовъ. Въ этомъ

отношеніи не лишено интереса слѣдующее противупоставленіе. Si l'Angleterre est un pays de trés grand commerce, les affaires y sont concentrées dans un cercle de grandes individualités ou des grandes associations. La France est au contraire plutot un pays de beaucoup de commerce, qu'un pays de grand commerce. Les affaires y sont reparties entre un grand nombre des centres commerciaux, industriels et marritimes, ayant entre eux bien peu de points de contact. За небольшими исключеніями partout le reste—l'espris d'isolement et d'individualisme subsiste et domine. Tout est divisé, subdivisé, classé par catégories, par specialités. De la une difference entre le deux pays, et cette difference doit suffire pour nous avertir que le cheque ne saurait remplir en France une fonction absolument semblable à celle qui lui est devolue en Angleterye. Rey de Forresta, Des cheques et des banques de depots. Paris, 1864. Вслѣдствіе того, что во Франціи для циркуляціи чековъ находится недостаточная почва, приведенный авторъ сомнѣвается, чтобъ этой странѣ были полезны Clearinghous'ы. Il est permis d'affirmer qu'en France ces besoins (въ расчетныхъ учрежденіяхъ) n'existent pas, du moins au meme degrés. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что о besoins здѣсь говорится въ субъективномъ (какъ о несознаваемыхъ), а не въ объективномъ (какъ о несуществующихъ). Цитируемый авторъ стоитъ на такой точкѣ зрѣнія, съ которой il serait surtout delicat de toucher du doigt certaines vices de notre (французской, конечно) organisation commerciale. Дѣло у него представлено въ такомъ видѣ, какъ еслибъ французская организація компрометировалась, еслибъ было сознано, что англійская стоитъ выше ея. — Пиль въ своихъ рѣчахъ 1844 года указывалъ, что банковые билеты имѣютъ существенную особенность въ томъ, что они обращаются безъ поручительной надписи и соединенныхъ съ нею послѣдствій. Fullarton, Regulation of currencies, pp. 38—39 на это замѣчаетъ, что вексель съ бланковою надписью можетъ также далѣе обращаться безъ индоссаментовъ. Съ этимъ согласенъ и Тукъ, I, 623. Вообще для вопроса о соотношеніи между чеками и банковыми билетами на континентѣ до новѣйшаго времени въ ходу были только очень общіе взгляды. На частности обратили вниманіе: сначала Richard Hildebrandt, Die Cheques, 1866 и E. Nasse въ своей послѣдней монографіи въ Tübinger Zeitschr. отъ 1873 г.

Къ § 51. Вліяніе банковъ на цѣны. Taking the circulation as a whole, do you believs that the greater or less expansion of the circulation has any influence upon prices? No, I think the movement of prices affects the circulation and determines the amount of

it, but the circulation can not affect prices; circulation can only affect prices whan circulation is put out upon different terms. We can understand this, that if a banker in the country lends his notes, his capital (his notes being the expression of his capital), at 3 or 4 per cent. at a time when the value of money is 5 per cent., he may set on false speculation, and if he does it through some new industrial establishment, that circulation may he maintained. So far circulation can be increased; but if a banker, be he the Bank of England or be he a country banker, puts notes out as the prevailing value of money, I do not believe that he has any power of adding to the circulation, for this reason, that, as I stated before nobody will keep a note if he can help it; a note keept is so much lost to every person who keeps it. Persons keep only what they really require for the operations of paying, and in the whay of bankers as a protection to their reserve. — Then you assent generally so the proposition that neither the Bank of England nor any other bank has the power of increasing its circulation at will? Only through the unwhole same and false medium of issuing at a lower value of interest, which of course has the effect of tempting people to take that particular circulation.—That would be, in fact, offering capital at a cheaper rate? Yes.—If the Bank made those advances in notes, would not the notes very rapidly come back upon the Bank? They would come back rapidly; and that was the reason why I said that circulation could be maintained only through the medium of some fresh industrial establishment in a manufacturing district. If a man by the advance of cheap capital can induce the institution of a new mill, and surround it with new houses and workshops, and the whole apparatus of a new industrial settlement, of course he thereby founds a colony amongst whom his additional notes will circulate. But taking the community as it is, with the same wants, no banker can increase the circulation of the country by putting them out at the market price of money.—The supposition which you make, implies a real creation of wealth, a new manufacture, a new population and new industry; and in that case you are of opinion that there might be a real demand for new advances of capital? There might be a real demand stimulated at first by cheap capital, and subsequently maintained even when that capital had reached its proper level; but the great distinction between such issues before the Act of 1844 was passed and at present is this, that before that Act was passed country bankers were only lending their credit, now they are lending their capital. Therefore, at the present moment, I think there can be not danger of their lending improperly. Изъ Report and Evidence before the com-

mittee on Bank-Acts 1857. Показаніе Hubbard. P. I. №№ 2409—2413.

**Къ стр. 486.** *Высота цѣны ссуднаго капитала не вліяетъ непосредственно на товарныя цѣны.* With regard to the alterations in the rate of discount, do you think that any such alterations can be considered as exercising any influence upon the rates of prices?— The way in which a rise in the rate of interest is supposed to operate upon prices, I believe, is this: people think that the movements of bullion, by making the quantity of currency in the country greater or less, affects the prices of commodities. My own belief is (assuming the sum of the precious metals in the markets of the world to be unchanged) that the movements of bullion and the consequent variations in the rate of interest, have no influence upon prices whatever. I believe that prices depend upon supply and demand, and that unless the value of money is brought into action in the question of cost or of supply and demand, those variations in the rate of interest leave prices totally unaffected. I am aware that an opinion to the contrary effect has been held by some eminent economical writers; but it has been to my mind apparent that they have taken it because they wanted some link in their chain; and that they hit upon that as something that would serve the purpose, but I have never seen it described how it was to operate the cure that they wanted; and to my mind the very contrary result will be that which would take place. If a drain of bullion does take place, and if, according to their theory, the value of all commodities were affected, the result would be, according to their idea, an export of goods in order to restore the amount of ourclaims upon the rest of the commercial world, and to recover our treasure; but if you measure the effect of a fall of prices upon the value of such commodities, you will find that it has the contrary effect, lowering the amount of our claims upon the rest of the world, instead of increasing it. Imagine, for instance, that our exports were 100,000,000 l. annually, and that a fall of prices of 10 percent. took place in consequence of the export of bullion, according to the prices theory, so far from our having a larger claim upon foreigners we should have a less claim, because we should reduce protanto the amount of value of the goods send to them. And supposing that the prices of our exports would be lessened, the effect which took place here (according to that notion of a fall of prices by the export of bullion) is reversed abroad. There they have got our bullion, and therefore their prices would be higher; so that we should have at home to take a diminished price for our own exports, and we should have

to pay an increased price for our imports; so that the theory appears to me really to break down with reference to the effects which are supposed. I believe that the effect of the export of bullion upon the rate of prices has no reference whatever to the prices of commodities. It has an effect, and a very importaut one, upon the price of interest-bearing securities, because, as the rate of interest varies the value of commodities which embodied that interest is necessarily powerfully affected. When the rate of money rises here our interest-bearing securities fall in value, and they then become a marketable commodity, a tempting commodity to capitalists in other parts of the commercial world, who buy them in common with our selves. And again, commercial credits are powerfully operated upon; people who are in close and constant communication with each other, either in America or in various parts of the continent, withdraw, under those circumstances, their investments abroad, either for remittance here or for substitution of drafts upon this country, and by those two means—the altered application of commercial credit and the alteration in the value of our interest-bearing securities—the recovery of our position is effected. But the action upon prices I totally disbelieve; I think it is untenable in theory, and irreconcilable with facts. Fourteen years ago I happened to have occasion to investigate that subject, and, to my surprise (for I confess I held the theory previously), I found that there was not a single fact to be alleged in its favour. A table which I drew up, which I am able, if the Committee wish, to place before them, gives the most circumstantial reputation to that idea. It will be seen by looking at 15 main articles of value in this country that the variations in their prices between 1834 and 1844 not only do not follow the movements of bullion, but that in many instances they are totally at variance with is. I have since compiled a table, taking the same articles for the 10 years between 1845 and 1856, and the result is exactly similar, there is not the slightest affinity to be traced between the movements of bullion and the movements of discount on the one hand, and the prices of commodities on the other. These tables, if the Committee desire, I will hand in. (The same were delivered in). The same tables will show another fact, which is more important, perhaps, still; and that is, the immediale and close affinity between the movements in the amount of bullion, which, in fact, is the representative of our uninvested capital, and the rate of interest, which follow each other as closely as shadow and substance.—Изъ показаній S. G. Hubbard before the committee on Bank-Acts 1857. № 2400.

**Къ § 55.** Приноровленность формъ кредита «Every medium of exchange (вѣрнѣе было бы сказать of circulation), every commercial equivalent, and every mode of payement is strictly subordinate to the great purposes of commerce. Each must be regarded separatelly, in reference to its mode of subserving the cuds of commerce, its special adoptation, and the means of increasing its efficiency. There is no more reason in mangling book-keeping and coinage, than in mixing together ships and wachouses: all this things are mere agencies of commerce. Each has a special purpose to subserve, and its use should be studied with reference to that purpose. Colwell, The means and Ways, p. 167.

Употребленія банковыхъ билетовъ по перечисленію Тука, ed. Asher, I, 625, слѣдующія: 1) полученіе и расходованіе госуд. доходовъ, 2) содѣйствіе оборотамъ недвижимостью, 3) на платежи лицамъ, у которыхъ нѣтъ банкира, 4) платежи лицъ, у которыхъ нѣтъ банкира, 5) внесеніе залоговъ въ присутственныя мѣста, 6) кассовые резервы банкировъ, 7) уплата разностей при очисткѣ долговъ. Но даже всѣ *эти* платежи вовсе не должны необходимо совершаться банковыми билетами, если для нихъ не употребляется звонкая наличность, ib. id. Такъ, обороты по приходамъ и расходамъ казны, равно какъ обороты недвижимостью, уже теперь дѣлаются съ помощью чековъ на А. Б. Что касается 6 и 7 пунктовъ, то въ этихъ случаяхъ банковые билеты часто замѣняются билетами казначейства. Срв. тамъ-же 667, 669 и др. (О томъ, какъ всѣ платежи въ казначейство и изъ казначейства производятся помощью однихъ только чековъ, см. Hankey, The principles of banking. Second edition. London, 1873). О томъ, какъ чеки все сильнѣе и сильнѣе вытѣсняютъ билеты въ крупной торговлѣ, тамъ-же, 623.—Закономѣрность колебаній билетной циркуляціи преимущественно доказалъ Джильбартъ. Уже предъ парламентскою коммиссіею 1841 года онъ сдѣлалъ слѣдующіе выводы изъ своихъ изслѣдованій: The Bank of England is governed by certain laws which do not applies to the country circulation; the country circulation of England is also governed by laws peculiar to itself.... Those respective circulations are all governed by uniform laws, as is shown by their arriving at nearly the same point at the same period of the year; therefore you cannot introduce any system by which all those various circulations, governed by different laws, can be amalgamated into one system: such a system would be at variance with itself etc. Срв. дальнѣйшія монографіи Джильбарта, The Laws of currency въ Journal of the statistical society vol. XVII for 1854, декабрьская тетрадь, p. 289—321 и тамъ же, vol. XIX, p. 144—170. Новѣйшія изслѣдованія о томъ-же пред-

метѣ, W. Stanley Jewons, On the frequent autumnal pressure in the money market въ Journal of the statistical society of London, vol. XXIX (for 1866, June), pp. 235—253; Inglis Palgrave, въ томъ-же Journal за 1873 годъ.—Закономѣрность вексельной циркуляціи изслѣдовалъ сначала Newmarch (его работа перепечатана изъ лондонскаго статистическаго журнала въ Tooke, History of prices, vol. VI, pp. 584—609); продолженіе его изслѣдованій взялъ на себя Inglis Palgrave, Notes on banking. London, 1873, pp. 30—46.—Изслѣдованія о территоріальныхъ теченіяхъ денежныхъ еще очень рѣдки. Срв. Economist отъ 3 августа 1872 года и нашу работу Sur la circulation monetaire en Russie въ Programme de la VIII session du congres international de statistique Petersbourg, 1872. — О сравнительномъ практическомъ значеніи различныхъ видовъ орудій обращенія было показано уже въ 1858 году: I was, with the permission of the Committee, going to show, so far as an analysis which I have made of the operations of our house in the year 1856 enables me to lay it before you, a very strong evidence of the small proportion which the Bank of England notes bear to the general amount of the circulation of the kingdom. We received in the year 1856 certain monies reduced to the total of 1.000,000 l. in the following proportions: in bankers drafts and mercantile bills of exchange, payable after date, 533,596 l.; in cheques on bankers payable on demand 357,715 l; in country bankers notes, 9,627 l.; these three sums amount together to 900,938 l. We received in Bank of England notes, for the same period, 68,554 l.; in gold, 28,089 l.; in silver and copper, 1,486 l.; in postoffice orders 933 l.; these four sums amount together to 99,062 l. being with the previous 900,938 l. formed of bankers' drafts, of cheques, of country bank notes and those other matters the 1.000,000 l. of receipts received by our house. We paid by bills of exchange payable after date 302,674 l.; by cheques upon a London banker, 643,672 l., together 966,346 l.; we paid by Bank of Englaud notes 22,743 l., by gold 9,427 l.; by silver and copper, 1,484 l., being 33,654 l., against 966,346 l. by bills of exchange and cheques, making together the sum of 1.000,000 l. of payments. Изъ показаній Robert Slater before the committee on Bank-Acts. 1858 г. № 2411.—Эти свѣденія дополнилъ въ 1865 году на основаніи своего личнаго банкирскаго опыта sir John Lubbock, On country clearing, въ Journal of the statistical society of London, vol. XXVIII, p. 361 sq. Сэръ Лэббокъ говоритъ, что сумма платежей въ 23 милл. ф. ст. въ его конторѣ была произведена слѣдующими путями. На $16^1/_3$ милл. платежей совсѣмъ не было нужно, потому что долги очищены были взаимностью,—на $5^1/_3$ милл. уплочено было чеками и векселями, не очищенными

взаимностью, — на $1^1/_{10}$ милл. употреблено билетовъ Англійскаго Банка; на 139,000 ф. только употреблено звонкихъ денегъ и на 79,000 ф. употреблено билетовъ провинціальныхъ банковъ. Сэръ Лэббокъ полагаетъ, что изъ каждаго милльона платежей 700,000 погашаются взаимностью. Чтобъ дать также другое представленіе объ употребленіи публикою различныхъ орудій обращенія, сэръ Дж. Лэббокъ приводитъ слѣдующій фактъ. Полученная его конторою сумма въ 19 милл. ф. слагалась изъ $18^1/_3$ милл., которые публика внесла чеками, билетами Англійскаго Банка внесено 408,000, 79,000 ф. внесено другими билетами и 118.000 ф. всего звонкими деньгами.

**Къ стр. 528.** *Въ обыкновенное время банки совсѣмъ и не предпочитаютъ способа оказывать кредитъ путемъ выпуска билетовъ другимъ способамъ.* ‹Therefore, in making an advance to a customer, you would in no way be influenced by any expectation that he would or would not take your notes for any part of your advance? Certainly not. I would illustrate my answer by this case: suppose our limit to be 20,000 l.; and that we have in circulation 15,000 l., so that we have a spare margin of 5,000 l. still to circulate, we should not be induced in the slightest degree to make a loan, because we had that 5,000 l. to spare; it would be no ingredient whatever in our giving credit whether we had 5,000 l. to spare, or whether we had not.—And if you made a loan of 5.000 l. to a man, the chances would be that you would make that advance without the use of notes at all? We should never think of that at all as leading us to make the loan.—In the first place you would place it to his credit in your banks? That would be the operation.—In the next place he would draw cheques upon it? He might, or he might order it the same or the next day to be paid over in London; that would be the ordinary practice.—Supposing he allowed it to remain to his account, which would be the most favourable consideration for the banker, and he drew from time to time cheques upon it in order to pay accounts, those cheques would be sent to you, and if they were in favour of other customers, there would be merely a transfer in your books, without any notes passing at all; you would credit the one and debts the other, would you not? The cheques would probably not be sent to us; the cheques would probably be sent to other bankers.—In case of the cheques being sent to you, the effect would be simfly that you would credit the one customer and debet the other? If the cheque was paid to a customer of ours, and that customer brought the cheque to us, it would go a credit to the customer who received the cheque, and to the debit of the other who gave it.—Supposing that these cheques are paid

to other bankers, if in the same town, are you in the habit of balancing accounts and clearing with each other? Yes. — Therefore this advance which you have made to your own customer would, in the long run, practically be paid at the clearinghouse in Lombard-street? If it were paid in the manner you have suggested, by cheques finding their way to the other banks, the whole of it would be so paid.—Every thing that was not a set—off? Every thing that did not come back to us, which was not paid to the credit of the customers of our own bank». Изъ показаній W. Rodwell before the committee on Bank-Acts 1858. №№ 1412—1418, 1423—1424.—In the case of the country bank-notes being abolished, would not the depositors more generally use small cheques and thus would not a banking expedient be adopted which would obviate the necessity of country bank-notes to some extent?—I think that to a certain extent, that practice would increase, as it has of late years very much increased. — And when you made an advance to a local tradesman, instead of as now giving him your own bank-notes, you would give him a book-credit for a certain amount, against which he might draw? «That is the case now; we never make loans by means of notes».—You authorise a man to draw upon you and give notes for his cheques? «We make him a loan; we take his security, say, for 500 l., and give him credit for that amount; he may draw a cheque for it and take the whole 500 l. from the bank the day after, and we lend it under the expectation, that he will make immediate use of it, whithout our issuing one single note».—But in answer to his cheque you issue notes?—«No; that may not be. The probability is, that he gives a cheque to a man who is not a customer of our bank, which cheque goes in to his banker, and we have to pay by an order upon our London agent. A note does not pass upon the subject. I should say, that we never make that loan in notes».—Do you mean that a considerable proportion of the loan which you make to a man is not taken out by him in notes sooner or later? «We never make a loan upon the expectation that it will be lent out in notes at all».—In point of fact, is not a considerable portion of the loan which you make taken out sooner or later in notes, in answer to cheques drawn by the person to whom the loan is made? «Certainly not». Изъ пок. W. Rodwell, before the committee on Bank-Acts. 1858. №№ 1359—1366.

**Къ § 56.** Обстоятельства, вызывающія передвиженіе металла изъ страны въ страну, могутъ иногда оригинально усложняться. Такъ, объ отливѣ металла изъ страны, вызванномъ заграничнымъ спросомъ на металлы вслѣдствіе паники, Palmer въ особомъ меморандумѣ, который онъ представилъ парламентскому комитету

о кризисѣ 1848 года, говоритъ слѣдующее: «I have alluded in the foregoing evidence to the effect, whether arising from an unfavourable exchange, from commercial causes, or from an internal discredit, occasioning an abstraction of a portion of the circulating medium. In addition to the liability to which the country is subject from either or both those events, it appears to me important to state, for the consideration of the Committee, the effect upon our currency from a discredit existing in foreign countries during such political changes as are now taking place, affecting, to a certain degree, the whole Continent. The effect produced by these events is an immediate forcing demand for bullion, from the general check given to credit circulation abroad; and as England under such circumstances becomes the most prominent place of credit and security, the drain is promoted by presenting the most favourable market for the sale of foreign securities, and for the deposit of colonial and other produce, so long as the foreign discredit continues. In proof of the early character of the demand for specie upon the present occasion, it may be right to mention that is commenced on the 29 th. ultimo by an export of 50,000 l., and has since continued to the extent of about 80,000 l. per week; a further confirmation of the character of such a drain is afforded by reference to what took place upon a change of goverment in France in July 1830 when the bullion in the Bank was about 12.000,000 l.; from that time the foreign demand for bullion continued until the end of March 1832, when a reduction was exhibited of near 7.000,000 l. At that period confidence abroad was restored, the exchanges advanced, the bullion increased, and the position of the Bank was regained without any affection of the credit of thes country from the commencement to the termination of that drain. — Evidences before the secret committee on commercial distress. 1848, pp. 167—168.

**Къ стр. 587—588.** И при чисто металлической циркуляціи возможны тѣ-же колебанія для благосостоянія какъ и при смѣшанной. Весьма интересно въ этомъ отношеніи показаніе знаменитаго историка, сэра Джорджа Грота, данное имъ, въ качествѣ банкира, предъ парламентскою коммиссіею 1832 года. Вопросъ былъ поставленъ такъ: should you not, in the case of there being a purely metallic currency, anticipate very great fluctuations in the price of commodities, in the rate of exchanges, and in the rate of commercial discounts? На это сэръ Джоржъ Гротъ отвѣчалъ: «Yes, great fluctuations. I do not see that a metallie currency furnishes any security against them».

**Къ § 59.** Обезпеченія краткосрочнаго государственнаго долга. Литература уже указана выше. Должно не забывать, что когда наука разсуждала о краткосрочныхъ долгахъ, она главнымъ образомъ имѣла въ виду такіе долги, которые уже перешли всякія границы благоразумія. Что *въ принципѣ* выпуски для правительственныхъ надобностей не должны необходимо отличаться отъ выпусковъ для нуждъ частной предпріимчивости, сознавали уже эксперты предъ парламентскою коммиссіею 1819 года.

**Къ §§ 60—66.** Бумажныя деньги. Основу научной теоріи бумажныхъ денегъ составляютъ: англійская полемическая литература временъ рестрикціоннаго періода, труды парламентскихъ коммиссій 1810 и 1819 годовъ и первые томы сочиненія Тука. Сюда же принадлежатъ: Jacobs, Das russische Papiergeld, 1816; Storch, Cours d'écon. polit. и Nebenius, Der oeffentliche Credit (въ особенности 1-е изданіе съ весьма цѣнными статистическими изслѣдованіями). Современное ученіе о бумажныхъ деньгахъ главнымъ образомъ опирается на труды Адольфа Вагнера. Сверхъ упомянутыхъ его монографій, въ особенности здѣсь важны: монографія Papiergeld въ Bluntschli und Brater's Staatswörterbuch (и другія статьи о кредитѣ въ томъ-же словарѣ и въ словарѣ Ренча), Zur Geschichte und Kritik der oesterreichischen Zettelperiode въ Tubinger Zeitschrift für Staatsw. 1861 и 1863 годовъ, Die oesterreichische Valuta. 1862, Die russische Papierwährung. 1867. Затѣмъ—монографія Helferich, Die oesterreichische Valuta seit 1848 въ Tubinger Zeitschrift за 1856 и 1857 гг. (Обвиненія Вагнера, направленныя противъ Якобса и Гельферихa, будто они не противники девальваціи, оттого что они не знаютъ различія между depreciation и diminution in value и вообще не выяснили себѣ многихъ существенныхъ явленій, сопровождающихъ бумажныя деньги, не выдерживаютъ критики. Совершенно напротивъ: небольшая книга Якобса поражаетъ глубиною свѣдѣній автора и доказываетъ, что уже и въ началѣ нынѣшняго вѣка Россія могла пользоваться свѣдѣніями знатока, на котораго тогдашніе дѣятели смѣло могли положиться. Что-же касается Helferich'a, то его тонкій анализъ инертности товарныхъ цѣнъ убѣждаетъ, что онъ пошелъ гораздо дальше Вагнера и не желалъ успокоиваться на однихъ только эмпирическихъ указаніяхъ). — Срв. еще, сверхъ трудовъ Штейна, труды von Hock'a: Abgaben und Schulden и Die Finanzen Nordamerika's; труды конгресса германскихъ экономистовъ 1864 года и письмо Михаэлиса къ Ф. Г. Тернеру въ Faucher's Vierteljahrschrift.— Совершенно равносильны своимъ заграничнымъ собратамъ по наукѣ представители русскихъ изслѣдованій о бумажныхъ деньгахъ:

Н. Х. Бунге, обогатившій книгу Вагнера своими собственными изслѣдованіями, въ весьма существенныхъ вопросахъ, какъ чисто теоретическихъ, такъ и прикладныхъ, значительно измѣняющихъ воззрѣнія Вагнера и указывающихъ имъ болѣе соотвѣтственныя границы; В. П. Безобразовъ, О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи: изслѣдованіе это появилось въ 1862 году, во время попытки нашей финансовой администраціи возобновить платежи по бумажно-денежному долгу, и содержитъ богатый запасъ важныхъ наблюденій и изслѣдованій автора, какъ о вліяніи бумажныхъ денегъ на экономическія отношенія въ Россіи, такъ и о нормальныхъ условіяхъ кредитнаго обращенія.—Срв. еще Goldman, Das russische Papiergeld. 1866.

Къ сказанному въ текстѣ о выпускахъ бумажныхъ денегъ для покупокъ драгоцѣнныхъ металловъ не безъинтересно будетъ прибавленіе слѣдующихъ словъ Рикардо изъ его показанія предъ парламентскою коммиссіею 1819 года: «Do you believe that the issue of bank notes from the bank, upon the purchase of bullion, may be carried on to a greater extent with more security, and without producing the same effect upon the circulation, as to excess or diminution, than when issued by any other of their ordinary modes?—It appears to me to make no sort of difference, whether the issues be made in the way of discounts, by advances to government, or in the purchase of bullion; it is the numerical amount which will produce the effect. Изъ показаній D. Ricardo before the committee on the expediencies of the Bank resuming Cash Payement. 1819, стр. 139.

**Къ §§ 67—77.** Указать на источники, которыми авторъ пользовался при изложеніи этихъ параграфовъ, значило бы только снова перепечатывать названія книгъ, которыя мы цитировали уже не разъ. За систему изложенія авторъ долженъ, конечно, здѣсь, какъ и во всемъ сочиненіи, принять отвѣтственность на себя.—Авторъ очень хорошо сознаетъ, что его изложеніе не удовлетворитъ того читателя, который желалъ бы имѣть опредѣленные результаты о соотношеніи между рискомъ и непосредственнымъ пользованіемъ ссудными капиталами. Но наше изложеніе дѣла только тогда могло бы быть вполнѣ яснымъ, еслибъ самое дѣло было достаточно выяснено въ дѣйствительной жизни. Но вопросъ о соотношеніи между кредитомъ и рискомъ легче рѣшить въ принципѣ, чѣмъ въ примѣненіи, т. е. въ соотвѣтствіи съ потребностями жизни и ея культурно-экономическими средствами. Современная жизнь еще не выработала тѣхъ средствъ, которыя въ состояніи были означенный вопросъ разрѣшить ясно и опредѣленно.

**Къ § 78.** *Кассовая операція.* По мѣрѣ возможности мы старались здѣсь внести ясность въ вопросъ о соотношеніи между рискомъ и кредитомъ, если не на основаніи совершившихся фактовъ, то на основаніи стремленій къ «новому», уже и теперь выражающихся въ литературѣ. Но эта литература еще весьма необширна. Главные источники ея Economist, city-articles газеты Times и другихъ англійскихъ органовъ текущей печати. Первую попытку ясно и опредѣленно выразить новѣйшія стремленія сдѣлалъ издатель «Economist'a», W. Bagehot, въ сочиненіи Lombard street. London, 1873. Срв. также Inglis Palgrave, Notes on banking, London, 1873 и Hankey, Principles of banking. London, 1873. Послѣдній (бывшій директоръ Англійскаго Банка) особенно интересенъ узкою своею приверженностью къ statu quo. Тѣмъ не менѣе и Hankey не можетъ не признавать, что по части централизаціи частныхъ кассъ Англія зашла слишкомъ далеко. Онъ говоритъ: «The only way to avoid or to diminish the evils of financial panics is by prudence on the part of the trading community in retaining a certain part of their property in ready money, and that this certain part must be proportionably large according to the extent of their operations». Но почему эта prudence нужна только для the trading community и не нужна для банковъ (прежде всего для Bank of England), этого Hankey не объясняетъ. Важно, во всякомъ случаѣ, что даже и противники новѣйшихъ требованій приходятъ только къ инымъ формуламъ, но къ тѣмъ же требованіямъ, къ которымъ приходитъ, напримѣръ, Bagehot. Послѣдній называетъ теперешнюю централизацію банковыхъ кассъ въ Англіи—the artificial system, а децентрализацію кассъ—the natural system. Срв. весьма интересное письмо Hankey въ Times отъ 12 ноября 1872 года и отвѣтъ на него Ernest Seyd тамъ-же, ноября 16. Весьма важна монографія Ernest Seyd, Statistical Critique on the operationy of the Bank Charter Act of 1844 въ Journal of the statistical society of London, vol. XXXV, pp. 458—540. Срв. еще: R. H. Patterson, On the rate of interest during commercial and monetary panics, тотъ-же Journal, vol. XXXIV, pp. 334—356. Защитникъ закона 1844 года, теперешній секретарь Англійскаго Банка, Hammond Chubb, въ томъ-же Journal, vol. XXXV, pp. 171—195. По поводу страха, возбуждаемаго вздорожаніемъ свободнаго капитала и повышеніемъ дисконта, Times въ своемъ city-article отъ 29 сентября 1873 года писалъ слѣдующее подъ вліяніемъ недавнихъ американскихъ событій: «The worst feature of English finance consists in the outcry always made about a trifling movement in the rate of discount. A crisis has occurred in America calling, perhaps, for temporary relief from

Europe to the extent of a couple of millions sterling, and which, being simply an advance upon credit to the highest merchants, is certain to come back within a few months. Of course, this sudden demand raises to some slight extent the value of the commodity wanted.... But it is only in the instance of money that we hear wild suggestions of alarm, although the occurence of an unlooked-for absorption of any other article of commerce would afford much better reason for anxiety.... Although in Europe alone there are probably five or six hundred millions of gold in existence, the London money and stock markets are described as in a state of alarm because America temporarily asks us for the use of two millions! So great, indeed, is the feeling as to the extent of the anxiety which ought to be felt that the Bank of England, with a a strong reserve such as no other bank in the country and perhaps in the world (?) could show, is censured in some quarters for not having prepared for the vague possibility of such a contingency by locking up its resources to a still greater extent many week ago.... After a period of singular quietude, and when the various discount establishments were competing to get employment for their means at 2 3/4 per cent., the news from America caused an advance on the part of the Bank (which at the moment was out of the field, and whose nominal rate might, for all that the public cared about it, have been 10 per cent.) from 3 to 4 per cent., and at once there was universal perturbation and a ruinous fall in the price of every description of security. Now, a rise of 1 per cent. in the rate of discount spread over a period of three months is just equal to an increase of 1/4 per cent. for the year on such accommodation as may be required by our merchants during that period, it is painful to see what occurs here under such circumstances when in other trading centres movements to that extent are regarded with equanimity».

---

Ко всѣмъ предъидущимъ «примѣчаніямъ» авторъ считаетъ нелишнимъ добавить слѣдующее. Если къ какому-либо положенію, развиваемому въ текстѣ, не прибавлено цитатъ, то не должно заключить, будто авторъ это положеніе приписываетъ своей самостоятельности. Особыхъ цитатъ авторъ не дѣлалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда изложеніе касалось предметовъ, наиболѣе и давно уже разработанныхъ, относительно коихъ взгляды наименѣе расходятся.